

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

10
ВЫПУСК

Том I

ТВЕРЬ 2015

Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области
«Тверской государственный объединённый музей»

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

**МАТЕРИАЛЫ
V ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
И 16-го и 17-го ЗАСЕДАНИЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
«ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ДРЕВНОСТИ»**

Том I

ТВЕРЬ 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
Т26

Т26 Тверской археологический сборник. Выпуск 10. Том I: Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И.Н. Черных. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2015 – 568 с.; ил.

ISBN 978-5-94789-678-7

Основу данного сборника составляют материалы V Тверской археологической конференции, проходившей 26–30 марта 2013 года в г. Твери, организованной Тверским государственным объединённым музеем при участии Тверского научно-исследовательского историко-археологического и реставрационного центра, а также 16-го (27–31 марта 2012 г.) и 17-го (25–29 марта 2014 г.) заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности», действующего на базе Тверского государственно-объединённого музея с 1994 года.

В первый том 10-го выпуска Тверского археологического сборника вошли доклады семинара и заключительного заседания и секции «Эпоха первобытности – Раннее Средневековье», работавшей в рамках конференции. Хронологически он охватывает периоды от позднего палеолита до раннего железного века.

Представленные к публикации результаты исследований, доложенные на пленарном и заключительном заседаниях, заседаниях секций «Эпоха первобытности – Раннее Средневековье» и «Ранний железный век – Новейшее время» конференции и, частично, на 16-м, 17-м и других заседаниях семинара, издаются во втором томе выпуска (Тверь, 2015).

В научный оборот вводятся новые материалы полевых и камеральных изысканий, как непосредственно археологических, так и произведённых на стыке с другими науками, а также разработки экспериментально-го и теоретического характера. В статьях отражены современные методы исследований и предлагаются новые методики изучения археологических объектов. Публикуются предметы материальной и духовной культуры разных эпох.

Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер.

В целом сборник имеет непосредственное отношение к изучению древностей Тверской земли и её связей с другими территориями.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым как России и Тверского края, в частности, так и других стран.

Данный том сборника издан за счёт средств, полученных Тверским государственным объединённым музеем от проведения хоздоговорных археологических исследований.

ББК 63.4

Ответственный редактор выпуска **И.Н. Черных**

ISBN 978-5-94789-678-7

© ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей», 2015 г.

© И.Н. Черных – редактор сборника, 2015 г.

© Авторы статей, 2015 г.

© ООО «Издательство «Триада», 2015 г.

Tver State United Museum

**TVER
ARCHAEOLOGICAL
COLLECTION**

**THE MATERIALS
OF THE Vth TVER ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE
AND THE 16th AND THE 17th MEETINGS OF SCIENTIFIC
AND METHODIC SEMINAR
«TVER LAND AND NEIGHBOURING TERRITORIES
IN ANCIENT TIMES»**

Volume I

TVER 2015

Tver Archaeological Collection. Issue 10. Volume I: The Materials of the Vth Tver Archaeological Conference and the 16th and the 17th Meetings of Scientific and Methodic Seminar «Tver Land and Neighbouring Territories in Ancient Times». Edited by I.N. Tchernykh. – Tver: «Triada» Publishers» Ltd, 2015. – 568 p.: ill.

ISBN 978-5-94789-678-7

This collection is based on the materials of the Vth Tver Archaeological Conference held on March, 26–30, 2013 in Tver. The Conference was organized by Tver State United Museum with the participation of Tver Scientific-Research Historical-Archaeological and Restoration Centre. The materials of the 16th (March, 27–31, 2012) and 17th (March, 25–29, 2014) meetings of scientific and methodic seminar «Tver Land and Neighbouring Territories in Ancient Times», which had been held on the base of Tver State United Museum since 1994, are also included into the volume.

The 1st volume of the 10th issue of Tver Archaeological Collection consists of reports read at the seminar, as well as the final meeting and at the section «The Primitive Epoch – the Early Middle Ages» of the Conference. Chronologically the 1st volume encloses periods from the Late Palaeolithic to the Early Iron Age.

The results of studies reported at the common and final meetings, and at the meetings of sections «The Primitive Epoch – the Early Middle Ages» and «The Early Iron Age – The New Times» of the Conference and, partly, at the 16th, 17th and other meetings of the seminar, are to be printed in the 2nd volume of the issue (Tver, 2015).

New data gained from the field and laboratory studies, both purely archaeological and interdisciplinary, as well as experimental and theoretical researches are introduced into scientific circulation. The articles reflect contemporary methods of research and suggest new principles of studying archaeological objects. Artifacts of material and spiritual culture of various epochs are presented.

Several articles put forward various problems and are disputable.

The collection as a whole directly relates to the study of antiquities of the Tver land and its connections with other territories.

The book is intended for archaeologists, historians, museum members, students and all interested in the most ancient past of Russia and the Tver land particularly and other countries.

The present volume of the issue is funded through resources earned by Tver State United Museum at commercial protective archaeological research.

Chief Editor of the Issue **I.N. Tchernykh**

ISBN 978-5-94789-678-7

© Tver State United Museum, 2015
© I.N. Tchernykh, Editor-in-Chief, 2015
© Contributors to the collection, 2015
© «Triada» Publishers» Ltd, 2015

К 60-ЛЕТИЮ ИГОРЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРНЫХ

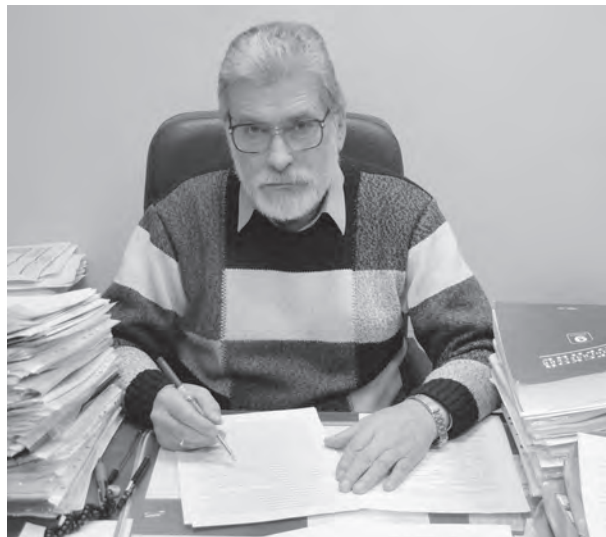
В 2015 г. исполняется 60 лет со дня рождения И.Н. Черных – основателя и руководителя Тверского научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» и Тверских археологических конференций, редактора «Тверского археологического сборника», заместителя генерального директора Тверского государственного объединённого музея по археологии, заслуженного работника культуры Российской Федерации.

И.Н. Черных родился 15 марта 1955 года в г. Мичуринске Тамбовской области в семье военнослужащего и учительницы. В 1972 г., после окончания с золотой медалью средней школы № 37 в г. Калинин, поступил на исторический факультет Калининского (ныне Тверского) государственного университета. В 1974 г. перевёлся с понижением на курс на кафедру археологии Ленинградского государственного университета, который окончил в 1978 г. с рекомендацией в аспирантуру. В университете И.Н. специализировался по неолиту – энеолиту лесной зоны Восточной Европы под руководством Т.Д. Белановской. Темой его дипломной работы стали «Украшения эпохи неолита и раннего металла лесной зоны европейской части СССР».

После окончания университета И.Н. поступает на работу в Калининский государственный историко-архитектурный и литературный музей (ныне – Тверской государственный объединённый музей). В музее он прошёл путь от старшего научного сотрудника отдела истории досоветского общества, затем – заведующего этим отделом и отделом археологии, до заместителя генерального директора по археологии (с 1992 г.). В 1988–1989 гг. И.Н. при поддержке генерального директора музея Ю.М. Бошняка удалось создать первое в истории музея самостоятельное археологическое подразделение (в разное время – отдел археологии с сектором хозяйственных археологических исследований, внештатный отдел археологических исследований, в настоящее время – внебюджетный отдел археологии), развернувшее одним из первых в стране масштабные археологические работы на договорной основе. Музей стал настоящей кузницей археологических кадров. В нём начали или продолжили свою деятельность многие тверские археологи, в настоящее время работающие в Институте археологии РАН, в Главном управлении по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области, возглавляющие или являющиеся ведущими сотрудниками различных тверских археологических организаций. Огромную роль в развитии отдела сыграли приглашённые И.Н. Черных для проведения исследований, в том числе на основании договоров о сотрудничестве, специалисты из академических институтов. Создание самокупаемого археологического подразделения в Тверском музее, начало масштабного изучения средневекового города, становление в целом современной тверской археологии – безусловная заслуга И.Н. Черных.

С 1993 г. по настоящее время И.Н. Черных организует и проводит Тверские археологические конференции (1993, 1999, 2003, 2008, 2013 гг.; совместно с ООО «ТНИИР-Центр») и заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (17 заседаний: 1994–1998, 2000–2002, 2009–2014 гг.). В разные годы в конференциях и в работе семинара приняли непосредственное и опосредованное участие сотни маститых и начинающих археологов и специалистов смежных дисциплин, представляющих академические федеральные и республиканские институты и научные центры, вузы, музеи, государственные органы охраны памятников, специализированные и другие организации и учреждения из более чем 40 городов России – от Архангельска до Астрахани и от Калининграда до Читы, – а также из ближнего и дальнего зарубежья: Беларусь, Украина, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Германия, Финляндия, Великобритания. Тверской музейный семинар несомненно стал явлением в научной жизни не только России, но и других стран.

Материалы семинара и конференций публикуются в «Тверском археологическом сборнике», издаваемом под научной и технической редакцией и тщательной корректуре И.Н. К настоящему времени вышли 10 выпусков сборника в 13 томах. В 2015 г. увидит свет и том II 10-го выпуска. Подготовка и издание сбор-

ника финансируются из средств получаемых музеем (и, частично, ООО «ТНИИР-Центр») от археологических исследований.

Первой экспедицией 16 летнего Игоря Черных была экспедиция Калининского областного краеведческого музея, которой руководил зав. отделом истории досоветского общества музея Ю.Н. Урбан. Ю.Н. Урбан стал первым наставником в археологии, а первый памятник (стоянка Языково I) на всю жизнь определил научные пристрастия И.Н. – неолит – энеолит, к которым позднее добавилась эпоха бронзы. Потом было участие в качестве рабочего, лаборанта, начальника маршрутной группы, руководителя раскопа в археологических разведках и раскопках памятников различных эпох в экспедициях и отрядах Ю.Н. Урбана, И.Г. Портнягина, Д.А. Крайнова, Л.В. Кольцова, К.И. Комарова, Т.Д. Белановской, И.В. Дубова, А.Е. Леонтьева.

В 1979 г. И.Н. начал проводить собственные полевые изыскания. Разносторонняя подготовка позволила ему квалифицированно исследовать памятники различных эпох. С 1979 по 1990 гг. им проведено почти 30 экспедиций, открыто несколько сот объектов археологического наследия, раскопано 10 поселений и могильников, исследования которых имели научный, в т.ч. в музейных целях, и спасательный характер. С 1990 г. И.Н. Черных осуществляет общее руководство всеми археологическими исследованиями, проводимыми музеем.

Материалы из исследований включаются в археологические экспозиции головного музея и филиалов ТГОМ, представлялись на выставках, в докладах на различных научных форумах, в публикациях. И.Н. Черных, в том числе в соавторстве с другими археологами, подготовлено более 50 публикаций: статьи, заметки, буклеты, путеводители – по вопросам археологии, музейного дела, охраны историко-культурного наследия.

Особо следует отметить роль И.Н. Черных в экспозиционной деятельности Тверского государственно-го объединённого музея. Им было подготовлено более 30 стационарных и временных, выставочных, экспозиций. И.Н. Черных – автор и соавтор археологических разделов (всех ныне существующих) экспозиций 12 краеведческих музеев-филиалов ТГОМ: Осташковского (1986, 2009 гг.), Калезинского (1987, 1991 гг.), Зубцовского (1988, 2010 гг.), Ворошиловского (1989, 1995 гг.), Кимрского (1990 г.), Конаковского (1990 г.), Вельяминовского (1992 г.), Краснохолмского (1994, 2011 гг.), Лихославльского (1995 г.), Тверского – головного учреждения ТГОМ (1996 г., территория Тверской области с финального палеолита до позднего Средневековья), Удомельского (2002 г.), Вышневолоцкого (2011 г.), а также Дубнинского (г. Дубна, Московская область) и Селижаровского (п.г.т. Селижарово, Тверская область) муниципальных музеев. Он руководил созданием экспозиций по досоветскому периоду истории Зубцовского и всей экспозиции Конаковского музеев. При подготовке экспозиций новых музеев проводились совместно с Тверским (Калининским) государственным университетом комплексные археолого-историко-этнографо-биологические экспедиции, возглавлявшиеся И.Н. Черных. По полноте и подаче материалов эти экспозиции (а музейная экспозиция является одной из форм раскрытия и введения археологической информации в научный оборот, публикацией) особо интересны и важны для специалистов.

Заслуги И.Н. Черных в музейном деле отмечены государственной наградой – в 1998 г. ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», – Значком Министерства культуры СССР «За отличную работу» (1991 г.), благодарностями, грамотами и почетными грамотами, в т.ч. Губернатора Тверской области.

Помимо служебной деятельности, И.Н. постоянно занимается общественной работой, связанной, прежде всего, с изучением, охраной и сохранением, популяризацией археологического наследия. В разные годы он являлся заместителем председателя Тверского областного краеведческого общества и Тверского городского клуба краеведов, членом Совета общественности при Главе г. Твери, членом Президиума и председателем комиссии по охране культурного и природного наследия Совета общественности при Губернаторе Тверской области, членом Научно-методического Совета и председателем секции «Археология» Совета, членом коллегии Комитета по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области, членом Президиума Совета Тверского регионального отделения ВООПИиК, всегда занимая принципиальную позицию по вопросам сохранения культурного наследия.

Общественная деятельность И.Н. Черных также отмечена наградами: медаль Российского Союза Исторических Городов и Регионов «За вклад в наследие народов России» (2002 г.), памятная медаль Президиума Российской Муниципальной Академии «К 100-летию М.А. Шолохова. За гуманизм и служение России» (2004 г.), звание и знак «Почетный член ВООПИиК» (2005 г.), медаль Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «За заслуги в сохранении наследия Отечества» (2011 г.), благодарности и грамоты.

Кроме того, И.Н. Черных является автором и исполнителем песен, написанных в том числе и на собственные стихи, был лауреатом и дипломантом многих конкурсов самодеятельной песни в гг. Твери (Калинине) и Ленинграде. Его археологические песни и гимны знают и поют многие археологи страны.

У Черных Игоря Николаевича и Татьяны Владимировны (прошедшей путь от научного сотрудника методического отдела до заместителя генерального директора ТГОМ по науке и генерального директора (с 2005 г.) музея) двое прекрасных сыновей, два внука и внучка.

Поздравляя Игоря Николаевича с юбилеем, желаем ему дальнейших творческих успехов на всех направлениях его деятельности.

Коллеги

И.В. Калинина

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ И МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ-СМЕРТИ

Археологи имеют возможность наблюдать по артефактам развитие человеческой культуры на протяжении тысячелетий, но механизмы генезиса и глобальных смен культур остаются непонятными. Неясно, к примеру, констатирует Л.Б. Вишняцкий, какие преимущества давали технологические новации коллективам *Homo sapiens* перед неандертальцами в конкурентной борьбе за выживание. Предполагаемая интенсификация хозяйственной деятельности не объясняет изменение форм орудий и внедрение новых технологий [1, с. 190–199]. Замечу, что из всех археологических гипотез, объясняющих причины «революций» культуры – верхнепалеолитической или неолитической, – ни одна не затрагивает смысловое содержание культуры – семантику человеческой деятельности [2]. Археологи не учитывают взаимосвязь технологических новаций с архаическим мировоззрением. В отличие от исторически очевидного прогрессивного развития технологии прогрессивность мировоззренческих систем человеческой жизнедеятельности остаётся вне научного внимания.

Элементарная орудийная и знаковая деятельность, образное мышление присущи не только человеку, но и животным, и тем не менее человек думает и делает не так, как животные. Первобытную вещь отличает от предметов орудийной деятельности животных то, что она является результатом не только производственной деятельности, – в ней воплощён и духовный опыт человека.

Археологи и этнографы для описания архаического мировоззрения используют понятие «картина мира». Исследователи отмечают, что мировоззренческие универсалии проявляются в *базовых представлениях о строении мироздания* [3, с. 122]: «соответствующие представления воплощаются в таких универсальных знаковых комплексах, как “мировое дерево”, антропоморфные и зооморфные символы вселенной» [4, с. 76–77]. Однако попытки понять смысловое содержание архаических картин мира через способы символизации ожидаемого успеха не имели. Известный исследователь скифского искусства Д.С. Раевский пришёл к выводу, что, прибегая к этому методу познания, мы не получаем новых данных о смысловом поле изучаемой культуры [3, с. 123]. Для археологов недопонимание духовного мира первобытных обществ, казалось бы, обусловлено утратой многих компонентов изучаемых ими культур, но в поле зрения у этнографов – живые традиционные культуры, и тем не менее опытный этнограф также поймал себя однажды на мысли, что будь материалов во сто крат больше, они не прибавили бы ясности. По мнению В.М. Кулемзина, непонимание вызвано отсутствием общей теории [5, с. 104].

На пути к пониманию мировоззрения древнего человека археологам приходится преодолевать сложившиеся в науке стереотипы. Долгое время верхнепалеолитический человек, оставивший шедевры анималистического искусства, виделся прежде всего охотником. Экологический подход, учитывающий сосуществование первобытных человеческих коллективов с сообществами животных, изменил понимание памятников первобытного искусства. Палеолитические пещеры с росписями рассматриваются уже как храмы. По А.В. Головнёву, первобытный художник любовался изображаемыми им животными и видел в них не объекты охоты; в храме-пещере присутствует «жизнь» (только 3 % – раненные животные) [6, с. 60–64]. Вместе с тем исследователи по-прежнему придерживаются точки зрения, что страх мёртвого – «распространенное у всех народов и, насколько можно судить, во все времена чувство» [7, с. 97]. А.В. Головнёв пишет: «многие пещеры представляют собой многослойные медвежьи кладбища... Можно представить, каким испытанием для мустерского человека было преодоление порога медвежьего логова-склепа» [6, с. 53]. Археологические материалы такой интерпретации сопротивляются. Известно, что первобытный человек держал при себе, хранил черепа медведей. Он научился не бояться живого медведя, не боялся он и мёртвого. Также не изначально чувство страха смерти, испытываемое к умершим сородичам. Для палеолита исследователи предполагают наличие ритуального каннибализма. «Нельзя, – согласно М.Б. Медниковой, – доказать исключительно “людоедский” характер разрушений (наблюдаемый на костях – *И.К.*), но так же сложно доказать обратное» [8, с. 438].

Появление обрядов захоронения ненарушенных останков считается новой ступенью «в развитии сознания человека каменного века» [8, с. 440]. Но и для последующих эпох погребение – также далеко не единственный способ обращения с останками умерших, зафиксированный археологами. Спустя тысячелетия у древних земледельцев встречается расчленение трупов, хранение черепов. В Чатал-Гуюке погребения обнаружены в жилых помещениях. Древние письменные свидетельства указывают, что костные останки понимались как “нетленная” часть человеческого тела [7, с. 96]. В росписях домов Чатал-Гуюка рядом со сценами рождения представлены сцены смерти.

При изучении семантики стрелы в обрядах и фольклоре, чтобы понять символику стрелы убивающей, но одновременно и стрелы возрождающей – символа любви, – мне потребовалось разработать типологию архаических образных представлений о смерти и жизни. Глава о смерти, первоначально неосознанно, предшествовала главе о жизни. В ходе работы выяснилось, что архаические воззрения о жизни не только связаны с воззрениями о смерти, но и базируются на них, вторичны по отношению к представлениям о смерти: смерть предшествует жизни.

В развитии архаических представлений о жизни и смерти мною выделены две образные системы [2, с. 33–46]. Содержанием первой является жизнь-смерть тотема. Смерть – это «уход» в звериной ипостаси, рождение – «приход», опять-таки в звериной ипостаси. «Путь» характеризует пространственно-временные представления в первой семантической системе. Бытие осознавалось как «путь», что согласуется с размышлениями А.В. Головнёва в его книге «Антропология движения»: «В древности объектенность была постоянной подвижность... На заре человечества движение было естественным состоянием, и все прозрения совершались на ходу или на бегу» [6, с. 5]. Формирование второй образной системы связано с кардинальными изменениями культуры и переходом к постоянной оседлости. Образное понятие «центра» определяет пространственные представления во второй семантической системе. Смерть-рождение понимается теперь как «поглощение».

Судя по фольклорным данным, счастье человека традиционно понималось как реализация предназначения человека: для мужчины – стать основателем рода, для женщины – стать матерью [9, с. 88]. В традиционных культурах мировоззренческие концепции бытия находят проявление в обрядах, маркирующих циклы жизни. Обряды эти, получившие название «переходных», объединяет коллизия жизнь-смерть. «Мотивы рождения, появления новой жизни – частый элемент погребальной обрядности первобытных и архаических народов» [7, с. 37]. Очевидно, что в архаических образных представлениях жизнь всегда связывалась со смертью.

Встаёт вопрос о первичности образных концепций бытия – «жизни-смерти» – по отношению к архаическим воззрениям на мироустройство – «картинам мира». В структурно-семиотических исследованиях системность полагают имманентным свойством культуры [10, с. 35], а восприятие аморфного, бесструктурного пространства как четырёхчленного по горизонтали и трёхчленного по вертикали возводят к нейрофизиологическим механизмам пространственной ориентации [3, с. 122]. То есть у древнейшего человека на заре его культуры предполагается уже наличие мировоззренческих «картин мира». Между тем, насколько можно судить по письменным данным, представления о мире мёртвых, шумеров «не были... точными и последовательными. В этом они не отличались от других народов древности» [7, с. 101]. Этнографы неоднократно отмечали бессистемность и фрагментарность «картины мира» традиционного мировоззрения [11, с. 186]. Архаические образные представления о жизни и смерти, напротив, при всей их вариативности, характеризуются целостностью и универсальностью, определяют первичные глубинные смыслы архаического мировоззрения.

Мировые религии возвращают верующих к концепции «смерти-жизни». По сути почитание святых – продолжение традиции почитания предков, архаического образного понимания жизни как «пути к предкам», осознания бытия через «жизнь-смерть». «Отличительной чертой сознания средневековых христиан, – отмечает... Динцельбахер, – было восприятие смерти не как конца человеческой жизни, а как очередного жизненного шага. Характерно, что в текстах – до позднего Средневековья – мало упоминаний о смертном часе... Событие это происходило в большинстве случаев в обстановке максимально возможной публичности (подчёркнуто мной – И.К.)» [12, с. 106–107]. Принадлежит концепция «жизни-смерти» архаическому мировоззрению или всё-таки первобытной религии? Это, полагаю, такого же рода вопрос, как постоянно дискутируемый археологами: имеем ли мы дело с первобытным искусством или с первобытной изобразительной деятельностью? Видимо, следует различать, когда внимание исследователя фокусируется на предметности в развитии, а когда – на исторически обусловленных различиях. Д. Мелларт видел в Чатал-Гуюке отражение культа женского божества вслед за теми, кто считал, что «наиболее важным божеством в Эгейском мире была богиня-мать, которая представлялась владыщицею жизни и смерти» [13, с. 136]¹. По мнению Е.В. Антоновой, в Чатал-Гуюке помещения «с особым декором» не служили «святилищами» женского божества: «это были помещения, где члены семей или, скорее, семейных общин отправляли обряды, объектами которых были не богиня и бог, а тот же коллектив в преобразованной мифологическим сознанием форме» [7, с. 202]. Не очень ясно сформулированное положение более отчётливо выражено у В.Р. Кабо: «Че-

¹ Логическое завершение это направление научной мысли получило в работах М. Гимбутас. По её мнению, древнейшие из мировых цивилизаций были «цивилизациями Великой Богини» [14]. В настоящее время реконструкции М. Гимбутас духовного мира ранних земледельцев Европы подвергаются резкой критике [15, с. 25–26].

людей архаического общества смотрит на себя самого как на живое воплощение мифологического предка. Миф, рассказывая о героях мифического времени, говорит и о нем самом. <...> ...мифологическое прошлое является вместе с тем и настоящим и будущим, оно воспроизводится в каждом новом поколении, цикл повторяется снова и снова» [16, с. 259, 264]. Тем не менее В.Р. Кабо полагает, что «в культуре каменного века лежат истоки и понятия священного – того понятия, вокруг которого кристаллизуется религия, без которого ее не существует» [16, с. 257]. Он ставит задачу реконструкции первобытного религиозного сознания в его становлении и развитии [16, с. 254]. Другими словами, с одной стороны, утверждается, что социальная организация первобытного общества «была неразрывным образом связана с религией» [14, с. 8], а с другой – признаётся «малая отделенность сакральной и профанной сфер в первобытной культуре», невыделенность «внебытовых» форм духовной культуры [7, с. 25].

Погребальные обряды, как правило, исследователи связывают с религиозными представлениями, а особенно в поведении во время беременности и родов относят либо к суевериям, либо к женской («интимной») сфере. Именно в этой сфере можно предполагать сохранение наиболее архаичной семантики, но получение такого рода сведений от информаторов чрезвычайно затруднено. Тем не менее исследование образных представлений, поскольку они имеют воплощения в мире вещей традиционной культуры, возможно в исторической семантике, предметом изучения которой являются мировоззренческие смыслы в увязке с практической деятельностью [2, с. 227–266].

В заключение риску высказать гипотезу о зарождении мировоззренческой концепции «жизни-смерти». В последнее время всё более популярными становятся генетические исследования, на основании которых уже 1 миллион лет назад предок неандертальцев и современных людей имел ген, обеспечивающий возможность человеческой речи. Однако уже в 1930-е годы Л.С. Выготский писал: «генетические корни мышления и речи различны» [по: 17, с. 18]. Человеческая речь, по мнению лингвистов, развивалась «в первую очередь как средство общения». «Язык является непосредственной материальной основой мышления только в его словесно-логическом виде» [18, с. 607, 606].

Какой была, как и в каких условиях зарождалась первая мысль?

По Н.Я. Марру, речь «не была с возникновения разговорной, она была вначале производственной» [19, с. 36], первое слово – это имя-знак коллектива (тотем). Первобытный человек изготавливал свои орудия индивидуально, очевидно, что первая мысль зарождалась не в «производстве». Охота была коллективной, но коллективная охота доступна и неразговаривающим животным. Вместе с человеком могли охотиться дикие собаки, подобно австралийским динго. Коллективная охота, включая эффект радости от успешного результата, не стимулировала зарождение человеческой мысли. По мнению С. Бурлак, как и у современных человекообразных обезьян «стандартизованные ситуации, с которыми встречался в повседневной жизни первобытный человек, требовали... малого участия коммуникативной системы». Не было «потребности в коммуникативных актах-сообщениях. Именно в силу этой причины у обезьян не возникает грамматики – при том, что у них, как показывают эксперименты, имеются понятия о предметах, признаках, действиях, последовательностях действий» [20, с. 321, 325].

У животных есть образное мышление, но нет семантических образов. Семантический образ – это обобщение человеческого мышления. Но если мифологическое и свойственное практической деятельности мышление – это один тип мышления, представления о тотеме отражают сосуществование человеческих коллективов с сообществами животных и дети от рождения – рационалисты [2], то почему представления о смерти, тем не менее, фантастичны и иррациональны? Первобытный человек не владел отвлечённым, теоретическим мышлением. Очевидно, что им двигали не любопытство, жажда познания, стремление объяснить непонятные явления, а нечто иное. Коллективные размышления были ему всё-таки жизненно необходимы. Почему?

Смерть всегда волновала человека. Захоронения неандертальцев, наряду с их орудиями, археологи рассматривают как несомненные артефакты человеческой культуры. Животным доступны переживания смерти, верность умирающему и даже мёртвому члену стаи. Известны случаи смерти собаки на могиле хозяина или когда обезьяна не расставалась с мёртвым детёнышем вплоть до его разложения. Эмоции, образная память определяют «верность» животных не только особям своего вида, но и человеку. Но есть то, что отличает животное от человека. Собаки не придут утешать другую собаку, переживающую смерть своего хозяина. Нет у зверей и знакового, символического способа выражения сочувствия. То есть коллективное ритуальное, символическое переживание смерти – это сугубо человеческая сфера поведения, не зафиксированная этологами у животных. В.Я. Пропп заметил: «Сказка вообще не знает сострадания. Если герой отпускает животное, то он делает это не из сострадания, а на некоторых договорных началах» [21, с. 154]. По известному высказыванию Вольтера, «Дитя, оказавшееся в одиночестве и перенесенное в пустынную местность, будет обладать не большими представлениями о смерти, чем кошка или растение» [8, с. 437].

На протяжении всей истории человечества погребальный обряд с определёнными ритуальными действиями, включая поминки, был и остаётся наиболее стойким элементом культуры. Именно похороны до сих пор собирают знакомых и родственников, годами не поддерживающих общение. Первая коллективная, совместно переживаемая мысль, можно предположить, – это мысль о смерти. У человека «склонность усматривать в наблюдаемых фактах структуру (с тем, чтобы на этом основании попытаться спрогнозировать дальнейшее развитие событий) усиливается, как показали недавние исследования, в ситуации стресса» [20, с. 353]. Древнейшим представлениям о смерти соответствовало знаковое, символическое поведение, сплачивающее коллектив. Обмен информацией, объединяя коллектив, обретает жизненный смысл. В конкурентной борьбе у этого коллектива было больше шансов на выживание.

Образные концепции «жизни-смерти», иначе концепции бытия, вне зависимости от религиозной или нерелигиозной их интерпретации, с древнейших времён определяли смыслы жизнедеятельности, духовность архаических и традиционных культур, глубинные смыслы их мировоззрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008.
2. Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб., 2009.
3. Раевский Д.С. Некоторые замечания об интерпретации древних изобразительных памятников // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Т. I. Кемерово, 1999.
4. Байбури А.К. Миф // Свод этнографических понятий и терминов: народные знания, фольклор, народное искусство. Вып. 4. М., 1991.
5. Мифология хантов / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов, Т.А. Молданова. Томск, 2000.
6. Головин А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
7. Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
8. Медникова М.Б. Обращение с останками умерших в верхнем палеолите // Homo sungirensis // Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.
9. Костырко В.С. Конь и бык в героическом эпосе и обрядах жизненного цикла якутов // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. М., 2008.
10. Байбури А.К. Изучение системности культуры (к постановке вопроса) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 26–29 сентября 1977 г. Л., 1977.
11. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение народов Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
12. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
13. Лихтенберг Р. Доисторическая Греция (Эгейская культура). СПб., 1913.
14. Гимбутас М. Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы. М., 2006.
15. Палагута И.В. Искусство древней Европы: эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н.э.): учебное пособие. СПб., 2007.
16. Кабо В.Р. Дорога в Австралию: воспоминания. М., 2008.
17. Налимов В.В. Непрерывность против дискретности. Тбилиси, 1978.
18. Мельничук А.С. Язык и мышление // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
19. Марр Н.Я. К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем // Известия ГАИМК. Т. VII. Вып. 7/8. Л., 1931.
20. Бурлак С. Происхождения языка: Факты, исследования, гипотезы. М., 2011.
21. Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л., 1986.

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург*

I.V. Kalinina

INTERPRETATION OF ARCHAEOLOGICAL ARTIFACTS AND COGNITIVE CONCEPT OF LIFE-DEATH

Summary

Elementary instrumental and semiological activity, as well as figurative thinking are inherent not only to man, but to animals, too; and nevertheless, human being's thinking and acting differ from those of animals. A man-made primeval thing differs from the objects of animals' instrumental activity, because it's the result not only of technology, but it also represents the spiritual experience of the humans. Of all archaeological hypotheses that explain the reasons of «revolutions» of culture, both Upper Palaeolithic and Neolithic, neither mentions the meaningful content of culture – the semantics of human activity, while the correlation of technological innovations with archaic world outlook is not even taken into consideration.

The researchers admit that the basic categories of the world outlook are made of the ideas pertaining to the structure of the Universe – the picture of the world which is rooted in the norms of spatial orientation characteristic to humans. Views on death-life – the concepts of being – are considered in the context of primitive religions, but not of world outlook.

In development of archaic ideas of death and life I found two semantic systems. The figurative representations corresponded to the semiotic and symbolical behavior. The variability of the most ancient ideas of life and death abate their integrity and universality.

Figurative concepts of existence determined deeper semantic layers of the archaic world outlook – from this position we consider the hypothesis about the origin of ideas about death as the first thought uniting a primitive group of people in competitive fight for survival.

*The State Hermitage,
34, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 190000,
Russia*

E-mail: irkalinina@yandex.ru

Г.В. Сеницына

О ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ НА ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ (дискуссионные вопросы)

В 2000 г. по материалам стоянок Подол III [1], Троицкое 3 [2], Усть-Тудовка I [3; 4], Тёплый ручей 2 [5; 6] для финального палеолита Волговерховья была выделена подольская археологическая культура технокомплекса бромме-лингби. Её выделение как отдельной культурной традиции вызвало дискуссию по ряду вопросов, рассмотрению которых посвящена настоящая работа¹.

Основой её выделения явились материалы стоянки-мастерской Подол III, локализованной на узкой наклонной площадке северного берега озера Волго и двух бортах древнего овражка на прилегающем участке коренного склона, сложенного известняками карбонового возраста. Памятник был исследован двумя раскопами, расположенными на расстоянии 50 метров друг от друга: на правом (Подол III/1) и на левом (Подол III/2) его берегах. Для настоящего рассмотрения важно подчеркнуть, что его принципиальное значение состоит в том, что он является редким для этого времени многослойным памятником. Его стратиграфия, данные естественно-научных дисциплин, коллекция с него опубликованы [7–11].

В основании разреза раскопа 1 (Подол III/1) вскрыта толща отложений озёрного прибрежного вала, представленная жёлто-серыми разнозернистыми песками с отчётливо выраженной косо́й слоистостью, имеющая падение 8–10° в сторону озёрной впадины (слой I). Пески имеют видимую мощность до 0,3 м. Эти отложения фиксируют высокий уровень озёрного водоёма. Перекрыты они погребённой почвой (слой II), которая представлена бурым ожелезненным песком и является, по существу, горизонтом вмывания. Нижний её контакт – типично почвенный, с мелкими клиновидными структурами. В верхней части отмечена концентрация известняковой щебёнки. При этом важно отметить несколько моментов. Первый из них – наличие стратиграфического перерыва между отложениями прибрежного вала и данной почвой. Второй – связан с наличием щебёнки известняка в погребённой почве. Раскоп расположен на слабонаклонной поверхности. По мнению Ю.А. Лаврушина, в генетическом плане эта поверхность представляет собой небольшой пролювиальный конус выноса из существовавшего ранее оврага, по которому периодически проходили селевые потоки. Эти селевые выносы способствовали попаданию в почвенный горизонт известняковой щебёнки, подтверждением чему являются скопления глыб известняка на участках, примыкающих непосредственно к раскопу со стороны коренного берега. В генетическом плане данные скопления глыб также принадлежат к отложениям селевого потока на месте его причленения к прибрежному валу. Необходимо отметить ещё один важный момент: формирование почвы происходило при существенно более низком стоянии уровня воды в озёрном водоёме. Выше, на погребённой почве, с резким контактом лежит толща слабогумусированных песков мощностью до 0,4 м (слой III). В песке встречаются мелкая галька, гравий и мелкая щебёнка известняка. Этот горизонт генетически можно отнести к отложениям второго прибрежного вала, фиксировавшего следующее повышение уровня озёрного водоёма. Наличие в песках обломочного материала связано, скорее всего, с волновой деятельностью и перемывом примыкавших к валу пролювиальных отложений.

В основании толщи песков найден финальнопалеолитический инвентарь, который по своим технико-типологическим характеристикам относится к технокомплексу бромме-лингби. Таким образом, в стратиграфическом плане артефакты финального палеолита оказываются приуроченными к основанию отложений прибрежного вала и, вероятнее всего, первоначально находились на поверхности отмеченной выше погребённой почвы (слой II). Не исключено, что гумусовый горизонт почвы был смыт селевым потоком. Культурный слой финального палеолита на правом берегу овражка сохранил выраженную планиграфическую структуру в виде ряда бытовых объектов: жилища с углублённым основанием овально-вытянутой формы с коридорообразным входом и очагом в центре, по углю из которого получена дата 9180±75 л.н. (JIE-5029), (Cal: 10373±95 BP по шкале CalPal /10468–10277 calBP/8423±95 calBC), хозяйственных ям, «рабочей площадки», из заполнения ямки рядом с которой по углю получена дата 8630±294 л.н. (JIE-3770) (Cal: 9701±378 BP

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 14-06-00295.

по шкале CalPal /10079–9322 calBP/7751±378 calBC), скопления мелких кальцинированных костей. Хронологическая позиция каждого из объектов по отношению друг к другу составляет отдельную проблему, несмотря на то, что уровень их залегания имеет одинаковые нивелировочные отметки и связанный с ними кремнёвый инвентарь основан на однородной моносырьевой базе и типологически однороден. Разное значение двух дат трудно объяснимо; открытым остаётся вопрос о количестве этапов заселения этого участка памятника.

На раскопанном участке стоянки Подол III/2 аллерёдская почва не сохранилась. Культурные остатки, типологически сопоставимые с находками из аллерёдских отложений участка стоянки Подол III/1, были представлены тут тремя скоплениями. Относительный возраст здесь удалось определить только по данным спорово-пыльцевого анализа [12] отложений в конусе выноса селевого потока как дриас III. Сырьём для изготовления орудий на левобережном участке памятника служила та же самая местная порода в виде желвачных плиток крупного размера светло-серого кремня. Важно отметить, что из него были изготовлены все орудия этого комплекса, включая наконечники стрел. Технология расщепления твёрдым отбойником характерна также для обоих участков памятника. Основной тип заготовки – пластины, полученные в технике твёрдого отбойника, длиной 6–8 см, шириной 2–2,5 см и толщиной до 1 см. В отложениях дриаса III (яма конуса выноса селевого потока) состав сырьевой базы меняется. Кремнёвое сырьё становится разнообразным, пластины имеют более мелкие размеры: длину около 5 см, ширину 1,5–2 см, толщину в пределах 0,5–0,7 см. Первые сколы – треугольного сечения, более массивны, их толщина составляет 1–1,5 см. Одной из характерных черт заготовки этого периода является наличие асимметрии в сечении. Использование каменного отбойника определяется характерными признаками: наличием ударного бугорка с микроотщепком, размерной ударной площадкой, глубокими негативами на остаточных нуклеусах. Мягкий отбойник также использовался, более того, в заполнении конуса выноса селевого потока были найдены микропластинки розового патинированного кремня, полученные в технике отжима.

Выделение подольской культуры было основано на общепринятых принципах практической археологии. «Археологическая культура» как гносеологическая категория является инструментом для упорядочения, систематизации материалов. Памятники с устойчивым сочетанием типов инвентаря, объединённые территорией, хронологией, принято называть культурами и давать им название по эталонному, чаще всего самому древнему памятнику из всей группы, учитывая географический принцип. Деление на этапы (дискретные единицы) пространственно-временных событий необходимо как для изучения самих процессов, так и для удобства описания источников. Такой подход применялся для изучения памятников финального палеолита в отечественной и зарубежной археологии в XX веке и применяется в настоящее время для характеристики культурных явлений. Принцип построения региональных хронологических схем основан на корреляции с природно-климатическими периодами по шкале Блитта–Сернандера. Хронологические рамки финального палеолита охватывают период около трёх тысячелетий: от бэллинга до пребореала. В археологической периодизации нижняя граница финального палеолита определяется как смена верхнепалеолитических традиций новыми технологиями в дриасовое время. Началом мезолита принято считать условную границу конец дриаса III – начало пребореала, когда плейстоценовый перигляциальный фаунистический комплекс резко сменяется голоценовой лесной фауной, и, как следствие этого, возникает экономика, связанная с охотой на лесных животных.

Однако такой традиционный подход к анализу материальной культуры вызвал дискуссию из-за специфики «экологической и экономической составляющих» [13, с. 145–146]. Хронологические рамки подольской культуры являются дискуссионными как для верхней, так и для нижней границы [14, с. 103–104]. Трактовка результатов типологического анализа наконечников стрел также оказалась неоднозначной [15].

О типологическом анализе наконечников стрел

В 1993 году, сразу после окончания полевого сезона на стоянке Подол III, результаты работ были доложены на международном симпозиуме «Tanget Points Cultures in Europe» [16] в Люблине (13–16 сентября), посвящённом 25-летию выхода в свет книги В. Тауте [17] «Die Stielspitzen-Gruppen im nordlichen Mitteleuropa...» Значению материалов стоянки Подол III на симпозиуме было уделено большое внимание, несмотря на то, что ещё не было определений возраста – аллерёд – дриас III – данными естественно-научных дисциплин. Первоначально именно наконечники стрел явились одним из главных оснований для культурно-хронологического определения стоянки-мастерской Подол III как технокомплекса бромме-лингби. Согласно точке зрения Е.В. Булочниковой и Г.П. Григорьева [15, с. 69] «Г.В. Сеницына выделила группу наконечников на стоянках Подол III и Троицкое. Значительная часть опубликованных ею изделий имеет ретушь по одному краю, и одной выемки не наблюдается, тогда как у лингби – должны быть две выемки. Это случайные формы. Из них выделяется только один наконечник, вполне типичный, но он являет собой выразительный наконечник аренсбургского типа. Другой наконечник из стоянки Троицкое – достаточно типичный свидерский. На основании этого материала говорить о традиции лингби в России пока нет никаких оснований».

Я благодарю Евгению Вячеславовну и Геннадия Павловича за критические замечания по моей публикации [18], но, к сожалению, я уже не смогу получить ответа авторов, ушедших из жизни. В данном случае считаю возможным кроме описания наконечников представить одномасштабные рисунки в форме сравнения основных типов наконечников стрел с Подола III и со стоянок датской культуры бромме, а также скорректировать прежние представления о сходстве/различии материальной культуры финального палеолита в приледниковой зоне (рис. 1, 2).

Наконечниками собственно культуры бромме принято считать позднепалеолитические формы при наличии признаков по А. Фишеру [21]:

- 1) заготовка наконечника бромме должна быть получена с помощью твёрдого отбойника;
- 2) если не может быть установлено действие твёрдого отбойника, то длина должна быть как минимум 8 см, ширина как минимум 2,2 см, а вес в пределах 6,5 грамма;
- 3) дорсальная ретушь с двух краёв черешка, которая расположена по обеим сторонам от ударного бугорка, и, возможно, частичное ретуширование острия;
- 4) разница протяжённости одного ретушированного края черешка и другого не превышает 1,5;
- 5) длина наконечника не может превышать длину черешка больше чем в 4 раза и не может быть меньше чем в 2 раза.

Типология наконечников стрел стоянки Подол III была проведена на основании учета вышеперечисленных признаков по А. Фишеру, а также разработок Р. Римантене [22].

Все наконечники со стоянки Подол III, с обеих её участков (Подол III/1 и Подол III/2), выполнены на грубых пластинах неправильного огранения, полученных с помощью твёрдого отбойника. Длина наконечников варьирует в пределах 6–8 см. Вторичная обработка мало изменяет длину и ширину заготовки. По параметрическим критериям наконечники подольской культуры ближе всего к наконечникам со стоянок культуры бромме [1, рис. 3]. Как видно по рисунку 1, типологический состав также почти одинаков.

По характеру вторичной обработки, а главное по степени переоформления заготовок выделены 4 типа наконечников стрел со стоянки Подол III, при этом первые 2 типа являются основными.

Тип 1. Наконечники стрел с широким черешком, с асимметрией острия относительно продольной оси орудия. Края заготовки практически не модифицированы. Черешок наконечников этого типа – широкий и толстый, с ударным бугорком (рис. 1: 1–6). Как вариант типа может быть рассмотрен наконечник из заполнения жилища, дистальный конец которого имеет усечение мелкой краевой вентральной ретушью. К этому типу отнесены 7 наконечников. Аналогу этому типу есть практически во всех коллекциях технокомплекса бромме-лингби, включая стоянку Бромме (рис. 1: 7–9).

Тип 2. Наконечники стрел с заострённым или скруглённым черешком. Наконечники второго типа также присутствуют во всех коллекциях технокомплекса бромме-лингби (рис. 1: 16–25). В коллекции с памятника Подол III они представлены двумя целыми формами и фрагментами (рис. 1: 10–14). Один наконечник данного типа оформлен на мелкой пластинке (рис. 1: 13). Мелкие пластинки при расщеплении твёрдым отбойником датский исследователь Б. Мадсен [23, с. 67] связывает с высокой степенью утилизации сырья, аналогичные формы присутствуют в коллекции со стоянки Бромме (рис. 1: 19, 20). Со стоянки Подол III/2 происходит наконечник, черешок которого имеет мелкие выемки (рис. 1: 14). Специфика его заключается в том, что ударный бугорок снят сколами, направленными от ударной площадки. Аналоги наконечникам стрел с черешком, выделенным мелкими выемками, к тому же со сколом, направленным на снятие ударного бугорка, есть в коллекции со стоянки Вонгамоссен (Vångamossen) (рис. 1: 24, 25) в Южной Швеции [19]. К этому же типу относится единственный черешковый наконечник со стоянки-мастерской Троицкое 3 (рис. 1: 15) [2], который авторы резонно сопоставляют с инвентарём стоянки Подол III и материалами культуры лингби. Действительно, наиболее близкие ему аналоги присутствуют в коллекции со стоянки Бромме (рис. 1: 23). Если верить авторам первой публикации [2, рис. 26: 9], ими показана заготовка наконечника стрелы с Троицкого 3 как массивная неправильная пластина, полученная с двуплощадочного нуклеуса (рис. 1: 15). Видимо, это и послужило основанием отнести данный наконечник к свидерским формам [15, с. 69]. Л.Л. Зализняком [24, рис. 35: 1] при перерисовке данного наконечника интерпретация изменена – наконечник показан на пластине, полученной с одноплощадочного нуклеуса, но такая неточность не меняет представления о составе коллекции. Технично-типологический анализ свидетельствует о единстве коллекции и является основанием для отнесения данного памятника к подольской культуре, а что касается двуплощадочных нуклеусов, – они есть в коллекциях со стоянок Бромме и Подол III, а также выразительными формами представлены в материалах со стоянки Тёплый ручей 2. Двуплощадочные нуклеусы, скорее, могут свидетельствовать о специфике подольской культуры.

Тип 3. Наконечник со скошенным пером (рис. 2: 1). Аналогу ему присутствуют в коллекции со стоянки Бромме (рис. 2: 3) и в материалах со стоянки Ullerslev (рис. 2: 2) [25] в Восточной Дании.

Тип 4. Фрагмент асимметричного наконечника с обработанным встречной вертикальной ретушью прямым продольным краем (рис. 2: 4), переоформлен в угловой резец. Аналогу этому фрагменту наконечника известны в материалах со стоянки Нойенхаген (Neinhausen) в Северной Германии (рис. 2: 6). В последнем случае Т. Тербергером [20] было установлено взаимовлияние двух культурных традиций – бромме и федермессер. Вертикальная ретушь по краю является характерной чертой орудий культуры федермессер. Начиная с дриаса III, в материалах с финальнопалеолитических стоянок Русской равнины также выявлены две культурные традиции: подольская технокомплекса бромме и гренская, для которой характерно формирование края орудий вертикальной ретушью. Хронологические рамки гренской культуры уточнены, нижняя её граница древнее подольской, определена как минимум началом аллерёда. В заполнении конуса выноса селёвого потока позднедриасового времени на стоянке Подол III/2 был найден наконечник (рис. 2: 5), одна сторона которого имеет крутую ретушь по краю пластинчатой заготовки, полученной в технике расщепления твёрдым отбойником. Специфика последнего заключается в мелких размерах.

Тип 5. Атипичные черешковые формы (рис. 2: 7, 8) с листовидным пером, которые прежде на основании аналогов (рис. 2: 9) были отнесены к категории заготовок наконечников стрел. В настоящее время считаю

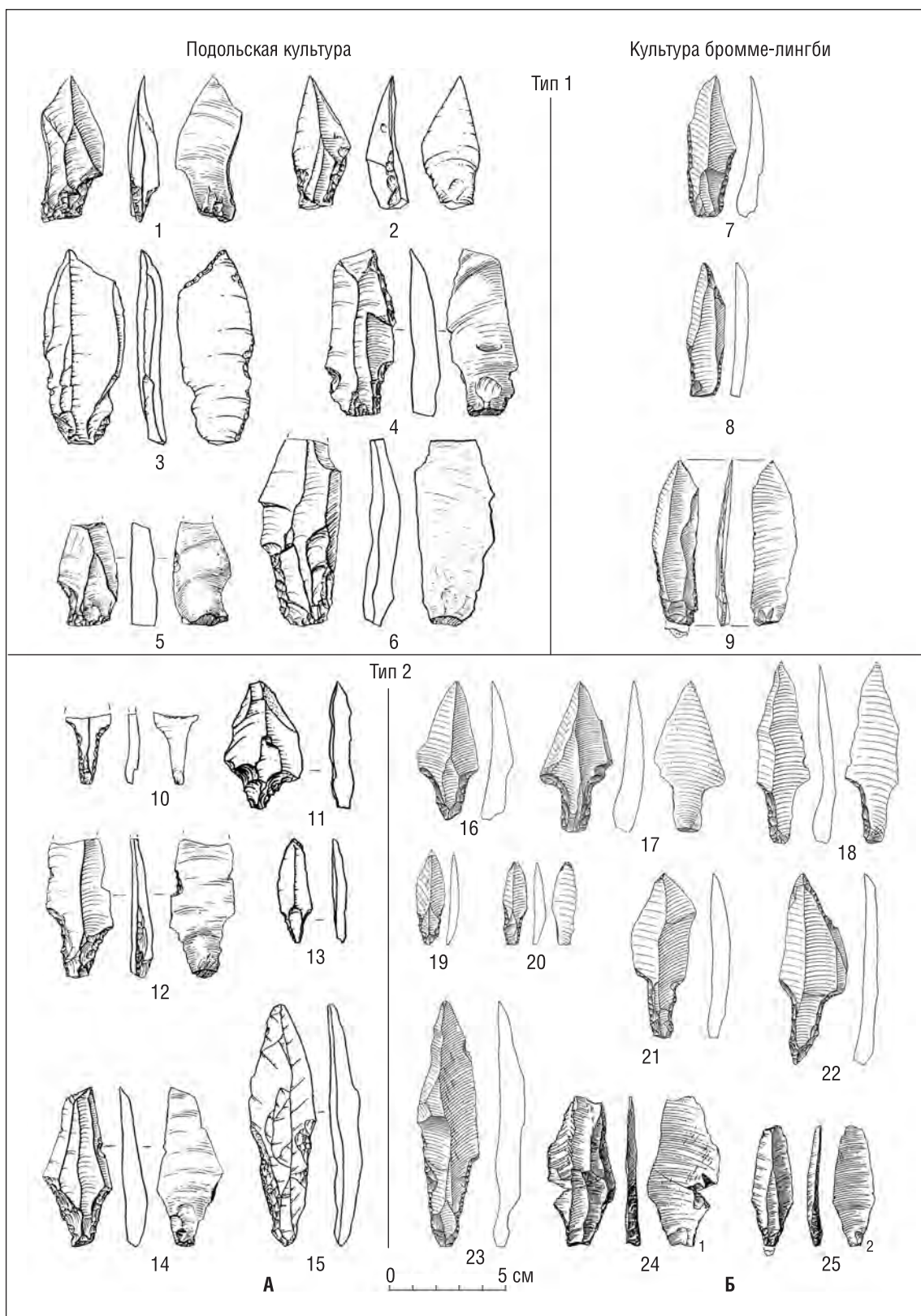

Рис. 1. Наконечники стрел технокомплекса бромме-лингби типов 1, 2:
 А – подольской культуры [9]; Б – культуры бромме [17; 19]

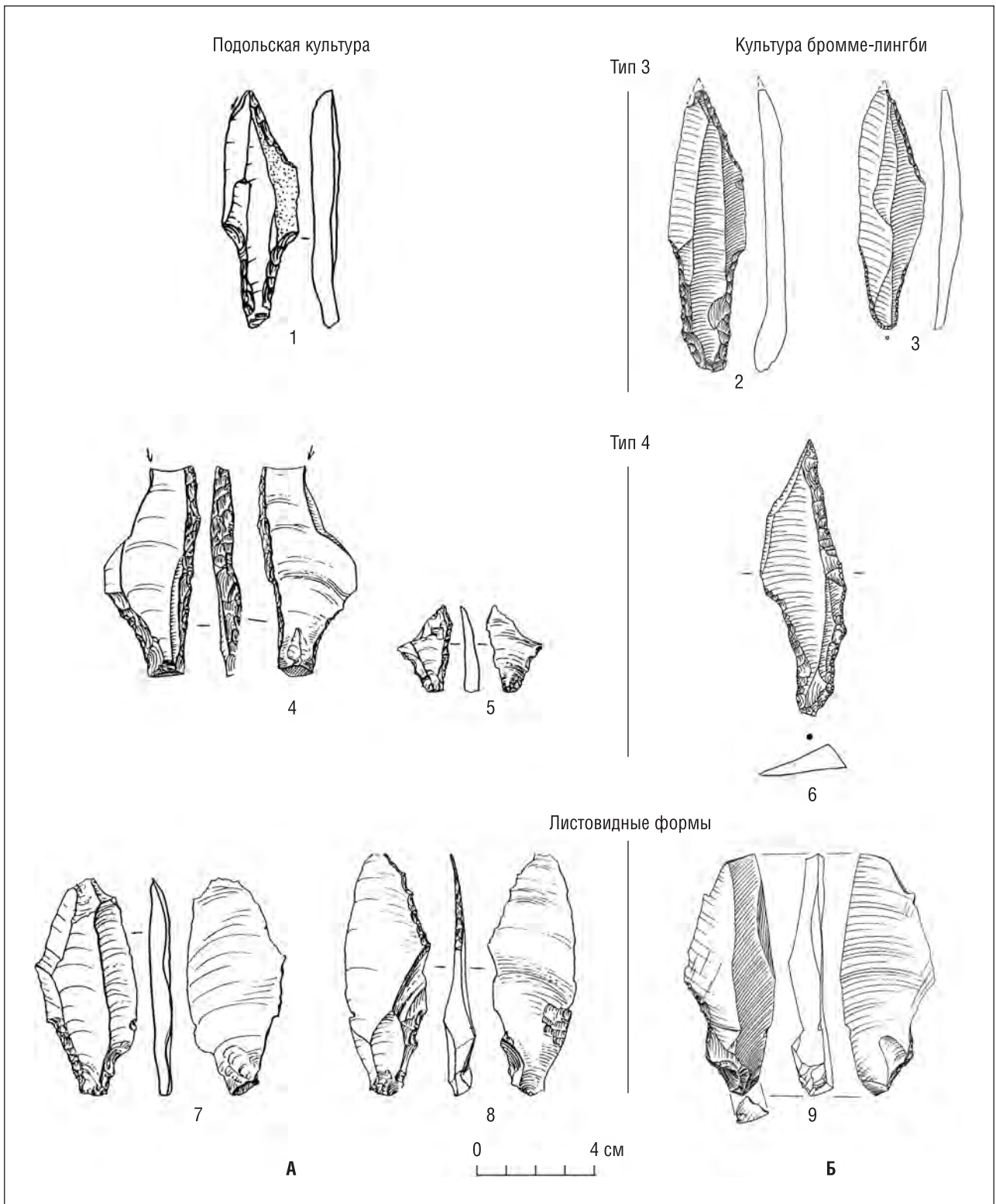

Рис. 2. Наконечники стрел технокомплекса бромме-лингби типов 3, 4 и листовидных форм: А – подольской культуры [9]; Б – культуры бромме [17; 19; 20]

целесообразным исключить их из количественных подсчётов в данной категории орудий, прежде всего потому, что форма их пера резко отличается от таковой у наконечников стрел из коллекции со стоянки Бромме.

Трасологическое исследование Г.Ф. Коробковой материалов стоянки Сегербо культуры бромме в Швеции и инвентаря стоянки Подол III показало сходные виды хозяйственной деятельности. Черешковые формы типологически выраженных орудий: резцов, скребков – присутствуют в материалах стоянки Бромме. Коллекция со стоянки Подол III дополняет технокомплекс бромме категорией ножей, к которой относятся два последних черешковых предмета на пластинах, функция которых как ножей определена Г.Ф. Коробковой.

Как правило, совпадение результатов типологического и трасологического анализов показывает категория скребков, в отличие от других орудий, выделенных типологически. Так, в коллекции со стоянки Подол III/2 типологически выраженные тесло с перехватом [1, рис. 7: 6] и срединный резец [1, рис. 5: 6] имеют сходную функцию – скобели по дереву. Другими словами, ... резали, скоблили, пилили, сверлили везде, но для культурно-хронологического определения, в первую очередь, важно знать каким образом было сделано то или иное орудие, то есть выявить технико-типологические признаки. Характер заготовки имеет существенное значение, что наглядно показывает график распределения по длине и ширине наконечников стрел культур бромме, аренбургской и подольской [1, рис. 3], но только в культуре бромме есть наконечники, выполненные на пластинах размерами: длиной до 15 см, шириной – 5 см и 1,5 см толщиной [17, tafel 92: 3]. На других памятниках технокомплекса бромме, распространённых от Великобритании до Верхней Волги, аналогичные формы пока не выявлены.

Хронология

Дискуссионным является определение как нижней, так и верхней хронологических границ подольской культуры. Нижняя граница установлена по материалам стоянки Подол III/1.

М.Г. Жилин [14, с. 103–104] определяет возраст материалов со стоянки Подол III/1 в широких хронологических рамках, при этом ссылается на данные палеомагнитного анализа: «К аллерёду Г.В. Сеницына относит нижний слой в раскопе 1 стоянки Подол 3 (Сеницына, 1996; 2000; 2005; 2006). Однако приведенные в её публикациях описания и чертежи убедительно говорят о залегании нижнего культурного слоя стоянки Подол 3 не в погребенной почве, сформировавшейся в конце аллерёда, а выше неё. В силу этого трудно согласиться с отнесением находок финальнопалеолитического облика из раскопа 1 к концу аллерёда. Перекрывающий эту почву слой III, к нижней части которого приурочены находки, каких-либо датировок не имеет, а лежащий на нем слой IV относится к бореальному периоду (Сеницына, 1996, с. 20). Таким образом, данные стратиграфии, палинологического и палеомагнитного анализов позволяют датировать находки финальнопалеолитического облика из раскопа 1 стоянки Подол 3 позже конца аллерёда, но раньше бореального периода».

Однако именно данные палеомагнитного анализа, на который ссылается М.Г. Жилин, явились дополнительным основанием для датирования первого этапа заселения стоянки временем аллерёда, поскольку палеомагнитный экскурс гётенбург выявлен по образцам из фрагмента культурного слоя, на что и было указано в публикации [7, с. 46]. В последующие годы возраст отложений был подтверждён данными геохимического анализа – слой II стоянки Подол III/1 датирован аллерёдом, слой III – пребореальным периодом [26]. Сложность в определении хронологии материалов стоянки Подол III, так же как и большинства финальнопалеолитических стоянок, заключается в плохой сохранности культурных слоёв, обусловленной эрозией почв этого периода, характером осадконакопления. Более того, данный участок на берегу озера Волго является местом многократного заселения, но датировать естественно-научными методами весь материал не оказалось возможным. Первый этап заселения приходился на период, возможно, с конца аллерёда – правобережный участок стоянки (Подол III/1), а второй фиксируется на левобережном участке (Подол III/2), где выявлены отложения дриаса III в конусе выноса селевого потока. Этим же периодом (дриас III), но его более поздним этапом датируется стоянка Усть-Тудовка I, расположенная в Ржевском районе Тверской области, на стрелке, образованной левым берегом р. Тудовки и правым берегом р. Волги.

Применение данных палеомагнитного и геохимического анализов важно для корректировки заключений, сделанных на основе сравнительно-типологического анализа материальной культуры, по результатам которого выделены три хронологических этапа в развитии подольской культуры на Русской равнине:

1 – материалы аллерёдского времени – Подол III/1, Подол III/2, Баранова гора, слой аллерёда;

2 – середина дриаса III – Троицкое 3 (?), Подол III/1, Подол III/2 (находки из ямы конуса выноса селевого потока), Тёплый ручей 2;

3 – рубеж плейстоцена – голоцена. Заключительный этап (верхняя граница) представлен материалами стоянки Усть-Тудовка I (раскоп 2), датированной концом дриаса III, то есть рубежом финального палеолита – мезолита.

Для I этапа подольской культуры характерен инвентарь, типологически близкий к культуре бромме, но начиная с её второго этапа единично появляются косослезивые наконечники стрел на отщепках, которые являются культуроопределяющими для мезолитической иеневской культуры. На этом основании стоянку Усть-Тудовка I А.Е. Кравцов [27], М.Г. Жилин [14; 4], Е.В. Леонова [28], А.Н. Сорокин [29; 13] относят к иеневской культуре, значительно расширяя её хронологические рамки. Сложность определения хронологических рамок культур рубежа эпох усугубляется ещё и тем, что некоторые позднепалеолитические культуры продолжали своё развитие в голоцене, давая непосредственное начало ряду мезолитических культур.

При этом, если исходить из принципов корреляции хронологических рамок культур с природно-климатическими периодами по шкале Блитта–Сернандера, рубеж плейстоцена – голоцена является естественной границей между подольской культурой финального палеолита и мезолитической иеневской. Разность подходов определяет и разность выводов. Вопрос о верхней границе подольской культуры находится в плоскости решения определения культурной принадлежности стоянки Усть-Тудовка I. Практической основой разделения культур остаётся палеогеографический критерий. На основании хронологической позиции (дриас III) и сравнительно-типологического анализа инвентаря стоянку Усть-Тудовка I следует отнести к подольской культуре, к заключительному её этапу.

Е.Г. Калечиц [30] представила обзор различных точек зрения на проявление лингбийских традиций и выделение культурных единиц на западе Восточной Европы, при этом ряд исследователей называют типологически близкие к лингбийским формы – лингбийскими [24], другие [22; 31] считают значимым географический принцип. Дело в том, что процессы миграции ещё надо доказать.

Существование самостоятельной культурной единицы, какой является подольская культура, обосновано её ярким, отличным от других индустрий инвентарём; определены хронологические рамки её бытования как финальный палеолит, название дано исходя из общепринятых правил, по наиболее древнему и представительному комплексу со стоянки Подол III, учитывая географический принцип. Как пример можно привести выделение на северо-востоке Польши культуры перстунниан (технокомплекса бромме), которая на следующем этапе в дриасе III трансформируется в волкушанскую культуру, территория которой становится шире, чем в предшествующий период, и уже охватывает юго-восток Балтики, включая Литву и Белоруссию [30; 31]. То же самое можно сказать о других культурах типа хенбаска, фосна, комса в странах Скандинавии, в основе которых лежит распространение аренсбургских традиций. По-видимому, вокруг приледниковой зоны существовали культуры одного технокомплекса бромме, при этом технокомплекс понимается как группа индустрий, не обязательно связанных генетически или близких территориально, но характеризующихся использованием сходных технологий, породивших определённое сходство инвентаря в целом [32, с. 253].

Продолжение дискуссии связано с вопросом **специфики «экологической и экономической составляющих»**. По мнению А.Н. Сорокина, подольская культура и есть культура бромме. «При всех отличиях и специфике конкретных материалов и «западные» и «восточные» стоянки оставлены одним и тем же кочевым лингбийским населением. Культура этих «преследователей оленьих стад» была единой и на Западе, и на Востоке Европы» [13, с. 146].

Сходство инвентаря памятников подольской культуры и всего технокомплекса бромме, его редуцированный, обеднённый характер действительно являются свидетельством мобильности населения, его уменьшения. В бассейне Верхней Волги технокомплексу бромме (подольской культуре) на памятниках предшествовали как минимум два уровня обитания, что зафиксировано по материалам стоянки Баранова гора. Здесь единая линия развития не прослеживается, напротив, выявлена смена верхнепалеолитических традиций новыми технологиями, что является подтверждением миграционного характера формирования культур в Верхневолжском регионе. Другими словами, носители традиции культуры бромме приходили не на пустое место. Слабой стороной в этой аргументации является отсутствие палеофауны на стоянках технокомплекса бромме-лингби восточноевропейской территории, поскольку некоторые исследователи культуру бромме считают культурой лесных охотников и отрицают возможность передвижения её носителей за мигрирующими оленями в приледниковой тундре. В ряде работ [33; 34] аллерёд представляется как лесная экониша, для которой характерно распространение лесных видов животных, что подтверждается находками остатков лесной фауны на стоянках культуры федермессер и частично культуры бромме. В литературе присутствует и другая точка зрения на специфику экониши аллерёда, которая характеризуется как сочетание различных видов популяций тундростепных и лесных ландшафтов. По мнению датских исследователей П. Петерсена и Л. Йохансен [25], экономика культуры бромме базировалась на охоте на северного оленя, несмотря на наличие на стоянках остатков представителей лесной фауны: лося, гигантского оленя, бобра, россомахи, косули. Стоянки культуры бромме в большом количестве располагались вдоль миграционных коридоров северного оленя, у границы леса (наиболее известный миграционный коридор: Сольбьерг – Вестерборг – Кнудхвед). Да и в материалах стоянки Бромме состав палеофауны, в котором присутствуют остатки лося, северного оленя, бобра, россомахи, лебедя, щуки, также отражает специфику экониши переходного периода. При этом предполагается, что миграции населения были сезонными, вслед за оленем: весной двигались в северном направлении, а осенью – в южном. Интенсивность миграций связывается также с периодом отёла животных в открытой тундре. Стоянки концентрировались у переправ, где животные были наиболее лёгкой добычей. Население бромме было адаптировано к изобилию кремня на моренных землях Скандинавии. Скорее всего, специфика экониши аллерёда – дриаса III определила и специфику одновременного сосуществования различных типов адаптации.

В настоящее время решить однозначно вопрос о прямой миграции населения лингби на территорию Верхней Волги и тем самым распространить на одно из культурных образований финального палеолита на ней название бромме-лингби невозможно: достоверных данных нет. Одним из свидетельств прямой миграции могло бы быть приносное сырьё с других, предположительно западных территорий, но такие свидетельства нигде не установлены, напротив, все исследованные памятники привязаны к местным сырьевым источникам [35] и являются стоянками-мастерскими, различия имеются и в инвентаре, и в технологии расщепления.

В 70-х годах XX века была длительная дискуссия о циркумполярной зоне, результатом явился отказ от её существования. Не исключено, что дальнейшие исследования памятников типа подольской культуры смогут дать информацию о её генезисе немиграционного характера, а сходство инвентаря объяснить с точки зрения культурно-хозяйственного типа. Тогда решение вопроса: культура бромме-лингби или технокомплекс бромме-лингби – будет склонено в сторону последнего, но в настоящее время однозначного решения этого вопроса нет, наиболее предпочтительным остаётся географический принцип в вопросе выделения отдельной культурной единицы: подольской культуры как культуры миграционного характера.

Памятники бромме-лингби до последнего времени рассматривались как наиболее древние из финальнопалеолитических комплексов, традиции которых были выявлены в последующих культурах. Генезис верхнеднепровских стоянок-мастерских также связывали с распространением бромме-лингби [36], но оказалось, что возраст раннего этапа гренской культуры более древний по отношению к бромме, что подтверждено материалами многослойной стоянки Вышегора I, расположенной в бассейне Верхнего Днепра в Смоленской области. Здесь выявлена единая линия развития гренской культуры, начиная, как минимум, с дриаса II. Первый этап заселения стоянки (материал слоя 3 на Вышегоре I) лежит под почвой с экскурсом гётенбург и, соответственно, может быть датирован древнее аллерёдского интерстадиала. Единичные геометрические микролиты, присутствующие в инвентаре слоя 3, не противоречат ранней датировке. Более того, им есть аналоги в коллекциях с верхнепалеолитических стоянок: Мезин, Тимоновка I, Юдиново [37]. В более поздний период эти формы получили широкое развитие в гренской культуре финального палеолита. Комплекс инвентаря с гренскими наконечниками был приурочен к слою 4-А и слою 4 (почве с экскурсом). Характеристика инвентаря данного памятника уже получила отражение в литературе [7; 9; 26]. По мнению Ю.А. Лаврушина [10], для района стоянки Вышегора I характерен полигональный микрорельеф, который, в соответствии с классификацией мерзлотоведов, следует рассматривать как реликтовый, что также является подтверждением хронологической позиции стоянки и, в свою очередь, даёт возможность определить нижнюю границу гренской культуры дриасом II. Территория распространения гренской культуры охватывает верхнее течение Днепра и его притоков. На западе влияние прослеживается вплоть до Вислы [38; 39]. Восточная граница гренской культуры может быть определена по бассейну Оки [40] (рис. 3). Типологическая характеристика наконечников стрел гренского типа, их специфика даны в работе В. Обуховского [38]. Заготовкой для наконечника стрелы гренского типа могут быть пластинчатый отщеп, отщеп, реже – пластина. Ось заготовки не совпадает с осью готового изделия. Черешок оформлен одной выемкой, при этом противоположный ей прямой край ретуширован вертикальной, часто встречной, ретушью. Различие между двумя культурными единицами наглядно показано на рисунке 4. С одной стороны – инвентарь стоянки Усть-Тудовка I (рис. 4: А) заключительного этапа подольской культуры, но, по мнению коллег, памятника иеневской культуры, с другой – инвентарь гренской культуры со стоянки Умрышинка 3 (рис. 4: Б), культурная принадлежность которого также рассматривается как иеневская. По наконечникам стрел стоянки Вышегора I может быть предложена их хронологическая последовательность, основанная на их стратиграфической позиции (рис. 5). Если нижняя граница гренской культуры может быть определена как дриас II – аллерёд по шкале Блитта–Сернандера, то её верхняя граница, так же, как и подольской культуры, – рубежом плейстоцена – голоцена. Яркий однородный комплекс инвентаря стоянки Умрышинка 3 (рис. 4: Б), выразительный по типологическому составу таких форм, как наконечники стрел гренского типа, ретушные резцы, не может быть отнесён к мезолитической иеневской культуре. Судя по аналогии с материалами 4-А слоя стоянки Вышегора I, памятник Умрышинка 3 может быть датирован аллерёдом, возможно, началом дриаса III. Определение относительного возраста материала Умрышинки 3 согласуется с мнением коллег, которые на основании сравнительно-типологического анализа относят этот памятник к финальному палеолиту [40, с. 238], но при этом культурная атрибуция рассматривается как иеневская. В итоге иеневская культура, которая всегда характеризовалась как мезолитическая культура лесных охотников, получает качественно другое содержание.

К иеневской культуре относится стоянка Ладыжино 3 [27], датируемая дриасом III, инвентарь которой в предыдущих работах рассматривался мной как Окский вариант подольской культуры вместе с материалами стоянки Ростиславль. Это мнение было основано на характере заготовок – широкие пластины, получаемые в технике твёрдого отбойника. Однако вторичная обработка ладыжинских орудий имеет яркие своеобразные черты и сходна со вторичной обработкой в гренской культуре дриасового периода, к которой относятся аносские стоянки-мастерские в бассейне Верхнего Днепра в Смоленской области. Из окских стоянок типологически близки к подольской культуре только материалы стоянки Ростиславль.

Первые определения естественно-научными методами хронологии стоянок финального палеолита Восточной Европы показывают, что существующие хронологические схемы культур позднеледниковья нуждаются в корректировке. Накопленный археологический материал и немногочисленные естественно-научные данные свидетельствуют о различных влияниях, обусловивших специфику материальной культуры населения этих территорий. В бассейне Верхней Волги на ранних этапах выявлена культурная прерывистость. В аллерёде – раннем дриасе в Волговерховье сформировалась подольская культура традиции бромме-лингби, адаптированная к местным условиям, прошедшая несколько стадий развития в финальном палеолите. В бассейне Верхнего Днепра прослеживается однолинейная эволюция гренской культуры эпиграветтской традиции, начиная как минимум с дриаса II.

Гренская и подольская культуры имеют широкое распространение, своеобразный инвентарь (рис. 4), обусловленный их генезисом. Материалы позднедриасовых стоянок отражают взаимодействие этих обра-

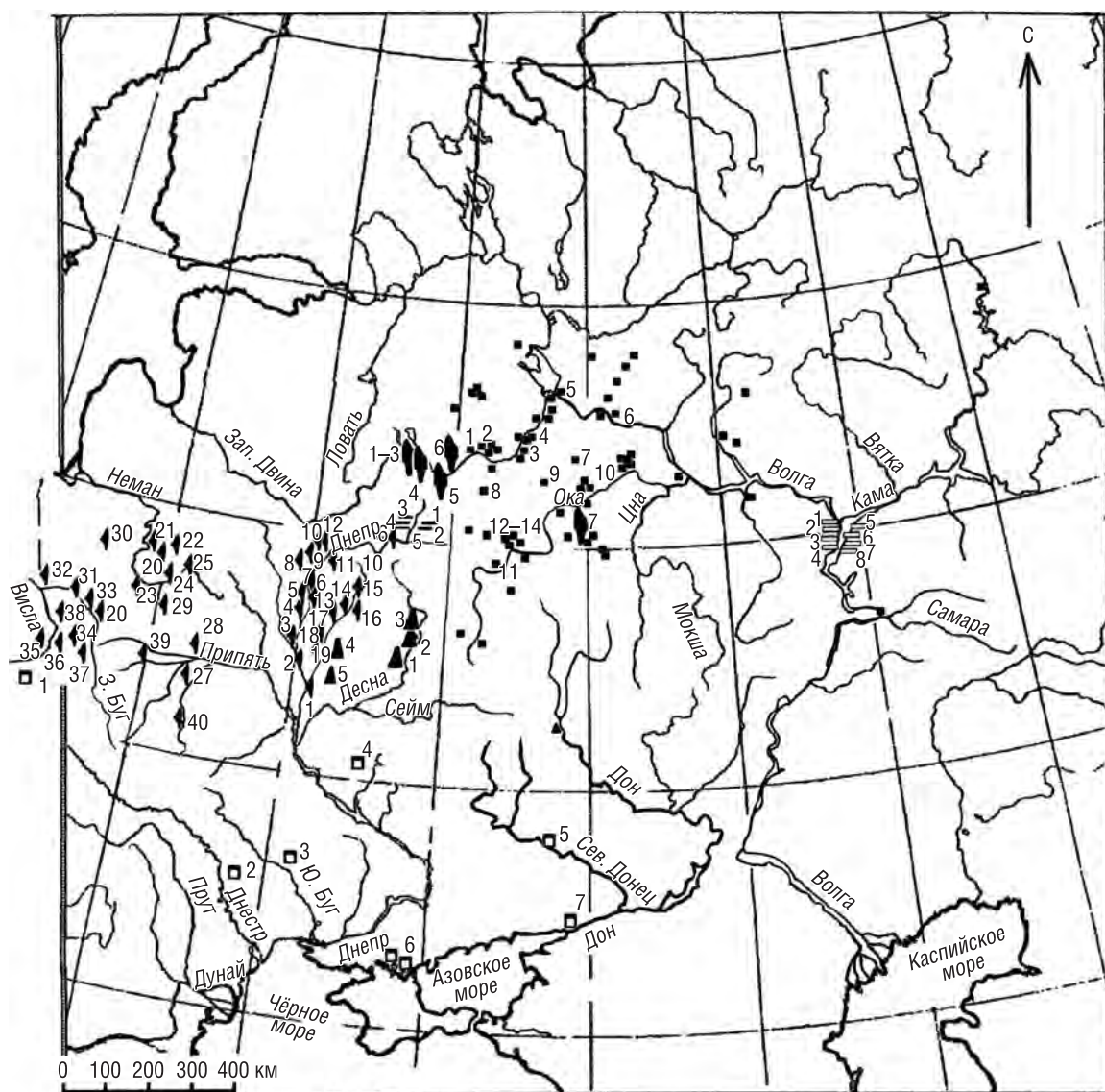

Рис. 3. Карта памятников восточноевропейских культур финального палеолита и мезолита:

- ◆ – стоянки гренской культуры (по [41; 42; 38; 43; 39; 44]): 1 – Рекорд; 2 – Речица; 3 – Шихов; 4 – Веричев; 5 – Чигиринка; 6 – Коромка; 7 – Лудчицы; 8 – Дальнее Лядово; 9 – Боровка; 10 – Могилевская; 11 – Хвойная; 12 – Шклов Заречный; 13 – Гренск; 14 – Литвиновичи; 15 – Поклады 11; 16 – Тронов; 17 – Горки; 18 – Журавель; 19 – Рудня; 20 – оз. Глинас; 21 – Эжаринас; 22 – Мяргжарис; 23 – Ковальцы; 24 – Збляны; 25 – Морино II; 26 – Голачево; 27 – Ласицк III; 28 – Борки; 29 – Красносельский VI; 30 – Жэчки Малэ; 31 – Станьковиче III; 32 – Осъница; 33 – Граннэ; 34 – Зембожицэ; 35 – Рыдно; 36 – Чернеюв; 37 – Бялка; 38 – Грабэ Старэ; 39 – Нобель; 40 – Чудви;
- ▲ – песчаноровские стоянки (по [36; 42]): 1 – Гридасово; 2 – Песочный Ров; 3 – Комягино; 4 – Романовичи; 5 – Калинино;
- – эпиграветтские стоянки (по [36]): 1 – Клементовице; 2 – Ивашково; 3 – Владимировка; 4 – Журавка; 5 – Рогалик VII; 6 – Солёное озеро Ia, VI; 7 – Каменная Балка;
- ▲ – граветтские стоянки: Борщёво 2;
- – стоянки финального палеолита и мезолита в верховьях Днепра: 1, 2 – Аносовская группа; 3 – Льнозавод IV; 4, 5, 6 – группа стоянок в районе д. Вышегора (1, 2, 3);
- – стоянки иеневской культуры (по [4; 27; 28; 45]): 1 – Чёрная Грязь и Дмитровское I; 2 – Иенево 2 и группа Староконстантиновские; 3 – Титово I; 4 – Авсерьгово 2; 5 – Пеньково; 6 – Сельцо; 7 – Становое 4; 8 – Дальний Остров; 9 – группа Беливо; 10 – Исток I, Шильцева Заводь; 11 – группа Ладыжино; 12 – Брагино; 13 – группа Умрышинки 3; 14 – группа Настасьино (всего 127 стоянок);
- – стоянки позднего и финального палеолита в устье Камы (по [46]): 1 – Камское устье 2; 2 – Лобач; 3 – Сюкеевский Взвоз; 4 – Долгая Поляна; 5 – Беганчик; 6 – Семёновская; 7 – Косяковская и Любавская; 8 – Тетюшинская;
- ◆ – стоянки подольской культуры: 1–3 – Баранова гора, Подол III/1, 2; 4 – Тёплый ручей 2; 5 – Усть-Тудовка 1; 6 – Троицкое 3; 7 – Ростиславль

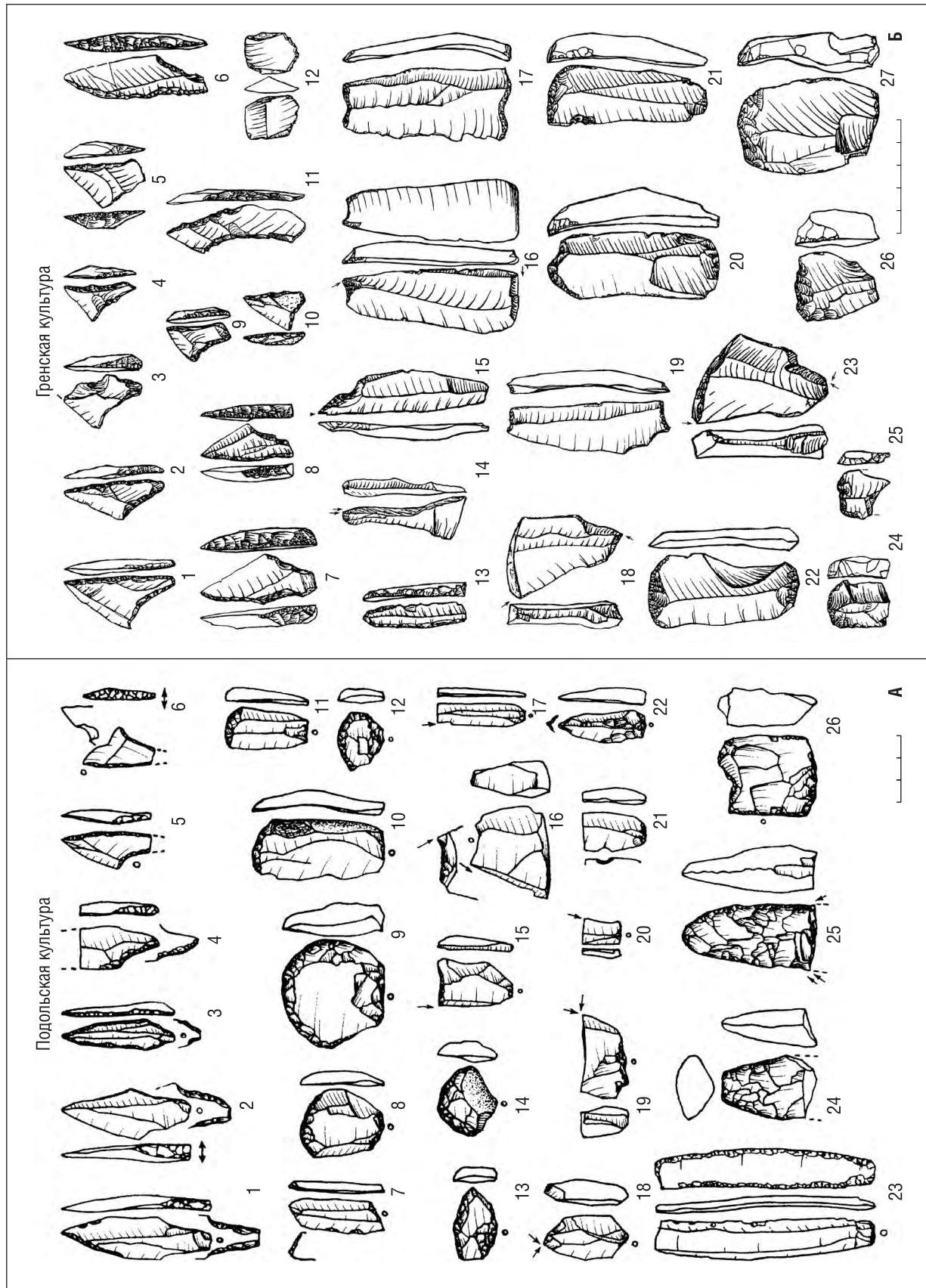

Рис. 4. Стоянки Усть-Тудовка I и Умрышинка 3 (скопление 5).
 Инвентарь: А – Усть-Тудовка I [4, рис. 5]; Б – Умрышинка 3 [29, рис. 62–64]

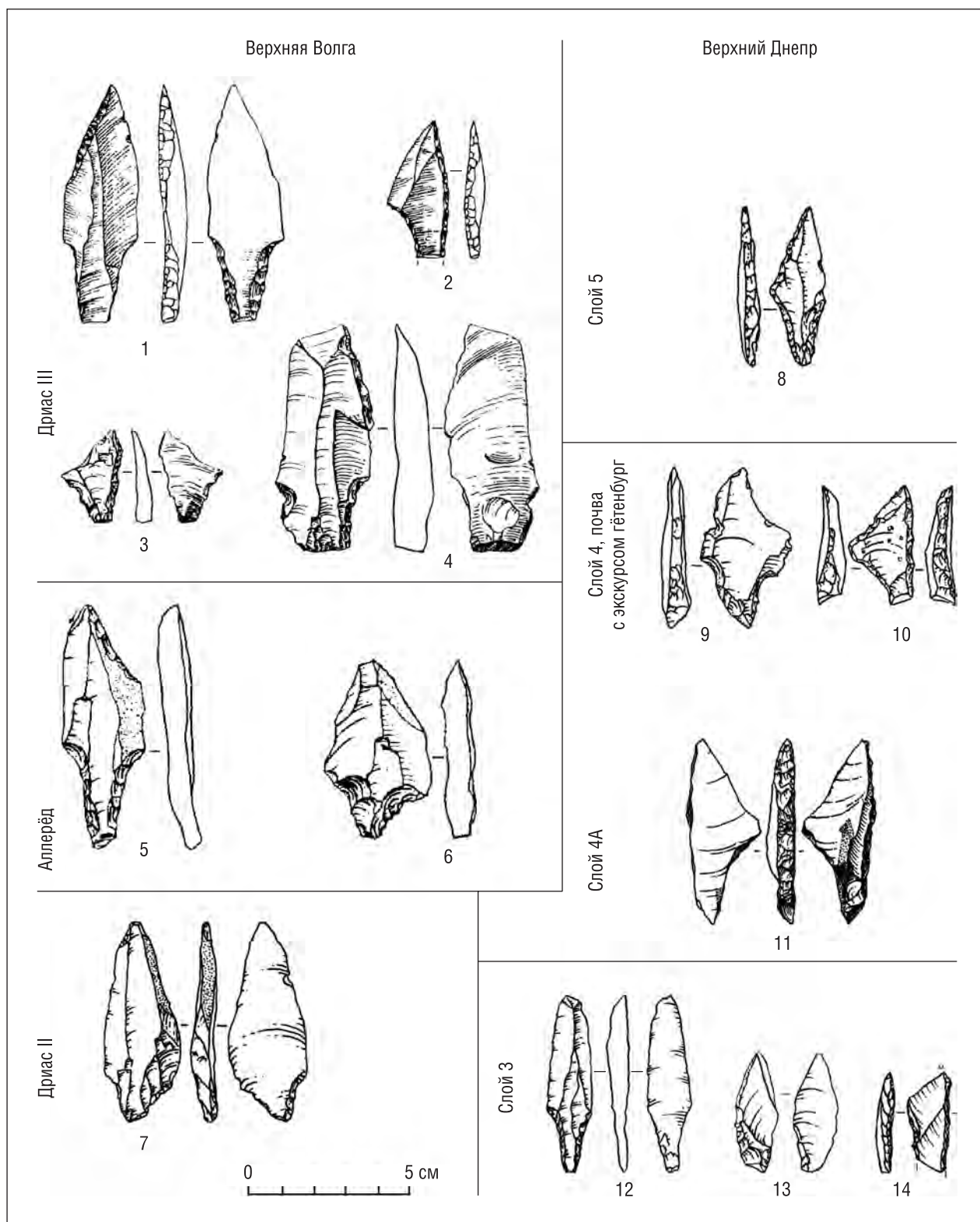

Рис. 5. Хронологическая последовательность наконечников стрел по материалам датированных стоянок на Валдайской возвышенности: 1, 2 – Усть-Тудовка I [4, рис. 5: 1, 4]; 3, 4 – Подол III/2, заполнение ямы дриаса III; 5, 6 – Подол III/1; 7 – Баранова гора, отложения дриаса II; 8–14 – Вышегоро I

зований, которое проявляется в раннемезолитических стоянках иеневской культуры. Поскольку хронология гренокских материалов как позднплейстоценовых уточнена, а иеневская культура всегда соотносилась с культурой лесных охотников раннего голоцена, то целесообразно, несмотря на типологическую близость, все позднплейстоценовые памятники этого типа считать гренокскими, а начиная с раннего голоцена – иеневскими. При таком подходе не будет нарушен принцип построения хронологической периодизации, в соответствии с которым финальному палеолиту отведено 3 тысячелетия дриасового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Синицына Г.В.* Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
2. *Ланцев А.П., Мирецкий А.В.* Стоянка Троицкое 3 – один из древнейших памятников Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
3. *Жилин М.Г., Кравцов А.Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка I // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к “Своду памятников истории и культуры РСФСР”. Вып. 1. Нижний Новгород, 1991.
4. *Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
5. *Кольцов Л.В.* О первоначальном заселении Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
6. *Мирецкий А.В.* Финальнопалеолитическая стоянка Теплый ручей на Верхней Волге // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007.
7. *Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996. (Археологические изыскания. Вып. 39)
8. Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области / *Е.Г. Гуськова, О.М. Распопов, А.Г. Иосифиди, Г.В. Синицына, А.А. Синицын* // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
9. *Синицына Г.В.* Вопросы культурно-исторических процессов на рубеже плейстоцена – голоцена на территории Валдайской возвышенности // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009.
10. *Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А.* Геоархеологические объекты финального палеолита: Баранова гора, Подол III/1, Вышегора I на великом водоразделе Волги и Днепра // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады. Иркутск, 2012. (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1)
11. Проблемы хронологии памятников рубежа плейстоцена – начала голоцена северо-запада Русской равнины» / *Г.В. Синицына, Е.Г. Гуськова, О.М. Распопов, А.Г. Иосифиди, М.А. Кулькова* // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб., 2013.
12. *Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // ТТИМ. Вып. 103. М., 1999.
13. *Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В.* На переломе эпох. М., 2009.
14. *Жилин М.Г., Кольцов Л.В.* Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М., 2008.
15. *Булочникова Е.В., Григорьев Г.П.* О наконечниках палеолитических и мезолитических // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
16. *Sinitsyna, G.V.* Problems of the Valdai Mesolithic // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 13–16, 1999. Lublin, 1999.
17. *Taute, W.* Die Stielspitzen-Gruppen im nordlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Fundamenta, Reihe A, Band 5. Köln, 1968.
18. *Sinitsyna, G.V.* Lyngby Points in Eastern Europe // Archaeologia Baltica 5. Vilnius, 2003.
19. *Larsson, L.* The Colonization of South Sweden During the Deglaciation // The Earliest Settlement of Scandinavia and Its Relationship with Neighbouring Areas (ed. by L. Larsson). Stockholm, 1996. (AAL. Series In 8°. № 24)
20. *Terberger, T.* The Early Settlement of Northeast Germany (Mecklenburg-Vorpommern) // The Earliest Settlement of Scandinavia and Its Relationship with neighbouring Areas (ed. by L. Larsson). Stockholm, 1996. (AAL. Series In 8°. № 24)
21. *Fischer, A.* Late Palaeolithic Finds // Archaeological Formation Processes. The Representativity of Archaeological Remains from Danish Prehistory. København, 1985.
22. *Римантене Р.К.* Типология палеолитических и мезолитических наконечников стрел Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1978.
23. *Madsen, B.* Late Palaeolithic Cultures of South Scandinavia – Tools, Traditions and Technology // The Earliest Settlement of Scandinavia and Its Relationship with Neighbouring Areas (ed. by L. Larsson). Stockholm, 1996. (AAL. Series In 8°. № 24)
24. *Залізник, Л.Л.* Фінальний палеоліт північного заході Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ, 1999.
25. *Petersen, P.V., Johansen, L.* Tracking Late Glacial Reindeer Hunters in Eastern Denmark // The Earliest Settlement of Scandinavia and Its relationship with Neighbouring Areas (ed. by L. Larsson). Stockholm, 1996. (AAL. Series In 8°. № 24)
26. *Синицына Г.В.* О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб., 2013.
27. *Кравцов А.Е.* Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит – мезолит Волго-Окского бассейна) // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009.
28. *Леонова Е.В.* К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М., 2007.
29. *Сорокин А.Н.* Проблемы мезолитоведения. М., 2006.
30. *Калечиц Е.Г.* Проблема первоначального заселения территории Беларуси в свете новых данных (финальный палеолит) // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013.
31. *Szutczak, K.* Epoka kamienia Polski Północno-Wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa, 1995.
32. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / *С.А. Васильев, Г. Бозински, Б.А. Бредли, Л.Б. Вишняцкий, Е.Ю. Гиря, Ю.Н. Грибченко, М.Н. Желтова, А.Н. Тихонов.* СПб., 2007.

33. *Бозинский Г.* Переход от мадлена к азилю как результат изменения окружающей среды (по материалам долины Рейна) // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб., 1997.
34. *Terberger, T., Lubke, H.* Between East and West-Hamburgian in Northeastern Germany? // Studies in the Final Palaeolithic Settlement of the Great European Plain / Ed. by M. Kobusiewicz, J. Kabacinski. Poznań, 2007.
35. *Синицына Г.В.* Сырье как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая // Археологические Вести. № 13. СПб., 2006.
36. *Залізник, Л.Л.* Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України // Кам'яна доба України. Вип. 8. Київ, 2005.
37. *Григорьева Г.В.* Верхнепалеолитические памятники Среднего Поднепровья мадленского вермени // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб., 2013.
38. *Обуховский В.С.* «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы // Романовские чтения-3: сборник трудов Международной научной конференции (Могилев, 23–24 ноября 2006 г.). Могилев, 2007.
39. *Kozłowski, S.K.* Mapping the Central/East European Terminal Palaeolithic/Early Mesolithic // Archaeologia Baltica 7. Klaipeda, 2006.
40. *Трусов А.В.* Палеолит бассейна Оки. М., 2011.
41. *Копытин В.Ф.* Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 13–16, 1999. Lublin, 1999.
42. *Колосов А.В.* Финальный палеолит и мезолит Белорусского Посожья // Русский сборник: труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. И.Г. Петровского. Вып. 4. Брянск, 2008.
43. *Schild, R., Tobolski, K., Kubiak-Martens, L., Pazdur, M.F., Pazdur, A., Vogel, C., Stafford, T.W.J.* Stratigraphy, Palaeoecology and Radiochronology of the Site of Calowanie // Folia Quaternalia 70. Krakow, 1999.
44. *Sulgostowska, Z.* Kontakty społeczności różnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dźwiną i Górnym Dniestrem. Studium dystrybucji wytworów ze skał krzemionkowych. Warszawa, 2005.
45. *Сорокин А.Н.* Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
46. *Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.; Казань, 2001.

**ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН»,
Санкт-Петербург**

G. V. Sinitsyna

**ABOUT A FINAL PALAEOOLITHIC ON VALDAY HILLS
(DEBATABLE QUESTIONS)**

Summary

The paper deals with problems of the methodology for the definition of Final Palaeolithic archaeological cultures at Valdai Upland. The initial colonization of the territory released from the ice sheet is represented by the materials from settlements of Epi-Gravettian cultural tradition. Grensk archaeological culture was formed on this basis on Upper Dnieper territory in the chronological framework of Allerød – Dryas III. Gradual Epi-Gravettian evolution on the Upper Volga area was interrupted by invasion of the population of Akulovo culture in Dryas II, and later, in Allerød – Dryas III, by Podol culture.

Grensk and Podol cultures are characterized by the latitudinal distribution, as well as by genetically peculiar inventory. Materials of the Late Dryas sites reflect the interaction of these bodies which is shown in the Early Mesolithic sites of Yenevo culture. As the chronology of the Grensk materials is specified as the Late Pleistocene, and the Yenevo culture always corresponded to the culture of forest hunters of the early Holocene, it is expedient, despite typological proximity, to consider all monuments of the Late Pleistocene of this type as Grensky, and, starting from the Early Holocene, as belonging to Yenevo culture.

The periodization, as well as the chronology of Yenevo, Swiderian, Zolotoruchenskaya, Resselinskaya cultures existing on Valdai in a Last Glacial Period in parallel with Upper Dnieper and Upper Volga models of cultural evolution, still remain debatable.

*The Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191065,
Russia*

E-mail: gv-sinitsyna@yandex.ru

Л.Л. Косинская

О ХАРАКТЕРЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В НЕОЛИТЕ ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИСТОЧНИКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ (к постановке проблемы)¹

Проблема. Ситуация, сложившаяся в представлениях о неолите Зауралья и Западной Сибири (отсутствие консенсуса в вопросе о культурно-хронологической шкале региона, «размытость» археологических культур, множественность культурных типов керамики), вызывает вопросы и непонимание у специалистов смежных регионов.

Помимо субъективных аспектов этой проблемы, связанных с различием позиций исследователей в методологических подходах к материалу, существуют и объективные факторы, требующие анализа, а именно:

1. Какие объективные характеристики материала «ответственны» за культурную пестроту в неолите региона;

2. Каковы причины такой ситуации и возможные варианты интерпретации.

Предварительно считаю необходимым оговорить свою позицию относительно сущности и содержания понятия археологической культуры (далее – АК). По отношению к неолитической эпохе рассматриваю его не только как инструмент научной гносеологии, но и как явление онтологического характера: результат деятельности относительно дискретных социальных структур, имевших в значительной степени этнографическую/этническую специфику. В особенности это справедливо по отношению к мелким таксонам – культурным типам (группам) памятников, выделяемым на основе анализа материалов жилищных комплексов. Другое дело – сколь корректно осуществляется само выделение АК, в том числе путём включения в её состав тех или иных культурных типов (КТ).

Культурная пестрота. В настоящее время для первой половины неолита лесного Зауралья и Западной Сибири исследователи оперируют следующими понятиями, представляющими различные таксономические уровни группирования материала: амнинский и чэстыйгский КТ памятников в Нижнем Приобье, еттовский КТ памятников на Надым-Пуровском водоразделе (Сибирские Увалы), каюковская и быстринская АК, а также ранняя барсовогорская группа памятников в Среднем (Сургутском) Приобье, сумпаньинская АК и сатыгинский тип керамики в Кондинской низменности и в Северном Зауралье, кокшаровско-юрьинский, романовский и евстюнхский типы керамики козловской АК, а также кошкинская АК в Среднем (горно-лесном) Зауралье и в Тюменском Притоболье, боборыкинский этап боборыкинской АК в Тюменском Притоболье и в Среднем Приишимье.

Что подвигает исследователей на вычленение всё новых культурных типов и вариантов не только керамики, но и памятников, как внутри уже существующих АК, так и вне их? В основе лежит анализ двух групп признаков керамики:

- морфологических: форма сосудов и её детали;
- орнаментальных: состав декоративных мотивов и композиций + техника орнаментации (типы орнаментов и кинематика движения).

Выделение новых таксонов (типов керамики) происходит в случае отсутствия полных или достаточных аналогов комплекса указанных признаков среди ранее выделенных групп материала. Изучение третьего аспекта (технологических особенностей керамики) находится в начальной стадии и пока не выходит на высокий уровень обобщений.

Специфика неолита региона в значительной степени обусловлена разнообразием технических приёмов декорирования глиняной посуды. Эта особенность выросла до понятия орнаментальной культурной традиции благодаря живучести в пространстве (вся территория региона) и времени (имеет продолжение в энеолите и более поздних эпохах) [1; 2]. Сосредоточимся на этом аспекте, оставив в стороне морфологические и технологические характеристики керамики.

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 2014/236, тема 008 «Археологические феномены Урала и Западной Сибири».

В лесной зоне региона ведущую роль в первой половине неолита играли две такие традиции: «прочерченно-накольчатая» и гребенчатая.

«Прочерченно-накольчатый» стиль орнаментации включает узоры, нанесённые однозубым (палочка) или двузубым («раздвоенная палочка») орнаментиром; использовались по меньшей мере три приёма: прочерчивание – протаскивание орнамента без отрыва от поверхности; накальвание – дискретные (с отрывом от поверхности) наколы концом орнамента (сюда не включаются глубокие ямки под венчиком); отступление – протаскивание с периодическим накальванием. Существуют и промежуточные, переходные варианты: прочерчивание с едва заметными поверхностными нажатиями (эту технику иногда именуют линейно-накольчатой), частые, слегка проташенные наколы и т.п. Такие нюансы пока детально не изучались, поэтому не ясно, сколь велика их роль для культурной дифференциации.

Гребенчатый стиль орнаментации включает узоры, выполненные многозубыми орнаментами в технике штампования, шагания. Технологическими исследованиями установлено, что среди гребенчатых орнаментов присутствуют искусственные (гребенчатые и шнуровые штампы) и естественные [3; 4].

Выделенные таксоны неолитической керамики (культурные типы) различаются набором орнаментов и технических приёмов декорирования, причём керамика каждой культурной группы включает именно набор (несколько типов орнаментов и/или кинематических приёмов), проявляя при этом разную степень устойчивости сочетаний и интегрированности разных элементов техники орнаментации. К такому заключению приводит анализ характера сочетаний применительно к разным таксономическим единицам: жилищным комплексам и локальным группам поселений разных АК и КТ. Поскольку анализ проведён преимущественно по данным публикаций, вероятно, он не вполне отражает все особенности материала, но в целом полученный результат представляется достаточно объективным.

Кошкинская керамика Среднего Зауралья (табл. 1, рис. 1). В комплексах жилищ (поселений) наблюдается устойчивое сочетание сосудов, декорированных в технике прочерчивания либо отступления (последняя преобладает). Они редко совмещаются на одном сосуде на лицевой стороне, что позволяет рассматривать их как альтернативные. Но если учитывать узоры изнутри по венчику и стенкам, такое совмещение на некоторых памятниках становится преобладающим. Господствующую роль играет однозубый орнаментир [5; 6]. Двузубый и/или гребенчатый инструмент зафиксирован либо в случаях присутствия в комплексе инокультурной керамики с соответствующей характеристикой (Варга 2 – кокшаровско-юрьинская [7]), либо за пределами основного ареала (Мергенъ 6 – Нижнее Приишимье [8]).

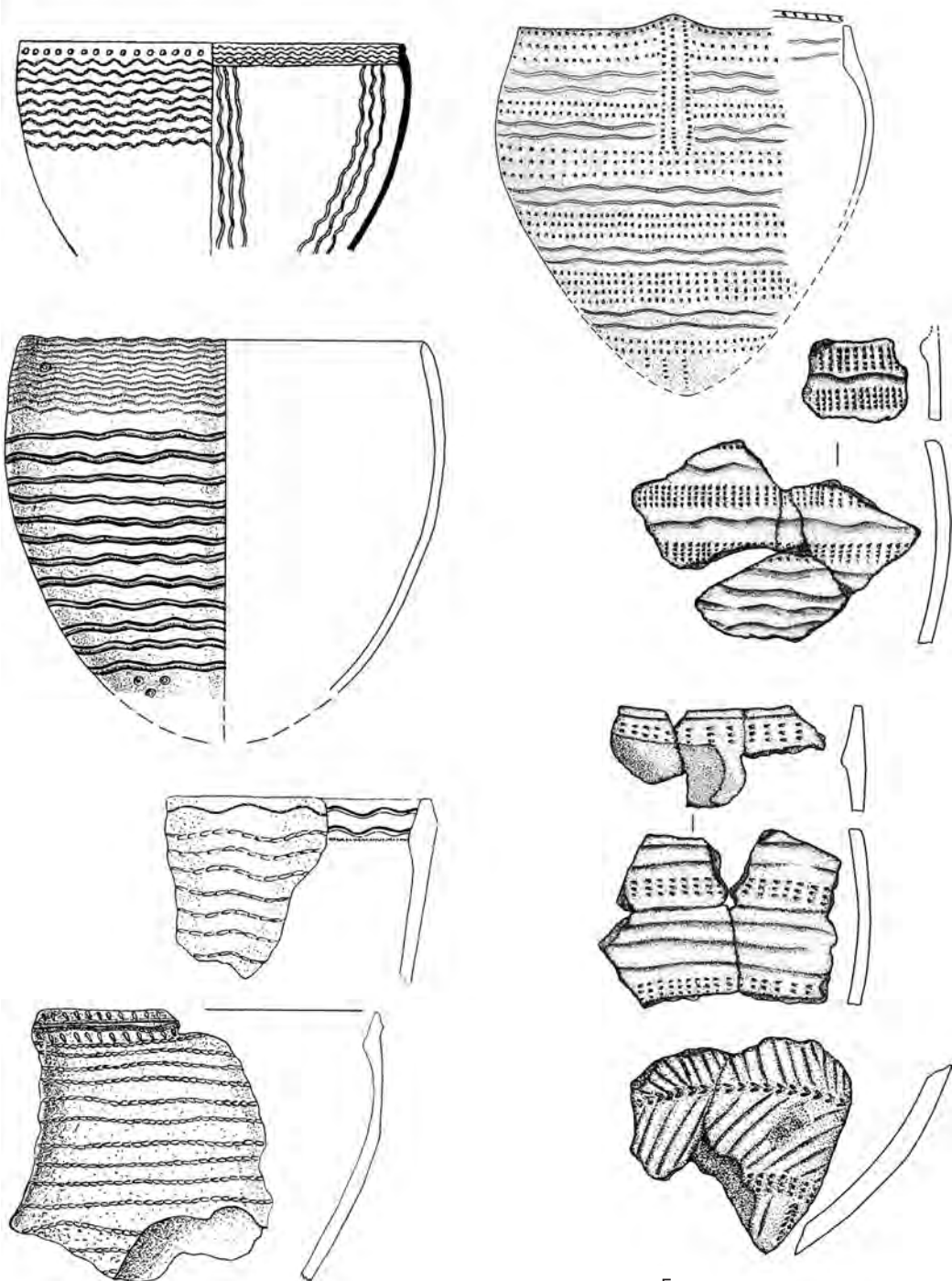
Таблица 1. Техника орнаментации. Кошкинская АК (Среднее Зауралье, Приишимье)

Памятник	Варга 2			Кошкино V	Исток IV	Ташково III	ЮАО XIIIa	ЮАО XV	Мергенъ 6	
	Комплексы	Кострище I	Кострище II	Кострища I, II	Без жилищ	4 жилые камеры	Жилище	Без жилищ	Жилища 1, 2, 4	9 жилищ
Техника										
П; П→О	3	1	4	2	15	5	20	26 %	21 %	
Пз		3	3							
О	2	1		5	20	6	14	50 %	97 %	
Оз			1						26 %	
Н				1	6			18 %	24 %	
Шг					15				3 %	
П+О				1 (придон.)	20	3	26			
П+Н	1		1		4	3	21		есть	
О+Н	1	1		1		3	22		есть	
П+О+Н						2	24			
Пз+Шг	1									
б/орн.						3				
Всего сосудов	8	6	9	10	80	25	127	245 фр.	237	

П – прочерчивание палочкой; Пз – прочерчивание зубчатым орнаментиром; О – отступление палочкой; Оз – отступление зубчатым орнаментиром; Н – накол палочкой; Шг – шагание гребенчатым/гладким штампом; б/орн. – без орнамента; придон. – придонная часть; %: от общего количества сосудов в комплексе, ЮАО XV – от общего количества фрагментов (фр.)

Козловская АК. К настоящему времени в её составе выделяются памятники с керамикой нескольких типов. Внимательный анализ их характеристик позволяет, на мой взгляд, рассматривать их как преимущественно стилистические типы. Кокшаровско-юрьинский [9] и романовский [10] типы характеризуются преобладанием сочетаний отступающего и накольчатого (первый) и прочерченного и накольчатого (второй) орнамента при высокой доле двузубых орнаментов (табл. 2). Альтернативные приёмы (прочерчивание и

Степень интегрированности орнаментальных приёмов:
 регулярное присутствие двух альтернативных приёмов в керамических комплексах;
 композиции с участием двух и более приёмов на одном сосуде

Кошкинская АК

Евстюнихская
 группа козловской АК

Стабильная интегрированность двух и более компонентов

Рис. 1. Керамика кошкинского и евстюнихского типов

отступление соответственно) занимают более скромное место, как и инструмент типа палочки. Встречаются сочетания всех трёх приёмов. Оба типа керамики являются древнейшими на многослойных неолитических памятниках. Евстюнихский тип (табл. 3, рис. 1). Его отличительной особенностью являются прочерченный и накольчатый орнаменты, наносившиеся палочкой, с устойчивым преобладанием первого в композициях. Узоры в технике отступающей палочки редки [11–14].

Таблица 2. *Техника орнаментации. Козловская АК: кокшаровско-юринский и романовский типы (Среднее Зауралье)*

Памятник Комплексы	Кокшаровско-юринский тип				Романовский тип	
	Кокшаровский холм	Варга 2	Варга 2	Евстюниха I	Исетское Правобережное	Жилище 11
Техника		Кострище I	Кострище II		Всего	
О	есть	1		2		
Пз; Пз→Оз	есть				основная	1
Оз	есть	1	1	1	есть	
Нз					есть	1
П+Н	13 %	1				
Пз+Нз					основная	2
П+Пз+Н		1				
О+Н	господствует					
О+Нз		2		1		
Оз+Нз						1
О+Пг	15 %			1		
П+Оз+Нз		1			2	
Пз+Оз+Нз		1				3
Оз+Пг+Н		1				
Всего сосудов	90; 2-зуб. – 65 %	9	1	5	67	8

П – прочерчивание палочкой; **Пз** – прочерчивание зубчатым орнаментом; **О** – отступление палочкой; **Оз** – отступление зубчатым орнаментом; **Н** – накол палочкой; **Нз** – накол зубчатым орнаментом; **Пг** – печатная гребёнка; **Пг** – шагание гребенчатым штампом; 2-зуб. – двузубый; % от общего количества сосудов в комплексе

Таблица 3. *Техника орнаментации. Козловская АК: евстюнихский тип (Среднее Зауралье, Тюменское Притоболье)*

Памятник Комплексы	Евстюниха I	Ташково I	Ташково I	Исетское Правобережное	Уральские Зори II
		Жилище 4	Жилище 6	Жилище 1	Без жилищ
Техника					
П		43 %	21 %		
Н	8	23 %	51 %		
О		есть	есть		
Пз; Пз→Оз				1	
Нз				1	
П+Н	67	33 %	28 %		основная
П+Нз	4				
Пз+Нз				2	
Пз+Н				1	
П+Пг	6				1
П+Пг+Нз	1				
Всего сосудов	86	60	47	5	30

П – прочерчивание палочкой; **Пз** – прочерчивание зубчатым орнаментом; **О** – отступление палочкой; **Оз** – отступление зубчатым орнаментом; **Н** – накол палочкой; **Нз** – накол зубчатым орнаментом; **Пг** – печатная гребёнка; % от общего количества сосудов в комплексе

Сумпаньинская керамика (табл. 4, рис. 2) проявляет устойчивые количественные сочетания сосудов, декорированных либо прочерчиванием палочкой, либо шагающей гребёной, а также сосудов с двойной орнаментацией (оба технических приёма, один поверх другого) и сосудов с двумя техниками, образующими стройные композиции [15; 16].

Таблица 4. Техника орнаментации. Сумпаньинская АК (Кондинская низменность)

Памятник	Сумпанья IV	Сумпанья VI	Леуши VII	Леуши IX	Геологическое VII
Комплексы	Жилище	Жилище	Жилище		Жилище 2
Техника					
П	41 %	48 %	32	22	10
Пз	9,5 %	1 %	8	9	2
О	4 %			1	
Оз	2,5 %				
Н		0,5 %			
Шн			3		
Шг	единично	46 %	3	14	7
Пг			7		
П+Н			1	1	
Пз+Н				2	
П+Нз					1
П+Шг	30 %	4 %	5	5	1
П+О (Шн)	есть				
Шг+П+О		0,5 %			
б/орн.					
Всего сосудов	?	176	59	54	21

П – прочерчивание палочкой; **Пз** – прочерчивание зубчатым орнаментиром; **О** – отступление палочкой; **Оз** – отступление зубчатым орнаментиром; **Н** – накол палочкой; **Нз** – накол зубчатым орнаментиром; **Шг** – шагание гребенчатым штампом; **Пг** – печатная гребёнка; **Шн** – шнур (отступление, шагание); **б/орн.** – без орнамента; % от общего количества сосудов в комплексе

Быстринская керамика (табл. 5, рис. 2) более разнообразна по набору технических приёмов (прочерчивание, отступление, шагание, накол) и орнаментов (однозубые – преобладают, естественные многозубые, гребенчатые и шнуровые штампы); их набор и количественное соотношение в комплексах неустойчиво; встречаются сосуды с сочетанием разных техник и/или орнаментов [17].

Амнинский тип (табл. 6, рис. 3) выглядит двухкомпонентным за счёт двух орнаментальных групп керамики: с прочерченным (редко – отступающим) орнаментом в сочетании с наколами и с печатно-гребенчатой орнаментацией. В жилищах они встречаются порознь или совместно, но с явным преобладанием одной из групп [18; 19].

Итоги анализа. Для каждого из приведённых в пример типов керамики характерны:

1. Более или менее устойчивые сочетания двух-трёх техник орнаментации (набор орнаментов и технология декорирования). Они дополняются особенностями морфологии сосудов и орнаментальных мотивов и композиций, которые здесь не рассматриваются.

2. Ведущие пары альтернативных приёмов образуют прочерчивание и отступление, прочерчивание и гребёнка, печатная либо шагающая.

3. Данная особенность прослеживается начиная с низшего иерархического уровня (жилищных комплексов) и лежит в основе группирования керамики отдельных комплексов.

4. Вариабельность появляется на уровне отдельных поселений и усиливается в локальных группах памятников.

5. В первую очередь, заметна разная степень интегрированности орнаментальных приёмов:

- высокая, когда ведущие технические приёмы (обычно два) регулярно сочетаются на одном сосуде (кошкинская АК, евстюнихский тип) – стабильная интегрированность;

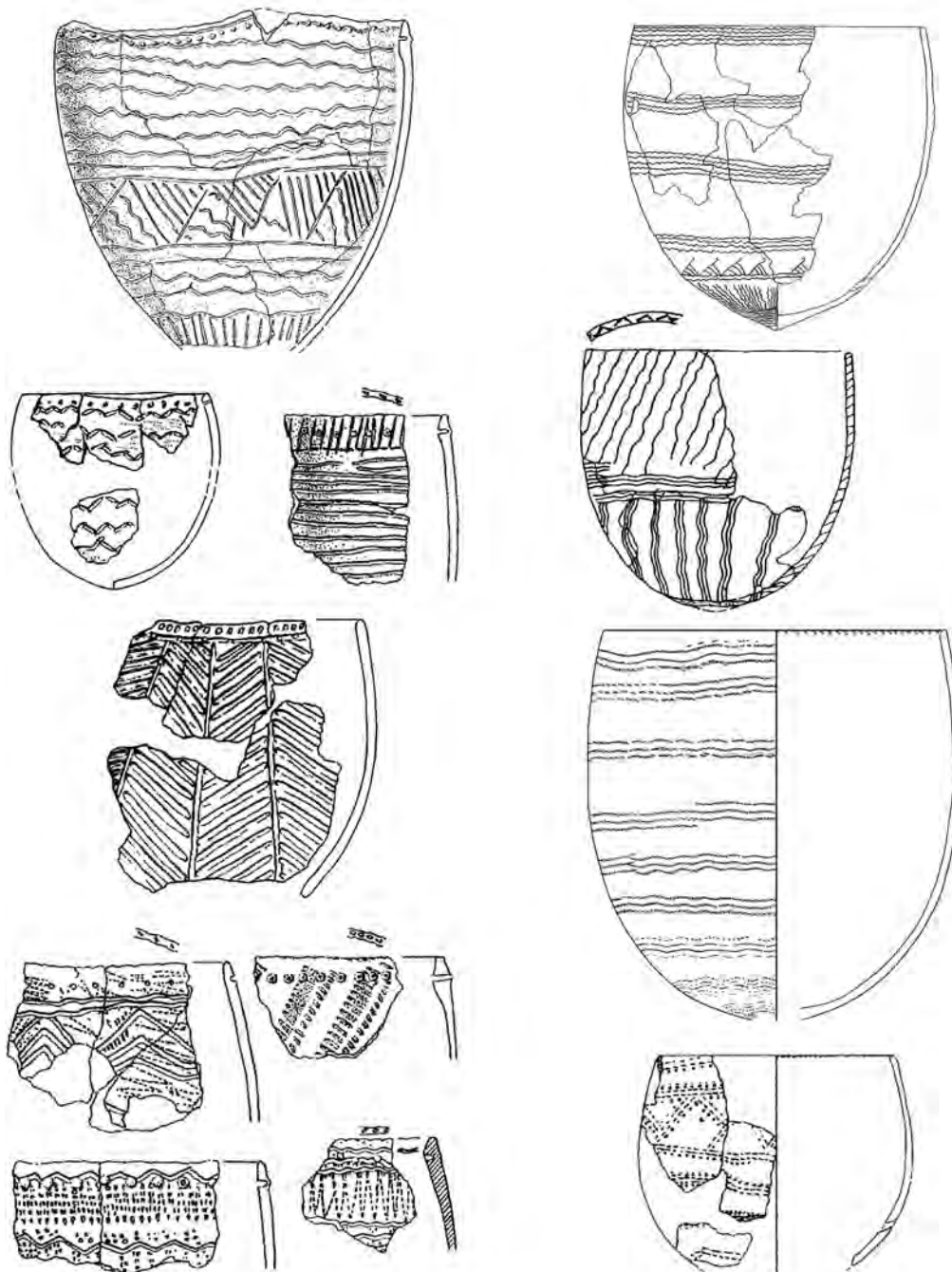
- средняя, когда такие сочетания не слишком часты, но наблюдаются во всех/многих комплексах (сумпаньинская АК, кокшаровско-юринский и романовский типы) – активная интеграция;

- низкая, когда такие сочетания единичны (быстринская АК) – активная интеграция;

- нулевая, когда ведущие технические приёмы не смешиваются (амнинский КТ). Этот вариант воспринимается как двух-(много)компонентное культурное образование в начальной стадии интеграции.

Интерпретация. За повсеместной повторяемостью, очевидно, кроются некие закономерности. Толчком для обсуждения возможных вариантов интерпретации этого явления послужили любопытные наблюдения на поселении Быстрый Кульгёган бб. Планиграфический анализ распределения керамики в одном из жилищ

Степень интегрированности орнаментальных приёмов:
регулярное присутствие двух альтернативных приёмов в керамических комплексах;
вариабельность сочетания двух и более приёмов на одном сосуде

Сумпаньинская АК

Быстринская АК

Активная интеграция двух и более компонентов

Рис. 2. Керамика сумпаньинской и быстринской культур

Таблица 5. Техника орнаментации. Быстринская АК (Сургутское Приобье)

Памятник	Быстрый Кульёган 66			Барсова Гора П/8		Чёрная 3	Кушниково 8				Кушниково 2	
	Жилище 2	Жилище 2а	Жилище 2б	Жилище 3	Жилище 1	Жилище	Объект 2	Объект 3	Объект 4	Объект 5		
Техника												
П	27	37	3	43	4	4	1	4	4			1
Пз	6	5		5								
О	6	4		1			1	3		3		2
Шн	5	9										
Шг		1	1					2	1			
Пг		1	1									
П+Пз				1								
П+О	2			2								
О+Пз					1							
П+Н				1				2				
П+Нз				1								
Шн+П	1			1								
Шн+Н				1								
Шг+П	1							1	1			
Шг+О			1						1			
Ф+Н			1									
Всего сосудов	48	57	7	56	5	4	2	12	7	3		3

П – прочерчивание палочкой; **Пз** – прочерчивание зубчатым орнаментом; **О** – отступление палочкой; **Н** – накол палочкой; **Нз** – накол зубчатым орнаментом; **Шг** – шагание гребенчатым/гладким штампом; **Пг** – печатная гребёнка; **Шн** – шнур (отступление, шагание); **Ф** – оттиск фигурного штампа

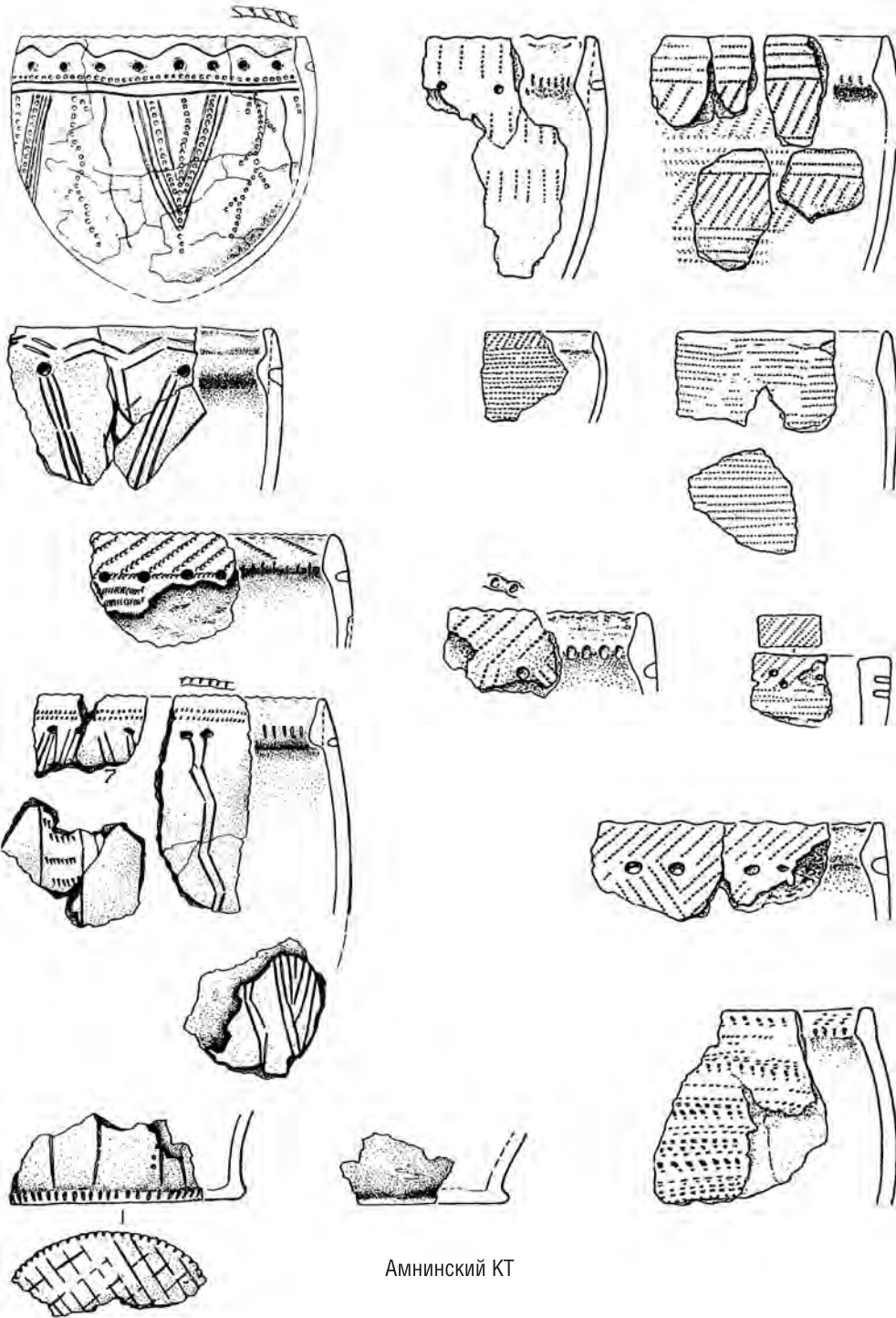
Таблица 6. Техника орнаментации. Амнинский КТ (Нижнее Приобье)

Памятник	Амня I					Кирип-вис-юган 2
	Жилище 1	Жилище 3	Жилище 4	Жилище 9	Ров 3	Жилище
Техника						
Пг	преобладает	5	3		1	
Шг		1				
П		1	3	4	2	
О			1			1
Н				1		
П+Н			1	2		
Пз+Н				1		3
П+Пг		1				
О+П			1			
б/орн.	1					
Всего сосудов	9?	8	9	8	3	4

П – прочерчивание палочкой; **Пз** – прочерчивание зубчатым орнаментом; **О** – отступление палочкой; **Н** – накол палочкой; **Шг** – шагание гребенчатым штампом; **Пг** – печатная гребёнка; **б/орн.** – без орнамента

выявил не только «женскую» и «мужскую» половины помещения, но и тяготение к ним сосудов с разной техникой орнаментации (прочерчивание естественным зубчатым орнаментом; прокатывание и шагание шнуровым штампом). Это позволило выдвинуть предположение о принадлежности последних к двум разным структурным (родовым?) подразделениям коллектива обитателей жилища [17, с. 66]. Допустимо распространить это предположение на всю культуру, для жилищных комплексов которой характерно неустойчивое соотношение прочерченных, отступающих и прокатанных орнаментов в комплексах базовых жилищ и неполный набор приёмов – на сезонных местах обитания.

Степень интегрированности орнаментальных приёмов:
нерегулярное присутствие двух альтернативных приёмов в комплексах;
отсутствие сочетаний на одном сосуде

Амнинский КТ

Сосуществование двух и более компонентов при отсутствии интеграции орнаментальных приёмов

Рис. 3. Керамика амнинского типа

В социальной организации ранних традиционных обществ принцип структурирования по кровному родству был одним из важнейших наряду с половозрастным. Этнография даёт множество примеров существования деталей материальной культуры (причёска, татуировка, костюм, декор и т.д.), служивших маркерами социального, в том числе родового статуса индивида. С другой стороны, индивид являлся носителем культурно-технологических стереотипов своего социального кластера. Если допустить, что техника нанесения орнамента и набор орнаментов могли хотя бы частично служить такими маркерами, то особенности керамики жилищных комплексов и групп памятников могут отражать мелкие (родовые?) элементы социальной структуры общин-домохозяйств и всего социума – носителя АК/КТ.

Вариабельность керамики по рассматриваемым признакам может отражать как социальный состав общества – носителя КТ, так устойчивость его социальных структур (появление новой техники и/или орнаментов указывает на новый элемент социальной структуры, высокая степень интегрированности техник орнаментации – на устойчивость социальной структуры). В этом отношении чрезвычайно любопытная картина вырисовывается относительно козловской АК Среднего Зауралья, которая становится, наконец, вполне динамичным, вариативным культурным образованием.

Две географические зоны зауральского неолита. По плотности открытых и изученных памятников регион отчётливо подразделяется на две зоны – условно южную и северную:

- Южная зона – лесостепное, подтаёжное и южнотаёжное Зауралье (бассейн Тобола, левобережная часть бассейна Оби). Памятники относительно многочисленны, объединены в АК (кошкинская, козловская, сумпаньинская). Воспринимается исследователями как территория, плотно заселённая не только в неолите, но и в мезолите;

- Северная зона – равнинная таёжная Западная Сибирь (Средняя и Нижняя Обь, истоки Надыма и Пура). Немногочисленные памятники расположены по отдельности или кустами в удалённых друг от друга районах, сгруппированы в культурные группы (амнинский, чэстыйгский КТ) или в небольшие локальные АК (быстринская, каюковская). Выглядит слабозаселённой в неолите, мезолитические памятники единичны.

Одновременно южная зона, в отличие от северной, имеет длительную историю изучения неолита и характеризуется гораздо более высокой степенью исследованности территории. Поэтому проблема степени заселённости и освоённости южной и северной зон в неолите теоретически имеет два варианта решения:

- разная плотность памятников в южной и северной зонах является следствием разной степени их изученности;

- она более или менее объективно отражает реальные различия степени освоения южной и северной территорий в неолите.

Поскольку ни один из вариантов в настоящее время не может быть ни подтверждён, ни опровергнут, каждый волен занять позицию оптимиста или пессимиста в вопросе о перспективности поиска неолита в западносибирской тайге. Дальнейшие рассуждения базируются на допущении второго варианта.

В первой половине неолита как в южной, так и в северной частях региона процессы культурогенеза отличались высокой активностью. Очевидно, в них принимали участие разные по происхождению и культурным традициям группы, маркируемые, в частности, особенностями технологии орнаментации керамики. Высокая степень вариабельности культур и КТ, размытость их типологических и территориальных границ, вероятно, свидетельствуют о текучести состава, «перетасовках» мелких социальных кластеров, входивших в состав разных культурных образований. В условиях присваивающего многоотраслевого хозяйства таёжных охотников-рыболовов оптимальным было дисперсное расселение небольших по численности общин-домохозяйств, что недвусмысленно демонстрирует этнография обских угров и самодийцев. Она же свидетельствует об относительно высокой сезонной мобильности домохозяйств, непостоянстве элементного состава временных производственных объединений и более крупных социальных структур, например, фратриальных, разветвлённой сети социальных связей по родству и свойству [20; 21]. Не исключено, что нечто подобное могло иметь место и в неолите в условиях низкой общей численности населения даже в относительно плотно заселённых районах (Среднее Зауралье), не говоря уже о просторах западносибирской тайги.

Из сказанного следует, что при детальном рассмотрении процессов культурогенеза в неолите лесного Зауралья и Западной Сибири на основе низших таксонов археологической классификации следует отказаться от линейных схем развития.

Является ли рассмотренный регион уникальным в этом отношении? Вероятно, нет, но нам повезло в пристрастиях древних его обитателей к внешне разнообразным и легко узнаваемым манерам декорирования глиняной посуды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Косарев М.Ф.* Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Часть вторая. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока. М., 1987. (Археология СССР)
2. *Зах В.А.* Орнаментальные традиции в Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. Тюмень, 2005.
3. *Калинина И.В., Устинова (Гаджиева) Е.А.* Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // РА. 1995. № 2.
4. *Дубовцева Е.Н.* Использование веревки для орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири // РА. 2011. № 2.
5. *Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры // Вопросы археологии Урала: Сборник научных трудов. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.

6. Стефанова Н.К. Исток IV – неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала: Сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
7. Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа) / М.Г. Жилин, Т.Г. Антипина, Н.Е. Зарецкая, Л.Л. Косинская, П.А. Косинцев, Н.К. Панова, С.Н. Савченко, О.Н. Успенская, Н.М. Чаиркина. Екатеринбург, 2007.
8. Зах В.А., Скочина С.Н. Ранний комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (по материалам 1990, 2002 и 2004 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 11. Тюмень, 2009.
9. Шорин А.Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // РА. 2000. № 3.
10. Кернер В.Ф. Керамика эпохи раннего неолита в верховьях Исети // Шестые Берсовские чтения. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2011.
11. Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // Вопросы археологии Урала: Сборник научных трудов. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.
12. Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
13. Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала: Сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
14. Сериков Ю.Б. Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала: Сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
15. Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
16. Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала: Сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
17. Поселение Быстрый Кульгган 6б: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Коллективная монография; под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут, 2006.
18. Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала: Сборник научных трудов. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.
19. Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008.
20. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.
21. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

L.L. Kosinskaya

**ON THE CHARACTER OF CULTUROGENESIS IN THE NEOLITHIC OF FOREST TRANS-URALS
AND WESTERN SIBERIA: SOURCES AND INTERPRETATIONS
(TO THE POSING OF A PROBLEM)**

Summary

The Neolithic ceramics of Trans-Urals and Western Siberia is characterized by a variety of the techniques of ornamentation playing a significant role in typological classifications. On the example of several types of ceramics of the first half of the Neolithic it is shown that for each of them special combinations of two or several ornamentation manners are characteristic. The main techniques usually act as alternative, the frequency of their combinations being considered as the different degree of integration of the composing components. The latter possibly reflect elements of social structures of ancient societies.

*The Urals Federal University,
51, Lenina Ave., Ekatherinburg, 620083,
Russia*

E-mail: ver2142@yandex.ru

Т.А. Хорошун

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ, ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ И РОМБОЯМОЧНОЙ КЕРАМИКОЙ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Вопросы хронологии и периодизации культур неолита – раннего энеолита в Карелии наряду с вопроса-ми их генезиса – наиболее сложные в комплексе исследовательских проблем. Для их решения предпринята попытка критического осмысления результатов сравнительно-типологического анализа каменного инвентаря и керамики, данных по палеогеографии района, дат 14С с привлечением сведений о памятниках остальной территории Карелии и сопредельных областей с аналогичными материалами для установления времени существования изучаемых керамических комплексов.

Изучаемые памятники существовали в конце атлантического (АТ₃) – начале суббореального (SB₁) периода, хронологический диапазон охватывает 6000–4200 л.н. с переходным этапом в 4800–4700 л.н. [1, с. 145]. Составленные карты палеорастительности в значительной степени позволяют реконструировать палеоландшафты [2].

Благодаря специальным исследованиям известно, что на среднем этапе неолита, когда появляются поселения с ямочно-гребенчатой керамикой, климат был сухим и тёплым со среднегодовой температурой на 1–2°С выше современной. Характерно многократное чередование сухих и тёплых отрезков с более прохладными и влажными. Типичны периодические подъёмы и спады уровня воды, пожары в засушливые сезоны, заболачивание территории. Но существенных изменений в растительности по сравнению с предшествующим временем не происходило [3, с. 86; 4, с. 233–235].

Атлантический период – время максимального распространения лесов в Европе. Доминировали сосна и ель, значительным было количество широколиственных пород. Спорово-пыльцевые данные свидетельствуют о чёткой дифференциации растительного покрова: большую часть Карелии занимали южнотаёжные леса, а севернее 65° с.ш. – среднетаёжные. Территория в пределах 63–65° с.ш. была занята лесами, южнотаёжная принадлежность которых выражалась в небольшом присутствии во втором ярусе древостоя или в подлеске – вяза и дуба. В лесах остальной части подзоны южной тайги (61–63° с.ш.) широколиственные породы (вяз, дуб, липа) входили уже в первый ярус древостоя, хотя, как и в северном его варианте, приурочивались к местообитаниям с наиболее благоприятными условиями. Типичные южнотаёжные леса могли здесь сочетаться с типами, близкими к подтаёжным широколиственно-хвойным [6, с. 128; 7, с. 121].

АТ₂-периоду соответствует наиболее отчётливо выраженный климатический оптимум на Русской равнине и в Карелии (5500±500 л.н.). Среднегодовые температуры особенно заметно (на 2–5°С) повышались севернее 60-й параллели; в июле в среднем температура была выше современной на 3–4°С. В позднеатлантическое время повсеместно господствовала сосна, а в составе растительности и зональном её распределении отменялись наибольшие для всего голоцена отличия. Сдвиг границ подзон к северу был очень значителен: в среднем около 500 км [6, с. 131, 133].

Период позднего неолита и переходный этап к эпохе раннего металла соответствуют концу атлантикума – началу суббореала (около 4,7 тыс. л.н.). В это время происходило постепенное изменение климата в сторону похолодания и увлажнения. Среднегодовые температуры на 2°С ниже, а количество осадков на 100 мм больше современного уровня. Южнотаёжные широколиственные леса сменились сосново-берёзовыми, сосново-еловыми, осиново-берёзовыми и сероольховыми [3, с. 89–90; 4, с. 14–15].

В растительности суббореального времени в общем составе древостоя произошли существенные изменения: ель присутствовала в древостоях в том или ином количестве по всей территории, занимая все благоприятные для неё типы местообитания. Граница между подзонами средней и южной тайги несколько сдвинулась к югу и проходила примерно по 64° с.ш. В южнотаёжной подзоне основной лесобразующей породой становится ель, формируя большие массивы ельников в Юго-Восточной Карелии и меньшие – в южной час-

ти Прибеломорский низменности. Большая часть южнотаёжных лесов была представлена сосново-еловыми и крупнотравными лесами с небольшой примесью широколиственных пород. Лишь на юго-западе Карелии эти породы могли входить в первый ярус древостоя; в других районах, скорее всего, они находились во втором ярусе или в подлеске. Из широколиственных пород наиболее обычным был вяз, sporadически встречались дуб и липа. Заметно (примерно на 50 %) уменьшилась роль берёзы бородавчатой и ольхи чёрной. Вполне допустимо, что в локальных благоприятных биотопах могли сохраниться популяции вяза и лещины – пород, наиболее обычных для северных пределов южной тайги. Снижение температуры и изменение влажности климата привели не только к широкому распространению ели, но и к быстрому развитию заболочивания [6, с. 133, 135].

Показательно, что в неолите – раннем энеолите на западном побережье Онежского озера население использовало одни и те же площадки, что обуславливалось оптимальной адаптацией его хозяйства к лесным экосистемам [8, с. 81, 84]. Хозяйственное значение водоёмов очевидно: охота на водоплавающую дичь, рыбная ловля, в некоторых случаях собирательство, возможность для передвижения на дальние расстояния по озёрно-речным системам. Также в районе хозяйственного воздействия находились участки глиняной морены и озёрно-ледниковой равнины, сложенные песчаными почвами и поросшие сосновым лесом, с пригодным для керамического производства сырьём.

Исследуемая территория относится к зоне сильно замедленного изостатического поднятия Онежского озера [9, с. 25]. Памятники расположены на озёрных террасах, которые непосредственно связаны с историей формирования береговых уровней Онежского озера [10]. Западное побережье отличается довольно стабильной береговой линией, небольшими бухтами и заливами. По данным исследователей, со второй половины атлантического периода отмечаются благоприятные условия для притока и широкого расселения людей на берегах озера [3, с. 88], что нашло отражение в значительном количестве памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Особое значение для реконструкции природных явлений в период существования памятников имеют комплексные палеогеографические исследования, в частности в районе Шёлтозера [9]. На этом участке поселения располагались вдоль побережья Шёлтозёрской бухты, между береговой линией озера и р. Сарбахтой, притоком р. Шёлтозерки, а также между р. Сарбахтой на северо-востоке и северо-западе и р. Шёлтозеркой на востоке и юго-востоке. Выделены четыре террасы бореального – суббореального времени. Пятая, пребореальная, терраса не была объектом изучения. Памятники с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой размещены на третьей и четвёртой террасах, принадлежность их к середине и второй половине атлантического периода и началу суббореала подтверждается гипсометрическим положением геолого-геоморфологического уровня и данными пыльцевого анализа; по генезису они относятся к озёрным. Третью террасу отличают сложная конфигурация в плане и стратиграфия, следы размывов и эолового выветривания. Здесь расположены поселения Шёлтозеро V, X и XI. Два последних находятся на грядах, более уплощённых на фоне береговых валов, высотой 20–30 м и шириной 3–5 м. Формирование нижнего уровня третьей террасы и его заселение протекало в условиях неоднократно меняющейся влажности климата. На некоторых участках имело место повышение уровня грунтовых вод, которое могло повлечь отход населения, как на поселении Шёлтозеро V [9, с. 51].

Установлено, что в конце мезолита уровень озера колебался многократно в пределах 1–1,5 м, одновременно продолжалось и поднятие Балтийского щита. Со второй половины атлантического периода оно уже было замедленным [3, с. 87]. На рубеже атлантического периода и суббореала произошло окончательное формирование р. Сарбахты, поэтому участки с поселениями Шёлтозеро V, X и XI оказались отдалёнными от воды. Это время характеризовалось массовыми пожарами с уничтожением древесной растительности в низовьях рек Сарбахты – Шёлтозерки. Полное возобновление первичных лесов произошло в суббореале, когда последовал возврат береговой линии на рубеже с позднеатлантическим периодом. В этих условиях появились поселения с ямочно-гребенчатой керамикой в долине р. Сарбахты (Шёлтозеро V, X, XI, XXV), в результате же спада уровня озера стали осваиваться берег Онежского озера (Шёлтозеро IV, VIII, IX) и устье р. Шёлтозерки (Шёлтозеро II, VII, XIII, XIX, XX). К этому времени береговая линия приобрела очертания, близкие к современным [9, с. 52–53]. На этом участке комплексы с ромбоямочной керамикой общим количеством от пяти сосудов представлены на Шёлтозере XIX (овальноямочная и ромбическая керамика), XX и XXVIII (ромбическая).

Помимо палеогеографических, особое значение приобретают радиоуглеродные исследования, которые позволяют определить абсолютный возраст датируемых объектов. Но анализ известных дат сопряжён с различными трудностями. Применение этого метода на памятниках Карелии неоднозначно [11]. Получению объективных показателей препятствуют условия песчаных почв и, как следствие, естественное загрязнение образцов. Особенностью местных почв являются перегорание органических материалов, легко проницаемый грунт. Вследствие естественных процессов и антропогенного фактора (чаще всего площадки использовались в течение продолжительного времени от мезолита до Средневековья) вероятность загрязнения угля здесь достаточно велика. В некоторых случаях возможное удревнение дат связывают и с нахождением в слое шунгитовых пород [12, с. 12]. Учитывая, что памятники нестратифицированы, культурные слои маломощны, возникает серьёзная проблема и при отборе образцов для датирования.

В качестве примера уместно рассмотреть частные случаи датировки. Так, по списку дат C14 [13] показательны данные Чёрной Речки I: даты 5500 ± 100 (ТА-1651) и 2080 ± 60 (ТА-1650) – образцы взяты на глубине 0,5–0,75–0,8 м. Имеются даты, не соответствующие археологическому датированию комплекса: 3240 ± 100

(ТА-1649), 2080±60 (ТА-1650) из Чёрной Речки I, 3430±80 (ТА-2202) из Чёрной Речки II, 4560±80 (ТА-1785) из могильника Кладовец и др. [13, с. 220]. Другие списки [14] представлены неполно: даты шёлтозерских памятников со смешанными комплексами противоречивы. Эти замечания необходимо учитывать при анализе материалов.

Особое значение в последнее время приобрели калиброванные даты [15; 16, с. 21–22] для перевода радиоуглеродных данных в календарный возраст. Эта стандартная процедура осуществляется в программе OxCal v.4.10 [17; 18] и также применена для использованных дат (табл. 1).

Таблица 1. Список использованных радиоуглеродных дат памятников среднего неолита – энеолита (по: [13; 14; 19; 20])

Памятники	Радиоуглеродные даты, л.н.	Датированные объекты	Калиброванные даты (cal BC)	Период
1. Чёрная Речка I	6200±100 (ТА-1634)	Кострище	5373–4851	Средний неолит
2. Чёрная Речка I	5950±100 (ТА-1648)	Кострище	5202–4553	Средний неолит
3. Оровнаволок VII	5260±70 (ТА-2267)	Культурный слой	4314–3959	Средний неолит
5. Кладовец IX	5310±80 (ТА-2288)	Под жилищем	4328–3980	Средний неолит
6. Чёрная Губа III	4950±100 (ТА-1890)	Жилище	3968–3527	Поздний неолит – ранний энеолит
7. Чёрная Губа IX	4840±80 (ТА-2023)	Жилище	3793–3377	Поздний неолит – ранний энеолит
8. Чёрная Губа IV	4580±60 (ТА-2024)	Жилище	3517–3096	Поздний неолит – ранний энеолит
9. Пегрема II	4550±90 (ТА-808)	Культурный слой	3619–2936	Поздний неолит – ранний энеолит
10. Пегрема II	4750±120 (ТА-810)	Культурный слой	3794–3109	Поздний неолит – ранний энеолит
11. Пегрема II	5070±120 (ТА-811)	Культурный слой	4228–3639	Поздний неолит – ранний энеолит
12. Лакшезеро II	3920±60 (ТА-1520)	Кострище	2571–2208	Энеолит
13. Пегрема I	5145±110 (ТА-541)	Яма	4236–3705	Ранний энеолит
14. Пегрема I	4980±60 (ЛЕ-1029)	Яма	3943–3652	Ранний энеолит
15. Пегрема I	4780±50 (ТА-492)	Яма	3655–3377	Ранний энеолит
16. Пегрема I	4200±50 (ТА-493)	Жилище 3	2904–2630	Ранний энеолит
17. Пегрема III	4240±90 (ТА-813)	Жилище	3091–2575	Ранний энеолит
18. Оровнаволок XVI	4870±50 (Beta-117962)	Керамика, нагар	3772–3530	Ранний энеолит
19. Оровнаволок XVI	4840±50 (Beta-117963)	Керамика, нагар	3750–3390	Ранний энеолит
20. Оровнаволок XVI	4970±50 (Beta-117964)	Керамика, нагар	3940–3649	Ранний энеолит
21. Вигайнаволок I	4940±30 (KIA-33930)	Керамика, нагар	3778–3653	Ранний энеолит
22. Вигайнаволок I	4725±30 (KIA-33931)	Керамика, смола	3634–3377	Ранний энеолит
23. Чёрная Губа IX	4340±80 (ТА-2140)	Жилище	3336–2706	Поздний энеолит
24. Вигайнаволок II	3370±110 (ТА-?)	Культурный слой?	1937–1432	Поздний энеолит
25. Войнаволок XXVII	4410±50 (ТА-1448)	Жилище 1	3331–2909	Поздний энеолит
26. Войнаволок XXVII	4280±80 (ТА-1748)	Жилище 1	3265–2620	Поздний энеолит
27. Войнаволок XXIV	4250±70 (ТА-820)	Кострище	3081–2622	Поздний энеолит

В литературе представлен критический анализ известных радиоуглеродных дат, полученных в ходе исследования археологических объектов на территории Карелии [11], где приведены основные положения по отбору образцов для датирования и их интерпретации. Здесь уместно сказать о датированных объектах, которыми чаще всего являются уголь из очагов, кострищ, жилищ, культурного слоя, ям и др. Полученные данные имеют значительные хронологические допуски примерно в ±100 лет. В меньшей степени это характерно для показателей по керамике (в среднем ±40 лет). Но и эти данные требуют критического подхода. Как свидетельствуют исследования последних лет [21], в том числе анализ 44 C14 и АМС датировок асбестовой и пористой керамики, для территории Карелии и Финляндии характерно удревление дат по керамике, что может быть связано с «резервуарным эффектом». В сущности, разница в 150–250 лет для неолита – энеолита на общем фоне кажется незначительной, но при анализе большего корпуса источников она становится заметной. В качестве сравнения можно привести ещё один пример – даты по нагару на керамике с посе-

ления Оровнаволок XVI: для ромбоямочной – 4870 ± 50 л.н. (Beta-117962), 4840 ± 50 л.н. (Beta-117963), 4970 ± 50 л.н. (Beta-117964) и асбестовой – 4390 ± 50 л.н. (Beta-117961), 4770 ± 40 л.н. (Beta-117966)¹ – перекрываются в промежутке 4810–4790 л.н.

Широкое применение радиоуглеродного метода в изучении каменного века Карелии привело к удревнению культур. Так, в 1970-х–1980-х гг. время существования ямочно-гребенчатой керамики относили к 5000–3750 л.н. [22]. Впоследствии, при получении новых радиоуглеродных дат и в результате сравнительно-типологического анализа керамики, были выделены два этапа в её развитии [19, с. 254]: ранний с двумя фазами (охватывает кон. V – посл. четв. IV тыс. до н.э.) и поздний (кон. IV – нач., возможно, 1-я пол. III тыс. до н.э.). Наиболее ранние даты получены для поселения Чёрная Речка I – 6200 ± 100 (5373–4851 cal BC) (ТА-1634), 5950 ± 100 (5202–4553 cal BC) (ТА-1648).

По определению раннего возраста ямочно-гребенчатой керамики на территории Карелии нет единого мнения. По заключению Н.В. Лобановой, дату 6200 ± 100 (ТА-1634) Чёрной Речки I можно признать достоверной, так как она получена по углю из хозяйственной ямы под поставленным вверх дном сосудом [21, с. 256; 23, с. 58]. Но и по объективным факторам она может быть связана с формированием литологического слоя. Заметим, что ранее имело место предположение о формировании льяловской культуры в результате миграции населения с ямочно-гребенчатой керамикой из северных районов лесной зоны [24; 25]. Примечательно, что в последние десятилетия появились данные, которые свидетельствуют о постепенном проникновении отдельных групп разнокультурного населения с керамикой северных типов – сперрингс и сярйсьниemi I – на территорию Волго-Окского междуречья и смешении его с поздневерхневоложским, в результате чего образовалась льяловская культура, сочетавшая как пришлые, так и местные традиции [26].

По сравнению с памятниками Карелии более показательны стратифицированные, наиболее полно изученные памятники сопредельных территорий, такие как Воймежное I [27], Ивановское VII [28] и др. Комплексные исследования позволяют реконструировать природное окружение поселений и основные виды хозяйственной деятельности населения льяловской культуры, период существования которой с учётом калиброванных данных охватывает 5150–3400 лет до н.э. [29]. По типологическому облику сосуда архаичного и раннего этапов этой культуры встречаются на некоторых стоянках Карелии, но большая часть керамики соотносима с посудой среднего этапа её развития (4400–3900 л. до н.э.).

На памятниках западного побережья Онежского озера ямочно-гребенчатая керамика среднего неолита по аналогиям близка к керамике второй фазы раннего этапа её развития на территории Карелии [19, с. 259]. По датам это 5260 ± 70 (4314–3959 cal BC) (ТА-2267) из Оровнаволока VII и 5310 ± 80 (4328–3980 cal BC) (ТА-2288) из Кладовца IX [30, с. 103]. Таким образом, по калибровочной шкале они охватывают отрезок 4328–3959 л. до н.э. Относительно финальной фазы ситуация не вполне ясна. Исходя из результатов исследований [19, с. 261], эту фазу соотносят с развитием гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики. Эти комплексы ранее датировались 4000–3000 л.н. [31; 22]. Согласно новым данным, в основном применительно к памятникам северного побережья Онежского озера Чёрная Губа III, IV IX, в том числе их датам C14 и результатам сравнительно-типологического анализа керамики с них, время её существования значительно удревнено – до 5050–4500 л.н. [32, с. 140]. Согласно калиброванным датам этот культурный тип отнесён к периоду от нач. IV до 1-й пол. III тыс. до н.э. [20, с. 72]. Следовательно, в нач. IV тыс. до н.э. на одних и тех же участках сосуществовало разнокультурное население – носители керамики сперрингс, ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной. Этот вопрос требует серьёзного анализа и критического осмысления с привлечением серий дат.

Трудности возникают и с установлением границ культур, не ясен переходный этап от среднего к позднему неолиту с гребенчато-ямочной керамикой и от позднего неолита к раннему энеолиту с ромбоямочной керамикой. Известные даты получены для памятников со смешанными материалами, и поэтому они как бы сближают эти периоды. Кроме того, отсутствие серий дат и чётко стратифицированных памятников затрудняет выработку дробной периодизации рассматриваемых древностей и определяет во многом условный её характер.

Радиоуглеродные даты известны для памятников позднего неолита и раннего энеолита на северо-западном и северном побережьях Онежского озера. Отметим, что материалы этих памятников также включают в себя несколько комплексов, серии дат соотносятся с разработанной относительной хронологией древностей территории Карелии. Для определения возраста гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики отобраны следующие радиоуглеродные даты: 4950 ± 100 (3968–3527 cal BC) (ТА-1890) Чёрной Губы III, 4840 ± 80 (3793–3377 cal BC) (ТА-2023) Чёрной Губы IX и 4580 ± 60 (3517–3096 cal BC) (ТА-2024) Чёрной Губы IV (табл. 1). Они имеют, вероятно, большую степень достоверности в связи с тем, что датированными объектами являются жилища. Некоторыми исследователями [32, с. 20] гребенчато-ямочная керамика выделена на Пегреме II с датами 4550 ± 90 (3619–2936 cal BC) (ТА-808), 4750 ± 120 (3794–3109 cal BC) (ТА-810), 5070 ± 120 (4228–3639 cal BC) (ТА-811), полученными из культурного слоя, но здесь обнаружена также керамика сперрингс и ромбоямочная. Известна дата для поселения Лакшезеро II 3920 ± 60 (2571–2208 cal BC) (ТА-1520), где датированным объектом является кострище, но помимо гребенчато-ямочной здесь встречены фрагменты керамики сперрингс и асбестовой [32, с. 14], и не исключено, что эта дата относится к энеолитическому времени.

¹ Автор искренне признателен за предоставленные данные глубоководоуважаемой Н.В. Лобановой – к.и.н., в.н.с. сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Для ромбоямочной керамики полученные даты в основном относятся к району Уницкой Губы. Относительно «чистый» комплекс выявлен на Пегреме III с датой образца из жилища 4240 ± 90 ($3091-2575$ cal BC) (ТА-813). Имеется целая серия дат для Пегремы I: 5145 ± 110 ($4236-3705$ cal BC) (ТА-541), 4980 ± 60 ($3943-3652$ cal BC) (ЛЕ-1029), 4780 ± 50 ($3655-3377$ cal BC) (ТА-492) по образцам из ям и 4200 ± 50 ($2904-2630$ cal BC) (ТА-493) – из жилища, в последнем найдены несколько фрагментов асбестовой керамики [33, с. 20]. Материалы с этого поселения типологически соотносятся с материалами с Вигайнаволока I, но здесь отсутствует типичная гребенчато-ямочная керамика.

На памятниках западного побережья Онежского озера широко представлены толстостенные сосуды гребенчато-ямочного и ромбоямочного типов, с ямками разной формы, практически тождественные как по орнаментации, так и по технологии изготовления. Изменения в орнаментации связаны с трансформацией формы ямки. Учитывая известные даты, эта поздненеолитическая и раннеэнеолитическая керамика синхронна.

Поселения с аналогичной керамикой, украшенной круглыми, овальными и ромбическими ямками, известны и на остальной территории Карелии, в том числе в Уницкой Губе в Пегреме [33, с. 126–127]. Намеченные ранее этапы развития ромбоямочной керамики локального района основываются на радиоуглеродных датах: ранний соответствует дате Пегремы II ($4750-4550$ л.н.), поздний – Пегремы I и III ($4250-4200$ л.н.) – при типологически близком облике керамики. Хронологические границы существования гребенчато-ямочной, ромбоямочной и асбестовой керамики оказываются размытыми, накладываются друг на друга. В данном случае это может свидетельствовать о специфике развития керамики на этой территории. Напомним, что А.П. Журавлёвым выделен ранний (Вигайнаволоцкий) и поздний (Пегремский) периоды развития ромбоямочной посуды, хотя она типологически довольно однообразна.

Таким образом, хронологические рамки существования для гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики совпадают, их расчленение по известным данным затруднено, требуется серьёзная разработка морфо-орнаментальных признаков типов керамики. Наиболее достоверными представляются данные по памятникам северного и восточного побережий Онежского озера (Чёрная Губа III, IV, IX, Пегрема I, III). Согласно калиброванным датам временные рамки гребенчато-ямочной керамики укладываются в $3968-3096$ лет до н.э., а ромбоямочной – $4236-2575$ лет до н.э. В связи с тем, что памятники с ромбоямочной керамикой наиболее полно изучены на пегремских памятниках, по датам которых в большей степени и выстраивается их периодизация, здесь следует остановиться на важных моментах. В первую очередь, отмеченные как «чистые» комплексы ромбоямочной керамики на этих объектах довольно условны. Здесь встречаются фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и по ряду признаков – гребенчато-ямочной. Смущают и сами датированные объекты – чаще всего это хозяйственные ямы. Установленные границы характеризуют в первую очередь время существования самого памятника.

К сожалению, на современном этапе изучения мы вынуждены со всей долей условности оперировать только имеющимися данными. Некоторую ясность вносят даты, полученные по нагару и смоле с ромбоямочной керамикой: 4870 ± 50 ($3772-3530$ cal BC) (Beta-117962), 4840 ± 50 ($3750-3390$ cal BC) (Beta-117963), 4970 ± 50 ($3940-3649$ cal BC) (Beta-117964) из Оровнаволока XVI и 4940 ± 30 ($3778-3653$ cal BC) (KIA-33930), 4725 ± 30 ($3634-3377$ cal BC) (KIA-33931) из Вигайнаволока I. Таким образом, границы существования этой керамики сужаются до $3940-3530$ лет до н.э.

При решении вопросов хронологии рассматриваемых древностей важное место занимают памятники с асбестовой керамикой. Для изучаемой территории известна дата 3370 ± 110 ($1937-1432$ cal BC) (ТА-?) из Вигайнаволока II [33, с. 127]. Нижняя граница может быть соотнесена с материалами памятников северного побережья Онежского озера. Это даты образцов из жилищ: 4340 ± 80 (ТА-2140) из Чёрной Губы IX, 4410 ± 50 (ТА-1748), 4280 ± 80 (ТА-1726) из Войнаволока XXVII; из кострища на Войнаволоке XXIV – 4250 ± 70 (ТА-820) [13, с. 216]. Также приняты во внимание 44 даты 21 поселения Карелии и Финляндии [21]. Таким образом, хронологические рамки бытования асбестовой керамики охватывают приблизительно $3336-1500$ гг. до н.э.

В результате анализа радиоуглеродных дат с учётом калибровки время существования ямочно-гребенчатой керамики на памятниках западного побережья Онежского озера можно связывать примерно с периодом $4328-3959$ лет до н.э., гребенчато-ямочной – $3968-3096$ лет до н.э., ромбоямочной – $4236-2630$ лет до н.э. (по датам керамики – $3940-3530$ лет до н.э.), асбестовой – $3336-1432$ лет до н.э. Хронологические периоды перекрывают друг друга, что обусловлено, прежде всего, недостаточным количеством серий дат, несовершенством методики радиоуглеродного датирования и отбора материала для анализа в разное время, степенью загрязнения грунта и, следовательно, датированных объектов. Вполне определённо можно говорить о синхронности гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики, типологически близкой к ямочно-гребенчатой, между которыми намечается переходный период ($4236-3959$ лет до н.э.). Заметим, что есть основания предполагать более раннее появление гребенчато-ямочной керамики по сравнению с ромбоямочной, исходя из планиграфии жилищ поселения Чёрная Губа III [32, с. 74]. Такая ситуация может объясняться как хронологической, так и культурной преемственностью этих керамических комплексов.

Территория западного побережья Онежского озера может рассматриваться как область между ареалами гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики [11, с. 33], что отразилось в наличии схожих черт в орнаментации. В то же время большинство исследованных поселений с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой находится в основном на территории бассейна Онежского озера, изученной лучше остальных районов Карелии.

Согласно данным сравнительно-типологического анализа керамики и радиоуглеродного датирования поселения на западном побережье Онежского озера существовали в разное время. Так, поселение Вигайна-

волок I могло функционировать с посл. четв. V тыс. до н.э. с ямочно-гребенчатой, в течение IV тыс. до н.э. – с поздней ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой, вплоть до сер. III тыс. до н.э. уже с асбестовой керамикой на части его территории как поселение Вигайнаволок II.

По всей вероятности, раньше всех – в кон. V тыс. до н.э. – возникли поселения с тонкостенной ямочно-гребенчатой керамикой на части площадок Вигайнаволока I, Деревянного I, Шёлтозера IX; позднее – в кон. V – на руб. V–IV тыс. до н.э. – осваивались площадки на Розмеге, Шёлтозере I, Ia, II, IIIa, IV, V, VII, IX–XI, XIII, XVII, XVIII–XX, XXIII, XXVa, XXVIII, на Деревянном I, II, Вигайнаволоке I, на Песках I, IV, IVa, Соломенном I–VI, VIII–X. В течение IV тыс. до н.э. функционировали поселения Шёлтозеро XIX, XX, Деревянное I, III, Вигайнаволок I, Пески IV, IVa, Соломенное I, II, VII, XII (табл. 2). Неоднократное заселение

Таблица 2. Схема периодизации памятников с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой западного побережья Онежского озера

		Календарный возраст (cal BC)															
		4400	4300	4200	4100	4000	3900	3800	3700	3600	3500	3400	3300	3200	3100	3000	2900
Группы керамики	ямочно-гребенчатая																
	гребенчато-ямочная (круглоямочная)																
	ромбоямочная (круглоямочная, овальноямочная и ромбическая)																
	асбестовая																
Памятники	Соломенное I																
	Соломенное II																
	Соломенное III																
	Соломенное IV																
	Соломенное V																
	Соломенное VI																
	Соломенное VII																
	Соломенное VIII																
	Соломенное IX																
	Соломенное X																
	Соломенное XII																
	Пески I																
	Пески IV и IVa																
	Вигайнаволок I и II																
	Деревянное I																
	Деревянное II																
	Деревянное III																
	Шёлтозеро I																
	Шёлтозеро Ia																
	Шёлтозеро II																
	Шёлтозеро IIIa																
	Шёлтозеро IV																
	Шёлтозеро V																
	Шёлтозеро VII																
	Шёлтозеро IX																
	Шёлтозеро X																
	Шёлтозеро XI																
	Шёлтозеро XIII																
	Шёлтозеро XVII																
	Шёлтозеро XVIII																
	Шёлтозеро XIX																
	Шёлтозеро XX																
Шёлтозеро XXVa																	
Шёлтозеро XXVIII																	
Розмега																	

площадок поселений и территории в целом продолжалось вплоть до начала III тыс. до н.э., что может свидетельствовать об определённой культурной преемственности в выборе мест для проживания населения разных хронологических периодов [34].

Так, территория поселения Вигайнаволок I была изначально заселена в северной её части, где фиксируются жилища с тонкостенной ямочно-гребенчатой керамикой. В течение IV и, возможно, до нач. III тыс. до н.э. использовалась уже практически вся исследованная площадь. Распространена круглоямочная, гребенчато-ямочная, овальноямочная и ромбическая (выделенная в отдельную группу по доминированию в орнаменте ямки ромбической формы) керамика. В дальнейшем, вероятно в I-й пол. III тыс. до н.э., возникло поселение с асбестовой керамикой в восточной его части (территория поселения Вигайнаволок II). Освоение площадки и её использование, вероятно, могли проходить как сезонно, так и круглогодично в разные периоды.

Подводя итоги, стоит отметить, что сохраняется хронологическая последовательность в смене культур с ямочно-гребенчатой, ромбоямочной и асбестовой керамикой. Судя по известным датам, комплексы с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой синхронны. Для дальнейших исследований требуются серии дат, и, видимо, в данных условиях, наиболее надёжными будут даты по керамике. Сейчас условно выделяются два крупных этапа: первый характеризует памятники с ямочно-гребенчатой керамикой (посл. четв. V – руб. V–IV тыс. до н.э.), второй – с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (руб. V–IV – нач. III тыс. до н.э.). В целом вопросы хронологии и периодизации памятников с представленными комплексами нуждаются в дальнейшем изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елина Г.А., Лукашов А.Д., Юрковская Т.К. Позднеледниковье и голоцен Восточной Фенноскандии (палеорастительность и палеогеография). Петрозаводск, 2000.
2. Елина Г.А., Лукашов А.Д., Токарев П.Н. Картографирование растительности и ландшафтов на временных срезах голоцена таежной зоны Восточной Фенноскандии. СПб., 2005.
3. Девятова Э.И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986.
4. Девятова Э.И. Палеогеография и освоение человеком Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
5. Палеоэкологические условия голоцена и освоение древним человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова / И.Н. Демидов, Н.Б. Лаврова, А.М. Колганен, И.В. Мельников, К.Э. Герман // Кижский вестник. Вып. 6. Петрозаводск, 2001.
6. Елина Г.А. Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л., 1981.
7. Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. М., 1982.
8. Долуханов П.М. Палеоландшафты и древнее заселение территории Северо-Запада европейской части СССР // Палеогеография озерных и морских бассейнов Северо-Запада СССР в плейстоцене. Л., 1989.
9. Девятова Э.И. Палеогеография стоянок Шёлтозера // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
10. Онежское озеро / Г.С. Бискэ, С.В. Григорьев, Т.И. Малинина, А.Ф. Смирнов, Е.М. Эшштейн. Петрозаводск, 1975.
11. Косменко М.Г. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменный, бронзовый, железный века) // РА. 2003. № 4.
12. Журавлев А.П. Энеолит Карелии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1977.
13. Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
14. Радиоуглеродное датирование неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
15. Зайцева Г.И. Корректное представление радиоуглеродных и калиброванных дат в литературе // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.
16. Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М., 2006.
17. Bronk Ramsey, C. Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program // Radiocarbon. Vol. 37. No. 2. 1995.
18. Bronk Ramsey, C. Development of the Radiocarbon Program OxCal // Radiocarbon. Vol. 43. No. 2 A. 2001.
19. Лобанова Н.В. Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.
20. Витенкова И.Ф. Адаптация населения позднего неолита и энеолита к природным условиям Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009.
21. Zulkov, A., Tarasov, A., Kriiska, A. Discrepancies Between Conventional and AMS-dates from Complexes with Asbestos and Porous Ware – a Probable Results of «Reservoir Effect»? // Fennoscandia archeologica XXIX. 2012.
22. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2: Неолит. Л., 1978.
23. Лобанова Н.В. Адаптационные процессы в культуре населения эпохи неолита Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009.
24. Крайнов Д.А. Спорные вопросы неолита центра Русской равнины // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург, 1986.
25. Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к «Своду памятников истории и культуры РСФСР». Вып. 1. Нижний Новгород, 1991.
26. Костылева Е.Л., Уткин А.В. К вопросу о происхождении льяловской культуры // Юбилейный сборник, посвященный 85-летию со дня рождения профессора Ю.А. Якобсона. Иваново, 2000.
27. Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное Г). М., 1997.
28. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII) / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энговатова. М., 2002.
29. Зарецкая Н.Е., Костылева Е.Л. Новые данные по абсолютной хронологии льяловской культуры // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.

30. Лобанова Н.В. Неолит. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
31. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961. (МИА. № 87).
32. Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
33. Журавлев А.П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.
34. Хорошун Т.А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск*

T.A. Khoroshun

**TO THE QUESTION ABOUT CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF MONUMENTS
WITH PIT-COMB, COMB-PIT AND RHOMB-PIT CERAMICS ON THE WEST COAST OF LAKE ONEGA**

Summary

The chronology and periodization of ancient cultures are one of the most complicated research problems. The results of low-level study indicate the preservation of chronological changes of cultures with pit-comb, rhomb-pit and asbestos ceramics. The known time period of comb-pit ceramics is coincident with the age of discovered rhomb-pit ceramics. To this moment, two periods are distinguished. The first period is presented by archaeological sites with pit-comb ceramics (the last quarter of Vth – the turn of IVth millenium BC), the second period is characterized by sites with comb-pit and rhomb-pit ceramics (the early IVth – the early IIIrd millennium BC).

*The Institute of Language, Literature and History,
Karelian Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910,
The Republic of Karelia,
The Russian Federation*

E-mail: tattya@list.ru

А.М. Скоробогатов

О ФИНАЛЬНОЙ ДАТЕ НЕОЛИТА ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Неолит на территории Донской лесостепи изучается уже на протяжении порядка ста лет. С научными изысканиями по неолитической проблематике региона связаны имена таких учёных, как С.Н. Замятнин, В.П. Левенок, М.Е. Фосс, А.Т. Синюк, Д.Я. Телегин, А.Н. Бессуднов, С.Н. Гапочка, А.А. Хреков, В.В. Ставицкий, Р.В. Смольянинов, А.В. Сурков и др. Новокаменному веку посвящены диссертационные исследования В.П. Левенка [1], А.Т. Синюка [2; 3], С.Н. Гапочки [4], А.В. Суркова [5] и Р.В. Смольянинова [6]. Имеются монографические исследования А.Т. Синюка [7], А.А. Хрекова и В.В. Ставицкого [8], А.В. Суркова [9], а также многочисленные статьи.

Согласно логике археологической периодизации за неолитом следует энеолит, затем – эпоха бронзы. Однако для территории Донской лесостепи уже с 1980-х гг. в научной литературе началось обоснованное выделение пережиточно-неолитической и пережиточно-энеолитической стадий развития древнего населения. Так, в публикации И.Б. Васильева и А.Т. Синюка, посвящённой материалам Черкасской стоянки на Среднем Дону, был выделен синкретический керамический тип, названный черкасским [10]. Древностям черкасского типа не раз уделялось внимание в печати [7; 10–14]. Для нас здесь важно отметить, что появлением керамики черкасского типа, возникшей как следствие контактов местного неолитического и пришлого раннеэнеолитического населения мариупольской культурно-исторической области (КИО), как раз и маркируется начало пережиточного этапа в неолите региона.

Итак, когда начался пережиточно-неолитический этап, в общем-то, понятно. А вот вопрос, когда он закончился, до сих пор слабо изучен. К настоящему времени пережиточно-неолитические материалы, судя по имеющимся публикациям, представлены древностями среднедонской неолитической культуры, дронихинской культуры, культурами с ямочно-гребенчатой керамикой (ляльовская, рязанско-долговская, рыбоозёрская) и керамикой с ромбоямочной орнаментацией.

В вопросе о финальной дате неолита почти все исследователи сходятся в мнении о существовании его во временной шкале вплоть до наступления эпохи бронзы и даже о сосуществовании неолитического населения с населением эпохи бронзы.

И.Б. Васильев и А.Т. Синюк отмечали, что «местная неолитическая культура (уже в пережиточном качестве) в значительной своей части сохранилась на стадии раннего энеолита, а затем вошла в соприкосновение со среднестоговской и, возможно, репинской культурами на их начальных фазах развития» [10, с. 120]. В целом пережиточный этап среднедонской неолитической культуры, по А.Т. Синюку, заходит в 1-ю пол. III тыс. до н.э. однако «более точно его верхняя граница пока не устанавливается» [7, с. 143].

Интересны вопросы датирования дронихинских древностей. А.Т. Синюк относил их к пережиточному неолиту и отмечал ряд поздних керамических признаков, не характерных для среднедонской неолитической культуры. Это органическая примесь, профилировка венчика, плоскодонность, частая встречаемость выпуклин, так называемых жемчужин, под верхом. А появление «паркетного» орнамента увязывает дронихинские материалы как с волосовскими древностями, так и с традициями степных культур эпохи бронзы [15, с. 48]. Была высказана идея, что, судя по появлению плоскодонности, можно предполагать доживание своеобразного типа дронихинских сосудов «вплоть до распространения катакомбного влияния» [16, с. 183]. Кроме того, в качестве рабочей гипотезы была озвучена идея появления на керамике воронежской культуры среднего периода эпохи бронзы «паркетных» композиций как отражение реальных процессов взаимодействия и преемственности населения среднего этапа эпохи бронзы с пережиточно-неолитическим, т.е. дронихинским [16, с. 183]. Концом III тыс. до н.э. датировал А.Т. Синюк бытование рыбоозёрской культуры [7, с. 151], а верхняя дата ромбоямочных керамических материалов определялась рубежом III–II тыс. до н.э. [7, с. 152].

Существование дронихинских древностей до кон. III тыс. до н.э. предположил и А.В. Сурков, поддерживая точку зрения А.Т. Синюка о возможном участии дронихинского компонента в сложении воронежской культуры эпохи бронзы [17, с. 45].

Ещё одна группа пережиточно-неолитических материалов – керамика с ромбоямочной орнаментацией, не так давно достаточно полно освещённая Р.В. Смольяниновым в одном из выпусков Тверского археологического сборника. Исследователь предполагает существование населения с ромбоямочной керамикой в лесостепном Подонье и в катакомбное время [18, с. 260]. Также, по его мнению, на последнем этапе своего существования среднедонская неолитическая культура объединяется с рязанско-долговской культурой «перед лицом надвигающейся опасности – идущего с юга населения эпохи бронзы» [6, с. 22–23]. В целом позиция Р.В. Смольянинова о пережиточном этапе неолита была им достаточно полно высказана в одной из его статей [19].

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать, что практически всеми исследователями лесостепного неолита Донской территории вполне конкретно озвучивается идея о бытовании неолитического населения до раннего (сер. III тыс. до н.э.) и даже начала среднего (рубеж III–II тыс. до н.э.) этапов эпохи бронзы. В качестве основных аргументов выделяются:

1. Анализ морфологии, технологии, элементов и мотивов орнамента на керамике неолита и эпохи бронзы;
2. Данные стратиграфии и топографии;
3. Данные погребального обряда ([6; 7; 9; 16; 19]).

Далее рассмотрим более подробно основную аргументацию исследователей. Начнём с самого показательного материала – керамики.

Керамика раннего этапа эпохи бронзы в Донской лесостепи соотносится с материалами древнеямной КИО. Такой керамики на рассматриваемой территории мало. Это в основном яйцевидные сосуды либо горшки с выделенным венчиком, с примесью раковины в тесте, в орнаментации преобладают оттиски шнура и гребенчатого штампа [16, рис. 5–6]. Встречаемость накольчатого орнамента трактовалась А.Т. Синюком как проявление местных неолитических традиций [16, с. 43]. Однако не будем забывать, что накольчатый орнамент присутствует на керамике репинской культуры, которая хронологически ближе к древнеямной КИО, чем материалы среднедонской неолитической культуры. Есть накол и на керамике среднестоговской энеолитической культуры, которая имеет поразительное морфологическое сходство с некоторой древнеямной керамикой.

Часто для затронутой нами темы привлекаются керамические серии воронежской культуры среднего этапа эпохи бронзы. Прочерченные линии и «паркетные» композиции ещё не свидетельствуют о генетической близости носителей дронихинской неолитической и воронежской культур. Со справедливой критикой подобной позиции выступил В.В. Ставицкий, отметив, что «воронежская культура складывается на основе иванобугорской при сильном катакомбном влиянии, и прочерченная орнаментация на ее керамике из того же источника, что и в поздней катакомбной культуре» [20, с. 118].

Далее обратимся к керамике пережиточного неолита. Иногда в тесте неолитических сосудов встречается примесь органики, в том числе и дроблёной раковины. Этот характерный признак энеолитической керамики затем встречается в керамике раннего этапа эпохи бронзы, а в средний период эпохи бронзы исчезает, хотя иногда и проявляется в единичных случаях.

Плоские днища у сосудов дронихинской культуры связываются в настоящее время с нижневолжским импульсом [9], но не рассматриваются как влияние керамических традиций среднего периода эпохи бронзы. Для дронихинских древностей нельзя исключать и влияния носителей нижнедонской раннеэнеолитической культуры, о чём свидетельствуют не только плоские днища и примесь органики, но и встречаемые «воротнички», прочерченные волнистые линии, меандровые композиции [8, рис. 19, 43].

Встречные «жемчужины» и шнуровая (верёвочная) орнаментация, имеющаяся на неолитической керамике, по моему мнению, не свидетельствуют о катакомбном влиянии, что приходилось встречать в печати [19, с. 253]. Встречные «жемчужины» имеются на ямочно-гребенчатой керамике региона. Пример – стоянка Ямное на р. Дон [21, рис. 23, 31: 4, 8, 12], где один такой сосуд датирован C14 4850±90 BP (Ki-16634), 1σ 3730–3520 BC, 2σ 3950–3350 BC [22, рис. 9: 3].

Что касается шнуровой орнаментации: имеются несколько фрагментов ромбоямочной керамики с оттисками шнура, и Р.В. Смольянинов в одной из публикаций посчитал это катакомбным влиянием, ссылаясь на стратиграфические данные стоянок Монастырщина ПБ и Копанице 1 [18, с. 260]. Однако шнуровая орнаментация характерна для докатакомбных культур энеолита – среднестоговской (дереивской) и репинской.

Проанализируем данные стратиграфии некоторых донских памятников. Стоянки и поселения с чётко разделёнными слоями – единичны, и те данные, которые опубликованы, приведём ниже.

Стоянка Монастырщина ПА на Верхнем Дону имела три горизонта культурного слоя: нижний с гребенчато-накольчатой керамикой, средний с ямочно-гребенчатой керамикой (отождествлялась Б.А. Фоломеевым со средним горизонтом Долговской стоянки [23, с. 33] и верхний, «отличающийся значительным разнообразием, что является характерной чертой для Долговской и других верхнедонских пойменных стоянок» [23, с. 33]. В верхнем слое есть ромбоямочная керамика, сочетающаяся на одном фрагменте ямки с плоским рубчатым дном и вертикальные оттиски верёвочки, образующие пояс в верхней части сосуда, «т.е. элементом, широко распространенным в катакомбное время» [23, с. 34]. Верхний горизонт памятника, по аналогии с верхним горизонтом Долговской стоянки, был датирован 2-й пол. III – нач. II тыс. до н.э. [23, с. 33–34]. С этим слоем связывают и дату по древесине, взятую не из культурного слоя, а из верхних отложений старицы, расположенной рядом с памятником: 3930±50 л.н. [23, с. 34]. Керамики собственно эпохи бронзы на памятнике нет. Стратиграфическими данными стоянки Монастырщина ПБ, расположенной рядом, пользоваться нельзя, о чём писал ещё автор раскопок Б.А. Фоломеев [23, с. 29].

На известном верхнедонском памятнике Долгое В.П. Левенком были выделены три горизонта культурного слоя: нижний и средний – неолитические с материалами рязанско-долговской культуры, аллювиального происхождения; верхний же горизонт «состоит из буроватого делювиального суглинка, смытого со склонов коренной террасы, с остатками измельченной керамики энеолита и бронзы» [1, с. 8–9]. В итоге, обращаясь к стратиграфии стоянки Долгое, не надо забывать о переотложенности её верхнего слоя.

Стратиграфия стоянки Ярлуковская Протока характеризуется наличием трёх горизонтов, разделённых на 8 условных слоёв (штыков). Нижний горизонт (слои 8–5) содержал накольчатую керамику. Средний (слои 4–3) – накольчатую, рязанско-долговскую и рыбоозёрскую. Здесь же появляются кости одомашненного быка. В верхнем горизонте отмечена только керамика энеолита и эпохи бронзы с костями домашних животных [1, с. 11–12].

Стоянка Рыбное Озеро-1 содержала три горизонта культурных отложений: нижний – с накольчатой керамикой днепро-донецкого типа, средний – с накольчатой и ямочно-гребенчатой. Верхний горизонт вмещал в себя керамику поздненакольчатую (или рыбоозёрскую), среднестоговскую энеолитическую и катакомбную эпохи бронзы [1, с. 12]. Как видно, верхний горизонт содержал разнокультурную керамику, что отнюдь не свидетельствует о синхронности выявленных в слое материалов.

Культурные отложения Дармодехинской стоянки на Среднем Дону включали несколько горизонтов. Нижний слой – неолит и энеолит; выше – через илестые прослойки – катакомбный слой, выше которого через стерильную илестую прослойку залегает слой с материалами абашевской культуры и раннего железного века (РЖВ) [24].

Обратимся к данным топографии. Исследователями верхнедонского неолита не раз отмечалась встречаемость неолитической керамики на высокорасположенных поселениях (мысы террас, коренных берегов высотой от 8 м до 22 м от современного уреза рек), что связывается ими исключительно с нестабильной обстановкой [25; 18, с. 260]. Однако здесь ещё надо учитывать постоянные климатические изменения, возможную смену форм хозяйства, сезонность поселений. Что характерно, конкретно на высоких мысовых участках высотой от 20 м, где затем появляются укрепленные городища РЖВ, неолитическая керамика встречается лишь на территории Верхнего Дона (Перехвальское городище, городище Малый Липяг), на Среднем Дону подобное пока не зафиксировано.

Для продления хронологии пережиточного неолита привлекают данные погребального обряда, а именно материалы грунтового могильника Терешковский Вал на юге Воронежской области. Могильник разновременный, содержал погребения нескольких обрядовых и хронологических групп. В отдельную, самую большую группу выделяются несколько погребений с северной, с отклонением на запад, ориентировкой, положение костяков – «сгорчено на спине». Примечателен инвентарь – кремнёвые наконечники, изделия для их изготовления, костяной наконечник стрелы шигирского типа и обломанная костяная острога, два металлических ножа [16, рис. 8–10]. А.Т. Синюк предположил, что погребения данной группы соотносятся по времени с эпохой бронзы степной зоны по наличию металла, что по хронологии соответствует позднему неолиту – эпохе раннего металла северных лесных территорий [16, с. 50]. Типология кремнёвых наконечников, костяной гарпун, костяной наконечник шигирского типа, грунтовой погребальный обряд привели исследователей в поисках аналогий к традициям северного этнокультурного ареала времени позднего неолита – эпохи раннего металла. А.Т. Синюк охарактеризовал могильник как место захоронения мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел – выходцев из северного этнокультурного ареала [16, с. 50–51].

При подытоживании вышесказанного напрашиваются определённые выводы:

1. Основное количество морфологических и технологических признаков неолитической керамики, указывающих на её пережиточный характер (профилировка венчиков, «воротнички», плоскодонность, органические примеси в тесте, шнуровая орнаментация), появляются с распространением энеолитических культур.

2. Достоверно не зафиксировано ни одного случая совместного стратиграфического залегания неолитических материалов и керамики раннего – среднего этапов эпохи бронзы на поселенческих памятниках. На тех же памятниках, где такое встречено, имело место смешение разновременных материалов (Монастырщина ШБ, Долгое, Рыбное Озеро-1, Копанице 1). А появление неолитической керамики на высокорасположенных поселениях не обязательно свидетельствует о нестабильной обстановке.

3. Погребальный обряд как неолитического населения, так и населения эпохи бронзы не даёт прямых свидетельств их сосуществования. В курганах эпохи бронзы пережиточно-неолитическая керамика отсутствует.

Таким образом, о существовании местного лесостепного пережиточно-неолитического населения до раннего, а тем более, среднего периодов эпохи бронзы, достоверных данных нет. Есть лишь единичные, вырванные из общего контекста признаки, проявляющиеся на керамической посуде и в погребальной традиции населения раннего и среднего этапов эпохи бронзы. Как исключение – пришлое население с ромбовидной керамикой, с которой на рубеже энеолита – эпохи бронзы связывается культурогенез иванобугорских древностей.

Итак, верхняя граница пережиточного неолита была определена ещё В.П. Левенком рубежом III–II тыс. до н.э. С тех пор, по прошествии полувека, произошло удревнение блока культур неолита – энеолита – эпохи бронзы как Подонья, так и смежных регионов. Так, уже практически ни у кого не вызывает сомнений, что начало неолитического периода в Донской лесостепи следует связывать со 2-й пол. VI тыс. до н.э. [4; 5; 6], а начало энеолита – со 2-й пол. V тыс. до н.э. [26]. Однако финал неолита до сих пор остался в хронологической шкале на рубеже III–II тыс. до н.э. Скорее всего, с распространением репинской культуры большая часть пережиточно-неолитических групп населения в Донской лесостепи перестаёт существовать. По мое-

му мнению, о существовании, а тем более о совместном бытовании на одной территории пережиточно-неолитического населения и населения среднего периода эпохи бронзы не может быть речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Левенок В.П.* Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969.
2. *Синюк А.Т.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.
3. *Синюк А.Т.* История населения донской лесостепи в V–II тыс. до н.э. (неолит – энеолит – бронза): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1985.
4. *Гапочка С.Н.* Неолитические памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой лесостепного Дона: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001.
5. *Сурков А.В.* Неолитические памятники Похоперья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
6. *Смольянинов Р.В.* Ранний неолит Верхнего Дона (по данным керамических комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
7. *Синюк А.Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
8. *Ставицкий В.В., Хреков А.А.* Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003.
9. *Сурков А.В.* Неолитические памятники Среднего Похоперья. Воронеж, 2007.
10. *Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
11. *Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
12. *Смольянинов Р.В.* К вопросу о памятниках черкасского типа // Археологическое изучение Центральной России: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). Липецк, 2006.
13. *Смольянинов Р.В., Свиридов А.А., Бессуднов А.Н.* Материалы нижнедонской культуры на Верхнем Дону // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
14. *Скоробогатов А.М.* Керамика черкасского типа на Среднем Дону // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. № 3 (41). Самара, 2011.
15. *Синюк А.Т., Гапочка С.Н.* К истории изучения культурной принадлежности, периодизации и хронологии неолитических памятников лесостепного Подонья // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2005.
16. *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
17. *Сурков А.В.* О культурном статусе памятников с керамикой дронихинского типа в неолите лесостепи Доно-Волжского междуречья // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2006.
18. *Смольянинов Р.В.* Керамика с ромбоямочной орнаментацией лесостепного Подонья в системе ромбоямочных керамических древностей Восточной Европы // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009.
19. *Смольянинов Р.В.* Нео-энеолитическое влияние на керамику эпохи бронзы лесостепного Подонья // Бронзовый век Восточной Европы. Самара, 2001.
20. *Ставицкий В.В.* О некоторых дискуссионных проблемах в изучении Похоперского неолита // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 1. Пенза, 2008.
21. *Сурков А.В., Скоробогатов А.М.* Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). Воронеж, 2012.
22. *Сурков А.В., Скоробогатов А.М.* Материалы неолита и энеолита стоянки Ямное в Донской лесостепи // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013.
23. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы / *Б.А. Фоломеев, А.Л. Александровский, М.П. Гласко, М.И. Гоняный, М.А. Гуман* // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990. (Труды ГИМ. Вып. 73)
24. *Пряхин А.Д.* Отчет раннего отряда археологической экспедиции Воронежского университета за 1965 г. // Архив ИА РАН. 1966. Р-1. № 3051.
25. *Козмирчук И.А.* Стоянка финального этапа неолитической эпохи у с. Писарево в Липецкой области // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999.
26. *Скоробогатов А.М.* Энеолитические памятники Донской лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.

**ООО «Терра»,
Воронеж**

А.М. Skorobogatov

ON THE FINAL DATE OF THE NEOLITHIC OF THE DON FOREST-STEPPE ZONE

Summary

This article is devoted to the review of the available concepts about the final of the Neolithic of the territory of the Don forest-steppe. Practically all the researchers of the Don Neolithic put forward the idea of the existence of Neolithic cultures till the Bronze Age, and also about their coexistence up to the middle period of the Bronze Age. On the basis of the critical analysis of the available concepts the author comes to the conclusion, that neither the data of ceramics materials, nor the data of the stratigraphy and topography of the Don monuments, as well as the data of the funeral ceremony let us agree with the available hypotheses unconditionally. According to the author, it's already with the approach of the early period of the Bronze Age (the Ancient Yamnaya cultural-historical area) the local forest-steppe zone Neolithic population ceases to exist.

**Limited liability company «Terra»,
24, 20 let Oktyabrya St., Voronezh, 394030,
Russia**

E-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

И.И. Разгильдеева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАТЕГОРИИ «МИКРО»: АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СТРУКТУР ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Широко изученные к настоящему времени палеолитические памятники Западного Забайкалья поселенческого типа в основном представляют собой остатки кратковременных стоянок с локализованными в культурном слое пятнами-скоплениями археологических материалов, характеризующих древние жилищно-хозяйственные структуры.

При оценке значимости территории мест обитания древним населением особое внимание уделялось системам жизнеобеспечения. Привлекательность места зависела от характера ландшафта, богатства растительных ресурсов, объёма и удобства охотничьих угодий, доступности, качества и количества каменного сырья. Все эти факторы не только влияли на выбор мест стоянок/поселений. Локальная палеоэкология с условным допуском на социально-экономический уровень развития (исторический период) в значительной степени предопределяла варианты моделей природопользования, хозяйственно-экономическую ориентацию и специфику структур поселений, что, соответственно, отражалось в своеобразии культурных характеристик.

Адаптационная привлекательность территорий береговых поселений подтверждается археологической многослойностью памятников. Паводковая динамика речных систем способствовала быстрой консервации оставленных мест обитания и формированию тонких стерильных прослоек, разделяющих культуросодержащие горизонты. Это, с одной стороны, обеспечивало археологическую «чистоту» материалов, с другой – определяло ситуацию обнаружения при раскопках на одном участке территории нескольких самостоятельных комплексов, относимых к разным хронологическим периодам, но расположенных стратиграфически друг над другом (Студёное-1, горизонт (гор.) 18/1, 18/4, 19/3, 19/4; Студёное-2, гор. 4/4, 4/5, 6; Усть-Менза-1, гор. 11, 12; Усть-Менза-2, гор. 17, 20, 21; Косая Шивера, гор. 6, 14 и др.) [1, с. 48–67].

Большинство палеолитических стоянок Забайкалья включали различного типа остатки жилищно-хозяйственных структур. Связанные с ними коллекции артефактов оценивались исследователями как немногочисленные, с малым индексом орудийного инвентаря, плохой сохранностью и непредставительностью остеологических остатков. При сравнении данных с материалами долговременных поселений или стоянок мастерских делались выводы о непродолжительности периода их обитания.

Состав коллекций каменного инвентаря показывал, что жители древних поселений использовали преимущественно готовый орудийный набор. Дополнительные работы по расщеплению проводили лишь при острой необходимости. Значительную часть каменных артефактов составляли продукты микродебитажа: отходы вторичной обработки или утилизации и реутилизации изделий, так называемые негативные выборки. В числе «крупных» предметов (размерами 3–8 см) преобладали готовые орудия в виде скребел и отбойников. Отдельную группу составляли сработанные нуклеусы. Помимо целевой направленности хозяйственной деятельности данных поселений и кратковременности обитания, определяющим доминирование микроотщепов и чешуек (размерами от 0,3 до 1 см) фактором являлся микроразмер первооснов, обусловленный дефицитом качественного сырья. Например, заготовками для торцовых и клиновидных микронуклеусов выступали преимущественно сколы с небольшого размера галек из разноцветных яшм или близких к ним по твёрдости пород.

Своеобразный характер геoarхеологических объектов определил методику полевых исследований. Многолетние раскопки показали, что при организации хозяйственной деятельности древний забайкалец обязательно использовал камни для структурирования обитаемого пространства: обкладки очагов и жилищ, сырьевые запасы, «интерьерные камни» и т.д. Поэтому обнаружение при раскопках любого камня являлось маркирующим для фиксации стратиграфического уровня с вероятностью обнаружения культурных проявлений. С наилучшей стороны показала себя методика горизонтальной зачистки слоя при выходе на уровень верхушек камней с сохранением их положения как структурирующего пространство горизонтов элементов. Фиксация артефактов, включая весь выявленный *in situ* микродебитаж, осуществлялась в трёхмерной сис-

теме координат. Положение мелких артефактов, выявленных при просеивании, учитывалось с закреплением к четверти квадрата по секторам. Эта несложная и принятая система позволяла выполнять требуемую координатную привязку основной массы находок.

При просеивании выявлялись в том числе мелкие осколки костей (до 1,5–3 см), входящие в микрозаполнитель слоя, которые в ситуации с насыщенным культурным наполнением зачастую и не рассматриваются в качестве артефактов. В лучшем случае они учитываются по массе суммарно, а чаще всего вообще не участвуют в анализе материала ввиду мелкой осколочности и неопределимости фрагментов.

Именно этот «непредставительный» материал при камеральной обработке заносится во вспомогательные шифровальные таблицы, конвертируемые с основной базой данных, с целью учёта характера микроэлементов, отмечающих уровень древней поверхности, подвергшейся антропогенному воздействию. Комплексный анализ схем-планов присутствия остеологических микроостатков и основной коллекции каменного инвентаря даёт поразительные результаты, позволяя «проявлять» структуру как комплексов, так и слоя в целом. Аппликативные и сырьевые связи микродебитажа с нуклеусами и орудийным инвентарём позволяют решать проблемы синхронности/единовременности обитания сложносоставных комплексов; выявляют направления перемещения орудий и участков с рабочими точками; способствуют выделению спальных и хозяйственных зон; повышают обоснованность реконструкций хозяйственной деятельности древних коллективов [2, с. 12–25]. Совокупный анализ характера микроосколков костей даёт также сведения о направлениях хозяйственной адаптационной стратегии [3, с. 26–30; 4, с. 392–395]. Результативность анализа структур культурных горизонтов с привлечением баз данных находок с размерами категории «микро» значительна.

Применение методологического подхода индивидуальной фиксации и комплексного анализа микроматериалов культурных горизонтов Студёное-1, Студёное-2 (Красночикойский район, Забайкальский край) (рис. 1) дало положительные результаты и показало значимость и информативность этой скрытой при первичной обработке базы данных. В качестве примера приведём результаты планиграфического анализа одного из комплексов Забайкалья.

Благодаря приведённым выше методикам были получены материалы по хозяйственному комплексу горизонта 4/4 поселения Студёное-2 (рис. 2). Общая площадь вскрытия горизонта составила 619 кв. м. Рассматриваемый далее участок обитания со следами древней хозяйственной деятельности занимал северную часть мыса II террасы, вытянутую вдоль берега р. Чикой. Его протяжённость с северо-запада на юго-восток составила 8,5 м. Археологические материалы распределялись неравномерно.

Коллекция каменного инвентаря ввиду массового преобладания продуктов дебитажа, характеризующихся исключительно микроразмерами до 1,5 см: отщепы (187 экз.), чешуйки (255 экз.), пластины (6 экз.), микропластинки и фрагменты микропластинок (60 экз.), кусочки графита (11 экз.), – могла оцениваться как непредставительная. К категории «крупных», в данном случае, отнесены изделия размерами от 2 см (всего 17 экз.): резец на сколе с микронуклеуса (рис. 4: 7), два скребла, рукояточная часть сломанного орудия (рис. 4: 8), 5 истощённых микронуклеусов (размеры до 2,5 см) (рис. 4: 1–5), 6 сколов оживления и два отбойника из округлых уплощённых галек. 90 % артефактов выполнены из яшм, отсутствующих в местных галечниках.

Среди остеологических материалов порядка 89 % – мелкие неопределимые осколки костей. Из оставшихся – 50 % – обожжённые осколки и фрагменты рёбер животных, которые в основном тяготели к северной части комплекса. Единичны кости с эпифизами.

В ходе полевых исследований в культурном горизонте были выделены несколько определяющих участков обитания хозяйственных структур: три кострища (одно с севера, два с юга) и очаг. Рядом с ними располагались по отдельности и группами 39 камней, углисто-золистые пятна, каменный и фаунистический материал.

Остатки хозяйственной зоны, получившей обозначение кострище № 1, отмечались красновато-сажистым округлой формы пятном размерами 0,68×0,7 м (мощность заполнения – от 0,5 до 1 см). С северной стороны от пятна лежали два микронуклеуса и галька-отбойник. С южной стороны пятна находились фрагмент и треугольный обломок гранитного валуна. Возле кострища найдены микропластинки и чешуйки, небольшие скопления остатков фрагментов рёбер животных.

Кострище № 2 представляло собой вытянутое с северо-запада на юго-восток подовальной формы пятно серой пепельной массы с мелкими углистыми вкраплениями и примазками. Заполнение образовывало плотную плёнку размерами 0,9×0,6 м, мощностью 1 см, с небольшими линзами толщиной в 2–2,5 см. В восточном секторе пятна располагались четыре разрозненных обломка гранитных валунов.

Кострище № 3 – углистое пятно диаметром 0,9 м. В заполнении отмечались пепельно-сажистые и красноватые прослойки, формирующие уплотнённый слой (мощность 2–2,5 см) с линзами затекания под тремя прилегающими к кострищу камнями. Рядом с ними с восточной стороны были обнаружены два сработанных микронуклеуса (рис. 4: 3, 4).

Единичные находки около кострищ № 2, 3 представлены выявленными в основном при просеивании чешуйками, фрагментами микропластинок, мелкими осколками косточек (размеры артефактов – 0,3–0,5 см). Посередине между кострищами № 2 и № 3 лежали три крупных валуна из гранита.

В пространстве культурного горизонта наиболее выразительны остатки округлой формы очага (размерами 0,65×0,75 м). Он находился в 1,45 м от кострища № 1 и в 2,2 м от кострища № 2. В заполнении очага – углисто-золистая масса мощностью до 5 см. По периметру, образуя разреженную обкладку, располагались

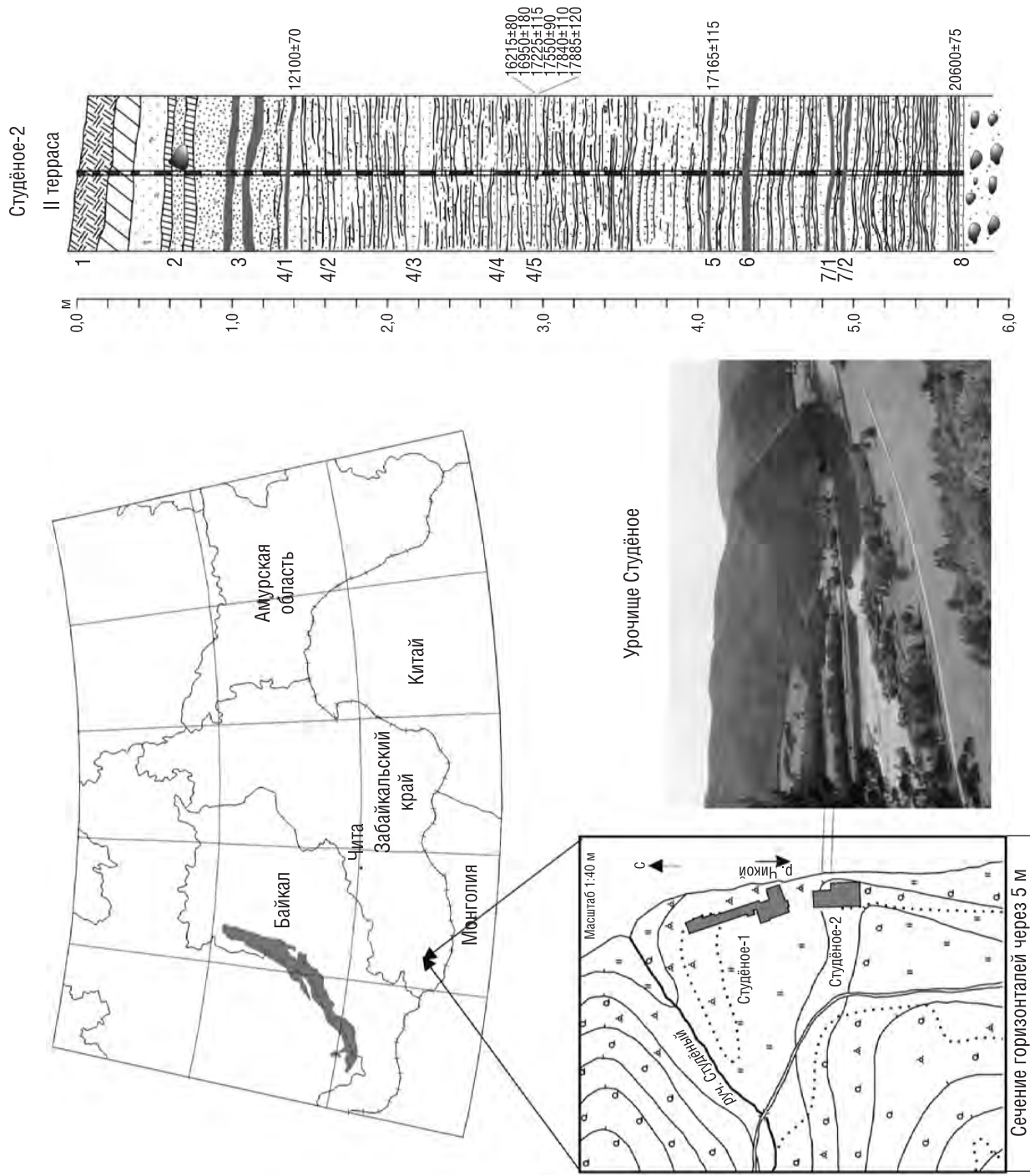

Рис. 1. Россия. Забайкальский край. Красночикойский район. Урочище Студёное. Место нахождения и топоним поселения Студёное-1, 2. Стратиграфия II надпойменной террасы р. Чикой: поселение Студёное-2

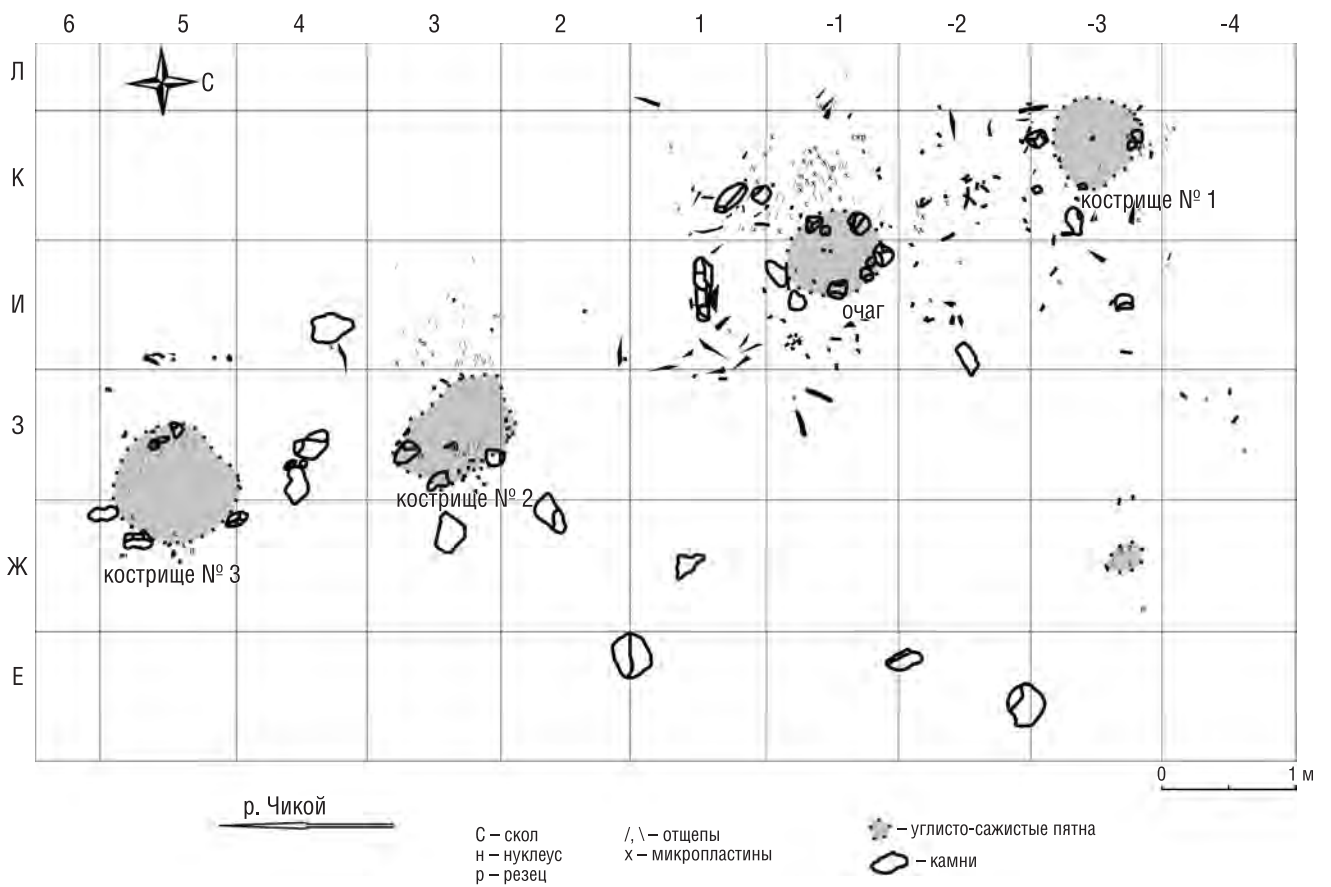

Рис. 2. Поселение Студёное-2. Фото и план культурного горизонта 4/4

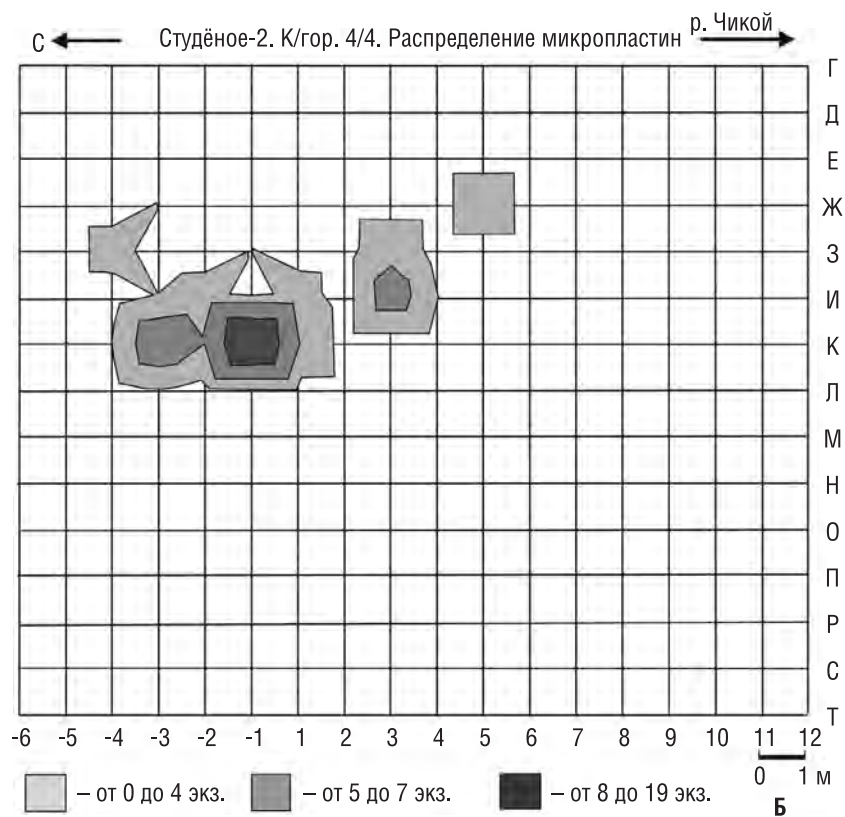
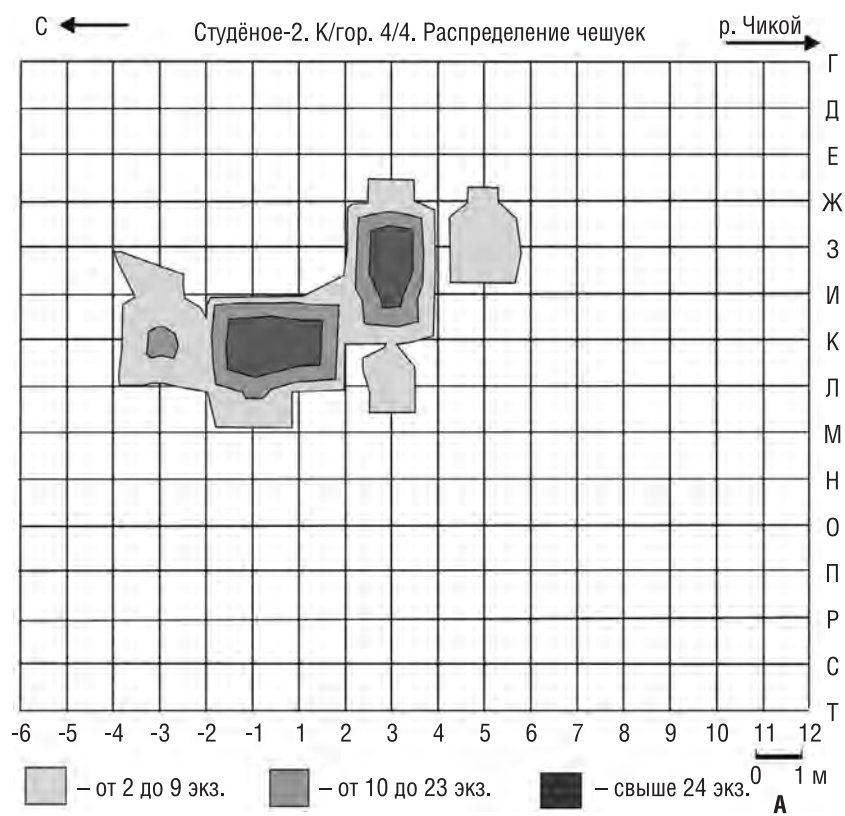

Рис. 3. Поселение Студёное-2. Культурный горизонт 4/4. Схемы распределения микроинвентаря: А – чешуек; Б – микропластин

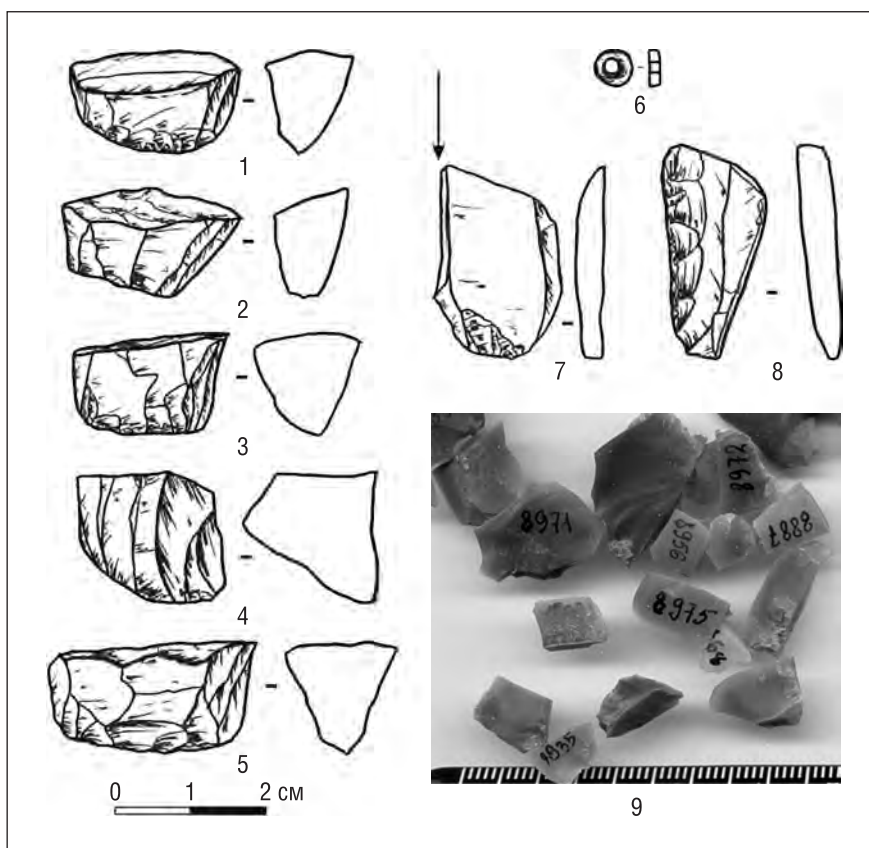

Рис. 4. Поселение Студёное-2. Каменный инвентарь: 1–5 – нуклеусы; 6 – бусинка; 7 – резец; 8 – рукояточная часть орудия; 9 – микродебитаж

7 камней – обломки гранитов и базальтов. Рядом с камнями обкладки внутри очага лежали два скребла. Структурирование участка слоя вокруг очага завершали два крупных базальтовых обломка (длиной до 47 см), лежащих на ребре под небольшим наклоном на расстоянии 0,5 м с юга и юго-запада. С западной стороны на площади 0,5 м выделен точёк (кв. -1, К) – скопление чешуек и фрагментов микропластин указывает на расщепление микронуклеусов из разноцветных яшмоидов. Здесь же была найдена круглая бусинка из скорлупы яйца страуса (рис. 4: 6) диаметром 0,5 см, толщиной 0,3 см с круглым отверстием диаметром 0,25 см. С юго-востока от очага локализовано располагались фрагменты и мелкие осколки рёбер животных.

Условную границу хозяйственного комплекса с восточной стороны отмечали шесть хорошо окатанных крупных, длиной до 0,3 м, гранитных валунов. Таким образом, общая площадь участка со следами антропогенного воздействия составила порядка 45 кв. м.

Непосредственно при проведении раскопок одновременность функционирования выделенных структур и наличие планиграфических связей остались под вопросом. В ходе камеральной обработки и при последующем анализе, именно благодаря привлечению планов-схем присутствия микродебитажа и фаунистических остатков, была уточнена планиграфия горизонта обитания (рис. 3). Аппликативные и сырьевые связи нуклеусов и микродебитажа позволили сделать вывод об одновременности формирования структур слоя и интерпретировать данный комплекс в качестве кратковременной стоянки палеолитических охотников. На основе стратиграфического положения между ранее датированными по радиоуглероду горизонтами Студёного-2 время обитания древнего поселения определяется в рамках 14 тыс. л.н. [5, с. 128–130] (рис. 1).

При планиграфическом анализе культурного горизонта 17 поселения Студёное-1 исключительно благодаря базам данных о наличии костных микроостатков была выявлена “дорожка” между двумя жилищно-хозяйственными комплексами, взаимосвязь которых ранее не обнаруживалась [6, с. 13–23] (рис. 5, 6).

Включение в комплексный планиграфический анализ данных по микродебитажу позволило уточнить структуры сложносоставных жилищно-хозяйственных комплексов культурных горизонтов 4/5, 5 поселения Студёное-2 [2, с. 12–25; 5, с. 128–130].

Существует ещё одно, закрепившееся среди исследователей положение, которое представляется не совсем обоснованным. В археологических материалах с многочисленных стоянок-поселений, интерпретируемых в качестве временных охотничьих лагерей, крайне незначительны коллекции фаунистических

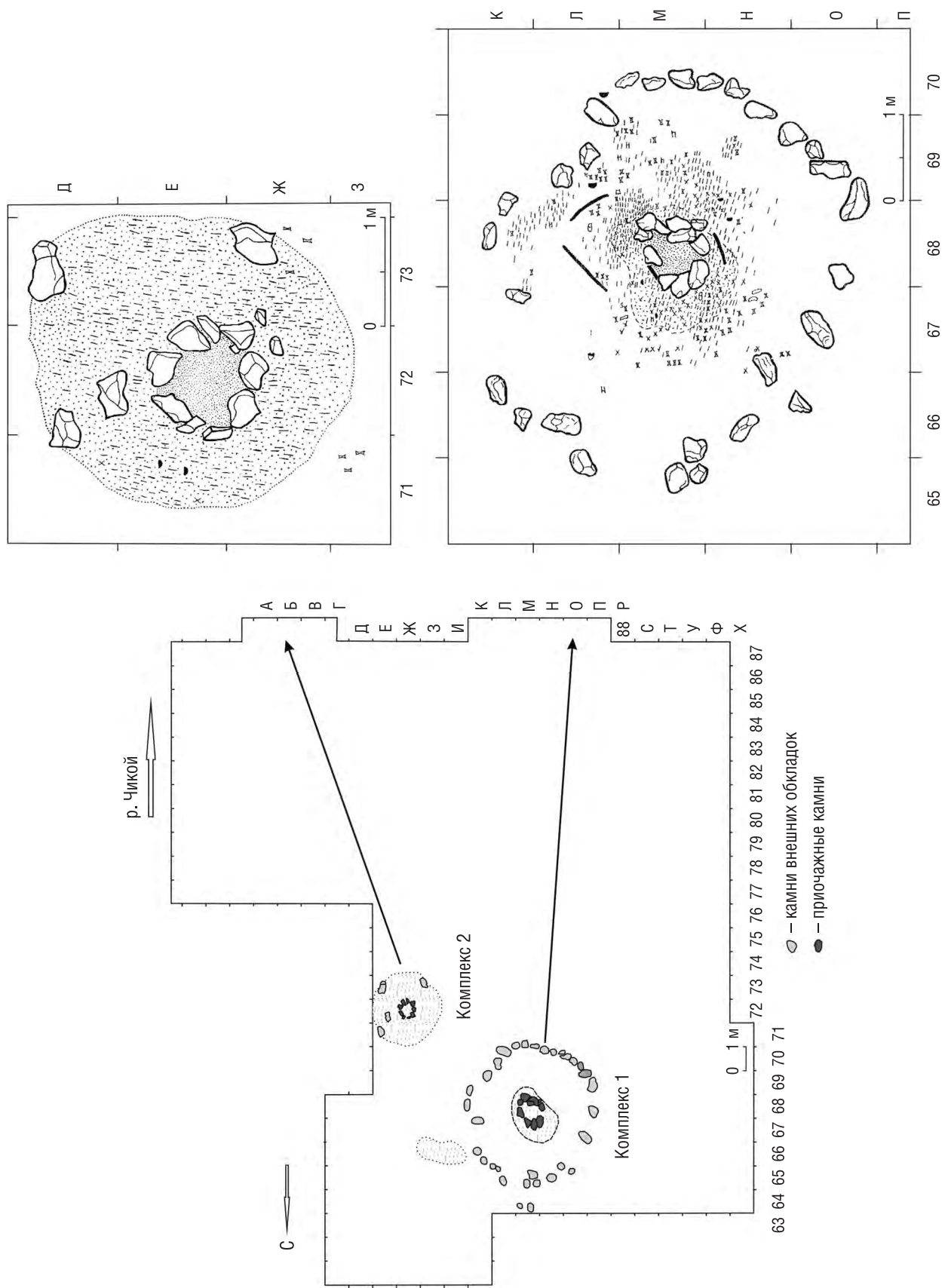

Рис. 5. Поселение Студёное-1. Культурный горизонт 17. Планиграфия жилищно-хозяйственных комплексов

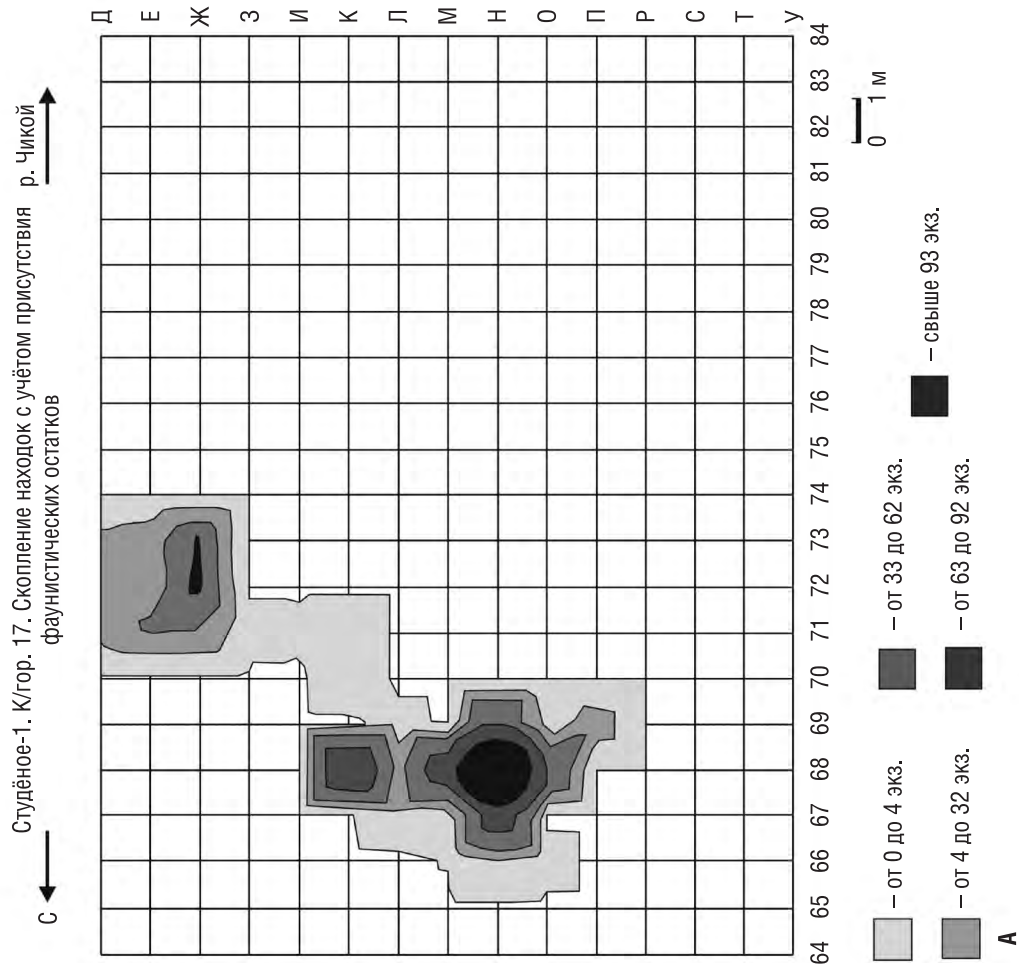
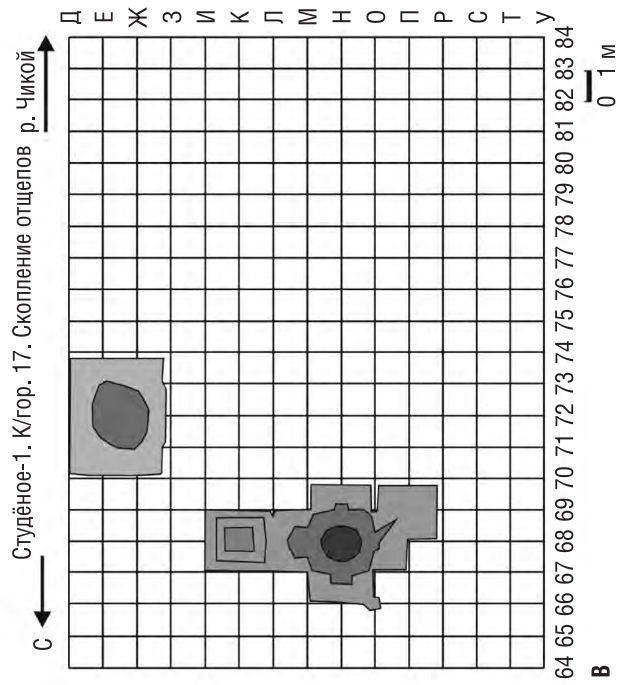
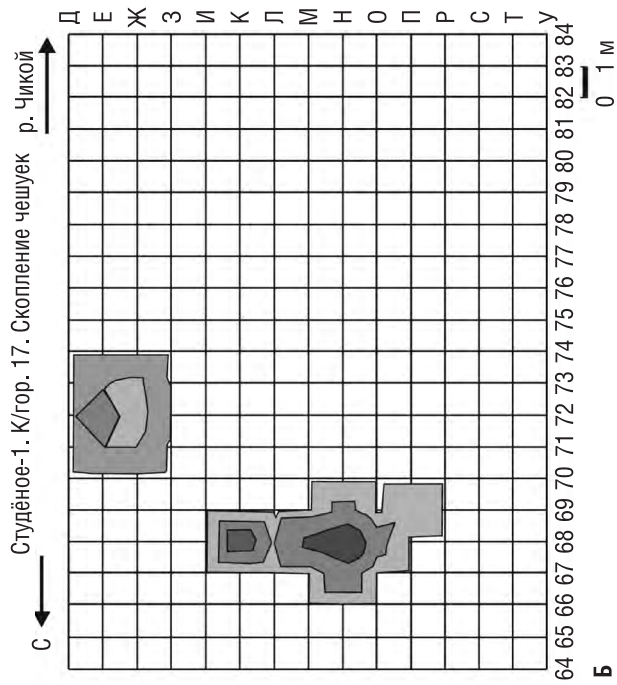

Рис. 6. Поселение Студёное-1. Культурный горизонт 17. Распределение микроинвентаря – пример выявления «скрытых» связей

остатков. В результате сложилось мнение о плохой сохранности кости в аллювиальных горизонтах забайкальских поселений. Данный факт объяснялся высокой водопроницаемостью рыхлых отложений речных террас, близостью грунтовых вод и кислотностью почв. В связи с относительной немногочисленностью фаунистических коллекций внимание исследователей обращалось исключительно на определимые фрагменты (видовой состав промысловой фауны) и выраженные орудия.

В ходе палинологических и геохимических исследований по разрезам отложений поселений Студёное-1, 2 были проведены замеры уровня pH образцов (pH(KCl), ГОСТ 26423-85). Они показали уровень кислотности в диапазоне от 6,5 до 7,5 ед., что соответствует среде, близкой к нейтральной, не оказывающей принципиального влияния на сохранность пыльцы и костных остатков. В то же время, как показал планиграфический анализ распределения остеологических материалов, изучение структуры и дистрибуции скелетных элементов различного качества на поселениях позволяет реконструировать процесс использования ресурсов добычи, предполагать методы разделки добычи и исследовать направления использования кости.

Например, видовой состав плейстоценовой фауны с поселений Студёного включал млекопитающих: парнокопытных из семейства оленевых – благородный (*Cervus elaphus el.*) и северный (*Cervus elaphus sp.*) олени; из подсемейства оленевых – косуля, изюбрь, сайга (*Capreolus*, *Cervus elaphus* x., *Saiga*); семейства полорогих – бык или бизон, баран, винторогая антилопа (*Bos*, *Bison*, *Ovis*, *Tragelaphini*); отряда непарнокопытных семейства лошади (*Equus caballus*) [7, с. 50–52].

Как показал анализ остеологических материалов, в коллекциях останки животных, являющихся объектом охотничьей добычи древнего человека, представлены в основном фрагментами рогов и трубчатых костей (эпифизы, как правило, отсутствуют), обломками рёбер, обломками челюстей и отдельными зубами (рис. 7). Раздробленность практически всей кости, имеющей пищевую ценность, демонстрирует высокую степень утилизации охотничьей добычи. Осколки образуют массу мелких, часто обожжённых фрагментов диафизов, размерами до 3 см, которые скоплениями располагались внутри хозяйственных и жилищных комплексов и были связаны с очагами и углито-золистыми пятнами. Их интерпретируют, опираясь на данные этноархеологических исследований, как «кухонные остатки» с концентрациями в пространствах внутренней домашней активности, в зонах приближенной эвакуации [8, с. 330–361; 9].

При анализе характера присутствия костей и различных скелетных элементов на поселениях было отмечено, что они косвенно отражают особенности методов охоты, включая, возможно, такие аспекты, как (1) специфические особенности забивания добычи, (2) проблемы транспортировки, (3) дифференцированный отбор продуктов использования и (4) различные социальные факторы [10, с. 203–230]. При этом охотник использовал доступные ресурсы в соответствии со стратегией максимальной практической экономии собственных временных и физических затрат.

Сравнение картины археологических остатков с экспериментально-этнографическими данными показало, что малочисленность фаунистических коллекций связана, скорее, не с плохой сохранностью кости, а

Рис. 7. Благородный олень (выделены части скелета, представленные в коллекциях остеологических материалов древних поселений)

со спецификой охотничьей деятельности [11, с. 319–345]. Не заостряя внимание на способах охоты, остановимся на процессе утилизации объекта добычи. Разделка туш крупных животных выполнялась непосредственно на месте забоя и происходила поэтапно. По одному из вариантов, после отделения головы и обдирания шкуры удалялись ноги, мякоть горловины, поясницы, секции и пластины нервы. Мякоть разделялась на пластины и полосы для транспортировки. Грудина раскалывалась, проходило разъединение в затылочной части позвоночника и наверху крестца, выполнялось отделение мякоти от лопаток и длинных костей, которые подвергались расщеплению для потребления мозга и жира. На месте разделки употреблялись внутренности и некоторая часть мяса и костей, остатки которых выбрасывались здесь же. В итоге подготовленные к транспортировке части туш содержали отделённую мякоть и незначительное количество костей, которые затем переносились в основной лагерь. В результате количество и состав остеологического материала существенно различались в местах, где происходили забой и разделка туш, и в местах непосредственного потребления основных запасов охотничьей добычи. Различия фиксируются, в первую очередь, в характеристиках остеологических остатков.

Состав фаунистических коллекций с палеолитических поселений Западного Забайкалья указывает на стратегию утилизации охотничьей добычи, сходную с вышеописанной. Закономерно возникает воп-

рос об интерпретации древних поселений в качестве демисезонных базовых лагерей, а не кратковременных стоянок-перекочёвок [4, с. 392–395]. Исключение – 14-й культурный горизонт поселения Студёное-1, где анализ скоплений фаунистических остатков (видовое определение к.биол.н. Н.Д. Оводова) и их характер предполагают хозяйственную площадку, на которой проводились разделка и утилизация части туши оленя (*Cervus Sp.*), добытого в непосредственной близости.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что зачастую не количественный состав коллекции определяет её информативность, а качественный подход к самому материалу, несмотря на его объём и размеры. Внимание к микроматериалам, независимо от их “внешней” выразительности, открывает значительные возможности для осмысления человеческого поведения, реконструкции культурных традиций, связанных со снабжением и обработкой ресурсов добычи и каменного сырья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Константинов А.В.* Древние жилища Забайкалья: Палеолит, мезолит. Новосибирск, 2001.
2. *Разгильдеева И.И.* Планиграфия палеолитического комплекса западного Забайкалья // Археологические вести. Вып. 19. СПб., 2013.
3. *Васильев С.А., Каспаров А.К., Свеженцев Ю.С.* Фаунистические остатки и реконструкция характера охоты палеолитического человека на Верхнем Енисее: по материалам многослойных стоянок в районе Майнинской ГЭС // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2001. № 3 (7).
4. *Разгильдеева И.И.* Реконструкция традиций освоения охотничьих ресурсов древних поселений // Природные ресурсы Забайкалья и проблемы природопользования: Материалы научной конференции. Чита, 2001.
5. *Разгильдеева И.И., Севостьянова Е.А.* Новый хозяйственный комплекс поселения Студёное-2 // Культуры Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых Томск, 1–3 апреля 2003 г. Томск, 2003.
6. *Разгильдеева И.И.* Анализ 17 культурного горизонта поселения Студёное-1 // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита, 2002.
7. *Константинов М.В., Оводов Н.Д., Карасев Г.Л.* Древние охотники и рыболовы Забайкалья // КСИА. Вып. 181. 1985.
8. *Binford, L.R.* Dimensional Analysis of Behavior and Site Structure: Learning from an Eskimo Hunting Stand // American Antiquity. Vol. 43. № 3. 1978.
9. *Leroi-Gourhan, A.* Pincevent: Campement Magdalenien De Chasseurs De Rennes. Paris, 1984.
10. *Leonova, N.B. and Min'kov, E.V.* Spatial Analysis of Faunal Remains from Kamennaya Balka II // Journal of Anthropological Archaeology. № 7. 1988.
11. *O'Connell, J.F., Hawkes, K., Blurton Jones, N.G.* Patterns in the Distribution, Site Structure and Assemblage Composition of Hadza Kill-Butchering Sites // Journal of Archaeological Science. № 19. 1993.

*Забайкальский государственный университет,
Чита*

I.I. Razgil'deeva

ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE «MICRO» CATEGORY: ANALYSIS AND INTERPRETATION OF ECONOMIC STRUCTURES OF ANCIENT SETTLEMENTS

Summary

As a rule the major part of archaeological collections recovered during excavations at the Palaeolithic settlements is constituted by the group of artifacts which are characterized by «micro» sizes. Both stone implements and osteological remains refer to these collections. The article presents the results of planigraphical studies of Palaeolithic economic complexes of Eastern Transbaikaliya, based on the analysis of stone inventory. It also features the factual value of the given data which allowed reconstructing the character of economic activity and structural organization of ancient settlements.

*Zabaikal'sky State University,
30, Alexandro-Zavodskaya St., Chita, 672039,
Zabaykal'sky Krai,
Russia*

E-mail: labpaleo@yandex.ru

И.Ю. Хрусталёва

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕРТЕЯ 3-3 И СЕРТЕЯ XIV С УЧЁТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА

Поселение – это сложный многокомпонентный организм, отражающий все аспекты бытия и во многом – мышления его жителей. Изучение остатков древних стоянок помогает реконструировать целый ряд аспектов жизни их обитателей. Следует отметить важность изучения естественных природных условий, выбранных людьми для своего поселения. Это позволяет выявлять особенности адаптации древнего населения к окружающей природной среде. При анализе условий формирования поселений в природном ландшафте необходимо различать ландшафт всего региона в целом (в условиях которого человек выбирает наиболее подходящее для своего поселения место) и микроландшафт самого поселения (где человек сам обустроивает пространство для своих нужд, корректирует природные формы рельефа, если это необходимо). В связи с этим нужно разделять внешние (характер освоения окружающей среды) и внутренние (структура поселения, его положение в рельефе конкретной местности) аспекты адаптации [1].

Чтобы выявить внешние аспекты адаптации в первую очередь следует определить общие принципы, которыми должен был руководствоваться древний человек при выборе подходящей для будущего поселения местности. Во-первых, это близость воды, которая необходима для функционирования любого поселения. Во-вторых, близость к пищевым и сырьевым ресурсам: доступность промысловых зверей, рыбы, грибов, ягод, выходов кремня, залежей глины и т.д. В-третьих, относительная закрытость от внешней среды: холодных ветров, кровососущих насекомых, хищных зверей и т.д. В-четвёртых, максимальная освещённость в течение дня и в течение того сезона, в котором это поселение функционировало. Выбор места для организации поселения также зависел от рода деятельности его обитателей: охота, собирательство, рыболовство, изготовление керамики, кремнёвых или костяных орудий и т.д.

Важную роль в выявлении внутренних аспектов адаптации играет анализ структуры самих поселений, распределения отдельных объектов (жилищ, хозяйственных сооружений, очагов и ветровых заслонов). Особенности их взаимного расположения, ориентировка относительно сторон света, воды и господствующих ветров, в свою очередь, могут дать сведения о времени года, в котором функционировало поселение, об основных видах деятельности его обитателей, их численности и т.д.

Цель работы – проанализировать особенности естественного ландшафта, по археологическим данным проследить специфику организации поселений, установить факты, повлиявшие на выбор мест для поселений в целом и для отдельных построек на них, попытаться выделить особенности адаптации древнего населения к естественным ландшафтными условиям.

Неолитические стоянки Сертея 3-3 и Сертея XIV (Смоленская область) находятся в зоне распространения холмисто-моренных и камовых ландшафтов в пределах позднечетвертичного оледенения. Они расположены на различных формах рельефа на северо-восточном берегу большой Нивниковской озёрной котловины на расстоянии около 600 м друг от друга. Поселение Сертея 3-3 находится на небольшой площадке у края высокой террасы и окружено небольшими камовыми останцами. Оно возвышается над зеркалом палеооводоемов на 15–17 м [2]. В то время как поселение Сертея XIV располагается на пологом склоне террасы в непосредственной близости от воды, оно зависело от колебания её уровня.

Для изготовления кремнёвых орудий основным сырьём служил местный желвачный кремень валунного происхождения, небольшое количество изделий делалось из мелового кремня тёмно-серого и чёрного цветов очень хорошего качества [2]. Для изготовления глиняной посуды, как показали результаты анализа геохимического состава керамических фрагментов, использовались локальные отложения, развитые в пределах Сертейской и Нивниковской озёрных котловин, на бортах которых и расположены памятники [3]. Несохранившиеся в условиях песчаных почв дерево и кость, которые, несомненно, использовались для сооружения построек, изготовления орудий, посуды и т.д., обитателям поселений были доступны в полном объёме.

Моделирование древней дневной поверхности и анализ расположения памятников при помощи ГИС-технологий показали, что памятники приурочены к участкам рельефа, которые были хорошо закрыты от

северных и западных, преобладающих в этом регионе, ветров бортом озёрной котловины (Сертея XIV) и камовыми останцами (Сертея 3-3). Местонахождения были экспонированы на юг и юго-запад и максимально освещались на протяжении всего дня в течение года. Можно отметить, что основные принципы, по которым и в наше время, и, видимо, в древности определяется наиболее удачное место для постройки жилища, заключались в выборе сухих мест на плотном грунте на склонах угоров – естественных террасах пойм рек, открытых от преобладающих в этой местности ветров. Поставленный на середине южного склона холма или горы дом надёжно закрыт её вершиной от холодных северных ветров, в то время как южная сторона всегда хорошо прогревается.

Специфика расположения памятников может свидетельствовать о том, что они были связаны с различными пищевыми ресурсами, а возможно, и сезонами обитания. Так, поселение Сертея XIV в первую очередь зависело от продуктивности водоёма, в то же время все лесные ресурсы были доступны древнему населению в полном объёме. Поселение Сертея 3-3 было приурочено к проходящим вдоль кромки озёрной котловины тропам сезонных миграций лося и кабана, которые существуют там и до сих пор [2]. Стоянка Сертея XIV могла существовать в течение всего года, в то время как Сертея 3-3, скорее, бытовала только в период осени – зимы – ранней весны – на такой вывод наталкивает отсутствие источника воды в непосредственной близости от её местонахождения. В этом случае логично предположить, что обитатели этого поселения могли использовать снег в качестве такого источника.

Удачность выбора этих мест для поселений подтверждается долговременностью их существования. На обоих памятниках были выявлены несколько этапов обитания, охватывающих период с мезолита – раннего неолита до позднего неолита. На поселениях были обнаружены остатки разновременных строительных конструкций, которые маркировались кольевыми и столбовыми ямами, скоплениями камней, цветом заполнения ям и западин и т.д.

На поселении Сертея 3-3 были выделены как минимум два разновременных периода обитания. К наиболее раннему (7300–7000 BP) из них относится система из трёх (№№ 18, 20 и 26) округлых углублённых на 11–15 см в материк построек каркасно-столбовой конструкции, соединённых между собой углублёнными переходами-коридорами. Северная и западная границы постройки маркировались песчаными валиками (выбросами из слегка заглублённого сооружения). В двух постройках у стенок фиксируются углублённые овальные очаги. К позднему этапу (после 6200 BP) функционирования поселения относится выявленная здесь система внешних очагов, располагавшихся чуть ближе к краю террасы.

На поселении Сертея XIV выявлены 4 горизонта обитания с остатками жилых и хозяйственных конструкций. К первому горизонту (до 7000 BP) относится система хозяйственных ям, внешних очагов и ветровых заслонов, а также остатки двух округлых мезолитических и одной подпрямоугольной раннеолитической построек со слегка углублённым полом. Во втором и третьем горизонтах (7000–6200 BP) фиксируются остатки трёх раннеолитических подовальных наземных столбовых жилищ большой площади. А к последнему этапу заселения памятника (6200–5200 BP) относятся внешние очаги и остатки двух небольших округлых наземных построек, одна из которых расположена непосредственно у уреза воды.

Пространственный анализ положения остатков сооружений на памятниках и трёхмерная реконструкция древней дневной поверхности показали, что на поселении Сертея 3–3 трёхкамерная жилая конструкция располагалась в естественном понижении рельефа. Постройки на поселении Сертея XIV были приурочены к бровкам террас, т.е. примыкали к ним восточными стенами таким образом, что эти стены как бы были дополнительно укреплены небольшой верхней террасой, защищавшей постройку от ветра. Входами постройки были ориентированы на юг/юго-запад – в сторону воды. Планиграфический анализ находок, остатков конструкций, объектов и ям показал, что стоянки на каждом этапе обитания были довольно компактными.

По материалам поселений Сертея 3-3 и XIV можно выделить 2 способа подготовки места для устройства пола будущей постройки:

1. Поверхность для пола выравнивается: расчищается или выкапывается небольшая площадка глубиной 0,1–0,15 м.

2. Поверхность для пола устраивается на естественном рельефе без подработки.

Для построек мезолита – начала раннего неолита (до 7000 BP) характерен первый способ: при раскопках построек этих периодов фиксировались слегка заглублённые полы. В раннем неолите (после 7000 BP) на поселении Сертея XIV сооружения как бы «встраиваются» в естественный рельеф практически без его подработки. Можно сделать вывод, что древнее население практически не изменяло природные формы поверхности земли для организации своего пространства, а старалось максимально органично «вписаться» в природные топографические условия.

Таким образом, основным критерием, определившим выбор местности обитателями стоянок Сертея 3-3 и Сертея XIV, является близость пищевых ресурсов. Выбирались сухие участки местности на максимально освещённых и защищённых естественными элементами рельефа площадках. При этом выявляются некоторые особенности, отличающие памятники друг от друга. Эти особенности, видимо, указывают на доминирующий род занятий населения и сезон обитания на отдельно взятом поселении. Разное положение поселений относительно воды делает обоснованным предположение о функционировании этих стоянок в разное время года. На вывод о разновременном их обитании наводит нас и слишком близкое их расположение друг к другу, в то время как радиус зоны экономической активности (охоты и добычи пищи) для долговременных поселений неолита определяется в 2500 м [4; 5].

Для обустройства своего жилого пространства древнее население выбирало места, изначально максимально удовлетворявшие всем основным требованиям. Подтверждением тому, что места для поселений были выбраны удачно, может служить наличие на них нескольких горизонтов обитания. Естественно, существующий природный ландшафт подправлялся для организации поселения (подравнивание площадки для обустройства жилищ и хозяйственных построек, выкапывание хозяйственных ям и т.д.), но в целом ясно, что население, скорее, максимально «вписывалось» в естественные особенности местности, чем изменяло их под себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Синицын А.А., Синицына Г.В.* Состояние проблемы адаптации первобытных сообществ Северной Европы на рубеже плейстоцена – голоцена // Вопросы археологии и истории каменного века. Тверь, 2010.
2. *Мазуркевич А.Н., Полковникова М.Э.* Особенности пространственной организации памятника Сертея 3 (Велижский район Смоленской области) // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. III. Минск, 2008.
3. *Мазуркевич А.Н., Кулькова М.А., Долбунова Е.В.* Особенности изготовления раннеолитической керамики в Ловатско-Двинском междуречье // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. III. Минск, 2008.
4. *Dolukhanov, P.M., Miklyayev, A.M.* Prehistoric Lacustrine Pile Dwellings in the North-West Part of the USSR // Fennoscandia archaeologica III. Helsinki, 1986.
5. *Mazurkevich, A., Dolbunova, E.* Reconstruction of the Early and Middle Neolithic Settlement Systems in the Upper Dvina Region (NW Russia) // Go Your Own Least Cost Path. Spatial Technology and Archaeological Interpretation. Proceedings of the GIS Session at European Association of Archaeologists 2009, Riva del Garda. BAR International Series 2284. Oxford, 2011.

*ФГБУК «Государственный Эрмитаж»,
Санкт-Петербург*

I.Yu. Khrustalyeva

THE ORGANIZATION OF THE NEOLITHIC SETTLEMENTS SERTEYA 3-3 AND SERTEYA XIV WITH THE CONSIDERATION OF FEATURES OF NATURAL LANDSCAPE

Summary

Ancient sites are a very important source of the information about their inhabitants, since the settlement reflects all aspects of their life. Features of the site organization combined with natural landscape conditions can reveal the ways of ancient inhabitants' adaptation to the natural environment. The study of long-term Neolithic settlements Serteya 3-3 and Serteya XIV showed that the main aspect for selecting a place for the site was the availability of certain food resources. Ancient population initially chose the places that were able to satisfy all their essential needs, and generally "fitted" in a natural environment.

*The State Hermitage,
34, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 190000,
Russia*

E-mail: irinakhrustaleva@yandex.ru

М.Г. Жилин

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДКИ НА ТОРФЯНИКЕ ОРШИНСКИЙ МОХ В 2014 ГОДУ¹

Оршинский Мох (или Оршинское болото) – это обширный торфомассив, находящийся в 20 км к востоку-северо-востоку от г. Твери. Длина его составляет около 35 км при ширине около 25 км. В западной части ведутся торфоразработки фрезерным способом, восточная часть является заказником, в котором природа сохранилась в естественном состоянии с минимальным антропогенным воздействием. Оршинский Мох располагается на второй надпойменной террасе левого берега р. Волги. Сток из него осуществляется в Волгу по р. Орше, вытекающей из северо-западного края торфяника, и по р. Сози, вытекающей из его южной части. С севера и северо-востока болото окружено моренными холмами, южный и юго-восточный берега представляют собой полого понижающуюся к Волге равнину, по которой течёт р. Созь [1, с. 223–242]. На территории торфяника находятся многочисленные озёра. Наиболее крупные из них – Петровские озёра в восточной части торфомассива, состоящие из оз. Великого длиной 12 км при ширине до 6 км и соединяющихся с ним озёр Белое, Конечное и Глубокое, разделённых островами. Эти острова представляют собой моренные холмы, состоящие из песка и суглинка с валунами. На них расположены деревни Петровское, Заречье и Остров. Остальные берега озёр представляют собой моховое или осоковое болото, над водой эти берега поднимаются на 0,5–1 м и поросли местами невысоким сосновым или берёзовым лесом. «Болота, зыбкие и вязкие, завалены стволами упавших гниющих деревьев и очень трудно проходимы. Чем ближе к берегу, тем более зыбкой, ненадежной становится почва; иногда, выходя из лодки на такой берег, вместе с ним погружаешься в воду на полметра и более» [1]. Это описание точно передаёт характер современных берегов оз. Великое, особенно в районе истока из него р. Сози. Во время нашего обследования в августе 2014 г. вода стояла низко, на 0,5 м ниже меженной нормы, и торфяной берег озера отделялся от зеркала воды полосой топкой грязи шириной до нескольких метров. Эту полосу невозможно было преодолеть ни пешком, ни на лодке.

Река Созь вытекает из южного конца оз. Великое и течёт на протяжении 15 км в извилистом русле с многочисленными поворотами среди торфяных берегов, на которых встречаются островки соснового или берёзового леса. По низкой воде в обресе берега на некоторых излучинах были отчётливо видны линзы намывного песка грязно-жёлтого цвета мощностью до 15 см, залегающие под слоем торфа мощностью до 0,5 м и подстилаемые торфом. На противоположном берегу реки в таких местах располагались низкие мысы с намывным слоем песка несколько выше и ниже уреза воды. В разных местах из берега торчали стволы деревьев, они же встречались и на дне реки.

В трёх километрах ниже истока Сози находится интересное место, которое местные жители называют «водоразделом». Здесь река в межень очень мелкая, на дне лежат стволы крупных деревьев. В половодье выше этого места талая вода стекает по р. Сози в обратном направлении, в оз. Великое, а ниже «водораздела» – вниз по р. Сози в Волгу.

На Петровских озёрах близ дд. Петровское, Заречье и Остров, а также в месте выхода р. Созь из торфяника близ с. Спас-на-Сози известны стоянки неолита и эпохи бронзы [2, с. 26–43; 3, с. 64–70; 4; 5, с. 153–136] (рис. 1). Первые располагаются на островах, являющихся моренными холмами, культурные слои связаны с минеральными отложениями, органические материалы в них не сохранились. Находки представлены керамикой и каменными изделиями верхневолжской, льяловской, волосовской культур, а также эпохи бронзы [2]. Близ с. Спас-на-Сози стоянки расположены на первой надпойменной террасе р. Созь (рис. 2). Стоянка Спасская I (Спас-на-Сози, поселение 1 по АКР) занимает край площадки террасы правого берега реки, находки на поверхности встречались непрерывно на протяжении 300 м. В шурфах О.Н. Бадера и раскопе Ю.Н. Урбана представлены артефакты от раннего неолита до Средневековья. На расположенных напротив Спасской на другом берегу реки стоянках Застанье и Гливистёнка встречены материалы от раннего неолита до бронзового века. Проведённое нами бурение у подножия этих стоянок показало наличие пачки аллювиальных и старичных отложений под слоем оторфованного гумуса. Озёрные отложения не встречены. Стоянка

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 12-06-00100.

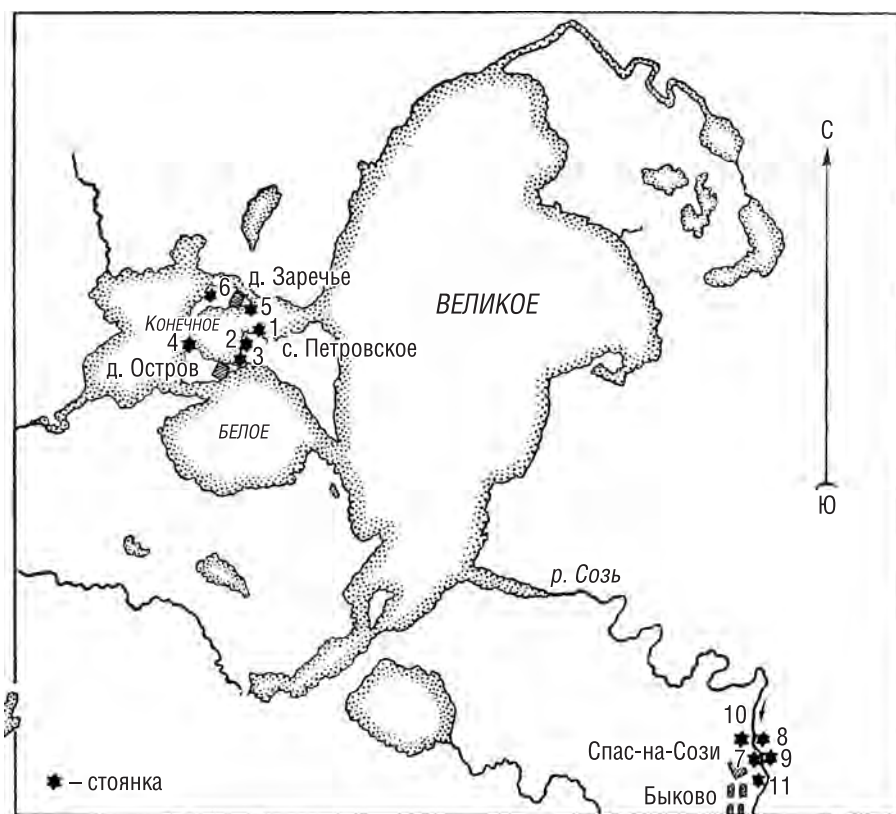

Рис. 1. Неолитические стоянки Петровских озёр (по О.Н. Бадеру [2]):

1 – Петровская; 2 – Вторая Петровская; 3 – Островская; 4 – «Перевесье»; 5 – Заречьенская; 6 – Вторая Заречьенская; (и 7 – Могильник «Каменка»); 8 – Спасская; 9 – Застанье; 10 – Гливистёнка; 11 – «Пристаньце»

Спасская 2 (Спас-на-Сози, стоянка 1 по АКР) располагалась на некотором удалении от края террасы (рис. 3). Здесь собраны кремнёвые изделия бутовской мезолитической культуры [4]. Стоянка Спасская 3 (Спас-на-Сози, стоянка 2 по АКР) располагалась на мысу первой надпойменной террасы в 300 м от края стоянки Спасская 1 и была ориентирована не на р. Сось, а на торфяник (рис. 3) [4]. Она дала материалы льяловской культуры. В 100 м к западу от неё находилась стоянка Спасская 4 (Спас-на-Сози, стоянка 3 по АКР), также ориентированная не на реку, а на торфяник (рис. 3). На ней были найдены кремнёвые изделия, вероятно, мезолитического времени [4]. В 200 м от стоянки Спасская 1 выше по течению р. Сози на низком мысу первой надпойменной террасы располагается стоянка Пристаньце, давшая материалы неолита, бронзы и Средневековья (рис. 2). В этом месте терраса делает резкий поворот на запад и уходит от реки.

На противоположном берегу нами открыта новая стоянка, названная **Застанье 2**. Она находится в 0,5 км к северу-северо-востоку от каменной церкви с. Спас-на-Сози, в 100 м к северу-востоку от стоянки Пристаньце. Располагается стоянка на небольшом островке, на левом берегу р. Сози при впадении заболоченного ручья, на его левом берегу (рис. 4). Островок размерами 50×30 м вытянут с запада на восток; с севера и юга ограничен заболоченным лугом с кустарником, с востока – заболоченным лесом. Западный край подмывается р. Сосью. Максимальная высота – 1,1 м над низким меженным уровнем реки. Поверхность задернована, поросла смешанным лесом. В центре островка заложен шурф 1×1 м, ориентированный по сторонам света. Шурф дал такую стратиграфию: 1 – дёрн – мощность 10–16 см; 2 – светло-серая пятнистая супесь – 26–30 см; 3 – светлый плотный мелкозернистый песок с оршштейнами – материк, прокопан на 30 см. В слое 2 найдены скребок на отщепе, заготовка наконечника стрелы, отщепы кремня и фрагменты керамики верхневолжской культуры раннего неолита. Аналогичная керамика представлена на стоянках Петровских озёр, а также на Спасской 1, Застаньи и Гливистёнке. Детальное бурение у подножия стоянки Застанье 2 показало, что с севера и юга под слоем торфа от 0,5 до 1,5 м залегают аллювиальные отложения. Озёрные отложения не встречены. Вероятно, эта стоянка в древности занимала мыс на повороте реки, или же озёрные отложения были смыты рекой при изменении её русла.

Бурение к северу от стоянки Застанье 2 выявило долину небольшого притока, заполненную аллювиальными песками. В одном месте ручей, проложивший русло в этой долине, вскрыл рыболовный закол, состоящий из одинаковых сосновых колов толщиной около 8 см, забитых в дно поперёк долины на расстоянии

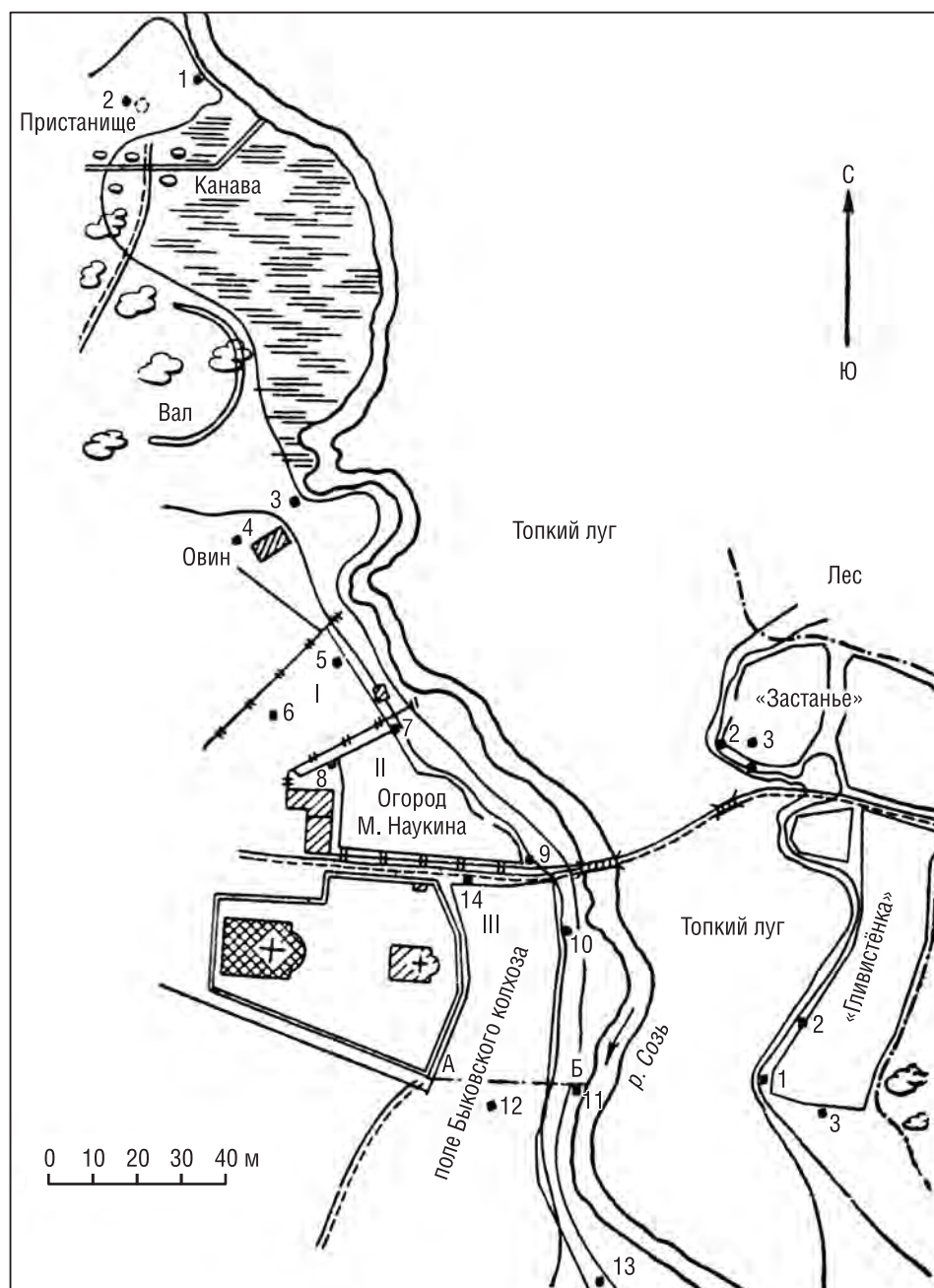

Рис. 2. Стоянки в районе с. Спас-на-Сози (по О.Н. Бадеру [2])

около 50 см друг от друга. Верх колов приобрёл в результате гниения характерную коническую форму, указывающую на длительное нахождение на поверхности. Остриё тщательно заточено на конус железным или стальным топором. Закол, как и вся долина этого притока, перекрыт слоем торфа мощностью около 0,5 м, отложившимся сравнительно недавно, вероятно, за последние 500 лет.

Для реконструкции природного окружения этих памятников в древности и выяснения перспектив поиска торфяниковых стоянок нами был пройден маршрут на лодке по р. Сози от д. Быково до оз. Великое с осмотром многочисленных обнажений по обоим берегам и обследована прилегающая территория. Помимо берегов Сози обнажения отмечены по краям старых канав, особенно в тех местах, где они пересекают минеральные отложения. Однако на большей части обследованной территории обнажений не было. При помощи ручного торфяного бура нами было сделано около 100 скважин, давших важную информацию о строении торфяника.

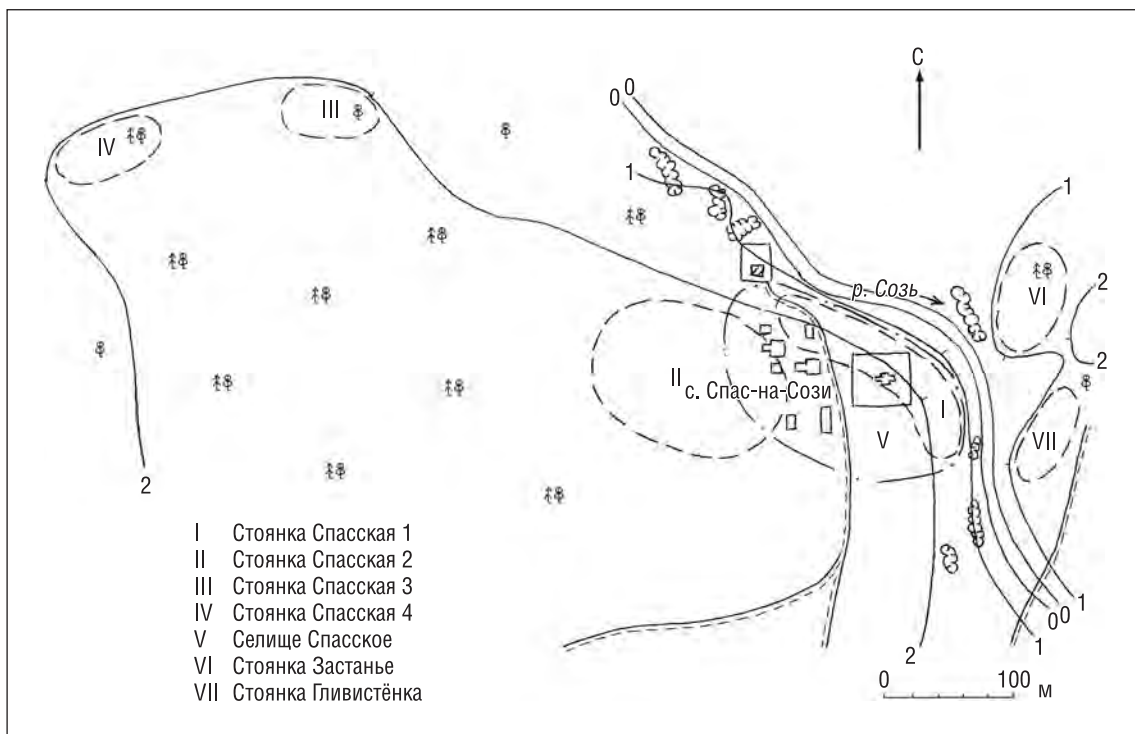

Рис. 3. Стоянки в районе с. Спас-на-Сози (по Е.В. Бодуну [4])

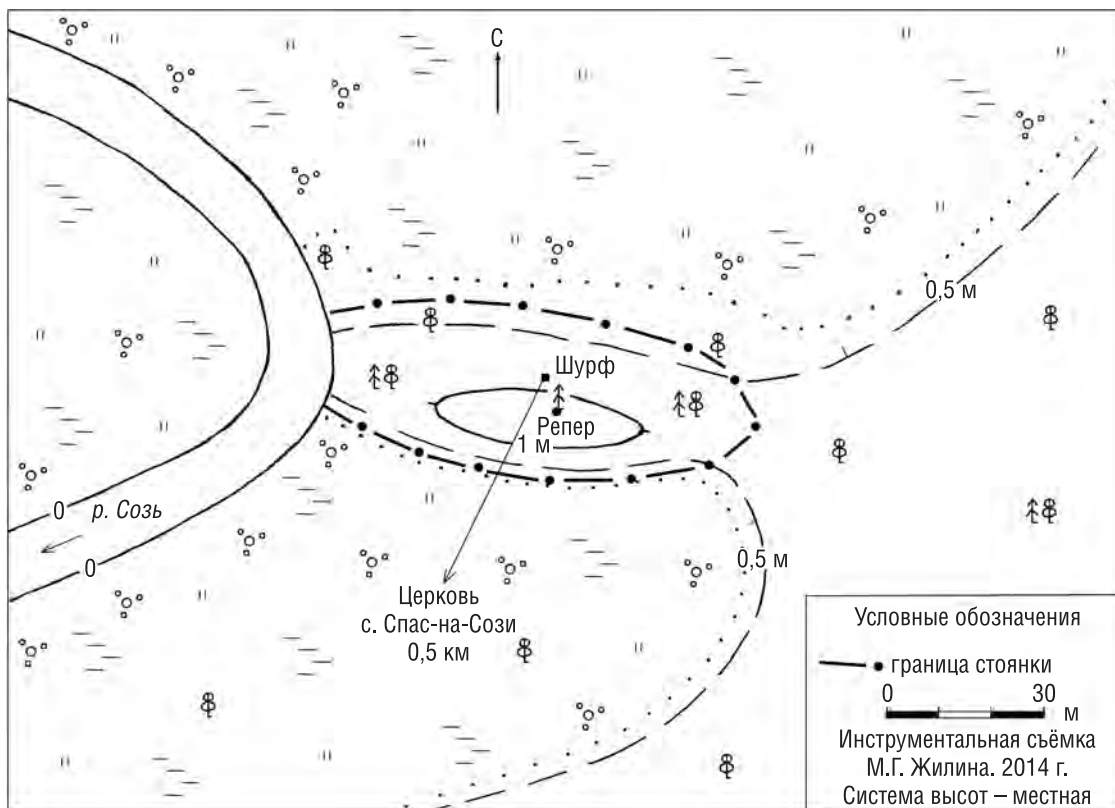

Рис. 4. Стоянка Застанье 2. План

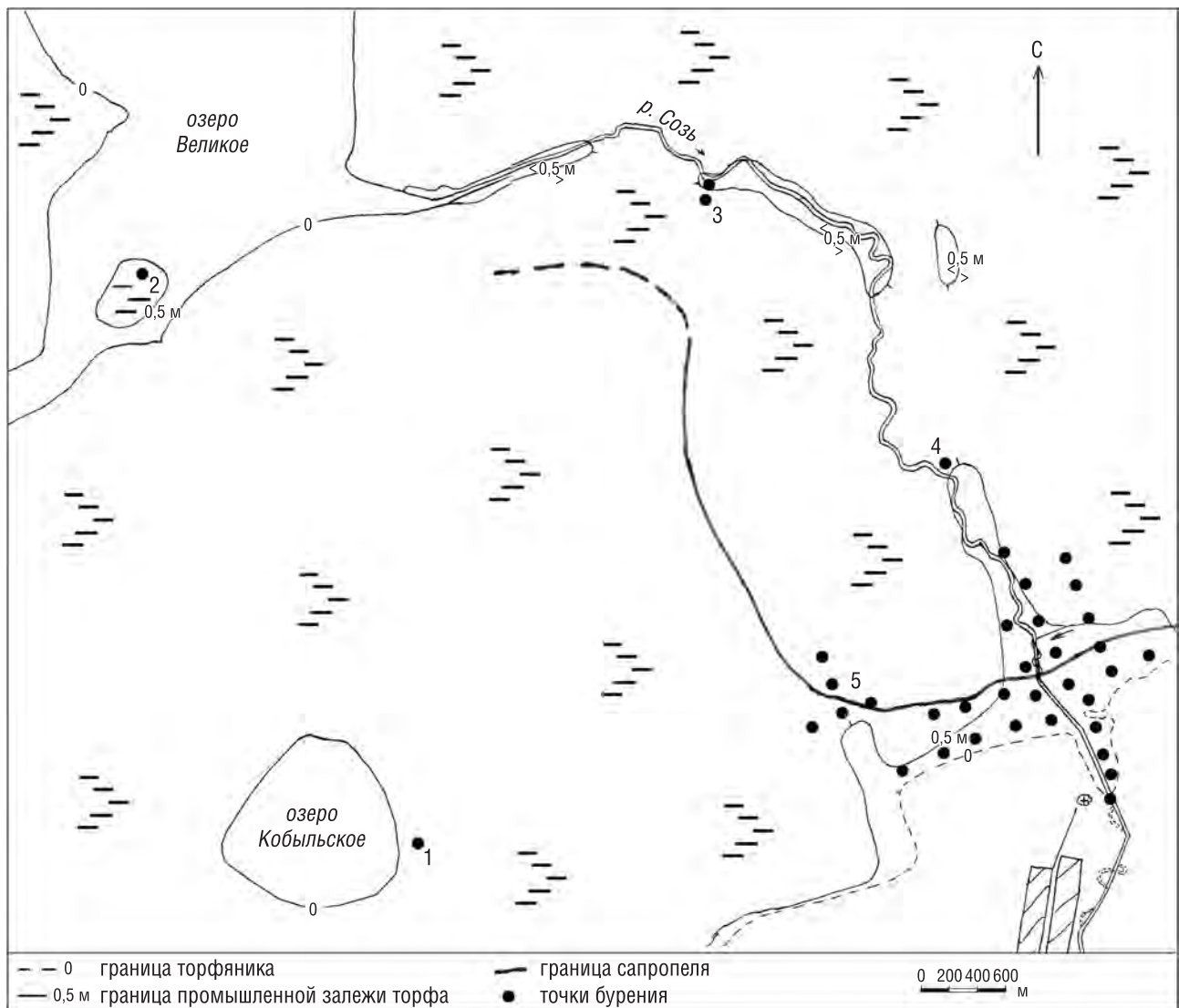

Рис. 5. Оршинский Мох. Участок работ 2014 г.

По материалам геологоразведки 1950-х–1970-х гг. прошлого века была проведена примерная граница распространения торфа и сапропеля на месте древнего озера (рис. 5). Однако, как это обычно бывает, наше бурение внесло значительные коррективы. Показанные на плане острова и длинный мыс вдоль русла р. Сося с мощностью торфа 0,5 м и менее подстилаются не минеральным материком, а прослойкой песка мощностью до 15–20 см, намытой рекой в сравнительно недавнее время. Ниже неё залегают слои торфа различной мощности, подстилаемые сапропелем. Последний также прослежен в скважинах к западу от нанесённой по данным торфоразведки границы, вплоть до оз. Кобыльское (рис. 5: 1). Это указывает на значительно большую площадь древнего озера. Вместе с тем, граница основного пятна сапропелей в районе истока р. Сося нанесена достаточно точно, даже там, где она перекрыта намывным песком. Бурение показало, что на этом участке в древности не было устойчивой береговой линии. Во время трансгрессий озеро дважды подходило довольно близко к краю песчаного берега, но тем не менее отделялось от него полосой заболоченного луга, болота и прибрежного мелководья шириной 50–150 м. Во время регрессий озеро отступало значительно дальше и было отделено от минерального берега, удобного для заселения, широкой топкой полосой, близкой к той, какую мы наблюдали в районе современного истока р. Сося. Более-менее сухой берег там очень плавно переходит в мокрое топкое болото, а последнее – в очень топкую полосу прибрежной грязи. Расстояние от берега, по которому можно ходить, до воды составляет в среднем 300–500 м. Вполне понятно, что в таких условиях не только поселения, но и кратковременные стоянки и остановки возможны только на островах и вдоль русла реки.

Один из небольших островов, на который можно легко высадиться из лодки, находится в заливе в южной части оз. Великое, примерно в 0,8 км к юго-западу от истока р. Сози (рис. 5: 2). Остров покрыт березняком и кустарником, возвышается над водой в среднем на 0,8 м. Берега – торфяные, обрывистые, подмываются озером. Бурение показало, что под слоем торфа мощностью 1 м залегает слой сапропеля мощностью 15 см, ниже – опять торф мощностью 20 см, под ним 75 см сапропеля, лежащего на озёрном донном песке. Это свидетельствует о том, что островок образовался сравнительно недавно, вероятно, в результате остановки плавающего торфяного острова. Подобные плавающие островки и сейчас нередко встречаются на озере и в русле р. Сози. На острове отмечены современные кострища и следы кратковременных стоянок с характерным мусором. Неподалёку в озере стоят сети. Такие стоянки соответствуют временным лагерям для постановки и проверки сетей. Судя по обилию и разнообразию бутылок, консервных банок и прочего мусора, это места неоднократного посещения. Находки гильз от охотничьих патронов указывают на сезонное использование подобных стоянок также и для охоты. Живут эти рыбаки и охотники на тех же местах, что и в древности – на островах Петровских озёр и в Спасе-на-Сози, причём их дома нередко поставлены на неолитических стоянках. Для данных условий подобная модель природопользования является оптимальной, что и определяет её устойчивость в обследованном микрорайоне.

На месте другого пункта кратковременных остановок современных рыбаков перед выходом на озеро было также пробурено несколько скважин. Это и есть так называемый водораздел (рис. 5: 3). Глубина Сози во время низкой воды здесь не более 20 см, на дне лежат стволы крупных деревьев. Бурение показало, что у берега слой торфа около 1,5 м мощности лежит на донном озёрном песке. Однако на расстоянии 30 м от этой скважины под торфом встречен сапропель, мощность которого увеличивается по мере удаления от берега. Вероятно, здесь в древности была отмель, позднее перекрытая торфом.

Скважина у конца длинного мыса, отмеченного на плане торфоразработок, где мощность торфа менее 0,5 м, показала, что под слоем торфа мощностью немного более 2 м залегает сапропель мощностью около 0,5 м, а под ним – озёрное дно. Немного ниже по реке в обрыве её левого берега на глубине около 0,5 м от поверхности чётко видна прослойка намывного песка мощностью до 15 см, лежащая на торфе. Вероятно, наличие такой прослойки, а не общая глубина торфа было определяющим при нанесении контура промышленной залежи торфа.

К западу от стоянок у с. Спас-на-Сози на плане торфоразработок отмечен мыс, вдающийся в торфяник, мощность торфа на котором также менее 0,5 м (рис. 5: 5). Осмотр этого места и бурение показали здесь совершенно иную ситуацию. Вдоль берега торфяника, повторяя его изгиб, от подножия террасы, на которой располагалась стоянка Спасская 4, до самого конца этого мыса идёт чётко выраженный береговой вал древнего озера. Торфа на его вершине нет, хотя торфяник подходит к нему с обеих сторон. Этот вал опирается в небольшой островок, около 100 м в поперечнике, прорезанный обводной канавой. В её стенках под оторфованным дёрном чётко читается подзолистый почвенный профиль. Находок нет. У подножия этого мыса и дальше в торфяник через 50 м пробурена серия скважин. В 20 м от подножия островка торф мощностью 60 см ложится на тёмно-серый песок, что свидетельствует о напознании торфяника на минеральный берег. В 50 м дальше в торфяник под слоем торфа мощностью 120 см зафиксирована прослойка сапропеля мощностью 10 см; под ней – прослойка песка мощностью 8 см, а ниже – прослойка сапропеля мощностью 12 см, лежащая на озёрном дне. Ещё через 50 м под слоем торфа мощностью 120 см залегает прослойка сапропеля мощностью 8 см, ниже – слой торфа мощностью 1,5 м, под ним – прослойка сапропеля мощностью 8 см, лежащая на песке. Та же стратиграфия прослежена ещё в 50 м дальше в торфяник, только мощность нижней прослойки сапропеля возрастает до 20 см. Здесь чётко прослеживаются две трансгрессии палеозера, когда вода могла подходить довольно близко к минеральному берегу. Менее чётко это фиксировалось и в некоторых скважинах к востоку от этого участка, ближе к стоянкам у с. Спас-на-Сози. Нижняя трансгрессия, вероятно, относится к мезолиту. С ней можно связать стоянки Спасская 2 и 4. Верхняя трансгрессия может относиться к среднему неолиту, с ней может быть связана льяловская стоянка Спасская 3. Такая модель логично объясняет ориентацию названных стоянок не на реку, а на озеро.

Проведённые работы показали сложность строения и развития обследованного участка торфяника Оршинский Мох. Предложенная модель использования этой территории в каменном веке хорошо соответствует как имеющимся археологическим памятникам, так и полученным данным по их природному окружению. Вряд ли можно ожидать обнаружения на этом участке крупных торфяниковых стоянок. Гораздо выше вероятность выявления кратковременных специализированных промысловых стоянок, возникавших на торфяных берегах у кромки воды. Эти стоянки дают ценнейшую информацию о многих сторонах жизни древних охотников и рыболовов. Однако обнаружить их чрезвычайно сложно. Для этого требуется проведение детальной разведки с большими затратами времени и других ресурсов, что вряд ли возможно в современных условиях. Единственную возможность обнаружения подобных памятников дают детальные разведки участков, выделяемых для добычи торфа, и постоянный мониторинг действующих торфоразработок. Примером успешного применения такой методики могут служить проведённые нами с Н.В. Левиной работы по систематическому обследованию Озерского торфяника в 1989–1990 гг. Они позволили выявить серию кратковременных стоянок мезолита и неолита [6], найти которые другим способом было бы чрезвычайно сложно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бельский П.А. Петровские озера Тверской губ. Корчевского уезда // Землеведение. Кн. III–IV. М., 1901.
2. Бадер О.Н. Неолитические поселения Петровских озёр // МИА. № 13. 1950.

3. Урбан Ю.Н. К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
4. Бодунов Е.В. Отчет о разведках в Удомельском и Калининском районах в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3346.
5. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 1. М., 2003.
6. Жилин М.Г., Левина Н.В. Разведочные работы на Озерецком торфянике // Обзор памятников истории и культуры Тверской области. Информационное письмо. Тверь, 1991.

**ФГБУН «Институт археологии РАН»,
Москва**

M.G. Zhilin

THE RESULTS OF THE EXPLORATION OF THE ORSHINSKY MOKH PEAT-BOG IN 2014

Summary

The research exposed that the composition and history of the explored part of the Orshinsky Mokh peat-bog were rather complicated. Boring displayed the absence of a stabile shoreline in this area in ancient time. During the advances the lake twice came close to the sandy shoreline, but nevertheless was separated from it by a stripe of boggy meadow, the bog and shallow waters of about 50–150 meters wide. During regressions the lake retreated much farther, and was separated from the mineral shoreline, convenient for settlement, by a wide swampy area. In such a situation as at the present time, not only settlements but even short stops were possible only on islands and at some places along the river banks. The suggested model of the use of this area during the Stone Age is in good accordance with both known archaeological sites and the data about their environment.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia*

E-mail: mizhilin@yandex.ru

Е.Л. Лычагина, Н.Е. Зарецкая, Е.Г. Лаптева, А.В. Чернов

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЙОНЕ ЧАШКИНСКОГО ОЗЕРА (ВЕРХНЕЕ ПРИКАМЬЕ): ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чашкинское озеро расположено между гг. Березники и Соликамск на севере Пермского края (рис. 1). Этот микрорегион является объектом археологических исследований уже более 60 лет [1]. В настоящее время в нём известно около 20 археологических памятников [2]. Самые ранние из них (Чашкинское Озеро V, стоянка и поселение Запоселье) относятся к мезолиту. Наиболее активно данная территория была заселена в неолитическое время. К этому периоду относятся 8 памятников. Ещё 3 памятника датируются энеолитом.

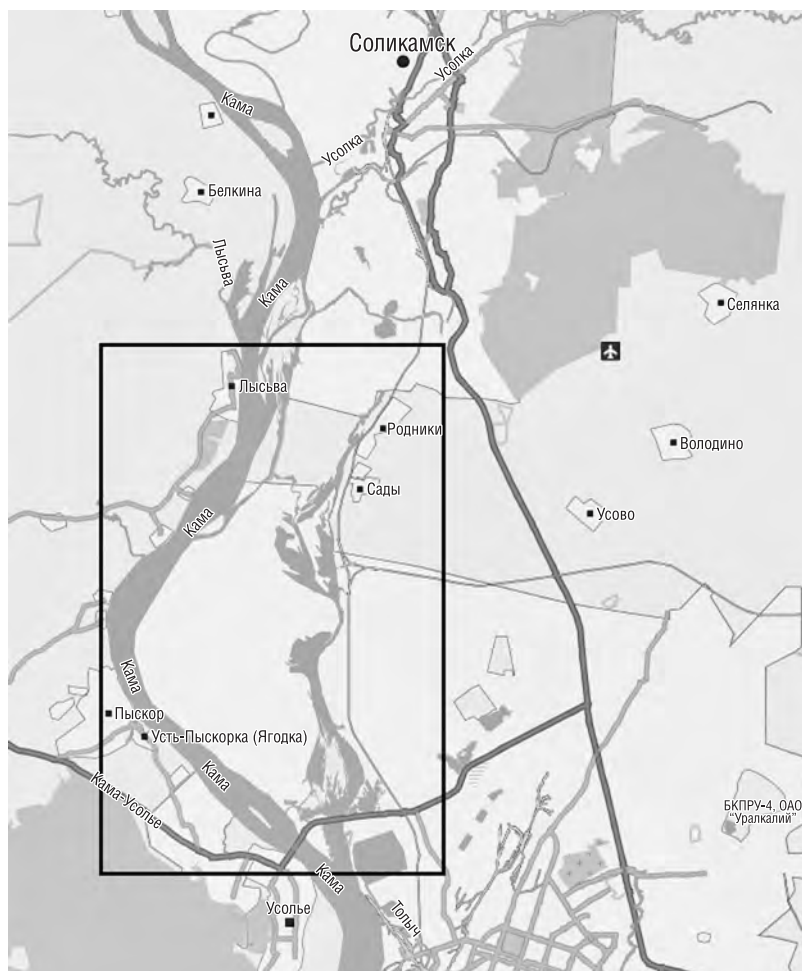

Рис. 1. Месторасположение района исследований

Такая плотность расположения поселений показывает, что этот микрорегион был благоприятен для проживания в позднем каменном веке. В то же время археологические памятники, относящиеся к эпохе бронзы и раннему железному веку, в исследуемом районе пока не выявлены. Возможно, причины их отсутствия будут установлены в процессе наших исследований. Самую позднюю группу составляют памятники, датированные IX–XII вв. н.э. – Чашкинское I, II селища, Запосельское селище и могильник (рис. 2).

Для реконструкции природных условий, существовавших в этом районе в различные хронологические периоды, были проведены комплексные палеоэкологические исследования, включавшие в себя палеорусловый, палинологический, радиоуглеродный и др. виды анализов. Мы решили применить палеорусловый анализ для исследования Чашкинского георхеологического микрорегиона, поскольку он позволяет реконструировать положения русла р. Камы в соответствующие археологические эпохи и выявлять приуроченность археологических памятников к элементам речного ландшафта. Остальные методы являются стандартными при проведении палеоэкологических исследований на памятниках археологии.

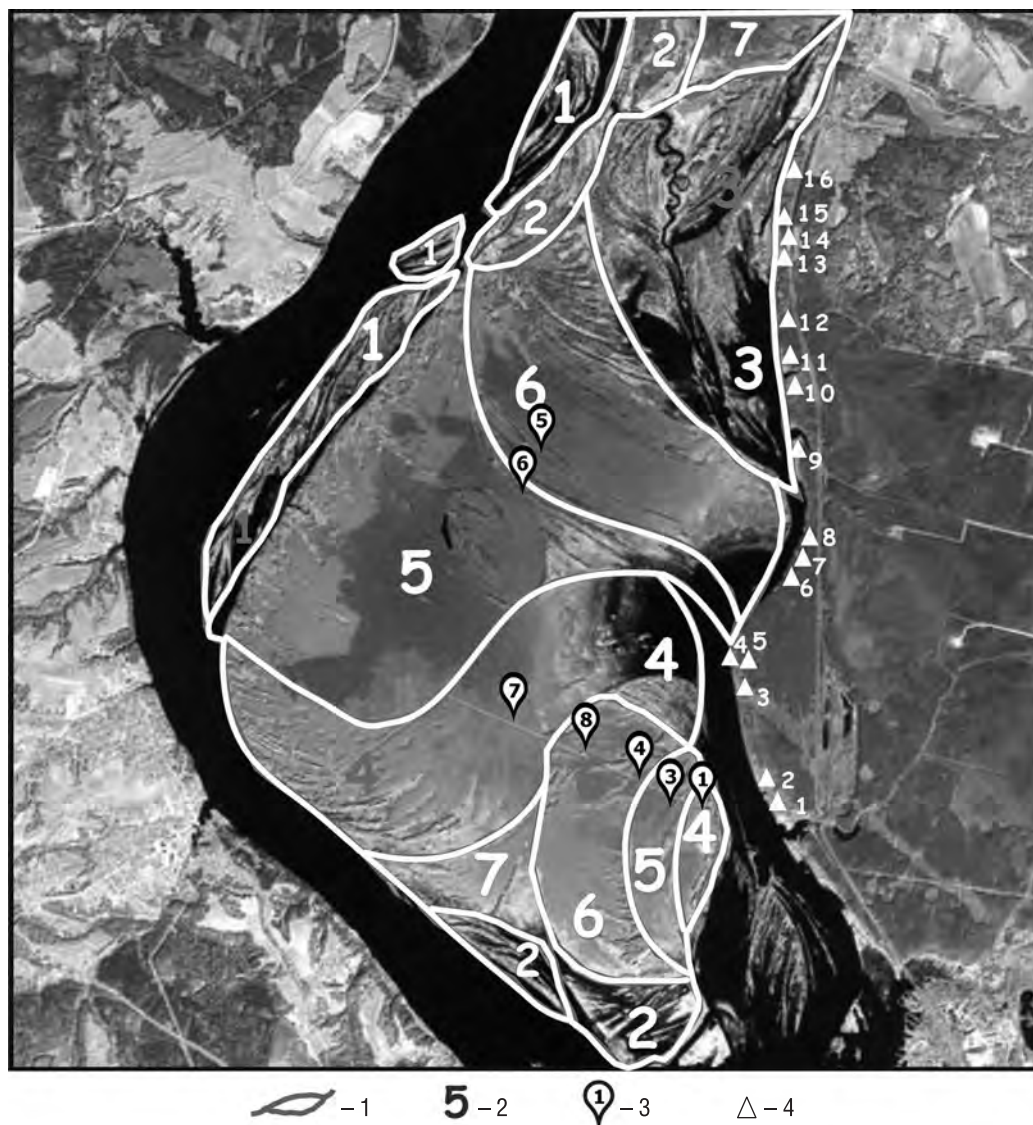

Рис. 2. Геоморфологическая карта пойменного массива «Чашкинское озеро»: 1 – границы пойменных генераций; 2 – номера пойменных генераций; 3 – места отбора образцов; 4 – памятники археологии.
 Схема расположения памятников: 1 – Хуторская I; 2 – Хуторская II; 3 – Чашкинское Озеро II; 4 – Чашкинское Озеро III; 5 – Чашкинское Озеро III(a); 6 – Чашкинское Озеро IV; 7 – Чашкинское Озеро I; 8 – Чашкинское Озеро VIII; 9 – Чашкинское Озеро V; 10 – Чашкинское Озеро VII; 11 – Чашкинское Озеро VI; 12 – Чашкинское II селище; 13 – Запосельское селище; 14 – Запосельский могильник; 15 – Запосельская стоянка; 16 – Чашкинское I селище

Район исследований расположен в равнинном Предуралье в бассейне р. Камы непосредственно ниже её слияния с р. Вишерой (рис. 1). Рельеф представлен возвышенной равниной, пересечённой речными долинами и балками. Крупными реками региона являются Кама и Вишера. Специфические особенности рельефа долин создаёт близкое залегание трудноразмываемых дочетвертичных пород и выход их в бортах речных долин. Долины неглубоко врезаются в эти отложения и отличаются асимметричными поперечными профилями: правый борт у них крутой, сложен коренными породами, левый – пологий. Он представлен поймой и лестницей аккумулятивных (первая) и цокольных (вторая и более высокие) террас.

Наибольшей ширины днище долины Камы достигает в районе исследований – здесь, в её расширении, расположен крупный левобережный пойменный массив, отделённый от уступа первой надпойменной террасы старичным озером Чашкино. Пойменный массив называется остров Дедюхинский, по городу Дедюхину, располагавшемуся в южной части острова до 1950-х годов и впоследствии затопленному в результате подъёма воды из-за ввода в эксплуатацию Камской ГЭС.

Чашкинское озеро в настоящее время представляет собой систему озёр, соединённых протоками (рис. 2). До зарегулирования стока Камским водохранилищем, то есть ещё в середине прошлого столетия Чашкинское озеро как единой системы не существовало – здесь находилось притеррасное понижение Чашкинского пойменного массива, в котором располагалась пойменная протока, пересыхающая в межень. Однако подъём уровня воды в зоне выклинивания подпора водохранилища наполнил эти понижения, в результате чего образовалось единое пойменное озеро, открытое в своей нижней части в Камское водохранилище; во время половодий по нему проходит сток воды. Правый борт долины в Чашкинском расширении имеет вогнутую форму. Он крутой, прорезан балками, сложен дочетвертичными породами. Левый берег Чашкинского озера, как уже отмечалось, представлен аккумулятивной надпойменной террасой.

Климат территории – умеренно-континентальный. Количество осадков относительно высокое для данной широты и долготы, что объясняется предгорным положением территории. В гидрологическом режиме рек преобладает максимум во время весеннего половодья, в зимнее время реки скрыты подо льдом.

В ландшафтном отношении пойменный Чашкинский массив представлен в основном ивово-тополевыми лесами на дерново-слоистых песчаных пойменных почвах. На правом высоком берегу распространены луга, левобережная терраса покрыта сосновым лесом [3].

Палеорусловой и радиоуглеродный анализы

Чашкинское озеро имеет речное происхождение и представляет собой систему старичных озёр и проток, сохранившихся от древних положений русла Камы в тыловой части пойменного массива Дедюхинского острова. В рельефе этого массива можно проследить оставшуюся (и большую) часть следов блуждания русла Камы по дну своей долины.

Рисунок элементов первичного пойменного рельефа на Чашкинском (Дедюхинском) массиве показывает, что он состоит из многих участков, создававшихся Камой в разное время и в разных физико-географических условиях. Причём положение русла Камы на разных этапах его развития не совпадало с его современной конфигурацией. Отсюда следует вывод о том, что древние поселения, ныне находящиеся на значительном удалении от реки, могли в то время располагаться вблизи русла Камы.

Известно, что первичный пойменный рельеф – пойменные гривы, ложбины между ними, старицы – формируются при образовании поймы в процессе руслых деформаций и, следовательно, даёт представление о конфигурации русла в то время [4]. Изменение внешних условий, в частности увлажнения территории, водности реки и её внутrigодового режима, влечёт за собой изменение параметров русла и характеристик первичного рельефа поймы. Выявление на пойме участков, формировавшихся в разное время, и анализ конфигурации глив, ложбин и стариц позволяет проследить эти изменения [5].

Выделение разновозрастных участков поймы – их можно назвать пойменными генерациями – происходит при анализе взаимного расположения элементов пойменного рельефа – рисунок глив подчёркивает положение древних русел: гривы, сформированные позже, подрезают гривы, образованные ранее и имеющие иную ориентировку.

Руководствуясь этими принципами, нам удалось выделить на Чашкинском пойменном массиве и прилегающих к нему участках поймы 7 разновозрастных генераций (рис. 2). Самая молодая, 1-я генерация образуется в современном русле. Она имеет ориентировку глив, совпадающую с ним, чаще всего представлена одиночными прибрежными островами. 2-я генерация – старше, но также примыкает к современному руслу, отмечая лишь незначительные изменения, произошедшие в русле во время её формирования. Эти генерации могут называться современными.

Остальные пойменные генерации маркируют положения русла Камы в течение голоцена; современное русло не наследует их, они находятся далеко от него. Их анализ лучше всего проводить, начиная с древних положений русла, приближаясь к современности. Наиболее древней является 7-я пойменная генерация – она практически нигде не сохранилась, за исключением маленьких фрагментов в нижней и верхней по течению частях массива (рис. 2). Но и по этим фрагментам можно судить, что русло Камы во время его формирования описывало в исследуемом районе две смежных излучины, нижняя из которых опиралась своей вершиной и нижним крылом на левый борт долины, на котором находятся стоянки древнего человека. По всей видимости, именно с развитием 7 пойменной генерации можно связать существование позднемезолитических и раннеолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера (рис. 2), для которых

уже получены радиоуглеродные даты: 7300 ± 50 (здесь и далее 14С л.н.) (ГИН-13276) – для финального мезолита и 6230 ± 160 (ГИН-13276) – 6030 ± 140 (ГИН-13275) – для неолита [6].

Дальнейшие изменения русла Камы были вызваны, по-видимому, увеличением её водности (чем больше водность реки, тем меньше кривизна излучин); крутые излучины были спрямлены, и русло стало переваливать к левому берегу значительно выше, в самом начале Чашкинского пойменного массива, образуя серию из трёх излучин. Их следы запечатлены в положении и рельефе 6-й пойменной генерации. Средняя из этих излучин опирается на левый берег – уступ террасы, но в 1,5 км выше по течению, чем на предыдущем этапе развития реки. Конечное положение русла на этом этапе сохранилось ныне в виде верхней части Чашкинского озера. С развитием этой генерации мы связываем новоильинский комплекс поселения Чашкинского Озеро I, которое расположено на высоком (до 10 м) восточном берегу озера и датируется 5140 ± 90 (Ki-15619) [7]. Судя по предложенной схеме, в то время поселение располагалось непосредственно на левом берегу р. Камы (рис. 2).

На двух последующих этапах развития реки, оставивших свои следы в виде 5-й и 4-й пойменных генераций, русло Камы вновь начало искривляться, постепенно приобретая положение, подобное его положению на 7-й генерации. В частности, русло периода формирования 4-й генерации, так же как во время 7-й, образовывало две крутые смежные излучины, нижняя из которых опиралась на левый борт долины.

По-видимому, на рубеже 5/4 генераций в долине Камы произошло какое-то событие, вследствие которого энеолитические стоянки “переехали” вниз, ближе к воде. Они располагались на пойме и фиксируются наличием остатков жилищ на её современной поверхности. Поскольку пойма сейчас затапливается и размывается водами Чашкинского озера, в береговых обнажениях и в воде у берега встречается в обилии подъёмный материал гаринской культуры, который подтверждает наши предположения (рис. 2).

Очередное спрямление серии излучин произошло в период формирования поймы 3-й генерации. В это время на месте Чашкинского массива существовало разветвлённое двухрукавное русло Камы с рядом поперечных проток, соединяющих оба рукава и пересекающих Чашкинский массив, бывший тогда островом. Основное русло Камы, по-видимому, уже заняло положение, близкое к современному, под крутым коренным правым берегом, но под населённым левым берегом – уступом террасы – располагался многоводный рукав, отвлекавший на себя не менее трети от общего расхода воды и составивший основу нынешнего Чашкинского озера. Тем самым, поселения левого берега, существовавшие на этом (третьем) этапе развития реки, находились в то время на берегу широкого камского рукава. Скорее всего, именно с этим этапом развития реки мы можем связать появление памятников Средневековья в верхней (северной) части озера (рис. 2) Радиоуглеродные даты, полученные для селища Запоселье, позволяют датировать этот период 1010 ± 60 (СОАН-6814).

Лишь к концу 3-го этапа формирования русла произошло обмеление истоков этого рукава в верхней части Чашкинского массива – здесь образовались острова 3-й пойменной генерации, а нижележащие части протоки потеряли связь с рекой и превратились в узкие непроточные в межень старицы. Река приобрела очертания, которые сохранила вплоть до заполнения Камского водохранилища.

Спорово-пыльцевой анализ

С целью реконструкции природной среды в районе Чашкинского озера в различные хронологические периоды, охватывающие существование древних стоянок на берегу озера, в 2012 г. нами были начаты палинологические исследования.

Фактический материал для палинологических исследований был получен из отложений археологического памятника Чашкинского Озеро IV.

Стоянка Чашкинского Озеро IV расположена на высоком (до 8 м) песчаном берегу озера в 10,3 км к северу от г. Березники [2]. Для палинологического анализа были отобраны 15 образцов из разреза западной стенки раскопа 2012 г. [3]. Лабораторная обработка образцов была проведена по стандартной методике [8]. Палиноостатки определялись в глицериновых препаратах под микроскопом Olympus BX51 при увеличении в 400 раз. Подсчёт пыльцы и спор производился обычно до суммы пыльцы деревьев и кустарников, трав и кустарничков более 200 зёрен. Процентное содержание каждого выявленного таксона высчитывалось по отношению к сумме пыльцы древесных и травянистых форм, принятой за 100 %. Дополнительно для определения соотношения компонентов внутри группы древесных было рассчитано процентное содержание пыльцевых зёрен каждого таксона группы от суммы пыльцы древесных пород, принятой за 100 %. Лишь в одном образце при просмотре по 3 препарата на каждый образец насчитано менее 200 зёрен (образец 4, глубина 40–45 см). По количественным данным построена палинологическая диаграмма с использованием программы TILIA и TILAGRAPH [9]. Пыльцевые зоны определены визуальным способом по изменению соотношения основных компонентов спорово-пыльцевых спектров с учётом литологических особенностей отложений и с применением кластерного анализа в программе CONISS [10].

На палинологической диаграмме выделены три палинозоны (рис. 3).

Пыльцевая зона 1 (глубина 60–40 см) отражает фазу существования смешанных лесов с участием сосны, ели и липы до возникновения стоянки Чашкинского Озеро IV. В пыльцевых спектрах преобладают пыльцевые зёрна сосны (*Pinus sylvestris* – 40–60 %) и ели (*Picea* – до 20 %) при участии пыльцы липы (*Tilia cordata* – 10–20 %).

Пыльцевая зона 2 (глубина 40–10 см) соотносится со временем существования неолитической стоянки и включает пыльцевые спектры из тёмно-коричневой увлажнённой супеси («культурный слой»), в которых

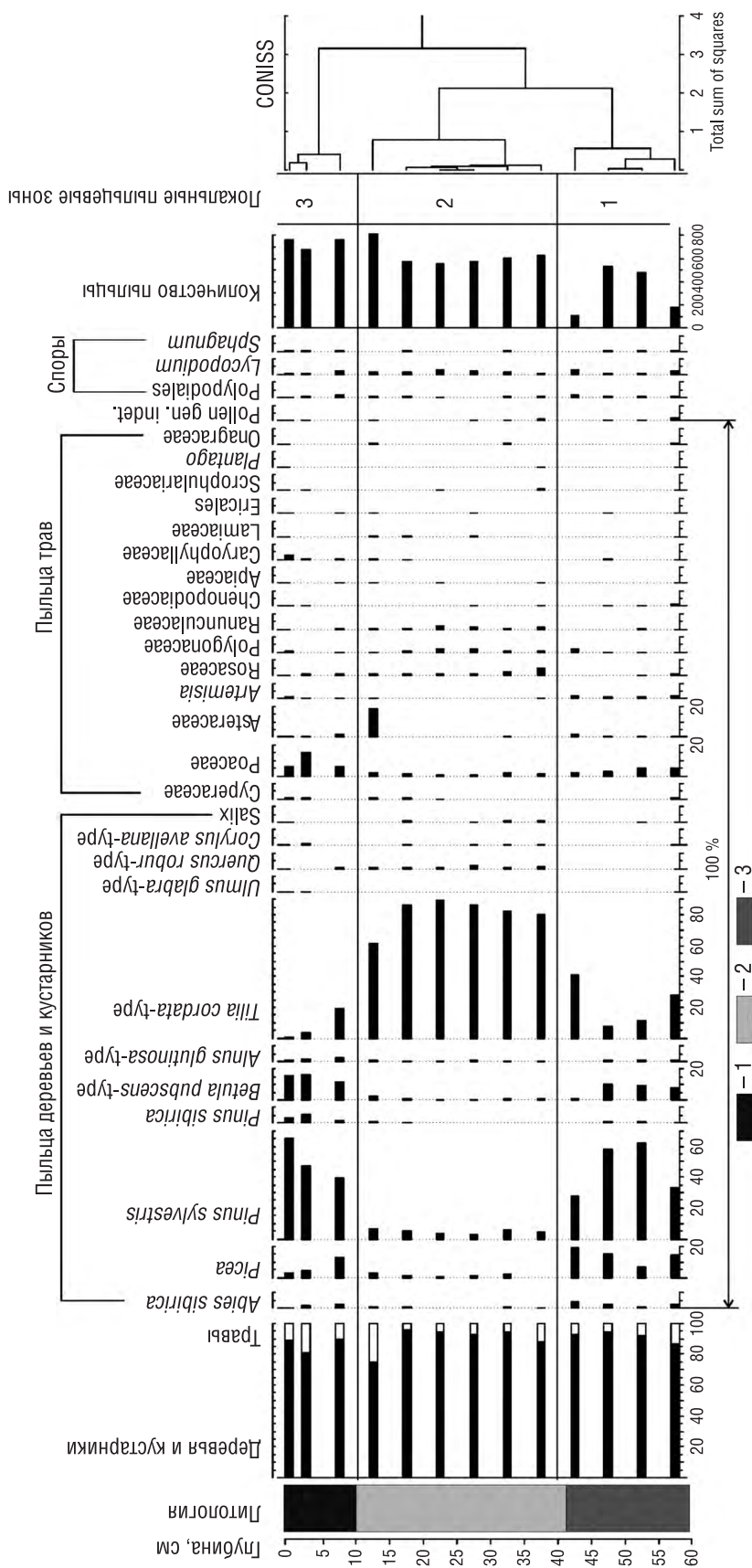

Рис. 3. Стоянка Чашкинское Озеро IV. Палинологическая диаграмма отложений:
 1 – дёрн и серый подзол; 2 – тёмно-коричневая супесь (культурный слой); 3 – материк

доля пыльцы липы возрастает до 80 %. Также встречаются пыльцевые зёрна дуба (*Quercus robur*-type) и лещины (*Corylus avellana*-type), но их доля менее 1–2 %. Содержание пыльцы хвойных пород и берёзы – менее 5–10 %. Разнообразна, но не обильна пыльца разнотравья. Согласно радиоуглеродным датам – 6160±70 (ГИН-13449) и 5920±80 (Ки-14539), – полученным по материалам раскопок 2002 г., отложения культурного слоя накапливались во второй половине атлантического периода голоцена [11].

Наблюдаемое обилие пыльцевых зёрен липы в пыльцевой зоне «культурного слоя» может отражать специфические локальные условия формирования пыльцевых спектров. Полученные пыльцевые спектры существенно отличаются от субрецентных СПС (спорово-пыльцевых спектров) окрестностей Чашкинского озера и подзоны южно-таёжных лесов в целом. В то же время даже в субрецентных пыльцевых спектрах растительных сообществ хвойно-широколиственных и широколиственных лесов западного склона Южного Урала среднее содержание пыльцы липы достигает лишь 11 % [12].

Таким образом, *пыльцевая зона 2*, вероятно, соответствует фазе развития смешанных хвойных лесов с участием широколиственных пород, в основном липы и дуба. В подлеске встречалась лещина. Согласно палинологическим данным из разрезов Предуралья и Вятско-Камского края [13; 14; 15] широколиственные породы в атлантическом периоде не являлись доминантами в составе лесов этих районов. К сожалению, эталонные хорошо датированные палинологические данные для изучаемого района пока не получены, поэтому вопрос о роли липы в составе лесов Верхнего Прикамья в атлантическом периоде остаётся открытым.

Пыльцевая зона 3 (глубина 10–0 см) характеризует фазу развития южно-таёжных лесов с небольшим участием сосны сибирской и липы, распространившихся после окончания функционирования стоянки Чашкинского Озеро IV. В пыльцевых спектрах существенно возросла доля пыльцы ели (до 15 %) и сосны (*Pinus sylvestris* – до 40–60 %, *P. sibirica* – до 5 %). Полученные спектры по составу и процентному соотношению пыльцы близки к субрецентным спектрам района Чашкинского озера.

Таким образом, при изучении пыльцевых спектров «культурного слоя» стоянки Чашкинского Озеро IV можно проследить смену растительных формаций в окрестностях, возможно, отражающую локальный характер и хозяйственную деятельность человека. При функционировании неолитического поселения на берегу Чашкинского озера во второй половине атлантического периода голоцена существовали благоприятные климатические условия для широкого распространения широколиственных пород в составе лесов Предуралья [16].

Из-за отсутствия эталонной палинологической летописи довольно сложно привязать полученные материалы хронологически. После появления эталонной палинологической диаграммы уже можно будет судить о характере изменений природных формаций и антропогенной трансформации растительных сообществ окрестностей Чашкинского озера.

Заключение

Первый этап палеоэкологических исследований в геоархеологическом микрорегионе Чашкинского озера подтвердил наши предположения о складывании благоприятной экологической ситуации в позднем мезолите – неолите. Более широкое распространение широколиственных пород деревьев, протекание крупной реки в непосредственной близости от стоянок способствовали активному развитию различных форм присваивающего хозяйства: рыболовства, охоты, собирательства. О развитии этих форм хозяйства свидетельствуют и данные комплексного анализа каменного инвентаря [17].

Мы полагаем, что ко времени бытования памятников позднего этапа гаринской культуры относятся определённое похолодание и уменьшение водности реки. С этим связано перемещение памятников этого периода в пойму, а также строительство домов-полуземлянок с переходами, что зафиксировано на стоянках Чашкинского Озеро II и Чашкинского Озеро III.

Отсутствие памятников эпохи бронзы и раннего железного века, возможно, связано с отдалением русла Камы от современного восточного берега Чашкинского озера и с неблагоприятными экологическими условиями. Не исключено, что эти памятники, как и поселения гаринской культуры, находились в пойме и были разрушены в ходе последующих изменений русла реки. Этот вопрос нуждается в дополнительных исследованиях.

Активное освоение человеком верхней (северной) части озера в Средневековье мы связываем с существованием широкого камского рукава и возможностями использования его водных ресурсов в хозяйственной деятельности (металлургия, земледелие и т.д.).

Перспективы исследований

С целью определения времени формирования наиболее древних пойменных генераций, а также реконструкции природных условий в период их формирования нами было проведено бурение поверхностей 4-й, 5-й и 6-й пойменных генераций и отобран материал для радиоуглеродного датирования и палеоэкологических исследований (рис. 2). В настоящее время эти материалы находятся в работе.

Последующие палеоэкологические исследования разрезов в окрестностях Чашкинского озера позволят получить эталонную детальную пыльцевую летопись этого района, реконструировать естественную динамику растительных сообществ и при сравнении спектров из «культурных слоёв» изученных археологических памятников охарактеризовать антропогенные изменения в растительных сообществах в период существования древних поселений. Продолжение междисциплинарных исследований на Чашкинском озере (например, бурение поверхностей 3-й и 7-й пойменных генераций) позволит нам продатировать все поймен-

ные генерации и соотносите их как с данными палеоботаники и палеоэнтомологии, так и с разновременными археологическими памятниками, расположенными в этом районе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисов В.П. Хуторская неолитическая стоянка // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. Пермь, 1960. (Ученые записки Пермского государственного университета. Т. XII. Вып. I).
2. Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района. Усолье, 1994.
3. Lychagina, E., Zaretskaya, N., Chernov, A., Lapteva, E. Interdisciplinary Studies of the Cis-Ural Neolithic (Upper Kama Basin, Lake Chashkinskoe): Palaeoecological aspects // Documenta Praehistorica XL. Ljubljana, 2013.
4. Чалов Р.С. Рельеф пойм // Эрозия почв и русловые процессы. Вып. 1. М., 1970.
5. Чернов А.В. Геоморфология пойм равнинных рек. М., 1983.
6. Лычагина Е.Л. Ранний неолит Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2013. № 4 (56).
7. Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестник Пермского университета. Пермь, 2011. № 1 (15).
8. Faegri, K., Iversen, J. Textbook of Pollen Analysis. London, 1989.
9. Grimm, E. TILIA and TILIAGRAPH. Springfield: Illinois State Museum, 1991.
10. Grimm, E. CONISS: a FORTRAN 77 Program for Stratigraphically Constrained Cluster Analysis by the Method of Incremental Sum of Squares // Computers and Geosciences. Vol. 13. № 1. Stanford, 1987.
11. Хотинский Н.А. Радиоуглеродная хронология и корреляция природных и антропогенных рубежей голоцена // Новые данные по геохронологии четвертичного периода. М., 1987.
12. Лаптева Е.Г. Субфоссильные спорово-пыльцевые спектры современной растительности Южного Урала // Вестник Башкирского университета. Т. 18. № 1. Уфа, 2013.
13. Еловичева Я.К. История развития природной среды поздне- и послеледниковья Пермской области // Карбонатная гажа СССР. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1991.
14. Немкова В.К. История растительности Предуралья за поздне- и послеледниковое время // Актуальные вопросы современной геохронологии. М., 1976.
15. Прокашев А.М., Жуйкова И.А., Пахомов М.М. История почвенно-растительного покрова Вятского-Камского края в послеледниковье. Киров, 2003.
16. Хотинский Н.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.
17. Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Шмырина Н.С. Хозяйственные занятия населения Прикамья в эпоху неолита (на основе комплексного анализа каменной индустрии) // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь*

*Геологический институт РАН,
Москва*

*Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН,
Екатеринбург*

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва*

E.L. Lychagina, N.E. Zaretskaya, E.G. Lapteva, A.V. Chernov

**INTERDISCIPLINARY RESEARCHES NEAR THE CHASHKINSKOYE LAKE (THE TOP PRIKAM'YE):
PALAEOECOLOGICAL ASPECT**

Summary

The article relates preliminary results of application of a complex of natural-science methods (the paleocreeze analysis, the radio-carbon dating, the sporous and pollen analysis) in the geoarchaeological microregion the Chashkinskoye lake (The Upper Kama, Perm' Krai). There are allocated 7 alluvial generations which are chronologically correlated to archaeological monuments. The environment of the Neolithic times is reconstructed. The conclusion about emergence of a favorable ecological situation in the Late Mesolithic – the Neolithic is drawn.

*E.L. Lychagina
Perm' State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskya St., Perm', 614990,
Russia
E-mail: LychaginaE@mail.ru*

*N.E. Zaretskaya
Geological Institute,
Russian Academy of Sciences,
7, Pyzhevsky lane, Moscow, 119017,
Russia
E-mail: N_zaretskaya@inbox.ru*

*E.G. Lapteva
Institute of Plant and Animal Ecology of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
202, 8 Marta St., Ekatherinburg, 620144,
Russia
E-mail: lapteva@ipae.uran.ru*

*A.V. Chernov
Lomonosov Moscow State University,
1, Main building, Leninskie gory, Moscow, 119991,
Russia
E-mail: alexey.chernov@inbox.ru*

Н.Г. Недомолкина, Х. Пицонка, С. Лоренц, У. Шмёлке
НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ
И ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА КОМПЛЕКСЕ МНОГОСЛОЙНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ВЁКСА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ

Общая картина культурно-исторического развития каменного века лесной зоны Восточной Европы не может быть полной без учёта ситуации в бассейне реки Сухона. Сухона является крупнейшей рекой Вологодской области, по территории которой проходит главный водораздел Восточно-Европейской равнины, отделяющий бассейны Белого и Балтийского морей от бассейна Каспийского моря [1, с. 23]. Река Сухона является связующим звеном между Северной Двиной, Невой и Волгой.

Бассейн Сухоны долгие годы оставался археологически слабоизученным. В ходе начавшегося планомерного изучения территории выявлено большое количество памятников [2]. Новые данные дают возможность составить представление о культурно-исторических процессах, проходивших в период начального заселения Сухоны, и дополнить наши знания о каменном веке Русского Севера – европейского Северо-Востока.

В результате многолетних исследовательских работ в бассейне Верхней Сухоны выявлены опорные памятники, получившие название Вёкса (рис. 1). Многослойные поселения, расположенные в месте слияния

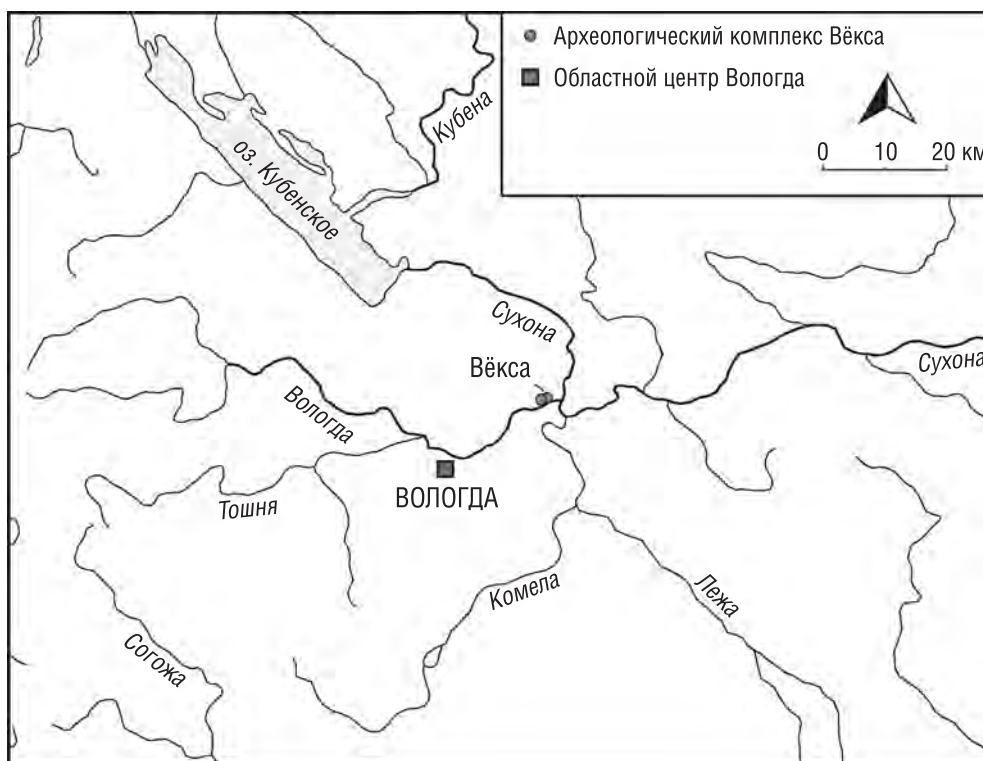

Рис. 1. Расположение комплекса археологических памятников Вёкса в бассейне Верхней Сухоны

реки Вологды и её небольшого притока – реки Вёкса, являются ключевыми для реконструкции доисторических и исторических культурных событий в лесной зоне Северо-Восточной Европы [2; 4; 5]. Протянувшись на два километра по левому берегу реки Вологды поселения в верхней, западной, от устья части притока Вёксы называются Вёкса 1, а в нижней части комплекса – к востоку от устья – Вёкса 3.

Археологические исследования на Вёксе начались в 1981 г. С 1993 г. раскопки и изыскательские работы на памятниках проводит археолог Вологодского государственного музея-заповедника Н.Г. Недомолкина. В музее г. Вологды хранятся коллекции, полученные во время раскопок (более 40 тысяч единиц, в т.ч. фрагменты керамики, каменные, костяные и металлические изделия, украшения из янтаря и золота).

Исключительная важность Вёксинского комплекса связана с чётко стратифицированными, мощностью до 3 м напластованиями с включениями культурных слоёв. В настоящее время зафиксированы 15 хронологические и культурно различные стратиграфические комплексы на поселении Вёкса 1 и 9 – на поселении Вёкса 3, начиная с VI тыс. до н.э. (cal BC), охватывающих все периоды от раннего неолита до раннего Средневековья. Кроме того, археологическое значение этих памятников повышается за счёт отличных условий сохранения органических материалов, особенно в нижних, влагосодержащих слоях.

Совместные российско-германские исследования на Вёксе

На Вёксинском комплексе фиксируется практически вся культурно-хронологическая шкала древностей бассейна Сухоны и Кубенского озера. Комплекс имеет исключительное значение не только в региональном, но и в более широком масштабе. Он представляет интерес для европейских археологов в рамках исследований межрегиональных влияний и событий между Балтийским регионом и европейским Северо-Востоком.

Небольшая исследовательская программа 2007 г. по АМС радиоуглеродному датированию и статистическому анализу керамики из неолитических слоёв поселения Вёкса 3 была первым шагом в развитии сотрудничества с немецкими коллегами [6; 7; 8].

В течение недели в сентябре 2011 г. были проведены первые совместные изыскания, в которых принимали участие российские и немецкие археологи и географы Вологодского музея и Грайфсвальдского университета. Содержание их исследований – геоморфологический анализ ландшафтов на основе бурения [9], топографическая съёмка рельефа современной поверхности и наземных археологических конструкций (включая концентрацию деревянных свай свайного сооружения), а также сбор дендрохронологических и остеологических образцов для оценки научного потенциала дальнейших работ. Собранные остеологические материалы, а также кости животных из раскопок предыдущих лет были определены специалистами из Центра Балтийской и Скандинавской археологии в Шлезвиге. Работа финансировалась немецким научным фондом (грант № HA 2961/3-12) и Международным бюро университета г. Грайфсвальд.

Концентрация свай: топографическая съёмка и датировка

Одним из пунктов программы работ 2011 г. была топографическая съёмка планов археологических памятников и конструкций в устье Вёксы с помощью Leica TCRP 1201 + роботизированный тахеометр. Очень низкий уровень воды позволил зафиксировать расположение деревянных свай в нижней части берегового склона поселения Вёкса 3 и записать их на 3D (рис. 2).

Перед съёмкой деревянные сваи были разделены по диаметру на 4 группы. Всего взяты точки 1802 свай. Из них 786 – палки-щепки диаметром до 3 см, 402 – 3–5 см, 569 – от 5 до 10 см и 45 свай диаметром от 10 до 15 см (рис. 3). Наибольшая концентрация свай выявлена на 4-м участке памятника (рис. 4: А). При детальном просмотре наблюдаются линии свай одинакового диаметра, некоторые из них образуют прямоугольные конструкции (?) (рис. 4: Б).

В расположении и плотности свай разных размеров наблюдаются достаточно чёткие различия. Сваи (щепки) первой группы (диаметром до 3 см) сосредоточены в центральной части конструкции. Сваи второй группы (диаметром от 3 до 5 см) присутствуют на всей площади конструкции, но особенно плотная концентрация их выделяется в юго-восточной части. Сваи диаметром от 5 до 10 см распространены по всей площади и формируют хорошо просматриваемые ряды и в нескольких местах – наибольшие скопления. Самые большие сваи – четвёртой группы (диаметром от 10 до 15 см) – равномерно распространены по всей площади конструкции.

Главный вопрос, который возникает при интерпретации этой концентрации: представляют эти сваи единую одновременную конструкцию или они различны по времени и функциям?

Чтобы датировать свайную конструкцию на поселении Вёкса 3, а также обеспечить исходные данные для будущего дендрохронологического исследования, три образца были продатированы в радиоуглеродной лаборатории Познани методом АМС. Были взяты спилы от трёх свай, вбитых вертикально в береговой склон (рис. 5). Датировки варьируют от 4445 до 4130 BP, что подтверждает энеолитический возраст свайной постройки и хорошо коррелирует с уже существующими датами (Le-5871: 4180±20 BP) [10, с. 84] (табл. 1; рис. 6). Три даты из полученной серии очень точно согласуются друг с другом, показывая разницу не более 20 радиоуглеродных лет. При калибровке они охватывают века в первой четверти III тыс. до н.э. cal. Старшая дата на 250 радиоуглеродных лет старше и имеет календарный возраст кон. IV – нач. III тыс. до н.э. cal. Интересно, что две младшие даты получены по сваям, расположенным в 1 м друг от друга в центре наибольшей концентрации свай, в то время как старший образец был получен со сваи на юго-восточной периферии концентрации (рис. 5). Это может указывать на существование нескольких этапов строительства конструкции, что, возможно, удастся проследить при дальнейших исследованиях, включая радиоуглерод-

Рис. 2. Поселение Вёкса 3. Участок 4. Основная концентрация свай.
Вид с юго-востока при низком уровне воды в сентябре 2011 г. (фото: J. Heit)

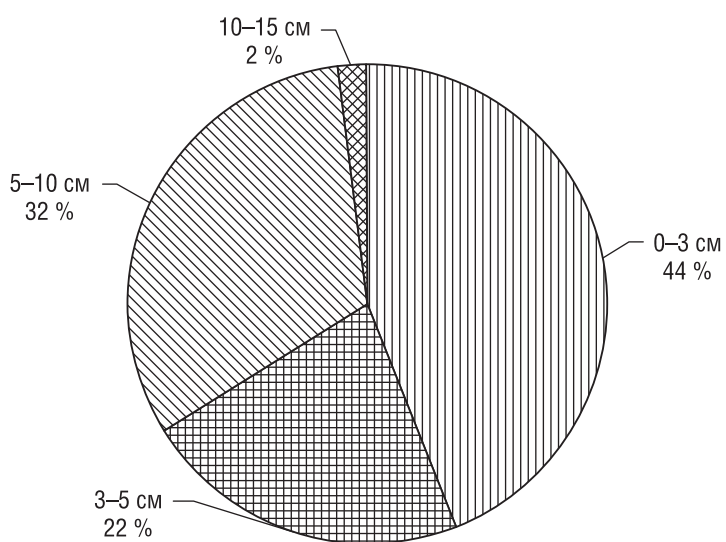
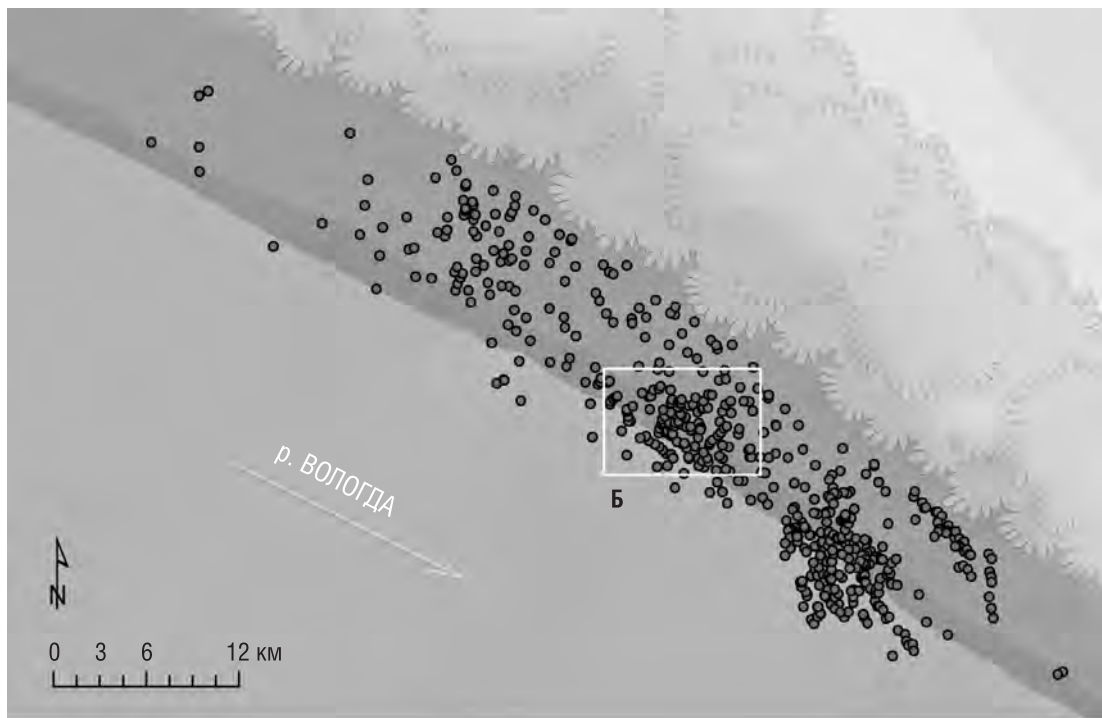
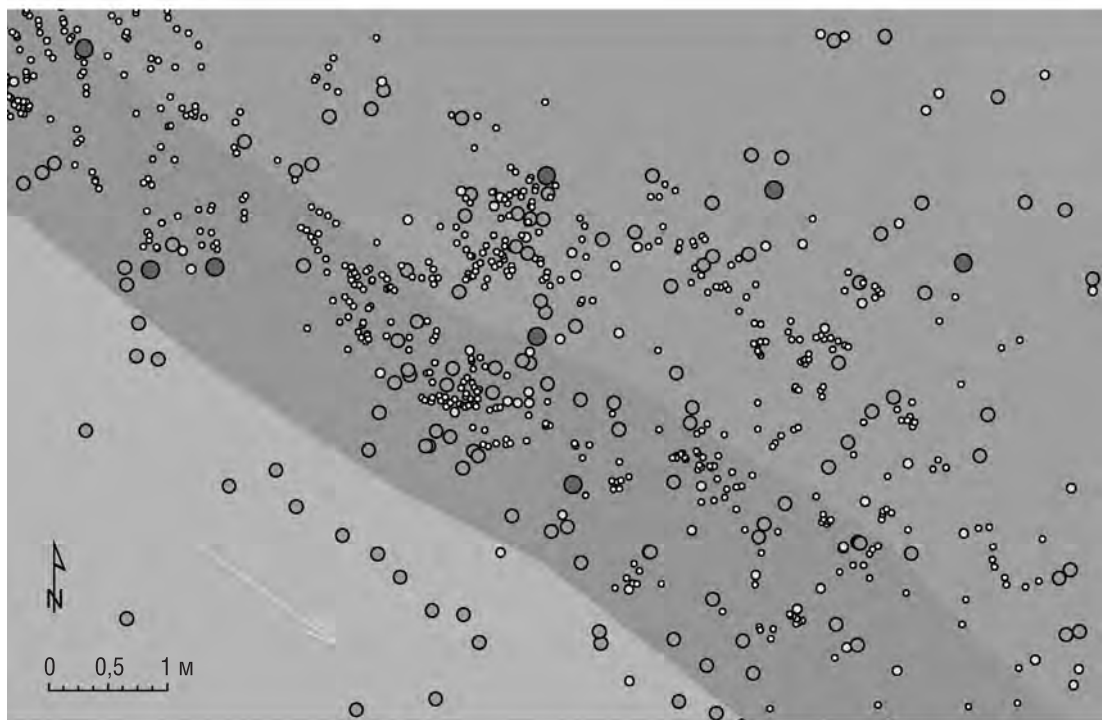

Рис. 3. Поселение Вёкса 3. Распределение 1802 деревянных свай по диаметру

А

Б

- Сваи (диаметр 10–15 см)
- Сваи (диаметр 5–10 см)
- Сваи (диаметр 2–5 см)
- Сваи (диаметр до 2 см)
- Сваи (всего)
- ☼ Растительный покров берега

Рис. 4. Поселение Вёкса 3. Участок 4. Наибольшая концентрация свай:
 А – общий план; Б – распределение свай по четырём выделенным диаметрам (деталь)

ное датирование и дендрохронологию. Свайные деревянные сооружения Вёксы 3 хронологически сопоставимы с периодом строительства свайных конструкций в неолите и в эпоху раннего металла на большой территории от итальянских Альп на юго-западе до Онежского региона на северо-востоке.

Свайные постройки, по современным данным, впервые появились на южных альпийских итальянских озёрах ок. 5000 кал. лет до н.э., а затем распространились вокруг Альп [11].

Рис. 5. Поселение Вёкса 3. Участок 4. Расположение свай, отобранных для AMS радиоуглеродного датирования, в конструкции. Вид с северо-запада (фото: Н. Недомолкина)

Таблица 1. *Поселение Вёкса 3. Участок 4. Свайная конструкция. Радиоуглеродные датировки деревянных столбов из места их наибольшей концентрации*

Индекс лаборатории и номер образца	Датированный материал	Дата ^{14}C (BP)	Калиброванная дата (cal BC), 68,2 % вероятности	Калиброванная дата (cal BC), 95,4 % вероятности
Poz-51486	Дерево, свая (внешние кольца)	4410±35	3093–2935	3321–2915
Le-5871	Дерево, свая	4180±20	2876–2705	2881–2678
Poz-51485	Дерево, свая (внешние кольца)	4160±35	2872–2679	2880–2627
Poz-51484	Дерево, свая (внешние кольца)	4155±35	2872–2674	2879–2624

Датирование методом AMS проведено лабораторией в Познани (Poznan Radiocarbon Laboratory, Poland). Калибровка произведена при помощи программы OxCal v4.1.5 (Bronk Ramsey 2009) на основе Intcal09 [14].

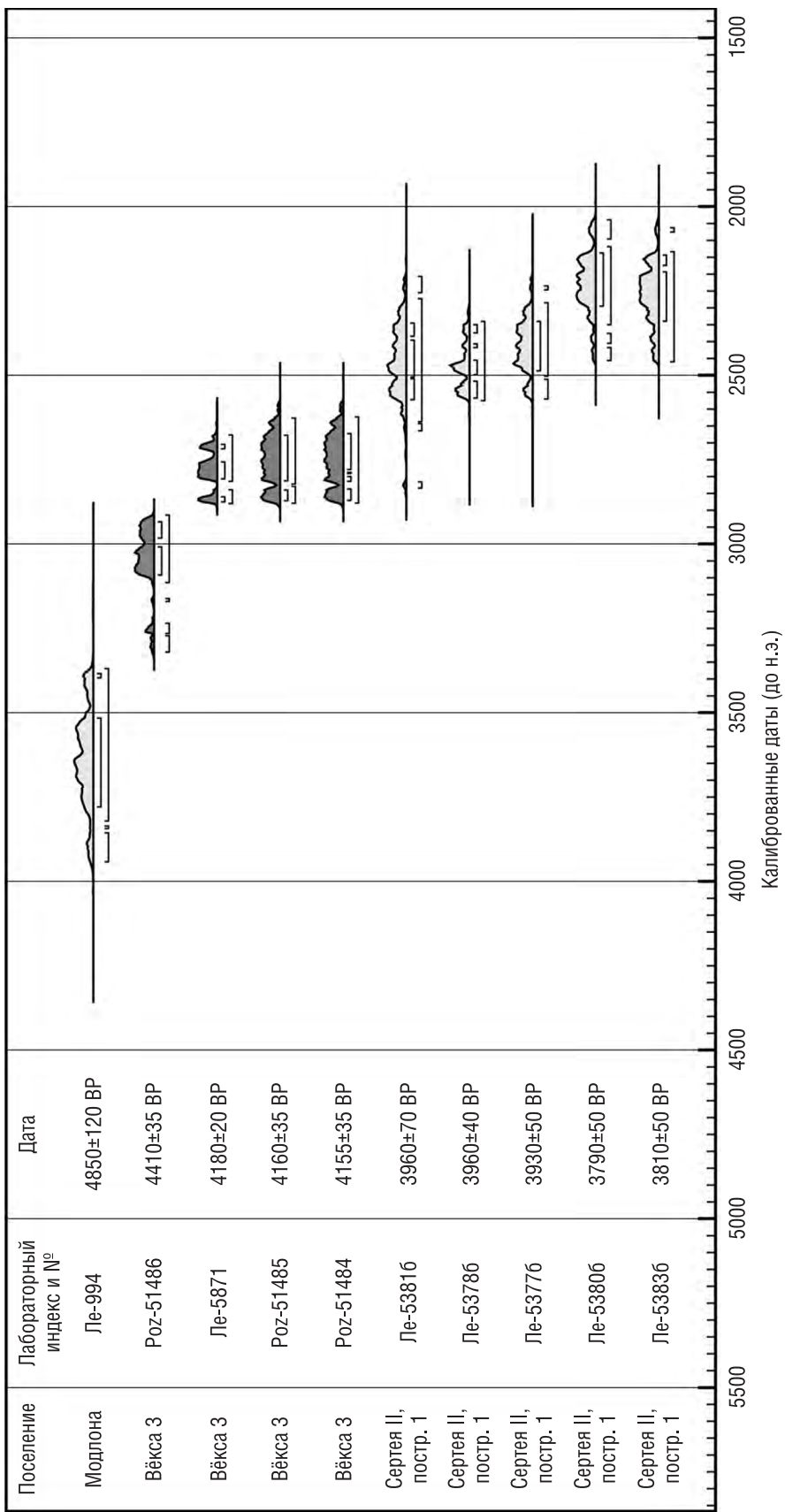

Рис. 6. Радиоуглеродные даты деревянных свай поселения Вёкса 3 и свайных построек Северо-Западной России. Все даты построек Сертея II получены для внешних колец соответствующих свай [10, с. 86–87]

Среди сопоставимых объектов в лесной зоне Восточной Европы – знаменитое свайное поселение Модло-на на берегу озера Воже в Восточном Прионежье [12, с. 228–230] и различные свайные постройки в регионе Двины–Ловати в западной части России, такие как Сертея II [13]. Здесь фиксируются такие же ряды свай и прямоугольные конструкции, какие мы наблюдаем на Вёксе, связанные двумя категориями свай наибольшего диаметра. По радиоуглероду культурный слой свайного поселения Модлоны датируется 1-й пол. IV тыс. до н.э. cal и, таким образом, по крайней мере на 500 лет старше, чем конструкции Вёксы, но необходимо отметить, что по нагару на пористой керамике Вёксы имеется дата 5425±30 BP (KIA-33926). Радиоуглеродные даты по спилам со свай сооружений 1 и 2 на Сертее II несколько моложе, чем конструкции на Вёксе: относятся ко 2-й и 3-й третям III тыс. до н.э. cal [10, с. 86–87] (рис. 6).

Таким образом, последние работы на памятнике Вёкса 3 подтверждают ранее высказанное мнение о наличии энеолитического свайного поселения на берегу реки Вологды. Часть свай 1–2 групп, очевидно, являются остатками рыболовных конструкций типа верш, что подтверждается археологическими и этнографическими сведениями.

Анализ остеологического материала

Дополнительным пунктом сотрудничества России и Германии было исследование археозоологического материала поселения Вёкса 3, осуществлённое У. Шмёлке (U. Schmölcke) из Шлезвига.

Были проанализированы 3 небольшие коллекции: 35 фрагментов костей из слоёв раннего неолита, 15 костей из неолитического комплекса с керамикой «северных типов» и 50 костей из подъёмного материала 2011 года (табл. 2; рис. 7).

В раннеолитическом комплексе доминируют кости бобра и больших парнокопытных лесных млекопитающих. Птицы представлены утками, рыбы – щукой. В небольшой коллекции костей из слоёв комплекса с керамикой «северных типов» кости бобра занимают ещё большую часть, достаточно велик процент костей больших млекопитающих типа зубра. Среди костей птиц – фрагмент кости орла. В подъёмном материале, который был собран на площади свайной конструкции, прослеживается схожая картина. Интерес представляют фрагменты костей куницы и росوماхи. Конечно, эта коллекция костей не является закрытым комплексом.

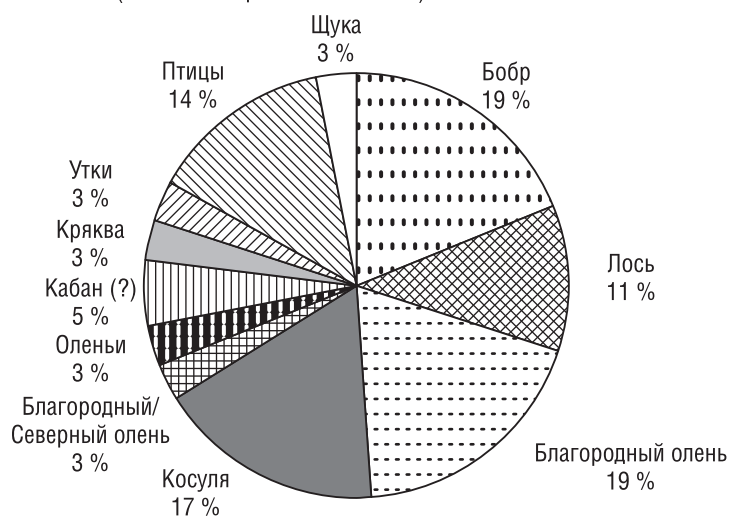
Все три исследованных комплекса, таким образом, свидетельствуют о типичном смешанном охотничье-рыболовческом хозяйстве с ориентацией на добычу бобра, больших копытных, дикой птицы и рыбы. Отличная сохранность костей позволит выявить разрезы, сломы, погрызы и пр. при будущих исследованиях.

Таблица 2. Поселение Вёкса 3. Результаты остеологического определения костей животных

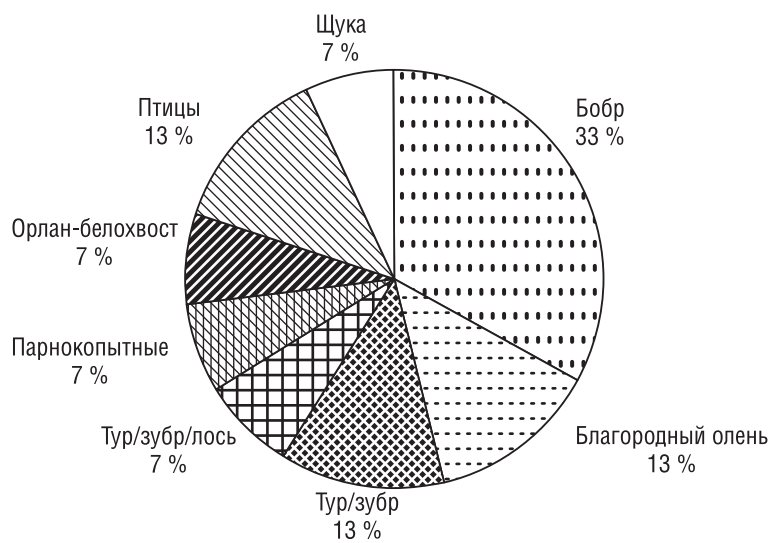
Отряд, семейство, вид	Исследованный комплекс					
	Ранний неолит (нижний и верхний комплексы)		Неолит (комплекс с керамикой «северных типов»)		Подъёмный материал 2011 г.	
	Число остатков	%	Число остатков	%	Число остатков	%
Бобр (<i>Castor fiber</i>)	7	19,4	5	33,3	13	26,0
Росомаха (<i>Gulo gulo</i>) (?)					1	2,0
Куница (<i>Martes martes</i>)					2	4,0
Лось (<i>Alces alces</i>)	4	11,1			10	20,0
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	7	19,4	2	13,3	10	20,0
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	6	16,7			1	2,0
Благородный/северный олень (<i>Cervus/Rangifer</i>)	1	2,8				
Олени (<i>Cervidae</i>)	1	2,8				
Тур/зубр (<i>Bos/Bison</i>)			2	13,3		
Тур/зубр/лось (<i>Bos/Bison/Alces</i>)			1	6,7		
Кабан (<i>Sus scrofa</i>) (?)	2	5,6				
Парнокопытные (<i>Artiodactyla</i>)			1	6,7		
Орлан-белохвост (<i>Haliaeetus albicilla</i>)			1	6,7		
Кряква (<i>Anas platyrhynchos</i>)	1	2,8			2	4,0
Утки (<i>Anas sp.</i>)	1	2,8			8	16,0
Птицы (<i>Aves</i>)	5	13,9	2	13,3		
Щука (<i>Esox lucius</i>)	1	2,8	1	6,7	3	6,0
Всего	36		15		50	

% указан от общего количества костей данного комплекса.

А. Ранний неолит (нижний и верхний комплексы)

Б. Неолит (комплекс с керамикой «северных типов»)

В. Подъёмный материал 2011 г.

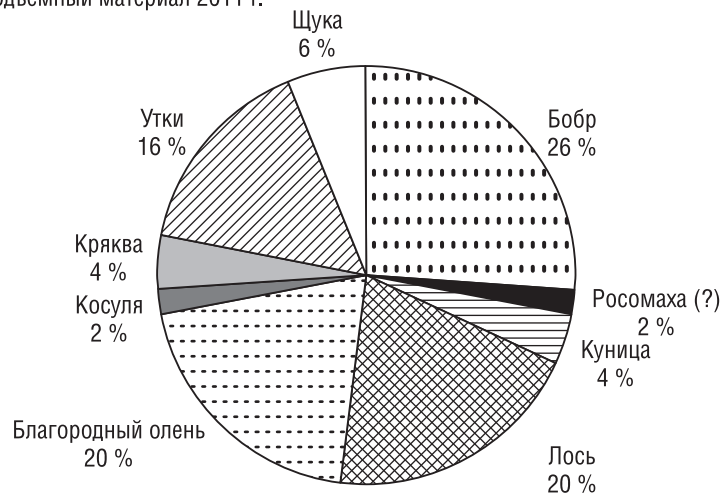

Рис. 7. Распределение костей животных по трём комплексам поселения Вёкса 3 (см. табл. 2)

Геоморфологические исследования

Геоморфологический анализ территории поселений проводился путём бурения скважин 5–8 см в диаметре до глубины 8 м от современной поверхности. В общей сложности 15 скважин были пробурены рядом со старыми раскопами по береговому увалу вдоль реки Вологды и в свободной сетке на пойменном луге к северу от реки.

Цель бурения состояла в том, чтобы исследовать общие седиментологические последовательности напластований и проследить распространение археологических слоёв. Все 15 образцов бурения показывают одну и ту же стратиграфическую структуру, которая может быть описана как стандартный профиль, состоящий из трёх седиментологических единиц (рис. 8).

1. В нижней части колонки фиксируется силикат гиттия, который обычно начинается на 4 м ниже современной поверхности. Эти светло-коричневые до серого глинистые осадки с тонкими песчаными прослойками в илистых слоях образовались, когда существовало большое озеро с высоким притоком осадка, и интерпретируются как озёрные напластования обширного Валдайского позднеледникового озера, возникшего во время таяния ледников последнего ледникового максимума, которому в настоящее время соответствует бассейн Верхней Сухоны.

2. На явное изменение в субстрате указывает переход к органическому силикатному гиттию. Эти отложения, которые различаются по толщине на глубине от 1 до 2,5 м от современной дневной поверхности, состоят в основном из ила от тёмного до оливково-серого цвета. Они представляют собой органические слои с обильными растительными остатками, особенно при переходах между верхним и нижним горизонтами. В небольшом количестве обнаружены останки моллюсков. Пробы интерпретируются как озёрные или речные отложения спокойной заводи (сезонной?) с осадками притока, что, вероятно, свидетельствует о продолжении подтопления речных бассейнов от начала до среднего голоцена.

3. Верхняя часть стратиграфической колонки на Вёксе состоит из суглинистых отложений поймы. Эти глинистые и илистые отложения колеблются по толщине и находятся между 1,2–3 м от поверхности, с небольшим наклоном вниз от реки. Глинистые и илистые почвы с конкрециями железа на глубине до 2 м ниже поверхности являются результатом активного ежегодного изменения уровня грунтовых вод. Видимо, гидрологический режим характеризуется ежегодным наводнением уже в течение очень долгого времени, о чём свидетельствуют кремнистые материалы из наносов реки, ведущих к последовательному образованию поймы. Для накопления в почве перегноя от растительного покрова, кажется, не было соответствующую

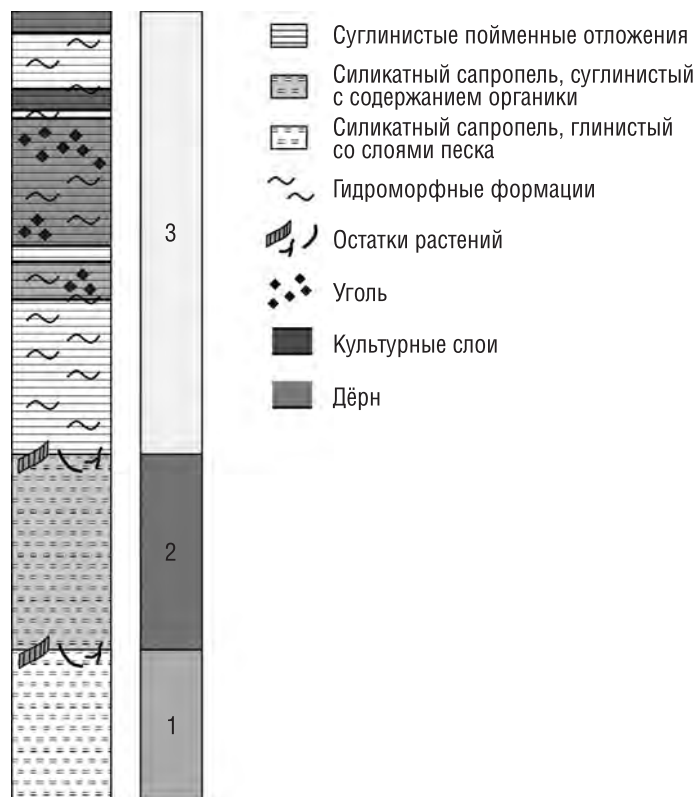

Рис. 8. Поселение Вёкса 3. Стандартный профиль седиментологической последовательности отложений, составленный на основе бурения

щих условий, или они были восполнены сильной минерализацией. Все археологические слои связаны с этими отложениями поймы в пределах 3 м ниже современной поверхности земли. Они хорошо узнаваемы по серо-чёрной окраске и большому содержанию древесного угля. Сохранение ботанических макроостатков и пыльцы следует ожидать в основном в нижней части, где культурные слои расположены в восстановительной водонасыщенной среде, в то время как в самых верхних (1,5 м ниже поверхности) наличие органики ограничено из-за периодического высыхания отложений. Археологические материалы датируют самую верхнюю часть отложений серединой – концом голоцена.

Выводы и перспективы

Таким образом, результаты раскопок последних лет и информация, полученная в ходе работ 2011 г., подчёркивают исключительный потенциал археологических изысканий в устье реки Вёкса в рамках комплексных междисциплинарных исследований. Будущие исследования на этом эталонном памятнике очень перспективны для понимания культурно-исторического развития не только на локальном и региональном уровнях, но и в целом для лесной зоны Восточной Европы.

В рамках дополнительных охранных раскопок будущие земляные работы будут сосредоточены на подробном изучении археологической стратиграфии на отдельных небольших участках от поверхности до материковой почвы и создании 3D модели слоёв. Также в план работы предполагается включить научный анализ экологической информации.

Методы, которые планируется использовать в дальнейших исследованиях на Вёксе, включают датировки АМС, изотопные и археохимические анализы разных материалов (кость, нагар на керамике), археоботанику (палинологию, анализы ботанических макроостатков), остеологию, реконструкцию развития ландшафта, компьютерное моделирование рельефа. Особенно перспективна для абсолютного датирования дендрохронология: 7 образцов, взятых в сентябре 2011 г., были проанализированы в Германском археологическом институте и показали, что у части сосновых столбов есть достаточно колец, чтобы попытаться построить локальную кривую, которая, надеемся, потом может быть связана с финляндской кривой. Геологическая часть работы будет сосредоточена на генезисе палеоландшафта, особенно на взаимосвязи развития поймы и человеческой деятельности в голоцене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минеев В.А., Малков В.М. Вологодская область. Вологда, 1958.
2. Недомолкина Н.Г. История изучения бассейна Верхней Сухоны // Вестник Череповецкого государственного университета. Вып. 1. Череповец, 2003.
3. Недомолкина Н.Г. Многослойное поселение Векса // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
4. Недомолкина Н.Г. Неолитические комплексы поселений Вёкса и Вёкса III бассейна верхней Сухоны и их хронология / В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева (ред.) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.
5. Недомолкина Н.Г. Место неолитических памятников Верхней Сухоны в неолите лесной зоны Европейской части России. (По материалам комплекса многослойных поселений Векса) // II Северный археологический конгресс: тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.
6. Piezonka, H. Neue AMS-Daten zur frühneolithischen Keramikentwicklung in der nordosteuropäischen Waldzone // Estonian Journal of Archaeology 12/2, 2008.
7. Недомолкина Н.Г., Пиецонка Х. Многовариантный анализ и распространение неолитической посуды в лесной зоне: на примере памятника Векса 3, северо-запад России // III Северный археологический конгресс: тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010.
8. Пиецонка Х. Ранняя керамика к востоку от Балтийского моря: новые АМС радиоуглеродные даты // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
9. Lorenz, S., Nedomolkina, N.G., Piezonka, H. Geoarchaeology and Floodplain Development at the Outstanding Multiperiod Dwelling Site of Veksa in the Sukhona Basin / А.И. Жиров, В.Ю. Кузнецов, Д.А. Субетто, Й. Тиде (ред.) // Геоморфология и Палеогеография Полярных Регионов: Материалы совместной международной конференции «Геоморфология и Палеогеография Полярных Регионов», симпозиума «Леопольдина» и совещания рабочей группы INQUA Peribaltic. Санкт-Петербург, СПбГУ, 9–17 сентября 2012 года. СПб., 2012.
10. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, П.М. Долуханов, А.М. Шукуров. СПб., 2004.
11. Bronk Ramsey, C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon 51 (1). 2009.
12. Suter, P.J., Schlichterle, H. Pfahlbauten – Palafittes – Palafitte – Pile dwellings – Kolišča. Bern, 2009.
13. Ошибкина С.В. Неолит Беломорья и Крайнего Северо-Востока // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
14. Mazurkevich, A., Dolbunova, E., Maigrot, Y., Hookk, D. The Results of Underwater Excavations at Serteya II, and Research into Pile-Dwellings in North-West Russia // A. Girininkas (ed.), Underwater Archaeology in the Baltic Region. Dedicated to the 65th Birthday of Prof. habil. Dr. Vladas Žulkus. Vilnius, 2010. (Archaeologia Baltica. № 14)
15. Reimer, P.J., Baillie, M.G.L., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Buck, C.E., Burr, G.S., Edwards, R.L., Friedrich, M., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Hajdas, I., Heaton, T.J., Hogg, A.G., Hughen, K.A., Kaiser, K.F., Kromer, B., McCormac, F.G., Manning, S.W., Reimer, R.W., Richards, D.A., Southon, J.R., Talamo, S., Turney, C.S.M., van der Plicht, J., Weyhenmeyer, C.E. IntCal09 and Marine09 Radiocarbon Age Calibration Curves, 0-50,000 Years Cal BP // Radiocarbon 51 (4), 2009.

Недомолкина Н.Г. – Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологда

*Пицонка Х. – Грайфсвальдский университет,
Институт истории,
Грайфсвальд, Германия*

*Лоренц С. – Грайфсвальдский университет,
Институт географии и геологии,
Грайфсвальд, Германия*

*Шмёлке У. – Шлезвиг-Гольштейнский государственный музейный фонд;
Центр Балтийской и Скандинавской археологии,
Шлезвиг, Германия*

N.G. Nedomolkina, H. Piezonka, S. Lorenz, U. Schmöлке

**NEW ARCHAEOLOGICAL, OSTEOLOGICAL AND GEOMORPHOLOGICAL INVESTIGATIONS
AT THE COMPLEX OF STRATIFIED SETTLEMENTS OF VYEKSA IN THE UPPER SUKHONA BASIN**

Summary

The stratified settlements complex of Vyeksa is a key site in the Upper Sukhona region. In this paper we present the results of multidisciplinary Russian-German research at Vyeksa 3 in 2011. The works encompassed a topographic survey of the site including wooden post constructions which were carried out with a Leica TCRP + electronic theodolite. Three AMS dates between the end of the 4th and the first quarter of the 3rd millennium cal BC confirm the Aeneolithic age of the post constructions. At Vyeksa 3 important geomorphological investigations were carried out together with geographers of Greifswald University which enabled the assessment of the stratigraphic sequence of Holocene sediments from 8 m depth up to the modern surface. Archaeozoologists from Schleswig investigated animal bones from excavated Neolithic layers and from the elevating material. The results indicate a typical mixed hunter-fisher economy based on the hunting of beaver, large ungulates and wild fowl, and fishing. The results of the investigations underline the exceptionally high potential of further excavations at the Vyeksa mouth as part of complex multidisciplinary studies, promising a better understanding of the culture-historical developments not only on a local and regional scale, but also for reconstruction of pre-historic and historic cultural events in the forest zone of North-East Europe.

*The Vologda State Museum-Preserve
of History, Architecture and Decorative Arts,
15, S. Orlova St., Vologda, 160035,
Russia
E-mail: nedomolkiny_ljv@mail.ru*

*Historical Institute, Greifswald University
1, Hans Fallada Straße, D-17487, Greifswald,
Germany
E-mail: henny.piezonka@uni-greifswald.de*

*Institute for Geography and Geology, Greifswald University,
16, Jahn-Str., D-17487, Greifswald,
Germany
E-mail: sebastian.lorenz@uni-greifswald.de*

*Schleswig-Holstein State Museums Foundation;
Schloss-Gottorf Centre for Baltic and Scandinavian Archaeology,
D-24837, Schleswig,
Germany
E-mail: Ulrich.schmoelcke@schloss-gottorf.de*

В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, Г.И. Зайцева

ХРОНОЛОГИЯ ДЕРЕВЯННЫХ РЫБОЛОВНЫХ СООРУЖЕНИЙ МЕЗОЛИТА – НЕОЛИТА НА СТОЯНКЕ ЗАМОСТЬЕ 2

В ходе исследований стоянки Замостье 2 в 1989–2014 гг. в южной части поселения, на площади 210 кв. м, была выявлена особая экономическая зона, где были найдены многочисленные разновременные рыболовные сооружения [1; 2; 3; 4]. Комплекс находок включает три верши конической формы из расщеплённых лучин сосны и ели, два переносных мата из длинных расщеплённых лучин сосны и ивы из подводной части стоянки и 230 вертикальных кольев, 150 из которых найдены также в русле реки Дубны. Проведённое радиоуглеродное датирование показало их разновременность.

Находки рыболовных конструкций в наземных раскопах и в русле р. Дубны

Первыми на памятнике в 1989 г. были найдены две конструкции конической формы из длинных расщеплённых лучин дерева [5; 1; 6]. Повторное изучение объектов, предпринятое в 2010–2011 гг., подтвердило первые заключения и позволило выявить новые детали – остатки сохранившихся переплетений, а также новую вершу с почти целым веслом внутри [4]. Все три верши залежали в слое тёмно-серого однородного оторфованного сапропеля с линзами ракушечника, мелкой древесной щепы и скоплениями рыбьих костей в анатомическом порядке.

Первоначальные размеры средней верши были 2,5×1,2 м. К сожалению, при повторном исследовании 2010 г. выяснилось, что верхняя часть конструкции утрачена. На момент изучения сохранившаяся длина её составила 1,4 м. Также не сохранились остатки второго сооружения длиной около 2 м, примыкавшего вплотную с востока [5, с. 60; 6]. Материалом для изготовления верш послужили тонкие и ровные лучины сосны и ели [4], полученные путём расщепления стволов этих деревьев. Поверхность верш была прикрыта расколотыми деревянными плашками, что отмечалось ещё при первых исследованиях объекта [5, с. 60]. При повторном исследовании в 2011 г. эти плашки были удалены, и под ними обнаружили остатки переплетений, связывавших лучины между собой. Были прослежены три ряда переплетений в нижней и центральной частях сохранившегося участка верш. Промежутки между рядами переплетений составляли 28–30 см. Сами переплетения представляли собой тонкие тесёмки (шириной менее 1 см) из стеблей тростника южного (определения Л.И. Абрамовой, МГУ) [4]. Для обломка лучины с тесёмкой, найденного в 2010 г., были получены две даты – 6550±40 BP (сосна, Beta-283033) и 6452±43 BP (сосна, CNA-1081) (рис. 1).

В прирезке с запада был открыт ещё один объект, вплотную прилегающий к первой верше [3; 4]. Длина новой верши (более 2 м), ориентировка конструкции, её наклонное положение в слое (разница в высоте между самой верхней точкой в северной части и самой нижней точкой в южной части сооружения составляет 46 см) – всё это полностью соответствует первым двум, что даёт основания рассматривать их как единый комплекс. Отличие новой верши от первых двух заключалось в её более узкой форме и значительных высотных перепадах между разными группами лучин внутри самой конструкции. Лучины также были изготовлены из сосны и ели. В верхней части было найдено застрявшее между лучинами весло из вяза с плоской асимметричной лопастью. Для этой конструкции также получены радиоуглеродные датировки, относящие её к периоду раннего неолита, – 6539±43 BP (сосна, CNA-1341); 6670±80 BP (сосна, Ле-9536). Весло имеет датировку 6676±47 BP (вяз, CNA-1342) (рис. 1).

В ходе подводных исследований в русле современной реки Дубны, в 7–8 м на ЮЮВ от комплекса из трёх верш, на дне реки были расчищены остатки длиной ок. 4 м чуть изогнутой конструкции из нескольких слоёв субпараллельных сосновых лучин. Общая ориентировка сооружения – север–юг. Конструкция залежала на поверхности практически неповрежденного слоя светло-серого опесчаненного сапропеля с включениями ракушки. Аналогичные отложения сапропеля были зафиксированы в наземных раскопах и характеризуют условно стерильные горизонты между мезолитическими слоями памятника. Для конструкции были получены две даты: 7198±30 BP (сосна, CNA-1346); 7090±70 BP (сосна, Ле-9535), – которые позволяют отнести её к периоду существования на памятнике верхнего мезолитического слоя. Пробивший лучины кол датирован на много более поздним временем – 6000±120 BP (ива, Ле-9521) (рис. 2).

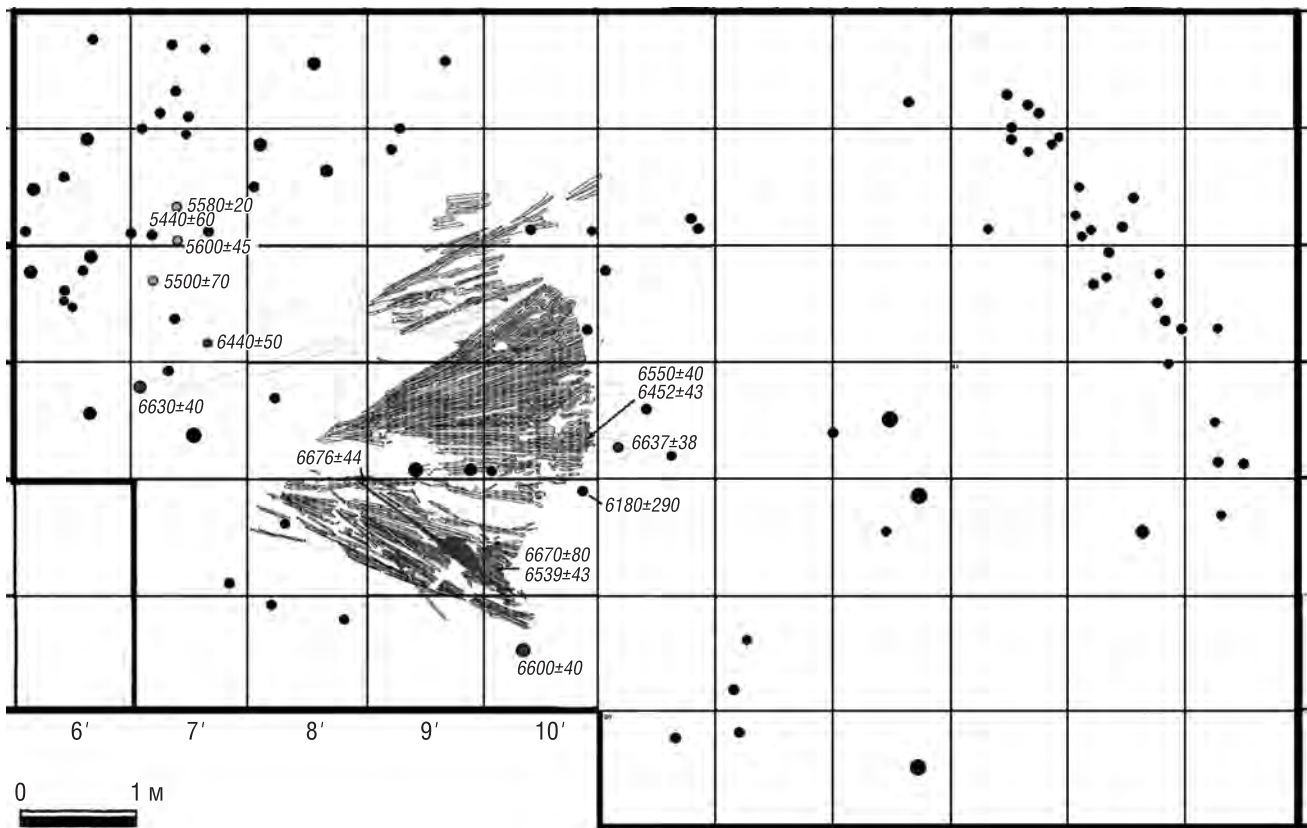

Рис. 1. Стоянка Замостье 2. Расположение рыболовных конструкций из лучин дерева и отдельных кольев в раскопе 1989–2013 гг.

С юга от первого объекта была расчищена вторая конструкция, залегавшая на большей глубине. Однако в отличие от верш в раскопе и первой подводной конструкции общая ориентировка этого объекта была СЗ–ЮВ, т.е. поперёк современного русла реки и практически перпендикулярно по отношению ко всем предыдущим объектам. Длина расчищенного участка – более 2 м. В отличие от первого у этого сооружения были зафиксированы 6 прекрасно сохранившихся поперечных переплетений из камыша озёрного (*Scirpus lacustris* L. – определения Л.И. Абрамовой, МГУ). Расстояние между переплетениями оказалось аналогично тому, которое было прослежено у первой верши в раскопе: 28–30 см. Ширина верхней части изделия – около 40 см. Для этого сооружения также была получена дата, позволяющая соотнести его с верхним мезолитическим слоем, – 7267±31 ВР (ива, СНА-1348). Близкая дата получена для ещё одного регулярного скопления лучин, расположенного между двумя вышеописанными объектами, но расчищенного на ограниченной площади, – 7248±35 ВР (сосна, СНА-1347) (рис. 2). В настоящее время все конструкции, найденные в русле реки Дубны, интерпретируются как переносные изгороди, входившие в комплекс рыболовных сооружений мезолитического времени.

Таким образом, остатки трёх верш, исследованные во время наземных раскопок, относятся к периоду существования в Волго-Окском междуречье раннеолитической верхневолжской культуры: 1-й пол. – сер. VI тыс. cal BC, в то время как сооружения в виде передвижных загоронок в русле реки Дубны датируются поздним мезолитом – кон. VII тыс. cal BC.

Находки вертикальных кольев в наземных раскопах и в русле реки Дубны

Как уже было отмечено выше, в ходе исследований стоянки Замостье 2 в 1989–2014 гг. были обнаружены 230 вертикальных кольев [4]. Анализ распределения вертикально вбитых кольев на раскопанной площади стоянки (160 кв. м) показал, что подавляющее большинство их сосредоточено в южной части памятника, рядом с вершами. Выделяются два основных скопления, расположенных к северу и к югу от комплекса с тремя вершами. Первое скопление в виде цепочки кольев шириной около 1,5 м состоит из 29 объектов и примыкает к сооружениям из лучин с севера (общая ориентировка – СЗ–ЮВ). В этом скоплении радиоуглеродным методом были продатированы 6 кольев: четыре из них располагаются компактной группой внутри самого скопления и относятся ко времени жизни на памятнике носителей льяловской культуры среднего неолита – 5580±20 ВР (сосна, Ле-10097), 5600±45 ВР (вяз, Ле-10266), 5500±70 ВР (порода дерева не определена).

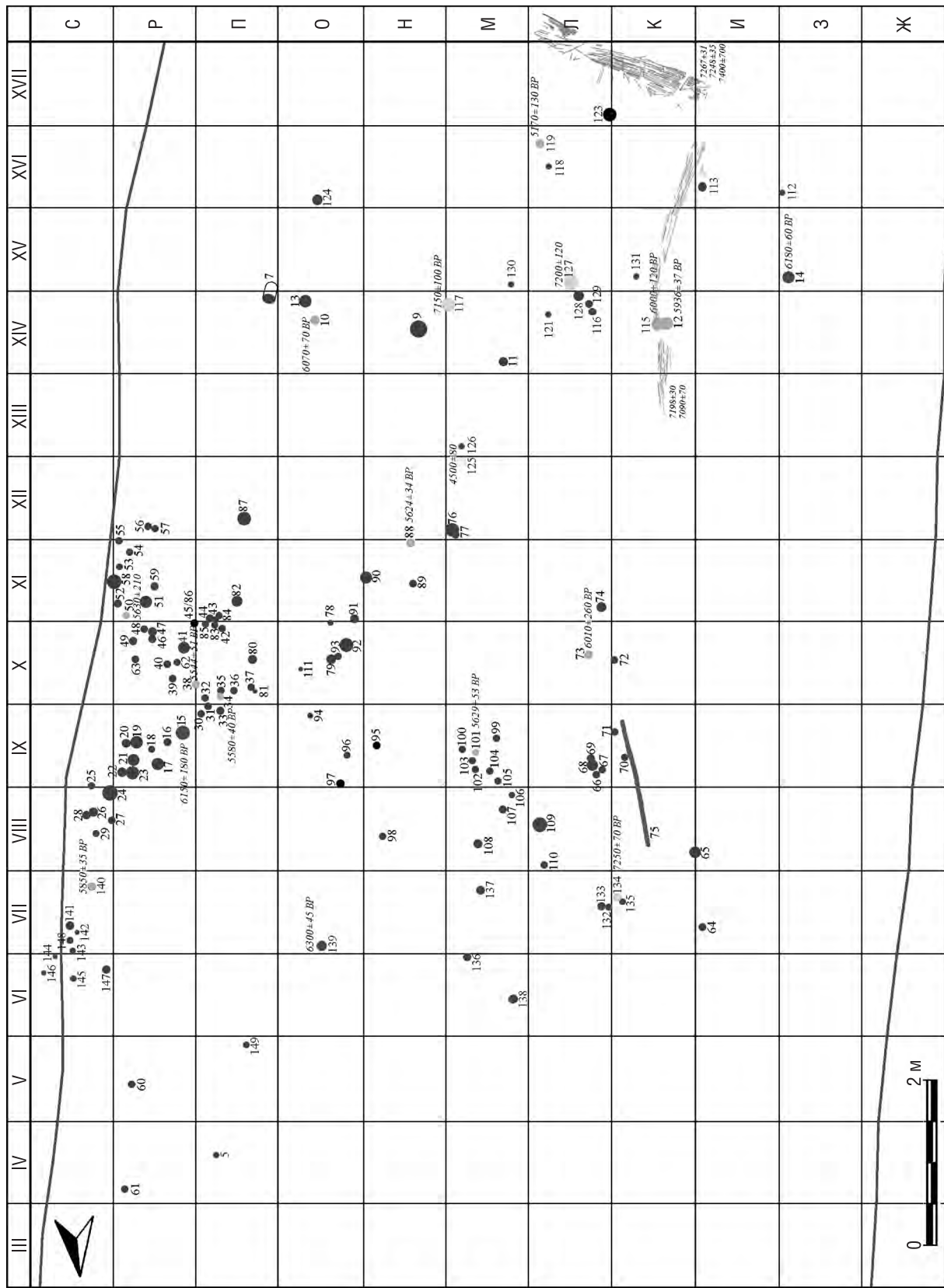

Рис. 2. Стоянка Замостье 2. Расположение рыболовных конструкций из лучин дерева и отдельных кольев, выявленных в ходе подводных исследований в русле реки Дубны в 2010–2013 гг.

на, Ле-10098), 5440 ± 60 BP (жимолость, Ле-10265). Эти данные опровергают первоначальное предположение, что все колы, выявленные на этом участке раскопа, входят в единую систему закола, которая синхронна вершам [1; 5; 6]. Синхронными с найденными в раскопе вершами являются два кола с датировками 6440 ± 50 BP (берёза, Ле-10267) и 6630 ± 40 BP (берёза, Ле-10268), и они располагаются несколько ближе к конструкциям верш, чем четыре предыдущих. Ещё три кола, которые расположены рядом с вершами с южной стороны, также имеют близкие даты: 6637 ± 38 BP (ольха, CNA-1344), 6180 ± 290 BP (ива, Ле-9522), 6600 ± 40 BP (порода дерева не определена, Ле-10099) (рис. 1).

Вторая группа из 18–20 колеьев располагалась в 4–5 м к югу от верш и тянулась тонкой цепочкой по линии ЮЗ–СВ. В свою очередь, центральная и северная части раскопанной площади содержали одиночные колья (22 экз.), находившиеся на значительном удалении друг от друга.

Подводные исследования современного русла реки Дубны также выявили несколько скоплений археологических колеьев. Здесь, на площади около 80 кв. м, к востоку от конструкции с вершами, найдены 150 экземпляров вертикально стоящих колеьев диаметром от 4 до 10 см. У части изделий можно увидеть негативы обработки поверхности, другие же так глубоко были вбиты в грунт, что до сих пор на открытых частях колеьев не видно обработки. В настоящее время соотнести определённые колья с выявленными на памятнике культурными слоями невозможно, поскольку большая часть культурных отложений была уничтожена при прочистке реки Дубны, при этом были также срезаны верхние части колеьев. Среди всех выявленных в русле реки колеьев можно отметить несколько отчётливых групп и скоплений. Самой многочисленной – более 50 предметов – является группа, зафиксированная под правым берегом реки. Здесь два ряда колеьев сходятся практически под прямым углом, образуя своего рода угловую в плане конструкцию. Колья стоят довольно близко друг к другу, иногда вплотную или парами. Диаметр колеьев небольшой, в среднем 5–6 см, единичные достигают 8–10 см в диаметре. Для четырёх изделий получены радиоуглеродные даты, которые позволяют сопоставить этот объект со временем существования льяловской культуры среднего неолита: 5850 ± 35 BP (граб, Ле-9788), 5630 ± 210 BP (берёза, Ле-9526), 5580 ± 40 BP (граб, Beta-283034), 5544 ± 51 BP (граб, CNA-1083). Возможно, это остатки какой-то постройки. Ещё один кол имеет дату 6150 ± 180 BP (тополь, Ле-9525), т.е. относится к концу существования раннеолитической верхневолжской культуры в Волго-Окском междуречье.

С севера к угловому скоплению примыкает небольшая группа из 9 колеьев, изготовленных в основном из граба. Они несколько смещены к северу от линии СВ–ЮЗ и, возможно, являются остатками какого-то другого сооружения.

В южной части исследованной площади зафиксировано скопление, состоящее из 21 кола. Протяжённость этой группы составляет около 7 м, в плане она располагается перпендикулярно к современному руслу реки. Возможно, эту цепочку колеьев можно связать с цепочкой колеьев, прослеженной в южной части раскопа I 1990 г. Эта же цепочка колеьев условно пересекает конструкцию из лучин, расположенную к ней под углом. Три кола непосредственно примыкают к лучинам, один кол пробивает лучины насквозь, его даты – 6000 ± 120 BP (ива, Ле-9521) и 6036 ± 38 BP (ива, CNA-1349). Остальные радиоуглеродные даты по колям этой группы относятся к позднему мезолиту – 7150 ± 100 BP (черёмуха, Ле-9786), 7200 ± 120 BP (граб, Ле-9527); концу раннего и началу среднего неолита – 6180 ± 60 BP (ольха, Ле-9790), 6070 ± 70 BP (черёмуха, Ле-9783) и концу среднего неолита – 5170 ± 130 BP (ива, Ле-9784) (рис. 2).

В центральной части исследованной территории выявлены несколько мелких групп колеьев. В целом преобладают две ориентировки – СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ, которым соответствуют вытянутые в прямую линию 15 плотно стоящих колеьев с северного края и разреженная цепочка из 12 колеьев в центре, в этой группе также преобладают изделия из широколиственных пород дерева. Полученные радиоуглеродные даты отдельных колеьев относятся к разным хронологическим периодам: позднему мезолиту – 7250 ± 70 BP (граб, Ле-9789), раннему неолиту – 6300 ± 45 BP (граб, Ле-9787), концу раннего и началу среднего неолита – 6010 ± 260 BP (ольха, Ле-9785), среднему неолиту – 5624 ± 34 BP (тополь, CNA-1084), 5629 ± 53 BP (вяз, CNA-1085), позднему неолиту – 4500 ± 34 BP (вяз, Ле-9529). Имеются также три пары вплотную стоящих колов (рис. 2).

Таким образом, выборочная датировка колеьев, как в русле реки Дубны, так и в раскопах, продемонстрировала наличие как минимум нескольких хронологических групп: первая группа колеьев датируется поздним мезолитом – 7200 BP, вторая синхронна рыболовным конструкциям, выявленным в раскопах, – 6600–6400 BP (ранний неолит, верхневолжская культура), третья датирует поздний этап раннеолитической верхневолжской культуры – 6300–6200 BP, четвёртая группа отчётливо концентрируется по датировкам около 6000 BP – переходный период от раннего неолита к среднему неолиту. Последняя группа датируется средним неолитом (льяловская культура) – 5800–5200 BP. Ещё одна дата относится к позднему неолиту. Интересно, что подобное хронологическое распределение объектов из дерева частично противоречит классической стратиграфической последовательности. Фиксируются объекты, которые соорудились в период существования поселения, связанного с верхним мезолитическим слоем, а также слоями раннего и среднего неолита. Для периодов формирования на памятнике нижнего и финального мезолитических слоёв никакие конструкции прослежены не были. И наоборот, достаточно многочисленная группа колов, для которой имеются датировки около 6000 BP, относится к переходному от раннего к среднему неолиту периоду, не имеющему своего выражения в виде отдельного культурного слоя в стратиграфии стоянки Замостье 2. Большинство дат получено по колям, изготовленным из широколиственных пород, при этом нельзя не обратить внимания, что граб как строительный материал присущ всем хронологическим периодам, начиная с позднего мезолита и заканчивая средним неолитом.

Заключение

К сожалению, пока не будут получены абсолютные датировки всех найденных деревянных кольев, невозможно определить форму, размеры и назначение сооружений разных исторических эпох. Тем не менее важным результатом проведённого радиоуглеродного датирования можно считать то, что не подтвердилось ранее высказанное предположение, что все обнаруженные в раскопе 1989–2011 гг. колья синхронны исследованным вершам ранне-неолитического времени [5; 6]. Как минимум одна компактная группа кольев связана со временем бытования на памятнике носителей льяловской культуры среднего неолита (рис. 1). С другой стороны, радиоуглеродные даты других пяти кольев свидетельствуют об их синхронности с рыболовными конструкциями раннего неолита.

В целом на основании имеющихся в настоящий момент 14С дат и сопоставления их с возрастом конструкций из лучин и культурных слоёв стоянки можно выделить 6 хронологических групп деревянных сооружений в южной части памятника: ок. 6150–6000 cal BC (поздний мезолит), включает конструкции из лучин в русле Дубны и два одиночных кола, соотносится с верхним культурным слоем позднего мезолита; ок. 5600–5400 cal BC (ранний неолит), соответствует времени функционирования верш в наземном раскопе, расположенных на 1 м выше, чем мезолитические перегородки, синхронные колья в реке пока не найдены; ок. 5300–5100 cal BC (конец раннего неолита), единичные колья в русле Дубны; ок. 4950–4650 cal BC (рубеж раннего и среднего неолита), соответствует периоду смены верхневолжской культуры раннего неолита на памятниках Волго-Окского междуречья льяловской культурой среднего неолита, этот период до сих пор не изучен, на стоянке Замостье 2 не были найдены культурные слои, относящиеся к данному хронологическому отрезку; и ок. 4550–4350 cal BC (средний неолит), к этому периоду относятся не менее 6 кольев, в том числе из прямоугольной конструкции, и культурный слой среднего неолита стоянки. Один кол датирован поздним неолитом – 3500–2900 cal BC. Эти хронологические отрезки могут маркировать динамику глубины водоёма и благоприятные для экономической деятельности периоды [7; 8; 9].¹

¹ Исследование проводилось при поддержке Министерства Науки и Инноваций Испании, проект (I+D) HAR2008-04461/HIST и Российского фонда фундаментальных исследований, проекты № 11-06-00090а, № 11-06-100030к, № 12-06-00013к, № 13-06-10007к, 13-06-12057 Офи_М.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lozovski, V.M. Zamostje 2. Les derniers chasseurs-pêcheurs préhistoriques de la Plaine Russe. Guides archéologiques du «Malgré-Tout».* Treignes, 1996.
2. Первые результаты подводных исследований на стоянке Замостье 2 (Сергиево-Посадский район Московской области) / *О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, А.Н. Мазуркевич, I. Clemente Conte, E. Gassiot* // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
3. Деревянные конструкции на стоянке каменного века Замостье 2 (Сергиево-Посадский район Московской области): новые данные / *О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, А.Н. Мазуркевич, I. Clemente Conte, E. Gassiot* // КСИА. Вып. 227. 2012.
4. Деревянные рыболовные конструкции на стоянке каменного века Замостье 2 / *В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, И. Клементе-Конте, А.Н. Мазуркевич, Э. Гассиот-Бальбе* // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Волги. Под ред. В. Лозовского, О. Лозовской и И. Клементе Конте. СПб., 2013.
5. *Лозовский В.М.* Рыболовные сооружения на стоянке Замостье 2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции “Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры”. 1–5 июля 1997, Сергиев-Посад. Сергиев Посад, 1997.
6. *Lozovski, V.* Archaeological and Ethnographic Data for Fishing Structures // *Bog Bodies, Sacred Sites and Wetland Archaeology.* Exeter, 1999.
7. *Алешинская А.С., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А.* Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад. 1–5 июля 1997. Сергиев Посад, 2001.
8. *Лозовская О.В., Лозовский В.М., Мазуркевич А.Н.* Палеоландшафт рубежа мезолита–неолита на стоянке Замостье 2 (бассейн Верхней Волги) // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону, 2013.
9. *Lozovski, V., Lozovskaya, O., Mazurkevich, A., Hookk, D., Kolosova, M.* Late Mesolithic – Early Neolithic Human Adaptation to Environmental Changes at an Ancient Lake Shore: The Multi-Layer Zamostje 2 Site, Dubna River Floodplain, Central Russia // *Quaternary International.* Vol. 324. Human Dimensions of Palaeoenvironmental Change: Geomorphic Processes and Geoarchaeology (4 March 2014). Ed. by M. Bronnikova and A. Panin. 2014.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

*Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник,
Сергиев Посад,
Московская область*

V.M. Lozovski, O.V. Lozovskaya, G.I. Zaytseva

**THE CHRONOLOGY OF WOODEN FISHING CONSTRUCTIONS OF MESOLITHIC – NEOLITHIC
IN ZAMOSTJE 2 SITE**

Summary

During researches of 1989–2014 on Zamostje 2 site there was found a system of wooden constructions made of tree chips, as well as 230 vertically hammered stakes in the excavations and in the bed of the Dubna River. Radio-carbon dating of these objects discovered their chronological asynchronicity: from the Late Mesolithic till the Middle Neolithic. The first data allowed the scientists to attribute the constructions found in the bed of the river to the period of the Late Mesolithic. And, on the contrary, the system of three bow-nets found in excavation is dated by the Early Neolithic.

*O.V. Lozovskaya
The Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Palace (Dvortsovaya) Emb., Saint-Petersburg, 191186,
Russia
The Sergiev Posad State History and Art Museum-Reserve,
144, Krasnaya Armia Ave., Sergiev Posad, 141300,
Moscow Region,
Russia
E-mail: olozamostje@gmail.ru*

*V.M. Lozovski
The Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Palace (Dvortsovaya) Emb., Saint-Petersburg, 191186,
Russia
The Sergiev Posad State History and Art Museum-Reserve,
144, Krasnaya Armia Ave., Sergiev Posad, 141300,
Moscow Region,
Russia
E-mail: zamostje68@gmail.ru*

*G.I. Zaytseva
The Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Palace (Dvortsovaya) Emb.,
Saint-Petersburg, 191186,
Russia
E-mail: zai-ganna@mail.ru*

С.Н. Лисицын, А.Ю. Тарасов, Н.А. Цветкова,
С.В. Бельский, А.А. Бессуднов

СТОЯНКИ РАННЕГО МЕЗОЛИТА ВБЛИЗИ ОЗЕРА БОРОВСКОЕ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ¹

Ранний мезолит Карельского перешейка в Ленинградской области известен главным образом по находкам в Корпилахти на территории финского прихода Антреа. При мелиоративных работах здесь была найдена древнейшая рыболовная сеть вместе с единичными костяными и каменными артефактами, залежавшими в донных отложениях Анцилового озера (раскопки С. Пяльси 1914 г.) [1]. Прямое датирование поплавок из сосновой коры показало радиоуглеродный возраст 9310 ± 140 (Hela-1303; 8779–8379 cal.BC), 9230 ± 210 (Hela-269; 8795–8238 cal.BC) [2; 3], что согласуется с датировкой, полученной непосредственно по волокну сети 9140 ± 135 (Hela-544, 8534–8223 cal.BC) [4, p. 151]. Раннемезолитический возраст и уникальность находки определили непреходящий интерес археологов к данному местонахождению [5]. Однако поселения раннего мезолита до недавних пор здесь не были известны, и обнаружение содержимого лодки древнего рыболова в Корпилахти выглядело курьёзом на фоне полного отсутствия стоянок пребореального времени. В 1990-е годы небольшое обследование территории в контексте палеогеографических изысканий здесь проводили В.И. Тимофеев и П.М. Долуханов. В 2000–2001 гг. археологические разведки по целенаправленному изучению раннего мезолита в окрестностях Корпилахти провёл финский археолог Т. Юссила совместно с А. Крийской и Т. Ростедтом. Ими было зафиксировано 10 местонахождений подъёмного кварцевого дебитаж на террасовых уровнях Анцилового озера, гипсометрически соответствующих раннему мезолиту. В 2003–2004 гг. местонахождения были обследованы экспедицией Х. Такалы из музея г. Лахти (Финляндия) совместно с С.Н. Лисицыным [6; 4]. На одном из них вблизи оз. Боровское была установлена фрагментарная сохранность культурного слоя. Стоянка получила название Боровское 1.

Боровское 1 (фин. Antrea Suuri Kelrojärvi). Памятник расположен вблизи южного берега озера Боровское, у д. Красный Сокол в Ленинградской области. Местонахождение кварцевого дебитаж было обнаружено в 2000 г. Т. Юссилой и А. Крийской на террасе, соответствующей максимуму анциловой трансгрессии, на высоте 30 м над уровнем моря (в Балтийской системе) [7, p. 144].

По данным Т. Юссила, подъёмный материал встречался на протяжении ~100 м вдоль лесной дороги на слабонаклонённой поверхности террасы, обращённой выраженным уступом на северо-запад – в сторону озера и к древней протоке. В ходе нашего осмотра памятника в 2004 г. были выявлены 2 локальных места находок подъёмного материала вдоль проложенных здесь противопожарных канав, на очищенной от леса территории (рис. 1). Скопления представляли собой концентрацию кварцевого дебитаж, кальцинированных костей и мелких древесных углей. Длина 1-го скопления вдоль канавы составляла около 11–12 м (при ширине канавы 1 м). В составе подъёмного материала 6 кварцевых отщепов и 3 мелких фрагмента кальцинированных костей. Скопление 2 было локализовано в двух параллельных противопожарных канавах, в которых были обнаружены 2 фрагмента кальцинированных костей. В месте первого скопления была сделана зачистка борта противопожарной канавы длиной около 2 м и глубиной 0,5 м. Полученный разрез показал следующую стратиграфию: 5 см – мешанный слой, 15 см – серый мелкий песок (подзол), 10 см – тёмный песок с угольками и золой (культурный слой), 20 см – коричневатый песок, гумусированный по верхнему контакту. Ниже залегал светлый материковый песок. С уровня тёмного песка прослеживалась линза сильногумусированного песка, в заполнении которой были встречены древесные угли. По одной из костей была получена датировка 9275 ± 120 (Hela-931, 8640–8310 cal.BC), которая хорошо согласуется с анциловой геоморфологической привязкой находок [4]. К сожалению, остальная часть памятника оказалась сильно разрушена, поэтому раскопки не производились. Мизерное количество собранных в 2004 г. артефактов (6 отщепов) не позволило охарактеризовать комплекс, но наличие культурного слоя позволило надеяться на перспективу обнаружения поблизости и других стоянок.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12-01-00345а, и в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

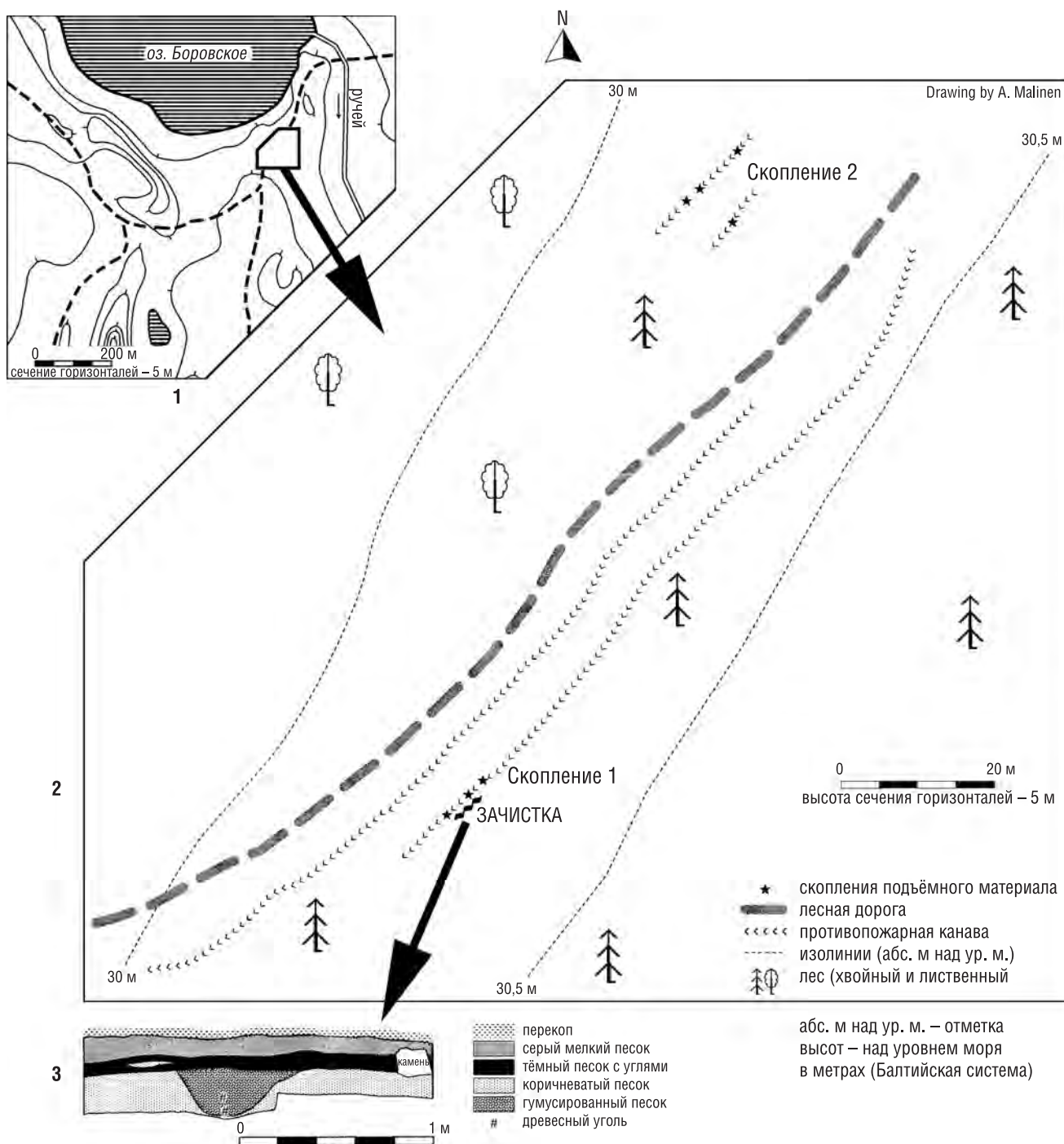

Рис. 1. Стоянка Боровское 1: 1 – место нахождения; 2 – план; 3 – стратиграфия зачистки культурного слоя

Боровское 2. Памятник Боровское 2 был обнаружен в 2009 г. вблизи северного берега оз. Боровское при проведении археологической разведки в коридоре проектируемой трассы железной дороги Лосево–Каменногорск С.В. Александровым в рамках работ по договору коммерческой организации «Фонд содействия изучению и сохранению историко-культурного наследия «Культурная адаптация», заключённому с ООО «НПО ГеоМостПроект». На памятнике были заложены 3 шурфа 1×1 м, в одном из которых оказался культурный слой, содержащий кварцевый дебитаж (29 экз.) и древесный уголь. Результаты разведки 2009 г. изложены в полевых отчётах Д.Н. Григорьева и С.В. Александрова (архив ИА РАН. Р-1. №№ 28890 и 28891). Материалы не опубликованы; находки из шурфа были переданы в Выборгский музей.

Памятник Боровское 2 приурочен к берегу протоки, соединяющей в настоящее время озера Отмельное и Боровское. В раннем голоцене на её месте располагался один из многочисленных проливов, разделявших острова крупного архипелага в древнем Хейнийокском проливе, по которому вплоть до образования р. Невы осуществлялся водосброс из сайминско-ладожской в палеобалтийскую акваторию Анцилового озера. Архипелаг занимал всю центральную часть современного Карельского перешейка и представлял собой регион активного освоения в мезолите, являясь привлекательным для древних охотников и рыбаков богатыми пищевыми и сырьевыми ресурсами (рис. 2). Памятник Боровское 2 располагался на одном из островов архипелага, на песчаном мысу анциловой террасы высотой 30 м над уровнем моря, прислонённой к массивной гранитной скале. Данная береговая линия соответствует уровню максимума анциловой трансгрессии во второй половине пребореала.

Боровское 2 – первый поселенческий комплекс раннего мезолита на Карельском перешейке с ненарушенным культурным слоем. К сожалению, после её обнаружения в 2009 г. в створе трассы запланированного строительства железной дороги не были инициированы ни археологические работы по установлению границ выявленного объекта культурного наследия, ни предусмотренные законодательством мероприятия по сохранению памятника. Деятельность по сохранению объекта культурного наследия Боровское 2 в 2010–2011 гг. осуществляла частная компания ООО «НПФ ГАМАС», получившая задание на проведение археологических раскопок от Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия в Комитете по культуре Ленинградской области и заключившая безальтернатив-

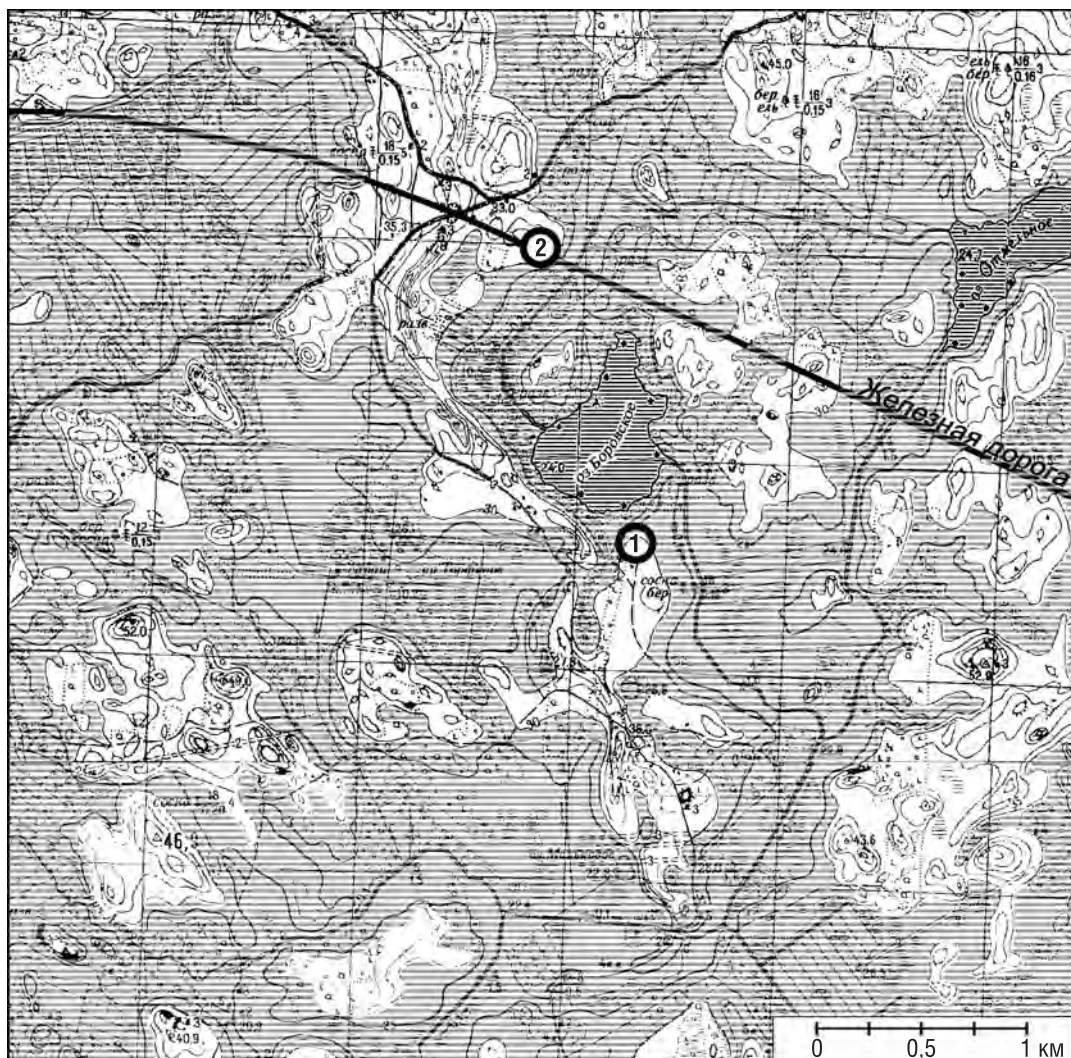

Рис. 2. Местоположение стоянок раннего мезолита вблизи оз. Боровское на Карельском перешейке: ① – Боровское 1; ② – Боровское 2. Горизонтальная штриховка отмечает максимум обводнения Анцилового бассейна в пребореале

ный контракт со строительной компанией ЗАО «Стройпутыинвест». Представители ООО «НПФ ГАМАС» в 2010–2011 гг. предоставляли в Департамент официальные документы (акты надзора, отчёты), которые свидетельствовали о том, что работы по сохранению осуществляются в полном объёме, а строительство железной дороги Лосево–Каменногорск не наносит ущерба памятнику.

Имитация деятельности по сохранению памятников, осуществлявшаяся без получения открытого листа, стала основанием для выдачи Департаментом заказчику работ ЗАО «Стройпутыинвест» разрешения на производство строительных работ на памятниках археологии, расположенных в коридоре проектируемой трассы, в том числе на Боровском 2. Результатом начавшегося строительства железной дороги и обеспечивающих её коммуникаций стало уничтожение значительной части стоянки. На других участках строительства повреждения получили две неолитические стоянки Озерское 6 и Озерское 7, а также крепость-редут XVIII в. Кивиниемский Шанец. В 2011 г. факты уничтожения объектов культурного наследия на трассе строительства железной дороги Лосево–Каменногорск оказались известны прессе [8; 9] и стали объектом проверок прокуратуры. Чиновники были вынуждены приостановить строительство и выдать предписание застройщику на проведение работ по сохранению уже повреждённых памятников археологии (определение границ, организация охранной зоны, ограждение). Важным результатом развернувшейся борьбы за сохранение памятника стало проведение аварийно-спасательных раскопок на Боровском 2. Раскопки проводились в 2012 г. Карельской археологической экспедицией ИИМК РАН по договору с ЗАО «Стройпутыинвест» на общей площади 1216 кв. м.

Раскопки 2012 г. Памятник оказался разделённым трассой строительства железной дороги на «северную», наиболее повреждённую, часть, где был заложен раскоп, и «южную», огороженную, где раскопки не производились, а распространение культурного слоя прослежено лишь по отбору фосфатных проб (рис. 3).

Раскоп был размечен на 8 участков размерами 10×15 м, между которыми были оставлены стратиграфические бровки. Раскопки велись по двум условным горизонтам со сплошным просеиванием грунта. Мощность условных горизонтов колебалась от 0–10 до 20 см, в зависимости от сохранившихся рыхлых отложений и наличия подстилающего скального основания. Культурные остатки залежали на глубине 15–40 см от поверхности в рыжем песке, а также частично в подстилавшем его жёлтом песке. Материком служили серый гравелистый аллювиальный песок, а также выходы скалы.

На прибрежных восточных участках раскопа (I, II, III и IV) были изучены наиболее хорошо сохранившиеся остатки культурного слоя (рис. 4). На участках V–VI были найдены лишь единичные артефакты *in situ*. В крайней западной части раскопа (участки VII–VIII) находки полностью отсутствовали, хотя поверхностные сборы кварца с этих участков почти не отличались от прибрежных участков. Первоначальная оценка их в качестве части поселения исходила из сборов подъёмного материала ещё до начала раскопок с поверхности, по которой ездили бульдозеры. По-видимому, часть артефактов с прибрежной части стоянки была перемещена техникой на западные участки при выравнивании площадки. Материком на восточных участках раскопа служил серый алевритистый суглинок, который залегал под тонким горизонтом археологически стерильного рыжего песка.

Выводы, которые можно сделать на основании анализа планиграфических особенностей вскрытых участков, сводятся к нескольким пунктам: 1. Раскопками 2012 г. на Боровском 2 оказалась изучена периферийная территория стоянки раннего мезолита. 2. Была прослежена древняя береговая линия на изобазе 29–30 м над уровнем моря в виде галечного бечевника, которая, по-видимому, соответствует максимуму анцилоевой трансгрессии. 3. Были зафиксированы как разрозненные находки, так и концентрации артефактов из расщеплённого кварца, связанные с кострищами. Некоторые из кострищ были маркированы лишь пятнами прокала и не сопровождалась находками артефактов. 4. Такая картина соответствует реконструкции кратковременного и/или неоднократного посещения данной площадки людьми в мезолите. 5. Основная концентрация артефактов тяготела к южной части раскопа: находки распространялись в сторону центральной части древнего мыса, разрушенной строительством. 6. Концентрация дебитаж в виде локального скопления у кострища на смежных квадратах II и IV участков, по-видимому, была связана с деятельностью по первичной обработке кварца. Многочисленные выходы жильного кварца имеются в гранитных скалах, расположенных в непосредственной близости от памятника.

Каменный инвентарь. На раскопанной части стоянки Боровское 2 представлена исключительно кварцевая индустрия. В качестве сырья использовался преимущественно жильный кварц относительно высокого качества с небольшим числом внутренних трещин. Из раскопа происходят 3536 каменных артефактов (табл. 1). Все они изготовлены из кварца. Преобладает непрозрачный серый кварц с гладкой фактурой. Довольно многочисленны изделия из полупрозрачного и в редких случаях – полностью прозрачного кварца, иногда дымчатой окраски. Из такого кварца сделаны 477 отщепов, что составляет 31 % всех сколов размером свыше 15 мм; 11 из 67 нуклеусов и 16 из 59 орудий. Предметы из сильнотрещиноватого кварца единичны. Представлены отдельные предметы из кварца с различной зернистостью желтоватых и бело-голубых (чередующихся) оттенков, а также из кварца, приближающегося по фактуре к халцедону. Все изделия относятся к группе орудий на отщепах и пластинах.

3409 предметов являются сколами без вторичной обработки и следов утилизации. Свыше половины – 55 % – сколов отнесены к микродебитажу, размер которого не превышает 15 мм. Отщепы, имеющие признаки биполярного расщепления, составляют 43,8 % сколов размером свыше 15 мм. Сколы, имеющие площадку, составляют также довольно заметную часть коллекции – 10,3 %. Неопределимые сколы в коллекции

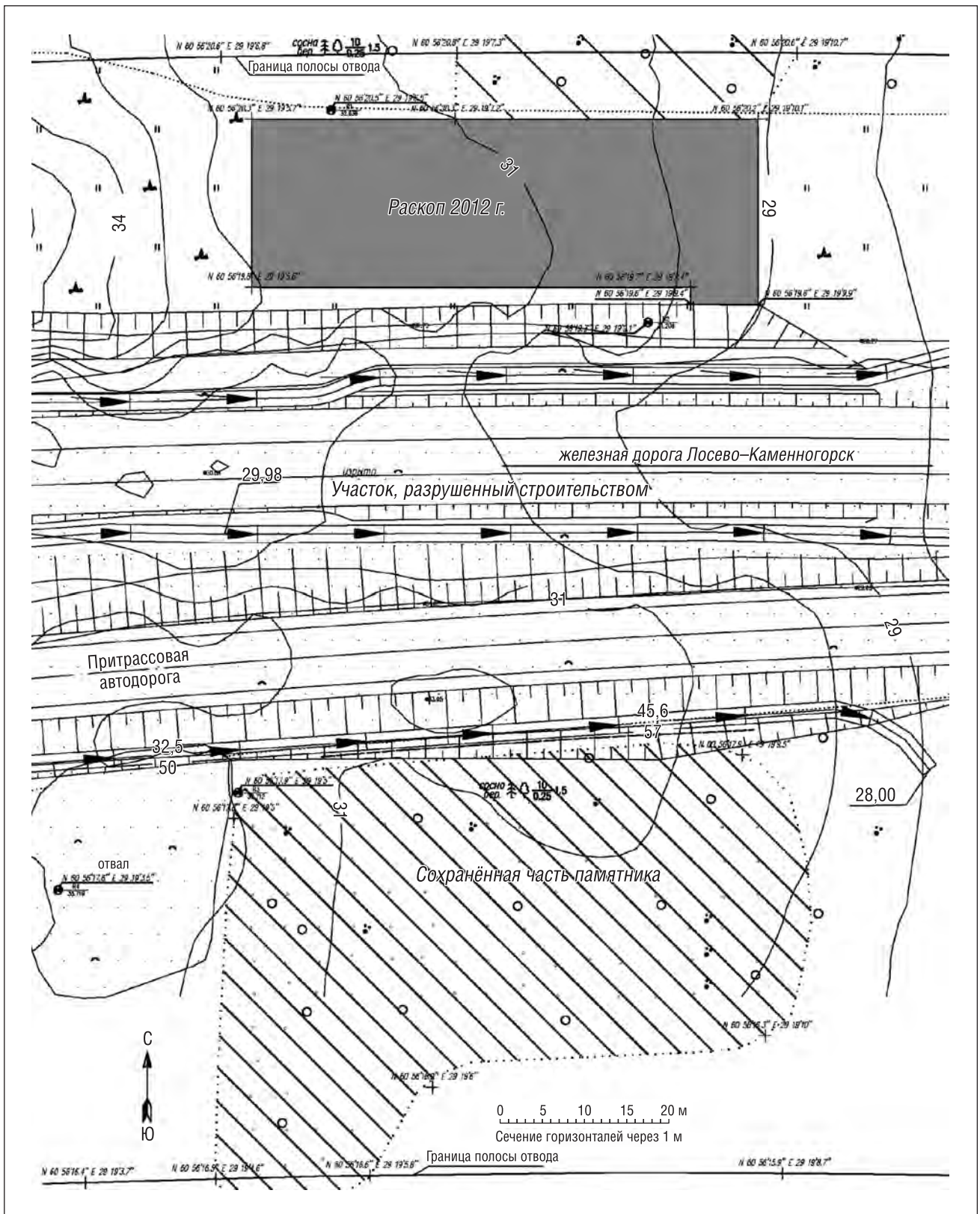

Рис. 3. Стоянка Боровское 2: положение раскопа 2012 г. относительно разрушенной и сохранившейся частей памятника

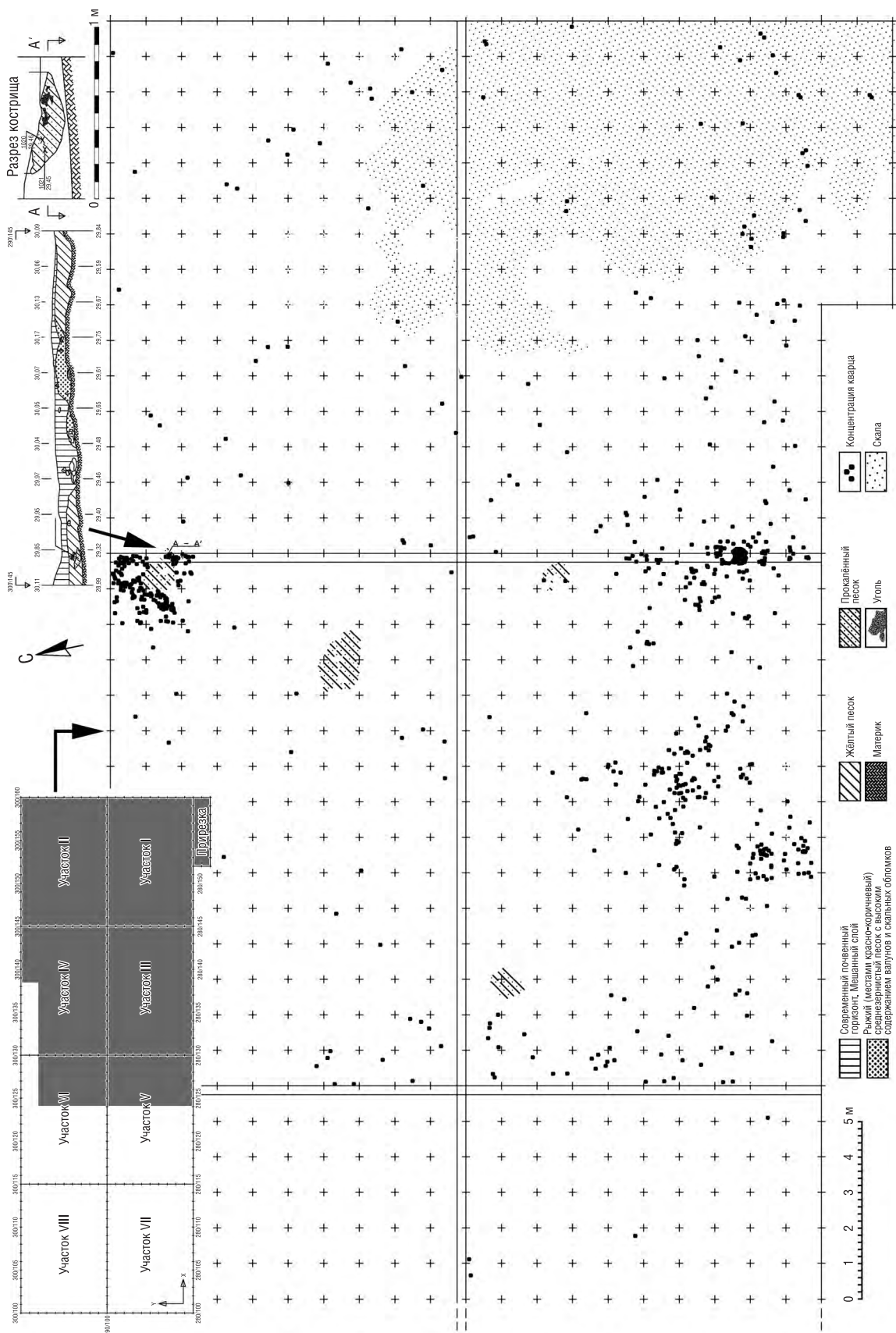

Рис. 4. Стаянка Боровское 2. Планиграфия и стратиграфия раскопа 2012 г.

Таблица 1. Боровское 2. 2012 г. Состав коллекции каменного инвентаря

Каменный инвентарь (кварц)		Условный горизонт		Всего
		1	2	
Сколы	отщеп	814	716	1530
	пластина	2	2	4
	микродебитаж	249	1626	1875
Нуклеусы	нуклеус	29	36	65
	галька	1	1	2
Изделия с ретушью	скребок	14	20	34
	скобель	1	2	3
	отщеп с ретушью	3	2	5
	отщеп со следами утилизации	11	6	17
Топор			1	1
ИТОГО		1124	2412	3536

преобладают, составляя почти половину всей выборки (45,9 %). В значительной степени это связано с наличием большого числа окатанных предметов, абсолютное большинство которых были отнесены в разряд неопределимых.

Почти половина (45,7 %) сколов размером свыше 15 мм в той или иной степени фрагментированы. Отщепов с галечной коркой всего 2,8 %, однако в качестве сырья на поселении в основном использовался жильный кварц, для которого такая корка нехарактерна, и этот показатель в данном случае не является информативным.

Средний размер сколов из коллекции (без учёта микродебитажа) равняется 26 мм (рис. 5), а всех целых сколов, то есть без учёта фрагментированных, – 28 мм. Показатели, зафиксированные для биполярных отщепов, равняются 27 и 29 мм, сколов с площадкой – 29 мм в обеих выборках, для неопределимых – 24 и 27 мм.

Довольно значительное количество сколов с площадкой, а также метрические характеристики позволяют сделать предварительный вывод, что расщепление с использованием техник скола, предполагающих нанесение удара по ровной площадке, имело в индустрии памятника какое-то самостоятельное значение и не являлось просто этапом в подготовке нуклеусов к расщеплению с помощью биполярной техники. В выявлении места этих сколов в технологическом контексте может помочь анализ дополнительных метрических и технико-морфологических признаков. Отношение длины к ширине этих сколов в среднем 1,2, что заметно меньше, чем у биполярных сколов, и коррелирует с незначительным количеством пластинчатых отщепов, о чём будет сказано ниже. В то же время, в среднем они являются довольно тонкими относительно их ширины – отношение ширины к толщине у этих сколов равняется 3,1, в то время как в целом для всех сколов размером больше 15 мм этот показатель равен 2,5, и такой же показатель характерен для биполярных сколов. Данное значение этого признака позволяет говорить о вероятном использовании мягкого отбойника для отделения сколов с площадкой [10].

Сколов с губой, являющейся одним из наиболее надёжных индикаторов использования мягкого ударного инструмента, насчитывается 25 экз. (15,9 %), довольно заметное количество для данной выборки. Поскольку в большинстве случаев данная особенность была очень слабо различима, можно предполагать, что

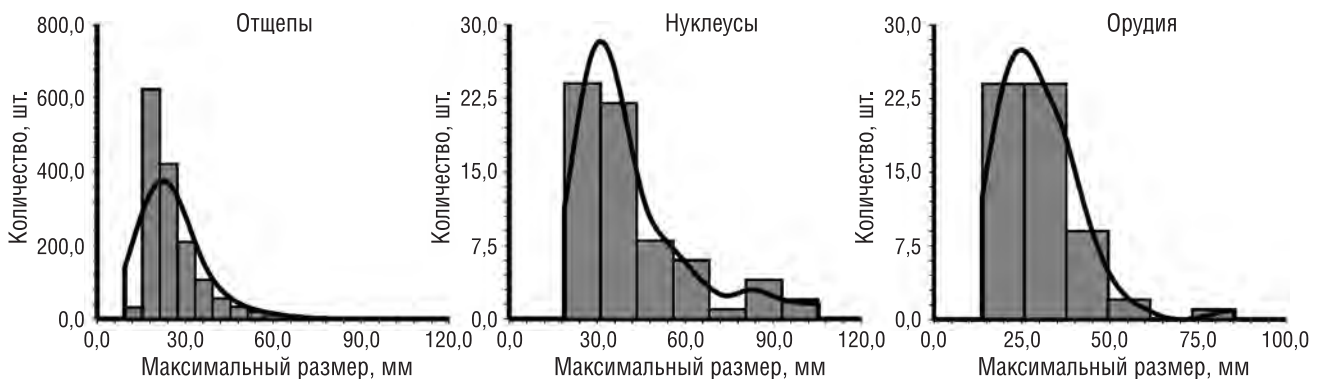

Рис. 5. Максимальные размеры кварцевых изделий со стоянки Боровское 2

у значительного числа отщепов, произведённых также с помощью мягкого отбойника, этот признак ещё менее различим и не был зафиксирован. В этой связи интересно, что наличие у отщепов губы в данной выборке находится в отчётливой положительной корреляции с меньшей глубиной площадки, меньшим углом скальвания и, наоборот, с наибольшим значением отношения ширины к толщине (рис. 6), то есть с метрическими признаками, которые также характерны для использования мягкого отбойника, в том числе на кварцевом сырье [10]. Следовательно, есть очень большая вероятность, что сколы, имеющие подобные метрические характеристики, но не имеющие различимой губы, тоже были произведены мягким отбойником.

Также довольно важное наблюдение заключается в том, что признаки, свидетельствующие об использовании мягкого отбойника, находятся в отрицательной корреляции с максимальным размером (длина или ширина, в зависимости от того, какая из них больше), длиной и отношением длины к ширине, то есть, по мере увеличения значения этих признаков вероятность того, что скол был произведён с помощью мягкого отбойника, становится меньше. Это означает, во-первых, что мягкий отбойник не использовался на самом начальном этапе раскалывания кусков кварца, даже если оно осуществлялось с помощью площадочной техники, и на данном этапе использовался жёсткий отбойник. Во-вторых, главной целью использования мягкого отбойника на данном памятнике не являлось производство именно пластинчатых сколов, хотя у некоторых площадочных отщепов, имеющих отношение ширины к толщине, характерное для пластин и пластинчатых отщепов, губа была отмечена.

Некоторые отщепы с площадкой имеют признаки подготовки зоны расщепления, преимущественно в виде редуцирования, хотя отмечена также и горизонтальная подтёска площадки. Эти признаки также характерны для сколов, произведённых мягким отбойником. Площадки отщепов чаще гладкие, но изредка встречаются фасетированные, что в данном контексте, скорее, может быть связано также с подправкой площадки.

Отмечено несколько сколов с площадкой, имеющих трещины и забитость на дистальном конце, свидетельствующие, что нуклеусы, с которых они были сняты, устанавливались на наковальню. Длина таких сколов в целом больше среднего значения длины в выборке для отщепов с площадкой, и, хотя этот признак и не был отмечен у самых длинных таких сколов, можно утверждать, что такая техника чаще использовалась на начальном этапе раскалывания.

В коллекции определены 126 пластинчатых отщепов, что составляет 8,2 % сколов размером свыше 15 мм. Пластинчатые отщепы соответствуют параметрам, характерным для пластин, их боковые края относительно параллельны, однако не настолько ровные, как у пластин, и огранка дорсальной поверхности обычно не такая регулярная (рис. 7). Такие сколы могут сниматься и в ходе расщепления, не направленного на получение пластин в качестве сколов-заготовок. Среди них абсолютно преобладают биполярные (87 экз., 69,1 %), на втором месте по численности неопределимые (28 экз., 22,2 %), пластинчатых отщепов с площадкой всего 11 экз. (8,7 %).

Наряду с ними в коллекции выделены также 4 пластины, имеющие совершенно ровные края и два параллельных негатива пластинчатых сколов на дорсальной поверхности. Однако только у двух из них имеется проксимальная часть, содержащая площадку, причём только в одном случае её наличие не оставляет никаких сомнений. В обоих случаях фиксируется наличие очень слабой губы над ударным бугорком на вентральной поверхности, которое свидетельствует об очень вероятном использовании мягкого ударного инструмента. Средний угол скальвания у данных двух предметов довольно острый – 64° и совпадает со средним углом, зафиксированным для пластинчатых отщепов с площадкой (63°).

Средняя длина пластинчатых отщепов и пластин, при учёте только целых экземпляров, равняется 32 мм, при этом данный показатель, так же как и максимальные зафиксированные значения (51–63 мм) у таких сколов, полученных с использованием разных технологий, различаются незначительно. При этом у них существенно варьирует толщина. Наиболее тонкими являются вещи, определённые как пластины (4 мм), далее следуют неопределимые (5 мм), биполярные (6 мм) и отщепы с площадкой (7 мм). Наиболее тонкими относительно ширины также оказываются пластины (отношение ширины к толщине равняется 2,5), показатель для неопределимых равняется 2,3, в выборках биполярных и площадочных пластинчатых сколов – одинаков и составляет 2,1. Таким образом, все эти предметы скорее толстые, даже толщина пластин из этой выборки, действительно более-менее характерная для микропластин, оказывается меньше за счёт их небольшой ширины (8–11 мм).

Среди материалов из раскопа определены 65 нуклеусов, что составляет 1,9 % общего числа находок и 3,3 % числа находок без учёта микродебитажа (рис. 8). Кроме этого, имеются ещё две кварцевые гальки с участками с забитостью, которые могут быть связаны с попытками расколоть их и использовать в качестве источника сырья. Однако они были окатаны уже после возникновения этой забитости, и отнесение их к числу артефактов может быть поставлено под сомнение. В нижеследующем анализе они не участвуют. Выделены 3 основных типа.

1. *Биполярные*. С помощью биполярной техники раскалывались 50 ядрищ. Среди них всего 6 являются плоскими. У 7 нуклеусов существует «площадка», однако по трещинам, расходящимся от ребра между этой площадкой и боковыми стенками, отчётливо видно, что удары при раскалывании нуклеуса наносились отвесно по этому ребру, а не по площадке, что характерно для биполярной техники. Дистальный конец ядрища при этом выглядит как вершина биполярного нуклеуса. У 4 биполярных нуклеусов с площадкой негативы от получения сколов-заготовок находятся на одной более узкой боковой грани, то есть их можно определить как торцевые. Имеющиеся на них негативы сколов соответствуют пластинчатым отщепам. Ос-

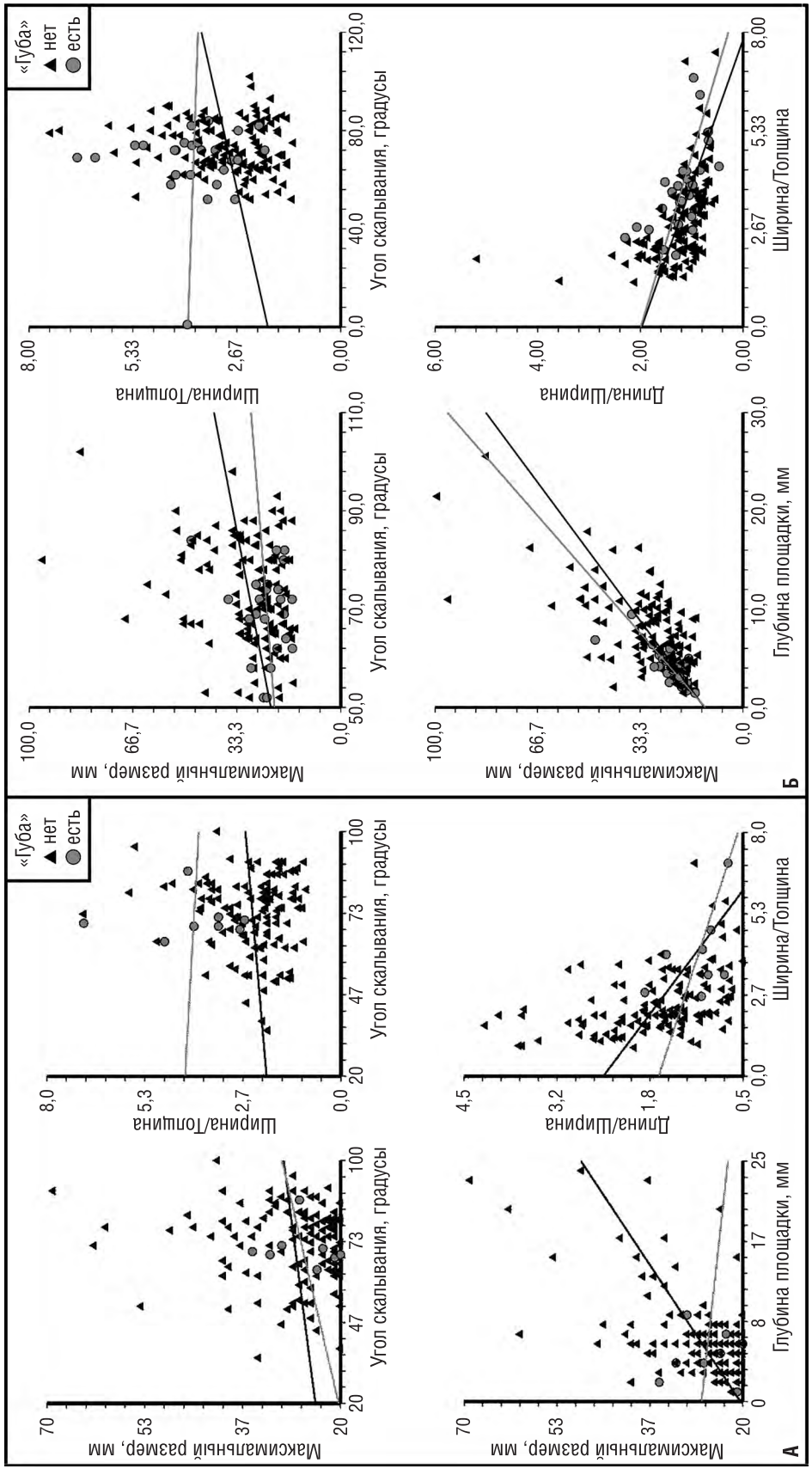

Рис. 6. Графики рассеяния. Корреляция метрических показателей отщепов с площадкой с наличием «губы» над ударным бугорком:
 А – Киркколахта 1; Б – Боровское 2

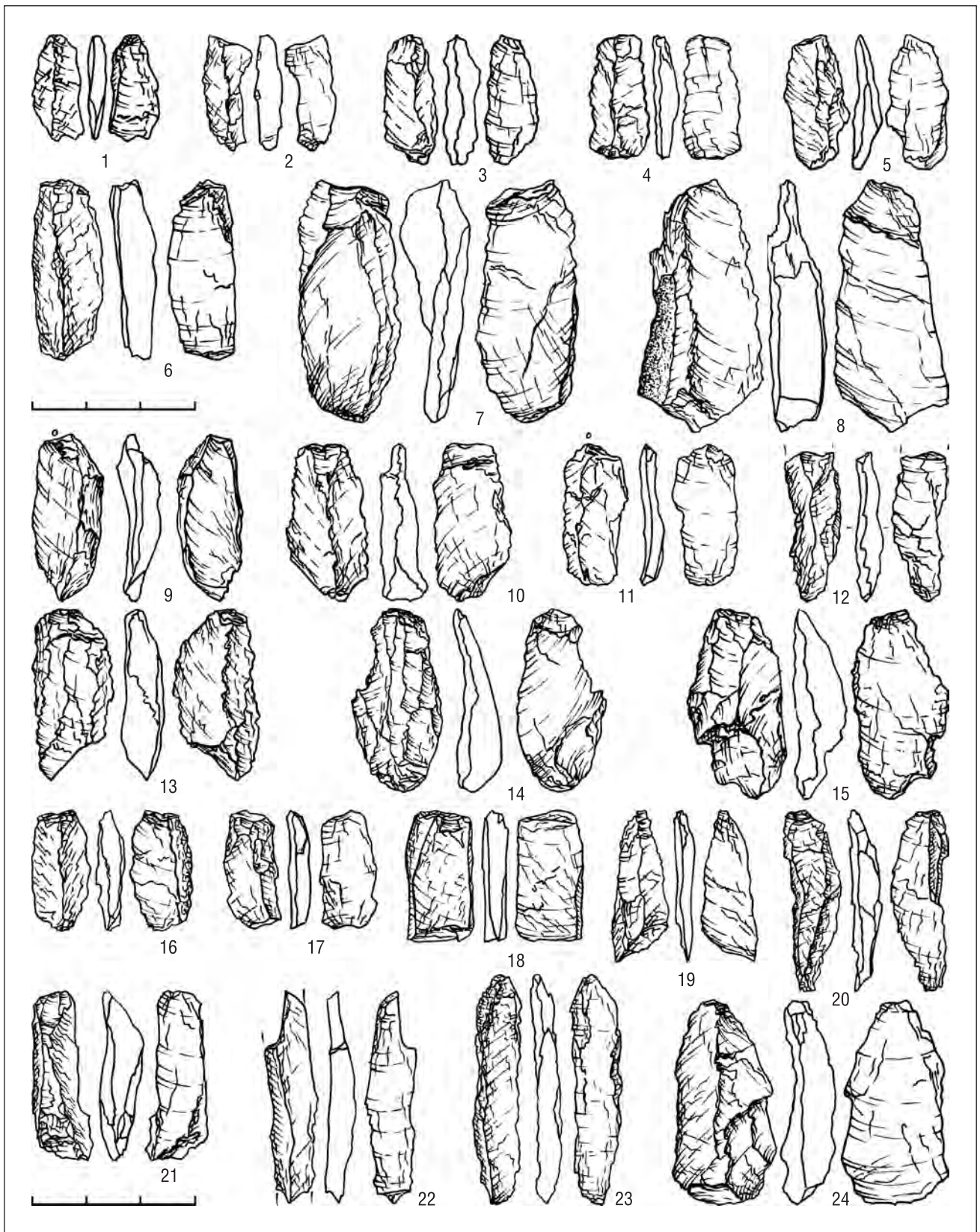

Рис. 7. Боровское 2. Пластинчатые сколы (кварц)

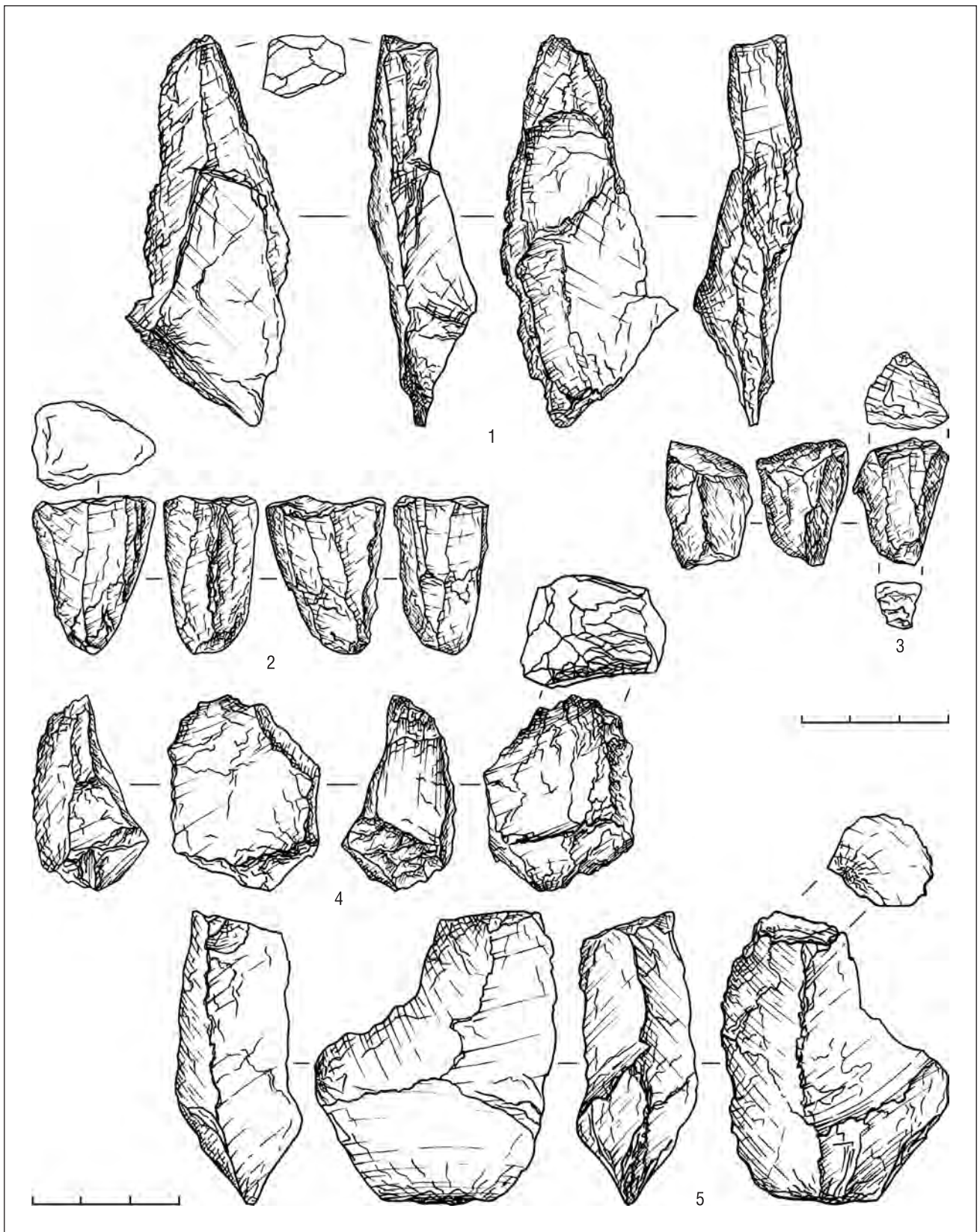

Рис. 8. Боровское 2. Нуклеусы (кварц)

тальные биполярные нуклеусы можно условно определить как биконические, имеющиеся на них негативы сколов также во многих случаях соответствуют пластинчатым. Среди ядрищ, для которых возможно сделать заключение о характере исходной заготовки, 5 изготовлены из галек (но в это число включены и угловатые гальки, которые, скорее всего, были отделены от жил кварца в силу природных процессов и после отделения подверглись выветриванию в относительной небольшой степени), 2 – из кусков жильного кварца и 2 – из отщепов.

2. *Призматические.* Нуклеусы, раскалывавшиеся с помощью техники скола, предполагающей нанесение ударов по ровной площадке; сколы-заготовки при этом снимались с более-менее выпуклой поверхности расщепления. Среди призматических нуклеусов с данного памятника определены как нуклеусы для получения отщепов, так и ядрища, с которых могли сниматься пластинчатые заготовки, хотя последние недостаточно отчётливо выражены и допускают альтернативные толкования.

Призматических нуклеусов, предназначенных для получения отщепов, – 5 экз., все имеют только одну поверхность расщепления, служившую для получения сколов-заготовок. 3 из них очень схожи между собой. Они изготовлены из относительно небольших, но толстых отщепов (максимальный размер – 30–40 мм), в качестве площадки использована вентральная поверхность отщепа, сколы снимались с одной поверхности расщепления, расположенной на дистальном конце. Негативы сколов относительно плоские, что позволяет говорить о вероятном использовании мягкого отбойника. У одного из них также отмечено использование редуцирования. По всей вероятности, именно с таких ядрищ были сняты отщепы с площадкой, имеющие признаки применения мягкого ударного инструмента.

Ещё один, более крупный, нуклеус, также изготовленный из отщепа, имеет всего 3 негатива сколов, снятых с одной, широкой поверхности расщепления. Предмет явно был оставлен в самом начале расщепления. Последний нуклеус из данной группы имеет всего два негатива снятых отщепов, при этом он окатан, и в связи с этим сохраняется вероятность, что это случайный предмет.

Призматические нуклеусы с негативами пластин и микропластин: в коллекции выделены 5 предметов, которые можно предварительно отнести к контексту намеренного производства пластин.

Один предмет из данной группы может быть интерпретирован как торцевой нуклеус для производства пластин. Он высокий, но узкий и тонкий (81×16×35 мм). Оба его конца относительно плоские, скошенные и могут являться площадками для отделения сколов в площадочной технике. На них различима горизонтальная подтёска. На торце и прилегающей боковой грани имеются пластинчатые негативы, так же есть негатив одного встречного скола. В то же время, пропорции и общая морфология данного предмета сильно отличаются от нуклеусов, характерных для пластинчатых индустрий Русской равнины и Восточной Фенноскандии, и нельзя исключать, что форма является случайной.

Остальные предметы имеют негативы микропластинчатых снятий. Два – подконической формы. Морфология одного из них соответствует коническим нуклеусам для производства микропластин, он имеет ровную площадку с признаками подготовки зоны расщепления – горизонтальной подтёской, и острый дистальный конец (рис. 8: 2). Тем не менее предмет сильно окатан. Кроме того, на дистальном конце есть серия трещин, уходящих от него в глубину тела ядрища, соответствующих тем, которые можно ожидать на вершине биполярного нуклеуса, есть также и негативы встречных сколов, стартующих с дистального конца. Возможно, они возникли в ходе намеренного понижения рельефа в дистальной части нуклеуса, и биполярное расщепление действительно не имело места, но окатанность не позволяет сделать окончательное заключение. Второй подконический нуклеус представляет собой толстый конвергентный скол, на вентральной поверхности которого имеется негатив микропластинчатого снятия, удалившего в этой части ребро между дорсальной и вентральной поверхностями и произведённого, судя по имеющимся признакам, в площадочной технике. На ребре между площадкой и дорсальной поверхностью почти по всему периметру имеются множественные негативы очень мелких сколов, которые не похожи на биполярную забитость и могут быть связаны с попытками редуцирования и других пластинчатых снятий, закончившихся неудачно (рис. 8: 1).

Ещё два предмета интерпретированы как торцевые нуклеусы для производства микропластин. Оба окатаны. У них не прослеживается биполярной забитости, присутствуют площадки и имеются по одному микропластинчатому негативу, расположенному на узком фронте расщепления, а также более узкие и менее ровные негативы вблизи. Признаки использования подготовки зоны расщепления не прослеживаются.

Таким образом, только у одного из описанных здесь нуклеусов имеется серия таких негативов снятия пластин и более-менее правильная форма, характерная для нуклеусов, предназначенных для производства пластин, однако, этот единственный предмет окатан. В связи с этим невозможно полностью исключать, что описанные здесь формы являются случайными, так же как и то, что на стоянке имели место попытки намеренного производства пластин и микропластин.

3. *Пробные* – куски сырья с негативами одного-двух сколов, схема расщепления которых ещё не обозначилась. К данному типу отнесены 5 экз., два изготовлены из галек, два – из кусков жильного кварца и ещё у одного характер первичной заготовки не поддаётся определению.

Средний максимальный размер нуклеусов из данной коллекции составляет 41 мм (рис. 5), минимум (19 мм) зафиксирован у биполярного нуклеуса, и максимум (105 мм) – у пробного. Таким образом, в коллекции практически отсутствуют полностью истощённые ядрища. В то же время расщепление явно не заканчивалось сразу после оформления ядрища, и нуклеусы были использованы для получения сколов-заготовок. Для сравнения, на стоянке-мастерской Муксалма VI в Белом море, где, согласно данным технологического анализа, производилась подготовка кварцевых нуклеусов, средний размер ядрищ составил 66 мм [11]. Сред-

ние размеры биполярных и призматических нуклеусов различаются незначительно, пробные же в среднем существенно больше – 70 мм.

В коллекции со стоянки Боровское 2 выделены 60 предметов с вторичной обработкой и (или) следами утилизации, что составляет 1,7 % общего числа находок и 3 % числа находок без учёта микродебитажа. Подобное незначительное количество орудий вполне типично для коллекций кварцевых изделий (рис. 9).

1. *Скребки* – изделия из сколов, у которых минимум один край обработан крутой или полукрутой ретушью, формирующей более-менее ровное лезвие (рис. 9: 1–8). Составляют абсолютное большинство среди выделенных в коллекции орудий – 34 экз. Лезвия скребков из данной коллекции преимущественно выпуклые либо слабовыпуклые (примерно поровну), прямые лезвия встречены всего в 4 случаях. Большинство скребков сделано из неопределимых сколов – 22 экз., 10 из них – фрагментированы. Среди оставшихся преобладают скребки на биполярных отщепах (9 экз.), на отщепах с площадкой сделаны 3 скребка. Всего два скребка изготовлены из пластинчатых отщепов, в обоих случаях неопределимых.

Абсолютное большинство данных орудий имеют только один ретушированный край. В большинстве случаев это концевые скребки (22 экз.), есть также 5 боковых. 7 скребков имеют два ретушированных лезвия – 5 концевых-боковых, 1 с лезвиями на проксимальном и на дистальном концах, 1 с двумя боковыми лезвиями. В пяти случаях лезвие смещено к угловой зоне между двумя краями скола-заготовки, в четырёх случаях эта особенность отмечена у концевых скребков и в одном случае – у концевого-бокового.

Средний максимальный размер скребков равняется 27 мм (рис. 5). Всего один предмет может быть отнесён к микроскребкам (менее 15 мм), в то же время очень заметно количество крупных – свыше 30 мм – экземпляров (11, в том числе 2 свыше 40 мм).

Три наиболее крупных скребка заслуживают отдельного упоминания. Они отличаются значительной толщиной (13–15 мм), имеют одно концевое лезвие с крупнофасеточной ретушью, нанесённой, скорее всего, в ударной технике (рис. 9: 1–2, 5). У одного из них лезвие не выровнено, оставлены острые зубцы между фасетками. Фактически по всем морфологическим особенностям и технике обработки они идентичны призматическим нуклеусам, изготовленным из массивных отщепов, описанным выше. Однако в отличие от них они всё же существенно тоньше, и очень маловероятно, чтобы фасетки, отделявшиеся при оформлении их лезвия, могли являться сколами-заготовками. В связи с этим возникает вопрос, не являются ли сходные предметы, отнесённые в разряд нуклеусов, в действительности тоже скребками (скрёблами?). Хотя теоретически вполне допустимо, что одинаковым образом оформлялись и нуклеусы, и крупные скребки. Возможно, окончательное заключение можно будет сделать после трасологического анализа.

Также отдельного упоминания заслуживает концевой скребок, изготовленный из фрагментированного пластинчатого отщепа (пластины?), имеющий ровные боковые края и регулярную огранку дорсальной поверхности. Морфологически он вполне соответствует концевым скребкам на пластинах (рис. 9: 6).

2. *Скобелы* – изделия с вогнутым лезвием, сформированным крутой и полукрутой ретушью. Имеются три экземпляра, лезвие у всех очень слабовогнутое, почти прямое, и неровное. У двух – только одно лезвие, и у одного – 2. Экземпляр с двумя лезвиями изготовлен из биполярного отщепа, два других – из неопределимых. Размеры – от 16 до 26 мм (рис. 9: 8).

3. *Отщепы с ретушью*. В коллекции присутствуют 5 экземпляров с несколькими фасетками ретуши, не формирующей завершённый лезвийный край, возможно, образовавшимися случайно. Один из них – биполярный пластинчатый отщеп, остальные – неопределимые, в том числе один – фрагментированный скол. Длина – от 17 до 44 мм.

4. *Отщепы со следами утилизации*. В коллекции выделены 17 предметов, имеющих макроследы износа, различимые невооружённым глазом или при минимальном увеличении (ретушь утилизации, заломы, сточенность кромки). Некоторые из них могли выполнять функции, свойственные скребкам, другие – ножам или резцам. Данное определение является предварительным и может измениться после трасологического анализа. В некоторых случаях кромки, выглядящие сточенными, могли возникнуть вследствие того, что предмет был окатан в относительно слабой степени.

Большинство являются биполярными сколами со следами работы (9 экз.), 7 – неопределимыми (3 – фрагментированы), 1 – отщепом с площадкой. Среди них 4 можно отнести к пластинчатым отщепам, 3 из которых получены в биполярной технике, 1 является неопределимым фрагментированным.

По размерам отщепы со следами утилизации в среднем крупнее скребков – 37 мм (минимальное зафиксированное значение – 19 мм, максимальное – 85 мм).

5. *Топор*. Один кварцевый предмет был определён как топор (рис. 9: 9). Он – небольших для рубящего орудия размеров (56×31×16 мм), изготовлен из неопределимого удлинённого отщепа. Предмет не имеет никакой дополнительной обработки. Его лезвийная часть, скорее всего, приобрела свою нынешнюю форму уже в ходе использования. Лезвие – дугообразное в плане. От края лезвия по направлению к обуху снята серия небольших сколов, соответствующих откалывающимся от лезвия каменного рубящего орудия при работе, при этом кромка сильно затуплена. На остальной поверхности видна отчётливая сточенность всех рёбер, при этом поверхность плоских участков не имеет визуальных признаков окатанности, и наиболее вероятно, что сточенность рёбер образовалась от нахождения данного предмета в рукояти в ходе тяжёлой работы.

Большинство орудий из рассмотренной выборки изготовлены из неопределимых отщепов (36 экз.), а среди тех, у которых можно определить технологию получения скола-заготовки, преобладают биполярные (20 экз.). Из отщепов с площадками изготовлены только 4 орудия. Всего 7 орудий произведены из пластинча-

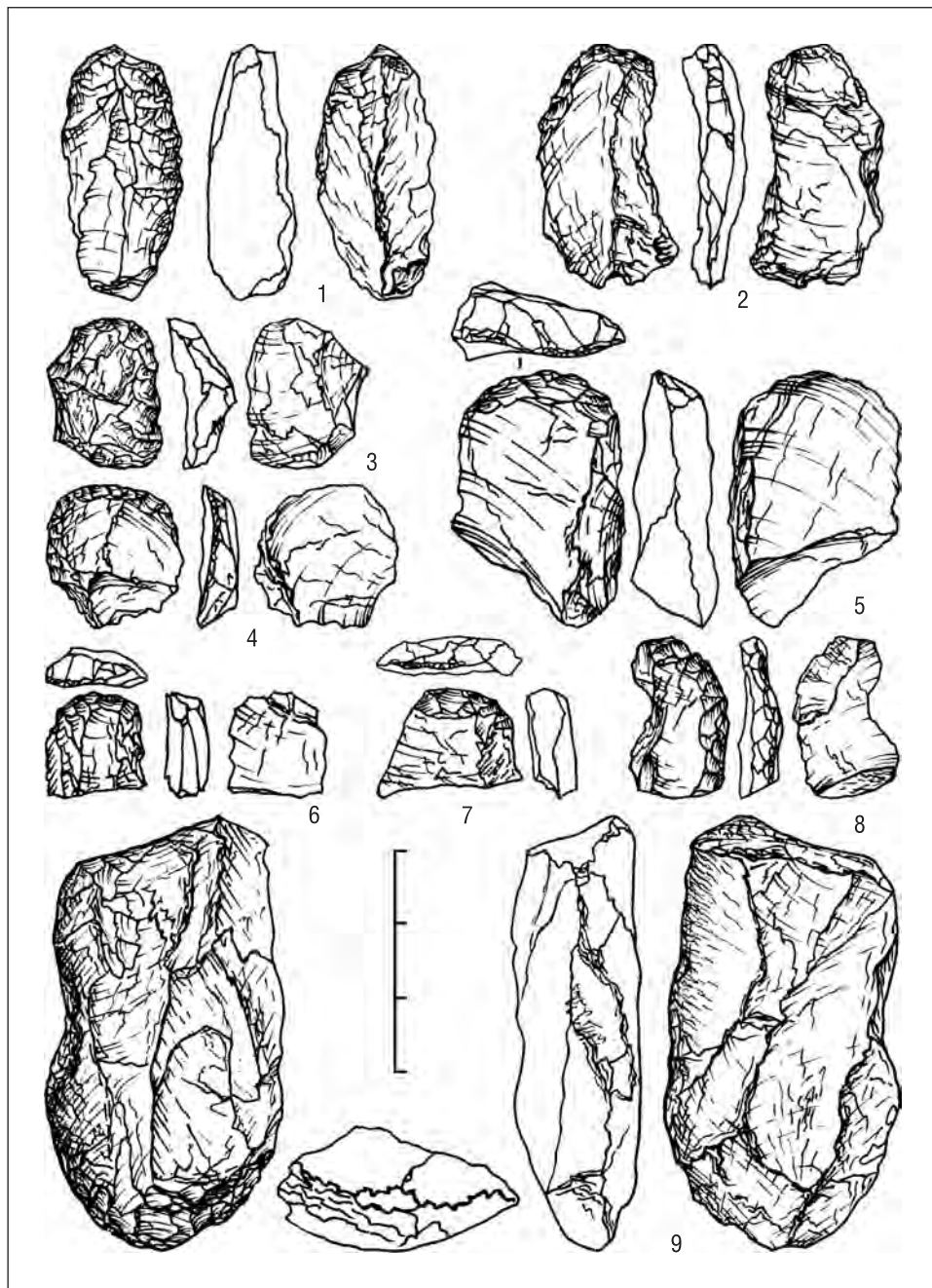

Рис. 9. Боровское 2. Орудия (кварц)

тых отщепов, причём в основном это отщепы со следами утилизации. Средняя длина орудий по всей выборке составляет 30 мм (рис. 5), минимум – 14 мм и максимум – 85 мм, что несколько больше, чем средняя длина отщепов (без учёта микродебитажа). Однако средняя длина целых отщепов меньше всего на 2 мм.

Распределение технологических классов сколов-заготовок для орудий в целом напоминает распределение этих классов в выборке отщепов, не имеющих вторичной обработки и следов износа, хотя доля неопределимых среди заготовок для орудий всё же несколько больше, а доля отщепов с площадками – меньше. Доля пластинчатых отщепов, использованных в качестве орудий, примерно такая же, как их доля среди отщепов без признаков утилизации (рис. 5). Отличие в средних размерах между орудиями и сколами-отходами заметно, и можно сделать заключение, что для орудий предпочитали использовать относительно крупные (для данной коллекции) сколы-заготовки. Однако это различие всё же меньше 1 см. Таким образом,

технологическая характеристика комплекса орудий и сколов-заготовок в основных чертах совпадает. Это можно расценить как свидетельство того, что производимое на стоянке расщепление имело своей целью изготовление сколов-заготовок для орудий, использовавшихся на данной стоянке.

Фауна и датировка. Помимо изделий из кварца в культурном слое были обнаружены мелкие фрагменты кальцинированных костей, собранные преимущественно при просеивании грунта из кострищ. Удалось идентифицировать видовую принадлежность: собака, а также щука (определение К. Маннермаа, университет г. Хельсинки).

Таблица 2. Боровское 2. 2012 г. Остеологические находки

Видовая принадлежность	Количество костей	Вес (г)
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	7	5,57
Предположительно собака (<i>Canis familiaris</i>)	2	0,52
Млекопитающие (Mammalia), не идентифицированы	39	9,28
Щука (<i>Esox lucius</i>)	2	0,23
Неопределимые	15	1,7
Всего	65	16,77

По двум образцам кальцинированных костей были получены пребореальные радиоуглеродные датировки: 9273 ± 59 (Hela-3163; 8675–8357 cal. BC) и 9336 ± 58 (Hela-3164; 8765–8425 cal. BC), – которые хорошо согласуются с геоморфологической привязкой памятника к анциловой террасе и соответствуют раннему мезолиту.

Археологический контекст. В настоящее время на территории Юго-Восточной Фенноскандии известны не менее трёх десятков памятников, которые, согласно гипсометрическим данным, расположены на анциловых береговых линиях и/или могут относиться к раннему мезолиту по абсолютным датировкам. Раскопки, преимущественно небольшие по площади, проведены лишь на единичных объектах. Среди памятников с раннемезолитической атрибуцией в Юго-Восточной Фенноскандии относительно достоверной информативностью обладают лишь несколько стоянок, возраст которых подтверждается пребореальными абсолютными датами.

Ориматтила Мюллюкоски (Orimattila Myllykoski) – памятник в финском муниципалитете Ориматтила, открыт в 1998 г. на окраине д. Виренойя (Virenoja) на анциловой террасе, соответствующей максимуму трансгрессии или чуть ниже. В шурфе Х. Пуутиайненом был найден немногочисленный кварцевый дебитаж, включающий нуклеусы, а также кальцинированные кости. По одной из них получена дата 9480 ± 90 (9200–8550 cal. BC, Hela-552), находящаяся в согласии с гипсометрическими данными [12; 4, p. 149–150].

Эно Рахакангас (Ено Rahakangas) – один из 5 пунктов, обнаруженных в 2004 г. в самой восточной части Финляндии, в муниципалитете Эно, недалеко от д. Сарвинки (Sarvinki), на древнем берегу внутреннего озера, никак не связанного с анциловым бассейном. На нарушенной трактором поверхности памятника, вблизи жилищной западины, были собраны кварцевые отщепы и кальцинированные кости животных. Среди фаунистических остатков – кости щуки, а также крупного копытного: лося или северного оленя. Полученная по кости датировка 9405 ± 80 (9150–8450 cal. BC, Hela-882) соответствует раннему мезолиту. К этому же периоду, вероятно, относится и опубликованный концевой микроскребок на сечении кремнёвой пластинки, происходящий из подъёмных сборов на той же террасе [13, p. 8].

Йоутсено Сааренойя 2 (Joutseno Kuurmanpohja-Saarenoja 2) – одна из 16 открытых в 1999–2000 гг. стоянок в муниципалитете Йоутсено, вблизи г. Иматры [14]. Памятник расположен на анциловой террасе на 8 м выше уровня максимума трансгрессии. В нескольких шурфах Т. Юссила в 2000 г. установил хорошую сохранность культурного слоя. Среди находок – кальцинированные кости, кварцевые артефакты, а также несколько изделий из кремня: отщепы (12 экз.), пластины и микропластины (11 экз.), в том числе вкладыш с ретушью; нуклеус и резец на пластине [4, p. 143]. Из культурного слоя происходит также остриё сломанного костяного наконечника шигирского типа. Были получены две C^{14} даты: по фрагменту кальцинированной кости – 9310 ± 75 (8750–8320 cal. BC, Hela-728) и по древесному углю – 7720 ± 115 (6721–6468 cal. BC, Hela-470) [4, p. 150], из которых последняя считается омоложенной. В 2008–2010 гг. были проведены новые раскопки памятника на площади 55 кв. м, найдены 1702 артефакта, включая 792 кварцевых, 870 кремнёвых и 40 – из других пород камня. Среди кремнёвых изделий не менее 65 % изготовлены из карбонового сырья, остальные – из мелового [15]. Среди кремнёвых изделий, представленных преимущественно мелким дебитажом, выделяются 3 наконечника стрел типа пулли, вкладыши на микропластинах с краевой ретушью, скребки на отщепах и тесло [15]. Серия из 8 имеющихся датировок по кальцинированным костям помещает стоянку Сааренойя 2 между 9310 ± 75 (Hela-728) и 9477 ± 57 (Hela-2488) радиоуглеродных лет назад.

Киркколахти 1. Стоянка с раннемезолитическим культурным слоем открыта в 2005 г. на оз. Янисьярви в Северном Приладжье (Сортавальский район Республики Карелия) [16; 17]. Памятник приурочен к террасе периода максимума анциловой трансгрессии. Раскопками М.М. Шахновича в 2005–2006 гг. вскрыто более 40 кв. м и получена коллекция из почти 3 тысяч фрагментов кальцинированных костей, более 27 тысяч каменных артефактов, включая изделия из кварца (26881 экз.), кремня (106 экз.), сланца (62 экз.) и лидита (17

экз.). Среди кварцевых изделий с вторичной обработкой массово представлены биполярные и площадочные нуклеусы, концевые скребки (в том числе крупные и высокой формы) и ножи. Единичны и типологически аморфны резцы, острия и наконечники стрел из кварца. Разнообразны предметы из мягких пород камня. Из сланца – топор и стамеска со шлифованным лезвием, заготовки и обломки рубящих орудий, 8 абразивов, 1 “мотыга” или пешня. Из песчаника – 4 перфорированных изделия: булавы уплощённого профиля на различных стадиях обработки. Артефакты из кремня представлены отщепами и чешуйками (94 экз.), сломанными боковыми скребками (2 экз.), пластинами (3 экз.), сечениями пластин, в том числе ретушированными (4 экз.), 1 резчиком и 3 отщепами со следами использования [17, с. 167–170]. Среди фаунистических остатков предварительно определены фрагменты костей крупных млекопитающих и рыб. По кальцинированной кости из культурного слоя была получена дата 9300 ± 85 ($8534-8223$ cal. BC, Ua-24774).

Лахти Мюллюойя (Lahti Myllyoja) – многослойная стоянка в 5 км южнее финского г. Лахти, была открыта в 1998 г. Она расположена на уровне террасы максимума анциловой трансгрессии. При небольших по площади предварительных раскопках в 2001 г. Х. Поугтайненом было установлено наличие материалов раннего неолита (сперринге), культуры шнуровой керамики и мезолита. Инвентарь состоял из нуклеусов, отщепов и изделий с вторичной обработкой из кварца, а также отщепов и абразива из других каменных пород. Были получены 4 радиоуглеродных даты, одна из которых относилась к эпохе железа, две были неолитическими и одна – раннемезолитической: 9265 ± 95 ($8612-8355$ cal. BC, Hela-544) [4, p. 150].

Акунпихья Хелветинхауданпуро (Aunpohja Helvetinhaudanpuro) – стоянка в муниципалитете Йуанкоски (Juankoski) в области Саво, Восточная Финляндия. Памятник открыт в 2003 г. Под руководством Т. Юссилы, А. Крийска и Т. Ростедта в 2004–2006 гг. раскопано более 60 кв. м [7]. Стоянка приурочена к террасе времени максимума анциловой трансгрессии и содержит только раннемезолитический культурный слой и по крайней мере одно углублённое жилище четырёхугольной формы. Полученная коллекция (данные по раскопкам 2003–2005 гг.) состоит из не менее 10880 каменных артефактов, из которых 10859 сделаны из кварца, 6 – из кремня и 15 – из других каменных пород. Среди кварцевых изделий с вторичной обработкой преобладают площадочные и биполярные нуклеусы (173 экз.), орудия (133 экз.), из которых 129 экз. – это представленные почти в равной пропорции концевые и боковые скребки. Единичны резцы. Из анизотропных пород изготовлены наковальни (5 предметов), тесловидное изделие и отбойник. Кремнёвые изделия – 2 отщепа, 1 осколок, 1 фрагмент скребка и 2 обломка ретушированных вкладышей из отщепов [7, p. 149–153]. Фаунистические остатки немногочисленны: 56 кальцинированных фрагментов, из которых 12 поддаются определению (определены лось, щука, окунь и плотва). Полученная C^{14} датировка 9200 ± 75 ($8610-8280$ cal. BC, Hela-918) полностью соответствует высотному положению памятника [7].

Мантсала Пукинкаллио (Mantsala Pukinkallio) – памятник в муниципалитете Мантсала (Mantsala) на юге Финляндии, к северо-востоку от г. Хельсинки, был открыт Т. Юссилой в 2002 г. на берегу р. Охкколайоки (Ohkolanjoki). Согласно гипсометрическим данным, стоянка была расположена на северном берегу одного из крупных островов архипелага, существовавшего в анциловое время. Раскопками Й. Сеппя на площади 39,5 кв. м было исследовано компактное скопление находок [4, p. 160]. Коллекция состоит из 504 предметов, из которых большинство – фрагменты кальцинированных костей и 289 кварцевых изделий. Последние представлены отщепами, нуклеусами и другими артефактами, изготовленными преимущественно в биполярной технике [4; 7]. Среди фаунистических остатков визуально определены остатки рыб. Полученная по кости дата – 8960 ± 65 ($8229-8008$ cal. BC, Hela-706) – синхронна началу анциловой регрессии.

Таким образом, среди пребореальных памятников Финляндии и Карелии стоянки Боровское 1 и 2 находят полное соответствие по геоморфологической привязке, датировкам и общему облику инвентаря. Специфику полученной раскопками 2012 г. коллекции Боровского 2 определяет полное отсутствие артефактов из импортного кремнёвого сырья. По технологии первичной обработки комплекс кварцевых изделий стоянки Боровское 2 очень сходен с материалами со стоянки Киркколахти 1 в Северном Приладожье. В индустрии обеих стоянок, Боровское 2 и Киркколахти 1, фиксируется стремление использовать биполярную технику для получения удлинённых (пластинчатых) сколов. В частности, наличие «губы» над ударным бугорком у отщепов с площадкой коррелирует с метрическими показателями, характерными для сколов, полученных с помощью удара мягким отбойником. Однако данные признаки в целом не характерны для удлинённых (в том числе пластинчатых) сколов с площадкой, то есть использование данной техники в индустриях стоянок Боровское 1 и Киркколахти 1 не было направлено на производство относительно регулярных пластинчатых заготовок. Впрочем, качество местного кварца накладывало ограничения на применение регулярного пластинчатого расщепления. На обоих памятниках преобладает биполярное расщепление, при этом очень заметна доля биполярных пластинчатых отщепов (рис. 6). Для получения отщепов с площадкой использовалась техника удара мягким отбойником. Есть основания говорить и о присутствии микропластинчатой индустрии, в случае с Киркколахти I, правда, связанной с изделиями из кремня, а в Боровском 2 – исключительно из кварца [18].

Выводы. Комплекс изделий, полученных раскопками 2012 г. на стоянке Боровское 2, относится к начальному этапу освоения Фенноскандии во второй половине пребореала. Кварцевый инвентарь имеет как общие черты с раннемезолитическими комплексами Финляндии и Карелии, так и некоторые специфические, выделяющие памятник на общем фоне. Цель производившегося на стоянке расщепления заключалась в получении сколов-заготовок для орудий, часть которых использовалась непосредственно на стоянке. В технологическом контексте представлен весь технологический процесс, за исключением первичного отбо-

ра сырья, принесённого на стоянку. В то же время нуклеусы не срабатывались до полного истощения, о чём позволяют судить средние размеры нуклеусов, сколов-отходов и орудий.

Для раскалывания кварца преимущественно использовалась биполярная техника скола. Наряду с этим на стоянке производилось раскалывание призматических нуклеусов с помощью техник скола, предполагающих нанесение удара по ровной площадке. Учитывая очень незначительное количество орудий, изготовленных из отщепов с площадкой, а также то обстоятельство, что технологические оформления предметов, интерпретированных как призматические нуклеусы для отщепов, и наиболее крупных скребков совпадают, можно предположить, что основной целью такого расщепления являлось именно создание массивных скребков (скрёбел), а не получение сколов-заготовок. Однако этот вывод не является окончательным. При раскалывании данных предметов использовалась техника удара мягким отбойником. Это свидетельствует о том, что технологический арсенал, известный обитателям стоянки, мог быть довольно разнообразным.

Необходимо отметить значительную долю пластинчатых отщепов, представленных также и среди орудий. Подобные предметы время от времени получаются в контексте практически всех технологий расщепления, но их количество в данном случае позволяет предположить, что здесь они производились намеренно. В абсолютном большинстве случаев для их получения использовалась биполярная техника. Их могли снимать с биполярных нуклеусов высоких пропорций, в том числе с биполярных нуклеусов с площадкой.

В индустрии присутствуют также предметы, которые могут быть связаны с технологией производства регулярных пластин и микропластин из кварца с помощью техник отжима и прямого удара мягким отбойником. Однако они единичны и допускают двоякое толкование. Возможно, здесь имело место производство таких пластин, которые не были особенно удачными в связи с тем, что свойства кварца сильно затрудняют применение подобных технологий. Попытки использовать кварц в качестве сырья для производства микропластин могут иметь условно «пережиточный» характер относительно индустрий мезолита более южных территорий – Верхневолжья и Прибалтики, с которыми первопоселенцы Фенноскандии, видимо, были связаны своим происхождением [19]. Однако для подтверждения такого вывода нужны дополнительные данные.

Среди орудий преобладают скребки, что типично для коллекций кварцевых артефактов. Присутствие скребков с одним ретушированным лезвием и преобладание среди них концевых форм соответствуют раннему возрасту памятника – в позднем мезолите количество скребков с несколькими ретушированными лезвиями становится более заметным [20]. О специфической адаптации к местным условиям может свидетельствовать также наличие кварцевого топора. В мезолите данного региона для изготовления рубящих орудий обычно использовались сланец и сходные с ним горные породы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pälsi, S.* Ein Steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Viborg // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXVIII. 2. Helsinki, 1920.
2. *Jungner, H.* Radiocarbon Dates I. Radiocarbon Dating Laboratory. University of Helsinki. Report 1. Helsinki, 1979.
3. *MatisKainen, H.* Discrepancies in Deglaciation Chronology and the Appearance of Man in Finland // Acta Archaeologica Lundensia. Series 24. The Earliest Settlement of Scandinavia and Its Relationship with Neighboring Areas. Stockholm, 1996.
4. *Takala, H.* The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Jyväskylä, 2004.
5. *Carpelan, Ch.* On the History and Recent Studies of the “Antrea Net Find” // Karelian Isthmus. Stone Age Studies in 1998–2003. Helsinki, 2008. (Iskos 16)
6. *Герасимов Д.В., Лицицын С.Н., Тимофеев В.И.* Материалы к археологической карте Карельского перешейка (Ленинградская обл.). Памятники каменного века и периода раннего металла. СПб., 2003.
7. *Jussila, T., Kriiska, A., Rostedt, T.* The Mesolithic Settlement in NE Savo, Finland and the Earliest Settlement in the Eastern Baltic Sea // Acta Archaeologica 78 (2). Copenhagen, 2007.
8. *Беловранин Анджей.* Бульдозером по наследию // Новая Газета в Санкт-Петербурге. № 93. СПб., 2011.
9. Археологи заявляют об уничтожении части еще одного древнего памятника в Ленобласти // РИА Новости по Северо-Западному округу. Происшествия 25.08.2011 / <http://nw.ria.ru/incidents/20110825/82042077.html>.
10. *Тарасов А.Ю.* Метрические критерии техники скола при анализе продуктов расщепления кварца: Опыт экспериментального изучения // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1: Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки. СПб., 2008.
11. *Тарасов А.Ю.* Технологический анализ продуктов расщепления камня неолитической стоянки Муксалма VI // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. 2011.
12. *Poutainen, H.* Muinaista asutusta jäljittämässä // Sukupolvien maisema. Jyväskylä, 2002.
13. *Pesonen, P.* Sarvingin salaisuus – Enon Rahakankaan varhaismesoliittinen ajoitus. // Muinaistutkija 2. Helsinki, 2005.
14. *Jussila, T., MatisKainen, H.* Mesolithic Settlement During the Preboreal Period in Finland // Mesolithic on the Move. Papers Presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm, 2000. Oxford, 2003.
15. *Jussila, T., Kriiska, A., Rostedt, T.* Saarenoja 2 – An Early Mesolithic Site in South-Eastern Finland: Preliminary Results and Interpretations of Studies Conducted in 2000 and 2008–10 // Fennoscandia archaeologica XXIX (2012). Helsinki, 2012.
16. *Forsberg, O.* Jänisjoen reitin varhaisin asutus – inventointituloksia Laatokan pohjaispuolelta // Muinaistutkija, 1. Helsinki, 2006.
17. *Шахнович М.М.* Мезолитическое поселение Киркколаhti I в Северном Приладожье // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007.
18. *Тарасов А.Ю.* Технологический анализ продуктов первичного расщепления кварца на поселении Киркколаhti I в Северном Приладожье (по материалам работ 2005 г.) // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М. 2007.

19. Лисицын С.Н., Герасимов Д.В. Окружающая среда и человек в раннем голоцене Юго-Восточной Фенноскандии // Путь на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М., 2008.
20. Тарасов А.Ю., Мурашкин А.И., Герман К.Э. Новые исследования на Южном Оленьем острове Онежского озера // Кольский сборник. СПб., 2007.

**ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН»,
Санкт-Петербург**

**Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск**

**ФГБУК «Российский этнографический музей»,
Санкт-Петербург**

**ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург**

S.N. Lisitsyn, A.Yu. Tarasov, N.A. Tsvetkova, S.V. Belsky, A.A. Bessudnov

THE EARLY MESOLITHIC SITES NEAR BOROVSKOYE LAKE IN THE KARELIAN ISTHMUS

Summary

Series of well-dated sites place the initial peopling of Finland and Karelia in the late Preboreal period. The results of investigations of the sites Borovskoye 1 and Borovskoye 2 in the Karelian Isthmus are well in line with these data. The site Borovskoye 2 was partly excavated in 2012 over the area of 1216 sq. m due to the extensive railway construction works. A few accumulations of artifacts associated with fireplaces were documented. C14 datings 9273±59 (Hela-3163) and 9336±58 (Hela-3164) were obtained from calcinated bones.

The lithic inventory (>3500 items) consists of quartz artifacts, including flakes, cores and few formal tools. Characteristics of the debitage indicate the full cycle of preparing and utilizing quartz tools. The assemblage is distinguished by a considerable portion of blade-like flakes produced mainly in bipolar technique, though attempts to make blades using pressure technique or soft hammer percussion also couldn't be ruled out. Similar tendency has been traced in quartz assemblages of the Preboreal sites such as Kirkkolahti I in the north-west of Ladoga Lake region.

S.N. Lisitsyn, A.A. Bessudnov
*The Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191186,
Russia*
E-mail: serglis@rambler.ru
E-mail: bessudnov_a22@mail.ru

A.Yu. Tarasov
*The Institute of Language, Literature and History,
Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910,
The Republic of Karelia,
The Russian Federation*
E-mail: taleksej@drevlanka.ru

N.A. Tsvetkova
*The Russian Museum of Ethnography,
4/1, Inzhenernaya St., Saint-Petersburg, 191011,
Russia*
E-mail: n-tsvetkova@yandex.ru

S.V. Belsky
*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences,
3, Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034,
Russia*
E-mail: stbel@kunstkamera.ru

Л.С. Андрианова, Н.Б. Васильева, В.К. Митрофанов
МНОГОКОМПЛЕКСНЫЙ ПАМЯТНИК УСТЬЕ ШОЛЫ-1
НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ¹

Памятник Устье Шолы-1 (остров Шолопасть) находится в северо-западной части Белого озера в Вологодской области. Озеро расположено в южной, наиболее глубокой части обширной Белозерской впадины и представляет собой остаточный озёрно-ледниковый водоём на окраинах Каспийского, Белого и Балтийского бассейнов (рис. 1). Белое озеро входит в десятку крупнейших озёр Европы и относится к числу наиболее

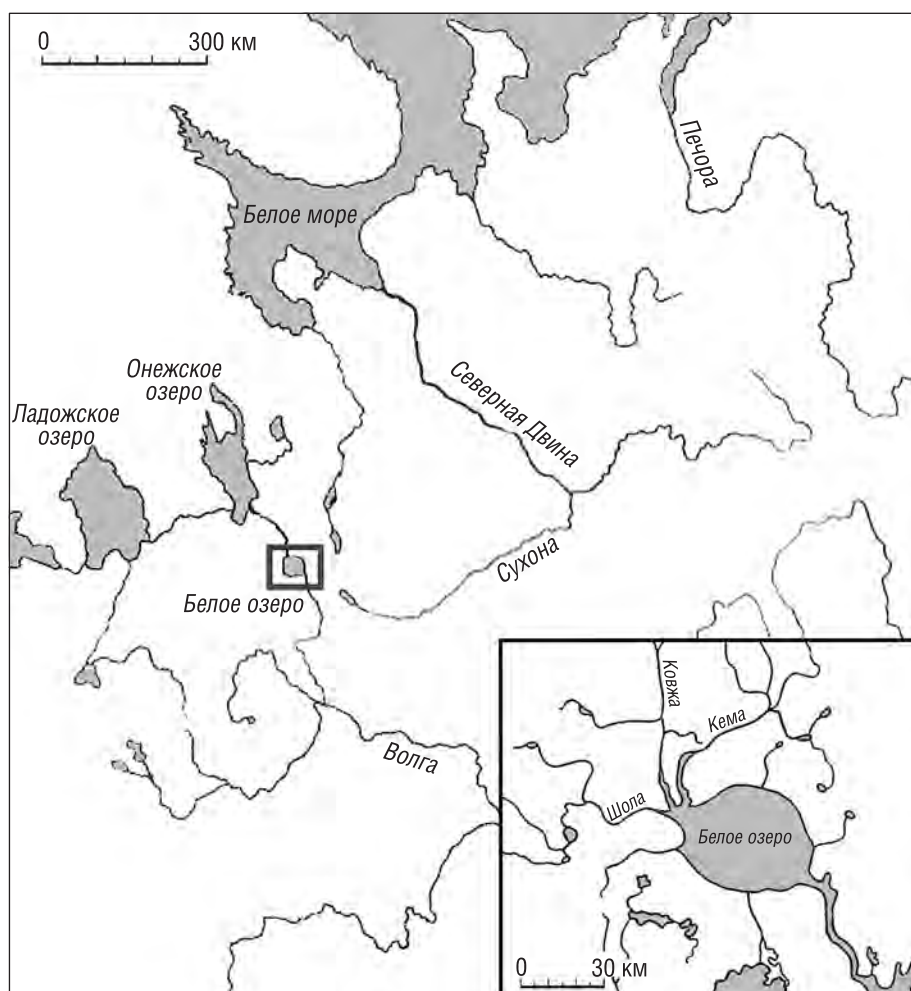

Рис. 1. Гидрологическая система севера европейской части России и водосборный бассейн Белого озера

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-35601).

Сохранившаяся часть стоянки Устье Шолы в настоящее время занимает территорию острова Шолопасть. Островок небольшой – 35×20 м, возвышается над поверхностью воды всего на 0,3–0,4 м и даже в период весеннего половодья не заливается водой. Со всех сторон остров окружён мелководными участками глубиной 0,3–0,8 м, которые простираются от берега на 80–100 м. Сам остров почти полностью зарос кустами, закрепившими почву. Многолетние наблюдения за стоянкой показали, что береговая линия острова за последние годы практически не изменилась. Вместе с тем идёт заметное увеличение донных отложений вокруг острова, которые замывают археологический инвентарь. В последние годы количество подъёмного материала заметно уменьшилось – если раньше артефакты встречались вокруг всего острова, то сейчас – в основном вдоль северного и северо-восточного берегов, где культурный слой продолжает активно размываться волнами со стороны Волго-Балта.

Примерные границы и размеры памятника были определены по данным тахеометрической съёмки, с учётом глубин озера вокруг острова, а также на основании распространения подъёмного материала. Стоянка располагалась на возвышенном правом берегу р. Шолы, напротив устья реки Пожбойки, левого притока Шолы. Протяжённость памятника вдоль Шолы составляла не менее 300–400 м, ширина, вероятно, достигала 80–100 м. На востоке стоянка могла доходить до р. Ковжи; естественной границей её с западной и юго-западной сторон являлся ручей, на юго-востоке – естественное понижение рельефа.

Основная часть находок относится к двум периодам: неолиту и энеолиту. Также обнаружены малочисленные более поздние материалы: керамика эпохи бронзы, сетчатая керамика раннего железного века, шиферное пряслице, железные нож и наконечник древнерусского времени. В предыдущие годы изредка попадались кованые гвозди, осколки фарфоровой посуды, деревянная керамика – по воспоминаниям старожилов, до затопления на этом месте стояли два дома.

Для проведения работ на памятнике территория стоянки и прилегающая к ней акватория были разделены на 4 сектора; границами секторов являются две прямые перпендикулярные линии, проходящие через центр острова по линиям СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ. Сбор и фиксация находок производилась строго по секторам. Большая часть артефактов залегает в воде в непосредственной близости от острова, поэтому для сбора подъёмного материала использовались сита разных размеров. В ходе мониторинговых работ в 2014 г. проведён осмотр дна по периметру острова на расстоянии до 30–80 м от него. Собрано более тысячи артефактов, которые в основном встречались в первом и втором секторах (участки, примыкающие к острову с северной и восточной сторон); на остальных участках найдены отдельные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, единичные кремнёвые отщепы и несколько неопределимых обломков костяных орудий.

В настоящее время археологическая коллекция со стоянки Устье Шолы-1 включает в себя 11250 артефактов, в том числе керамику – 4491 фрагмент, каменный инвентарь – 6350 изделий (отходы каменного производства – 4120 экз.), костяные изделия – 319 экз., предметы искусства из кости, глины, сланца, кремня, янтаря – 82 экз., железные предметы – 8 экз. (в 2014 г. в фонды Вологодского музея-заповедника В.К. Митрофановым переданы все археологические коллекции, хранившиеся в музее Новокемской основной общеобразовательной школы). Большая часть находок представлена фрагментами ямочно-гребенчатой керамики, немногочисленными обломками пористой энеолитической и единичными – сетчатой посуды эпохи бронзы и раннего железного века, а также сосудов раннего Средневековья. Типологический анализ позволил выделить не менее девяти культурных и хронологических керамических комплексов неолита – энеолита, которые датируются от кон. V до руб. III–II тыс. до н.э.: ранней гребенчатой (типа позднего Тудозера) керамики, культуры сперрингс, льяловской, каргопольской, поздней гребенчато-ямочной керамики, керамики с овальной или ромбической ямкой (более 4000 фрагментов). Вторая группа керамики – энеолитическая: относительно немногочисленная асбестовая и пористая (менее 300 фрагментов). Среди пористой керамики – единичные фрагменты сосудов протоволосовского этапа, обломки толстостенных сосудов типа Модлона, Модлона II 2-й пол. III тыс. до н.э., а также небольшое количество фрагментов сосудов с Г- и Т-образными венчиками, которые можно соотнести с поздней волосовской посудой кон. III – нач. II тыс. до н.э. (она имеет очень плохую сохранность и найдена исключительно в мелких обломках) [4].

Из каменных изделий более 80 можно отнести к орудиям «для изготовления орудий»: отбойники из кварцита и песчаника, ретушеры, кварцитовые пилы, шлифовальные и полировальные камни с линейными и круговыми следами, шлифовальные плитки и бруски. В составе данной категории изделий есть необычные экземпляры: круглая шлифовальная плитка из красноватого песчаника диаметром 15 см с круговыми следами на поверхности и небольшим заглублением, выбитым в центре (рис. 3: 1); подобные, но более значительные по размерам выбоины сделаны на противоположных сторонах необработанной каменной гальки (рис. 3: 2). Функциональное назначение этих артефактов не до конца ясно, возможно, и плитка и галька являлись элементами примитивного сверлильного устройства. Представляет интерес шлифовальная плитка, переоформленная в рубящее (?) орудие, возможно пешню. Следы сработанности на нём не выявлены, за исключением небольшого участка с яркой заполировкой на широком конце изделия (рис. 3: 3). К редким находкам можно отнести два каменных артефакта, предположительно интерпретированные как «выпрямители древков стрел» (рис. 4: 1, 2). Первое изделие представляет собой сланцевую плитку неправильной формы размерами 7,0×4,0×1,3 см с выработанным желобком (канавкой), проходящим по длинной оси через центр плитки; размеры канавки: 6,5×0,7×0,4 см. Второе – поменьше: 4,0×2,7×1,5 см; размеры канавки – 3,8×0,3×0,15 см. Аналогичные изделия неоднократно находили на Дону и в степном Заволжье, где они датируются эпохой бронзы [5, с. 131–140; 6].

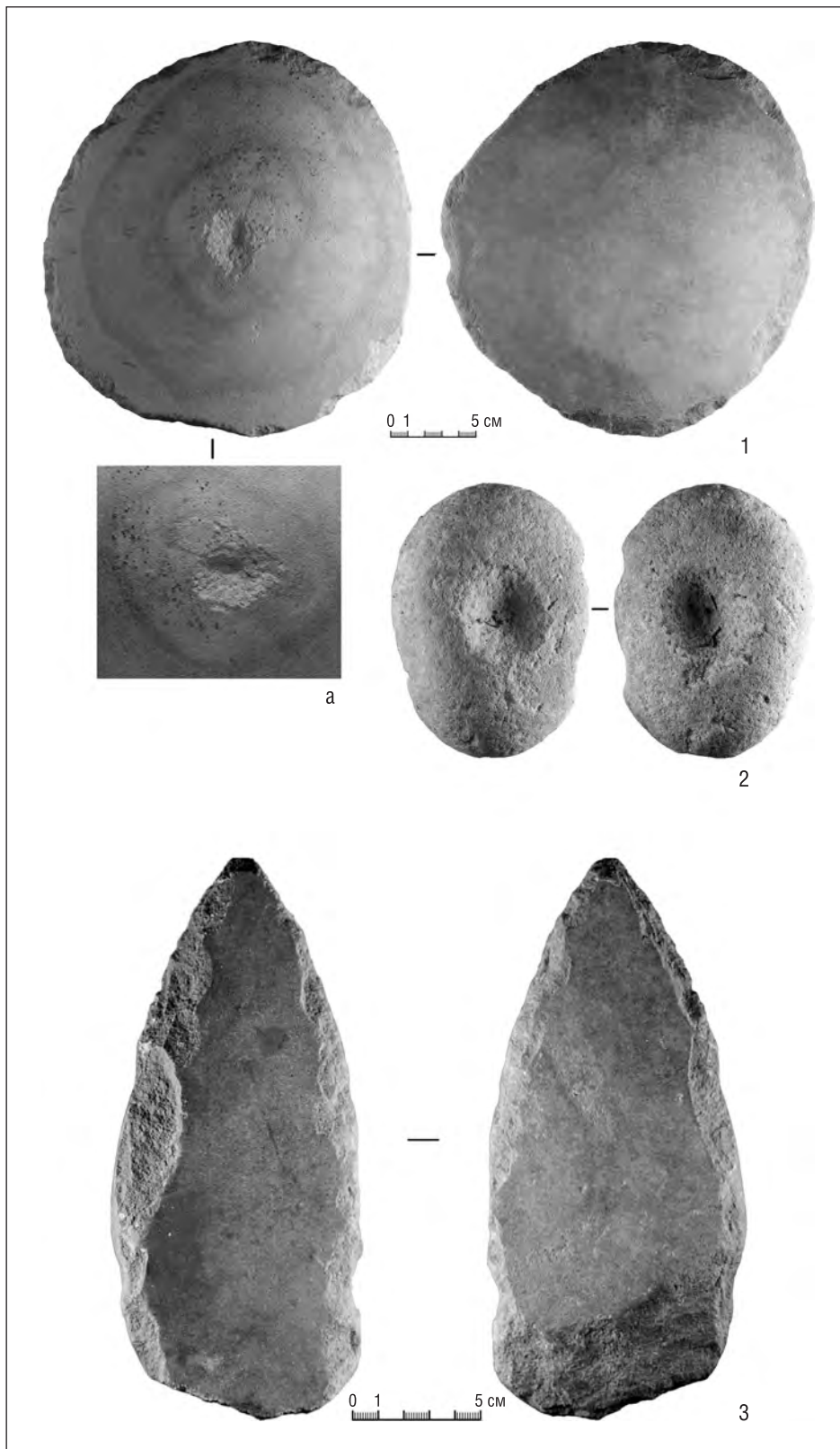

Рис. 3. Стоянка Устье Шолы-1. Каменный инвентарь: 1 – шлифовальная плитка с углублением в центре; 2 – галька с выбоинами; 3 – шлифовальная плитка, переформленная в рубящее орудие

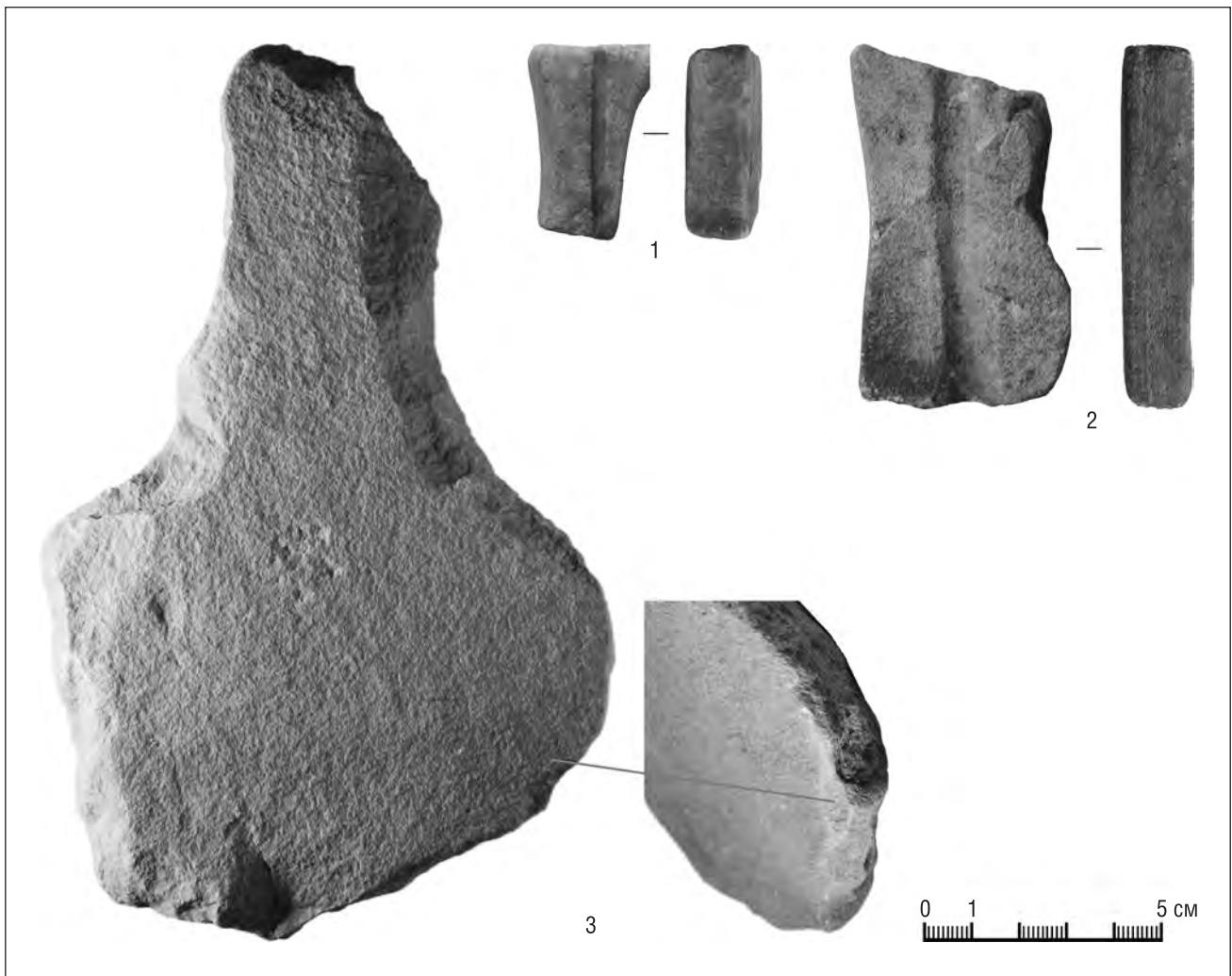

Рис. 4. Стоянка Устье Шолы-1. Каменные орудия: 1, 2 – выпрямители древков стрел (?);
3 – орудие с перехватами (“мотыга”)

Разнообразные орудия включают 2149 изделий, в том числе представительную серию изготовленных из сланца, прежде всего рубящих (36 экз.). Это топоры, тёсла, долота в основном трапециевидной и подпрямоугольной форм (рис. 5); имеются довольно ранние формы, например валикообразные топоры (3 экз.), в том числе обработанные в технике пикетажа (рис. 5: 3). Небольшую серию из десяти предметов составили сланцевые орудия для деревообработки (стамески, долотца) (рис. 6: 1–4) и сланцевые проколки (6 экз.) (рис. 6: 5, 6); большинство рубящих орудий связаны с неолитическим временем. Для декорирования глиняной посуды широко использовались гребенчатые сланцевые штампы и орнаменты (17 экз.) (рис. 7: 8–10, 17–19). Из культуроопределяющих орудий особый интерес представляют найденные в значительном количестве двусторонне обработанные кремнёвые наконечники стрел и дротиков (около 300 экз.), большинство которых можно отнести к неолиту (рис. 7: 1–7). Наконечники стрел имеют преимущественно листовидную, реже – подромбическую форму и стандартные размеры: длина 2,5–4 см при ширине 0,8–1,5 см (наиболее крупный экземпляр – 5,6 см в длину (рис. 7: 1), самый короткий наконечник – 1,9 см). Более разнообразна группа наконечников стрел эпохи раннего металла – наконечники с вытянутым черешком, иволистные, ромбические, небольшие треугольные с прямым или вогнутым основанием (рис. 8: 9–20); около ста изделий предварительно отнесены к заготовкам наконечников (или иных бифасиальных орудий). Наконечники дротиков не столь многочисленны – 29 экз. и сохранились преимущественно в обломках. Длина дротиков варьирует от 6 до 10 см, ширина – 2,5–4 см; единственный целый дротик размерами 6,2×3,1 см получил повреждения в процессе изготовления и в дальнейшем не использовался (рис. 7: 7).

Наиболее многочисленная категория кремнёвых орудий – разнообразные скребки (более 500 экз.), изготовленные на отщепе, в том числе пластинчатых; скребки на правильных пластинах единичны. Бо-

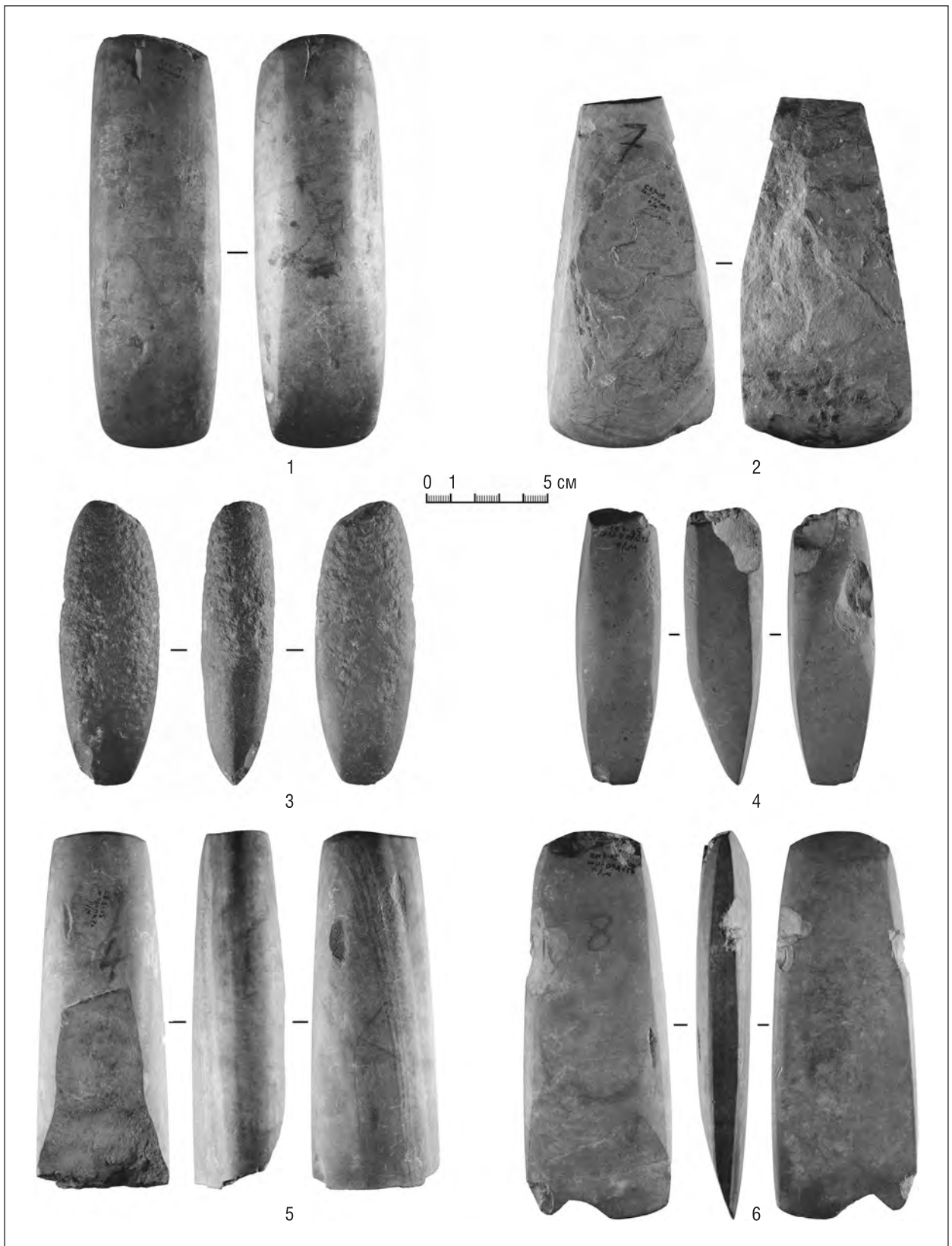

Рис. 5. Стоянка Устье Шолы-1. Сланцевый инвентарь. Рубящие орудия

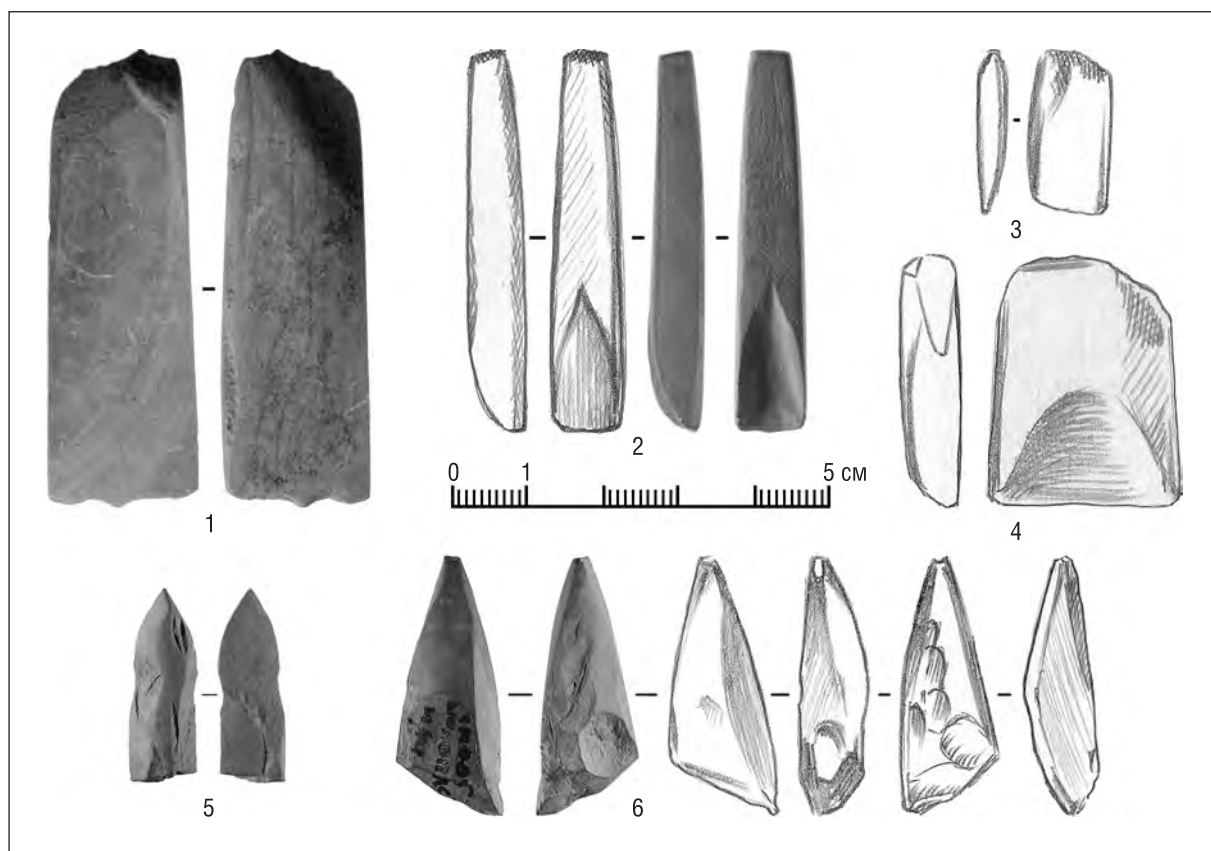

Рис. 6. Стоянка Устье Шолы-1. Сланцевый инвентарь: 1, 3 – долотовидные орудия; 2 – стамеска; 4 – желобчатое тесло; 5, 6 – проколки

лее половины скребков имеют прямоугольную или трапециевидную форму; остальные – подтреугольной, овальной или подквадратной форм. 63 скребка представлены обломками. Немногочисленны остроконечные скребки (4 экз.), скребки с высокой спинкой, с подтёсаным брюшком и ретушированной спинкой (по 2 экз.). Остальные орудия представлены перфораторами (62 экз.) (рис. 7: 11–15), скобелями (34 экз.), крупными пластинами с ретушью (147 экз.), тесловидными и долотовидными орудиями (7 экз.), скобляще-скребущими орудиями (121 экз.), пилками, ножами, ложкарями, а также разнообразными комбинированными орудиями (скребок-скобель, пилка-скобель, скобель-сверло). Следует отметить, что значительную часть кремнёвых изделий расчлнить хронологически достаточно сложно, а чаще всего просто невозможно. Исключение составляют орудия с полностью ретушированной спинкой, которые обычно происходят с энеолитических памятников (рис. 8: 6–8).

При функционально-трасологическом изучении отдельных находок, проведённом Н.Б. Васильевой и Н.Н. Скакун, зафиксированы чёткие следы, связанные с функциональным назначением некоторых орудий: резец по кости (рис. 8: 1), скребок (рис. 8: 2), микроскобель (рис. 8: 3), проколка (рис. 8: 5). Представляет интерес ещё одно орудие неясного функционального назначения – массивное изделие с ручкой и расширенной лопастью – так называемая мотыга (?), но трасологический анализ выявил следы утилизации только на одном участке – на боковой стороне лопасти, где край орудия был заметно скруглён в результате воздействия трением на какой-то мягкий материал (рис. 4: 3). В коллекции со стоянки присутствует значительное количество обломков и заготовок бифасиальных орудий. На некоторых отчётливо прослеживаются следы тепловой подготовки кремня к расщеплению: сохранились участки матовой преповерхности, соседствующие с негативами с характерным маслянистым блеском, связанными со снятиями после проведённой процедуры тепловой подготовки (рис. 9). Подобная технология изготовления бифасов чаще встречается на энеолитических памятниках [7; 8].

Особенностью стоянки Устье Шолы-1 является неплохая сохранность органических материалов, прежде всего кости. Большинство костяных изделий найдено в обломках, которые не всегда можно атрибутировать, но часть изделий сохранилась достаточно хорошо. Среди них – орудия рыбной ловли, которые представлены рыболовными крючками (рис. 10: 17–19), гарпунами и зубчатыми остриями (рис. 10: 9–13, 15). Интересен гарпун, переоформленный после повреждения в орудие для плетения сетей (?) (рис. 10: 14). Имеются кин-

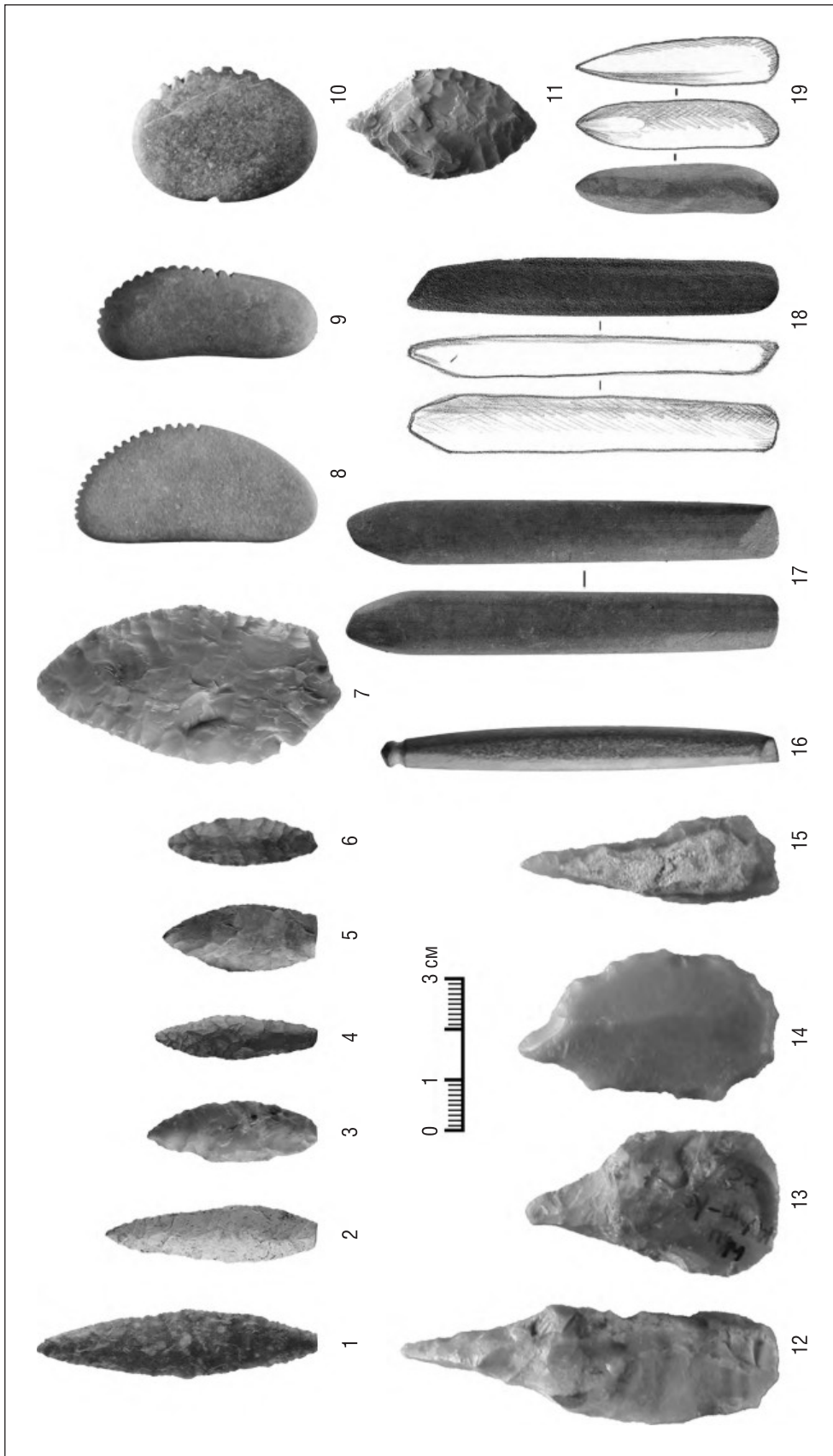

Рис. 7. Стоянка Устье Шолы-1. Кремнёвый и сланцевый инвентарь неолитического времени: 1-6 – наконечники стрел; 7 – наконечник дротика; 8-10 – гребенчатые штампы; 11 – сверло, пероформленное из наконечника дротика; 12-15 – перфораторы; 16 – стержень составного рыболовного крючка; 17-19 – орнаменты. 1-7, 11-15 – кремнь; 8-10, 16-19 – сланец

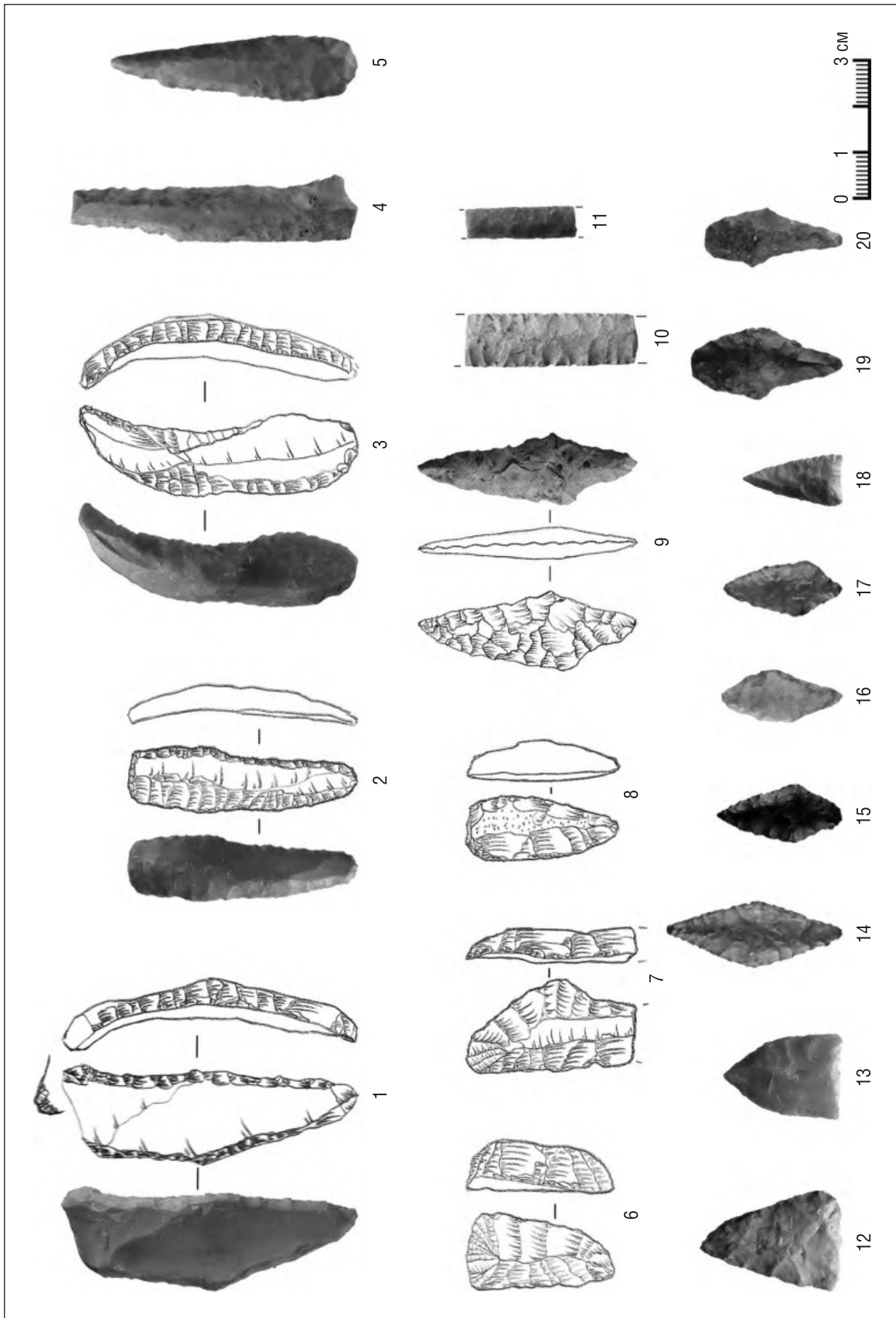

Рис. 8. Стоянка Устье Шолы-1. Кремнёвый инвентарь эпохи раннего металла: 1 – резец по дереву; 2 – скребок; 3 – микроскобель; 4, 5 – проколки; 6–8 – орудия с ретушированной спинкой; 9–20 – наконечники стрел

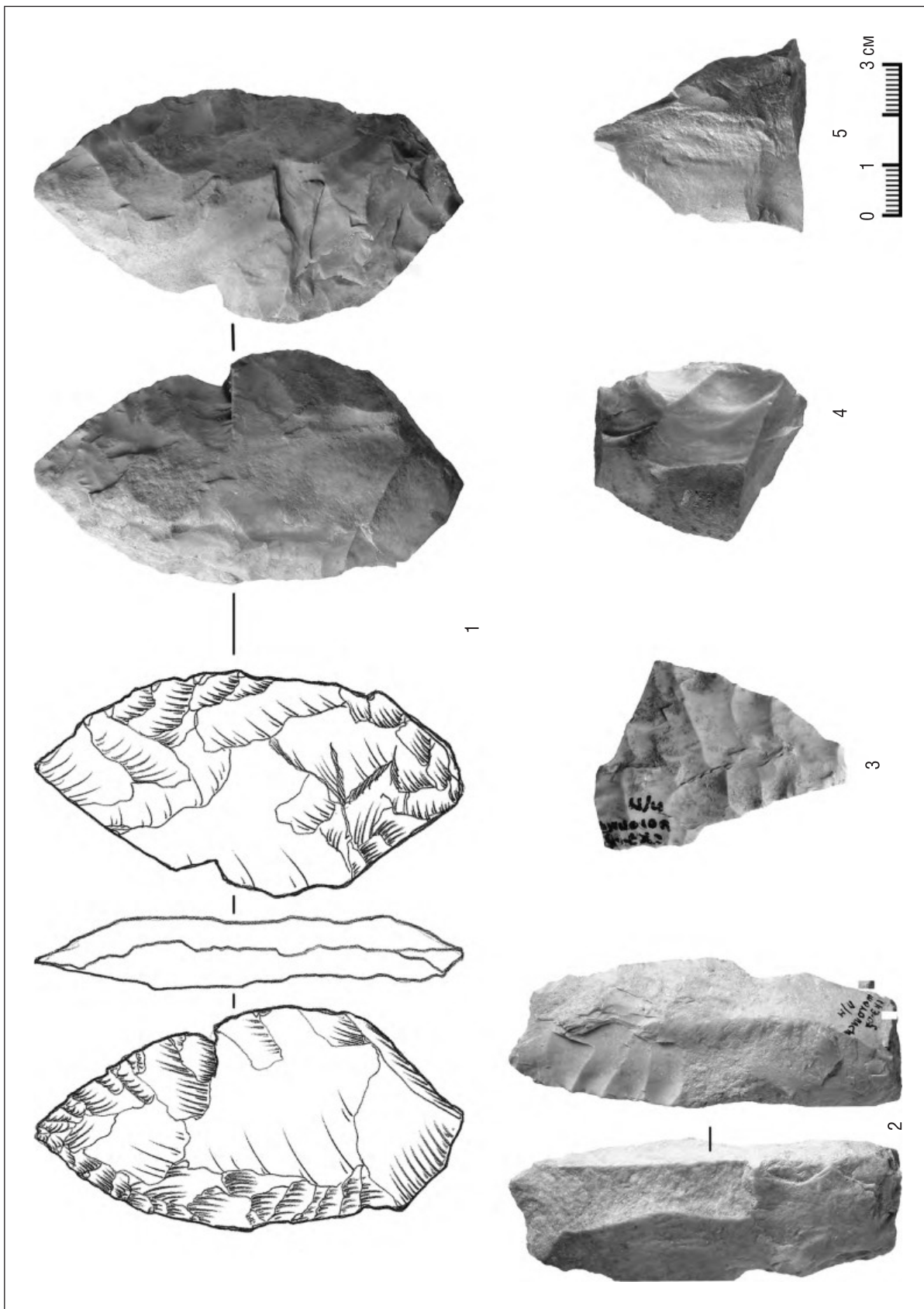

Рис. 9. Стоянка Устье Шолы-1. Кремнёвые изделия со следами тепловой подготовки к расщеплению:
 1 – заготовка бифасиального орудия; 2–5 – фрагменты орудий

жалы (рис. 10: 16), наконечники стрел (рис. 10: 1–5), проколки (рис. 10: 6–8), кочедык и пешня из массивной кости. К предметам, связанным с охотой, можно отнести три изделия с небольшими отверстиями, сделанные из трубчатых костей птиц, предварительно интерпретированные как охотничьи манки (рис. 10: 20–21).

Ещё одна особенность стоянки Устье Шолы-1 – большое количество артефактов, которые можно атрибутировать как предметы искусства: сланцевые и костяные подвески, сланцевые кольца, янтарная пуговица, кремнёвые и глиняные фигурки, костяные пластинки с орнаментом. Все сланцевые кольца (8 экз.) обнаружены в обломках (рис. 11: 13–17); большинство колец имеет уплощённое овальное или линзовидное сечение, что указывает на поздний период их бытования – примерно 2-я пол. IV тыс. до н.э. Два обломка имеют более архаичный облик: они прямоугольные в сечении, а по внешнему краю одного из колец сделаны насечки (рис. 11: 15). Подобные изделия обычно связывают с неолитическим временем [9, с. 21–22]. Для изготовления подвесок и дисков использовались либо небольшие плоские сланцевые гальки овальной или округлой формы (8 экз.) (рис. 11: 10–12), либо кости животных. Костяные подвески (21 экз.) (рис. 10: 22–33) различаются размерами, конфигурацией (овальные, квадратные, удлинённые, прямоугольные) и формой крепления: на пяти изделиях сделана кольцевая выемка, на 15 подвесках – сквозные отверстия, на остальных способ крепления проследить не удалось. Для изготовления подвесок использовались резцы бобра, трубчатые кости птиц, челюсти животных из семейства куньих, клыки куницы (определение костей сделано А.А. Шабунным, доцентом кафедры зоологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидатом биологических наук). Среди костяных изделий, связанных с искусством и верованиями, – фрагменты пластинок с орнаментом (рис. 11: 2, 7–9), резцы бобра с зубчатыми краями (подвески или штампы?) (рис. 11: 3–6), наконечник стрелы с гравировкой в виде косой решётки на насаде (рис. 11: 1).

К предметам искусства и верований относятся также обломки глиняных фигурок (7 экз.), предположительно уточек (рис. 11: 19, 20) (сохранились хвостики и туловища); подобные изделия характерны для племён с ямочно-гребенчатой керамикой [10, с. 77–78].

Ещё восемь изделий, скорее всего, связаны с вологовской культурой – это так называемый фигурный кремль, который представлен антропоморфной, зооморфной и орнитоморфной фигурками; остальные пять можно отнести к символическим фигуркам – обычно такие фигурки отличает определённая форма, чаще в виде «лунницы», тщательность обработки, отсутствие следов утилизации (рис. 12: 4–7). На одной из символических фигурок выделена головка, возможно для привязывания, во всяком случае прослежены следы затёртости (от шнура?) (рис. 12: 7). Антропоморфная фигурка сделана на отщепе светлого кремня, лишь слегка подработанный по контуру с одной стороны. Фигурка довольно схематична, руки и ноги показаны небольшими треугольными выступами, голова – прямоугольным выступом (рис. 12: 1). Орнитоморфная фигурка из жёлтого кремня тщательно обработана ретушью со всех сторон. По всей видимости, она изображает птицу с высоко поднятой головой и приподнятым хвостом (глухарь?) (рис. 12: 2). Зооморфная фигурка выполнена из красноватого полосчатого кремня путём обработки всей поверхности ретушью. Хорошо проработаны голова и лапы животного; с одной стороны, где, вероятно, был хвост, фигурка повреждена (рис. 12: 3). Возможно, это изображение бобра, который, судя по многочисленным костным остаткам, был одним из основных охотничьих объектов обитателей стоянки. Ближайшие аналоги фигурному кремню прослежены на сухонских памятниках [11].

Особый интерес представляет фрагментированное в древности хорошо сохранившееся янтарное изделие, пока – единственное на памятнике, так называемая пуговица, сделанная из янтаря красноватого цвета. Пуговица имеет округлую форму, линзовидное сечение и V-образное сверление, её диаметр – 20 мм (рис. 11: 18).

Археологический материал со стоянки Устье Шолы-1 свидетельствует о многокомплексном характере памятника. Основная часть находок (ямочно-гребенчатая керамика, сланцевые изделия, предметы искусства, кремнёвые орудия) связана с развитым и поздним неолитом. Выразительными сериями представлены артефакты энеолитического времени (пористая керамика, кремнёвые фигурки, наконечники, изделия с ретушированной спинкой). В то же время значительную часть каменного и костяного инвентаря достаточно сложно расчленить на культурно-хронологические комплексы, поскольку большинство предметов из орудийного набора могли бытовать без особых изменений на протяжении длительного времени. Основная часть археологического инвентаря со стоянки Устье Шолы-1 имеет широкие аналоги на обширной территории (Карелия, Южное Прионежье, Верхняя Сухона, Волго-Окское междуречье) и в различных культурах нео-,энеолитического времени. Представительные коллекции подъёмного материала указывают на успешное освоение Северо-Западного Белозерья в период климатического оптимума и свидетельствуют о существовании крупного нео-,энеолитического поселения на данной территории, которое в течение длительного времени могло являться центром округа. В настоящее время в Северо-Западном Белозерье не известен ни один аналогичный памятник, а немногочисленные разрушенные стоянки по берегам рек Шолы, Ковжи и Кемы и их притоков дают довольно скудный археологический материал. Немногочисленные артефакты более позднего времени свидетельствуют о возможном существовании в устье реки Шолы небольших поселений эпохи бронзы, раннего железного века и древнерусского периода. Следует подчеркнуть и малочисленность в этом регионе материалов эпохи бронзы и раннего железного века, что, по всей видимости, связано с постепенным ухудшением природных и климатических условий и, как следствие, относительным запустением территории Белозерья в эти периоды.

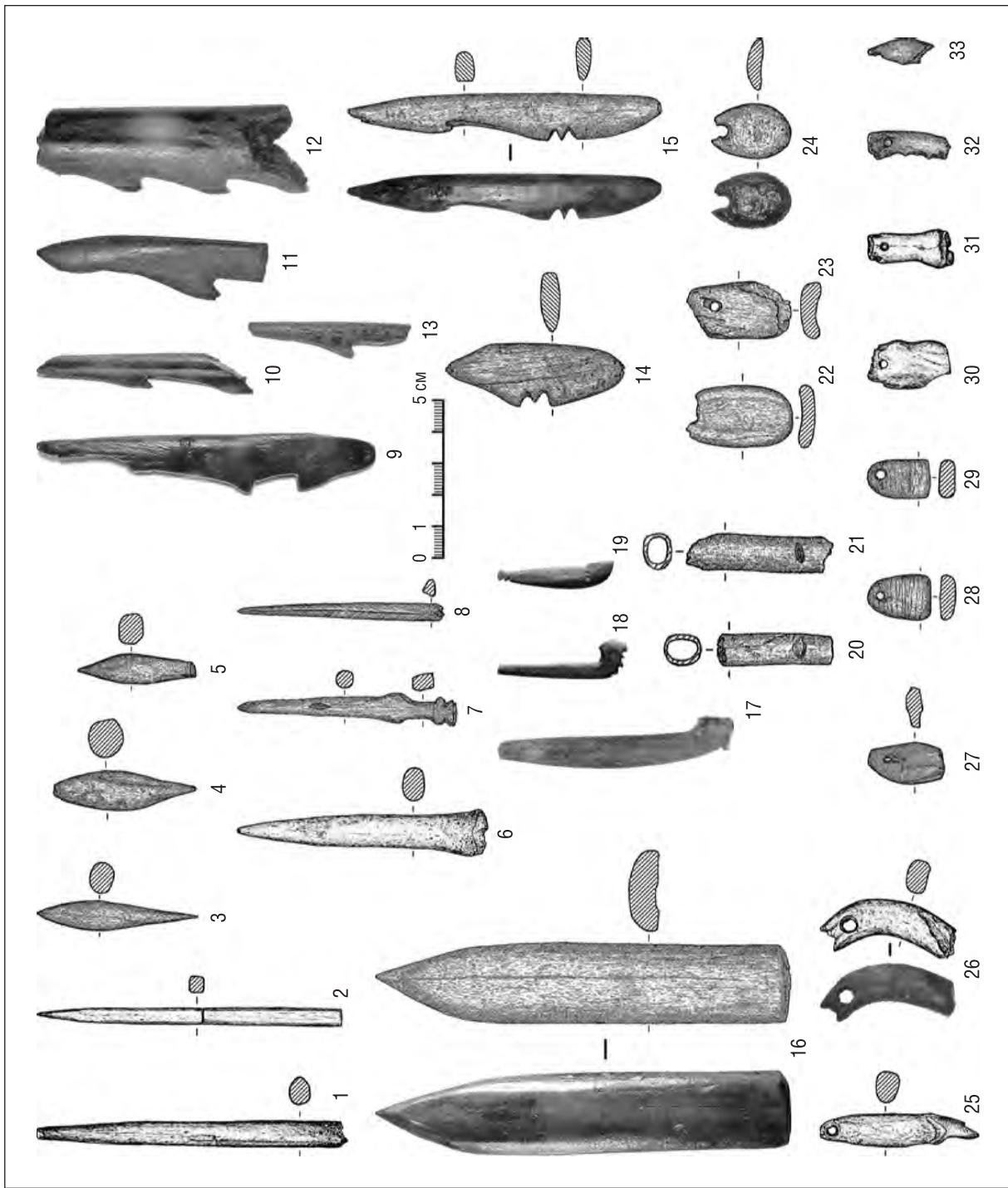

Рис. 10. Стоянка Устье Шолы-1. Костяной инвентарь: 1-5 – наконечники; 6-8 – проколки; 9-15 – гарлуны и зубчатые остря; 16 – кинжал; 17-19 – рыболовные крючки; 20-21 – трубчатые кости с отверстиями (манки?); 22-33 – подвески

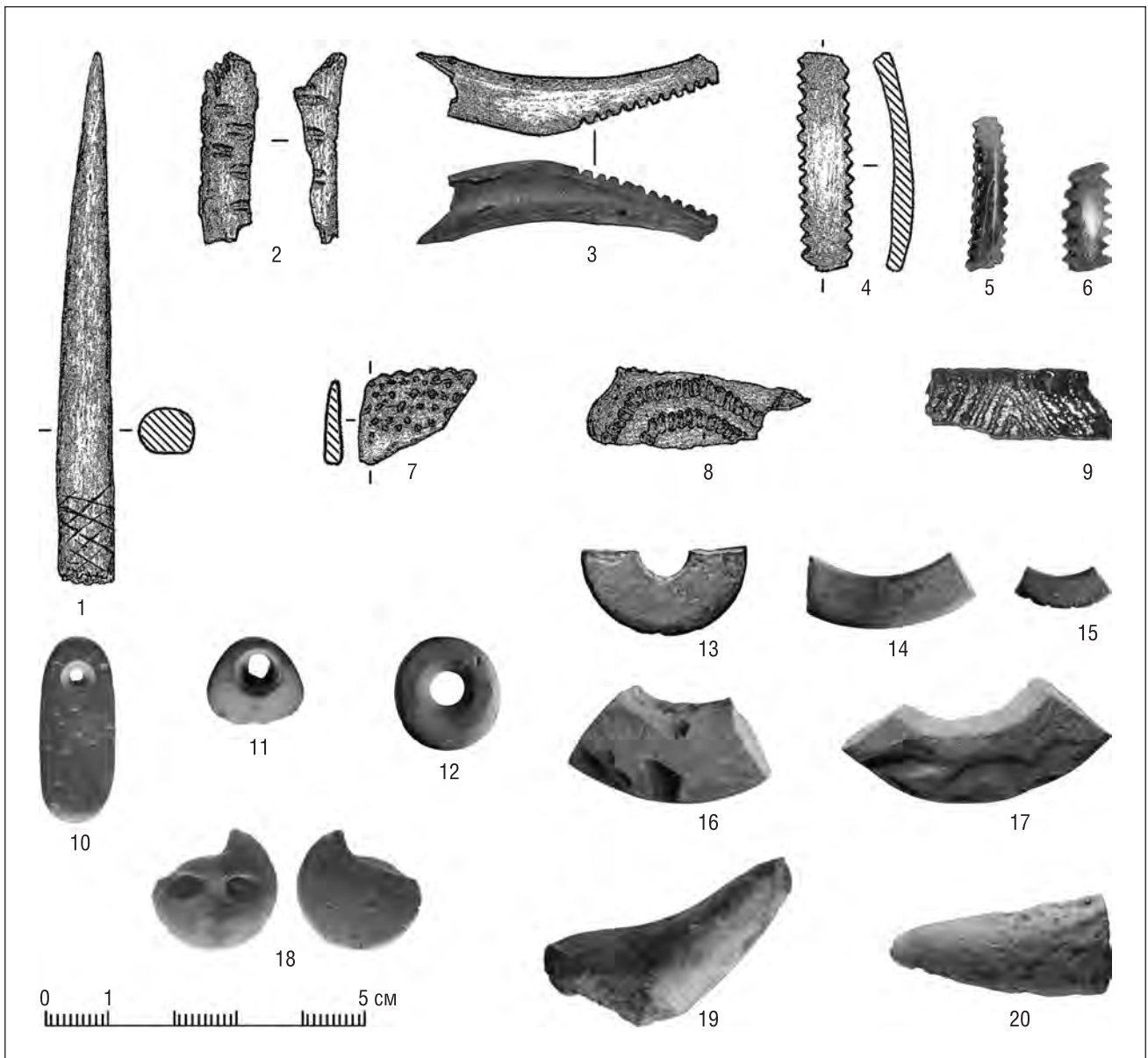

Рис. 11. Стоянка Устье Шолы-1. Предметы искусства и верований: 1 – костяной наконечник, орнаментированный нарезной косой решёткой; 2 – фрагмент костяного изделия с насечками; 3–6 – резцы бобра с зубчатым краем; 7–9 – костяные пластинки с гравировкой; 10–12 – сланцевые подвески; 13–17 – сланцевые кольца; 18 – янтарная пуговица; 19, 20 – обломки глиняных фигурок (уточек?)

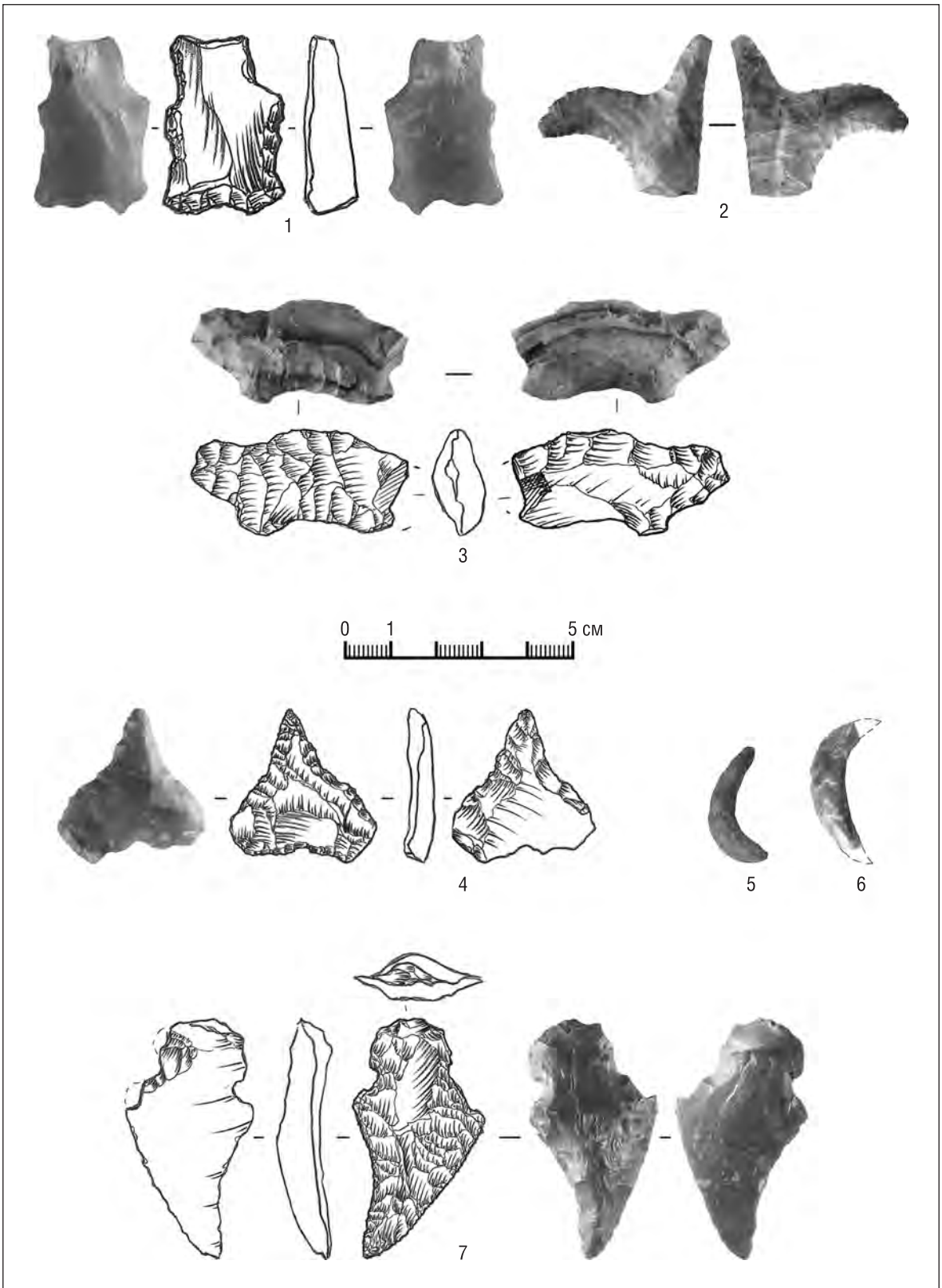

Рис. 12. Стоянка Устье Шолы-1. Кремнёвые фигурки: 1 – антропоморфная; 2 – орнитоморфная; 3 – зооморфная; 4–7 – символические

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филенко Р.А. Воды Вологодской области. Л., 1966.
2. Гусаков Б.Л., Дружинин Г.В. Белое озеро. Л., 1983.
3. Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
4. Андрианова Л.С., Недомолкина Н.Г., Косорукова Н.В. Керамические комплексы неолита – энеолита со стоянки Устье Шолы-1 на Белом озере // Вестник Череповецкого государственного университета. Череповец, 2014. Вып. 4.
5. Юдин А.И., Лопатин В.А. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА. 1989. № 3.
6. Смирнов Ю.А. Отчет о работах Багаевского отряда Донской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7317, 7317 а, б.
7. Васильева Н.Б., Суворов А.В. Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению (по материалам энеолитического поселения Павшино-2 на реке Юг) // Археоминералогия и ранняя история минералогии. Сыктывкар, 2005.
8. Васильева Н.Б., Суворов А.В. Жилище 3 энеолитического поселения Павшино-2 на реке Юг: технология кремнеобработки // Археологические Вести. № 13. СПб., 2006.
9. Жульников А.М. О технологии производства колец из сланца в неолите Северной Европы // Археология Севера. Вып. 4. Череповец, 2012.
10. Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
11. Недомолкина Н.Г. Сухонские кремнёвые фигурки // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

*Автономное образовательное учреждение дополнительного образования детей Вологодской области
«Региональный центр дополнительного образования детей»,
Вологда
Бюджетное образовательное учреждение «Новокемская основная общеобразовательная школа»,
пос. Новокемский Вашинского района Вологодской области*

L.S. Andrianova, N.B. Vasil'eva, V.K. Mitrofanov

THE MULTICOMPLEX MONUMENT SHOLA MOUTH-1 ON LAKE BELOYE

Summary

The multicomplex Shola Mouth Site-1 is located in Belozersky district, Vologodskaya region on the north-western shore of Lake Beloye. The completion of the Volga-Baltic Waterway reconstruction in 1964 and the rising of Beloye Lake's water level for about 2 meters led to the flooding of the Kovzha River basin and its inflows. As a result in the vicinity of its mouth part a vast bay with low swampy banks and shallow spots has emerged. Valley sides of the river are preserved as little islands. One of these islands is Sholopast' Island, where the undestroyed part of the Shola Mouth Site-1 is situated. The island's size is 35×20 m, it rises up over the water level for 0,2–0,4 m. On a shallow round the island there is a large number of artifacts which have dropped out of the washed archaeological layer. The specialists have been gathering archaeological material during several years. There were collected a huge number of ceramics, stone and bone tools, jewelry made of bone and slate, including such rare wares as flint and clay figurines, engraved bone products, slate discs and rings, an amber button. Most of the artifacts belong to the Neolithic and the Aeneolithic and are dated V–III millennium BC. There are also artifacts, which belong to the Bronze Age, the Early Iron Age and the Early Middle Ages but they are inconsiderable in number. Ceramics represents the most numerous part of artifacts. Nowadays ceramic collection from the Shola Mouth Site-1 numbers more than 4000 crocks. The typological analysis of ceramics allowed to find out no less than nine cultural and chronological complexes which are dated from the Early Neolithic to the Late Middle Ages. The major part of ceramics belong to the Neolithic and Aeneolithic.

*Independent Educational Institution
of the Extended Education of the Children
in Vologda Region «Regional Centre of the Extended Education of the Children»,
L.S. Andrianova
56, 73, Gagarina St., Vologda, 160002,
Russia
E-mail: anlaris@mail.ru
N.B. Vasil'eva
8, 54, Vetoshkina St., Vologda, 160012,
Russia
E-mail: vasol1969@yandex.ru*

*V.K. Mitrofanov
Budgetary Educational Institution
«Novokemskaya Principal of General School Education»,
3, 29, Central'naya St., Novokemsky settlement,
Vashkinsky district, Vologda region, 161279,
Russia
E-mail: mivako1963@mail.ru*

В.А. Аверин, А.В. Аверина

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МЫТ 1 В ВЕРХНЕЛАНДЕХОВСКОМ РАЙОНЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Стоянка Мыт 1 находится в Верхнеландеховском районе Ивановской области, приблизительно в 500 м к северо-западу от северной оконечности села Мыт. Памятник располагается на небольшом мысу, образованном надпоймой р. Лух. Судя по всему, в древности поселение располагалось на берегу небольшого залива, который сейчас полностью заболочен, – современное русло р. Лух находится приблизительно в 450 м от территории стоянки. В настоящее время высота мысовой площадки, занимаемой памятником, над заболоченной поймой реки составляет около 3 м (рис. 1).

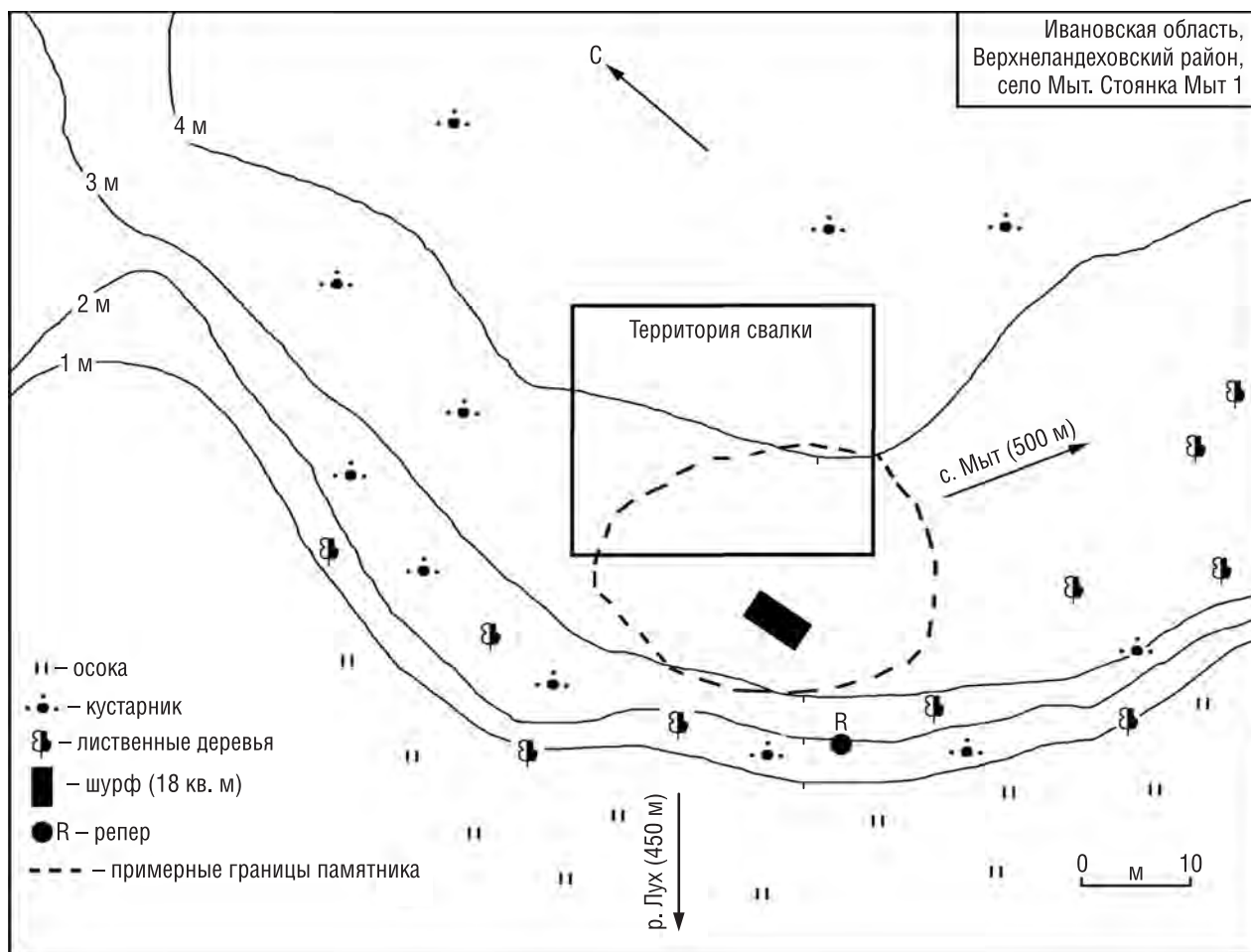

Рис. 1. Топографический план стоянки Мыт 1 (съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина)

Поверхность памятника задернована, поросла полевой травой, кустарником и редкими деревьями. Часть территории объекта занята свалкой бытовых отходов, присутствуют следы кострищ и старых мусорных ям.

Памятник открыт и первично изучен сотрудниками Ивановской археологической экспедиции в 2011 г. [1]. Перед началом работ был осуществлён осмотр территории памятника, в свежих кротовинах собран подъёмный материал, представленный в основном фрагментами керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом и мелкими отщепами. Судя по распространению подъёмного материала, размеры памятника – приблизительно 27×30 м. В месте наибольшей концентрации подъёмного материала был заложен небольшой рекогносцировочный раскоп площадью 18 кв. м (6×3 м). По нашему мнению, такая площадь позволяет получить достаточную информацию о памятнике – выявить особенности стратиграфии, характер культурного слоя, а также собрать вещевой материал, необходимый для определения культурно-хронологической принадлежности объекта.

Общая мощность напластований (до материка) не превышала 80 см. Прослеженная стратиграфия такова: 1 – дёрн – до 10 см; 2 – тёмно-серая супесь – до 25 см; 3 – светло-серая супесь – до 40 см; 3а – серо-жёлтый песок (залегал в виде отдельной прослойки в северо-восточной части шурфа); 4 – светло-жёлтая супесь – до 42 см; 5 – беловато-жёлтый песок – материк.

В процессе раскопок было установлено, что археологический материал встречается во всей толще напластований, однако наибольшая его концентрация прослежена на глубине 20–30 и 30–40 см. Последние единичные находки встречаются в верхней части 8 (70–80 см) пласта. Артефакты залегали относительно равномерно, видимых скоплений не зафиксировано.

В ходе работ был получен достаточно выразительный вещевой комплекс, позволяющий определить культурно-хронологическую принадлежность памятника. Уже в процессе исследований стало очевидно, что коллекция находок неоднородна. Часть кремнёвых изделий, безусловно, синхронна найденной в большом количестве керамике развитого неолита. Другая же часть имеет более ранний облик и может быть соотнесена с обнаруженными мелкими обломками раннеолитической керамики или иметь ещё больший возраст. Рассмотрим их.

Керамический комплекс¹

Развитый неолит (рис. 2–4). Керамика этого времени в большом количестве встречалась по всей площади раскопа и толще культурного слоя. Фрагменты – с примесью дресвы, хорошо и равномерно обожжены, на слом – прочные; цвет – различный, но преобладают серо-жёлтые и серо-коричневые оттенки. Толщина стенок колеблется в среднем в пределах 5–10 мм.

Судя по обломкам керамики, преобладали сосуды «полуяйцевидной» формы. Большинство из них было средних размеров, миниатюрная и крупная посуда исчислялась единицами. Различия прослеживаются по формам венчиков. Доминируют сосуды с прямыми венчиками, имеющими скошенный вовнутрь (рис. 3: 13) или округлый (рис. 2: 15, 16, 18, 19; 3: 9, 12) срез. Встречаются венчики, слегка отогнутые наружу с плавно закруглённым или прямым срезом (рис. 2: 3, 20; 3: 16). Найдены несколько обломков сосудов со слабо выделенной шейкой с прямым или округлым срезом (рис. 3: 1, 4, 10).

Орнаментация керамики различна. Среди её элементов преобладают круглая (белемнитная) ямка и отпечатки гребенчатого штампа. Встречаются также ямчатые вдавления (ямки неправильной формы, нанесённые под углом к поверхности сосуда), «лунницы» (выполненные, вероятно, тыльной стороной белемнита или фалангой животного), поверхностные наколы подтреугольной формы, оттиски полой кости или тыльной стороны полого белемнита.

Мотивы орнамента представлены следующими сочетаниями элементов: 1) пояса ямок, чередующихся с горизонтальными рядами наклонно (рис. 3: 1–5, 11–15), вертикально (рис. 3: 17) или горизонтально (рис. 4: 2, 3, 5–7) поставленного гребенчатого штампа; 2) пояса ямок, чередующиеся с горизонтальными полосами наколов, нанесённых штампом, иногда в скорописной манере (в виде «ложного шнура») (рис. 4: 1, 4); 3) пояса ямок, сочетающиеся с поясами «лунниц» (рис. 2: 16, 19); 4) ямочный орнамент, поверх которого нанесены отпечатки гребенчатого штампа или прочерченные линии (рис. 3: 6, 7, 9); 5) зоны ямочного орнамента, разделённые горизонтальным поясом оттисков полой кости или тыльной стороны полого белемнита (рис. 2: 20).

Отмеченные выше мотивы в разных сочетаниях образуют различные композиции, которые, к сожалению, зачастую сложно уловить по причине сильной измельчённости керамики (рис. 2: 20; 3: 2, 12, 13, 15, 16).

На основании изучения керамического материала данный комплекс находок может быть отнесён к льяловской археологической культуре [2–4].

Ранний неолит (рис. 6: 26–28). Эта керамика представлена единичными невыразительными фрагментами, которые сильно измельчены. По этой причине нельзя говорить о формах и размерах сосудов, а также о характере орнамента. О принадлежности керамики к раннему неолиту можно судить на основании состава теста посуды, в котором присутствует шамот, редко – дресва, но отсутствует органика. Во всех случаях тесто тщательно промешано. Цвет черепков – в основном серо-жёлтый с красноватым оттенком. Толщина стенок колеблется от 4 до 6 мм. Подобная керамика типична для раннеолитической верхневолжской археологической культуры [3; 5].

¹ Авторы выражают благодарность к.и.н. доценту кафедры истории России Ивановского государственного университета Е.Л. Костылёвой за помощь в систематизации и описании керамического комплекса.

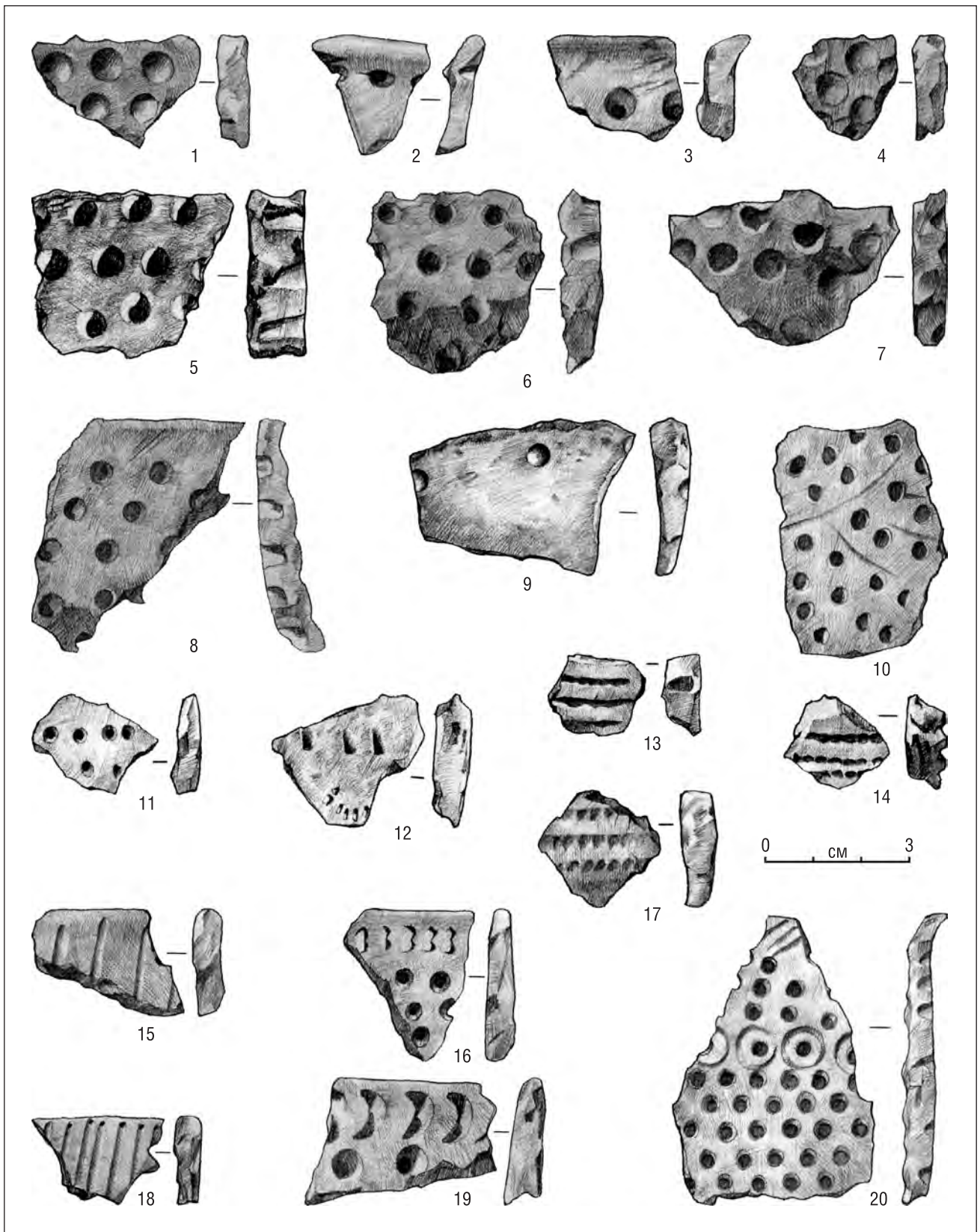

Рис. 2. Стоянка Мыт 1. Развитый неолит (ляловская культура). Керамика (рис. Д.В. Кочергина)

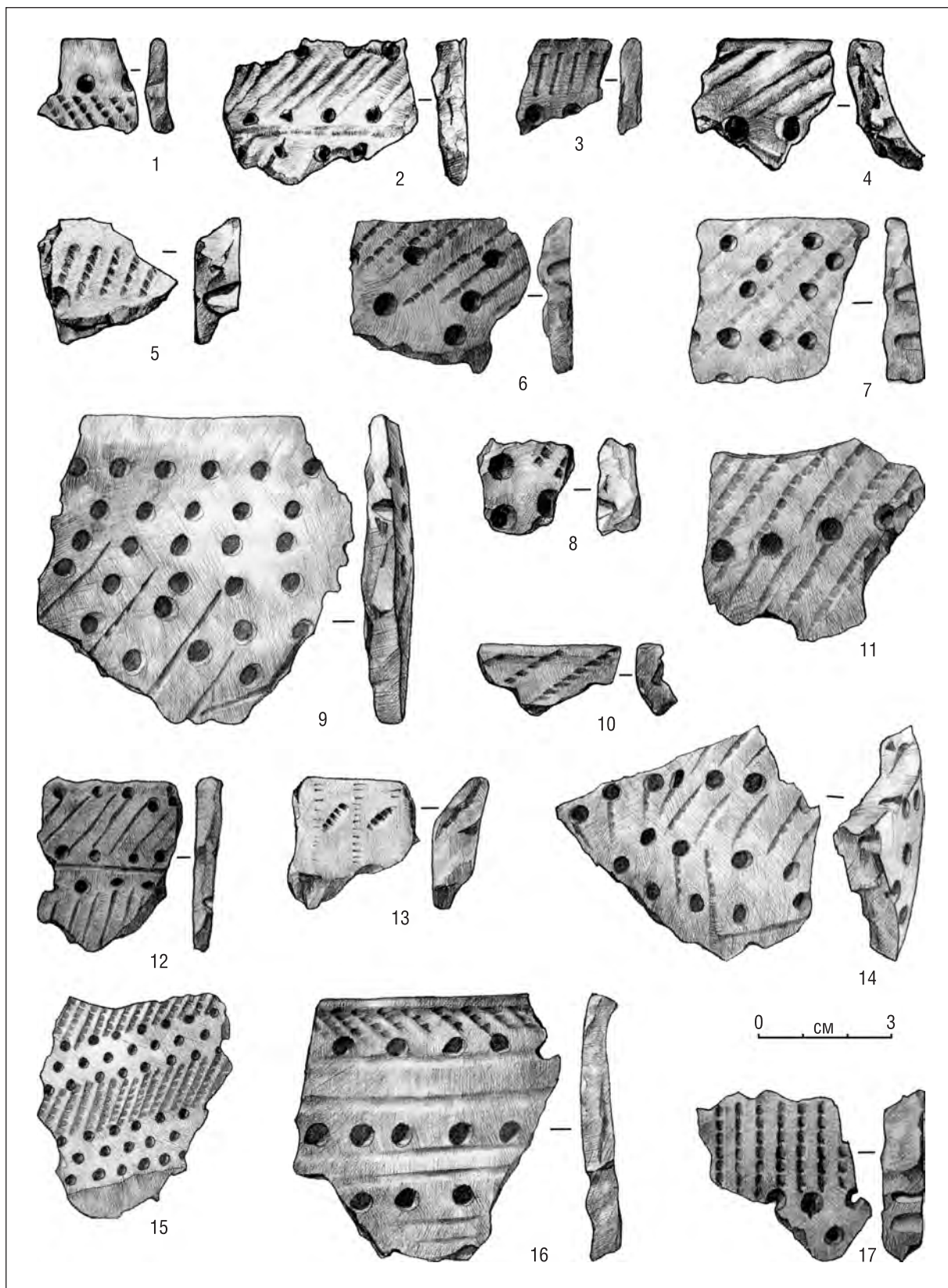

Рис. 3. Стоянка Мыт 1. Развитый неолит (ляловская культура). Керамика (рис. Д.В. Кочергина)

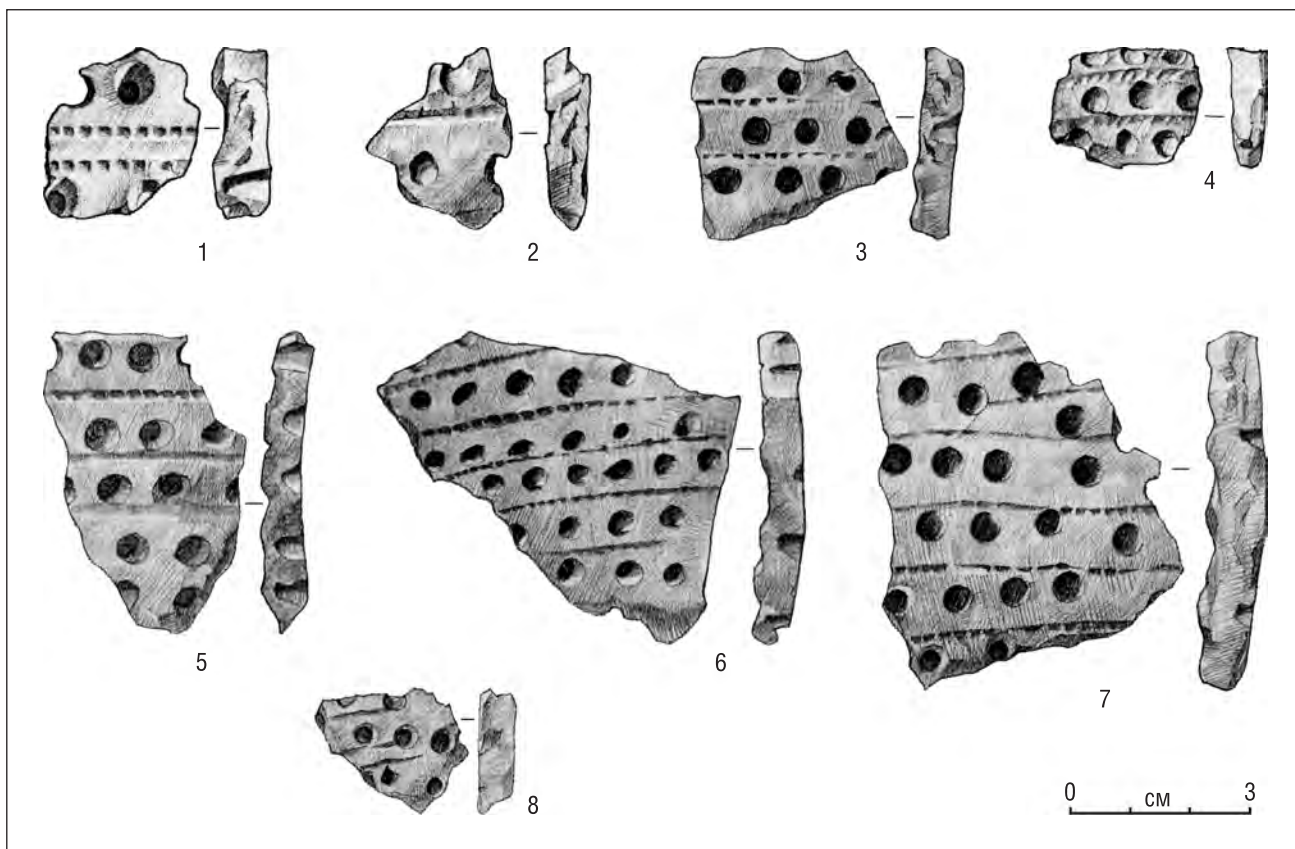

Рис. 4. Стоянка Мыт 1. Развитый неолит (льяловская культура). Керамика (рис. Д.В. Кочергина)

Каменный инвентарь

На основании типологического анализа весь полученный в процессе раскопок каменный инвентарь был разделён на три группы, описание которых приведено ниже.

Первая группа каменных орудий отнесена нами к развитому неолиту. Эти изделия соотносятся с комплексом ямочно-гребенчатой керамики. Они изготовлены на кремнёвых отщепах и осколках, обработаны по всей поверхности с обеих сторон. Кремень – серых и серо-жёлтых оттенков. Артефакты типологически выражены.

Скребки представлены двумя экземплярами. Оба на отщепах, «с высокой спинкой». Первый скребок относится к типу концевых-боковых. Концевое рабочее лезвие дугообразно и слегка скошено, боковое – прямое. Орудие оформлено регулярной крутой (боковое лезвие) и полукрутой (концевое лезвие) дорсальной ретушью (рис. 5: 13). Второй скребок – подокруглый, обработан полукрутой дорсальной ретушью (рис. 5: 16).

Наконечников стрел (включая обломки) – пять экземпляров. Первое изделие представлено обломком двусторонне ретушированного предположительно иволистного наконечника, остриё и насад отсутствуют (рис. 5: 1). От второго сохранился двусторонне ретушированный насад (рис. 5: 2). Третий наконечник с двусторонней ретушью относится к типу черешковых (рис. 5: 3). Последние два изделия имеют ромбовидную форму, ретушированы с обеих сторон; у одного из них сломан кончик острия (рис. 5: 5), у другого отсутствует часть насада (рис. 5: 6).

Единственным экземпляром представлен двусторонне ретушированный *наконечник дротика* ромбовидной формы (рис. 5: 14).

Найдены два обломка *наконечников копий*. Первый представляет собой часть двусторонне ретушированного острия (рис. 5: 8). От второго изделия сохранилась часть насада, полностью ретушированного на дорсальной стороне и обработанного полукрутой вентральной ретушью по одному краю (рис. 5: 12).

Проколки представлены тремя экземплярами. Поверхность первого орудия с выделенным концом ретуширована с обеих сторон (рис. 5: 9). Второй артефакт обработан по краям полукрутой дорсальной ретушью, плавно переходящей в пологую к кончику изделия (рис. 5: 7). У третьей проколки, на отщепе с коркой, один край и остриё оформлены пологой дорсальной ретушью (рис. 5: 11).

Единственная *развёртка* изготовлена на отщепе подтреугольной формы с коркой. Края изделия покрыты нерегулярной крутой дорсальной ретушью, рабочее лезвие сильно заполировано (рис. 5: 4).

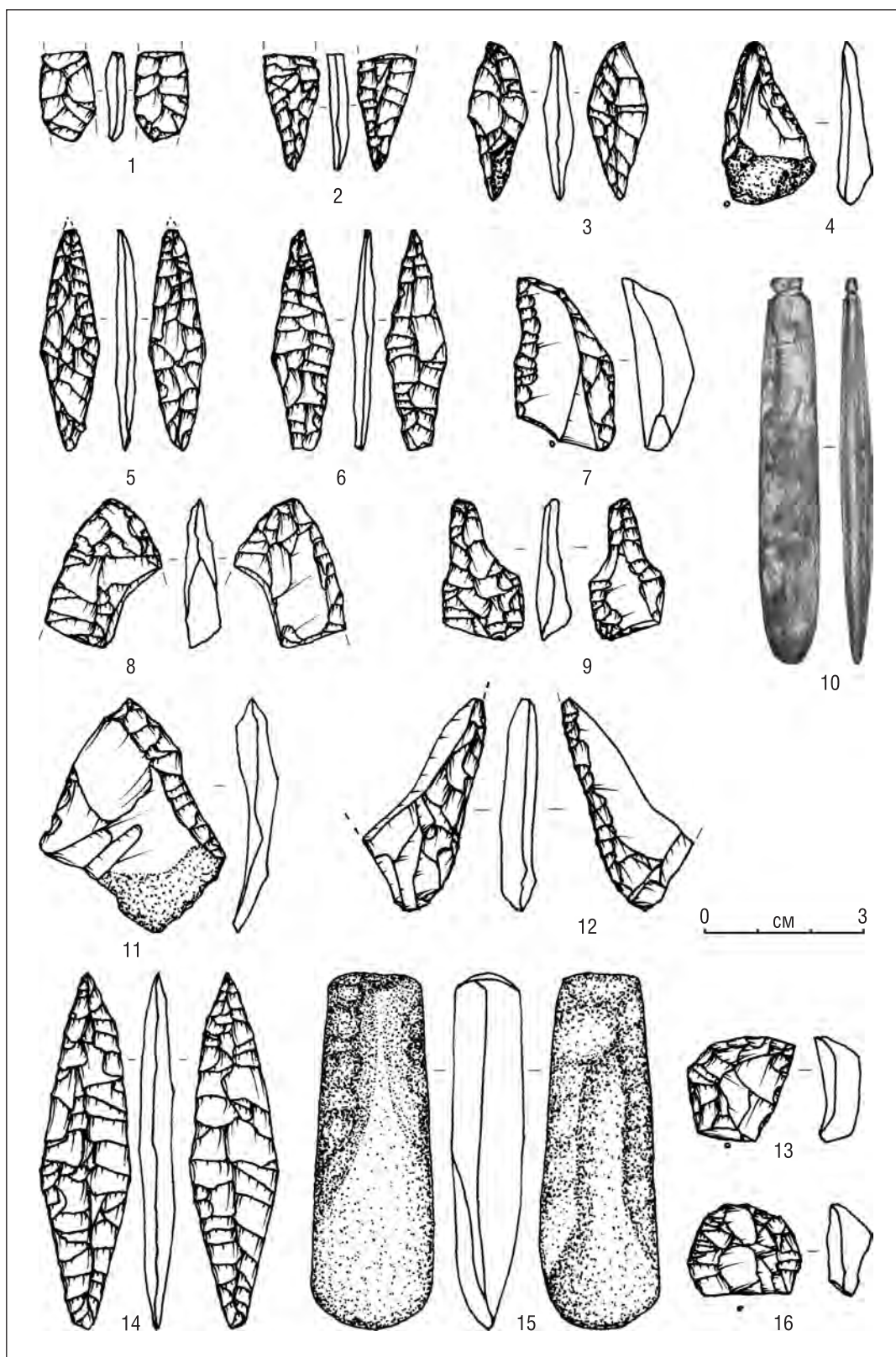

Рис. 5. Стоянка Мыт 1. Развитый неолит (ляловская культура). Каменный инвентарь (1-9, 11-16 – рис. А.В. Авериной; 10 – рис. Д.В. Кочергина)

Найдено частично шлифованное желобчатое *сланцевое долото* подпрямоугольной формы. Края изделия обработаны пикетажем (рис. 5: 15).

К развитому неолиту нами предположительно отнесена и уплощённая продолговатая *шлифованная сланцевая подвеска* с нарезками-пазами для подвешивания (рис. 5: 10).

Вторая группа каменных артефактов существенно отличается от вышеописанной. Изделия изготовлены на пластинах и отщепах, часть из них имеет микролитический облик. Вероятно, эти предметы синхронны найденным в раскопе единичным мелким фрагментам раннеолитической керамики, но не исключено и то, что некоторые из них древнее. Используемый для их изготовления кремнь – серых, пёстрых и серо-жёлтых оттенков.

Нуклеусы – мелкие, сильно сработанные, от микропластин и отщепов. Все – одноплощадочные, площадки подправлены поперечными сколами. Найдены клиновидные (рис. 6: 12), подконические (рис. 6: 11, 15, 21, 22) и подпризматические (рис. 6: 13, 17, 19, 20) ядрища.

В культурном слое также встречены *микропластины* правильной огранки без вторичной обработки (рис. 6: 3, 14).

Серией представлены *скребки*. Среди них присутствуют концевые изделия на пластинах с дугообразным (рис. 6: 4) и прямым (рис. 6: 5) лезвиями, концевые на отщепах с дугообразным (рис. 6: 10, 16, 18) и прямым, слегка скошенным (рис. 6: 24), лезвиями, а также обломок подокруглого скребка на отщепе (рис. 6: 8). У некоторых скребков присутствует боковая подправка, вероятно, для крепления в рукояти (рис. 6: 16, 24).

Реципы – угловые на пластинах и отщепах. Присутствуют изделия как с узкой (рис. 6: 6), так и с широкой (рис. 6: 23) кромкой. Есть артефакты с кромкой средней ширины (рис. 6: 7, 25).

Наконечников стрел два. Первый представлен обломком черешкового изделия на пластине. Черешок и один край оформлены полукрутой вентральной ретушью. Противоположный край и часть черешка подправлены полукрутой дорсальной ретушью. Остриё отсутствует (рис. 6: 1). Второй наконечник имеет листовидную форму. Дорсальная сторона орудия полностью ретуширована, с вентральной стороны присутствует приостряющая краевая ретушь по всему периметру (рис. 6: 2).

В единственном экземпляре найдено *комбинированное орудие*. Оно представляет собой концевой-боковой скребок-резец на отщепе. Концевое лезвие скребка – дугообразное, боковое – прямое. Кромка резца узкая (рис. 6: 9).

Третья группа изделий из камня объединяет орудия, которые могут иметь и раннеолитический и среднеолитический возраст. Типологически их невозможно с уверенностью соотнести с тем или иным периодом и культурой. Сырьё для изготовления этих предметов использовалось то же, что было описано выше.

Встречены *нуклеидные куски*, не имеющие выраженной формы, от отщепов (рис. 7: 2).

Ножи найдены в количестве трёх экземпляров. Все – на отщепах. Края двух изделий обработаны мелкой приостряющей дорсальной ретушью (рис. 7: 7, 10), у третьего край оформлен приостряющей вентральной ретушью (рис. 7: 5).

Комбинированных орудий два. Первое изделие представлено вариантом боковой скребок-скобель. Скребок лезвие – прямое, выемка скобеля широкая и неглубокая (рис. 7: 3). Второе орудие – концевой скребок-скобель. Лезвие скребка – прямое, один край подправлен крутой дорсальной ретушью (вероятно, для вставки в рукоять). Выемка скобеля, судя по всему, специально не оформлялась. Она образовалась уже после того как скребок был сломан, в результате работы им – скобления по жёсткому материалу (рис. 7: 6).

Выразительной серией представлены *деревобрабатывающие орудия* и заготовки таких орудий. Изготовлены они из кремня и сланца. Найдены две сломанные кремнёвые заготовки, обработанные путём оббивки (рис. 7: 4, 11), сильно сработанный кремнёвый топорик подтреугольной формы со шлифовкой части поверхности (рис. 7: 8), подпрямоугольный сланцевый шлифованный топорик (рис. 7: 9), сильно сработанное подпрямоугольное желобчатое тесло из сланца, частично шлифованное (рис. 7: 12), а также обломок сланцевой плитки, у которого край при помощи шлифовки оформлен в виде рабочего лезвия топора (рис. 7: 13).

Полученный материал находит прямые аналоги в коллекциях с близлежащих памятников (поселение Ванино [6], стоянки у д. Гоголи на озере Шадрино [7; 8], поселение Боринка 2 на южной окраине с. Мыт [9] и др.), исследовавшихся в разные годы сотрудниками ГИМ [10] и Верхневолжской экспедиции АН СССР [11].

Таким образом, проведённые работы позволили решить несколько задач:

- 1) установить факт наличия на обследованном участке объекта культурного (археологического) наследия – неолитической стоянки, получившей название Мыт 1;
- 2) определить (по распространению подъёмного материала) и зафиксировать приблизительные границы поселения;
- 3) выяснить особенности стратиграфии памятника, мощность и степень сохранности культурного слоя;
- 4) по характеру полученного материала определить культурно-хронологическую принадлежность памятника;
- 5) на основе типологического анализа разделить материал на разновременные комплексы, соотнеся один из них с ранним, а другой – с развитым неолитом (однако нельзя исключать и того, что часть найденных артефактов может иметь мезолитический возраст).

На основании полученных данных можно частично реконструировать историю функционирования данного памятника. Пришедшие сюда в развитом неолите носители культуры ямочно-гребенчатой керамики в ходе активной жизнедеятельности разрушили культурный слой стоянки верхневолжской культуры. Судя

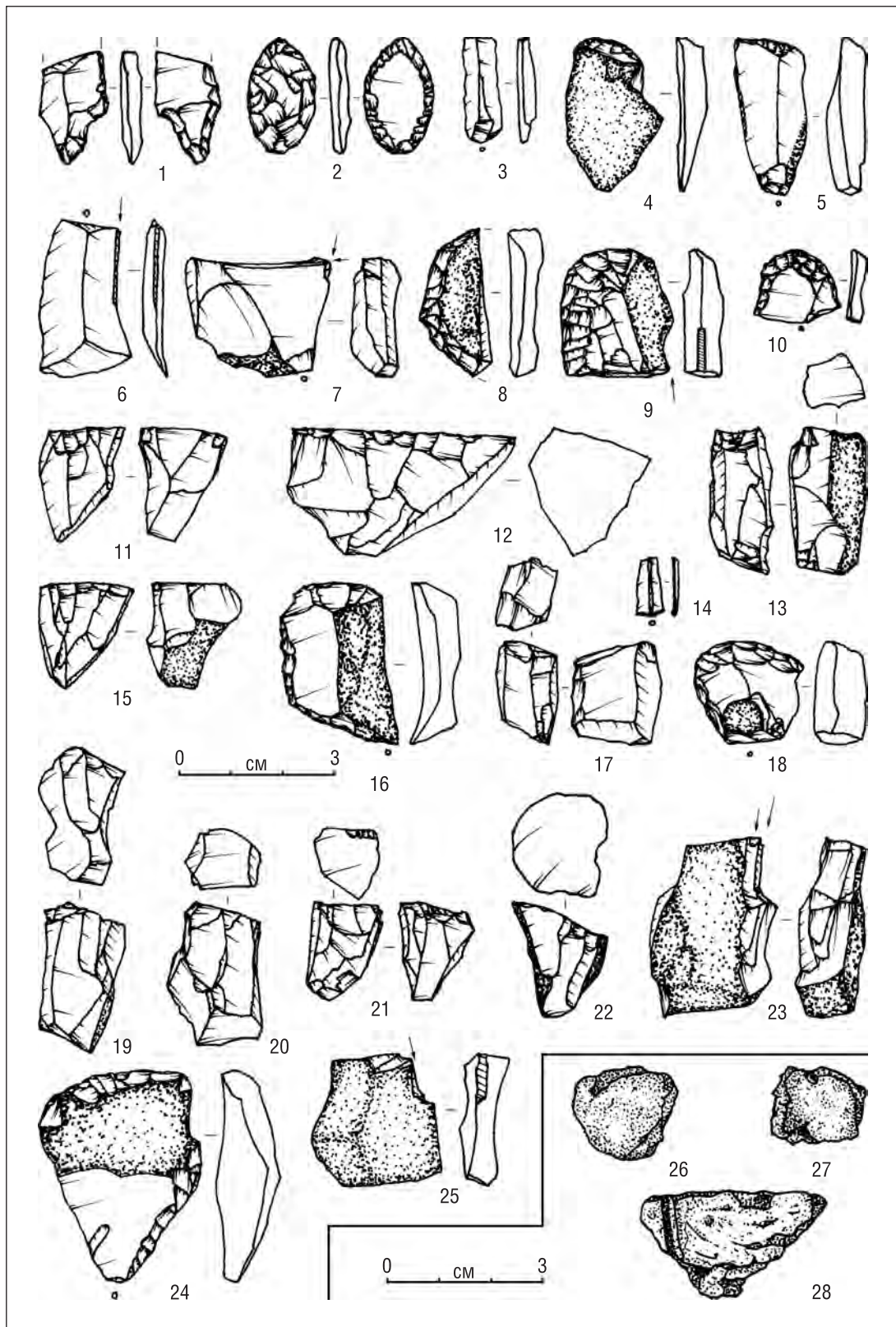

Рис. 6. Стоянка Мыт 1. Ранний неолит (верхневолжская культура).
 Каменный инвентарь (1–25) и керамика (26–28) (1–25 – рис. А.В. Авериной; 26–28 – рис. С.А. Максимова)

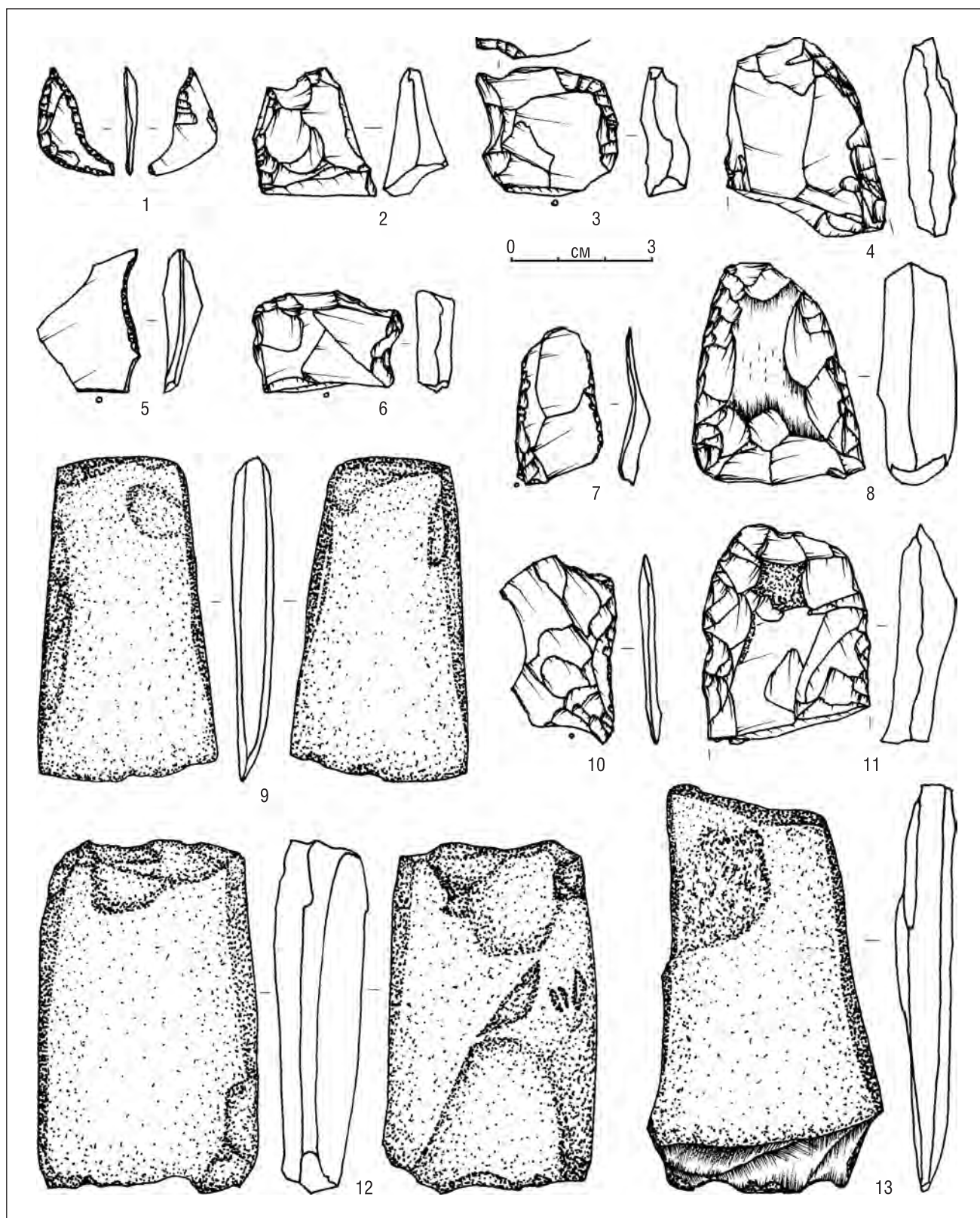

Рис. 7. Стоянка Мыт 1. Каменный инвентарь неясной культурно-хронологической принадлежности
(рис. А.В. Авериной)

по отсутствию в коллекции «поздней» примеси, в последующие эпохи стоянка не была обитаема. Лишь некоторые артефакты (мелкие фрагменты керамики, железные рыболовный крючок и грузило) свидетельствуют о посещении данного места рыбаками в XIX–XX веках.

Представляется, что новые исследования стоянки Мыт 1 могут дать ценный научный материал для изучения раннего и развитого неолита Верхневолжского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Работы Ивановской археологической экспедиции / В.А. Аверин, В.Ю. Барышников, Е.В. Пискунова, Д.В. Сомовинский, А.А. Цветков, П.Н. Чечулин // АО–2010–2013. М., в печати.
2. Крайнов Д.А., Гурина Н.Н. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
3. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья: По материалам стоянки Ивановское VII / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энгватова. М., 2002.
4. Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008.
5. Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
6. Уткин А.В. Многослойное поселение Ванино на р. Лух // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 2. Иваново, 1989.
7. Гадзяцкая О.С. Стоянки на р. Лух // КСИА. Вып. 177. 1984.
8. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л. Ранненеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // КСИА. Вып. 193. 1988.
9. Кольцов Л.В., Молодцова Е.М. Раскопки стоянки Боринка II // АО–1973. М., 1974.
10. Комаров К.И. Археологическая карта России: Ивановская область. М., 1994.
11. Крайнов Д.А. О работе Верхневолжской экспедиции // АО–1969. М., 1970.

*ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция»,
Иваново*

*Департамент культуры и культурного наследия Ивановской области,
Иваново*

V.A. Averin, A.V. Averina

THE NEOLITHIC SITE MYT 1 IN THE VERKHNELANDEKHOVSKY DISTRICT OF THE IVANOV REGION

Summary

The purpose of the presented work is to introduce into the scientific circulation the materials of the Neolithic site Myt I discovered by the Ivanovo archaeological expedition in 2011 in the Verkhnelandekhovskiy district of the Ivanovo region. On the monument 18 sq. m of land were excavated, and there were revealed materials belonging to the developed (L'yalovo culture) and Early (Upper Volga culture) Neolithic. Division of complexes is made on the basis of the typological analysis of the collection.

*V.A. Averin
Limited liability company
«Ivanovo Archaeological Expedition»,
18, 10, Sovetskaya St., Ivanovo, 153000,
Russia
E-mail: vad-averin@yandex.ru*

*A.V. Averina
The Department of Culture and Cultural Heritage
of Ivanovo Region,
8, Velizhskaya St., Ivanovo, 153022,
Russia
E-mail: iv-ae@yandex.ru*

В.А. Аверин, А.В. Аверина

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО КЛЯЗЬМИНСКОГО ЗАКАЗНИКА

В течение пяти полевых сезонов сотрудниками Ивановской археологической экспедиции проводились работы на территории восточной части Федерального Клязьминского заказника – в Южском и частично Савинском районах Ивановской области (рис. 1). За это время были выявлены и первично обследованы 17 новых памятников археологии от мезолита до Средневековья. Большая их часть изучалась при помощи шурфовки, на двух (Ореховое 1 и 6) проведены раскопки. Материалы изысканий уже частично введены в научный оборот [1–7].

Целью данной работы является обобщение и введение в научный оборот информации о памятниках, содержащих неолитические материалы¹. Их 12, все располагаются на высоких коренных берегах старичных озёр Долгое и Ореховое (рис. 2). Стоянки и местонахождения, выявленные на озере Долгом, имеют призывку к близлежащему селу Изотино, а объекты, обнаруженные на озере Ореховое, – к деревне Снегирево².

Рис. 1. Карта восточной части Федерального Клязьминского заказника

¹ Авторы выражают благодарность к.и.н. Е.Л. Костылёвой за помощь в работе с керамическим материалом.

² Расстояние во всех случаях измерялось от въезда в населённый пункт с трассы «Ковров – Южа».

Описание памятников приводится в соответствии с их расположением, с запада на восток.

I. Изотино (местонахождение Долгое 4). Выявлено в 2005 г., дополнительно обследовано в 2009 г. Располагается в Савинском районе, в 3,28 км к юго-востоку от с. Изотино, на песчаной возвышенности коренного (северного) берега озера Долгое, высота над уровнем воды 3 м (рис. 2, 3). Границы объекта не установлены³, местонахождение зафиксировано на основании сборов подъёмного материала, представленного мелкими отщепами кремня и тремя фрагментами керамики с ямчатым орнаментом (рис. 4: 1–3). Керамика – тонкостенная, хорошего обжига, в качестве примесей использовались речной песок и дресва. На наш взгляд, данное местонахождение следует датировать развитым неолитом.

II. Изотино (стоянка Долгое 2). Выявлена в 2005 г., дополнительно обследована в 2009 г. – заложен шурф размерами 2×2 м. Располагается в Савинском районе, в 3,75 км к юго-юго-востоку от с. Изотино, на песчаной возвышенности коренного (северного) берега озера Долгое. Высота над уровнем озера 3 м (рис. 2, 5). Границы объекта не определены. Стратиграфия такова: 1) дерн – до 4 см; 2) жёлтый песок – до 18 см; 3) коричневая супесь – до 12 см; 4) – чёрная супесь (культурный слой) – до 20 см; 5) – белый песок (прослежен в виде отдельных линз) – до 11 см; 6) рыжий песок с ожелезнениями – материк.

В слое 4 найдены следующие каменные артефакты: концевой скребок с дугообразным лезвием на отщепе (рис. 6: 1), нуклеидный кусок (рис. 6: 2), обломок шлифованного желобчатого тесла (рис. 6: 5), а также два десятка отщепов кремня.

Керамика представлена двумя фрагментами: первый – тонкостенного сосуда с ямчатым⁴ орнаментом, обжиг – средний, в качестве примеси присутствуют бурый железняк и органика (рис. 6: 3); второй – также тонкостенного горшка, но с ямочным орнаментом, хорошего обжига, с примесью дресвы и песка в тесте

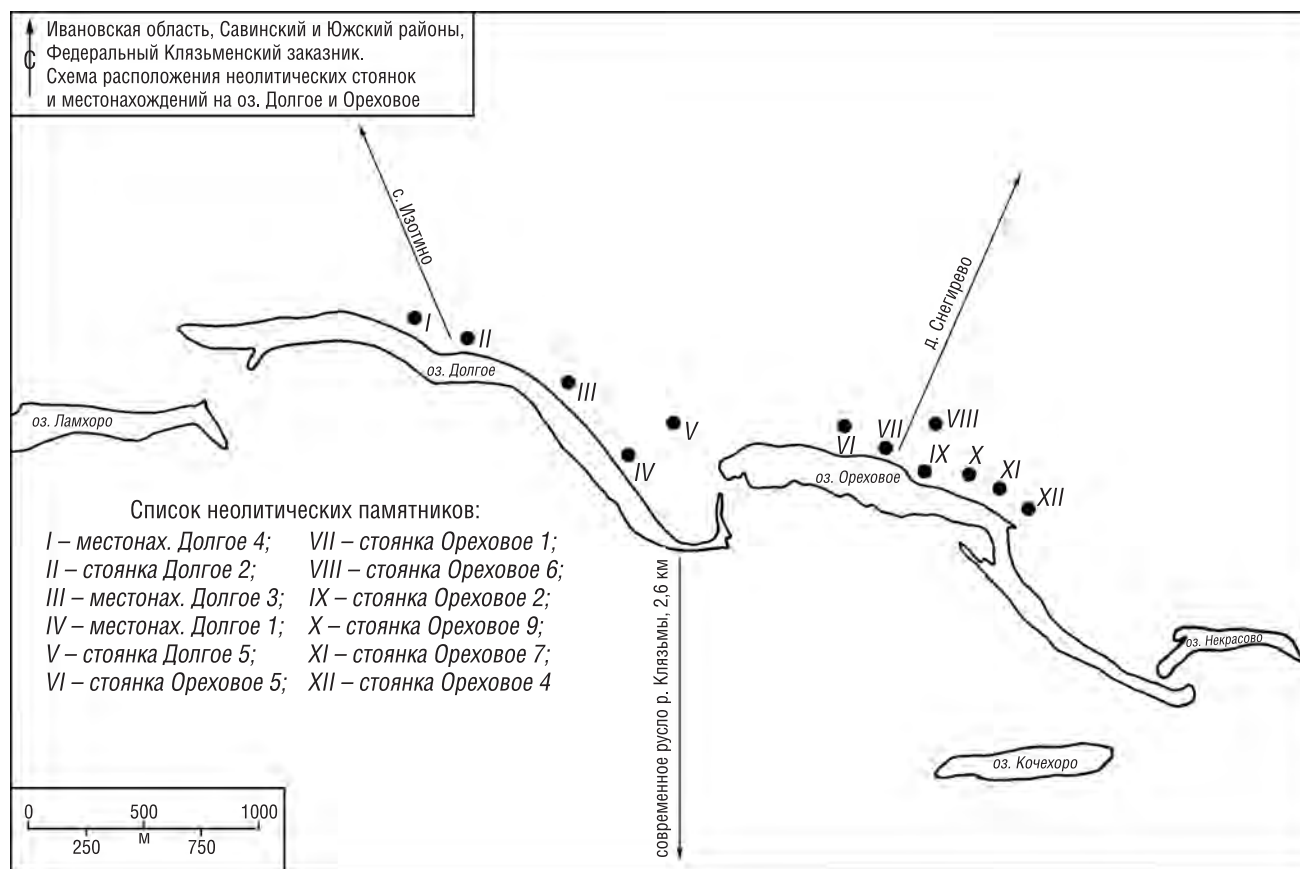

Рис. 2. Схема расположения неолитических стоянок и местонахождений на оз. Долгое и Ореховое (рис. В.А. Аверина)

³ Вероятно, границы памятников на оз. Долгом примерно совпадают с площадью песчаных возвышенностей, на которых они располагаются, – по крайней мере подъёмный материал концентрируется именно в их пределах.

⁴ Вдавления, выполненные в технике тычкового накола орнаментиром подквадратной, подовальной, каплевидной или иной (не округлой) формы, авторы относят к ямчатому орнаменту.

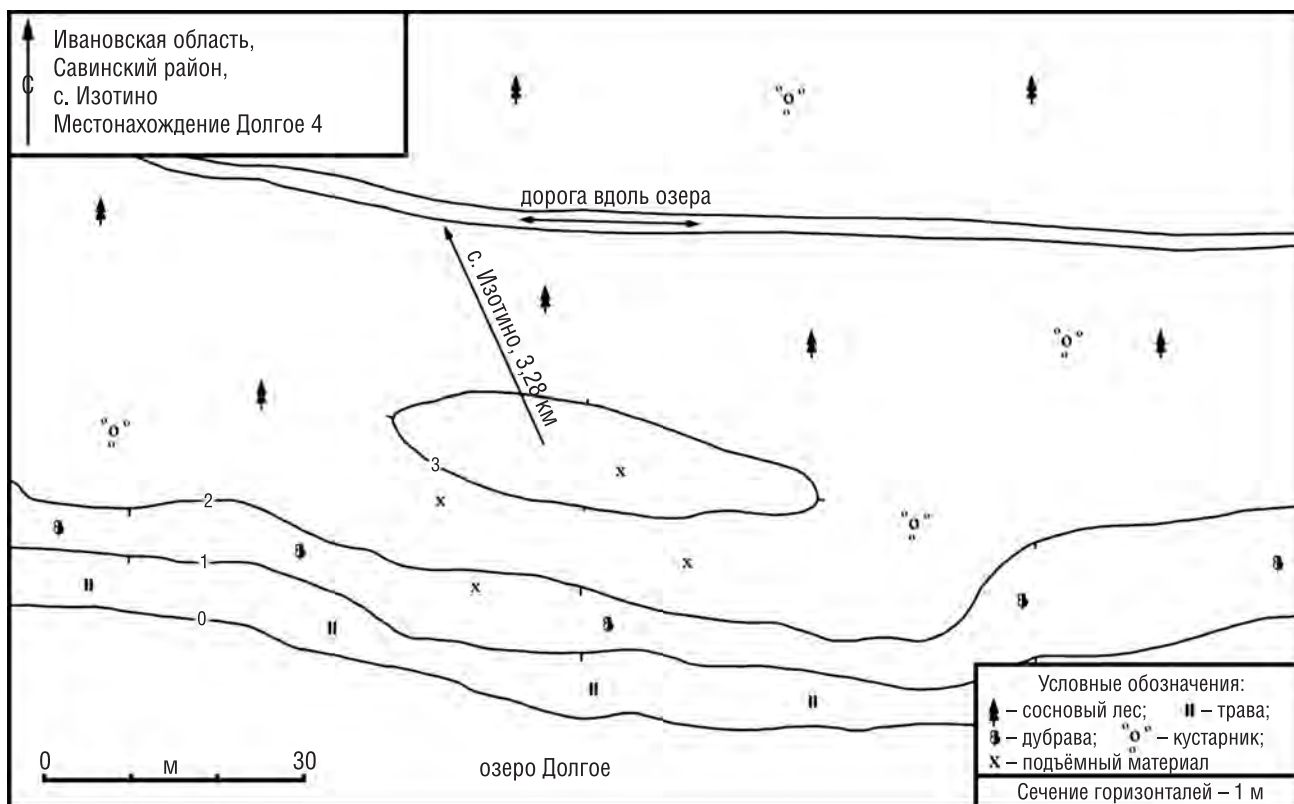

Рис. 3. Топографический план местонахождения Долгое 4 (съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.)

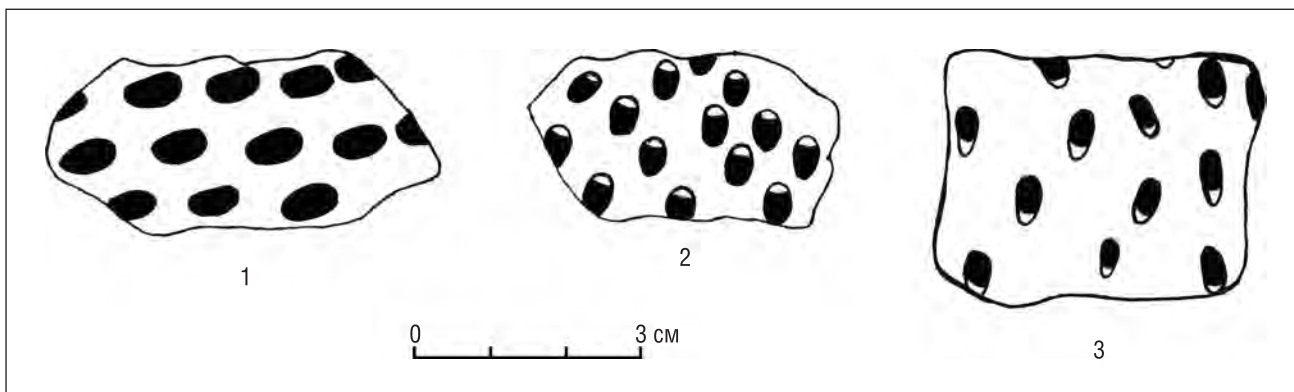

Рис. 4. Местонахождение Долгое 4. Фрагменты керамики (рис. Е.С. Шальной)

(рис. 6: 4). Полученный материал, несмотря на свою малочисленность, позволяет говорить о том, что стоянка посещалась как минимум дважды – в развитом и позднем неолите.

III. Изотино (местонахождение Долгое 3). Выявлено в 2005 г., дополнительно обследовано в 2009 г. Располагается в Савинском районе, в 4,1 км к юго-востоку от с. Изотино, на песчаной возвышенности коренного (северного) берега озера Долгое, высота над уровнем воды 2 м (рис. 2, 7). Границы памятника не установлены, местонахождение зафиксировано на основании распространения подъёмного материала, встреченного у подножия возвышенности, представленного мелкими отщепами кремня, а также четырьмя фрагментами керамики с ямочно-гребенчатым (рис. 8: 1), ямочным (рис. 8: 2) и накольчатым (рис. 8: 3, 4) орнаментами. Керамика, в основном, тонкостенная, хорошего обжига, в качестве примесей использовались речной песок и дресва. Венчики Т-образные и загнутые наружу. На наш взгляд, данное местонахождение следует датировать развитым и поздним неолитом.

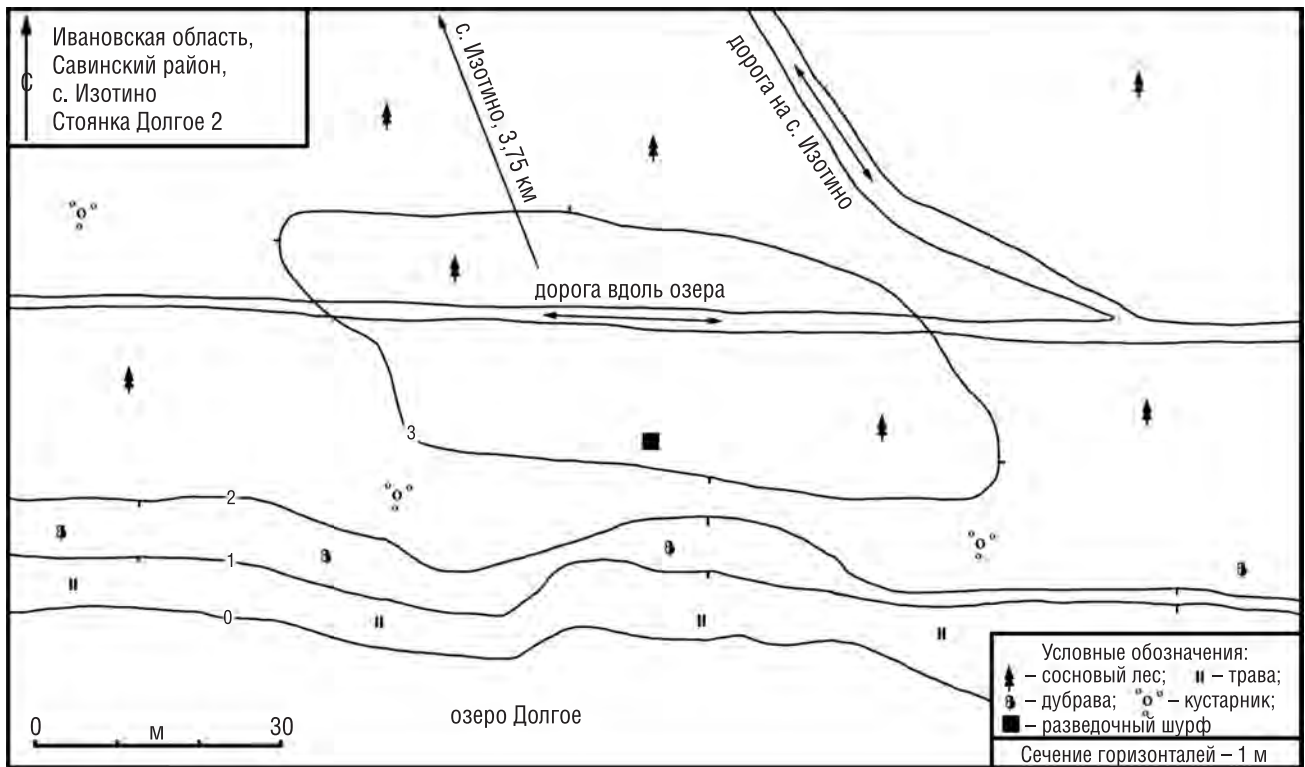

Рис. 5. Топографический план стоянки Долгое 2
(съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.; дополнения К.Г. Берёзина 2009 г.)

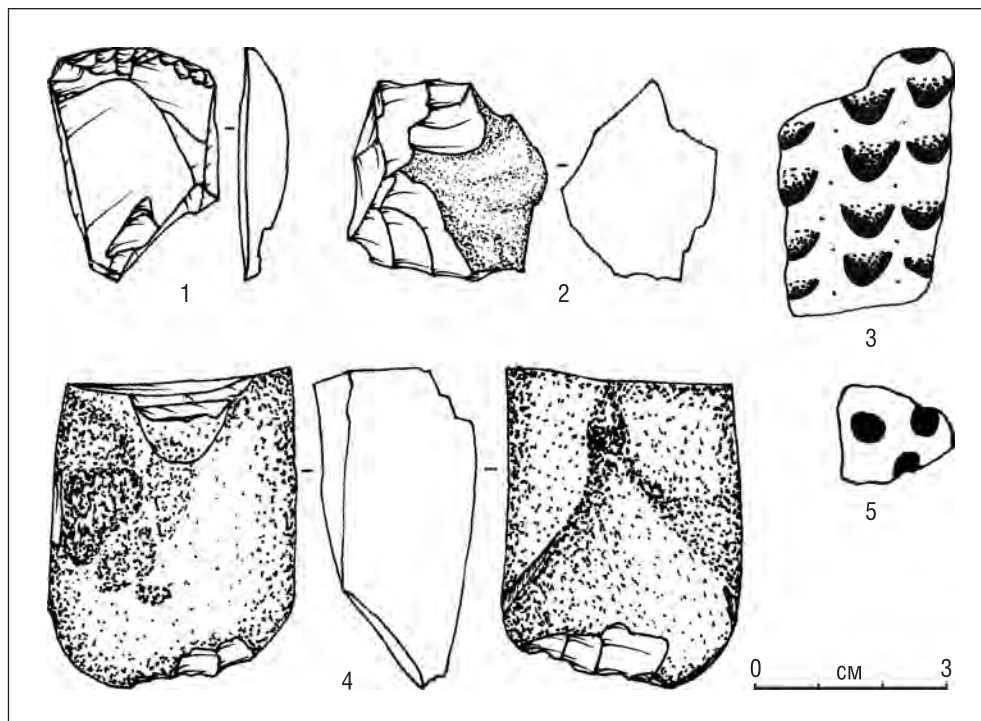

Рис. 6. Стоянка Долгое 2. Инвентарь: 1, 2, 4 – каменный инвентарь; 3, 5 – фрагменты керамики
(1, 2, 4, 5 – рис. А.В. Авериной; 3 – рис. Е.С. Шальной)

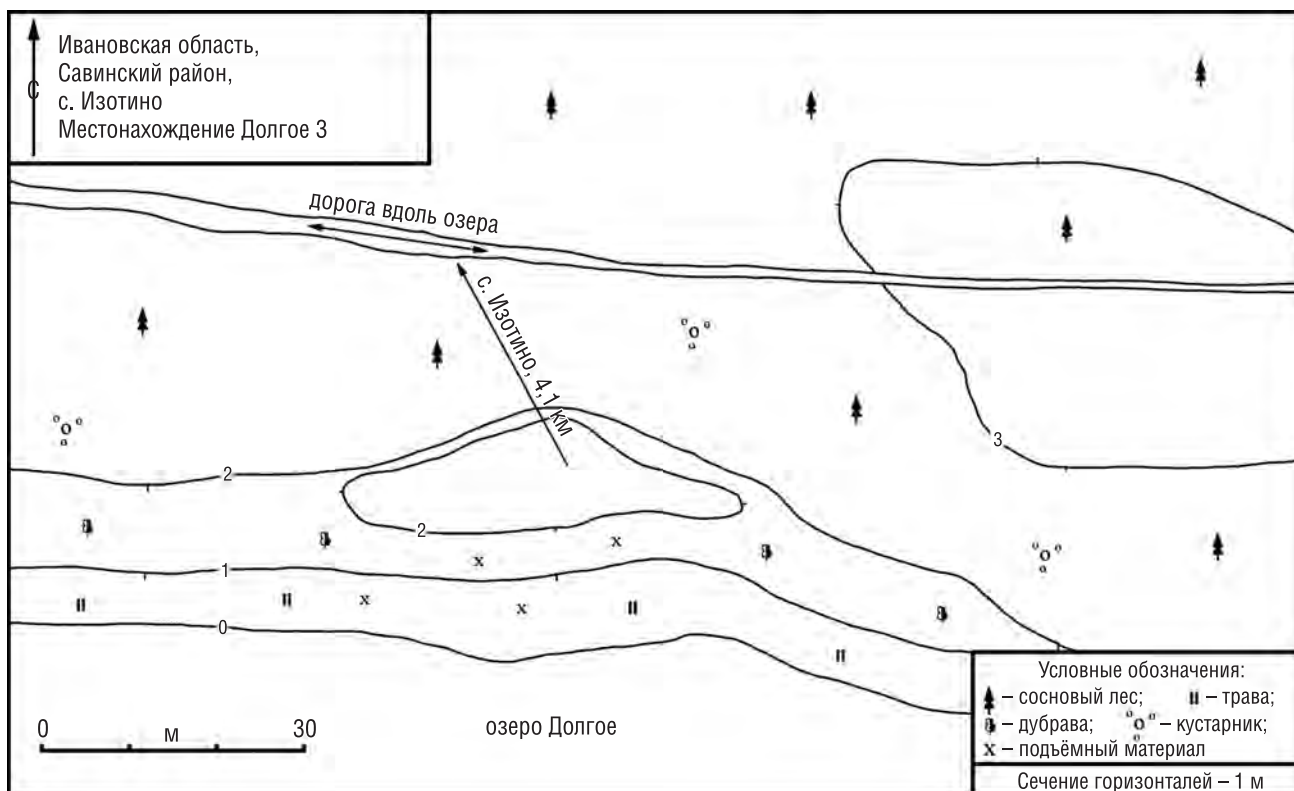

Рис. 7. Топографический план местонахождения Долгое 3 (съемка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.)

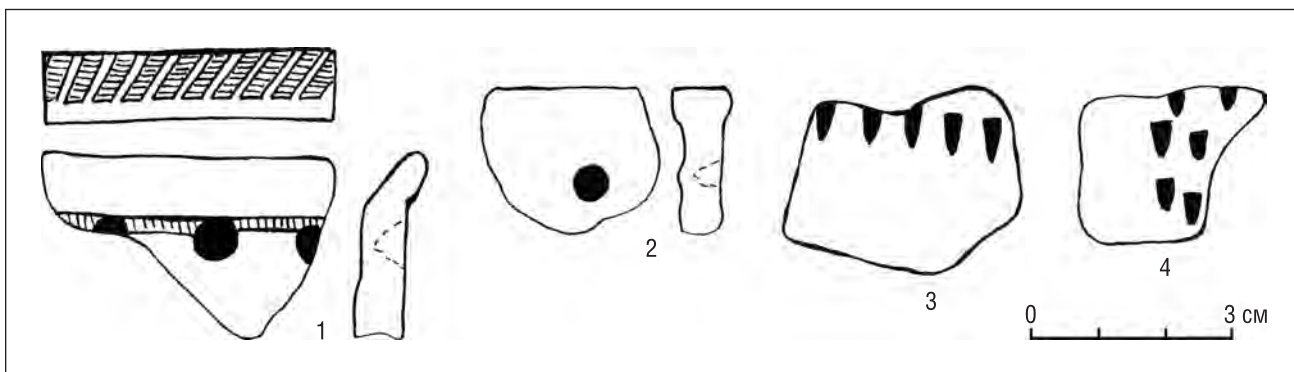

Рис. 8. Местонахождение Долгое 3. Фрагменты керамики (рис. Е.С. Шальной)

IV. Изотино (местонахождение Долгое 1). Выявлено в 2005 г., дополнительно обследовано в 2009 г. Располагается в Савинском районе, в 4,7 км к юго-востоку от с. Изотино, на песчаной возвышенности коренного (северного) берега озера Долгое, высота над уровнем воды 3–4 м (рис. 2, 9). Границы объекта не установлены, местонахождение зафиксировано на основании распространения подъемного материала, собранного у подножия возвышенности, представленного мелкими отщепами кремня, а также пятью фрагментами керамики с ямочно-гребенчатым (рис. 10: 1), ямчатым (рис. 10: 2), ямочным с лунницами (рис. 10: 4) и ямочным (рис. 10: 5) орнаментами. Один фрагмент (рис. 10: 3) имеет орнамент в виде отпечатков «верёвочки, навитой на палочку». Керамика – тонкостенная, хорошего обжига, в качестве примесей использовались речной песок и дресва. Венчики загнуты наружу. На наш взгляд, данное местонахождение следует также датировать развитым неолитом.

V. Изотино (стоянка Долгое 5). Выявлена в 2009 г. Располагается на границе Савинского и Южского районов, в 4,61 км к юго-востоку от с. Изотино, на песчаной возвышенности (около 1 м), хорошо «читаю-

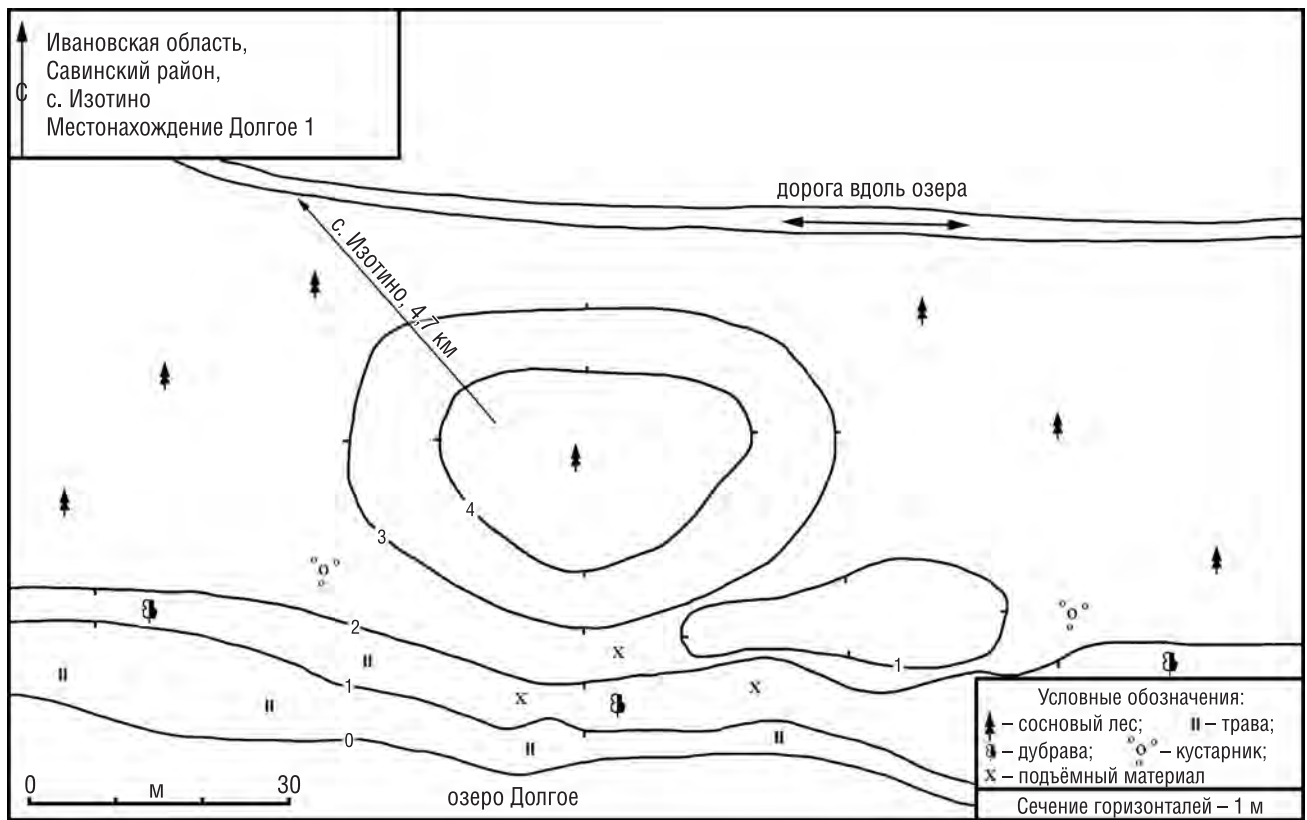

Рис. 9. Топографический план местонахождения Долгое 1 (съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.)

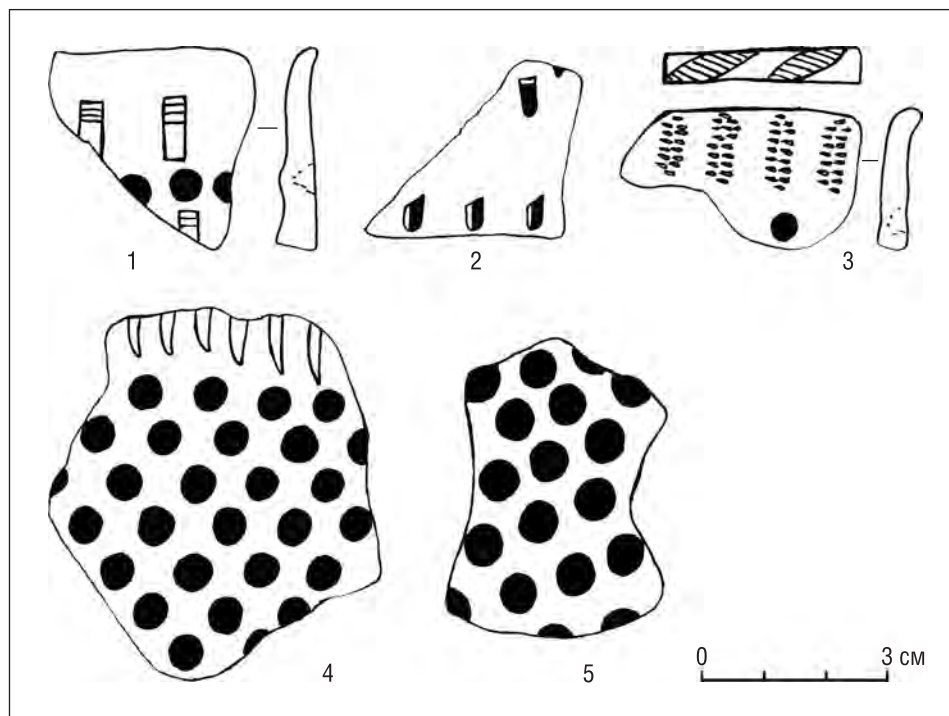

Рис. 10. Местонахождение Долгое 1. Фрагменты керамики (рис. Е.С. Шальной)

щейся” в рельефе местности (рис. 2, 11). Отмечается достаточная удалённость от озера – около 100 м. Подходов к озеру в настоящее время здесь нет – ровная поверхность местности завершается крутым обрывом, высотой в несколько метров. Границы объекта не определены. На памятнике заложен шурф площадью 4 кв. м, прослежена следующая стратиграфия: 1) дёрн – 3 см; 2) серая супесь – до 20 см; 3) серо-коричневая супесь (культурный слой) – до 25 см; 4) рыжий спрессованный песок с валунами – материк. В слое 3 встречены изделия из камня и керамика.

Каменный инвентарь представлен следующими артефактами: заготовкой миниатюрного наконечника стрелы на пластине (рис. 12: 1), двумя аморфными скребками на отщепах (рис. 12: 2, 3), проколкой с обломленным кончиком на отщепе (рис. 12: 4) и нуклеидным куском (рис. 12: 5).

Керамический комплекс более многочислен, содержит обломки разнообразных сосудов: как по примесям в тесте, так и по орнаментам. У большинства в примеси – дресва и мелкозернистый речной песок. Встречены отдельные фрагменты сосудов, в тесте которых есть шамот и бурый железняк (рис. 13: 13, 23, 31, 36), а также единичные обломки с примесью шамота и органики в тесте.

Наиболее представительной является группа керамики с округлоямочным орнаментом (рис. 13: 1, 3, 6, 7). Среди элементов орнамента встречаются также овальная (рис. 13: 2, 4, 5, 14, 15, 24, 26, 32–34, 35, 37), каплевидная (рис. 13: 11, 27, 29, 37), подтреугольная (рис. 13: 9, 10, 12, 16, 21, 28, 30), подпрямоугольная (рис. 13: 17, 20) ямки, а также «ногтевидные» вдавления (рис. 13: 8, 18, 22). Ямки наносились штампом, поставленным как перпендикулярно к поверхности сосуда, так и под углом к ней (в технике тычкового накола). Часть стенок сосудов орнаментирована зубчатым (рис. 13: 13) или двузубым (рис. 13: 23, 25, 31, 36) штампами. В бордюрной зоне присутствуют горизонтальные ряды «верёвочки, навитой на палочку» (рис. 13: 2), «ногтевидные» и ямчатые вдавления (рис. 13: 15). На срезах венчиков встречаются прямые или наклонные подтреугольные (рис. 13: 4, 10, 19, 30) и подовальные (рис. 13: 5, 8, 34) вдавления.

Орнаментальные мотивы установить достаточно сложно, хотя прослеживаются ряды ямочных и ямчатых вдавлений. Встречены единичные фрагменты с перемежающимися горизонтальными и диагональными

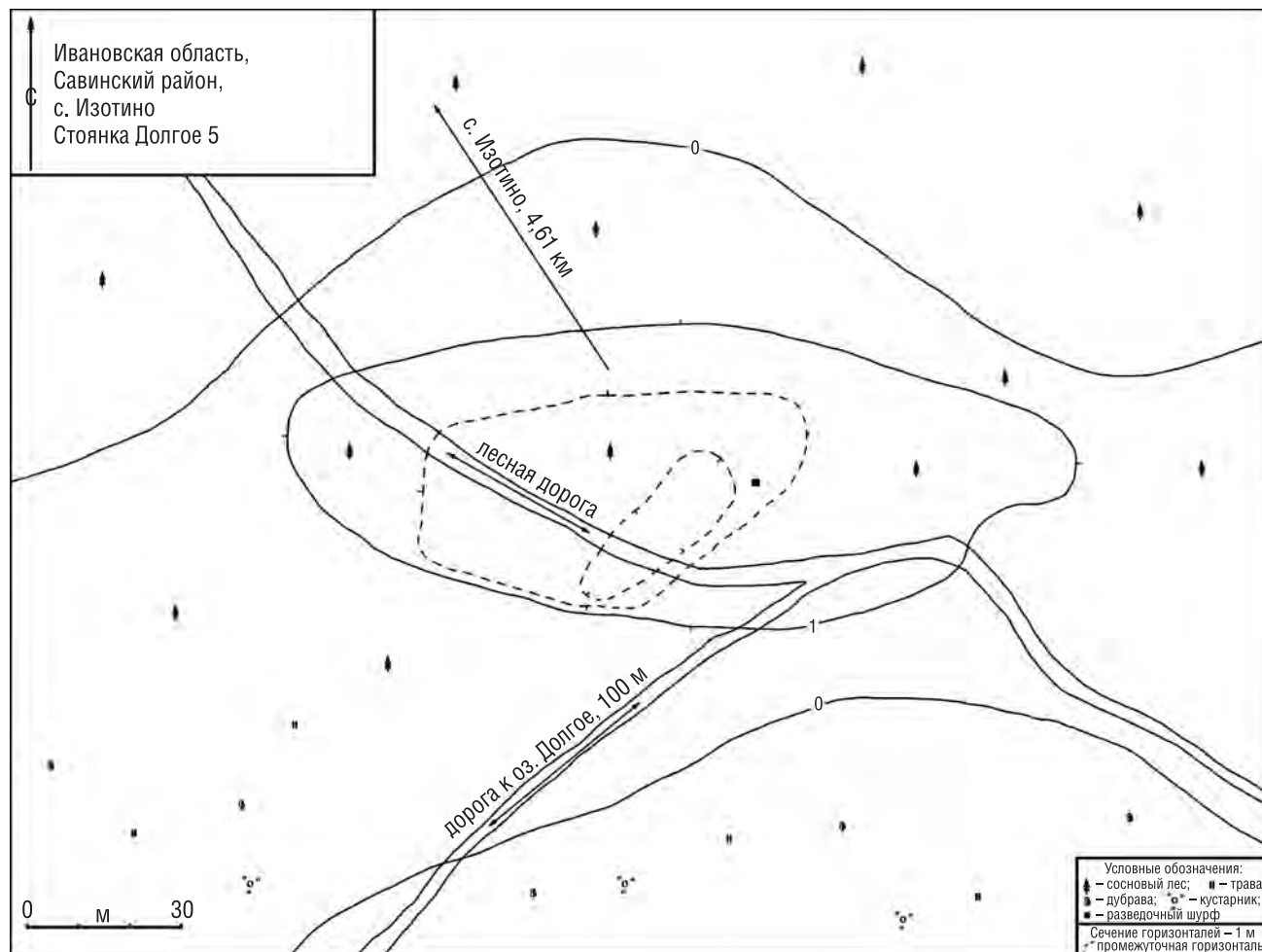

Рис. 11. Топографический план стоянки Долгое 5 (съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2009 г.)

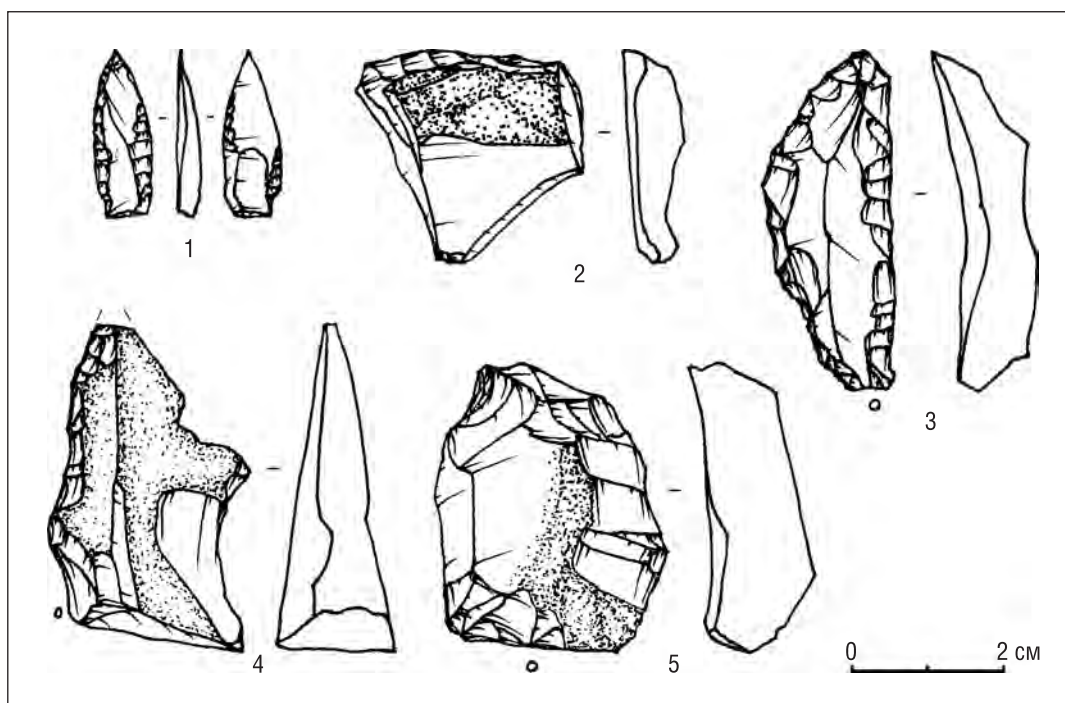

Рис. 12. Стоянка Долгое 5. Каменный инвентарь (рис. А.В. Авериной)

ми рядами ямчатых вдавлений (рис. 13: 34) или оттисков зубчатого штампа (рис. 13: 23). Есть и неорнаментированные обломки посуды.

Венчики у большинства найденных во фрагментах сосудов прямые, у отдельных сосудов – отогнуты наружу (рис. 13: 8, 14), оформление среза – различно. Стенки средней толщины (от 0,6 до 0,9 см) или, в ряде случаев, тонкие (0,2–0,4 см) – в зависимости от размера сосуда.

Судя по всему, в представленных материалах присутствуют артефакты как ранненеолитического времени, так и развитого и позднего неолита.

VI. Снегирево (стоянка Ореховое 5). Выявлена в 2005 г. (собран подъемный материал), дополнительно обследована в 2007 г. – проведена шурфовка. Располагается в Южском районе, в 4,33 км к юго-западу от д. Снегирево, в нижней части пологого склона песчаного холма (вероятно, останца 1-й надпойменной террасы р. Клязьмы) (рис. 2, 14). Высота над современным уровнем озера – 6 м. Приблизительные размеры памятника, судя по распространению подъемного материала и особенностям рельефа местности, – 45×25 м. Для выяснения особенностей памятника в 2007 г. были заложены 2 шурфа размерами 1×1 м. Стратиграфия их оказалась практически идентичной: 1) дерн с поддерновым слоем – до 8 см; 2) темно-серая супесь – до 3 см; 3) светло-серая супесь – до 10 см; 4) желтый рыхлый песок – до 25 см; 5) желтый спрессованный песок – материк. В шурфах найден разновременный археологический материал, не разделявшийся стратиграфически.

В слое 4 и на контакте с материком встречены следующие изделия из кремня: нуклеус (рис. 15: 1), скребок на отщепе (рис. 15: 2), ножевидная пластина (рис. 15: 3), отщеп с ретушью (рис. 15: 4) и обломок нуклеуса (рис. 15: 5), а также 4 отщепы.

Керамика представлена немногочисленными фрагментами обломков сосудов. В большинстве случаев в качестве примесей фиксируются мелкозернистый речной песок и дресва, редко – шамот и бурый железняк.

Все фрагменты сосудов имеют ямчатый орнамент, за исключением одного неорнаментированного обломка (рис. 15: 9). Среди элементов орнамента встречены подтреугольная ямка (рис. 15: 7), «ногтевидные» неглубокие вдавления (рис. 15: 8) и ямка неправильной формы (рис. 15: 6). Один из фрагментов стенки сосуда орнаментирован двузубым штампом (рис. 15: 10). По имеющимся фрагментам сосудов орнаментальные мотивы установить невозможно.

Черепки с ямчатым орнаментом относительно тонкие (0,5–0,6 см), плотные, имеют хороший обжиг. Неорнаментированная керамика – тонкостенная, сравнительно рыхлая.

Полученный материал позволяет утверждать, что стоянка заселялась как минимум дважды – в раннем и развитом неолите.

VII. Снегирево (стоянка Ореховое 1). Выявлена в 2005 г. (собран подъемный материал), в 2006 г. на памятнике проведены небольшие раскопки (вскрыто 36 кв. м), вновь обследована в 2007 г. Расположена в Южском районе, в 5 км к юго-западу от д. Снегирево, на коренном (северном) берегу озера. В рельефе местности практически не выделяется (рис. 2, 16). Высота над уровнем водоёма – 2,5–3 м. Памятник многослойный,

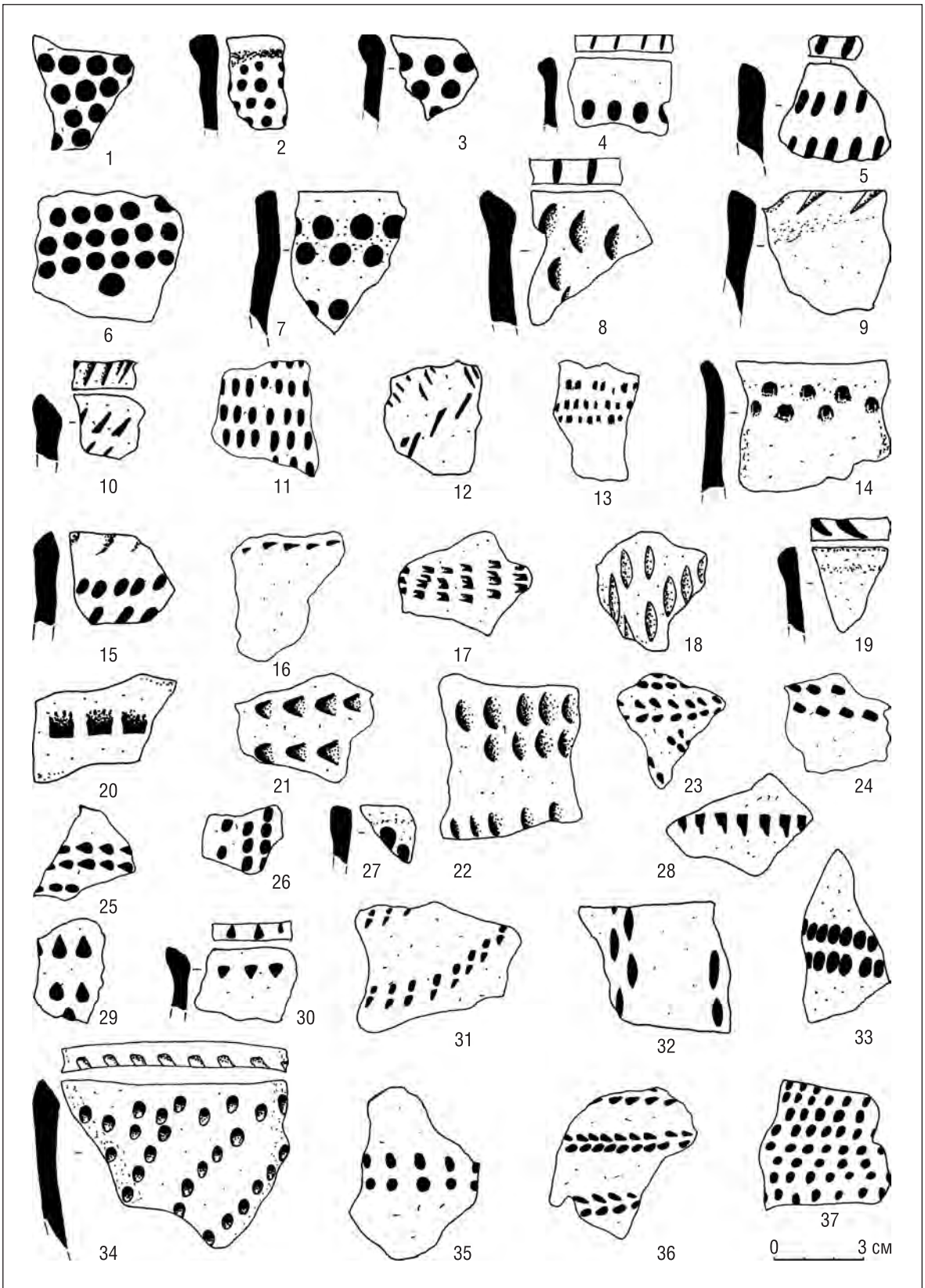

Рис. 13. Стоянка Долгое 5. Фрагменты керамики (рис. Е.С. Шальной)

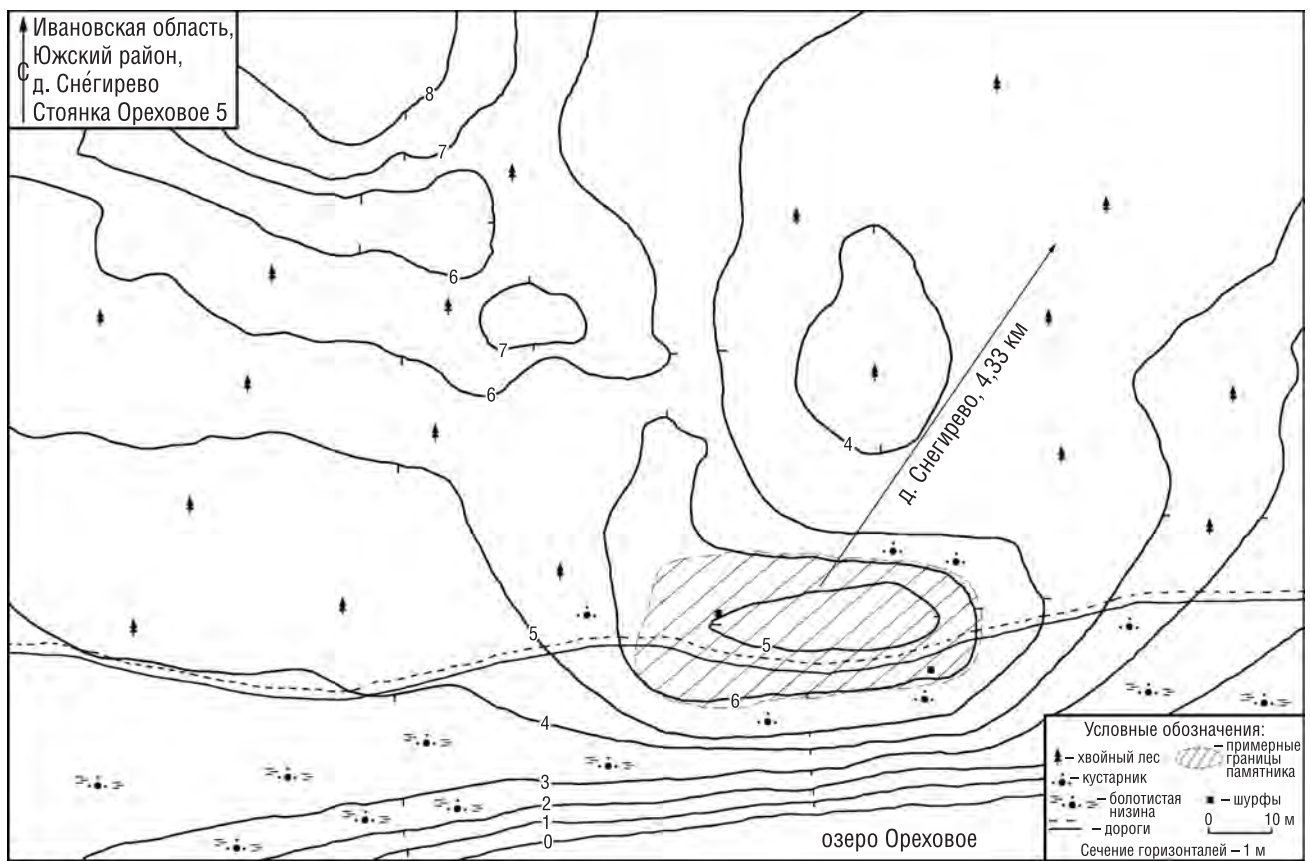

Рис. 14. Топографический план стоянки Ореховое 5
(съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.; дополнения А.В. Авериной 2007 г.)

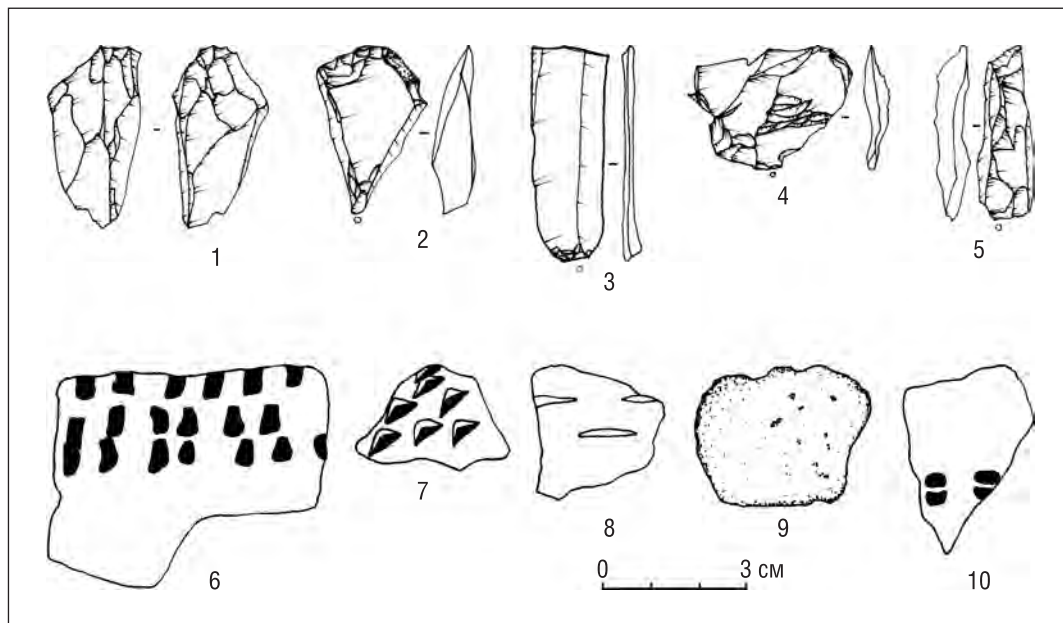

Рис. 15. Стоянка Ореховое 5. Инвентарь: 1–5 – каменный инвентарь; 6–10 – фрагменты керамики
(1–5 – рис. А.В. Авериной; 6–10 – рис. Е.С. Шальной)

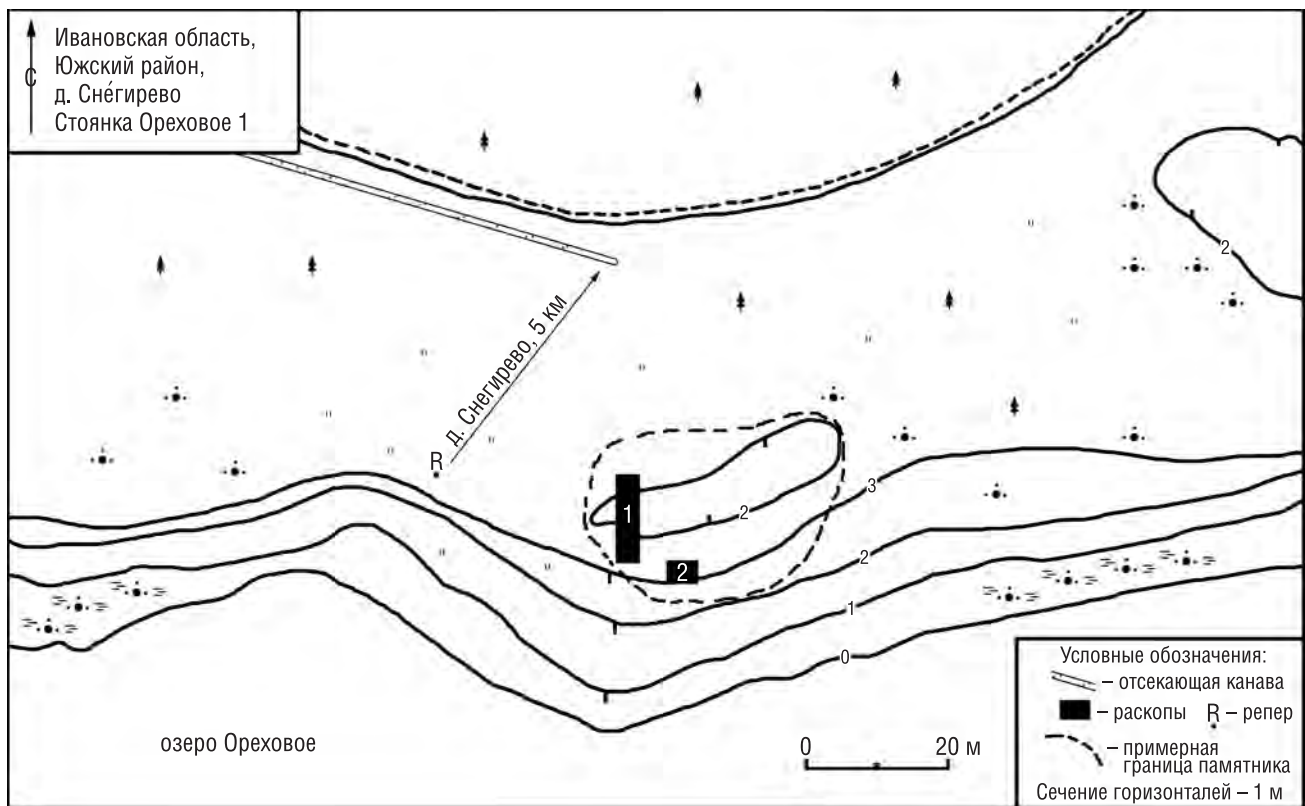

Рис. 16. Топографический план стоянки Ореховое 1
(съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.; дополнения В.А. Аверина 2006 г.)

содержит напластования от раннего неолита до средневековья. Материалы исследований опубликованы [6], поэтому их повторное описание в данной статье представляется нецелесообразным.

VIII. Снегирево (стоянка Ореховое 6). Выявлена в 2005 г. (собран подъёмный материал), раскапывалась в 2007–2009 гг. (вскрыто 116 кв. м). Расположена в Южском районе, в 4,85 км к юго-юго-западу от д. Снегирево. Занимает небольшую песчаную возвышенность, хорошо прослеживающуюся в современном рельефе, и частично территорию у её подножия. Высота над уровнем озера в настоящее время составляет 4,5–5 м (рис. 2, 17). Содержит материалы мезолита и раннего неолита с небольшой примесью изделий развитого неолита (в южной части раскопа 2009 г. найдены два фрагмента керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом) и эпохи бронзы – под слоем дёрна найдены развал сосуда с «сетчатым» орнаментом и два обломка одного двусторонне обработанного кремнёвого наконечника дротика или копья. Материалы исследований также опубликованы [8; 9], поэтому здесь мы не будем останавливаться на их характеристике.

IX. Снегирево (стоянка Ореховое 2). Выявлена в 2005 г. (собран подъёмный материал), дополнительно обследована в 2007 г. – заложены два шурфа размерами 1×1 м. Располагается в Южском районе, в 4,26 км к юго-юго-западу от д. Снегирево, на коренном (северном) берегу озера Ореховое. В рельефе местности практически не выделяется (рис. 2, 18). Высота над уровнем водоёма – 3 м. Приблизительные размеры памятника, судя по распространению подъёмного материала, – 40×20 м. Шурфы дали практически идентичную стратиграфию: 1) дёрн с поддёрновым слоем – до 10 см; 2) серая супесь – до 15 см; 3) серо-коричневая супесь – до 35 см; 4) тёмная (местами до чёрной) супесь (культурный слой) – до 25 см; 5) жёлто-рыжий спрессованный песок с галькой – материк. Находки встречены во всех слоях, наибольшая же их концентрация наблюдалась в слое 4.

Каменный инвентарь (не считая отщепов) представлен несколькими предметами. Среди них комбинированное орудие на отщепе: резец на обломке скребка (рис. 19: 1), торцевой нуклеус от микропластин (рис. 19: 2), аморфный скребок на отщепе (рис. 19: 3), нуклеус от пластин и отщепов (рис. 19: 4), обломок лезвия тесла со шлифовкой (рис. 19: 5) и рубящее орудие с двусторонней оббивкой и частичной шлифовкой (рис. 19: 6).

Керамический комплекс неоднороден, как по примесям в тесте, так и по орнаментам. Примеси – все минеральные, содержат дресву и мелкозернистый речной песок.⁵ Наиболее представительной является груп-

⁵ За исключением одного черепка с орнаментом из подпрямоугольных ямчатых вдавлений, имеющего в тесте примесь ракушки и органики (рис. 20: 1).

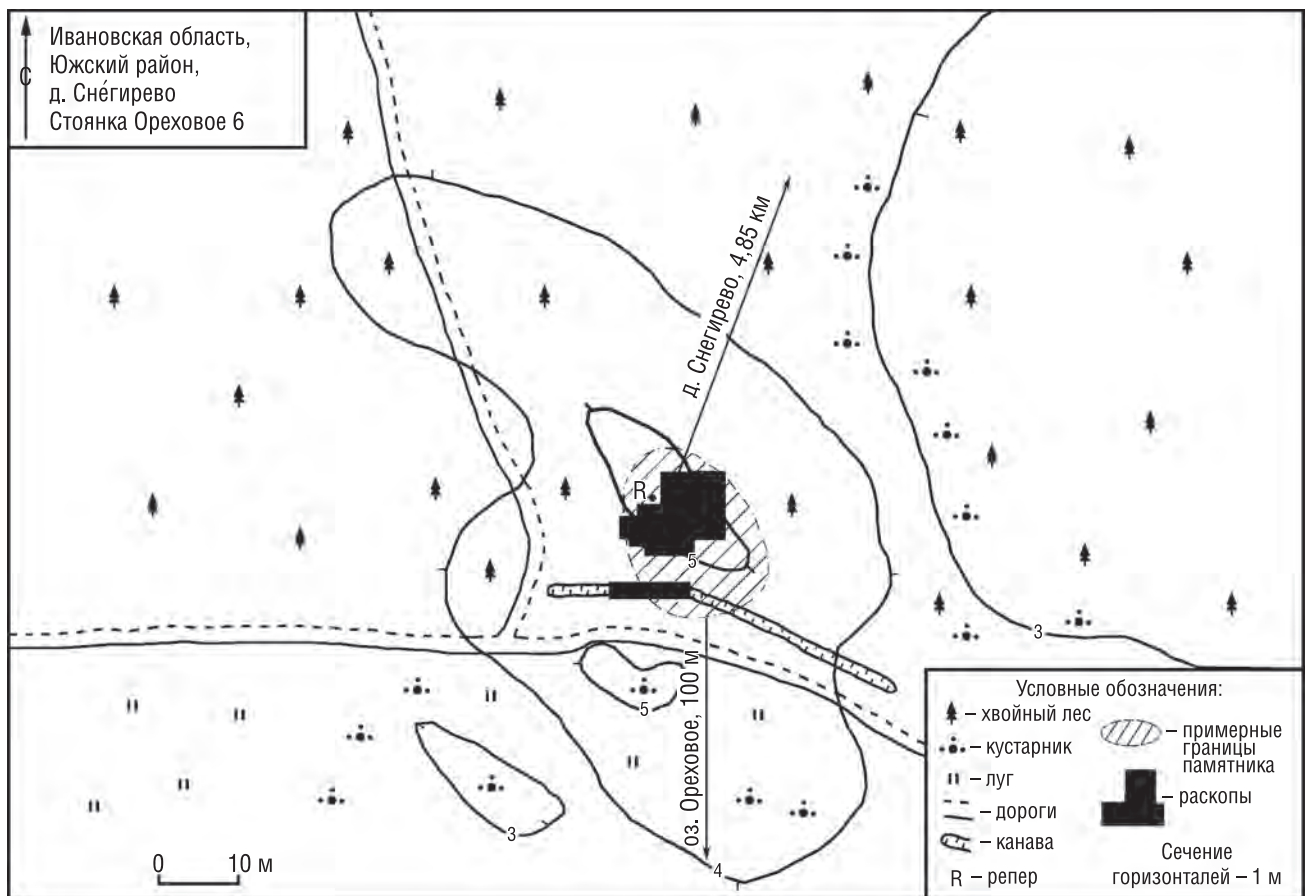

Рис. 17. Топографический план стоянки Ореховое 6
(съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.; дополнения А.В. Авериной 2007–2009 гг.)

па керамики с округлоямочным орнаментом. Среди элементов орнамента встречаются также каплевидная (рис. 20: 17), ромбическая (рис. 20: 3), шестиугольная (рис. 20: 14), подпрямоугольная (рис. 20: 13, 15) и неправильной формы (рис. 20: 18) ямки, а также неглубокие «ногтевидные» вдавления (рис. 20: 2). Ямки наносились штампом, поставленным как перпендикулярно к поверхности сосуда, так и под углом к ней (в технике тычкового накола). В бордюрной и разделительных зонах присутствуют горизонтальные ряды «лунниц» (наклонный отпечаток тыльной стороны белемнита), «ногтевидных» вдавлений, «верёвочки, навитой на палочку», оттисков зубчатого и гладкого штампов, ряды отпечатков наклонно поставленного зубчатого штампа.

Среди орнаментальных композиций преобладают ряды ямочных и ямчатых вдавлений, перемежающиеся разделительными зонами. Встречены также несколько обломков с геометрическим орнаментом: ромбы, выполненные ямчатыми вдавлениями.

Венчики у большинства найденных во фрагментах сосудов слегка отогнуты наружу или прямые. Стенки – средней толщины или, в ряде случаев, тонкие.

Полученный материал, на наш взгляд, свидетельствует, что стоянка была заселена в развитом неолите, а также как минимум посещалась в позднем неолите. Обнаруженный торцевой нуклеус от пластин, типологически не связанный с найденной здесь керамикой, скорее всего, попал сюда случайно с расположенной выше стоянки Ореховое 6. По крайней мере иные признаки наличия здесь мезолитической или раннеолитической стоянки не зафиксированы.

Х. Снегирево (стоянка Ореховое 9). Открыта в 2007 г. Находится в Южном районе, в 4,11 км к юго-западу от д. Снегирево. Расположение стоянки не совсем типично – у подножия небольшой возвышенности коренного (северного) берега оз. Ореховое. В рельефе местности практически не выделяется (рис. 2, 21). Высота над современным уровнем озера – 2–2,5 м. Приблизительные размеры памятника (судя по распространению подъёмного материала, найденного в кротовинах) – 50×25 м. На памятнике были заложены три разведочных шурфа размерами 1×1 м, давших схожую стратиграфию: 1) дёрн с поддёрновым слоем – до 6 см; 2) серая супесь – до 20 см; 3) коричневатая-серая супесь (культурный слой) – до 23 см; 4) светло-се-

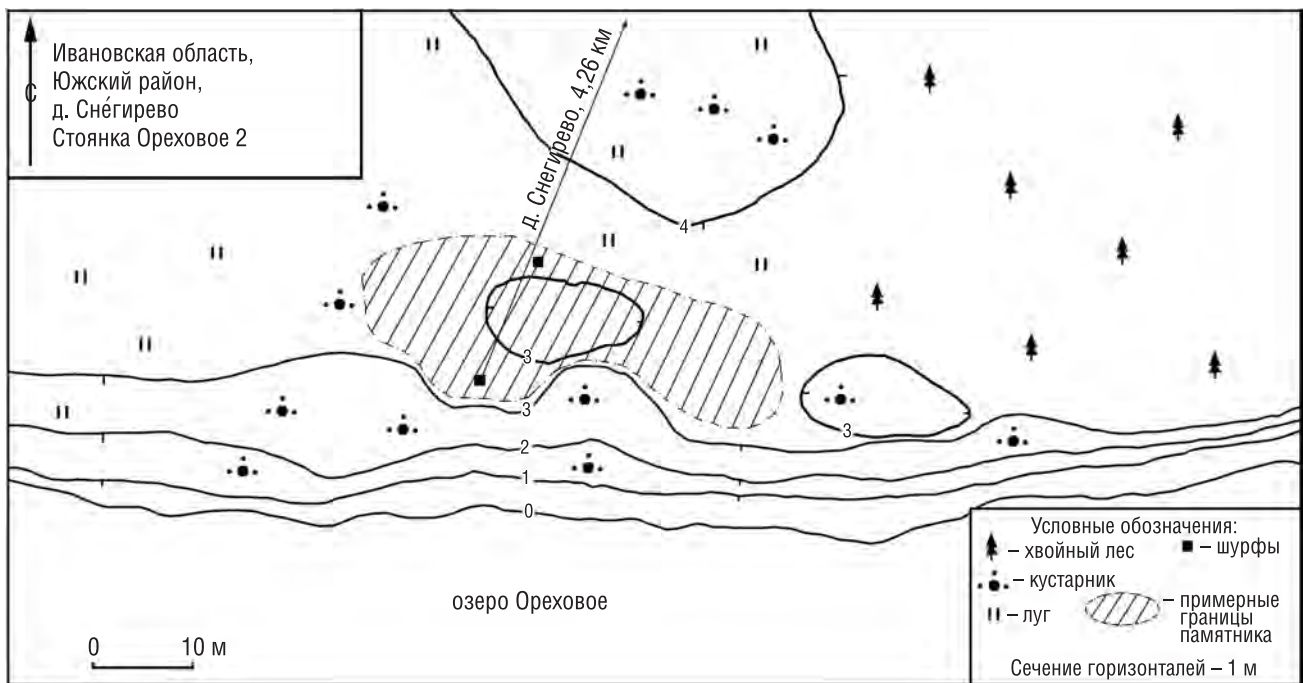

Рис. 18. Топографический план стоянки Ореховое 2
(съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.; дополнения А.В. Авериной 2007 г.)

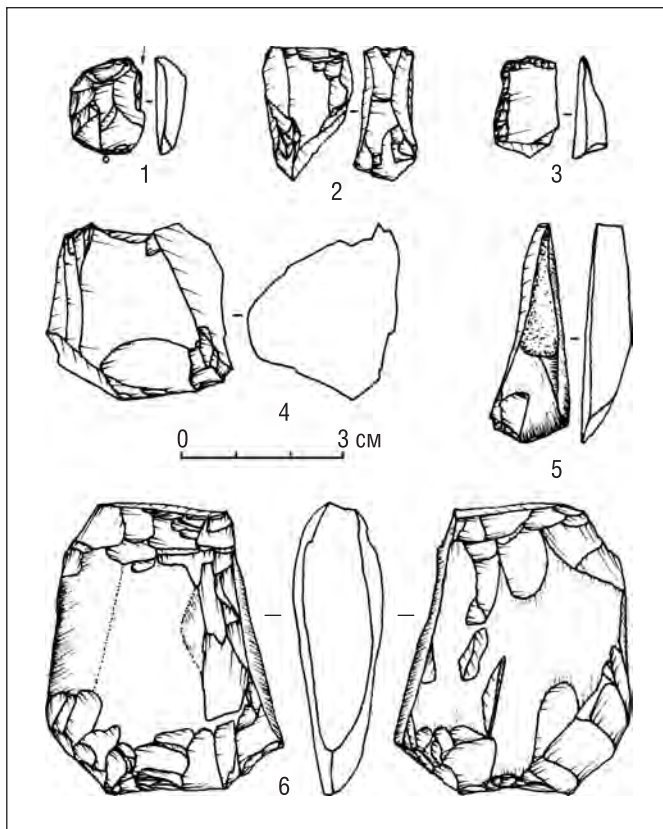

Рис. 19. Стоянка Ореховое 2. Каменный инвентарь
(рис. А.В. Авериной)

рая супесь – до 20 см; 5) серая супесь с примесью белого песка – до 35 см; 6) жёлтый спрессованный песок с ожелезнениями – материк. Большая часть находок связана со слоем 3, хотя отдельные артефакты встречались во всей толще напластований.

Каменный инвентарь (не считая отщепов) немногочислен, представлен следующими артефактами: пластиной неправильной огранки (рис. 22: 1), нуклеидным куском (рис. 22: 2), обломком двусторонне оббитого рубящего орудия (рис. 22: 3), нуклеусом от отщепов (рис. 22: 4), а также заготовкой рубящего орудия с двусторонней оббивкой (рис. 22: 5).

Большую часть находок из шурфов составляет керамика. Черепки происходят от сосудов различных размеров и форм. Часть фрагментов имеет качественный обжиг, в тесте присутствует примесь дресвы и мелкозернистого речного песка. Другие обломки посуды более рыхлые, в качестве примеси отмечены шамот и бурый железняк. Венчики сосудов – преимущественно прямые, с разнообразным оформлением края: скошенный вовнутрь, прямой, утолщённый с наружной стороны и др. (рис. 23: 1–6). Иногда срез венчиков орнаментирован подовальными вдавлениями и наклонными и наклонно соприкасающимися оттисками зубчатого штампа.

Наиболее крупной является группа керамики с ямчатым орнаментом. Среди его элементов встречаются овальная (рис. 23: 7, 13–15), шестиугольная (рис. 23: 1), ромбическая (рис. 23: 6) и каплевидная (рис. 23: 9, 11) ямки. В коллекции также представлены сосуды с округлоямочным орнаментом

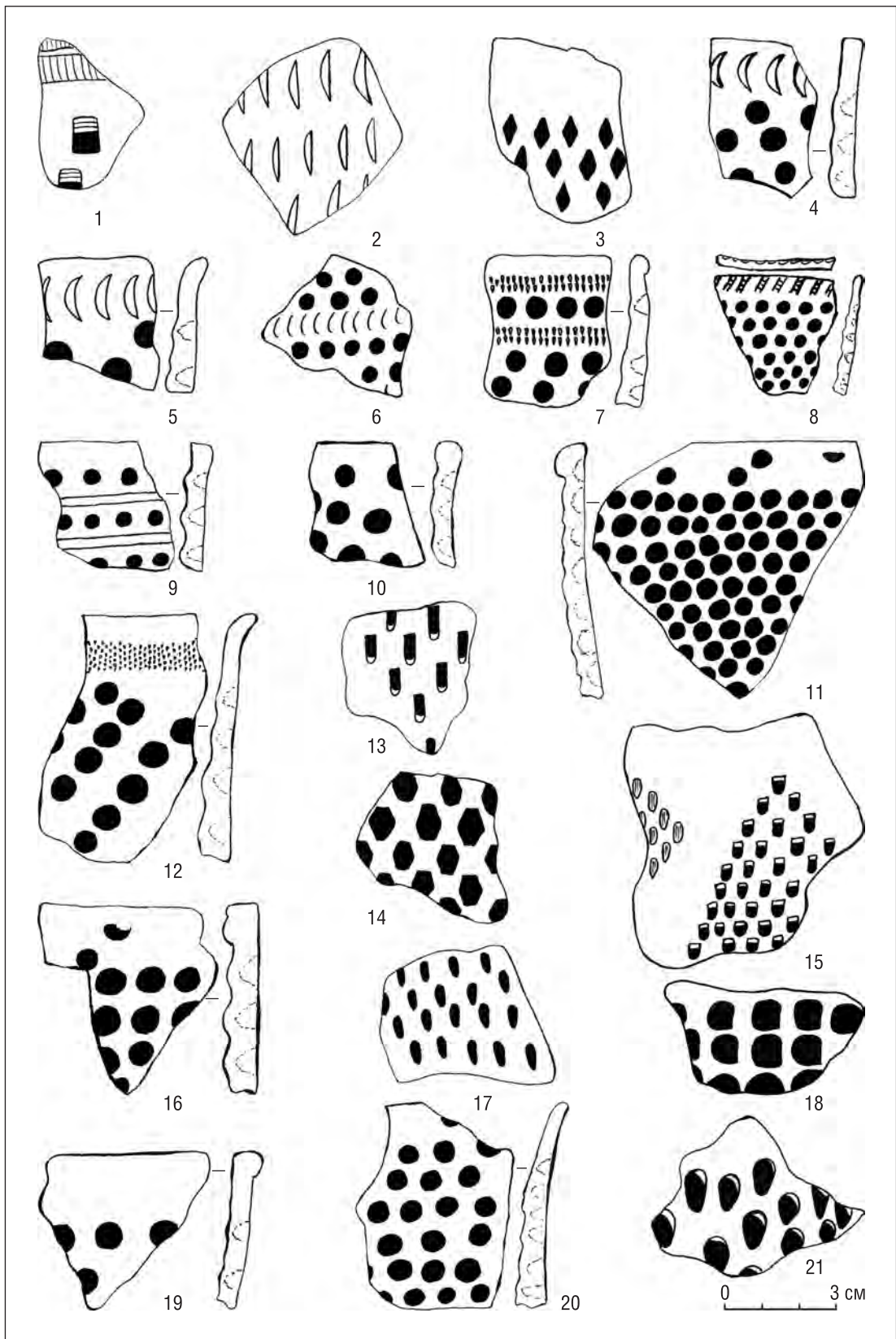

Рис. 20. Стоянка Ореховое 2. Фрагменты керамики (рис. Е.С. Шальной)

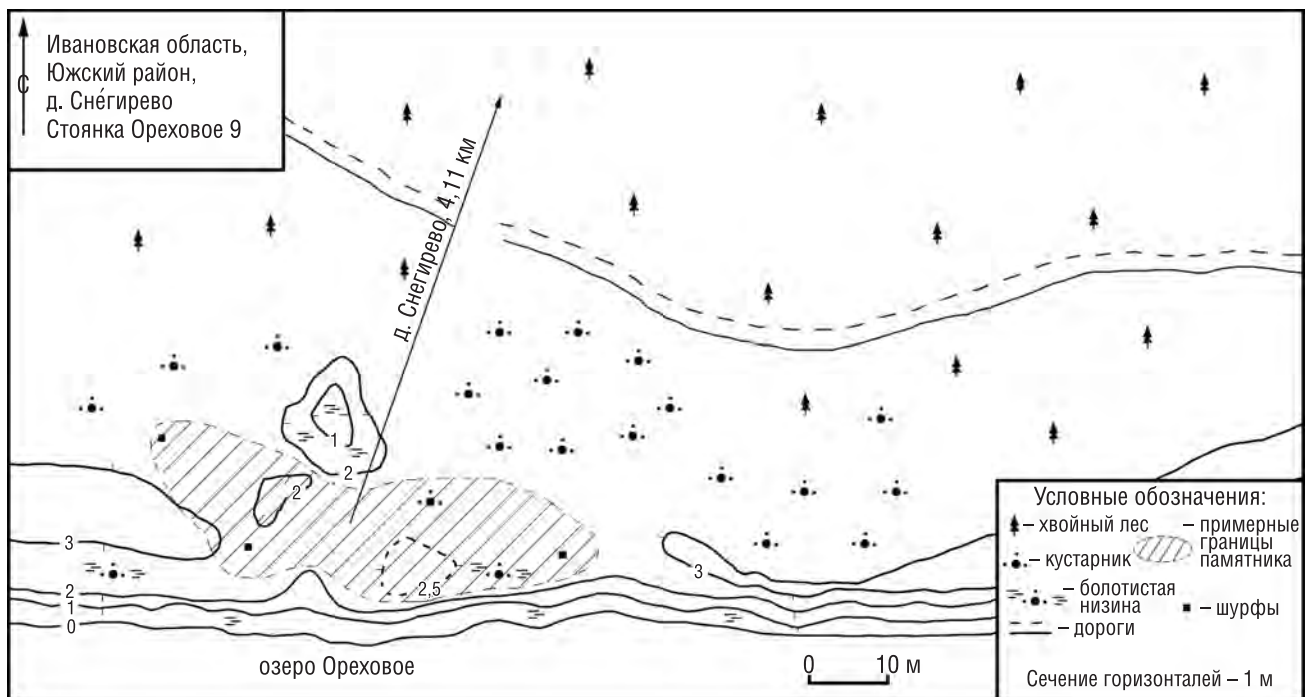

Рис. 21. Топографический план стоянки Ореховое 9 (съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2007 г.)

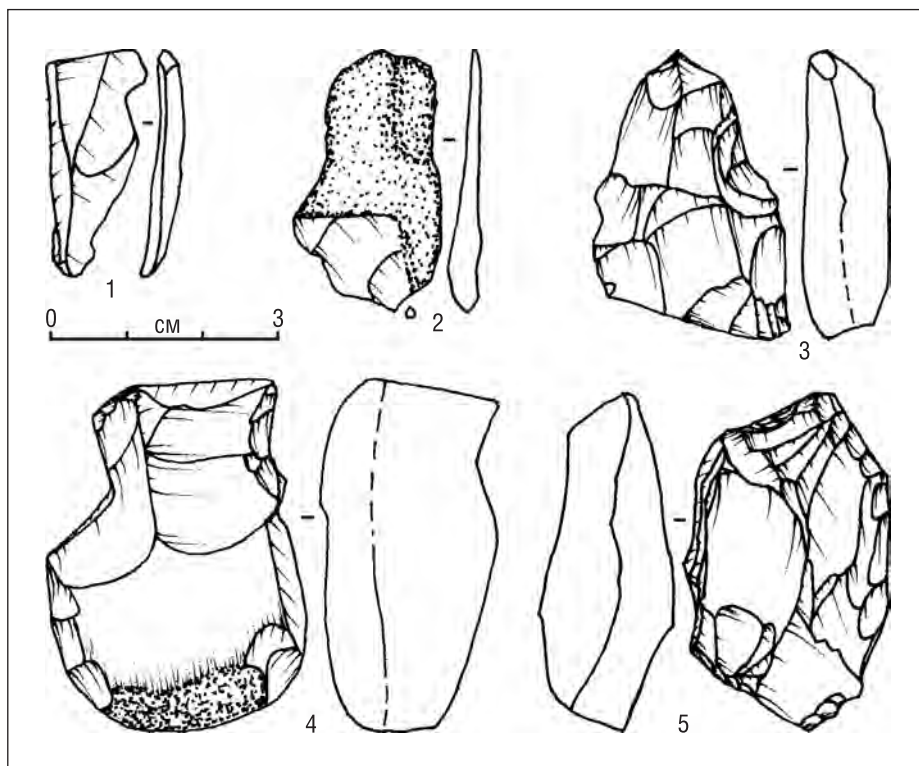

Рис. 22. Стоянка Ореховое 9. Каменный инвентарь (рис. А.В. Авериной)

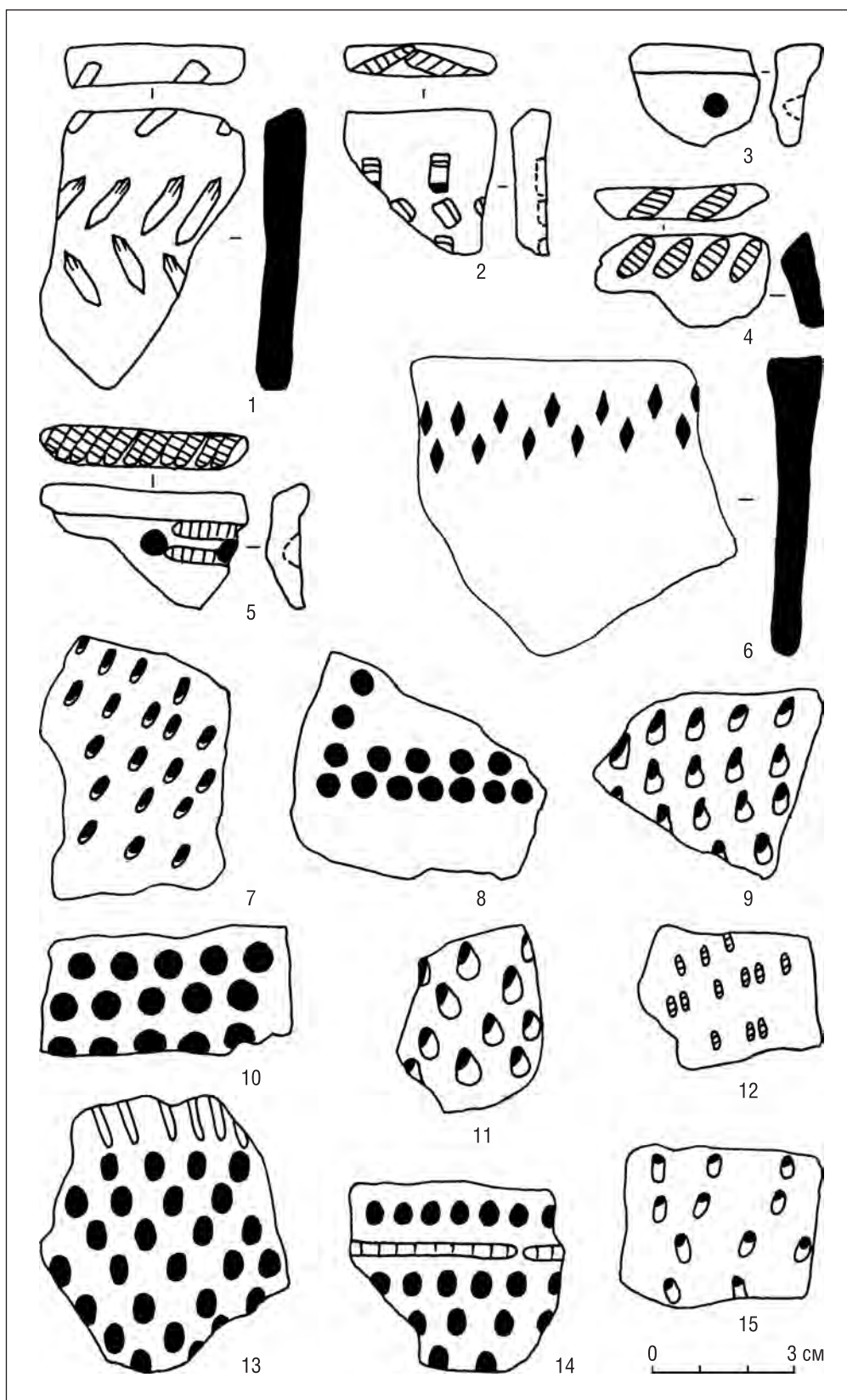

Рис. 23. Стоянка Ореховое 9. Фрагменты керамики (рис. Е.С. Шальной)

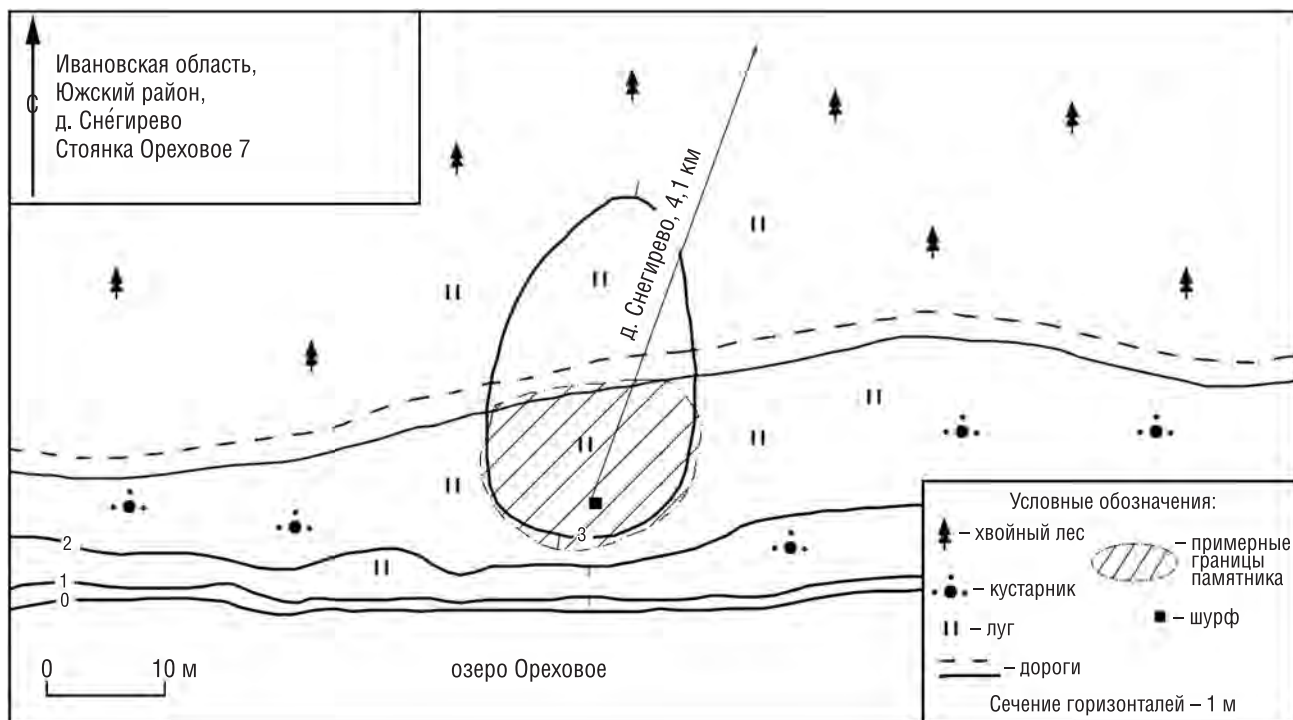

Рис. 24. Топографический план стоянки Ореховое 7
(съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.; дополнения А.В. Авериной 2007 г.)

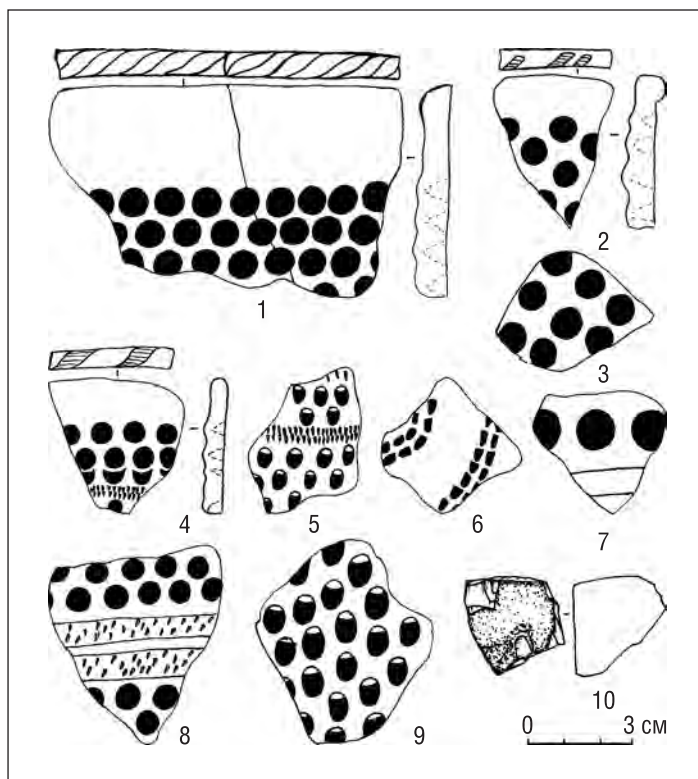

Рис. 25. Стоянка Ореховое 7. Инвентарь:
1-9 – фрагменты керамики; 10 – нуклеидный кусок
(1-9 – рис. Е.С. Шальной; 10 – рис. А.В. Авериной)

(рис. 23: 3, 8, 10), а также орнаментированные оттисками зубчатого и «гусеничного» штампов (рис. 23: 2, 4, 12). Ямки наносили как штампом, перпендикулярно поставленным к поверхности сосуда, так и в технике тычкового накола.

Среди орнаментальных мотивов преобладают ряды, в том числе разреженные, ямочных и ямчатых вдавлений, перемежающиеся разделительными зонами. Встречены несколько обломков с беспорядочно расположенными ямчатыми вдавлениями или оттисками зубчатого штампа.

На наш взгляд, подобный материал характерен для развитого и позднего неолита. Вероятно, именно этим временем следует датировать данную стоянку.

XI. Снегирево (стоянка Ореховое 7). Открыта в 2005 г. (собиран подъемный материал) и дополнительно обследована в 2007 г. Располагается в Южском районе, в 4,10 км к юго-юго-западу от д. Снегирево, на небольшом всхолмлении коренного (северного) берега озера Ореховое (рис. 2, 24). Высота над современным уровнем озера – 3 м. Орнаментовочные размеры памятника (судя по распространению подъемного материала, найденного в кротовинах) – 17×15 м. На памятнике был заложен разведочный шурф размерами 1×1 м, показавший следующую стратиграфию: 1) дерн с поддёрновым слоем – до 8 см; 2) серая супесь – до 30 см; 3) темно-серая супесь (культурный слой) – до 16 см; 4) желто-коричневый песок – до 32 см; 5) светло-серый спрессованный песок с

ожелезнениями – материк. Основная масса находок связана со слоем 3, за исключением мелких отщепов, встречавшихся в слоях 2 и 4. Материал состоит главным образом из керамики. Единственное каменное изделие, кроме упомянутых отщепов, – нуклеидный кусок (рис. 25: 10).

Керамический материал представлен обломками толстостенных и тонкостенных сосудов, имеющих прямые венчики с небольшим утолщением снаружи или внутри. Обжиг – качественный, примеси в тесте – минеральные: дресва и мелкозернистый речной песок.

Крупную группу образует керамика с округлоямочным орнаментом (рис. 25: 1–4, 7, 8). Среди других элементов встречены ямки подовальной (рис. 25: 5, 9) и «полулунной» (рис. 25: 4) форм. В разделительных зонах присутствуют отпечатки «верёвочки, навитой на палочку» (рис. 25: 4, 5, 8), а также прочерченные линии (рис. 25: 7). Срез венчиков украшен наклонными оттисками гладкого (рис. 25: 1) и зубчатого (рис. 25: 2, 4) штампов. Встречен единичный фрагмент, основным элементом орнаментации которого служит оттиск зубчатого штампа, нанесённый в технике прокатки (рис. 25: 6).

Среди орнаментальных композиций можно проследить ряды ямочных и ямчатых вдавлений, перемежающиеся разделительными зонами.

Полученный материал позволяет говорить, что стоянка была заселена в развитом неолите.

ХІІ. Снегірево (стоянка Ореховое 4). Открыта в 2005 г. (собиран подъёмный материал) и дополнительно обследована в 2007 г. Располагается в Южском районе, в 4,15 км к юго-юго-западу от д. Снегірево, на коренном (северном) берегу озера Ореховое, на краю болотистой низины (вероятно, старицы). В рельефе местности практически не выделяется (рис. 2, 26). Высота над современным уровнем озера – 3 м. Ориентировочные размеры памятника (судя по распространению подъёмного материала) – 20×15 м. Для выяснения характера культурного слоя был заложен шурф размерами 1×1 м. Его стратиграфия следующая: 1) дёрн с поддёрновым слоем – до 8 см; 2) серая супесь – до 35 см; 3) тёмно-серая (до чёрной) супесь (культурный слой) – до 25 см; 4) жёлто-рыжий спрессованный песок с ожелезнениями – материк. Большинство находок залегают в литологическом слое 3, и лишь единичные предметы встречены в нижней части литологического слоя 2.

Каменные изделия представлены угловым резцом с кромкой средней ширины на отщепе (рис. 27: 1) и несколькими отщепами кремня.

Единственный определяемый фрагмент керамики (рис. 27: 2) имеет ямочно-гребенчатую орнаментацию. Черепок – плотный, хорошего обжига, в качестве примесей в тесте присутствуют дресва и речной песок. Ещё несколько мелких кусочков керамики имеют неудовлетворительную сохранность, но тесто содержит те же примеси, что и у вышеописанного. Время функционирования стоянки, судя по всему, – развитый неолит.

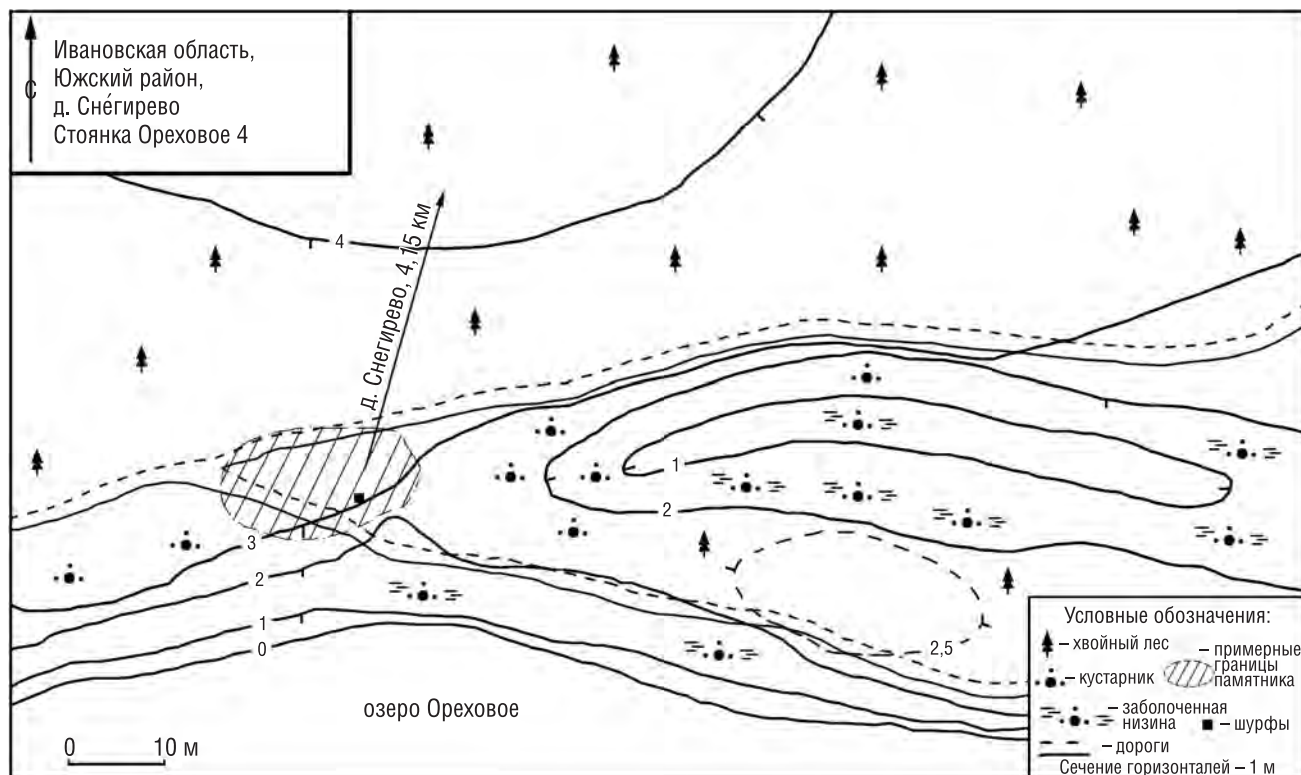

Рис. 26. Топографический план стоянки Ореховое 4
(съёмка А.В. Авериной и К.Г. Берёзина 2005 г.; дополнения А.В. Авериной 2007 г.)

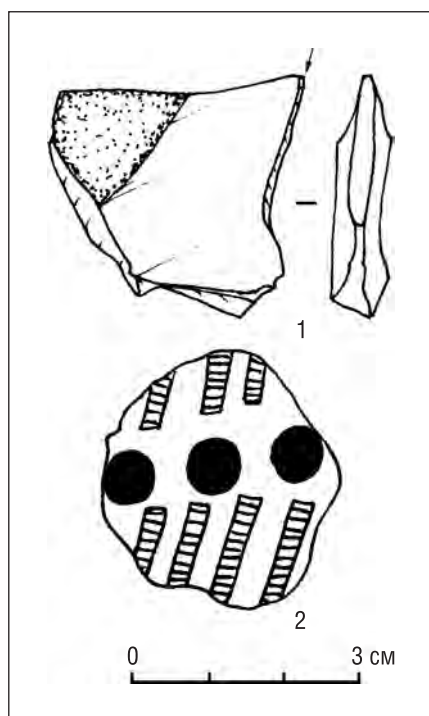

Рис. 27. Стоянка Ореховое 4. Инвентарь: 1 – угловой резец на отщепе кремня; 2 – фрагмент керамики (рис. А.В. Авериной)

Совокупность приведённых выше данных позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Материалы раннего неолита зафиксированы на стоянках Долгое 5, Ореховое 5, 1, 6. На трёх из них – Долгое 5, Ореховое 5 и 6 – встречается наиболее ранняя, неорнаментированная керамика. Обращает на себя внимание их топографическое расположение – они занимают наиболее высокие точки в рельефе, находятся на значительном удалении от современного водоёма. Полагаем, что эти поселения возникли ещё тогда, когда на месте нынешних старичных озёр находилось палеоруло р. Клязьмы и происходило формирование песчаных возвышенностей – дюн. Что касается стоянки Ореховое 1, где в предматериковых отложениях были найдены материалы поздних этапов раннего неолита, то она, судя по всему, возникла на берегу образовавшегося старичного озера, когда река изменила русло. Говорить о культурной принадлежности населения, оставившего вышеназванные стоянки, пока преждевременно. Важно отметить, что полученные нами ранненеолитические материалы находят больше аналогий в коллекциях не с верхневолжских, а с верхне- и среднедонских памятников [10–12], а также со стоянок Среднего Поволжья и Волго-Камья [13; 14].

2. В развитом неолите берега сформировавшихся старичных озёр Долгое и Ореховое были уже достаточно плотно заселены представителями крупной общности носителей ямочно-гребенчатой керамики. На всех открытых нами стоянках присутствуют артефакты этого времени. В культурном отношении данные материалы находят прямые аналоги в коллекциях, полученных из раскопок стоянок льяловской и балахнинской археологических культур [15; 16].

3. В поздненеолитическое время, судя по имеющимся данным, продолжали функционировать стоянки Долгое 2, 3, 5, а также Ореховое 1, 2 и 9. Следует, однако, уточнить, что материалы этого времени уже не столь многочисленны. Аналоги им прослеживаются в коллекциях с многих памятников волосовской общности [17].

Таким образом, стоянки неолитического времени, расположенные в восточной части Федерального Клязьминского заказника, представляют большой интерес для дальнейших исследований и могут помочь в решении целого ряда актуальных вопросов, таких как пути заселения региона в неолитическое время, культурные связи населения, формирование, трансформация и исчезновение археологических культур и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин В.А. Стоянка каменного века Ореховое 1 в Южском районе Ивановской области // Молодая наука в классическом университете. Иваново, 2006.
2. Аверин В.А., Аверина А.В. Кремневая фигурка водоплавающей птицы со стоянки Ореховое 1 // Пожарский юбилейный альманах. Иваново; Южа, 2007.
3. Аверин В.А., Аверина А.В., Березин К.Г. Работы Ивановской археологической экспедиции в 2008 г. // АО–2008. М., 2011.
4. Аверина А.В., Аверин В.А. Результаты археологической разведки на территории Клязьминского заказника // Материалы областной краеведческой конференции. Т. 2. Владимир, 2007.
5. Аверина А.В., Аверин В.А. Каменный инвентарь раннего облика из коллекции стоянки Ореховое 1 (по материалам раскопок 2006 г.) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008.
6. Аверина А.В., Аверин В.А. Ореховое 1 – новый памятник археологии в Ивановской области // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Тверь, 2011.
7. О работах Верхневолжской экспедиции / М.Г. Жилин, В.А. Аверин, А.В. Аверина, Н.А. Цветкова // АО–2005. М., 2007.
8. Аверин В.А., Аверина А.В. Мезолитический комплекс стоянки Ореховое 6 в Южском районе Ивановской области // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
9. Аверин В.А., Аверина А.В. Ранненеолитический комплекс стоянки Ореховое 6 в Южском районе Ивановской области // Материалы по истории и археологии России. Т. 3. Рязань. В печати.
10. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
11. Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк, 2000.
12. Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона: по данным керамических комплексов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2009.
13. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
14. Никитин В.В. Каменный век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 1996. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV)
15. Крайнов Д.А., Гурина Н.Н. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)

16. Крижевская Л.Я. Балахнинская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
17. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР)

*ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция»,
Иваново*

*Департамент культуры и культурного наследия Ивановской области,
Иваново*

V.A. Averin, A.V. Averina

**MONUMENTS OF THE NEOLITHIC OF EASTERN PART OF THE FEDERAL KLYAZ'MINSKY
WILDLIFE RESERVE**

Summary

The presented article considers formerly unpublished materials of Neolithic times received during the prospecting works which were carried out by the authors in 2005 – 2009 on the territory of eastern part of the Federal Klyaz'minsky wildlife reserve in Yuzhsky and Savinsky districts of the Ivanovo region. The provided data directly indicate the existence of a number of Neolithic sites on the aboriginal shores of former lakes located in the old river-bed of the Klyaz'ma River. Certainly, the published data don't give a chance to make profound culturological conclusions. However, in our opinion, they can add to the source base and to become a subject of scientific interest of the researchers who are interested in the history of life of the Neolithic population of the Volga-Oka interfluvium and adjacent territories.

*V.A. Averin
Limited liability company
«Ivanovo Archaeological Expedition»,
18, 10, Sovetskaya St., Ivanovo, 153000,
Russia
E-mail: vad-averin@yandex.ru*

*A.V. Averina
The Department of Culture and Cultural Heritage
of Ivanovo Region,
8, Velizhskaya St., Ivanovo, 153022,
Russia
E-mail: iv-ae@yandex.ru*

Е.Л. Лычагина, Е.Н. Митрошин, Н.С. Батуева

**ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО Ша – НОВЫЙ
НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НА ВОСТОЧНОМ
БЕРЕГУ ЧАШКИНСКОГО ОЗЕРА**

В ходе археологических работ Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета 2013 г. в 10 км к СЗ от г. Березники, на восточном берегу Чашкинского озера был открыт новый памятник – поселение Чашкинское Озеро Ша (рис. 1).¹

Памятник расположен на первой надпойменной террасе левобережья р. Камы (высота от современного уреза воды – около 8 м) и в настоящее время находится в лесном массиве в 50 м от берега озера (рис. 2). В 2013 г. на памятнике был разбит раскоп площадью 128 кв. м.

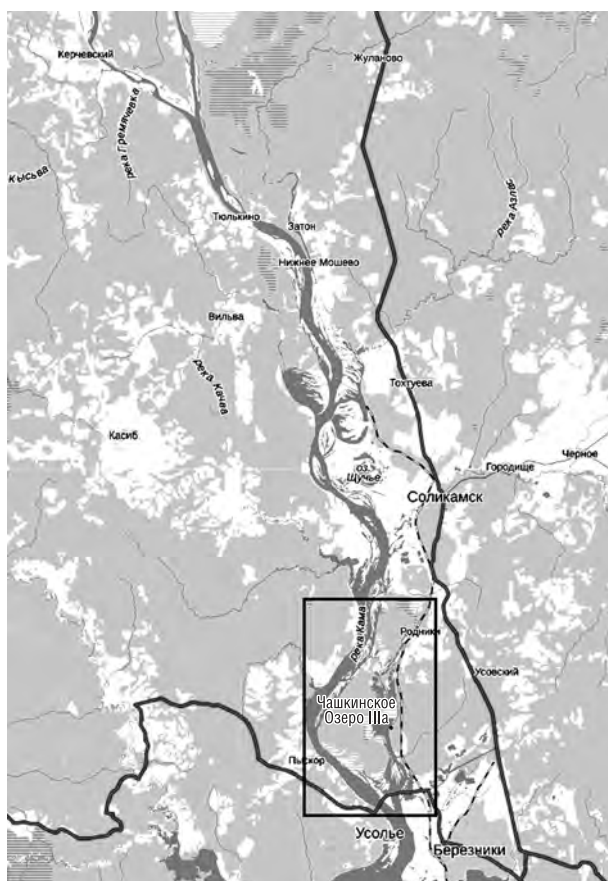

Рис. 1. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Местоположение памятника

¹ Работа проведена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-11-59003а/У.

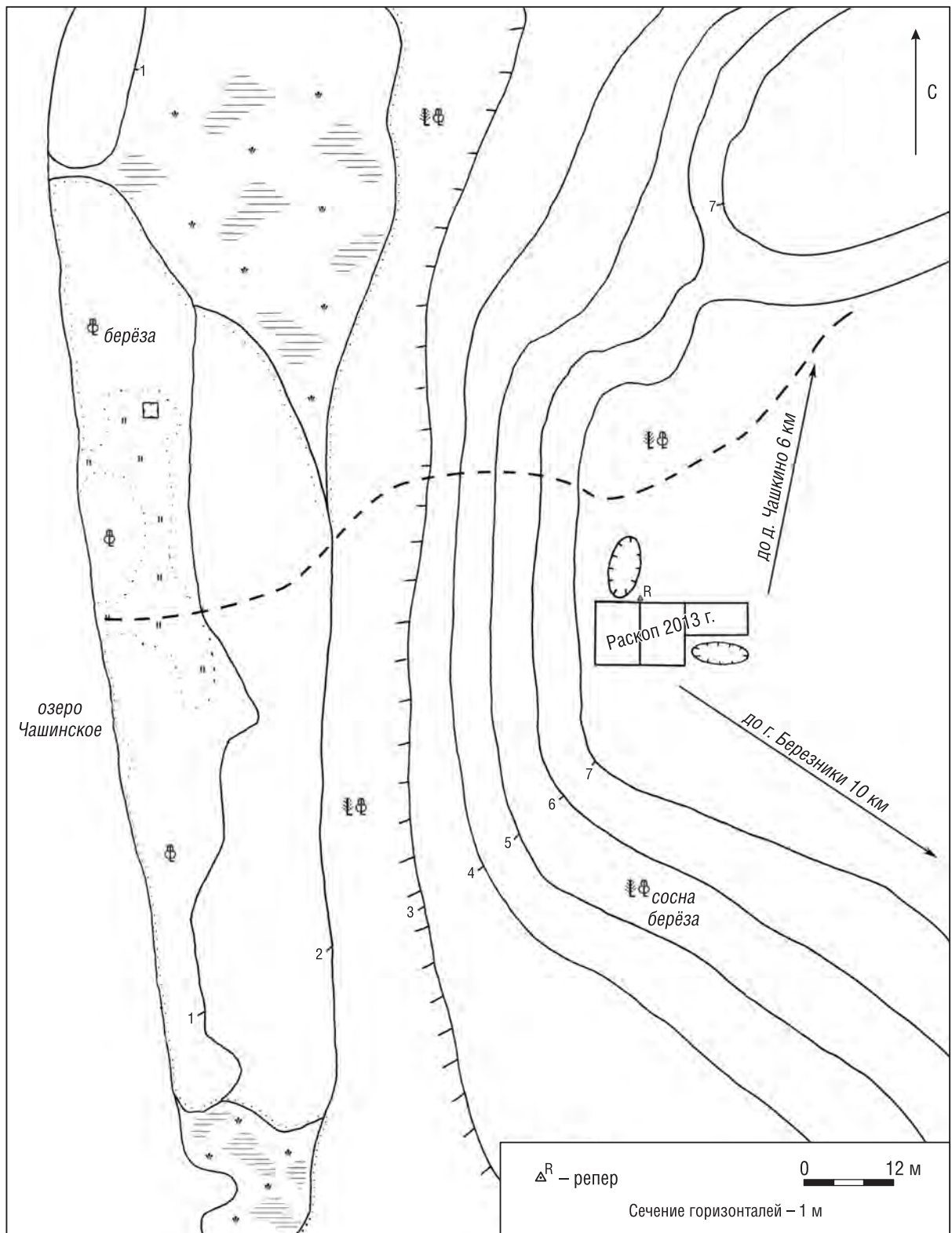

Рис. 2. Поселение Чашкинское Озеро IIIа. Топографический план памятника

К сожалению, в ходе раскопок не были зафиксированы объекты, которые можно было связать с неолитом. Обнаруженные изменения окрашенности слоя, скорее всего, имели естественное происхождение и были связаны с находившимися на площади раскопа и в непосредственной близости от него деревьями (в площадь раскопа попало несколько крупных пней). Можно только отметить, что, судя по концентрации находок и мощности культурного слоя, центр поселения располагался непосредственно у края террасы и не уходил далеко в глубь от берега водоёма.

Характеристика материальной культуры

Коллекция, собранная в результате исследований 2013 г., состоит из 2335 предметов. К ним относятся 1400 фрагментов керамики, 922 изделия из камня, 12 фрагментов кальцинированных костей, 1 фрагмент глиняной обмазки.

Керамический комплекс

Керамический комплекс – самый многочисленный в коллекции. Несмотря на то, что часть сосудов залегала крупными развалами, основная масса керамики представлена мелкими фрагментами, которые с трудом поддаются культурной атрибуции. Тем не менее в ходе работы с коллекцией нам удалось произвести её разделение на отдельные сосуды.

Фрагменты посуды, обнаруженные в ходе раскопок, относятся к 4 различным культурам: камской неолитической, волго-камской неолитической, гаринской энеолитической, и отдельную группу составляет посуда, в формовочной массе которой визуальнo фиксируется значительная примесь талька. Эта керамика по своим характеристикам (примесь, толщина, цвет, орнаментация) близка к посуде полудёнковской неолитической культуры, распространённой на территории Среднего Зауралья [1; 2].

Камская культура

Комплекс, связанный с камской культурой, является самым крупным на данном памятнике – 840 фрагментов, из них 62 – венчиков. На основе анализа орнаментов венчиков и стенок были выделены 48 сосудов.

Технико-технологический анализ керамики показал, что для данного комплекса характерна толстостенность посуды. 45 сосудов (94 % их общего количества) имеют стенки толщиной от 0,8 см и более.

Основной примесью в формовочной массе был шамот в различной концентрации (от 1:2 до 1:6; размер 1–5 мм). Опираясь на анализ фрагментов венчиков, стенок и придонных частей, можно реконструировать сосуды как полуяйцевидные с округлым или чуть приотстрённым дном. Венчики в основном – скошенные внутрь с наплывом. Наплыв составляет примерно 2–5 мм.

Орнаментация представлена рядами оттисков гребенчатого штампа, зигзагом и рядами «шагающей гребёнки». Ряды отпечатков гребенчатого штампа образованы вертикальными, горизонтальными, наклонными и нанесёнными углом штампа оттисками. В качестве орнаментов использовались различные виды штампов – короткие и широкие, состоящие из 4–6 зубцов, узкие (1 мм) и длинные, длинные с косой нарезкой зубцов, шириной 2 мм. Наиболее распространённым был штамп, дающий прямоугольные или квадратные отпечатки (2×2 мм), состоящий из 12–15 зубцов, длиной до 4 см (рис. 3).

К редким видам орнаментации можно отнести «ёлочку», «ромбическую сетку», «паркетный», «заштрихованные треугольники» (рис. 3: 1) и др. Некоторые сосуды имели сверлённые сквозные отверстия.

По своим характеристикам эта керамика может быть отнесена к развитому (хуторскому) этапу камской неолитической культуры [3].

Волго-камская культура

Керамический комплекс состоит из посуды, орнаментированной наколами. Определены 24 сосуда, представленные 150 фрагментами (из них 36 – венчиков).

В накольчатом комплексе выделяются 2 группы керамики.

К первой группе мы отнесли остатки 16 сосудов, представленных 25 фрагментами венчиков, значительным количеством фрагментов стенок и одной маленькой чашечкой. Основными примесями в формовочной массе являются песок (хотя возможно говорить и о запесоченности глин) и мелкие фрагменты шамота. Толщина стенок сосудов варьирует в пределах 0,6–0,8 см. Характерной особенностью посуды данной группы является наличие украшений торца венчика – 8 сосудов. Сами торцы имели либо уплощённую, либо округлую форму. В случае орнаментации остальной поверхности сосуда встречались «отступающая палочка», «ногтевидные» вдавления, наколы раковины. Подобная керамика характерна для раннего этапа волго-камской неолитической культуры [4].

Ко второй группе мы отнесли обломки 8 сосудов, представленных 11 фрагментами венчиков. Основными примесями в глиняном тесте были песок и шамот. У некоторых сосудов просматриваются достаточно крупные частицы шамота. Толщина стенок сосудов колеблется в пределах 0,9–1,2 см. Для этой группы характерны сосуды с расширенным в верхней части уплощённым венчиком. При орнаментации сосудов использовались «ногтевидные» насечки, треугольные и овальные вдавления (рис. 4: 1–3). Ближайшие аналоги керамике второй группы можно найти на поселении Чашкинское Озеро IV [5].

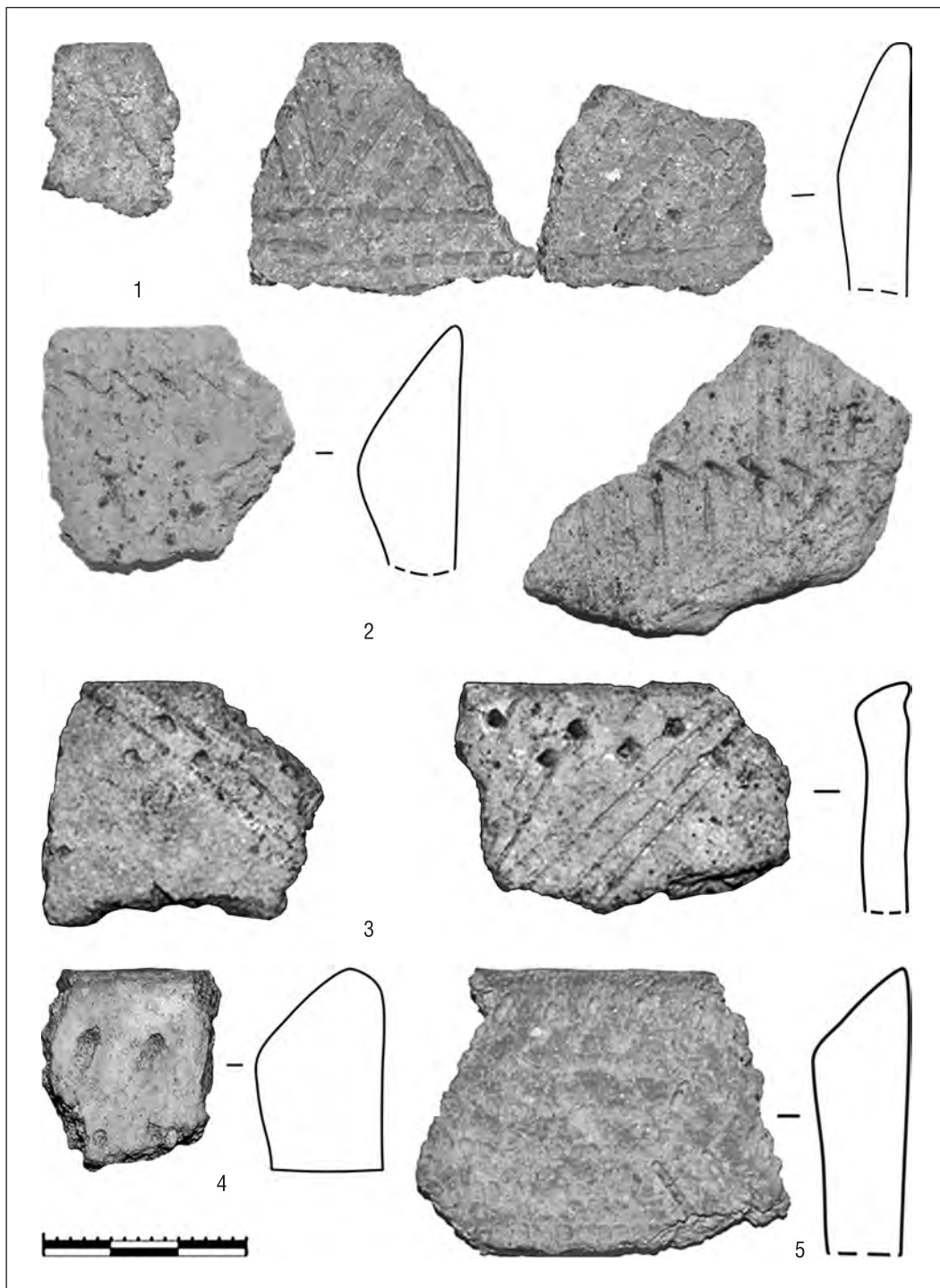

Рис. 3. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Керамика камской культуры

Керамика зауральского происхождения (полудёнковская культура?)

В данный комплекс нами включены 80 фрагментов керамики с примесью талька, относящихся к 8 сосудам. Толщина фрагментов – 0,6–0,8 см. Для него характерны прямостенные и (чаще) закрытые сосуды с округло-приострѐнным дном, напылом на внутренней стороне венчика. Торец венчика – округлый, уплощённый или скошенный внутрь. Для орнаментации сосудов использовались как отпечатки гребенчатого штампа (6 сосудов), так и наколы в технике «отступающая палочка» (2 сосуда). Узоры состояли из наклон-

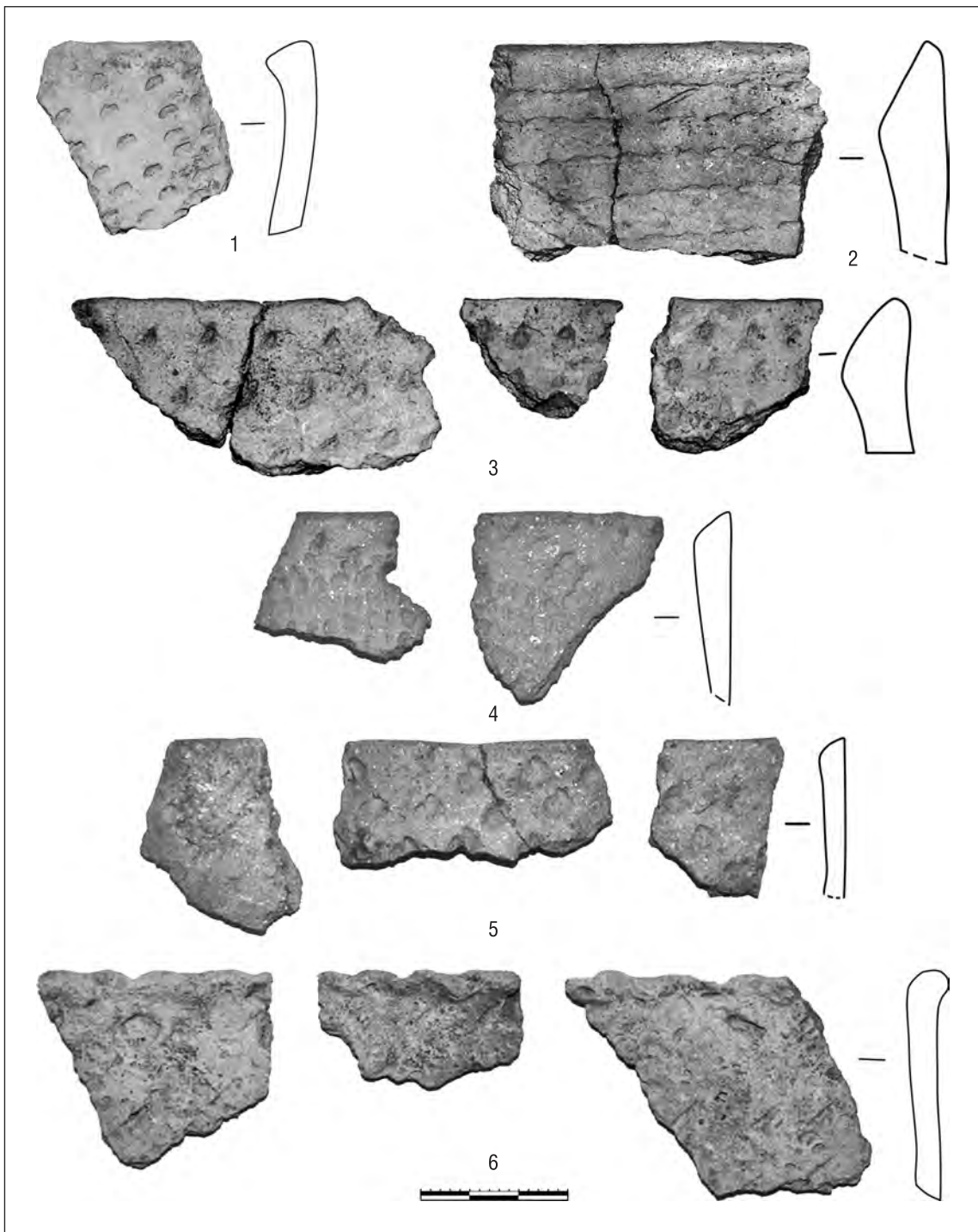

Рис. 4. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Керамика волго-камской культуры (1–3), зауральского происхождения (4–5) и гаринской культуры (6)

ных, горизонтальных и вертикальных рядов оттисков штампа или горизонтальных и наклонных линий «отступающей палочки» (рис. 4: 4–5).

Близкая по описанию керамика широко известна на территории Среднего Зауралья. В частности, она изучена на таких памятниках, как Полудёнка I, Полудёнка II, Стрелка, Козлов Мыс I, Карьер II, Дуванское V [1; 2].

Гаринская культура

Помимо посуды неолитического времени, на памятнике зафиксирован небольшой комплекс керамики, относящейся к энеолиту. В эту группу нами включены 230 фрагментов, принадлежащих 4 сосудам. Характерные особенности керамики данной группы: толщина фрагментов 0,6–1,1 см; использование органики в качестве примеси в формовочной массе; использование твёрдых предметов при обработке внешних и внутренних поверхностей сосудов. Орнамент – разреженный. Основными элементами орнамента являлись оттиски гребенчатого штампа различных размеров. Основными мотивами – ряды наклонных и горизонтальных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 4: 6). Из-за большой фрагментарности не удалось полностью реконструировать ни один сосуд. Но по фрагментам венчиков мы можем предположить, что это были сосуды с открытым или слабо прикрытым горлом. Возможно, некоторые из сосудов имели плоское дно. В целом данный комплекс является типичным для гаринской энеолитической культуры, широко распространённой на территории Прикамья, и может быть отнесён к её позднему этапу [6].

Каменный инвентарь

Всего обнаружено 922 изделия из камня. Большую часть их составляли отходы производства (611 экз.). Из них чешуйки – 195 экз., первичные сколы – 200 экз., отщепы – 216 экз.

К нуклеидным формам мы отнесли 41 предмет. Из них законченных нуклеусов – только 11. Значительную группу составляют преформы нуклеусов – 12 экз. и нуклеидные сколы – 18 экз.

Выделяются такие виды нуклеусов, как подконический – 4 экз., торцовый – 3 экз., призматический – 1 экз., конический – 3 экз. (рис. 5).

Пластин без вторичной обработки в коллекции памятника 13 экз. Из них – 10 целых и 3 дистальных конца. Встречаются в основном пластины средних размеров (шириной 10–15 мм). Сечение пластин имело треугольную (чаще) или трапециевидную форму. Основным материалом для их изготовления служил кремний.

К изделиям с вторичной обработкой отнесены 199 предметов (табл.). Для их изготовления использовались пластины, отщепы, сколы с нуклеусов, плитки, гальки. При этом на пластинах были изготовлены 30 орудий, а на отщепах – 58. Соотношение соответственно – 34 %:66 %, то есть для памятника характерна отщепово-пластинчатая индустрия.

Самой многочисленной категорией орудий являются скребки – 30 экз. (рис. 6). Они обычно изготавливались на отщепах и пластинчатых отщепах. Скребки представлены различными типами: концевые – 10 экз., высокие – 5, прямоугольные – 3, боковые – 2, с ретушью по всему периметру – 2, аморфные – 2 экз. От ещё 3 изделий сохранились лезвийные части.

Следующую группу орудий составляют наконечники стрел и острия – 14 экз. Из них 6 изделий (рис. 7: 1–5) мы отнесли к наконечникам, 8 – к остриям. Для изготовления наконечников использовались как отщепы – 3 экз., так и пластины – 3 экз. Основной формой наконечников является листовидная – 4 экз., треуголь-

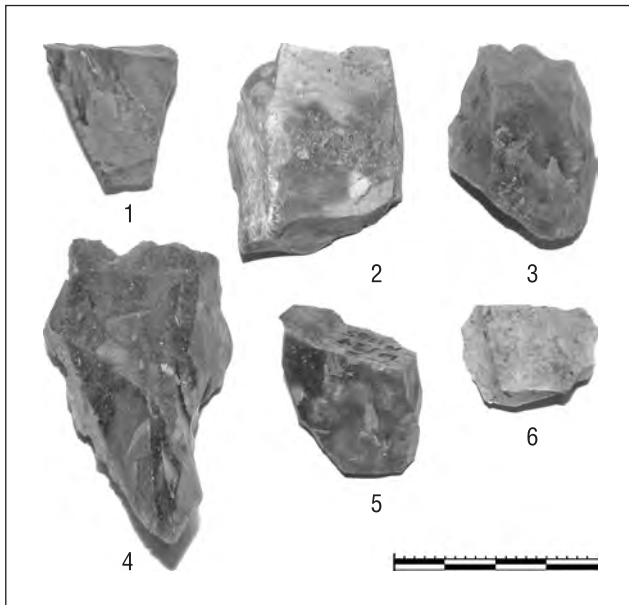

Рис. 5. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Каменный инвентарь. Нуклеусы

Таблица 1. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Номенклатура каменных орудий труда

Наименование орудия	Количество	%
Пластины с ретушью	10	5,5
Ножи	12	6,5
Острия и наконечники	14	8
Скребки	30	17
Отщепы, плитки и сколы с ретушью	11	6
Тёсла, долота	4	2
Комбинированные орудия	8	4,5
Резцы	10	5,5
Резчики	2	1
Заготовки орудий со следами бифасиальной обработки (энеолит)	17	9,5
Обломки орудий	21	12
Отбойники	6	3,5
Точильные камни	15	8,5
Грузила	6	3,5
Орудия для копания земли	10	5,5
Наковальни	2	1
Молот с перехватом	1	0,5
Всего	179	100

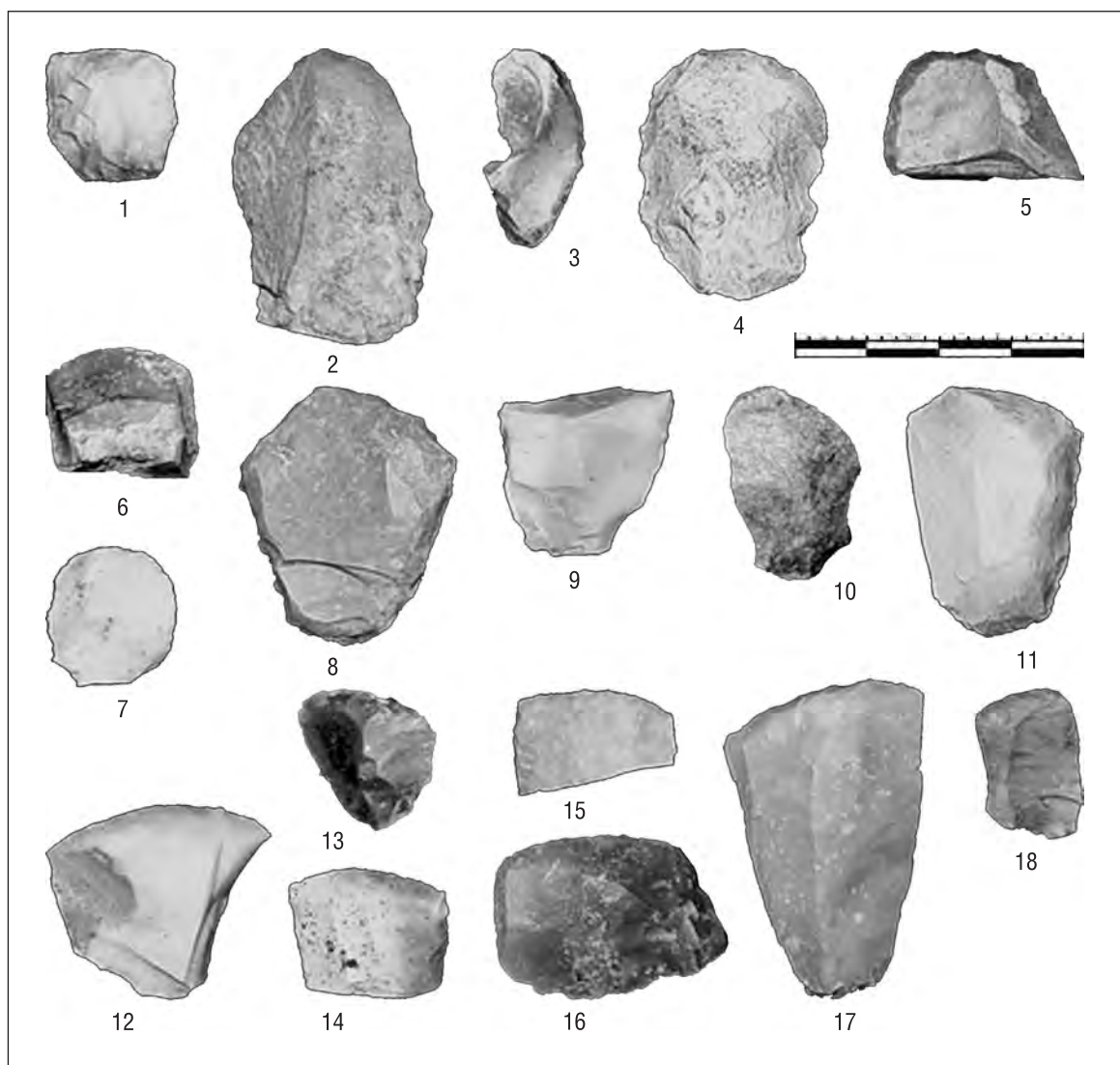

Рис. 6. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Каменный инвентарь. Скребки

ных – 1 экз., и один из наконечников представлен обломком – основанием с выемкой (рис. 7: 1). Ретушь – бифасиальная (5 экз.), дорсальная краевая (1 экз.).

Острия изготавливались на плитках, продольных сколах с нуклеусов, пластинах, отщепах. К этой категории орудий были отнесены свёрла – 3, проколки – 4, развёртка – 1 экз. (рис. 7: 6–10).

Следующую категорию орудий составляют ножи – 12 экз. Большинство из них изготавливались на пластинчатых отщепах – 7 экз. Также использовались пластины – 2 экз., плитки – 2 экз., краевой скол – 1 экз. Чаще всего край орудия оформлялся односторонней приостраивающей ретушью – 9 экз. Дорсальная ретушь преобладала – 8 экз. Лезвие могло иметь как чуть выпуклую (8 экз.), так и прямую (2 экз.) и слегка вогнутую (2 экз.) форму. Размер лезвия колебался в пределах 1–5 см, но чаще всего встречались орудия, рабочая часть лезвия которых не превышала 3,5 см (рис. 7: 11–16).

Очень интересную группу составляют резцы – 12 экз. (рис. 8: 1–6). Встречаются одинарные, двойные и орудия с большим количеством резцовых кромок. Основным видом сырья для изготовления резцов был галечниковый и плитчатый кремнь. Заготовками служили плитки – 5 экз., пластины – 4 экз., отщепы – 3 экз. Интересным является то, что резцы с большим количеством резцовых кромок встречаются на пластинах небольших размеров, не превышающих 2 см в длину. Размеры скола также различны – до 1,8×0,5 см. С этой категорией связаны находки резцовых сколов – 20 экз. Большая часть из них сколота с заготовок из плитчатого кремня.

В ходе работ были обнаружены 10 пластин с ретушью (рис. 9: 8–14). Для их изготовления, так же как и для большинства других орудий, использовался кремнь различных цветовых оттенков. Целых пластин

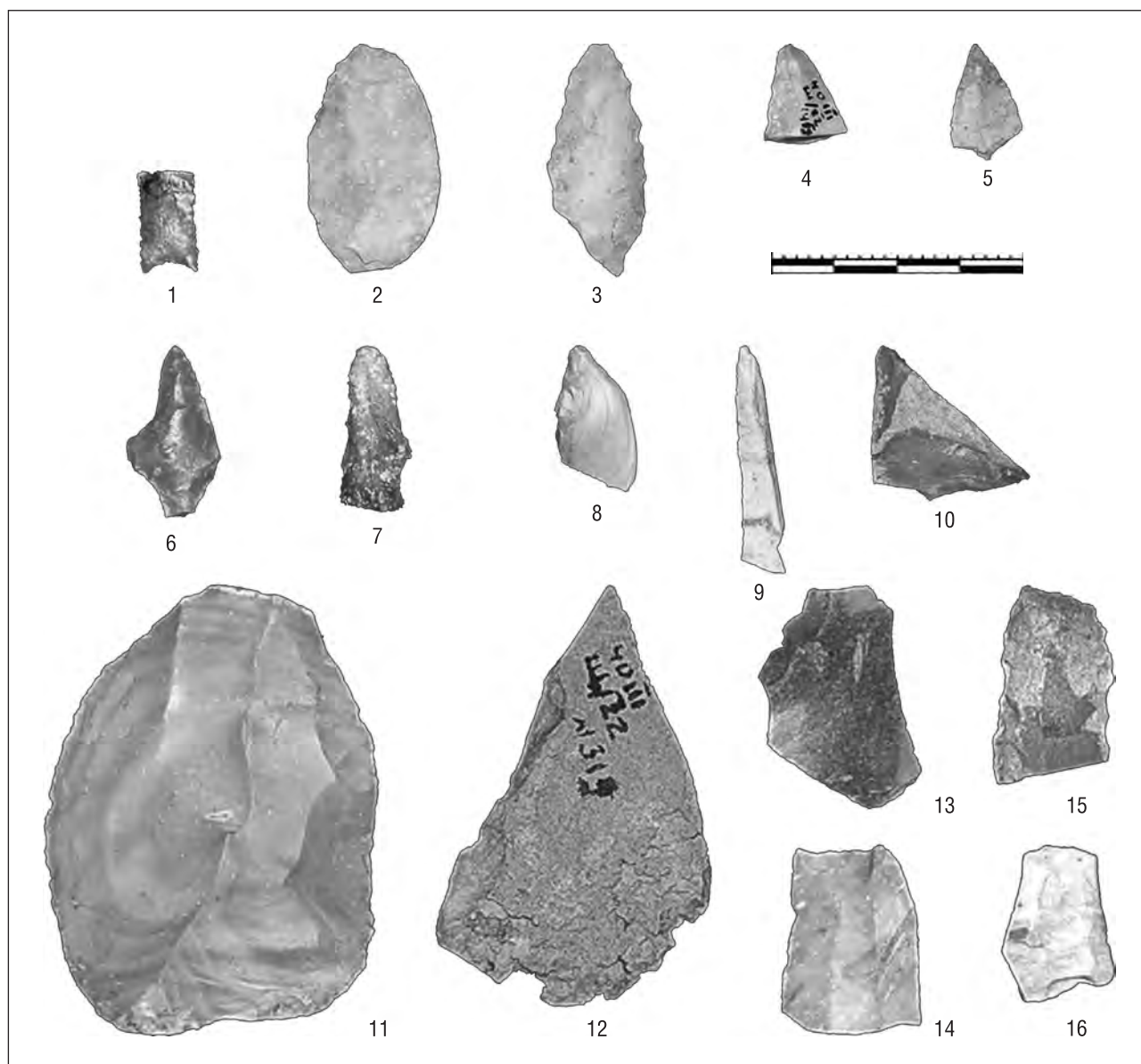

Рис. 7. Поселение Чашкинское Озеро IIIa. Каменный инвентарь. Наконечники (1–5), острия (6–10), ножи (11–16)

найдено 2 экз., медиальных сечений несколько больше – 3, также 3 экз. – дистальных концов и 2 – проксимальных. Таким образом, представлены все части пластин без видимого преобладания какой-либо. Также не выявляется преобладание какой-то определённой формы сечения: трапециевидные – 5 экз., треугольные – 5 экз. Что касается ретуши, то она тоже различна и по виду, и по размерам. Встречается мелкая дорсальная – 5 экз., мелкая вентральная – 3 экз., крутая вентральная ретушь – 1 экз., комбинированная – 1 экз. Размеры пластин в среднем не превышают 2,5×0,8×0,3 см.

Интересную группу составляют комбинированные орудия – 8 экз. Основным видом сырья для их изготовления был кремний. Основной заготовкой – пластина: 6 экз.; на плитке – 1 экз., на отщепе – 1 экз. Ретушь – краевая – 7 экз., бифасиальная – 1. Что касается функций, то они также различны: остриё-скребок – 3 экз., скребок-нож – 2, остриё-проколка – 1, остриё-скобель – 1 и нож-резец – 1 экз. (рис. 9: 1–7). Средние размеры орудий колеблются в пределах 6,1×1,8×0,5 см.

Отдельную группу составляют долотовидные орудия – 4 экз. (рис. 8: 7–9). Они изготавливались на сколах с галек или отщепах. Орудия имели прямое, прямое скошенное или дугообразное лезвие.

Особенностью памятника является наличие большой группы массивных изделий из камня. Всего на стоянке было обнаружено 40 изделий из кварцитопесчаника, сланца и близких к ним пород. К ним относят-

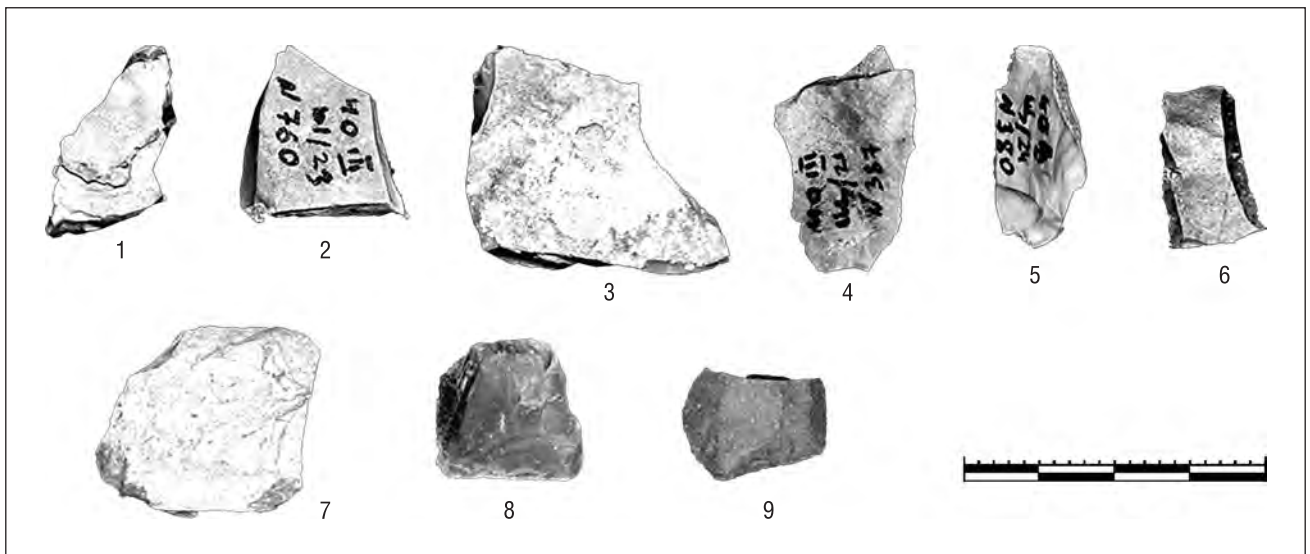

Рис. 8. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Каменный инвентарь: 1–6 – резцы; 7–9 – долотовидные орудия

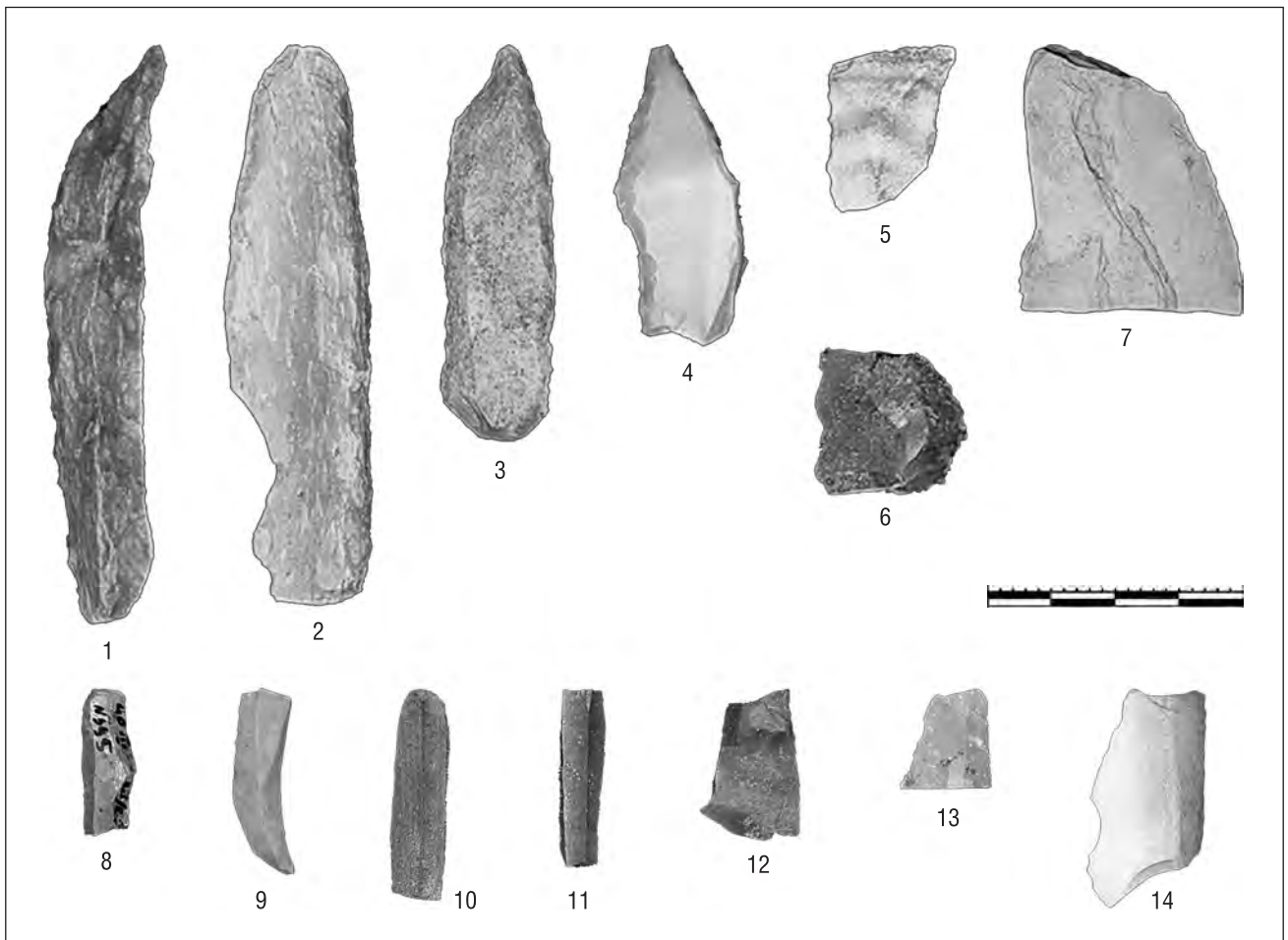

Рис. 9. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Каменный инвентарь. Комбинированные орудия (1–7), пластины с ретушью (8–14)

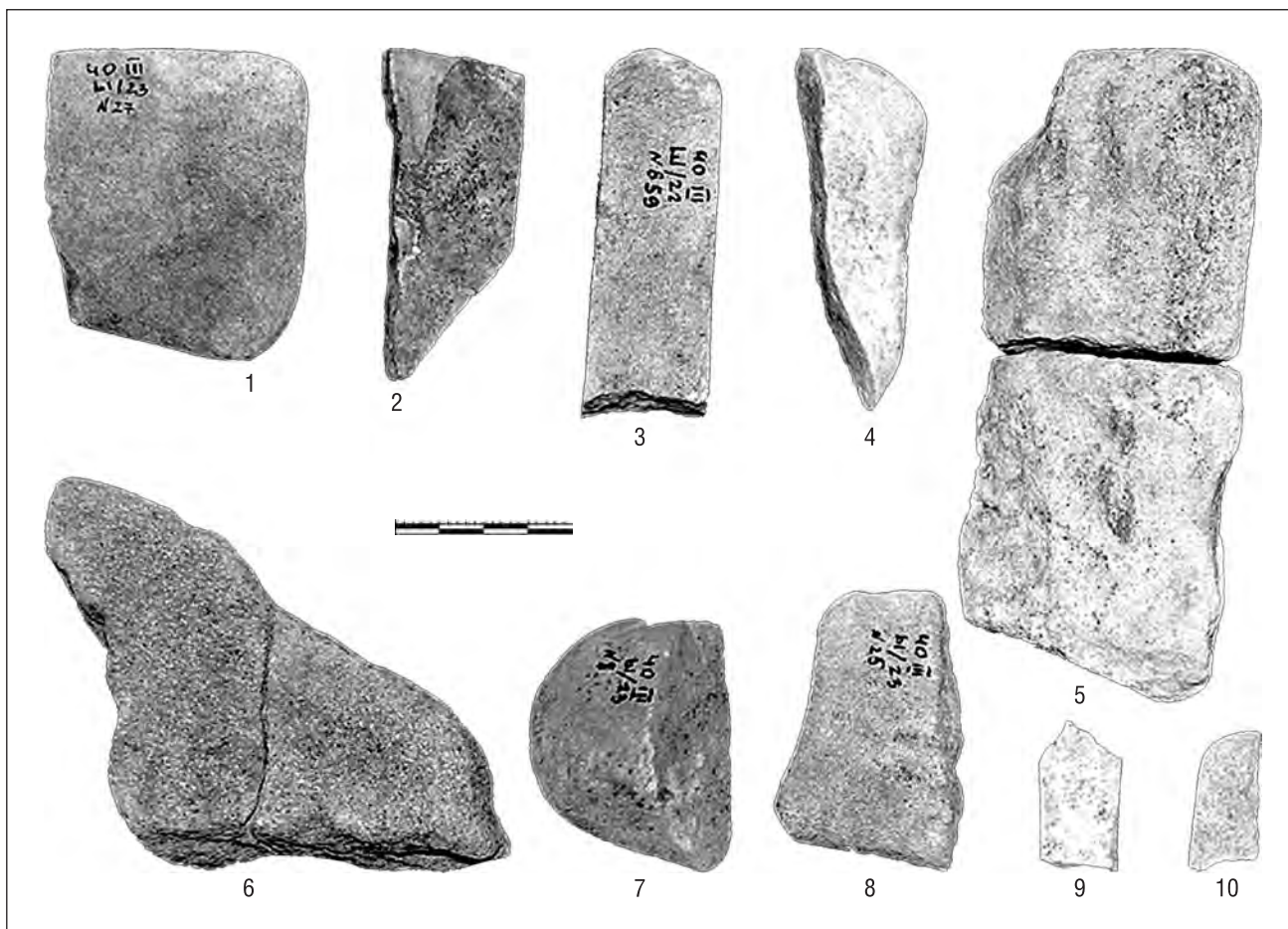

Рис. 10. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Каменный инвентарь. Точильные камни

ся точильные камни – 15 экз., орудия для копания земли (?) – 9, отбойники – 7, грузила – 6, наковальни – 2, молот с перехватом – 1 экз.. Такое большое количество изделий из крупных камней характерно для поселенческих (жилищных) комплексов камской неолитической культуры, что зафиксировано при исследованиях Хуторской стоянки, расположенной в 1 км к югу от стоянки Чашкинское Озеро Ша [7].

Для изготовления точильных камней (оселков) использовались песчаник и кварцитопесчаник коричневого и серо-коричневого цветов. Большинство изделий имело подпрямоугольную форму (рис. 10). Для изготовления грузил брались гальки вытянутой формы, в средней части которых оббивкой делались специальные выемки для удобства крепления к снастям (рис. 11). В качестве отбойников также применялись гальки вытянутой формы, у которых фиксируются характерные забитости на конце. В качестве наковаленок использовались крупные гальки подпрямоугольной формы, одна из сторон которой уплощена и испещрена следами ударов. Применение каменных наковален позволяло значительно эффективнее использовать силу удара отбойника.

Одной из наиболее представительных групп массивных орудий являются орудия для копания земли, найденные как целыми, так и в обломках. Они изготавливались на продольных сколах с галек. Рабочий край, а иногда и весь периметр изделия обрабатывался оббивкой (рис. 12). Подобные орудия могли использоваться при устройстве землянок и других хозяйственных сооружений на песчаном грунте.

Особый интерес представляет находка молота с перехватом, изготовленного на крупной гальке кварцитопесчаника (рис. 13). Подобные молоты характерны для гаринской энеолитической культуры. Возможно, они использовались для дробления руды.

В отдельную группу мы выделили уплощённые гальки из сургучного и розового кремня со следами бифасиальной обработки – 17 экз. Подобное сырьё и способ обработки характерны для гаринской энеолитической культуры. Мы полагаем, что эта группа изделий связана с пористой керамикой, отнесённой нами к позднему этапу гаринской культуры [6].

Подводя итоги характеристике каменного инвентаря поселения, можно отметить, что для изготовления орудий использовался местный галечниковый кремень различных цветовых оттенков и серый плитчатый

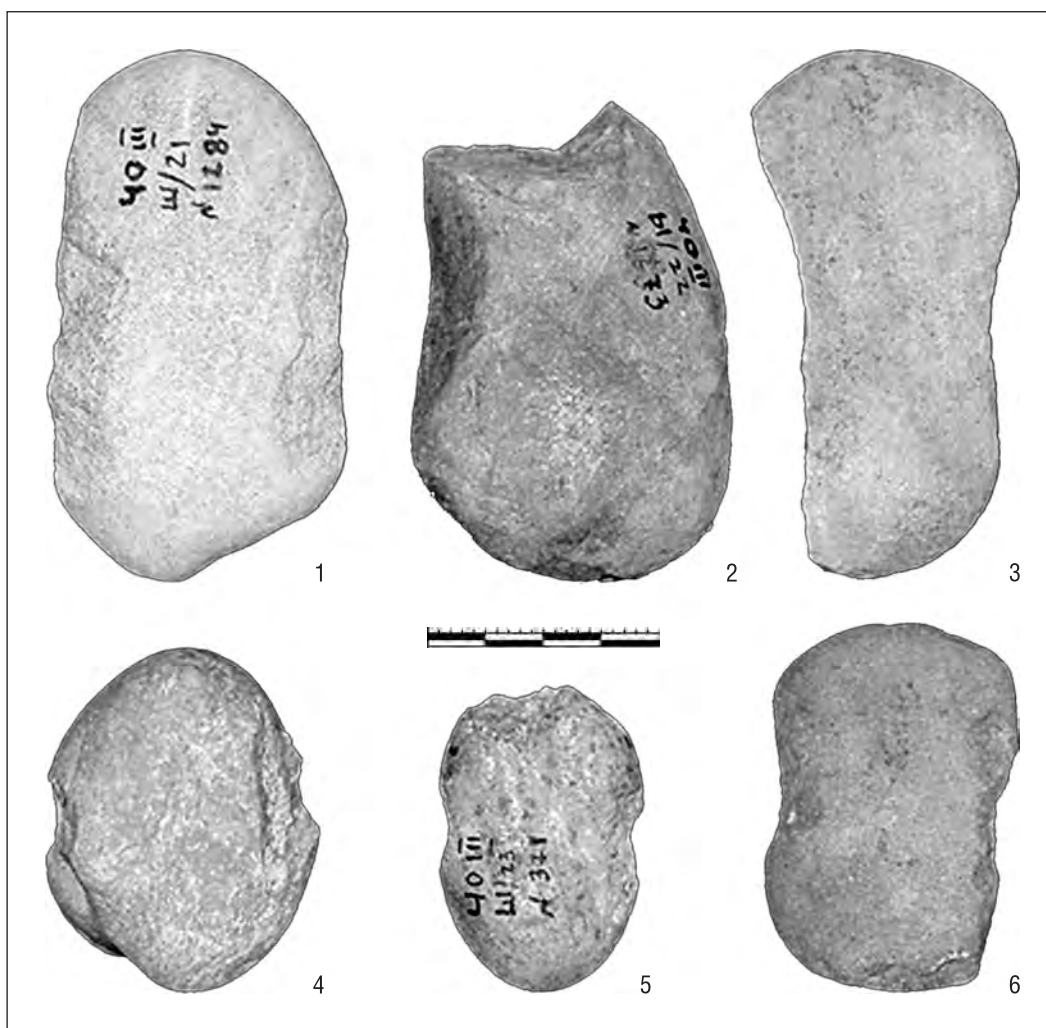

Рис. 11. Поселение Чашкинское Озеро IIIа. Каменный инвентарь. Грузи́ла

кремь. Во вторичной обработке преобладала дорсальная ретушь. Несмотря на обнаружение на памятнике большого количества оселков, ни одного шлифованного орудия найдено не было. Значительное количество отходов производства может свидетельствовать о том, что первичная обработка сырья могла происходить непосредственно на территории памятника. Широкий спектр орудий, выделяемых типологически, позволяет говорить о развитии на поселении Чашкинское Озеро IIIа высокоинтенсивного комплексного присваивающего хозяйства [8].

Несмотря на то, что в ходе исследований не были обнаружены какие-либо долговременные постройки, на основании имеющихся артефактов можно сделать вывод о расположении в данном месте долговременного неолитического поселения. Об этом свидетельствует наличие крупных развалов неолитических сосудов и большого количества массивных орудий из камня. Последнее (особенно орудия для копания земли) характерно для поселенческих памятников. Возможно, имевшиеся на территории памятника неолитические сооружения были разрушены в более позднее время (энеолит и XIX–XX вв. н.э.).

Опираясь на анализ материальной культуры (керамики и каменного инвентаря), мы считаем возможным отнести основной комплекс изделий, обнаруженных на памятнике, к развитому (хуторскому) этапу камской неолитической культуры. Помимо него, в изученной части поселения были обнаружены артефакты, относящиеся к волго-камской неолитической культуре и гаринской энеолитической культуре. Стоит также отметить наличие керамики с примесью талька, которая характерна для неолита лесного Зауралья.

Проведение в будущем трасологического анализа каменного инвентаря, технико-технологического анализа керамики и радиоуглеродного датирования памятника позволит расширить наши представления как о данном памятнике в частности, так и о неолите Среднего Предуралья в целом.

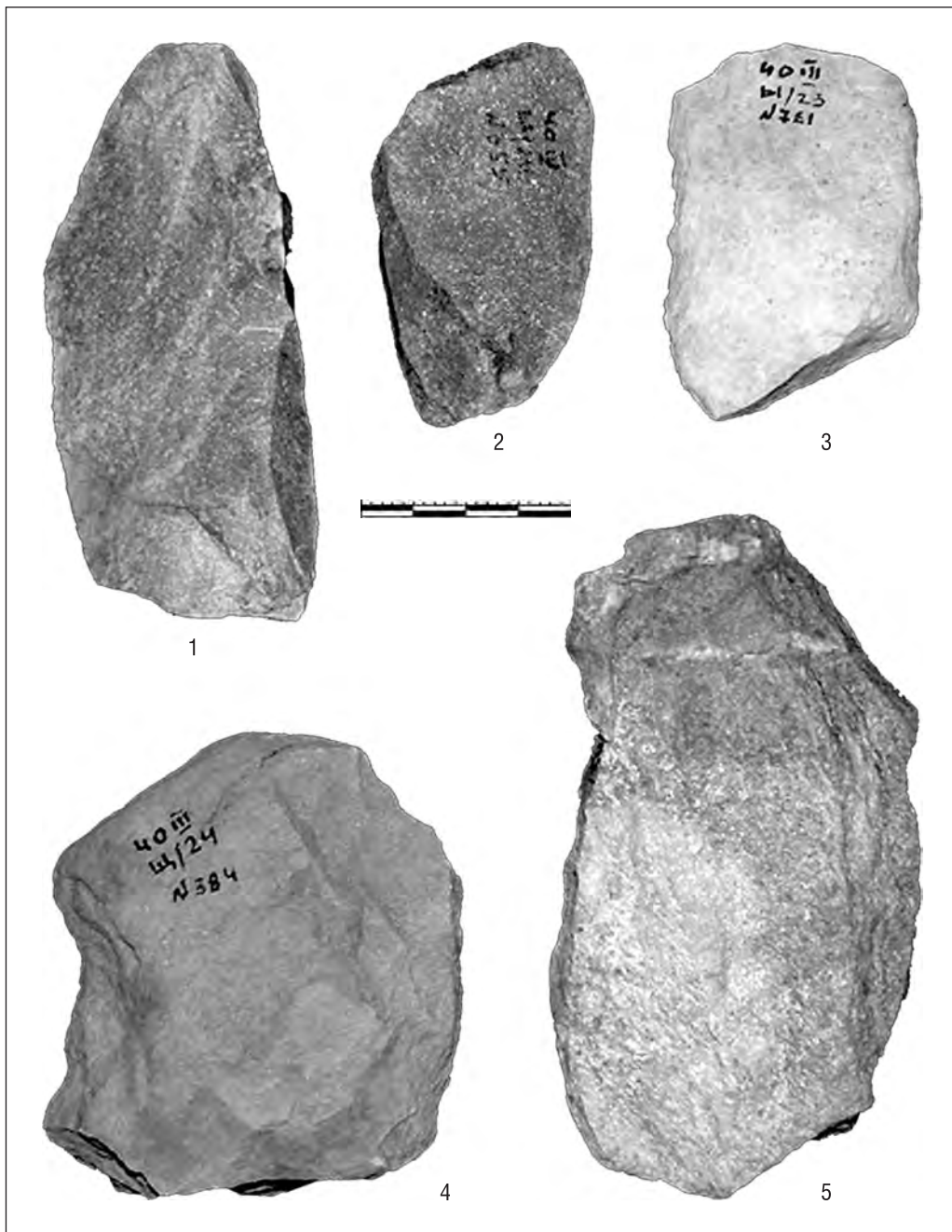

Рис. 12. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Каменный инвентарь. Землекопные орудия

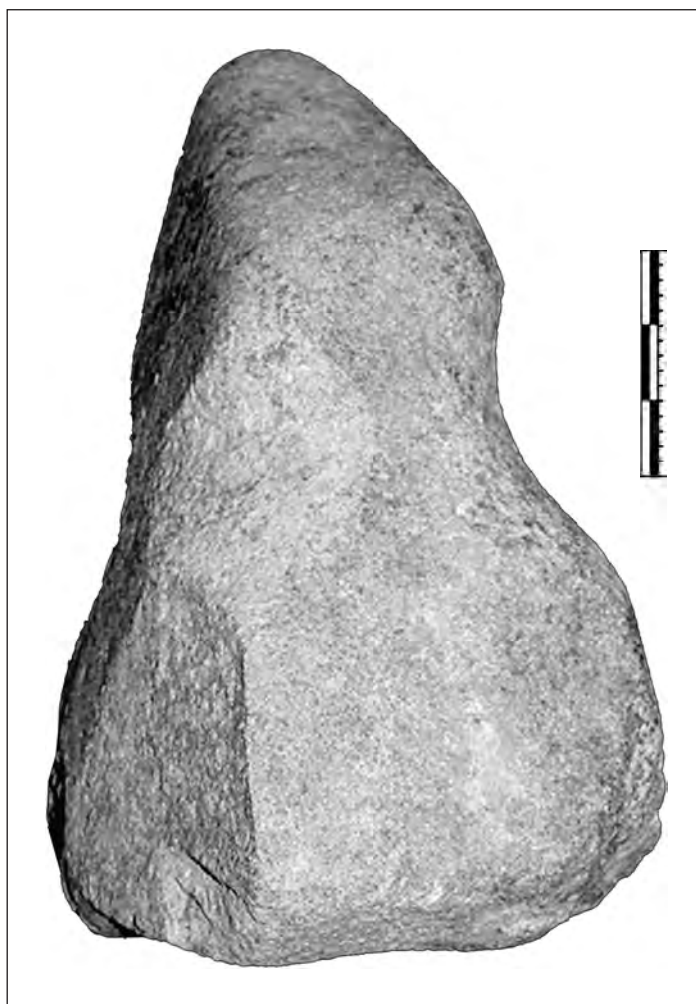

Рис. 13. Поселение Чашкинское Озеро Ша. Каменный инвентарь. Молот с перехватом

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунькова А.А. Керамика из жилища 1 поселения Полуденка I // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург, 2011.
2. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
3. Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970.
4. Лычагина Е.Л. Ранний неолит Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2013. № 4 (56).
5. Лычагина Е.Л. Взаимодействие разнокультурных групп населения в эпоху неолита (на примере памятников Чашкинского озера) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.
6. Лычагина Е.Л. Поздненеолитический комплекс Новоильинского III поселения // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
7. Денисов В.П. Хуторская неолитическая стоянка // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. Пермь, 1960. (Ученые записки Пермского университета. Т. XII. Вып. I).
8. Митрошин Е.Н. Анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро Ша // XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Ульяновск, 2013.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь
Пермский научный центр Уральского отделения РАН,
Пермь
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь*

E.L. Lychagina, E.N. Mitroshin, N.S. Batueva

**THE CHASHKINSKOYE LAKE IIIa – A NEW NEOLITHIC MONUMENT
ON EAST COAST OF THE CHASHKINSKOYE LAKE**

Summary

The article proposes the characteristics of a new archaeological monument of the Stone Age on the eastern coast of the Chashkinskoye lake. A conclusion is made about existence of 4 various complexes of ceramics – Kamskoy, Volgo-Kamskoy, ceramics with talc, close to the ceramics poludyenkovskoy culture of the forest Trans-Urals, garinskoy. The stone inventory is presented by various tools – scrapers, knives, cutters, edges, etc. The main feature of the monument is the existence of a big group of massive tools made of a stone – oilstones, plummets, fabricators, digging tools etc. The authors believe that in this place there was located a long-term settlement. Its basic materials could be related to the advanced Neolithic.

E.L. Lychagina, N.S. Batueva
Perm' State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskya St., Perm', 614990,
Russia
E-mail: LychaginaE@mail.ru
E-mail: nadiabat@yandex.ru

E.N. Mitroshin
Perm' Scientific Centre of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
13a, Lenina St., Perm', 614990,
Russia
E-mail: Mitroshindjon@yandex.ru

А.В. Сурков

**СТОЯНКА СТУПИНО – НОВЫЙ
РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК
НА ВЕРХНЕМ ДОНУ**

Карамышевская культура, выделенная на территории Верхнего Дона Р.В. Смольяниновым [1], является наиболее ранней для неолита бассейна р. Воронежа, что удалось установить в ходе стратиграфических наблюдений (наиболее показательны материалы стоянки Ивница [2]) и по результатам радиоуглеродного датирования [3].

В сезоне 2014 г. исследован ещё один памятник с выделяющимися стратиграфически карамышевскими материалами – стоянка Ступино, обнаруженная в 500 м северо-восточнее стоянки Ивница. Расположена она на останце первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж в 800 м западнее современного русла реки, на южной окраине одноимённого села (рис. 1). Размеры останца – около 70×60 м, на его задернованной поверхности фиксируются следы поздних западин. Местность вокруг заболочена и поросла ивняком.

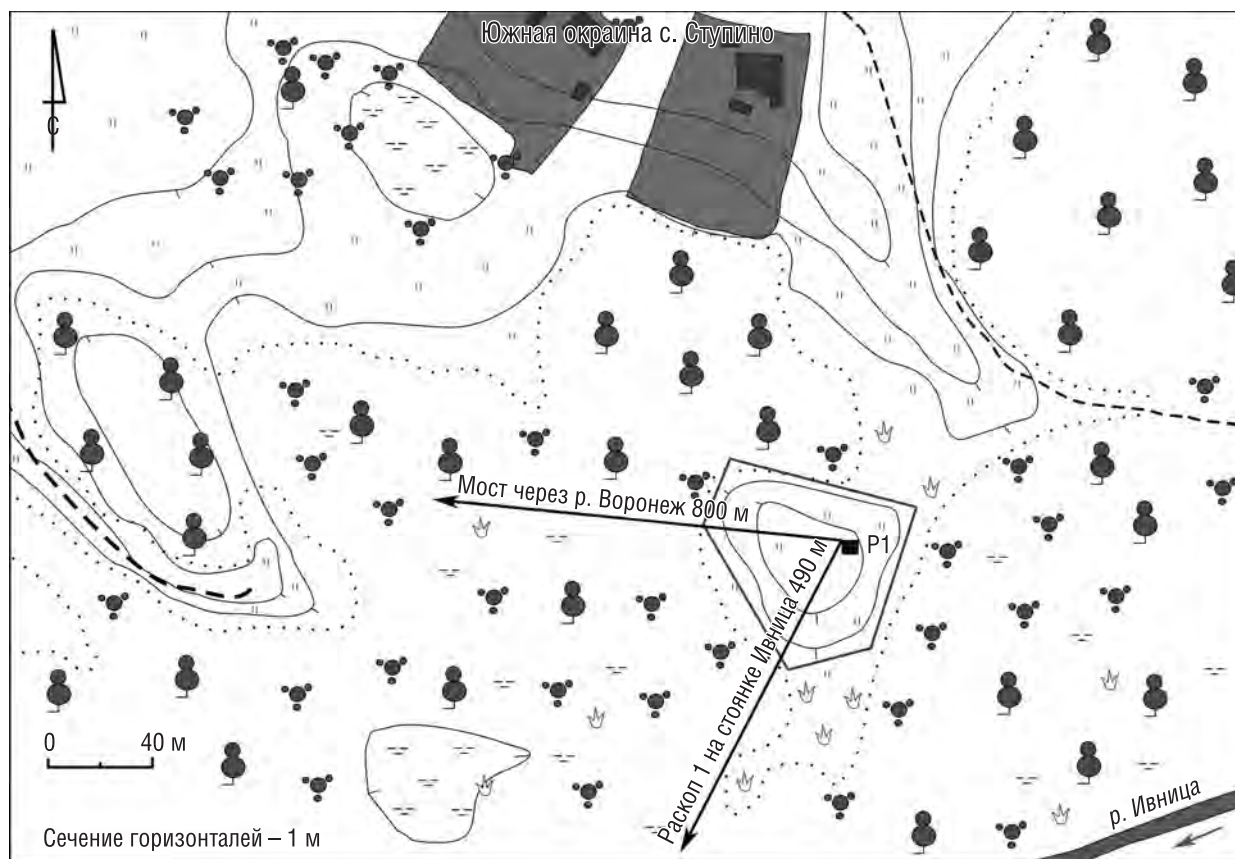

Рис. 1. Ступино. План памятника

Раскоп площадью 42 кв. м был заложен на относительно ровном участке в восточной части памятника, около разведочного шурфа. В ходе исследования зафиксирована типичная для террасных памятников стратиграфия: под дёрном залежали слои светло-коричневого песка мощностью до 20 см (гончарная керамика, фрагментированный кирпич, углистые вкрапления); тёмной гумусированной супеси мощностью около 30 см (керамика и ямы раннего железного века, керамика энеолита) и светлой супеси мощностью 25–30 см (керамика и каменные изделия раннего неолита). Границы между слоями – нечёткие, переход к белому материковому песку – плавный.

В данной статье публикуются материалы нижнего слоя светлой супеси. Для этого слоя по развалам сосудов удалось зафиксировать два горизонта залегания керамики (далее – нижний и верхний горизонты), связанных с разными периодами бытования стоянки в раннем неолите (уровнями древней дневной поверхности?).

В раскопе обнаружены всего 126 каменных предметов, преимущественно из разноцветного карбонового (88 ед.) и мелового (24 ед.) кремня. Подавляющая часть их залежала в нижнем слое светлой супеси, поэтому в целом данная коллекция может соотноситься с карамышевской культурой. Исключение составляют предметы из железняка, гранита и песчаника, поверхности которых были пришлифованы, под вопросом ранний возраст и наконечника стрелы (рис. 2: 9).

Среди изделий из карбонового кремня, в основном жёлто-коричневых и красных оттенков, преобладают отходы производства – 52 отщепа и скола (из них 9 – с ретушью), 8 чешуек, галька. Нуклеусы в количестве семи экземпляров аморфны, предельно утилизированы и служили для снятия небольших отщепов. Среди орудий выделяются 10 скребков (рис. 2: 6–8), скобель (рис. 2: 11), обломок черешковой части наконечника стрелы. Пластин и сечений пластин только восемь (рис. 2: 2–4), пластины имеют следы утилизации в виде нерегулярной ретуши по краям.

Помимо этого в раскопе обнаружены 8 предметов из кварцита: пластина с ретушью (рис. 2: 5), два медиальных сечения, остальные – отщепы, скол и чешуйка. Необходимо отметить своеобразный «клад»: на материке компактно лежали обломок лезвийной части сланцевого тесла (рис. 2: 1) и два отбойника из кремневой гальки и пришлифованной песчаниковой плитки.

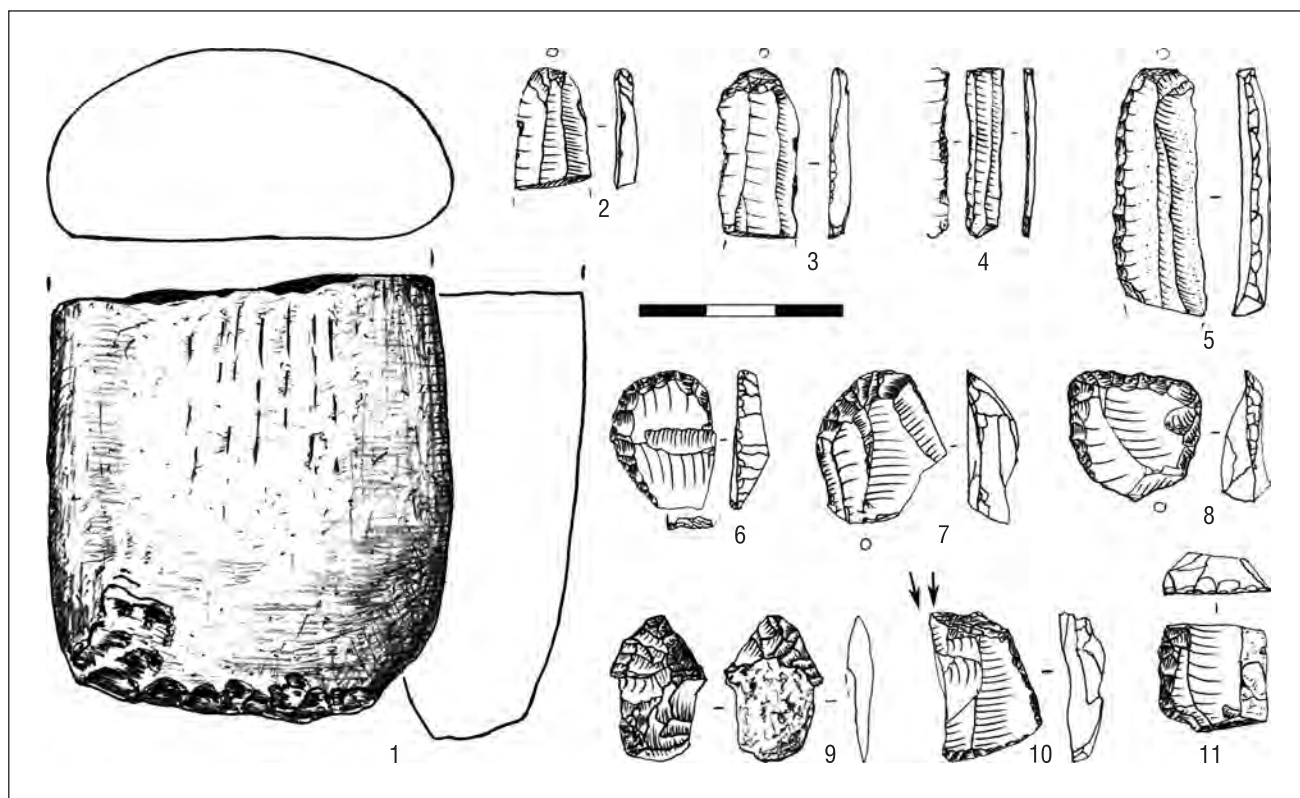

Рис. 2. Ступино. Каменный инвентарь:
1 – тесло; 2–5 – пластины и орудия на пластинах; 6–8 – скребки;
9 – наконечник стрелы; 10 – резец; 11 – скобель. 1 – сланец; 2–4, 6–11 – кремень; 5 – кварцит

Каменный инвентарь имеет выраженный отщеповый характер (среди карбонового кремня – 9 % пластин и сечений) с предельным использованием нуклеусов.

Ценность данной коллекции заключается в возможности её использования для характеристики инвентаря карамышевской культуры в целом, поскольку изделия из камня на верхнедонских неолитических стоянках малочисленны и установить их связь с конкретной археологической культурой на многослойных памятниках не удаётся.

Раннеолитической керамики в раскопе обнаружено 411 фрагментов.

Нижний горизонт залегания характеризуется гладкостенной керамикой с комковатым тестом (238 фрагментов). Толщина стенок составляет 0,5–0,6 см, но имеются и девять фрагментов толщиной 0,9–1 см.

Форма сосудов восстанавливается только частично, можно лишь отметить прямостенность венчиков с закруглённым или прямым срезом и плавный переход от тулова к придонной части. Фрагменты днищ не обнаружены, только для одного из сосудов можно предположить остро- или округлодонность (рис. 3: 8, 11).

По венчикам выделяются семь сосудов, из них шесть украшены двузубыми оттисками (рис. 3: 1–3, 5, 7–8), а ещё один – наколами, выполненными в отступающей манере палочкой с прямым основанием (рис. 3: 6). С этими сосудами, скорее всего, связаны и неорнаментированные фрагменты (таковых в раскопе обнаружено 136 – рис. 3: 9–10). В коллекции имеются фрагменты стенок с подовальными и прямоугольными наколами, что указывает на наличие на данном участке памятника ещё нескольких сосудов. Композиционные построения представлены в основном горизонтальными рядами, на одном сосуде такие ряды сочетаются с наклонными, по венчику идёт ряд сквозных отверстий (рис. 3: 1, 4). У четырёх сосудов срез украшен насечками.

Верхний горизонт залегания связан с развалами трёх сосудов (171 фрагмент).

Первый из них (рис. 4: 3) – 97 фрагментов – диаметром по венчику около 35 см. Толщина стенок – 0,7–0,8 см. Форма сосуда реконструируется частично – закрытая биконическая с прямым венчиком, переход к придонной части ребристый. Фрагменты донца этого, как и остальных сосудов из верхнего горизонта слоя, не обнаружены. Поверхности горшка заглажены (регулярные мелкие расчёсы). Тесто – плотное, запесоченное. Украшен сосуд горизонтальными рядами ямок, выполненных в отступающей манере, разделёнными незаполненными зонами и рядами ямок, нанесённых разреженно. В средней части сосуда ряды ямок нанесены под наклоном. На внутренней стороне под срезом венчика также имеется ряд ямок, выпуклости («жемчужины») от которых на внешней поверхности не фиксируются. По срезу венчика нанесены оттиски мелкозубой гребёнки.

Второй сосуд (рис. 4: 2) – 66 фрагментов – диаметром по венчику около 25 см. Толщина стенок близка к 0,6 см. По форме он прямостенный с ребристым переходом от тулова к придонной части. Срез венчика – округлый. Поверхности сосуда заглажены (расчёсы). Орнаментация сосуда состоит из двойных горизонтальных рядов глубоких ямок по венчику и ребру с выраженными «жемчужинами» на внутренней стороне, тулово украшено прямоугольными зонами из спаренных ямок (скорее всего – оттиски крупного двузубого штампа), между которыми спаренные ряды нанесены диагонально (более детально композиция не восстанавливается).

Последний развал представлен частью венчика – только восемь фрагментов (рис. 4: 1), судя по которым диаметр сосуда составлял около 22 см. Толщина стенок – 0,5–0,6 см. Этот сосуд по тесту и характеру обработки поверхностей аналогичен сосудам нижнего горизонта – комковатое тесто, поверхности тщательно заглажены. По форме венчик – прямой, край его слегка отогнут наружу и имеет округлую форму. Срез венчика украшен широкими насечками. Снаружи по всему венчику нанесены горизонтальные ряды отступающих наколов, выполненных инструментом с неровным рабочим краем.

К верхнему горизонту относятся и два фрагмента одного сосуда с гребенчатым орнаментом (рис. 4: 4, 5). Штамп – мелкозубый, нанесён наклонными рядами в отступающей манере.

Представленные материалы иллюстрируют определённую преемственность между горизонтами, что выражается в оформлении венчиков сосудов, использовании спаренного штампа при орнаментации. В верхнем горизонте при сохранении рецептуры теста (третий из развалов) появляются сосуды с запесоченным тестом, поверхности которых заглаживаются (расчёсы). Орнамент становится более проработанным и глубоким по манере нанесения.

Подобное развитие керамического комплекса связано, по видимому, с влиянием среднедонской культуры, в материалах которой фиксируются схожие приемы изготовления и орнаментации посуды.

Материалы нижнего из описанных горизонтов можно в определённой степени синхронизировать с керамикой Карамышево 5, но наибольшее сходство имеется с коллекцией из раскопок соседней стоянки Ивница, один из сосудов которой был украшен подобным двузубым штампом. Вероятнее всего, этот горизонт представляет не самый ранний этап развития карамышевской культуры и датируется по аналогии с соседними памятниками – сер. 1-й пол. V тыс. до н.э. (в некалиброванном значении).

Керамика верхнего горизонта имеет аналоги на многих поздних памятниках карамышевской культуры (Карамышево 9, Васильевский Кордон 7), датируемых руб. V–IV – 1-й четв. IV тыс. до н.э.

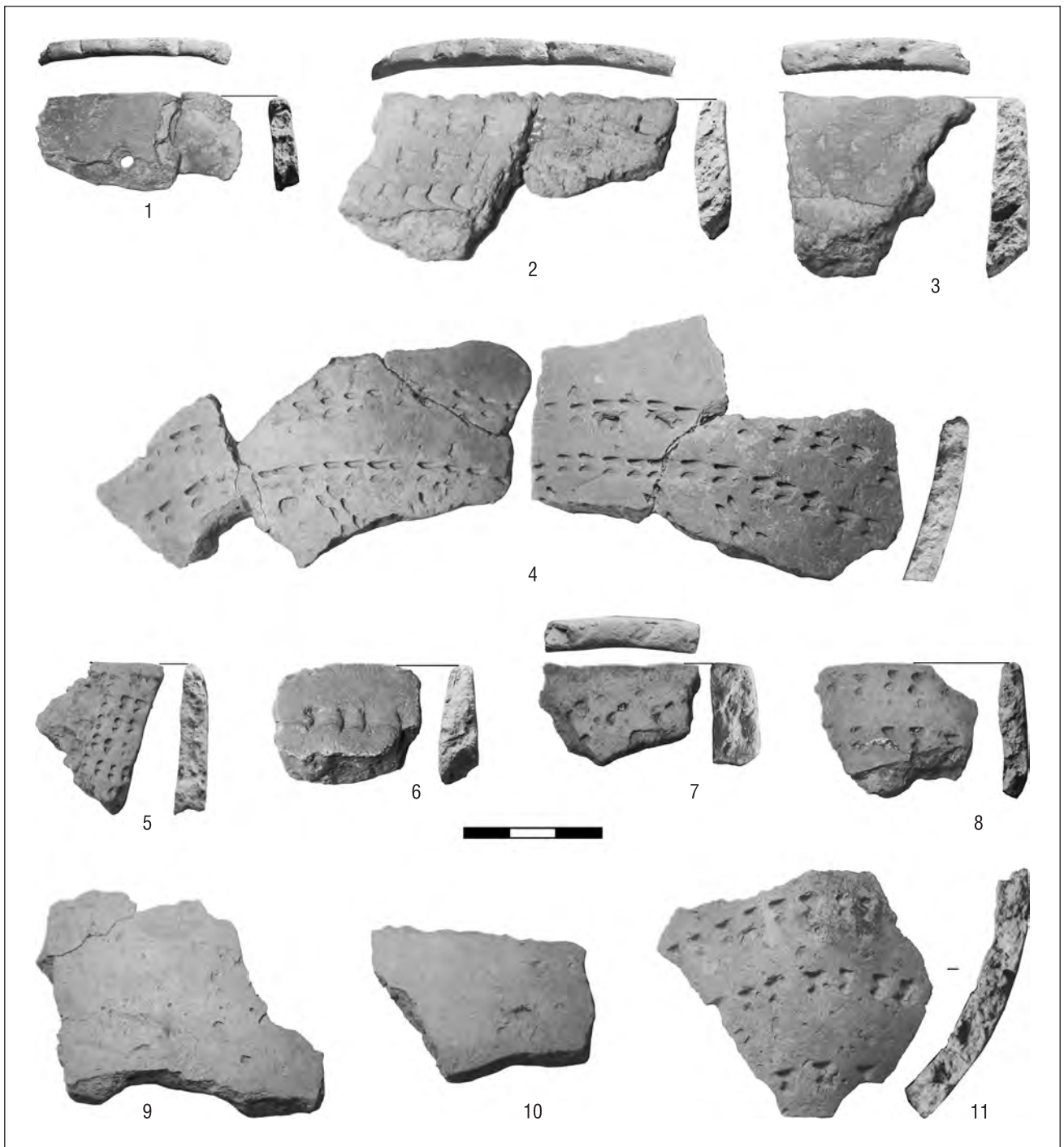

Рис. 3. Ступино. Раннеолитическая керамика из нижнего горизонта залегания

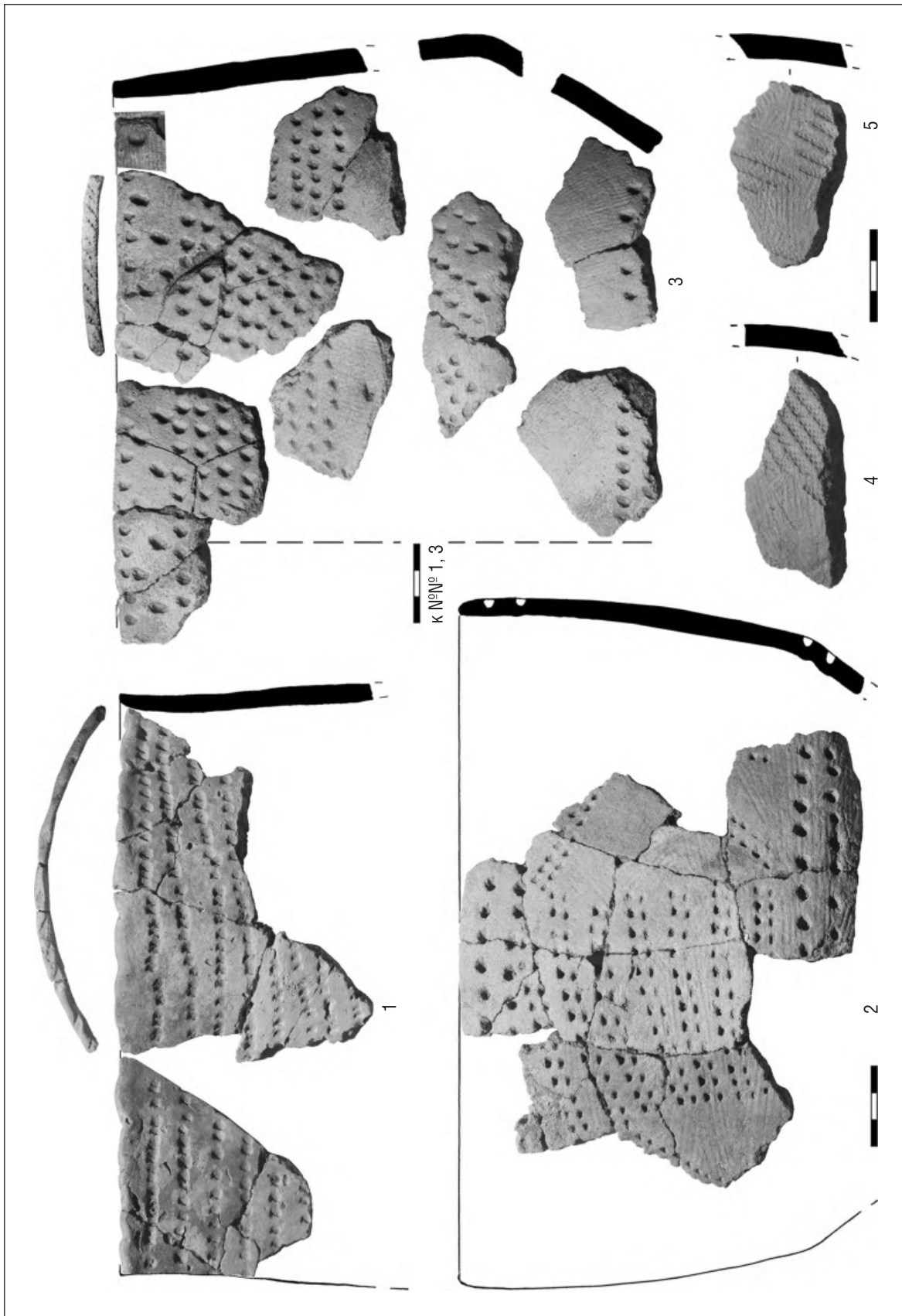

Рис. 4. Ступино. Раннеолитическая керамика из верхнего горизонта залегания

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона (по данным керамических комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
2. Сурков А.В. Стоянка Ивница на р. Воронеж: итоги исследования 2010–2012 гг. // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 15. Воронеж, 2013.
3. Смольянинов Р.В., Сурков А.В. Ранний неолит Верхнего Дона // Самарский научный вестник. Самара, 2014. № 3 (8).

*ООО «Терра»,
Воронеж*

A.V. Surkov

STUPINO SITE – THE NEW EARLY NEOLITHIC MONUMENT ON THE UPPER DON

Summary

The article gives the materials of excavation of the Stupino site on the territory of the Upper Don relating to karamyshevskaya Early Neolithic culture. The monument is located on a small rib of a terrace in a floodplain of the left coast of the river Voronezh. In an excavation of 42 sq. m it we managed to record a layer of light sandy loam with ceramics and stone inventory of the Early Neolithic character. Inside the layer select two horizons of a bedding of finds: the lower with the glossy poorly ornamented ceramics, and the top carrying ceramics with the surfaces smoothed down by scratches, oversanded dough and the worked ornament in the form of deep poles and pricks. The stone inventory isn't divided into the horizons, but its relation to the Early Neolithic allows to add significantly to the characteristics of karamyshevskaya culture. The described monument's materials, by analogy to Ivnitsa site, can be dated to the first half of V millenium BC (in not calibrated values).

*Limited liability company
«Terra»,
24, 20 let Oktyabrya St., Voronezh, 394030,
Russia
e-mail: surkovarh@mail.ru*

Р.В. Смольянинов, А.Н. Бессуднов

ПОСЕЛЕНИЕ ВАСИЛЬЕВСКИЙ КОРДОН 21 В ДОБРОВСКОМ РАЙОНЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

В 2008 году экспедицией Липецкого госпедуниверситета и Липецкой городской научно-общественной организации «Археолог» были проведены разведочные работы в бассейне р. Воронежа (левый приток р. Дона) в Добровском районе Липецкой области (рис. 1), в результате которых выявлено поселение Васильевский Кордон 21 [1]. В 2009 г. А.Н. Бессудновым и в 2011 г. Р.В. Смольяниновым [2; 3] продолжены его исследования. Общая вскрытая площадь на памятнике составила 44 кв. м. Он находится на пойменном острове правого берега р. Воронежа между сёлами Рагчино, Преображенковка и хутором Дальним (рис. 1). Большая часть поселения в течение длительного времени разрушается ежегодной противопожарной опашкой. Это обусловило проведение спасательных раскопок на памятнике. Целью данной публикации является введение в научный оборот полученных материалов, относящихся к неолиту – эпохе бронзы. Памятник заселялся не менее четырёх раз: по одному в неолите и энеолите и дважды в эпоху бронзы.

В слое поселения выявлены восемь ям разного времени и один котлован постройки репинской культуры (рис. 2).

Постройка 1. Котлован – аморфной формы, максимальными размерами с севера на юг и с запада на восток – 4×3,5 м. С востока от него отходит ответвление, вероятно вход, шириной от 2,1 м в основании до 1,2 м в наименьшей части, в месте, где его разрушает яма 8. Сохранившаяся длина входа – 1,5 м. У восточной стенки постройки прослежена круглая столбовая яма 7, опорная в этом сооружении. Её диаметр – 0,35 м. Она заглублена в дно постройки на 0,06 м. В разных местах котлован постройки врезан в материк на глубину от 0,06 до 0,24 м. Сооружение относится к репинской культуре энеолита, так как в основании его, стратиграфически ниже всех других групп керамики, выявлены только обломки посуды репинской культуры (рис. 6: 14, 18).

Постройка 2. Ямы 2–6 – столбовые и, вероятно, являлись частью древнего сооружения – каркасно-столбовой постройки предположительно подпрямоугольной формы, относящейся к позднему периоду эпохи бронзы. Все они округлой формы, с вертикальными стенками и выявлены на одном уровне. Диаметр их – от 0,3 до 0,45 м, глубина – 0,03–0,05 м. Расстояние между ямой 2 (через яму 4) и ямой 5 – 4 м, поэтому длина южной стенки сооружения была не менее 4 м, а восточной – не менее 3–4 метров. Именно таково расстояние между ямами 5 и 6. Яма 3 является частью конструкции западной стенки (расстояние между ямами 2 и 3 – 2,3 м). На уровне выявления этих столбовых ям (рис. 2), при зачистке, была найдена компактно расположенная керамика позднего периода эпохи бронзы (рис. 8: 19, 20). Исходя из этого, считаем, что эта столбовая конструкция относится к населению, оставившему эту керамику. Планиграфически большинство керамики этого типа концентрировалось между вышеописанными столбовыми ямами и в западной части раскопа. В ямах 2–6 находок нет.

Яма 1 – аморфной формы, размерами 0,84×0,33 м, глубиной 0,18 м. Западная её часть – пологая. Столб, вероятно, находившийся в ней, стоял под углом около 50 градусов в сторону запада (возможно, это котлован от корневой системы поваленного дерева). В яме находки не обнаружены. Уверенно соотнести её с какой-либо из построек, выявленных на поселении, не представляется возможным.

Яма 8. Её исследованная часть имеет размеры 2,85×0,5 м. Стенки – почти вертикальные. Находки в ней не обнаружены. Исходя из больших размеров, яма могла быть котлованом древнего сооружения. Из всех выявленных она самая «молодая», так как перерезает вход постройки 1 репинской культуры позднего энеолита и столбовую яму 5, относящуюся к вышеописанной каркасно-столбовой конструкции постройки 2 позднего периода эпохи бронзы.

Позднеэнеолитическая керамика ксизовского типа. Представлена 36 фрагментами стенок сосудов (рис. 3: 1–8), планиграфически залегает преимущественно в центральной и западной частях раскопа (рис. 2). Вся посуда – кирпичного цвета, хорошо заглажена. Только на единичных фрагментах внутри видны гребенчатые сглаживающие отпечатки. Тесто «запесоченное», в нём присутствует примесь песка и дресвы. Все фрагменты стенок орнаментированы горизонтальными рядами оттисков косопоставленного двух-пятизубого штампа (рис. 3: 2, 3, 6, 7), скобковидными наколами (рис. 3: 1, 4) и аморфными вдавлениями, нанесёнными, вероятнее всего, костными естественными орнаментами (рис. 3: 8). Фрагменты венчиков и днищ

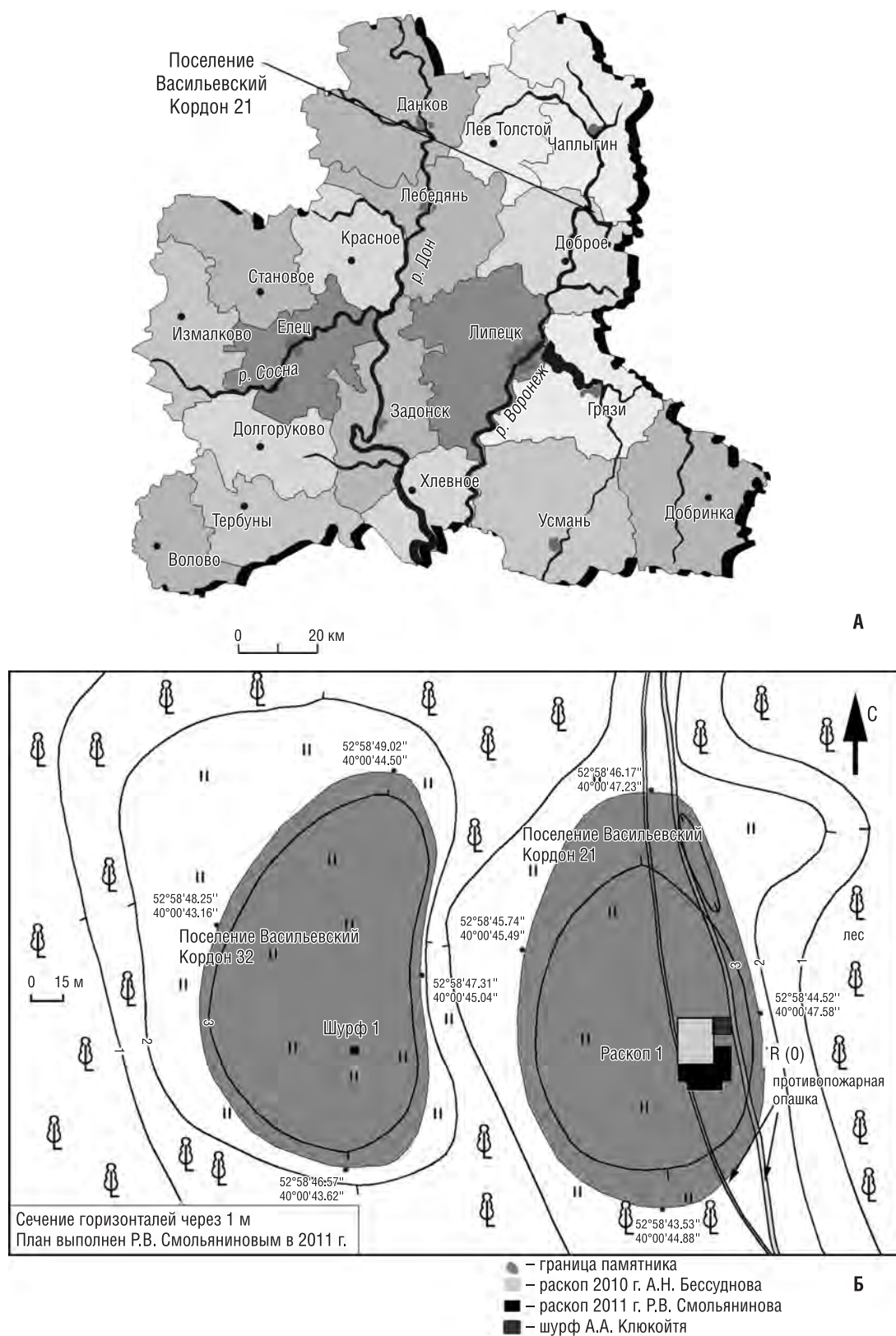

Рис. 1. Поселение Васильевский Кordon 21.
А – место расположения (на карте Липецкой области); Б – план

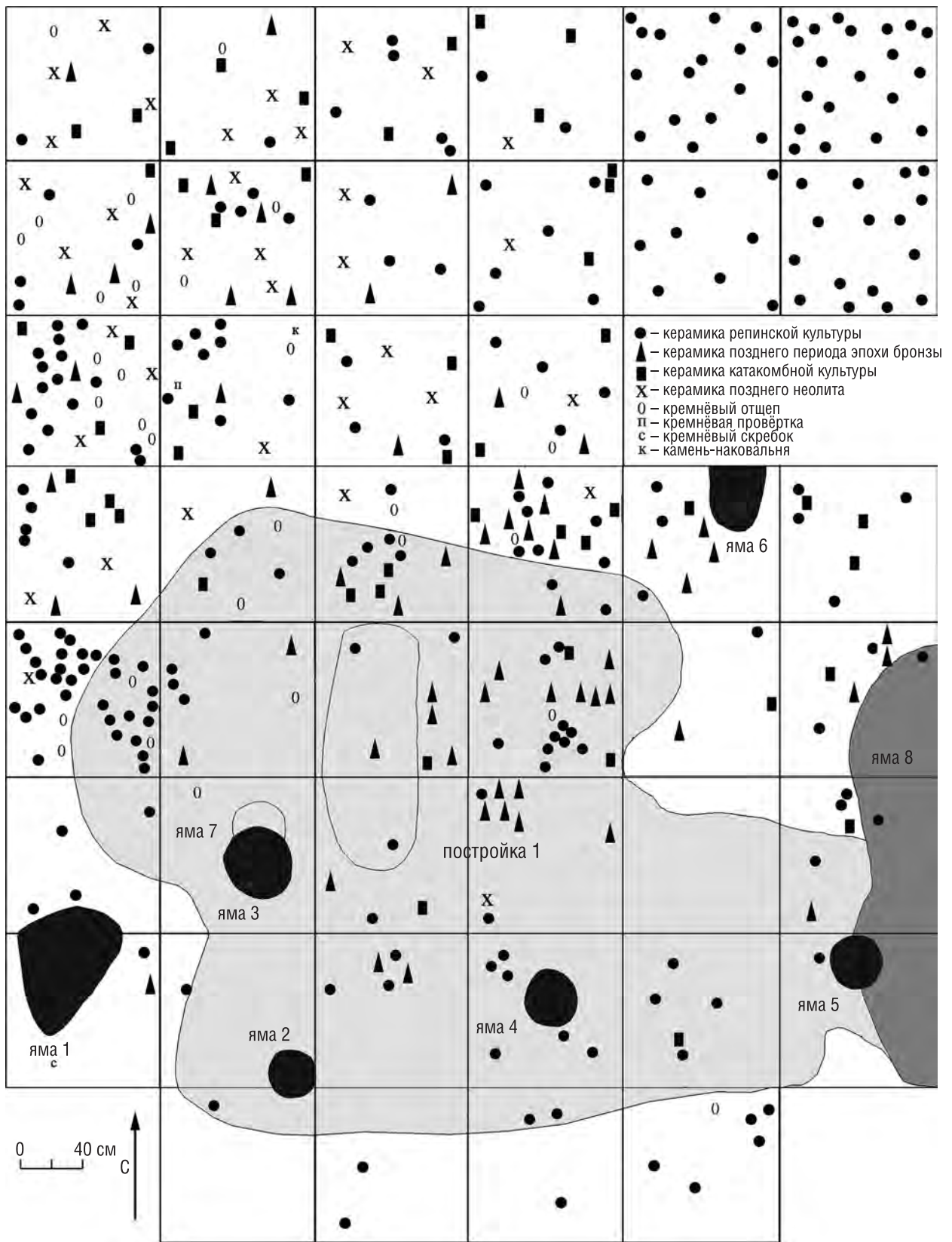

Рис. 2. Поселение Васильевский Кordon 21. Планиграфическое распределение находок в слое поселения

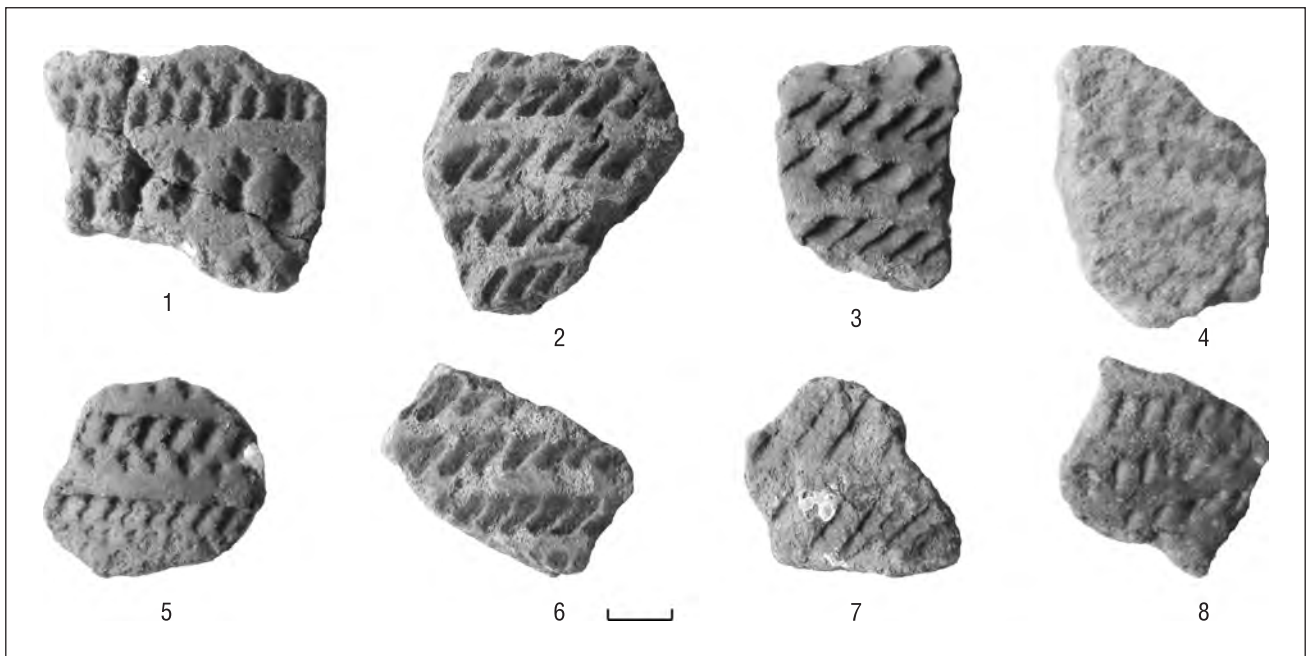

Рис. 3. Поселение Васильевский Кордон 21. Керамика позднего неолита

не обнаружены. Коллекция с поселения Васильевский Кордон 21 не очень информативна, но подобные керамические материалы выявлены ещё на девяти памятниках Верхнего Дона: Васильевский Кордон 25, Ратчино 22, Ксизово 6, Карамышево 9, пункт 222 (Ярлуковская Протока), пункт 366 (г. Липецк), Новиково, городище Большой Липяг, Первое Перехвальское городище. На наш взгляд, данный вид керамики не относится ни к одной из известных культур неолита – эпохи бронзы Лесостепного Подонья. Пока она выделяется только типологически, нет однослойных памятников с подобной посудой, нет стратиграфических наблюдений. Для лучшего понимания о чём идёт речь мы предлагаем далее подобный тип посуды называть ксизовским: по первой наиболее представительной коллекции подобной керамики, выявленной на поселении Ксизово 6 [4]. Генезис и датировка подобной керамики пока не ясны. Можно лишь предположительно соотнести её с окончанием неолита на Верхнем Дону и предварительно датировать кон. IV – нач. III тыс. до н.э.

Репинская культура. Представлена 238 фрагментами керамики (рис. 2). По венчикам выделяется не менее 13 сосудов. Один из них – закрытый горшок (рис. 4: 2). Край его срезан внутрь и украшен гребенчатыми отпечатками. Устья двух горшков слегка открыты. У одного из них край срезан внутрь (рис. 4: 1), у другого – уплощён (рис. 4: 3). Оба среза украшены гребенчатыми отпечатками. Один из горшков профилированный: закрытый, с округлым краем (рис. 6: 16), орнаментация отсутствует, имеются только пальцевые защиты по краю. Наибольшее количество венчиков происходит от восьми сильно профилированных открытых горшков: у пяти из них края – округлые (рис. 5: 4, 5; 6: 2, 11, 12), из них – один гофрирован (рис. 6: 11); у двух – край уплощён (рис. 5: 1; 6: 4), а один также гофрирован (рис. 6: 4); у одного – приострён (рис. 6: 1). Шесть из 13 сосудов не имели орнамента. Семь венчиков были орнаментированы по внешней поверхности: первый из них был украшен горизонтальным рядом «жемчужных» вдавлений и отпечатками верёвочки (рис. 4: 2); венчики двух других сосудов орнаментированы горизонтальным рядом «жемчужин» и отпечатками верёвочки в виде личинок, образующими горизонтальный зигзаг, на одном – с отходящими наклонными линиями, по срезу – рядами прямых или наклонных оттисков зубчатого штампа (рис. 4: 1, 3); четвёртый орнаментирован горизонтальными рядами разнонаклонных неглубоких крупных ямчатых вдавлений и отпечатков крупного личиночного/верёвочного штампа (рис. 5: 1); пятый сосуд украшен горизонтальными рядами неглубоких аморфных ямчатых вдавлений и отпечатками встречной «жемчужины» – нанесёнными изнутри в створе с ними крупными ямчатыми вдавлениями (рис. 6: 4); шестой сосуд орнаментирован косовертикальными рядами, составленными из вертикально поставленных отпечатков мелкого, тонкого пятизубого (гребенчатого) штампа (рис. 6: 11); седьмой венчик украшен ямчатыми вдавлениями по краю и прочерченными линиями (рис. 6: 12).

По орнаментации фрагменты керамики распределились на 11 с гребенчатым орнаментом (рис. 4: 6; 5: 2; 6: 11, 13, 14, 17, 18), 22 с верёвочными отпечатками (рис. 4: 1–5; 5: 1, 8; 7: 10, 11), 19 с ямчатыми вдавлениями (рис. 5: 7; 6: 4–10; 7: 6, 8), шесть с широкими отпечатками гладкого штампа (рис. 5: 3; 7: 1–5), 4 с прочерченными линиями (рис. 6: 12; 7: 7–9); 176 не имели орнамента (рис. 5: 4, 5; 6: 1–3, 15; 7: 12). Обращает на себя внимание, что для украшения одного сосуда, как правило, использовался только один штамп. Сочетание ямчатой и шнуровой орнаментации встречено только на двух сосудах (рис. 5: 1; 7: 11), верёвочной и гребен-

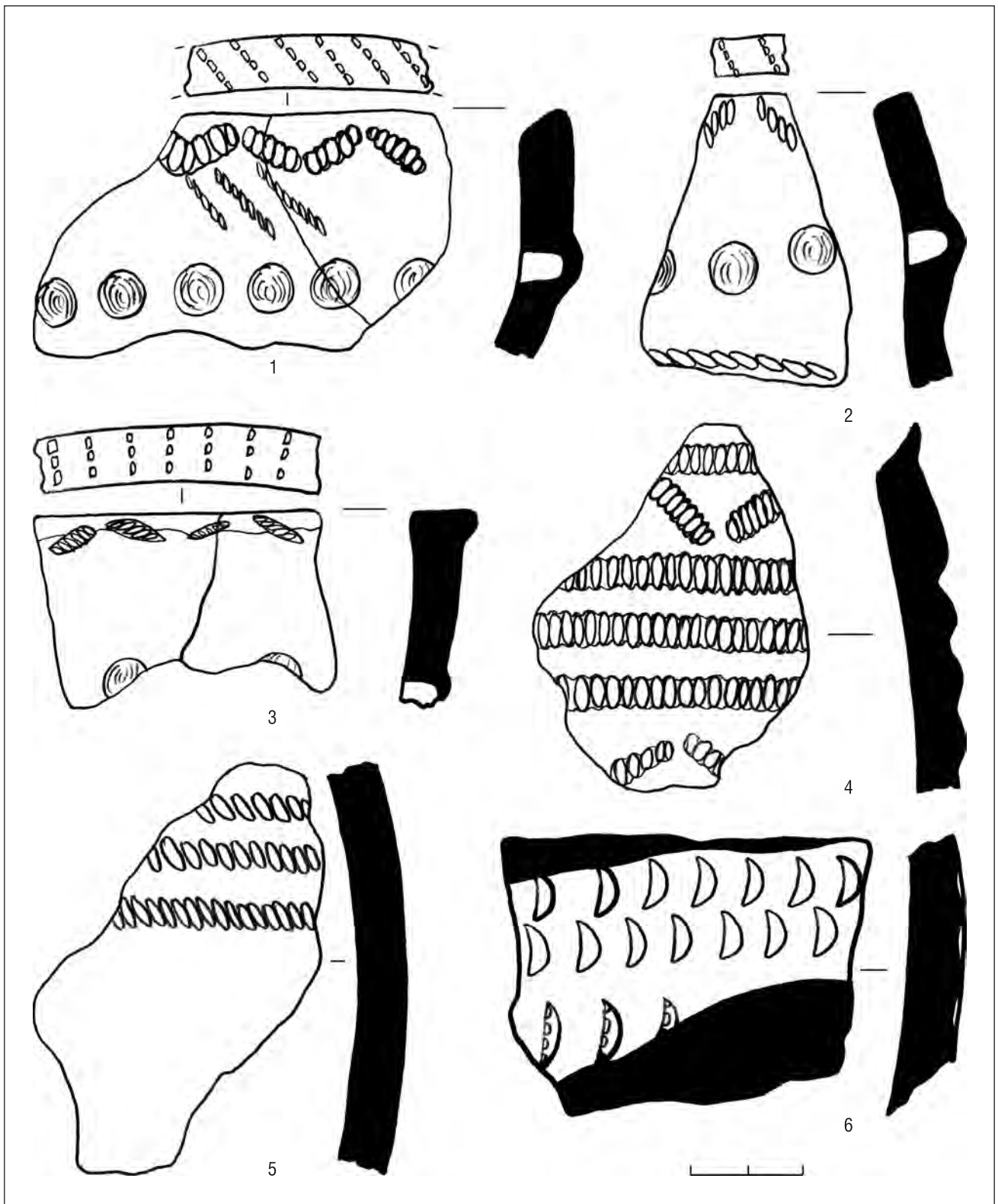

Рис. 4. Поселение Васильевский Кордон 21. Керамика репинской культуры

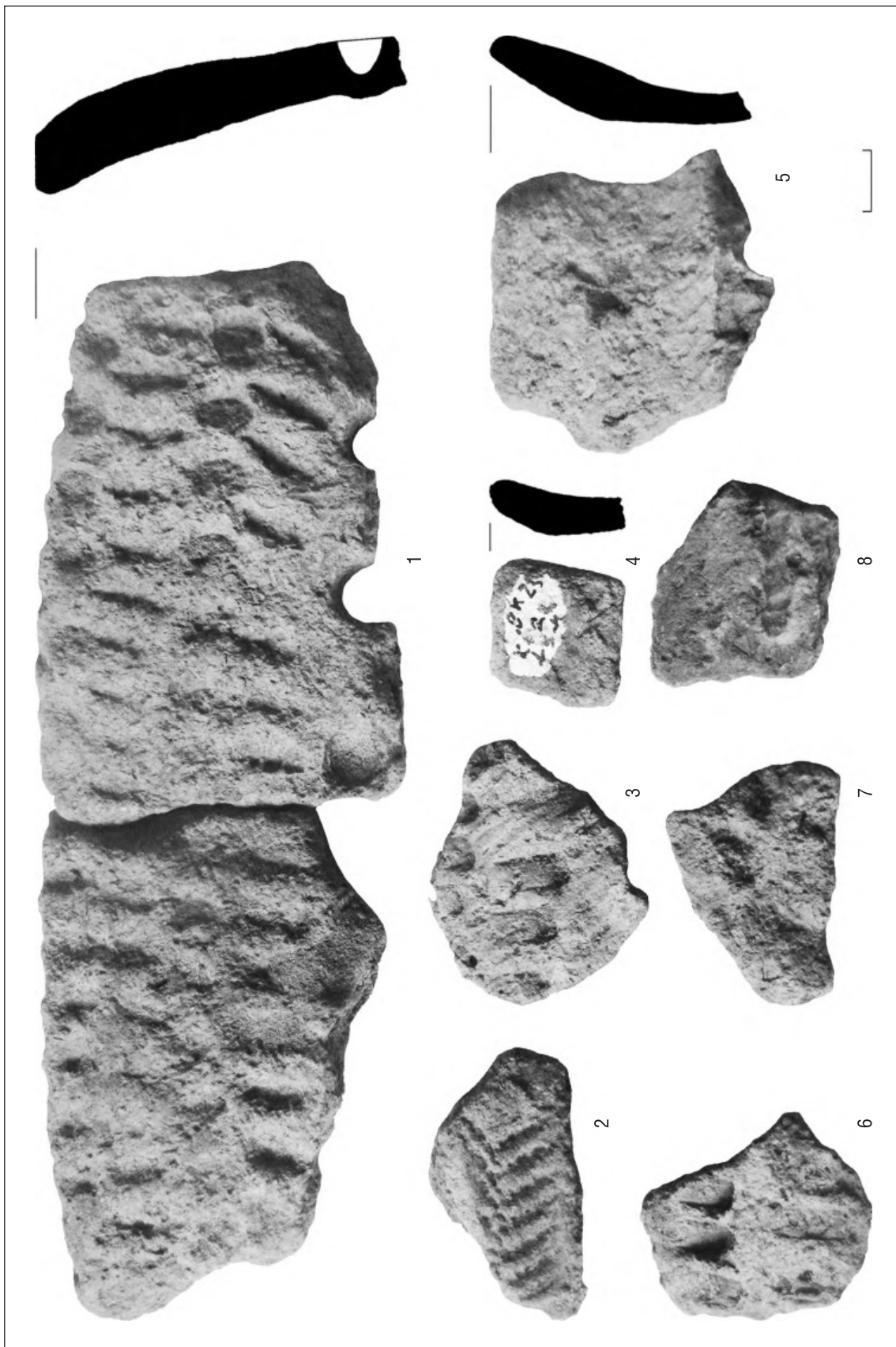

Рис. 5. Поселение Васильевский Кордон 21. Керамика репинской культуры

чатой – на трёх, когда тонкой короткой трёх- или четырёхзубой гребёнкой украшался только срез венчика (рис. 4: 1–3), гребенчатой и ямчатой – только на одном (рис. 6: 14), ямчатой и прочерченной – на двух (один из них – рис. 7: 7, 8).

Вся посуда – рыхлая, коричневого цвета, с примесью органики, изнутри и снаружи видны гребенчатые сглаживающие расчёсы. Толщина стенок сосудов – от 0,6 до 1,2 см.

На наш взгляд, материалы этой стоянки относятся к концу существования репинской культуры и датируются 1-й пол. III тыс. до н.э.

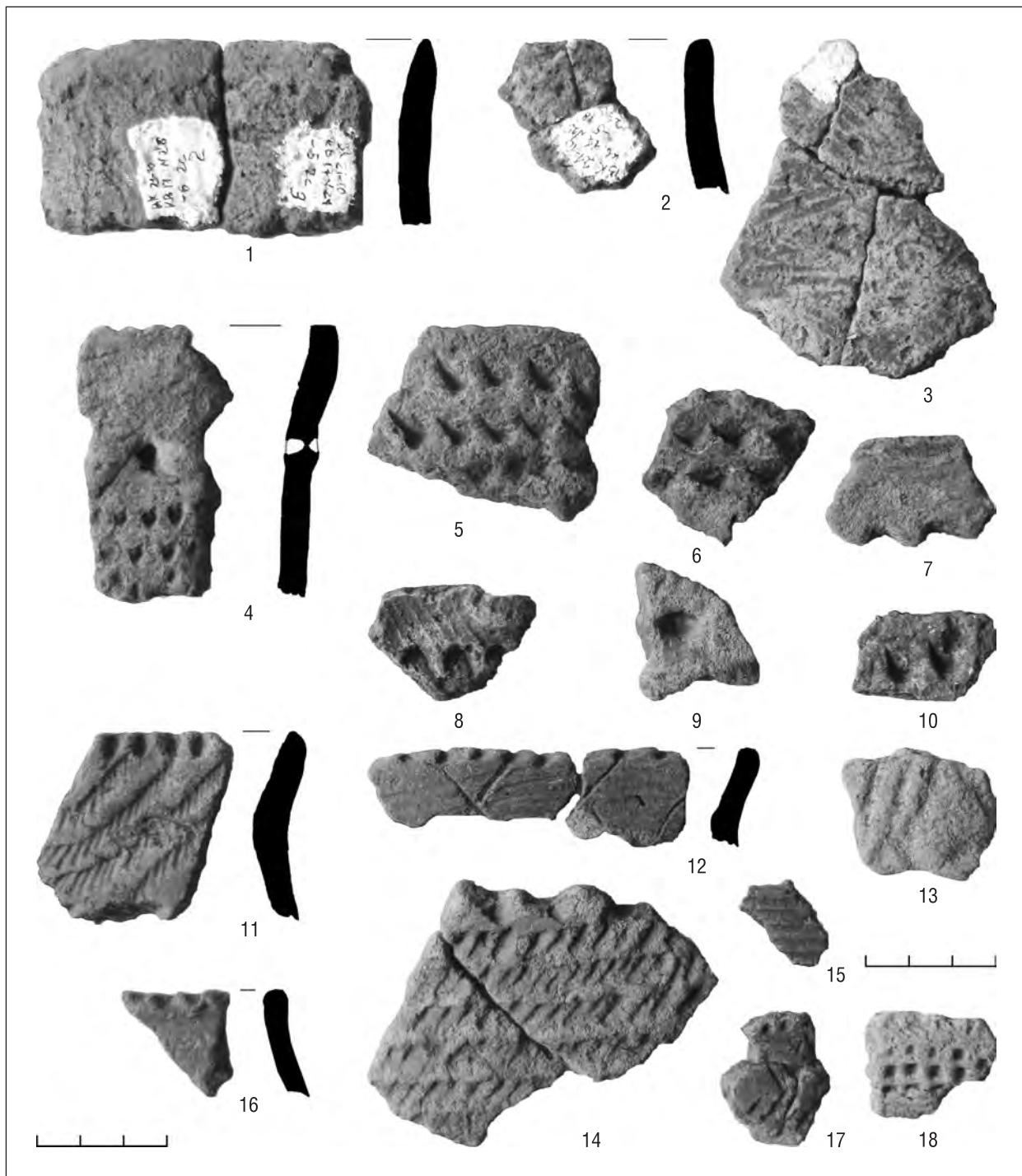

Рис. 6. Поселение Васильевский Кордон 21. Керамика репинской культуры

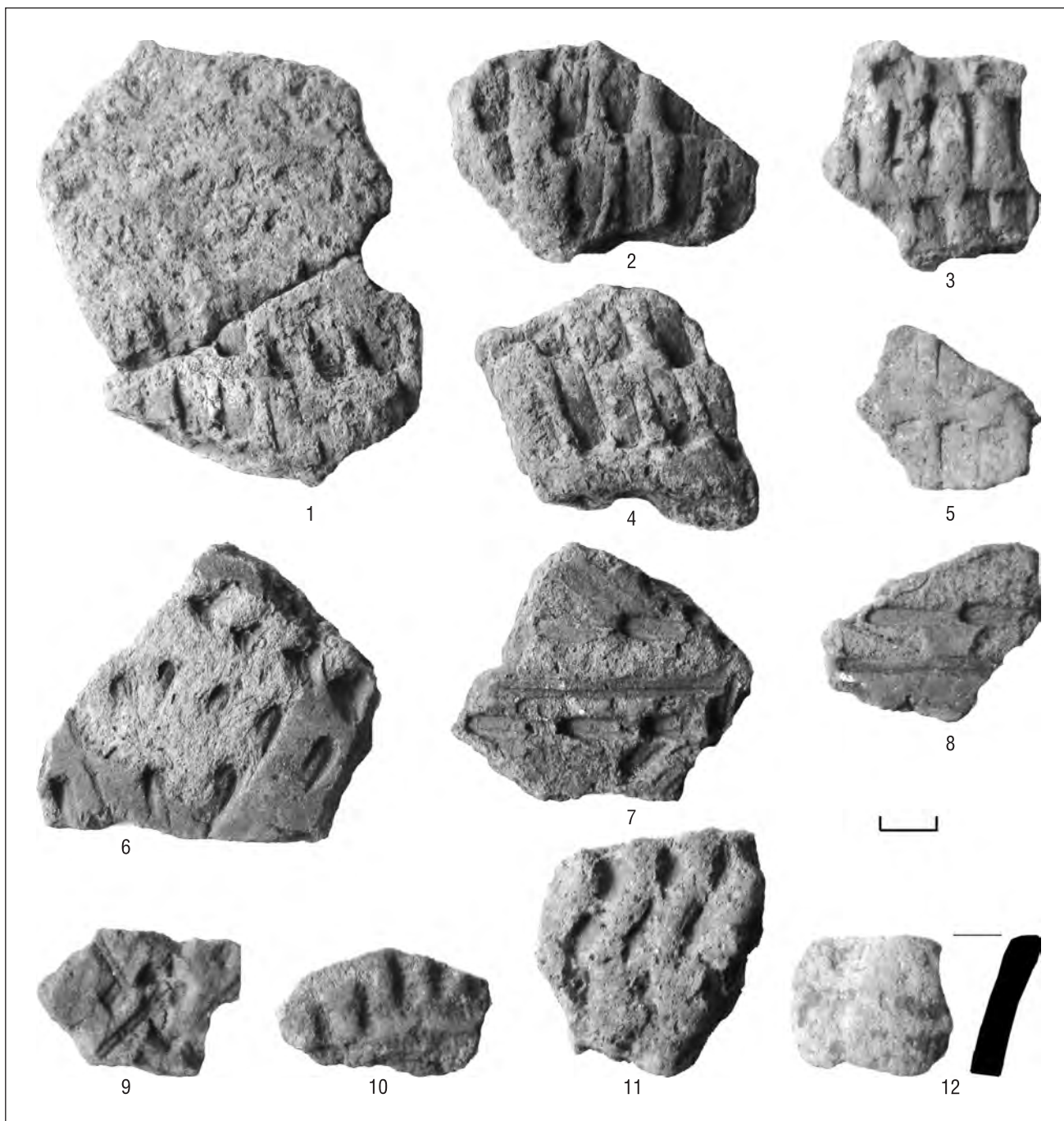

Рис. 7. Поселение Васильевский Кордон 21. Керамика репинской культуры

Катакомбная культура раннего этапа. Представлена 51 фрагментом керамики (рис. 8: 1–18). Фрагментов венчиков всего два: один – слегка профилированного горшка (рис. 8: 1), второй – открытой банки (рис. 8: 14). Оба они – с округлым завершением края. Доминирующим элементом орнамента выступают отпечатки верёвочного штампа. Таких фрагментов всего 23 (рис. 8: 1, 3–7, 9, 11, 13, 15). Отпечатки верёвочки, в том числе в виде «личинок» (горизонтальные и наклонные) составляют горизонтальные ряды (рис. 8: 2, 6, 3–5). 14 фрагментов стенок украшены гребенчатыми отпечатками, которые составлялись в композицию в виде горизонтальной «ёлочки» (рис. 8: 8) или в горизонтальные ряды (рис. 8: 2, 12). На восьми обломках керамики сочеталась орнаментация верёвочкой и гребёнкой (рис. 8: 1). На одном фрагменте прослежена орнаментация крупными наколами (рис. 8: 16). Пять фрагментов стенок не имели орнамента.

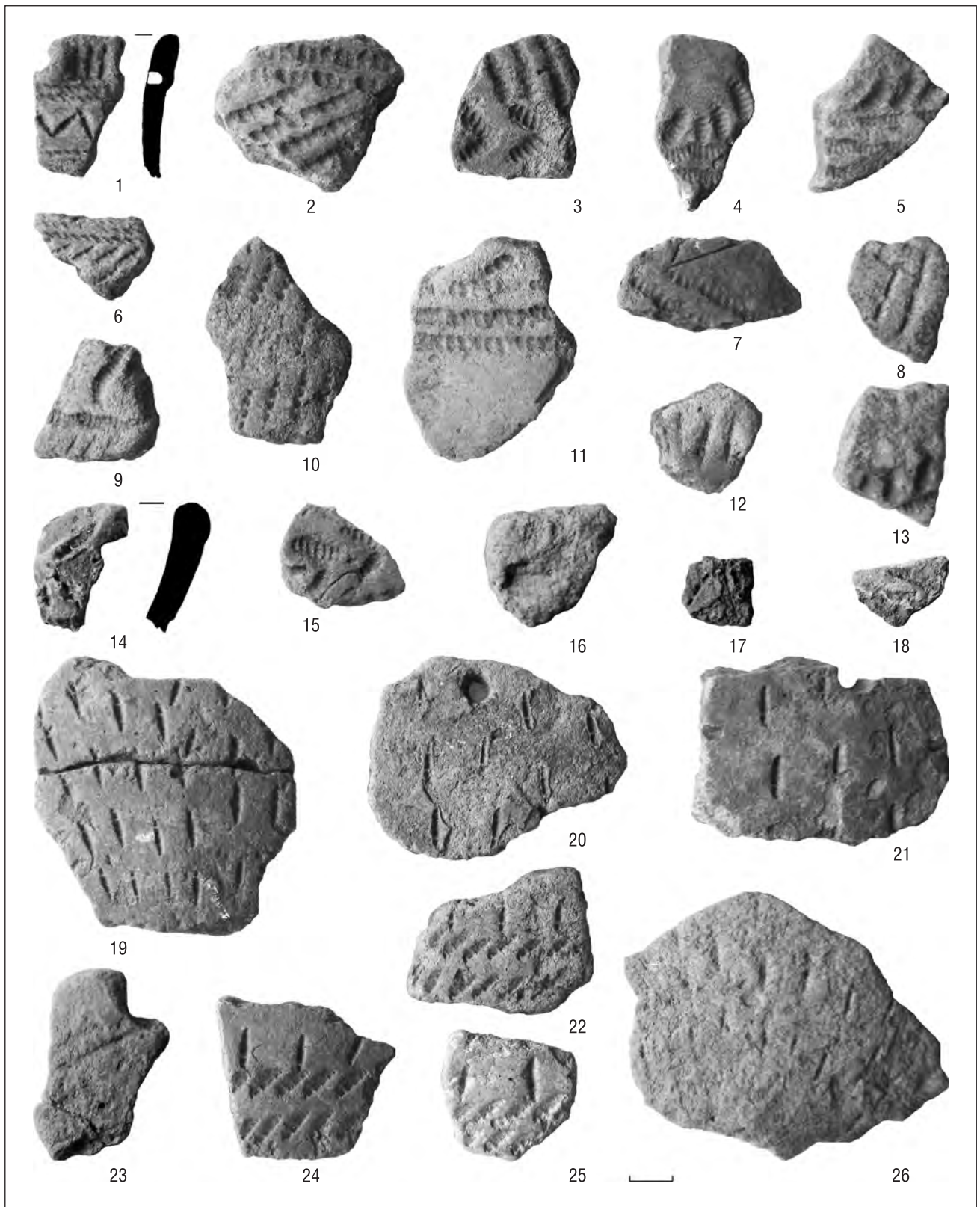

Рис. 8. Поселение Васильевский Кордон 21. Керамика эпохи бронзы:
 1–18 – катакомбной культуры; 19–26 – позднего периода эпохи бронзы

Вся посуда – кирпичного цвета с примесью песка и шамота в тесте. Она хорошо заглажена, изнутри видны гребенчатые сглаживающие расчёсы. Толщина стенок – от 0,6 до 1,0 см. Планиграфически она распространена преимущественно в центральной и северо-западных частях раскопа (рис. 2). Полученная посуда аналогична керамике с поселения Рыкань-3. Последнее – однослойное поселение на Верхнем Дону – по радиоуглеродным анализам, выполненным в Гронингене (Нидерланды), датируется XXVII–XXV вв. до н.э. [5].

Керамика эпохи бронзы северного типа. Представлена 63 фрагментами стенок сосудов светло-коричневого цвета, украшена горизонтальными рядами косо поставленного трёх- и пятизубого гребенчатого штампа (рис. 8: 19–21, 24–26). Часть посуды орнаментирована прочерченными линиями (рис. 8: 23). На двух фрагментах стенок прослежены сквозные просверлённые отверстия – следы ремонта (рис. 8: 20, 21). Примерно половина фрагментов керамики не имела орнамента. Посуда хорошо заглажена, вплоть до лощения. В тесте – примесь песка и мелкого шамота. Толщина стенок – 0,5–0,7 см. На наш взгляд, данный вид керамики не соотносится ни с одной из известных культур эпохи бронзы Лесостепного Подонья. Подобная керамика также встречена на соседнем поселении Буховое 9. Предполагаемая датировка – кон. III – нач. II тыс. до н.э.

Кремнёвые находки представлены 27 аморфными отщепами, тремя отщепами с ретушью, двусторонне обработанной провёрткой и полукруглым скребком с крутой ретушью. Все отщепы – из местного валунного, цветного, плохого качества кремня. Провёртка и скребок – из более качественного мелового чёрного цвета кремня. Связать эти изделия с каким-либо из видов керамики, полученной на этом поселении, не представляется возможным.

Находки из кости представлены 29 мелкими неопределимыми кальцинированными фрагментами. Они концентрировались в северо-западной части раскопа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Клюкойть А.А. Отчёт о разведочных исследованиях в Липецкой области в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1.
2. Бессуднов А.Н. Отчёт о разведочных исследованиях в Липецкой области в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1.
3. Смольянинов Р.В. Отчёт о разведочных работах в Добровском районе Липецкой области в 2011–2012 годах // Архив ИА РАН. Р-1.
4. Смольянинов Р.В. Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2004 году // Архив ИА РАН. Р-1.
5. Гак Е.И., Борисов А.В. Поселение катакомбной культуры Рыкань-3: топография, стратиграфия, планиграфия // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14. Воронеж, 2011.

*Липецкая областная научная общественная организация «Археолог»,
Липецк*

*Липецкий государственный педагогический университет,
Липецк*

R.V. Smol'yaninov, A.N. Bessudnov

SETTLEMENT VASIL'YEVSKY CORDON 21 IN THE DOBROVSKY DISTRICT OF THE LIPETSK REGION

Summary

In 2008, 2009 and 2011 the expedition of the Lipetsk state pedagogical university and Lipetsk urban scientific public organization «Archeologist» carried out excavation of the settlement Vasil'yevsky Cordon 21 on the river Voronezh (the left inflow of the Don River) in the Dobrovsky district of the Lipetsk region. On the results of the excavation of 44 sq. m it was revealed that the monument became populated and repopulated not less than four times at the end of IV – the beginning of II millenium BC: once in the Neolithic and in the Aeneolithic and twice during the Bronze Age. The ditch constructed by people of repinskaya culture of the Aeneolithic was thoroughly investigated.

*R.V. Smol'yaninov
Lipetsk regional scientific public organization «Archeologist»,
34, Stahanova St., Lipetsk, 398036,
Russia
E-mail: rws17@rambler.ru*

*A.N. Bessudnov
Lipetsk State Pedagogical University,
42, Lenina St., Lipetsk, 398020,
Russia
e-mail: bessudnovan@rambler.ru*

А.А. Чижевский, А.В. Шипилов, Н.М. Капленко

КАЕНТУБИНСКАЯ ОСТРОВНАЯ СТОЯНКА НЕОЛИТА – ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА ЭПОХИ БРОНЗЫ (ПО ИТОГАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2005 г.)

Каентубинская островная стоянка расположена в 4,5 км к востоку – северо-востоку от с. Гулюково Мензелинского района Республики Татарстан на острове Каен-Тубе, образовавшемся в результате затопления ложа Нижнекамского водохранилища в 1976 г.

Стоянка находится на южной стороне острова и занимает территорию невысокого мыса надлуговой террасы (рис. 1: 1). Поверхность памятника покрыта травой и используется местным населением для выпаса скота, который завозят с помощью понтона на остров на весь летний сезон.

Памятник был открыт в 1997 г. Н.М. Капленко, который на размываемой части поселения собрал керамику неолита – энеолита и позднего периода эпохи бронзы. В 1997–2000 гг. памятник исследовался стационарно Н.М. Капленко. Здесь были заложены девять раскопов общей площадью 280 кв. м.

В 2005 г. в юго-восточной части Каентубинской островной стоянки Н.М. Капленко были заложены раскоп X площадью 88 м² и в виде прирезки к нему раскоп XI площадью 28 м² (рис. 1: 2). Раскоп X был привязан к береговой полосе. В результате работ были вскрыты одно сооружение, вероятно жилищный котлован, и три ямы (рис. 2: 1).

Стратиграфия стоянки выражена довольно чётко: дёрн – 10–12 см, тёмно-серый гумусированный суглинок – 20–25 см, под ним – светло-серый слабогумусированный суглинок – 12–20 см и материк – красная глина. В юго-восточной части раскопа (участки (уч.) 1–4) непосредственно над тёмно-серым суглинком зафиксирован наносной слой толщиной 8–16 см, состоящий из мелкого плотного песка серого цвета. Данная часть поселения никогда не распаивалась.

С верхним слоем тёмно-серого гумусированного суглинка связаны сооружение № 1 и яма № 3, с нижним слоем светло-серого слабогумусированного суглинка – ямы №№ 1 и 2.

Сооружения верхнего слоя Каентубинской островной стоянки

Сооружение 1 (рис. 2: 2) – участки 7^а, 9^а, 10^а, 14^а, 7–14. Глубина фиксации очертаний – 40 см. Сооружение имеет овальную форму, размеры – 363×196 см. Стенки котлована покатые, дно плоское, глубина его от уровня фиксации до дна – 20–35 см. Заполнение котлована состоит из тёмно-серого суглинка, насыщенного костями животных, керамикой атабаевского типа (рис. 5: 12; 6: 2, 3) и кремнёвыми изделиями.

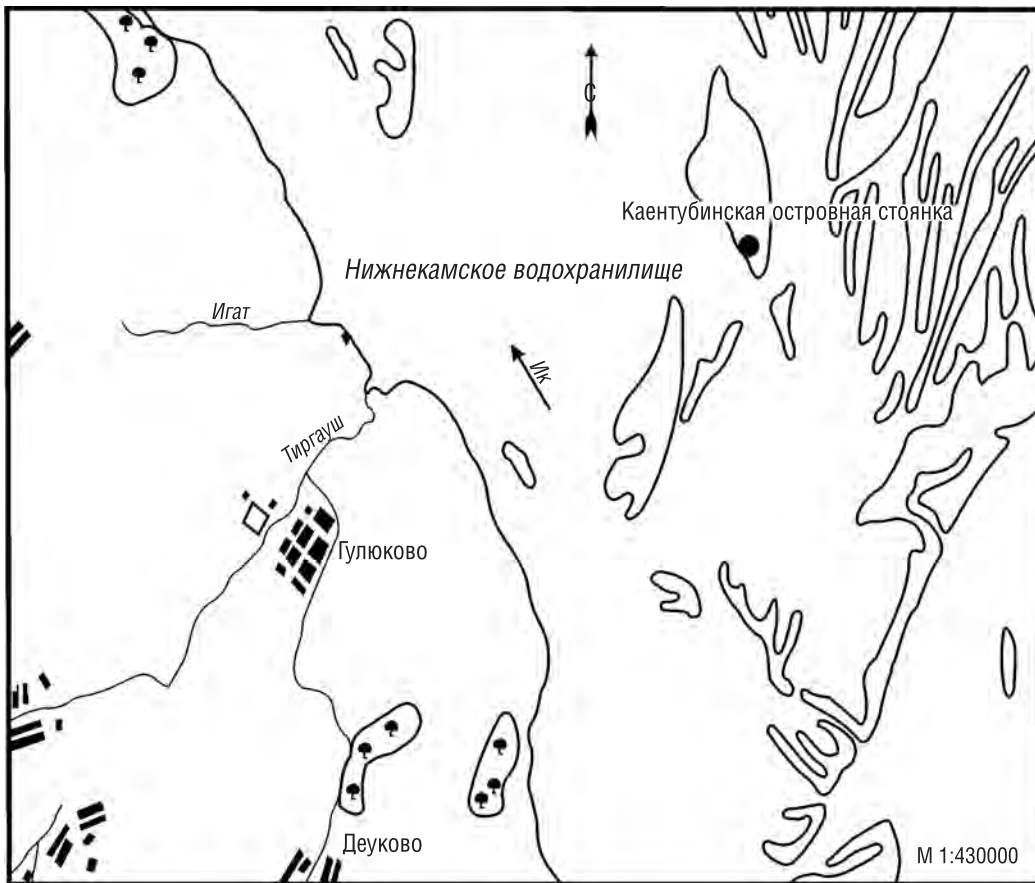
В сооружении был найден фрагмент (обушная часть) диоритового топора (длина 4,5 см, ширина в торцевой части 3,8 см), подчетырёхугольного в сечении (рис. 4: 12). Он был обнаружен на дне в северной части сооружения, на глубине 74 см (уч. 9^а).

Кроме того, здесь был найден тёрочник из диорита (рис. 4: 15) длиной 9,2 см, максимальной шириной 4,7 см, на боковых поверхностях видны следы сработанности. Он был обнаружен на глубине 55 см в заполнении сооружения (уч. 10).

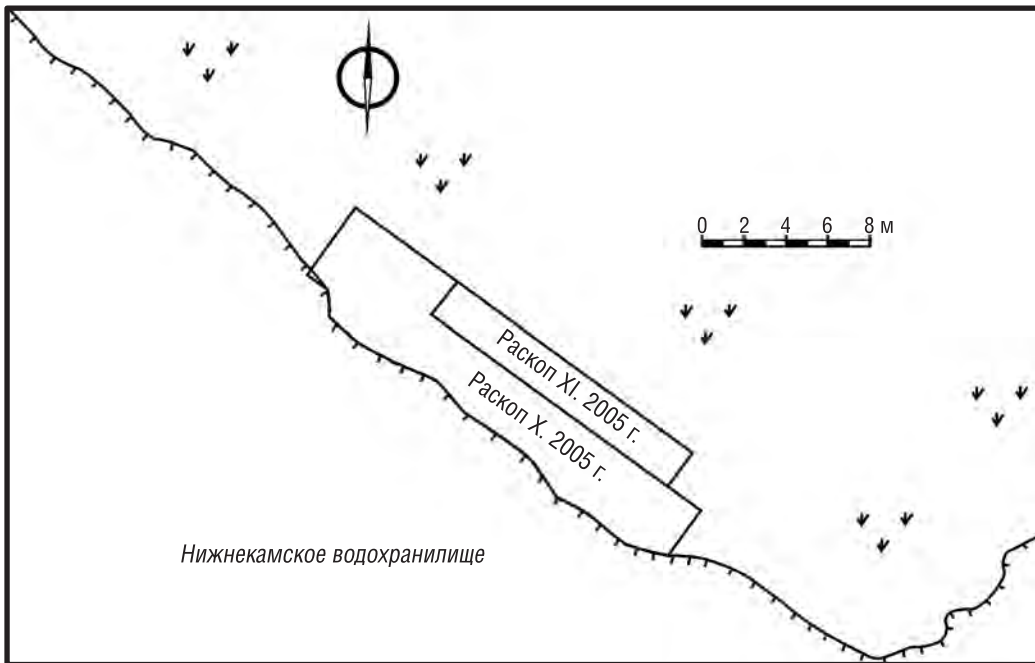
Здесь же, в верхней части заполнения сооружения, на глубине 40 см (уч. 9) найден скребок, изготовленный на отщепе.

Внутри сооружения № 1 (рис. 2: 2) отмечены также очертания шести столбовых ямок, которые оконтуривают южную часть котлована, образуя неправильный четырёхугольник (рис. 2: 4а–4е). Вероятно, они относятся к столбовым конструкциям, образующим каркас стенок данного сооружения.

Яма № 3 (рис. 3: 2). Раскоп X, уч. 8, 9; раскоп XI, уч. 5, 6. Очертания ямы неправильной формы, в плане напоминающие трёхлепестковую розетку, размерами 70–136×170 см были выявлены на глубине 40 см. Стенки ямы скошены, и у дна она сужается. Дно уплощённое, поверхность неровная. Заполнение ямы состоит из тёмно-серого суглинка, насыщенного фрагментами керамики атабаевского типа (рис. 5: 11, 16) и костями животных.

1

2

Рис. 1. Каентубинская островная стоянка.
1 – место расположения; 2 – общий план

Сооружения нижнего слоя Каентубинской островной стоянки

Яма № 1 (уч. 8, 9) подчетырёхугольной в плане формы (148×169 см) была выявлена на глубине 60 см (рис. 2: 3). Она имеет колоколовидную в разрезе форму, дно округлое. Заполнение ямы состоит из светло-серого суглинка, насыщенного мелким углями. В яме зафиксированы также кремнёвый наконечник стрелы (рис. 4: 4) и кремнёвая фигурка животного (рис. 4: 2).

Наконечник стрелы – листовидной формы из кремня плохого качества (рис. 4: 4). Кремень – опочный, серого цвета. Длина 3,6 см, ширина в наиболее широкой части 2 см. Обнаружен в верхней части ямы на глубине 65 см.

Фигурка животного, судя по всему медведя (рис. 4: 2), обнаружена на глубине 70 см, она изготовлена из грязно-серого опочного кремня на небольшом отщепе (длина 2,5 см, ширина 1,5 см). Изображение носит силуэтный характер, на спине отчётливо виден горб. С обеих сторон фигурка оформлена краевой ретушью. Не исключена и другая интерпретация – данный предмет можно связать с изображением кабана, так как в этой находке прослеживаются черты сходства с фигуркой, происходящей с поселения Юртик [1, рис. 21: 1].

Яма № 2 (рис. 3: 1), участки 10, 12, 14. Очертания подчетырёхугольной в плане ямы размерами 127×144 см были выявлены на глубине 60 см. Стенки ямы скошены, и у дна она сужается. Дно уплощённое, поверхность неровная. Заполнение ямы состоит из светло-серого суглинка, насыщенного мелкими углями и костями животных. В яме найдена фигурка животного из кремня. Это – крайне стилизованное изображение какого-то животного – ящерицы или бобра (?) (рис. 4: 3). Фигурка изготовлена на пластине высококачественного коричневого цвета кремня (длина 5,8 см, ширина 2,3 см). Изображено животное с выделенной небольшой головкой и широким лопастьевидным хвостом. Фигурка обнаружена на глубине 75 см в заполнении ямы. Ближайшие аналоги данному изделию прослеживаются в материалах Волосовской стоянки [2, рис. 3: 10].

Вещевой комплекс их раскопок

Глиняная посуда

Наиболее представительна среди материалов, полученных в результате работ на Каентубинской островной стоянке, лепная керамика. Всего удалось атрибутировать 205 фрагментов, которые подразделяются на шесть групп, относящихся: 1) к камской неолитической культуре – 9 фр. (рис. 3: 3–5); 2) к раннему энеолиту – керамика русско-азийского типа – 23 фр. (рис. 3: 6, 7); 3) к срубной общности – 28 фр. (рис. 5: 3, 4, 10); 4) к сусканско-луговской культуре – 10 фр. (рис. 5: 1, 2, 7); 5) к атабаевскому этапу маклашевской культуры – 131 фр. (рис. 5: 5, 6, 8, 9, 11–14, 16; 6: 1–4); 6) к маклашевской культуре – 4 фр. (рис. 5: 15).

В **нижнем слое** (светло-серый слабогумусированный суглинок) найдены 20 фрагментов – 9,7 % всей керамики из раскопок. Причём большая часть (12 фр.) относится к керамике неолита – энеолита: 25 % – камской неолитической культуры – 5 фр. (рис. 3: 3–5) и 35 % – русско-азийского типа – 7 фр. (рис. 3: 6). Меньшая часть (8 фр.) керамики из слоя принадлежит к позднему периоду эпохи бронзы: 35 % – к срубной: 7 фр. (рис. 5: 4) и 5 % – к сусканско-луговской (1 фр.) культурам.

С **верхним слоем** (тёмно-серый гумусированный суглинок) связано наибольшее количество атрибутированных находок керамики – 185 фрагментов (90,3 % всей керамики раскопа). 2,2 % (4 фр.) принадлежит к керамике камской неолитической культуры, 8,6 % (16 фр.) – к керамике русско-азийского типа (рис. 3: 7), 11,4 % (21 фр.) относится к срубной культуре (рис. 5: 3, 8), 5 % (9 фр.) – к сусканско-луговской культуре, 70,8 % всей керамики из данного слоя относится к посуде атабаевского (131 фр.) (рис. 5: 5, 6, 8, 9, 11–14, 15; 6: 1–4) и 2 % – маклашевского (4 фр.) (рис. 5: 15) типов.

Характеристика индивидуальных находок вне сооружений

В **нижнем слое** (светло-серый слабогумусированный суглинок) вне сооружений были обнаружены два скребка с полукруглым лезвием (рис. 4: 5, 6): участок 11, гл. 40 и 55 см соответственно.

Верхний культурный слой содержал в себе следующие находки.

Заготовки пряслиц или же ложила (?) (рис. 4: 10, 11): диаметр 3,4 и 4,5 см соответственно. Они были выполнены из стенок лепных глиняных сосудов, в тесте которых присутствовали примеси раковины. Стенки относятся к сосудам атабаевского этапа маклашевской культуры. Выявлены на глубине 30–35 см на участке 2^а на расстоянии 20 см друг от друга.

Отбойник (рис. 4: 13) из гальки, длина 5,2 см, ширина 4,2 см, со следами сработанности поверхности. Обнаружен на глубине 35 см на участке 2^а, рядом с заготовками пряслиц.

Фрагмент ножевидной пластины, возможно заготовки наконечника стрелы (рис. 4: 1), близкого по оформлению насада к наконечникам стрел раннего энеолита Иско-Бельского междуречья. Длина сохранившейся части – 2,3 см, изготовлен из кремня плохого качества грязно-белого цвета. Сохранился лишь насад наконечника. Изделие выявлено над сооружением № 1 на глубине 20 см на участке 13.

Карандашевидный нуклеус (рис. 4: 9), длина 4,5 см, диаметр верхней части 2,2 см, из кремня грязно-серого цвета плохого качества. Обнаружен на глубине 35 см на участке 13.

Кроме того, в верхнем слое найдены концевой-боковой скребок – участок 1, гл. 30 см (рис. 4: 7), заготовка тесла – уч. 11, гл. 35 см (рис. 4: 8), шлифованное тесло из низкосортного опочного кремня – уч. 4, гл. 30 см (рис. 4: 14).

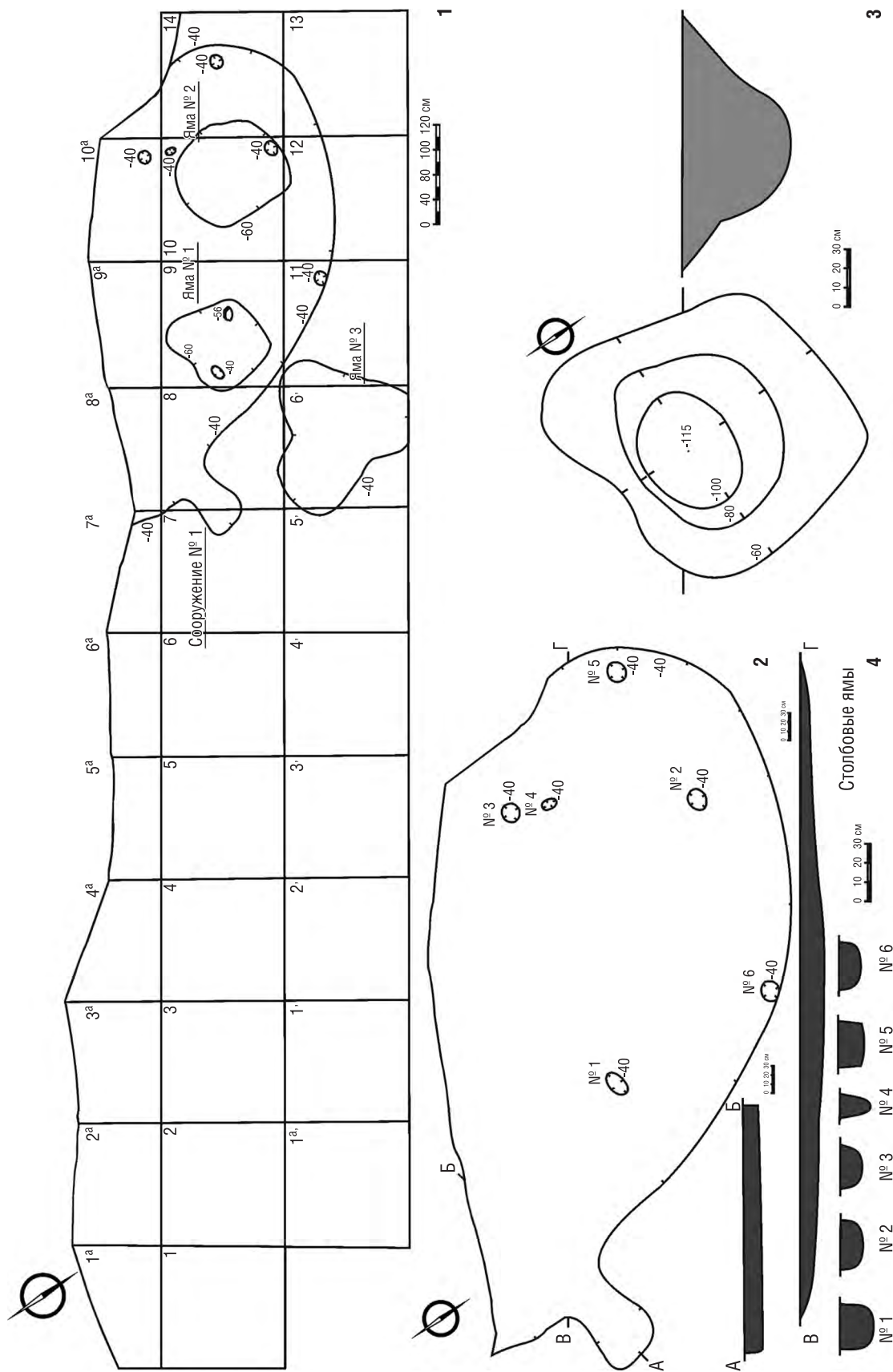

Рис. 2. Каентубинская островная стоянка. Раскопки 2005 г.
 1 – раскопы X–XI, план; 2 – сооружение № 1, план; 3 – яма № 1, план, разрез; 4 – раскоп X, сооружение № 1, разрез; столбовые ямы: № 1 – уч. 9; № 2 – уч. 10; № 3 – уч. 10^а; № 4 – уч. 10; № 5 – уч. 14; № 6 – уч. 11

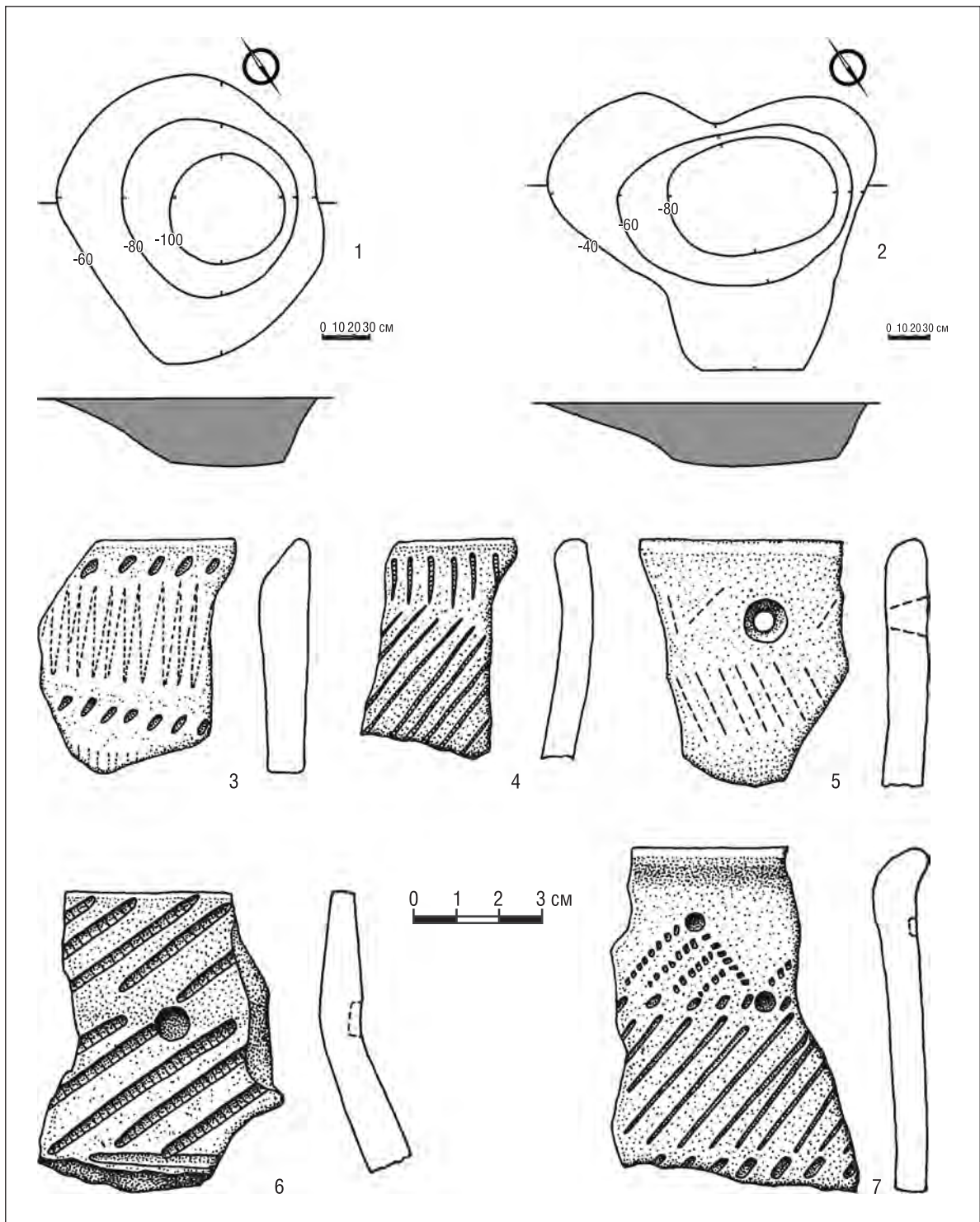

Рис. 3. Каентубинская островная стоянка. Раскопки 2005 г.
 1 – раскоп X, яма № 2; 2 – раскоп X, яма № 3; 3–7 – керамика: 3 – раскоп X, уч. 4, гл. 40 см;
 4 – раскоп XI, уч. 2, гл. 45 см; 5 – раскоп X, уч. 11, гл. 50 см; 6 – раскоп X, уч. 7, гл. 40 см;
 7 – раскоп X, яма № 3, гл. 60 см

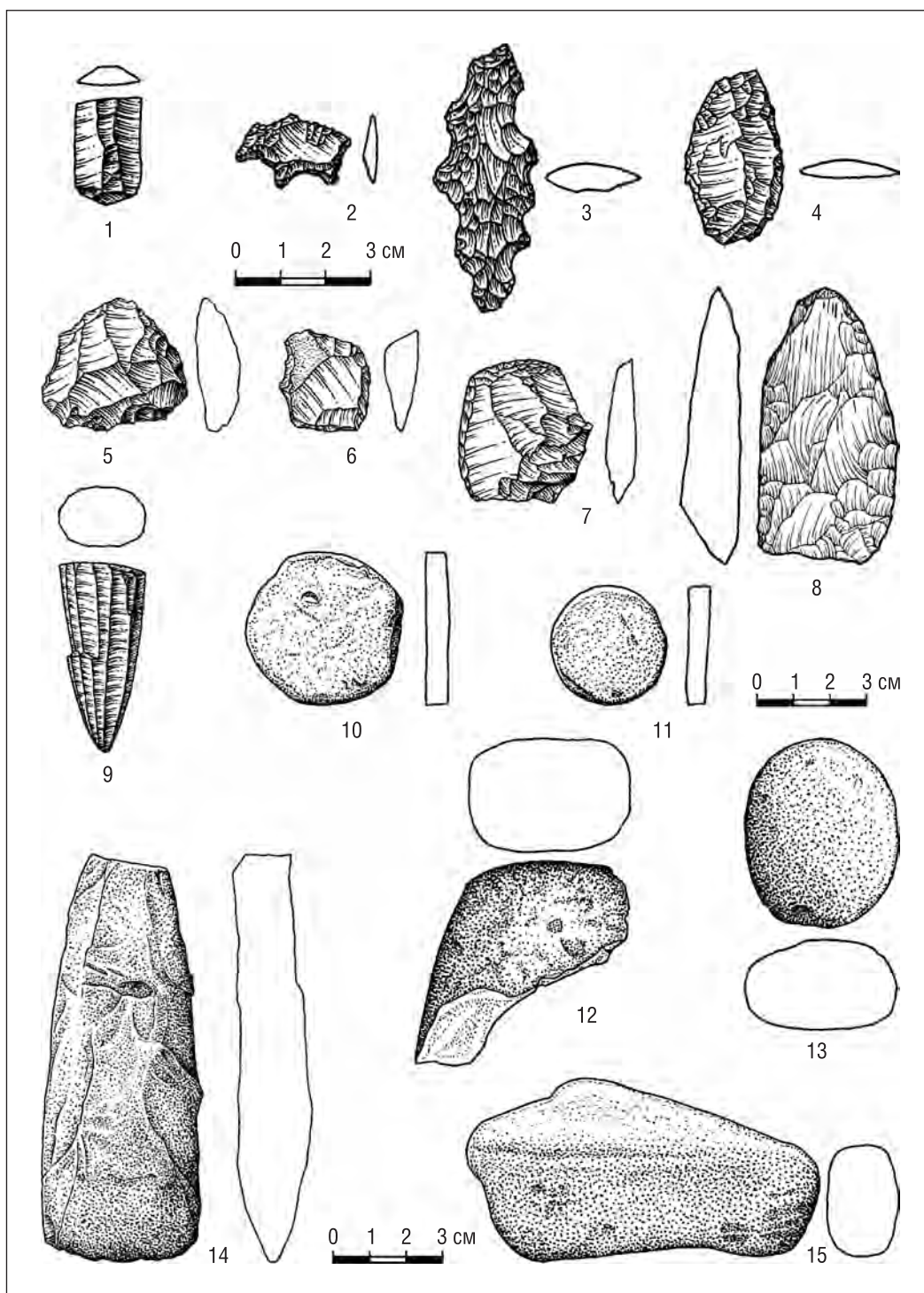

Рис. 4. Каентубинская островная стоянка. Раскопки 2005 г. Индивидуальные находки:

- 1 – фрагмент ножевидной пластины, уч. 13, гл. 20 см; 2 – фигурка медведя, яма № 1, уч. 9, гл. 70 см;
 3 – фигурка ящерицы, яма № 2, гл. 75 см; 4 – наконечник стрелы, яма № 1, гл. 65 см; 5 – скребок полукруглый,
 уч. 11, гл. 40 см; 6 – скребок полукруглый, уч. 11, гл. 55 см; 7 – скребок концевой-боковой, уч. 1, гл. 30 см;
 8 – заготовка тесла, уч. 11, гл. 35 см; 9 – карандашевидный нуклеус, уч. 13, гл. 35 см; 10 – заготовка пряслица (?),
 уч. 2^а, гл. 30 см; 11 – заготовка пряслица (?), уч. 2^а, гл. 30 см; 12 – фрагмент топора, сооружение № 1, уч. 9^а,
 гл. 74 см; 13 – отбойник, уч. 2^а, гл. 35 см; 14 – тесло, уч. 4, гл. 30 см; 15 – тёрочник, сооружение № 1, уч. 10,
 гл. 55 см. 1–9, 14 – кремень; 10, 11 – керамика; 12 – диорит; 13, 15 – гальки

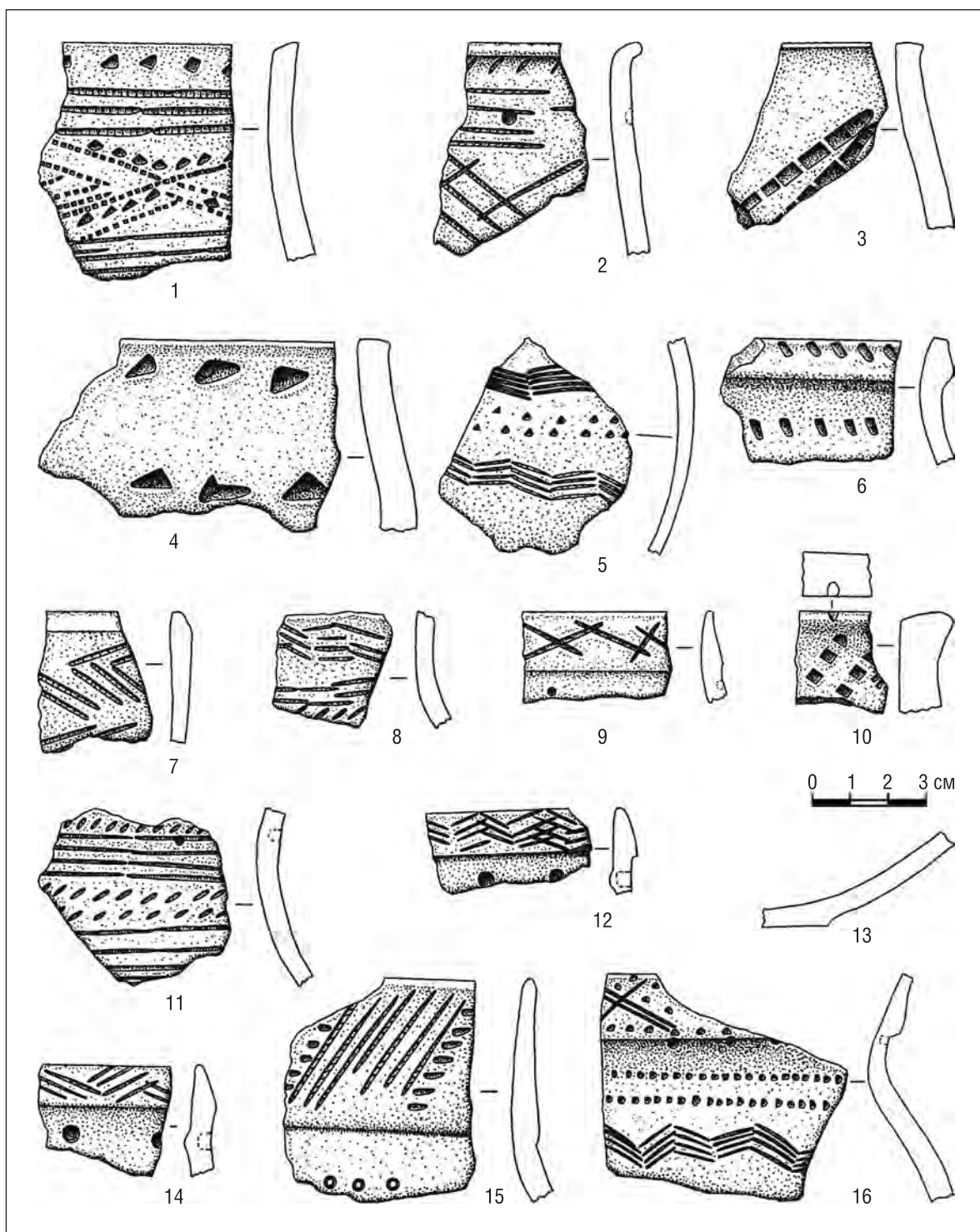

Рис. 5. Каентубинская островная стоянка. Раскопки 2005 г. Керамика:

1 – уч. 6, гл. 30 см; 2 – уч. 7, гл. 35 см; 3 – уч. 13, гл. 35 см; 4 – уч. 4, гл. 40 см; 5 – уч. 5^а, гл. 30 см;
 6 – уч. 3^а, гл. 30 см; 7 – уч. 6^а, гл. 40 см; 8 – уч. 9^а, гл. 30 см; 9 – уч. 14, гл. 45 см; 10 – уч. 6^а, гл. 30 см;
 11 – яма № 3, уч. 6, гл. 70 см; 12 – сооружение № 1, уч. 7, гл. 50 см; 13 – уч. 3, гл. 30 см; 14 – уч. 7, гл. 30 см;
 15 – уч. 3, гл. 25 см; 16 – яма № 3, уч. 6, гл. 45 см

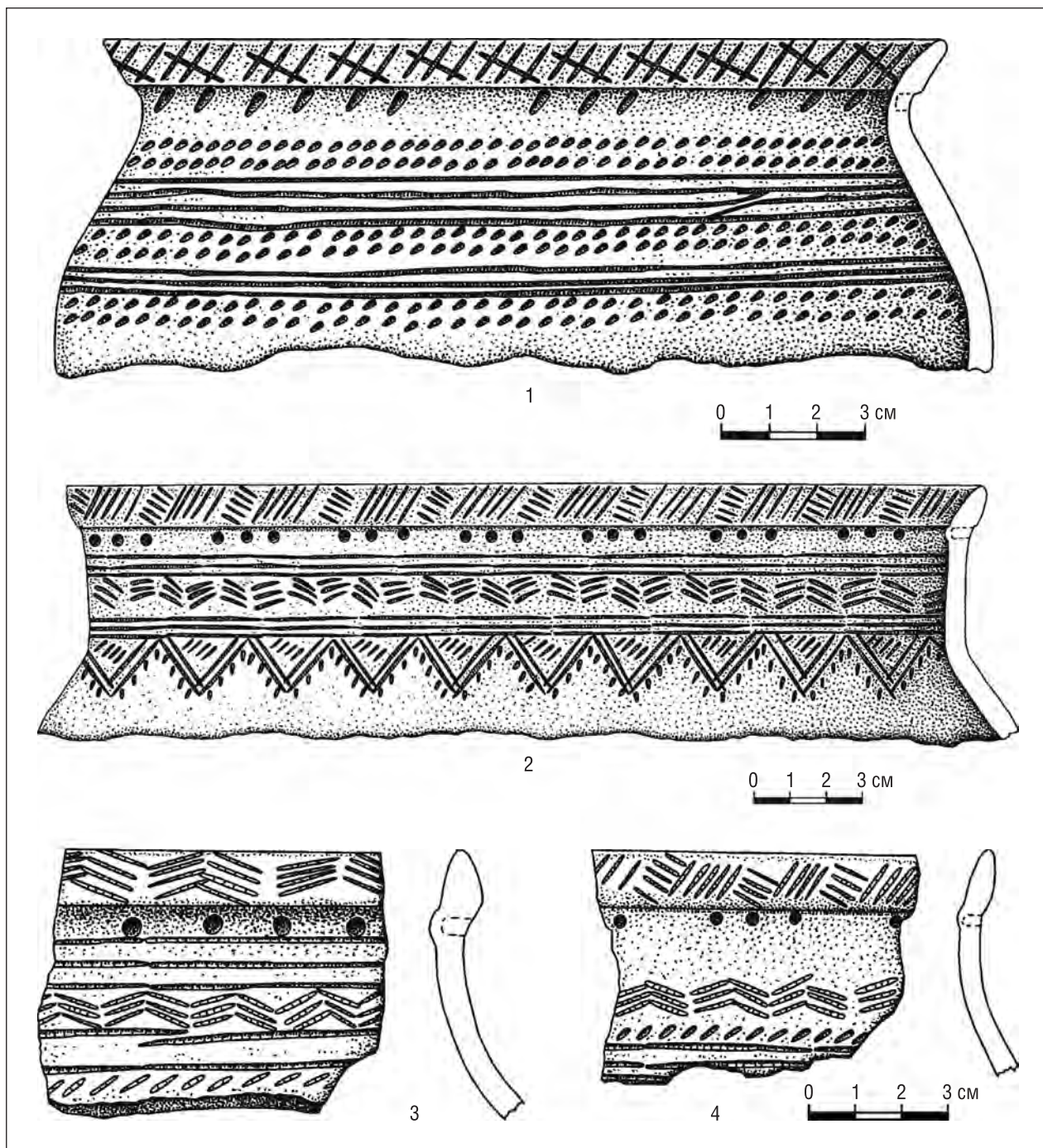

Рис. 6. Каентубинская островная стоянка. Раскопки 2005 г. Керамика:
 1 – уч. 3, гл. 30 см; 2 – сооружение № 1, уч. 9^а, гл. 45 см; 3 – сооружение № 1, уч. 8^а, гл. 50 см; 4 – уч. 4, гл. 25 см

Реконструируя историю Каентубинской островной стоянки, необходимо отметить, что было несколько этапов заселения территории памятника.

Судя по находкам из нижней части культурного слоя, наиболее ранний этап существования Каентубинской островной стоянки относится к неолиту. Именно керамика камской неолитической культуры фиксируется в самых глубоких слоях поселения. Она немногочисленна (9 фр.), вероятно, это связано со слабой заселённостью стоянки в неолите. Судя по фрагментам, сосуды имели закрытую форму, примесь песка и шамота в тесте. Толщина стенок укладывалась в пределы от 0,8 до 1,2 см. Сосуды имели сплошную орна-

ментацию всей поверхности. Орнаментальные мотивы состоят из сочетания поясов «шагающей гребёнки» и оттисков овального одночастного штампа (рис. 3: 3). Помимо этого, в орнаментации встречаются пояса из оттисков клиновидного (рис. 3: 4) и поставленного под наклоном «разреженного» (редкозубого) гребенчатых штампов. Ближайшие аналоги данной керамике прослеживаются на Игимской [3, с. 55–58, табл. XV–XVIII; 4, с. 24, рис. 13: 7, 9, 12] и Дубовогривской II [4, с. 80, рис. 40: 1, 4, 8] стоянках, Старо-Муштинском поселении [5, с. 64, рис. 6–7]. Камская неолитическая культура датируется в пределах 1-й пол. IV тыс. до н.э. Известны радиоуглеродные датировки, полученные для памятников этой культуры, и, в частности, по материалам Каентубинской островной стоянки: 5680±80 (Ki-14107), 5620±80 (Ki-14141) (раскопки 2004 г.), а также Лебединской II: 5670±100 (Ki-14905) и Сауз II: 5930±80 (Ki-14585), 5620±90 (Ki-14581) стоянок [6, с. 243].

На втором этапе заселения, который относится к раннему энеолиту, здесь обитали носители керамики русско-азибейского типа. Венчики сосудов имеют воротничковое оформление (рис. 3: 6), кроме этого встречены фрагменты, имеющие слегка отогнутый наружу край (рис. 3: 7). В глиняном тесте сосудов присутствует примесь песка и шамота. Судя по выявленной на раскопе керамике, посуда имела закрытую полуяйцевидную форму. По всей поверхности керамика орнаментирована. Среди орнаментальных мотивов присутствуют пояса из оттисков овального (рис. 3: 6) и клиновидного (рис. 3: 7) гребенчатых штампов. Встречаются также пояса из оттисков овального одночастного штампа (рис. 3: 7). Единичен мотив заштрихованного треугольника, выполненный «разреженным» (редкозубым) гребенчатым штампом в сочетании с круглыми ямочными вдавлениями (рис. 3: 7). Ближайшие аналоги воротничковой керамике рассматриваемого памятника прослеживаются в материалах Русско-Азибейской I стоянки [7, рис. 4: 7; 7: 7, 13]. Время существования русско-азибейской керамики в регионе укладывается в рамки сер. 2-й пол. IV тыс. до н.э. Эта дата основывается на серии радиоуглеродных анализов материалов с памятников Нижнего Прикамья, таких как Гулюковская I: 5460±80 (Ki-15073), Русско-Азибейская I: 5540±90 (Ki-14130), Татарско-Азибейская II: 5270±90 (Ki-14136), 4930±80 (Ki-14100) стоянки [6, с. 243].

К более позднему этапу энеолита относятся две кремнёвые фигурки, аналоги которым встречены на памятниках волосово-гаринской культурно-исторической общности; керамика этого времени в раскопе не выявлена. В раскопах предыдущих лет волосово-гаринская керамика фиксировалась. Это третий этап заселения стоянки. Интересен тот факт, что обе фигурки найдены в ямах № 1 и № 2, которые также можно сопоставить с поздним этапом энеолита. Датировка рассматриваемых фигурок может быть определена в рамках всего времени существования волосово-гаринской культурно-исторической общности: с начала 2-й четв. III тыс. до н.э. до 1-й четв. II тыс. до н.э. [8, с. 90–91; 9, с. 249–250] или даже с 4300 г. по 2000 г. до н.э. (калиброванные даты, вероятность – 95,4 %), по данным радиоуглеродного анализа [10, с. 32].

Судя по материалам поселений Икско-Бельского междуречья, начало существования волосово-гаринских памятников относится к более позднему времени – посл. четв. III тыс. до н.э. [11, с. 27]. Вероятно, к этому же периоду необходимо отнести и выявленные на Каентубинской островной стоянке фигурки.

С четвёртым этапом связана керамика срубной культурно-исторической общности. Срубная керамика из Каентубинской островной стоянки красноватого и серого цветов, черепок плотный, с примесями шамота в глине, толщина стенок – 0,8–1,2 см. Основным элементом орнамента являлись оттиски крупнозубой «гребёнки» (рис. 5: 3, 10) и подтреугольные вдавления (рис. 5: 4). Наиболее распространённая датировка срубных памятников в Среднем Поволжье – XVI–XV вв. до н.э. [8, с. 249], но не исключены и более ранние даты – XVIII–XV вв. до н.э. [12, с. 127].

Пятый этап представлен керамикой сусканско-луговской культуры. Это фрагменты сосудов с плавным профилем и короткой шейкой, черепок плотный, красноватый, с примесями раковины в глиняном тесте. Поверхность некоторых сосудов подлощена. Основным элементом орнамента – непрерывные оттиски гребенчатого штампа, образующие зигзаг (рис. 5: 7), ромб с бахромой (рис. 5: 1), выполненной подтреугольными вдавлениями, кроме того, в верхней части сосуда гребенчатым штампом наносились многорядные прямые линии (рис. 5: 1, 2), вероятно, имитирующие желобки. Часто в верхней части сосуда у края венчика фиксируются горизонтальные ряды подтреугольных вдавлений (рис. 5: 1). Толщина этой керамики составляет 0,5–0,7 см. Датировка сусканско-луговского керамического комплекса укладывается в рамки XV–XIV вв. до н.э. [13, с. 250–251].

С шестым этапом заселения стоянки соотносится посуда атабаевского типа, достоверно определён 131 фрагмент. Судя по количеству находок, это время наиболее интенсивного функционирования стоянки, именно с атабаевским этапом маклашеевской культуры связаны котлован сооружения № 1 и яма № 3. Атабаевская керамика – пористая, жёлто-оранжевого цвета, с примесью раковины в тесте (рис. 5: 5, 6, 8, 9, 11–14, 15; 6: 1–4). Толщина стенок сосудов – 0,5–0,7 см. В большинстве случаев венчик сосуда с внешней стороны украшен характерным валиком – приострѐнным (рис. 5: 6, 9, 12, 14; 6: 1, 3) или сглаженным (рис. 6: 2, 4). Внешняя поверхность сосудов – гладкая, заглаженная, орнамент размещался на горловине и в верхней трети тулова сосуда.

Судя по найденному фрагменту днища (рис. 5: 13) и аналогам, керамика данной группы – плоскодонная; в орнаментации преобладают оттиски гребенчатого и гладкого штампов. Основной орнаментальной композицией являются горизонтальные линии и зигзаг, а также пояски ямок и овальных вдавлений.

Дискуссия, возникшая в последние годы [14, с. 85; 15, с. 23] по вопросу объективности выделения керамики атабаевского в Прикамье [16, с. 241] или межовского на Южном Урале и в Зауралье [17, с. 359–362; 18] типов, привела к тому, что всё чаще происходит отказ от самого названия «керамика межовского типа» в

пользу термина черкаскульско-межовская [19, с. 116–118], атабаевско-межовская [20, с. 257; 13, с. 256], атабаевско-кайбельская [13, с. 250] или просто атабаевская.

Собственно понятие атабаевская керамика не тождественно понятию межовская, так как включает в себя всю валиковую керамику Нижнего Прикамья, как сходную с межовской, так и более позднюю, вошедшую в выделенную Л.И. Ашихминой быргындинскую культуру [21, с. 8–10]. В этом вопросе мы придерживаемся точки зрения А.Х. Халикова [22]. Именно поэтому здесь употребляется термин керамика атабаевского типа, которая, судя по материалам памятников Марийско-Чувашского и Казанского Поволжья, а также Нижнего Прикамья, является ранней формой керамики маклашеевской культуры и соотносится с её атабаевским этапом [23, с. 32].

В то же время мы не исключаем самостоятельного развития межовского комплекса в Предуралье, так как изменение атабаевской керамики в Нижнем Прикамье и Марийско-Чувашском Поволжье произошло под влиянием носителей средневожской «текстильной» культуры, что привело к образованию маклашеевского керамического комплекса [23, с. 32]. Регионы, не затронутые воздействием «текстильного» мира, сохранили в значительной степени своё своеобразие и ранний атабаевско-межовский облик керамики.

Л.И. Ашихмина определяет время появления валиковой керамики на поселениях Нижней Камы XII–XI вв. до н.э. [21, с. 9]. В пределах евразийского степного пояса валиковая керамика датируется XIII–XII вв. до н.э. [24, с. 140–144; 25, с. 85; 26, с. 191]. Эта дата в целом соответствует общей дате атабаевского этапа маклашеевской культуры, который относится к рубежу XIV/XIII–XII в. до н.э. [27, с. 173–176; 23, с. 32]. В этих же рамках, XIV–XII вв. до н.э., датируется межовский (валиковый) комплекс [28, с. 95]. Вероятно, именно в этих пределах необходимо датировать и атабаевский керамический комплекс Каентубинской островной стоянки.

Наличие в верхней части культурного слоя незначительного количества маклашеевской керамики (4 фр.) свидетельствует о продолжении существования поселения вплоть до конца бронзового века. Это керамика серого и оранжевого цветов (рис. 5: 1) с примесью раковины в тесте. Вся она найдена под дерновым покровом и на глубине не ниже 30 см от современной поверхности. Внешняя поверхность сосудов – гладкая, орнамент размещался только на горловине. Несмотря на немногочисленность находок посуды данного типа на памятнике, установлено, что характерной особенностью этой керамики являются группировка ямок по три и наличие плоского воротничка. Днища не выявлены, однако, судя по аналогам, керамика маклашеевского этапа маклашеевской культуры была круглодонной.

Датировка маклашеевского керамического комплекса Каентубинской островной стоянки также определяется по общей дате существования маклашеевского этапа маклашеевской культуры – в пределах XII/XI – I-й пол. IX в. до н.э. [29, с. 30–36; 23, с. 32].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ошибкина С.В.* Поселение Юртик. Результаты исследований // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980.
2. *Замятнин С.Н.* Миниатюрные кремневые скульптурки в неолите Северо-Восточной Европы // СА. X. 1948.
3. *Габяшев Р.С., Старостин П.Н.* Отчет о работах, проведенных летом 1970 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Набережно-Челнинского районов ТАССР // Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1970 году. Казань, 1971 // Архив ИА РАН. Р-1. № 4531.
4. *Габяшев Р.С., Старостин П.Н.* Отчет о работах, проведенных летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Набережно-Челнинского районов ТАССР // Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1971 году. Т. 1. Казань, 1972 // Архив ИА РАН. Р-1. № 4601.
5. *Матюшин Г.Н.* Памятники каменного века в низовьях р. Белой // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. М., 1972.
6. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
7. *Габяшев Р.С.* Русско-Азиевская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
8. *Королев А.И., Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006.
9. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Нео-Энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Планиграфические и хронологические структуры. М., 2010.
10. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М., 2011.
11. *Бушуев А.С., Чижевский А.А., Шитлов А.В.* Возможности кластерного метода анализа орнамента керамики и оценки сходства археологических памятников // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 152. Серия гуманитарные науки. Кн. 2. Ч. 1. Казань, 2010.
12. Каргалы. Том II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология / *Е.Н. Черных, Е.Ю. Лебедева, И.В. Журбин, Х.А. Лопес-Саец, П. Лопес-Гарсия, М.И.Н. Мартинес-Наваррете.* М., 2002.
13. *Колес Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
14. *Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991.
15. *Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Прииртышье: факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... д.и.н. М., 2011.
16. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

17. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
18. Обыденнов М.Ф. Межовская культура. Уфа, 1998.
19. Шорин А.Ф. Черкаскульско-межовские популяции и природная среда: динамика взаимодействия // Экология древних и современных обществ: тезисы докладов конференции. Тюмень, 1999.
20. Колев Ю.И. Керамические комплексы поселений позднего бронзового века в нижнем течении р. Сок // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999.
21. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры Среднего Прикамья: доклад на VI Международном конгрессе финно-угроведов // Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР. Вып. 119. Сыктывкар, 1985.
22. Халиков А.Х. Приказанская культура. М., 1980. (САИ. Вып. 1-24)
23. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. (Археология евразийских степей. Вып. 8).
24. Итина М.А. История степных племен Южного Приуралья. М., 1977.
25. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
26. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
27. Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург; Сургут, 2007.
28. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.
29. Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001.

*Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,
Казань*

*Школа № 4,
Набережные Челны*

A.A. Chizhevsky, A.V. Shipilov, N.M. Kaplenko

**KAENTUBINSKAYA ISLAND SITE OF THE NEOLITHIC – THE LATE PERIOD
OF THE BRONZE AGE (BASED ON THE RESEARCH OF 2005)**

Summary

The article summarizes the archaeological exploration of the site on Kaen-Tube Island. There were identified six chronological horizons of habitat from the Neolithic till the final period of the Bronze Age. The monument contained materials of Kama Neolithic culture, Russian-Azibeyks-type ceramics, flint sculptures of Volosovo-Garinskaya community, cribwork and Suskansko-Lugovskaya ceramics. Most of the identified ceramic items at the monument refer to Atabaevsky period of Maklasheevskaya culture. The final period of the site existence is marked by finds of Maklasheevskaya culture ceramics of the final of the Bronze Age.

*A.A. Chizhevsky, A.V. Shipilov
A.H. Halikov's Institute of Archaeology
of Republic of Tatarstan's Academy of Sciences,
30, Butlerova St., Kazan', 420012,
Republic of Tatarstan,
Russian Federation
E-mail: Chijevski@mail.ru
E-mail: shipilov_anton@mail.ru*

*N.M. Kaplenko
School № 4,
35, Hadi Taqtaş St., Naberezhnye Chelny, 423803,
Republic of Tatarstan,
Russian Federation
E-mail: kaplenko777@mail.ru*

А. Крийска, К. Нордквист, Д.В. Герасимов, С. Санделл

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ СО ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ В НАРВСКО-ЛУЖСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ, В ПОГРАНИЧЬЕ РОССИИ И ЭСТОНИИ

Введение

Нарвско-Лужское междуречье расположено на юго-восточном берегу Финского залива Балтийского моря, на границе между Эстонией и Россией, в нижнем течении двух крупных рек – Нарвы и Луги (рис. 1: А). На рассматриваемой территории представлены два типа ландшафта – приморская низменность в северной части и плато (Балтийский глинт) на юге. Приморская низменность, покровные отложения которой сложены морскими и аллювиальными наносами, в геологическом отношении представляет собой древний предглинтовый пляж, резко ограниченный с юга и востока кембрийским/ордовикским Балтийским глинтом. В силу своего расположения она на протяжении всего голоцена одновременно испытывала влияние двух процессов – гляциоизостатического подъема земной коры и эвстатических колебаний уровня мирового океана. В ходе трансгрессий и регрессий ландшафт приморской низменности претерпел в прошлом многократные изменения (подробно о палеогеографии региона см.: [1]).

Уже во второй половине XIX века было известно несколько каменных топоров, происходивших с территории Нарвско-Лужского междуречья [2, s. 54]. Однако систематические исследования каменного и бронзового веков в регионе начались лишь в 1930-е гг. благодаря работам Рихарда Индрекко [3; 4]. В 1950-х–1960-х гг. Ниной Николаевной Гуриной и Лембитом Янитсом был выявлен ряд новых памятников, на некоторых проведены раскопки [5; 6; 7] (подробную историографию до 1995 г. см. в [8]). В ходе этих работ на поселениях Рийгикюла I и II, а также Нарва Йоаорг были выявлены первые для региона материалы, относящиеся к традиции шнуровой керамики [9].

Новый этап систематических исследований Нарвско-Лужского междуречья на территории Эстонии начался в 1990-х, когда были открыты и частично исследованы раскопками несколько новых памятников, включая два поселения культуры шнуровой керамики (Рийгикюла IV и XIV) [10; 11]. С 2005 г. возобновились исследования и на российской территории. С этого времени исследования по обе стороны границы проводятся систематически каждый год в рамках общей исследовательской программы, объединяющей международную группу археологов и представителей естественно-научных дисциплин более чем из десяти научных учреждений России, Эстонии и Финляндии (специалисты по четвертичной и морской геологии, лимнологии, палеогеографии, геоморфологии, геохимии, геофизике, спорово-пыльцевому и диатомовому анализам).

В течение последнего десятилетия было выявлено более 50 новых археологических памятников, датируемых между 5100 и 2000 календарных лет до н.э. (частично опубликованы в [12; 13; 14; 15; 16]). Полученные результаты свидетельствуют, что Нарвско-Лужское междуречье было хорошо освоено человеком как минимум на протяжении поздних этапов каменного века. Кроме того, археологические данные являются важным источником для изучения изменений береговых линий и формирования ландшафта в регионе на протяжении среднего – позднего голоцена (см.: [1; 14]).

Исследования последних десятилетий позволили выявить, в том числе, 19 поселенческих комплексов со шнуровой керамикой (Нарва-Йыэсуу I, IIa, IIb, III, IV; Вяйке-Ропсу 1; Россонь 1a, 2, 3, 4, 7b, 7c, 8a, 9a, 9b, 10, 11, 12; Ломми III) и один могильник (Нарва-Йыэсуу IIb) (предварительные результаты опубликованы в [12; 13; 15; 16]) (рис. 1: Б). Для некоторых комплексов получены радиоуглеродные даты, укладывающиеся в промежуток 2800–2000 лет до н.э. (табл.). Число выявленных памятников культуры шнуровой керамики (общее количество – 24) весьма значительно для столь небольшого по площади региона, учитывая, что на всей огромной территории Восточной Балтики от Калининградской области до Финляндии известно около 500 поселений и стоянок и около 80 могильников, относящихся к этой традиции [17]. Настоящая статья содержит краткий обзор основных результатов исследований памятников со шнуровой керамикой в Нарвско-Лужском междуречье.

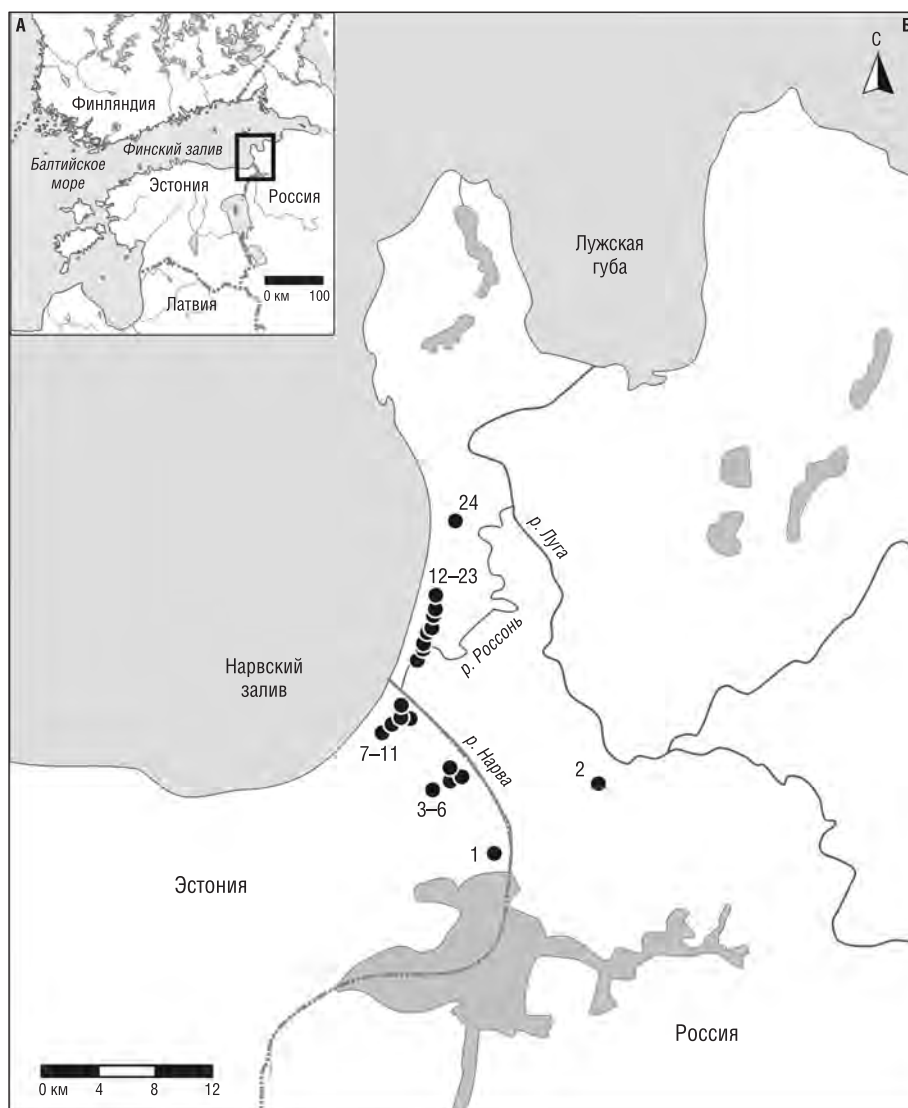

Рис. 1. Регион исследования и памятники со шнуровой керамикой:

А – расположение региона исследований; Б – памятники со шнуровой керамикой в Нарвско-Лужском междуречье: 1 – Нарва Йоаорг; 2 – Ломми III; 3–6 – Рийгикюла I, II, IV, XIV; 7–11 – Нарва-Йыгэсуу I, II, III, IV; 12–23 – Россонь 1a, 2, 3, 4, 7b, 7c, 8a, 9a, 9b, 10, 11, 12; 24 – Вяйке-Ропсу 1

Памятники, находки и система расселения

Исследованные памятники культуры шнуровой керамики различаются по расположению, мощности и насыщенности культурного слоя. Хотя многие стоянки весьма компактны и невелики по площади, в целом памятники Нарвско-Лужского междуречья размерами и числом находок превосходят среднестатистические памятники культуры шнуровой керамики восточной части региона Балтийского моря (см.: [9, с. 61–63; 10, с. 70; 18, с. 92]). Площадь наиболее крупных поселений (Рийгикюла XIV и Нарва-Йыгэсуу IIb) превышает половину гектара. Площадь памятников близ р. Россонь варьирует от 150–300 кв. м до 4500 кв. м. Вследствие масштабных лесных пожаров здесь был сведён лес и проведена однократная распашка под лесопосадки, что позволило с высокой степенью достоверности оценить площадь памятников по распространению подъёмного материала.

Мощность культурного слоя на памятниках обычно составляет 20–30 см. В пределах двух полуземляночных жилищ, зафиксированных на памятнике Нарва-Йыгэсуу IIb, толщина культурных напластований достигает 1,5 м. Оба жилища имели котлованы прямоугольной формы глубиной около 1 м. Насыщенные углём зоны, зафиксированные вблизи стен котлованов, позволяют предположить наличие у постройки бревчатого каркаса (рис. 2). Размеры жилища пока точно не определены, но стены имели длину как мини-

Рис. 2. Нарва-Йыэсуу Пб. Часть котлована полуземляночного жилища. Вид с юго-востока

мум 3–4 м. В одном из котлованов было зафиксировано кострище.

Состав находок с поселенческих комплексов достаточно однообразен (рис. 3). В коллекциях представлены преимущественно фрагменты керамики, в ряде случаев – кварцевые и кремнёвые артефакты, а также шлифовальные плиты [10, с. 63; 11, с. 33–34]. Фрагмент боевого топора, найденный на памятнике Россонь 9, является, скорее, исключением. Конечно, в тех случаях, когда культурный слой перемешан и содержит материалы разных хронологических этапов, выделение каменного инвентаря, относящегося к культуре шнуровой керамики, проблематично. Однако, по крайней мере на Рийгикюла XIV и Нарва-Йыэсуу Пб, материалы происходят из надёжного неперетолженного контекста.

Шнуровая керамика (частично опубликована: [8, с. 64–69; 11, с. 34–35; 12, с. 24; 16, с. 20; 19, с. 21]) в основном представлена фрагментами плоскодонных сосудов и лишь изредка фрагментами кубков. Сосуды изготавливались преимущественно из глиняного теста с органической примесью (измельчённые растительные волокна), в редких случаях – из теста с минеральными добавками (дресва, песок, шамот). Известны также сосуды, сделанные из теста с комбинированными органическими и минеральными добавками. Кубки в основном лепились из теста с минеральными примесями. Сосуды изготавливались ленточным способом внахлёт. Поверхность сосудов выглажена либо выровнена, часто имеет отпечатки плетёных волокон. Элементы орнаментации – ямки, насечки, отпечатки шнура и прочерченные линии – расположены только в верхней части сосудов, преимущественно на шейке и венчике. На некоторых сосудах изредка встречаются отпечатки текстиля.

К настоящему времени получены шесть радиоуглеродных дат с пяти памятников (табл.). Согласно АМС-датам по жжённым костям животных, поселение

Радиоуглеродные датировки памятников со шнуровой керамикой в Нарвско-Лужском междуречье
Calibrated by OxCal v4.2 [20].; r5; IntCal13 atmospheric curve [21]

N	Поселение	Лабораторный индекс	Возраст ^{14}C ВР	Калиброванный возраст (вероятность 95,4 %) cal BC	Материал	Метод
1	Рийгикюла XIV	Ta-2680	3970±100	2865–2200	Древесный уголь	обычный
2	Вяйке-Ропсу I	Hel-2516	3607±31	2111–1887	Кальцинированная кость	АМС
3	Нарва-Йыэсуу Пa	Hel-2740	3931±35	2562–2299	Нагар с фрагмента шнуровой керамики	АМС
4	Россонь Ia	Hel-2744	3725±40	2284–2041	Кальцинированная кость	АМС
5	Нарва-Йыэсуу Пб	Poz-58913	4215±35	2904–2678	Кальцинированная кость	АМС
6	Нарва-Йыэсуу Пб	Poz-58914	3755±30	2284–2041	Кальцинированная кость	АМС

Нарва-Йыэсуу Пв функционировало как минимум около 2800 лет до н.э. и около 2200 лет до н.э. Анализ пищевого нагара с фрагмента шнуrowой керамики из раскопок Нарва-Йыэсуу Па показал усреднённый возраст – около 2400 лет до н.э. Дата около 2200 лет до н.э. была получена по жжённой кости животного с памятника Россонь 1. Однако значения $\delta^{13}\text{C}$ (-30,5 для образца из Нарва-Йыэсуу Па и -28,2 для образца из Россонь 1) свидетельствуют, что на радиоуглеродный возраст этих двух образцов воздействовал резервуарный эффект и календарный возраст их, вероятно, удревшён. Наиболее молодая радиоуглеродная дата – около 2000 лет до н.э. – получена с памятника Вяйке-Ропсу 1.

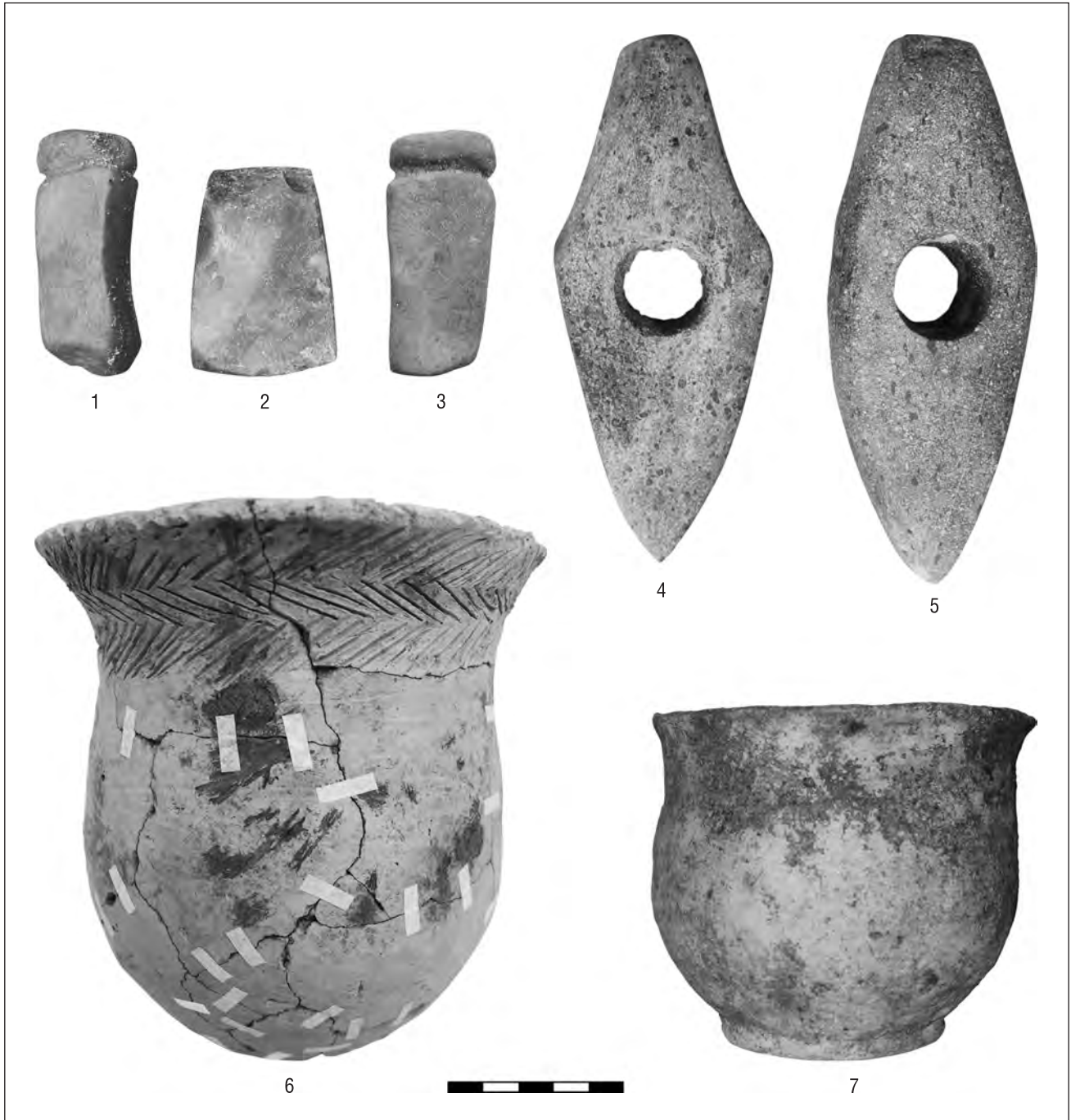

Рис. 3. Нарва-Йыэсуу Пв. Инвентарь из могил:
1, 3 – точильные камни; 2 – кремнёвое тесло; 4–5 – боевые топоры; 6–7 – кубки шнуrowой керамики

Рис. 4. Нарва-Йыэсуу IIb. Двойное погребение. Вид с юго-запада

Для памятников культуры шнуровой керамики в Нарвско-Лужском междуречье могут быть выделены два основных варианта ландшафтно-топографической приуроченности. Основным различающим фактором в системе расположения памятников является наличие либо отсутствие берега реки либо иной акватории вблизи поселения/стоянки. Некоторые поселения были расположены непосредственно на берегу крупной реки – Нарвы (Рийгикюла I и II; Нарва Йоаорг) либо на берегах малых рек, её притоков (Ломми III и, возможно, Нарва-Йыэсуу I, IIa, IIb, III и IV). Значительное количество памятников в настоящее время приурочено к небольшим, до 70 м в поперечнике, зарастающим озерам (Россонь 1–10, 12). Некоторые памятники, такие как Вяйке-Ропсу 1, обнаружены вдалеке как от современных, так и от древних водоёмов.

Два погребения, относящиеся к традиции шнуровой керамики, были выявлены на памятнике Нарва-Йыэсуу IIb (рис. 4). Могилы расположены в нескольких метрах друг от друга, и обе ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. Размеры могильных ям – около 2 м в длину и 0,5–1 м в ширину, глубина – 1,2–1,4 м от современной поверхности. Человеческие останки практически полностью разложились, однако наличие сопровождающего инвентаря подтверждает интерпретацию этих земляных структур как погребений. Первое погребение может рассматриваться как двойное, поскольку в нём найдены два набора инвентаря (кроме того, в погребении были выявлены зубы ребёнка). Инвентарь одного из погребённых в этой могиле представлен боевым топором, точилом, кубком шнуровой керамики и, вероятно, янтарной подвеской; инвентарь другого (ребёнка) состоял из боевого топора, кубка шнуровой керамики и другого маленького керамического сосуда. Второе погребение содержало, по-видимому, одиночное захоронение в сопровождении кубка шнуровой керамики, четырёхгранного кремнёвого тесла и точильного камня.

Обсуждение и выводы

Выявленные и исследованные в последние десятилетия в Нарвско-Лужском междуречье памятники шнуровой керамики существенно расширяют наши знания о рассматриваемом периоде, а также предоставляют данные, как подтверждающие, так и противоречащие целому ряду существующих в настоящее время идей и представлений. Большинство известных ранее памятников и археологических коллекций шнуровой керамики из восточной части Балтики содержит материалы, смешанные с материалами более ранних или более поздних периодов [8, с. 70]. В то же время в Нарвско-Лужском междуречье имеется уникальная возможность исследовать комплексы культуры шнуровой керамики без примеси или с минимальной примесью артефактов, относящихся к другим периодам доистории.

Археологические коллекции с памятников довольно однообразны и характеризуются весьма малочисленным каменным инвентарём. Это соответствует наблюдениям, сделанным в других частях Балтийс-

кого побережья [9, с. 61–63; 18, с. 92; 22, с. 39–42]. Материалы, полученные раскопками в Рийгикюла и Нарва-Йыэсуу, как и подъёмный материал, собранный на памятниках у р. Россонь, свидетельствуют, что немногочисленность каменного инвентаря действительно характерна для памятников культуры шнуровой керамики и не связана с недостаточной тщательностью или ограниченной площадью раскопок. Причины этой особенности археологических комплексов могут быть различны, включая возможное замещение изделий из камня изделиями из других материалов. Костяные и роговые орудия (шилья, ножи, долота, остроги, фурнитура одежды) из погребений культуры шнуровой керамики с территории Эстонии [23, table 2] свидетельствуют о большом разнообразии используемых орудий, изготовленных не из камня, однако, к сожалению, костяные и роговые орудия, происходящие из раскопок поселений культуры шнуровой керамики, имеют очень плохую сохранность. Другим фактором, который может объяснять снижение доли кварцевых и кремнёвых изделий на поселениях, является вероятное замещение орудий разных типов многофункциональными кремнёвыми ножами. Такие ножи, изготовленные на длинных кремнёвых пластинах, являются типичными находками для рассматриваемого периода и весьма часто встречаются в погребениях культуры шнуровой керамики [24, lk. 81]. Помимо малой доли каменного инвентаря, выявлены другие особенности каменной индустрии носителей культуры шнуровой керамики, в частности, использование биполярной техники расщепления кварца [11, р. 34].

Керамика, найденная на памятниках Нарвско-Лужского междуречья, выглядит весьма однотипно, по крайней мере по существующему состоянию изученности и безотносительно абсолютных датировок. Органическая примесь в тесте, отпечатки волокон на поверхности, как и форма сосудов, находят чёткие соответствия в керамике с соседних территорий. Сходство керамических комплексов позволяет даже предположить существование на территории Эстонии, Северной Латвии, Ингерманландии и Карельского перешейка в России, в Юго-Восточной Финляндии особой культурной традиции круга культур шнуровой керамики. Однако характеристика этого феномена и выяснение причин его формирования требуют дальнейшего изучения.

Остатки двух полуземляночных жилищных сооружений, выявленные на памятнике Нарва-Йыэсуу Пб, в своём роде уникальны для круга культур шнуровой керамики Балтики. До настоящего момента на сопредельных территориях не были выявлены структуры, которые можно было бы с достаточной уверенностью интерпретировать как остатки жилищных конструкций. Ближайшие возможные остатки жилых сооружений были найдены на поселении Валма в Центральной Эстонии. На памятнике были выявлены две пары очагов с каменными обкладками, находящиеся в четырёх-пяти метрах друг от друга. Было высказано предположение, что очаги могут маркировать расположение двух параллельных друг другу длинных жилищ [25, lk. 105–106]. На памятнике Малмбакен в Южной Финляндии две узкие овальные западины длиной до четырёх метров и глубиной более метра, заполненные культурным слоем, были интерпретированы как остатки полуземляночных жилищ или «жилищные ямы» [22, s. 40–41]. Однако такая интерпретация не согласуется полностью с имеющимися данными, и, возможно, ямы не являются остатками жилищ культуры шнуровой керамики. Ближайшие достоверные остатки таких жилищ известны в Швеции и, если так называемая культура Ржуцево также является частью круга культур шнуровой керамики, – в юго-восточной части Балтийского побережья в Польше, Калининградской области и в Литве. Как и жилища, остатки которых выявлены на памятнике Нарва-Йыэсуу Пб, некоторые жилища культуры Ржуцево и шведской культуры боевых топоров были полуземляночными, хотя и менее глубокими, и изготовлены с использованием плетней [26; 27, с. 30–41; 28, р. 29]. Единственные параллели бревенчатым каркасам, зафиксированным на Нарва-Йыэсуу Пб, найдены нами среди древностей балановской группы памятников в бассейнах рек Оки и Вятки [29, с. 78].

Ландшафтно-топографическая приуроченность памятников культуры шнуровой керамики в Нарвско-Лужском междуречье, как и в других её ареалах, отличается от памятников более ранних периодов. Конечно, и ландшафтно-географические условия изменились в период распространения культуры шнуровой керамики. В регрессивную стадию Литоринового моря крупные сообщающиеся с морем лагуны были изолированы песчаными косами, в лагунах сформировалось множество мелких островов. С конца VI тыс. до н.э. и позднее носители традиции нарвской керамики, а с начала IV тыс. до н.э. носители традиции гребенчато-ямочной керамики располагали свои поселения, как правило, по берегам лагун и на длинных косах [1, fig. 7: E–F; 30, р. 174]. С течением времени лагуны были полностью изолированы от моря и постепенно зарастали, и к III тыс. до н.э. ландшафт на рассматриваемой территории был, возможно, в определённой мере схож с современным и представлял собой песчаные гряды, разделённые небольшими речками, озёрами, озерцами и заболоченными участками [1, fig. 7: I]. Как указывалось выше, в рассматриваемый период поселения были связаны с берегами рек и маленьких озёр, стоянки, связанные с морским побережьем, неизвестны. Тем не менее отличие системы расселения в культуре шнуровой керамики от таковой в предыдущих культурных традициях объясняется не только природными изменениями. Исчезновение прибрежных поселений отмечается для этого времени и в других частях Балтийского побережья [10, р. 71–72; 31, s. 75; см. также 32].

Более вероятно, изменения в системе расселения являются отражением общего изменения образа жизни древнего населения и системы жизнеобеспечения. Хотя наличие производящего хозяйства фиксируется в материалах культуры шнуровой керамики на территории Эстонии – в погребениях найдены кости домашних животных (овцы/козы, свиньи и коровы) [23]; в болотных и озёрных отложениях соответствующего возраста выявлена пыльца культурных злаков (*Cerealia*), в частности, определены ячмень (*Hordeum*) и пше-

ница (*Triticum*) (см.: [33]); и даже был обнаружен отпечаток ячменного зерна на фрагменте сосуда шнуровой керамики в Северной Эстонии [34, лк. 165, 168–169], признаки производящего хозяйства не выявлены в археологических материалах культуры шнуровой керамики из Нарвско-Лужского междуречья, а результаты детальных спорово-пыльцевых анализов ещё не получены. Лишь несколько костей пресноводных рыб (щука, окунь, карп) и несколько трубчатых птичьих костей были определены в коллекции сильно фрагментированных пережжённых костей [10, р. 74]. Ведущиеся в настоящее время археозоологический анализ и анализ растительных макроостатков из культурного слоя Нарва-Йыэсуу Пб, а также палинологический анализ образцов из донных отложений озера близ памятников у р. Россонь, возможно, позволят получить новые данные о системе жизнеобеспечения и хозяйстве носителей культуры шнуровой керамики, населявших регион.

Памятники шнуровой керамики в Нарвско-Лужском регионе, как и в остальных частях Восточной Балтики, обычно невелики по площади, имеют относительно небольшую мощность культурного слоя, слабо насыщенного артефактами. Возможно, такие характеристики свидетельствуют о том, что отдельные памятники в основном являются остатками хозяйства одной семьи [10, р. 74; 34, лк. 444]. В то же время такие памятники, как Рийгикюла XIV, Нарва-Йыэсуу Пб и Россонь 9, являются свидетельством существования крупных поселений с мощным культурным слоем, насыщенным археологическим материалом: на Рийгикюла XIV шурфовкой выявлены как минимум три различные хозяйственные зоны, на Нарва-Йыэсуу Пб зафиксированы остатки как минимум двух жилищных конструкций. Поскольку имеющиеся радиоуглеродные даты с памятника Нарва-Йыэсуу Пб позволяют предположить одновременность функционирования для разных частей памятника, возможно, не вся площадь памятника использовалась в конкретный период существования поселения, и, соответственно, выявленные структуры могли быть не одновременны (возможно, это относится и к Рийгикюла XIV и Россонь 9). Для решения этих вопросов требуются дальнейшие исследования и большее число радиоуглеродных датировок.

В Нарвско-Лужском междуречье известен лишь один могильник культуры шнуровой керамики. Тем не менее погребения на памятнике Нарва-Йыэсуу Пб имеют особенности, отличающие их от других погребальных комплексов культуры шнуровой керамики на территории Эстонии. Боевые топоры, найденные в двойном погребении, представляют тип, малораспространённый в восточной части Балтики. По морфологии эти топоры находят ближайšie аналоги в материалах фатьяновской культуры в Волго-Окском междуречье [35, с. 54–55; 36, рис. 22–23]. До Нарвы-Йыэсуу Пб лишь несколько экземпляров фатьяновских топоров было найдено на территории Эстонии, из них один происходил из окрестностей г. Нарва [37, с. 89]; четыре топора были найдены на территории Финляндии и три – на Карельском перешейке [38, table 1]. Маленький глиняный сосуд в форме миски, также обнаруженный в двойном погребении, представляется уникальным в контексте эстонских материалов. Близкие аналоги этому предмету также могут быть найдены среди фатьяновских материалов [36, рис. 42; 39, рис. 31]. Хотя новые находки, вероятно, могут свидетельствовать о наличии особых связей между Нарвско-Лужским регионом и территорией распространения фатьяновской культуры в III тыс. до н.э., характер этих связей является предметом будущих детальных исследований.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Эстонского совета по научным исследованиям в рамках исследовательского проекта «The reflections of the Eurasian Stone and Bronze Age social networks in the archaeological material of the Eastern Baltic»; Европейского Союза через Центр передового опыта теории культуры Тартуского университета (Эстония); Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия); Университета Оулу (Финляндия) и Финляндской академии наук в рамках исследовательского проекта «The use of materials and the Neolithisation of north-east Europe (с 6000–1000 BC)»; компанией Arheograator Osäühing (Эстония).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rosentau, A., Muru, M., Kriiska, A., Subetto, D., Vassiljev, J., Hang, T., Gerasimov, D., Nordqvist, K., Ludikova, A., Lõugas, L., Raig, H., Kihno, K., Aunap, R., Letyka, N. Stone Age Settlement and Holocene Shore Displacement in the Narva-Luga Klint Bay Area, Eastern Gulf of Finland // *Boreas*, 42 (4). Oslo, 2013.
2. Tallgren, A.M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom Anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. (Acta Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). В III:6.) Dorpat, 1922.
3. Indreko, R. Kiviaja võrgujäänuste leid Narvas // *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat VII*. Tartu, 1932.
4. Indreko, R. Bemerkungen über die wichtigsten steinzeitlichen Funde in Estland in den Jahren 1937–1943 // *Antikvariska Studier*, III. (KVHAA Handlingar.) Stockholm, 1948.
5. Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции). М.; Л., 1967. (МИА. № 144)
6. Jaanits, L. Neoliitilised asulad Eesti NSV territooriumil // *Muistsed asulad ja linnused*. Tallinn, 1955.
7. Jaanits, L. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland // *Finskt Museum*, LXXII. Helsinki, 1965.
8. Kriiska, A. Stone Age Settlements in the Lower Reaches of the Narva River, North-Eastern Estonia // *Coastal Estonia: Recent Advances in Environmental and Cultural History*. Rixensart, 1996. (PACT, 51)
9. Jaanits, L. Venekirveste kultuuri asulatest Eestis // *Pronksiajast varase feodalismini. Uurimusi Baltimaade ja naaberlade arheoloogias*. Tallinn, 1966.
10. Kriiska, A. Corded Ware Culture Sites in North-Eastern Estonia // *De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits*. Tallinn, 2000. (Muinasaja teadus, 8)

11. Kriiska, A., Nordqvist, K. Archaeological Fieldwork at Stone Age Settlement Sites in Riigiküla, North-Eastern Estonia // Archaeological Fieldwork in Estonia, 2006. Tallinn, 2007.
12. Герасимов Д.В., Крийска А., Холкина М.А. Археологические исследования 2012 г. на Кудрукюльской палеокозе в Нарвско-Лужском междуречье // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013.
13. Герасимов Д.В., Крийска А., Лисицын С.Н. Памятники каменного века юго-восточного побережья Финского залива: хронология и геоморфология // КСИА. Вып. 227. 2012.
14. Герасимов Д.В., Крийска А., Нордквист К. Изменения береговых линий Финского залива по археологическим данным: современное состояние проблемы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань, 2014.
15. Kriiska, A., Nordqvist, K. Results of Archaeological Fieldwork in Narva-Jõesuu in 2009 // Minevikupäränd tänases päevas. Uurimusi Narva piirkonna ajaloost. Narva, 2010. (Narva Muuseumi toimetised, 10)
16. Kriiska, A., Nordqvist, K. Arheoloogilised väljakaevamised Narva-Jõesuu IIa neoliitilisel asulakohal 2010. aastal // Märgilised mälestised. Uurimusi Narva piirkonna ajaloost. Narva, 2012. (Narva Muuseumi toimetised, 12)
17. Nordqvist, K., Kriiska, A., Mökkönen, T. The Corded Ware Phenomenon in the Eastern Part of the Baltic Sea // Włodarczak, P. (ed.). Corded World: Proceedings of the International Conference «Corded Days in Kraków» 1st–3rd December 2011. Kraków. В печати.
18. Girininkas, A. Migraciniai procesai Rytų Pabaltijyje vėlyvajame neolite // Lietuvos Archeologija, 23. Vilnius, 2002.
19. Kriiska, A., Rappu, M. Riigiküla II asulakoha 2006.–2007. aasta arheoloogiliste päästekaevamiste tulemused // Maal, linnas ja linnuses. Uurimusi Narva piirkonna ajaloost. Narva, 2008. (Narva Muuseumi toimetised, 8)
20. Bronk Ramsey, C. OxCal (Computer Program). Version 4.2. <http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal/OxCal.html> – см. Bronk Ramsey, C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon, 51 (1). Tucson, 2009.
21. Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Hafliðason, H., Hajdas, I., Hatté, C., Heaton, T.J., Hoffmann, D.L., Hogg, A.G., Hughen, K.A., Kaiser, K.F., Kromer, B., Manning, S.W., Niu, M., Reimer, R.W., Richards, D.A., Scott, E.M., Southon, J.R., Staff, R.A., Turney, C.S.M., van der Plicht, J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years Cal BP // Radiocarbon, 55 (4). Tucson, 2013.
22. Edgren, T. Studier over den snörkeramiska kulturens keramik i Finland. Helsinki, 1970. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, LXXII)
23. Lõugas, L., Kriiska, A., Maldre, L. New Dates for the Late Neolithic Corded Ware Culture Burials and Early Husbandry in the East Baltic Region // Archaeofauna, 16. Madrid, 2007.
24. Kriiska, A., Tsvauri, A. Eesti muinasaeg. Tallinn, 2002.
25. Jaanits, L., Laul, S., Lõugas, V., Tõnisson, E. Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.
26. Larsson, Å.M. Taking out the Trash. On Excavating Settlements in General, and Houses of the Battle Axe Culture in Particular // Current Swedish Archaeology, 15–16. Stockholm, 2009.
27. Зальцман Э.Б. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. Тверь, 2010. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 14)
28. Rimantienė, R. Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius, 1989.
29. Бадер О.Н., Халиков А.Х. Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР)
30. Kriiska, A. Formation and Development of the Stone Age Settlement at Riigiküla, Northeastern Estonia // Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region. Rixensart, 1999. (PACT, 57)
31. Edgren, T. Kivikausi // Suomen historia, 1. Espoo, 1984.
32. Mökkönen, T. Studies on Stone Age Housepits in Fennoscandia (4000–2000 Cal BC): Changes in Ground Plan, Site Location and Degree of Sedentism. Helsinki, 2011.
33. Kriiska A. The beginning of Farming in the Eastern Baltic // Dolukhanov, P.M., Sarson, G.R., Shukurov, A.M. (eds.) The East European Plain in the Eve of Agriculture. Oxford, 2009. (BAR international series, 1964)
34. Lang, V. Muistne Rävälä. Muistised, kronoloogia ja maaviiljelusliku majanduse kujunemine Loode-Eestis, eriti Piritä jõe alamjooksu piirkonnas. Tallinn, 1996. (Muinasaja teadus, 4)
35. Раушенбах В.М. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Археологический сборник. М., 1960. (Труды ГИМ. Вып. 37)
36. Крайнов, Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М., 1972.
37. Äyräpää, A. Estnische Bootäxte // Acta Archaeologica, XXIII. København, 1952.
38. Nordqvist, K., Häkälä, P. Distribution of Corded Ware in the Areas North of the Gulf of Finland – an Update // Estonian Journal of Archaeology, 18 (1). Tallinn, 2014.
39. Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР)

**Тартуский университет,
Тарту, Эстония**

**Университет Оулу,
Оулу, Финляндия**

**Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия**

**Независимый исследователь,
Финляндия**

A. Kriiska, K. Nordqvist, D.V. Gerasimov, S. Sandell

**NEW RESEARCH OF CORDED WARE SETTLEMENTS IN NARVA – LUGA INTERFLUVE,
RUSSIAN – ESTONIAN BORDER AREA**

Summary

The Narva – Luga interfluve, named after the two major rivers of the Estonian – Russian border area, is located on the southeastern coast of the Gulf of Finland on the Baltic Sea. Archaeological studies have been executed sporadically in the area since the 1930s. During the last decade research has been conducted annually by an international crew of archaeologists and natural scientists. As a result, over 50 new sites have been found, which date between 5100–2000 cal BC. The recent discoveries include altogether 24 Corded Ware settlement sites and one cemetery, 14C-dated to 2800–2000 cal BC. In this article a brief overview of the main results of the recent investigations of the Corded Ware sites in the Narva – Luga interfluve is given.

The settlement sites are diverse in terms of their location (on the banks of large rivers, on the banks of smaller streams and near small ponds), in their areal extent (mostly 150–300 sq. m, but in some cases half a hectare or even more), as well as in the thickness and intensity of their cultural layers (from 20–30 cm up to 1.5 m). Of the structures discovered at the settlements, the two semi-subterranean pithouses found at the site Narva-Jõesuu IIb are the most significant. Charcoal-rich zones observed by the walls of these structures suggest that the buildings had been founded on timber frames. The remains of the pithouses are fairly unique in the context of the Corded Ware phenomenon around the Baltic Sea. According to our knowledge, the timber frames encountered at Narva-Jõesuu IIb find the closest parallels among the antiquities of Balanovo group in the Vyatka and Oka basins of Central Russia.

The composition of find material from the settlement sites is relatively uniform. The assemblages consist mostly of pottery fragments, although in some cases quartz and flint flakes and artefacts, as well as a few whetstones have been found. The pottery found in the Narva – Luga area, at least based on our current state of knowledge, seems to be very similar throughout the whole region, and it has not been possible to discern temporal differences either. Organic admixtures in clay, fibre-impressions on the pot's surfaces, as well as the shape of the vessels, connect the pottery closely also with the ceramics found in the neighbouring areas. These similarities actually make it possible to distinguish a separate Corded Ware cultural area in Estonia, Northern Latvia, Ingria and Karelian Isthmus (Russia) and South-eastern Finland.

Two graves discovered at the site Narva-Jõesuu IIb are the first known Corded Ware burials in the Narva – Luga area. They are located just a few metres apart, and both are oriented in northeast-southwest direction. The human remains have decayed completely, but the presence of grave goods (battle axes, portable whetstones, Corded Ware beakers, a small ceramic vessel, a four-sided adze made of flint and an amber pendant) confirms the interpretation of these features as graves. The burials at Narva-Jõesuu IIb exhibit special characteristics that differ from the other Estonian Corded Ware burials. The battle axes represent types not common in the eastern part of the Baltic Sea: on morphological grounds they have the best parallels in the Fat'yanovo area of the Volga – Oka interfluve in Central Russia. However, what kind of relationships these new finds indicate between the research area and the eastern Fat'yanovo-Balanovo region is a topic of more comprehensive studies in the future.

*Institute of History and Archaeology,
Tartu University,
18, Ülikooli St., Tartu, 50090,
Estonia*

A. Kriiska – E-mail: aivar.kriiska@ut.ee

*Department of Art Studies and Anthropology/Archaeology,
University of Oulu,
P.O. Box 1000
90014 Oulun yliopisto
Finland*

K. Nordqvist – E-mail: kerkko.nordqvist@gmail.com

*Department of Archaeology,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences,
3, University Emb., Saint-Petersburg, 196140,
Russia*

D.V. Gerasimov – E-mail: dger@kunstkamera.ru

*Independent researcher,
Finland*

S. Sandell – E-mail: sarita.sandell@gmail.com

Е.С. Азаров

КАРТА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ С «ТЕКСТИЛЬНОЙ» КЕРАМИКОЙ ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА ЭПОХИ БРОНЗЫ ОКСКОГО БАССЕЙНА

Древности, характерные для населения с «текстильной» керамикой позднего периода эпохи бронзы Северо-Восточной Европы, занимают огромную территорию от Прибалтики до границ современного Татарстана, а также от Карелии до среднего течения Волги и верховьев рек Оки и Дона. Основным этнокультурным признаком, позволяющим очертить указанные выше границы, является наличие «текстильного» («сетчатого», «псевдосетчатого», «ложнотекстильного» и др.) отпечатка на внешних стенках лепных сосудов. Основная задача данной работы состоит в том, чтобы на основе имеющихся сведений о памятниках, которые содержат более или менее чёткие данные о «текстильной» керамике позднего периода бронзового века, составить карту распространения на территории Окского бассейна данного типа древностей и рассмотреть определённую специфику в их расположении.

В.А. Городцов в кон. XIX в. на основе данных, полученных в ходе разведок в Среднем Поочье, определил существование данной керамики временем между неолитом и железным веком и дал ей первые определения, положив начало её исследований в Волго-Окском междуречье [1, с. 74]. Уже в 1928 г. О.Н. Бадером в докладе на III совещании палеоэтнологов Центральной промышленной области в Москве была представлена археологическая карта с 60 поселениями¹ с «текстильной» керамикой на территории Волго-Окского междуречья [1, с. 74]. Позднее, в 1961 [2, рис. 29] и в 1963 [3, рис. 80] гг., Н.Н. Гуриной были опубликованы карты, на которых отмечены известные на тот момент поселения с «текстильной» керамикой, расположенные в основном севернее р. Волги; на территории Поочья локализованы были лишь городища дьякова типа. В дальнейшем картографирование памятников носило в основном региональный характер, или же выделялась только территория распространения.

В качестве источников для составления карты были использованы уже опубликованные общие данные по археологическим памятникам Калужской [4], Тульской [5], Московской [6], Рязанской [7], Ярославской [8], Ивановской [9], Владимирской [10], Нижегородской [11], Пензенской областей и Республики Мордовия [12, с. 202–205]. Также использованы опубликованные сведения новейших полевых исследований (преимущественно до 2010 г.) и определённая часть архивных материалов для корректировки сведений.

Не были использованы материалы тех городищ, на которых сделаны находки I-й пол. I тыс. до н.э. Однако карты селищ и городищ, имеющих древности VIII–VI вв. до н.э., для Москворечья уже опубликованы [13, прил. II, рис. 16]. Другим существенным минусом является отсутствие разделения памятников по локальному и хронологическому принципам. В частности, для подмосковного течения Оки выделяется до 10 различных культурных типов керамики финала эпохи бронзы, которые были сведены к 3 основным традициям: «каширский» тип керамики (со штрихованной и гладкой поверхностью), «климентовский» тип (с тычковой орнаментацией или наклонными вдавлениями под углом и с ниточным отпечатком), керамика с «мелкорябчатой» фактурой и оттисками гребенчатого штампа (свойственна городищам Москворецкой группы) [14]. Также следует отметить своеобразные подражания «текстильной» керамике на памятнике Каменка (Фатьяновка 3) (№ 1) [15]. Однако пока неясно соотношение этих культурных типов с керамикой более восточных памятников и насколько эти признаки являются определяющими и позволяющими выделить отдельные культурные традиции.

Географически я ограничен исключительно территорией бассейна реки Оки. К ней стоит добавить памятники, расположенные в системе озёр Мещёрской низменности, а также памятники Плещеева озера в Ярославской области². Более северные памятники, относящиеся к Поволжью, в карте мной не учитывались, что, безусловно, затрудняет представление об общей картине распространения поселений к северу от Оки. Восточный край определён по имеющимся памятникам до впадения р. Оки в р. Волгу, без учёта данных о

¹ К сожалению, материалы данной карты не сохранились.

² Отнесение древностей Плещеева озера, находящегося на водоразделе, к бассейну Оки весьма условное и техническое – ввиду близости к реке Нерль Малая, которая является притоком р. Клязьмы и относится к Окской речной системе.

левого берега последней. Южную границу очерчивают памятники, расположенные в Тульской, Калужской и Пензенской областях. Можно провести условную границу, южнее которой «текстильная» керамика не зафиксирована или представлена единичными находками [16, рис. 35: 9–11]. Юго-восточная граница фиксируется памятниками, которые расположены по рекам Окского бассейна в Мордовской республике и в Пензенской области.

Данная карта³ (рис. 1) включает в себя 321 памятник (см. список). При этом основная часть (почти 2/3) относится к Среднему и Нижнему Поочью, отмечая весьма интенсивный по плотности макрорайон. С другой стороны, наблюдаются определённые лакуны к северу от среднего течения Оки. Памятники, не относящиеся к рекам Окского бассейна, на карте не отмечены, однако даже при их малочисленности, можно выделить определённую зону в виде полосы (шириной условно от поселений Ярославской и Ивановской областей до мещёрских и среднего течения Оки), в которой, относительно соседних территорий, незначительно число памятников. В остальных же районах памятники находятся на достаточно удалённом расстоянии друг от друга, за редкими исключениями, – в среднем от 20 до 70 км. Правда, тут нужно сделать оговорку касательно изученности самих территорий – я использую лишь известные и доступные в настоящее время материалы.

В отмеченном макрорайоне с многочисленными памятниками выделяются отдельные группы, обладающие наибольшей «кучностью». Условно определяя названия групп, к ним можно отнести: Мещёрскую (рис. 2), Среднеокскую (рис. 3), Окско-Цнинскую (рис. 4), Волосовскую (рис. 5), Окско-Клязьминскую (рис. 6). Отметим, что в большинстве своём (4 из 5) выделенные группы приурочены к значимым географическим объектам: системе мещёрских озёр и местам впадения в Оку таких крупных рек, как Пра, Цна и Клязьма. Очевидно, что данные поселения не являются синхронными, а также могут быть оставлены в результате переселения или специфики экономики одной и той же группы населения.

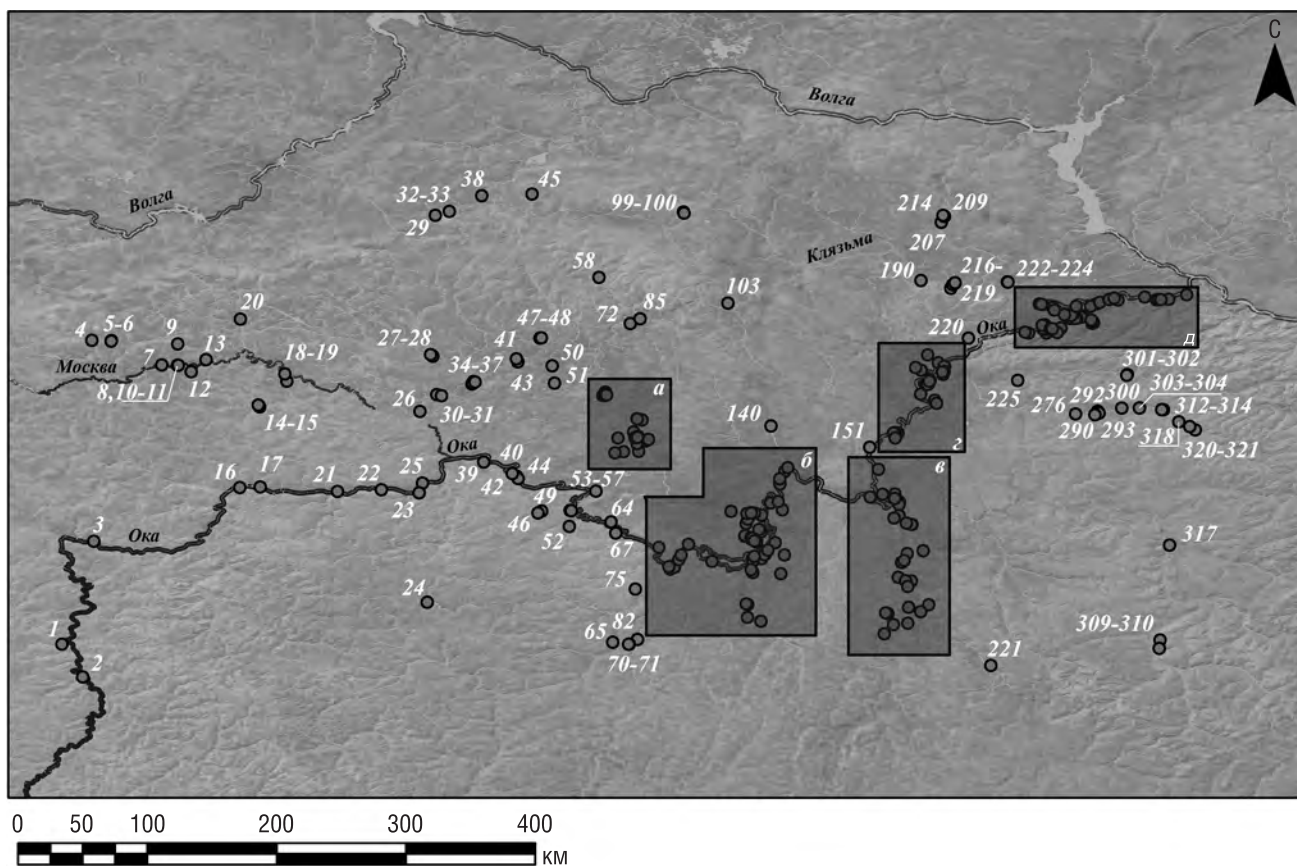

Рис. 1. Карта памятников с «текстильной» керамикой позднего периода эпохи бронзы Окского бассейна: а – Мещёрская группа; б – Среднеокская группа; в – Окско-Цнинская группа; г – Волосовская группа; д – Окско-Клязьминская группа

³ В создании карты использовалась программа АИС «Археограф» (разработанная Ст. А. Васильевым и доступная на сайте <http://ardb.spb.ru>) как база данных с дальнейшим выводом их на карту в ГИС-программах; координаты памятников введены вручную на основе текстовых описаний местоположения памятников, что подразумевает определённую погрешность при более мелком масштабе.

**Список памятников с «текстильной» керамикой, учтённых в статье
(номера соответствуют номерам на рисунках)**

1. Каменка	62. Воймежное 2	123. Одоевские фермы 4
2. Теремец	63. Воймежное 4	124. Тимошкино 2
3. Турынинские дворики	64. Дубровичи 1	125. Прибрежный 1
4. Никольское 3	65. Чирково 1	126. Терехово
5. Городище 2	66. Тюков городок	127. Фетисово 3
6. Городище 1	67. Кораблино	128. Гришинский исток III
7. Усть-Сторожа	68. Великодворье 1	129. Пищерга I
8. Дунино 3	69. Владыченский	130. Пищерга II
9. Санниково 2	70. Поплевино 11	131. Ижевское 9
10. Дунино 4	71. Поплевино 10	132. Веря 4
11. Дунино 8	72. Елховицы 1	133. Собачково III
12. Горышкино 3	73. Ефремово 1	134. Берёзовый рог
13. Дмитровское 2	74. Шагара 5	135. Надеино 3
14. Дубровицы 2	75. Шишкино	136. Надеино 5
15. Беляево	76. Шагара 4	137. Надеино 4
16. Подмоклово 1	77. Ушмор 5	138. Тырново 4
17. Лужки 8	78. Шагара 3	139. Добрынин хутор 2
18. Чёртов городок	79. Коренец 3	140. Неверовский
19. Царицыно	80. Коренец 4	141. Тырново 14
20. Мышецкое 1	81. Шагара I стоянка	142. Ерахтур 8
21. Соколова-Пустынь	82. Подвислово 7	143. Курман 1
22. Большое Кропотово	83. Подсвятье 2	144. Чаруши 1
23. Свиридоново 1	84. Полушкино 2	145. Курман 2
24. Тетяковка 1	85. Угор	146. Александр-Нетрош 1
25. Первая Каменка	86. Коренец	147. Ерахтур 5
26. Исаково 1 (Чашка 1)	87. Коренец 1	148. Инякино III
27. Калининский посёлок	88. Коренец 2	149. Забелино
28. Городок	89. Корякино	150. Погост 1
29. Соломидино 2	90. Нармус 1	151. Муратово
30. Соболево 1	91. Нармус 2	152. Щербатовка 5
31. Хотейчи	92. Панино 1	153. Маяк 5
32. Дикариха	93. Остров	154. Истрадкино I
33. Криушкино 3	94. Засечье 1	155. Старочернеево 2, 3
34. Тереньково 1	95. Засечье 2	156. Польное-Ялтуново 3
35. Тереньково 3	96. Засечье 9	157. Польное-Ялтуново 2
36. Беливо 1	97. Климентовская IA	158. Нижняя Веря 31
37. Тереньково 4	98. Северная Старорязанская	159. Шаморга 16
38. Яга 2	99. Сахтыш 2	160. Нижняя Веря 28
39. Городец	100. Сахтыш 7	161. Тимирёвское 1
40. Ловецкие борки	101. Городец 1	162. Сенин пчельник 5
41. Пирютино 2	102. Срезнево 4	163. Нижняя Веря 29
42. Белоомут 2	103. Давыдово	164. Сенин пчельник 2
43. Пирютино 1	104. Орехово I	165. Нижняя Веря 30
44. Большой лес 2	105. Ижевское 1	166. Нижняя Веря 6
45. Караш	106. Ижевское 4	167. Нижняя Веря 8
46. Ларино	107. Ижевское 5	168. Нижняя Веря 7
47. Петушки 1	108. Ижевское 7	169. Нижняя Веря 20
48. Петушки 2	109. Ижевское 6	170. Лосяноостровское
49. Войнюковское I	110. Кривель 4	171. Лебяжий бор 3
50. Северная Грива 2	111. Городковичи 12	172. Тимирёво
51. Митинская 1	112. Папушево 2	173. Марище 3
52. Храпово	113. Красное 1	174. Лебяжий бор 2
53. Фёфелов бор 1	114. Красный угол 3	175. Лебяжий бор 4
54. Логинов хутор 1	115. Городковичи 5	176. Сасовское 1
55. Фёфелов бор	116. Городковичи 6	177. Сенцово
56. Фёфелов бор 4	117. Городковичи 3	178. Новоберёзово 2
57. Новосёлки 1	118. Папушево 14	179. Торопово 4
58. Красное Заречье	119. Одоевские фермы 2	180. Новоамесьево 1
59. Воймежное 5	120. Папушево 7	181. Староберёзово 2
60. Воймежное 3	121. Шилово 8	182. Каширино 4
61. Воймежное 1	122. Одоевские фермы 3	183. Алеменево 1

184. Арга 2	230. Старое Щербинино 5	277. Погорелка
185. Торопово 2	231. Овинищи 3	278. Касаново 6
186. Торопово 1	232. Овинищи 2	279. Борок 2
187. Волнино 2	233. Старое Щербинино 6	280. Жестелево
188. Жданное 1	234. Старое Щербинино 1	281. Гомзово 1
189. Панфиловская	235. Старое Щербинино 3	282. Венец 2
190. Пормазка 2	236. Старое Щербинино 2	283. Комарово 7
191. Битюково 3	237. Венец 8	284. Ворсма 1
192. Дёмушкино 1	238. Новое Щербинино 1	285. Комарово 1
193. Малое Окулово 3	239. Венец 7	286. Комарово 2
194. Пенза. Большое Моцкое	240. Венец 6	287. Ворсма 3
195. Малое Окулово 6	241. Венец 2	288. Ворсма 4
196. Волосово 15	242. Венец 1	289. Ворсма 5
197. Ваша 8	243. Венец 4	290. Личадеево 4
198. Волосово 7	244. Венец 3	291. Венец 1
199. Волосово 6	245. Новое Щербинино 9	292. Красная речка 3
200. Волосово 2	246. Лохани	293. Личадеево 1
201. Младший Волосовский	247. Новое Щербинино 10	294. Подвязье
202. Волосово 1	248. Новое Щербинино 2	295. Подьяблонье 2
203. Волосово 14	249. Новое Щербинино 13	296. Подьяблонье 3
204. Навашино 6	250. Новое Щербинино 14	297. Подьяблонье 1
205. Туртапка	251. Новое Щербинино 3	298. Хабарское 2
206. Благовещенское	252. Новое Щербинино 16	299. Сокол
207. Гоголи	253. Тумботино 4	300. Малое Туманово 1
208. Спас-Седчино 4	254. Тумботино 5	301. Наумовка 3
209. Стрелка 2	255. Тумботино 6	302. Наумовка 2
210. Коробково 2	256. Низково 2	303. Ясная поляна
211. Спас-Седчино	257. Низково 1	304. Мерлино 1
212. Спас-Седчино,
местонахождение 1	258. Низково 4	305. Оленино 1
213. Ефаново 2	259. Павлово 3	306. Доскино 2
214. Рыбино	260. Малое Окское 2	307. Доскино 10
215. Ефаново 1	261. Малое Окское 3	308. Доскино 3
216. Малье Липки	262. Малое Окское 1	309. Озименки 1
217. Ново 1	263. Окулово 1	310. Красный восток
218. Якушиха 1	264. Домнино 2	311. Доскино 6
219. Якушиха 2	265. Домнино 7	312. Арзамас 9
220. Осинки 1	266. Медвежье 2	313. Арзамас 6
221. Садемка 3	267. Домнино 4	314. Арзамас 7
222. Великое озеро 3	268. Мунькино 2	315. Арзамас 5
223. Великое озеро 4	269. Домнино 6	316. Доскино 5
224. Великое озеро 5	270. Домнино 1	317. Новый Усад 6
225. Румасово 1	271. Домнино 5	318. Кожино 2
226. Соловьёво	272. Борок 3	319. Нижний Новгород 3
227. Липовицы	273. Мещёры	320. Новосёлки
228. Бобылки 4	274. Борок 4	321. Красный бор 2
229. Овинищи 4	275. Медвежье 3	
	276. Саконы 1	

Мещёрская группа (рис. 2) представляет собой 24 памятника, которые расположены в системе одноимённых озёр. Исходя из радиоуглеродных данных, здесь отмечается самое раннее появление «текстильной» керамики в Окском бассейне – на памятнике Шагара 5 (№ 74) (1-я пол. II тыс. до н.э.) [17, с. 26]. Кроме того, этот памятник, имеющий остатки жилищных конструкций [18] и своеобразное оборонительное укрепление в виде вала [19, с. 105], возможно, является одним из первых укреплённых поселений в лесной зоне. Некоторые исследованные памятники **Среднеокской группы** (53) (рис. 3) имеют наиболее важные объекты для характеристики культуры населения с «текстильной» керамикой Средней Оки. На таких памятниках, как Фёфелов Бор I [20] (№ 53) и Гришинский Исток III (№ 128), обнаружены остатки 14 жилищных конструкций [21; 22; 23], а грунтовые могильники Фёфелов Бор II (№ 55) и Берёзовый рог (№ 134) определяют традиции в погребальной практике населения позднего и финального периодов эпохи бронзы данного микрорайона.

Окско-Цнинская группа (рис. 4) представляет собой 39 памятников, компактно растянутых по берегам р. Оки в месте впадения в неё р. Цны и вдоль последней. Следует отметить, что памятники ограничиваются по территории рязанским течением Цны и подходят практически к границам области – южнее по течению памятники не обнаружены. Такая приуроченность к современным административным границам Рязанской области, скорее, свидетельствует о слабой изученности территории тамбовского течения Цны.

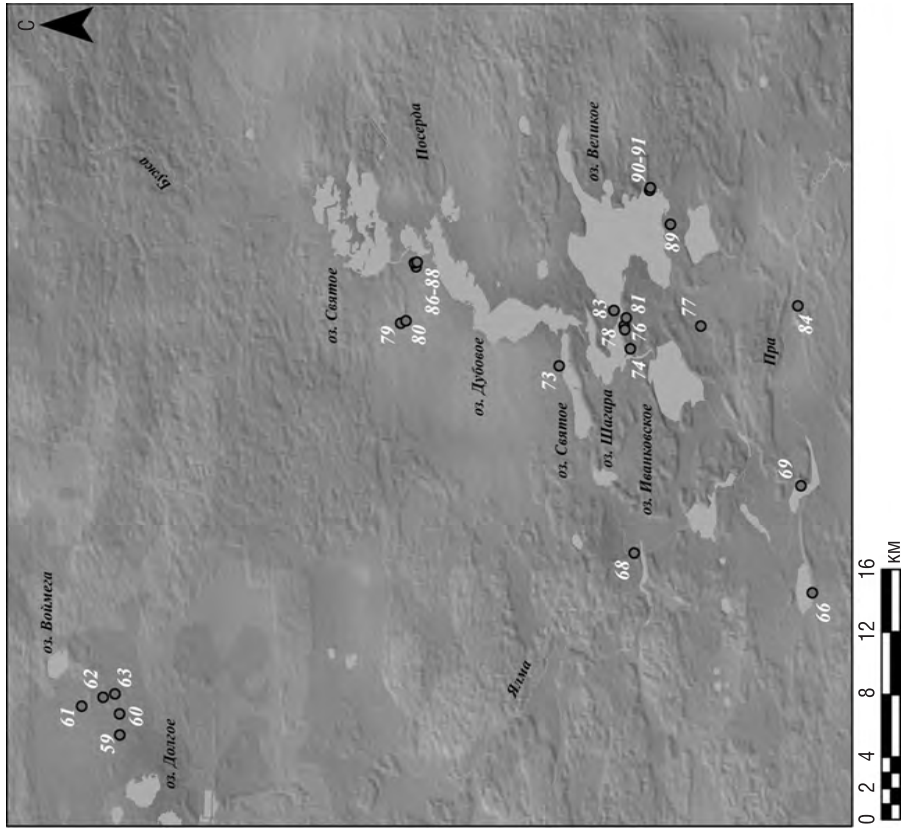

Рис. 2. Мещёрская группа памятников с «текстильной» керамикой

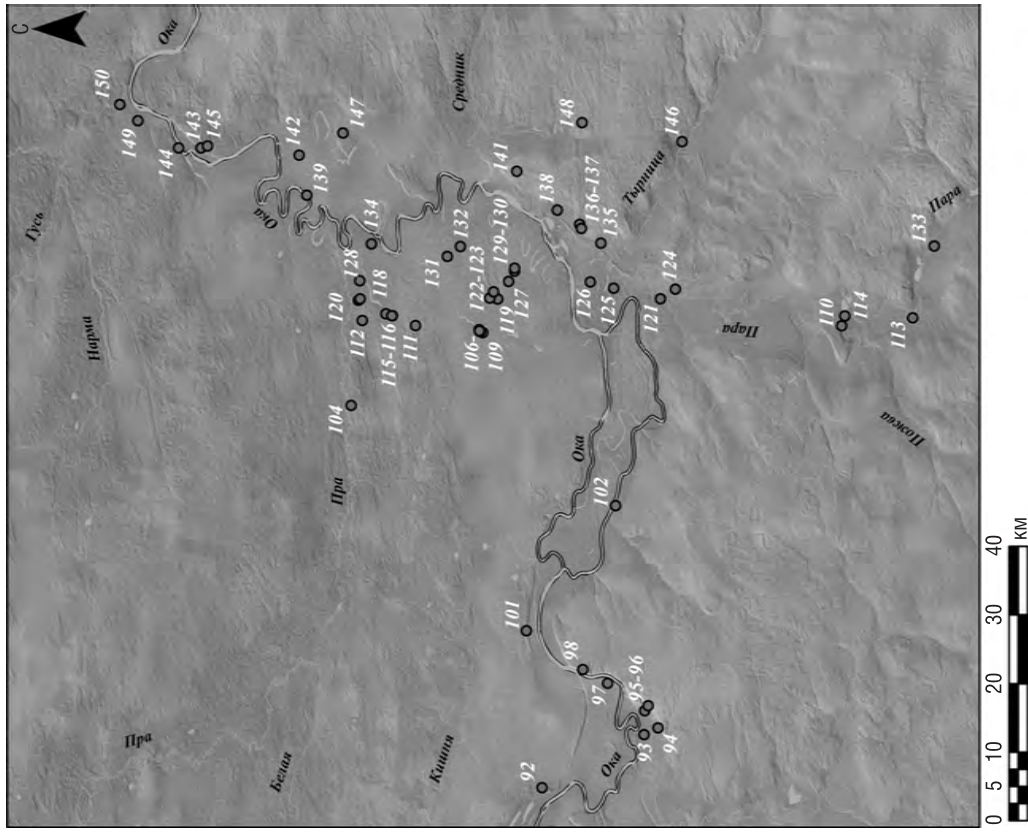

Рис. 3. Среднеокская группа памятников с «текстильной» керамикой

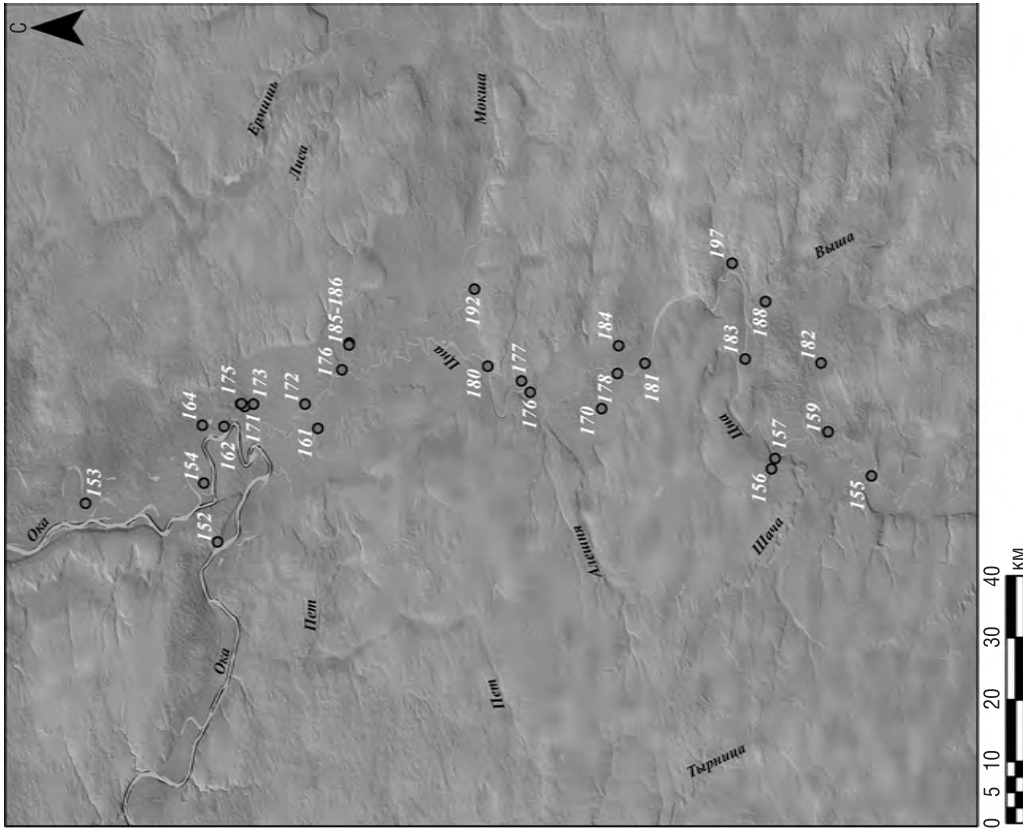

Рис. 4. Окско-Циннская группа памятников с «текстильной» керамикой

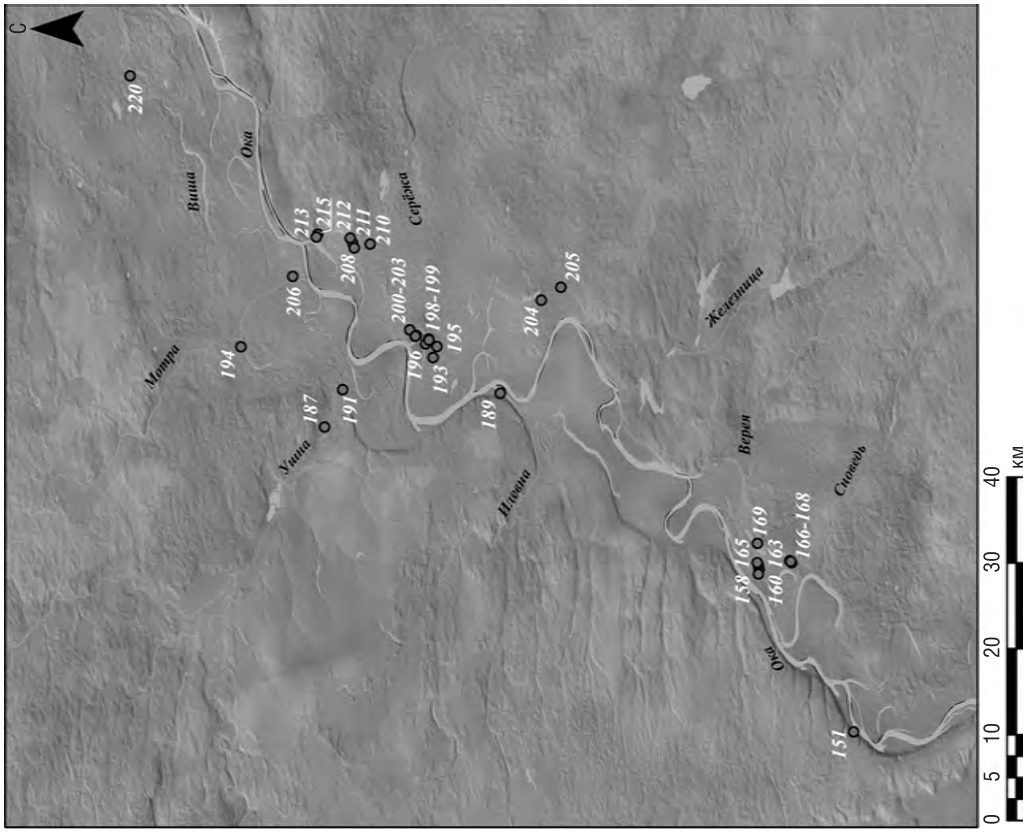

Рис. 5. Волосовская группа памятников с «текстильной» керамикой

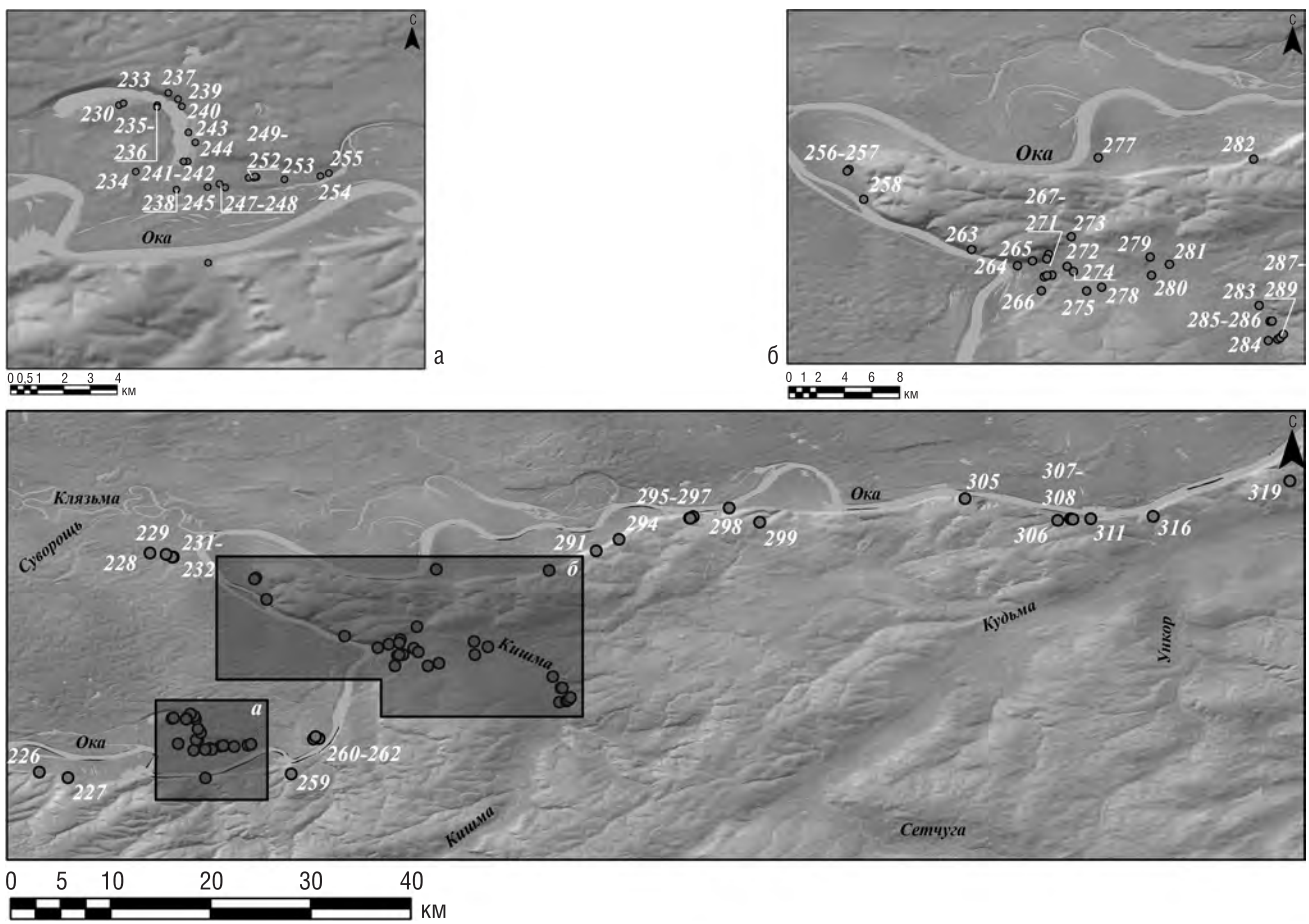

Рис. 6. Окско-Клязьминская группа памятников с «текстильной» керамикой

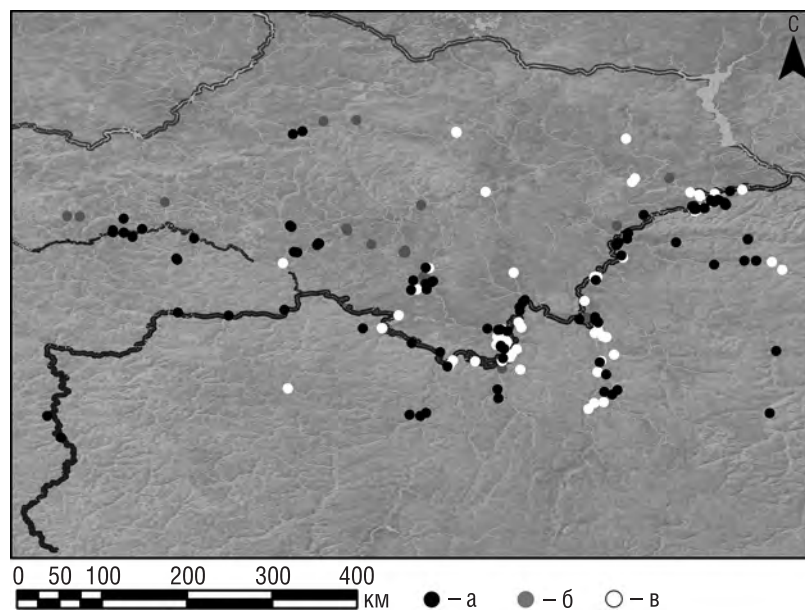

Рис. 7. Расположение памятников с «текстильной» керамикой в системе долин рек и озёр:
а – памятники на надпойменных террасах; б – памятники на берегах озёр; в – памятники в поймах рек

Памятники данной группы, кроме как шурфовкой и сбором подъёмного материала, практически не исследовались.

Волосовская группа (рис. 5) включает в себя 22 памятника и названа по наиболее известному из них. В данной группе следует отметить такой памятник, как Младший Волосовский могильник (№ 201), также характеризующий погребальные традиции населения позднего и финального периодов эпохи бронзы и раннего железного века [24].

Окско-Клязьминская группа (рис. 6) насчитывает около 80 памятников на сравнительно небольшой территории в районе места впадения р. Клязьмы в р. Оку. Даже при условии асинхронности поселений данный микрорайон заметно выделяется по количеству выявленных памятников. Однако, как и в случае с Окско-Цнинской группой, микрорайон фактически не исследовался раскопками.

Интересные данные даёт нам карта расположения памятников в системе речных долин и озёр (рис. 7). При выделении памятников, входящих на берегах озёр, отмечается примерно равное количество пойменных и террасных поселений в целом (учтены данные по около 90 % памятников). Однако по карте заметно практически полное отсутствие археологических памятников в пойме к западу от Среднего Поочья. Ранее в литературе отмечалось, что поселения с «текстильной» керамикой на позднем этапе располагались на более высоких местах относительно реки, «превращаясь, по археологической терминологии, из стоянок в селища» [25, с. 36]. Верно ли данное предположение о хронологической связи поселений с высотой расположения памятника относительно уреза воды или же имела место исключительно подстройка населения под природную специфику района, – сказать весьма сложно ввиду недостаточной изученности историко-культурного комплекса населения, оставившего эти памятники. До сих пор отсутствуют более или менее чёткие признаки, позволяющие выстроить относительную хронологию материалов для конкретных территорий.

В целом, говоря об изученности, значительная часть памятников была выделена по результатам разведывательных работ. Более полному исследованию, без учёта городищ, подверглись около 68 памятников (примерно 1/5 от всех), но на разной территории. Из этого числа меньше половины получили хотя бы частичную публикацию материалов (под этим определением можно понимать опубликование хотя бы нескольких фрагментов керамики), относительно полноценные научные работы буквально единичны [20; 26–34; 35, с. 126–130; 36–39]. Представленная карта, конечно, далека от идеальной и обладает, как и любая другая карта археологических памятников, определённой открытостью для пополнения и уточнения⁴. К большим недостаткам стоит отнести ограниченность лишь Окским бассейном и отсутствие внутреннего деления памятников по культурному принципу. Однако, как мне кажется, рассмотрение отдельных крупных частей в таком большом ареале населения с «текстильной» керамикой является наиболее оптимальным. Данная карта отчасти очерчивает юго-западную границу, за которой нет характерной «текстильной» керамики. В дальнейшем выделение более чётких признаков и характеристик материальных остатков, не ограничивающихся традицией нанесения «текстильных» отпечатков и орнаментации в целом, позволит произвести внутреннее разделение всего массива на локальные-хронологические культурные группы и соотнести их с определённой территорией, что внесёт большую ясность в понимание как системы расселения, так и дальнейшего развития носителей «текстильной» керамики.

⁴ Автор будет рад сообщениям о неточностях и информации по недостающим памятникам, которые по разным причинам могли быть не включены в карту, – hazari4@yandex.ru.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
2. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961. (МИА. № 87)
3. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА. № 110. 1963.
4. Археологическая карта России: Калужская область. М., 2006.
5. Археологическая карта России: Тульская область. Часть 1. М., 1999. Часть 2. М., 2002.
6. Археологическая карта России: Московская область. Часть 1. М., 1994. Часть 2. М., 1995. Часть 3. М., 1996. Часть 4. М., 1997.
7. Археологическая карта России: Рязанская область. Часть 1. М., 1993. Часть 2. М., 1994. Часть 3. М., 1996.
8. Археологическая карта России: Ярославская область. М., 2005.
9. Археологическая карта России: Ивановская область. М., 1994.
10. Археологическая карта России: Владимирская область. М., 1995.
11. Археологическая карта России: Нижегородская область. Часть 1. М., 2004. Часть 2. М., 2008.
12. Археология Мордовского края. Т. 1. Каменный век, эпоха бронзы. Саранск, 2008.
13. Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. М., 2011.
14. Сыроватко А.С. Дьяковские этнокультурные трансформации и керамика: возможные реконструкции // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. II. Тверь, 2012.
15. Екимов Ю.Г. Работы на территории Белевского района Тульской области и в историческом центре Тулы // АО–2006. М., 2008.
16. Гак Е.И. Поселение эпохи бронзы на северной окраине Донской лесостепи. М., 2011.
17. Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1993.
18. Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окского отряда Окско-Донской экспедиции ГИМ в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10837.
19. Каверзнева Е.Д., Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников энеолита и ранней бронзы Озерной Мещеры // Геохронология четвертичного периода. Таллинн, 1989.

20. Фоломеев Б.А. Жилища стоянки Фефелов Бор I // Археология Рязанской земли. М., 1974.
21. Фоломеев Б.А. Отчет о работах Окской археологической экспедиции Государственного Исторического музея в Клепиковском и Спасском р-нах Рязанской обл., Мичуринском р-не Тамбовской обл. в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12557.
22. Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окской археологической экспедиции за 1989 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 14847.
23. Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окской-Донской археологической экспедиции за 1990 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 15718.
24. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.
25. Бадер О.Н. Культура с текстильной керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. 1966. № 3.
26. Иванов Д.А. Керамика эпохи финальной бронзы – начала раннего железного века с Дубровичского 1 селища (раскопки 2008 года) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011.
27. Кренке Н.А. “Чертов Городок” – селище железного века в окрестностях села Коломенского // РА. 1995. № 1.
28. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода / Н.А. Кренке, А.В. Лазукин, И.И. Ёлкина, И.Н. Ершов, Е.В. Леонова, С.З. Чернов // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010.
29. Никитин А.Л. Дикариха // МИА. № 110. 1963.
30. Никитин А.Л. Могильник Дикариха на Плещеевом озере // СА. 1973. № 2.
31. Никитин А.Л. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. 1976. № 1.
32. Попова Т.Б. Датировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников // Труды ГИМ. Вып. 30. М., 1966.
33. Розенфельдт И.Г. Мышецкая стоянка // КСИА. Вып. 134. 1973.
34. Розенфельдт И.Г. Северный мыс городища Старая Рязань // Археология Рязанской земли. М., 1974.
35. Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза, 2005.
36. Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1.
37. Опыт реконструкции природного ландшафта территории древнего поселения / Б.А. Фоломеев, М.П. Гласко, М.Н. Валуева // Труды ГИМ. Вып. 60. М., 1985.
38. Климентовская стоянка / Б.А. Фоломеев, А.Л. Александровский, М.П. Гласко, А.Ю. Гуман // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (Труды ГИМ. Вып. 68)
39. Zbrljeva, A.V. Der Wohnplatz von Lipki Gouv. Vladimir // ESA. IV. Helsinki, 1929.

**ФГБУК «Государственный исторический музей»,
Москва**

E.S. Azarov

THE MAP OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS WITH «TEXTILE» CERAMICS OF THE LATE PERIOD OF BRONZE AGE IN THE OKA BASIN

Summary

The article presents the map of archaeological monuments with «textile» ceramics of the Oka basin in the late period of the Bronze Age. Overall 321 monuments are positioned on the map, practically all of them relating to settlements (the map didn't include hillforts with early layers). The greatest number of monuments can be observed in the middle and lower parts of the Oka River. According to the number of monuments there were marked 5 residential districts corresponding to the following relative groups: Meshchyerskaya, Sredneokskaya, Oksko-Tsnynskaya, Volosovskaya and Oksko-Klyaz'minskaya. These groups aren't synchronous, but they show the territories most intensely manned by the population with «textile» ceramics during the Bronze Age in the Oka basin. The author also allocates the certain region of the Upper and the western part of the Middle Oka basin in which there are no inundated settlements, peculiar to the eastern territories. However, from the point of view of the author, it is difficult to define the reason of this situation, because of the insufficient data on all historical and cultural complex of the population with «textile» ceramics living in the Volga – Oka interfluvium.

**Federal State Budgetary Institution of Culture
«The State Historical Museum»,
1, Krasnaya Sq., Moscow, 109012,
Russia**

E-mail: hazari4@yandex.ru

В.В. Сидоров

«ЭФЕМЕРНАЯ КЕРАМИКА» И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ УЧЕТА

Керамика – важнейший источник в материалах поселений, от которого мы требуем сведений об этнографических реалиях древности, а по динамике последних делаются исторические выводы. Реконструируются взаимоотношения этнических групп, быт, экономика, хронология. На практике это тысячи фрагментов сосудов разной сохранности, разного размера, разным числом представляющие эти сосуды. Но статистический анализ требует унификации учитываемых единиц, а также учёта условий формирования того множества, которое и образует статистический массив: мы должны знать, что именно отражается в статистике – условия первичного его формирования, то есть былой действительности, или условия сохранения.

«Нет ничего прочней, чем битая посуда» – сказал В. Берестов, имея опыт полевого контакта со средневековой керамикой Хорезма. Но его опыт не универсален. Нередко мы встречаемся с почти полным, а возможно, и полным уничтожением керамики на археологическом памятнике. И это не просто механическое измельчение её. Она разрушается, делаясь неотличимой от почвы.

Керамика – смесь окисей кремния, алюминия, кальцитов, переоформленная в результате термического воздействия. Глина – тот же измельчённый силикат, где частицы размером около 0,001 мм окружены межмолекулярной водой, но включающий также воду внутри зёрен однородного состава. Глина формируется как осадок взвеси из стоячей воды озёр. При переменном водном режиме чередуются слои разной степени опесчаненности. Более грубые (крупнозернистые) сорта могут иметь эоловое происхождение – лёсс. Моренная глина формируется в составе донной морены перетиранием камня при движении ледника, она всегда включает несортированный щебень и песок. Ил отличается от глины сохранением в нём органических остатков, по сути – это ещё не сформировавшаяся, молодая глина. Межмолекулярная вода из глины удаляется уже при сушке, внутримолекулярная – при низкотемпературном обжиге: около +400 °С. Низкотемпературный обжиг обратим при длительном замачивании – керамика снова становится глиной. Плотность её после удаления воды возрастает за счёт сближения зёрен силикатов. Это проявляется в уменьшении объёма – усадке – при сушке и обжиге. При замачивании керамика вновь утрачивает плотность и прочность. Архаичная керамика нуждалась в снижении гигроскопичности, что могло быть достигнуто смолением. Плотная чёрная плёнка на черепке – результат возгонки смолы в раскалённом сосуде [1], иногда сохраняется (обычно во влажном слое) облицовка сосуда изнутри слоем смолы. При нагревании далее начинается трансформация минералов группы кварца, а при температуре свыше +900 °С происходит спекание (остекловывание), что считается переходом через точку необратимых изменений. Температура плавления сильно различается у сортов глин, разных по составу компонентов.

Низкая температура обжига археологической керамики, определяемая по составу минералов, сформировавшихся при термическом воздействии, тоже вызывает сомнение. На практике, если обжиг не достигал +700 °С, экспериментальные сосуды не выдерживали намачивания, поверхность начинала «мазаться», то есть возвращалась в состояние глины, прочность намоченных сосудов была недостаточной для их практического использования в качестве посуды. По-видимому, в археологических образцах за века и тысячелетия пребывания в почве произошли перемены, возвратившие глине состояние, соответствующее низкотемпературному обжигу. И, таким образом, петрографические определения температуры обжига фиксируют только её современное состояние, а не то, какое было получено при обжиге.

Так ли необратимы термические преобразования породы? Археологические наблюдения показывают, что даже ремесленная керамика, прошедшая горновой обжиг, может превращаться снова в глину. Мне приходилось видеть полностью размокшие горшки на полу погребка, подтопленного грунтовыми водами, начала XIII в. н.э. на селище Фатьяново под Старой Рязанью. Горшок лежал в виде пласта глины с орнаментированной поверхностью. Та же картина наблюдается в переувлажнённой почве на раннесредневековых селищах Восточной Пруссии, где почти вся керамика оказалась размоченной. Такое размачивание керамики удаётся наблюдать внутри слоя. На поверхности керамика разрушается иначе, полностью перерабатываясь в почву. Это приходилось видеть при обследовании торфяных пожарищ. На торфяной золе открывались развалы неолитических сосудов. Через два года черепок оказывается покрыт слоем зелени – тонким слоем мха, под которым поверхность черепка шелушится, отслаивается. Через 3–4 года черепок рассыпается – его не удаётся взять без пропитки, через 5–6 лет он оказывается полностью разрушен.

Здесь необходимо сделать практические выводы. При разведочном обследовании должен быть собран весь пригодный для исследования керамический материал (разумеется, с фиксацией его). Оставленный на поверхности, он вряд ли сохранится до повторного обследования.

Мхи и лишайники разрушают и гранит, а черепок несравненно менее стоек. Растительность способна растворять силикаты даже монолитные и кристаллические [2, с. 20–22], измельчённые же, как в глине, они ещё более растворимы. Разрушают черепок и высшие растения. Они проникают корнями в поры, затем рвут черепок. Это приводит к измельчению черепка в зонах соприкосновения с молодыми корнями древесной растительности. Более разрушительна для керамики микрофлора, размножающаяся спорами. Керамика, оказавшаяся на поверхности и сохраняющая больше влаги, чем окружающая почва, заселяется такой флорой и разрушается очень быстро, особенно пористая. Керамика в кислой почве разрушается при выщелачивании кальцитов, которые входят в состав глины и искусственных примесей. Плохая сохранность керамики на памятниках таёжной зоны Восточной Европы есть, вероятно, результат воздействия кислых влажных почв. Так же плохо сохраняется керамика на западносибирских памятниках таёжной зоны с кислыми почвами.¹ Нередко встречаются неолитические памятники, в частности в Карелии, где на сотни каменных изделий приходится 2–3 мелких черепка. Эта картина особенно характерна для поселений культуры сперрингс. Керамика имела слабый обжиг или же не плотное, плохо промешанное тесто – комоватость теста² у неё хорошо заметна. Малочисленность найденной керамики обычно объясняется малым числом сосудов. Черепки представляют разные сосуды, и от каждого сохранилось менее 1 % площади. Из этого следует, что от подавляющего большинства сосудов не сохранилось ничего.

Лучше сохраняется керамика в углублённых жилищах, характерных для таёжного Северо-Востока Восточной Европы [4]. Здесь в основном сосуды представлены несколькими черепками, порой развалами, сохранившимися до четверти площади поверхности сосуда. Но это связано именно с нахождением их в землянках, где они в любом случае оказываются быстро погребены оплывающими стенками. Неполнота развалов связана с естественным разрушением керамики. Сосуды, оказавшиеся вне котлованов, тут представлены единичными черепками. Жилища функционировали один зимний сезон – об этом свидетельствует компактность развалов вне ям; до нас доходят остатки сосудов, брошенные в оставляемом жилище: неолитическая керамика не транспортабельна. Та же картина наблюдается на верхневолжских стоянках: здесь нередки компактные развалы, залегавшие на плоскости, не в ямах (наблюдение Ю.Н. Урбана).

Очень плохо сохраняется пористая керамика, характерная для поздних этапов волосовской культуры. При этом возможно, что в её разрушении определённую роль играет лёд, замерзающий в весьма крупных порах и разрывающий их. Механически она тоже не прочна, и при переотложении измельчается до порошка. Памятники со следами переотложения слоя могут содержать сотни волосовских орудий и единицы мелких фрагментов волосовских сосудов, и то не на всех участках. Примеров таких памятников, волосовских по составу каменного инвентаря при отсутствии или ничтожном количестве волосовской керамики, много, так что интенсивность хозяйственной деятельности на многослойном памятнике для разных эпох надёжнее определять по специфическим типам орудий, а не по количеству керамики.

Раковинная примесь в тесте ямной, хвалынской, репинской, среднестоговской, нарвской, волосовской, абашевской, фатьяноидной, примокшанской керамики может быть растворена (выщелочена) почвенными кислотами, что ещё более увеличит её пористость. Небольшое количество раковинных пор встречается и на руднянской керамике на стоянках Верхнеднепровского бассейна. Этот материал получен в основном из слоя сухих площадок. В усвятской же керамике, которая встречается в торфяных слоях, раковина прекрасно видна.

Само использование раковины служит указателем низкотемпературного обжига. Он не достигал +900 °С, так как при такой температуре крупные куски кальцита – фрагменты раковин – переходят в форму рыхлой негашёной извести и увеличиваются в объёме, разрывая черепок. Это относится также и к керамике культур, применявших примесь толчёного известняка. Но при низкотемпературном обжиге, который ведёт к отжигу только поверхности фрагментов раковины, керамика оказывается сцементирована раствором кальцита. Этот же эффект достигается при применении птичьего помёта, содержащего кальцитовые растворы. В экспериментах, проводившихся А.А. Бобринским (с ними меня любезно ознакомил Ю.Б. Цетлин), необожжённые сосуды с примесью птичьего помёта оказались устойчивы к размачиванию после сушки без обжига. Это явление А.А. Бобринским названо самоцементацией [5, с. 86–88]. Механизм его действительно аналогичен действию цемента. Но так же, как цемент, может работать слабообожжённая раковина в черепке.

Ожелезнение, обычное для почв заболоченных озёрных котловин, тоже ведёт к разрушению черепка. Гидроокислы железа в почве оседают как на поверхности черепка, так и внутри него, разрастаясь в рудные конкреции. Иногда в такой конкреции только на разрезе удаётся увидеть остаток черепка.

¹ Возможно, дело не столько в химизме почвы, сколько в очень малой скорости накопления вмещающего слоя – артефакты века оставались на поверхности. Но существует чёткая корреляция между сохранностью кости в слое и сохранностью керамики. Кость же разрушается именно кислотностью почвы.

² Комоватость теста – следствие того, что неолитические гончары не выполняли некоторых операций по подготовке теста, ведущих к его уплотнению, которые А.А. Бобринский рассматривал как обязательные [3]. Тесто однородной плотной структуры начинает встречаться в керамике поздняяковской культуры, абсолютно преобладает в шнуровой керамике, комоватость в керамике железного века встречается крайне редко. Не бывает комоватым тесто керамики, сформированной в технике выколачивания.

Хорошо сохраняется керамика в воде при отсутствии течения, ещё лучше – в торфянике, в сапропеле, хотя не всякий торф сохраняет кальциты: кислые торфа их полностью растворяют. Мне приходилось встречать роговые оболочки раковин, полностью лишившихся перламутрового слоя в торфе у подножия стоянки Маслово Болото 2, где кость не сохраняется. В воде, даже если появляется механическая окатанность (поверхностная абразия), сохраняется так называемый пищевой нагар, представляющий собой следы смоления сосудов. В песчаных почвах «нагар», как правило, не сохраняется, исчезает даже более прочное смоление возгонкой – тонкая блестящая чёрная плёнка (это не обязательно смоление). Так что цвет черепка, привлекаемый как элемент её характеристики, – малоинформативный признак, он зависит не только от сорта глины, температуры и режима обжига, но не меньше – от условий залегания в почве.

Итак, основные факторы, приводящие к полному разрушению керамики:

1. Низкотемпературный обжиг.
2. Механические повреждения.
3. Пористость – органические примеси и плохое промешивание.
4. Микрофлора.
5. Макрофлора.
6. Переменная влажность.
7. Морозное растрескивание.
8. Кислотность почв.
9. Ожелезнение.

Больше всего разрушающих факторов действует на дневной поверхности. Чем быстрее и в более плотном слое, т.е. с минимальными контрастами изменения среды, керамика оказывается погребена, тем лучше она сохраняется. Если же не происходит погребения керамики слоем, при пористом тесте у неё практически нет шансов сохраниться более нескольких лет.

Нельзя не учитывать степень разрушения керамики, при этом отдельно – для разных её типов, условий залегания и попадания в слой. Дошедшая до нас археологическая керамика не отражает достоверной статистики бытовавших на функционировавшем поселении её типов и её расположения на памятнике. Керамика сохранится преимущественно (а порой исключительно) в местах, где была достаточно быстро погребена: на участках быстрого нарастания слоя – в свалках, зольниках, под выбросами из ям и котлованов, в ямах, у стен котлованов углублённых жилищ, при делювиальных процессах, синхронных отложению культурного слоя. Имеет значение и положение её в слое: вертикально стоящий черепок сохраняется гораздо лучше залегающего горизонтально. Концентрация керамики у стенок котлована – это всего лишь результат быстрого погребения её здесь и не свидетельствует о реальном расположении сосудов на действующем поселении. Например, льяловская керамика крупными фрагментами на поселении Маслово Болото 8 залегала только в составе выброса из котлованов волосовских жилищ и в ямах. Таким образом, планиграфия керамики отражает именно участки погребения её, а не места её отложения во время функционирования поселения. Среди разных типов преимущественно сохраняются фрагменты с «плотным черепком». Статистика разнотипных фрагментов становится содержательной только после учёта специфики действия разрушающих и сохраняющих факторов.

На памятниках многократного заселения, как правило, подавляющее большинство фрагментов керамики относится к последнему эпизоду – предыдущие оказываются растоптаны и сохраняются случайно, если не были погребены (если культурные слои не разделены изолирующей прослойкой и если тип функционирования памятника, а с ним – характер наполнения слоя артефактами – один и тот же). Так, на поселении Маслово Болото 8 среди льяловской керамики 85 % составляли фрагменты позднего этапа, но по количеству выделяемых сосудов их было менее трети (учитывались фрагменты крупнее 5 кв. см). Эта картина обычна и для многослойных городищ железного века. Статистика разновременной и разнотипной керамики памятника или раскопа, приводимая в публикациях и отчётах, не содержит информации, которая позволяла бы сопоставлять интенсивность хозяйственной деятельности разновременных поселений. Функционирование поселения ведёт к переработке поверхности предшествовавшего памятника, к растаптыванию черепков, выведению их на поверхность, где они и разрушаются. Поэтому статистическое сопоставление разновременных комплексов создаёт неадекватную картину хозяйственной деятельности.

Так, на жилой площадке Маслово Болото 2 ранняя льяловская гребенчато-ямочная керамика составляла не более 5 % общего количества льяловской керамики и была сильно фрагментирована, в то время как в торфянике у подножья, где отложился прибрежный шлейф этого же поселения, её было не менее 75 %, и залегала она крупными фрагментами (коллекция – в Лыткаринском муниципальном музее).

Не исключаю, что изменение количества относится не только к керамике, но и к каменному инвентарю, который мог повторно вовлекаться в хозяйственную деятельность. Мне не раз приходилось наблюдать подобно рода древнюю «археологическую практику», но на примерах достаточно контрастных: использование орудий, совершенно не свойственных изучаемой культуре, наложение следов обработки (ретуши) на выветренную, патинированную и залощённую поверхность³. Но для близких эпох доказать вторичное использование орудий и сколов (или его отсутствие) невозможно.

³ От утилитарного использования орудий из числа подъёмных стоит отличать ритуальное их использование. Так, на ананьинских поселениях встречаются наконечники копий, происходящие из гаринских комплексов. При этом на них появляется нерегулярная краевая ретушь, наложенная на великолепную струйчатую, исходную.

Слои долговременных льяловских поселений при довольно тёмной окраске их гумусом нередко содержат материал всех этапов культуры, то есть здесь представлен интервал в тысячу лет. При этом абсолютно преобладает материал финального этапа. Обычно это объясняется малым количеством керамики на ранних этапах, большей интенсивностью хозяйственной деятельности на последнем, в сумме много превосходящей все предыдущие этапы. Подобное явление проще объяснить разрушением материала ранних этапов. Но сами слои тонки – 10–20 см. Культурный слой на поселениях в очень малой мере нарастает за счёт поступления органики в процессе хозяйственно-бытовой деятельности его обитателей. В основном это происходит из-за делювиальных процессов (при нахождении поселения на склоне), но ещё более – за счёт выбросов из ям и подсыпок песка в очаги. В отличие от волосовских на льяловских поселениях очень мало крупных ям, а жилища практически не углублены, так что выбросов было мало.

На городищах железного века есть участки интенсивного накопления слоя, и именно они дают максимальное количество керамики хорошей сохранности. Это – зона, примыкающая к валу, который оплывал в сторону площадки: при замкнутой системе укреплений идёт интенсивное накопление отложений с их внутренней стороны, в том числе за счёт свалок, навоза, зольников. Хозяйственных ям на дяковских поселениях почти нет (на синхронных им каширских ям много, и они велики), выбросы при строительстве жилых площадок ориентированы вниз по склону. Зольники тоже располагаются у входа ниже дома. Строительная деятельность – глиняные полы, обмазка стен глиной (случай редкий) и навозом – также создаёт условия для консервации керамики.

Вызывает удивление прекрасная сохранность весьма пористой и тонкостенной керамики с примесью раковины на поселении Варфоломеевка (неолит – энеолит, Северный Прикасий), исследованном А.И. Юдиным [6, с. 19]. Тут культурный слой рос быстро. Это могут объяснить конструкции домов: построенные на основе плетня, они требовали обмазки, и в качестве таковой мог применяться озёрный ил, из которого и складывалась основная толща культурного слоя. Точно так же культурный слой теллей рос за счёт разрушавшихся глинобитных построек. Различие только в том, что здесь использовался ил, а телли сложены глиной.

Характеристика комплекса ведётся с применением статистики находок. При этом статистика по фрагментам керамики имеет смысл при учёте стандартных размеров черепков данного типа. Можно отметить, что средний размер мелких черепков специфичен для каждого типа керамики и для каждого памятника, зависит от прочности и толщины черепка (но также и от условий накопления слоя). Так, на стоянке Ловцы 1 подавляющее большинство фрагментов льяловской керамики при средней толщине 8–9 мм – площадью около 10–12 кв. см, а ранней сетчатой при толщине 4–5 мм – порядка 4 кв. см (коллекции раскопок 1982 и 1985–1988 гг. в Ростовском музее-заповеднике). Так интегрированно выражается прочность черепка. Информационный минимум размера фрагмента для разнотипной керамики приходится брать разный.

Большая измельчённость керамики приведёт к статистическому искажению, так же точно, как сохранение керамики крупными фрагментами. Б.А. Фоломеев знакомил меня со своими методами статистической обработки керамики: выкладывались площади черепков одного типа сосудов. Но при этом надо учитывать, что размеры самих сосудов очень сильно варьируют.

Более объективную картину соотношения бытовавших типов керамики даёт учет не фрагментов, а сосудов. На практике это сводится к статистике фрагментов венчиков (нескольких фрагментов одного и того же сосуда идут как один). Практика графической реконструкции показала, что при сохранении 10 % площади сосуда (по профилю) он может быть реконструирован полностью. При 3–4 % площади он достоверно распознаётся с приблизительной оценкой размера (речь идёт о неолитической – энеолитической керамике лесной зоны, для других типов сосудов цифры сильно отличаются). При меньших размерах сосуда можно опознать только по каким-то индивидуальным особенностям. Допустимо включение в пососудную статистику единиц учёта также фрагментов стенок сосудов, которые достоверно не относятся к какому-либо из учтённых венчиков. При этом придётся исключать из статистики фрагменты венчиков, которые равно подходят нескольким сосудам, и в то же время учитывать похожие сосуды, представленные крупными фрагментами, которые могли быть признаны разными. Лепные сосуды могут иметь разное оформление венчика на одном и том же сосуде, хотя и не часто. В этом нет большой погрешности: статистика учтёт вероятные варианты, проявившиеся в одном и том же сосуде. Пососудная статистика значительно ближе к картине палеоэтнографической реальности (соотношения количества типов сосудов и орнаментов и их комбинаций), чем пофрагментная, для которой сохранность керамики – важнейший фактор, определяющий количество.

Реконструкция палеоэтнографической реальности и хозяйственной деятельности, условий бытования сосудов в комплексе поселения может потребовать оценки количества разнотипных сосудов, включая несохранившиеся (к таковым придётся относить и достоверно несохранившиеся, то есть не вошедшие в пососудную разборку). И мы можем получить и приблизительную количественную оценку несохранившихся сосудов, хотя эта работа весьма трудоёмка.

Для этого приходится проделывать полную разборку керамического комплекса, объединяя в единый сосуд фрагменты, в том числе такие, которые не имеют достоверных стыков. Для этого учитывается характер теста и обработки поверхности, которые, при внимательной разборке, весьма индивидуальны у каждого сосуда и мало меняются в его пределах у подавляющего большинства сосудов. В обработке одного сосуда использовалось немного инструментов, и они не менялись за время его изготовления. В результате пососудной разборки появляется возможность реконструировать форму, размер, композицию, мотивы орнаментов не только тех сосудов, которые были в ямах или законсервированных развалах, но и рассеянных на повер-

хности. Пофрагментное исследование керамики несёт информацию только об элементах орнамента и даёт отдельные примеры мотивов его.

Давать характеристику изучаемой культуры, основываясь на особо сохранившихся сосудах, мы не имеем права: они представляют собой неслучайную выборку, и основания её выделения нам не известны. Любые сосуды могли попадать в такую выборку, или в неё попадал (например, с жертвоприношением) сосуд какого-то определённого типа? Так, в поздних погребениях преобладают острорёберные сосуды с пышной орнаментацией, в трёх жилищах Дмитриевской Слободы 2 они составляют не более 1 % сосудов. В ямах у очага оказались установлены самые крупные котлы. Появляется также возможность выяснить характер распределения на памятнике фрагментов конкретного сосуда, а вместе с тем – очертить какие-то реально существовавшие поверхности и их нарушения.

Далее надо оценить в процентном выражении сохранность сосуда. При пососудной разборке по венчикам достаточно оценить процент сохранения венчика. От относительной длины дуги (доли сохранности венчика) зависит и точность замера диаметра. При пососудной разборке выносятся также оценка степени сохранности сосуда в процентах от площади его поверхности. Ввиду очень большой сложности такой работы можно ограничиться определением сохранения дуги венчика и/или дуги фрагмента, по которому сосуд получает характеристику, – если венчик от него не найден (определение по донышку не годится для такой оценки, к тому же связать донышко с венчиком удаётся у немногих сосудов).

Характеристика выборки керамики остаётся неполной, если мы не учтём её представительность⁴. Для этого надо оценить общее количество бытовавших на памятнике сосудов, включая несохранившиеся, и учесть непропорциональность представленных здесь эпох. Можем ли мы подсчитывать отсутствующие предметы? Исходим из того, что вероятность сохранения части сосуда и вероятность представленности сосуда в комплексе узнаваемым фрагментом равны – в них отражены действия одних и тех же факторов. Теоретически можно допустить, что существовали и другие – культурные, а не природные и не технологические факторы: какие-то особые виды посуды избирательно или сохранялись, или уничтожались, но выявлять и учитывать такие факторы надо на основании специфики их проявления.

Разная вероятность сохранения разновременных керамических комплексов требует составления отдельных графиков для разных хронологических этапов. Подобная работа может быть выполнена на достаточно представительном комплексе, где выделяются десятки сосудов. Если же мы имеем дело с несколькими черепками на памятнике, то общее количество сосудов может быть любым.

Далее строится график количества сосудов (по одной оси) и их сохранности с интервалом через 10 % для относительно полно сохранившихся сосудов и с уменьшением интервала для сосудов, от которых сохранилась малая часть. На практике, если от сосуда сохранилось менее 2 % площади, доказать его реальное существование в прошлом трудно, по венчику – это, по-видимому, – 4–5 %. То есть, если от сосуда сохранилось меньше практического минимума, его учесть невозможно. При плохой сохранности керамики кривая количества сосудов, приближаясь к минимуму сохранившихся частей, резко поднимается, и если построить соответствующий график, можно определить с некоторым приближением количество сосудов, не вошедших в выборку, то есть практически отсутствующих (неважно при этом, есть ли от них хоть один фрагмент, или все уничтожены, – вероятность этого как раз и показывает кривая).

Такие возрастающие по экспоненте кривые – не обязательное свойство всякого памятника. В закрытых комплексах, на кратковременных стоянках, например в землянках, не долго существовавших, могут быть случаи сохранения всех сосудов, но и там не бывает сохранения всех черепков. В то же время, если на памятнике сохраняются только мелкие фрагменты разных сосудов, то можно сделать вывод о том, что здесь их могло быть сколько угодно, – они не сохранились, и судить о реальном числе бытовавших здесь сосудов такой памятник возможности не даёт.

⁴ Отражаемая в отчётах и публикациях статистика венчиков/стенок/доньшек и обозначение их на планах не несут полезной информации, создавая информационный шум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидоров В.В. Смоленские неолитические сосуды // КСИА. Вып. 203. 2006.
2. Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменной индустрии. СПб., 2007.
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
4. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988.
5. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара 1999.
6. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

«EPHEMERAL CERAMICS» AND THE PECULIARITIES OF ITS ACCOUNTING

Summary

Thermal impact on the clay, turning it into ceramics, is not irreversible. We obtain only a small part of the archaeological ceramics – the majority of it, both the fragments and the vessels, is completely destroyed by different processes occurring in the soil. The destructive factors are: mechanical grinding, maceration, porosity and the presence of soluble impurities; but most of all the crocks is being destroyed by microflora, which is most active on the surface of the soil. Ceramics can be preserved only in conditions, where it is quickly buried – in the pits, at the walls of the pits, under the alluvial deposits. The plan of the finds fixes areas of such preservation, and not of the ceramics' existence.

Ceramics of different types are being destroyed with different speed, and the comparison of the amount of different types of vessels dated to different periods requires the consideration of their former number. Usually the subsequent use of residential floor destroys the previous settlements' material, of which only accidentally preserved fragments remain.

The accounting of ceramics according to the number of fragments is uninformative. Much more meaningful is the comparison of the vessels, which gives the opportunity not only to consider the composition and forms, but also to establish the quantitative losses: the percentage of the preservation of the arc of the rim is proportional to the probability of the detection of the vessel. This is also an opportunity to approximately estimate the amount of lost vessels.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia*

E-mail: gav-lupus@rambler.ru

И.В. Калинина

АНТРОПОЛОГИЯ ДВИЖЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Проблема сходства и различия керамических комплексов постоянно привлекает к себе внимание археологов. «Остается открытым вопрос – писал П.М. Кожин – создаются ли сходные виды керамики на разных территориях под взаимным влиянием традиций или они являются следствием конвергентного возникновения и развития». «Трудно определить, может ли сходная продукция быть произведена в коллективах, не имеющих прямых контактов друг с другом» [1, с. 55]. По мнению этнографов, «Традиционные особенности орнамента могут сохраняться на протяжении тысячелетий и находятся в тесной связи с историей формирования народов. Многократные совпадения орнаментальных узоров труднее всего объяснить конвергентностью развития» [2, с. 159–160]. В технологии орнаментации неолитических сосудов Уральского региона и Судана¹ сходство очевидно. На столь удалённых друг от друга территориях совпадают как гребенчатые орнаменты – «шагающая гребёнка» (рис. 1–5) [3; 4], «проташенная гребёнка» (рис. 6–7) [4], так и не гребенчатые – «отступающая палочка» (рис. 8) [4]. Для орнаментации использовались и гребенчатые штампы, и «естественные» орнаменты (рис. 9) [3; 4; 5]. В обоих регионах встречаются одинаковые по формам сосуды, имеющие конические и округлые днища (рис. 10) [4; 6, рис. 2: 2–5, 7–9]. Сходство прослеживается и в оформлении венчиков (рис. 11) [3]. В стенках обожжённых сосудов нередко просверливались конические отверстия (рис. 4: 5, 8) [4, рл. 90/1]. В коллекциях керамики встречаются также разной формы поделки из стенок сосудов (рис. 12) [4, рл. 86; 7, рис. 8].

В настоящее время имеются сторонники теорий разовых дальних миграций, но, с точки зрения антропологии движения, разрабатываемой А.В. Головнёвым, населению в древности подвижность свойственна [8]. Для переднеазиатских раннеземледельческих обществ VI–IV тыс. до н.э. Н.В. Козыревой была предложена модель естественной миграции – постоянного свободного перемещения неолитического населения [9, с. 3–29]. Не отвергая априори поиск объяснения сходства керамики через модели «антропологии движения», можно попытаться всё-таки определить причины, обуславливающие конвергентность, которые кроются в конечном счёте в общих закономерностях развития технологии орнаментации керамики. В исторической семантике – предлагаемом мною направлении исследований – предметом изучения является взаимосвязь технологий и семантики. Семантика понимается, при семантико-технологическом походе, как смысловые образные системы архаического мировоззрения [10].

Керамика, в небольших количествах, зафиксирована археологами и на отдельных памятниках, по времени предшествующих неолиту. В раннем неолите керамика ещё слабо орнаментирована, в ряде случаев – как бы случайными оттками орнаментов. Устойчивые орнаментальные традиции складываются только в развитом неолите. Этот период археологами обозначается по-разному: развитой неолит или, к примеру в Японии, как ранний дзёмон. С исторической точки зрения, гончарство не первично и «в своем происхождении и развитии тесно связано с целым рядом производств: корзиноплетением, ткачеством, деревообработкой... обработкой камня... металлургией» [11, с. 123].

И.Н. Хлопин высказал мысль о возможном соответствии орнаментов на керамике бронзового века и ковровых орнаментов. По его мнению, андроновский орнамент на сосудах является своеобразной «записью» технологии узорного ткачества, известного в Передней и Средней Азии [12, с. 48]. Было обращено внимание на то, что такие признаки андроновского орнамента, как коленчатость и ступенчатость, «легко объяснимы из технологии изготовления тканого узора (именно изготовленного на станке способом переплетения нитей утка и основы)» [13, с. 27]. В.И. Кузин-Лосев высказал предположение, что «шнур и тесьма были смыслообразующей первоосновой большого числа изобразительных элементов катакомбной культуры» [14, с. 154]. По его мнению, на катакомбной керамике эпохи бронзы «простейшая имитация технологических действий в виде приема закручивания основы, движения утка производились с помощью изобразительного знака, закрепляясь в визуальных образах. На материал накладывались элементы, имитирующие движения зигзагом

¹ Выражаю глубокую признательность доктору М. Хлодницки за предоставленную возможность ознакомиться и опубликовать неолитическую керамику памятника Kadego из раскопок в Судане. В статье использованы, также благодаря содействию М. Хлодницки, фотографии фрагментов керамики из монографий А. Аркелля, хранящихся в библиотеке Археологического музея г. Познань (Польша).

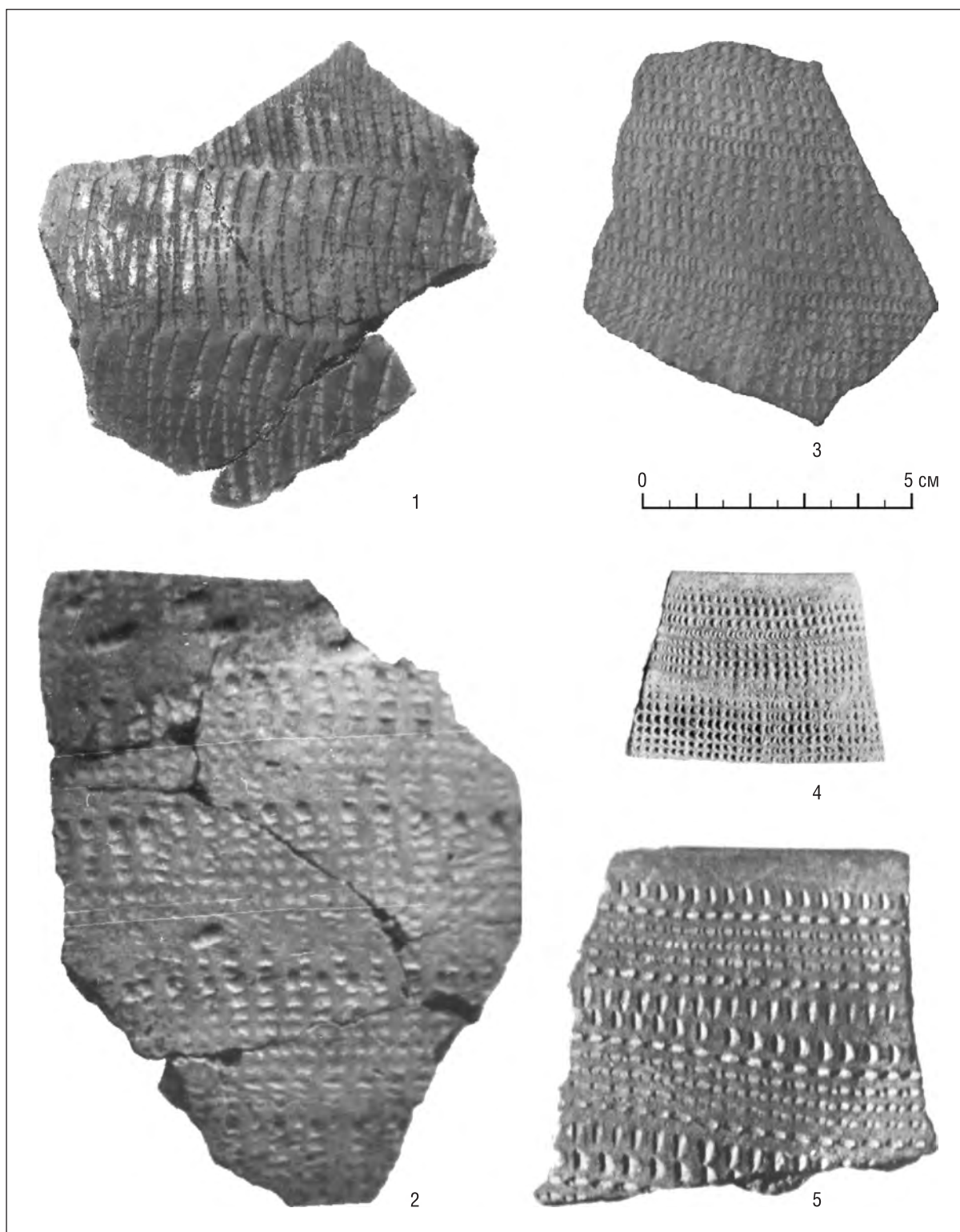

Рис. 1. Фрагменты сосудов с «шагающей гребёнкой»:
1 – Хуторская стоянка; 2 – Боровое озеро I; 3 – Kadero; 4 – Shaheinab (по [3, pl. 32/3]);
5 – Shaheinab (по [3, pl. 31/2])

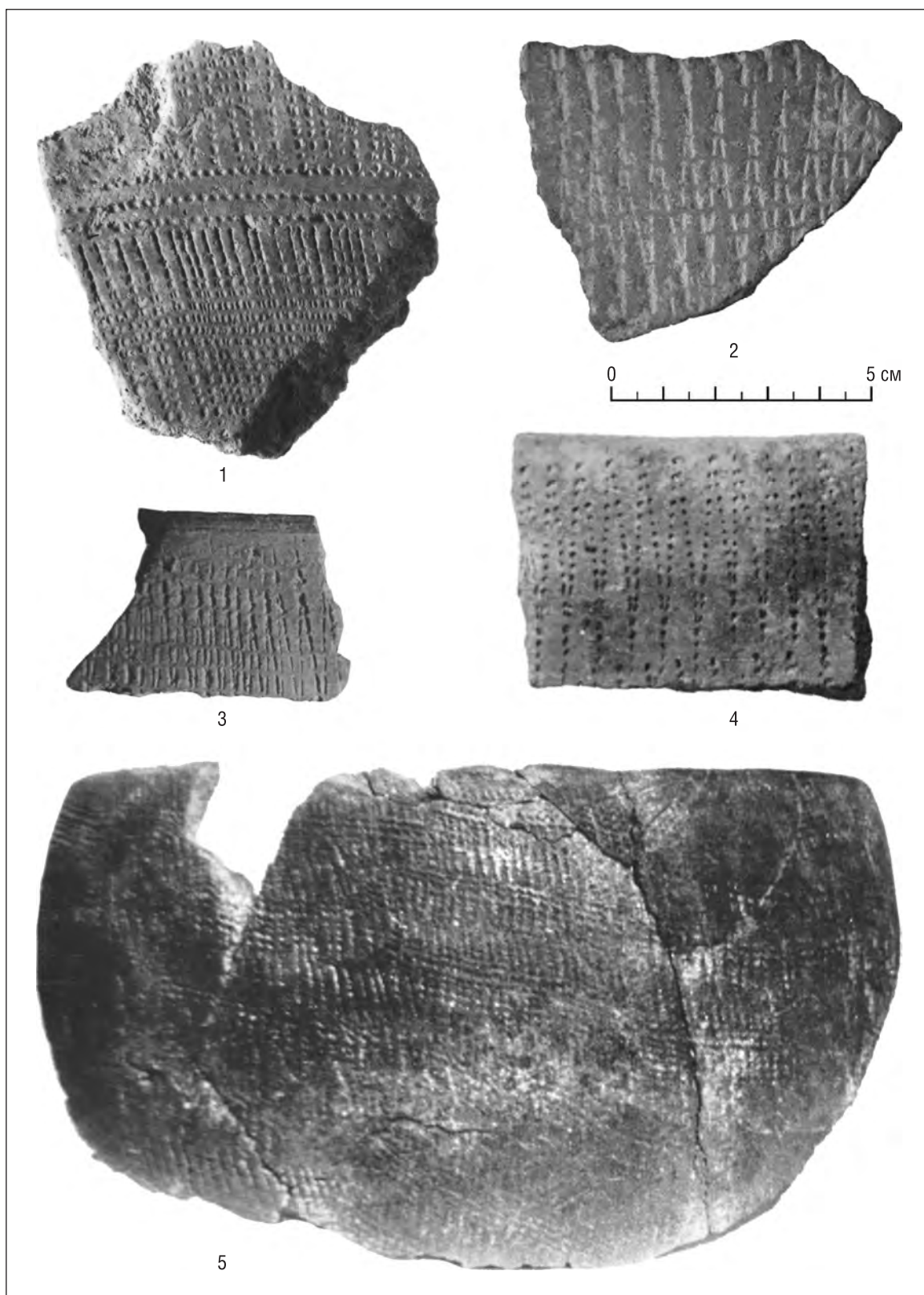

Рис. 2. Фрагменты сосудов с «шагающей гребёнкой»:
1 – Хуторская стоянка; 2 – Kadogo; 3, 4, 5 – Shaheinab (по [3, pl. 90/2; 32/4; 38/1])

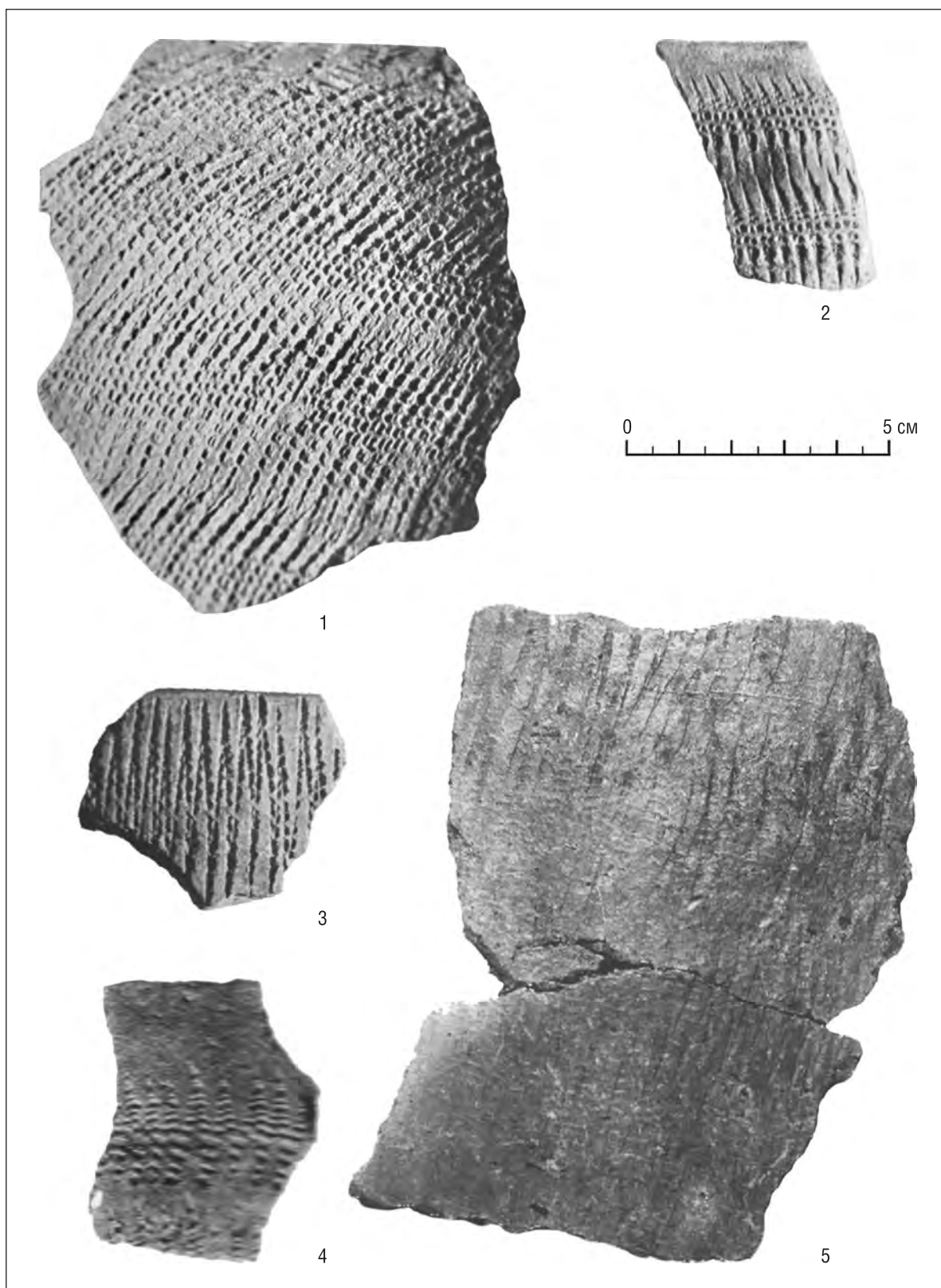

Рис. 3. Фрагменты сосудов с «шагающей гребёной»:
1, 3 – Khartoum (по [4, pl. 65/3; 90/2]); 2 – Shaheinab (по [3, pl. 32/2]); 4 – Полудёнка I; 5 – Горбуновский торфяник

на ткацком станке, кручение первоначальной основы» [14, с. 157]. В.И. Кузин-Лосев рассматривает «шагающую гребёнку» как орнаментальный мотив, передающий зигзагообразные движения на ткацком станке [14, с. 157]. На основании соответствия признаков керамической орнаментации признакам тканых на полотне орнаментов исследователи пришли к выводу, что «именно ткачество стало одним из первых способов материального воплощения некоего “культурного кода”» [13, с. 27].

По письменным источникам известна «ритуализация процесса изготовления текстильных полотен в древности» [13, с. 29]. «Древние индийцы... выражали свои философские идеи и мировоззрение, используя текстильную терминологию. <...> ...представления о природе вселенной образно выражались в символике ткачества» [15, с. 3]. По В.И. Кузину-Лосеву, у катакомбного орнамента кроме принципа «моделирования

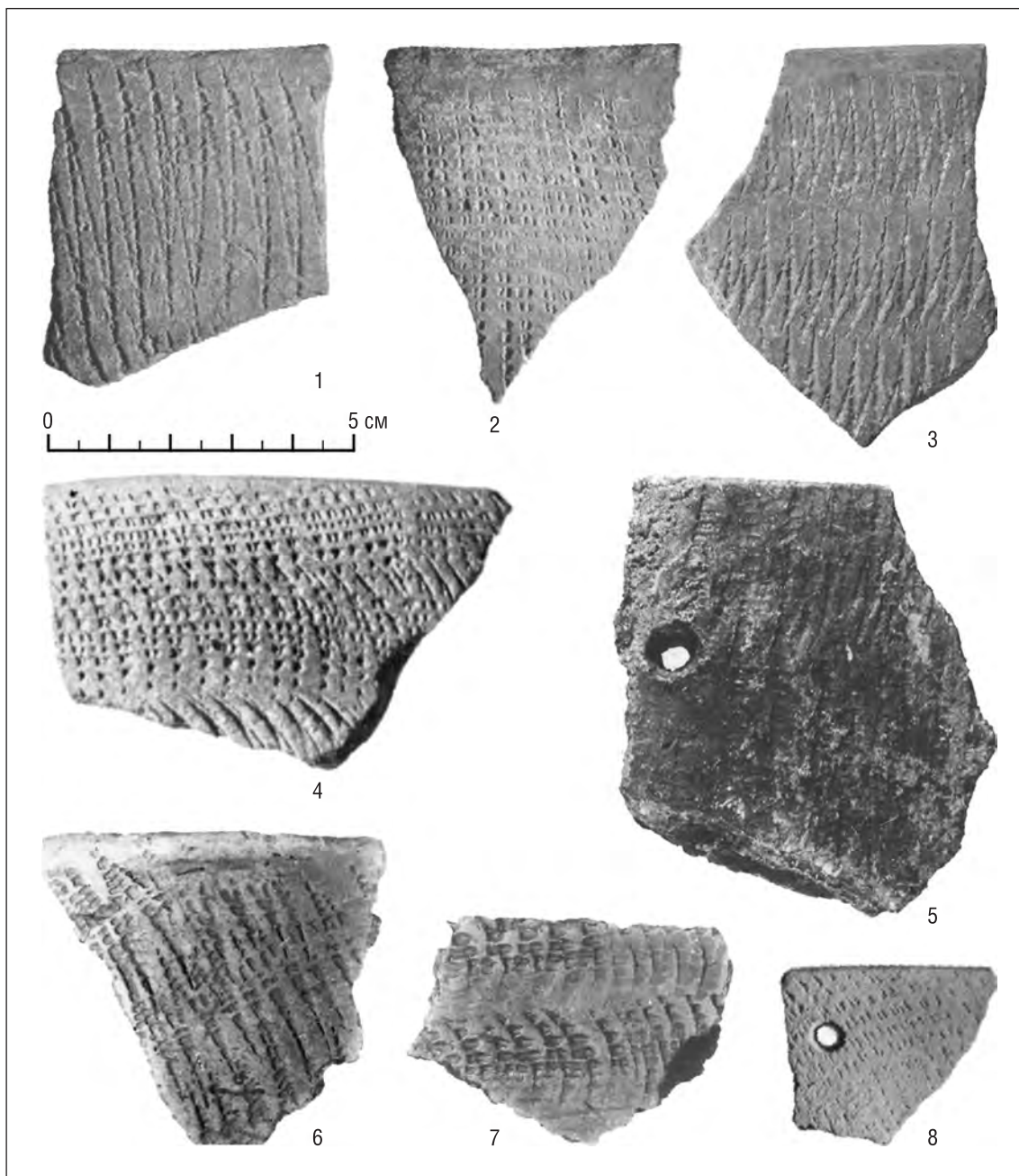

Рис. 4. Фрагменты сосудов с «шагающей гребёнкой»: 1, 2, 8 – Khartoum (по [4: 1–2 – pl. 90/2; 8 – pl. 90/1]); 3 – Kadero; 4 – Shaheinab (по [3, pl. 32/4]); 5 – Горбуновский торфяник; 6, 7 – Виловатовская стоянка

структуры ткани» есть «и другая смысловая сторона орнамента – процесс творения». «Структура плетения, ткачества, обработка волокна переносились с помощью изобразительных знаков, в виде геометрических элементов, на культурные формы. Как акты “творения” данные приемы выходили за пределы лишь изготовления вещей, повторяясь в декоре, знаковой области» [14, с. 157].

Обратимся к мотиву «шагающей гребёнки», представленному на керамике в Уральском регионе и в Судане. В развитом камском неолите, как выяснилось в ходе экспериментального исследования, «шагающая гребёнка» выступает приёмом дополнительного уплотнения стенок сосуда. По семантике этот орнамент

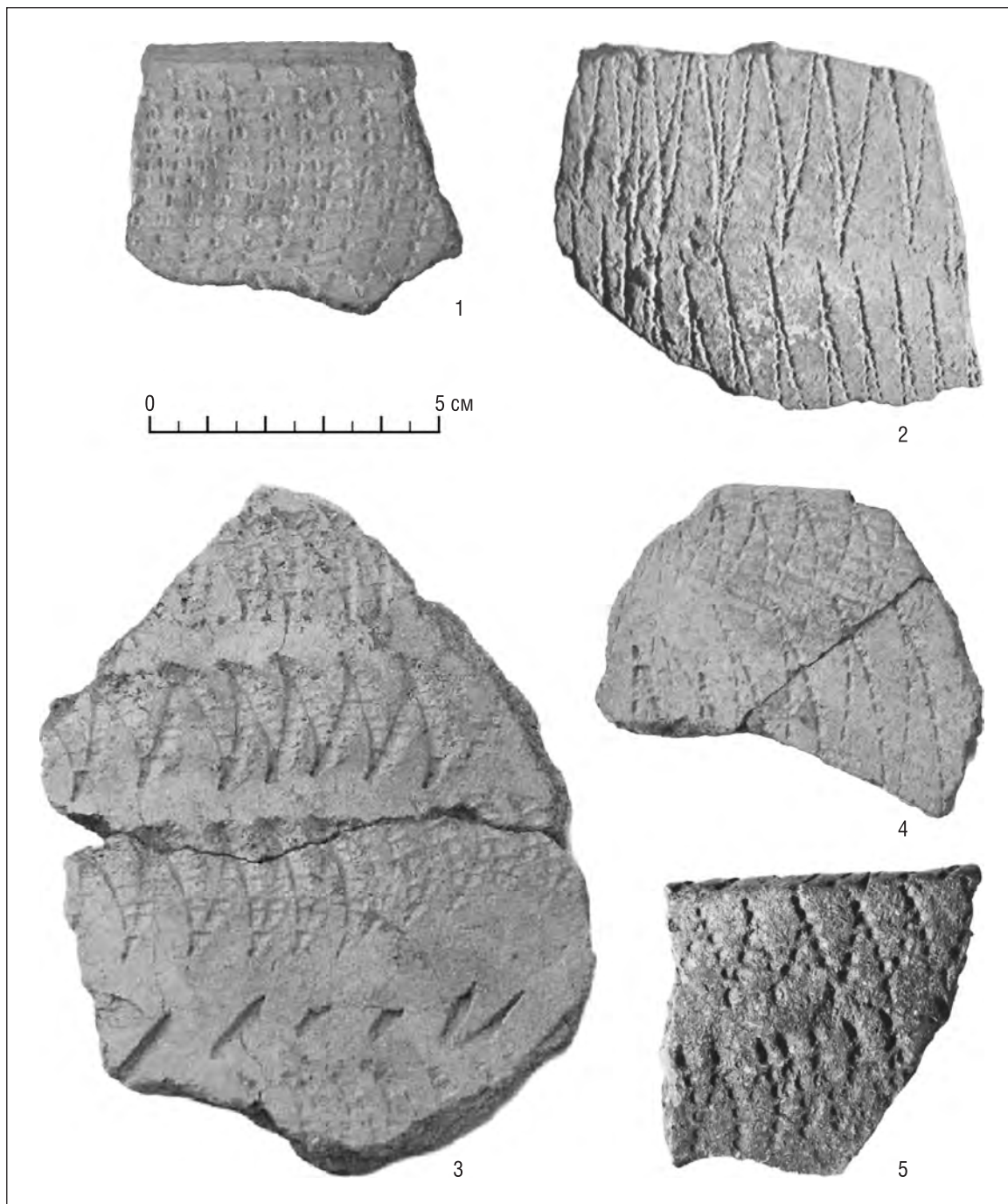

Рис. 5. Фрагменты сосудов с «шагающей гребёнкой»: 1, 4 – Kadero; 2 – Khartoum (по [4, pl. 90/1]); 3 – Лёвшино; 5 – Юрьино IV

“воспроизводит” ‘покров’, ‘шкуру’ животных. В орнаментации неолитических сосудов семантическая функция ‘защиты’, ‘укрепления’, ‘оберега’ совпала с производственной функцией придания прочности сосудам [16, с. 241–247].

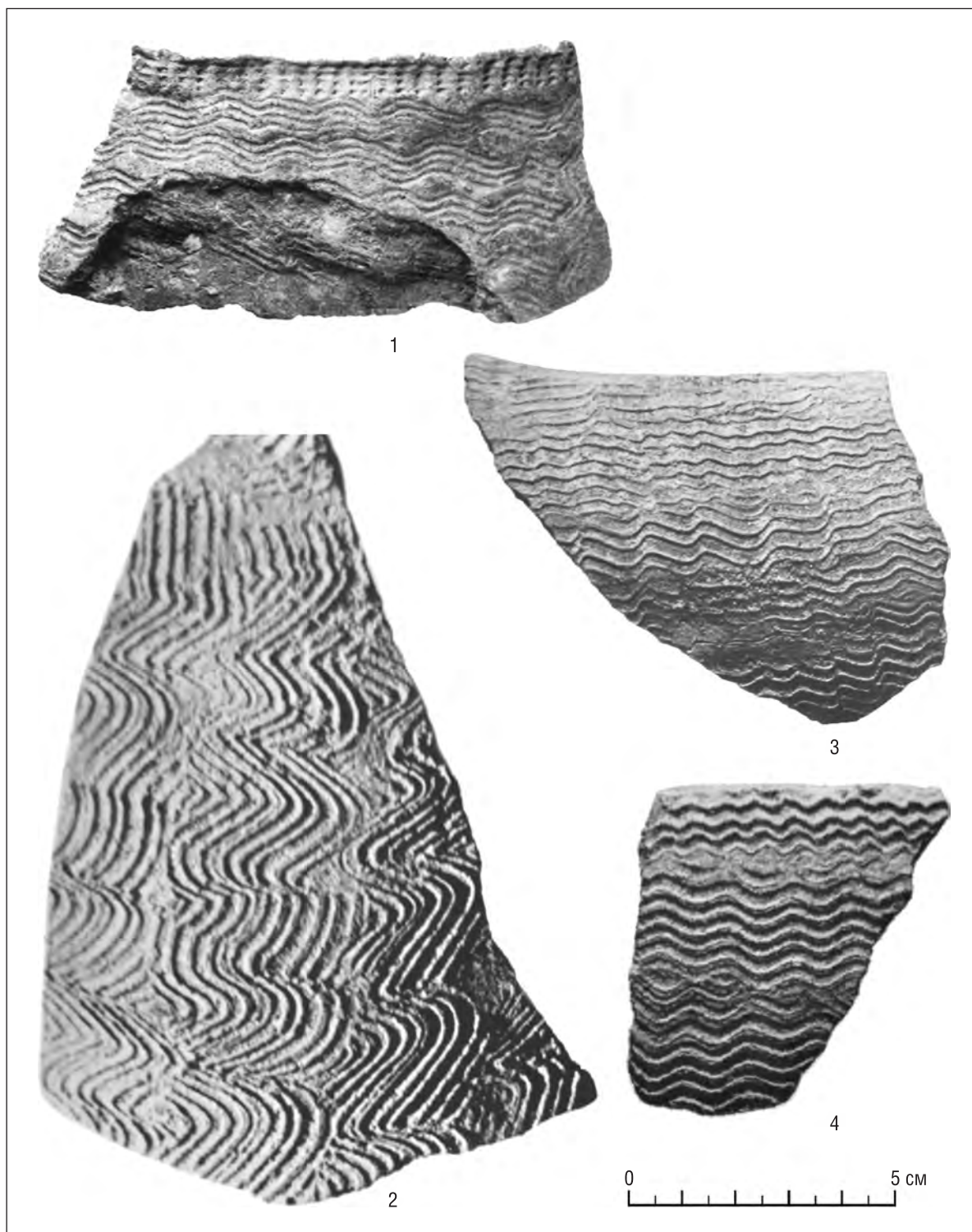

Рис. 6. Фрагменты сосудов с «проташенной гребёнкой»:
1 – Полудёнка I; 2–4 – Khartoum (по [4: 2 – pl. 60/1; 3 – pl. 66; 4 – pl. 61/1])

Рис. 7. Фрагменты сосудов с «проташенной гребёнкой»:
1 – Khartoum (по [4, рл. 59/1]); 2 – Шигирский торфяник

Рис. 8. Фрагменты сосудов, орнаментированные «отступающей палочкой»:
1–8 – Khartoum (по [4: 1–3 – pl. 84/1; 4–5 – pl. 83/4; 6 – pl. 83/2; 7 – pl. 83/3; 8 – pl. 84/3]); 9 – Юрьино IV

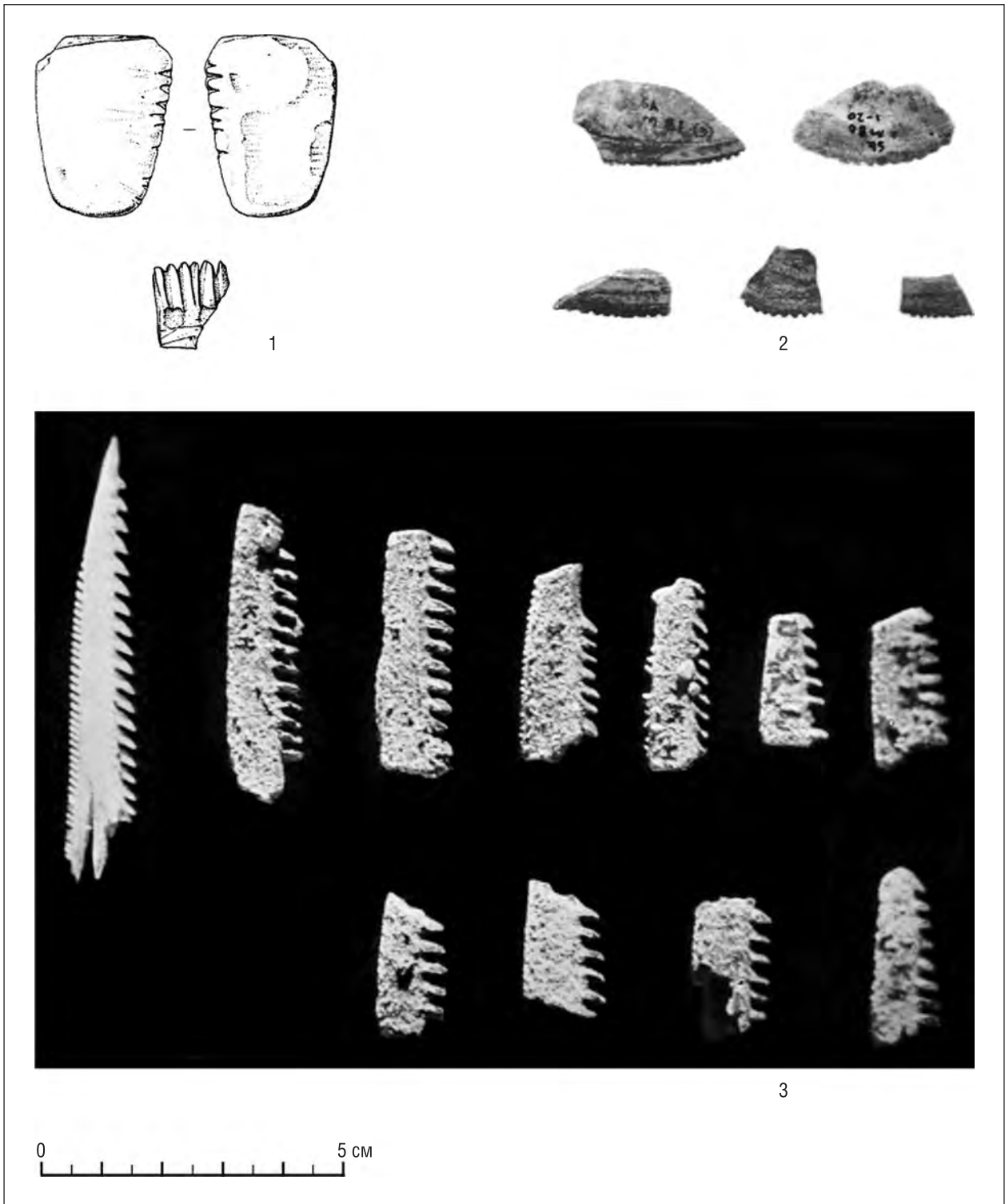

Рис. 9. Орнаменты:
 1 – Dongola (по [5, fig. 6]); 2 – Shaheinab (по [3, pl. 28/6]); 3 – Khartoum (по [4, pl. 59/2])

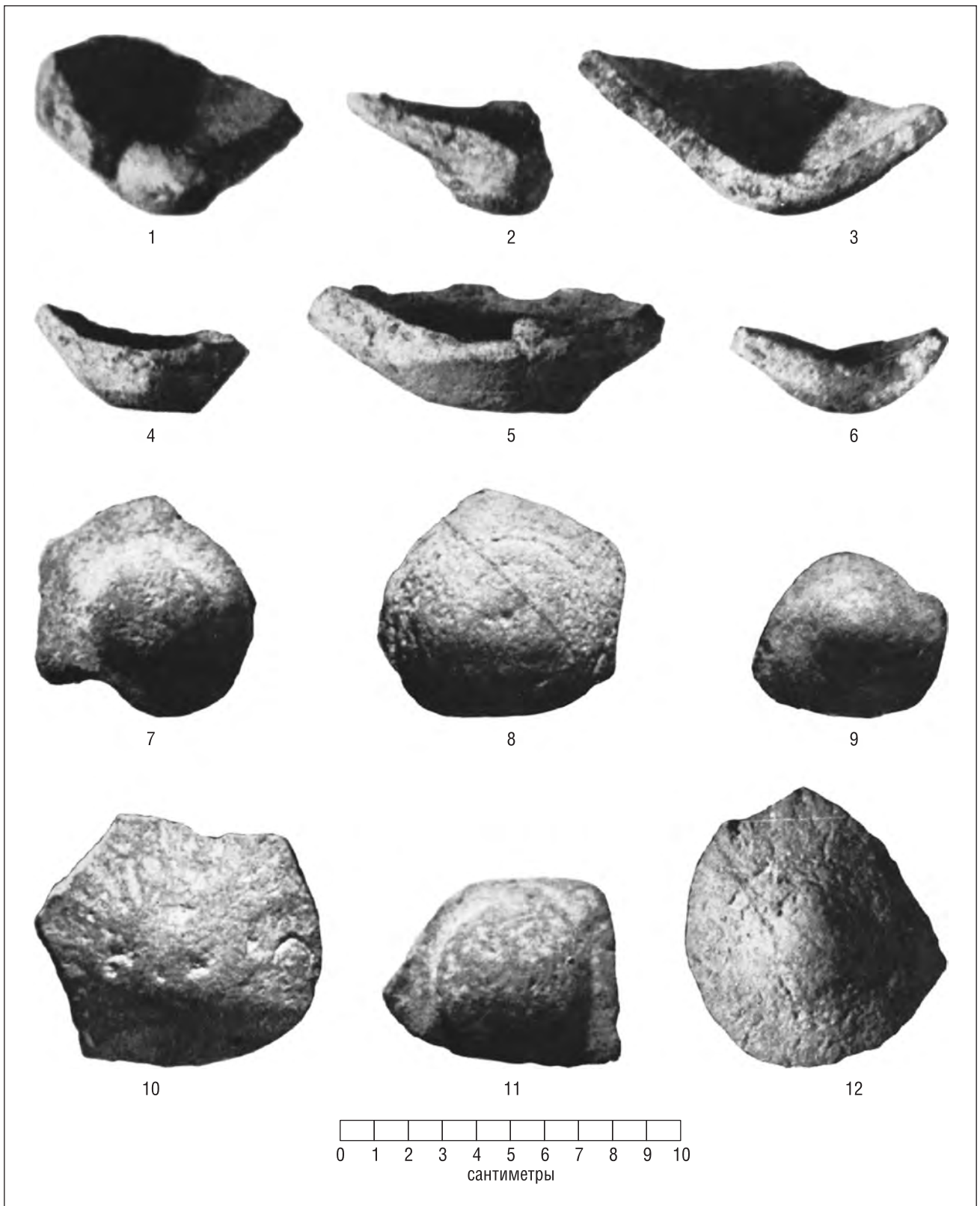

Рис. 10. Формы днищ сосудов. Khartoum (по [4, pl. 74])

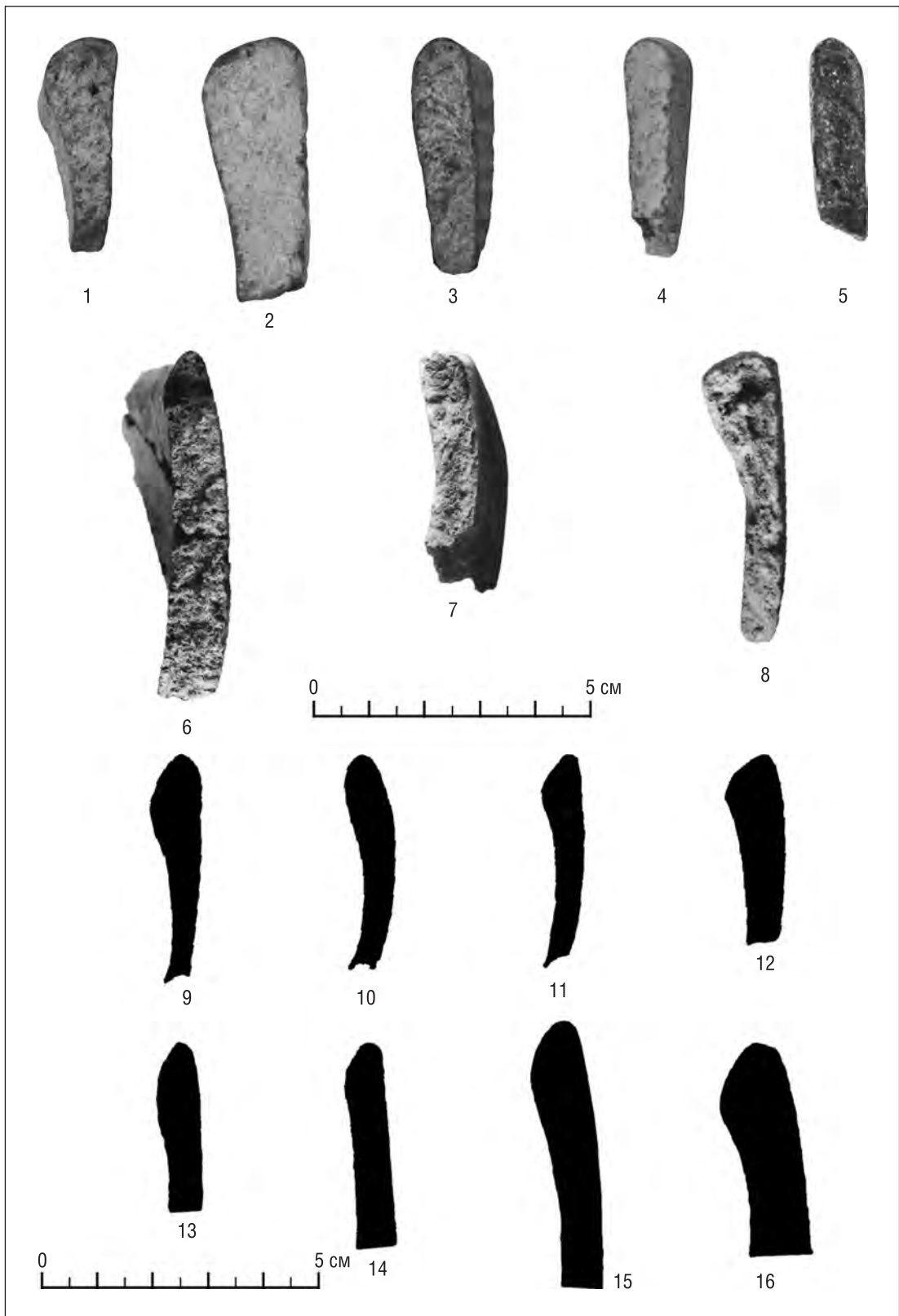

Рис. 11. Формы венчиков сосудов:
 1-5 – Kadego; 6-7 – Хуторская; 8 – Полудёнка I; 9-12 – Shaheinab (по [3, pl. 36]); 13-16 – Сауз I

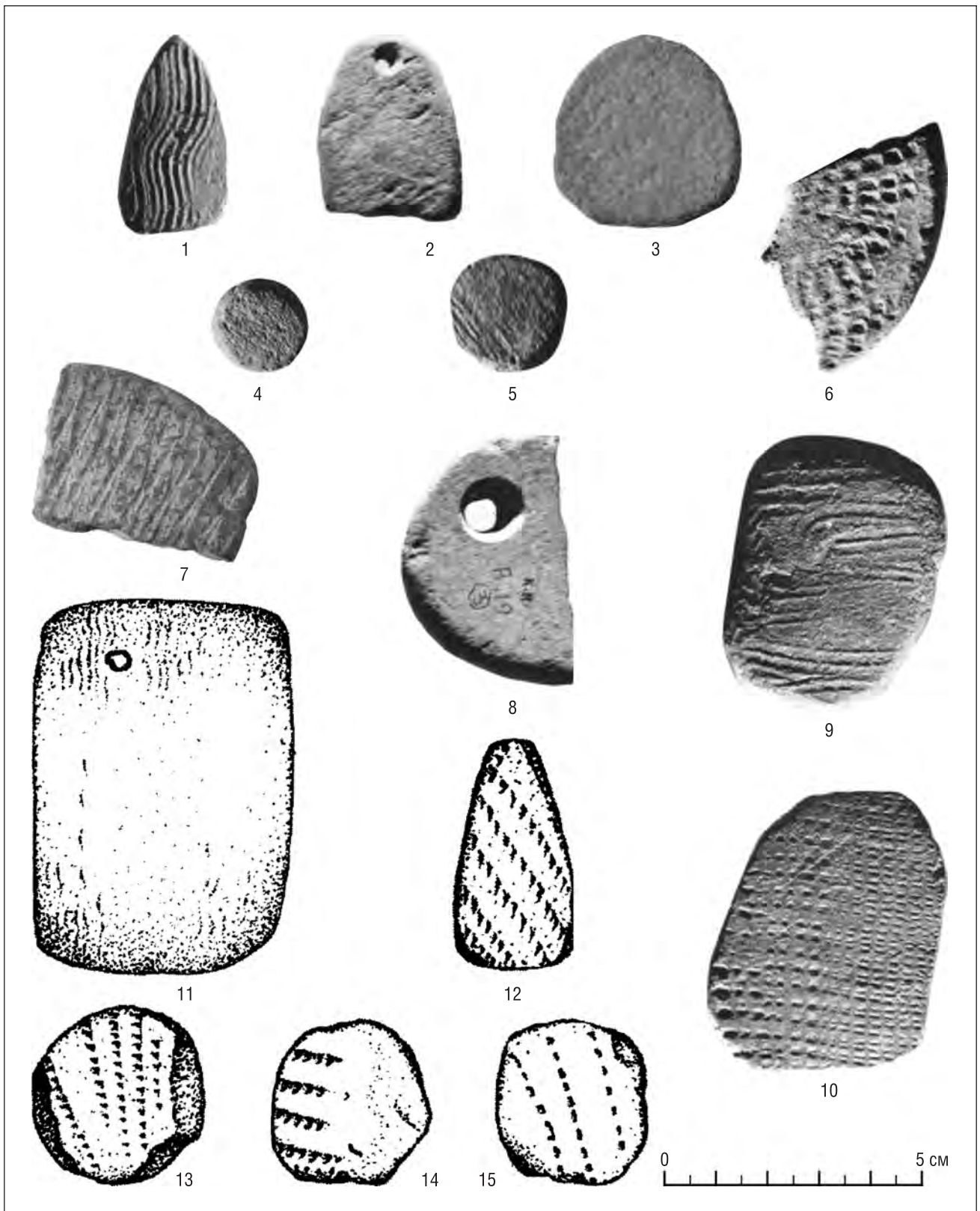

Рис. 12. Поделки из фрагментов керамики:
 1–10 – Khartoum (по [4, pl. 86]); 11–15 – Шайтанское озеро (по [7, рис. 8])

Мотив «шагающей гребёнки» в Уральском регионе и в Западной Сибири широко распространён и на керамике эпохи бронзы. Для западносибирского бронзового века (южная тайга – северная лесостепь) исследователи выделяют «пласт памятников с керамикой, орнаментированной движущейся гребёнкой (кротовская, елунинская, ташковская, степановская культуры)» [17, с. 108]. В Западной Сибири разновидность «шагающей гребёнки» – «шагающе-проташенная» гребёнка, называемая также «движущейся гребёнкой», является способом, по мнению И.Г. Глушкова и Т.Н. Глушковой, «своеобразного разравнивания поверхности сосуда» [17, с. 123]. То есть гребенчатый штамп в Западной Сибири использовался для орнаментации и для выравнивания, заглаживания поверхности сосудов. В африканском гончарстве также одни и те же предметы употреблялись и для орнаментации, и для обработки поверхностей сосудов [18, с. 157]. В этом я могла убедиться и сама, изучая неолитическую керамику памятника Kadero. Из древних центров гончарства в Судане и Восточной Африке, по мнению D. Drost, получает распространение метод нанесения орнаментов способом прокатывания инструмента (rolling decoration). Заслуживает внимание предположение D. Drost, что сплетённые в виде валика орнаменты древнее цилиндрических (орнаментиров?), вырезанных из дерева, с углублённым имитирующим плетение орнаментом [18, с. 258].

На катакомбной керамике «шагающая гребёнка» рассматривается В.И. Кузиным-Лосевым как изобразительный знак, имитирующий производственные движения на ткацком станке. Однако освоение мотива «шагающей гребёнки» в качестве знака происходит ранее эпохи бронзы. В орнаментальной системе камского неолита «шагающая гребёнка» представлена в композициях, передающих разные варианты ручных плетений [19, с. 170–179]. Но эти композиции сами по себе не определяют генезис мотива «шагающей гребёнки». В этой связи весьма интересно наблюдение В.А. Заха, что у обских угров, а также чулымских тюрок «швы или соединения (т.н. замковое соединение – *И.К.*) на берестяной посуде и других изделиях (лодки) часто напоминают ряды “качалки” («шагающей гребёнки» – *И.К.*) на керамике» [20, с. 19] (рис. 13). В истории текстиля² навыки скручивания волокон, различные приёмы вязания, плетения, а также сшивания, скрепления полотен могут рассматриваться как параллельные производственные процессы, которые находят отражение в гончарном производстве: так, к примеру, «плетёнки» являются характерными орнаментальными композициями для керамики камского неолита, а мотивы из отрисков верёвки становятся доминантными в культурах дзёмон и шнуровой керамики. В палеолите как способ скрепления естественных полотнищ – шкур животных – зафиксирован крест [22, с. 54–56]. Видимо, достаточно рано происходит и освоение способа сшивания полотен зигзагом («козлик»). Крест и зигзаг обретают в архаическом образном мировосприятии функцию знака – ‘защиты’, ‘укрепления’. В эпоху бронзы взаимосвязь двух производственных процессов: ткачества и орнаментации глиняных сосудов – свидетельствует, несомненно, об усложнении образной семантики. Ткачество, считается, возможно только в условиях производящего хозяйства, «с появлением достаточного количества нетрудоёмкого в обработке волокна – шерсти. ...шерсть овцы из-за особенности ее строения позволяет изготавливать нити, выдерживающие натяжение в ткацких станках» [23, с. 84]. Образные представления о прядении шерсти как источнике ‘богатства’ и символе ‘судьбы’ нашли

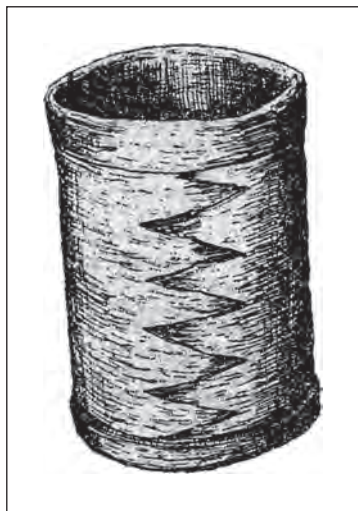

Рис. 13. Берестяной куженек чулымских тюрок (по [21, рис. 10])

отражение, согласно лингвистическим данным, в индоевропейских «этимологически соотносимых друг с другом формах исторических диалектов, главным образом германских, обозначающих ‘прядение’ и ‘пряжу’, ‘ткань’, с одной стороны, и ‘судьбу’, ‘удачу’, ‘богатство’, с другой» [24, с. 583].

На Урале известны неолитические и энеолитические культуры, такие как полудёнковская, сумпаньинская, елизаветинская, на керамике которых «шагающая гребёнка» встречается наряду с челюстными орнаментами. Гребенчатый штамп исследователи возводили «к гребням, применявшимся в некоторых видах плетения и ткачества для разделения нитей основы» [11, с. 125]. В производстве древнего текстиля гребни использовались: «с помощью гребенки расчесывались волокна, что было необходимым условием при производстве сырья для ткани» [14, с. 157]. Тем не менее семантика гребня, как и гребенчатого штампа, вероятно, восходит к челюсти зверя [25, с. 83–94]. У гребенчатого штампа и гребня единая семантическая основа. В древних погребениях нередко находки челюстей животных, использованных в качестве подвесок-амулетов. В относительно позднем погребении черняховской культуры (III–IV вв. н.э.) бронзовый гребень был найден вместе с подвеской из челюсти лося и двумя раковинами *Surgrea pantherina* [26, с. 184]. Судя по составу погребального инвентаря, в Прикамье в раннем средневековье «женщины использовали гребни в составе амулетов, дополняющих наконечники, а мужчины носили их на поясе» [27, с. 51–52]. Было также обращено внимание на то, что в древнерусских захоронениях в составе ожерелий или на груди женщин встречаются небольших размеров пряслица. То есть, как и у гребней, «спектр применения пряслиц не ограничивался только утилитарными функциями – они выполняли и функцию

² Термин «текстиль», то есть полотно с упорядоченной структурой, принят как общий термин для плетения и ткачества [12, с. 4].

апотропеев» [12, с. 45]. К орнаментирам в традиционных культурах в среде гончаров – также особое отношение: они передаются по наследству [25, с. 85].

Первичная семантика мотива «шагающей гребёнки» на неолитических сосудах – это, полагаю, область образных смыслов производственных действий, осмысление защитной, укрепляющей роли приёмов обработки поверхностей сосудов. В качестве орнаментального мотива, в свою очередь, «шагающая гребёнка» выполняла и знаковую функцию декора. С позиции «исторической семантики», зарождение орнаментации, связанной с производством текстиля, могло осуществляться независимо в разных регионах. Вместе с тем необходимо учитывать возможность широкого распространения новых технологий в периоды развитого неолита – раннего металла, хотя эмпирический способ передачи навыков и обуславливает консервативность архаических технологий. В это время происходит не только усложнение социальных структур, но, в связи с возросшей специализацией, усиливаются также контакты и взаимодействия отдельных коллективов людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кожин П.М.* Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
2. *Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972.
3. *Arkell, A.J.* Shaheinab: an Account of the Excavation of a Neolithic Occupation Site Carried out for the Sudan Antiquities Service in 1949–1950. London; New York; Toronto, 1953.
4. *Arkell, A.J.* Early Khartoum: an Account of the Excavation of an Early Occupation Site Carried out by the Sudan Government Antiquities Service in 1944–1945. London; New York; Toronto, 1949.
5. *Welsby, D.* Early Pottery in the Middle Nile Valley // Pottery in the Making: World Ceramic Traditions. London, 1997.
6. *Хлобыстина Л.* Неолитическая керамика из памятника в Кадеро (Судан) // В данном сборнике.
7. *Сериков Ю.Б.* Украшения населения Урала в каменном веке // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013.
8. *Головинёв А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
9. *Козырева Н.В.* Взаимодействие этнических групп в ранней истории Месопотамии // Вестник древней истории. 2011. № 3.
10. *Калинина И.В.* Очерки по исторической семантике. СПб., 2009.
11. *Кожин П.М., Иванова Л.А.* Океанийская керамика в собраниях МАЭ // Культура народов Австралии и Океании. Л., 1974. (Сборник МАЭ. Т. XXX)
12. *Глушкова В.Н.* История изучения древнего плетения и ткачества в отечественной археологии. Сургут, 2006.
13. *Глушкова Т.Н., Дудкина С.А.* Архетипическое в древнем ткачестве (на примере культуры сибирских этносов) // Пространство культуры в археологическом измерении Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2001.
14. *Кузин-Лосев В.И.* Область смыслов, знаков, символов катакомбной культурно-исторической общности // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк, 2005.
15. Индия. Мастерство ткачей. Знакомство с индийским текстилем ручной работы. М., 1987.
16. *Калинина И.В.* Морфология декора неолитических сосудов и стилистические особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
17. *Глушков И.Г., Глушкова Т.Н.* Текстильная керамика как исторический источник. Тобольск, 1992.
18. *Drost, D.* Töpferei in Afrika. Technologie // Veröffentlichungen des Museums für Volkerkunde zu Leipzig. Heft 15. B. XXII. Berlin, 1967.
19. *Калинина И.В.* Орнаментация керамики волго-камского неолита // СА. 1974. № 4.
20. *Зах В.А.* Периоды трансформаций в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2012. № 4.
21. Тюрки таежного Причудья: Популяция и этнос / Э.Л. Львова, В.А. Дремов, Р.М. Бирюкович, Г.А. Аксянова, Г.Л. Хить, А.Н. Багашев. Томск, 1991.
22. *Калинина И.В.* Крестообразные знаки в изобразительной деятельности палеоантропов // Археология в пути или путь археолога. К 80-летию профессора А.Д. Столяра. Ч. 2. СПб., 2001.
23. *Чернай И.Л.* Выработка текстиля у племен дяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4.
24. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры (в 2-ух частях). Т. II. Тбилиси, 1984.
25. *Калинина И.В., Гаджиева Е.А.* Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS. Памяти Л.П. Хлобыстина. СПб., 1993. (Археологические изыскания. Вып. 10)
26. *Тиханова М.Е.* О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4.
27. *Крыласова Н.Б.* Гребни из материалов Рождественского городища на р. Обва как показатель этнокультурных связей // Пути средневековых торговцев. Пермь, 2004.

**ФГБУК «Государственный Эрмитаж»,
Санкт-Петербург**

I.V. KALININA

ANTHROPOLOGY OF MOVEMENT AND THE TECHNOLOGICAL TRADITION

Summary

The problem of similarities and distinctions of ceramic complexes constantly draws attention of archeologists. Similarity of Neolithic ceramics of the Ural region to those of Sudan is especially distinct in the technology of vessels' ornamentation. Without denying the search of an explanation of ceramics' similarity through models of «anthropology of movement», it is possible to try to determine the reasons causing convergence, which, eventually, are hidden, perhaps, on the general trends of development in technology of ceramics' ornamentation. In historical semantics – the direction of researches offered by me – the object of study is the interrelation of technologies and semantics.

The original semantics of the «walking comb» in the ornamentation of Neolithic vessels is connected, I believe, with the area of figurative meanings of the production activities, with the conceptualization of the protective, strengthening role of methods used in handling the surfaces of vessels. As ornamental motive the «walking comb» also had the sign function of that of a decor. From this position of «historical semantics», origin of the ornamentation connected with production of textiles could be carried out, apparently, independently in different regions. At the same time, there is a possibility of a wide circulation of new technologies during the periods of the Developed Neolithic – the Early Metal, when because of the increased specialization contacts and interactions of separate groups of people more numerous and intensive.

*Federal State Budgetary Institution of Culture
«The State Hermitage»,
34, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 190000,
Russia*

E-mail: irkalinina@yandex.ru

М. Хлодниcki

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ ПАМЯТНИКА В КАДЕРО (СУДАН)

Памятник в Кадеро (Kadero) расположен неподалёку от Хартума, около 17 км к северу от слияния рек Голубой и Белый Нил и около 6 км к востоку от современного течения реки. Так же, как большинство неолитических памятников в этом районе, он занимает песчаный пригорок, находящийся в аллювиальной долине. Вероятно, в каменном веке течение реки проходило намного ближе к месту расположения памятника, которое во время разливов превращалось в остров [1, p. 161; 2, s. 127]. Погребения разбросаны почти по всему 4-гектарному пригорку, инвентарь же из поселения, хотя и встречается на всей площади памятника, концентрируется в основном в двух скоплениях – северном и южном, возникших вследствие накопления отходов только в этих отдельных местах [2, s. 148–149; 3, p. 54]. Кадеро – это не только один из самых крупных, но также один из важнейших и лучше исследованных неолитических памятников в Судане.

В 1972–2003 годах исследования проводились экспедицией Польского центра средиземноморской археологии Варшавского университета и Археологического музея в Познани под руководством Леха Кжижаняка. Во время раскопок были исследованы свыше 200 неолитических погребений (первоначально здесь могло находиться почти 1000 погребений) и значительная часть поселения. К сожалению, данный памятник, так же как и другие памятники в этом регионе, сильно разрушен эрозионными процессами. Из-за этого не сохранились остатки построек, большинство же археологического материала находится на современной дневной поверхности или непосредственно под ней. Многие погребения тоже оказались на поверхности или были полностью разрушены ветром и водой. Следует подчеркнуть, что найденный материал (керамика, кремнёвые и каменные орудия, кости животных – в основном скота) – многочислен и намного богаче, чем на других памятниках. Погребения очень дифференцированы по инвентарю. Наряду с погребениями, сопровождающимися каменными наконечниками булав, многочисленными украшениями, каменными и костяными орудиями, а также посудой, встречаются могилы только с керамикой или вообще без каких-либо даров [4, p. 57–72]. И материал с поселения и погребения свидетельствуют о продолжительном заселении данного места, что подтверждают и радиоуглеродные даты [4].

Функция археологического памятника Кадеро не до конца понятна. Накопленное здесь огромное количество археологического материала, как керамики, так и каменных орудий, может указывать на оседлый образ жизни. Это в некоторой степени противоречит пастушескому образу жизни неолитических общностей Центрального Судана. Памятник интерпретируется как постоянное центральное поселение, вокруг которого существовали небольшие стоянки [5; 1], или как место встреч пастухов, собирающихся для проведения общественных церемоний, связанных с ритуальным убоем скота [6]. На это могут указывать многочисленные костные остатки, количество которых здесь больше, чем на других памятниках. К сожалению, из-за плохой сохранности материалов мы не располагаем никакими доказательствами сезонности заселения данного памятника. Нет сомнений, что на этом месте долгое время производились погребальные ритуалы.

Памятник Кадеро был впервые описан Г.К. Читтиком [7], который отметил значительное сходство найденных на его поверхности материалов с тогда только что опубликованными материалами из раннеолитического поселения Шахейнаб (Shaheinab), расположенного на другом берегу реки Нил, около 40 км на север [8]. На этом эпонимном памятнике археологической культуры, определяемой как шахейнабский неолит, хартумский неолит или среднесуданский неолит, орудия и керамика очень близки к инвентарю, известному из Кадеро, но кости одомашненных животных составляют только ничтожную часть среди остатков фауны [8, p. 19].

Керамика появляется в Среднем Судане намного раньше, чем производящее хозяйство. Уже общества культуры, определяемой А.Дж. Аркеллем как хартумский мезолит или раннехартумская культура, были знакомы с технологически развитой керамикой [9]. Данную культуру иногда относят к эпипалеолиту или к неолиту. Классификационные споры происходят от того, что она не укладывается в схемы, разработанные для Европы и Средиземноморского района [10, p. 23–30; 11, p. 11–17]. Несомненно, данное общество не освоило ещё ни скотоводства, ни выращивания зерновых, но благоприятные условия на Ниле способствовали развитию интенсивного собирательства, эксплуатации водных ресурсов и охоте, и вместе с тем довольно оседлому способу жизни. В инвентаре этой культуры находились микролитические орудия, костяные гар-

пуны и зернотёрки. Именно эксплуатация водной среды и использование дикорастущих злаков стали причиной раннего появления керамической посуды, как, похоже, и в других регионах мира [12; 13, p. 152; 14]. Однако это не единственная гипотеза о происхождении африканской керамики [15, p. 110–112].

Посуда раннехартумской культуры – полушаровидной формы, имеет орнамент из волнистых (рис. 1: 1) или пунктирно-волнистых (рис. 1: 2–4) линий. На основании радиоуглеродной датировки и дифференциации в украшении керамики данная культура разделяется на две фазы: раннюю – 8600–6500 лет до н.э. и позднюю – 6500–5500 лет до н.э. [10, p. 140]. Следы обитания носителей этой культуры наблюдаются также в Кадеро [16, p. 215].

В начале неолита животноводство не всегда имело главное значение в экономике. Одомашненный скот играл важную роль только на части памятников (Кадеро), сбор же диких злаков (сорго) и плодов (черёмуха) обеспечивал нужды в растительной пище [2, s. 113–130]. С новой эпохой появились шлифованные топоры и характерные для Центрального Судана долота [8, p. 31–38; 4, p. 285–289], но и они не встречаются на всех неолитических памятниках. Некоторые общества новокаменного века сохранили охотничье-собирательскую традицию, только керамика свидетельствует об их принадлежности к кругу неолитических культур.

Как показывает радиоуглеродное датирование, V тыс. до н.э. – это время расцвета неолитической экономики, основанной на скотоводстве [10, p. 146–147]. К этому периоду приурочены большинство радиоуглеродных дат из Кадеро [17]. Самые поздние неолитические даты, в том числе из Кадеро, восходят к началу III тыс. до н.э. (2780±80 BC), когда завершается неолитическое заселение памятника. Для позднейшего периода, приблизительно до 1-й пол. I тыс. до н.э., в принципе нет очевидных доказательств заселения Центрального Судана, хотя и полная незаселённость данного региона представляется невероятной [18; 19, p. 361]. Также в Кадеро: следующие следы обитания связаны только с мероитским периодом – началом нашей эры [4, p. 199–201].

Неолитическая керамика из Кадеро, видимо, как и на других памятниках в Центральном Судане, относительно гомогенна по технологии. Она изготовлена из нильского ила с примесью мелко- или средне-зернистого песка, т.е. из повсеместно доступного сырья. Посуда хорошо обожжена при температуре 600–800 °С, поверхность обычно украшалась и залащивалась. Стенки в изломе – чёрные или тёмно-серые, их поверхность же – разных оттенков коричневого цвета, иногда с серыми пятнами [19, p. 70–74; 16, p. 216–217].

Поверхность сосудов часто покрывалась красной охрой, затем полировалась до получения глянца (рис. 1: 8). На поселении керамика данного типа составляет 25 % материала, в погребениях – 50 %. Только небольшое количество сосудов – с неполированной и украшенной неглубокими расчёсами поверхностью (рис. 1: 9; 2: 1).

Неолитическая керамика Судана представляет высокий уровень технологии: плотное глиняное тесто, сосуды, даже большого размера, чаще всего тонкостенны. Толщина стенок большинства сосудов составляет 5–7 мм (70 %). Значительно чаще, чем посуда со стенками толще 10 мм, встречаются сосуды со стенками толщиной меньше 4 мм [20, s. 87]. При изготовлении сосудов могла применяться техника кругового налёпа (жгутовая), хотя она была подтверждена не только в Кадеро, но и на других памятниках Судана лишь на немногочисленных фрагментах [9, p. 191–193; 13, p. 9]. Поэтому Р. Гааланд [21, p. 161–162] предложила концепцию, что применялась, прежде всего, техника ручного формирования сосуда при помощи деревянной лопатки и каменной наковальни.

Керамика имеет довольно простые формы, данное замечание относится особенно к раннему неолиту. Это исключительно сосуды полушаровидной формы с округлым дном, обычно широким или только легко суженным горлом. Преобладают среднеглубокие или глубокие ёмкости (рис. 2). Относительно немного (всего лишь несколько процентов) мелких форм. Только на позднейших фазах набор типов керамики расширяется, но всё же доминируют известные ранее формы. Увеличивается количество глубоких яйцевидных сосудов (рис. 2: 8; 6: 11), появляется неглубокая посуда (рис. 8: 1) [22, p. 13, 16; 23, p. 56]. Как в Кадеро, так и на других памятниках встречается специфическая форма керамики – тюльпановидные кубки (рис. 8: 2–3). На более поздней фазе неолита горловины сосудов – иногда овальной формы, венчик с одной стороны – приподнятый, образующий своего рода ручку (рис. 2: 12, 6: 12). Спорадически появляется также плоскодонная керамика (рис. 8: 1).

Венчики сосудов чаще всего округлые, слабо утончённые кверху. У крупных сосудов, особенно с суженной горловиной, они могут быть утолщены внутрь, формируя своеобразную губу (венчики «с наплывами»). Только в позднем неолите встречаются сосуды с утолщённым снаружи краем венчика, появляются также формы с зачаточной, очень короткой шейкой (рис. 6: 13) [8, p. 86–87; 16, p. 220–227].

По величине посуда была довольно разнообразной, но можно заметить почти полное отсутствие небольших сосудов. Стоит вспомнить, что доступность лагенарии (тыквы, к сожалению, не сохранившейся в археологическом материале) ограничивала потребность в небольших сосудах. Ёмкости с венчиком диаметром меньше 8 см составляли лишь 1 % керамики. Открытые миски – в большинстве средних размеров, диаметром по венчику 17–20 см, хотя и большие не являются редкостью. У более глубоких форм с суженным горлом преобладают большие сосуды диаметром 25–28 см, значительно меньше посуды среднего размера. Диаметр самых больших сосудов достигал 50 см.

Неолитическая керамика в Кадеро довольно гомогенна по технологии и разнообразию форм, но в орнаментации она значительно дифференцирована. Похожая ситуация наблюдается и на других памятниках Судана [8, p. 68–77; 21, p. 165–186; 19, p. 70].

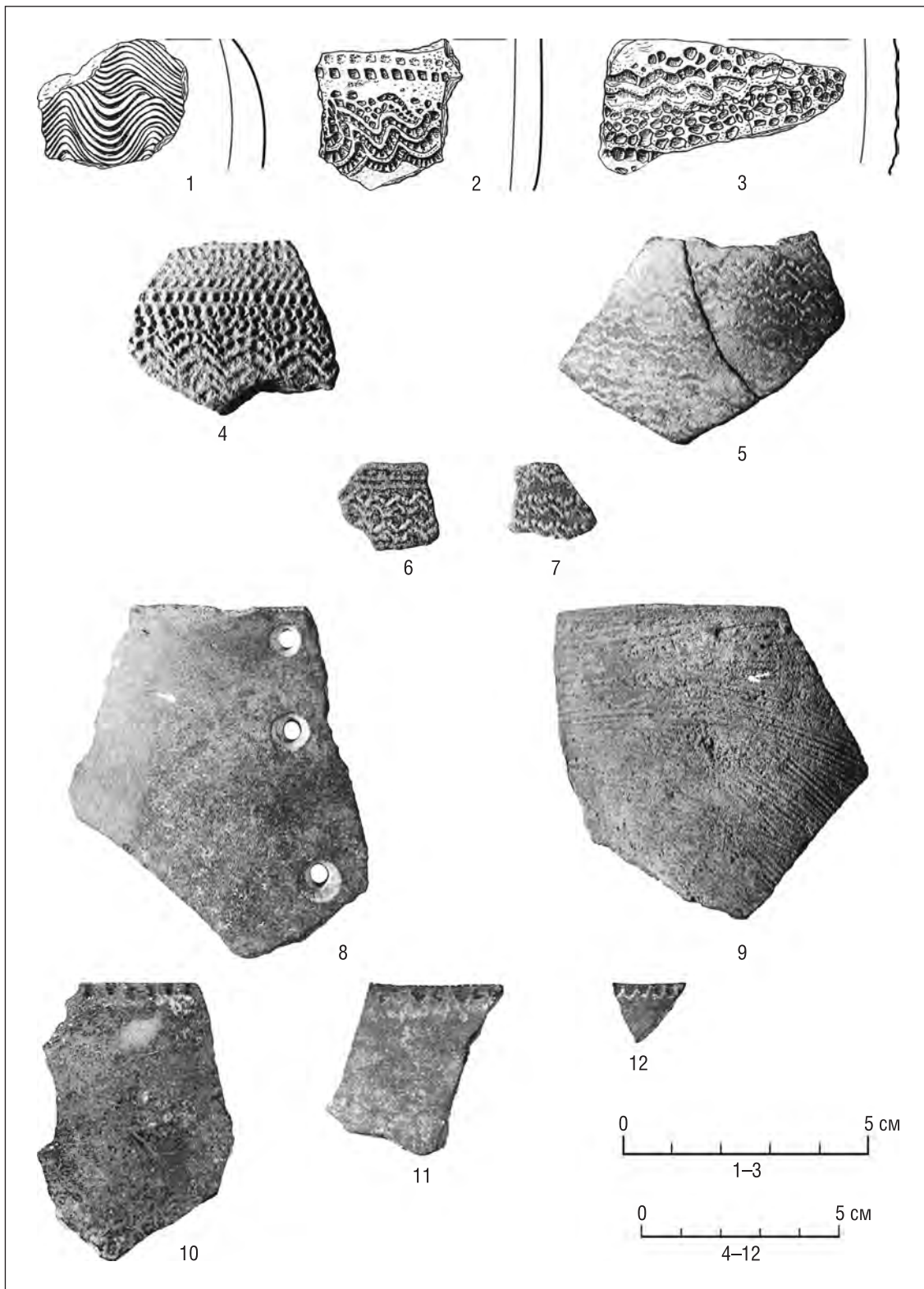

Рис. 1. Кадеро. Керамика:
 1–4 – хартумского мезолита, украшенная волнистой (1) и пунктирно-волнистой (2–4) линией;
 5–12 – неолитическая с пунктирно-волнистой линией (5–7), неорнаментированная (8), с расчёсами
 на поверхности (9), с чёрными венчиками (10–12)

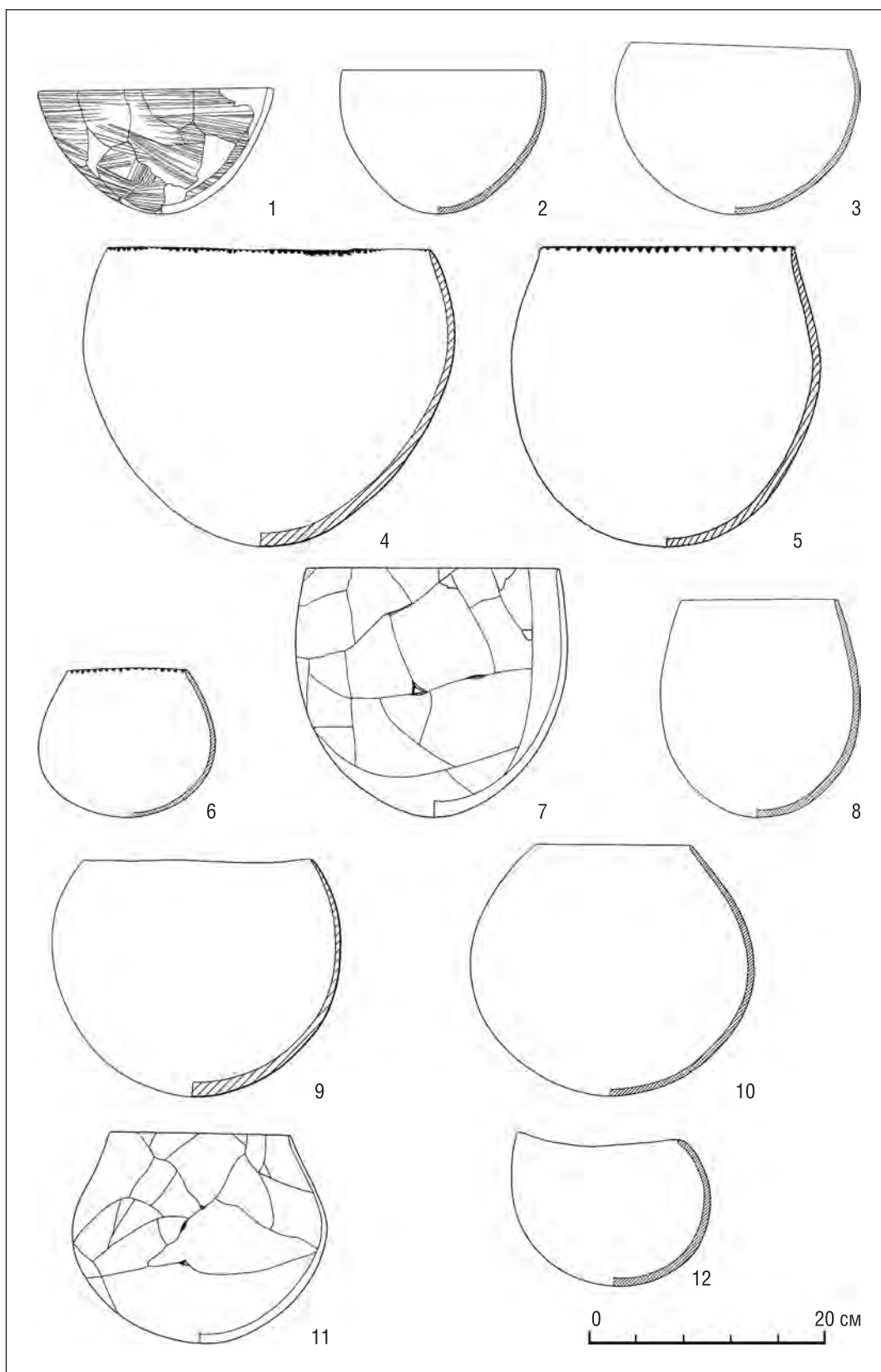

Рис. 2. Кадеро. Формы неолитической посуды

Анализ орнаментирования венчиков, тулова и днищ по их фрагментам позволяет установить, что посуда украшалась по всей поверхности – от горловины до выпуклого дна. Данное наблюдение подтверждают целые сосуды, найденные в погребениях. Стоит отметить, что орнаментировались днища и плоскодонных сосудов (рис. 8: 1). Керамика, украшенная только частично (в верхней части), являлась совершенным исключением. Около 80 % керамики – с прочерченными или штампованными орнаментами на тулове. Однако, если учесть и сосуды, украшенные только на венчике или под его краем, с поверхностью, покрытой красной охрой и хорошо отполированной, то можно считать, что дополнительные орнаментальные приёмы применялись по отношению к 90 % керамики.

Характерной чертой неолитической керамики в Судане является широкое распространение штампованного орнамента (рис. 4–5; 6: 1–4; 7: 1–7). Корни данной техники восходят к раннехартумской керамике. Менее популярным был прочерченный орнамент (рис. 6: 5–13; 7: 8–12), сочетание обеих техник встречается относительно редко, и только на поздней фазе неолита (рис. 8: 2–5).

Каждый четвёртый сосуд в Кадеро имеет украшенный венчик. Обычно это косые насечки, сделанные острым орудием, иногда гребенчатым штампом (70 % орнаментированных венчиков). Реже насечки укладываются в ёлочку или пересекаются, формируя клетку. Зигзаг, приобретший большую популярность в позднем неолите, в Кадеро встречается очень редко. Гамма отпечатков, фиксируемых на венчиках, намного шире, но часто состоит из единичных образцов. Из выделенных 86 орнаментальных мотивов только 14 встречаются чаще, чем в 1 % случаев (рис. 3) [16, р. 228–229].

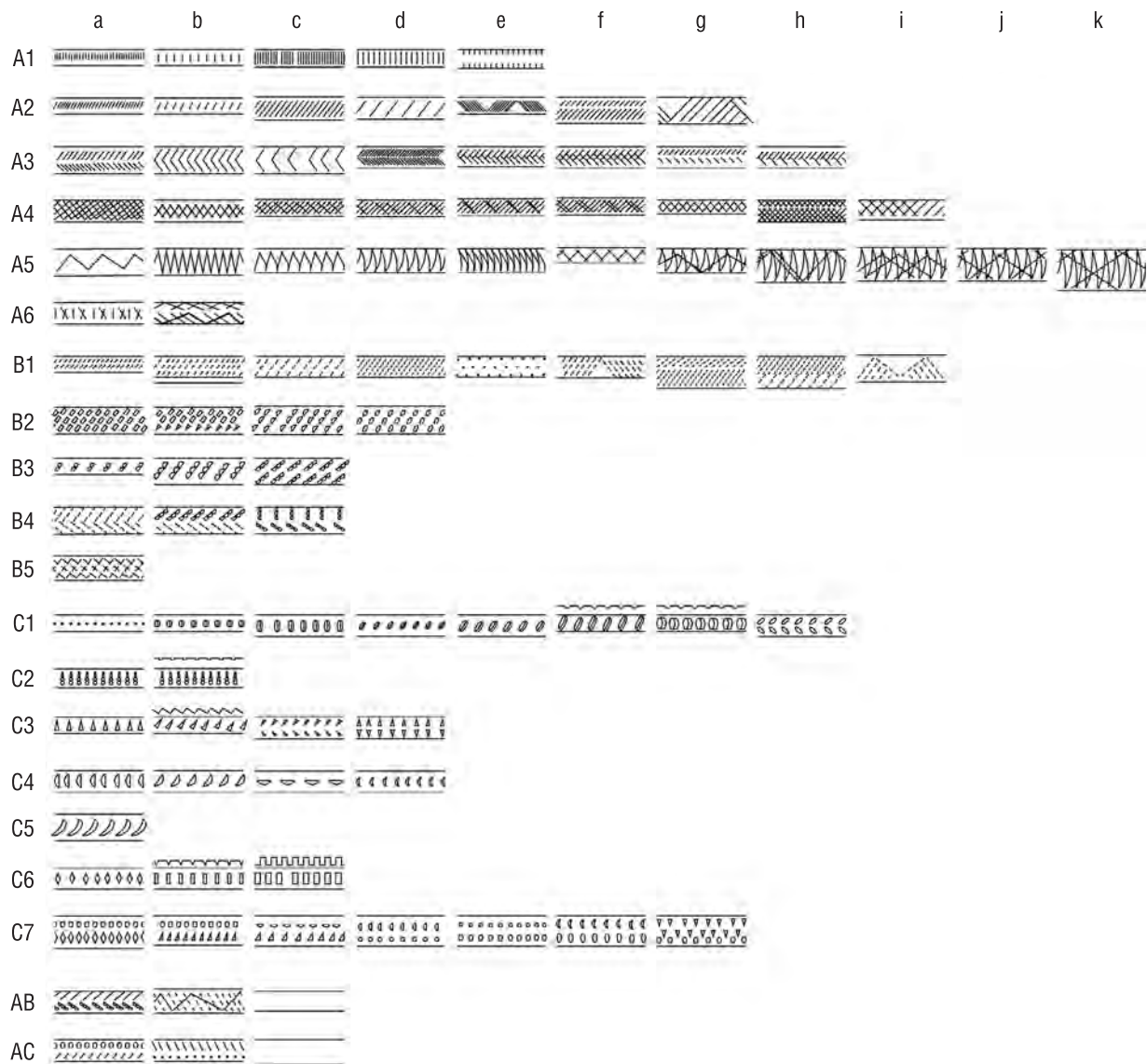

Рис. 3. Кадеро. Орнамент на венчиках сосудов

Орнаментация венчиков довольно тесно связана с орнаментацией тулова сосудов. Прочерченный орнамент на венчике почти всегда свойствен керамике, украшенной горизонтальными линиями (рис. 7: 8–9), но исключительно редко встречается на сосудах, на которых прочерченные линии формируют полукруглые фестоны (рис. 7: 10–12). На керамике со штампованным орнаментом данные связи не проявляются так четко, хотя наблюдаются некоторые выразительные тенденции. Украшение венчика очевидно относится только к сосудам, на которых отпечатки составляют горизонтальные пунктирные линии или непрерывные зигзаги. При других орнаментальных мотивах венчики украшаются не более чем у трети посуды [20, pl. 13].

Орнаментация по краям венчиков, отличающаяся от орнаментации тулова, встречается редко. Она связана почти исключительно с сосудами, тулово которых покрыто многосторонней композицией из нескольких горизонтальных линий, подчёркивающих горло и дающих “зацепку” повисающим ниже фестонам (рис. 6: 3, 8–12; 7: 4–6, 10–12). Главным образом это прочерченные мотивы, только в виде исключения – отдельные отпечатки. Особого внимания заслуживает чернение края венчика. Для суданского неолита характерны также чёрные треугольники или полукружия, расположенные под венчиком сосуда, тулово которого окрашено красной охрой (рис. 1: 10–12; 2: 4–6) [8, p. 75–77; 16, p. 229]. Решению вопроса о появлении этого типа орнаментации посвящена не одна разработка [24; 25, p. 128]. По А.Дж. Аркеллю [26, p. 26], истоки данного орнамента связаны с обожжёнными до чёрного цвета краями чаш из лагенарии.

Орнаментация тулова является наиболее диагностической чертой керамики хартумского неолита. Её классификация предложена А.Дж. Аркеллем [8, p. 68–74] и много раз модифицировалась. В её основе лежат орнаментальный мотив, техника его оформления или орудие, которым его наносили [27, p. 86–88; 21, p. 156–178; 28; 20, s. 93–103; 16, p. 229–234; 19, p. 79–114].

Для орнаментирования тулова применялись разнообразные зубчатые орудия, реже орудия с острым концом, используемые в качестве резца. Наиболее употребительной была техника нанесения орнамента, называемая «шагающей гребёнкой» (*rocker-stamp*). Использовалось орудие с зубчатым краем, имеющее два или больше равных или разной длины зубцов. Это мог быть предмет естественного происхождения или преднамеренно изготовленный для оформления определённого орнамента. Иногда использовался острый без насечек край орудия. Орнаментами могли служить природные предметы: зубчатая колючая кость первого плавника нильского сома (*Cynodontic sp.*), край раковины мидии (*Chambaria sp.*), а также оперкулум наземной улитки (*Pila Wernei, Limicolaria cailliaudi*). Они повсеместно встречаются на неолитических памятниках, экспериментальные работы также подтверждают, что они могли использоваться для нанесения орнамента [21, pl. 15–16; 20, s. 94; 19, p. 113]. Следует добавить, что мясо мидий и улиток являлось важным элементом питания неолитических обществ, нильского же сома ловили не только для мяса – его остроколючие колючие кости были также и превосходным материалом для изготовления наконечников стрел. Для нанесения орнамента могли использоваться и простые зубчатые орудия, изготовленные из каменных отщепов, а также предметы из кости или дерева.

В зависимости от способа приложения орнамента к поверхности сосуда получались разнообразные отпечатки, составляющие орнаментальные мотивы. В зависимости от формы и типа насечек на орнаментире поверхность сосуда украшалась непрерывной линией зигзага (рис. 5: 5–8), зигзагом, состоящим из однородных точек или чёрточек (рис. 4: 1–2; 5: 1–4), или полосами, являющимися разнообразной комбинацией из небольших треугольных или V-образных отпечатков и точек (рис. 4: 3–7; 5: 11–16). В зависимости от формы края орнамента – прямого или отогнутого – зигзаг был прямым или дугобразным. Сложившийся зигзаг мог быть более или менее плотным, отдельные же его полосы могли частично совпадать, соприкасаться или разграничиваться узкой гладкой лентой без отпечатков. Выдавленные полосы располагались горизонтально от края венчика до дна сосуда. Этот принцип строго соблюдался только для мотивов, состоящих из треугольников и точек (рис. 4: 3–7). В случае одних только зигзагов, как непрерывных, так и состоящих из точек, принцип горизонтального направления полос не всегда соблюдался, иногда они располагались довольно хаотично. Плотность зигзагов могла быть разной в разных частях сосуда (рис. 4: 1–2).

Орнамент наносился на сосуд отдельными участками, поочередно. Обычно на посуде можно зафиксировать как минимум несколько зон с видимыми местами соединения отдельных частей (рис. 4: 3–4; 5: 14, 16). Этот принцип также не соблюдался на сосудах, имевших в орнаменте мотив зигзага. Редкими являются сосуды, на которых в технике «шагающей гребёнки» выполнены полукруглые фестоны (рис. 7: 6–7).

Наиболее древним мотивом, встречающимся на керамике, является плотный зигзаг, оформленный зубчатым орнаментиром, известный уже в раннехартумской культуре. Однако в неолите он был более разнообразен, что связано с большим разнообразием орнаментиров. Кажется, что со временем увеличивается количество керамики, на которой зигзаг менее плотен, а рабочий край применённого орудия – короче. Данный тип орнаментации, хотя и часто встречается на неолитической керамике Судана, является малодиагностическим, так как имеется на сосудах во многих культурах Северной Африки и других регионов. Хронологические рамки применения данного вида орнаментации тоже довольно широки, в Судане она встречается и в поздних культурах (например, Керма). В Кадеро таким образом украшались 15 % посуды, следовательно это – один из самых популярных орнаментальных мотивов. На других поселениях он был ещё более употребительным (в Гейли (*Geili*) – 16 % обломков венчиков и 24 % всех черепков) [19, p. 91].

Намного реже керамика украшалась непрерывным зигзагом, оформленным гладким краем раковины мидии или *operculum* наземной улитки [19, p. 86; 21, pl. 15d]. В Кадеро и в Гейли она составляет только около 1 % орнаментированной посуды [19, p. 86; 16, p. 246]. Зигзаг обычно более тупоугольный, чем в случае точечной линии. Следует добавить, что этот мотив отсутствует на раннехартумской керамике, зато чаще

встречается в долине Нила в поздненеолитическом керамическом материале. Он более популярен в Сахаре, где присутствует в контекстах, младших чем 4000 лет до н.э. [19, р. 86].

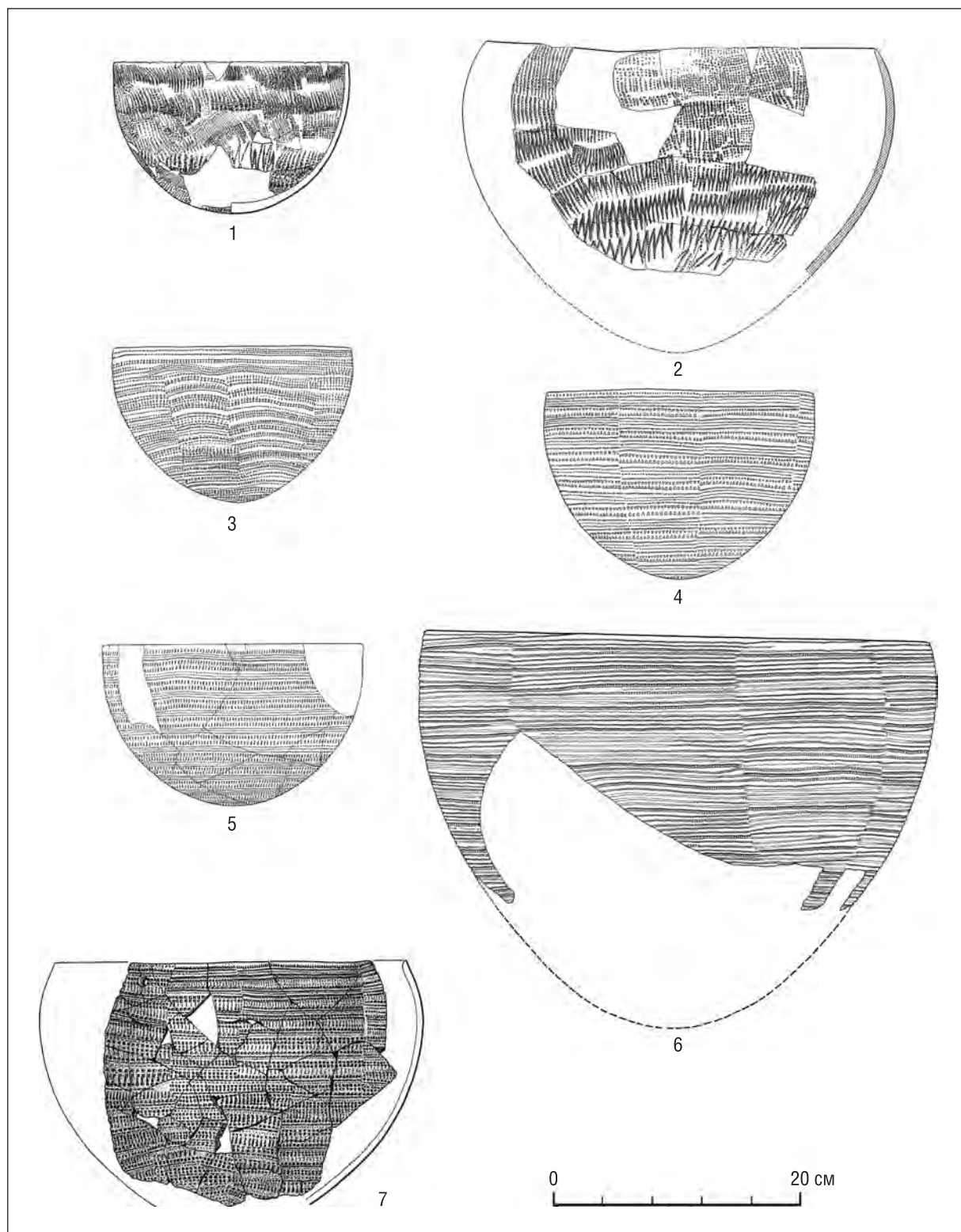

Рис. 4. Кадеро. Посуда, орнаментированная в технике «шагающая гребёнка»

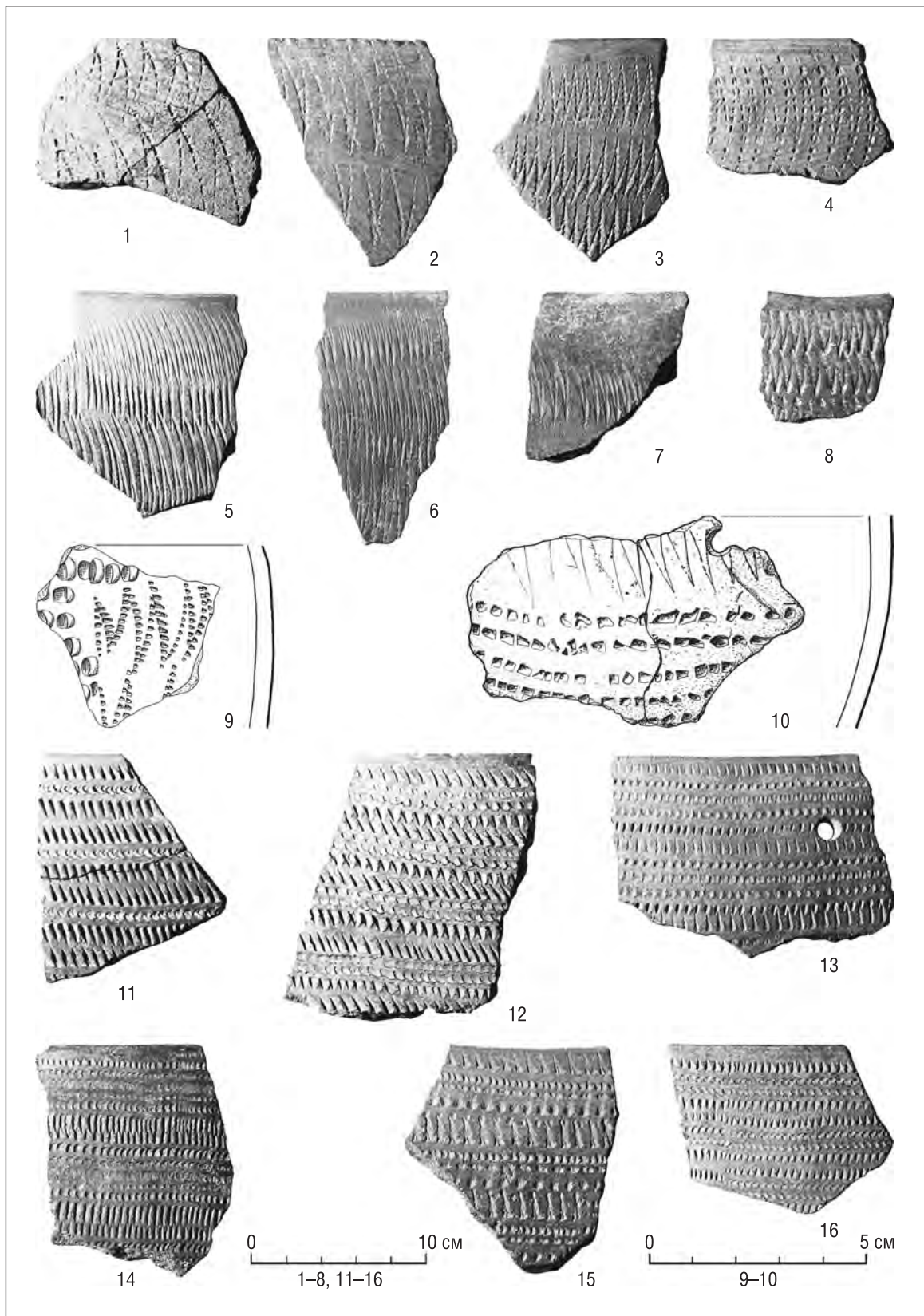

Рис. 5. Кадеро. Фрагменты посуды, орнаментированной в технике «шагающая гребёнка»

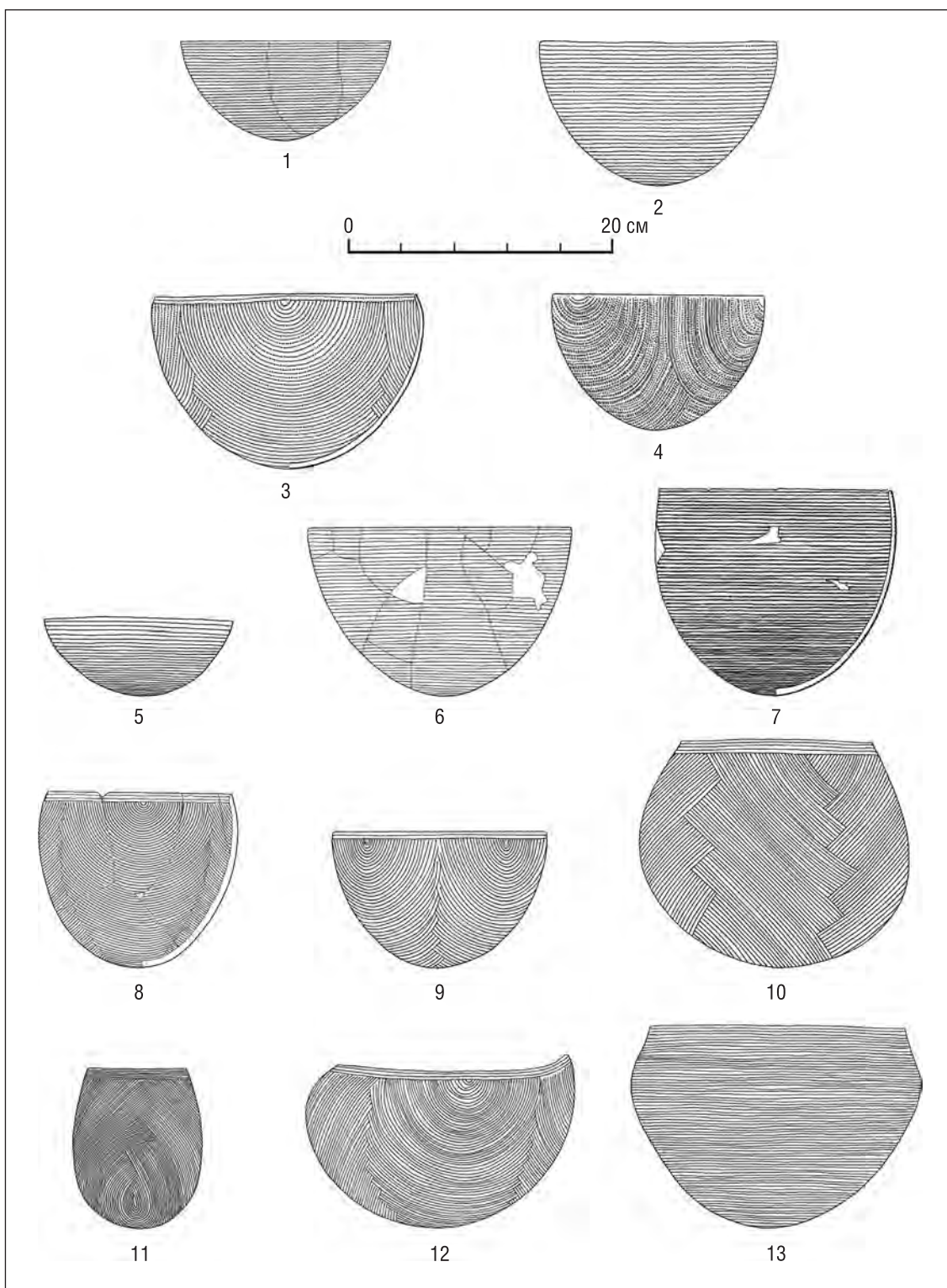

Рис. 6. Кадеро. Посуда, орнаментированная рядами «отступающей палочки» (1–4) и прочерченными линиями (5–13)

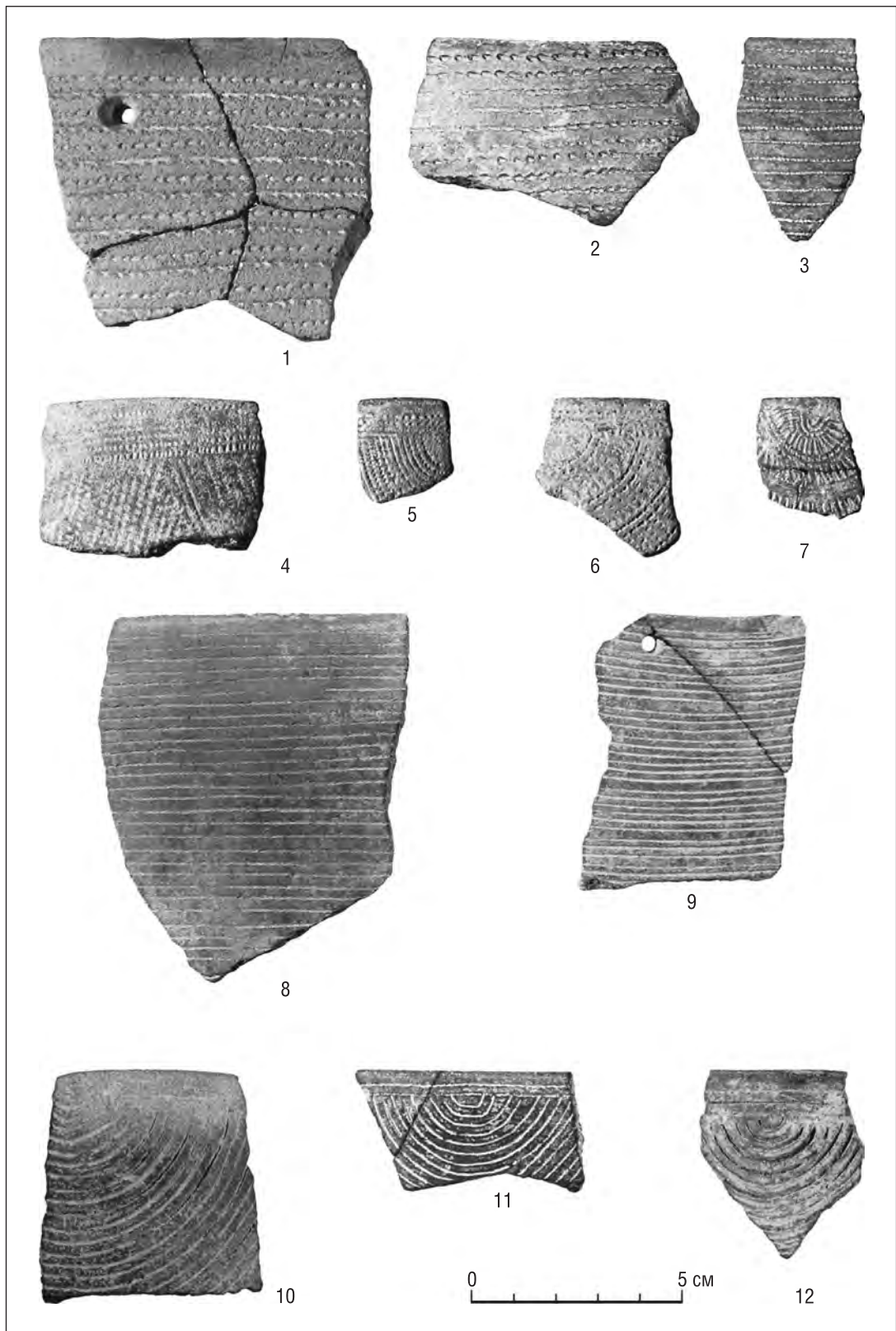

Рис. 7. Кадеро. Фрагменты керамики, орнаментированной «отступающей палочкой» (1–7) и прочерченными линиями (8–12)

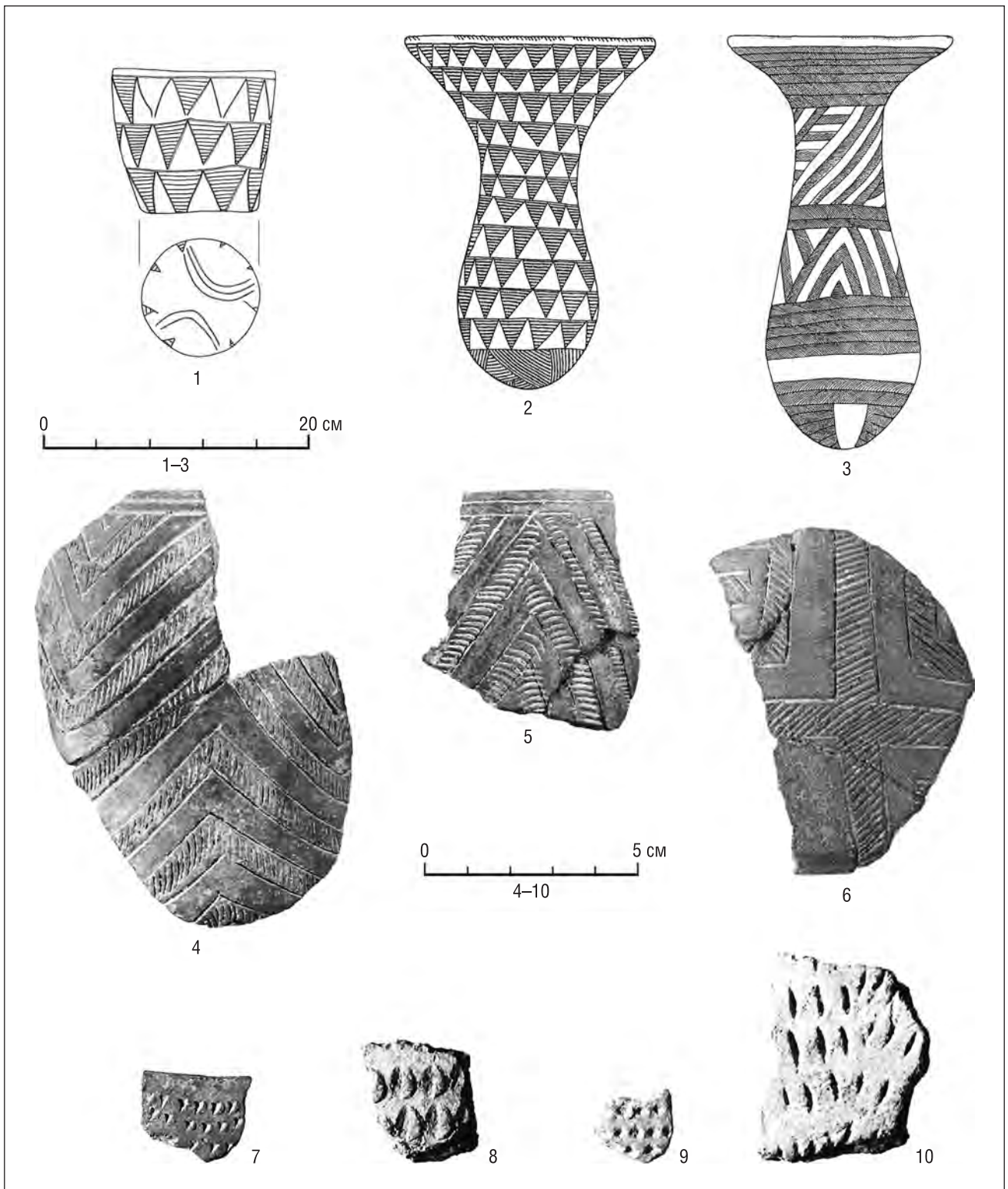

Рис. 8. Кадоро. Керамика с геометрическим орнаментом (1–6) и украшенная отпечатками края ногтя (7–8) и палочки (9–10)

Наиболее характерным неолитическим орнаментом являются узоры, нанесённые в технике «шагающей гребёнки» при помощи орудия с неравными зубцами. Как правило, края данных орнаментов более толстые, чем края орнаментов, которыми оформлялись зигзаги. Обычно они имеют от 3 до 10 зубцов. В результате их применения на поверхности сосуда образуются ленты из полос треугольников или углов и ряда разного вида точек (рис. 4: 3–7; 5: 11–16). Исходя из количества и формы зубцов можно выделить ряд подтипов. Однако, кажется, что для неолитического гончара более важным было плотно покрыть сосуд отпечатами «гребёнки», чем определённая форма орнамента. Обычно орудие отпечатавалось более глубоко, чем при оформлении зигзагов [16, р. 232; 19, р. 91–94; 21, р. 165]. Орнаментация данного вида имеется более чем на 40 % керамики в Кадеро, почти на 50 % керамики в расположенном поблизости от Кадеро Закиабе (Zakiab), но только на 20 % в Гейли.

До сих пор нет доказательств, что в суданском неолите при нанесении штампованного орнамента применялись «качалки», изготовленные из фрагментов битой посуды. Данного типа орудия можно найти в Набта-Плайя в Восточной пустыне в Южном Египте [15, р. 106–109], этот регион имел определённые культурные связи с Центральным Суданом, о чём свидетельствуют тюльпановидные кубки, встречающиеся на обеих территориях [29, р. 152–155].

И. Канева выделяет технику «шагающе-проташенной двузубой гребёнки» как отдельный приём оформления орнамента на керамике [19, р. 94–100]. Данная техника очень близка «шагающей гребёнке», но концептуальные идеи орнаментов принципиально разные. В первом случае орнамент (точки) покрывает всю поверхность сосуда, во втором результатом являются равно отдалённые линии точек, между которыми находится полоска без орнамента. Эта техника впервые появляется при нанесении некоторых типов пунктирно-волнистой линии (рис. 1: 5–7), однако обычно это прямые горизонтальные линии (рис. 6: 1–2; 7: 1–3), редко образующие полукруглые фестоны (рис. 6: 3–4; 7: 4–5). Данного вида декор присутствует на 4,8 % орнаментированной керамики из Кадеро и 4,5 % керамики в Гейли [19, р. 96].

Параллельные линии штампованных точек необязательно оформлялись в технике «шагающе-проташенной гребёнки». Они могли возникнуть в результате приложения гребенчатого орнамента. Этот метод приобретает популярность в позднем неолите, особенно при создании сложных геометрических узоров.

Учитывая, что в Кадеро можно встретить единичные фрагменты керамики, имеющие бороздчатый орнамент, кажется, что прочерченные орнаменты являются следствием развития орнаментации от параллельных пунктирных до параллельных прочерченных линий. Однако это не значит, что с появлением прочерченных узоров исчезли пунктирные орнаменты. По-прежнему применялись обе техники.

Среди прочерченных орнаментов, нанесённых при помощи заострённого орудия, наиболее популярными являются параллельные линии, постепенно отходящие от дна сосуда, которые составляют на тулове композицию из параллельных горизонтальных линий (рис. 6: 5–7, 13; 7: 8–9). Часто встречаются и параллельные линии, формирующие опускающиеся от венчика фестоны, которые сходятся на дне в виде прямоугольника (рис. 6: 8–9, 12; 7: 11–12). На поздних фазах неолита, кроме горизонтальных прочерченных или укладываемых в полукруглые фестоны линий, всё большее значение приобретает орнаментация из параллельных линий, «бегущих» наискось между венчиком и дном (рис. 6: 10–11). Идентификация данного вида орнамента возможна только в случае полностью сохранившейся погребальной керамики.

Хотя прочерченный орнамент менее популярен, чем штампованный, в Центральном Судане он тоже встречается повсеместно. Правда, на поселении имеющая его посуда составляет только около 20 % всей орнаментированной керамики, но в могильнике – уже почти 50 % [16, р. 249].

На следующем этапе развития орнаментации пространство между параллельными линиями стало заполняться отпечатками и попеременно оставалось неорнаментированным. Таким образом возникали ленты, выполненные отпечатками гребенчатого штампа, косыми насечками и т.п. (рис. 8: 4–6). Следует добавить, что появление новых орнаментальных композиций не привело к исчезновению старых, традиционных видов орнамента, уменьшилась только частота их употребления.

К очень редким относятся отпечатки заострённой палочки («отступающая палочка»), края ногтя или кончика пальца (рис. 8: 7–10). В Кадеро они встречаются на единичных сосудах. Бывает, что на одном и том же сосуде отпечатки кончика пальца сочетаются с зигзагом из отпечата гребенчатого штампа (рис. 5: 9).

Назначение орнаментирования керамики было не только эстетическим, но и символическим, определяющим его роль в общественной жизни, орнамент влиял также на некоторые полезные свойства сосудов [30]. Возможно, орнамент указывал на назначение конкретной группы сосудов, так мало отличающихся по форме. Следует подчеркнуть, что репертуар декоративных мотивов на керамике, входящей в состав погребального инвентаря, намного беднее, чем на посуде, найденной на поселении, что указывает на преднамеренный отбор. В могильнике намного чаще, чем на поселении, встречаются сосуды с окрашенной в красный цвет поверхностью, а также посуда с прочерченным орнаментом [16, р. 249].

К исключительным формам, всегда связанным со сложной геометрической орнаментацией, относятся тюльпановидные кубки (рис. 8: 2–3), которые в V и IV тыс. до н.э. распространились вдоль долины Нила и в Западной пустыне в Судане и Южном Египте. Их незначительная функциональная роль в домашнем хозяйстве, а также факт, что они найдены в основном в погребениях, заставляют думать, что они имели церемониальное значение и относились к широко распространённой во многих культурах практике, связанной с культом умерших [31, р. 24].

В неолитической керамике Центрального Судана имеется посуда, вписывающаяся в явления, происшедшие во всей Северо-Восточной Африке (сосуды, украшенные зигзагами, тюльпановидные кубки), с дру-

гой стороны, есть и характерная только для этого региона керамика (линии треугольных и пунктирных отпечатков, прочерченный орнамент).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Krzyżaniak, L.* New Light on Early Food Production in the Central Sudan // *Journal of African History*. XIX (2). Cambridge University Press, 1978.
2. *Krzyżaniak, L.* Schyłek pradziejów w środkowym Sudanie. Poznań, 1992.
3. *Chłodnicki, M.* A Prehistoric Settlement // *M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz, K. Kroeper (eds.)*. Kadero. Lech Krzyżaniak Excavations in the Sudan. Poznań, 2011.
4. *Chłodnicki, M., Kobusiewicz, M., Kroeper, K.* Kadero. Lech Krzyżaniak Excavations in the Sudan. Poznań, 2011.
5. *Haaland, R.* Socio-Economic Differentiation in the Neolithic Sudan // *BAR. International Series 350*. Cambridge Monographs in African Archaeology 20. Oxford, 1987.
6. *Ariotti, M., Oxbly, C.* From Hunter-Fisher-Gathering to Herder-Hunter-Fisher-Gathering in Prehistoric Times (Saharo-Sudanese Region) // *Nomadic Peoples (New Ser.) I.*, White Horse Press. Isle of Harris, 1997.
7. *Chittick, H.K.* Two Neolithic Sites Near Khartoum // *Kush 3*. Khartoum, 1955.
8. *Arkell, A.J.* Shaheinab. An Account of the Excavations of an Neolithic Occupation Site Carried out by the Sudan Government Antiquities Service in 1949–50. London, 1953.
9. *Arkell, A.J.* Early Khartoum. An Account of the Excavation of an Early Occupation Site Carried out by the Sudanese Government Antiquities Service in 1944–45. London, 1949.
10. *Sadig, A.M.* Reconsidering the ‘Mesolithic’ and ‘Neolithic’ in Sudan // *N. Shirai (ed.)*. Neolithisation of Northeastern Africa. Berlin, 2013.
11. *Smith, A.B.* An Appraisal of Terms ‘Neolithic’ and ‘Neolithisation’ for Use in North Africa in 21st Century // *N. Shirai (ed.)*. Neolithisation of Northeastern Africa. Berlin, 2013.
12. *Sutton, J.E.G.* The African Neolithic // *Antiquity 51*. Durham, 1977.
13. *Salvatori, S., Usai, D.* Neolithic Cemetery in the Northern Dongola Reach. Excavations at Site R12 // *Sudan Archaeological Research Society, Publication Number 16*. London, 2008.
14. *Haaland, R.* Aquatic Resource Utilization and the Emergence of Pottery During the Late Palaeolithic and Mesolithic: A Global Perspective from the Nile to China // *T. Oestigaard (ed.)*. Water, Culture and Identity: Comparing Past and Present Traditions in the Nile Basin Region. Bergen, 2009.
15. *Jórdeczka, M., Królik, H., Masojć, M., Schild, R.* Early Holocene Pottery in the Western Desert of Egypt: New data from Nabta Playa // *Antiquity 85*. Durham, 2011.
16. *Chłodnicki, M.* Pottery // *M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz, K. Kroeper (eds.)*. Kadero. Lech Krzyżaniak Excavations in the Sudan. Poznań, 2011.
17. *Kabaciński, J.* Comments on the Radiocarbon Dates // *M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz, K. Kroeper (eds.)*. Kadero. Lech Krzyżaniak Excavations in the Sudan. Poznań, 2011.
18. *Haaland, R.* Continuity or Discontinuity. How to Account for a Two Thousand Gap in the Cultural History of the Khartoum Nile Environment // *Norwegian Archeological Review*, 17 (1). Oslo, 1984.
19. *Caneva, I.* El Geili. The History of a Middle Nile Environment 7000 BC – 1500 AD // *BAR. International Series 424*. Cambridge Monographs in African Archaeology 29. Oxford, 1988.
20. *Chłodnicki, M.* Z badań nad ceramiką z osady neolitycznej w Kadero // *Przegląd Archeologiczny 30*. Wrocław, 1982.
21. *Haaland, R.* Migratory Herdsmen and Cultivating Women. The Structure of Neolithic Adaptation in the Khartoum Nile Environment. Bergen, 1981.
22. *Geus, F.* Direction Generale des Antiquités et des Musees nationaux du Soudan, Section Francaise de recherche Archeologique. Rapport annuel d’activité 1980–1982. Lille, 1983.
23. *Geus, F.* Rescuing Sudan Ancient Cultures. Khartoum, 1984.
24. *Davies, P.O.* Red and Black Egyptian Pottery // *The Journal of the Egyptian Archaeology*, 48. London, 1962.
25. *Bouriau, J., Nicholson, P., Rose, P.* Pottery // *P.T. Nicholson, I. Shaw (eds.)* Ancient Egyptian Materials and Technology. Cambridge, 2000.
26. *Arkell, A.J.* The Prehistory of the Nile Valley. Leiden; Köln, 1975.
27. *Hays, T.R.* An Examination of the Sudanese Neolithic // *B. Abebe, J. Chavaillon, J.E.G. Sutton (eds.)*. Proceedings of the Panafrican Congress of Prehistory and Quaternary Studies, VIIth Session. Addis Ababa, 1972.
28. *Mohammed Ali, A.* The Neolithic Period in the Sudan c. 6000–2500 BC // *BAR. International Series 136*. Cambridge, 1982.
29. *Gatto, M.C.* Pottery from Gebel Ramlah // *M. Kobusiewicz, J. Kabaciński, R. Schild, J.D. Iris, M.C. Gatto, F. Wendorf*. Gebel Ramlah. Final Neolithic Cemeteries from the Western Desert of Egypt. Poznań, 2010.
30. *David, N., Sterner, J., Gauva, K.* Why Pots Are Decorated // *Current Anthropology*, 29 (3). Chicago, 1988.
31. *Kuper, R.* Looking Behind the Scenes – Archaeological Distribution Patterns and Their Meaning // *O. Bubbenzer, A. Bolten & F. Darius*. Atlas of Cultural and Environmental Change in Arid Africa. Heinrich-Barth-Institut. Köln, 2007.

*Археологический музей г. Познань,
Познань, Польша*

M. Chlodnitski

NEOLITHIC POTTERY FROM KADERO (SUDAN)

Summary

Kadero is located about 17 km to the north of Khartoum. A Neolithic settlement and a cemetery were discovered on a sandy mound, placed in the Nile valley. Kadero is not only one of the biggest Neolithic sites in Sudan, but also the one that was studied better than the others.

It was excavated in 1972–2003 by the expedition of Polish Center of Mediterranean Archaeology of Warsaw University and Archeological Museum in Poznań, under direction of professor Lech Krzyżaniak. More than 200 graves as well as two middens have been excavated.

Huge amount of archaeological material (pottery and stone implements) was supposed to be the result of a sedentary way of life, but on the other hand we know that the people who inhabited the settlement were herdsmen. Kadero belongs to the culture called Khartoum Neolithic.

Pottery was already known in Central Sudan of 8000 BC in hunting-gathering societies of the Khartoum Mesolithic. Also at the beginning of the Neolithic, domesticated cattle played an important role only at some sites. Hunting, fishing and collecting wild grass and fruit were intensely practiced. The Neolithic with its different adaptations lasted from c 5000 to 3000 BC.

From a technological point of view, Neolithic pottery is homogeneous – it was made from Nile silt with a sand admixture. Red slip on the surface was quite common. They were burnished, but only rarely combed.

Vessel shapes were simple – semi-globular or globular with rounded bases. In the Late Neolithic new types of vessels came into being.

Most of the vessels were decorated over the whole surface. The most popular was impressed decoration produced with the rocker stamp. With this technique, dotted or plain zigzags popular in the Neolithic of north Africa and rows of triangles/vees and dots – decoration typical only for Sudan, were produced. A separate method was an alternately pivoting stamp technique. This technique was a simplified version of the rocker stamp. This method, instead of making the impressions covering the whole surface of the vessel, created a plain band between two equidistant lines.

Incised decoration arranged in horizontal lines or semicircular panels was less popular. In the Late Neolithic, geometric decoration – bands and triangles filled with impressions or incisions, also occurred.

The decoration had not only an esthetic value, but also a symbolic meaning in the social life of the Neolithic societies of the Sudan.

*Archaeological Museum in Poznań,
61-681 Wodna 27, Poznań,
Poland*

E-mail: mchlod@man.poznan.pl

К. Нордквист

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА В ФИНЛЯНДИИ: ТЕРМИНОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Введение

Вопросы о типах неолитической керамики Финляндии, их определении, хронологии, о соответствии их типам, описанным в российской научной литературе, возникают достаточно часто. В настоящей статье предпринимается попытка, по возможности, осветить эти вопросы, уделяя особое внимание проблемам хронологии и территориям распространения типов неолитической керамики, встречающихся в Финляндии, и терминологии, применяемой к ним и их аналогам на Северо-Западе России.¹ Формат данной статьи не позволяет углубиться в детальное описание этих типов (см. табл. 2) или в обсуждение взглядов на их происхождение и культурную историю – с этой целью можно обратиться к использованной литературе. Географически обзор сфокусирован на Восточной Финляндии, типам керамики, встречающимся в западной и в северной частях страны, уделено меньше внимания. Также и по территории России обсуждается и представлена на картах лишь часть Карелии и Мурманской и Ленинградской областей.

В статье рассматривается период времени от конца VI до начала II тыс. до н.э. Он охватывает неолит, по финской периодизации; в российской периодизации ему соответствуют неолит, энеолит и ранний этап бронзового века (или неолит и эпоха раннего металла). Обсуждение причин этих отличий остаётся за рамками настоящей статьи, однако важно отметить, что указанные отличия в большей степени определяются различиями научных традиций, нежели реально существующими различиями в археологическом материале этих территорий [1]. Как показано на рис. 1, ранний неолит Финляндии соответствует раннему и развитому (или среднему) неолиту Северо-Запада России, средний неолит соответствует уже позднему неолиту и началу энеолита, а поздний неолит синхронен позднему энеолиту. Основная разница заключается в том, что энеолитический период в Финляндии не выделяется. Также различается значение термина «эпоха раннего металла»: в отличие от Северо-Запада России, где под ним понимается энеолит и бронзовый век (ок. 3500–800 лет до н.э.), в Финляндии он обозначает только период после завершения каменного века, то есть бронзовый век и ранний железный век (ок. 1900/1800 лет до н.э. – 300/400 лет н.э.).

Рис. 1. Упрощённая схема периодизации неолита – энеолита – бронзового века, используемая в Финляндии и для Северо-Запада России (Карелия)

¹ Идея этой статьи возникла в начале сентября 2012 г. на собрании Европейской ассоциации археологов в Хельсинки (Финляндия), когда во время посещения Национального музея Финляндии несколько участников попросили подготовить для следующего заседания Тверского археологического семинара доклад о типах керамики на территории Финляндии.

Типы керамики представлены ниже по периодам: ранний, средний и поздний неолит, в целом соответствующим общепринятым хронологическим рамкам. Однако если выделение определённого типа керамики и хронологические рамки его бытования дискуссионны, приводится обзор существующих точек зрения с указанием на лежащие в основе этих дискуссий ключевые проблемы изучения неолитической керамики в Финляндии. Эти вопросы в настоящей статье освещены лишь кратко, поскольку многие из них требуют специального глубокого изучения.²

Все датировки, приведённые в настоящей статье, основаны на калиброванных радиоуглеродных датах в формате календарных лет до н.э./н.э. Исходные радиоуглеродные даты содержатся в использованной литературе.

Типы неолитической керамики в Финляндии

Ранний неолит (5200–4000 лет до н.э.)

Наиболее ранняя керамика в Финляндии называется *ранняя гребенчатая керамика*. Ранняя гребенчатая керамика (табл. 1–2) была впервые выделена Аарне Эуропаеусом-Эуряпя в 1930 г. [2]. Она также известна как керамика *Сперрингс* или (стиль) *Ка I*. Этот стиль подразделяется на *древнюю* и *молодую раннюю гребенчатую керамику*, или *Сперрингс 1* и 2 (*Ка I:1* и *Ка I:2*) [2–4; 6]. Древняя ранняя гребенчатая керамика в настоящее время датируется в пределах 5200–4400 лет до н.э. [30; 31], и территория её распространения охватывает Южную и Центральную Финляндию, вплоть до бассейна р. Оулуйоки (рис. 2). Этот тип соответствует керамике Сперрингс на Северо-Западе России [37; 38; 36; 39]. Молодая ранняя гребенчатая керамика датируется 4400–4000 лет до н.э. [30; 31]. Центр её ареала расположен в Южной и Центральной Финляндии; на востоке этот тип менее распространён и лишь изредка встречается в Карелии, где в это время начинает доминировать *ямочно-гребенчатая керамика* [37; 33; 40]. Последняя также известна в Финляндии, но лишь в ограниченном количестве в восточной части страны. Ямочно-гребенчатая керамика мало обсуждается в финской археологической литературе, и в тех случаях, когда она упоминается, обычно называется «восточная ямочная керамика». Временами этим же термином вместе и вместо ямочно-гребенчатой керамики обозначается ромбоямочная керамика [2; 16; 5].

В Северной Финляндии одновременно с ранней гребенчатой керамикой существует тип керамики *Сярайсьнеми 1*. Она рассматривалась уже Юлиусом Айлио [28], но в действительности основания для выделения типа были предложены Маркку Торвиненом почти сто лет спустя [8; 9; см. также 10]. Керамика Сярайсьнеми 1 в настоящее время датируется в пределах 5200–4400 лет до н.э. [30; 31]. Она найдена в Северной Финляндии и в Норвегии, а также на севере Республики Карелия и на Кольском полуострове [36; 9].

На время существования описанных выше керамических типов приходится появление в археологических материалах на территории Финляндии типа *ранней асбестовой керамики*. Он был выделен Петро Песо-

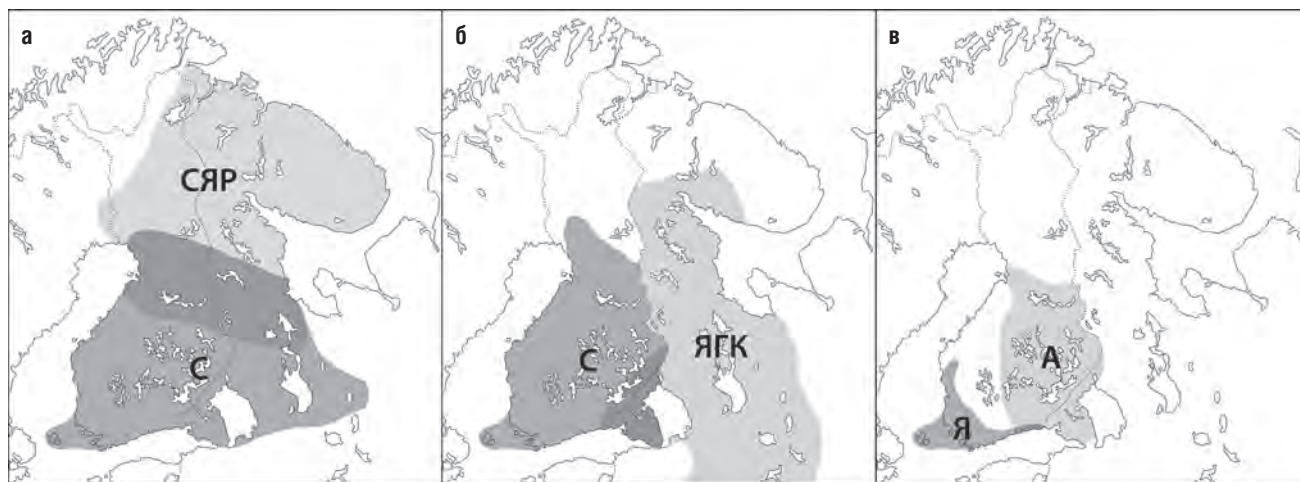

Рис. 2. Распространение керамики в конце VI и в V тыс. до н.э. в Финляндии и на Северо-Западе России: а) Сперрингс 1 (С) и Сярайсьнеми 1 (СЯР); б) Сперрингс 2 (С) и ямочно-гребенчатая керамика (ЯГК); в) ранняя асбестовая керамика (А) и керамика типа Якяря (Я) (по: [32; 5; 33; 34; 35; 36; 31])

² Эти вопросы также специально изучаются в рамках научно-исследовательского проекта «The use of materials and the Neolithisation of North-Eastern Europe (с 6000–1000 BC)» («Использование материалов и неолитизация Северо-Востока Европы (ок. 6000–1000 лет до н.э.)», выполняемого в Университете Оулу, Финляндия, при финансовой поддержке Академии наук Финляндии (2013–2017). Подготовка настоящей статьи осуществлена частично в рамках указанного проекта. Перевод с английского языка сделан научным сотрудником МАЭ РАН, к.и.н. Д.В. Герасимовым.

Таблица 1. Терминология и сокращения, связанные с типами неолитической керамики Финляндии

Название на финском	Название на английском	Название на русском	Аббревиатура (финский)
Varhaiskampakeraamiikka / Sperrings	Early comb ware / Sperrings ware	Ранняя гребенчатая керамика / Сперрингс	Ка I
<i>Vanhempi varhaiskampakeraamiikka / Sperrings 1</i>	<i>Older early comb ware / Sperrings 1</i>	<i>Старшая ранняя гребенчатая керамика / Сперрингс 1</i>	<i>Ка I:1</i>
<i>Nuorempi varhaiskampakeraamiikka / Sperrings 2</i>	<i>Younger early comb ware / Sperrings 2</i>	<i>Младшая ранняя гребенчатая керамика / Сперрингс 2</i>	<i>Ка I:2</i>
Säräisniemi I keramiikka	Säräisniemi I ware	Керамика типа Сярэйсниеми I	Sär I
Varhainen asbestikeramiikka	Early asbestos ware	Ранняя асбестовая керамика	Vasb
<i>Asbestisekoitettuinen varhaiskampakeraamiikka</i>	<i>Asbestos-tempered early comb ware</i>	<i>Ранняя гребенчатая керамика с асбестовой примесью</i>	<i>Ка I:2asb</i>
<i>Kaunissaaren keramiikka</i>	<i>Kaunissaari ware</i>	<i>Керамика типа Кауниссаари</i>	-
Jäkärälän keramiikka	Jäkärälä ware	Керамика типа Якярля	(изредка Ка J)
Туупиллинен кампакерамиikka	Typical comb ware	Типичная гребенчатая керамика / гребенчато-ямочная керамика	Ка II
<i>Vanhempi tuupillinen kamppakeramiikka</i>	<i>Older typical comb ware</i>	<i>Старшая типичная гребенчатая керамика</i>	<i>Ка II:1</i>
<i>Tuupillisen kamppakeramiikan huipputyyli</i>	<i>Supreme style of typical comb ware</i>	<i>«Высший стиль» типичной гребенчатой керамики</i>	<i>Ка II:1b</i>
<i>Nuorempi tuupillinen kamppakeramiikka</i>	<i>Younger typical comb ware</i>	<i>Младшая типичная гребенчатая керамика</i>	<i>Ка II:2</i>
Мыöhäiskampakeraamiikka	Late comb ware	Поздняя гребенчатая керамика	Ка III
<i>Vanhempi myöhäiskampakeraamiikka (Uskela)</i>	<i>Older late comb ware (Uskela)</i>	<i>Старшая поздняя гребенчатая керамика (Ускела)</i>	<i>Ка III:1</i>
<i>Nuorempi myöhäiskampakeraamiikka (sipilänhaka)</i>	<i>Younger late comb ware (Sipilänhaka)</i>	<i>Младшая поздняя гребенчатая керамика (Сипиланхака)</i>	<i>Ка III:2</i>
Рухеенсиллан керामीikka	Ruheensilta ware	Керамика типа Рухеенсилта	(изредка Ка IV, Ка P)
Кьерикин керामीikka	Kierikki ware	Керамика типа Кьерикки	-
Пөлjän керामीikka	Pöljä ware	Керамика типа Пелья	-
Юсмән керामीikka	Jysmä ware	Керамика типа Юсмья	-
Нуоракерамиikka (vasarakirveskulttuuri)	Corded ware (battle axe culture)	Шнуровая керамика (культура боевых топоров)	-
Вälvivöhykkeen керामीikka	Middle zone ceramics	Керамика промежуточной зоны	-
Киукайстен керामीikka	Kiukainen/kiukais ware	Керамика типа Киукайнен	-

В таблице представлены названия и сокращения, используемые в научной литературе на финском, русском и английском языках.

Таблица 2. Характеристика типов неолитической керамики Финляндии

Тип	Примесь	Форма дна сосудов	Характеристика венчиков сосудов	Орнаментация	Профилировка сосудов	Другие признаки	Публикации
1	2	3	4	5	6	7	8
Древняя гребенчатая керамика	Минеральная примесь (дресва), изредка – органическая/несохраняющаяся примесь	Шиповидная или округлая	Прямой, неорнаментированный	Отгиски намотанного шнура («верёвочка, намотанная на палочку»), отпечатки кос-тей/позвонков, проточенные линии, насечки, крупные округлые ямки; орнаментирована вся внешняя поверхность, часто орнаментальные мотивы ориентированы вертикально	Нет	Иногда окрашена (чёрная, красная краска)	2; 3; 4; 5
Молодая ранняя гребенчатая керамика	Минеральная примесь (дресва, песок), также существует разновидность с примесью асбеста (см. ниже)	Шиповидная или округлая	Прямой, изредка утолщённый, неорнаментированный или орнаментированный	Проточенные линии, маленькие овальные и круглые ямки, «верёвочка, намотанная на палочку», гребенчатые отпечатки, ямки; орнаментирована вся внешняя поверхность, орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально	Нет		2; 3; 6; 5; 7
Сярайсниemi 1	Минеральная примесь (дресва, песок)	Шиповидная или округлая	Прямой, изредка утолщённый, неорнаментированный или очень редко орнаментированный	«Верёвочка, намотанная на палочку», гребенчатые отпечатки, ямки, отпечатки разнообразных штампов; орнаментирована вся внешняя поверхность, орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально	Нет	Иногда окрашена (чёрная, красная краска)	5; 8; 9; 10
Ранняя асбестовая керамика / ранняя гребенчатая керамика с примесью асбеста	Примесь асбеста, минеральная примесь (песок)	Шиповидная или округлая	Прямой, изредка утолщённый, неорнаментированный или орнаментированный	«Верёвочка, намотанная на палочку», гребенчатые отпечатки, ямки, мелкие ямки; орнаментирована вся внешняя поверхность, орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально	Нет		6; 5; 11; 7; 12

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
Ранняя асбестовая керамика / кауниссаари	Примесь асбеста, минеральная примесь (песок)	Округлая	Прямой или скруглённый, часто с утолщением наружу и/или вовнутрь, часто орнаментированный	Оттиски позвонков/костей, прочерченные линии, мелкие ямки, «верёвочка, намотанная на палочку»; орнаментирована вся внешняя поверхность, орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально	Иногда		6; 5; 7; 12
Якряля	Органическая/несохраняющаяся примесь (раковины и т.д.)	Округлая, изредка плоская	Прямой или скруглённый, изредка орнаментированный	Гребенчатые отпечатки, «верёвочка, намотанная на палочку», оттиски полой кос-точкой и другие мелкие фигурные оттиски (круглые, овальные, треугольные), насечки; орнаментирована вся внешняя поверхность, часто орнамент расположен и на внутренней поверхности, орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально	Нет, изредка выделен венчик		2; 6; 5; 13
Типичная гребенчатая керамика (ранняя и поздняя)	Минеральная примесь (дресва, песок), также лощальные разновидности с органической примесью, примесью асбеста и талька	Шиповидная и округлая, крайне редко – плоская	Как правило, с утолщением (вовнутрь), прямой или скошенный, иногда волнистый или с зашипами, в большинстве случаев орнаментирован	Гребенчатые отпечатки, овальные гребенчатые отпечатки, прочерченные линии, мелкие ямки; орнаментирована вся внешняя поверхность, довольно часто орнамент расположен и на внутренней поверхности, орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально, часты геометрические мотивы	Нет, очень редко выделен венчик	Иногда окрашена (чёрная, красная, в орнаментации иногда используются антропо-, орнито-, зооморфные изображения)	2; 3; 5; 12; 14; 15
Поздняя гребенчатая керамика	Органическая примесь (или несохраняющаяся примесь), во внутренних областях существуют также разновидности с минеральной примесью и примесью асбеста	Шиповидная или округлая	Прямой или скошенный вовнутрь, обычно неорнаментированный	Ямки, мелкие ямки, ногтевые вдавления, мелкие оттки/насечки (овальные, двух- и трёх-лепестковые штампы, отпечатки полой косточки, треугольники, наколы); орнамент разрезанный по всей внешней поверхности, орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально	Нет	Тип Сипилянхака (отличается от Ускела отсутствием ямок) в таблице не представлен	2; 3; 16; 5; 17; 18

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
Пюхсенсилта	Органическая (растительная, кость) или минеральная (дресва, песок) примесь	Шиповидная или округлая	Прямой, скруглённый или скошенный вогнутый, орнаментированный или неорнаментированный	Гребенчатые отгиски, линии, ногтевые вдавления, овальные и другие отгиски/насечки (раздвоенные ямки, наколы, отгиски полой косточки, треугольники); орнамент – разрезанный, по всей внешней поверхности; представленные также неорнаментированные сосуды; орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально, изредка встречаются вертикальные мотивы	Как профилированные, так и нет		3; 5; 19; 20
Киерикки	Примесь асбеста (+тальк, песок), есть также разнородность с примесью органики	Округлая	Прямой, орнаментированный или неорнаментированный	Гребенчатые отгиски, мелкие ямки, прочерченные линии; орнамент разрезанный, по всей внешней поверхности, иногда заходит и на внутреннюю поверхность; представлены также неорнаментированные сосуды; поверхность выровнена или заглажена, орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально	Нет		5; 21; 22; 23
Пёлья	Примесь асбеста (+тальк, песок), есть также разнородность с примесью органики (например, пух и перо)	Округлая или плоская	Прямой, утолщённый или с «Г»- или «Т»-образным профилем, орнаментированный или неорнаментированный	«Верёвочка, намотанная на палочку», гребенчатые отпечатки, мелкие отгиски; орнамент – разрезанный, по всей внешней поверхности, представлены также неорнаментированные сосуды; поверхность могла быть выровнена, иногда встречаются текстильные отпечатки; орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально или вертикально	Как профилированные, так и нет	Тип Юся (традиционно выделяемый по наличию плоского донного венчика) здесь не представлен (не является «настоящим» типом)	2; 5; 21; 24; 25

Таблица 2 (окончание)

1	Шнуровая керамика	2	Минеральная (песок), шмот, есть также разновидность с примесью органики (шерсть, растительная примесь)	3	Плоская	4	Прямой или скруглённый, изредка орнаментированный	5	Отпечатки шнура, прочерченные линии, мелкие насечки, наколы, овалы, отпечатки, также нанесённые штампами (волнистые или прямые); орнаментирована лишь верхняя часть сосудов (изредка у часток у донца), поверхность заглажена, выровнена или залощена; орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально	6	Да	7	Представлена более изящной (кубки) и более грубой (кухонной) посудой	8	2; 5; 26; 27
	Клукайнен		Минеральная примесь (дресва, песок), органическая примесь		Плоская		Прямой, неорнаментированный		Ямки, прочерченные/прорезанные линии, «верёвочка», намотанная на палочку», гребенчатые отпечатки, отриски полой косточки; орнамент – разрезанный, по всей внешней поверхности, есть также неорнаментированные сосуды, поверхность заглажена или выровнена, часто встречаются текстильные отпечатки; орнаментальные мотивы ориентированы горизонтально или вертикально		Нет			2; 5; 28; 29	

неном лишь в 1990-х годах [11; 7], хотя существование её и до того отмечалось исследователями [6; 12; 21]. Ранняя асбестовая керамика является первым типом керамики, в которой в качестве примеси используется асбест, и, в действительности, включает в себя два разных типа: *молодая ранняя гребенчатая керамика с примесью асбеста* (*Ка I:2asb*) и так называемая керамика типа *Кауниссаари* [11; 7]. Время и ареалы этих двух типов несколько различаются, но в целом они оба распространены в Восточной Финляндии и регионе Саймы, а также в Остроботнии. Отдельные находки были сделаны в Карелии и на Карельском перешейке [11; 7; 41]. Немногочисленные даты, полученные для ранней асбестовой керамики, указывают на существование этого типа в целом одновременно с типами Сперрингс 1 и 2: 4800–3800 лет до н.э. [30; 42].

Особенностью Юго-Западной Финляндии является распространение здесь во 2-й пол. V тыс. до н.э. локальной группы гребенчатой керамики типа *Якярля*. Этот тип был выделен Торстеном Эдгреном [6]; имеющиеся датировки предполагают его существование ещё в начале IV тыс. до н.э., то есть в среднем неолите [13; 34; также 30]. Керамика типа *Якярля* не известна на Северо-Западе России.

Средний неолит (4000–3000 лет до н.э.)

Средний неолит начинается с распространением *типичной гребенчатой керамики*.³ Этот тип в целом был рассмотрен уже в начале XX в. [28; 12] и более чётко выделен Эурияпя [2]. Являясь одним из проявлений более масштабного «феномена (ямочно-)гребенчатой керамики», типичная гребенчатая керамика и её ближайшие аналоги изучались многими исследователями из Финляндии, России и стран Балтии. В результате этот тип керамики известен в литературе под множеством различных названий, таких как типичная гребенчато-ямочная керамика, типичная ямочно-гребенчатая керамика и «настоящая» гребенчатая керамика. В Финляндии этот тип называется, в соответствии с классификацией Эурияпя, *типичной гребенчатой керамикой* (*Ка II*) и подразделяется на *древнюю* и *молодую типичную гребенчатую керамику* (*Ка II:1* и *Ка II:2*). Первый вариант, – видимо, чтобы включить в себя так называемый *наивысший стиль* (*Ка II:1b*) [2; 3; 12; 14]. Однако эти варианты не имеют хронологического содержания, как это представлялось первоначально [15; 47], и время существования типичной гребенчатой керамики теперь определяется промежутком 3900–3500 лет до н.э. [30; 42; 47]. Типичная гребенчатая керамика найдена повсюду в Финляндии, вплоть до Северного полярного круга, и особенно распространена (или много раскопано памятников) в Восточной Финляндии и в регионе озера Сайма (рис. 3). Несмотря на единообразное описание этого типа в старых публикациях, региональные варианты типичной гребенчатой керамики существуют, однако эти варианты плохо изучены, как и этот тип керамики в целом. Полноценные развёрнутые характеристики типичной гребенчатой керамики отсутствуют, опубликованы лишь небольшие обзоры (наиболее полный подготовлен Т. Эдгреном [14]). Возможно, чрезмерные объёмы керамического материала сдерживают такие исследова-

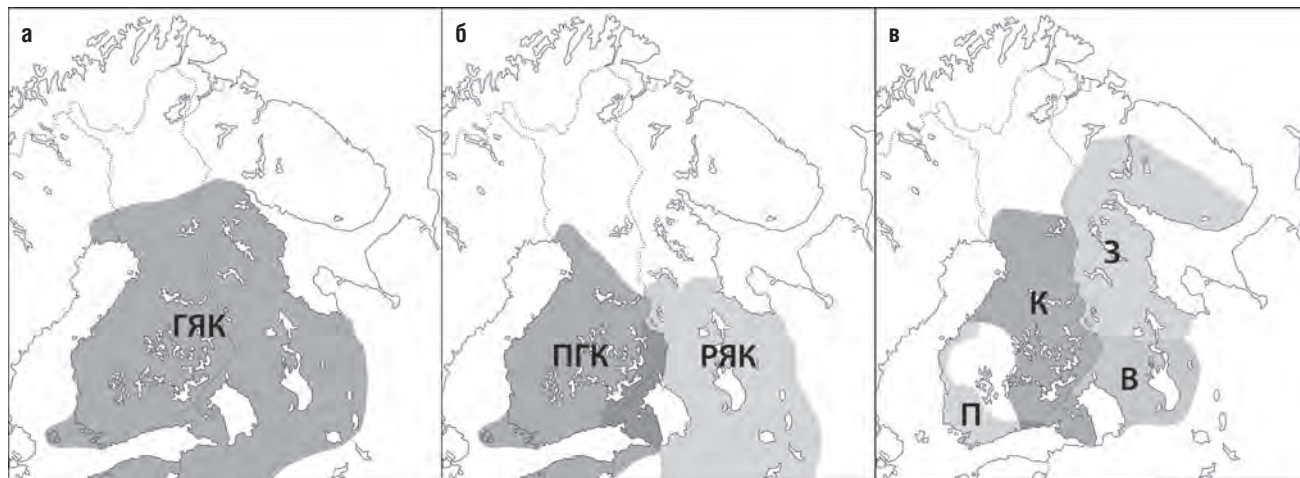

Рис. 3. Распространение керамики в IV тыс. до н.э. в Финляндии и на Северо-Западе России: а) типичная гребенчатая керамика (гребенчато-ямочная керамика, ГЯК); б) поздняя гребенчатая керамика (ПГК) и ромбоямочная керамика (РЯК); в) керамика типов Киерикки (К), Войнаволок (В), Залавруга (З) и Пюхеенсилта (П) (по: [48; 5; 49; 50; 35])

³ В финской археологии нет единого мнения о хронологических границах среднего неолита. Во всех случаях его начало связывается с распространением типичной гребенчатой керамики, но конец не определён. Некоторые исследователи [43; 44] полагают, что период среднего неолита завершается около 3000 лет до н.э. с появлением традиции шнуровой керамики. Другие поднимают его верхнюю хронологическую границу до конца существования традиции шнуровой керамики и до общепринятого начала традиции керамики Киукайнен: 2300 лет до н.э. [45; 46]. Автор настоящей статьи разделяет первую позицию.

ния; или, быть может, представление о якобы хорошей изученности этого типа маскирует тот факт, что публикаций, посвящённых ему, на самом деле очень мало. Типичная гребенчатая керамика – или её региональные варианты – в изобилии встречается на Карельском перешейке и известна в Приладожье и Прионежье, где она называется *гребенчато-ямочная керамика* [37; 50] и где в это время преобладает *ромбоямочная керамика* [40; 32; 51]. В Финляндии находки ромбоямочной керамики немногочисленны; она встречается лишь в восточной и юго-восточной частях страны и, как уже было сказано, часто ошибочно принимается за ямочно-гребенчатую керамику.

В периодизации керамики, разработанной Эуряпя, типичная гребенчатая керамика сменяется «вырождающейся» *поздней гребенчатой керамикой* (*Ка III*), которая подразделяется на типы *Ускела* (*Ка III:1*) и *Сипилянхака* (*Ка III:2*) [2; 3; 17]. Тем не менее когда упоминается поздняя гребенчатая керамика, обычно имеется в виду керамика типа Ускела; керамика типа Сипилянхака известна лишь на нескольких памятниках. Как и остальные типы гребенчатой керамики, поздняя гребенчатая керамика была выделена на материалах, происходящих с ограниченной территории (Западная Финляндия). В настоящее время представляется, что типология Эуряпя как таковая применима лишь к материалам из прибрежных районов и плохо учитывает локальные варианты поздней гребенчатой керамики в других частях страны [5; 21; 17]. Эти варианты имеют типологические параллели или хронологически соответствуют поздним вариантам гребенчатой традиции в Карелии и на Карельском перешейке, где также обнаружена керамика типа Ускела [41; 43]. Изначально считалось, что поздняя гребенчатая керамика – как предполагает её название – существовала позднее типичной гребенчато-ямочной, но в настоящее время представляется, что эти типы частично одновременны. Поздняя гребенчатая керамика из западных и южных прибрежных районов датируется 3800/3600–3200 лет до н.э. [45], но в некоторых районах, особенно на востоке и юго-востоке, использование поздней гребенчатой керамики могло продолжаться до 2800 лет до н.э. [30; 45; 44].

В Юго-Западной Финляндии продолжением традиции гребенчатой керамики, по-видимому, является керамика типа *Пюхеенсилта*, выделенная и рассматривавшаяся преимущественно Карлом Фредриком Мейнандером [19] и Анне Виккула [20; 18]. Этот тип даже называли «четвёртой фазой гребенчатой керамики» (т.е. *Ка IV*). Представленные в публикациях хронологические рамки бытования этого типа варьируют, и в настоящее время он датируется 3300–2800/2400 лет до н.э. [30; 34]. Противоречия проявляются при выделении типа керамики Пюхеенсилта и в других аспектах. Так, ряд исследователей ограничивает территорию его распространения лишь Юго-Западной и Южной Финляндией, тогда как другие полагают, что она представлена также и на других территориях, и даже в провинции Кайнуу на севере [52; 53]. Керамика типа Пюхеенсилта – или её ближайшие аналоги – представлена также на Карельском перешейке, и некоторые исследователи указывают на существование возможной аналогии и дальше к югу и востоку [20; 53; 54]. Тем не менее этот период (3300–2800 лет до н.э.), может быть, кроме керамики типа Пюхеенсилта, очень плохо изучен [см. также 55].

Использование асбестовой примеси в керамическом тесте, начавшееся уже в раннем неолите, становится более распространённым и начинает преобладать в внутриматериковых регионах в среднем неолите. Наиболее древний тип керамики среднего – позднего неолита с асбестовой примесью называется тип *Киерикки*. Он был выделен Ари Сирияйненем в 1967 г. [22], однако полноценная характеристика типа до сих пор не дана. Первоначально предполагалось, что тип Киерикки хронологически следует за типичной гребенчатой керамикой [21; 22; 23], но новые радиоуглеродные даты свидетельствуют о сосуществовании этих типов на протяжении некоторого времени: начало типа Киерикки датируется около 3500 лет до н.э., или даже столетием или двумя ранее; и этот тип бытует как минимум до 3100 лет до н.э. [30; 47; 56]. Тип Киерикки распространён на востоке и на севере, а также найден на Карельском перешейке и в Карелии – он может рассматриваться как близкий к керамике типа Войнаволок [49], но чётких соответствий между этими двумя типами нет.⁴

Поздний неолит (3000–1900/1500 лет до н.э.)

Продолжением традиции асбестовой керамики является тип *Пёлья*, выделенный С.Ф. Мейнандером в 1954 г. [24; см. также 21; 25]. Изготовление керамики типа Пёлья началось уже в среднем неолите: в настоящее время она датируется в пределах 3100–2400/1900 (даже 1500) лет до н.э. [30; 47; 56]. Территория её распространения охватывает большую часть побережья Ботнического залива и восток Финляндии; этот тип также встречается на Карельском перешейке (рис. 4). В определённом отношении он схож с керамикой типов Оровнаволок и Палайгуба в Карелии [56], но, опять же, сравнивать эти типы напрямую затруднительно. В дальнейшем более молодой подтип, называемый *Юсмья*, был выделен Т. Эдгреном [25; см. также 21].

⁴ Нечёткость определений и недостаточность полноценно изученных источников является основной проблемой исследований, касающихся асбестовой и пористой керамики в Финляндии. Определения типов керамики расплывчаты и неоднозначны, поскольку разные типы выделялись согласно разным критериям и принципам, а основой для выделения служил крайне ограниченный материал: тип Киерикки выделен по небольшой коллекции из раскопок одного поселения (форма венчика, орнаментация и примесь асбеста как основные критерии) [22]; основными признаками для выделения типа Пёлья является лишь одна морфологическая характеристика (загнутый внутрь сосуда край венчика) и примесь асбеста [24; 25]. Иными словами, эти типы не дискретны, а перекрывают один другой. По этой причине типы керамики, выделенные в Финляндии, не могут напрямую сравниваться с типами пористой и асбестовой керамики Карелии, выделенными на иных основаниях [см. 49].

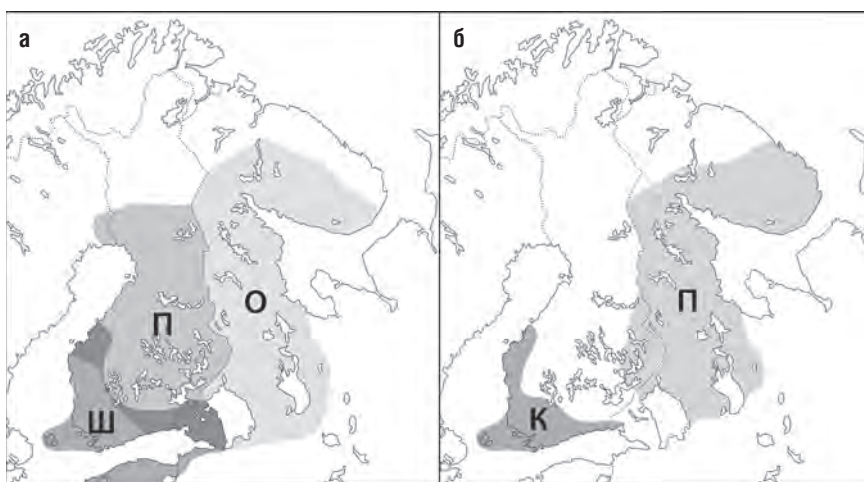

Рис. 4. Распространение керамики в III тыс. до н.э. в Финляндии и на Северо-Западе России: а) керамика типов Пёльля (П), Оровнаволок (О) и шнуровая керамика (Ш); б) керамики типов Палайгуба (П) и Киукайнен (К) (по: [21; 5; 49; 35; 57])

Однако выделение этого типа основано на единственном признаке (Т-образный венчик), который, если принять во внимание пористую и асбестовую керамику Карелии, присущ и другим группам керамики. Специальные работы, посвящённые керамике Юсмя, отсутствуют, поэтому её вряд ли можно рассматривать как отдельный тип.

В западной и южной частях страны на протяжении позднего неолита преобладает тип *шнуровой керамики*. В Финляндии он был описан А. Эуряпя в 1920-х гг. [2; 26], среди позднейших исследований следует особенно упомянуть работы Т. Эдгрена [27]. Хронологические границы бытования шнуровой керамики неоднозначны, однако, основываясь на недавно высказанных предположениях и параллелях с материалами материковой Европы, она датируется в пределах 2900/2800–2300/2100 лет до н.э. [46; 57; 58]. Шнуровая керамика известна также на Карельском перешейке и в целом в регионе восточной части Финского залива [40; 58], но в Карелии влияние этой керамической традиции – опосредованно, и – на поздних стадиях – смешивается с влиянием южной, фатьяновской, традиции [49; 59; 60].

На протяжении и после периода бытования шнуровой керамики появлялись новые типы керамики. На побережье новая керамика представлена типом *Киукайнен*, рассмотренным и выделенным Эуряпя [2; 26] и Мейнандером [29]. Бытование её датируется в пределах 2300–1500 лет до н.э. [30; 47], хотя недавно было высказано предположение о более раннем появлении этого типа [46]. Эта керамика чётко связана с морским побережьем Южной Финляндии; несколько находок происходят с западного побережья Карельского перешейка [41; 29]. Традиционно считается, что во внутренних регионах керамика типа Пёльля бытует до конца каменного века. Однако Кристиан Карпелан [21] высказал предположение, что параллельно типу Киукайнен между ареалами типов Киукайнен и Пёльля развивается ещё один тип керамики, так называемая *керамика промежуточной зоны*. Тем не менее этот тип столь плохо изучен и описан, что сделать обобщающие замечания по его поводу не представляется возможным. Кроме того, недавно было высказано предположение, что эта керамика не бытует параллельно с керамикой типа Киукайнен, а появляется уже значительно раньше [46]. Эти противоречия связаны с более масштабной проблемой культурного развития «постгребенчатой» и шнуровой традиций в III тыс. до н.э. По крайней мере, в Восточной и Юго-Восточной Финляндии и на Карельском перешейке довольно много керамики, датируемой указанным временем, которая не соответствует принятым типологии и культурной атрибуции. Иными словами, завершение позднего неолита, возможно, за исключением территории распространения керамики Киукайнен, остаётся непонятным.

После неолита

Конец неолита и начало эпохи раннего металла в Восточной Финляндии, по-видимому, приходится на 1900/1800 гг. до н.э. В Западной Финляндии каменный век, вероятно, продолжается ещё несколько столетий и заканчивается с наступлением бронзового века, связанного с влиянием скандинавских традиций, самое позднее около 1500 г. до н.э. Конец неолита в обоих случаях маркируется появлением новых типов керамики: *текстильная керамика* или керамика типа *Сарса–Томица* на востоке [2; 24; 61], также известная на Северо-Западе России (группы *Томица* и *Кальмистомяки* /сетчатая керамика [61; 62]); и более ориентированные на круг балтийских культурных традиций типы керамики, известные как типы *Паймио–Асва* и *Морбю–Ильманду* [24; 63; 64]. Во время существования этих типов керамики и несколько позднее на севере появляются другие типы керамики с асбестовой примесью, включая типы так называемой керамики *Сярайсьниеми 2: Анттила, Сирнихта, Лууконсаари* и *Чельмой*, – а также керамика типа *Ловозеро* и *псевдотекстильная ке-*

рамка [21; 65; 66], которая местами встречается и на Северо-Западе России [66; 67]. Однако рассмотрение этих типов керамики уже выходит за рамки настоящей статьи.

Проблемы изучения неолитической керамики Финляндии

Ограниченность типологий – в недостаточности исследований

Хотя не следует умалять заслуги других пионеров изучения финской керамики, таких как Юлиус Айлио, Альфред Хакман и Сакари Пяльси, основные достижения ранней стадии исследований керамики каменного века в Финляндии связаны с именем Аарне Эуропаеуса-Эуряпя. Исследование, которое он наметил в статьях, посвящённых растущим коллекциям Национального музея Финляндии [68–71], и в дальнейшем развивал в работах, написанных в 1920-е годы [26; 72], завершилось изданием в 1930 г. классического труда «Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland» («Относительная хронология керамики каменного века в Финляндии») [2]. В этой работе Эуряпя представил периодизацию керамики каменного века прибрежных территорий Финляндии, основанную на береговой/высотной хронологии (специфической для региона Фенноскандии, испытывающего изостатический подъём земной коры) и на типологических различиях. Он рассматривал, помимо прочего, раннюю, типичную и позднюю гребенчатую керамику, а также такие типы, как ямочно-гребенчатая, шнуровая, асбестовая керамика и тип Киукайнен. А. Эуряпя вернулся к этой теме спустя несколько десятилетий [3; 73]; его исследования керамики были продолжены наиболее последовательно К.Ф. Мейнандером, Торстеном Эдгренем и Кристианом Карпеланом.

Работа А. Эуряпя была чрезвычайно значима, и многие из выделенных им типов керамики признаются и используются исследователями и в настоящее время. Однако часто упускается из виду, что Эуряпя выделял типы, основываясь на весьма ограниченном археологическом материале, который происходит с южных и западных прибрежных территорий. Следовательно, его ставшая канонической типология не обязательно должна быть применима к керамическим материалам из других частей страны. Кроме того, за 80 с лишним лет после завершения основной работы А. Эуряпя было получено огромное количество нового археологического материала, и представления о каменном веке изменились во многих отношениях. И хотя типологические исследования проводились ещё и в 1950-х и 1960-х гг. [4; 6; 22; 24; 29], изучение типологии керамики на десятилетия стало непопулярно в финской археологии. Выделение многих типов керамики недостаточно обосновано на современном научном уровне, если обосновано вообще; и, что самое худшее, выделение некоторых типов керамики в целом основано на обобщённых описаниях, а не на глубоких исследованиях. Существующие немногочисленные исследования типов керамики являются недостаточными; часто эти исследования основаны на ограниченных материалах и обнаруживаются в неопубликованных тезисах. Исключениями за последние десятилетия можно считать лишь работы Анне Виккула по поздней гребенчатой керамике и керамике типа Пюхеенсилта [17; 20; 18], Петро Песонена по ранней асбестовой керамике [11; 7] и Маркку Торвинена по керамике типа Сяряйсниеми 1 [8; 9]. Поэтому «старые» определения механически повторяются и используются без должной критической оценки для новых материалов даже в наши дни, хотя уже стало очевидно, что старые типологические схемы не всегда соотносятся со вновь выявляемыми археологическими материалами [46; 74]. Такая «подгонка» не только нарушает собственно типологические принципы, но к тому же не соответствует имеющимся представлениям о культурных и региональных различиях, а также данным хронологии.

Проблемы с возрастом и датированием

Система, разработанная А. Эуряпя, была, в духе своего времени, строго эволюционистской по сути: все явления, включая керамические типы, имели 1) зарождение, или начальную стадию; 2) высшую точку, или пору расцвета; 3) последующую стадию угасания. Такая последовательность циклов развития с тех пор характерна для описания других керамических типов и в целом для представлений о каменном веке Финляндии: после мирной прелюдии раннего неолита (который заведомо «мезолитический по духу») средний неолит, подразумеваемый под традицией типичной гребенчатой керамики, представлялся важнейшим этапом или золотым веком неолита. Следующий за ним поздний неолит (или в целом время после периода бытования типичной гребенчатой керамики) виделся просто постепенным «соскальзыванием в отстойник» эпохи раннего металла. И хотя такой взгляд по-прежнему представлен в недавних исследованиях о динамике численности древнего населения, основанных на анализе результатов радиоуглеродного датирования и на моделировании генетического развития [42; 75–77], в свете имеющихся археологических данных очевидны его однобокость и несомненная упрощённость [см. также 78; 79]. В этом контексте представляется сомнительной научная обоснованность концепции «упадка культуры», а недавние исследования показали, что развитие культуры после периода бытования типичной гребенчатой керамики – кон. IV – нач. III тыс. до н.э., когда распространилась керамика с асбестовой и пористой примесью во внутриматериковых областях, – было в действительности очень динамичным и далёким от угасания [46; 80–83]. В этой связи важно заметить, что для территории Карелии, где археологический материал весьма схож с финляндским, но отличаются научные традиции, соответствующий период после времени бытования типичной гребенчатой керамики (определённый как энеолит) ни в коем случае не рассматривается как регрессивный или упадочный [49; 48].

Другой проблемой системы Эуряпя является то, что она не признаёт сосуществования типов керамики и рассматривает возможность существования в определённый временной промежуток лишь одного типа.

Позднейшие исследования береговой хронологии показали в ряде случаев, что выделенные на основании типологии и предположительно последовательные фазы развития керамики в действительности были синхронны на протяжении длительного времени [15]. Использование радиоуглеродного датирования, естественно, изменило ситуацию. Количество радиоуглеродных дат неуклонно растёт, однако сохраняется существенная неравномерность временного и пространственного распределения полученных дат, для многих дат также требуется тщательная критика источников.⁵ AMS дат, непосредственно относящихся к керамике определённого типа, пока не слишком много, и, соответственно, внутренняя хронология типа, и даже начальная и конечная датировки времени его бытования часто весьма условны и основаны лишь на одной-двух датах (опять же, ситуация с типичной гребенчатой керамикой существенно отличается в лучшую сторону благодаря специальной программе по её датированию, осуществлённой за последний десяток лет [30; 47]). При отсутствии данных абсолютного датирования основными методами при определении хронологических рубежей являются методы относительного датирования (береговая/высотная хронология, датирование на основании археологической типологии). Эти методы до сих пор широко применяются и в наше время во многих случаях используются, по крайней мере опосредованно, для определения абсолютного возраста. Однако традиционное восприятие керамики как основного хронологического маркера привело к возникновению образа доистории как линейной последовательности явлений. Представление о том, что все различия в стилях и орнаментах являются хронологическими, т.е. неспособность признать возможность их сосуществования и наличия локального своеобразия, привело к восприятию неолита как последовательности определяемых керамическими типами этапов, следующих друг за другом в строгом хронологическом порядке. Эти керамические этапы представляются довольно инертными, и понять их внутреннюю динамику и развитие сложно без более чутких инструментов измерения времени. Таким образом, все основные культурные изменения, по-видимому, происходят и проявляются лишь на границах этапов, которые выглядят как смена одного керамического стиля другим [46]. При таком способе моделирования доистории краткосрочные или длительные по времени культурные процессы и тенденции, которые имели место в пределах или вне пределов керамических этапов, могут ускользнуть от внимания исследователей.

Основанное на керамике представление о неолите

В Финляндии, как и в России, началом неолита считается появление керамики, а не производящего хозяйства, как в остальной Европе [84–87]. В результате керамика приобрела – или ей было придано – огромное значение в археологии неолита: исследования по неолиту и его периодизации в значительной степени сосредоточены на изучении керамики. Однако подобный подход ведёт к необъективности и может быть подвергнут заслуженной критике. С этим же связан и вопрос о том, насколько оправдано использование керамики для разработки периодизации как «ведущего ископаемого», в соответствии с которым упорядочиваются все остальные материалы [44; 46; 74]. Керамика действительно долгое время была и до сих пор остаётся каркасом для построения относительной хронологии, массовым материалом, предоставляющим наиболее простую возможность для выявления хронологических различий. Однако понимание и структурирование неолита исключительно на основе керамического материала формирует его упрощённый образ, который вроде бы понятен, но не обязательно соответствует культурным процессам, фиксируемым по иным категориям археологических источников. Как уже указывалось выше, концентрация исследований на изучении керамики приводит к скрадыванию некоторых проявлений культурного разнообразия в древности и ускользанию от внимания исследователей культурных процессов, асинхронных этапам развития керамики. Кроме того, представление о неолите, основанное преимущественно на результатах изучения керамики, слишком обобщённо и неполно: керамика использовалась не исключительно и не во всех видах человеческой деятельности, и, к примеру, керамический материал не отражает всю систему связей между древними коллективами.

Другой проблемой, исходящей из придания чрезмерного значения керамике и керамическим типам, является их тесная связь с понятиями «археологическая культура» и «этнос». Эта концепция в значительной степени – продукт интеллектуальной атмосферы кон. XIX – нач. XX в. [88; 89], времени создания образа прошлого новообразованных национальных государств и придания этнического или расового наполнения культурным явлениям древности [90; 91], однако, как ни странно, она прекрасно существует и в настоящее время. Несмотря на то, что в Финляндии проблемы этноса и этногенеза не были столь значимы в научных исследованиях и в формировании их направленности, как (в пост1950-е гг.) в Советском Союзе и в России, их влияние на археологическую науку весьма ощутимо. Наличие такой направленности в исследованиях также наглядно проявляется в ещё недавно тесной связи археологических и лингвистических исследований [45; 92; 93]. Рассматривавшиеся выше представления об использовании лишь одного типа керамики в определённый промежуток времени также способствовали укреплению этой концепции, так как благодаря им очень легко увидеть за определённым типом керамики определённую группу людей или носителей одно-

⁵ Количество радиоуглеродных датировок, полученных в Финляндии для каменного века, было чуть менее 800 к 2010 г. и с тех пор растёт. Большинство этих дат относится к неолитическим контекстам [75; 76]. Однако около половины этих датировок получено по образцам древесного угля, и, следовательно, сами по себе они не могут уверенно связываться с датироваемым археологическим контекстом. Неверно полагать, что древесный уголь из культурного слоя обязательно связан со временем функционирования древнего поселения, поскольку он мог образоваться в результате лесных пожаров разного времени и других естественных процессов [см. 78].

го языка. Зачастую типы керамики представляются как эмблемы определённых археологических культур, и устанавливается прямое соответствие между керамикой, людьми и культурой. Схожие представления о соответствии типов керамики этническим группам и восприятие керамики как «культурного маркера» типичны и для российской археологической науки. Однако в действительности нет универсальных законов, которые подразумевали бы наличие какой-либо самоочевидной взаимосвязи между керамикой (материальной культурой) и определёнными человеческими сообществами (языком, этнической принадлежностью, генетической общностью), позволяющих автоматически сделать вывод о схожем происхождении или истории развития её носителей.

Смена керамических типов обычно объясняется внешними воздействиями, миграциями либо культурной диффузией и, значительно реже, – местным автохтонным развитием (для Финляндии единственным таким значимым исключением стало начало использования асбеста в качестве примеси при изготовлении керамики [94]). Подобный подход проистекает из шаблонного представления о доистории: с крупными (этнически определёнными) единицами (археологические культуры), действующими на больших территориях, по-видимому, независимо, по собственному желанию и усмотрению. Локальное своеобразие, значение и предпочтения локальных групп в основном не принимаются во внимание. Такая ситуация наглядно представлена в крупных обобщающих работах, где культуры (типы керамики) перемещаются и распространяются так, как будто это было предопределено, тогда как в действительности всё происходившее определялось выбором и предпочтениями отдельных индивидуумов или небольших человеческих коллективов, передающих и воспринимающих новые идеи и элементы материальной культуры. Таким образом, подобные работы весьма упрощают и обобщают прошлое и обычно отвечают лишь на вопросы «что?» и «где?», но редко – «почему?» и «как?».

Несмотря на то, что керамика находится в центре внимания исследователей, крайне мало внимания уделяется вопросу о том, что в действительности означает появление керамики и технологии её изготовления. Керамика традиционно воспринимается как простая техническая инновация, а её освоение видится чисто утилитарным и функциональным. Появление керамики обычно связывается с брачными контактами, благодаря которым женщины с южных территорий, обладающие навыками изготовления керамики, попадают в более северные области [45; 86]; а также с возросшими объёмами хранения и переработки продуктов [30; 45; 86]. Традиционно считается, что освоение производства керамики обычно не сопровождается другими существенными изменениями в культуре и в остальных проявлениях её развитие в раннем неолите продолжалось более-менее в мезолитическом русле. И хотя в некоторых аспектах, как в каменной индустрии, явно наблюдается сохранение единой линии развития [95], такое понимание неолита и неолитизации представлено ограниченно.

Ограниченность представлений о керамике связана с масштабной концепцией, согласно которой северный неолит понимается как отсталый «субнеолит» (термин – см. [84; 96; 97]). Однако в настоящее время началось переосмысление традиционного способа выделения неолита: в свете новых взглядов, ставящих на передний план мультилокальность и многовариантность неолита и неолитизации, выдвигаются и новые идеи в отношении изготовления керамики на севере [98; 99]. В целом современные исследования обращают внимание на то, что распространение неолитической керамики было значительно более сложным явлением, чем просто освоение технологического новшества (т.е. технологии производства керамических сосудов). Изготовление посуды из глины рассматривается как социальная традиция, одна из составляющих общественной жизни древних коллективов [100], которая, по-видимому, включала, помимо задачи получения конечного продукта (сосуда), множество других аспектов (социальных, познавательных, ритуальных) [98; 99; 101–103]. Более того, освоение производства посуды из глины было не изолированной инновацией, но частью более масштабных трансформаций, происходивших в VI тыс. до н.э. Неолитизация с самого начала была процессом, который менял не только физическое, материальное окружение человека, но также и стереотипы мышления [99; 104–106]. Поскольку все составляющие этого явления были взаимосвязаны и взаимозависимы, невозможно рассматривать керамику или любой другой элемент культуры изолированно от общего целого. Другими словами и в противоположность традиционным представлениям, отсутствуют основания считать, что появление керамики было одиночным нововведением, вырванным из своего прежнего социального и когнитивного контекста и сохранившим лишь свою утилитарную функцию (функции). Уже не говоря о том, что неолит – это нечто значительно большее, чем просто появление керамики. Не углубляясь далее в эту тематику, следует отметить, что принципиально важным является переосмысление того, как определять неолит: исключив главенствующую роль керамики и отказавшись от использования в качестве критериев других составляющих материальной культуры, культурных традиций и практик, можно достичь значительно более полного понимания того, что такое неолитический мир и неолитизация.

Межгосударственные различия

В завершение несколько слов об особенностях археологической науки на Северо-Востоке Европы, которые, собственно, и были отправной точкой и причиной для написания этой статьи: различиях в научной терминологии и в практике научных исследований, определяемых современными политическими границами. Даже когда археологические материалы с территории Финляндии и России (а также Северной Норвегии, Эстонии и т.д.) имеют значительное сходство, они часто представляются в разных странах под разными названиями и в рамках различающихся концепций – хорошими тому примерами являются рассматривавши-

еся выше вопрос о соотношении асбестовой и пористой керамики или общая периодизация⁶. Различия возникают во многом из-за несходства научных школ, в значительной степени обусловленного политической историей. Они также могут отражать крайнюю ограниченность и даже скудость знаний об археологических исследованиях и материалах на соседних территориях. В финляндской археологии в целом признаётся значимость археологии сопредельных восточных территорий, но археологические материалы из России плохо известны и мало используются. Обращение к российским археологическим материалам обычно ограничивается повторением определённых «канонизированных» фраз. В России использование финляндских источников также остаётся весьма ограниченным. И хотя восточные материалы часто упускаются из виду из-за непонимания и языковых преград, следует всё же отметить, что в прошлом имело место намеренное принижение роли Востока в сравнении с Западом в том, что следует рассматривать как «культурно значимые» инновации и заимствования, к примеру, производящее хозяйство и металлургию [см. 82; 107].

Теоретические и методологические различия привели к расхождениям в конкретных вопросах и подходах и в практике ведения исследований. В результате территория распространения многих явлений доистории – не только некоторых типов керамики, но также и определённых типов археологических объектов, таких как памятники наскального искусства каменного века (наскальные рисунки/петроглифы), «лапландские кучи» периода раннего металла и некоторые типы памятников саамов железного века/Средневековья, – странным образом разделена современной российско-финляндской границей. Это, естественно, создаёт сложности для выяснения происхождения различных археологических феноменов и для разработки единой схемы культурного развития – также и в более широких масштабах северной таёжной зоны. Таким образом, абсолютно необходимо преодоление – или по крайней мере признание – существующих проблем, а также развитие более интенсивного межгосударственного сотрудничества учёных и обмена результатами исследований.

⁶ Также и карты распространения типов керамики (рис. 2–4), приведённые в настоящей статье, следует воспринимать как весьма приблизительные и не всегда отражающие реальное положение вещей: хотя в научных публикациях иногда и рассматриваются отдельные типы керамики на территориях сопредельных стран (как, например, ранняя асбестовая керамика в Карелии [11] или выделенные на территории России типы пористой и асбестовой керамики в Финляндии [35]), сравнительные исследования или специальное картирование практически не проводились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Nordqvist K./Nordqvist, K.* Периодизация неолита – бронзового века в Северо-Восточной Европе / Of the Periodization of Eneolithic – Bronze Age in North-East Europe // Бочкарев В.С., Мурашкин А.И. (ред.). Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб., 2013.
2. *Europaëus-Äyräpää, A.* Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland I–II // Acta Archaeologica. I. København, 1930.
3. *Äyräpää, A.* Den yngre stenåldern s kronologi i Finland och Sverige // Finskt Museum. 62. Helsinki, 1956.
4. *Luhov, V.* Frühe Kammkeramik // Meinander, C.F. (toim.) Studia Neolithica in honorem Aarne Äyräpää. Helsinki, 1957. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 58)
5. *Pesonen, P.* Suomen esihistoriallinen keramiikka. <<http://www.helsinki.fi/hum/arla/keram/>> Helsinki, 1999. (Учебные материалы, Университет Хельсинки)
6. *Edgren, T.* Jäkärälä-gruppen: en västfinsk kulturgrupp under yngre stenålder. Helsinki, 1966. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 64)
7. *Pesonen, P.* Early Asbestos Ware // Kirkinen, T. (ed.) Pithouses and Potmakers: Reports of the Ancient Lake Saimaa Project. Helsinki, 1996. (Helsinki Papers in Archaeology. 9)
8. *Torvinen, M.* Säräisniemi I Ware // Fennoscandia Archaeologica. XVII. Helsinki, 2000.
9. *Torvinen, M.* The Chronological Position of Säräisniemi I Ware in the Neolithic Milieu // Uino, P. (ed.) Fenno-ugri et Slavi 2002: Dating and Chronology. Helsinki, 2004. (Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja. № 10)
10. *Skandfer, M.* Early, Northern Comb Ware in Finnmark: The Concept of Säräisniemi I Reconsidered // Fennoscandia Archaeologica. XXII. Helsinki, 2005.
11. *Pesonen, P.* Varhainen asbestikeramiikka. Helsinki, 1995. (Неопубликованные тезисы лицензиата)
12. *Pälsä, S.* Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 28. Helsinki, 1915.
13. *Asplund, H.* Radiocarbon Dating of Jäkärälä Ceramics: a Comment on Comb Ceramic Chronology and Typology // Karhunhammas. 16. Turku, 1995.
14. *Edgren, T.* Formgivning och funktion: en kamkeramikstudie. Helsinki, 1982. (Iskos. 3)
15. *Siiriäinen, A.* Studies Relating to Shore Displacement and Stone Age Chronology in Finland. Helsinki, 1974 (Helsingin yliopiston arkeologian laitos, moniste. № 10)
16. *Luhov, V.* Suomen kivikauden pääpiirteet. Helsinki, 1948.
17. *Vikkula, A.* Vantaan Maarinkunnas-Stenkulla: Tutkimuksia Uskela-keramiikan alalta. Helsinki, 1981. (Helsingin yliopiston arkeologian laitos, moniste. № 27)
18. *Vikkula, A.* Östersjöns om en förutsättningförmellan-ochsenneolitiskutveckling // Edgren, T. (red.) XVII Nordiska arkeologmötet i Åbo 1985. Helsinki, 1988. (Iskos. 7)
19. *Meinander, C.F.* Pyheensilta stenåldersboplat // Finskt Museum. 46. Helsinki, 1939.
20. *Vikkula, A.* Pyheensilta Ceramics – Facts and Theories // Edgren, T. (ed.) Fenno-ugri et Slavi. 1983. Helsinki, 1984. (Iskos. 4)
21. *Carpelan, C.* Omasbestkeramikens historia i Fennoskandien // Finskt Museum. 85. Helsinki, 1979.
22. *Siiriäinen, A.* Yli-Iin Kierikki, asbestikeraaminen asuinpaikka Pohjois-Pohjanmaalla // Suomen Museo. 74. Helsinki, 1967.
23. *Siiriäinen, A.* On the Late Stone Age Asbestos Ware Culture of Northern and Eastern Finland // Edgren, T. (ed.) Fenno-ugri et Slavi. 1983. Helsinki, 1984. (Iskos. 4)

24. *Meinander, C.F.* Die Bronzezeit in Finnland. Helsinki, 1954. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 54)
25. *Edgren, T.* Jysmä i Idensalmi: En boplatz med asbestkeramik och kamkeramik // Finskt Museum. 71. Helsinki, 1964.
26. *Europaeus, A.* Fornfynd från Kyrkslätt och Esbo socknar. Helsinki, 1922. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 32)
27. *Edgren, T.* Studier over den snörkeramiska kulturens keramik i Finland. Helsinki, 1970. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 72)
28. *Ailio, J.* Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland. Teil I–II. Helsingfors, 1909.
29. *Meinander, C.F.* Die Kiukaiskultur. Helsinki, 1954. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 53)
30. *Pesonen, P. & Leskinen, S.* Pottery of the Stone Age Hunter-Gatherers in Finland // Jordan, P. & Zvelebil, M. (eds.) *Ceramics before Farming: The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers*. Walnut Creek, 2011.
31. *Pesonen, P., Oinonen, M., Carpelan, C. & Onkamo, P.* Early Subneolithic Ceramic Sequences in Eastern Fennoscandia – a Bayesian Approach // *Radiocarbon*. 54 (3–4). Tucson, 2012.
32. *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961. (МИА. № 87)
33. *Лобанова Н.В.* Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Тимофеев В.И. & Зайцева Г.И. (ред.) *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии*. СПб., 2004.
34. *Asplund, H.* Kumittæ: Sites, Centrality and Long-term Settlement Change in the Kemiönsaari Region in SW Finland. Turku, 2008. (*Annales Universitatis Turkuensis*. Ser. B. Tome 312. Humaniora)
35. *Zhulnikov A.M.* Ethno-Cultural Situation in Kola Peninsula During the Early Metal Period (Based on the Study of Ceramics). (Доклад на конференции «Sami History and Prehistory: Archaeological Perspectives from Late Neolithic to Present Time». СПб., 2008. Не опубликован)
36. *German, K.* Early Hunter-Gatherer Ceramics in Karelia // Jordan, P. & Zvelebil, M. (eds.) *Ceramics before Farming: The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers*. Walnut Creek, 2011.
37. *Панкрушев Г.А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Неолит. Л., 1978.
38. *Герман К.Э.* Хронология и периодизация культуры сперрингс в Карелии // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
39. *Пицонка Х.* Ранняя керамика к востоку от Балтийского моря: новые АМС радиоуглеродные даты // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
40. *Хорошун Т.А.* Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н.э.). Петрозаводск, 2013. (электронная версия)
41. *Niurre, M.* Viipurin läänin kivikausi // Saarnisto, M. (toim.) *Viipurin läänin historia I: Karjalan synty*. Joensuu, 2003.
42. *Oinonen, M., Pesonen, P., Alenius, T., Heyd, V., Holmqvist-Saukkonen, E., Kivimäki, S., Nygrén, T., Sundell, T. & Onkamo, P.* Event Reconstruction Through Bayesian Chronology: Massive Mid-Holocene Lake-Burst Triggered Large-scale Ecological and Cultural Change // *The Holocene*. 24 (11). Sevenoaks, 2014.
43. *Carpelan, C., Uino, P. & Gerasimov, D.V.* Archaeology in the Former Municipality of Johannes // Nordqvist, K. (ed.) *Karelian Isthmus – Stone Age Studies 1998–2003*. Helsinki, 2008. (Iskos. 16)
44. *Seitonen, O., Nordqvist, K., Gerasimov, D.V. & Lisitsyn, S.N.* “The Good, The Bad, The Weird”: Stone Age and Early Metal Period Radiocarbon Dates and Chronology from the Karelian Isthmus, North-West Russia // *Geochronometria*. 39 (2). Gliwice, 2012.
45. *Carpelan, C.* Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100–1000 eKr. // Fågelberg, P. (toim.) *Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan*. Helsinki, 1999. (Bidragtillkännedom av Finlands natur och folk. 153)
46. *Mökkönen, T.* Studies on Stone Age Housepits in Fennoscandia (4000–2000 calBC): Changes in Ground Plan, Site Location and Degree of Sedentism. Helsinki, 2011.
47. *Pesonen, P.* Neolithic Pots and Ceramic Chronology: AMS-Datings of Middle and Late Neolithic Ceramics in Finland // Uino, P. (ed.) *Fenno-ugri et Slavi 2002: Dating and Chronology*. Helsinki, 2004. (Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja. № 10)
48. *Витенкова И.Ф.* Эпоха раннего металла: Энеолит // Косменко М.Г., Кочуркина С.И. (ред.) *Археология Карелии*. Петрозаводск, 1996.
49. *Жульников А.М.* Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
50. *Витенкова И.Ф.* Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
51. *Журавлев А.П.* Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.
52. *Niurre, M.* Kainuu from the Stone Age to the Bronze Age: Finds and Cultural Connections // Edgren, T. (ed.) *Fenno-ugri et Slavi*. 1983. Helsinki, 1984. (Iskos. 4)
53. *Chalikov, A.* Archäologische Denkmale vom Pyheensilta-Typ in Finnland und ihre östliche Analogien // *Fennoscandia Archaeologica*. III. Helsinki, 1986.
54. *Meinander, C.F.* Volosovo and the Baltic // Edgren, T. (ed.) *Fenno-ugri et Slavi* 1983. Helsinki, 1984. (Iskos. 4)
55. *Kriiska, A. & Nordqvist, K.* Arheoloogilisedväljakaevamised Narva-Jõesuu II aneoliitiliselasalakohal 2010. aastal // *Narva Muuseum. Toimetised*. 12. Narva, 2012.
56. *Zhulnikov, A., Tarasov, A. & Kriiska, A.* Discrepancies Between Conventional and AMS Dates of Complexes with Asbestos and Porous Ware: Probable Result of ‘Reservoir Effect’ // *Fennoscandia Archaeologica*. XXIX. Helsinki, 2012.
57. *Nordqvist, K. & Häkälä, P.* Distribution of Corded Ware in the Areas North of Gulf of Finland – an Update // *Estonian Journal of Archaeology*. 18 (1). Tallinn, 2014.
58. *Nordqvist, K., Kriiska, A., & Mökkönen, T.* The Corded Ware Phenomenon in the Eastern Part of the Baltic Sea // *Włodarczak, P.* (ed.) *Corded World: Proceedings of the International Conference «Corded Days in Kraków»*. Kraków. В печати.
59. *Жульников А.М.* Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // РА. 2008. № 4.
60. *Юшкова М.А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России. СПб., 2011. (электронная версия)
61. *Lavento, M.* Textile Ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: Nine Variations and a Fugue on a Theme of C.F. Meinander. Helsinki, 2001. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 109)
62. *Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993.
63. *Salo, U.* Pronssikausi ja rautakauden alku // Blomstedt, Y. (toim.) *Suomen historia 1*. Helsinki, 1984.
64. *Lang, V.* Late Bronze Age and Pre-Roman Iron Age Pottery Styles in Estonia // *Suhonen, M.* (toim.) *Arkeologian lumoa synkkyyteen: Artikkeleita Christian Carpelanin juhlapäiväksi*. Helsinki, 2006.
65. *Äyräpää, A.* Kulturförhållanden i Finland före finnarnas invandring // *Meinander, C.F.* (red.) *Nordiska arkeologmötet i Helsingfors 1951*. Helsinki, 1952. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 52)
66. *Carpelan, C.* Katsaus pohjoisen Fennoskandian varhaismetallikauteen // *Harlin, E.-K. & Lehtola, V.-P.* (toim.) *Peurakuopista kirkkokiintiin – Saamelaisalueen 10000 vuotta arkeologin näkökulmasta*. Oulu, 2007. (Publications of Giellagas Institute. № 9)

67. Мурашкин А.И., Карпелан К. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Бочкарев В.С., Мурашкин А.И. (ред.) Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб., 2013.
68. *Europraeus*, A. Förvärv till Statens Historiska Museum år 1913 // Finskt Museum. 22. Helsinki, 1915.
69. *Europraeus*, A. Förvärv till Nationalmuseet år 1915 // Finskt Museum. 24. Helsinki, 1917.
70. *Europraeus*, A. Förvärv till Nationalmuseet åren 1916 och 1917: den förhistoriska avdelningen, 1: stenåldern // Finskt Museum. 25. Helsinki, 1918.
71. *Europraeus*, A. Kansallismuseon kivikautisten kokoelman kasvuvuosina 1920–1923 // Suomen Museo. 32. Helsinki, 1925.
72. *Europraeus*, A. Stenålderskeramik från kustboplatser i Finland // Nordman, C.A. (red.) Nordiska arkeologmötet i Helsingfors 1925. Helsingfors, 1927. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 36)
73. Äyräpää, A. Den yngre stenålderns kronologi i Finland i Sverige // Finskt Museum. 62. Helsinki, 1955.
74. Riihällä, O. A Comb Ware House in Outokumpu Sätös: Some Remarks on the Application on Ceramic Typologies // Kirkinen, T. (ed.) Pithouses and Potmakers: Reports of the Ancient Lake Saimaa Project. Helsinki, 1996. (Helsinki Papers in Archaeology. 9)
75. Oinonen, M., Pesonen, P. & Tallavaara, M. Archaeological Radiocarbon Dates for Studying the Population History in Eastern Fennoscandia // Radiocarbon. 52 (2–3). Tucson, 2010.
76. Tallavaara, M., Pesonen, P. & Oinonen, M. Prehistoric Population History in Eastern Fennoscandia // Journal of Archaeological Science. 37. London, 2010.
77. Sundell, T. The Past Hidden in Our Genes: Combining Archaeological and Genetic Methodology: Prehistoric Population Bottlenecks in Finland. Helsinki, 2014.
78. Mökkönen, T. Archaeological Radiocarbon Dates as a Natural Scientific Proxy: a Sceptical View // Fennoscandia Archaeologica. XXXI. Helsinki, 2014.
79. Mökkönen, T. & Nordqvist, K. Kommentti: Vuoksen synty ja kulttuurikehitys // Muinaistutkija. Helsinki, 2014. № 4.
80. Lahelma, A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings. Helsinki, 2008. (Iskos. 15)
81. Costopoulos, A., Vaneekhout, S., Okkonen, J., Hulse, E., PaberzYTE, I. & Wren, C.D. Social Complexity in the Mid-Holocene North-eastern Bothnian Gulf // European Journal of Archaeology. 15 (1). London, 2012.
82. Nordqvist, K. & Herva, V.-P. Copper Use, Cultural Change and Neolithization in North-Eastern Europe (c. 5500–1800 BC) // European Journal of Archaeology. 16 (3). London, 2013.
83. Медь в каменном веке Северо-Востока Европы: перспективы исследования / К. Нордквист, Я. Икяхеимо, В.-П. Херва, А. Лاهелма // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013.
84. Meinander, C.F. De subneolitiska kulturgrupperna i norra Europa // Societas Scientiarum Fennica Vuosikirja – Årsbok. 39 B 4. Helsinki, 1961.
85. Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // Гурина Н.Н. (ред.) Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Л., 1973. (МИА. № 172)
86. Núñez, M. On Subneolithic Pottery and Its Adoption in Late Mesolithic Finland // Fennoscandia Archaeologica. VII. Helsinki, 1990.
87. Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Ошибкина С.В. (ред.) Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
88. Kossina, G. Die Herkunft der Germanen: zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, 1911. (Manus-Bibliothek. 6)
89. Childe, G. The Danube in Prehistory. Oxford, 1929.
90. Trigger, B.G. A History of Archaeological Thought. Cambridge, 2006.
91. Fewster, D. Visions of Past Glory: Nationalism and the Construction of Early Finnish History. Helsinki, 2006. (Studia Fennica Historica. 11)
92. Salo, U. Ihmisen jäljet Satakunnan maisemassa: kulttuurimaiseman vuosituhannet. Helsinki, 2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia. 677)
93. Saarikivi, J. & Lavento, M. Linguistics and Archaeology: a Critical View of an Interdisciplinary Approach with Reference to the Prehistory of Northern Scandinavia // Damm, C. & Saarikivi, J. (eds.) Networks, Interaction and Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond. Helsinki, 2012. (Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. 265)
94. Meinander, C.F. Asbestikeramiikka – suomalainen keksintö // Mineraalirakentaja. № 1. Helsinki, 1959.
95. Герасимов Д.В. Динамика каменных индустрий мезолита – неолита Карельского перешейка: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.
96. Gimbutas, M. The Prehistory of Eastern Europe 1. Cambridge, 1956.
97. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
98. Herva, V.-P. & Nordqvist, K. Savi ja saven käyttö neoliittisessa maailmassa: tekemisen ja kokemisen näkökulma // Niinimäki, S., Salmi, A.-K., Kuusela, J.-M. & Okkonen, J. (eds.) Stones, Bones and Thoughts: Festschrift in Honour of Milton Núñez. Oulu, 2012.
99. Herva, V.-P., Nordqvist, K., Ikäheimo, J. & Lahelma, A. Material Engagements, Cultivation of Perception and the Emergence of the Neolithic World // Norwegian Archaeological Review. 47 (2). Oslo, 2014.
100. Jordan, P. & Zvelebil, M. Ex Oriente Lux: The Prehistory of Hunter-Gatherer Ceramic Dispersals // Jordan, P. & Zvelebil, M. (eds.) Ceramics before Farming: The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek, 2011.
101. Hayden, B. The Emergence of Prestige Technologies and Pottery // Barnett, W. & Hoopes, J. (eds.) The Emergence of Pottery. Washington DC, 1995.
102. Gheorghiu, D. The Emergence of Pottery // Jones, A. (ed.) Prehistoric Europe: Theory and Practice. Chichester, 2008.
103. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 3. СПб., 2013.
104. Thomas, J. Rethinking the Neolithic. Cambridge, 1991.
105. Verhoeven, M. Beyond Boundaries: Nature, Culture and a Holistic Approach to Domestication in Levant // Journal of World Prehistory. 18 (3). New York, 2004.
106. Watkins, T. New Light on Neolithic Revolution in South-West Asia // Antiquity. 84 (325). Cambridge, 2010.
107. Ikäheimo, J. Suomenkivikautisten luonnonkuperilöytöjen metallin alkuperästä // Muinaistutkija. Helsinki, 2014. № 2.

Университет г. Оулу,
Оулу, Финляндия

K. Nordqvist

NEOLITHIC POTTERY IN FINLAND: TERMINOLOGY, CHRONOLOGY AND DISTRIBUTION

Summary

This paper discusses the terminology, chronology and distribution of Neolithic pottery types encountered in Finland, as well as their counterparts in North-West Russia. The studied period spans from the later 6th until the early 2nd millennium calBC, i.e. covers the Neolithic as it is defined in Finnish periodization. Due to the limited space detailed descriptions of pottery types or discussions of their origins, as well as of their cultural history are not included. The presentation of pottery types and chronology is followed by a few remarks about certain central problems currently presented in research and typologies of Neolithic pottery in Finland. These issues include: 1) the limits of typologies, as well as the lack of the basic material for researches, and the consequent in compatibility between the traditional typologies and the actual archaeological material; 2) the problem of datings and the frailty of current absolute chronology; 3) the history-derived, pottery-dominated view of the Neolithic period, and its general narrowness, and 4) the differences in research traditions and information blocks on the both sides of the Finno-Russian border, which hamper the holistic study of prehistoric phenomena in North-East Europe. The presented problems point towards the necessity of further studies, and the importance of developing stronger dialogue between scholars across the border.

*University of Oulu,
P.O. Box 1000,
90014 Oulun yliopisto,
Finland*

E-mail: kerkko.nordqvist@gmail.com

**К.М. Андреев, Н.С. Березина, А.Ю. Березин,
А.А. Выборнов, А.И. Королёв, В.В. Сидоров**

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ УТЮЖ I (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2011–2012 ГОДОВ)

С 2006 г. на территории Среднего Посурья ежегодно проводятся археологические исследования совместной экспедицией, объединяющей археологов Чебоксар, Самары, Пензы, Москвы, Ульяновска. В ходе этих работ выявлен и исследован ряд памятников каменного века. Среди них особый интерес представляют стоянки с материалами, имеющими сходство по ряду признаков с раннеолитическими комплексами елшанской культуры [1; 2; 3; 4; 5]. Наиболее представительные раннеолитические коллекции получены на стоянках Вьюново озеро I и Утюж I, где исследованы котлованы жилищ, обнаружены развалы сосудов и отдельные фрагменты керамики.

Стоянка Утюж I расположена в Алатырском районе в 8 км юго-юго-восточнее г. Алатыря Чувашской Республики на мысу второй надпойменной террасы р. Суры, образовавшемся при впадении в неё (старое русло) р. Бездны (рис. 1). В настоящее время по старице протекает небольшая речка Утюж, впадающая в Суру. Поселение приурочено к пологому возвышению на краю террасы, приподнятому над урезом реки Утюж примерно на 5,5 м. За полевые сезоны 2011–2012 гг. на памятнике исследовано 240 кв. м.

Следует отметить, что памятник является многослойным. На нём, помимо раннеолитического комплекса, представлены керамические материалы, относящиеся к Средневековой, льяловской, хвалынской, волосовской и другим культурам, а также собрана выразительная коллекция изделий из кремня. В связи с активной хозяйственной деятельностью на территории памятника во все эпохи часть материалов находится в переотложенном состоянии. С данным обстоятельством связана невозможность разделения кремнёвой коллекции с памятника на культурно-хронологические группы. Учитывая обозначенные ограничения, в статье будет представлена лишь раннеолитическая керамическая коллекция, которая типологически и технико-технологически легко отличается от материалов других периодов. Также будет описано жилое сооружение, которое с высокой долей вероятности может быть связано с раннеолитическим периодом существования поселения.

К раннеолитическому керамическому комплексу стоянки Утюж I можно отнести около 120 черепков (34 фрагмента венчиков, 8 фрагментов днищ и около 80 фрагментов стенок) и более 40 фрагментов, обнаруженных в развале одного сосуда. По технологическим особенностям венчиков и стенок выделяются 22 сосуда, причём четыре из них – на основании специфической формы и характера обработки стенок. Фрагменты пяти сосудов позволяют достаточно полно реконструировать их форму.

Керамика раннеолитического времени планиграфически тяготеет к западной части раскопа, где наблюдается её основная концентрация (рис. 2). Однако за линией квадратов 60–64, расположенных на склоне древнего берега реки, она практически отсутствует. Таким образом, можно отметить расположение раннеолитического поселения и зоны хозяйственной активности его обитателей в точке наибольшего подъёма рельефа местности над урезом воды в реке, на самом краю древнего берега. При этом отдельные фрагменты сосудов обнаружены на значительном удалении от мест основного залегания, что связано с частичной переотложенностью материала вследствие неоднократного заселения памятника в неолите – энеолите. Глубину залегания раннеолитических фрагментов маркируют черепки, имеющие площадь поверхности более 10 кв. см, которые в меньшей степени подвержены механическому перемещению, их основная концентрация прослеживается ниже -90 см от условного нуля.

В квадратах 53–54 и 46–47 (рис. 2) на глубине около -110 см стали отчётливо проступать очертания жилищного котлована, который может быть связан с раннеолитическим временем функционирования поселения. Жилище имеет подпрямоугольную форму (3,2 м в длину и 2,6 м в ширину). Зафиксировано углубление в материке на 0,1–0,2 м. Вход расположен с южной стороны и обозначается небольшим коридорообразным тамбуром (шириной около 1,0 м), ориентированным вдоль края террасы. Постройка, по всей видимости, являлась наземной конструкцией, однако какой-либо чёткой системы в расположении столбо-

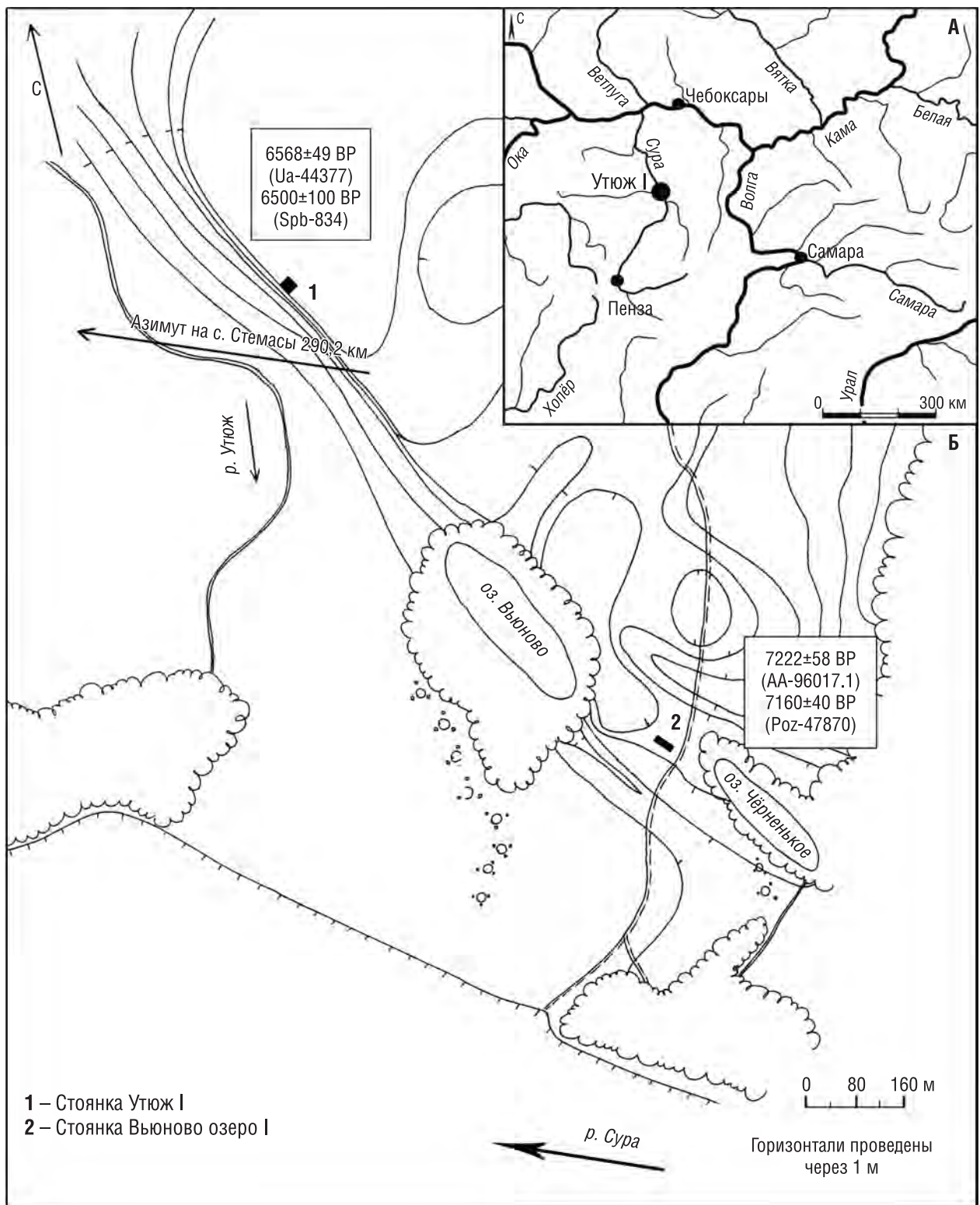

Рис. 1. Стоянка Утюж I. Местоположение памятника (А) и ситуационный план (Б)

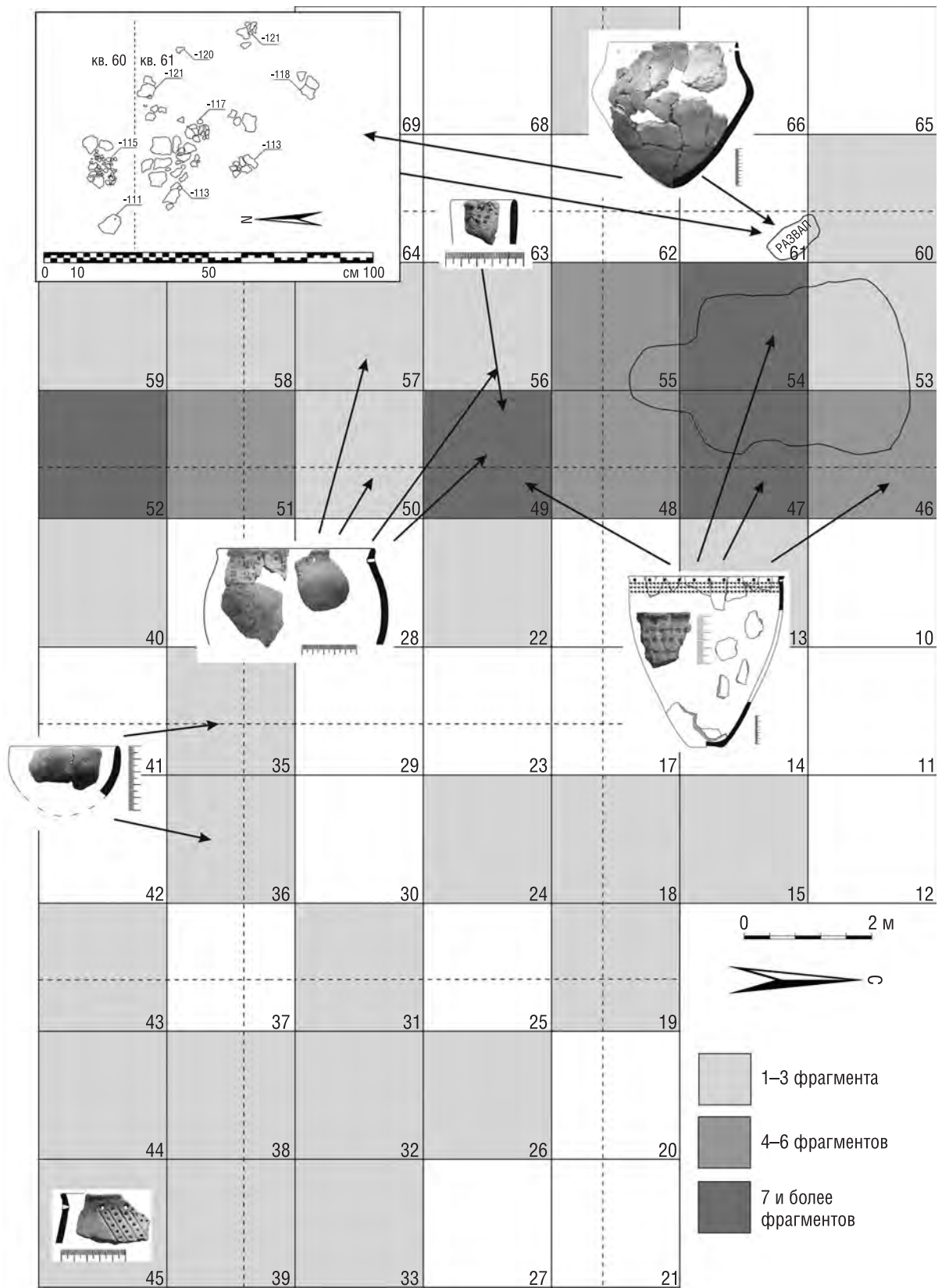

Рис. 2. Стоянка Утуж I. Планиграфическое распределение раннеолитической керамики

вых ям жилища проследить не удалось. Возможно, жилище имело большие размеры, однако в связи с перетолженностью вышележащих слоёв его очертания в них не улавливаются. К западному краю жилищного котлована примыкает небольшое углубление овальной формы, в котором обнаружен развал раннеолитического сосуда (рис. 2; 4: 1). А непосредственно в заполнении жилища найдены лежавшие в горизонтальном положении фрагменты плосковогнутого дна сосуда (рис. 3: 1). Необходимо отметить, что данное жилище отличается от ранее обнаруженного на памятнике жилища с накольчатой керамикой, которое имеет большие размеры и значительно углублённую в материк конструкцию [6, с. 14; 7, с. 43–46, рис. 3–5].

Согласно технико-технологическому анализу, проведённому И.Н. Васильевой, раннеолитическая керамика обладает рядом общих характеристик. Черепки – плотные, внутренние поверхности светло-коричневого цвета, внешние – коричневые и серо-коричневые. Внешняя поверхность фрагментов подвергалась сплошному уплотнению-лощению без блеска. Возможно, предварительно она заглаживалась шкуркой, от которой остались немногочисленные отпечатки волосков. Внутренние поверхности – шероховатые, трещиноватые, имеют небольшие участки статических отпечатков шкуры. Прослежены признаки лоскутного налёпа, который осуществлялся, по-видимому, с помощью формы-модели. Сосуды изготовлены из слабозапасоченного ожелезнённого пластичного сырья, содержавшего единичные, очень мелкие включения полуразложившихся растительных тканей (детрита). Вероятно введение органического раствора. Кроме того, микроскопическое изучение черепков выявило значительное количество плотных округлых и уплощённых комочков глины серого и коричневого цветов размерами менее 3 мм. Некоторые из них содержат мелкие железистые включения. В настоящее время затруднительно чётко идентифицировать обнаруженную смесь: комочки могут быть естественными включениями сырья, с другой стороны, они обнаруживают некоторое сходство с шамотом – сухой (или слегка обожжённой) глиной, которая дробилась и добавлялась в формовочные массы как искусственная примесь. В целом данный вид исходного пластичного сырья требует дополнительного исследования.

Размеры сосудов сравнительно невелики. Они представлены баночной или яйцевидной формами, также выявлены небольшие округлодонные чаши. Удалось восстановить диаметр горла пяти сосудов, он равен 25, 17, 16, 8 и 3,5 см. Сосуды – прямостенные или профилированные. Срезы венчиков уплощённые, приотрённые и округлые, иногда слегка приплюснутые. Толщина стенок колеблется от 0,4 до 1,1 см, в основном – 0,5–0,7 см. На памятнике обнаружены фрагменты трёх дниц, которые можно отнести к раннеолитическому комплексу. Одно, почти полностью реконструированное, – плосковогнутое диаметром 6 см (рис. 3: 1); ещё одно, сильно фрагментированное, – конусовидное (рис. 3: 19), третье, также конусовидное, относится к развалу сосуда (рис. 4: 1).

Среди раннеолитической керамики интерес представляет реконструированный сосуд (рис. 3: 1). Он имеет баночную форму, высоту примерно 30 см, широкое горло ($D \approx 25$ см) и небольшое плосковогнутое дно ($D \approx 6$ см). Внешняя и внутренняя поверхности заглажены, внешняя – местами до лощения. Толщина стенок варьирует в пределах 0,7–0,8 см. Венчик – прямой с уплощённым, слегка «приплюснутым» срезом, в результате чего на внешней стороне образуется небольшой «карнизик». Под срезом венчика с внешней стороны нанесён ряд округлых вдавлений, образующих на внутренней поверхности «жемчужины». Под рядом ямчатых вдавлений нанесены треугольные наколы, образующие три горизонтальные линии. Основная концентрация фрагментов данного сосуда связана с юго-восточным углом вышеуказанного жилищного котлована.

В этом же секторе обнаружены два фрагмента стенок одного сосуда (толщиной 0,7 см) с накольчатой орнаментацией, выполненной в отступающей манере (рис. 3: 4–5). Наколы образуют как минимум две строки из трёх горизонтальных рядов, нанесённых подпрямоугольным или треугольным (?) орнаментом. Согласно мнению И.Н. Васильевой, проводившей технологический анализ коллекции, по примесям в тесте эти два фрагмента отличаются от вышеописанного сосуда с накольчатым орнаментом. К раннеолитическим материалам памятника можно отнести ещё один орнаментированный фрагмент стенки сосуда толщиной 0,7 см (рис. 3: 14). Орнамент представлен двумя горизонтальными рядами насечек, ориентированных по диагонали.

На западном краю жилищного котлована в небольшом подовальном углублении обнаружен развал сосуда (рис. 4: 1). Реконструированный сосуд имеет прямую горловину и S-видно расширяющиеся примерно к одной трети тулова плечики. Переход плечиков в нижнюю постепенно сужающуюся часть тулова чётко выделен ребром, что придаёт сосуду эффект биконичности. Внутренний контур имеет выраженный изгиб, а венчик слегка отогнут наружу. Срез венчика – овальный, местами край сосуда чуть заужен сверху. Толщина стенок варьирует в пределах 0,7–1,0 см. У данного сосуда сохранилось конусовидное днище. Размеры сосуда: диаметр горла – 17 см, наибольший диаметр тулова – 21 см, высота – около 20 см. Под срезом венчика нанесён горизонтальный ряд сквозных округлых отверстий диаметром около 0,4 см. У сосуда – неплотный черепок, светло-коричневый цвет внутренней поверхности и пятнистый серо-коричневый – внешней.

Достаточно полно (без нижней половины) реконструирован сосуд S-видного очертания, венчик слегка отогнут наружу, срез – округлый, местами уплощён наружу, край – заужен (рис. 4: 2). Размеры сосуда: диаметр горла – 16 см, наибольший диаметр тулова – 18 см, толщина стенок варьирует в пределах 0,5–0,7 см. Под срезом венчика расположен горизонтальный поясок ямок, нанесённых снаружи. При этом «жемчужины» на внутренней стороне большей частью стёрты, вследствие чего ямки – сквозные, однако по периметру некоторых из них на внутренней поверхности заметны наплывы. Также реконструируются небольшая неорнаментированная чаша открытой формы с венчиком с округлым срезом ($D \approx 8$ см), представленная че-

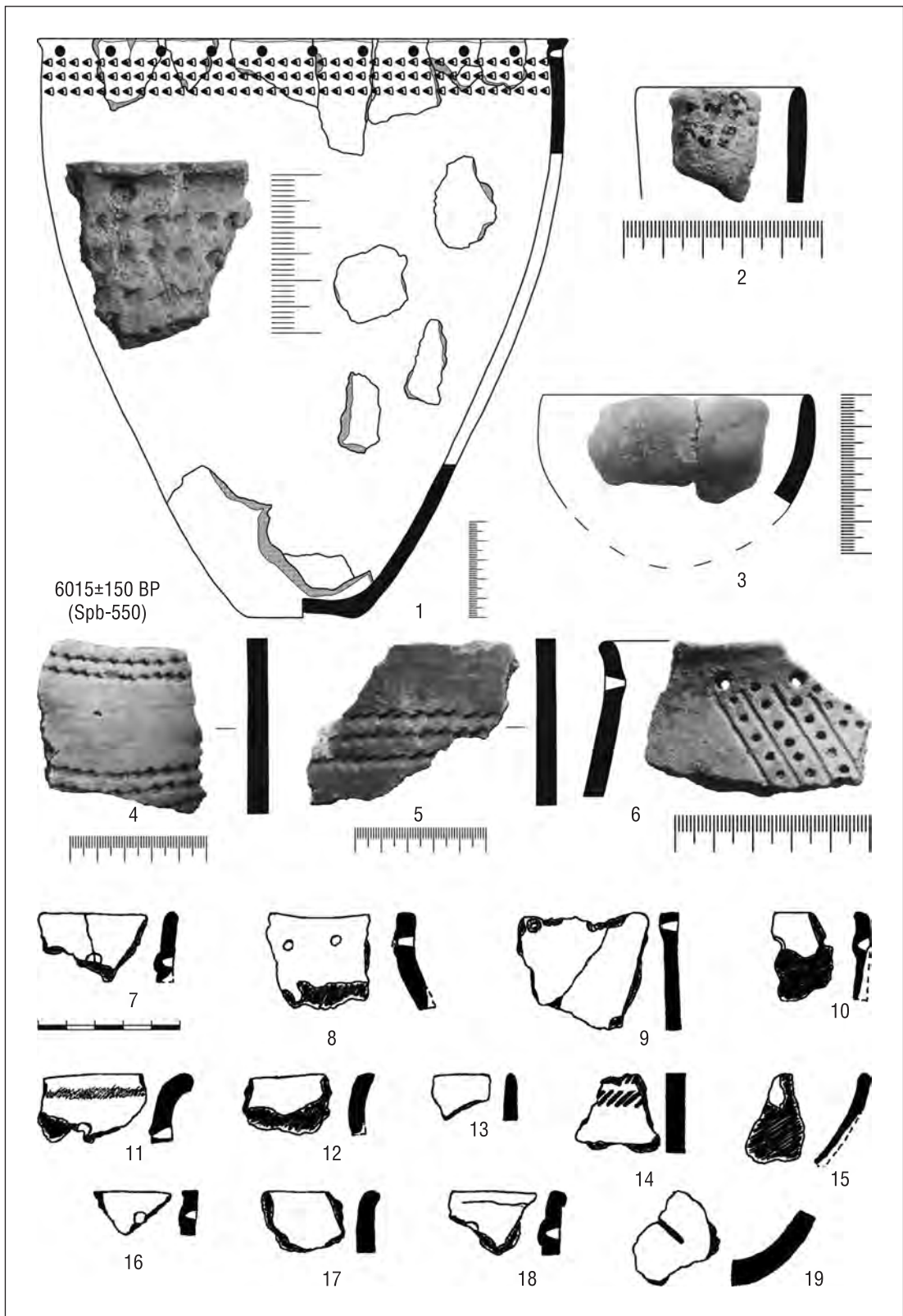

Рис. 3. Стоянка Утюж I. Раннеолитическая керамика

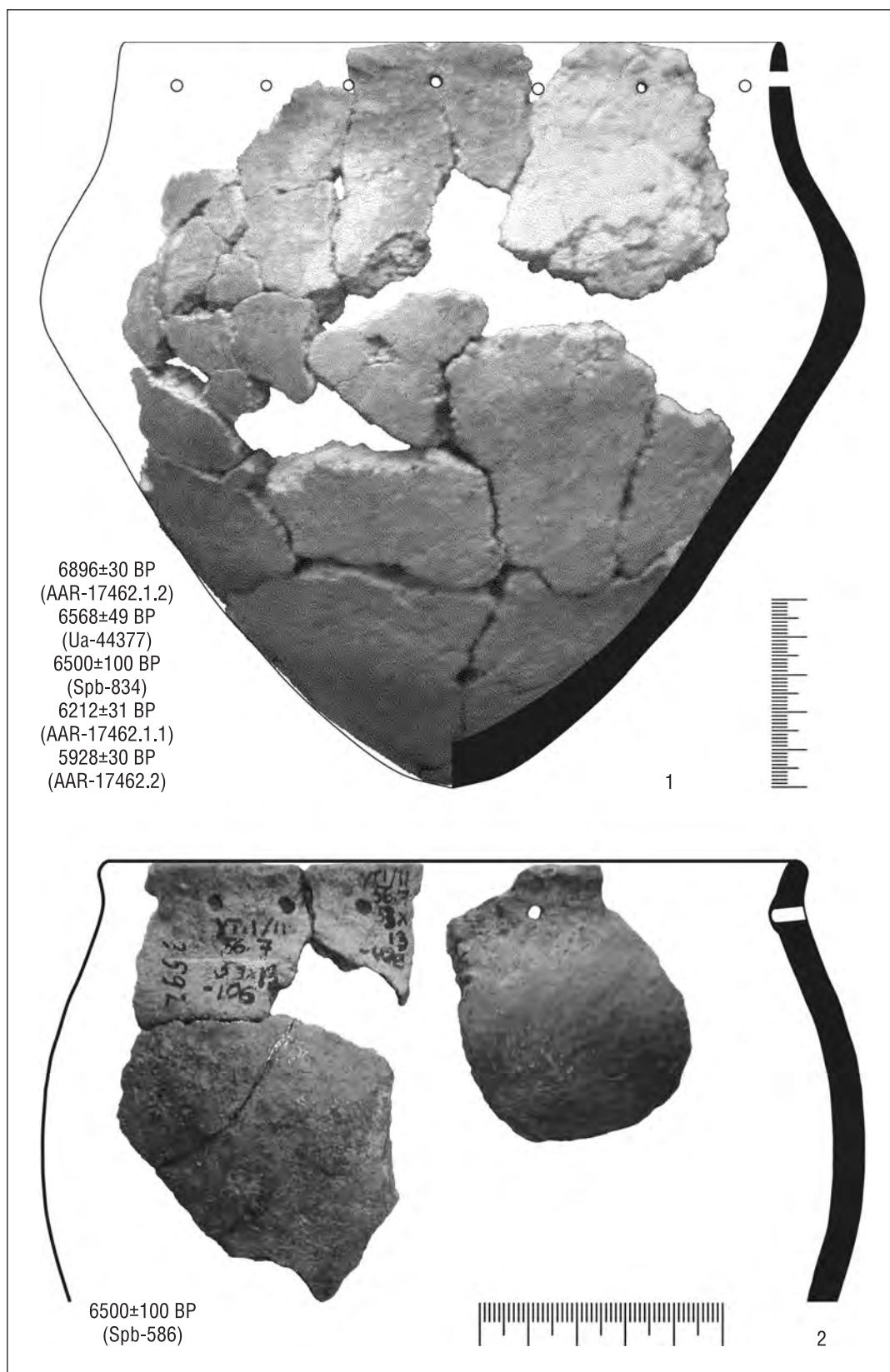

Рис. 4. Стоянка Утюж I. Раннеолитическая керамика

тырьмя фрагментами толщиной 0,5–0,6 см (рис. 3: 3), и миниатюрный сосудик ($D \approx 3,5$ см), представленный двумя фрагментами прямого венчика с округлым срезом, толщиной 0,4–0,5 см (рис. 3: 2).

Остальные сосуды не поддаются реконструкции, от них сохранились фрагменты венчиков или стенок. На семи из них снаружи нанесён поясок ямок, на четырёх он отсутствует. Три венчика профилированы, один – с округлым срезом и пояском ямок под ним (рис. 3: 11), два других – с уплощёнными срезами с пояском ямок (рис. 3: 8) и без него (рис. 3: 12). Ещё четыре венчика с пояском ямок имеют прямую форму с округлым (рис. 3: 7, 10), иногда немного приплюснутым, образующим на одном из них своеобразный «карнизик» (рис. 3: 18), или уплощённым (рис. 3: 16) срезом. Один неорнаментированный венчик происходит от небольшой открытой тонкостенной чаши с округлым срезом (рис. 3: 15). Ещё два – прямой формы с округлым (рис. 3: 13) и слегка отогнутым (рис. 3: 17) срезом.

Особый интерес представляет венчик с достаточно сложным орнаментом (рис. 3: 6). Планиграфически этот фрагмент находится на некотором удалении от места основного залегания раннеолитических материалов (рис. 2), а также несколько отличается от них технологически – более пластичным тестом. Внутренняя поверхность заглажена, внешняя подлощена, толщина фрагмента колеблется в пределах 0,5–0,6 см. Венчик плавнопрофилирован, с округлым срезом. Под срезом венчика с внешней стороны нанесён ряд ямок. Орнамент представлен четырьмя диагональными прочерченными линиями (шириной 1–2 мм) с точечным заполнением пространства между ними (точки – округлой формы, диаметр – 2 мм) и как минимум тремя горизонтальными рядами округлых наковов, расположенных справа от них, возможно образующими мотив висячего треугольника. По элементам и мотиву орнамента – полоски с точечным заполнением, образованные прочерченными линиями, – данный фрагмент обнаруживает сходство с рядом сосудов елшанской культуры, выявленных на стоянках Троицкое [8, рис. 7: 1], Нижняя Орлянка II [9, рис. 15: 5], Чекалино IV [10, рис. 11: 1]. Но ещё большее сходство он проявляет при сравнении с материалами юго-западных территорий, в частности сурской культуры: Стрильча Скеля, Семеновка, Игрень-городок [11, рис. 5: 8, 15, рис. 10: 1, рис. 81, рис. 83: 3; 12, рис. 6: 5–7]. Для них при выполнении аналогичных мотивов орнамента характерно нанесение достаточно толстых прочерченных линий и крупных округлых вдавлений, в то время как для елшанской культуры более характерны тонкие прочерченные линии и мелкие тычковые наковы. Данное обстоятельство, по всей видимости, отражает процесс проникновения небольших групп населения юго-западного происхождения в регионы, расположенные севернее и северо-восточнее их традиционного ареала.

Раннеолитическая керамическая коллекция стоянки Утюж I, полученная при раскопках 2011–2012 гг., выглядит более архаичной по сравнению с выявленной на памятнике ранее накольчатой керамикой [6, с. 14–15, рис. 2–3; 7, с. 50, рис. 7–9]. Архаизм проявляется в господстве неорнаментированной или украшенной лишь поясками ямок посуды и присутствии единичных фрагментов, орнаментированных наковами, которые образуют простейшие геометрические мотивы.

Раннеолитическая керамика со стоянки Утюж I обнаруживает широкий круг аналогов среди материалов различных раннеолитических культур, но наибольшее сходство она проявляет с керамикой елшанской культуры. Близость наблюдается как на уровне самых общих признаков: плотная фактура черепка, заглаженность и залощённость поверхностей, состав формовочной массы, так и на уровне более сложных признаков: форма сосудов, венчиков и их срезов, днищ, элементы и мотивы орнамента.

По нескольким из представленных сосудов получены радиоуглеродные определения (табл.). Крайние значения дают разброс около 1000 лет. Наиболее приемлемой является группа дат сер. VI тыс. до н.э. (табл.,

Радиоуглеродные даты стоянки Утюж I

№	Лабораторный индекс	Возраст (BP)	Возраст (calBC)*	Материал	Сосуд
1	AAR-17462.1.2	6896±30	1σ 5805–5730 2σ 5850–5710	Гуминовая фракция	Рис. 4: 1
2	Ua-44377	6568±49	1σ 5555–5480 2σ 5620–5470	Нагар	Рис. 4: 1
3	Spb-834	6500±100	1σ 5550–5360 2σ 5640–5290	Керамика	Рис. 4: 1
4	AAR-17462.1.1	6212±31	1σ 5230–5200 5170–5070 2σ 5300–5050	Нагар	Рис. 4: 1
5	AAR-17462.2	5928±30	1σ 4840–4730 2σ 4900–4860 4850–4720	Керамика	Рис. 4: 1
6	Spb-586	6500±100	1σ 5550–5360 2σ 5640–5290	Керамика	Рис. 4: 2
7	Spb-550	6015±150	1σ 5080–4720 2σ 5300–4550	Керамика	Рис. 3: 1

* В работе использованы калиброванные значения, полученные при помощи программы OxCal v3.1.

№№ 2–3, 6). К ней относятся две даты, полученные в лабораториях РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) по керамике (Spb-834 6500±100 ВР) и г. Упсалы по нагару на сосуде из развала (рис. 4: 1) (Ua-44377 6568±49 ВР), а также дата лаборатории РГПУ по фрагменту ещё одного сосуда (рис. 4: 2) (Spb-586 6500±100 ВР). По всей видимости, данные значения свидетельствуют о существовании елшанской культурной традиции в Среднем Посурье до сер. – 3-й четв. VI тыс. до н.э. Они хорошо согласуются с датировками поздних елшанских комплексов Самарского и Ульяновского Поволжья [13].

Отдельного внимания заслуживает дата, полученная в лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена по фрагментам плоскодонного сосуда, орнаментированного наколами (рис. 3: 1) (Spb-550 6015±150 ВР). Данное значение почти на 500 лет моложе основного массива датировок. В то же время фрагменты этого сосуда выявлены стратиграфически и планиграфически в аналогичных условиях, что и черепки сосудов, по которым получены даты сер. VI тыс. до н.э. Они происходят из заполнения жилищного котлована, в контекстуальной связи с которым находится развал сосуда биконических очертаний (рис. 2; 4: 1). Необходимо отметить, что на некоторых поздних елшанских памятниках Самарского Поволжья, в частности на стоянке Красный Городок, наряду с неорнаментированной посудой и посудой, украшенной лишь ямками и прочерченными линиями, выявлены единичные сосуды, орнаментированные разреженными наколами [14, рис. 4: 3]. В то же время даты, полученные по фрагментам одного сосуда со стоянки Утюж I и в одной лаборатории, дают значительный разброс, достигающий тысячелетия (табл., №№ 1, 4–5), что приводит к необходимости их неоднократной перепроверки. Обозначенные обстоятельства позволяют рассматривать данный сосуд в рамках елшанского комплекса памятника и, видимо, свидетельствуют о некорректности полученного радиоуглеродного определения.

Подводя итог, стоит отметить, что по материалам памятника Вьюново озеро I [5], расположенного в непосредственной близости от стоянки Утюж I, получена серия дат (AA-96017 7222±58 ВР, Poz-47870 7160±40 ВР), относящаяся к кон. VII тыс. до н.э. (рис. 2). По всей видимости, материалы данного памятника маркируют начало проникновения елшанского населения в Среднее Посурье, в то время как комплекс стоянки Утюж I свидетельствует о его бытовании в регионе до сер. – 3-й четв. VI тыс. до н.э. В то же время в технологии изготовления сосудов стоянок Вьюново озеро I и Утюж I наблюдаются преемственность и некоторые различия. Они указывают на определённые процессы смешения с инокультурными группами неолитического населения, происходившие в регионе.¹

¹ Работа выполнена в том числе в рамках проекта 33.1195.2014/к госзадания Министерства образования и науки РФ (А.А. Выборнов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
2. *Березина Н.С.* Ранний неолит Чувашского Поволжья // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. Казань, 2010.
3. *Березина Н.С.* Ранний неолит Чувашского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
4. *Березина Н.С.* Каменный век Чувашского Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.
5. Ранненеолитическая стоянка Вьюново озеро I в Среднем Посурье / *Н.С. Березина, А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий, А.Ю. Березин* // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
6. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре / *Н.С. Березина, А.В. Вискалин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий* // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара, 2007.
7. Исследования многослойного поселения Утюж I на Суре / *А.В. Вискалин, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий, А.В. Коноваленко* // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Кн. 2. Чебоксары, 2009.
8. *Ластовский А.А.* Неолитическая стоянка Троицкое // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
9. *Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е.* Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
10. *Мамонов А.Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
11. *Котова Н.С.* Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
12. *Телегин Д.Я., Константинову Л.Ф.* Многослойное поселение на Стрильчей Скеле эпохи неолита – энеолита в Днепропетровском Надпорожье // СА. 1992. № 1.
13. *Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А.* Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14. № 3. Самара, 2012.
14. *Кузьмина О.В., Ластовский А.А.* Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.

**К.М. Андреев, А.А. Выборнов, А.И. Королёв – Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия,
Самара,
Н.С. Березина, А.Ю. Березин – Чувашский государственный
институт гуманитарных наук,
Чебоксары,
В.В. Сидоров – Институт археологии РАН,
Москва**

K.M. Andreev, N.S. Berezina, A.Yu. Berezin, A.A. Vybornov, A.I. Korolyev, V.V. Sidorov

**THE EARLY NEOLITHIC CERAMICS COMPLEX SITE UTYZH I
(BASED ON EXCAVATIONS OF THE 2011–2012)**

Summary

The article describes the Early Neolithic pottery complex and residential construction in the site Utyzh I identified during the excavations of 2011–2012. These materials exhibit the highest similarity with complexes of Elshanskaya culture. It also provides a series of radiocarbon dates obtained at the Early Neolithic materials site.

*K.M. Andreev, A.A. Vybornov, A.I. Korolyev
The Volga Region State Academy of Social Sciences and Humanities,
65/67, Gorky St., Samara, 443099,
Russia
E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru
E-mail: vibornov_kin@mail.ru
E-mail: arkorolev@gmail.com*

*N.S. Berezina, A.Yu. Berezin
Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences,
Building 1, 29, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428017,
The Chuvash Republic,
The Russian Federation
E-mail: berezina2011@gmail.com
E-mail: terra3@cbx.ru*

*V.V. Sidorov
Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: gav-lupus@rambler.ru*

Т.А. Хорошун

ОБ ИЗУЧЕНИИ ОРНАМЕНТА НА РОМБОЯМОЧНОЙ КЕРАМИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА)

Изучение керамики и её орнаментации вносит существенный вклад в комплексное исследование археологических древностей каменного века. На территории Карелии керамика зачастую является основным источником информации об этом времени. Разработка методики её изучения остаётся актуальной и в свете новых изысканий. Помимо морфопризнаков глиняной посуды и технологии изготовления, особое внимание уделяется её орнаментации. При изучении орнамента исследователи чаще всего выделяют элементы орнамента, которые характеризуют типы керамики. Именно орнаментация является одним из важных и/или основных культуроопределяющих признаков.

По структуре орнамента ромбоямочная керамика типологически близка к глиняной посуде с ямочно-гребенчатой системой орнаментации. На территории Карелии эта керамика встречена почти на 300 памятниках [1, с. 74–75, рис. 1], которые в основном содержат смешанные комплексы. Относительно «чистые» материалы выделены условно на незначительно исследованной площади.

Целью данной работы является характеристика орнамента ромбоямочной керамики с памятников западного побережья Онежского озера в сравнении с материалами более поздних комплексов Пегремы I и Пегремы III. Источниками послужили материалы с 24 поселений, опорными из которых являются Соломенное I, Пески IV, Вигаинаволок I и Деревянное I. Общее количество выделенных сосудов составило 1125.

К ромбоямочной керамике отнесены сосуды со стенками толщиной от 0,7 до 1,2 см с узором из круглых, и/или овальных, и/или ромбических ямок. Общие морфоорнаментальные признаки позволили выделить три группы. В первую вошли сосуды, в орнаментации которых преобладают круглые ямки, во вторую – овальные, в третью – ромбические. Для этих групп характерны общие формы венчиков и способы орнаментации.

Известно, что ромбоямочная керамика получила своё название по своеобразной орнаментации из ромбических ямок. Но использование термина «ромбоямочная» для керамики памятников западного побережья Онежского озера не совсем корректно, потому что при анализе материала выяснилось, что к этой категории относится глиняная посуда, орнаментированная ямками различной формы (круглыми, овальными, прямоугольными, иногда треугольными), поэтому термин «ромбоямочная» используется автором этой статьи условно.

Эта керамика довольно однообразна по орнаментальным элементам, но вариабельна по их сочетанию. Основными элементами орнамента являются ямки и оттиски гребенчатого или гладкого штампа, в редких случаях используются рамчатые, полулунные, оттиски как от метаподий, трубчатые вдавления. Отпечатки гребенчатого штампа состоят в основном из 5–7 секций прямоугольной или подовальной формы. Ямки имеют разную форму, иногда с ребристым основанием. Довольно часто овальная ямка являлась результатом техники нанесения круглых ямок под непрямым углом к поверхности с давлением на верхнюю или нижнюю части, что создавало эффект овальных очертаний. Так, и ромбические ямки «читаются» как подовальные, но наибольший процент составляют сосуды, украшенные ромбическими ямками чётких очертаний. На исследуемых памятниках встречаются сосуды, где овальные ямки – неправильной формы, деформированные, но говорить о том, что происходит деградация орнамента, пока преждевременно. Профили ямок во многом схожи: это зауженные основания с расширенной остальной частью. Они – чаще всего овальных очертаний, только чёткие ромбические ямки с более выраженными гранями имеют подтреугольное основание. Также важным характерным признаком этих ямок являются негативы от них, просматриваемые на внутренней поверхности сосудов, что свидетельствует о сохранении единой техники их нанесения. Все элементы нанесены штампованием, и длинные гребенчатые оттиски состоят из нескольких более мелких.

Изучение ромбоямочной керамики на территории Карелии более всего связано с исследовательской деятельностью А.П. Журавлёва [2; 3] и И.Ф. Витенковой [4]. Ранее для изучения орнамента ямочно-гребенчатой керамики предложены круговые развёртки [5; 6]. Этот метод применим и для ромбоямочной керамики, но не всегда – из-за отсутствия целых форм сосудов, позволяющих получить наиболее полное представле-

ние о структуре орнамента. А.П. Журавлёвым предложена периодизация памятников с ромбоямочной керамикой с учётом развития орнаментальной традиции, известных дат С14, расположению «чистых» комплексов и другим важным характеристикам [7]. В итоге им выделены два этапа: ранний – Вигайнаволоцкий и поздний – Пегремский. Насколько орнаментация этих керамических комплексов различна? По материалам памятников позднего неолита – раннего энеолита западного побережья Онежского озера была разработана методика изучения керамики смешанных комплексов, которая по ряду морфо- и орнаментальных признаков позволяет выделить три группы сосудов (круглоямочную, овальноямочную и «ромбическую») [8]. По виду орнамента обозначен простой (ямочный и горизонтально-зональный) и сложный (геометрический).

При изучении орнамента на ромбоямочной керамике мною была предпринята попытка анализа материалов «чистых» комплексов Пегремы I и III для сравнения с материалами памятников западного побережья Онежского озера, и, главным образом, Вигайнаволока I, Деревянного I, Песков IV, Соломенного I. Выяснилось, что средний показатель (диаграмма 1) круглоямочной керамики составляет 12–28 %, наибольшее значение относится к коллекции с Песков IV, наименьшее – с Деревянного I. Овальноямочная керамика представлена в меньшей степени в Песках IV (20 %), на остальных памятниках – в количестве 28–33 %. Керамика, орнаментированная ромбическими ямками, одинаково представлена на Вигайнаволоке I и Песках IV (по 52 %), немного больше – на Деревянном I (55 %) и Соломенном I (58 %). В целом можно говорить об относительно устойчивых показателях, при которых наблюдается последовательное увеличение количества сосудов от круглоямочной к «ромбической» керамике, за исключением второй группы Песков IV, которая уступает первой группе. На пегремских памятниках ситуация несколько меняется. Так, на Пегреме I при доминировании «ромбической» (58 %) керамики овальноямочной (20 %) меньше, чем круглоямочной (22 %), а на Пегреме III керамика второй и третьей групп представлена одинаковым количеством (по 41 %).

Эти данные отражают сложный процесс развития орнаментации ромбоямочной керамики. Предложенная А.П. Журавлёвым периодизация, видимо, сильно обобщена, по основным морфологическим и орнаментально-технологическим признакам керамика исследуемых памятников тождественна.

Обратим внимание на вид орнамента (диаграммы 2–4). При составлении статистических показателей в первой группе нарядно украшенные сосуды встречены в большей степени на Пегреме III и Соломенном I (по 25 %), незначительно их количество на Вигайнаволоке I (2,5 %). Ситуация меняется во второй группе: на Вигайнаволоке I – 11 %, в Песках IV – 20 %. А в третьей группе подобные сосуды отсутствуют на Пегре-

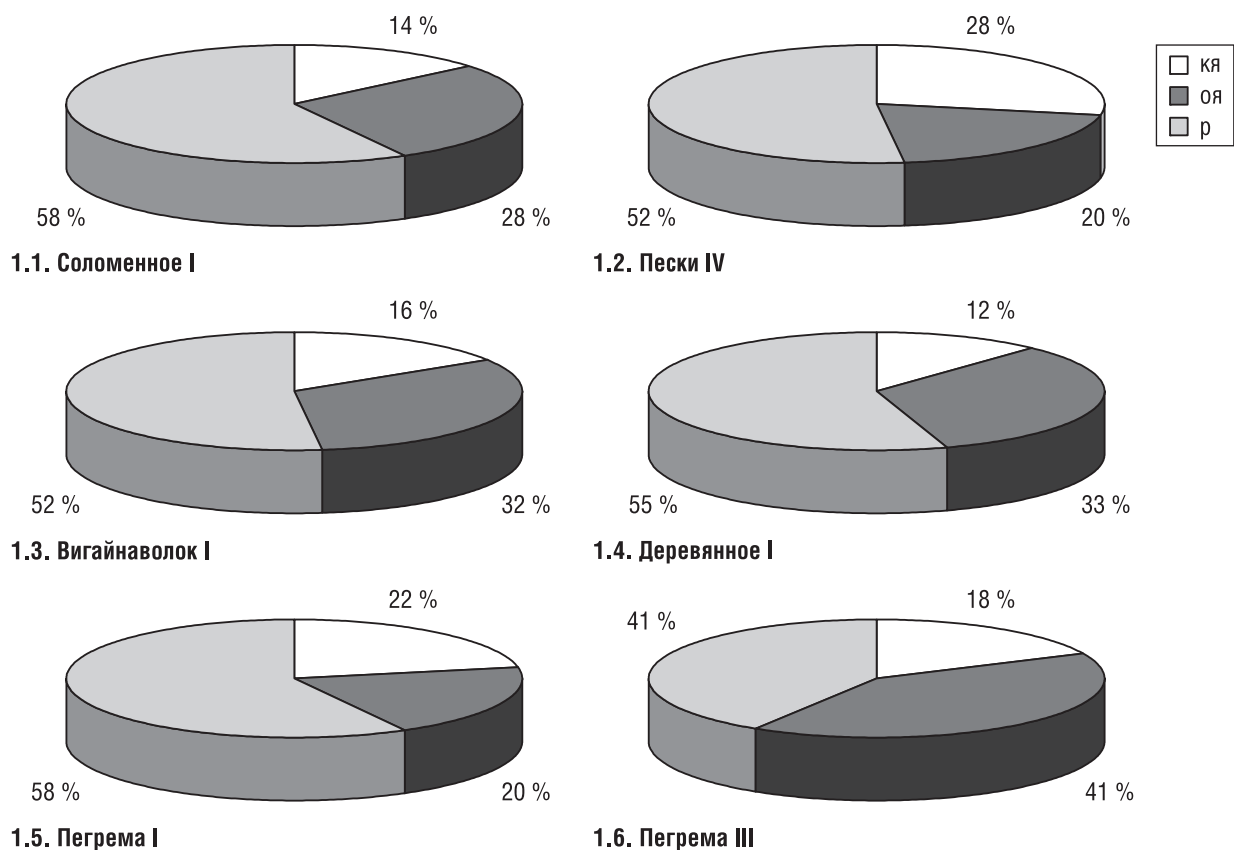

Диаграмма 1. Соотношение (%) керамики по группам (кя – круглоямочная, оя – овальноямочная, р – «ромбическая»)

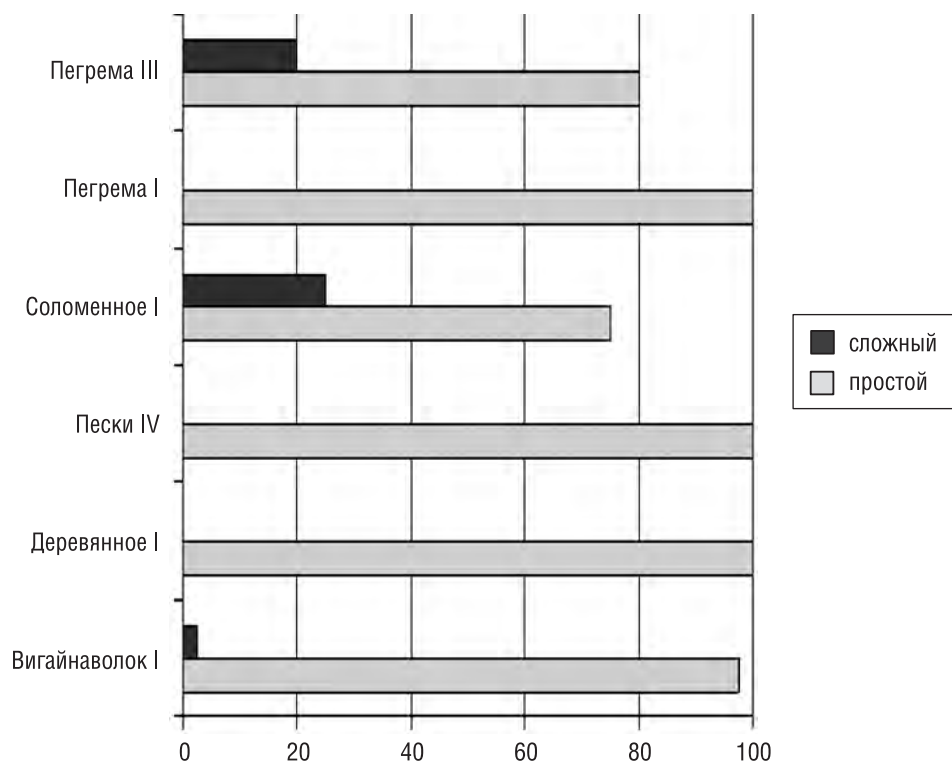

Диаграмма 2. Соотношение (%) круглоямочной керамики по виду орнамента

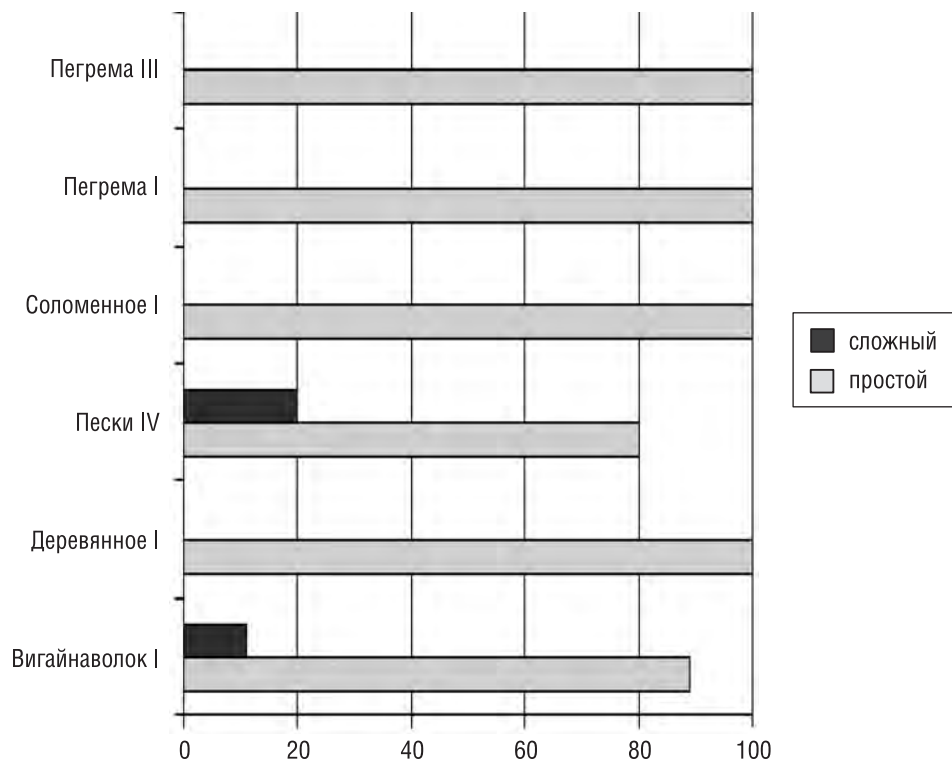

Диаграмма 3. Соотношение (%) овальноямочной керамики по виду орнамента

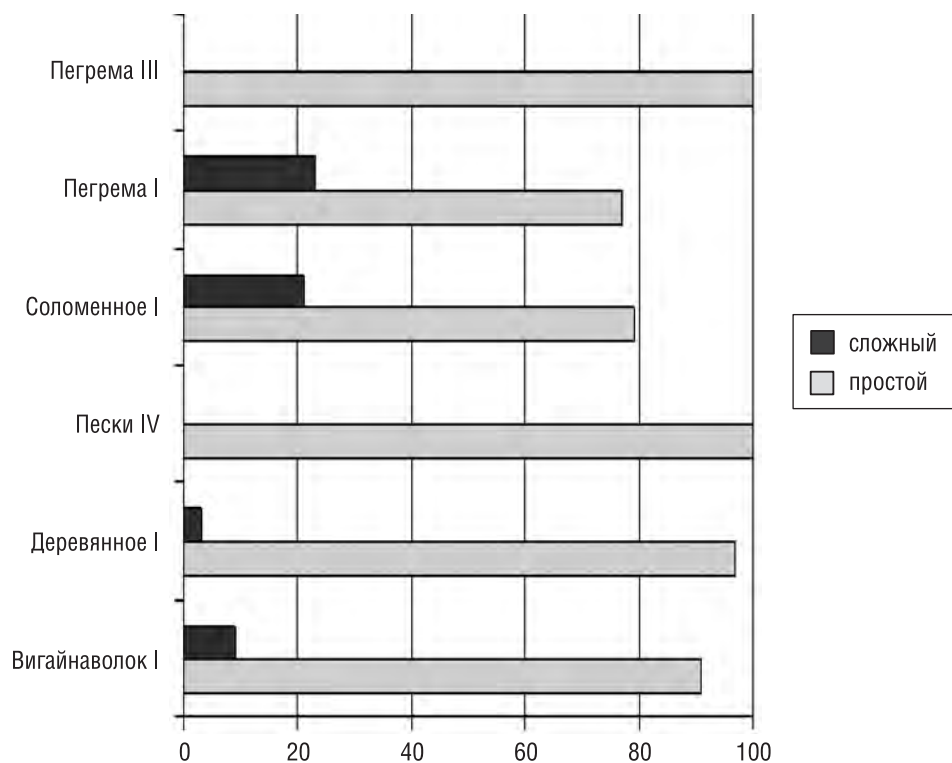

Диаграмма 4. Соотношение (%) «ромбической» керамики по виду орнамента

ме III и Песках IV, на Деревянном I – 3 %, Вигайнаволоке I – 9 %, Соломенном I – 21 %, Пегреме I – 23 %. Общая картина сводится к значительному распространению сосудов с простым орнаментом, который состоит только из ямок или из чередования их с пустыми зонами, но чаще всего – с рядами оттисков гребенчатого или гладкого штампов. Показательно, что на огромном материале Вигайнаволока I в каждой группе отмечены сосуды с геометрическими рисунками, что, вероятно, отражает их использование в особых случаях. И требуются дополнительные надёжно датированные материалы, которые позволят этот вопрос исследовать. Определённо ясно, что этот орнамент использовался в разные хронологические периоды, но достаточно редко.

Чаще всего в коллекциях представлены стенки сосудов, украшенные ямками разной формы. Обилие подобного материала позволяет предположить, что ямочный орнамент наиболее распространён во всех трёх группах керамики. Бордюрная зона оформляется по-разному: рядами ямок, оттисками гребенчатого штампа, чередованием оттисков и ямок. Она может быть и не выделена. Ширина бордюрной зоны различна, её значение в орнаментации довольно устойчиво прослеживается в течение всего периода существования исследуемой керамики. При отсутствии орнамента в верхней части сохранялся отступ порядка 2–5 см, но чаще всего наносился особый узор, который мог повторяться на остальной части сосуда. Ямки расположены не только в шахматном порядке и/или попарно, по диагонали, но и составляли геометрические фигуры в виде треугольников и ромбов. В одном случае встречена стенка сосуда, орнаментированная не вертикальными ромбическими ямками, а горизонтальными. Помимо ямочного, в трёх группах керамики широко используется горизонтально-зональный орнамент, состоящий из чередования зон ямок и оттисков штампов. Зоны переменны и сочетают разное количество рядов косо поставленных оттисков с горизонтальными линиями, выполненными гребенчатым штампом. В каждой группе фиксируется и гребенчатый орнамент, когда «гребёнка» доминирует над ямками. Оттиски нанесены вертикально (чаще всего слева – направо) и горизонтально (полосами).

Геометрические узоры сложного орнамента различны и вариативны, они прослеживаются во всех трёх группах, близки по стилю, едины в технике нанесения. Чаще всего это – фигуры из оттисков гребенчатого штампа в виде зигзагов, открытых и закрытых ромбов, треугольников, «лесенок» и пр. Иногда ямки сопровождаются линиями «гребёнки», образующими треугольники. Из-за отсутствия более-менее полных частей сосудов, информация об этих узорах ограничена.

При сравнении керамических материалов с памятников позднего неолита – раннего энеолита аналогии проводятся не только по формам сосудов и венчиков, но и по орнаментальным мотивам. Так, оформление бордюра рядом ромбических ямок при сплошном ямочном орнаменте во второй группе керамики сближает овальноямочную керамику Вигайнаволока I и Пегремы I. На отмеченных памятниках фиксируется нане-

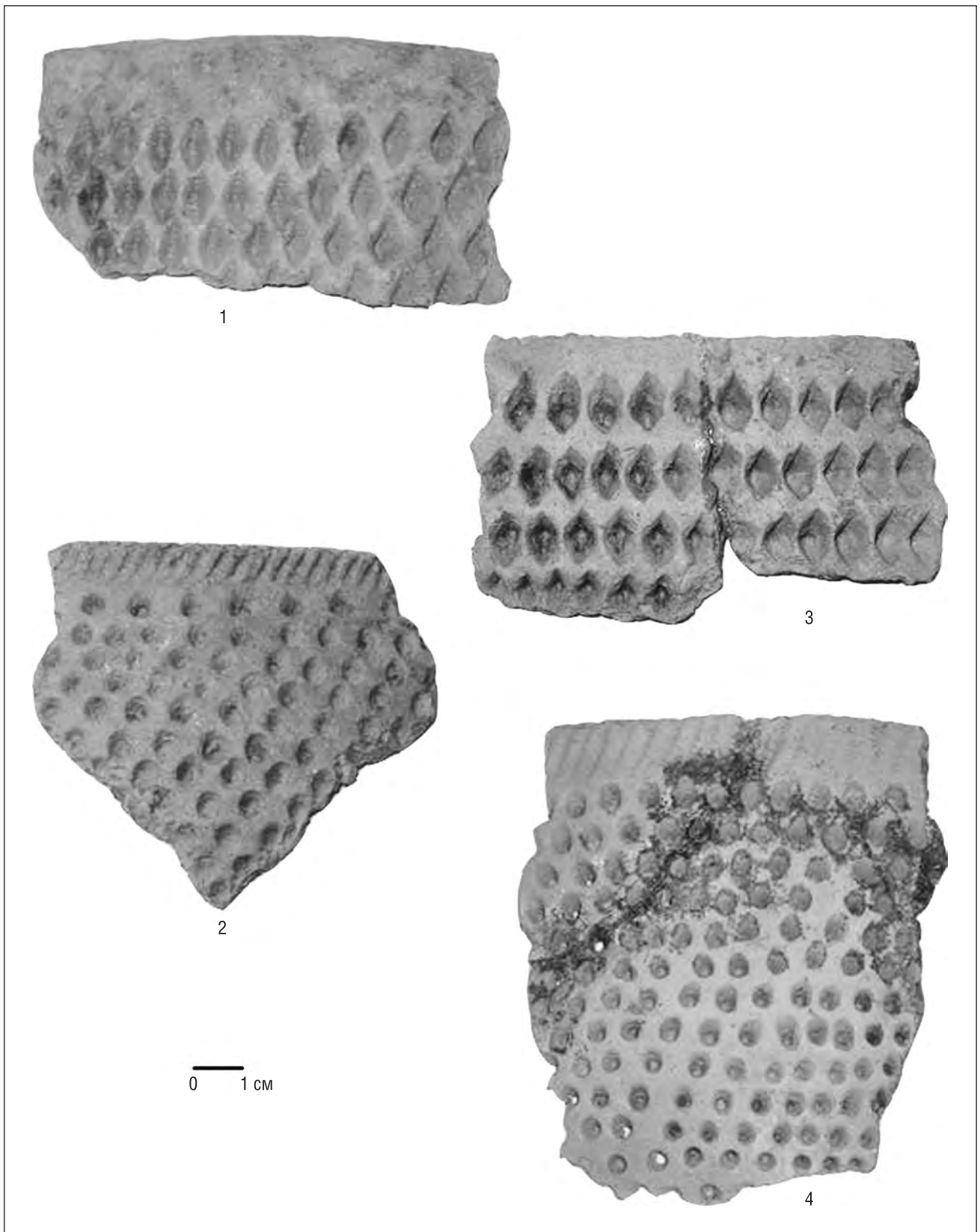

Рис. 1. Ромбоямочная керамика: 1–2 – Вигайнаволок I; 3–4 – Пегрема I

сение горизонтальных линий «гребёнки» техникой штампования на «ромбической» керамике, в том числе на Деревянном I. Близкие мотивы прослеживаются в ямочном орнаменте керамики второй и третьей групп Пегремы I и Вигайнаволока I; примечателен мотив, когда бордюр оформлен линией из неглубоких круглых и крупных подромбической формы ямок. Собственно, овальные и ромбические ямки в профиле схожи, имеют подтреугольную форму, только рабочий край инструмента для нанесения вторых более выразительный, менее сглажен по сравнению с таковым инструментом для нанесения первых. Интересные орнаментальные параллели прослеживаются в овальноямочной керамике Соломенного I, Пегремы III и Вигайнаволока I, в «ромбической» – Пегремы III, Песков IV и Вигайнаволока I.

Следовательно, сохраняется культурная преемственность в орнаментации ромбоямочной керамики раннего (вигайнаволоцкого) и позднего (пегремского) этапов. В структуре орнамента на хронологически разновременных комплексах основными являлись сплошной ямочный и горизонтально-зональный, количественно преобладающие над геометрическими рисунками. Вероятнее всего, они одновременны. Незначительное количество сосудов с геометрическими рисунками при преобладании другого вида орнамента обусловлено, вероятно, их особым назначением. Массовый характер сосудов с простым орнаментом может свидетельствовать об их повседневном использовании. Структура орнамента и техника его нанесения на керамику сохраняются во всех группах и на всех рассмотренных памятниках.

Сравнительно-типологический анализ керамики позволяет выявить некоторые тенденции в оформлении верхнего среза сосудов. Формы венчиков (скошенный внутрь, утолщённый, остроугольный) являются основными, здесь отмечена гофрированность. Она выполнена оттисками гладкого или гребенчатого штампов или пальцевыми зажимами (вдавливании), которыми достигалась максимальная волнистость края. Оттиски же штампов оставляли нечёткую крутую линию, но наносились перпендикулярно срезу в основном с обеих сторон, вероятно, имея декоративный характер. Гофрированность как особый признак, характерна не для всей керамики. Так, она фиксируется на круглоямочной керамике Вигайнаволока I и Пегремы III, отсутствует на овальноямочной на Пегреме I и III, на «ромбической» керамике встречается на всех памятниках примерно одинаково: 14–23 %, кроме Деревянного I (7 %). Вместе с тем на Пегреме III гофрированные венчики на круглоямочной посуде составляют 33 %. Гофрированность может являться хронологическим показателем, но это ещё и особый способ декорирования венчика.

Орнаментация при изучении керамики остаётся важным и определяющим показателем, поэтому её исследование должно быть сопряжено не только с обращением к общей структуре, но и к технологической стороне вопроса. Способы орнаментации поверхности, техника её выполнения сохраняются, что является отражением культурной преемственности, меняется лишь сочетание этих элементов. Последнее может определяться как функциональным назначением сосудов, так и особенностью развития орнаментации в определённые хронологические отрезки.

Анализ материалов памятников западного побережья Онежского озера позволяет выделить основные характерные признаки в орнаментации ромбоямочной керамики. Особое место здесь занимают ямки различной формы в сочетании с ромбическими. Чаще всего используется простой орнамент, в меньшей степени – сложный с геометрическими узорами. Прослеживается единая техника нанесения орнамента – штампование. Распространены гофрированные венчики. По результатам исследования нет достаточных оснований относить керамику Вигайнаволока I к раннему, а Пегремы I, III – к позднему этапам развития ромбоямочной керамики, потому что эти комплексы типологически близки друг к другу (рис. 1). Вопрос о периодизации памятников с ромбоямочной керамикой требует специального исследования с привлечением серии дат С14 и всесторонним изучением этой керамики и технологии её изготовления.

Перспективность дальнейших исследований связана с изучением «чистых» комплексов и исследованием технологии декорирования глиняной посуды, включающей систематизацию орнамента, технику его нанесения и определение особенностей инструментов, которыми он выполнялся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Витенкова И.Ф.* Адаптация населения позднего неолита и энеолита к природным условиям Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009.
2. *Журавлев А.П.* Энеолит Карелии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1977.
3. *Журавлев А.П.* Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.
4. *Витенкова И.Ф.* Энеолит. Ранний период. Культура ромбоямочной керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
5. *Журавлев А.П.* К изучению орнамента на ямочно-гребенчатой керамике Карелии // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966.
6. *Журавлев А.П.* Изучения орнамента ямочно-гребенчатой керамики методом круговых разверток // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 382. Тарту, 1976.
7. *Журавлев А.П.* Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки // КСИА. Вып. 157. 1979.
8. *Хорошун Т.А.* Памятники с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой на западном побережье Онежского озера // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. Материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 года. М., 2011.

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Республика Карелия*

T.A. Khoroshun

**ABOUT STUDYING THE ORNAMENT ON RHOMBPIT CERAMICS
(ON MATERIALS OF MONUMENTS OF LAKE ONEGA WESTERN COAST)**

Summary

The article presents the results of research of ornamentation of rhombpit ceramics in monuments of the western coast of Lake Onega. Three groups of ceramics with basic elements of an ornament, structure, and methods of decoration are introduced. In addition, the rims of a vessel, as well as the ways of its decoration there are considered. Moreover, the comparative analysis of materials from Pegrema I and III is provided, which shows that periodization of monuments with rhombpit ceramics should be revised. Additionally, the term rhombpit ceramics is explained. Finally, the prospects for the future research on an ornamentation of rhombpit ceramics are outlined.

*The Institute of Language, Literature and History,
Karelian Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910,
The Republic of Karelia,
The Russian Federation*

E-mail: tattya@list.ru

С.Н. Скочина

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРУДИЙ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Становление и развитие гончарного производства повлекло за собой применение разнообразных вспомогательных орудий [1]. В материалах памятников Тоболо-Ишимского междуречья (Приишимья и Притобольшья) от неолита до раннего железного века выявлены орудия из кости, галек и фрагментов керамики, применявшиеся в операциях при моделировании сосудов и обработке их поверхности. Наиболее часто встречаемыми являются шпатели, лопаточки-колотушки, ложила, орнаментеры, кроме того, имеются невыразительные обломки, причастность которых к керамическому производству можно определить лишь с помощью трасологического анализа. В данной работе изучены костяные и каменные изделия из археологических коллекций с разновременных памятников. В ходе трасологического анализа под микроскопом рассмотрены костяные шпатели и лопаточки-колотушки (77 экз.) с неолитического поселения Мергень 6 и ложила из галек (57 экз.) из материалов поселений позднего бронзового века Ольховка, Имбиряй 3, Большой Имбиряй 2, 10, Криволукское 7, Щетково 2, Черёмуховый Куст, Чепкуль 5 и керамические шпатели (15 экз.) с поселений раннего железного века Бочанцево 1 и Мулашинские Юрты 7 [2; 3].

В группу орудий, применявшихся на этапе формовки сосуда, объединены костяные шпатели, шпатели-стеки и лопаточки-колотушки, заготовками для которых служили рёбра крупных млекопитающих.

Шпатели заглаживали швы и выравнивали стенки, шпатели-стеки, кроме всего прочего, использовались для срезания лишней глины или для формирования ровного края венчика и, возможно, применялись при орнаментации сосудов [2]. Шпатели (28 экз.) из неолитической коллекции с поселения Мергень 6 представляют собой костяные плоские пластины из рёбер длиной 8–25 см и шириной около 3–4 см. Они – прямые или чуть изогнутые в профиль, с обработанной поверхностью, двумя продольными краями и одним поперечным. Поверхность одного поперечного края с одной стороны частично удалялась, оголяя губчатую массу, а с другой стороны выравнивалась или скруглялась с помощью абразива. Рабочими участками шпателей служили один или два продольных края, один поперечный край и, чаще всего, одна прилегающая часть плоской поверхности (рис. 1: 1–6). Шпатели-стеки (3 экз.) – орудия из расщеплённых рёбер с обработанной поверхностью, длиной 8–15 см, шириной 3–4 см, у которых один конец заострён с двух сторон с помощью шлифовки, второй поперечный край имеет прямое или чуть выпуклое симметричное или асимметричное лезвие (рис. 1: 7).

Блок сработанности на данных орудиях содержит линейные следы, заполировку и различного рода деформации от утилизации. От использования рабочая кромочная линия продольных краёв орудий сглажена, скруглена в поперечном сечении. Линейные следы, представленные длинными и короткими царапинами, локализируются на одном рабочем (чаще левом) продольном крае, а также на скруглённом поперечном. Часто царапины распространяются на гладкую плоскую поверхность орудия, что свидетельствует о плотном соприкосновении плоскости орудия с обрабатываемой поверхностью. Следы в основном перпендикулярны или чуть наклонны к длинной оси изделий и параллельны друг другу и иногда пересекаются (рис. 2: 1А, Б; 2А, Б). Заполировка – поверхностная, не проникающая глубоко в микрорельеф, тусклая, пятнистая (рис. 2: 3А, Б). На шпателях-стеках блок следов аналогичен вышеописанному, но, кроме всего прочего, фиксируются следы на заострённом рабочем участке, которые расположены параллельно длинной оси орудия или под углом к ней, пересекаясь со следами, исходящими от продольных краёв. Не исключено, что они использовались в качестве орнаментиров.

В коллекциях с памятников позднего периода эпохи бронзы и раннего железного века имеются фрагменты керамики, использовавшиеся в качестве шпателей (Бочанцево 1, Муллашинские Юрты 7). Для данного типа орудий характерно выровненное рабочее лезвие в сечении П-образной формы (рис. 3: 1). От работы рабочее лезвие может быть скошено под углом до 5°. Граница между поверхностью и лезвием имеет резко очерченный вид. Визуально и под микроскопом на лезвии видны поперечные царапины, параллельные друг другу. Под микроскопом границы между линиями практически не видны, фиксируется только стёртость и выровненность микрорельефа рабочей площадки. Заполировка – слабая и пятнистая (рис. 3: 1А).

Орудиями, использовавшимися для заглаживания и выбивания поверхности глиняных сосудов, являлись костяные лопаточки-колотушки, наиболее массово представленные в неолитической коллекции с по-

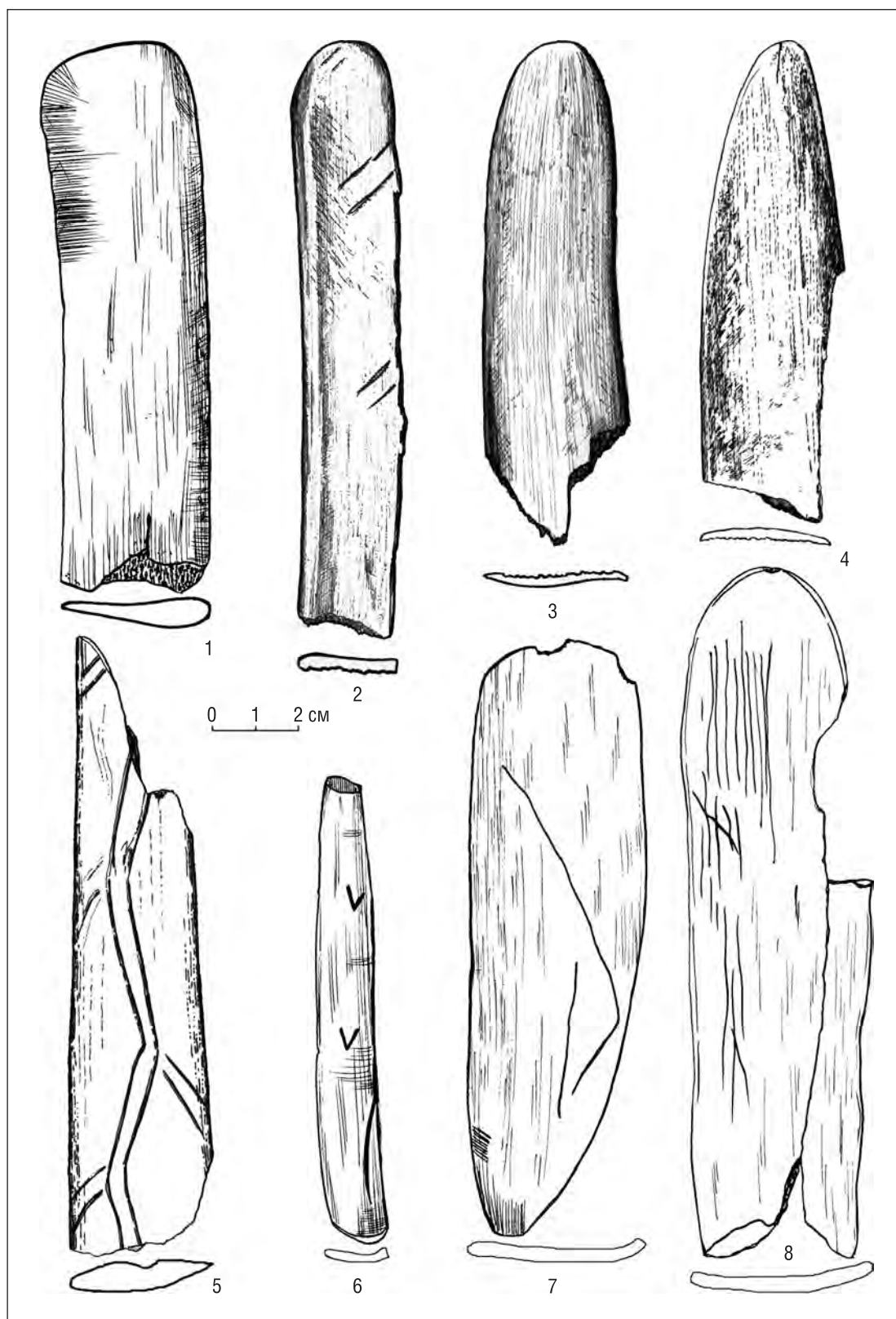

Рис. 1. Костяные орудия керамического производства с поселения Мергень 6:
1–6 – шпатели; 7 – шпатель-стек; 8 – лопаточка

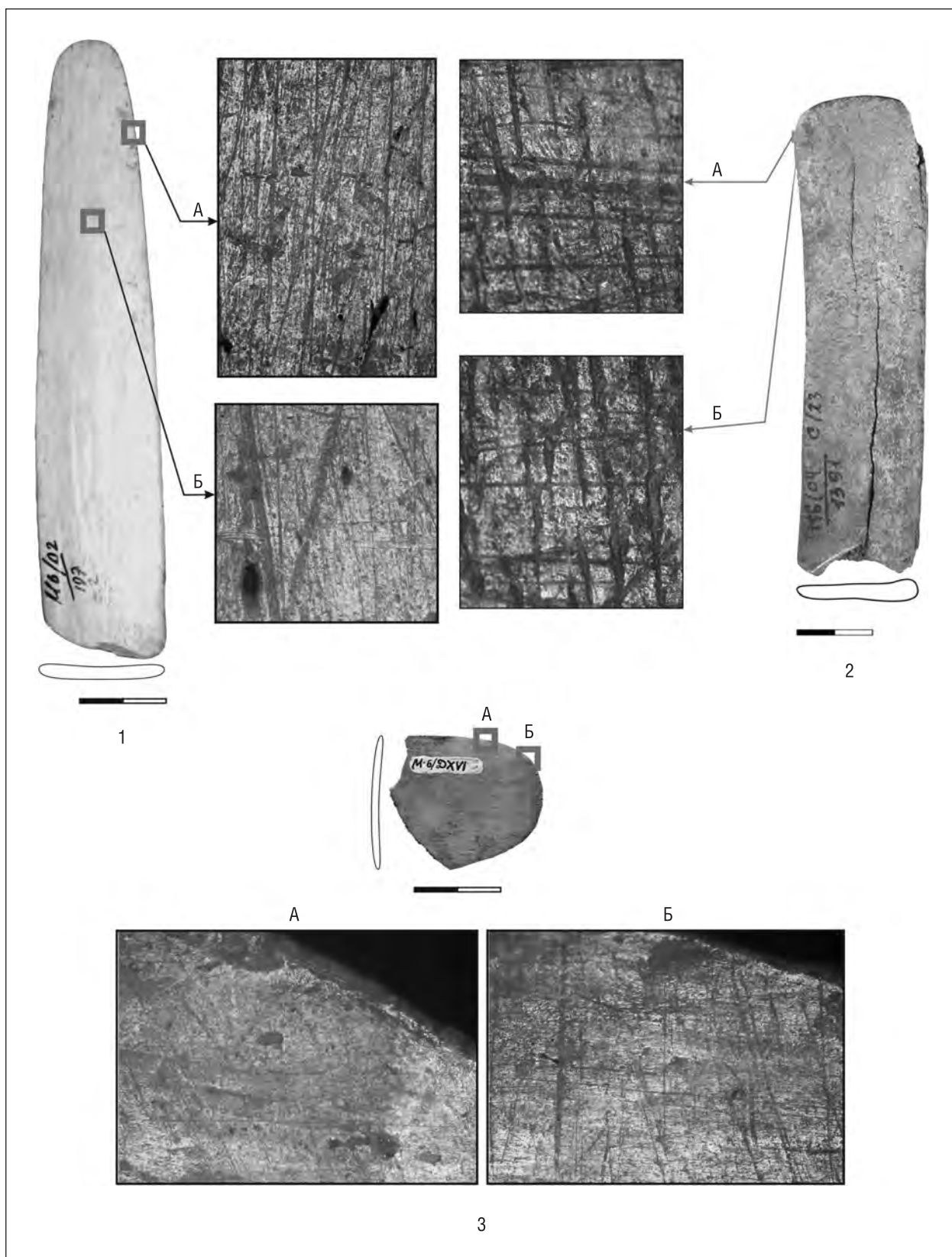

Рис. 2. Микрофотографии следов сработанности на костяных шпателях с поселения Мергень б (увеличение 5х)

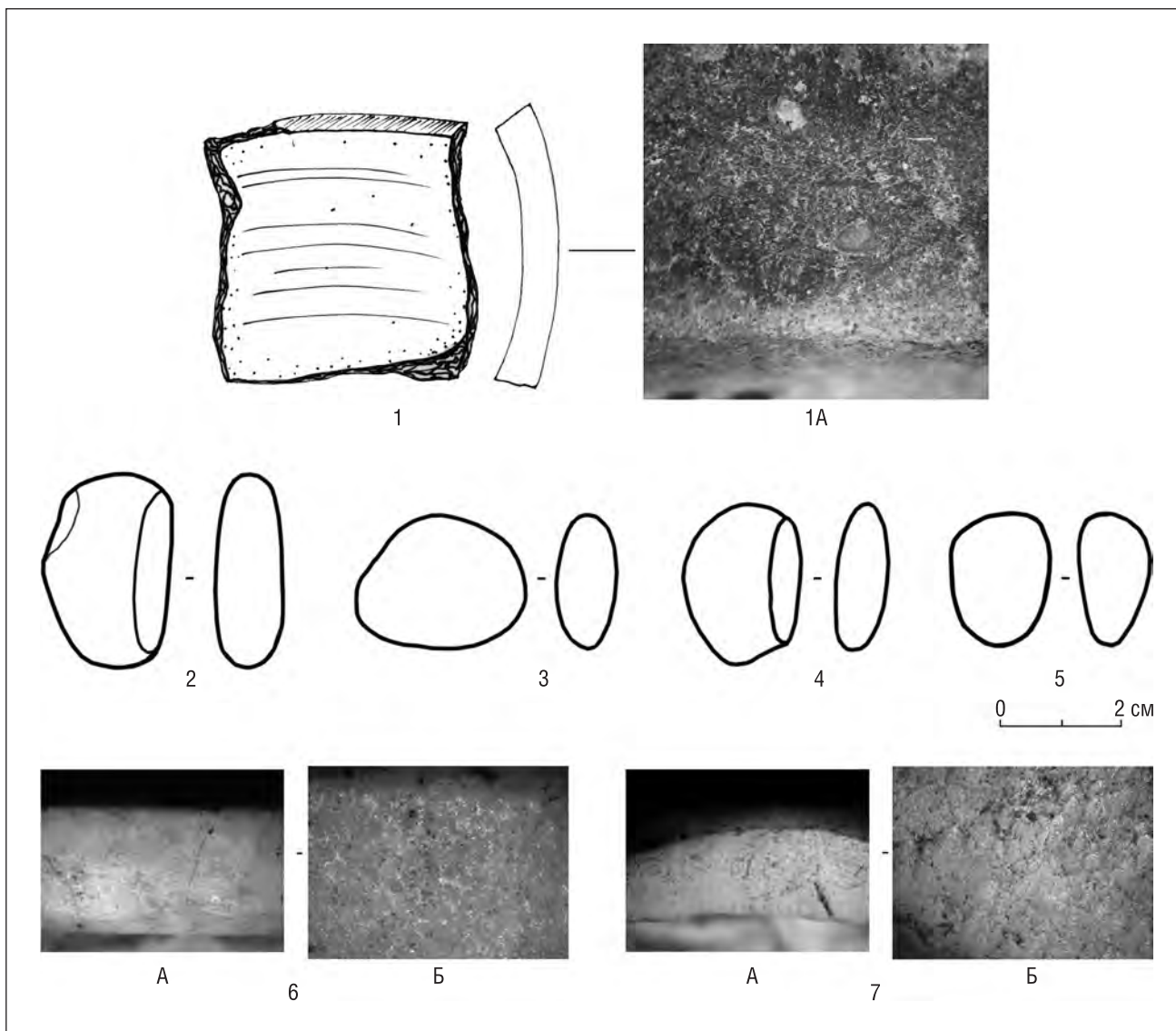

Рис. 3. Керамический шпатель с поселения Бочанцево 1 (1) и ложила из галек с поселения Хрипуновское 1 (2–5), следы работанности (6, 7) (увеличение 1А, 6А, 7А – 1×; 6Б, 7Б – 5×)

селения Мергень 6 (46 экз.). Они изготовлены из расколотых вдоль фрагментов рёбер крупных животных длиной 9–15 см, шириной до 5 см (рис. 1: 8). Один поперечный край скруглялся на абразиве, одна рабочая плоская поверхность выравнивалась строганием. На данной плоскости визуальнo фиксируются неровные, грубые, длинные параллельные друг другу или иногда пересекающиеся царапины, параллельные длинной оси орудий. Практически все изделия в данной группе имеют комбинированный блок следов, свидетельствующий об использовании как в заглаживании, так и в уплотнении поверхности глиняных сосудов. Общей чертой является пятнистая, тусклая заполировка, которая хорошо прослеживается даже на орудиях плохой сохранности. На части лопаточек линейные следы не фиксируются, но вся плоская рабочая поверхность деформирована в результате ударов о пластичный материал.

Для лошения глиняных сосудов использовались гальки, получившие широкое распространение у населения позднего периода эпохи бронзы в культурах андроновского и андронидного круга [4, с. 137, 147; 5, с. 159; 6, с. 63; 7, с. 175, 193; 8, с. 82, 144; 9, с. 70, 100, 128; 10, с. 111–112; 11, с. 50; 12, с. 45]. Для лошения сосудов использовались целые и разбитые плоские окатанные кварцевые, реже кремнёвые гальки средних и малых размеров (рис. 3: 2–5). Рабочим являлся выпуклый край, реже – одна из поверхностей, чаще всего без специальной подработки. Кроме того, встречены гальки, у которых отмечена подготовка рабочей площадки, состоявшая из выравнивания выпуклого края путём оббивки, в некоторых случаях рабочим являлось мес-

то раскола гальки. Большая часть исследованных изделий имеет в плане овальную форму. Длина в среднем варьирует от 1,3 до 2,4 см, ширина колеблется от 0,9 до 2,3 см, а толщина – в пределах 0,4–1,2 см. В большинстве случаев рабочим являлся продольный боковой край, сработанный в разной степени. Рабочая плоскость, как правило, одна. Кромка рабочего участка скруглена, на ней имеются мелкие фасетки утилизации с нечёткими границами. Рабочая зона имеет ровное или чуть наклонное П-образной формы поперечное и продольное сечение со скруглёнными краями. На некоторых гальках по всему периметру на краях рабочего лезвия фиксируются фасетки утилизации средних размеров. Заполировка в виде пятен яркого блеска имеет линейную направленность, она поверхностная, глубоко не проникающая в микрорельеф, характеризуется чуть размытой границей с незаполированной частью (рис. 3: 6А, Б; 7А, Б). Линейные следы расположены в зоне заполировки. Это поперечные, короткие, параллельные друг другу риски и хаотичные, пересекающиеся царапинки.

Для верификации выводов, сделанных в ходе трасологического анализа, использовались данные экспериментов, проведённых автором и коллегами. В ходе экспериментальных работ по моделированию следов износа на костяных, каменных и керамических орудиях для обработки глиняных изделий были получены эталоны со следами сработанности, образовавшимися при таких операциях, как заглаживание краем, уплотнение поверхности, лощение (рис. 4–6).

У костяных шпателей (рис. 4: 1, 3) при заглаживании лент глины сработанность приобретает строгую линейность, параллельность. Следы приурочены к одному из продольных краёв, распространяясь на поверхность, участвующую в работе (рис. 4: 1–5). В результате заглаживания лент на костяных шпателях на одной поверхности, начиная от продольного края, фиксируются параллельные друг другу царапины, перпендикулярные или наклонные к длинной оси орудия. При лощении, наоборот, на костяных ложилах они сосредоточены на одной поверхности и фиксируются в виде хаотичных и перекрещивающихся царапин, локализованных строго в пределах рабочей зоны на плоскости (рис. 4: 6, 7). Заполировка – матовая, пятнистая, граница между заполированной поверхностью и незаполированной – нечёткая (рис. 4: 7).

Для уточнения возможности использования галек в различных операциях и отслеживания характера образования соответствующих следов был проведён ряд экспериментов по обработке шкуры и по лощению поверхности глиняных сосудов из теста с различной примесью. Для лощения глиняных сосудов в опытах использовались окатанные кварцевые гальки небольших размеров, работа которыми осуществлялась в течение 1–3 часов (рис. 5: 1). Рабочая площадка галек в большинстве случаев специально не оформлялась, только на одном экземпляре она была пришлифована с помощью абразива. Также для сравнения следов износа под микроскопом были просмотрены гальки (6 экз.), использовавшиеся для лощения посуды в Самарской экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства Н.П. Салугиной, И.В. Васильевой и В.В. Илюшиной.

Экспериментальное заглаживание подсушенной поверхности глиняных сосудов показало, что для этой процедуры наиболее удобны небольшие гальки, имеющие естественные уплощённые гладкие поверхности. Лощение выполнялось по внешней поверхности подсушенных сосудов короткими разнонаправленными приглаживающими движениями. В результате этой работы поверхность сосудов, ранее матовая и шершавая, получала лощёный вид и технологически необходимую уплотнённость. Эта работа не требовала применения усиленного давления, и выравнивание рабочей зоны не происходило скоротечно.

В результате лощения поверхности глиняной посуды выступающие участки микрорельефа рабочей зоны гальки истираются, заглаживаются, в поперечном сечении она приобретает арочные очертания. Общим для всей группы орудий является характер заполировки. Она имеет яркий, но поверхностный, не проникающий в микрорельеф блеск. При незначительном использовании (1 час) заполировка – пятнистая, может быть рассеянной и линейной, но граница с незаполированной поверхностью всегда чёткая или слегка размыта. На двух образцах зафиксированы поперечные короткие, тонкие, мягких очертаний царапины, параллельные друг другу. После трёх часов работы заполировка полностью налегает на выступающие участки микрорельефа, не углубляясь в неровности (рис. 5: 2–9). Линейные следы после одного или двух часов работы практически не формируются, в отличие от линейных следов на гальках, использовавшихся для обработки глины с примесью шамота и песка. На образце, которым работали по глине с примесью шамота и органики, заполировка приобрела линейность, на ней появились тонкие риски, параллельные друг другу, и грубые перекрещивающиеся царапины, расположенные хаотично (рис. 5: 3, 6). То есть характер следов напрямую зависит от состава формовочной массы. Помимо описанных следов, на рабочих площадках встречаются С-образные царапины (рис. 5: 9), образовавшиеся от круговых движений, подобные зафиксированы на гальках из экспериментов Самарской экспедиции.

Из фрагментов керамики были изготовлены шпатели и ложила. В результате работы у ложила рабочий край выровнен, в поперечном сечении получает арочные очертания, у шпателей рабочая площадка приобретает П-образную форму. У ложила границы лезвия рабочей поверхности с нерабочей скруглены, на шпателях они резко очерчены (рис. 6: 1, 2). У ложила рабочая поверхность несёт следы очень яркой, блестящей заполировки, бросающейся в глаза, в зоне которой фиксируются слабые хаотично расположенные риски и пересекающиеся царапинки (рис. 6: 3, 4). У шпателей – «пришлифовка» преобладает над заглаженностью.

Таким образом, в ходе экспериментально-трасологического анализа изготовлены орудия керамического производства и выявлен характерный блок сработанности на них. Локализация и направленность полученных на экспериментальных орудиях следов практически полностью идентичны таковым на археологичес-

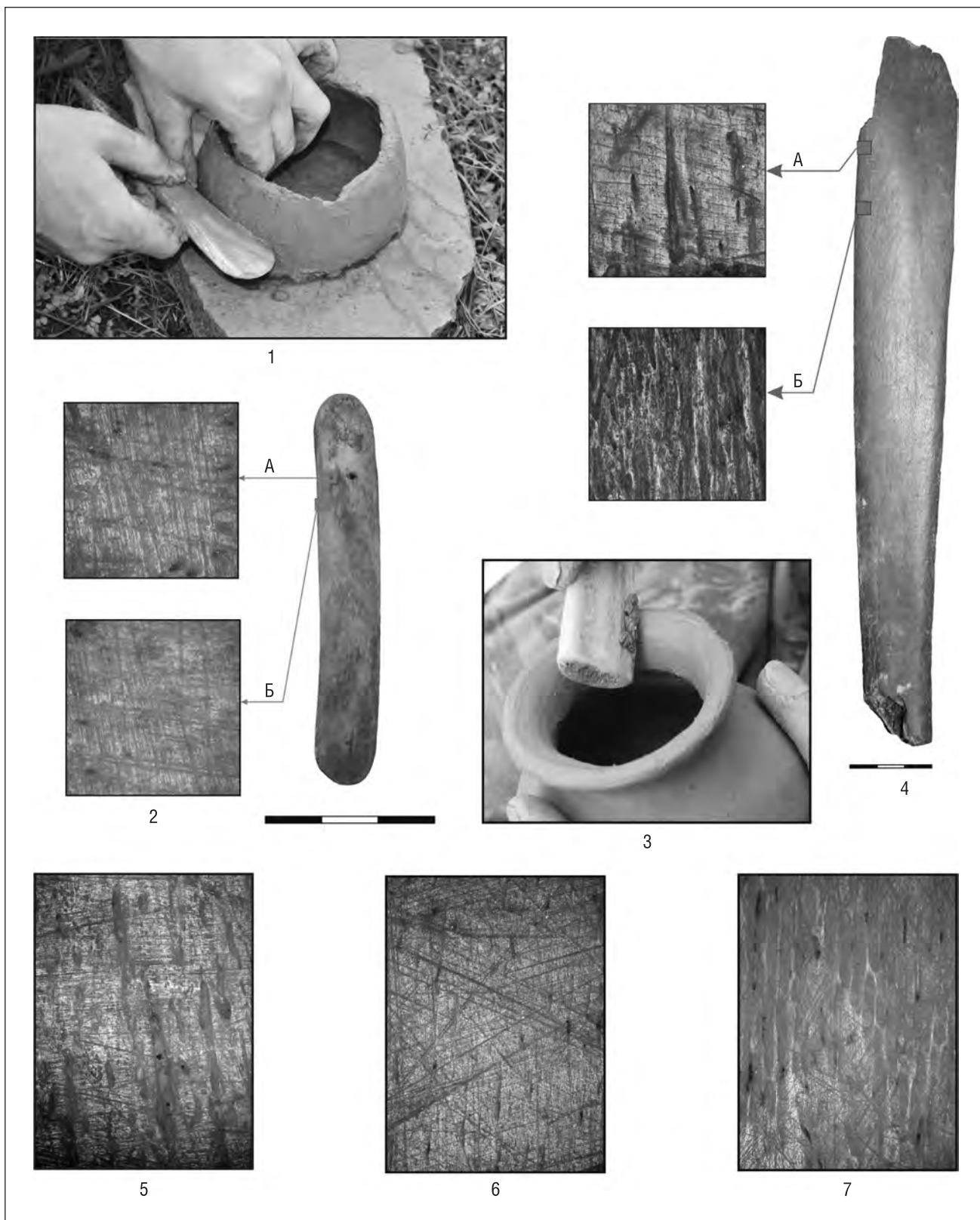

Рис. 4. Экспериментальные работы по моделированию сосудов (1, 3), следы сработанности на костяных шпателях (2, 4, 5) и лощилах (6, 7) (увеличение 5×)

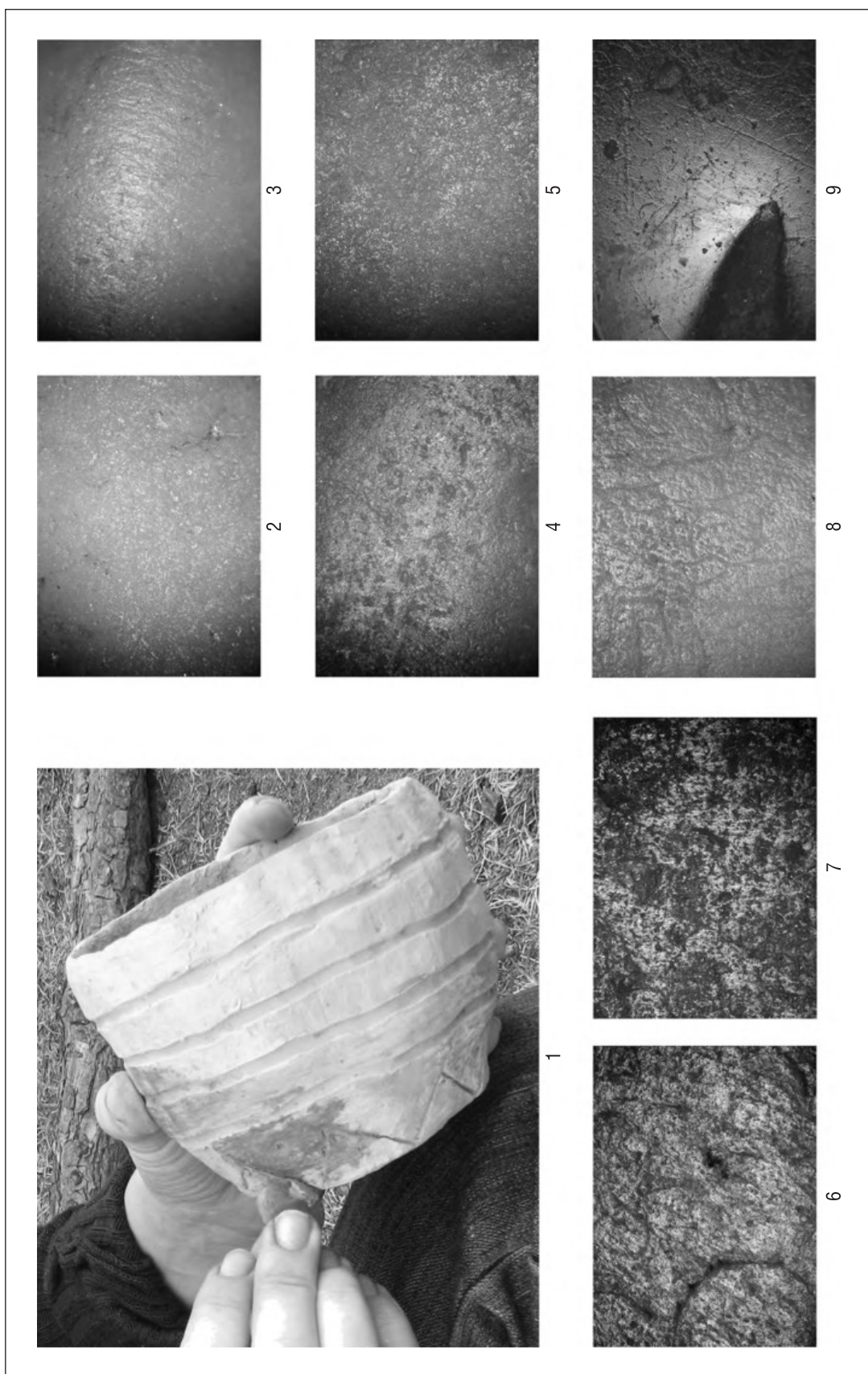

Рис. 5. Экспериментальные работы по лощению поверхности сосудов (1) и следы срабатанности на лоцилах из галек (2–9) (увеличение 5х)

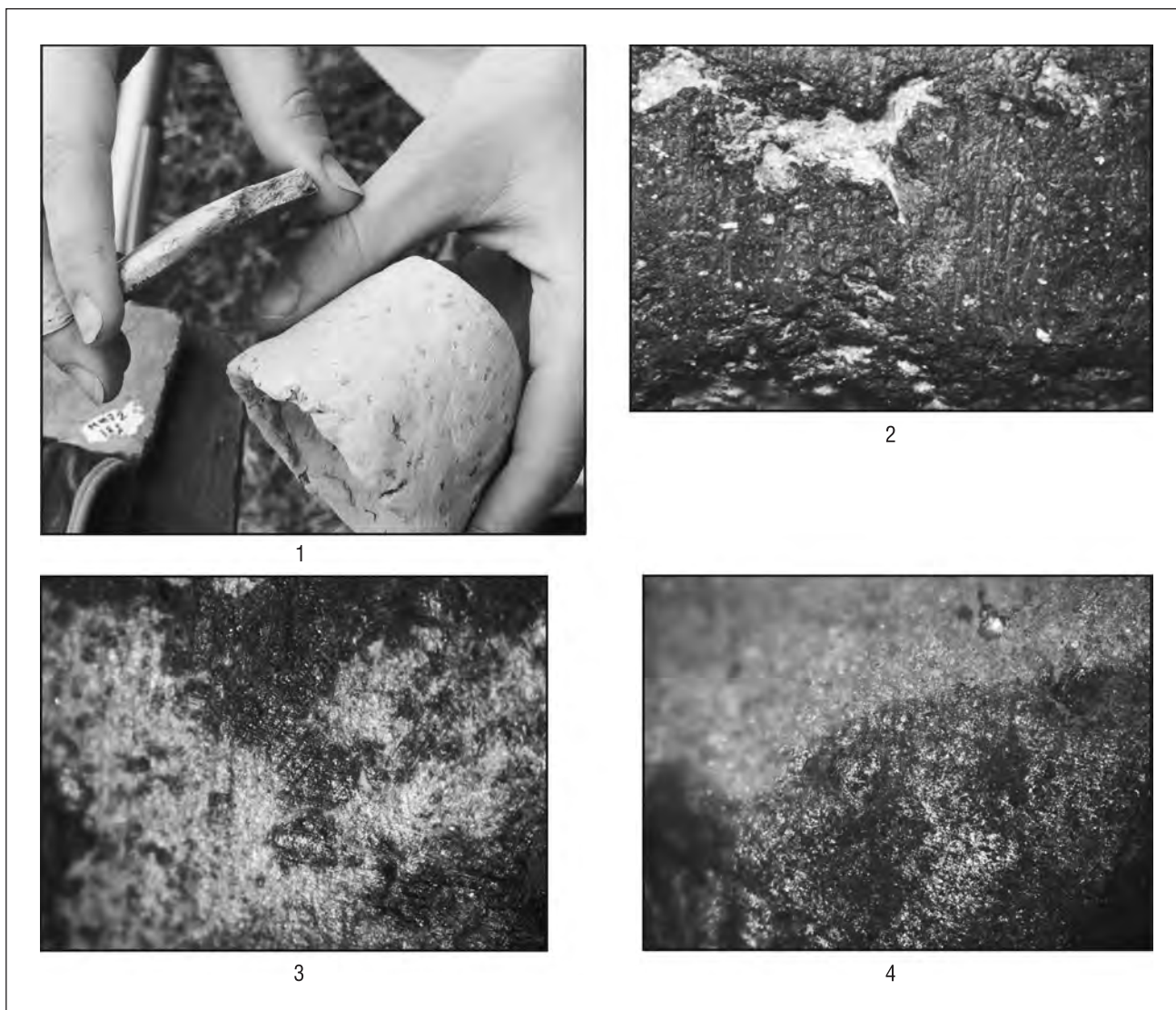

Рис. 6. Экспериментальные сосуд и шпатель (1) и следы сработанности на экспериментальных керамических шпателе (2) и ложилах (3, 4) (увеличение 2 – 1×; 3, 4 – 5×)

ких образцах. Особенности заполировки и линейных следов полностью зависят от примесей, присутствующих в составе глиняного теста. Если в примеси есть шамот, песок, то сработанность на костяных и каменных орудиях наиболее выражена, царапины – грубые, глубокие по сравнению с линейными следами в виде тонких часто расположенных рисок и царапинок от работы по глине без примеси. Можно лишь отметить, что в связи с многофункциональным использованием орудий блок следов на археологических образцах насыщеннее, линейные следы более хаотичны. Конечно, в данной работе рассмотрен не весь ассортимент инструментов, применявшихся при изготовлении глиняной посуды у населения Тоболо-Ишимского междуречья, но изучены наиболее часто встречаемые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сериков Ю.Б. Керамические и каменные орудия для обработки поверхности глиняных сосудов // Вестник Пермского университета. Серия № 1 (24). Пермь, 2014.
2. Скочина С.Н. Костяной и роговой инвентарь кошкинской культуры с поселения Мергень 6 // Археология, антропология и этнография Евразии. Новосибирск, 2010. Вып. 2 (42).
3. Чукунова И.Ю., Скочина С.Н. Керамические изделия с поселения Муллашинские Юрты 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 10. 2009.
4. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств (мезолит – неолит). Л., 1983.

5. *Коробкова Г.Ф.* Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-Депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001.
6. *Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995.
7. *Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г.* Поселение Михайловка – эталонный памятник древнейшей культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб., 2005.
8. *Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. М., 1948. (Труды Государственного Исторического музея. Вып. XVII)
9. *Потемкина Т.М.* Бронзовый век Лесостепного Приоболья. М., 1985.
10. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоарцев. М., 1994.
11. *Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995.
12. *Сериков Ю.Б.* Гальки и их использование древним населением Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2006. Вып. 6.

**ФГБУН «Институт проблем освоения Севера»
Сибирского отделения РАН,
Тюмень**

S.N. Skochina

EXPERIMENTAL TRACE EVIDENCE ANALYSIS OF CERAMIC TOOLS

Summary

The article is devoted to experimental trace evidence analysis of tools made of bone, pebbles and the fragments of ceramics, used in modeling vessels and processing their surface. There are shown tools used by the population of the Tobol – Ishim interfluvium in production of ceramics in the Neolithic, within the transition period from Bronze Age to Iron Age and in the Early Iron Age. With the help of the trace evidence analysis and experimental works there were found and specified peculiar traces of team-work. There were also made micro-photos of working surfaces of this category of tools.

**Federal State Budgetary Scientific Institution
«Institute of Problems of Development of the North»,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
2774, Tyumen', 625003,
Russia**

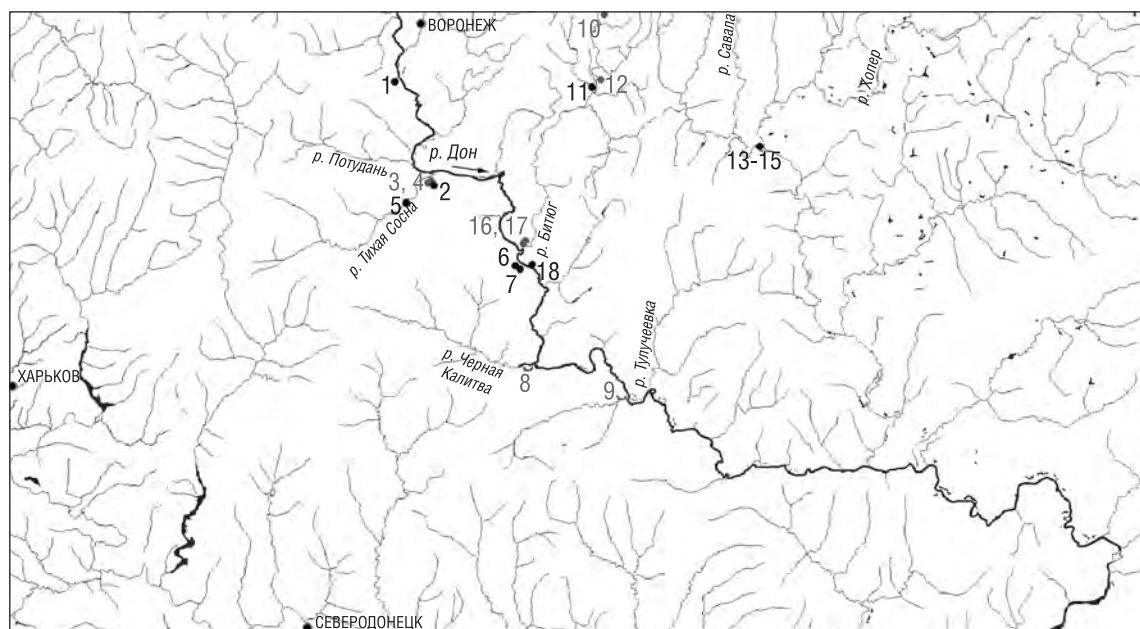
E-mail: Sveta_skochina@mail.ru

А.М. Скоробогатов

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ С ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ

Полноценные археологические исследования, включающие раскопки неолитических и энеолитических памятников, на Среднем Дону начались со второй половины 60-х гг. XX века. До этого времени в распоряжении исследователей имелись лишь материалы из разнообразных сборов с развеиваемых и размываемых памятников Среднего Подонья. Здесь следует отметить дореволюционные сборы И.С. Полякова и довоенные сборы П.П. Ефименко в районе Костюнок, С.Н. Замятина на юге Воронежской области, довоенные и послевоенные сборы В.П. Левенка на западе и юго-западе области, разведки Г.И. Корнюшина в Побитюжье.

К настоящему времени на территории Среднего Подонья (в рамках Воронежской области), включая территорию Похопёрья, раскопаны 18 памятников с неолитическим и энеолитическим материалом, два из них – погребальные (рис. 1). Лишь на шести бытовых и двух погребальных памятниках встречены изде-

- – памятники без костяных изделий
- – памятники с костяными изделиями
- – грунтовые погребения с костяными изделиями

Рис. 1. Карта неолитических и энеолитических памятников Среднего Подонья, изученных раскопками:
1 – Малый Лужок, стоянка; 2 – Копанище-2, поселение; 3 – Дармодехинская-1, стоянка; 4 – Копанище-1, стоянка; 5 – Острогжское, поселение; 6 – Верхний Карabut-1, поселение; 7 – Верхний Карabut-2, поселение; 8 – Голубая Криница, грунтовое погребение; 9 – Терешковский Вал, грунтовый могильник; 10 – Щучье-2, стоянка; 11 – Монастырская-1, стоянка; 12 – Дрониha, поселение; 13–15 – Плаутинские стоянки; 16 – Черкасская, стоянка; 17 – Черкасская-3, стоянка; 18 – Затон-1, стоянка

лия из кости: стоянки Копанище-1 и Дармодехинская-1 в устье Тихой Сосны, грунтовое погребение раннего энеолита в могильнике Голубая Криница в устье Чёрной Калитвы, грунтовое погребение в могильнике Терешковский Вал в устье Богучарки в Правобережье; в Левобережье это стоянка Щучье-2, поселение Дрониха, стоянки Черкасская и Черкасская-3 в Побитуюжье.

Столь малое количество памятников с сохранившимися в культурных слоях костяными изделиями объясняется характером их отложений, представленных в основном рыхлыми супесчаными почвами. Те же стоянки, где костяные изделия сохранились, расположены в мощных толщах аллювиальных отложений, достигающих двух и более метров, в непосредственной близости от современных водоёмов. Исключение – поселение Дрониха, расположенное в супесчаном грунте на останце первой надпойменной террасы, но там подавляющее большинство находок из кости происходит из заполнений многочисленных хозяйственных ям и большой (около 200 кв. м) неолитической постройки с полом, утрамбованным речными раковинами, т.е. из слоя ракушечника и из-под него [1, с. 93–115].

В данном исследовании рассматриваются изделия из кости, рога и клыка кабана, происходящие как из культурных слоёв памятников, так и из сборов. Настоящая работа включает в себя лишь типологическую характеристику костяных изделий по морфологическим признакам и самые общие вопросы культурно-хронологической атрибуции этих изделий. В качестве источников привлечены имеющиеся публикации [1–8] и отчёты [9–18] по результатам исследований памятников неолита и энеолита Среднего Подонья, в культурных слоях которых встречены костяные изделия.

Все изделия мы разделили на три класса: 1. Предметы вооружения, или орудия присваивающих отраслей хозяйства; 2. Орудия труда, или орудия домашних производств; 3. Украшения и культовые предметы.

1. Предметы вооружения, или орудия присваивающих отраслей хозяйства. Выделяются категории изделий – наконечники стрел (дротиков), гарпунов и острог, кинжалы, рыболовные крючки.

Наконечники стрел и дротиков – следующих типов: с конической и биконической головкой (рис. 2: 1–4, б), как с разделителем, так и без; узкие плоские, как бесчерешковые, так и черешковые (рис. 2: 7–9, 11, 13; 3: 3, 6); плоско-выпуклые (рис. 2: 12; 3: 1, 2, 4, 5); узкий плоский с пазами для вкладышей (рис. 2: 5); трёхгранный (рис. 2: 10).

Наконечники гарпунов и острог – нескольких разновидностей: крупнозубые (рис. 4: 1–4), мелкозубые (рис. 4: 9–15) и однозубые (рис. 4: 5–8). Все изделия – однорядные.

Кинжалы представлены всего двумя экземплярами в обломках (рис. 5: 2, 3). Одно массивное изделие я отношу к пешне (рис. 5: 1).

Рыболовные крючки пока что выявлены всего в количестве шести экземпляров, из них один – без бородки (рис. 5: 6): четыре – массивных (рис. 5: 4–6, 8), для крупной рыбы, и два – мелких (рис. 5: 7, 9). У сохранившихся целых изделий окончание стержня приспособлено для привязывания лесы.

2. Орудия труда, или орудия домашних производств

К данному классу костяных изделий отнесены острия (проколки и шилья), скребки, шпатели, ложила, орудия для обработки почвы (совки, мотыги) и прочие.

Острия, представленные различными проколками и шильями, – самая многочисленная группа костяных изделий на памятниках неолита – энеолита Среднего Подонья (рис. 6: 1–18, 21). В большинстве случаев они изготавливались из фрагментов костей животных. Одно сделано из зуба животного (рис. 6: 4), одно – из фрагмента клыка кабана (рис. 6: 17) и ещё одно – из кости птицы (рис. 6: 15). Интересно изделие из рёберной кости рыбы (рис. 6: 8).

На донских памятниках выделяется серия изделий, представленная скребками, ложилами и шпателями, т.е. орудиями для обработки шкур или керамики. На их поверхностях чётко заметны следы лощения и полировки (рис. 6: 19, 20, 22, 23; 7: 1–5).

Всего два изделия можно отнести к совкам – орудиям для выборки грунта. Одно представляет собой лопаточную кость крупного животного; рабочая часть – дугообразной формы, с кромкой, заострённой приблизительно под углом 45 градусов (рис. 7: 7). У второго изделия одна сторона – широкая и плоская, а противоположная – с заострённым выступом, возможно, предназначенным для рыхления грунта (рис. 7: 6).

Изделия из рога представлены обломком муфты рубящего орудия – топора (рис. 8: 1). Имеются вставки топоров (рис. 9: 1, 3) и тесла (рис. 9: 2). Встречены обломок мотыги (рис. 8: 2), разбивник (рис. 8: 4), а также орудие неясного назначения с выемками по бокам рабочей и противоположной частей (рис. 8: 3).

Остальные категории изделий в этом классе также представлены единичными экземплярами. Это оправа для вкладышей (рис. 9: 8), фрагмент рукоятки с орнаментом (рис. 9: 7), роговый посередник (рис. 8: 5), зубчатый штамп – орнаментир либо орудие для заглаживания (расчёсы) поверхности сосудов (рис. 9: 9), вилокобразное изделие – двузубец (рис. 9: 6), полые трубочки из костей птиц (рис. 9: 4, 5).

Третий класс костяных изделий представлен украшениями – подвесками и нашивками. Найденные подвески изготавливались в основном из зубов животных, делались нарезки на корневой части (рис. 10: 1–6, 8). У одного изделия, отнесённого мной к костяной подвеске, нижняя часть обломана. Возможно, это было орудие типа проколки или орнаментир, поэтому принадлежность его к категории подвесок весьма предположительна (рис. 10: 7). Нашивки встречены нескольких разновидностей – из фрагментов клыков кабана (рис. 10: 15, 16), «мариупольского» типа (рис. 10: 11, 17, 18), стержневидная с отверстием-«петелькой» (рис. 10: 9), зооморфная (рис. 10: 10), плоские прямоугольные (рис. 10: 12, 13). Имеющийся обработанный и залощённый фрагмент клыка кабана также мог использоваться как нашивка (рис. 10: 14). Возможно, изделия с отверстием сверху по центру являлись подвесками, а не нашивками (рис. 10: 9, 10).

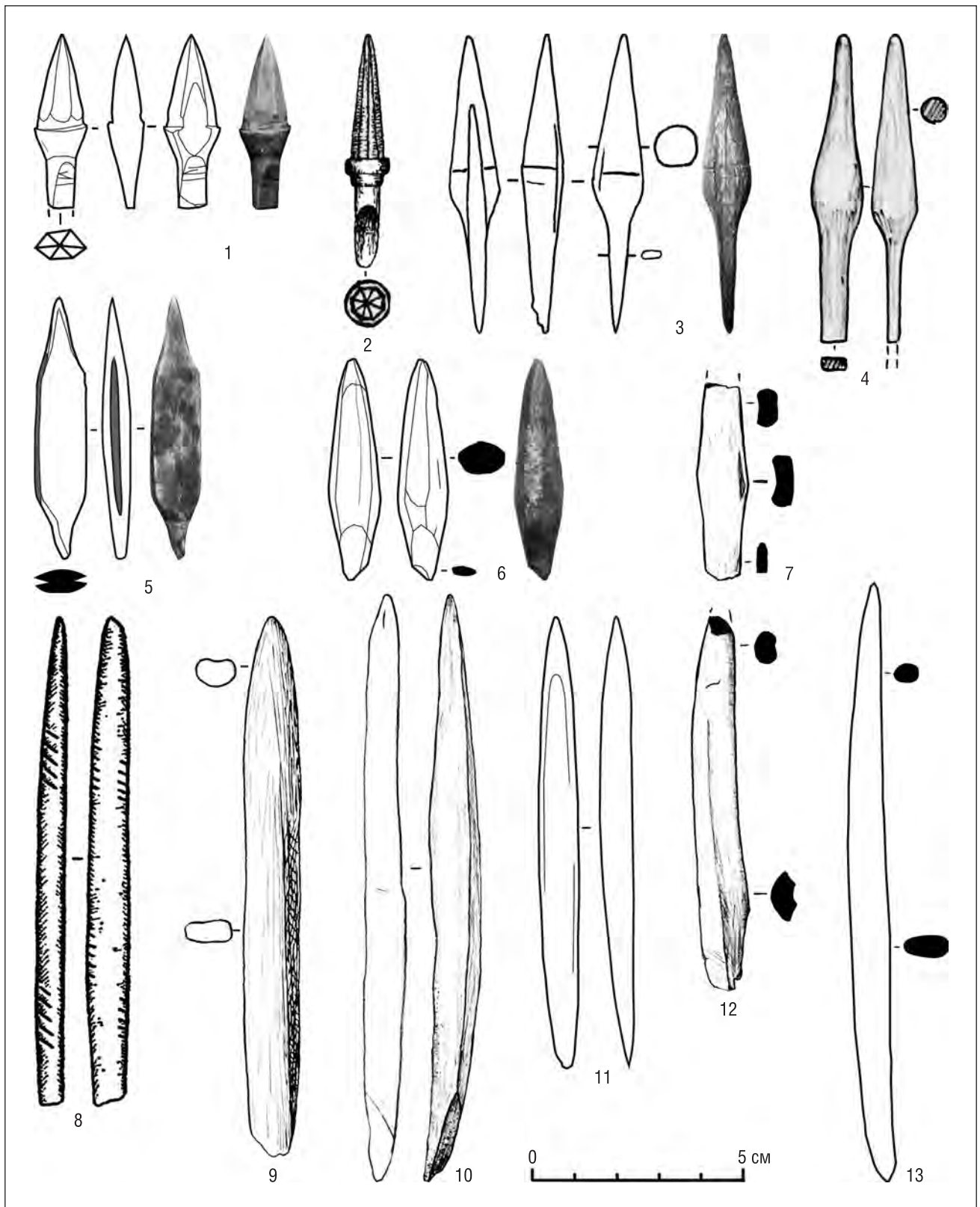

Рис. 2. Костяные наконечники стрел: 1, 5, 11, 13 – стоянка Черкасская-3; 2 – могильник Терешковский Вал; 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12 – поселение Дрониха; 8 – стоянка Дармодехинская-1

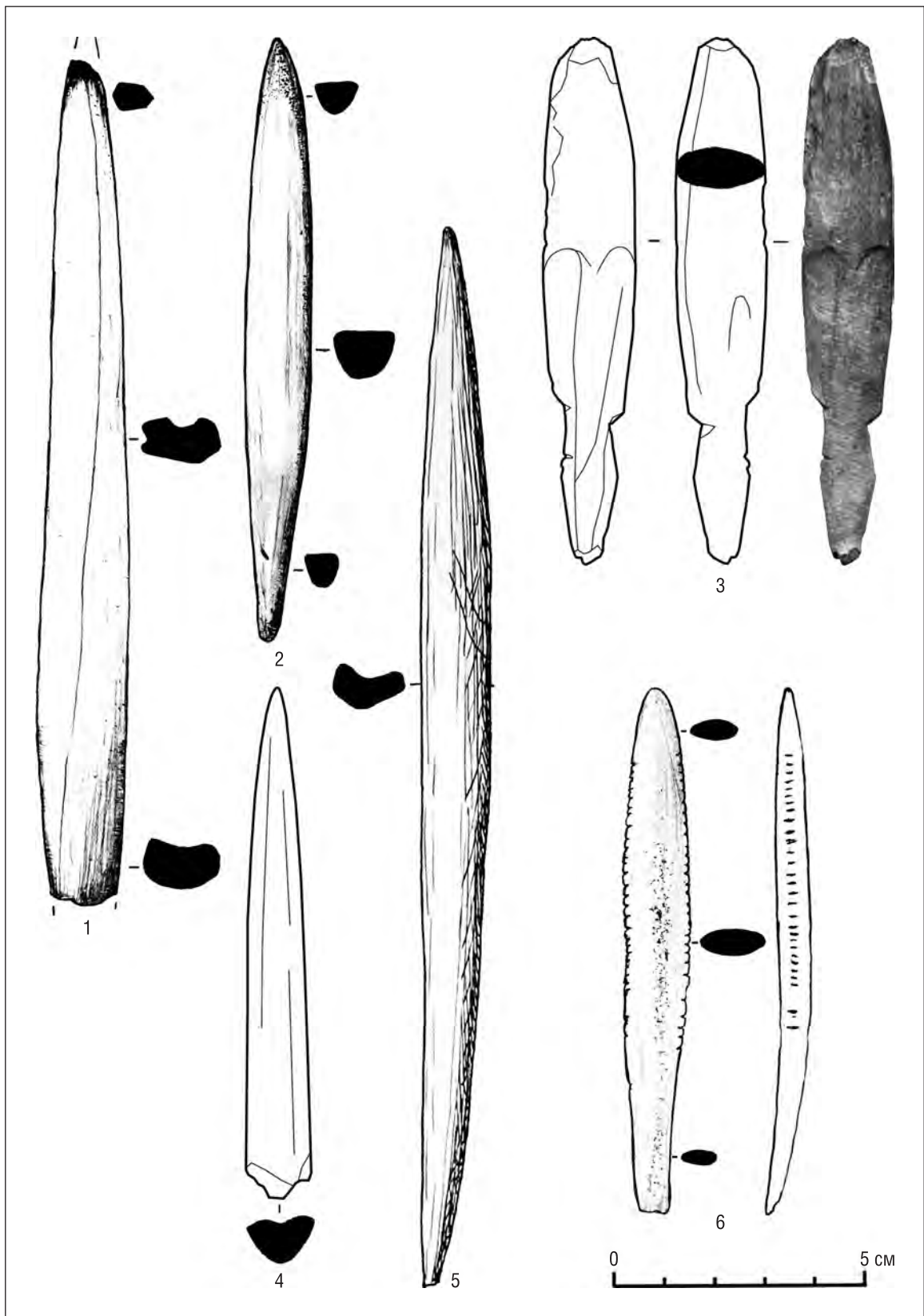

Рис. 3. Костяные наконечники дротиков. Стоянка Черкасская

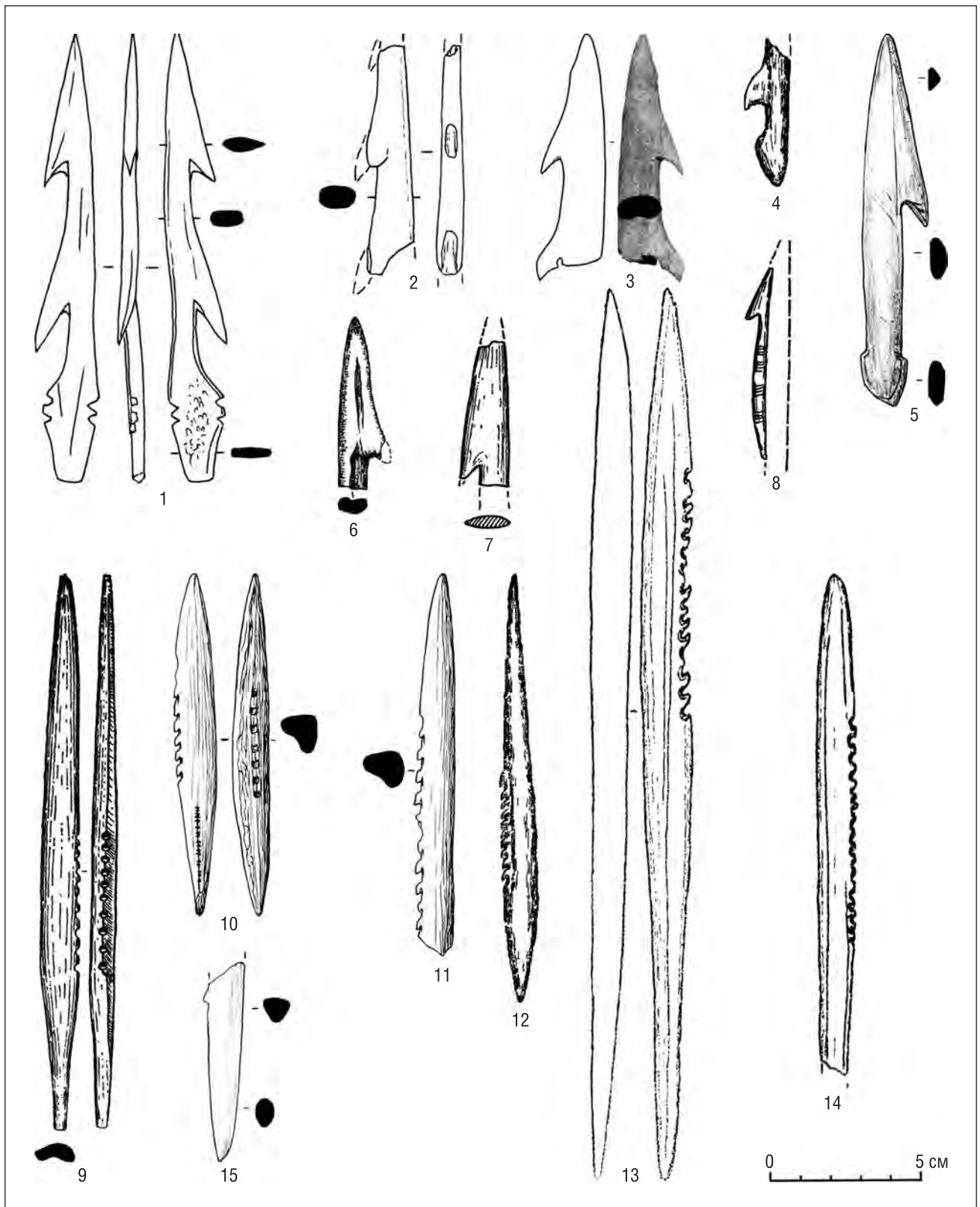

Рис. 4. Костяные наконечники гарпунов и острог: 1–5, 10–15 – стоянка Черкасская; 6 – могильник Терешковский Вал; 7 – стоянка Копанице-1; 8, 9 – стоянка Дармодехинская-1

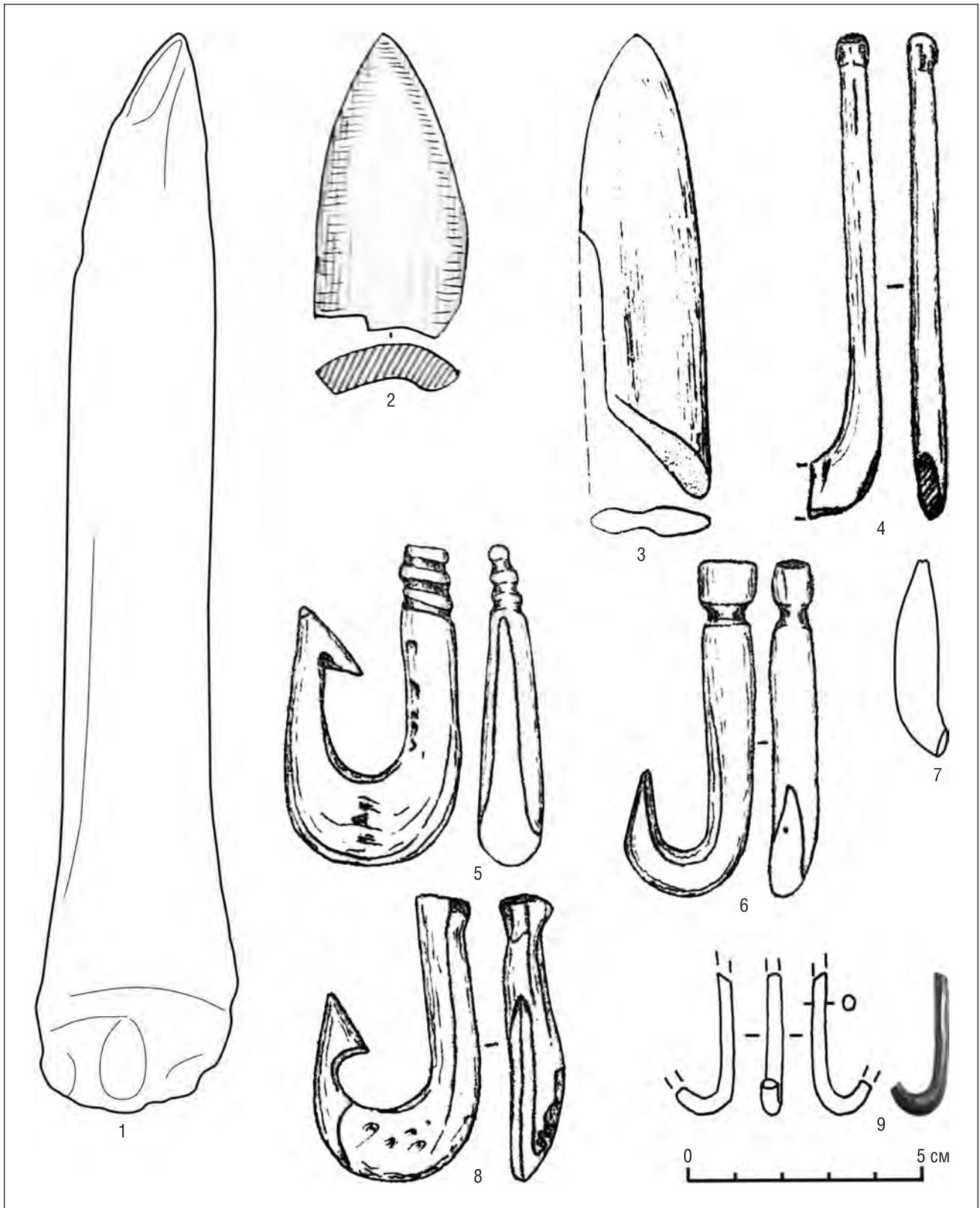

Рис. 5. Костяные пешня (1), кинжалы (2, 3), крючки (4–9):
 1, 4–9 – стоянка Черкасская; 2 – поселение Дрониha; 3 – стоянка Копанице-1

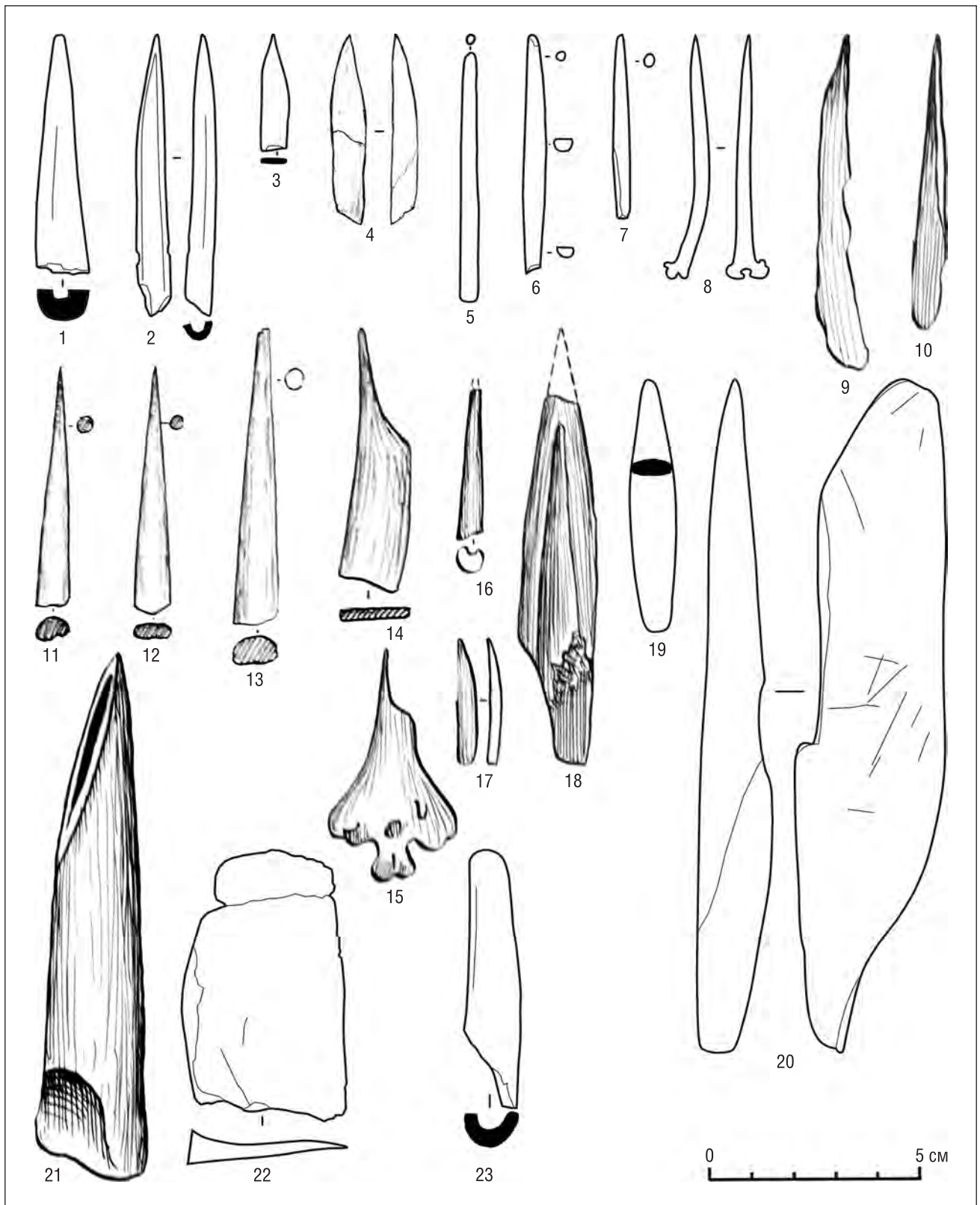

Рис. 6. Костяные острия (1–18, 21) и ложила (19, 20, 22, 23):
 1–4, 19, 23 – стоянка Черкасская; 5–8, 20, 22 – стоянка Черкасская-3; 9–18, 21 – поселение Дрониha

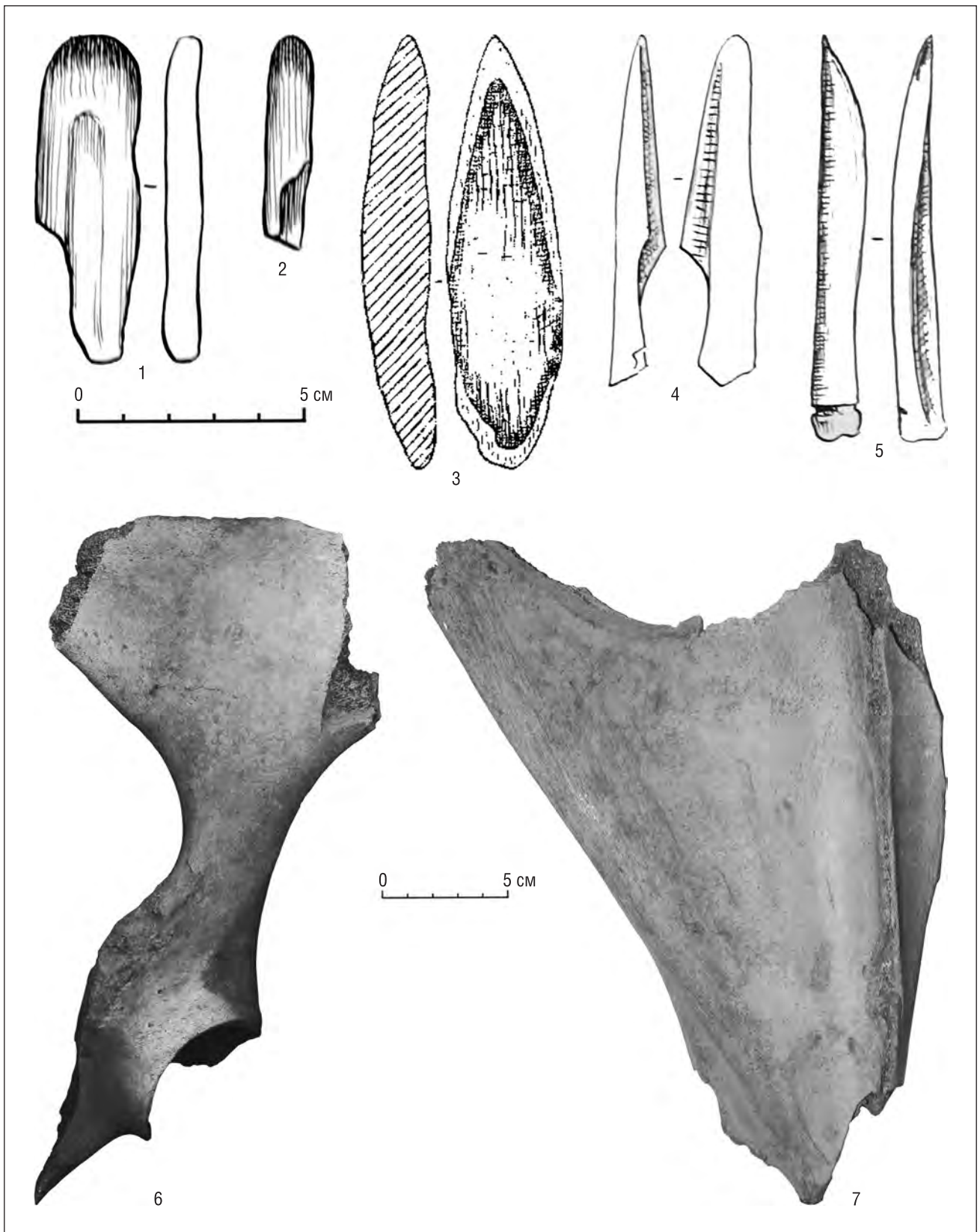

Рис. 7. Костяные шпатели (1–5) и совки (6, 7): 1–5 – поселение Дрониха; 6, 7 – стоянка Черкасская

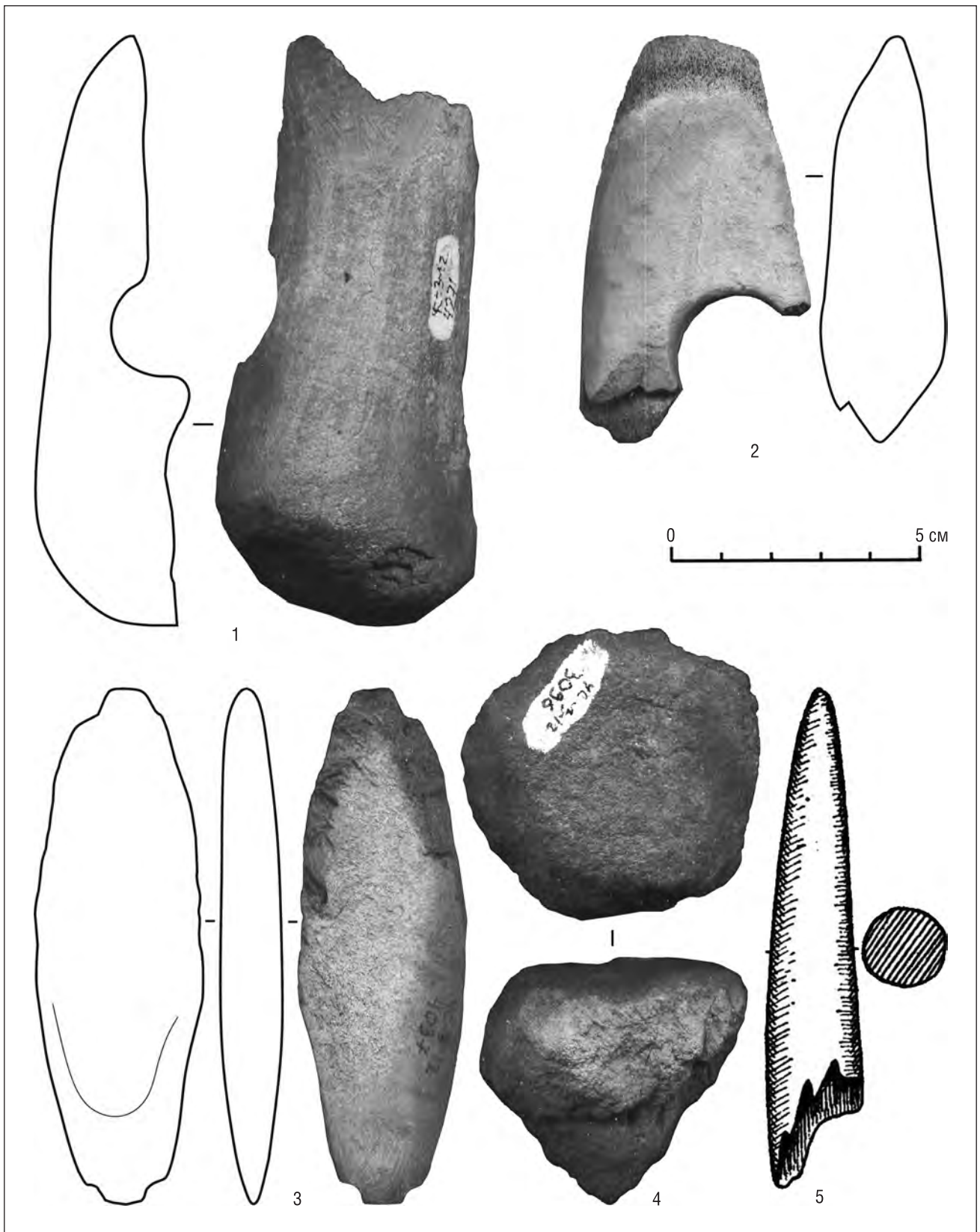

Рис. 8. Изделия из рога: 1–4 – стоянка Черкасская-3; 5 – стоянка Дармодехинская-1

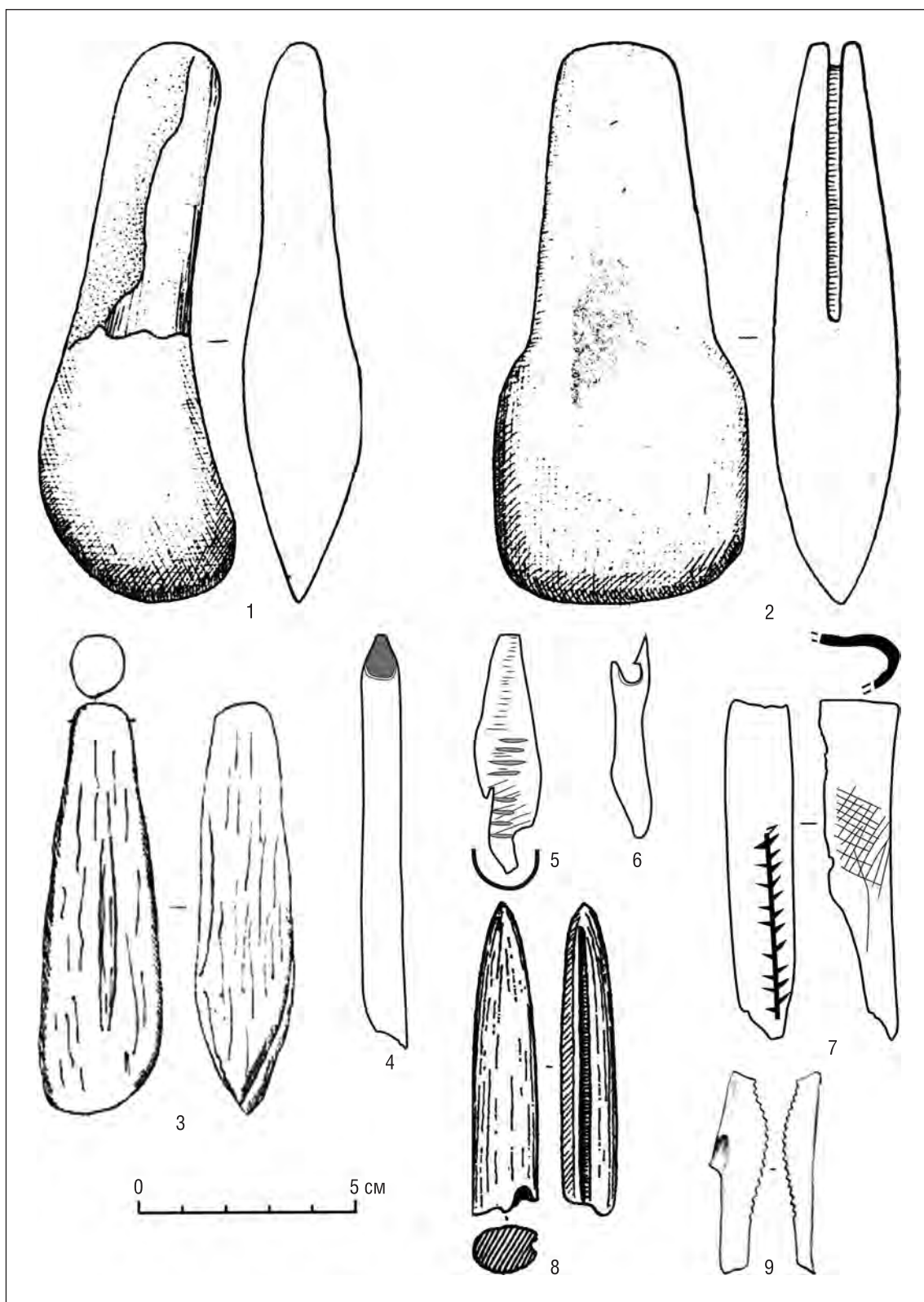

Рис. 9. Рубящие орудия из рога (1–3) и костяные изделия различных типов (4–9):
 1 – стоянка Копанице-1; 2, 8 – стоянка Дармодехинская-1; 3 – стоянка Щучье-2; 4–6 – стоянка Черкасская;
 7 – стоянка Черкасская-3; 9 – поселение Дрониha

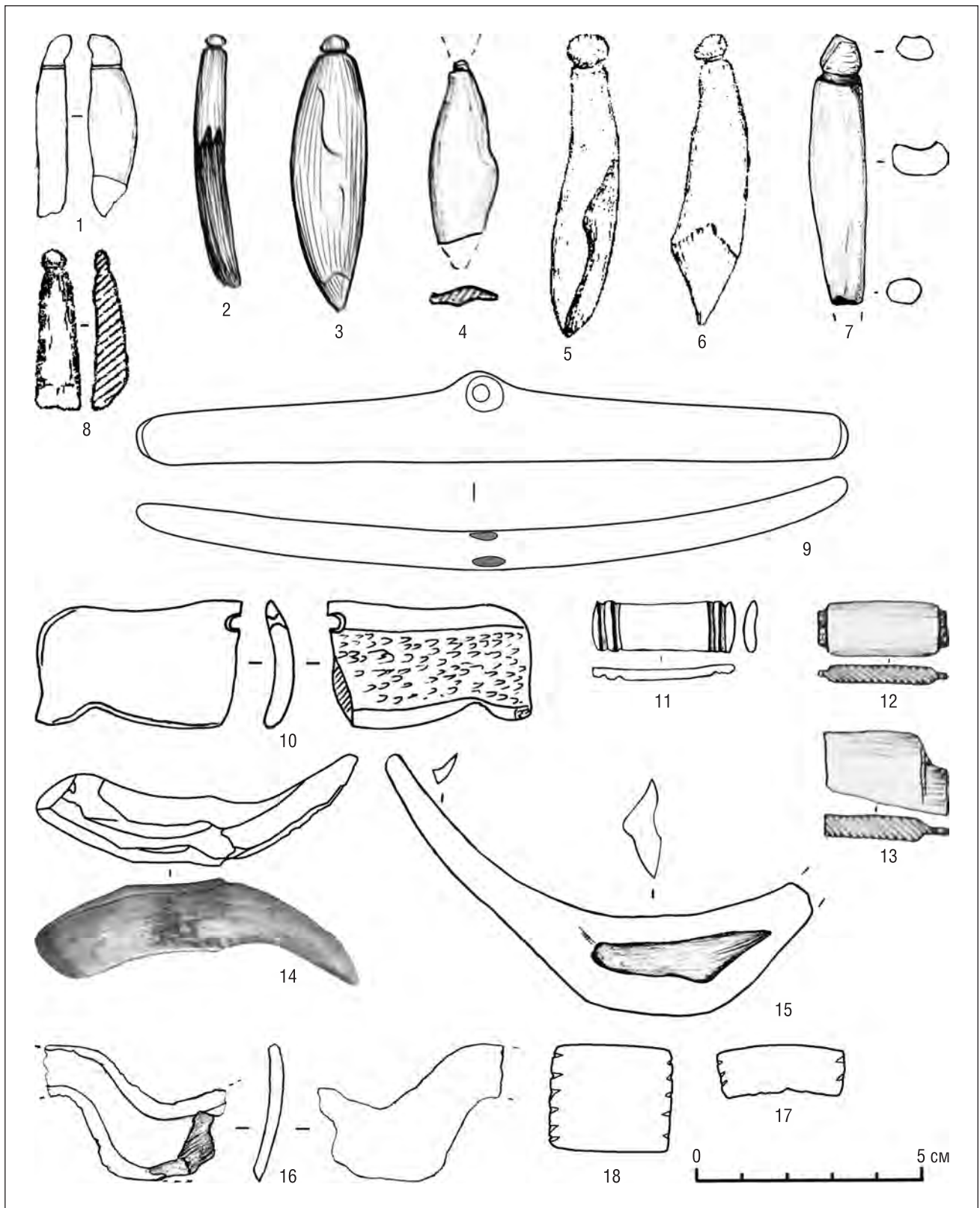

Рис. 10. Костяные подвески и нашивки: 1, 7, 10, 11, 14–16 – стоянка Черкасская; 2–6, 8, 12, 13 – поселение Дрониha; 9 – стоянка Черкасская-3; 17, 18 – грунтовое погребение у с. Голубая Криница

Несмотря на относительную малочисленность изделий из кости и рога, происходящих с памятников неолита и энеолита Среднего Подонья, можно сделать определённые выводы. Самые ближайшие аналоги охарактеризованным выше костяным изделиям встречены на поселении Липецкое Озеро на Верхнем Дону. Это не удивительно, так как все памятники находятся в одной природно-климатической зоне – лесостепи – и недалеко друг от друга. Привлекают внимание совершенно однотипные наконечники крупнозубых гарпунов, узких плоских наконечников стрел, наконечников шигирского типа, рыболовных крючков [19].

Сравнивая костяные изделия Среднего Подонья с материалами эталонных неолитических памятников Нижнего Дона (Ракушечный Яр, Раздорские поселения) и Нижней Волги (Варфоломеевская стоянка), отметим слабое сходство костяной индустрии, выражающееся, прежде всего, в практически полном отсутствии традиции орнаментации костяных изделий на Среднем Дону. Сходство начинает отчётливо проявляться с раннего энеолита (время могильников мариупольского типа), но лишь в украшениях.

Если сравнивать наши материалы с костяными индустриями неолита и энеолита лесной зоны (территория Центральной России), следует отметить отсутствие на Среднем Дону игловидных и фигурных наконечников стрел, редкость конических и биконических наконечников стрел, невыраженность зоо- и антропоморфных черт в костяных изделиях. Ситуация меняется на Дону лишь со времени распространения могильников мариупольского типа, и то проявляется лишь в единичных украшениях.

Что касается хронологии распространения костяных изделий на Среднем Дону, то следует отметить сложность их культурно-хронологического деления. Подавляющая часть орудий и украшений происходит с многослойных стоянок и поселений, где отсутствуют чётко выраженные монокультурные слои. Отметим лишь наблюдения, сделанные по материалам стратифицированной стоянки Черкасская-3. Верхние слои памятника содержали среднестоговскую и позднеолитическую накольчатую керамику, нижние – неолитическую среднедонскую, днепро-донецкую, раннеэнеолитическую нижнедонскую [18]. По материалам этого памятника удалось проследить определённую закономерность – в нижних слоях нет ни одного кремнёвого или кварцитового наконечника, однако присутствуют наконечники из кости, в том числе и с пазами для вкладышей (рис. 2: 5; 9: 8). В нижних слоях имеются микропластины и геометрические микролиты, в верхних – таковых нет. В верхних слоях есть двусторонне обработанные кремнёвые и кварцитовые наконечники, один костяной «шигирский» наконечник, но нет узких плоских костяных наконечников. Кстати, о позднем возрасте наконечников шигирского типа в Среднем Подонье свидетельствует находка наконечника такого типа в грунтовом могильнике Терешковский Вал эпохи раннего металла [3, с. 47–52]. Кремнёвых либо кварцитовых наконечников нет и на чисто неолитическом памятнике Монастырская-1 при значительном количестве микропластин и геометрических микролитов, т.е. вкладышевых изделий [1].

Более конкретную культурно-хронологическую информацию дают некоторые типы украшений, происходящих с пока единичных грунтовых погребений [20].

Таким образом, изделия из кости с территории Среднего Подонья, охарактеризованные выше, свидетельствуют о том, что на протяжении неолитического и энеолитического периодов развития населения Среднего Дона кость и рог играли важную роль в его хозяйственно-производственной и культовой деятельности, однако особенности отложений культурных слоёв поселенческих памятников значительно обедняют информативные возможности инвентаря из органических материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
2. Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам Восточно-Европейской лесостепи). Воронеж, 1978.
3. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
4. Килейников В.В., Чекменев Ю.А. Костяные орудия рыболовства с донских памятников времени неолита – бронзы // Археология Дно-Волжского бассейна. Межвузовский сборник научных работ. Воронеж, 1993.
5. Килейников В.В., Крамской В.А., Дущенко С.Н. Орудия труда и изделия из окрестностей Черкасской стоянки // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. Воронеж, 2009.
6. Березуцкий В.Д., Килейников В.В., Скоробогатов А.М. Погребение мариупольского типа на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 14. Воронеж, 2011.
7. Дущенко С.Н., Скоробогатов А.М. Костяное изделие эпохи энеолита со стоянки Черкасская-3 // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 15. Воронеж, 2013.
8. Гапочка С.Н. Неолитические материалы многослойной стоянки Щучье II в Среднем Побитюжье // Археологические памятники бассейна Дона: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2004.
9. Синюк А.Т. Отчет об археологических исследованиях на Среднем Дону в 1974 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5689.
10. Синюк А.Т. Отчет о работе 1-го отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5816. Синюк А.Т. Альбом иллюстраций к отчету о работе 1-го отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5816а.
11. Синюк А.Т. Отчет об Открытому листу № 560 о проведении археологических работ в Павловском и Калачеевском районах Воронежской области в 1979 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7427.
12. Синюк А.Т. Отчет к Открытому листу № 584 о раскопках поселения «Дрониha» Таловского района Воронежской области в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8537; Синюк А.Т. Приложение к Отчету о раскопках поселения «Дрониha» Таловского района Воронежской области в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8537а.
13. Синюк А.Т. Отчет к Открытому листу № 407 о раскопках экспедиции Воронежского пединститута в левобережье Среднего Дона в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8536.

14. Синюк А.Т. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского педагогического института в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9205.
15. Skorobogatov A.M. Отчет о раскопках стоянки Черкасская в Воронежской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1.
16. Skorobogatov A.M. Отчет о раскопках стоянки Черкасская в Воронежской области в 2010 году // Архив ИА РАН. Р-1.
17. Skorobogatov A.M. Отчет об археологической разведке в приустьевой части р. Битюг в Павловском районе Воронежской области в 2011 году // Архив ИА РАН. Р-1.
18. Skorobogatov A.M. Отчет о раскопках стоянки Черкасская-3 в Павловском районе Воронежской области в 2012 году // Архив ИА РАН. Р-1.
19. Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк, 2000.
20. Skorobogatov A.M. Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013.

**ООО «Терра»,
Воронеж**

A.M. Skorobogatov

BONE WARE FROM THE NEOLITHIC – AENEOLITHIC MONUMENTS OF THE MIDDLE DON

Summary

All materials on bone ware known by 2013 are considered in total for the first time in this paper. This ware originates from the monuments of the Neolithic and the Aeneolithic of the Middle Don located within the modern Voronezh region. The work includes only the typological characteristics of bone artefacts according to morphological features, and the most general questions of cultural and chronological attribution of this ware. It was taken into account the available publications and reports on results of research dealing with the monuments of the Neolithic and the Aeneolithic periods of the Middle Don, where bone ware were found in cultural layers.

**Limited liability company «Terra»,
24, 20 let Oktyabrya St., Voronezh, 394031,
Russia**

E-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

Ю.Б. Сериков, И.Н. Тупиков

К ВОПРОСУ О ХИМИЧЕСКОМ РАЗМЯГЧЕНИИ КОСТИ В ДРЕВНОСТИ

Изучение костяных наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом (около 4,5 тыс. экз.) поставило перед исследователями целый ряд вопросов. Некоторые из них связаны с техникой и технологией их изготовления. Особый интерес в этом плане представляют биконические наконечники стрел, число которых в коллекции достигает 450 экз. Неолитические биконические наконечники – небольших размеров: от 3,2 до 7,5 см. Часто они имеют гранённое перо и циркульный орнамент либо на верхнем конусе наконечника, либо на нижнем (чаще). Биконическая головка обычно сразу переходит в уплощённый на две грани насад. Среди них наибольший интерес представляют биконические наконечники, имеющие правильную форму тел вращения, именно на них нанесён циркульный и спиральный орнамент. Следы обработки в виде очень тонких, часто расположенных и строго параллельных друг другу линий опоясывают биконическую головку наконечника и часть стержня. Наиболее чётко они выражены на выступающих участках наконечников (рис. 1: 1–20). Такие линейные следы могли появиться только в результате токарной обработки изделия (рис. 2: 1–10) [1, с. 151–153].

Следует отметить, что использование токарного приспособления для обработки костяных наконечников стрел отмечено и на других территориях. М.Г. Жилиным токарная обработка игловидных и биконических наконечников стрел зафиксирована на ряде стоянок среднего мезолита Верхнего Поволжья [2, с. 19–20].

Трасологический анализ биконических наконечников, а также эксперименты по их изготовлению отчётливо показали, что кость, из которой вытачивали наконечники, предварительно была сильно размягчена. Причём распариванием кости такой степени размягчения достичь было невозможно. Грани острия и уплощённый насад наконечников вырезали вручную. Следы срезов на них очень ровные и длинные. Таких срезов при работе каменным ножом не достичь даже на распаренной кости. Также невозможно нанести на сухую или распаренную заготовку наконечника спиральный орнамент, так как при точении требуется соблюдения равное расстояние между витками орнамента. Распаривание размягчает поверхность кости в лучшем случае на полмиллиметра, тогда как глубина врезания резца в кость при нанесении спирали доходила до 1 мм. Следует подчеркнуть, что спираль выполнена очень чётко, одинаково по глубине и без малейших следов съезжания резца, что непременно произошло бы при недостаточном размягчении кости.

Анализ костяных наконечников раннего железного века и Средневековья из пещерных святилищ реки Чусовой (Камень Дыроватый, пещеры Туристов и Кумышанская) показал, что на них присутствуют негативы срезов длиной до 10 см и шириной до 1 см (рис. 3: 1–10; 4: 1–15). При этом поверхность срезов очень ровная и гладкая. Данные следы очень похожи на следы строгания древесины железным ножом [3, с. 23–25]. При помощи распаривания такой длины срезов на кости добиться невозможно. Получить их можно лишь подвергнув кость химической обработке.

Обычно мягчение кости связывают с распариванием. С.А. Семёнов считал, что некоторые изделия – типа диадемы из детского погребения в Мальте – можно изготовить только из размягчённой (распаренной) кости. Вполне допустимым он полагал способ, выявленный экспериментальным путём М.М. Герасимовым. Кусок бивня мамонта вымачивался в воде на протяжении пяти суток. Затем он был трижды обернут в шкуру, которая также вымачивалась до разбухания. Полученный пакет был помещён в костёр и находился там до полного спекания шкуры (1 час 45 минут). После изъятия кусок бивня легко строгался кремнёвой пластиной. При этом получалась длинная завивающаяся в спираль стружка [4, с. 192–194]. Производственную печь для размягчения костяных заготовок выявили в косторезной мастерской раннего железного века на Бельском городище [5, с. 74].

Однако следует учитывать, что распаренная кость довольно быстро остывает и вновь становится твёрдой. В результате можно не успеть завершить изготовление изделия. Во всяком случае, никакое распаривание не поможет выточить биконический наконечник стрелы и нанести на него идеально ровный циркульный или спиральный орнамент.

Опыты по химическому размягчению кости проводили неоднократно многие археологи. Успех пришёл к польскому археологу К. Журовскому, который размягчал кость и рог сначала в щавелевой кислоте, а затем в кислом молоке. Положенные в воду с растёртыми листьями щавеля заготовки из кости и рога через пол-

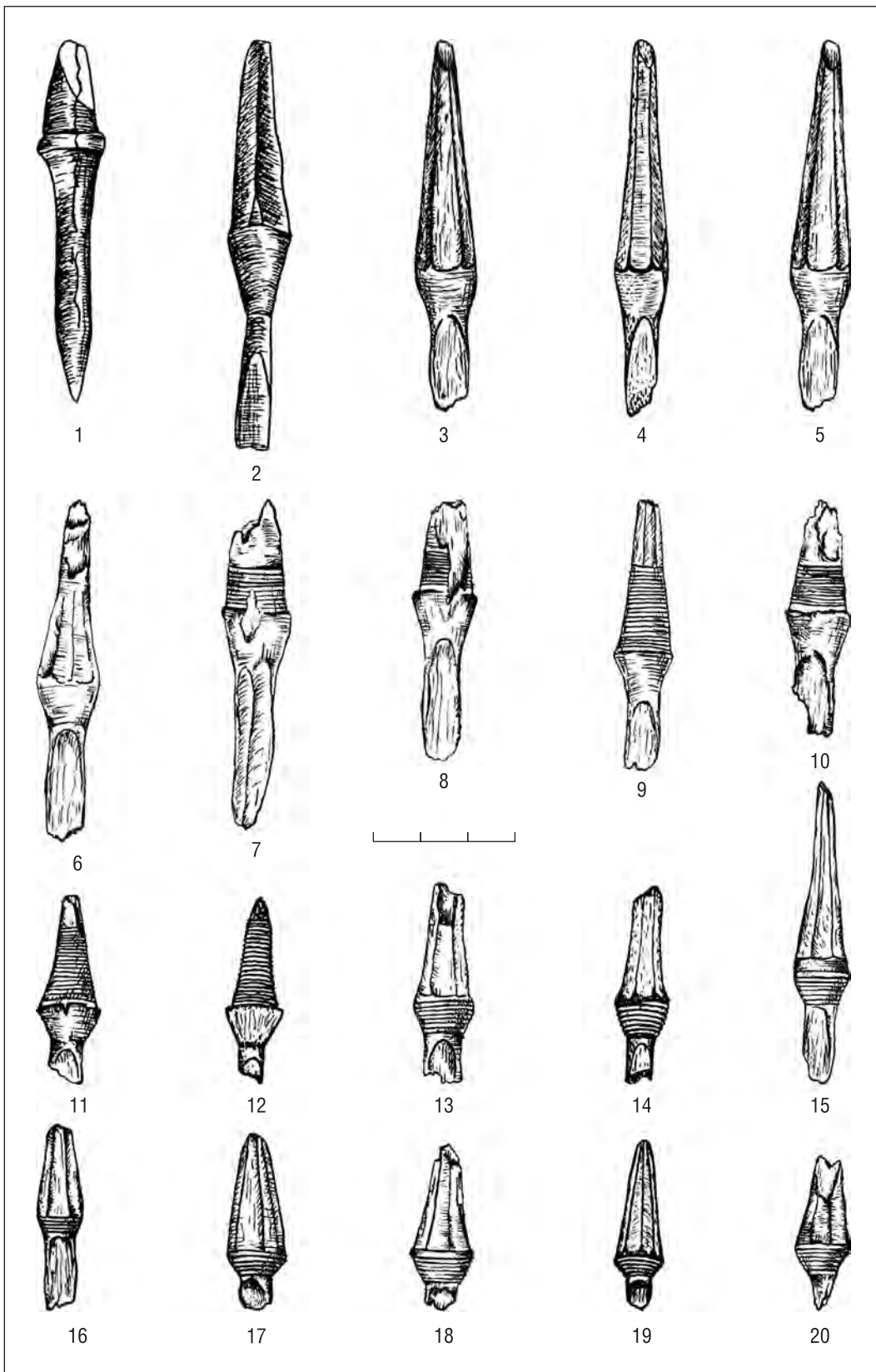

Рис. 1. Камень Дыроватый. Биконические наконечники стрел

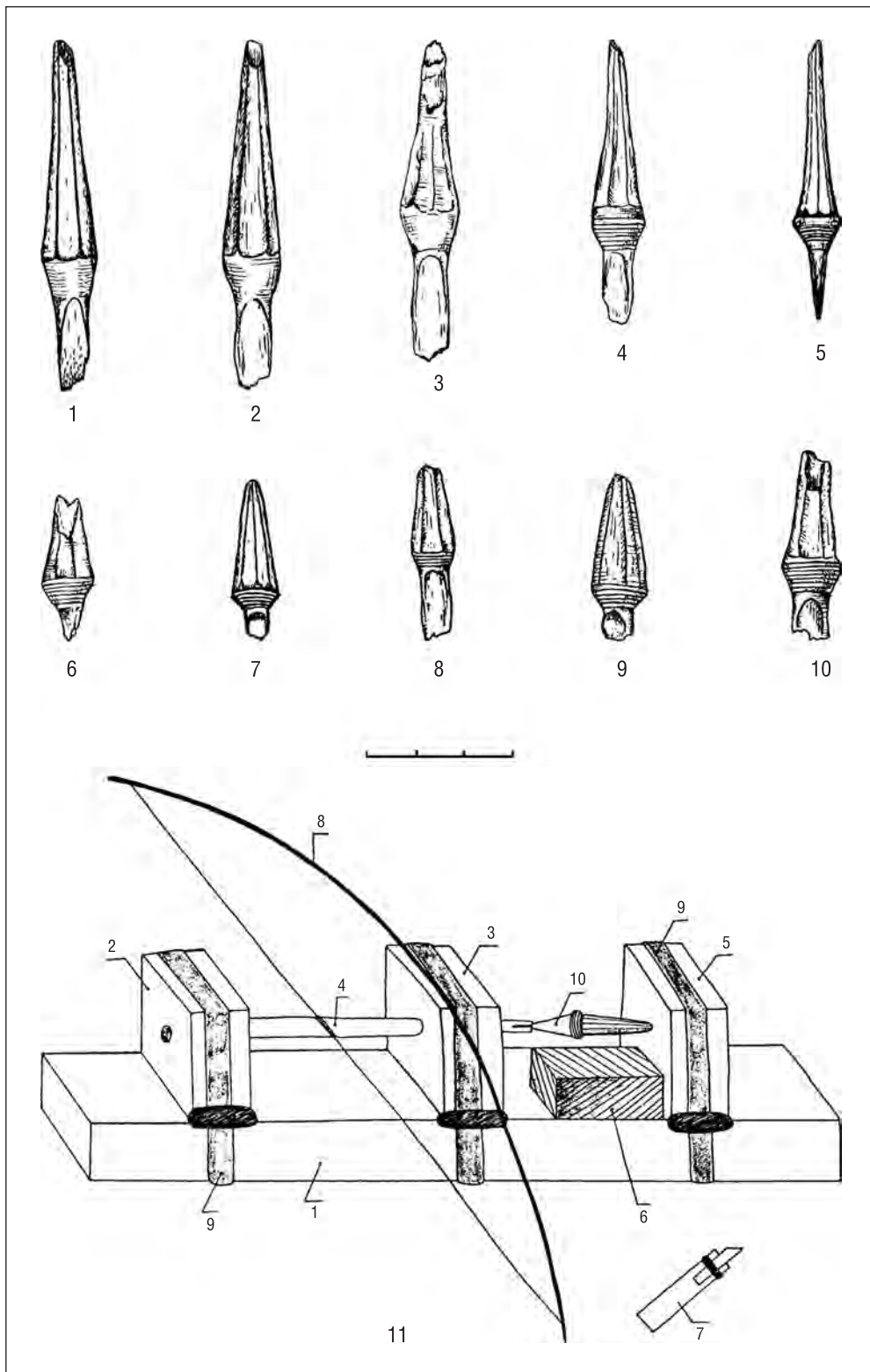

Рис. 2. Камень Дыроватый. Биконические наконечники стрел (1–10) и модель токарного станка с лучковым приводом (11: 1 – станина; 2, 3 – опоры передней бабки; 4 – рабочий стержень; 5 – опора задней бабки; 6 – подставка под резец; 7 – резец в рукояти; 8 – лучок с тетивой; 9 – ременные вязки; 10 – биконический наконечник)

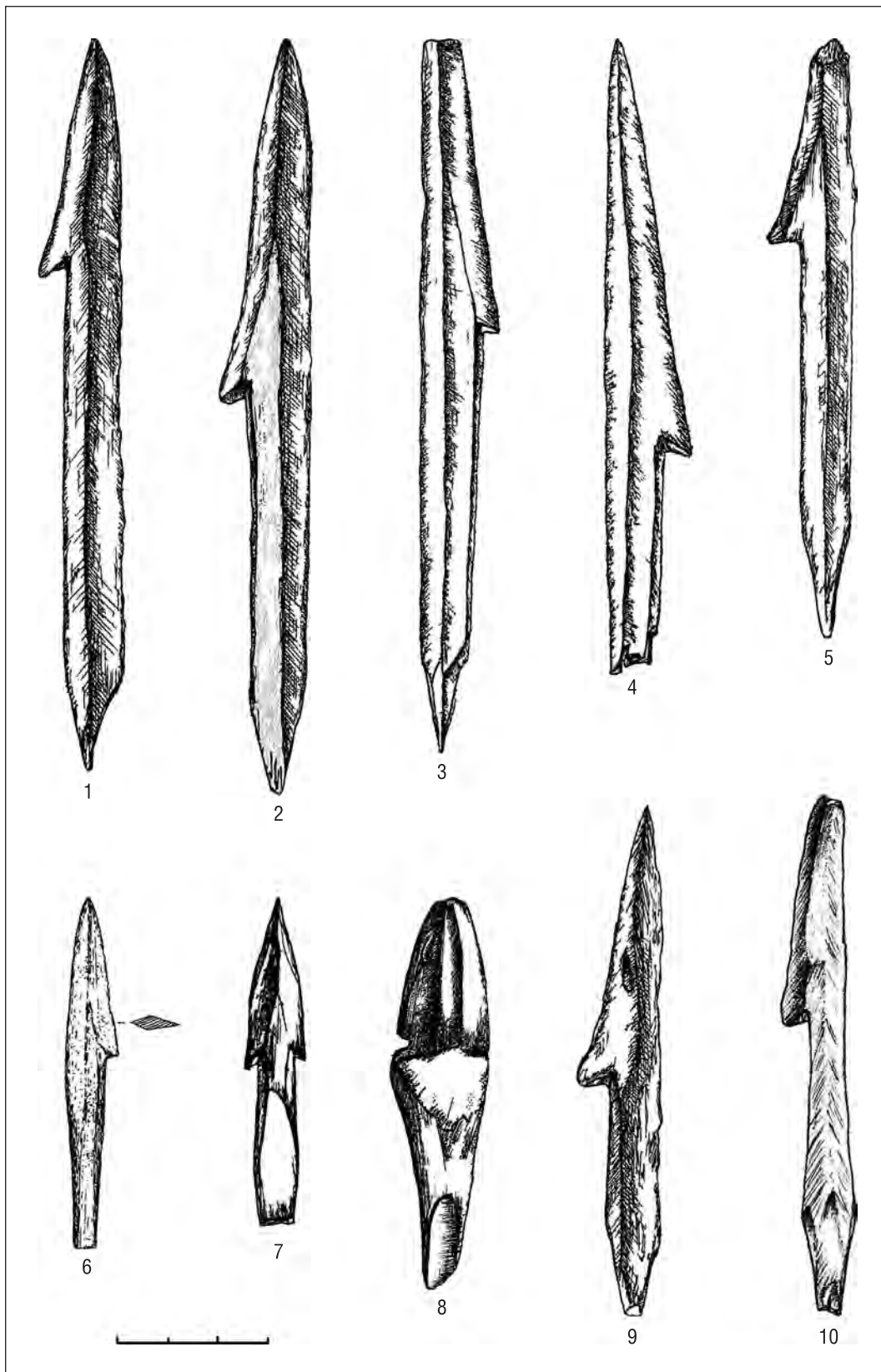

Рис. 3. Пещера Туристов. Костяные наконечники стрел

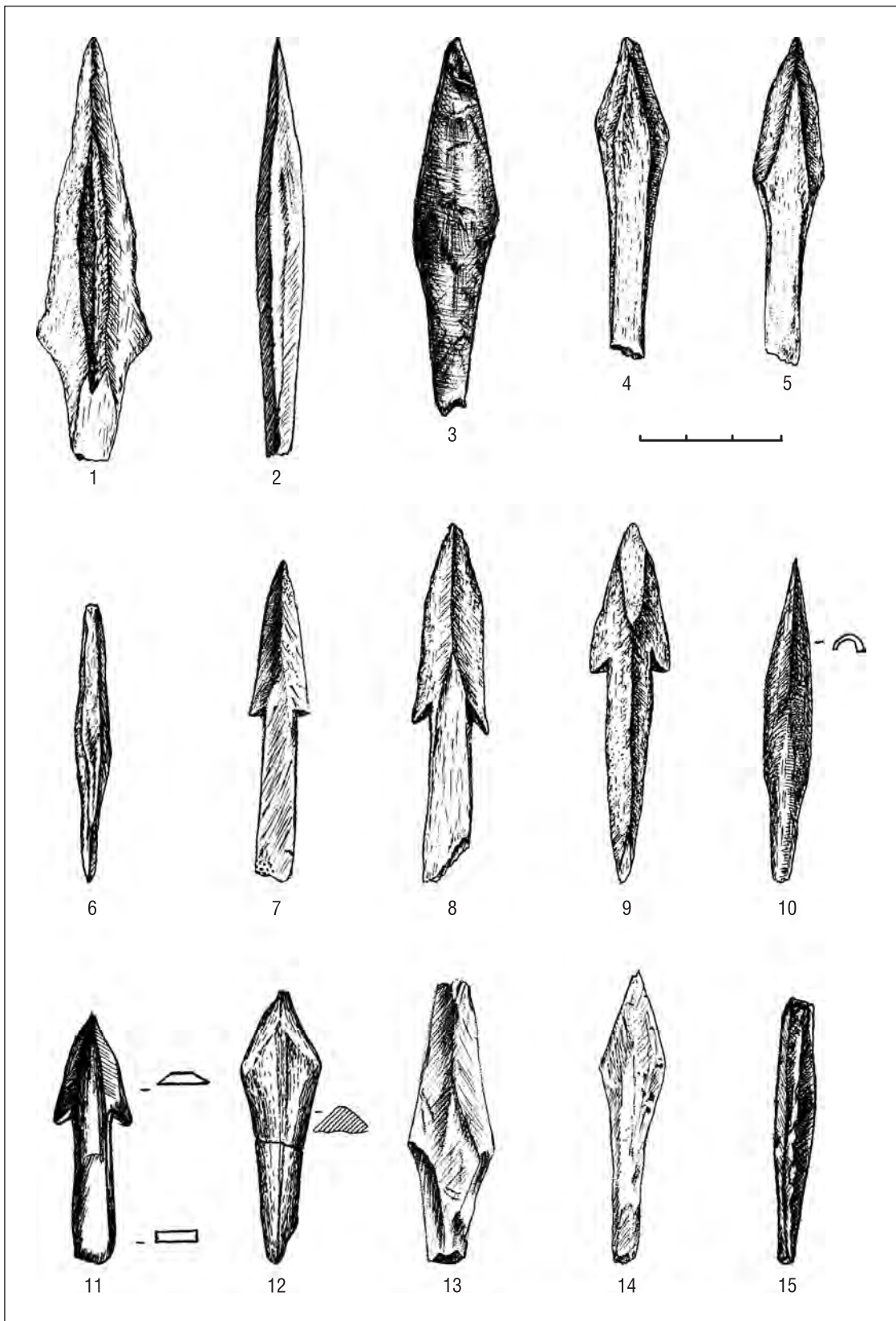

Рис. 4. Пещера Туристов. Костяные наконечники стрел

тора месяца можно было строгать и резать, как дерево. Вынутые из раствора, через четыре дня они приобрели прежнюю твёрдость [6, с. 130]. Ямы, видимо для химического размягчения, в которых лежали сотни костяных заготовок, обнаружены пермскими археологами на ряде городищ родановской культуры Прикамья [7, с. 67].

Можно предполагать, что секреты химического размягчения кости, рога и бивня были известны людям ещё в глубокой древности – ведь кость наряду с камнем являлась самым распространённым и самым используемым материалом для изготовления орудий, приспособлений, произведений искусства, украшений. Поэтому вполне естественно, что способы обработки кости постоянно совершенствовались. Достаточно вспомнить две рогатины из бивня мамонта длиной 1,65 и 2,47 м из погребения детей на палеолитической стоянке Сунгирь [8, с. 69–87].

Чтобы выяснить, каким образом и при помощи какого сырья древний человек мог достичь сильного размягчения кости, И.Н. Тупиковым была проведена серия экспериментов. При этом ставилась цель использовать только такие вещества, которые были доступны в круглый год. Ведь в лесной зоне Урала шавель и ягоды (животноводства ещё не было) можно получить только летом и осенью, а необходимость обработки кости существовала во все сезоны.

Для проведения эксперимента были использованы следующие размягчающие вещества: вода, щёлочной раствор (раствор воды и золы), содержимое желудка крупного рогатого животного и животный жир. В качестве экспериментальных образцов костного сырья выступали пластины из трубчатых костей коровы (4 экз.) и лося (4 экз.). Для максимального приближения к древности был изготовлен железный нож, прототипом которого послужили железные ножи из коллекции пещеры Туристов. В первой части эксперимента шесть костяных пластин вымачивались в воде, щёлочной и содержимом желудка. Во второй части – две костяные пластины вываривались в жире.

В начале эксперимента на каждом из образцов сырья при помощи железного ножа было сделано несколько срезов. Кость и рог с трудом поддавались обработке. Как такового строгания не получилось: срезы и образовавшаяся мелкая стружка больше напоминали следы скобления. Затем пластины были помещены в три ёмкости: с водой, щёлочной и содержимым желудка. Через определённые промежутки времени (1 час, 12 часов, 24 часа, 7 суток, 1 месяц, 2 месяца) пластины извлекались из ёмкостей, после чего вновь производилось строгание. После каждой процедуры замерялись длина, ширина и толщина срезов.

При первом извлечении особых изменений не наблюдалось. Однако роговая стружка во всех случаях приобрела вид отдельных чешуек около 0,3 см в диаметре. При втором извлечении длина срезов значительно увеличилась. На роговых пластинах, находившихся в щёлочной и содержимом желудка, параметры срезов увеличились по всем показателям. При этом материал стал поддаваться резке при меньшем усилии. В дальнейшем значительные изменения в показателях наблюдались лишь у роговых пластин. Кость по-прежнему с трудом поддавалась обработке. После двух-трёх срезов она вновь становилась твёрдой. Роговые же пластины становились всё мягче. После месяца вымачивания срезы на роговых пластинах стали похожи на те, что присутствуют на роговых изделиях из пещеры Туристов. Лучшее поддавался обработке рог, вымоченный в щёлочной. Спустя два месяца длина срезов на роговых пластинах соответствовала длине самих пластин. Производимое усилие при этом стало меньше, чем при строгании дерева. Следует отметить, что заготовка стала легко гнуться, а образовавшаяся длинная стружка стала настолько мягкой, что её можно было завязать узлом. После высыхания рог, находившийся в щёлочной, приобретал прежнюю твёрдость. В продолжение эксперимента из роговой пластины, находившейся в щёлочной, был выстроган двушипный наконечник длиной 10 см. Он в точности повторял форму древних наконечников из пещер Туристов и Камня Дыроватого.

Впоследствии эксперимент был продолжен. Костяные пластины, использовавшиеся в предыдущем эксперименте, были оставлены в растворе ещё на один месяц. По прошествии этого времени было обнаружено, что кость после двухмесячного пребывания в щёлочной размягчилась до состояния древесины. Она, так же как размягчённый ранее рог, поддавалась строганию и даже изгибалась [9, с. 32–33].

Преподавателем Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии кандидатом химических наук доцентом Н.Г. Сергеевой методом кислотно-основного титрования было определено, что в экспериментальном растворе находится смесь карбоната (Na_2CO_3) и гидрокарбоната (NaHCO_3) натрия – по 50 %.

На основе полученных результатов была сделана попытка реконструировать технологию изготовления костяных наконечников стрел раннего железного века и Средневековья, присутствующих в коллекциях пещер реки Чусовой.

Эксперимент проходил в несколько этапов. На первом этапе производился раскрой исходного материала. На втором – заготовки были помещены в специальный раствор для размягчения. На третьем – из заготовок были выстроганы несколько наконечников разных типов. Затем изготовленные наконечники были высушены вблизи костра.

В качестве материала для изготовления наконечника использовалась плечевая кость коровы. Данные кости идентичны трубчатым костям лося, из которых выполнены оригинальные древние наконечники.

На первом этапе эксперимента у вываренной кости при помощи железного топора были отрублены эпифизы и удалён костный мозг. Затем получившаяся трубчатая заготовка была расколота на пять пластин. Все процедуры на данном этапе заняли две минуты чистого рабочего времени.

Фото 1. Результаты эксперимента по химическому размягчению кости
(вверху – костяная стружка; внизу – экспериментальные костяные наконечники стрел)

Второй этап был самым продолжительным. В этой части эксперимента заготовки были помещены в специальный раствор воды и золы. Длительность пребывания заготовок в растворе составила два месяца (61 день).

Третий этап эксперимента был самым сложным. Для изготовления наконечников был использован железный нож, сделанный по древней технологии. Сначала была предпринята попытка выстрогать двушипный наконечник. Вынутые из раствора заготовки настолько размягчились, что их можно было резать, как дерево. Строгание производилось по направлению к будущему жалу. При этом заготовку для повышения производительности и для увеличения точности работы одним концом упирали в твёрдую горизонтальную поверхность. Из пластины шириной два сантиметра было выстрогано остриё ромбического сечения. Затем в средней части заготовки под острым углом к продольной оси будущего наконечника были сделаны надрезы глубиной около 0,6 см. После этого ниже надрезов был выстроган черешок, многогранный в сечении, шириной около 0,8 см. В завершение работы черешок двумя срезами был уплощён на две грани. Получившийся наконечник был высушен вблизи костра, после чего кость приобрела обычную твёрдость. Все операции на данном этапе эксперимента были выполнены за 12 минут чистого рабочего времени. Впоследствии из других заготовок были выстроганы ромбовидный наконечник и наконечник с утяжелённой боевой головкой. Их изготовление заняло также около 10–12 минут. При этом упирать заготовку при строгании в твёрдую плоскую поверхность было не обязательно, все операции можно было сделать на весу, работая ножом по направлению от себя. Стоит отметить, что качество срезов при изготовлении каждого последующего наконечника росло (фото 1).

Таким образом, в ходе данного эксперимента за 12–14 минут чистого рабочего времени (не считая времени пребывания в растворе) было изготовлено несколько костяных наконечников. В процессе их изготовления были использованы такие приёмы обработки кости, как рубка, размягчение и строгание. Была подтверждена эффективность применения раствора воды и золы в качестве размягчителя, причём в данной технологии процесс размягчения является ключевым.

По всей видимости, рецептов размягчения кости с использованием элементов растительного или животного происхождения древние люди знали гораздо больше, чем представляется в настоящее время. Важно другое: изобретение рецептов химического размягчения кости является одним из важных аспектов адаптации древнего человека к природной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов Д.Б., Сериков Ю.Б. Реконструкция токарного станка каменного века // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения: тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию С.А. Семенова. СПб., 1999.
2. Жилин М.Г. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.
3. Бородовский А.П. Признаки размягчения исходного сырья при изготовлении костяных и роговых предметов в эпоху металлов // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя. Информационные материалы. Свердловск, 1989.
4. Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л., 1957. (МИА. № 54)
5. Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск, 2006.
6. Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М., 1988.
7. Белавин А.М. Вису – страна Чулманская. Наш край в веках // Страницы истории земли Пермской: учебное пособие. Пермь, 1996.
8. Гиря Е.Ю., Хлопачев Г.А. Копья из двойного погребения подростков сунгирской стоянки (технологический анализ) // In situ: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб., 2006.
9. Тупиков И.Н. К вопросу о химическом размягчении кости и рога в эпоху раннего железного века и средневековья // XLIV международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: тезисы докладов. Екатеринбург, 2012.

*Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия,
Нижний Тагил, Свердловская область*

*МБОУ СОШ № 9, пос. Нейво-Рудянка
Кировоградского района Свердловской области*

Yu.B. Serikov, I.N. Tupikov

ABOUT THE CHEMICAL SOFTENING OF BONES IN THE ANCIENT TIMES

Summary

Working traces on bone arrowheads from some cave sanctuaries on the river Chusovaya (the Middle Urals) quite reasonably allow supposing that the ancient population of the Urals knew the secret of chemical bone and horn softening. To confirm this hypothesis, a series of experiments was set up by authors.

For this purpose, there was set a goal to use only such substances which were available all the year round. As a result it has been found that the bone after two-month stay in lye (mix of water and ashes) was softened to a condition of wood. Further bone working gave the traces completely similar to the ones found on archaeological samples.

Yu.B. Serikov
The State Social-Pedagogical Academy of Nizhny Tagil,
57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, 622031,
Russia
E-mail: u.b.serikov@mail.ru
serikov2@yandex.ru

I.N. Tupikov
State Budgetary General Education Institution
«Secondary School № 9»,
27, Rzhanikova St., Neivo-Rudyanka settlement,
Kirovogradsky district, Sverdlovsky region, 624152, Russia
E-mail: tupikov.ilya@mail.ru

В.Н. Карманов

ТЕПЛОВАЯ ОБРАБОТКА КРЕМНЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО МЕТАЛЛА УГДЫМ I НА СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЕ

Свидетельства этнографов, путешественников и любителей древности в XIX – начале XX в. обратили внимание археологов на возможное использование огня и воды для расщепления кремня. Большинство этнографических свидетельств описывают нагревание кусков кремня в костре, в котором от высокой температуры они кололись и получались различные сколы, и те потом подвергались дальнейшей обработке. Имеются и сведения о том, что нагревался кусок сырья, на него капали холодную воду и в результате от него откалывались необходимые фрагменты, и таким образом оформлялось орудие [1, р. 140]. Эксперименты по использованию огня для раскалывания кремня проводили В.А. Городцов в 1915 г. [2, с. 81–83], С.А. Семёнов в 1960-х годах [3]. Л.Я. Крижевская в ходе изучения многослойного поселения Усть-Белая (бассейн р. Ангара) интерпретировала ямы, заполненные расколотой кварцитовой галькой, «как простейшие печи, в которых при помощи кострищ раскалывался кварцит» [4, с. 251]. Однако эксперименты по использованию воды и огня в таком аспекте оказались неудачными.

Ситуация изменилась, когда одному из успешных экспериментаторов США – Д. Крэбтри – в середине 1960-х годов удалось в ходе экспериментов доказать, что термическая обработка кремня действительно возможна. Однако она направлена не на получение сколов-заготовок, а на подготовку отдельности сырья для его дальнейшего расщепления. Д. Крэбтри впервые описал признаки тепловой обработки и установил температуру, до которой различные разновидности кремнистых пород могли нагреваться для эффективного расщепления [5]. Это вызвало интерес и в зарубежной археологии, преимущественно североамериканской, с 1970-х годов сведения об этом приёме подготовки сырья, как по археологическим данным, так и по итогам экспериментов, публикуются в ведущих научных журналах [6, р. 322–325; 7, р. 651–654; 8, р. 1359–1362; 9, р. 703–704].

Исследователи указывают на утилитарные и неутилитарные причины применения тепловой обработки, предваряющей непосредственное расщепление кремня:

1. В процессе термического воздействия сырьё приобретает новые механические свойства: в отдельностях сырья происходит спекание зёрен кремнезёма, и, как следствие, повышается изотропность материала. Это приводит к усилению контроля над процессом расщепления со стороны человека. Самое распространённое современное проявление развития этой технологии – обычное стекло, как известно, обладающее высокой изотропностью. По результатам механических тестов отмечается улучшение качества сырья: увеличение количества снимаемых отщепов и их длины и уменьшение числа нежелательных снятий с петлеобразным окончанием. В ходе некоторых экспериментов отмечено, что края сколов с обработанного термически кремня острее, чем с «сырого» [10, р. 146–148; 11, р. 502–507; 12, р. 601–614; 13, р. 177–208].

2. В зависимости от степени нагревания некоторые разновидности кремня могут менять свой цвет и структуру поверхности, становясь более яркими и блестящими. Связано это с химическими процессами окисления, которые превращают невзрачные железосодержащие составляющие кремня в малиновые, розовые и т.п. включения и разводы. Возможно, эти свойства могли быть использованы древними мастерами для выражения своих эстетических представлений [14, р. 39–44].

Сам процесс тепловой обработки достаточно подробно описан в экспериментальных работах и не требует никаких изощрённых действий. Единственное условие – для каждой разновидности сырья необходимо определить свой оптимальный температурный режим. Например, в США, где колоть кремь – один из видов хобби, существуют рекомендации по поиску сырья, его тепловой обработке с указанием температуры и времени нагрева и охлаждения в зависимости от разновидности и морфологии (например: http://www.ehow.com/how_6364992_heat-treat-flint-knapping-rock.html).

При изучении материалов среднего неолита с памятников Вычегодского бассейна я обратил внимание на разницу в характере поверхностей негативов снятий на отдельных предметах. Так, на одном предмете негативы намеренных снятий имели различные поверхности: часть из них была матовой и шероховатой, другая – гладкой с глянцем. Цветность их также отличалась: первые были темнее, в некоторых случаях отличались розоватым оттенком. При этом на исходном сырье разные зоны зернистости и прослойки, которые

могли бы объяснить такие отличия, не наблюдались. Помимо последствий тепловой обработки, в качестве объяснения рассматривалась возможность вторичного использования, т.е. ситуация, когда первобытными людьми обрабатывались изделия более древних периодов. А разница в характере поверхностей обусловлена изменениями свойств кремня при его длительном залегании в грунте [15, с. 45–46]. Окончательно версия о применении тепловой обработки была принята после консультаций с Х. Плиссоном и Е.Ю. Гирей, которым я выражаю искреннюю благодарность. А в 2010 г. мне удалось выявить прямые свидетельства тепловой обработки кремня на поселении раннего металла Угдым I.

Памятник расположен на 1-й надпойменной песчаной террасе, примыкающей к левобережной пойме р. Вычегды и левому берегу её притока – р. Угдым, вблизи с. Нёбдино Корткеросского района Республики Коми (рис. 1). Он был открыт Э.С. Логиновой в 1980 г. На расстоянии 450 м друг от друга ею выявлены две жилищные впадины, одна из которых (№ 1) исследовалась мной в 2010 г. В ходе раскопок были изучены остатки слабоуглублённой постройки прямоугольной формы в плане, размерами 4,5×12,5 м, площадью около 50 кв. м. По центральной оси постройки на удалении 4,7 и 2,4 м друг от друга располагались три очага, остатки которых были представлены линзами бурого спёкшегося песка (рис. 2).

Очаг 1 имел округлую в плане форму, деформирован корневодами (рис. 3). Его размеры – 0,65×0,55 м. Зафиксированная мощность линзы бурого песка достигает 0,27 м. Однако, как было сказано выше, это связано с затёками в нижележащие отложения. Реальная мощность очажного слоя была меньше по крайней мере в 1,5–2 раза. В отложениях были найдены немногочисленные термические осколки кремня. Фрагменты древесного угля в промывке отсутствовали.

Очаг 2 имел в плане форму, близкую к овальной. Также деформирован корневодами. Его размеры – 0,62×0,62 м. Мощность составляла 0,25 м. В заполнении были обнаружены многочисленные термические осколки одного куска пережжённого кремня, чешуйки и небольшое количество мелких неопределимых фрагментов кальцинированных костей птицы или рыбы, обломок керамического сосуда. Фрагменты древесного угля в его заполнении также отсутствовали.

Очаг 3 имел аморфные очертания. В отличие от предыдущих его верх был в значительной мере разрушен мелкими корневодами. Зафиксирован лишь наиболее сохранившийся низ линзы бурого песка. Контакты с окружающими отложениями значительно размыты. Размеры пятна здесь – 0,44×0,72 м, а принимая во внимание деформацию корневодами, были гораздо меньше. По сравнению с другими очагами здесь найден немногочисленный мелкий дебитаж – чешуйки и осколки кремня.

В пределах постройки культурные остатки залегали неравномерно, концентрируясь преимущественно вблизи очагов. Состав находок в этих трёх «пятнах» различен. Вблизи очага 1 найдено микроскопное дебитаж, пережжённые куски кремня, термические осколки. В юго-западном углу сооружения обнаружены фрагменты керамического сосуда.

Скопление у очага 2 содержало дебитаж, термические осколки и немногочисленные наконечники стрел – бифасы, как завершённые, так и неудачные, сломанные, а также обломки керамики. В заполнении очага 2 обнаружен и кусок кремня, термически расщеплённый на многочисленные осколки, которых здесь насчи-

Рис. 1. Местоположение поселения Угдым I

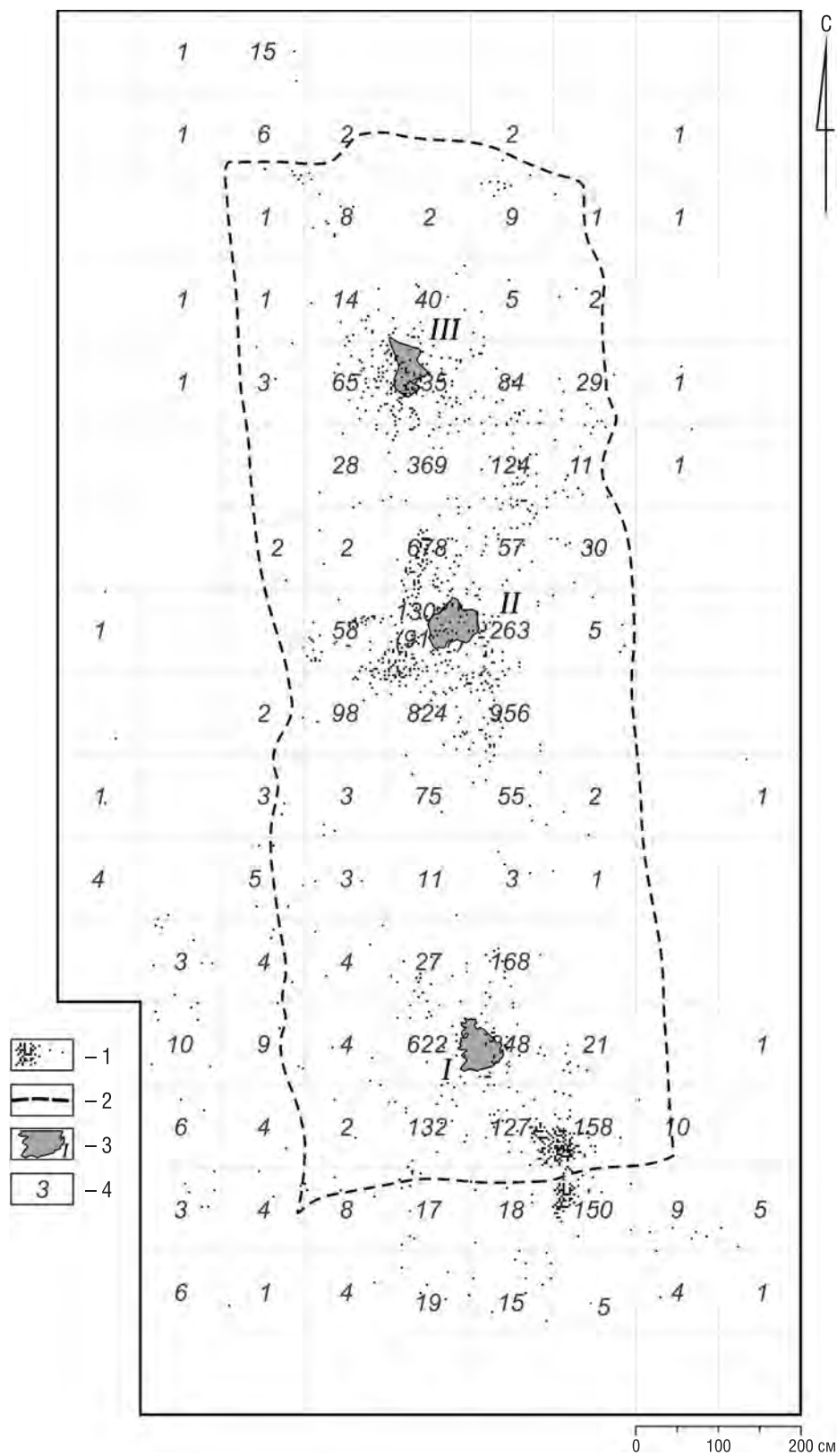

Рис. 2. Угдым I. План жилища.

1 – артефакты; 2 – граница котлована постройки; 3 – остатки очагов; 4 – количество находок на участке

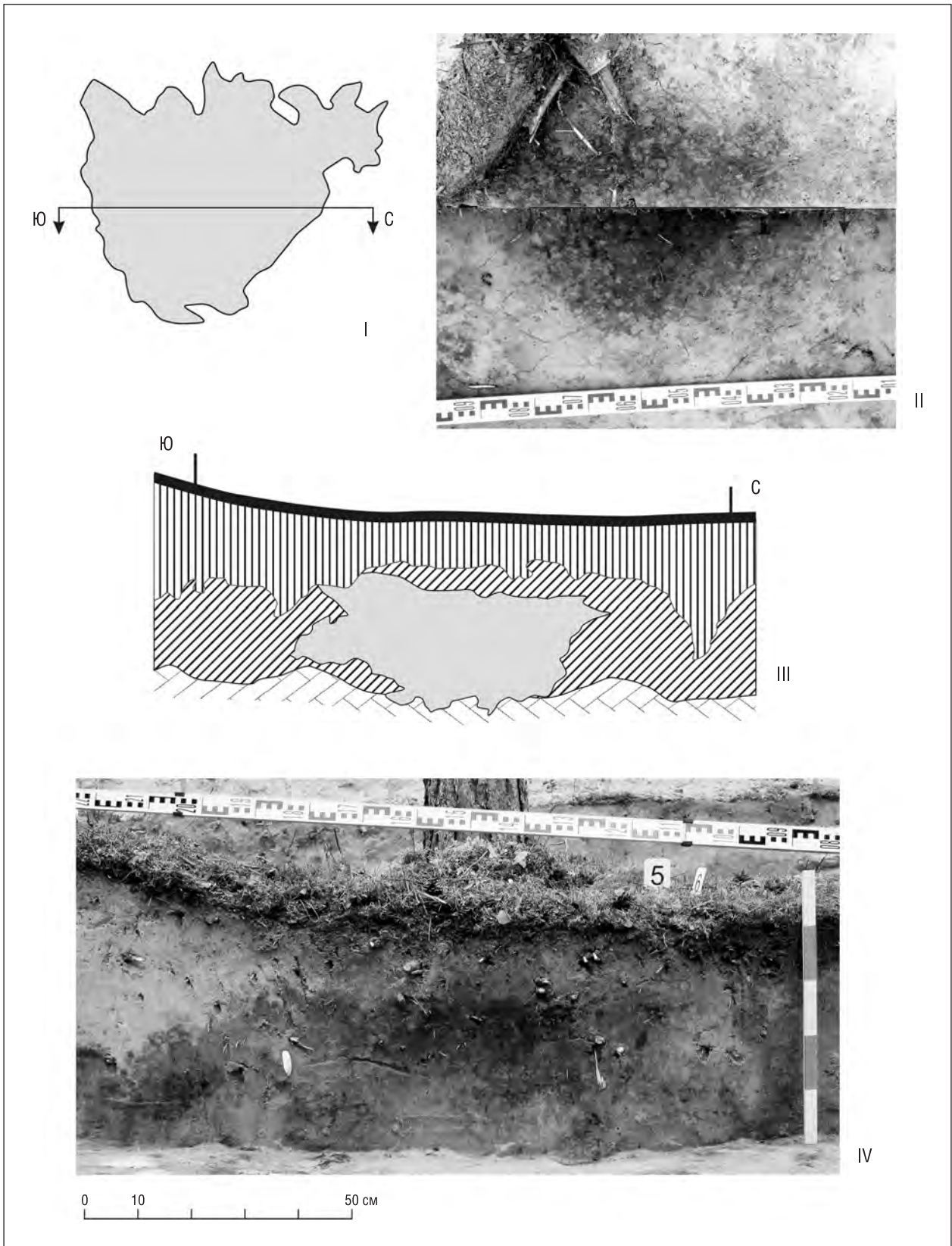

Рис. 3. Угдым I. Очаг 1. План (I, II) и разрез (III, IV)

тывается 3861. Общее же количество мелкого дебритажа (осколки, чешуйки) в пределах участка площадью 1 кв. м, на котором расположен очаг, составляет 13038 единиц.

У очага 3 найдено сравнительно небольшое количество чешуек и мелких отщепов. Однако здесь обнаружены орудия из некремнёвых пород, наибольшее количество наконечников стрел и комплекс изделий с неутилитарным износом – нож, наконечники копий и фигурный кремь. Трасологический анализ, проведённый Е.Ю. Гирей (ИИМК РАН), показал, что эти предметы долгое время могли носить в кожаном мешке. Следовательно, они были принесены на памятник и, возможно, составляли своеобразное домашнее святилище (рис. 4).

Количественный и качественный состав коллекции каменного инвентаря представлен в таблицах 1 и 2. Эти данные показывают, что большая часть диагностируемых сколов в коллекции – мелкие отщепы: сколы вторичного бифасиального утончения. Кроме того, присутствуют бифасы на различных стадиях оформления: как преформы, так и завершённые орудия. Часть орудий сделана также из сопутствующих изготовлению бифасов сколов. Всё это указывает на то, что на памятнике представлен бифасиальный вид расщепления, направленный, прежде всего, на изготовление наконечников стрел (рис. 5, 6).

Обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество обломков кальцинированных костей и малочисленность керамики – всего семь фрагментов двух сосудов (рис. 7). Набор орудий из кремня также сравнительно малочислен (табл. 2) и представлен бифасами – наконечниками стрел, дротиков (копий) и ножами, всего двумя скребками и 14 сопряжёнными с ними мелкими отщепами с ретушью на дистальном конце; ножами, включая морфологически не выраженные отщепы с ретушью и ретушью утилизации с относительно прямыми краями; скобелем на отщепе. В отдельную группу выделены упомянутые выше изделия с неутилитарным износом: фигурный кремь, два наконечника и один нож, которые были принесены на памятник и, следовательно, на месте не изготавливались. Орудия из некремнёвых пород представлены абразивом, ножом и теслом.

Количество предметов с **явными признаками** различной степени термического воздействия составляет в коллекции с Угдыма I примерно 1200 экз. По степени термической обработки выделяются две группы предметов: 1) изделия белёного цвета с поверхностной трещиноватостью, пористой структурой и негативами термических отщепов – признаками сильно пережжённого кремня; 2) предметы, на которых негативы намеренных снятий имеют разный характер поверхности: матовые шероховатые¹ и гладкие глянцевые; при

Таблица 1. Угдым I. Состав коллекции

Состав коллекции	Количество
Кремнёвые изделия	
Чешуйки	9081
Отщепы, в т.ч.:	1292
<i>Сколы оформления бифасов</i>	664
Осколки (преимущественно термические)	4587
Заготовка неясна, в т.ч.:	64
<i>Преформы бифасов, включая фрагменты</i>	34
<i>Бифасы завершённые, включая фрагменты</i>	22
<i>Орудия неопределимые (мелкие фрагменты)</i>	8
Плитка	5
Галька	8
Кусок	47
Итого:	15084
Некремнёвые породы	
Галька, в т.ч.:	4
<i>Фрагменты</i>	3
Осколки	4
Заготовка неясна	2
Плитки	5
Итого:	15
Всего:	15099

¹ Для таких поверхностей предложен термин «преповерхность» – «поверхность отдельности породы, созданная сколами до тепловой обработки» [16, с. 55]. Необходимо отметить, что специальные термины для обозначения поверхностей до тепловой обработки и после таковой отсутствуют. В англоязычной литературе встречаются, например, описания “the pre-treatment texture of the stone surface” и “post-heat-treatment fracture plane” [17, p. 859–862]. Это, конечно, создаёт трудности при описании артефактов.

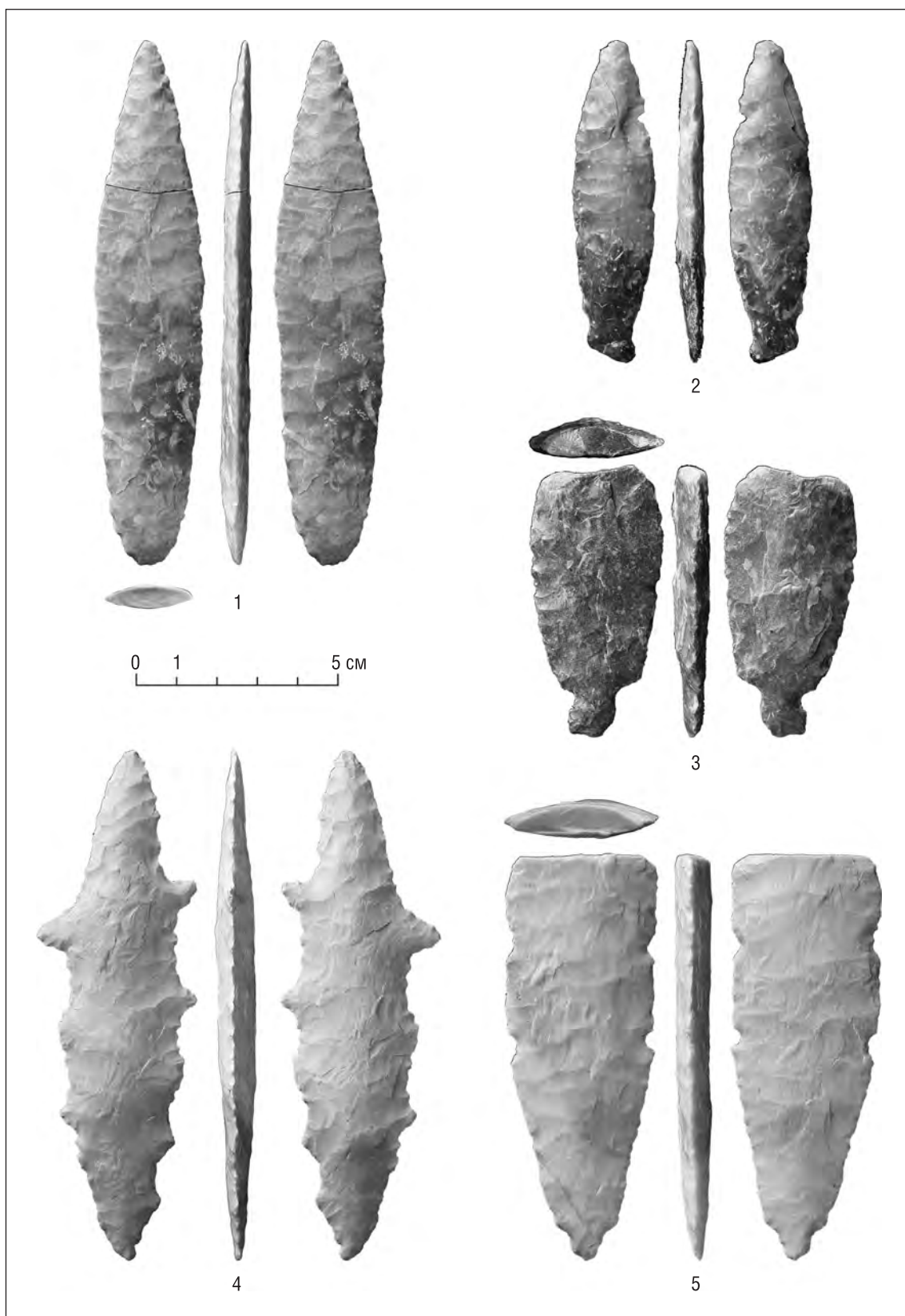

Рис. 4. Угдым I. Кремнёвые изделия. Комплекс предметов с неутилитарным износом

Таблица 2. Угдым I. Орудийный набор

Орудие	Всего
<i>Кремнёвые изделия</i>	
Наконечники стрел (бифасы) с учётом ремонта	15
Наконечники дротиков (бифасы) с учётом ремонта	4
Фигурный кремь (бифас)	1
Ножи (бифасы), включая фрагменты	2
Ножи (в т.ч. морфологически не выраженные отщепы с ретушью и ретушью утилизации)	36
Скребки на отщепах	2
Отщепы мелкие с ретушью на конце	14
Отщепы мелкие с ретушированными выемками	4
Скобель на отщепе	1
Орудия неопределимые, мелкие фрагменты	8
Итого:	87
<i>Изделия из некремнёвых пород</i>	
Абразив	1
Нож	1
Тесло	1
Итого:	3
Всего:	90

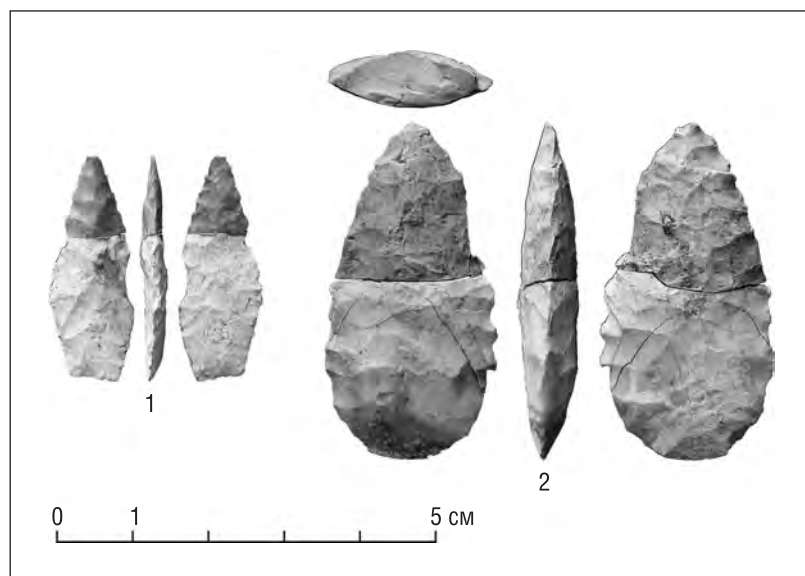

Рис. 5. Угдым I. Кремнёвые изделия. Незавершённые бифасы-наконечники стрел. Ремонт

этом их цветность отличается слабо, часто первые – более тёмные; жирный блеск, который зафиксирован при ряде экспериментов, не характерен. Первая группа изделий часто встречается в материалах каменного века и эпохи раннего металла и интерпретируется как предметы, не намеренно подвергшиеся термическому воздействию, например, случайно попавшие в очаг или грунт, испытавший воздействие лесного пожара. Однако специфика залегания их в изученном жилище Угдыма I в том, что такие артефакты преимущественно располагались в одном случае в виде крупных кусков и отщепов вокруг очага 1, а во втором – в виде растрескавшейся на многочисленные осколки одной крупной отдельности сырья в заполнении очага 2, что указывает на то, что помещена она туда была намеренно.

Разница в характере поверхности предметов второй группы явно указывает на применение намеренной тепловой подготовки для их изготовления. Визуальные признаки настолько очевидны и многочисленны, что подтверждение использования этого приёма не требует инструментальных методов. Выявлены они

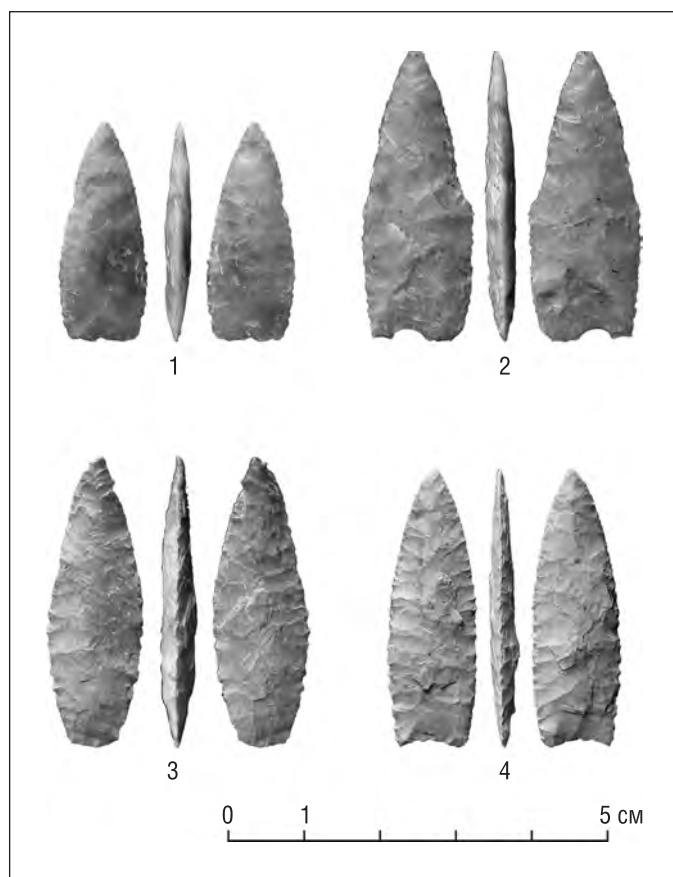

Рис. 6. Угдым I. Кремнёвые изделия. Бифасы-наконечники стрел

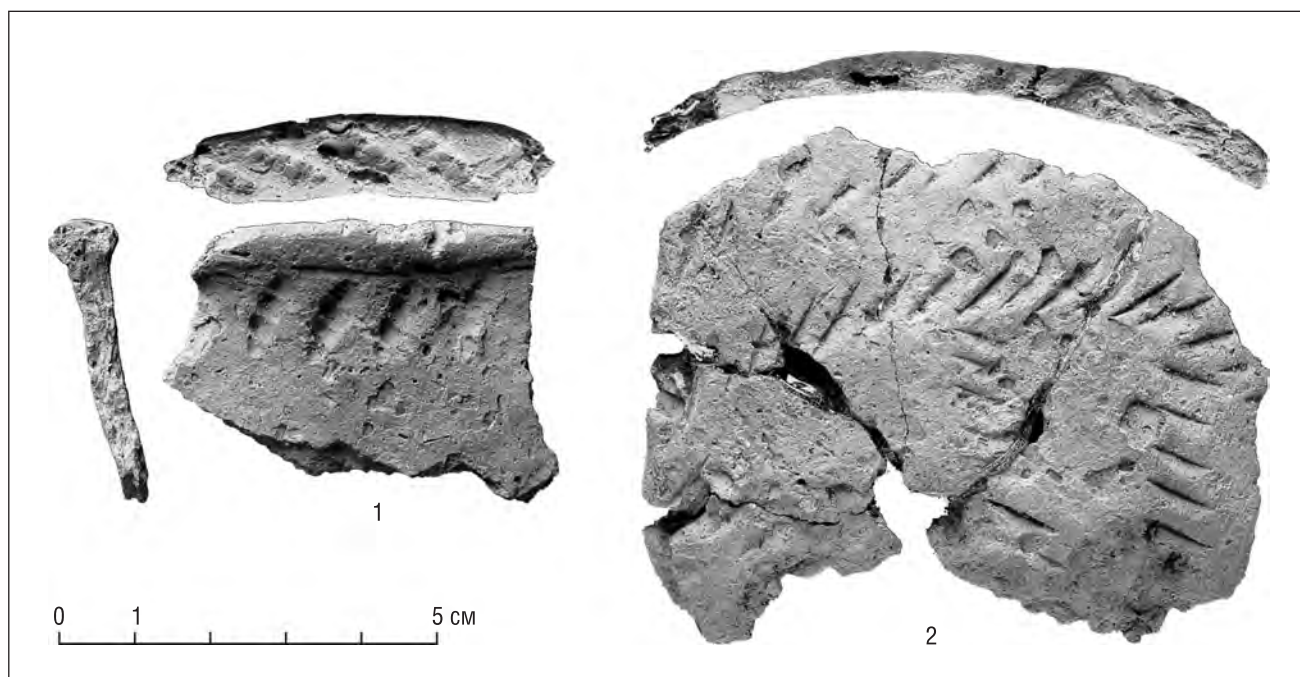

Рис. 7. Угдым I. Фрагменты керамических сосудов

были на различных изделиях: кусках, осколках, отщепах, бифасах различной стадии изготовления, орудиях. Судя по их морфологии, для тепловой обработки отбирались плоские гальки и плитки (рис. 8: 1), средние и крупные сравнительно массивные отщепы (рис. 9: 1), куски (рис. 9: 2). Например, наиболее крупный предмет – массивный отщеп размерами 213×120×73 мм – был пережжён и стал непригодным для дальнейшего расщепления (рис. 9: 1). В коллекции имеется также плоская галька, которая была намеренно фрагментированна, и по периметру одной из её частей имеются негативы снятий – попытки оформить бифасиальное ребро (рис. 8: 1). Многочисленны осколки, которые образовались после неудачных попыток расщепить отдельность сырья, подвергнушуюся тепловой обработке, но имевшую скрытую трещиноватость и некремнёвые включения (рис. 8: 2–4). Часть таких осколков была подобрана в аппликации (рис. 8: 2–3). Причём, древний мастер не оставлял попыток их дальнейшей обработки: сырьё использовалось для изготовления орудий максимально, насколько это было возможно в рамках этого технологического контекста.

В ходе анализа полевых данных и камеральной обработки коллекции было обращено внимание на несколько моментов: 1) наличие большого количества обожжённого кремня, в том числе и в заполнении одного из очагов; 2) изделия с разницей поверхности, о чём говорилось выше; 3) структурированность пространственного распределения находок внутри постройки; 4) наличие заготовок орудий на разной стадии изготовления, в том числе и неудачных, наряду с завершёнными наконечниками стрел; 5) малочисленный и невыразительный морфологически орудийный набор, за исключением изделий с неутилитарным износом и бифасов на завершающих стадиях изготовления.

Все эти данные в совокупности свидетельствуют о том, что основная деятельность в пределах изученного сооружения сводилась к изготовлению кремнёвых наконечников стрел-бифасов. Особенностью этого производственного комплекса является применение тепловой подготовки отдельностей сырья и сколов для дальнейшего расщепления. По данным многочисленных экспериментов по термической обработке кремня [5; 16; 14], можно интерпретировать эти очаги следующим образом. Кремь закладывали в грунт на небольшую глубину и затем разводили костер, который поддерживался определенное время. Сырьё извлекалось позже после длительного и равномерного остывания. Важно, что эти своеобразные печи функционировали в закрытом помещении, что позволяло избежать резких перепадов температуры и могло укрывать их от дождя. Кроме того, в коллекции присутствуют предметы, собранные из двух частей, – незавершённые бифасы-наконечники стрел. Одна часть – белёсого цвета с характерной поверхностной трещиноватостью, вторая – несёт негативы снятий с гладкими блестящими поверхностями (рис. 5). Это указывает на то, что отдельные обломки неудавшихся изделий подвергались уже ненамеренному термическому воздействию, а также на то, что очаги для «запекания» кремня использовались неоднократно. Однако такая специализация очагов не исключала возможности использования их для приготовления пищи, о чём свидетельствует наличие обломков кальцинированных костей и мелких фрагментов керамики в очаге 2.

Судя по типологии керамической посуды и морфологии наконечников, изученные материалы относятся к кругу культур с пористой керамикой, объединяемых в гаринско-борскую общность 1-й пол. III тыс. до н.э. В пределах крайнего Северо-Востока Европы кремнёвые индустрии с явными признаками тепловой обработки выявлены преимущественно на памятниках долины р. Вычегды. Это поселения среднего неолита с гребенчато-ямочной керамикой (13 комплексов) и три памятника раннего металла с пористой гребенчатой керамикой (чойновтинской культуры по В.С. Стоколосу [18, с. 229–240]). Эти памятники представлены остатками слабоуглублённых жилищ, а технологический контекст применения этого способа обработки сырья – бифасиальные индустрии. Самые северные пункты известны на р. Оме (Ненецкий автономный округ Архангельской области), где А.М. Мурыгиным в 2013 г. выявлены местонахождения кремнёвых изделий, в том числе серия предметов с явными признаками применения тепловой обработки для их изготовления [19]. За пределами долины р. Вычегды, однако также в бассейне р. Северной Двины, достоверные свидетельства применения тепловой обработки известны на поселениях раннего металла на самой Северной Двине – Чёрная речка 1, 2 [20, с. 123–128; 16, с. 55] и на р. Юг (Вологодская область) – Павшино 2 [21, с. 37–39; 22, с. 26–32]. Аналогичны археологический и технологический контексты этого приёма. Наиболее раннее проявление признаков намеренного нагрева кремнёвого сырья зафиксировано на мезолитической стоянке Лиственка 3Б на р. Колпь (Ленинградская область) [23, с. 10].

К настоящему времени свидетельства тепловой обработки кремня зафиксированы преимущественно в долине р. Вычегды, что несомненно отражает лишь степень изученности этого явления. Так, опора на неолитические материалы связана со специализацией автора данной статьи, изучавшего преимущественно неолитические памятники, наиболее информативные из которых расположены в долине Вычегды. Не исключено, что широкое распространение термической подготовки кремнистых пород обусловлено и географией региона. Известные в настоящее время выходы кремнистых и некремнёвых пород в долинах рек крайнего Северо-Востока Европы выявлены в обнажениях моренных и флювиогляциальных отложений и доступны исключительно благодаря боковой эрозии рек. Такой непостоянный доступ и специфика залегания кремнёвого сырья обусловили его разнообразие в полученных с памятников коллекциях. Оно представлено кремнёвыми гальками различной степени окатанности, размеров, качества и цветности. Возможно, это определило широкое распространение именно в этом регионе в бифасиальных индустриях неолита – раннего металла приёма тепловой обработки кремня для его подготовки к дальнейшему расщеплению. Эта технологическая инновация позволяла улучшать свойства сырья и соответственно повышать адаптивные возможности первобытных коллективов, менее зависящих в такой ситуации от качества сырьевой базы.

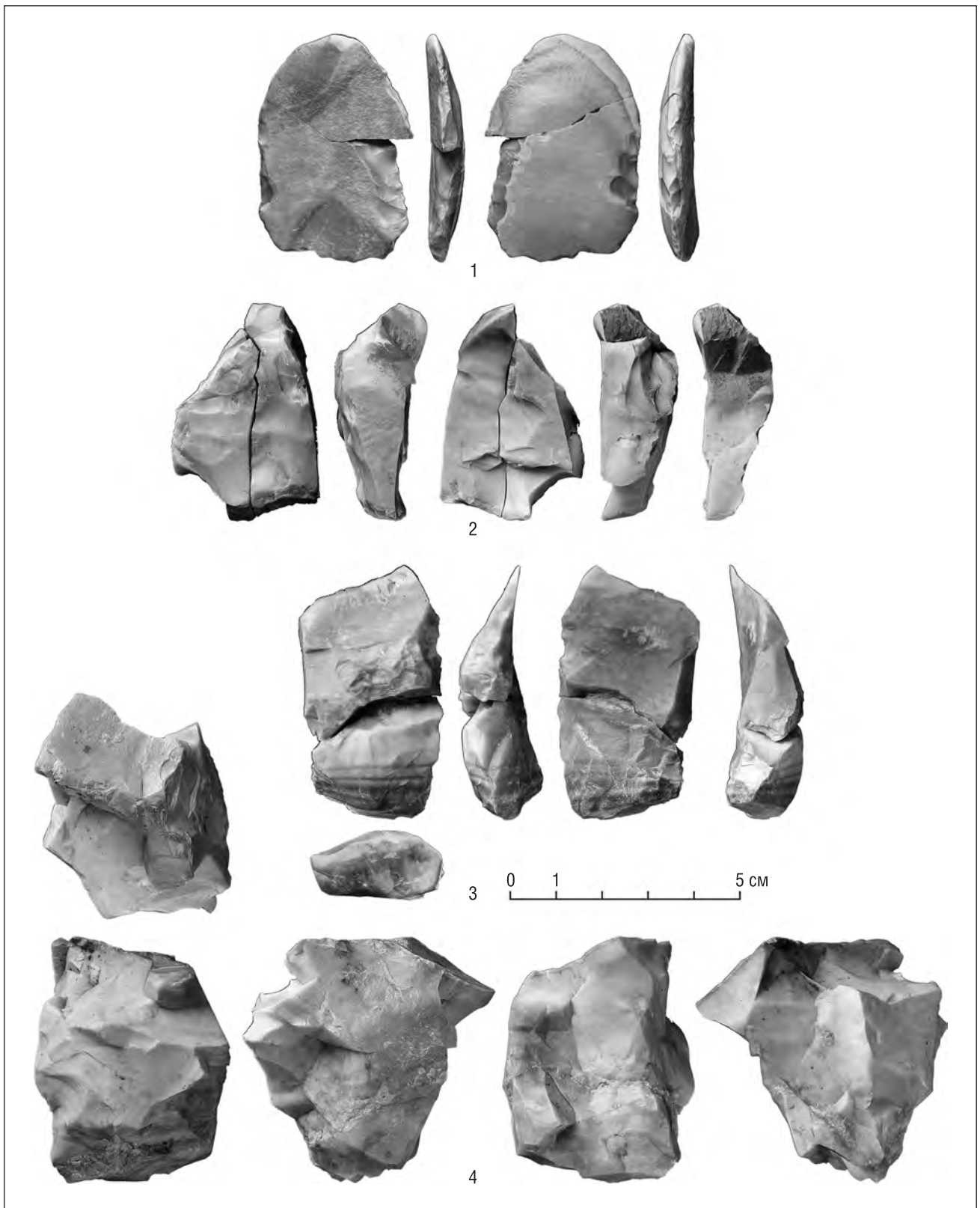

Рис. 8. Угдым I. Кремнёвые изделия

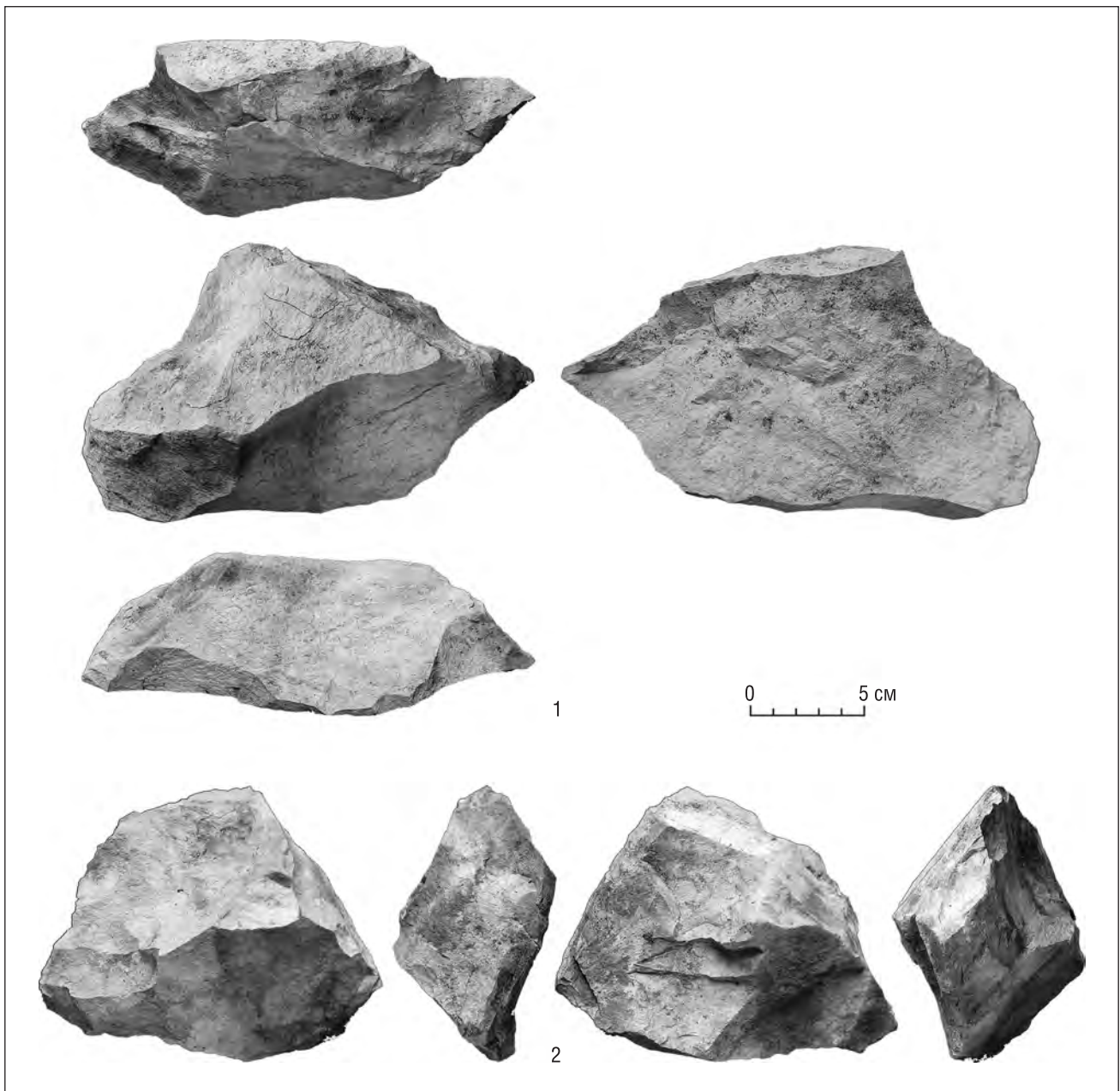

Рис. 9. Угдым I. Кремнёвые изделия. Пережжённые и отбракованные крупный отщеп (1) и кусок (2)

Несомненно, изучение тепловой обработки кремня должно быть продолжено. Опираясь на разработанную исследователями теоретическую и экспериментальную базу, можно наметить следующие направления дальнейших исследований: 1) разработка программы изучения коллекций со свидетельствами тепловой обработки: морфология сырья, подвергшегося намеренному термическому воздействию, локализация и характер обработки изделий после нагрева, характер изменений и т.п.; 2) установление географии, хронологии и определение культурного и технологического контекста этого явления. Это требует повторного изучения всех коллекций каменного инвентаря опорных памятников, в первую очередь, неолита и раннего металла; 3) экспериментальные исследования по тепловой обработке местных разновидностей сырья и применение естественно-научных методов для определения особенностей изменения их характеристик после намеренного нагрева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nagle, E. Arrow Chipping by Means of Fire and Water // *American Anthropologist*. 1914. № 16.
2. Городцов В.А. К истории развития техники первобытных каменных орудий // *Советская этнография*. 1935. Вып. 2.
3. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
4. Крижевская Л.Я. К вопросу о производстве каменных орудий у неолитических племен Приангарья (раскалывание камня с помощью огня) // *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1961.
5. Crabtree, D.E., Butler, B.R. Notes on Experiment in Flint Knapping: 1. Heat Treatment of Silica Minerals // *Tebiwa*. 1964. Vol. 7. № 1.
6. Purdy, B.A., Brooks, H.K. Thermal Alteration of Silica Minerals: an Archaeological Approach // *Science*. № 173. 1971.
7. Göksu, H.Y., Fremlin, J.H., Irwin, H.T., Fryxell, R. Age Determination of Burned Flint by a Thermoluminescent Method // *Science*. № 183. 1974.
8. Melcher, C.L., Zimmerman, D.W. Thermoluminescent Determination of Prehistoric Heat Treatment of Chert Artifacts // *Science*. № 197. 1977.
9. Robins, G.V., Seely, N.J., McNeil, D.A.C., Symons, M.R.C. Identification of Ancient Heat Treatment in Flint Artefacts by ESR Spectroscopy // *Nature*. № 276. 1978.
10. Mandeville, M.D., Flenniken, J.J. A Comparison of the Flaking Qualities of Nehawka Chert Before and After Thermal Pretreatment // *Plains Anthropologist*. № 19. 1974.
11. Bleed P., Meier, M. An Objective Test of the Effects of Heat Treatment of Flakeable Stone // *American Antiquity*. № 45. 1980.
12. Domanski, M., Webb, J.A. Effect of Heat Treatment on Siliceous Rocks Used in Prehistoric Lithic Technology // *Journal of Archaeological Sciences*. № 19. 1992.
13. Domanski, M., Webb, J.A., Boland, J. Mechanical Properties of Stone Artifact Materials and the Effect of Heat Treatment // *Archaeometry*. № 36. 1994.
14. Lee, K. Experimental Heat-Treatment of Flint // *Lithics*. № 22. 2001.
15. Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2008.
16. Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий (методика микро-макроанализа древних орудий труда). СПб., 1997.
17. Brown, K.S., Marean, C.W., Herries, A.I.R., Jacobs, Z., Tribolo, C., Braun, D., Roberts, D.L., Meyer, M.C., Bernatchez, J. Fire as an Engineering Tool of Early Modern Humans // *Science*. № 325. 2009.
18. Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // *Археология Республики Коми*. Ч. 4. М., 1997.
19. Мурыгин А.М., Карманов В.Н. Новые археологические открытия в тундрах северо-востока Европы // *Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.)*. Екатеринбург, 2014.
20. Верещагина И.В. Структура поселений мезолита – раннего металла на северо-западе России (Бассейн Северной Двины) // *Записки Института истории материальной культуры РАН*. № 3. СПб., 2008.
21. Васильева Н.Б., Суворов А.В. Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению (по материалам энеолитического поселения Павшино 2 на реке Юг) // *Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара*. г. Сыктывкар 30.05–4.06.2005. Сыктывкар, 2005.
22. Васильева Н.Б., Суворов А.В. Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению на стоянках каменного века Вологодской области (по материалам мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья и энеолитического поселения Павшино-2) // *Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса*. Материалы научной конференции. Вологда, 2005.
23. Васильева Н.Б. Каменная индустрия мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

*Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар*

V.N. Karmanov

THERMAL TREATMENT OF FLINT ON MATERIALS OF EARLY METAL AGE SETTLEMENT UGDYM I ON THE MIDDLE VYCHEGDA

Summary

The use of thermal treatment of flint for its further splitting is the method which was widely applied in the bifacial industries. It was the most extensively studied in the North American archeology and on the basis of numerous experiments. This subject is not studied to the full in national archeology. There are no special researches on geography and chronology of this significant phenomenon in development of stone processing. Special cases of its use remain debatable. It is caused by small number of objects with signs of intended heating in collections and by the need of its instrumental recognition.

In 2010 the author managed to find direct evidences of the use of this method for preparation of flint raw materials in the Early Metal Age settlement Ugdym I in the Middle Vycheгда (Komi Republic).

*The Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
26, Kommunisticheskaya St., Syktывkar, 167982,
The Komi Republic, The Russian Federation
E-mail: vkarman@bk.ru*

В.Д. Викторова, Ю.Б. Сериков

МИКРОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА ОСТРОВЕ КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ)

Остров Каменные палатки находится в пределах западной части г. Екатеринбург (Большого Екатеринбурга), в 2 км к северу от деревни Палкино. В древности он был южным островом палеоозера Романовского, входившего в систему проточных озёр (Шитовского, Исетского) – верховьев р. Исети. В настоящее время остров окружён болотами. В 50 м к северу от него протекает р. Исеть. Остров простирается с юго-запада на северо-восток на 700 м. Примерно так же на нём расположены четыре гранитные гряды высотой от 3 до 8 и 15 м (рис. 1).

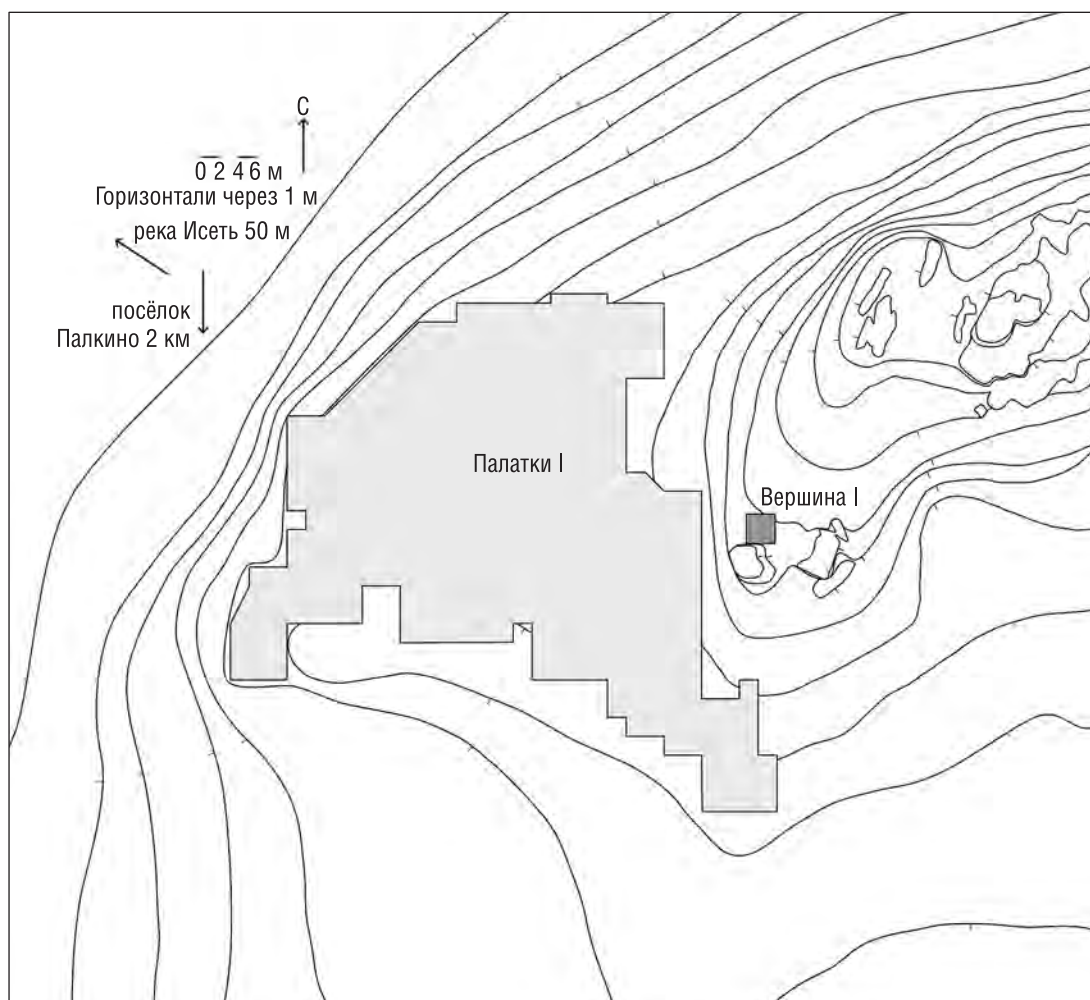

Рис. 1. План-схема памятников Палатки I и Вершина I

Наиболее удобными для освоения оказались две площадки. Северо-западная (памятник Палатки I) возвышается над уровнем болота на 5–6 м, с востока её ограничивает Западная гряда. С трёх сторон – запада, севера и востока – склоны горы крутые. Юго-западная площадка (памятник Палатки II) возвышается над уровнем болота на 2–4 м, полого спускаясь к юго-западу. При исследовании памятника найдены следы пребывания древнего населения от энеолита до позднего железного века [1, с. 18–29]¹.

Юго-западная часть Западной гряды носит ступенчатый характер. С этой стороны её вторая ступень образует два мысовидных выступа. На этих мысах и трёх небольших площадках гряды (памятник Вершина I) обнаружены остатки ритуальной деятельности древнего населения от мезолита до раннего железного века включительно, в том числе у таких объектов, как чаша природного происхождения, менгиры, мегалитические изваяния в виде головы лося и фигуры птицы. Невысокую северо-восточную оконечность острова древнее население освоило в эпоху бронзы и в раннем железном веке.

Палатки I

На памятнике Палатки I в течение 1978–2011 гг. раскопками исследована площадь в 1400 кв. м, то есть он раскопан практически полностью. Установлено, что эта часть острова была активно использована населением всех эпох не менее 13 раз, начиная с мезолита до позднего железного века. От пребывания древнего населения на площадке памятника сохранились остатки жилищ и мастерских по производству каменных орудий мезолита, энеолита и эпохи бронзы, погребальные комплексы энеолита и эпохи бронзы, следы работы на каменоломне эпохи бронзы, металлургические площадки раннего и позднего железного века, культовые комплексы населения всех древних эпох [2, с. 144–151; 3, с. 60–65; 4, с. 31–45; 5, с. 81–89; 6, с. 103–107]. Следует подчеркнуть, что неолитические находки на всей вскрытой площади были единичны. А изделия энеолита изготовлены на отщепках и широких пластинах, причём связаны они с постройками аятской и шувашской культур.

Сложность исследования горно-зауральских памятников обусловлена двумя особенностями почвы. Первая особенность – очень медленный рост почвы на гранитных материковых плитах. В основном мощность слоя на памятнике Палатки I составляет 30–40 см, реже – 50–60 см. Вторая особенность – щелочная почва полностью уничтожает сырые кости, сохраняются только кальцинированные косточки. Вследствие первой особенности каждый раз с приходом на памятник нового населения тонкий культурный слой нарушался, и в ряде мест – вплоть до материка. Особенно большой урон залеганию слоёв, находкам и объектам эпох камня нанесла работа на каменоломне в эпоху бронзы. Каменоломня протянулась по диагонали через всю площадку памятника на 70 м [7, с. 13–15]. В результате разрушения и перемещения нижнего слоя микролитического инвентаря оказался на всех уровнях территории исследования.

Раскопки памятника показали, что в мезолите была освоена вся территория северо-западной площадки острова. В западной и южной частях памятника Палатки I зафиксированы пять скоплений микролитического инвентаря, которые могут быть остатками каких-то мезолитических объектов.

Коллекция каменных изделий мезолита состоит из 2607 экз. Распределяются они следующим образом:

нуклеусы.....	90;	резцы.....	89;
расколотые нуклеусы.....	7;	резцовые отщепки.....	6;
нуклевидные куски.....	5;	резцы-резчики.....	5;
поперечные сколы с нуклеусов.....	12;	резчики.....	73;
ребристые сколы с нуклеусов.....	2;	скребки.....	13;
ребристые пластинки.....	59;	острия.....	26;
пластинки без ретуши.....	1939;	наконечники стрел.....	14;
пластинки с ретушью утилизации.....	68;	геометрические микролиты.....	26.
пластинки с ретушью.....	173;		

Нуклеусы (рис. 2: 1–12) представлены 90 экз. Среди них преобладают нуклеусы торцовые – 72 экз. Все типы торцовых нуклеусов отражают последовательность обработки исходной заготовки – плитки или гальки кремнистой породы. Скалывать пластины обычно начинали с узкого конца плитки (гальки), в результате чего получали нуклеус торцовый односторонний одно- или двухплощадочный. Таких нуклеусов в коллекции 21 экз. Девятнадцать из них имеют одну ударную площадку, два – две. Высота нуклеусов колеблется от 1,9 до 4,8 см. Ширина негативов – от 0,3 до 1,1 см. У восьми нуклеусов скошены ударные площадки. Один нуклеус обожжён. Два нуклеуса изготовлены из галек, 13 – из плиток, исходная заготовка остальных не определяется. Особенностью комплекса можно считать наличие трёх сильно уплощённых нуклеусов. Два из них (шириной 1,7 и 2,3 см) имеют толщину 1,1 см. Скалывание пластин производилось с узкого конца нуклеусов. Третий нуклеус – из красно-зелёной яшмы – имеет следующие размеры: высота 2,8 см, ширина 2,7 см, толщина 0,5 см. Скалывание пластин происходило с широкой плоскости нуклеуса. Причём фронт скалывания имеет дугообразную форму (рис. 2: 12).

Изготовлены торцовые односторонние нуклеусы из разнообразного минерального сырья. Девять нуклеусов выполнены из тёмно- и светло-серого кремнистого сланца, три – из халцедона, два – из чёрного кремня. Из красно-зелёной и сургучной яшм, кварцита, молочного кварца, углистого сланца, туфопорфирита и горного хрусталя изготовлено по 1 экз. нуклеусов.

¹ Описание памятников и их объектов выполнено В.Д. Викторовой, обработка каменного инвентаря произведена Ю.Б. Сериковым.

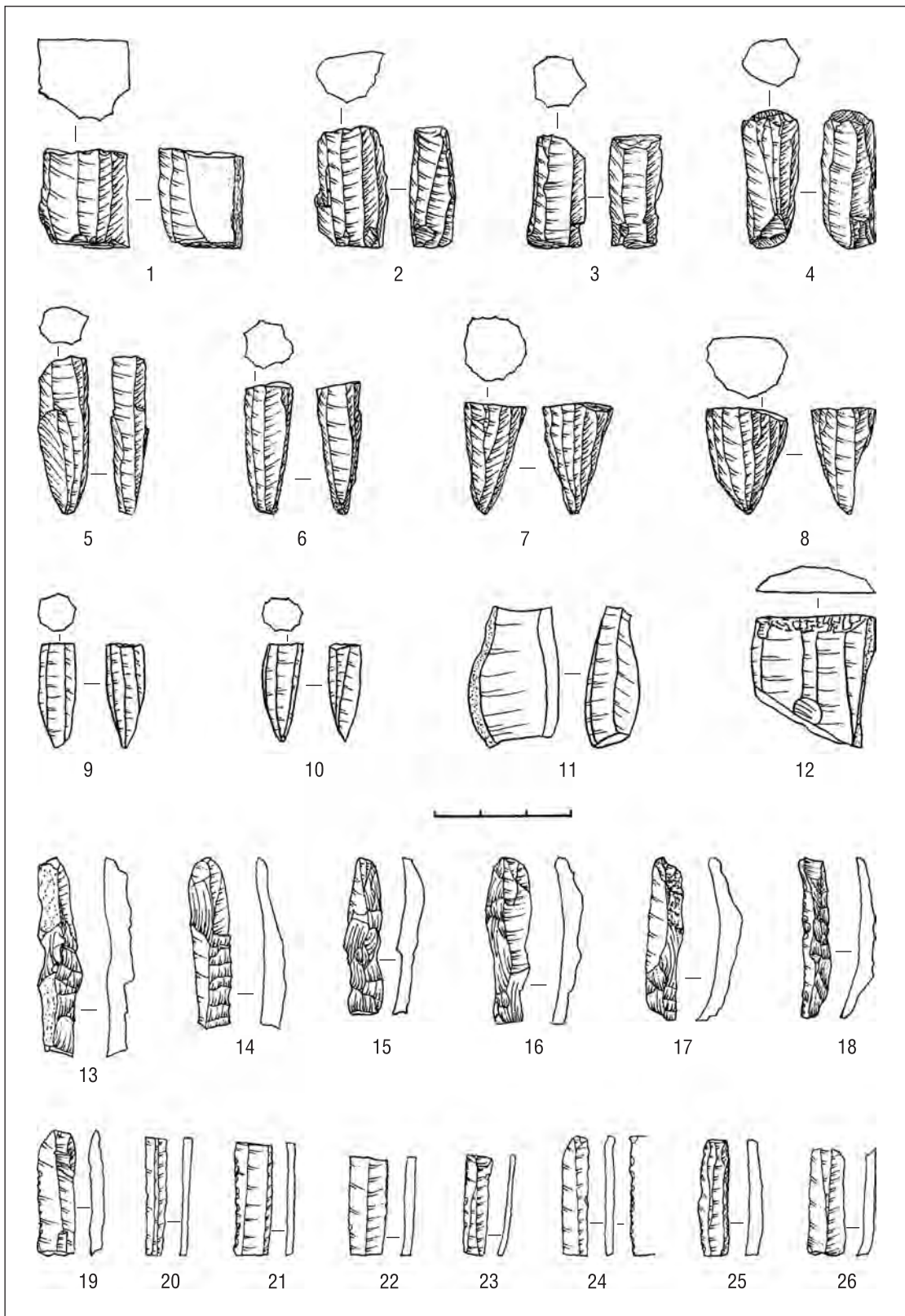

Рис. 2. Палатки I. Каменные изделия: 1–12 – нуклеусы; 13–18 – ребристые пластины; 19–26 – пластины с ретушью утилизации

На следующей стадии обработки плитки-нуклеуса пластины скалывали с двух плоскостей. Результатом такой обработки являются два варианта нуклеусов. При скалывании пластин с двух противоположных плоскостей получали нуклеус торцовый двусторонний. Если же пластины скалывали с двух смежных плоскостей, получали нуклеус торцовый двусторонний смежный. Этот тип нуклеусов на памятнике представлен 22 экз. Торцовый двусторонний смежный двухплощадочный нуклеус высотой 3,1 см изготовлен из гальки красно-зелёной яшмы. Высота одноплощадочных нуклеусов колеблется от 1,3 до 3,5 см. Самый крупный нуклеус изготовлен из отщепа чёрного кремня. Для десяти нуклеусов исходным сырьём послужили плитки, для трёх – гальки. У шести нуклеусов – сильно скошенные ударные площадки, три нуклеуса имеют коническую форму, два – предельно сработаны. В коллекции всего четыре двусторонних нуклеуса, три из них – одноплощадочные. Их высота – 2,6–3 см, все изготовлены из плиток кремнистого сланца. У одного нуклеуса ударная площадка и нижний конец заметно вогнуты. Нуклеус с двумя ударными площадками имеет высоту 2,4 см. Интересен нуклеус торцовый двусторонний смежный с разнонаправленными плоскостями скалывания. Он изготовлен из плитки кремнистого сланца. Высота нуклеуса относительно разных плоскостей скалывания – 2,5 и 2,7 см. Скалывание производилось как обычно – с торца плитки. Потом плоскость скалывания превратили в ударную площадку и стали обрабатывать смежную плоскость. Подобный нуклеус известен на сезонном поселении Крутяки I (окрестности Нижнего Тагила). Для изготовления торцовых смежных нуклеусов использовались разнообразные кремнистые сланцы (14 экз.), зелёная яшма (3 экз.), кремень, халцедон, углистый сланец и светло-серая яшма (по 1 экз.).

Продолжая обрабатывать торцовый двусторонний нуклеус, пластины начинали скалывать с третьей плоскости и тем самым получали нуклеус торцовый трёхсторонний. Их в коллекции 25 экз., одноплощадочных – 22, двухплощадочных – 3. Высота нуклеусов составляет от 1,8 до 4,7 см. Все двухплощадочные нуклеусы изготовлены из светло-серой яшмы. У двух изделий ударные площадки слегка скошены. Среди одноплощадочных три нуклеуса имеют коническую форму. У семи нуклеусов ударная площадка скошена, ещё у одного – скошено-вогнутая. Из плиток изготовлены 12 нуклеусов, из галек – один, исходная заготовка остальных не определяется. Один нуклеус из кремня заметно уплощён, высота его 2,2 см, толщина 0,7 см. Нуклеус из тёмно-серой яшмы высотой 4,3 см долгое время использовался в качестве ретушёра. Оба его конца сильно сглажены и закруглены. Ширина негативов – 0,4–0,5–0,6 см. Возможно, его следует отнести к более позднему времени (к энеолиту). Для изготовления нуклеусов использовались тёмно- и светло-серые кремнистые сланцы – 7 экз., чёрный кремень – 4 экз., светло-серая яшма – 3 экз., халцедон, сургучная и зелёная яшмы – по 2 экз., углистый сланец и тёмно-серая яшма – по 1 экз.

Скалывание пластин с четвёртой, необработанной, стороны плитки-нуклеуса приводило к получению нуклеуса призматического или конического. Конечная форма нуклеуса зависела от начальной формы плитки-заготовки [8, с. 98–99].

Конических нуклеусов в коллекции 9 экз. Их высота колеблется от 1,9 до 3,6 см. Диаметр ударных площадок составляет 0,7; 0,9; 1,5; 1,7; 1,9 см. Обращают на себя внимание три сильно сработанных нуклеуса идеальной конической формы, изготовленные из кремнистого сланца (рис. 2: 9–10). Их высота 1,9; 2,3; 2,5 см. Ширина негативов составляет 0,3–0,6 см. У одного нуклеуса сильно скошена ударная площадка. Изготовлены конические нуклеусы из кремнистого сланца – 6 экз., чёрного и коричневого кремня – 2 экз. и зеленоватой яшмовидной породы – 1 экз.

Девять призматических нуклеусов имеют высоту от 1,5 до 4,7 см. Самый крупный нуклеус – одноплощадочный, заметно уплощён, выполнен из халцедона. Ещё два одноплощадочных нуклеуса высотой 2,4 и 3 см сильно сработаны. Диаметр ударных площадок у обоих – 1 см. Шесть нуклеусов имеют по две ударные площадки диаметром 0,8; 1,1; 1,5; 2,0 см. Одна ударная площадка скошена. Минеральное сырьё призматических нуклеусов довольно стандартно: кремнистый сланец (4 экз.), кремень и халцедон (по 2 экз.), тёмно-серая яшма (1 экз.).

Кроме целых изделий, в коллекции содержатся семь расколотых нуклеусов. Три из них относятся к торцовым односторонним, два – к коническим, ещё два – неопределимы. Изготовлены они из кремнистого сланца (4 экз.), халцедона (2 экз.) и сургучной яшмы (1 экз.).

Кроме этого, к мезолиту могут относиться пять нуклевидных кусков длиной от 2 до 3,8 см. Они имеют бесформенные очертания, изготовлены из кремнистого сланца (3 экз.), халцедона и светло-серой яшмы.

Обработка нуклеусов представлена поперечными (12 экз.) и ребристыми (2 экз.) сколами и ребристыми пластинками (59 экз.). Все поперечные сколы имеют длину до 2 см, ребристые – до 3 см. Изготовлены они из кремня (4 экз.), кремнистого сланца (1 экз.), зелёной (5 экз.) и светло-серой (4 экз.) яшм. Все целые ребристые пластинки (15 экз.) – кривые и изогнутые, на 20 сохранилась плиточная корка (рис. 2: 13–18). Три пластинки на боковых краях имеют ретушь утилизации. Из чёрного и тёмно-коричневого кремня изготовлены 15 пластинок, из халцедона – 10, из кремнистого сланца – 11, из разных яшм – 22 (зелёной – 8, светло-серой – 8, сургучной – 4, серо-зеленоватой – 2), из светло-серой породы – 1.

Остальной комплекс представлен пластинками (с ретушью, без ретуши) и изделиями из них (резцы, резчики, острия, наконечники, геометрические микролиты).

Среди пластинок без ретуши (1939 экз.) целых пластин – 255 экз. Они в основном изогнутые, с неровными краями. Среди них много коротких, выклинивающихся. Сечений в коллекции 497 экз., с отсечёнными дистальными концами – 458 экз., с отсечёнными проксимальными концами – 164 экз. (рис. 6: 19–34). Отсечённые дистальные и проксимальные концы составляют соответственно 256 и 309 экз. 358 (18,5 %) пластинок имеют первичную корку. В основном это плиточная корка, но изредка встречаются пластинки

и с галечной коркой. Пластинок шириной до 0,8 см – 74,8 %, до 1 см – 92,8 %. Преобладают пластинки шириной 0,6–0,8 см – 53,6 %. Основная часть (83,8 %) пластинчатого комплекса изготовлена из зелёной яшмы (434 экз.), кремня (384 экз.), светло- и тёмно-серой яшмы (274 экз.), халцедона (276 экз.) и кремнистого сланца (257 экз.). Кроме этих пород, использовались яшмы сургучная (113 экз.), красная (9 экз.), красно-зелёная (13 экз.), кремневая (6 экз.), серо-зеленоватая (44 экз.), желтовато-серая слабоокремнёная порода (86 экз.), светло-серая порода (17 экз.), углистый сланец (15 экз.), молочный кварц (5 экз.), сердолик и туфопорфирит (по 3 экз.). Интересно отметить, что почти треть пластинок без ретуши (31,9 %) изготовлены из разноокрашенной яшмы.

68 пластинок имеют на боковых краях несистематическую ретушь, возникшую от эпизодического использования (рис. 2: 19–26; 6: 1–18). Сечений среди них 42 экз. (61,8 %). Почти половина пластинок с ретушью утилизации изготовлены из разных видов яшмы – 32 экз. Кроме яшмы, активно использовались кремь (11 экз.) и кремнистый сланец (17 экз.). Остальные породы камня применялись редко.

Обработанные ретушью пластинки подразделяются на несколько категорий: пластинки с ретушью на спинке (рис. 3: 1–24); с ретушью на брюшке (рис. 3: 34–45); с ретушью на спинке и на брюшке (рис. 3: 25–33); с обработанным ретушью концом (рис. 4: 1–9) и с отретушированными выемками (рис. 4: 10–34). Ретушь на пластинках всегда мелкая, краевая, крутая.

Среди пластинок с ретушью на спинке (55 экз.) преобладают сечения (31 экз.). Ретушь по одному краю нанесена у 32 пластинок, по двум – у 15 (рис. 3: 1–24, 31). Восемь пластинок имеют частично отретушированный край. Семь пластинок обработаны по одному краю очень мелкой ретушью. У трёх пластинок ретушь имеет зубчатый характер (рис. 3: 24). Плиточная корка присутствует у 10 пластинок.

Две трети пластинок с ретушью на брюшке (35 экз.) представлены сечениями (21 экз.). Ретушь по одному краю имеют 22 пластинки, по двум – 7. У шести пластин – частично отретушированные края. Плиточная корка присутствует всего у двух пластинок (рис. 3: 34–45).

Пластинки с ретушью на спинке и на брюшке в коллекции 15 экз. Из них ретушью по одному краю обработаны 4 пластинки, а по разным краям – 11. Сечений среди них 10 экз. (рис. 3: 25–30, 32–33).

Пластинки с обработанным ретушью концом (рис. 4: 1–9) подразделяются на пластинки с притупленным концом – 22 экз. и пластинки со скошенным ретушью концом – 6 экз. У трёх пластинок конец частично отретуширован. Ретушью на спинке обработаны 27 пластинок, ретушью на брюшке – одна. Среди пластинок с отретушированным концом у восьми пластинок дополнительно обработаны и боковые края: ретушью на спинке – 3 экз., ретушью на брюшке – 3 экз. и ретушью на спинке и на брюшке – 2 экз. Часть пластинок заметно изогнуты, их концы обработаны очень мелкой ретушью, которая, скорее всего, возникла при скоблении твёрдых материалов. У двух пластинок светло-серой яшмы концы срезаются перпендикулярной ретушью на спинке. Возможно, эти пластинки являются обломками геометрических микролитов. Плиточная корка присутствует только у одной пластинки.

Сорок пластинок имеют на своих краях отретушированные выемки (рис. 4: 10–34). По одной выемке оформлено у 29 пластинок, по две – у шести, по три – у трёх и по четыре – у двух. Оформлялись выемки как ретушью на спинке (29 экз.), так и ретушью на брюшке (29 экз.). Пластинки с выемками также имеют дополнительную обработку: боковые края у шести пластинок ретушированы на спинке или на брюшке. Плиточная корка имеется у 10 пластинок.

Обработанные ретушью пластинки изготовлены из традиционного для данного комплекса сырья: разноцветные яшмы – 80 экз. (46,2 %), кремнистый сланец – 38 экз., кремь – 33 экз., халцедон – 14 экз. Суммарно эти виды минерального сырья составляют 95,4 %.

Среди резцов присутствуют два оригинальных изделия. Это резец угловой срединный (рис. 5: 31). Изготовлен он на пластине светло-серой яшмы шириной 0,9 см. В мезолите Среднего Зауралья такие резцы единичны. Второй резец относится к типу боковых (поперечно-ретушных). Он выполнен на пластинке светло-серой яшмы длиной 2 см и шириной 0,6 см. Ретушь нанесена на спинке. На пластинке сохранилась первичная корка (рис. 5: 30).

Все остальные резцы (87 экз.) относятся к типу угловых (рис. 5: 1–29). Одинарных резцов в коллекции 72 экз., двойных – 14 экз. и тройных – один. Три резца имеют микрорезцовый скол длиной менее 2 мм. Один резец из халцедона обожжён. Плиточная корка присутствует на десяти изделиях. Пластинки с резцовыми сколами имеют и другие виды обработки. Шесть изделий отретушированы на спинке, одно – обработано ретушью на спинке по боковому краю и по одному из концов, ещё два имеют выемку, образованную в одном случае ретушью на спинке, в другом – ретушью на брюшке. На двух пластинках сохранилась ретушь утилизации. 54 резца изготовлены на сечениях пластин. Ширина пластин с резцовыми сколами колеблется от 0,4 до 1,5 см. Преобладают резцы на пластинках шириной 0,6–0,7 см – 33 экз. (38,6 %). Изготовлены резцы из разных видов яшмы (46 экз.), кремнистого сланца (19 экз.), кремня (16 экз.) и халцедона (6 экз.).

Довольно редкими изделиями являются резцовые отщепки (6 экз.), образовавшиеся при нанесении резцового скола. Их длина 1,4–1,7 см. Только у одной отщепки длина доходит до 2,1 см. Материал отщепок – светло-серая яшма (5 экз.) и кремнистый сланец.

Пять резцов скомбинированы с резчиками. Все резцы – угловые, а все резчики имеют клювовидный рабочий край. В трёх случаях он оформлен ретушью на спинке, в двух – ретушью на брюшке. Изготовлены резцы-резчики из кремня, кремнистого сланца, зелёной и светло-серой яшмы. Одно комбинированное орудие имеет ещё и притупленный ретушью на спинке конец.

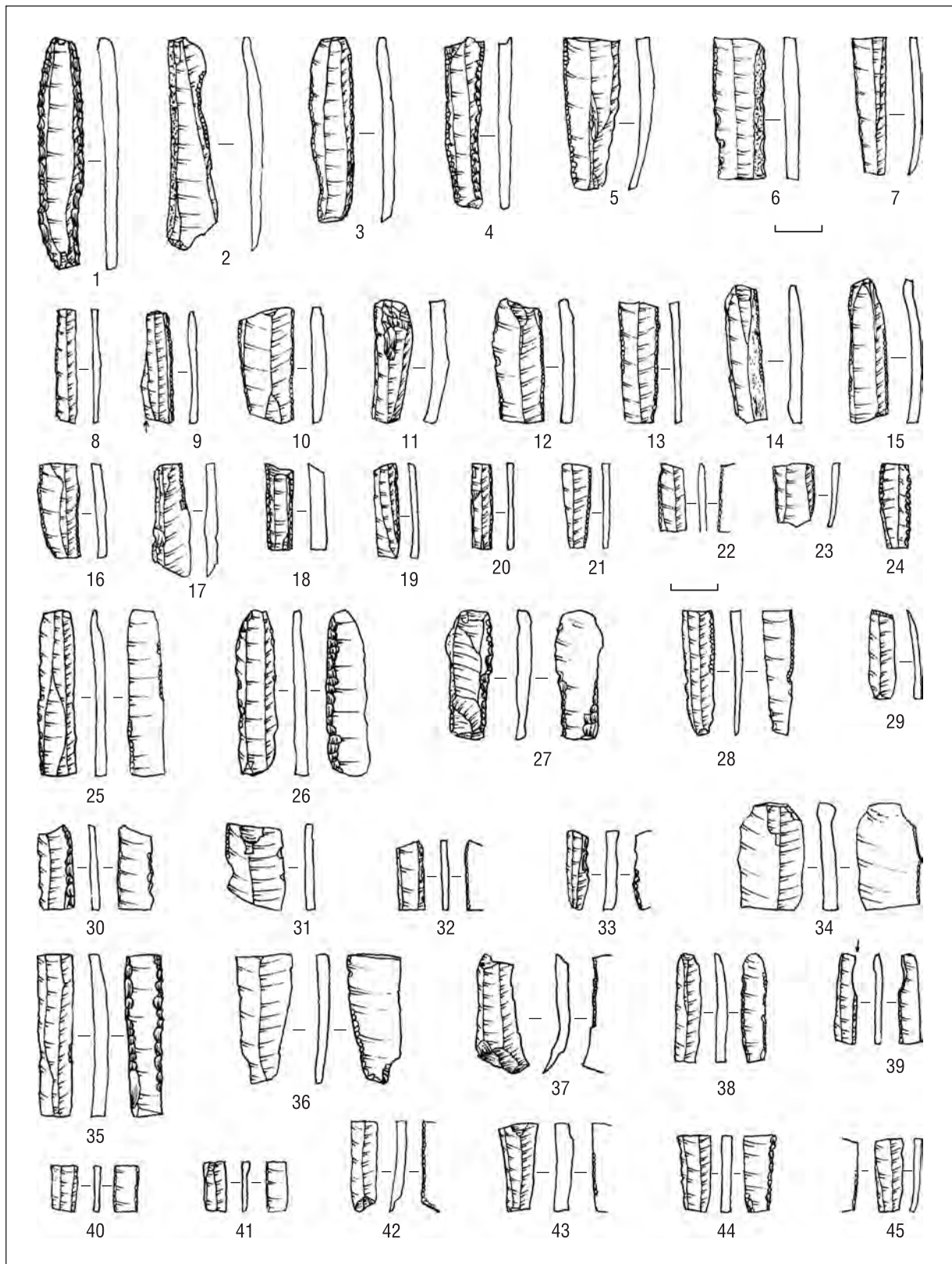

Рис. 3. Палатки I. Каменные изделия: 1–24, 31 – пластины с ретушью на спинке; 25–30, 32–33 – пластины с ретушью на спинке и на бруске; 34–45 – пластины с ретушью на бруске

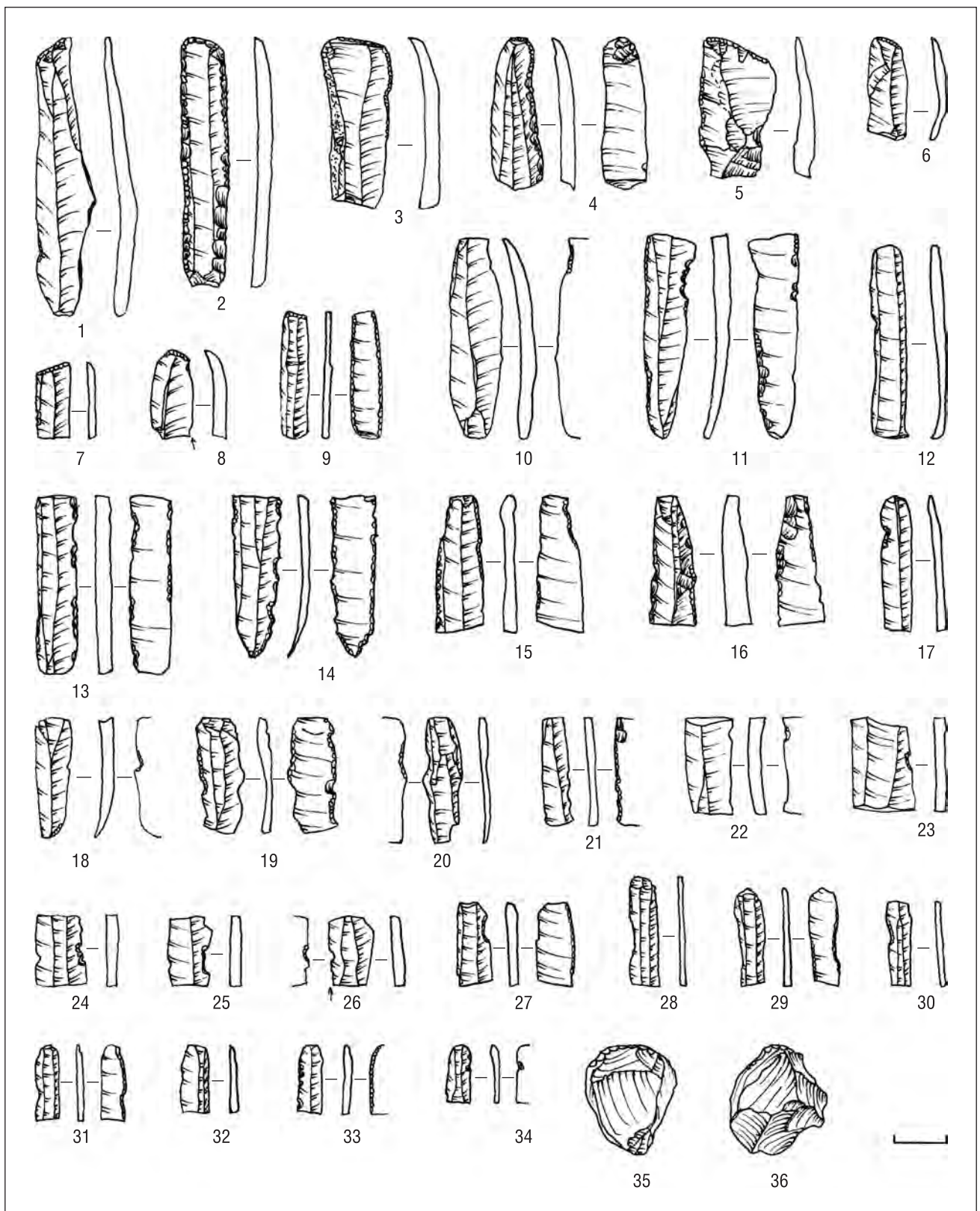

Рис. 4. Палатки I. Каменные изделия: 1–9 – пластины с отретушированным концом; 10–34 – пластины с ретушированными выемками; 35–36 – скребки

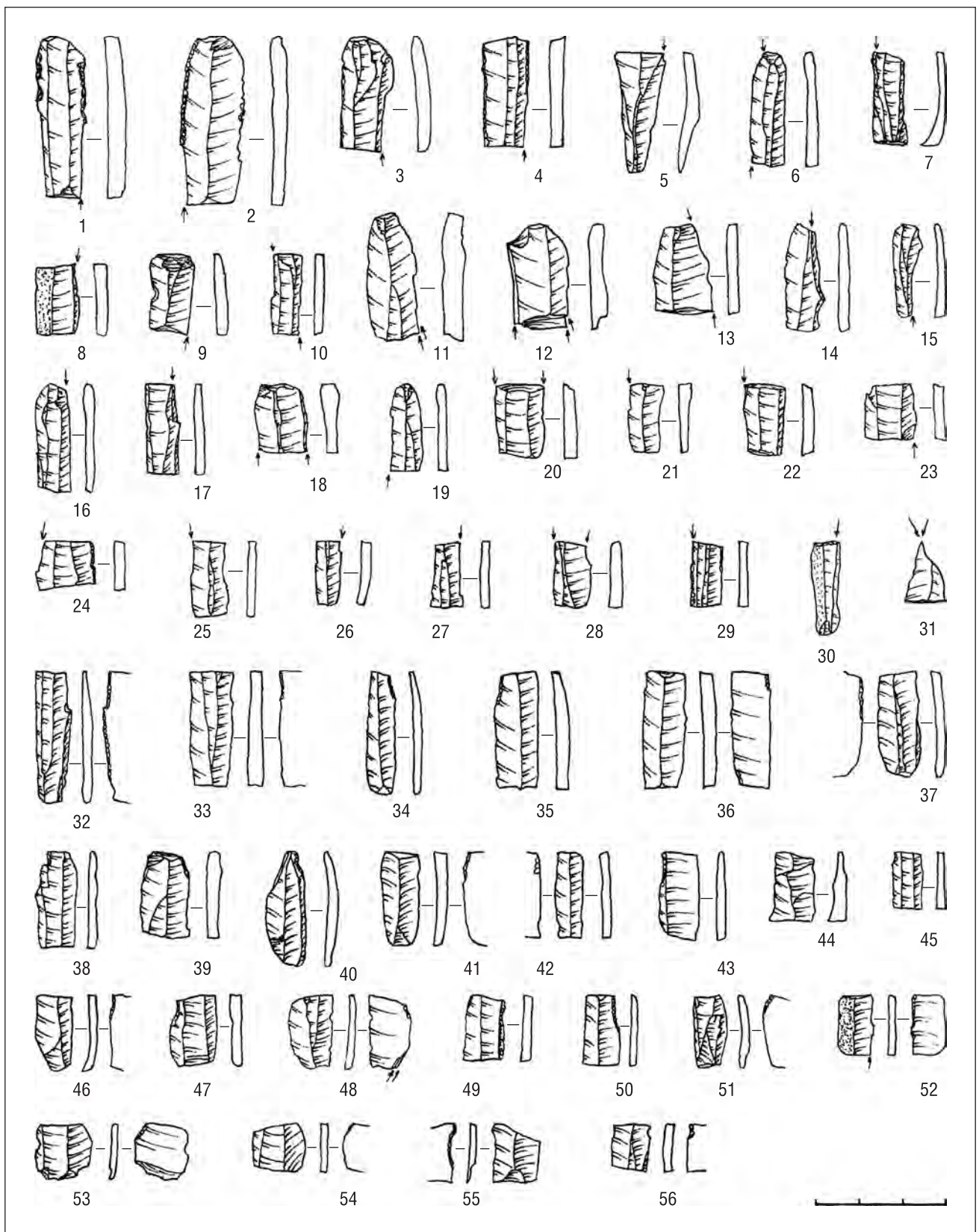

Рис. 5. Палатки I. Каменные изделия: 1–31 – резцы; 32–56 – резчики

Резчики (рис. 5: 32–56) (73 экз.) имеют клювовидный, скошенный или прямой рабочий край. 36 резчиков изготовлены на сечениях пластин. Преобладают одинарные резчики с клювовидным рабочим краем – 37 экз. Рабочий край оформлялся как ретушь на спинке (18 экз.), так и ретушь на брюшке (19 экз.). Резчиков с прямым и скошенным рабочим краем в коллекции по 10 экз. Присутствуют в коллекции и двойные резчики – 16 экз. Комбинации среди них разные: с клювовидным и скошенным краями, с прямым и скошенным, с прямым и клювовидным. Есть орудия, у которых оба рабочих края клювовидные, прямые или скошенные. Среди двойных резчиков клювовидный рабочий край имеют 10 экз., прямой – 12 экз., скошенный – 10 экз. Для изготовления резчиков чаще всего использовались зелёная яшма (18 экз.), кремнистый сланец (22 экз.) и кремнь (19 экз.). Также применялись халцедон, сургучная и светло-серая яшмы. Плиточная корка фиксируется у 9 резчиков.

Острий (рис. 6: 35–45; 7: 9) в коллекции 26 экз., но поскольку одно изделие склеилось из двух частей, то фактически 25 экз. Острия подразделяются на игловидные, с плечиками, с заострённым концом и скошенные. Их длина колеблется от 1,5–2 до 3–3,4 см. У игловидных острий (4 экз.) крутая ретушь на спинке от кончика пера спускается вниз. Одно из острий длиной 1,8 см и толщиной до 0,25 см какое-то время использовалось в качестве сверла. Все три острия с намеченными плечиками оформлены ретушь на спинке. Также ретушь на спинке обработаны все скошенные острия (6 экз.). В двух случаях эта ретушь очень мелкая (рис. 7: 1, 4, 6, 7). Острия с заострённым концом (12 экз.) в шести случаях оформлены ретушь на спинке и в трёх – ретушь на брюшке. Одно из острий заметно изогнуто в профиле. Нижняя часть другого острия по обоим краям обработана резцовыми сколами: видимо, для удобства крепления в рукояти. Обращают на себя внимание три острия, изготовленные на тонких пластинах качественного сырья. Их длина – 1,9; 1,6; 2,2 см, ширина соответственно – 0,9; 1,0; 1,2 см. Одно острие обработано ретушь на брюшке, второе – ретушь на спинке и на брюшке (рис. 6: 41–42). У третьего острия ретушь на спинке и на брюшке обработан только один край (слегка выпуклый), второй оставлен без обработки. Судя по их прямизне и технике обработки, эти острия представляют собой сломанные наконечники стрел. Для изготовления острий использовали разнообразные яшмы (14 экз.), кремнистый сланец (8 экз.), халцедон (2 экз.) и кремнь (1 экз.).

Среди 14 наконечников стрел 11 целых изделий (рис. 7: 25–32), а от трёх сохранились отломанные кончики острий. Длина целых наконечников колеблется от 1,5 до 3,7 см. Преобладают наконечники длиной 2,1–3,2 см – 7 экз. Ширина наконечников составляет 0,6–1,2 см, один наконечник имеет ширину до 1,5 см. Все наконечники относятся к одному типу – перо обработано крутой ретушь на брюшке (2 экз.) или на спинке (3 экз.) или ретушь на брюшке и подработаны ретушь на спинке. Отломанные острия обработаны ретушь на брюшке (2 экз.) и ретушь на брюшке и на спинке (1 экз.). Тулово наконечников не обработано у 5 экз. (и у 3 обломков), у одного наконечника ретушь на брюшке спускается до насада, у двух – ретушь на спинке по одному краю, у наконечника из халцедона один край отретуширован на спинке и на брюшке, самый широкий наконечник имеет треугольную форму, на спинке обработан плоской ретушь, слабовеямчатый насад у него подработан ретушь с двух сторон – со спинки и с брюшка (рис. 7: 32). У пяти наконечников насад имеет слабовеямчатую выемку, образованную ретушь на брюшке. У одного наконечника выемка обработана ретушь с двух сторон, у трёх – ретушь на брюшке плюс подтёска на спинке. Подобная обработка выемки зафиксирована у трапеций. Последний наконечник длиной 3,2 см и шириной 1,2 см представляет собой вытянутый треугольник со слегка скошенным основанием (рис. 7: 27). Кончик острия выделен крутой ретушь на спинке, образующей слабовеямчатые плечики. К основанию ретушь становится более полой. Основание наконечника оформлено ретушь на спинке и на брюшке. По технике изготовления наконечники очень похожи на трапеции. Подобные наконечники стрел известны на Камне Дыроватом и Полудёнке I [9, с. 243].

Целых геометрических микролитов в коллекции 11 экз. (рис. 7: 13–22), ещё 15 представлены обломками. Среди сломанных микролитов 8 экз. – скошенные острия (рис. 7: 2, 3, 5, 11, 12), а 7 экз. – выемчатые насады. Сломанные скошенные острия обработаны крутой или перпендикулярной ретушь на спинке. Длина сломанных острий составляет 1,6–3,9 см. Все сломанные насады отретушированы на брюшке и подтёсаны на спинке, и только на одном ретушь нанесена на спинке, а подтёска произведена на брюшке. Только в одном случае выемка обработана перпендикулярной ретушь на брюшке. В двух случаях выемка выражена слабо, а в одном случае она и вовсе отсутствует. Такая обработка позволяет видеть в изделиях насады наконечников стрел.

Целые трапеции имеют длину от 2,0 до 3,5 см, преобладают изделия длиной 2–2,5 см – 8 экз. Трапеции изготовлены на пластинках шириной от 0,6 до 1,3 см, преобладают изделия шириной 1 см – 9 экз. Острия всех трапеций обработаны крутой и перпендикулярной ретушь, в одном случае – полой. Боковые выемки в семи случаях обработаны на брюшке и подтёсаны на спинке, у одной трапеции выемка обработана на брюшке без подтёски (рис. 7: 16), ещё у одной – ретушь на выемке нанесена на спинке и подтёска – тоже на спинке, ещё у одной – ретушь на выемке нанесена на спинке, подтёска на брюшке отсутствует (рис. 7: 14).

Представляют интерес несколько целых изделий. У одной трапеции скошенное острие обработано крутой ретушь. Кончик острия подработан на брюшке. Противоположный край обработан мелкой ретушь, не характерной для трапеций (рис. 7: 20). Создаётся представление, что трапеция подремонтрована после слома. Вторая трапеция тоже укорочена (длина обеих 2 см), она имеет скошенное острие, образованное крутой ретушь на спинке. Вторая боковая сторона слабо вогнута, обработана мелкой ретушь на брюшке, также имеет подтёску на спинке (рис. 7: 19). Третья трапеция превращена в наконечник стрелы. Острие у неё расположено практически симметрично. Оно обработано ретушь как со спинки, так и с брюшка. Вог-

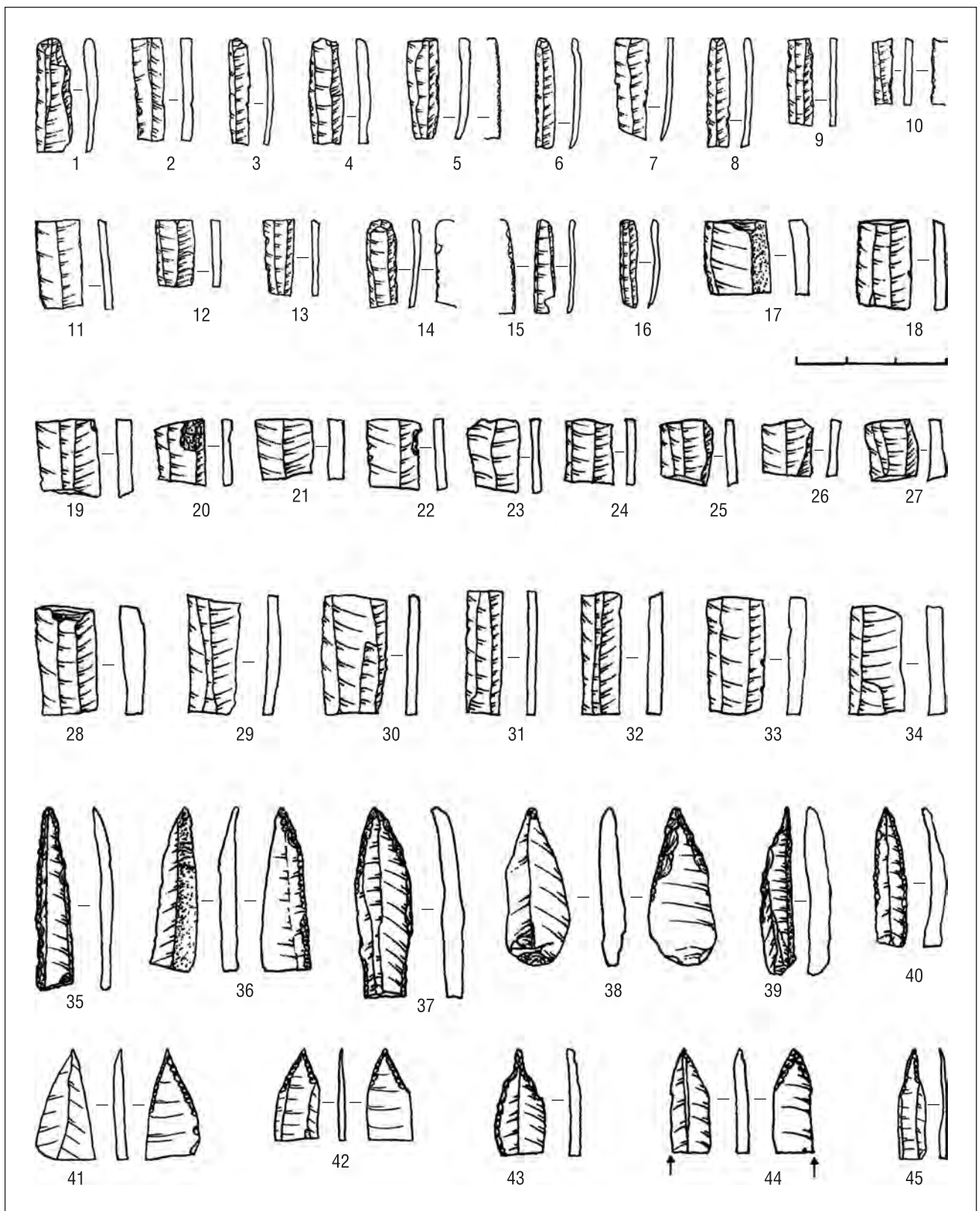

Рис. 6. Палатки I. Каменные изделия: 1–18 – пластины с ретушью утилизации; 19–34 – сечения пластин без ретуши; 35–45 – острия

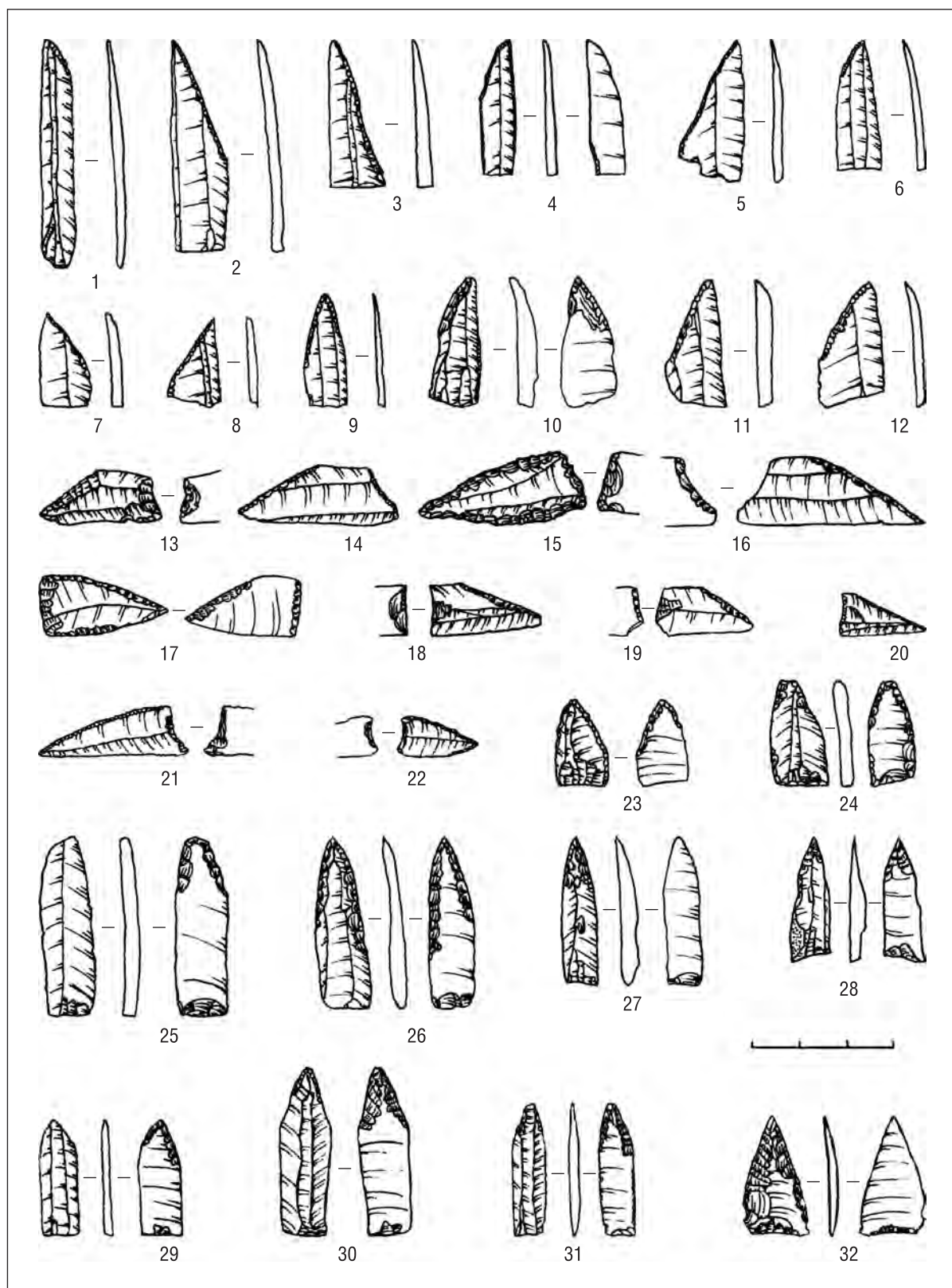

Рис. 7. Палатки I. Каменные изделия: 1, 4, 6, 7 – скошенные остря; 2, 3, 5, 8, 11, 12 – обломки трапеций; 9 – остриё; 10, 23–32 – наконечники стрел; 13–22 – геометрические микролиты

нуто-скошенный насад обработан крутой ретушью на брюшке и подтёсан на спинке. Изделие выполнено на узкой (0,8 см) и достаточно толстой (0,3 см) пластине, на одной грани которой сохранилась плиточная корка (рис. 7: 28). У самой широкой (1,3 см) трапеции скос на спинке обработан вплоть до основания, а также на две трети – на брюшке. Противоположный край острия на брюшке подработан только у кончика, а на спинке – по всей длине края. Прямой насад обработан крутой ретушью на брюшке и подтёской на спинке (рис. 7: 17). Несмотря на скошенность острия, можно определённо предполагать, что изделие изготавливалось как наконечник стрелы – своеобразная переходная форма. Уплотнение насада подтёской облегчало крепление наконечника в пазу древка стрелы.

Большая часть геометрических микролитов изготовлена из светло-серой яшмы (22 экз.). Ещё четыре микролита выполнены из халцедона. Причём материал одного из них можно отнести к сердолику.

Скребок, которые можно считать мезолитическими, в коллекции 13 экз. (рис. 4: 35–36). Среди них – 8 скребков на пластинах, 4 на отщепках и 1 на расколотом нуклеусе. Скребки на пластинах обычно изготовлены на широких (1,1–1,2 см), но коротких (1,4–1,5 см) пластинах кремнистого сланца и светло-серой породы. Один скребок скомбинирован с боковой выемкой, ещё у пяти оба боковых края отретушированы на спинке. Скребки на отщепках имеют округлую форму, диаметр – 1,3–1,6 см. Скребок из горного хрусталя изготовлен на осколке кристалла.

К сожалению, скребки относятся к типу изделий, которые не поддаются хронологическому членению. На смешанных памятниках, которые преобладают в Среднем Зауралье, невозможно (за редким исключением) выделить мезолитические комплексы скребков, шлифованных орудий, отщепов и некоторых других изделий.

В целом описанный комплекс практически полностью соответствует выделенным и опубликованным мезолитическим комплексам Среднего Зауралья [8, с. 97–115]. Суммарная характеристика всего пластинчатого комплекса представлена в таблице. Его составляют пластинки шириной от 0,3 до 1,6 см. Ширину до 0,8 см имеют 1744 изделий – 70,6 %, до 1 см – 2243 изделия – 90,8 %. Преобладают изделия на пластинках шириной 0,5–0,9 см – 1888 экз. (76,4 %). Пластинок с первичной коркой среди них – 477 экз. (18,3 %). Причём абсолютно преобладают пластинки с плиточной коркой, с галечной коркой – чуть более одного процента (1,1 %). Изучение пластин по их частям показывает, что в коллекции преобладают сечения – 30 %. Также много и пластин с отсечённым дистальным концом – 22,8 %. Пластин с отсечённым проксимальным концом – 8,3 %. Отсечённые проксимальные и дистальные концы пластин составляют соответственно 15 и 12,1 %. Целых пластин в коллекции 11,8 %. Заметное количество пластин с отсечённым дистальным кон-

Палатки I. Ширина ножевидных пластинок

Ширина, см	Пластинки без ретуши	Пластинки с ретушью утилизации	Пластинки с ретушью на спинке	Пластинки с ретушью на брюшке	Пластинки с ретушью на спинке и на брюшке	Пластинки с отретушированным концом	Пластинки с выемками	Всего отретушированных пластин	Резцы	Резчики	Резцы-резчики	Острия	Наконечники стрел	Микролиты	Резьбистые пластины	Всего	% от общего количества
0,3	30	1	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	31	1,25
0,4	113	5	2	3	1	–	1	12	2	2	–	–	–	–	2	131	5,30
0,5	267	12	6	9	1	2	7	37	7	6	–	2	–	–	12	331	13,40
0,6	331	12	5	5	2	4	3	31	16	7	–	3	2	1	4	395	15,99
0,7	378	9	7	7	2	5	3	33	17	14	3	4	–	–	12	461	18,66
0,8	302	18	9	3	3	5	10	48	5	18	1	5	3	1	12	395	15,99
0,9	232	2	11	3	2	4	9	31	15	12	–	2	5	1	8	306	12,38
1,0	137	6	5	2	1	4	3	21	7	7	–	5	–	12	4	193	7,81
1,1	93	3	5	1	2	1	1	13	11	4	–	2	1	5	5	134	5,42
1,2	36	–	4	–	1	–	1	6	3	3	–	1	2	3	–	54	2,18
1,3	10	–	–	2	–	2	1	5	3	–	1	–	–	2	–	21	0,85
1,4	7	–	–	–	–	1	1	2	–	–	–	–	1	1	–	11	0,45
1,5	2	–	1	–	–	–	–	1	3	–	–	1	–	–	–	7	0,28
1,6	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	0,04
1,7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего	1939	68	55	35	15	28	40	241	89	73	5	25	14	26	59	2471	100 %

цом объясняется присутствием в коллекции двухплощадочных нуклеусов, у которых возможный нижний конец пластин отсекается второй ударной площадкой.

Количество обработанных ретушью пластинок составляет 13,3 % всего пластинчатого комплекса (сюда включены не только пластинки с обработанными ретушью краями, но и резчики, острия, трапеции, а также часть резцов с ретушированными краями). Их ширина колеблется от 0,4 до 1,5 см. Ширину до 0,8 см имеют 59,7 % отретушированных пластинок, до 1 см – 86,1 %. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,9 см – 73,4 %.

Характеристика минерального состава мезолитических изделий свидетельствует о предпочтении некоторых видов минерального сырья. Чаще всего использовались яшмы и яшмовидные породы. Из них изготовлено 46,3 % всех изделий. Применялись яшмы различной окраски: зелёной (20,8 %), светло- и тёмно-серой (16,7 %), сургучной (5,3 %), серо-зеленоватой (1,8 %), красно-зелёной (0,9 %), кремевой (0,4 %) и красной (0,3 %). Изделия из кремня и кремнистого сланца составляют 18,7 и 16,2 %. Обычно использовался чёрный и коричневый кремнь хорошего качества. Кремнистые сланцы отличаются своим разнообразием. Среди них обычны сланцы тёмно- и светло-серые, зеленоватые, полосатые. Изделий из тёмно- и светло-коричневого халцедона 13 %. Имеются в коллекции небольшие комплексы изделий из слабокремнелой породы желтовато-серого (3,3 %) и светло-серого (1,2 %) цветов. Остальные виды сырья (плотный углистый сланец, молочный кварц, кварцит, сердолик, туфопорфирит, горный хрусталь) присутствуют в коллекции единичными изделиями. Разнообразие сырья и первичная корка на пластинках свидетельствуют о местном происхождении минерального сырья. Такой пёстрый состав его характерен для галечников на берегах озёр и рек.

Наиболее редкими категориями находок для мезолита являются каменные наконечники стрел и геометрические микролиты. Двадцать лет назад отсутствие данных изделий считалось одним из основных признаков мезолита Среднего Зауралья [10, с. 140]. В настоящее время на территории Среднего Зауралья найдено около 150 каменных наконечников стрел на пластинах и более 200 геометрических микролитов [11, с. 97–100]. На памятнике Палатки I выявлены 14 наконечников стрел и 26 геометрических микролитов. После святилища на Камне Дыроватом (81 микролит) это самый крупный комплекс на территории Среднего Зауралья. Немного уступает находкам с памятника Палатки I комплекс наконечников и геометрических микролитов с Шайтанского озера, где найдены 11 наконечников стрел и 14 трапеций. По типам и технике изготовления наконечники и геометрические микролиты с острова Каменные палатки и Шайтанского озера абсолютно идентичны.

Большое количество (в отличие от других памятников) наконечников стрел и геометрических микролитов может свидетельствовать как о хозяйственной направленности памятника, так и о его культовом характере.

Вершина I

В 40 м восточнее описанных мезолитических объектов выявлено ещё одно скопление микролитического инвентаря, которое получило название Вершина I. Оно располагается на ровном участке мысовидного выступа западной гряды площадью 18 кв. м. С севера и юга эта площадка ограничена выходами скал, а с запада и востока – крутыми склонами мыса.

Находки из верхних слоёв раскопа площадью 16 кв. м свидетельствуют, что площадка посещалась населением энеолита и раннего железного века. Нижние слои мощностью 20–30 см, лежащие на гранитных плитах, оказались непотревоженными, за исключением юго-западного угла раскопа. В этих нижних горизонтах в состав основного слоя светло-коричневой супеси были включены две большие и одна малая линзы розового цвета, содержащие порошок охры. Максимальный размер западного пятна линзы 2×1,1 м, её мощность в западной и центральной частях достигала 20 см, постепенно сокращаясь к периферии. Максимальный размер восточной линзы – 2,4×0,5–1,1 м. Она имела мощность 20–30 см в центральной части и на протяжении 0,7 м к северу. Там розовый оттенок линзы переходил в вишнёвый. Третья линза первоначально сливалась с северной частью восточной. Её округлые очертания диаметром 0,7 м проступили только у самого материка.

Находки маленьких кусочков железной руды в южной части восточной линзы позволяют высказать предположение, что порошок охры изготовлялся непосредственно на площадке. Судя по всему, красящий порошок получали из конкреций лимонита. Экспериментами установлено, что через полчаса после пребывания в костре с наиболее рыхлых участков железной руды можно было соскрести красный порошок. А через 6–10 часов после обжига вся конкреция становилась тёмно-вишнёвой, и её легко можно было растолочь или растереть до порошковидного состояния [12, с. 227]. Кусочки железной руды на площадке, по всей видимости, и являются остатками последней операции.

Микролитический комплекс (80 экз.) представлен пластинками с ретушью и без неё, а также изделиями на пластинках (рис. 8: 1–45). Ширину до 0,8 см имеют 64 пластинки (83,1 %), а до 1 см – 75 (97,4 %). Среди них 7 целых пластинок, 4 – с отсечённым проксимальным концом, 17 – с отсечённым дистальным концом и 28 (36,4 %) – сечений. Отсечённые проксимальные и дистальные концы составляют соответственно 16 и 5 экз. Кроме пластин без ретуши (67 экз.) в коллекции присутствуют пластинка с отретушированной выемкой, 4 пластинки с ретушью утилизации, 2 резца и 3 резчика. Оба резца изготовлены на сечениях пластин светло-серой яшмы. У одного резца – два резцовых скола, у второго – три. Все резчики выполнены на узких (0,4; 0,5; 0,7 см) пластинках, имеют слабовыраженный клювовидный рабочий край, обработанный мелкой ретушью на спинке.

Для изготовления пластинок использовались халцедон, серо-зелёная яшма, кремнистый сланец и светло-серая яшма – эти минералы составляют 78 % всего комплекса. Единично применялись кремнь, сургучная яшма, светло-серая порода и сердолик.

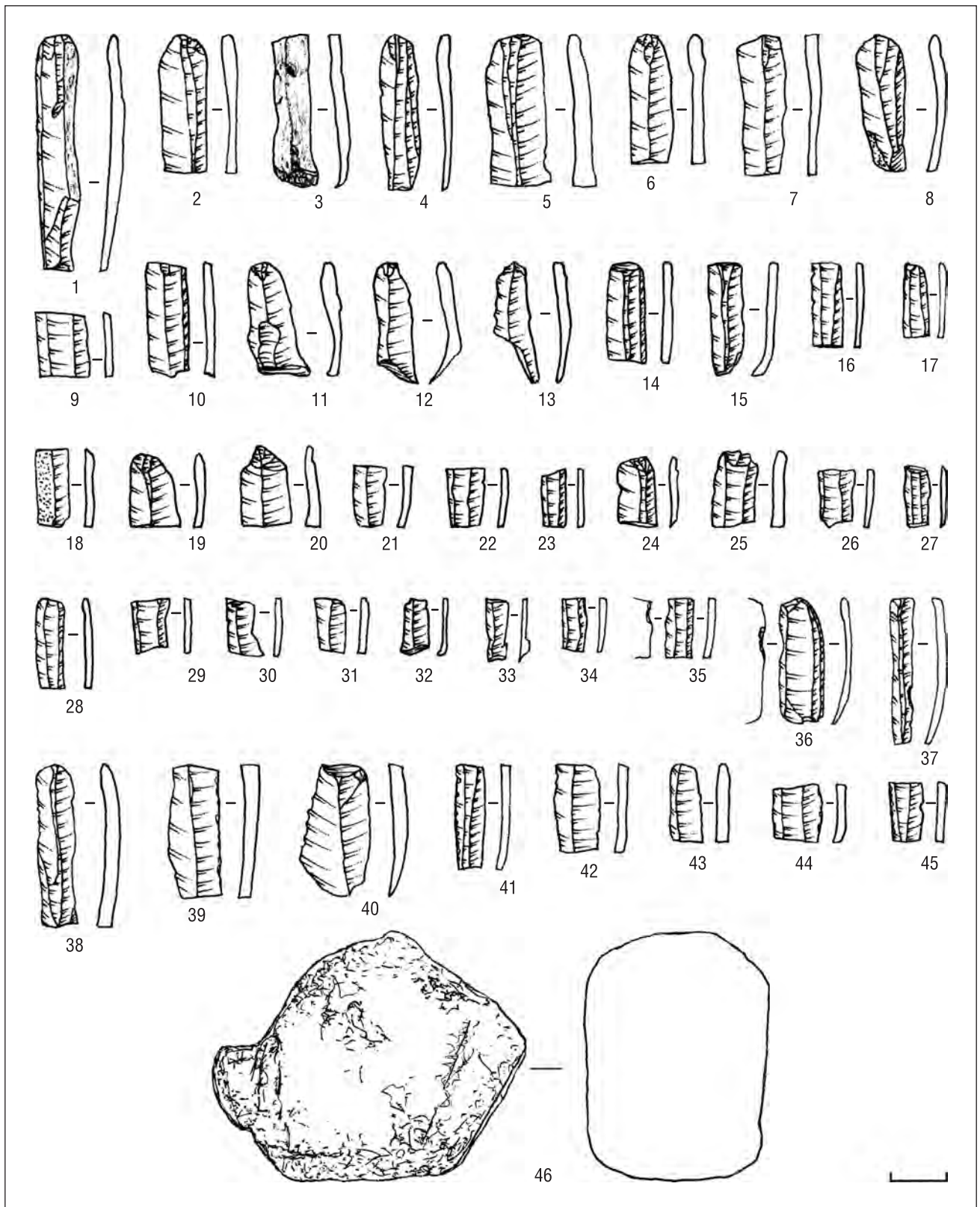

Рис. 8. Вершина I. Каменные изделия: 1–45 – микролитический инвентарь; 46 – гранитное изображение головы зверя

Рис. 9. Вершина I. Фигура медведя у границы окрашенного охрой слоя западного объекта. Вид с юго-востока

При расчистке западной розовой линзы у её границы проявилась гранитная фигура (рис. 9). Длина фигуры 42 см, высота – 43 см. Нижняя часть изображения углублена в грунт на 20 см. Плоская северо-западная сторона фигуры (рис. 10) опиралась на прямоугольный блок, ещё глубже вкопанный в грунт. По абрису фигуры, очертанию головы, длинной шеи, а также передней лапы, намеченной узким желобком, в изображении можно увидеть образ медведя (рис. 11). С трёх сторон каменную фигуру окружало скопление микропластин.

В центральной части восточной линзы розового и красного цвета найдено расколотое надвое гранитное изделие, в южной – гранитная фигурка, похожая на голову медвежонка (рис. 8: 46; 12). Она изготовлена из гранитной плитки толщиной 3,2 см, размер изображения – 5,5×4,3 см. У фигуры слабо выделено ухо, чётко обозначен курносый нос; вертикальные прорезы, спускающиеся от лба, позволяют предположить наличие глаза. С этим объектом связано скопление микропластин (36 экз.).

На площадке происходила обработка минимум 26 кусков камня 11 видов минералов. Преобладание в комплексе сечений и отсечённых частей пластинок (36,4 % и 27,7 %) свидетельствует о том, что на памятнике производилось изготовление (или ремонт) вкладышевых составных орудий. Обращает на себя внимание заметный процент цветного яркого сырья – 28,5 % (халцедон, сердолик, сургучная яшма). Этот факт мог бы свидетельствовать о ритуальном характере комплекса. Наличие в структуре памятника слоёв, окрашенных охрой, и гранитных фигур позволяет предположить, что на площадке в мезолите проводились какие-то ритуалы, а микропластины могли быть следами жертвоприношений, дарами медведю. Подобный культовый комплекс мезолитического времени на Урале найден впервые.

Особо хотим обратить внимание на изготовление гранитных фигур. Видимо, в мезолит уходит генезис традиции, которая на территории Верх-Исетского гранитного массива к неолиту переросла в создание гранитных изображений размерами от 3–6 см до мегалитов в 1,5–2 м, выполненных в «каменном» стиле [13, с. 119–125].

В верховьях р. Исети, в западной части Екатеринбурга, помимо двух мезолитических комплексов на острове Каменные палатки, небольшой микролитический комплекс выявлен на стоянке Перегон III [14, с. 100–104]. Громадная коллекция микролитического инвентаря с Калмацкого Брода хранится в Государственном Историческом музее. Материалы этих комплексов аналогичны находкам с острова Каменные палатки.

Рис. 10. Вершина I. Гранитная фигура медведя. Вид с северо-запада

Рис. 11. Вершина I. Гранитная фигура медведя. Вид с юго-востока

Рис. 12. Вершина I. Изображение головы медвежонка из гранита

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панина С.Н. Палатки II – поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
2. Викторова В.Д. Культурные озерные памятники // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
3. Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха камня) // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. Екатеринбург, 2007. № 4.
4. Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. Екатеринбург, 2008. № 1.
5. Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего железного века) // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. Екатеринбург, 2008. № 2.
6. Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха позднего железного века) // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. Екатеринбург, 2009. № 2.
7. Викторова В.Д., Колмакова В.В., Федорова А.Ю. И разные народы побывали здесь... // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
8. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
9. Сериков Ю.Б. Каменные наконечники стрел эпохи мезолита на территории Среднего Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
10. Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР)
11. Сериков Ю.Б. Новые находки геометрических микролитов в Среднем Зауралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Университет и историко-культурное наследие региона: сборник научных трудов. Пермь, 2008. Вып. V.
12. Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984. (Археология СССР)
13. Викторова В.Д. Природные и рукотворные мегалитические изваяния // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. Екатеринбург, 2010. № 1.
14. Волков Р.Б., Святлов В.Н., Старков А.В. Поселение Перегон III // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3.

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург*

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия,
Нижний Тагил*

V.D. Viktorova, Yu.B. Serikov

**MICROLITHIC COMPLEXES ON THE STONE TENTS (KAMENNYE PALATKI) ISLAND
(THE MIDDLE TRANS-URALS)**

Summary

The article deals with Mesolithic complexes from the Stone Tents Island of Middle Trans-Urals Mesolithic culture. Those are especially close to Mesolithic collections of the Shaytanskoye Lake. A large number of stone arrowheads and geometrical microliths are found on the monument Tents (Palatki) I that is atypical for the Mesolithic of the Middle Trans-Urals. The use of granite zoomorphic figures is evidence to the fact that the monument Top (Ver-shina) I was a place where some rites were held in the Mesolithic.

*Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
16, Sof'Y Kovalevskoy St., Ekatherinburg, 620990,
Russia
E-mail: Viktorova1108@yandex.ru*

*The State Social-Pedagogical Academy of Nizhny Tagil,
57, Krasnogvardeyskya St., Nizhny Tagil, 622031,
Russia
E-mail: u.b.Serikov@mail.ru
Serikov2@yandex.ru*

Н.А. Цветкова

СКРЕБКИ В РАННЕМ НЕОЛИТЕ ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА (СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Введение

Скребки на стоянках мезолита – неолита образуют, как правило, одну из самых значительных по количеству категорий орудий. Они являются необходимой составляющей поселенческого орудийного набора. По их процентному содержанию в коллекциях можно делать выводы о хозяйственной специфике памятника, а морфологические особенности скребков могут помочь в определении хронологической позиции стоянки. Поскольку скребок в коллекции мезо-, неолитических памятников – артефакт весьма распространённый, исследователи, как правило, ограничиваются описанием этой категории орудий, исходя из общих представлений о скребках, соответствующих археологической культуре/эпохе, остатки которой они фиксируют в процессе раскопок. Тем не менее, по моему глубокому убеждению, скребок, несмотря на свою «обыденность» занимает значимую позицию в составе каменной индустрии, как, впрочем, и любой другой её элемент.

* * *

Древности раннего неолита Верхневолжского региона долгое время рассматривались с точки зрения их принадлежности к валдайской и верхневолжской культурам [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Отстаивая самостоятельный культурный статус памятников Верхневолжской системы озёр как оставленный в раннем неолите носителями традиций валдайской культуры, Н.Н. Гурина апеллировала, в том числе и к такой характерной для валдайской культуры категории орудий, как «скребок валдайского типа». Эти орудия, «... часто изготовленные на специальных крупных отщепах округлой формы» [2, с. 189], по её представлениям, встречались только на памятниках Валдайской возвышенности. Н.Н. Гурина отмечала, что эти скребки правильнее было бы называть скрёблами [1, с. 37]. Впоследствии выяснилось, что данный тип орудий свойствен только памятникам финального мезолита и раннего неолита региона [7, с. 217].

В целом для **валдайской культуры** Н.Н. Гурина называла характерными три типа скребков. Первый тип представляют концевые скребки на массивной правильной отжатой пластине с округлым лезвием, обработанным крутой, как правило, двухрядной ретушью (рис. 1: 1, 2). Ко второму типу ею были отнесены концевые скребки на пластинчатых отщепах, реже – пластинах (рис. 1: 3, 4). Среди них выделяются разновидности с одним и с двумя рабочими лезвиями. Третий тип характеризуют массивные скребки (скрёбла) из отщепов, две или три округлых грани которых служат рабочим лезвием (рис. 1: 5). Кроме того, встречаются скребки промежуточных типов. Их отличия от основных трёх типов состоят в меньших размерах и в расплывчатости очертаний [1, с. 37–38].

В дальнейшем Т.Б. Крылова, исследовав скребки со стоянок мезолита – неолита на территории Волговерховья, пришла к выводу, что: «Для Валдайской возвышенности в целом характерны крупные размеры скребков: наиболее обычны здесь скребки размером от 2×2 до 4×5 см... Крупные скребки (более 4×4,5 см) составляют, как правило, от 6–10 % до 20–35 %, доля их в период неолита выше, чем в мезолите» [7, с. 215]. Говоря о скребках валдайского типа, Т.Б. Крылова характеризует их как орудия, изготовленные на «специально сколотых или подобранных отщепах. Форма тела скребка – естественная округлая. Скребки этого типа всегда круглые... Лезвие охватывает большую часть периметра орудия, контур его дугообразный или круговой. Изменение формы заготовки минимальное, ретушь следует контурам заготовки. Там, где ретушь прерывается, изгиб контура не меняется» [7, с. 217].

Д.А. Крайнов, характеризуя скребки **верхневолжской культуры**, разделил их на четыре группы. Первая представлена разнообразными скребками, изготовленными на отщепах (рис. 1: 6–9), вторая – микро-скребками на отщепах округлой формы (рис. 1: 10). Третью группу составили концевые скребки на пластинках и пластинчатых отщепах (рис. 1: 11–14), и четвёртую – скребоквидные орудия и скрёбла [3, с. 54]. Считается, что скребки разнообразны и наиболее многочисленны на начальном этапе развития верхневолжской культуры [8].

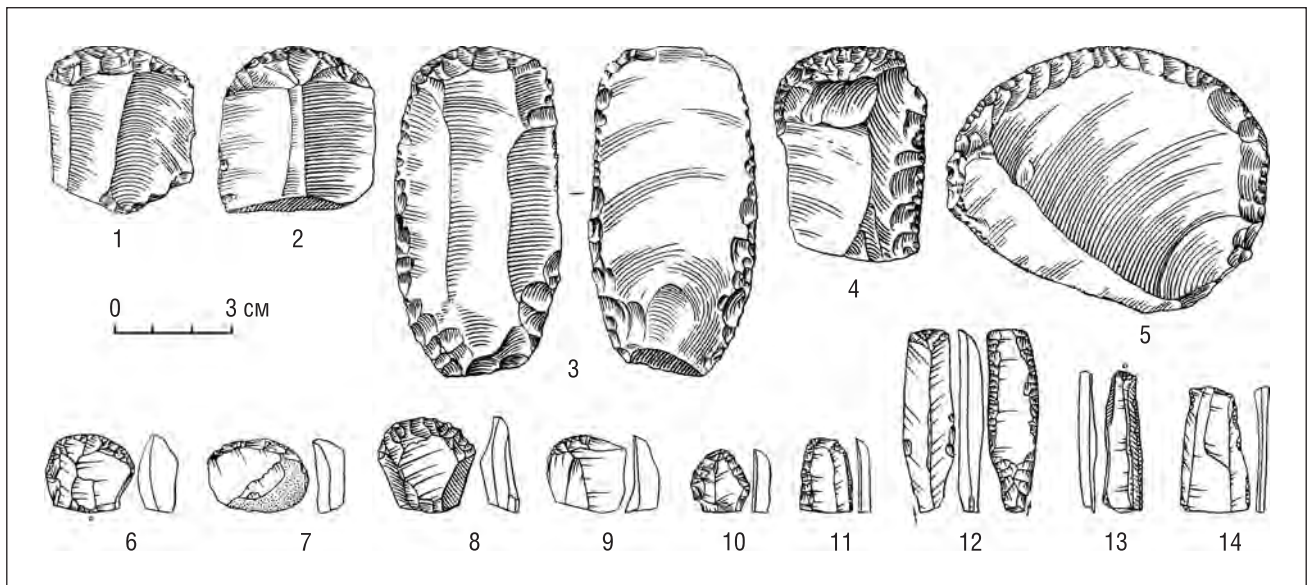

Рис. 1. Скребки раннего неолита бассейна Верхней Волги.

Валдайская культура (по Н.Н. Гурина, 1958 [1]): 1, 2 – концевые скребки на массивной правильной отжатой пластине с округлым лезвием, обработанным крутой двухрядной ретушью (тип 1); 3, 4 – концевые скребки на пластинчатых отщепах, реже – пластинах (тип 2); 5 – массивные скребки (скрёбла) из отщепов (тип 3).

Верхневолжская культура (по Д.А. Крайнов, Н.Н. Хотинский, 1977 [3]): 6–9 – скребки на отщепах; 10 – микроскребок на округлом отщепе; 11–14 – концевые скребки на пластинках и пластинчатых отщепах

Исследования, посвящённые неолитическим скребкам как отдельной категории орудий, для указанного региона немногочисленны. Это публикация материалов стоянки Давыдовская, исследование Т.Б. Крыловой о скребках Валдайской возвышенности и раздел в монографии «Древнее поселение Липецкое Озеро» [9; 7; 10]. В них предложены оригинальные классификации скребков, согласно которым и охарактеризован изучаемый материал. Стоит сказать о замечке В.В. Сидорова в журнале «Советская археология» «К вопросу о функциях скребков», которая представляет собой обобщение базовых данных о скребках, выявленных С.А. Семёновым и Г.Ф. Коробковой в ходе экспериментов, с попыткой экстраполяции на материалы Волго-Окского неолита – энеолита [11].

Совокупная работа о скребках раннего неолита Верхневолжского региона, учитывающая памятники и Валдайского поозерья, и Волго-Окского междуречья, пока не появилась. Настоящее исследование представляет собой попытку заполнить эту лауну.

Источники

Предмет изучения составили 292 скребка из коллекций с опорных памятников раннего неолита бассейна Верхней Волги [8; 12]. Стоянки и поселения Алексееское 1, Альба 8, Берендеево IIa, Давыдовская, Замостье 2, Воймежное 1/11¹, Ивановское III и VII, Озерки 5/II, Окаёмово 18/нижний культурный слой (ниж. к.с.), Плещеево I, Сахтыш IIa/IIг, Становое 4/II и Шадрино IV, Малая Ламна I традиционно рассматриваются с точки зрения принадлежности к верхневолжской культуре. Стоянки Котчище I и II и местонахождение Нилова Пустынь – памятники валдайской культуры на раннеолитическом этапе её развития. Кроме того, в работе использованы скребки с поселения Сахтыш VIII, отнесённые к раннему неолиту по результатам типологического анализа.

Методика исследования

В представленной работе мною предполагается, в первую очередь, провести типологический анализ скребков, поскольку именно этот метод обеспечивает исследователя необходимыми технико-морфологическими и количественными данными, на которых основываются историко-культурные реконструкции [13, с. 13].

До настоящего времени общая типология (классификация) скребков раннего неолита Верхневолжского региона не была разработана. В археологии мезолита – неолита этой территории сложилась традиция описания скребков согласно таким признакам, как: расположение рабочего лезвия на заготовке, его форма, ко-

¹ В знаменателе указан номер слоя на памятнике: литологического – арабскими цифрами, культурного – римскими.

личество лезвий, характер ретуши, формирующей скребковое лезвие, характер заготовки и другие. С их учётом и выделяются общепринятые типы скребков: концевые, концевые с дугообразным/прямым лезвием, подокруглые, округлые, полуокруглые, боковые, концевые-боковые, стрельчатые, аморфные, микроскребки, двойные и другие. Тем не менее, несмотря на кажущуюся простоту и ясность, существуют различия в описаниях, а от этого – непонимание между исследователями, выливающееся, в том числе, в разногласия по вопросам трактовки историко-культурных событий в регионе. В связи с этим в последнее время достаточно остро встала проблема унификации накопленных данных для того, чтобы вещевые комплексы можно было бы сравнивать на единых основаниях. Это объясняет значимую роль классификации при работе с каменным инвентарём, а в конкретном случае со скребками обуславливает необходимость разработки таковой.

Стоит сказать, что попытки создания классификации скребков мезолита – неолита Верхневолжского региона уже предпринимались. Так, В.В. Сидоровым была предложена типология скребков в публикации материалов стоянки Давыдовская [9]. На основании таких морфологических критериев, как характер и пропорции заготовки, её форма в плане и приём оформления скребкового лезвия, им были выделены семь типов скребков [9, с. 151–153]. Первый тип составили «*концевые скребки на тонких правильных пластинах толщиной около 0,2 см*». Ко второму типу отнесены «*концевые скребки из обломков правильных ножевидных пластин толщиной 0,2–0,4 см*». Третий тип представлен *крупными концевыми скребками «из массивных пластин и прямых отщепов, близких к пластинам»*. Четвёртый тип – это «*концевые скребки из относительно тонких пластинчатых и удлинённых трапецевидных отщепов с тонким очень пологим округлым лезвием*». Скребки из более широких отщепов, приближающиеся к трапецевидным, с дугообразным лезвием В.В. Сидоров отнёс к типу 5, а трапецевидные скребки, более крупные с отвесным или крутым рабочим краем, – к типу 6. Седьмой тип составили *многосторонние скребки подпрямоугольной и округлой форм* [9, с. 151–153].

Т.Б. Крылова разработала классификацию скребков с мезо-,неолитических стоянок Валдайской возвышенности, которая содержит девять номенклатурных уровней, выделяемых по: 1 – типу заготовки; 2 – характеру обработки изделий (подход к заготовке и степени её изменения в процессе обработки); 3 – приёму обработки; 4 – расположению лезвия относительно оси заготовки; 5 – количеству лезвий у изделия; 6 – контуру лезвия; 7 – форме тела скребка (*типобразующий признак*); 8 – симметричности лезвия относительно оси орудия; 9 – пропорциям изделия [7]. Дробность такой типологии предполагает исчерпывающие характеристики скребков, однако, на мой взгляд, она весьма сложна в восприятии. Исследователь не отрицает этого, однако, по её мнению: «Такая классификация, несмотря на кажущуюся сложность, позволяет проследить эволюцию скребков на стоянках Валдайской возвышенности на протяжении каменного века и выявить их своеобразие» [7, с. 215].

Ещё одна формальная типология скребков была предложена А.Т. Синюком и А.Ю. Клоковым [10]. В её основу положен чётко определяемый признак – форма орудия. На основании этого выделяются четыре типа скребков: 1 – прямоугольные; 2 – треугольные; 3 – округлые; 4 – полукруглые. По своеобразию оформления рабочих лезвий авторы выделяют разновидности изделий. Более крупными таксономическими единицами являются группы скребков, выделяемые по характеру расположения рабочих участков скребка относительно его абриса: 1 – концевые скребки; 2 – обоюдоконцевые (двойные); 3 – конце-боковые; 4 – круговые скребки. Высший таксономический уровень – это отделы, сформированные в соответствии с типом заготовки скребка – пластины или отщепа [10, с. 107]. Как недостатки данной классификации авторы расценивают оставшиеся за пределами типологической схемы размеры изделий, особенности профиля орудий, виды сырья. Несмотря на то, что учтены не все разновидности скребков, данная схема открыта для включения новых признаков, новых разновидностей групп, а также способна фиксировать иные признаки.

* * *

Отличительным признаком скребка является наличие намеренно сформированного ретушью короткого дугообразного/прямого рабочего края (лезвия), которое, следовательно, выступает в качестве основного технологически значимого элемента и, соответственно, определяет специфику классификации этого вида орудий [14]. Другими словами, морфология рабочего лезвия скребка является типобразующим признаком. Это заставляет меня отказаться от применения вышеупомянутых классификаций применительно к изучаемому материалу. Однако разработки коллег легли в основу предлагаемой типологии скребков со стоянок раннего неолита в бассейне Верхней Волги. Она включает в себя пять номенклатурных уровней (рис. 2). Предполагалось сделать её максимально простой, без избыточного количества номенклатурных уровней с тем чтобы заранее избавиться от лишних, “нерабочих”, засоряющих информационное поле данных. Основопологающим явилось правило деления объёма понятия.

При разработке классификации основное внимание было уделено таким характеристикам рабочего края, как форма, способ его формирования, расположение на заготовке и т.д. Остальные элементы, как, например, наличие краевой нерегулярной ретуши утилизации(?), являются второстепенными и не влияют на морфологическую определяющую скребка – рабочее лезвие. Предположительно они могут рассматриваться и как следы аккомодации или как составляющая комбинированных орудий, но, на мой взгляд, они – второстепенные и не являются признаками, которые должны учитываться при построении классификации.

По характеру заготовки, определяющей расположение рабочего лезвия, скребки предлагается разделить на два отдела. Скребки из пластин/пластинчатых отщепов – **отдел 1**. Такие орудия характеризуются, в пер-

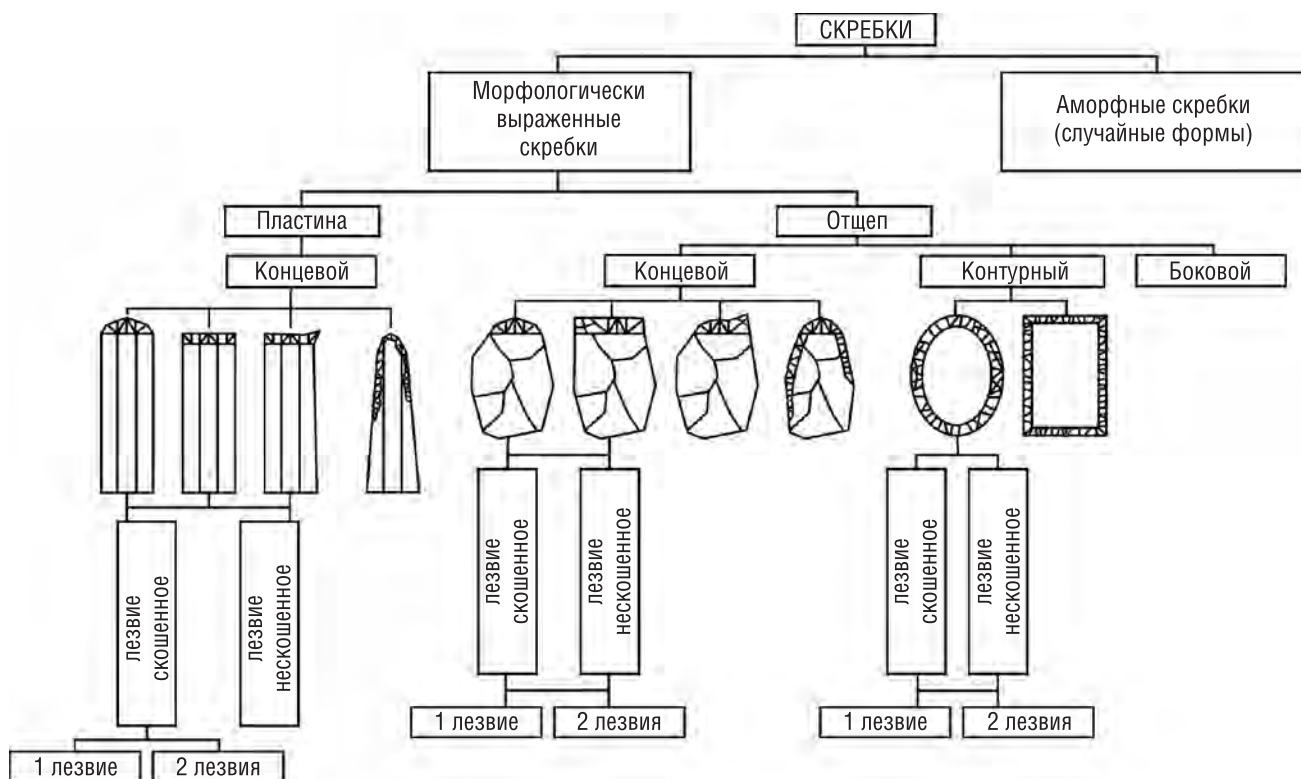

Рис. 2. Схема классификации скребков

вую очередь, удлинёнными пропорциями. **Отдел 2** составляют скребки, изготовленные из отщепов. Далее, в зависимости от расположения скребкового лезвия на теле заготовки относительно её длинной оси, выделяются три **группы**: концевые скребки; контурные скребки (ретушь, формирующая скребковое лезвие, занимает от $\frac{3}{4}$ и более заготовки) и боковые скребки. Следующий уровень деления – **типы**. Типообразующим признаком выступает морфология рабочего лезвия. В соответствии с этим все скребки можно разделить на три типа: 1 – *скребки с дугообразным лезвием*; 2 – *скребки с прямым лезвием*; 3 – *скребки «с носиком»* (шиповидным выступом на углу скребкового лезвия) и 4 – *стрельчатые скребки* (с треугольным рабочим краем). **Вариантообразующим** признаком выступает симметрия/асимметрия скребкового лезвия относительно длинной оси заготовки. Таким образом, все скребки могут относиться к двум вариантам: изделиям с нескошенным рабочим лезвием и орудиям со скошенным рабочим краем. Количество скребковых лезвий является основанием для выделения **подвариантов**. Подвариант 1 представлен изделиями с одним рабочим лезвием; подвариант 2 составляют орудия с двумя рабочими лезвиями.

Характеристика скребков

В раннем неолите бассейна Верхней Волги для изготовления скребков человек использовал местный карбоновый кремль различного цвета и качества. Зависимость морфологии скребков и технологии их изготовления от типов сырья не прослеживается.

Скребки из пластин/пластинчатых отщепов (52 экз.). Все они относятся к группе концевых. Наиболее многочисленны *скребки с дугообразным лезвием* типа 1 (рис. 3).

Больше всего изделий с нескошенным лезвием. Эти орудия в количестве 28 экз. представлены в коллекциях со стоянок Алексеевское 1 – 1 экз. (рис. 3: 3); Давыдовская – 10 экз. (рис. 3: 14, 22–24, 26, 28, 31–33, 37); Замостье 2 – 1 экз. (рис. 3: 25); Ивановское III – 1 экз. (рис. 3: 13); Ивановское VII – 3 экз. (рис. 3: 17, 18, 21); Котчище I – 2 экз. (рис. 3: 27, 29); Малая Ламна I – 1 экз. (рис. 3: 10); Нилова Пустынь – 1 экз. (рис. 3: 36); Плещеево I – 1 экз. (рис. 3: 6); Сахтыш VIII – 1 экз. (рис. 3: 16); Шадрино IV – 5 экз. (рис. 3: 1, 2, 7, 9, 38). Ещё один скребок из к.с. II поселения Озерки 5 с симметричным лезвием изготовлен на ребристой пластине с коркой (илл. 3: 11). Два скребка со стоянок Алексеевское 1 и Котчище I имеют резцовые сколы на сломе заготовки (рис. 3: 3, 29). У скребка со стоянки Давыдовская резцовый скол нанесён со стороны лезвия. Скребок с двумя лезвиями – 2 экз. Они происходят из коллекций со стоянок Давыдовская и Малая Ламна I (рис. 3: 24, 10).

Скребки со скошенным лезвием насчитывают 10 экз. (рис. 3). Они происходят со стоянок Альба 8 – 1 экз. (рис. 3: 19); Давыдовская – 1 экз. (рис. 3: 34); Замостье 2 – 1 экз. (рис. 3: 15); Ивановское III – 1 экз. (рис. 3:

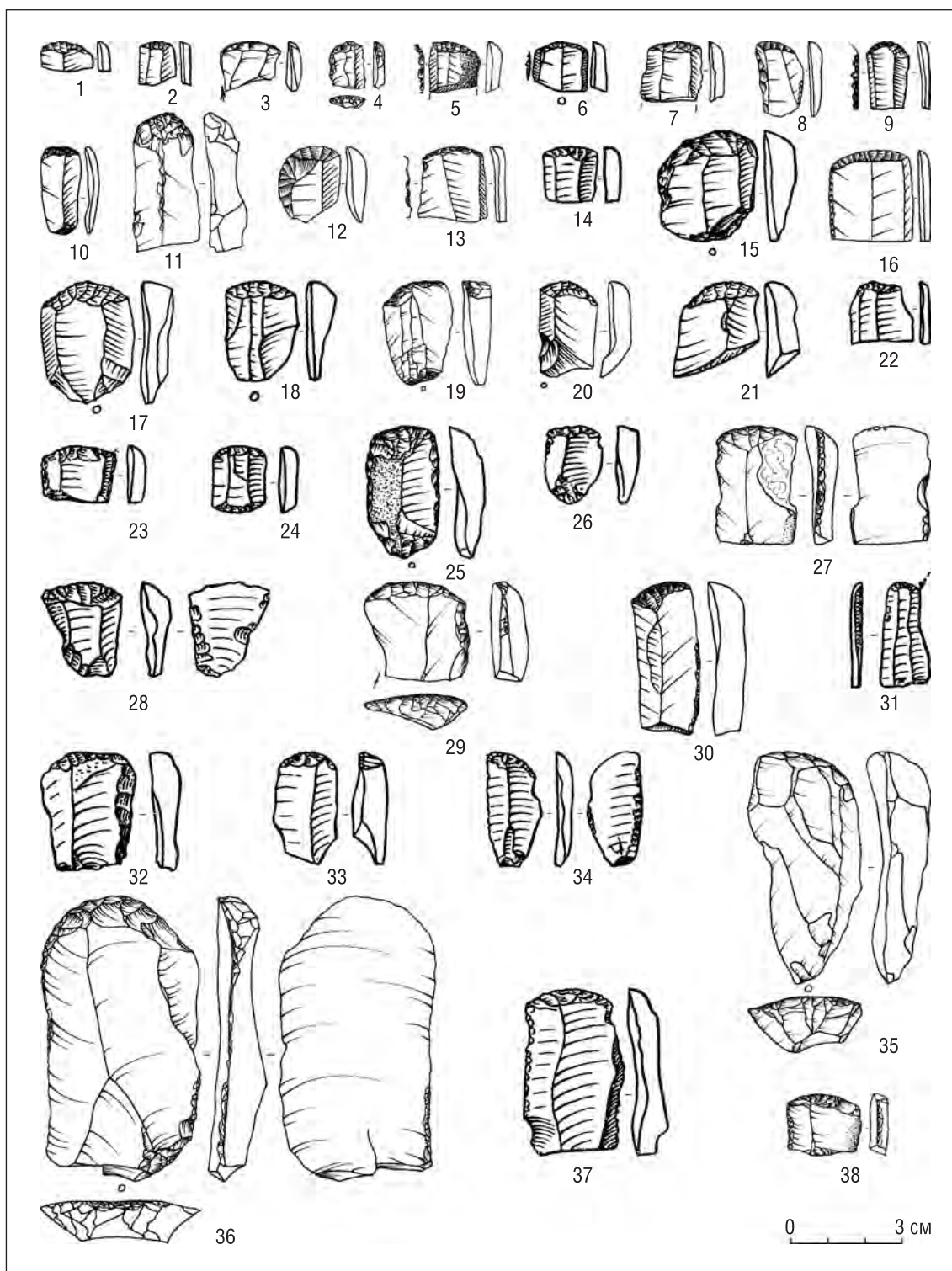

Рис. 3. Концевые скребки из пластин с дугообразным лезвием:

- 1, 2, 7, 9, 38 – Шадрино IV (по Крайнов, Костылева, 1988 [15]); 3 – Алексеевское 1 (по Цветкова, 2007 [16]);
 4 – Озерки 5/II; 5, 13 – Ивановское III (из архива А.В. Уткина); 6 – Плещеево I (по Жилин, 1975 [17]);
 8, 12, 16 – Сахтыш VIII (по Костылева, 1986 [18]); 10, 30 – Малая Ламна I (по Костылева и др., 1985 [19]);
 14, 22–24, 26, 28, 31–34, 37 – Давыдовская (по Сидоров, 1973 [9]); 15, 25 – Замостье 2 (по Лозовская, Лозовский,
 2002 [20]); 17, 18, 20, 21 – Ивановское VII (по Жилин и др., 2002 [21]); 19 – Альба 8 (по Цветкова, 2010 [22]);
 27, 29, 35 – Котчище I; 36 – Нилова Пустынь (3, 7, 19, 27, 29, 35, 36 – *рис. автора*)

5); Ивановское VII – 1 экз. (рис. 3: 20); Котчище I – 1 экз. (рис. 3: 35); Малая Ламна I – 1 экз. (рис. 3: 30); Озерки 5/II – 1 экз. (рис. 3: 4); Сахтыш VIII – 2 экз. (рис. 3: 8, 12). Все они имеют одно рабочее лезвие.

Десять скребков отнесены к типу 2 и имеют *прямое рабочее лезвие*. Первый происходит со стоянки Давыдовская, изготовлен на трёхгранной регулярной пластине и имеет несошенное рабочее лезвие (рис. 4: 2). Второе орудие, со скошенным лезвием, изготовлено из трёхгранной нерегулярной пластины, найдено на стоянке Шадрино IV (рис. 4: 8). Четыре скребка происходят из раннеолитического горизонта поселения Сахтыш VIII. Два выполнены на крупных трёхгранных пластинах регулярной огранки (рис. 4: 1, 3), третий изготовлен на двухгранной нерегулярной пластине (рис. 4: 9). Рабочее лезвие одного из скребков – скошенное. На всех изделиях присутствует краевая вентральная мелкофасеточная ретушь, не образующая боковое скребковое лезвие. Ещё два скребка происходят из к.с. II поселения Озерки 5 (рис. 4: 6, 7). Первый скребок изготовлен из крупной пластины путём снятия микропластин, заготовкой для второго скребка послужил пластинчатый отщеп. Рабочие лезвия у обоих орудий – скошенные. Ещё два скребка, идентичные друг другу: из Плещеева I и Ивановского III – изготовлены на трёхгранных регулярных пластинах (рис. 4: 4, 5). Последний скребок происходит со стоянки Котчище I. Он изготовлен на пластинчатом отщепе, рабочее лезвие его – несошенное. По краям нанесена дорсальная нерегулярная ретушь (рис. 4: 10).

Скребки «с носиком», отнесённые к типу 3, представлены двумя орудиями (рис. 4: 14, 15). Первый скребок происходит из коллекции со стоянки Шадрино IV (рис. 4: 15). Он изготовлен из трёхгранной регулярной пластины с коркой. На одном из краёв имеется вентральная краевая ретушь. Лезвие – несошенное (**вариант 1**). Второй скребок происходит с поселения Сахтыш VIII (рис. 4: 14). Изготовлен он на двухгранной нерегулярной пластине. “Носик” выражен достаточно слабо, рабочее лезвие скошено. Это изделие также имеет противоположащую приостряющую(?) ретушь по краю заготовки.

Стрельчатые скребки типа 4 присутствуют в количестве 3 экз. в коллекции со стоянки Котчище I. Два скребка изготовлены из трёхгранных пластин нерегулярной огранки. Рабочие лезвия их сформированы крутой дорсальной среднефасеточной ретушью. На одном из краёв обоих орудий имеется нерегулярная мелкофасеточная дорсальная ретушь (рис. 4: 12, 13). Третье орудие изготовлено на трёхгранной регулярной пластине и имеет два рабочих лезвия, которые оформлены дорсальной притупляющей ретушью, причём одно из них скошено (рис. 4: 11).

Скребки из отщепов (171 экз.). Типологически они разнообразнее по сравнению со скребками из пластин/пластинчатых отщепов и представлены концевыми, контурными и боковыми формами.

Концевые скребки (117 экз.) представлены всеми четырьмя типами.

Скребков типа 1 с *дугообразным несошенным лезвием* – 80 экз. (рис. 5, 6). Они имеются в коллекциях с памятников Алексеевское 1 – 1 экз. (рис. 6: 22); Воймежное 1/II – 3 экз. (рис. 6: 24, 26, 28); Давыдовская – 27 экз. (рис. 5: 17, 22, 24, 26, 28, 31, 32, 34–41, 45–54, 55, 59); Замостье 2 – 7 экз. (рис. 6: 2, 5, 9, 10, 17, 19, 21); Ивановское III – 7 экз. (рис. 6: 4, 13–15, 18, 23, 35); Ивановское VII – 4 экз. (рис. 6: 16, 25, 27, 38); Котчище I – 4 экз. (рис. 6: 32–34, 40–43); Малая Ламна I – 4 экз. (рис. 5: 4, 8, 19, 20); Озерки 5/II – 4 экз. (рис. 5: 42, 43, 58; 6: 31); Окаёмово 18/ниж. к.с. – 2 экз. (рис. 5: 27, 56); Плещеево I – 3 экз. (рис. 5: 11, 15, 16); Сахтыш VIII – 3 экз. (рис. 6: 7, 8, 11); Становое 4/II – 1 экз. (рис. 5: 30); Шадрино IV – 6 экз. (рис. 5: 1, 3, 6, 12, 13, 14). Два скребка со стоянок Давыдовская и Шадрино IV имеют по два скребковых лезвия. На скребке из Котчища I (рис. 6: 34) на одном из краёв – нерегулярная дорсальная ретушь.

Интересен скребок с зубчатой ретушью со стоянки Котчище I (рис. 5: 57). Пока он – единственный в своём роде. Аналоги ему неизвестны. И.В. Гаврилова считала его штампом: «Очень интересен кремневый штампик для нанесения орнамента на сосуды, напоминающий концевой скребок с очень крутым и прямым зубчатым рабочим краем. Зубчики, размещённые на равном расстоянии друг от друга, слегка притуплены и оформлены тонкой отжимной ретушью На подсохшей глине такой штамп оставляет очень тонкую гребенчатую линию» [26, с. 88]. Однако полученные отпечатки на пластине, выполненные лезвием этого скребка, свидетельствуют, что это не так. Можно предположить, например, что такой скребок мог использоваться для мездрения толстых шкур, по аналогии с зубчатыми костяными скребками [27, с. 63]. Однако ответ на вопрос о функции этого скребка может дать только трасологический анализ. Изделия с рабочим лезвием, сформированным именно зубчатым штампом, есть, в частности, в коллекции с поселения Ивановское VII [21, с. 191]. Однако их возраст доподлинно не известен, поскольку «при раскопках неолитических горизонтов стоянки Ивановское VII было собрано большое количество изделий из камня... однако культурная принадлежность основной массы находок достоверно не определяется в силу их типологической невыразительности и сильной перемешанности слоёв, особенно на суходоле» [31, с. 48]. Таким образом, скребок с зубчатым лезвием из Котчища I – пока единственный в своём роде.

Скребков с *дугообразным скошенным лезвием* насчитывается 22 экз. Распределение по стоянкам следующее: Альба 8 – 1 экз. (рис. 5: 9); Давыдовская – 5 экз. (рис. 5: 18, 23, 25, 33, 44); Замостье 2 – 2 экз. (рис. 6: 3, 20); Ивановское VII – 2 экз. (рис. 6: 1, 6); Котчище I – 4 экз. (рис. 6: 29, 30, 36, 37, 39); Малая Ламна I – 3 экз. (рис. 5: 10, 21, 29); Плещеево I – 2 экз. (рис. 5: 2, 7); Сахтыш VIII – 1 экз. (рис. 6: 12); Шадрино IV – 1 экз. (рис. 5: 5).

Скребков с прямым лезвием типа 2 – 9 экз. Все они имеют одно рабочее лезвие. Один скребок происходит из Замостья 2. Рабочее лезвие его – скошенное (вариант 2), оформлено полукрутой среднефасеточной дорсальной ретушью (рис. 7: 2). Также орудие со скошенным лезвием, изготовленное на отщепе с коркой, представлено в коллекции с поселения Сахтыш VIII (рис. 7: 4). В к.с. II поселения Озерки 5 найден скребок с прямым несошенным лезвием, сформированным полукрутой среднефасеточной ретушью (рис. 7: 1). Ещё два

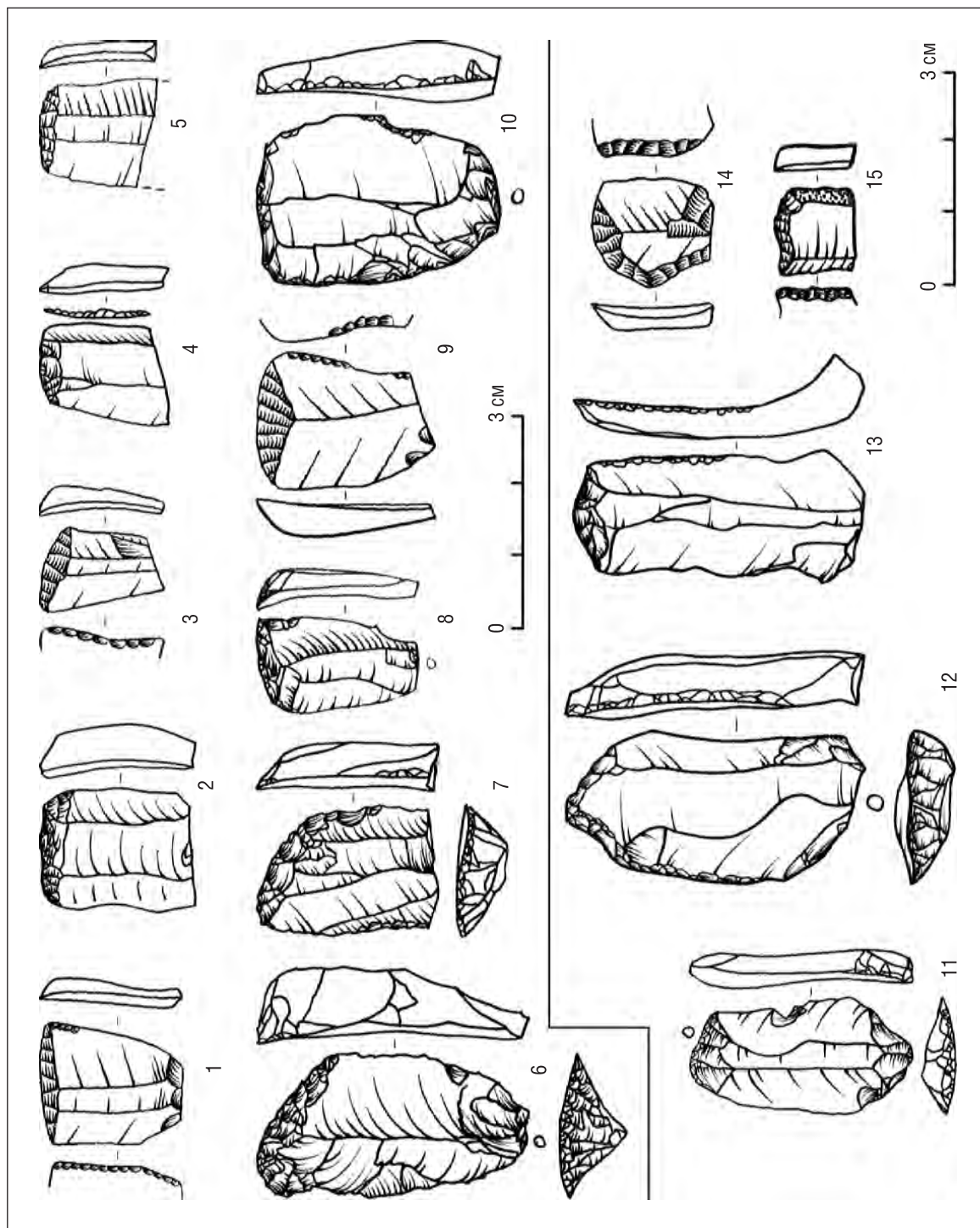

Рис. 4. Концевые скребки из пластин и пластинчатых отщепов:
 1, 3, 9 – Сахтыш VIII (по Костылева, 1986 [18]); 2 – Давыдовская (по Сидоров, 1973 [9]); 4 – Плещеево I (по Жилин, 1975 [17]);
 5 – Ивановское III (из архива А.В. Уткина); 6, 7 – Озерки 5/П; 8 – Шадрино IV (по Крайнов, Костылева, 1988 [15]); 10 – Котчище I.
 Стрельчатые скребки: 11–13 – Котчище I. Скребки «с носиком»: 14 – Сахтыш VIII (по Костылева, 1986 [18]);
 15 – Шадрино IV (по Крайнов, Костылева, 1988 [15]) (6–7, 8, 10–13 – рис. автора)

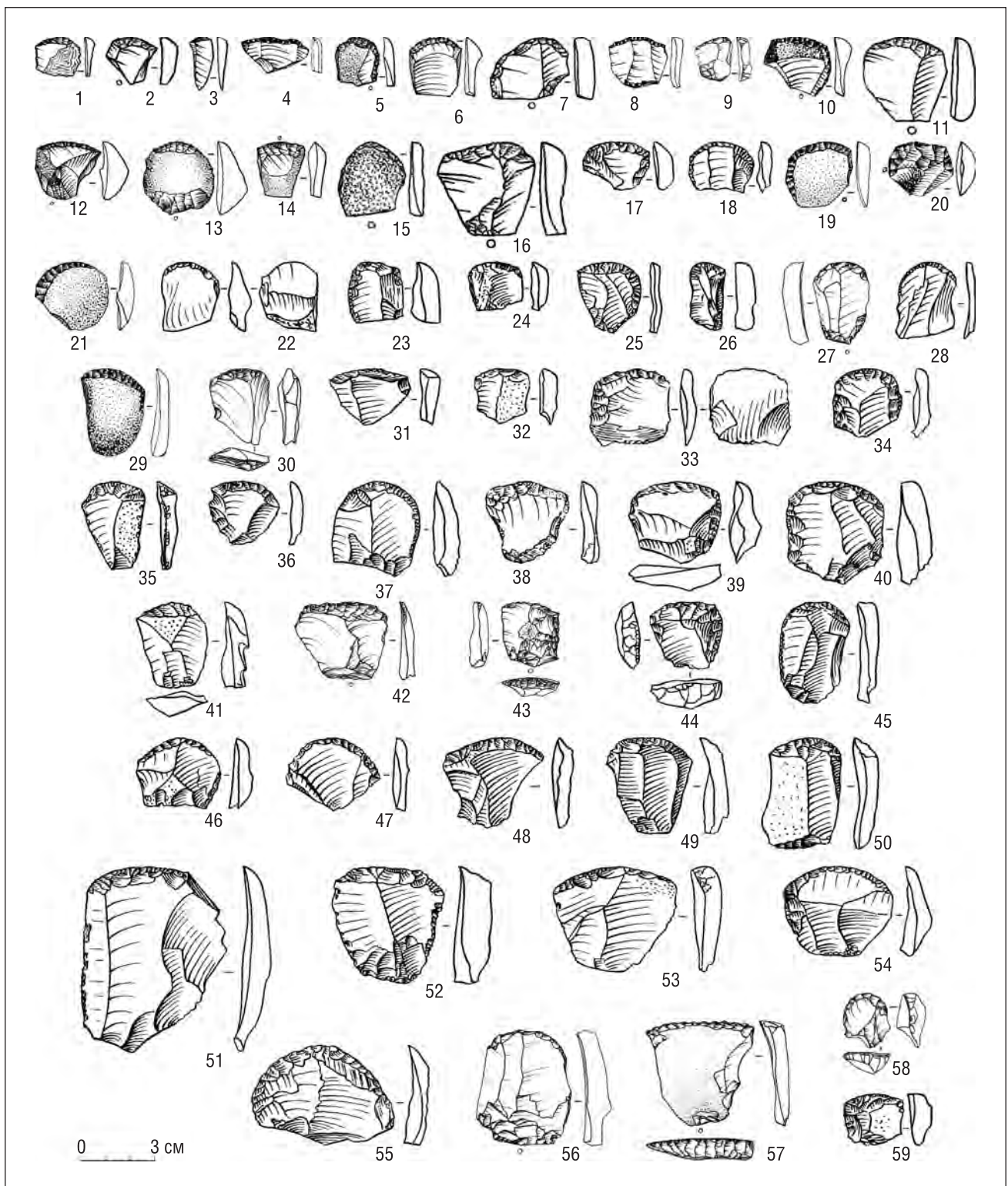

Рис. 5. Концевые скребки с дугообразным лезвием из отщепов:
 1, 3, 5, 6, 12–14 – Шадрино IV (по Крайнов, Костылева, 1988 [15]); 2, 7, 11, 15, 16 – Плещеево I (по Жилин, 1975 [17]); 4, 8, 10, 19–21, 29 – Малая Ламна I (по Костылева и др., 1985 [19]); 9 – Альба 8 (по Цветкова, 2010 [22]); 17, 18, 22–26, 28, 31–41, 44–55, 59 – Давыдовская (по Сидоров, 1973 [9]); 27, 56 – Окаёмово 18/ниж. к.с. (по Жилин, 1997 [23]); 30 – Становое 4/II; 42, 43, 58 – Озерки 5/II; 57 – Котчище I (9, 30, 42, 43, 57, 58 – рис. автора)

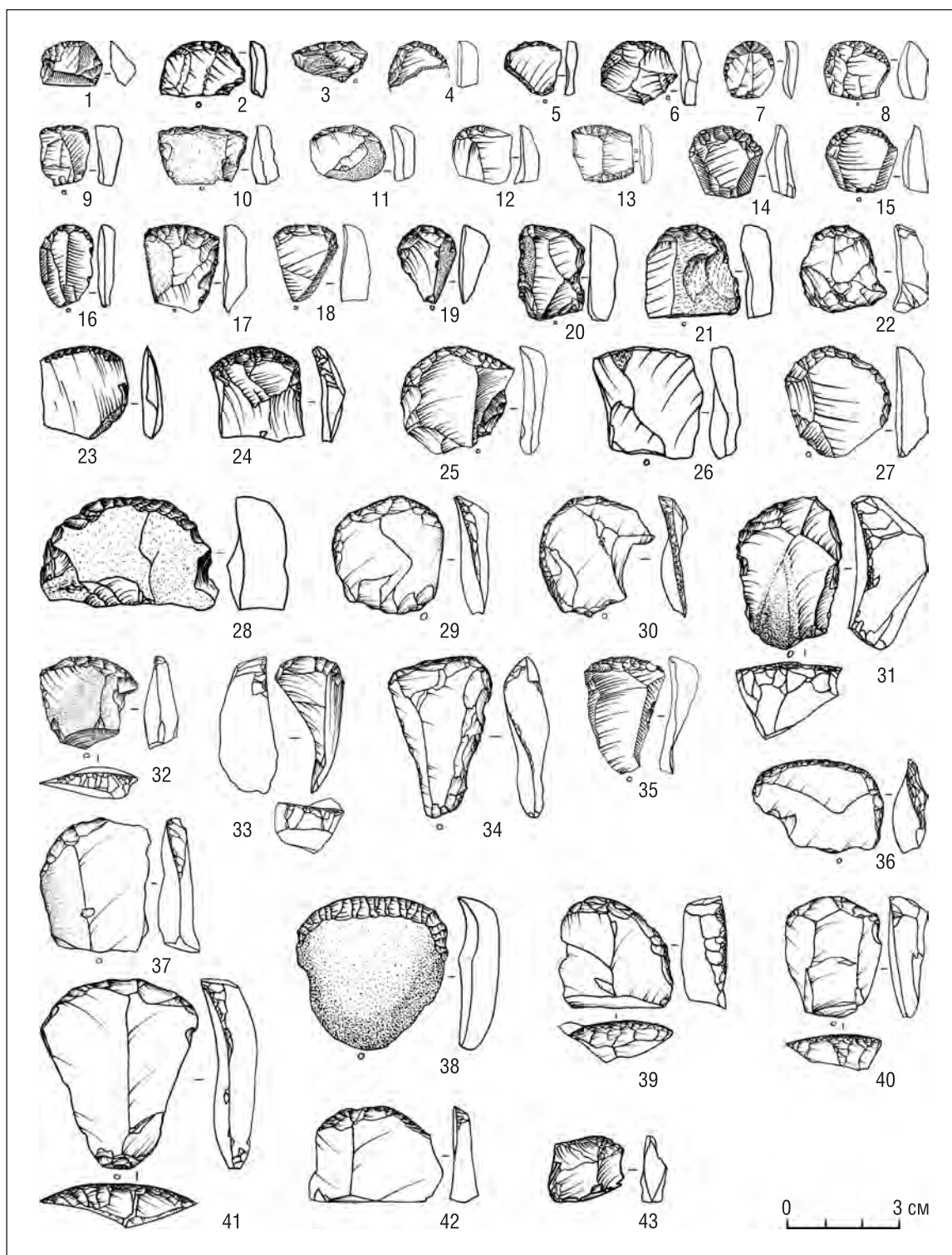

Рис. 6. Концевые скребки с дугообразным лезвием, изготовленные из отщепов:
 1, 6, 16, 25, 27, 38 – Ивановское VII (по Жилин и др., 2002 [21]); 2, 3, 5, 9, 10, 17, 19–21 – Замостье 2 (по Лозовская, Лозовский, 2002 [20]; Лозовский, 2003 [24]); 4, 13–15, 18, 23, 35 – Ивановское III (из архива А.В. Уткина);
 7, 8, 11, 12 – Сахтыш VIII (по Костылева, 1986 [18]); 22 – Алексеевское 1 (по Цветкова, 2007 [16]);
 24, 26, 28 – Воймежное 1/11 (по Древние охотники и рыболовы Подмосквья, 1997 [25]);
 29, 30, 32–34, 36, 37, 39, 40 – Котчище I; 31 – Озерки 5/II (22, 29–34, 36, 37, 39, 40 – рис. автора)

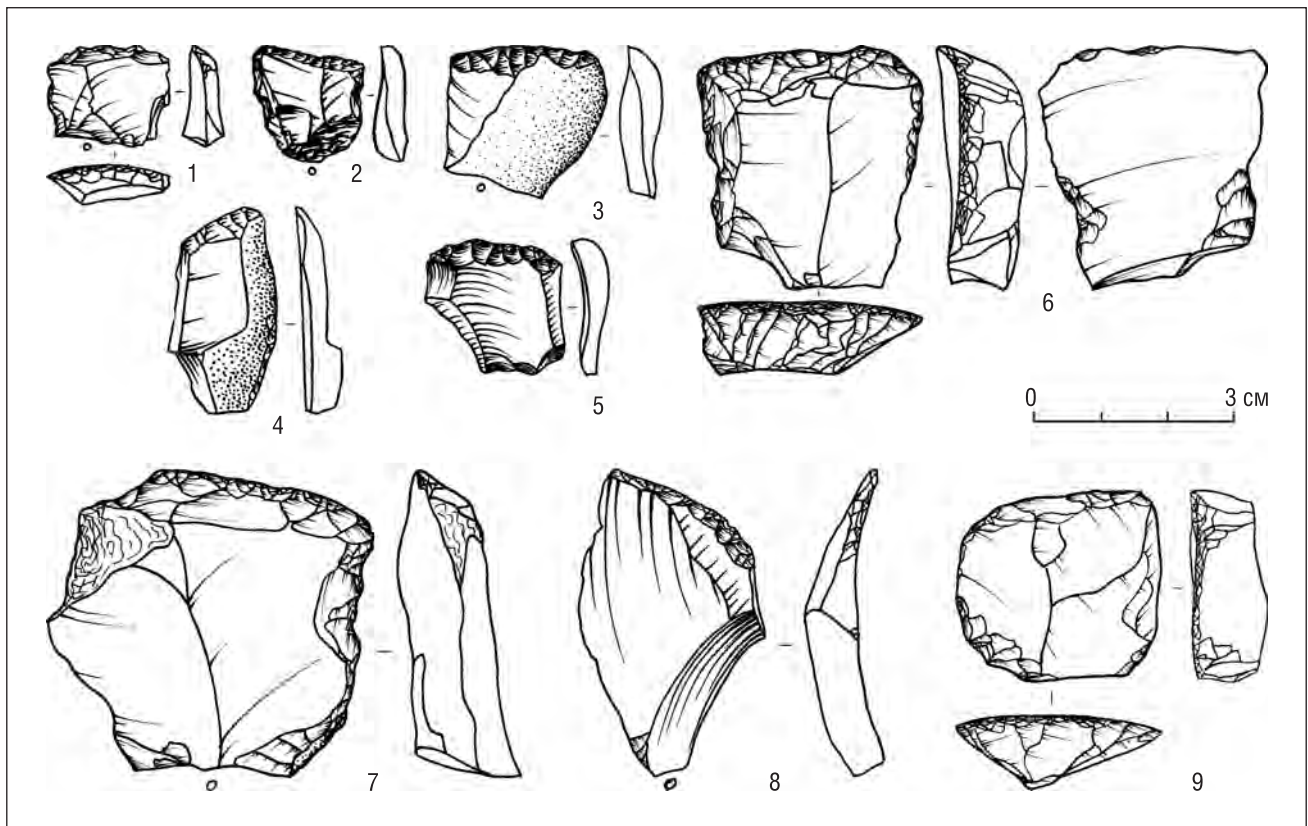

Рис. 7. Концевые скребки: 1 – Озерки 5/II; 2 – Замостье 2 (по Лозовская, Лозовский, 2002 [20]); 3, 5 – Малая Ламна I (по Костылева и др., 1985 [19]); 4 – Сахтыш VIII (по Крайнов, Хотинский, 1977 [3]); 6–9 – Котчище I (1, 6–9 – рис. автора)

изделия с прямым несокошенным лезвием, найденные на стоянке Малая Ламна I, изготовлены на первичных отщепях (рис. 7: 3, 5). Четыре скребка найдены на памятнике Котчище I (рис. 7: 6–9): два имеют прямые несокошенные лезвия, два скребка – со скошенным лезвием, у одного из них на противоположном конце – нерегулярная дорсальная ретушь. Рабочие лезвия всех четырёх орудий сформированы крутой среднефасеточной дорсальной ретушью.

Скрепки «с носиком» типа 3 представлены пятью изделиями с несокошенным рабочим краем. Один из этих скребков происходит с поселения Сахтыш IIa/IIг (рис. 8: 4), три – из Замостья 2 (рис. 8: 1–3). Ещё один скребок найден на стоянке Котчище II (рис. 8: 5). На всех изделиях присутствует краевая дорсальная среднефасеточная ретушь.

Стрельчатые скребки (5 экз.) имеются в коллекциях с памятников Берендеево 2a – 1 экз. (рис. 8: 8); Замостье 2 – 1 экз. (рис. 8: 7); Озерки 5/III – 1 экз. (рис. 8: 9); Окаёмово 18/ниж. к.с. – 1 экз. (рис. 8: 10); Сахтыш VIII – 1 экз. (рис. 8: 6). Рабочее лезвие всех скребков сформировано крутой дорсальной среднефасеточной ретушью.

Контурные скребки (37 экз.):

Скрепки с дугообразным лезвием (подокруглые скребки): округлой формы со скребковой ретушью по контуру заготовки – 25 экз. Изделия типа 1 известны в коллекциях с памятников Давыдовская – 7 экз. (рис. 9: 1, 7, 10, 15–17, 28); Замостье 2 – 4 экз. (рис. 9: 2, 3, 13, 27); Ивановское III – 2 экз. (рис. 9: 5, 8); Ивановское VII – 5 экз. (рис. 9: 6, 11, 18, 22, 23); Озерки 5/II – 4 экз. (рис. 9: 12, 19–21); Окаёмово 18/ниж. к.с. – 1 экз. (рис. 9: 14); Сахтыш VIII – 1 экз. (рис. 9: 4), Шадрино IV – 1 экз. (рис. 9: 9).

Скрепки с прямым лезвием – 12 экз.: такие изделия (тип 2) имеют подквадратную/подпрямоугольную в плане форму, скребковая ретушь охватывает большую часть контура заготовки. Они присутствуют в коллекциях с Ивановского III в количестве 6 экз. (рис. 9: 25, 26, 31, 35–37), Малой Ламны I – 2 экз. (рис. 9: 24, 32), Воймежного 1 – 1 экз. (рис. 9: 34), Сахтыша IIa/IIг – 1 экз. (рис. 9: 29), Озерков 5/II – 2 экз. (рис. 9: 30, 33). Скребок из коллекции с поселения Сахтыш IIa имеет скошенный дистальный конец. Выделение вариантов и подвариантов у орудий данной подгруппы не предусматривается.

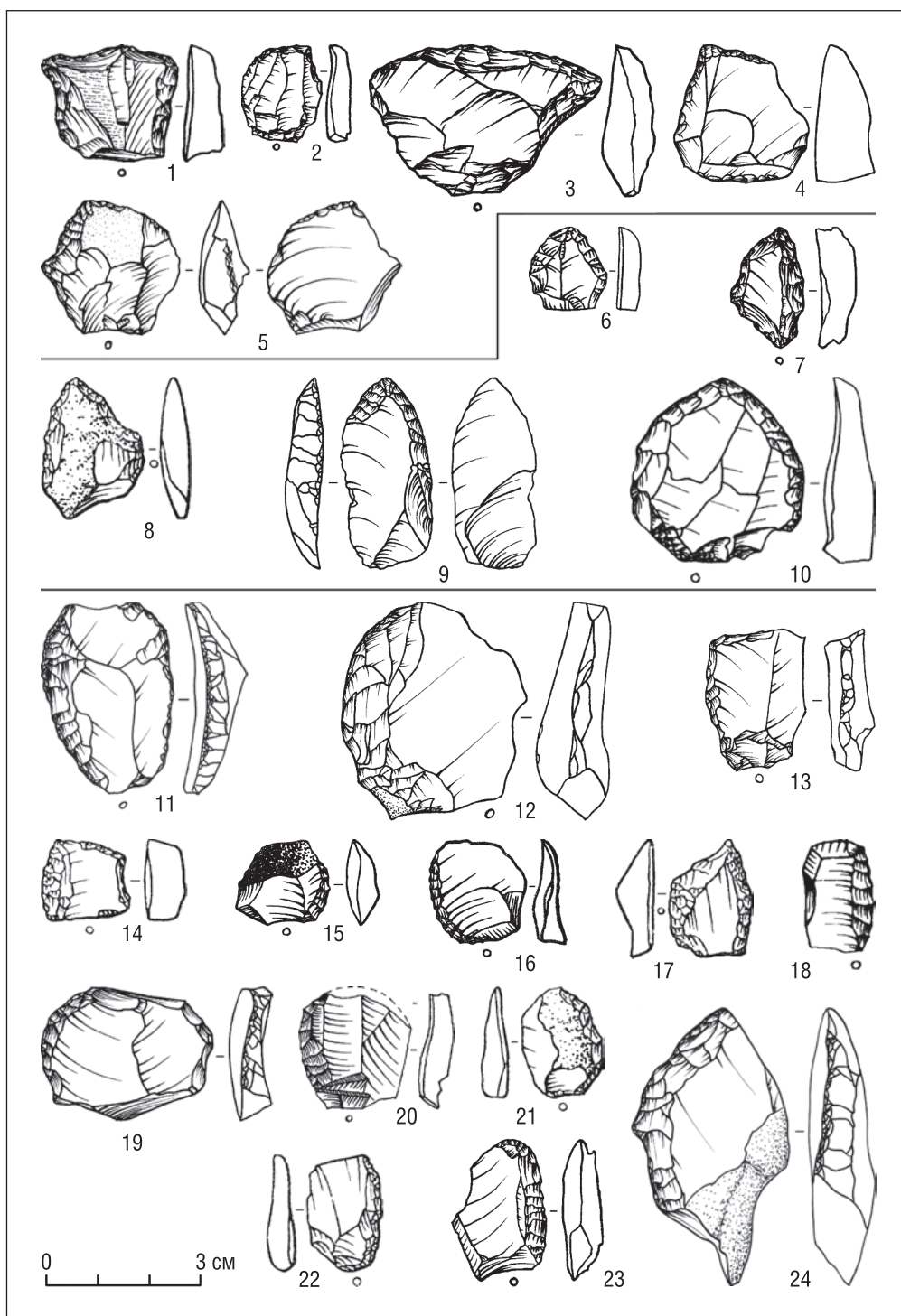

Рис. 8. Концевые скребки «с носиком»: 1–3 – Замостье 2 (по Лозовская, Лозовский, 2002 [20]); 4 – Сахтыш Па; 5 – Котчище II. Стрельчатые скребки: 6 – Сахтыш VIII (по Костылева, 1986 [18]); 7 – Замостье 2 (по Лозовская, Лозовский, 2002 [20]); 8 – Берендеево Па (по Жилин, Крайнов, 1982 [28]); 9 – Озерки 5/III; 10 – Окаёмово 18/ниж. к.с. (по Жилин, 1997 [23]). Боковые скребки: 11, 24 – Альба 8 (по Цветкова, 2010 [22]); 12, 13 – Озерки 5/II; 15, 16 – Шадрино IV (по Крайнов, Костылева, 1988 [15]); 14, 17, 21, 22 – Берендеево Па (по Жилин, Крайнов, 1982 [28]); 18 – Малая Ламна I (по Костылева и др., 1985 [19]); 19 – Котчище I; 20 – Ивановское III (из архива А.В. Уткина); 23 – Замостье 2 (по Лозовская, Лозовский, 2002 [20]) (4, 5, 9, 10–13, 19, 24 – рис. автора)

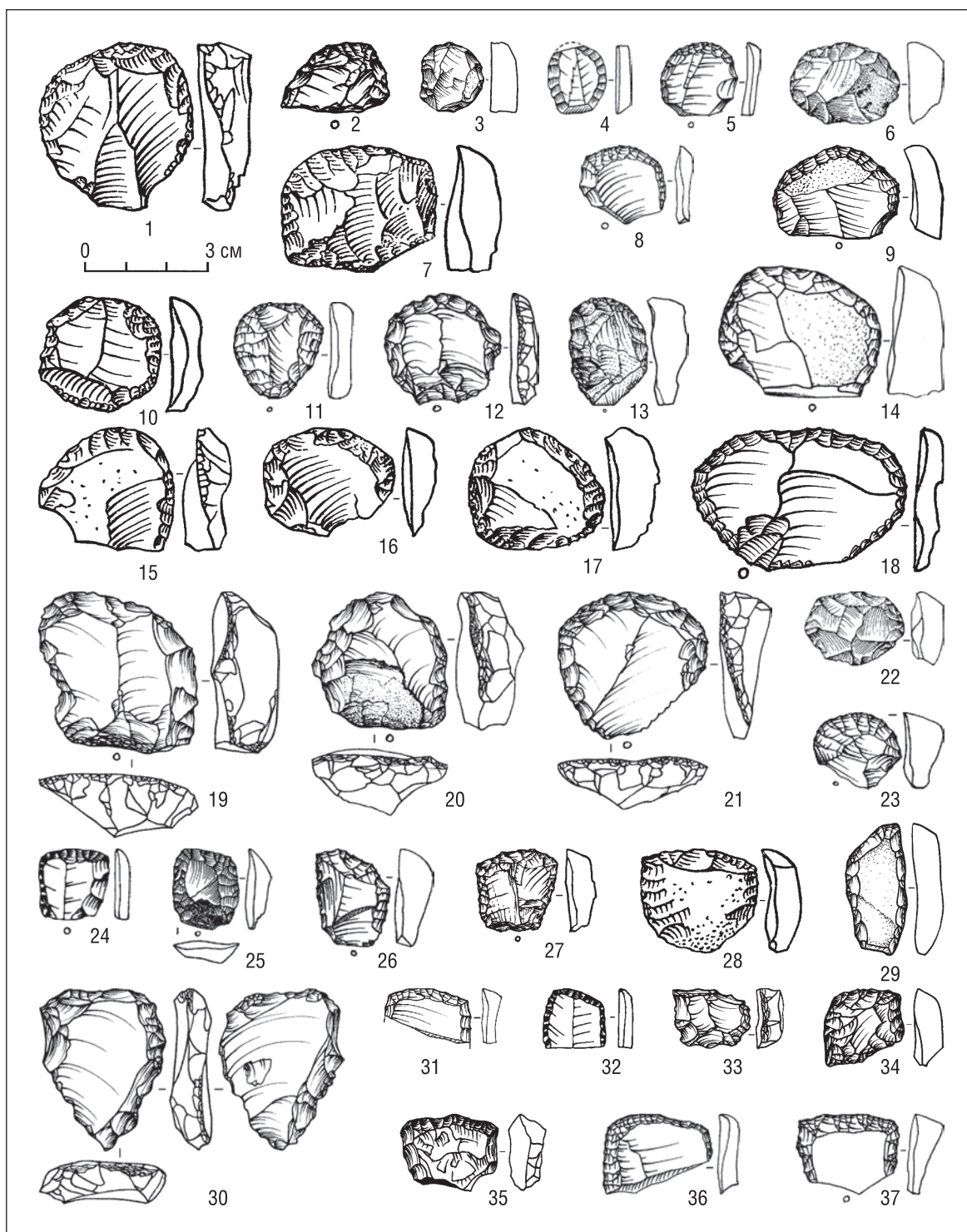

Рис. 9. Контурные скребки из отщепов: 1, 7, 10, 15–17, 28 – Давыдковская (по Сидоров, 1973 [9]); 2, 3, 13, 27 – Замостье 2 (по Лозовская, Лозовский, 2002 [20]; Лозовский, 2003 [24]); 4 – Сахтыш VIII (по Костылева, 1986 [18]); 5, 8, 25, 26, 31, 35, 36, 37 – Ивановское III (из архива А.В. Уткина); 6, 11, 18, 22, 23 – Ивановское VII (по Жилин и др., 2002 [21]); 9 – Шадрино IV (по Крайнов, Костылева, 1988 [15]); 12, 19–21, 30, 33 – Озерки 5/II; 14 – Окаёмово 18/ниж. к.с. (по Жилин, 1997 [22]); 24, 32 – Малая Ламна I (по Костылева и др., 1985 [19]); 29 – Сахтыш Па/III; 34 – Воймежное 1/II (по Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997 [25]) (12, 19–21, 29, 30 – рис. автора)

Боковые скребки (10 экз.):

Несмотря на обилие упоминаний об изделиях этого типа в публикациях, при ближайшем рассмотрении оказалось, что изделия данной группы весьма немногочисленны. Они происходят из раннеолитических слоёв памятников Альба 8 – 2 экз. (рис. 8: 11, 24); Берендеево Па – 3 экз. (рис. 8: 17, 21, 22); Замостье 2 – 1 экз. (рис. 8: 23); Ивановское III – 1 экз. (рис. 8: 20); Котчище I – 1 экз. (рис. 8: 19); Малая Ламна I – 1 экз. (рис. 8: 18); Озерки 5/II – 2 экз. (рис. 8: 12, 13); Шадрино IV – 2 экз. (рис. 8: 15, 16). Все орудия в этой группе имеют дугообразное лезвие, оформленное полукруглой среднефасеточной дорсальной ретушью, и соответственно относятся к типу 1. Выделение вариантов не предполагается. Два скребка с поселения Берендеево Па и стоянки Альба 8 имеют по два рабочих лезвия.

Изделия случайных форм, получивших в археологии мезолита – неолита название «аморфные скребки», представлены 69 экз. в коллекциях с Альбы 8 – 6 экз. (рис. 10: 1, 4, 5, 7–9); Берендеева Па – 9 экз. (рис. 10: 6, 11, 15–20, 23); Воймежного 1/II – 2 экз. (рис. 10: 10, 12); Давыдовской – 2 экз. (рис. 11: 12, 23); Замостья 2 – 29 экз. (рис. 11: 10, 13–16, 18–22, 24–39); Котчища I – 9 экз. (рис. 10: 14, 21, 22, 24–27, 30, 31); Котчища II – 1 экз. (рис. 10: 13); Озерков 5/II – 9 экз. (рис. 11: 1, 3–9, 17); Озерков 5/III – 1 экз. (рис. 11: 11); Окаёмова 18/ниж. к.с. – 1 экз. (рис. 10: 3); Плещеева I – 1 экз. (рис. 10: 2) и Станового 4/II – 2 экз. (рис. 10: 28, 29). Их отличительными чертами являются отсутствие намеренно изготовленного скребкового лезвия и использование отщепов, в том числе и сломанных (отходы производства), в качестве заготовки. То, что обычно у аморфных скребков принимают за скребковое лезвие, является, как правило, нерегулярной ретушью утилизации(?). Считается, что к финальному периоду мезолита количество аморфных скребков в инвентаре существенно увеличивается: «...на некоторых [стоянках] они становятся преобладающим типом скребков, хотя и не доминируют над всеми остальными» [29, с. 64]. Та же картина характерна и для памятников раннего неолита Верхнего Поволжья [30] (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение типов скребков на памятниках раннего неолита Верхнего Поволжья

Памятники	Заготовка																Аморфные
	Пластина, пластинчатый отщеп				Отщеп												
	Концевые				Концевые				Контурные				Боковые				
Группы	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	
Алексеевское 1	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Альба 8	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	6
Берендеево Па	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	3	–	–	–	9
Воймежное 1/II	–	–	–	–	3	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	2
Давыдовская	11	1	–	–	32	–	–	–	7	–	–	–	–	–	–	–	2
Замостье 2	2	–	–	–	9	1	3	1	4	–	–	–	1	–	–	–	26
Ивановское III	2	1	–	–	7	–	–	–	2	6	–	–	1	–	–	–	–
Ивановское VII	4	–	–	–	6	–	–	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–
Котчище I	3	1	–	3	13	4	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	9
Котчище II	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Малая Ламна I	2	–	–	–	7	2	–	–	–	2	–	–	1	–	–	–	–
Нилова Пустынь	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Озерки 5/II	2	2	–	–	4	1	–	–	4	2	–	–	2	–	–	–	9
Озерки 5/III	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Окаёмова 18/ниж. к.с.	–	–	–	–	2	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Плещеево I	1	1	–	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Сахтыш Па/Пг	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Сахтыш VIII	3	3	1	–	4	1	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Становое 4/II	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Шадрино IV	4	1	1	–	7	–	–	–	1	–	–	–	2	–	–	–	–
Итого	37	10	2	3	102	9	5	5	25	12	–	–	13	–	–	–	69

Обсуждение

Типологический анализ скребков из коллекций с опорных памятников раннего неолита Верхневолжского региона позволил детально их охарактеризовать. Анализ заготовок, использованных для изготовления скребков, показал, что 58 % (167 экз.) изделий изготовлены из отщепов, 14 % (41 экз.) – из пластин и 2 % (7 экз.) – из пластинчатых отщепов. Процент всех изделий из пластин и пластинчатых отщепов равен 17 (50 экз.). Аморфные скребки в количестве 69 экз. составляют 24 % общего количества (табл. 1–2).

Рис. 10. Аморфные скребки: 1, 4, 5, 7–9 – Альба 8 (по Цветкова, 2010 [22]); 2 – Плещеево I (по Жилин, 1975 [17]), 3 – Окаёмово 18/ниж. к.с. (по Жилин, 1997 [23]); 6, 11, 15–20, 23 – Берендеево Па (по Жилин, Крайнов, 1982 [28]); 10, 12 – Воймежное 1/11 (по Древние охотники и рыбаковы Подмосквья, 1997 [25]); 13 – Котчище II; 14, 21, 22, 24–27, 30, 31 – Котчище I; 28, 29 – Становое 4/II (13, 14, 21, 22, 24–31 – рис. автора)

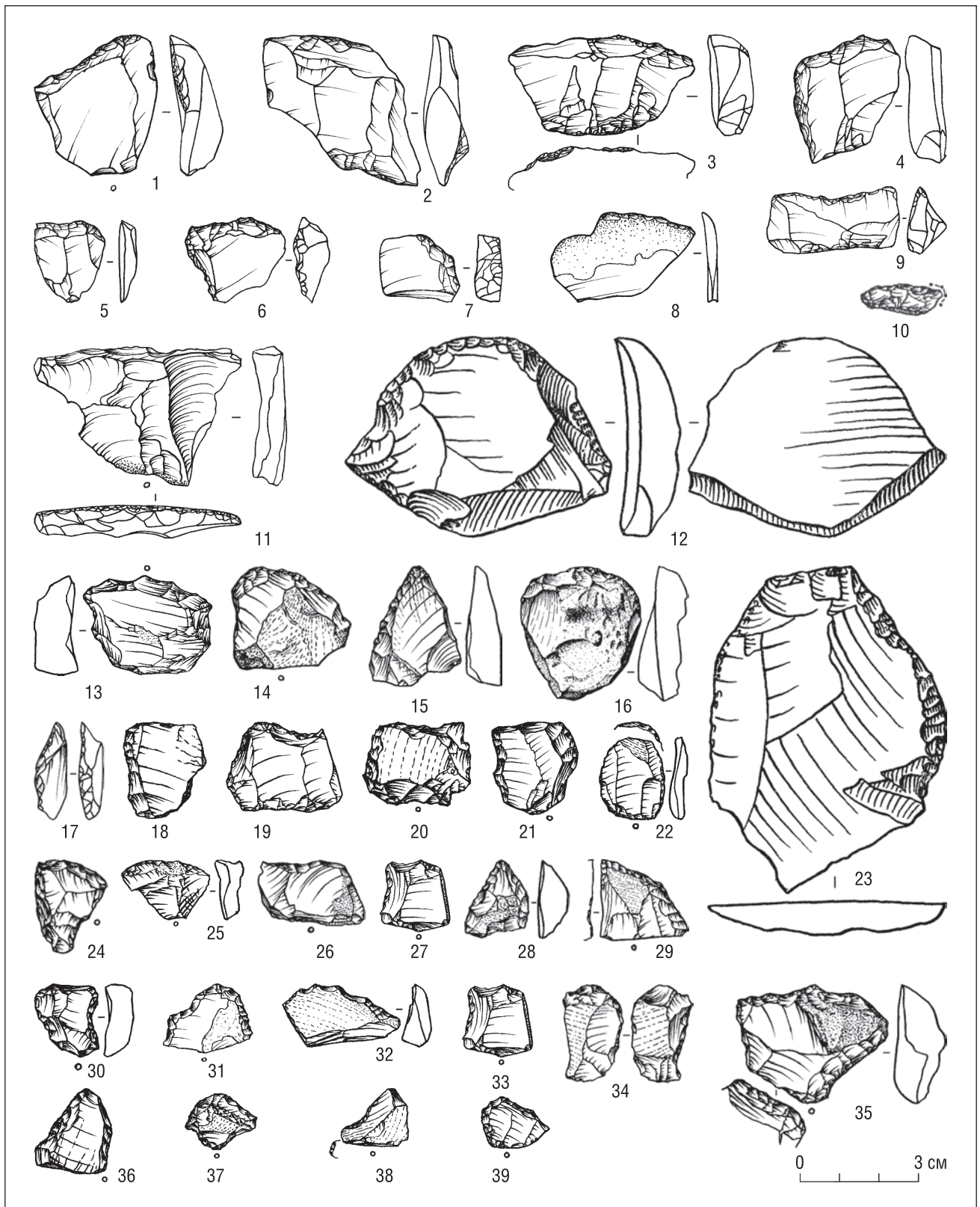

Рис. 11. Аморфные скребки: 1–9, 17 – Озерки 5/II; 10, 13–16, 18–22, 24–39 – Замостье 2 (по Лозовская, Лозовский, 2002 [20]); 11 – Озерки 5/III; 12, 23 – Давыдковская (по Сидоров, 1973 [9]) (1–9, 11 – *рис. автора*)

Таблица 2. Процентное соотношение типов скребков со стоянок раннего неолита Верхнего Поволжья

Типы	Количество	%	% общий
С дугообразным лезвием на пластинах	37	16,6	12,7
С дугообразным лезвием на отщепах	102	45,7	35
С прямым лезвием на пластинах	10	4,5	3,4
С прямым лезвием на отщепах	9	4	3,1
«С носиком» на пластинах	2	1	0,7
«С носиком» на отщепах	5	2,2	1,7
Стрельчатые на пластинах	3	1,3	1
Стрельчатые на отщепах	5	2,2	1,7
Контурные с дугообразным лезвием	25	11,2	8,6
Контурные с прямым лезвием	12	5,3	4,1
Боковые	13	6	4,4

% – процент от количества скребков без учёта аморфных;

% общий – процент от количества скребков с учётом аморфных.

Скребки на отщепах по сравнению со скребками, изготовленными из пластин/пластинчатых отщепов, ожидаемо отличаются большим разнообразием форм. Так, для последних наиболее характерны исключительно концевые формы. Скребки на отщепах представлены концевыми всех типов, контурными двух типов и боковыми одного типа формами. Наиболее значительную серию образуют скребки типа 1 с дугообразным рабочим лезвием вне зависимости от использованной заготовки. Изделия других типов немногочисленны.

Относительно контурных скребков существует точка зрения, что скребки правильных геометрических форм с прямыми или полудуговыми лезвиями, образованными ровной ретушью, и имеющие тщательную обработку боковых краёв, в культурном отношении являются с большей долей вероятности «волосовскими». Это устанавливается, исходя из стратиграфии памятников, и подтверждается многочисленными аналогами [31, с. 51]. В конкретном случае более поздний, нежели раннеолитический, возраст можно предполагать в отношении изделий с Воймежного 1/11, Ивановского III и Малой Ламны I – памятников, содержащих материалы развитого и позднего неолита, где раннеолитические комплексы были выделены при помощи, в том числе, и типологического метода.

Анализ соотношения типов скребков показал, что ни на одном памятнике верхневолжской и валдайской культур не представлен полный типологический набор скребков. Однако на всех стоянках, за редким исключением, есть концевые изделия с дугообразным лезвием, изготовленные как из пластин, так и из отщепов (рис. 3, 5, 6, 12).

Таким образом, следует сделать вывод о том, что ведущим типом скребка в раннеолитических индустриях Верхневолжского региона является концевой скребок с дугообразным лезвием, изготавливаемый в равной мере как из пластин, так и из отщепов. Известны орудия и других форм – концевые скребки с прямым лезвием, «с носиком», стрельчатые, контурные, боковые скребки. Несмотря на то, что они не составляют значительных серий и представлены на памятниках верхневолжской археологической культуры единично, они также в полной мере могут расцениваться как характерные для раннего неолита Верхневолжского региона изделия.

Количество аморфных скребков на некоторых стоянках весьма существенно (например, на поселении Замостье 2). Однако они составляют не более 24 % общего количества скребков на памятниках раннего неолита в Верхнем Поволжье и значительно уступают концевым скребкам (табл. 1).

Говоря о различиях в морфологии и размерах скребков верхневолжской и валдайской культур, стоит отметить, что таковых не наблюдается. Об этом наглядно свидетельствует сравнительная таблица типов и форм скребков на памятниках обеих культур (рис. 12). Так, скребки на пластинах/пластинчатых отщепах на стоянках раннего неолита валдайской культуры представлены тремя типами – с дугообразным лезвием, с прямым лезвием и стрельчатыми. На памятниках верхневолжской культуры скребки на пластинах/пластинчатых отщепах представлены всеми типами. Стоит обратить внимание на то, что отсутствующий тип скребка «с носиком» на стоянках раннего неолита валдайской культуры в верхневолжских материалах представлен всего двумя изделиями в коллекциях с памятников Шадрино IV и Сахтыш VIII. Скребки на отщепах в валдайской культуре, несмотря на то, что для исследования в силу особенностей источниковедческой базы были привлечены лишь две стоянки и одно местонахождение, представлены всеми типами, также как на 16 памятниках верхневолжской культуры. Боковые скребки также характерны для обеих культур. Контурные скребки известны только на стоянках верхневолжской культуры.

Автор, вслед за Д.А. Крайновым, придерживается позиции культурного единства территорий Верхневолжского региона, включая верховья р. Волги [4; 32; 6]. Результаты проведённого типологического анализа скребков раннего неолита Верхневолжского региона могут быть ещё одним доказательством этого, несмотря на то, что скребок не считается, по общераспространённому мнению, культуруопределяющей категорией изделий.

Скребки	Валдайская культура				Верхневолжская культура			
	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4
Концевые из пластин								
Концевые из отщепов								
Контурные								
Боковые								

Рис. 12. Соотношение типов скребков на памятниках валдайской и верхневолжской культур

Скребки валдайского типа, изготовленные на специально подобранных крупных округлых отщепах, в коллекциях со стоянок Котчище I и II и Нилова Пустынь не представлены. Этот тип орудий, видимо, следует связывать с развитым неолитом Валдайского поозерья. Это действительно очень крупные скребки на отщепах: шириной более 5 см. Такие изделия, которые из-за размеров хочется называть скрёблами, встречаются лишь на памятниках, где имеется примесь поздней ямочно-гребенчатой керамики, например Нижние Котицы I, V, Залесье I и т.д.

Нельзя также говорить и о том, что для разных этапов развития материальной культуры в раннем неолите Верхнего Поволжья был характерен особый типологический набор скребков. Напротив, он сходен на стоянках, где встречается накольчатая/неорнаментированная керамика, на памятниках, где найдена, в том числе, керамика с гребенчато-накольчатой и короткозубчатой орнаментацией, и на поселениях с поздней относительно раннего неолита региона посудой с пунктирными/длиннозубчатыми оттисками гребенчатого штампа. На всех скребки представлены концевыми, контурными и боковыми формами большинства типов. Однако стоит напомнить, что ни на одном памятнике нет полного типологического ряда скребков.

Подводя итоги, стоит отметить, что для памятников начального этапа неолита Верхневолжского региона на Алексеевское 1, Альба 8, Давыдковская, Котчище I, II, Нилова Пустынь, Плещеево I, Сахтыш Па/Пг, Становое 4/II, Шадрино IV было характерно использование всех типов скребков, изготовленных как на пластинах, реже – пластинчатых отщепах, так и выполненных из отщепов. Орудий из отщепов в три раза больше (без учёта аморфных скребков). Соотношение имеющей определённую форму и аморфных скребков составляет 5:1 (105 и 21 экз. соответственно). Наиболее представительной группой являются концевые скребки с дугообразным лезвием на отщепах. За ними следуют концевые скребки с дугообразным лезвием на пластинах. Орудия других типов представлены единично.

Подобная характеристика скребков со стоянок последующих этапов раннего неолита (II и III этапов развития верхневолжской культуры по Е.Л. Костылёвой [33] или верхневолжской культуры по Ю.Б. Цетлину [34]) в настоящее время невозможна. Причиной этого является отсутствие памятников, в культурных слоях/горизонтах которых был бы представлен только один хронологически значимый тип керамики – посуда с отпечатками короткозубчатого либо длиннозубчатого штампов. Пока же мы имеем дело со стоянками, культурные слои которых турбиррованы или/но и, как правило, перемешаны, в которых невозможно проследить горизонты заселения.

Выводы

Проведённый типологический анализ 292 скребков с 20 памятников раннего неолита бассейна Верхней Волги позволяет сделать следующие предварительные выводы:

- для раннего неолита характерны концевые, контурные и боковые скребки. По морфологии рабочего края, выделяются четыре типа скребков: скребки с дугообразным лезвием, с прямым лезвием, скребки «с носиком» (шиповидным выступом на углу заготовки) и стрелчатые;
- наиболее распространённым типом является концевой скребок с дугообразным лезвием, заготовкой для которого являются как пластина (17 %), так и отщеп (58 %). Концевые скребки с прямым лезвием, «с носиком», стрелчатые, контурные и боковые не составляют значительных серий;
- орудия случайных форм, известные как аморфные скребки, насчитывают не более 24 % общего количества скребков и значительно уступают морфологически выраженным концевым скребкам;
- разница в типологическом составе и размерах скребков с территориями Волго-Окского междуречья и Валдайского поозерья не наблюдается;
- наличие скребков валдайского типа, изготовленных на специально отобранных отщепах шириной более 5 см, является характерной чертой развитого и позднего неолита верховьев Волги, а возможно, и всей лесной зоны.

Автор благодарит д.и.н. М.Г. Жилина, к.и.н. Е.Л. Костылёву и А.В. Уткина за предоставленную возможность использовать в статье неопубликованные материалы поселений Становое 4/II, раскоп 2 (раскопки 1998 г.); Озерки 5/II, III; Сахтыш Па/III (раскопки 2004 г.) и Ивановское III².

² Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина Н.Н. Валдайская культура // СА. 1958. № 3.
2. Гурина Н.Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
3. Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. 1977. № 3.
4. Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
5. Цветкова Н.А. Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения // Российский археологический ежедневник. № 1. СПб., 2011.
6. Цветкова Н.А. Памятники раннего неолита Верхневолжской системы озёр: к вопросу о культурной атрибуции // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Н.Н. Гуриной. СПб., 2012.
7. Крылова Т.Б. Классификация скребков мезолитических и неолитических памятников Валдайской возвышенности // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55)
8. Энгватова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской ранненеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // РА. 1998. № 2.
9. Сидоров В.В. Давыдовская стоянка на р. Яхроме // СА. 1973. № 2.
10. Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк, 2000.
11. Сидоров В.В. К вопросу о функциях скребков // СА. 1973. № 3.
12. Цветкова Н.А. Ранний неолит Верхней Волги и источники его изучения // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы II международной конференции молодых ученых. Москва, 19–21 марта 2013 г. М., 2013.
13. Четырёхязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С.А. Васильев, Г. Бозински, Б.А. Бредли, Л.Б. Вишняцкий, Е.Ю. Гиря, Ю.Н. Грибченко, М.Н. Желтова, А.Н. Тихонов. СПб., 2007.
14. Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007.
15. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л. Ранненеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // КСИА. Вып. 193. 1988.
16. Цветкова Н.А. Стоянка каменного века Алексеевское I (по материалам раскопок 1969 и 1970 гг.) // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2007.
17. Жилин М.Г. О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево I // СА. 1975. № 1.
18. Костылева Е.Л. Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986. № 4.
19. Костылева Е.Л., Крайнов Д.А., Уткин А.В. Стоянка Малая Ламна I // КСИА. Вып. 185. 1985.
20. Лозовская О.В., Лозовский В.М. Типология и функция каменных изделий стоянки Замостье 2 (поздний мезолит – ранний неолит Русской равнины) // Археологические вести. Вып. 10. СПб., 2002.
21. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII) / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энгватова. М., 2002.
22. Цветкова Н.А. Ранненеолитическая стоянка Альба 8 в верховьях Клязьмы // РА. 2010. № 2.
23. Жилин М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Материалы к Международной конференции «Каменный век Европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». 1–5 июля 1997, Сергиев-Посад. Сергиев Посад, 1997.
24. Лозовский В.М. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.
25. Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I). М., 1997.
26. Гаврилова И.В. Неолитическая стоянка Котчище на оз. Селигер // КСИА. Вып. 92. 1962.

27. Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной полосы Восточной Европы. М., 2004.
28. Жилин М.Г., Крайнов Д.А. Стоянка Берендеево 2а // КСИА. Вып. 169. 1982.
29. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999.
30. Жилин М.Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.
31. Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Неолитические комплексы стоянки Ивановское VII // Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII) / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энговатова. М., 2002.
32. Цветкова Н.А. К вопросу о раннем этапе валдайской неолитической культуры // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб., 2009.
33. Костылева Е.Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
34. Цетлин Ю.Б. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

**ФГБУК «Российский этнографический музей»,
Санкт-Петербург**

N.A. Tsvetkova

**EARLY NEOLITHIC SCRAPERS OF THE UPPER VOLGA REGION
(COMPARATIVE ANALYSIS)**

Summary

The article sets out the results of the typological analysis of scrapers from 20 Early Neolithic reference sites located in the Upper Volga basin. The author distinguishes four types of scrapers: convex-edged, rectilinear-edged, «nosed» and ogival ones. Depending on the working edge location on a blank the scraper types can be divided into groups of end-scrapers, circular-scrapers and side-scrapers. The most numerous are end-scrapers with arciform working edge made on blades and flakes. End-scrapers, rectilinear ones as well as «nosed» and ogival scrapers, circular-scrapers and side-scrapers do not constitute multiple series. The irregular-shaped items known as amorphous scrapers number up to 25 % of the total amount of scrapers and are remarkably outnumbered by morphologically distinct end-scrapers. The differences in the typological structure and dimensions of the scrapers from sites in the Upper Volga basin and the upper reaches of the Volga are not traced. The most remarkable Valdai-type scrapers seem to be a defining attribute for the Middle and Late Neolithic of the upper reaches of the Volga and possibly of all forest Neolithic for that time.

**Federal State Budgetary Institution of Culture
«The Russian Museum of Ethnography»,
4/1, Inzhenernaya St., Saint-Petersburg, 191011,
Russia**

E-mail: n-tsvetkova@yandex.ru

М.Н. Желтова, Т.М. Гусенцова, М.А. Кулькова

**КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ НЕОЛИТА И ЭПОХИ
РАННЕГО МЕТАЛЛА ПАМЯТНИКА ОХТА 1
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (2008–2009 ГГ.)**

Памятник Охта 1 был открыт в 2008 г. при проведении охранных археологических исследований крепостей Ландскрона (XIII в.) и Ниеншанц (XVII в.), расположенных на мысу при впадении р. Большой Охты в р. Неву в центре Санкт-Петербурга. Культурный слой неолита и раннего металла содержит многочисленные остатки деревянных конструкций и следы «жилых» зон с керамикой, каменным инвентарём, янтарными украшениями и изделиями из органических материалов, относящимися к культурам гребенчато-ямочной, пористой и асбестовой керамики кон. V – сер. III тыс. до н.э. [1].

Коллекция каменного инвентаря памятника Охта 1 насчитывает около 2895 единиц. Изделия из камня встречены на всей площади раскопов 2008–2009 гг. [1, рис. 1]. Места скопления инвентаря (от 100 до 250 экз.) приурочены к земляным структурам с развалами сосудов и остатками очагов. В работе представлены результаты морфологического изучения коллекции, данные петрографического исследования сырья и трасологического анализа 1033 предметов из камня.

Спецификой коллекции каменного инвентаря памятника является небольшое количество категорий орудий с хорошо выраженными морфологическими признаками (табл. 1). К ним относятся наконечники стрел из кремня и сланца, рубящие шлифованные орудия из сланца, сланцевые рыболовные грузила (рис. 1: 1–5). Встречаются скребки и ножи. Значительно количество абразивов, в основном из песчаника [1, с. 182–199] (рис. 2). Другие категории орудий, свидетельствующие о разнообразной хозяйственной деятельности древнего населения, выделены трасологически (М.Н. Желтова). Определены вкладыши метательных орудий,

Таблица 1. *Охта 1. Состав (морфологический) каменного инвентаря неолита – эпохи раннего металла*

Категория	Всего	Категория	Всего
Отщепы	894	Проколки	15
Осколки	334	Острия	5
Пластинчатые отщепы	128	Пластины с регулярной ретушью	13
Пластины	16	Отщепы с регулярной ретушью	20
Рёбристые пластины	3	Деревообрабатывающие орудия	73
Отщепы со шлифовкой	31	Заготовки деревообрабатывающих орудий	5
Сколы с бифасов	1	Рубила	1
Резцовые сколы	1	Абразивы	273
Нуклевидные куски	45	Гальки/плитки со следами обработки	15
Нуклеусы	85	Грузила из сланца	48
Пренуклеусы	1	Пилы	2
Скребки	52	Предметы со следами охры	1
Резцы	2	Отбойники	4
Наконечники стрел	111	Комбинированные орудия	3
Наконечники копий/дротиков	7	Ситуационные орудия	100
Заготовки бифасов	7	Ретушированные орудия и фрагменты неясного назначения	19
Заготовки орудий	2	Шлифованные орудия неясного назначения	7
Заготовка подвески	1	Итого	2326
Бифасы-ножи	1		

ножи, скребки, скобели, пилки, вкладыши для срезания растений, резчики по дереву и кости и другие категории орудий (табл. 2).

Сырьё. Сырьём для орудий служил как местный, так и импортный материал. Наиболее часто использовался кремль – 46,4 %; сланец – 12,0 %, кварцит – 5,4 %, кварц – 14,1 %, гранит – 2,5 %, другие породы – 2,4 %. Цветовая гамма кремнёвого сырья чрезвычайно широка – от белого, светло-розового, жёлтого, коричневатого до бордового и различных оттенков серого цвета. В качестве примера явно импортного сырья можно назвать сиреневатый валдайский кремль, а также бордовый, тёмно-серый и светло-серый полупрозрачный кремль. Следует отметить, что эти разновидности кремня встречаются только в виде орудий, причём хорошо сделанных и, по большей части, долго бывших в работе. Очевидно, что эти орудия были принесены на памятник.

Петрографические исследования образцов кремня, выполненные М.А. Кульковой, проводились в шлифах с использованием поляризационного микроскопа ПОЛАМ-111 при увеличении $\times 65$. Пришлифованные образцы были изучены также под бинокулярным микроскопом при увеличении $\times 15$. С помощью метода оптической поляризационной микроскопии были сделаны детальные описания минерального состава образцов кремня, выявлены микровключения, определены органогенная составляющая и структурные особенности. Эти данные позволили выделить группы образцов по минеральному составу, составу микроорганизмов и особенностям микроструктуры кремня. Выявлены 5 разновидностей кремнёвых пород:

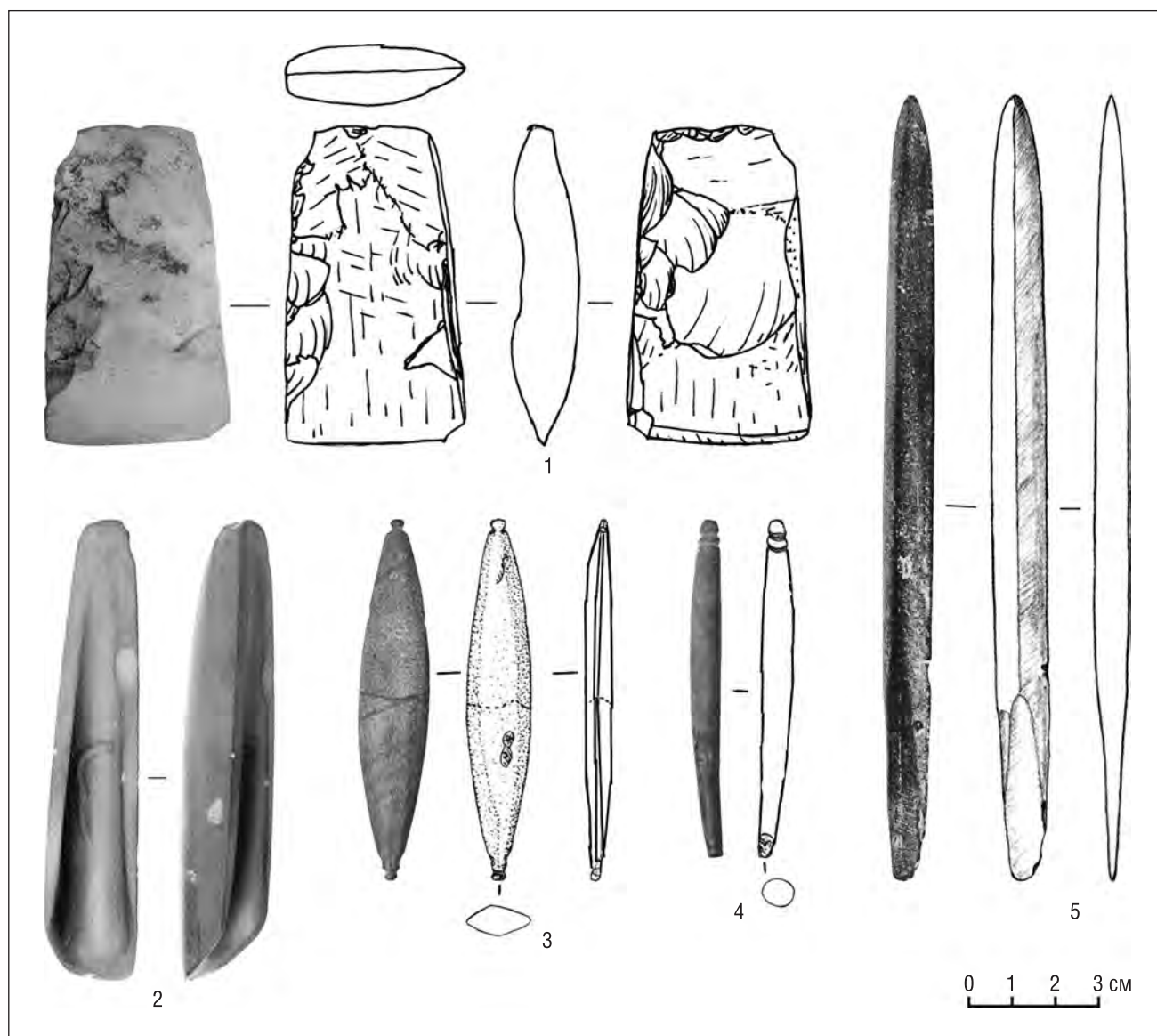

Рис. 1. Охта 1. Сланцевые орудия: 1 – 15-547; 2 – 15-545; 3 – 15-649; 4 – 15-640; 5 – 7/2-1010

- кварц-халцедоновый кремь светлo-коричневого цвета с включениями гетита и гидрогетита;
- органогенный кремь (с включениями скелетов организмов: раковин, спикул, замещённых халцедоном и карбонатом) серо-коричневого, бежевого, тёмно-серого цветов;
- кварц-халцедоновый кремь с тонко рассеянным гетитом и гидрогетитом (без органических остатков) розовато-серого цвета;
- кварц-халцедоновый кремь бурого и красно-бурого цветов с включениями рассеянного гематита;
- яшма (карельская) тёмно-бурого цвета, текстура полосчатая.

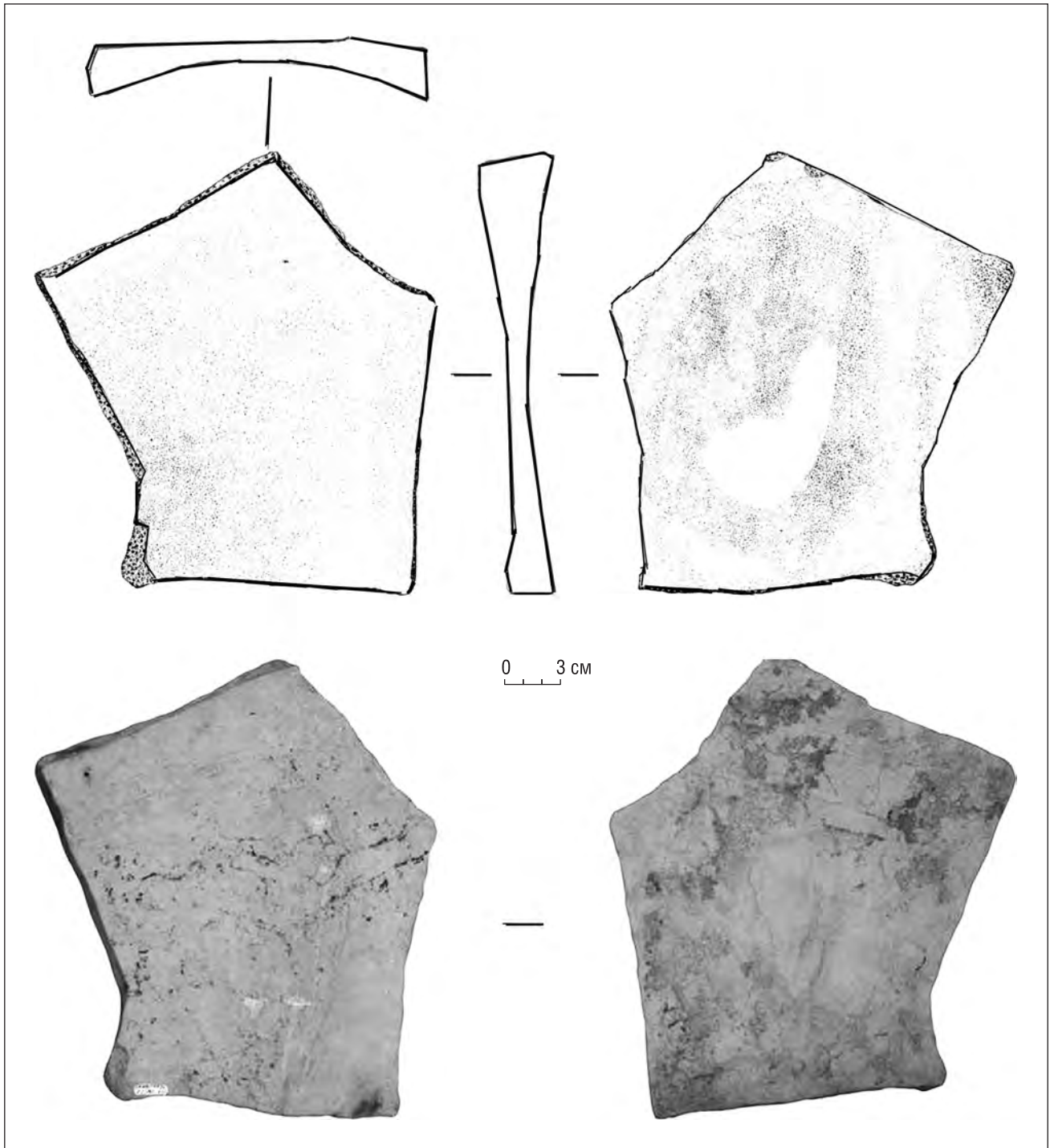

Рис. 2. Охта 1. Абразив из песчаника (7/2-443)

Таблица 2. Охта 1. Орудия, выделенные трасологическим анализом

Типы орудий/раскопы	Раскоп 7	Раскоп 8	Раскоп 10	Раскоп 15	Всего
Наконечники	2		1*		3
Скрепки	9**			5	14
Скобели	25*****	1	1	5	32
Резцы	9**	1	1		11
Резчики	9*	1	1*		11
Резчики-скобели	2	1		2	5
Развёртки	2				2
Проколки	9***		2*	3	14
Свёрла	4		4*	2	10
Стамески	2		3	2	7
Долотовидные орудия	18*	2	2	1	23
Отбойники	1		2	1	4
Пилки	8***		1	1	10
Ножи	23*	2	6***	7	38
Строгальные ножи	5*	1	1	2	9
Рубящие орудия	7	1 фр.		2	10
Абразивы	13	8	1	17	39
Тёрочные плиты	1			7*	8
Клин	1				1
Орехокол	1				1
Отщепы подправки рабочих краёв орудий	2				2
С недиагностичными следами	13	2	3	15	33
Артефакты без следов износа	281	19	17	95	412
Отдельности сырья без следов антропогенного воздействия	130	10	10	82	232
Итого	577	49	56	249	931

* в том числе комбинированные орудия.

Большая часть кремня (с раковинами) – девонского происхождения. Выходы отложений девона известны на юго-востоке Ленинградской области. Также в представленной выборке был отмечен прибалтийский кремень (силурийский) с многочисленными включениями скелетов организмов (спикул радиолярий). Красный кремень – карбоновый, аллювиальные россыпи его известны в восточном обрамлении Балтийского шита среди пород красноцветной глинисто-песчаной континентальной формации раннего карбона. Россыпи прослеживаются по р. Онеге на протяжении более 150 км. Для точного определения источников сырья необходимо его сравнение с кремнем из коренных месторождений.

Некоторые разновидности кремня – плохого качества; грубозернистую кремнистую породу можно отнести к условно местным породам. Отдельности такого сырья встречаются иногда в виде окатанных и побитых в природных условиях мелких галек. Качество сырья столь низкое, и оно так мало件годно для расщепления, что транспортировать его на сколько-нибудь значительные расстояния просто не имело смысла.

Сланец тёмно-серого цвета в виде плиток или галек использовался для изготовления шлифованных наконечников стрел, рубящих орудий и некоторых абразивов. Часто для изготовления рубящих орудий служил кремнистый сланец, значительно более прочный, тёмно-серого или серо-зеленоватого цвета. Проведён петрографический анализ обломков орудий и отщепов (М.А. Кулькова). Выделены несколько групп сланцев: хлорит-амфиболовые сланцы; кристаллические сланцы (филлиты); хлорит-амфибол-плагиоклаз-силлиманитовый сланец; хлорит-серицитовый сланец; кварц-амфибол-хлоритовый сланец. Возможные месторождения сланцев – зеленокаменные пояса Ялонваара–Хатту–Тулос на юго-западной окраине Карельского кратона на крайнем востоке Финляндии.

Кварцевые гальки, прозрачные стекловидные, белые или желтоватые, встречаются достаточно широко. На памятнике собраны главным образом осколки и отщепы (в том числе первичные и полупервичные). Кварцевых орудий очень мало. Главным образом он применялся для изготовления изделий, требующих особой прочности, в том числе для деревообработки.

Песчаник в форме плиток и галек различных оттенков серого цвета (от светло-серого до тёмно-серого и серовато-желтоватого) использовался для изготовления абразивов и тёрочных плит. В составе неко-

торых образцов отмечается включение изумрудно-зелёных зёрен глауконита, что характерно для местных условий.

Гранит серого или розоватого цветов присутствует в материалах в виде галек или осколков галек, причём чаще всего сильно окатанных. Он местного происхождения и совершенно непригоден в качестве каменного сырья для изготовления артефактов в силу своей зернистой структуры. Единственный гранитный отщеп вполне может иметь естественное происхождение. Нет оснований думать, что гранитные гальки специально приносили на памятник, скорее всего, они происходят из близлежащих аллювиальных отложений.

Среди другого каменного материала с памятника интересна галька из лидита без следов использования, поскольку лидит является здесь редким материалом.

Трасологическому анализу были подвергнуты 1033 предмета: раскопы 7, 7/2, 7/1-2, 7/1-3 – 596; раскоп 8 – 81; раскоп 10 – 77; раскоп 15 – 279 (табл. 2).

В целом состоянием каменного материала вполне удовлетворительное для трасологического изучения. Процент окатанных предметов не велик, причём в большинстве случаев следы окатанности наблюдались на отдельностях сырья, например, на небольших кремнёвых и кварцевых галечках, имеющих моренное или аллювиальное происхождение. Несколько затрудняло работу наличие на поверхностях каменных предметов натёков окислов железа. Они представлены в виде полос и пятен рыжевато-бурого цвета, матовых или блестящих, занимающих иногда значительную часть площади исследуемого объекта. Эти наслоения в большинстве случаев достаточно легко удалялись при помощи уксусной кислоты. Поскольку культурные остатки залегают в основном в песчаных отложениях, на небольшом количестве предметов отмечен люстраж. Иногда, установив наличие следов использования, не удавалось их интерпретировать, в таком случае они отмечались как существующие, но не диагностические.

Использование определено по характерной выкрошенности, деформации рабочего лезвия, линейным следам. Учитывая условия залегания артефактов, совершенно естественно, что заполировки, характерные для работы по конкретным материалам, сохранились в единичных случаях. Анализ проводился с использованием микроскопов МБС-1, МБС-2 с увеличением до $\times 98$ и металлографического микроскопа МИМ-1 с увеличением до $\times 200$.

Примечательно относительно большое количество обгоревших предметов из кремня: 21 из раскопа 7 и 2 – из раскопа 8. В одном случае определяется преднамеренное термическое воздействие для улучшения свойств расщепляемого сырья (наконечник стрелы, 7-253). Люстраж отмечен на 6 предметах, в том числе на кремнёвом наконечнике (7/2-2997).

В коллекции довольно много окатанных галек (60 экз.) из аллювиальных или моренных отложений, принесённых на памятник или оказавшихся здесь естественным путём. Целых галек 23 и 16 фрагментов, две из них (кварцевая – 7/2-1557 и песчаниковая – 7-411) разбиты преднамеренно. Одна из галек (порода камня не определена) имеет следы от заглаживания какого-то материала (7/1-3-250).

Первичное расщепление кремнёвого и кварцевого сырья, как и подправка орудий, производились иногда непосредственно на памятнике, о чём свидетельствует относительно большое количество отщепов и осколков, первичных, полупервичных и с частичной коркой (897 экз.): крупные (более 30 мм) – 10,3 %; крупные с желвачной коркой – 6,6 %; средние (15–20 мм) – 36,5 %; средние с коркой – 13,3 %; мелкие (10–15 мм) – 19,5 %; мелкие с коркой – 4,8 %; чешуйки (до 10 мм), среди которых есть «брызги» от удара твёрдым отбойником – 9 %.

Первичные (11 экз., из них 3 кварцевых) и полупервичные (7 экз., из них 3 кварцевых) отщепы послужили заготовками для изготовления орудий. На одном кварцевом и двух кремнёвых отщепах наблюдаются следы сработанности. Более 300 осколков и обломков каменного сырья не имеют вторичной обработки. Один кусок сланцевой плитки преднамеренно оббит по краю.

Отбойники из галек представлены четырьмя целыми экземплярами и одним фрагментом разбитого (кварцевого) орудия (10-126). Среди окатанных кремнёвых галек на одной есть зона следов, позволяющих с известной степенью осторожности предположить, что её использовали в качестве отбойника.

Нуклеусы (85 экз.) практически все остаточные, со следами снятий коротких заготовок (рис. 3: 11, 12). Один кремнёвый скол сохранил следы систематических снятий (7/2-3396). Имеется двуплощадочный нуклеус для отщепов и фрагмент нуклеидного куска кремня с частичной коркой. Следы двусторонних поперечных снятий прослежены на крупном куске желвака из кремня. Концы желвака оббиты, некоторые грани фасеток пришлифованы. Об экономии сырья свидетельствует реутилизация нуклеусов для изготовления орудий. На фрагменте нуклеуса из бордового кремня изготовлен двойной резчик-скобель; на остаточном нуклеусе из серого кремня оформлено тесловидное орудие. Среди кварцевых нуклеусов следует отметить биполярный нуклеус со следами снятия отщепов (7/2-1646).

Технологические сколы присутствуют в коллекции в виде ребристых сколов, отщепов подправки края площадки нуклеуса, полупервичных отщепов подготовки поверхности нуклеуса, крупного полупервичного скола переоформления пренуклеуса. Они также использовались в качестве орудий. Например, из двух «таблеток»-сколов оживления площадки нуклеуса одна послужила для изготовления скребка (7/2-134). Из трёх сколов подправки края площадки нуклеуса два также использованы для изготовления орудий – проколки (7/2-840) и сверла-развёртки (7/2-130). На одной ребристой пластинке (7/2-79) также имеются следы использования (не диагностические).

Основной заготовкой для орудий являются отщепы (в ряде случаев пластинчатые). Есть несколько орудий на пластинах, явно принесённых на памятник в готовом виде. В целом, стратегия подбора заготовок

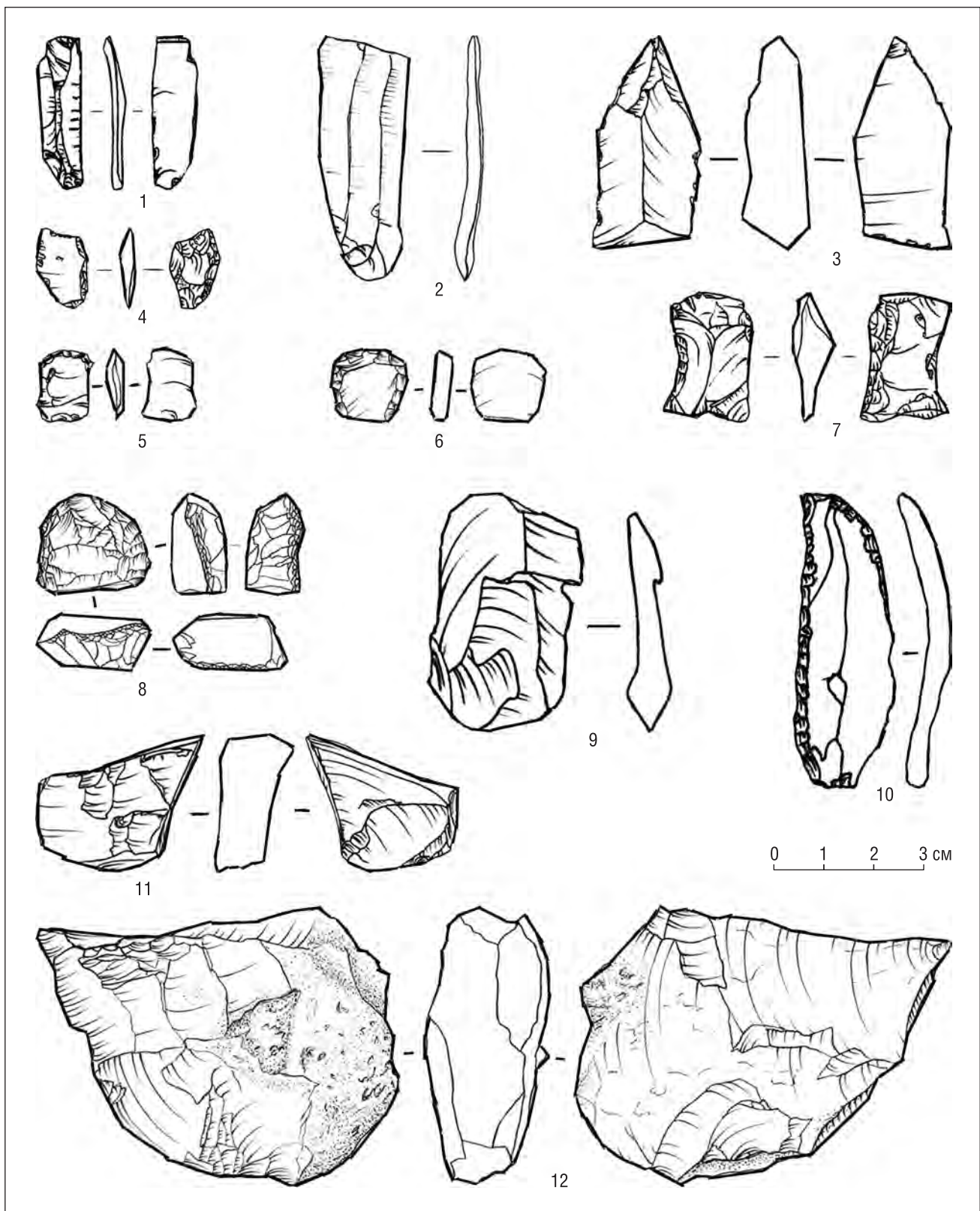

Рис. 3. Охта 1. Кремнёвые изделия : 1 – 7/2-405; 2 – 7/2-945; 3 – 7/2-884; 4 – 7/2-742-2; 5 – 7/2-3467; 6 – 7/2-1790; 7 – 7/2-682; 8 – 15-224; 9 – 15-298; 10 – 7/2-5061; 11 – 15-263; 12 – 15-278

для орудий не была нацелена на получение длинных острых лезвий и не ориентировалась на типологически заданный облик орудия. Использовались отщепы случайных форм, осколки, имеющие морфологические элементы, удовлетворяющие конкретным задачам. То есть, большую часть орудий можно считать ситуационными, не образующими каких-либо типологических групп. Исключение составляют наконечники метательного вооружения и шлифованные рубящие орудия.

Наконечники из кремня (около 60 экз.). Преобладают наконечники листовидной формы, обоюдоострые; немногочисленны ромбовидные, черешковые, с боковой выемкой. Длина орудий от 2,2 до 5–7 см [1]. В качестве приёмов вторичной обработки абсолютно доминирует двусторонняя с полным покрытием ретушью поверхности. На одном из наконечников 1/3 поверхности заготовки отретуширована полностью, на остальной ретушь двусторонняя, но регулярная краевая (рис. 4: 1). В общем ряду выделяются пропорциями и более крупными размерами 3 иволистных наконечника (рис. 4: 3, 4, 7). Небольшая группа наконечников со слабозаметными уголками по краям занимает промежуточное положение между листовидными и ромбовидными. Один из таких наконечников (рис. 4: 2), без следов употребления по прямому назначению, использовался как проколка. Ещё один наконечник, близкий к листовидному, имеет очень слабо выраженную боковую выемку (рис. 4: 10). Второй наконечник с боковой выемкой изготовлен на маленьком массивном отщепе, конец которого уплощён и изогнут (рис. 4: 8). Выемка изготовлена двумя противолежащими фасетками, основание утолщённое. Черешковых наконечников 2, они тщательно отретушированы. Интересен наконечник копыя с прямым, чуть скошенным основанием и асимметричными выступами по бокам (рис. 4: 11). Самый кончик сломан (многоступенчатый слом), сильно заглажен. При этом прилегающие участки кромки не затронуты. Иволистный наконечник дротика изготовлен из серого кремня хорошего качества (рис. 4: 5), самый кончик его был обломан и затем заново отретуширован. На выступающих частях рельефа поверхности имеется залощённость от заворачивания в кожу.

Группу наконечников дополняют несколько сечений и проксимальных фрагментов наконечников дротиков. На одном фрагменте (рис. 4: 2) на поверхности отчётливо видна мягкая заполировка (от обёртывания кожей). Обращает на себя внимание фрагмент заготовки двусторонне обработанного орудия из белого кремня (15-378).

Наконечники сланцевые шлифованные (около 70 экз.). Основная масса изделий имеет треугольное перо и короткий слабо выделенный черешок. Они отличаются формой заготовки – треугольной, овальной или ромбической – и высотой: короткие – 5–6 см и длинные – до 10–12 см (рис. 1: 5) [1, рис. 12: 17–22]. Несколько наконечников – листовидной формы, без черешка. Имеются черешковые наконечники с уплощённым насадом и треугольным пером. На кончиках пера в нескольких случаях прослеживаются следы повреждений.

Вкладыши метательного вооружения (3 экз.). В одном случае это отщеп трапецевидной формы из желтовато-серого кремня (7/1-3-23). На нём фиксируются следы заполировки от рукояти. Второй вкладыш представляет собой мелкий ромбический отщеп без специальной подработки, с большой долей вероятности находившийся в ряду вкладышей наконечника или мясного ножа (рис. 3: 4). Третий вкладыш представляет собой кремнёвую микропластинку с ретушью (рис. 3: 1).

Ножи (28 экз.). Более двадцати из них изготовлены из кремня, один – из кварца, три – из сланца и один (мясной) нож с обушком – из неопределённой породы камня. Один из сланцевых ножей служил в качестве кожевального. Второй имеет следы работы по рыбе и по дереву. Третий – по мясу/шкуре. Кварцевый нож представляет собой вкладыш со следами работы по дереву. Разнообразные функции выполняли кремнёвые ножи: 4 – для коры (рис. 3: 3); 2 – для веток и растительных волокон (7/2-823); четыре – рыбные ножи на пластинах и вкладыше (рис. 3: 10), четыре – строгальные ножи по дереву на пластинах, в том числе один – с зубчатым лезвием. Одно орудие является вкладышем мясного ножа (рис. 5: 5), ещё одно, на отщепе, представляет собой нож для мяса/рыбы (15-383). В восьми случаях обрабатываемый материал не определён. Один из кремнёвых ножей реутилизирован в проколку.

Орудия для обработки шкур (кожи)

Эти орудия включают в себя скребки и проколки. Типологически определено около 50 скребков. Они изготовлены на отщепе с ретушью на одном из участков или по 1/3 периметра заготовки. Трасологическому анализу подвергнуты 10 скребков из кремня, 2 из кварца, 1 на сланцевом отщепе (последний – по шкуре). Среди кремнёвых имеется микроскребок с плохо выраженными следами (рис. 3: 5) и один интенсивно изношенный (7/2-4846-1). Лезвие одного из кремнёвых скребков неоднократно подправлялось (7/2-2073). Другой скребок оформлен на «таблетке»-части площадки нуклеуса. Выделяется боковой скребок на проксимальном фрагменте пластинчатого отщепе (рис. 5: 11). У орудия – дугообразное лезвие со ступенчатой ретушью и хорошо выраженным износом, характерным для скребков – скруглённой кромкой, заполировкой и поперечными линейными следами. Три скребка изготовлены на кремнёвых отщепе средних размеров (рис. 5: 6–7, 12). Первый из них имеет скруглённую кромку и поперечные линейные следы, второй и третий – в начальной стадии срабатывания. Три орудия, выделенные морфологически, следов износа не имеют (рис. 3: 6).

Комбинированные орудия для обработки шкур представлены двумя экземплярами скребков-проколок. Одно из них оформлено на сколе подправки края площадки нуклеуса (7/2-840).

Кремнёвые проколки (8 экз.), все на мелких отщепе (7/2-437, 7/2-621; 7/2-1034; 15-255, 15-362, 15-425), выделены трасологически на основании наличия характерной заполировки на острых выступающих частях заготовок. В некоторых случаях на самом острье имеется типичная для этих орудий микрофасетка. У од-

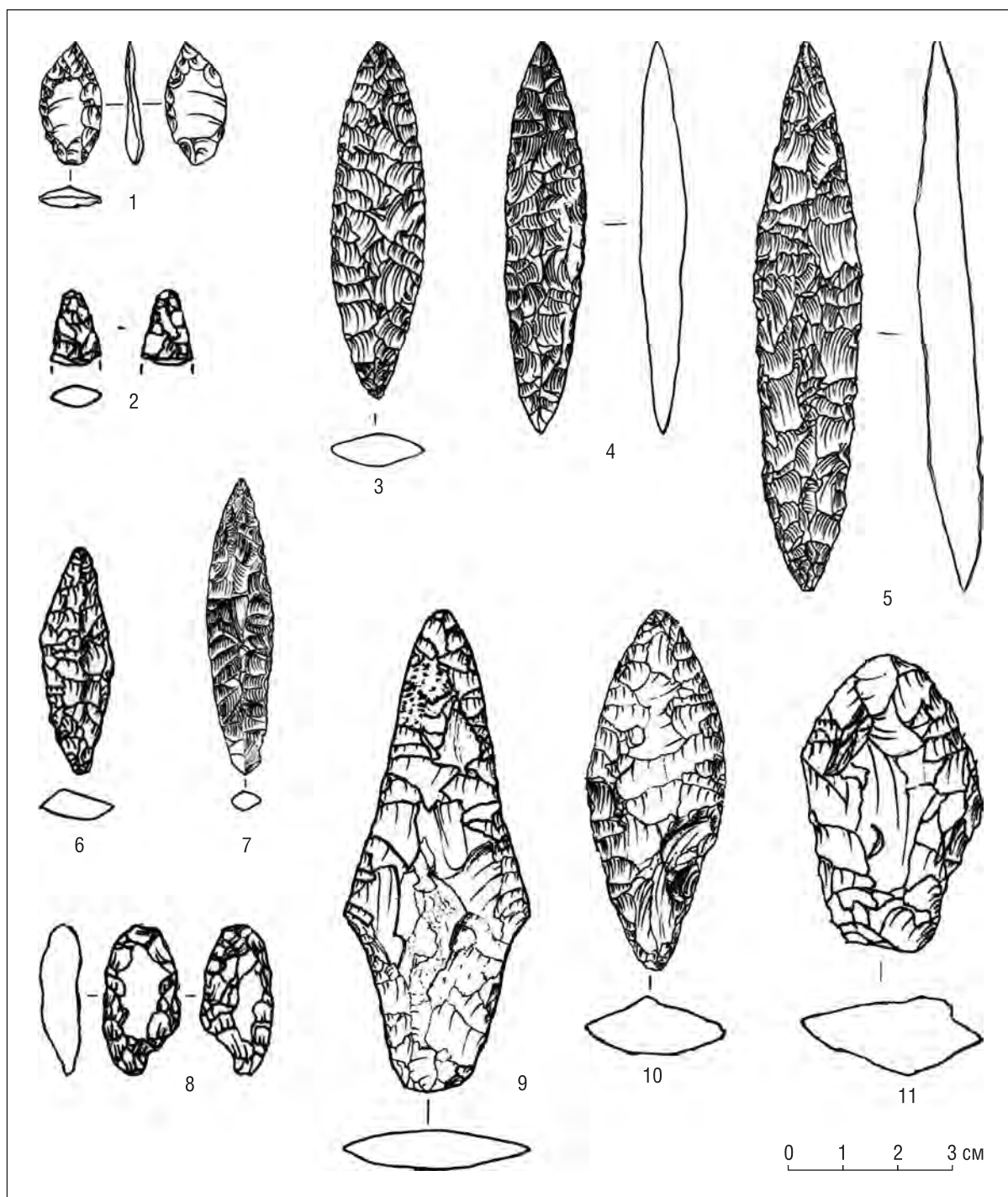

Рис. 4. Охта 1. Наконечники стрел, копий, дротиков: 1 – 7/2-3132; 2 – 7/2-4739; 3 – 7/2-2482; 4 – 7/2-1000; 5 – 15-156; 6 – 15-446; 7 – 7/2-1079; 8 – 7/2-4396; 9 – 7/2-4654; 10 – 7/2-5279; 11 – 7/2-3860

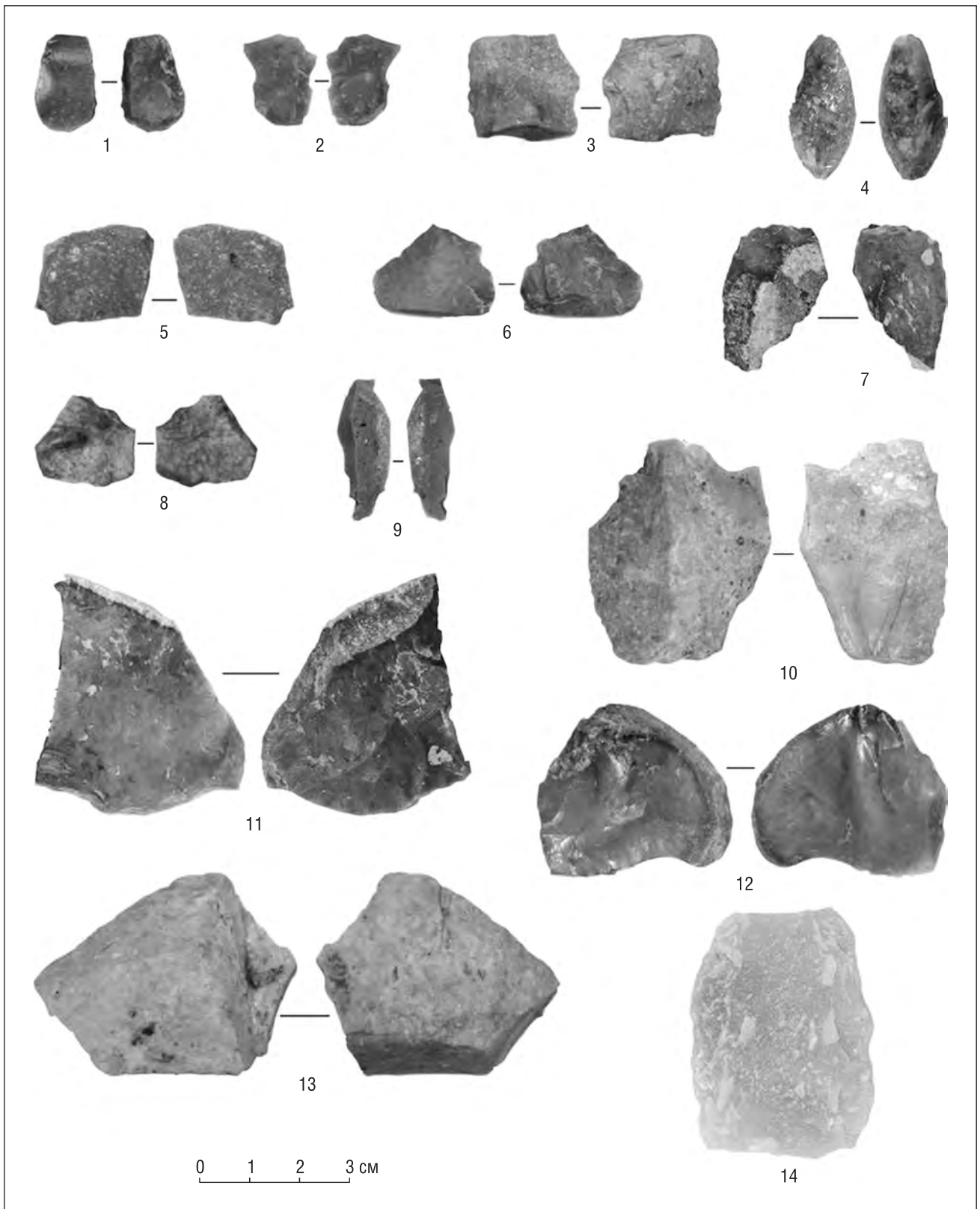

Рис. 5. Охта 1. Орудия из кремня (1–13) и кварца (14): 1 – 15-248; 2 – 15-286; 3 – 15-331; 4 – 15-311; 5 – 15-256; 6 – 15-313; 7 – 15-298; 8 – 15-289; 9 – 15-206; 10 – 15-421; 11 – 15-310; 12 – 15-387; 13 – 15-398; 14 – 7/2-4338

ной из проколов обломан самый кончик (15-255), остальные имеют различную степень сработанности: от начальной стадии (15-362) до хорошо выраженных следов износа (15-425).

Орудия для обработки дерева и кости

Такие орудия представлены в достаточном разнообразии. К сожалению, следы от обработки кости отмечены лишь в редких случаях, а сама кость практически отсутствует в материалах памятника. В коллекции имеются струг из кварца (7/2-3045), клин на кварцевом сколе, забитом с двух концов (7/2-4416), остроконечник из белого кремня (7/2-5045), долотовидные орудия, стамески, скобели, свёрла, резчики, пилки и различные комбинированные орудия.

Особо следует отметить гранитную гальку для колки орехов. Следы ударов на ней сформировались в отчётливую выемку (7/2-128).

Долотовидные орудия (17 экз.) изготовлены из кварца, кварцита и кремня. Целых изделий – 9. Два кремнёвых орудия находятся в конечной стадии сработанности (7/2-1518 и 7/2-1589-1). Одно изделие, на массивном кварцевом отщепе, использовалось непродолжительное время. Два орудия разбиты. Шесть предметов – сколы фрагментации орудий.

Стамески (3 экз.). Две изготовлены из кварца и одна из гранита. Первая из кварцевых использовалась для работы по твёрдому дереву, для другой обрабатываемый материал определить не удалось. Отличаются такие орудия от долот чешуйчатой ретушью и более крупными плоскими сколами с кромки лезвия на одну поверхность заготовки, вентральную или дорсальную (у долот износ идёт на обе поверхности).

Скобели (17 экз.) – самые многочисленные из деревообрабатывающих инструментов, составляют представительную серию орудий из различных пород камня, использовались для работы по твёрдым материалам. Большинство из них (11 экз.) изготовлены из кремня: пять – для работы по дереву (7/2-1433, 7/2-4241), четыре – по кости (7/2-123 – вкладыш), в двух случаях материал не определён. Один скобель оформлен на кремнёвом отщепе пятиугольной формы, использовавшемся как долотовидное орудие (7/2-1845). Интересно, что наиболее изношенные орудия изготовлены на мелких кремнёвых отщепах – размерами не более 1 см и 1 мм толщиной (7/2-266). На одном, менее 2 см и 6 мм толщиной, сделан двулезвийный скобель (7/2-413). Другой скобель на крупном отщепе (6,4×4,7×1 см) использовался очень непродолжительное время. Как скобель применялся и скребок с «носиком» на отщепе жёлтого кремня (7/2-286), причём крепившийся в рукояти. Последнее орудие из этой группы (7/2-259) весьма своеобразно – на правом краю широкого ребристого отщепа, представляющего собой дистальную часть орудия, оформлена выемка между двумя лезвиями, обработанными полукруглой ретушью. В выемке имеется двусторонняя ретушь утилизации одинаковой интенсивности на всей протяжённости. Выступающие части рельефа практически не сглажены, заполировка не развита. Скорее всего, орудие использовалось как микроскобель по твёрдому материалу. Четыре кварцевых скобеля из пяти и одно из двух сланцевых орудий применялись для работы по твёрдому дереву. Ещё в двух случаях материал не определён. К ситуационным орудиям, специально не оформленным и использовавшимся недолго, можно отнести кварцевый отщеп с минимальными следами скобления (7/2-628) и кремнёвую чешуйку-вкладыш (7/2-936). На одном кварцевом сколе обнаружены следы строгания и скобления кости (7/2-1030).

Интересны инструменты для строгания дерева, изготовленные из одинакового светло-серого прозрачного кремня. Они явно принесены на памятник в готовом виде: отщепы, осколки и чешуйки такого кремня не были встречены. Первый из них – крупный (2,4×2,7×0,7 см) концевой-боковой скребок сегментовидной формы на сечении пластины. Второй – скребок с высоким профилем на сегментовидном сколе (1,8×2,1×1 см). Лезвие этого орудия неоднократно подправлялось, вследствие чего имеет ступенчатую ретушь и тупой угол на некоторых участках. Оба эти орудия использовались в вертикальной поступательной позиции (как лезвие рубанка). Также к инструментам для деревообработки можно отнести три ножа – один на обломке кремнёвого отщепа (рис. 5: 10), со следами резания и строгания, и два – для срезания веток или другого волокнистого свежего растительного материала (рис. 5: 3, 13). Первый из них – двулезвийный, на кремнёвом отщепе, был вставлен в рукоять под углом. Второй – на фрагменте массивного отщепа, вероятнее всего, также использовался в рукояти, но соответствующие следы не обнаружены.

Резчики-скобели (5 экз.) из кремня служили исключительно для изготовления пазов и гравировки. Два из них имеют двойное лезвие (7/2-2202; 15-181). Первый – на фрагменте нуклеуса бордового кремня. Одно его лезвие оказалось удобнее и использовалось дольше второго. Второе орудие морфологически представляет собой скребок «с носиком» на толстом мелком отщепе (15-408). Левый край использовался в качестве скобеля, «носик» – как резчик-скобель по дереву. Орудие применялось в рукояти. По всей вероятности, учитывая размеры орудий, они в подавляющем большинстве вставлялись в рукоять, но не всегда имеются следы, подтверждающие это. В то же время иногда следы от рукояти выражены лучше, чем от основной функции. Например, в случае с вкладышевым орудием на мелком отщепе коричневого кремня хорошего качества (рис. 5: 1) следы от рукояти видны совершенно отчётливо, в то время как на лезвии, кроме вентральных микрофасеток, другие следы не наблюдаются. Общая картина лишь позволяет предположить, что орудие использовалось для обработки дерева. Для работы по мягкому дереву служили двойной резчик/нож из кремня и пилка из кварца.

Свёрла (9 экз.). Одно оформлено на остром углу трапециевидного кремнёвого отщепа (15-44), оно использовалось очень интенсивно и затупилось в процессе работы. Два сверла (7/2-2963, 7/2-3073) и одна развёртка из кремня были предназначены для работы по дереву, причём развёртка – по мягкому дереву или коре (7/2-

410). Также по мягкому дереву использовалось сверло-развёртка, оформленное на сколе подправки края площадки кремнёвого нуклеуса (7/1-3). На одном кремнёвом сверле имеются три жала. Ещё одно орудие из кремня скомбинировано с пилкой по дереву. Сверло из кварца имеет выразительные следы от работы по мягкому камню или керамике. На сколе из кварца была изготовлена провёртка.

Резчики из кремня (9 экз.). Один из резчиков – двойной, ещё один – комбинирован с резцом. Остальные представляют собой обычные резчики без специальной подготовки режущей рабочей части, в основном на отщепе. Один – на пластинчатом отщепе с ретушью аккомодации (рис. 3: 7).

Пилки немногочисленны, но разнообразны. Из 9 экземпляров одна изготовлена из сланца (7/2-1086) и 3 – кремнёвых (7/2-1275, 7/2-2197), в основном они использовались для работы по дереву. Пилки имели 1–2 лезвия, есть комбинированные с двумя угловыми резцами (7/2-1584). Одна кварцитовая двусторонняя пилка изготовлена на прямоугольном отщепе (рис. 5: 14). Ещё три пилки, кварцевая (7/2-737), сланцевая и кремнёвая, комбинированы со скобелями, причём у одной из них – из кристаллического сланца – следы использования в качестве скобеля вторичны. Одна пилка из кварца использовалась для работы по кости. Из песчаника была изготовлена пилка для керамики (15-44).

Резцы (5 экз.) Два из них – срединные на кварцевых сколах (7/2-1589-2). Один сланцевый – по кости, использовался в позиции «на себя» с неглубоким погружением в материал (пазы, гравировки). Два – угловых: один на заготовке кремнёвого наконечника с двусторонней ретушью (7/2-4284) и один на кремнёвом сколе (7/2-1278).

Полифункциональные деревообрабатывающие орудия

Кроме уже перечисленных, есть ещё 4 комбинированных орудия: три кремнёвых: два скобеля по кости/проколки и скобель/нож по дереву на осколке кремня (7/2-5269) – и один кварцевый: скобель/строгальный нож.

Фрагменты орудий (8 экз.) представлены сколами подправки или повреждения рабочих краёв двух сланцевых шлифованных орудий (7/2-981, 7/2-998) и одного с противоположной ретушью, одного обушка сланцевого орудия (7/2-993) и четырёх кремнёвых, 2 из которых обожжены.

В материалах памятника имеется достаточно представительная серия *абразивов и тёрочных плит* (более 200 экз., рис. 2). Из раскопа 7/2 наибольший интерес представляют тёрочник для растирания охры – песчаниковая галька с выраженными следами износа и следами охры (7/2-805) и плита песчаника со следами растирания минерального сырья (7/2-7). Серия из 12 абразивов из песчаника (раскоп 7) разнообразна по обрабатываемым материалам: 4 абразива имеют следы работы по кости, 1 – по камню. О двух можно лишь сказать, что абразивы служили для обработки твёрдого материала. Два абразива имеют 4 рабочие поверхности. В материалах раскопа 15 просмотрено 17 абразивов и тёрочных плит, 16 из которых – из серого тонкозернистого песчаника и один – фрагмент тонкой плитки сланца с одной рабочей поверхностью. Для абразивов из песчаника использовались гальки, плитки (чаще всего) и куски породы. Один из абразивов на плитках – для камня (15-179), с тремя рабочими поверхностями, одна из которых, помимо того, использовалась как накопитель и точильный брусок (вероятно, это поздняя реутилизация). Ещё один абразив – с тремя рабочими поверхностями (15/1-62) – с большой долей вероятности использовался для кости. Один из абразивов – на гальке, с четырьмя рабочими поверхностями, на одной из них имеется канавка от затачивания шиловидного острья (15-345). Далеко не во всех случаях можно было определить обрабатываемый материал. Таких абразивов на гальках: с одной рабочей поверхностью – 3, с двумя – 1; на кусках плиток: с одной рабочей поверхностью – 4, с двумя – 1, с тремя – 2 и с четырьмя – 2. В двух случаях куски плиток окатаны. Один предмет представляет собой комбинацию абразива и тёрочной плиты для минерального сырья (15-194). Кроме него, в коллекции имеются ещё четыре тёрочных плитки для минерального сырья (15-216, 15-220, 15-231, 15-849) и одна – для растительного (15-226).

Рубящие орудия изготавливались из сланца, кварца, кварцита, песчаника и кремня, последние оформлялись на случайных заготовках. Морфологические и технологические особенности большинства таких орудий памятника Охта 1 определены А.Ю. Тарасовым. Часть из них, в основном неолитические, изготовлена из местного сырья. Большинство орудий относится к импортным орудиям так называемого русско-карельского типа, поступавшим в Приневскую низменность из региона Онежского озера [2, с. 207–214] (рис. 1: 1).

Среди артефактов, в большинстве случаев не имеющих выраженных типологических признаков, М.Н. Желтовой определено более 10 рубящих орудий.

На полированном тесле из кристаллического сланца (7/2-16) обнаружены следы долговременного использования для обработки дерева, при этом лезвие неоднократно подправлялось на абразиве с дорсальной поверхности. Лезвие скруглено в плане и выкрошено, особенно сильно – в центре. Здесь на вентральной поверхности наблюдается плотная блестящая заполировка. Впоследствии обушок был сбит и получившийся острый край служил в качестве скобеля. Из скола с другого шлифованного тесла изготовлен клювовидный резец.

Из сланцевого отщепе сделана заготовка мелкого тесла (7-327). Продольные края отщепе оббиты, один из них пришлифован поверх оббивки, но не до конца. Второй имеет значительную толщину и кривизну, обработан грубой дорсальной оббивкой (ударная площадка отщепе). Тщательно обработано по двум поверхностям только асимметричное в профиле лезвие, вдоль него – много линейных следов от обработки. На кромке – незначительные поздние повреждения. Ещё одна заготовка тесловидного орудия выполнена из небольшой песчаниковой гальки подпрямоугольных очертаний, плосковыпуклой в сечении (7-297). Боковые

границы выровнены абразивом. Участок, прилежавший к лезвию со стороны спинки в начальной стадии оформления, скошен при помощи абразива. Лезвие – асимметричное в плане, тупое, в начальной стадии оформления на абразиве.

Тесловидных орудий три, одно из кварцита, на подпрямоугольном отщепе (7/2-2615), и два из кварца. Одно из них использовалось по свежему дереву (7/2-909). Второе тесло представляет собой кварцевый скол с двусторонней ретушью на широком конце (7/2-2476). Третье рубящее орудие является небольшим кварцевым вкладышем в очень массивную рукоять (15-213). Об этом можно судить по несоответствию характера износа лезвия и обушковой части размерам орудия. Следы работы по дереву выражены и на трёх фрагментах лезвий, одном из песчаника (7-647) и двух – кремнёвых (7/2-878 и 7/2-2348). В коллекции имеется также фрагмент кремнёвого рубящего орудия на сколе с ретушью (7/2-4106). Небольших размеров тесловидное орудие изготовлено на кремнёвом остаточном нуклеусе (15-198). К функциональной группе рубящих орудий следует отнести две вставки из кремнёвых отщепов в массивную деревянную рукоять, причём одна из них очень сильно изношена (7/2-421). Основную массу орудия в этом случае составляет рукоять, которую сделать значительно проще, чем крупный каменный топор или тесло.

Песчаниковое тесло было изготовлено на плитке, форма которой была подкорректирована искусственно. Имеется также заготовка орудия из песчаника.

Тесло из кремнистого известняка было отшлифовано, потом в ходе реутилизации его оббили. Исследовано целое шлифованное топор-тесло из кремнистого сланца вытянутых пропорций со скруглённым лезвием, с хорошо выраженными следами использования. Вертикальные линейные следы и сохранившиеся небольшие участки заполировки, как и выразительная заполировка на обушковой части от рукояти, свидетельствуют о достаточно долговременном использовании орудия в качестве тесла и, отчасти, топора. Лезвие подправлялось на тонком абразиве.

Отдельно надо отметить кайло или мотыгу из кварцито-песчаника, имеющую следы интенсивного износа.

Выводы. По результатам трасологического и петрографического анализов, для коллекции каменного инвентаря памятника Охта 1 характерны:

1. Использование разного по качеству каменного сырья из различных по удалённости источников, а также импортное готовых орудий.

2. Поступление каменного сырья, возможно, с юго-востока Ленинградской области, из Прибалтики и Карелии. Использование также местного галечного сырья.

3. Присутствие на памятнике материалов, демонстрирующих производившееся непосредственно на месте первичное расщепление камня и изготовление, подправку орудий.

4. Нацеленность стратегии изготовления орудий на экономию более или менее подходящего сырья, что нашло отражение в использовании в качестве вкладышей орудий мелких отщепов случайных форм.

5. Широкий спектр функциональных категорий орудий, свидетельствующих о разнообразии видов хозяйственной деятельности на памятнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е. Поселение Охта 1 – новый памятник эпохи неолита – раннего металла Приневского региона // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб., 2012.
2. Тарасов А.Ю., Гусенцова Т.М. Рубящие орудия поселения Охта 1 в Санкт-Петербурге // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб., 2012.

М.Н. Желтова
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Т.М. Гусенцова
АНО «НИИ культурного и природного наследия»,
Санкт-Петербург

М.А. Кулькова
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

M.N. Zheltova, T.M. Gusentsova, M.A. Kul'kova

**STONE INVENTORY OF THE NEOLITHIC AND THE EARLY METAL AGE
OF THE MONUMENT OKHTA 1 IN SAINT-PETERSBURG (2008–2009)**

Summary

The article considers the stone inventory of the Neolithic – the Early Metal Age of a monument Okhta 1 in Saint-Petersburg. The collection of the monument contains tools with well expressed morphological features, including numerous arrowheads made of flint and slate, as well as cutting tools and sinkers made of slate. To a lesser extent and not always are distinctly defined scrapers, knives and other tools. To characterize the source of raw materials and to define the functional purpose of those products petrographic and tracological analyses were carried out. The raw materials to the monument arrived from various sources, in particular, from Karelia, the southeast of the Leningrad region, and the Baltic. The tracological analysis revealed a wide range of functional categories of the tools testifying to a variety of types of economic activity on a monument.

M.N. Zheltova

*The Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191065,
Russia
E-mail: mpraslova@mail.ru*

T.M. Gusentsova

*Autonomous non-profit organization
«Research Institute of Cultural and Natural Heritage»,
D, 5/17, Dekabristov Lane, Saint-Petersburg, 199155,
Russia
E-mail: ddut@mail.ru*

M.A. Kul'kova

*Herzen Russian State Pedagogical University,
48/12, Moika River Emb., Saint-Petersburg, 191186,
Russia
E-mail: kulkova@mail.ru*

А.Ю. Тарасов, Е.Л. Костылёва

РУБЯЩИЕ ОРУДИЯ ИЗ ВОЛОСОВСКИХ КОМПЛЕКСОВ САХТЫШСКИХ СТОЯНОК. ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Введение

Настоящая статья представляет результаты технико-типологического анализа продуктов расщепления, связанных с производством рубящих орудий энеолитического времени (волосовская культура), происходящих из раскопок поселений Сахтышского микрорегиона в Тейковском районе Ивановской области (рис. 1), а также анализа стратиграфического и планиграфического залегания этих предметов в культурном слое сахтышских стоянок. Авторы считают, что проведённое исследование уже на данном этапе позволяет описать некоторые важные особенности каменной индустрии сахтышских стоянок, чрезвычайно значимые для понимания культурных процессов в энеолите лесной зоны.

Первоначально мы обратились к этим материалам с целью вычленения среди рубящих орудий импортных предметов, проникших в древности с территории современной Карелии благодаря существованию сетей обмена. В энеолите на западном побережье Онежского озера находился достаточно крупный центр по изготовлению топоров, тёсел, желобчатых тёсел и т.п., продукция которого использовалась при обмене с удалёнными коллективами. Такие предметы действительно были обнаружены среди материалов сахтышских стоянок, о чём также будет сказано ниже.

Однако наиболее интересный результат нашей работы заключается в другом. Нами было установлено, что основные технико-типологические характеристики индустрии рубящих орудий энеолита в Карелии на поселениях с асбестовой керамикой и на поселениях волосовской культуры в Ивановской области совпадают в такой степени, что можно ставить вопрос о том, что они представляют одну и ту же традицию. В связи с этим было проведено подробное описание технико-морфологических признаков заготовок и готовых орудий данной группы, относящихся к такой же технико-морфологической модели, которая характерна для региона Онежского озера, но изготовленных из местных материалов – кремня и окремнённого известняка. Итогам проведённого анализа посвящена предлагаемая статья.

Рубящие орудия русско-карельского типа (РКТ) в Карелии

Орудия русско-карельского типа, отличающиеся высоким качеством обработки и строгой геометрической формой с трапециевидным или полуовальным поперечным сечением, привлекли внимание исследователей уже во второй половине XIX века. Благодаря работам финских археологов И.Р. Аспелина, Л.В. Пяаконена, Ю. Айлио, А. Эйряпя данный тип был признан специфической особенностью археологии Карелии, при этом распространившейся далеко за её пределы. Финские исследователи локализовали производственный центр на западном побережье Онежского озера, в устье р. Шуи, и установили, что некоторые изделия из этого центра транспортировались в весьма удалённые регионы, преимущественно в Финляндию и Эстонию [1; 2; 3; 4]. Российские археологи советского периода были осведомлены об интерпретации, предложенной финскими коллегами, однако в России эта точка зрения была воспринята не всеми исследователями [5; 6; 7, с. 104–106; 8, с. 196; 9, с. 246–247¹; 10; 11].

В 1980-х–1990-х годах А.М. Жульников исследовал ряд памятников, которые, согласно периодизации карельских древностей, принятой карельскими археологами, могут быть датированы энеолитом. Керамика этих поселений отличается использованием органики и асбеста в качестве отощителя и обычно именуется асбестовой и пористой [12]. Благодаря этим материалам было установлено, что орудия русско-карель-

¹ Особенно интересно примечание А.Я. Брюсова в тексте данного русскоязычного издания книги Д.Г. Кларка, полемизирующее с версией финских археологов, изложенной автором.

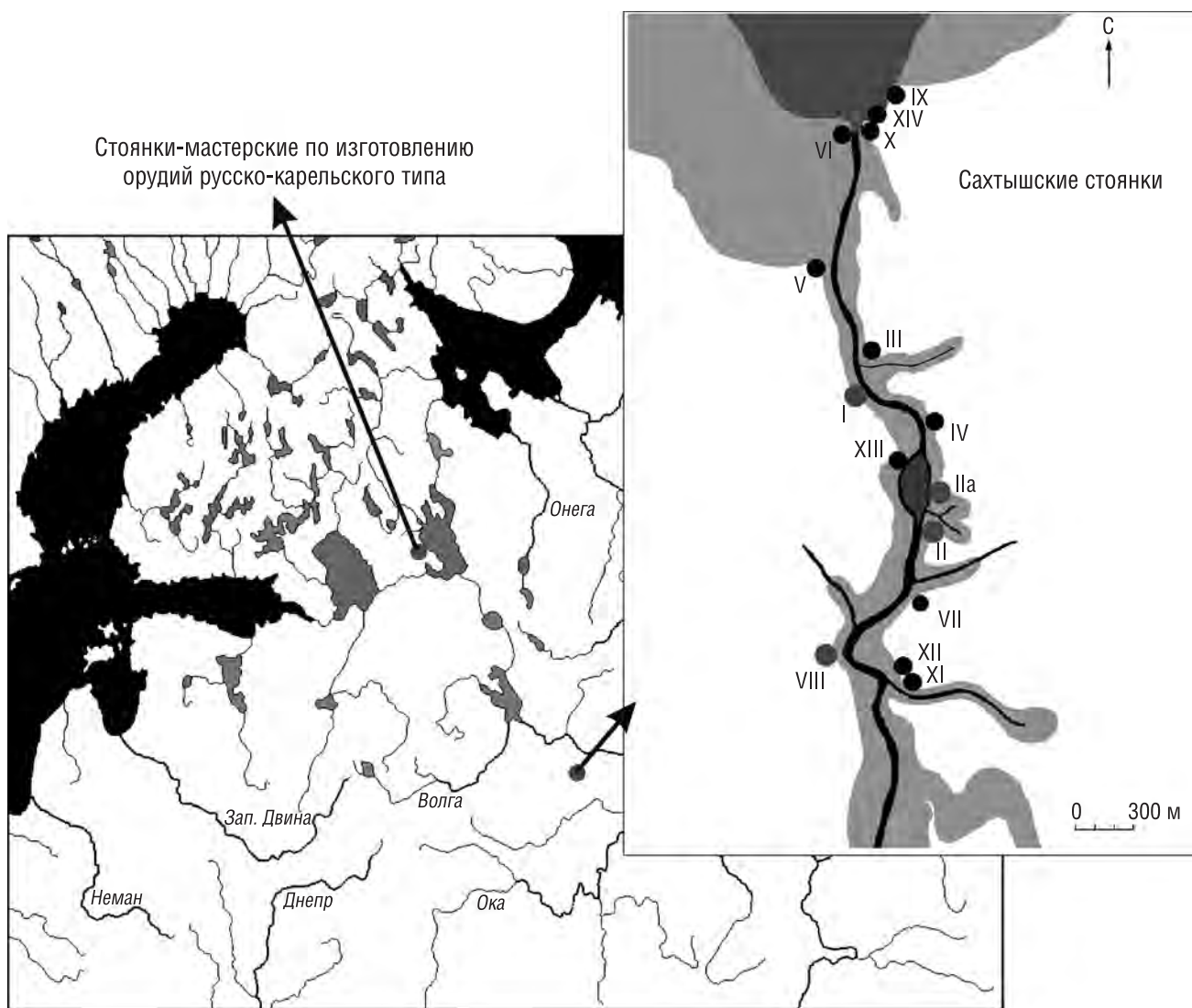

Рис. 1. Расположение сахтышских стоянок и энеолитических стоянок-мастерских на западном побережье Онежского озера. Карта (рис. А.В. Уткина, А.Ю. Тарасова)

ского типа очень характерны для памятников с такой керамикой, в то время как на памятниках с чистыми комплексами других культур они отсутствуют [13]. Таким образом, была прояснена хронологическая позиция данной индустрии.

В послевоенный период карельские археологи практически не интересовались районом низовьев р. Шуи. Эпизодические работы возобновились в 1980-е годы при участии Ю.А. Савватеева, А.П. Журавлёва, М.Г. Косменко. Регулярные исследования, преимущественно разведочные работы и сборы подъёмного материала, начались только в 1990-е годы. В 2000 г. были проведены первые в данном районе раскопки стоянки-мастерской (Фофаново XIV). Стоянка исследовалась А.М. Жульниковым на площади 400 м². Результаты раскопок частично опубликованы [14]. В 2010–2011 гг. были проведены раскопки стоянки-мастерской Фофаново XIII, предоставившие исключительно богатые материалы (свыше 350000 находок с площади в 30 м²) [15].

Картографирование находок орудий русско-карельского типа впервые было произведено в сер. XX в. А. Эйрпя [1]. Эта работа возобновилась в 2008 г., когда были просмотрены археологические коллекции, происходящие с территории Эстонии [4], и была продолжена в 2009 г. в Латвии [16]. Также были просмотрены коллекции ряда музеев на территории Северо-Западной и Центральной России, в том числе Археологического музея Ивановского государственного университета. В настоящее время база данных содержит описания 3466 предметов, включая готовые орудия и фрагменты орудий наряду с заготовками. Последние преимущественно происходят из низовьев р. Шуи, и ни одна из них не была обнаружена за пределами бассейна Онежского озера.

Материал, из которого делалось большинство орудий русско-карельского типа, был определён во второй декаде XX в. финским геологом Э. Мякиненем. Исследователь провёл петрографический анализ, который показал, что этим материалом является слабометаморфизованный туф (метатуф). Выходы этого сырья имеются на северо-западном побережье Онежского озера, однако в связи с действием материкового оледенения отдельные куски оказались перемещены также в южном и юго-восточном направлениях [1]. Из-за своей окраски и некоторой степени сланцеватости этот материал в археологической литературе был не совсем корректно обозначен, так же как «олонецкий зелёный сланец» [17, s. 67; 1; 2, s. 5]. Тем не менее следует подчеркнуть, что это вулканическая, а не осадочная порода. Петрографические исследования были возобновлены в 2009 г., когда был проведён анализ серии находок с территории Эстонии. Исследование показало, что большинство изделий в проанализированной выборке было изготовлено из метатуфа, который отсутствует в Эстонии и при этом полностью аналогичен материалу образцов с западного побережья Онежского озера [4].

Технологию изготовления орудий русско-карельского типа можно описать как гибрид двух очень распространённых способов изготовления рубящих орудий с помощью расщепления. Первым из них, пожалуй, наиболее распространённым в мире, является использование бифасиальной технологии. Вторым способом, который может быть обозначен как «четырёхсторонний», характерен для топоров с четырёхгранным сечением, представленных в культуре воронковидных кубков в Южной Скандинавии и в Центральной Европе [18; 19; 20, p. 30, 49; 21; 22, p. 125; 23, p. 153; 24; 25, s. 143 и литература, на которую ссылаются эти авторы], а также в культурах со шнуровой керамикой и «боевыми топорами», включая фатьяновскую [26, s. 150–246, 339–528; 27, с. 62; 28, s. 22 и литература, на которую ссылается последний автор].

Основными особенностями технологии четырёхгранных топоров являются техника скола, основанная на ударе через посредник, и специфический приём обработки, применявший данную технику (рис. 2: 1). Сечение готовых изделий имеет форму прямоугольника, в отличие от линзы у бифасиальных изделий. Об использовании именно удара через посредник свидетельствует наличие вогнутых площадок на заготовках и широких вогнутых фасеток на площадках сколов-отходов. Любой другой ударный инструмент неизбежно упёрся бы в межфасеточное ребро, и передаваемый им импульс был бы испорчен [26, p. 68].

В технологии изготовления русско-карельских орудий (рис. 2) описанный выше приём расщепления через посредник использовался для получения изделий с трапециевидным или треугольным поперечным сечением (в редких случаях – также с сечением в виде параллелограмма) [14; 15]. В ходе абразивной обработки продольные рёбра орудия могли быть сглажены, в результате чего получалось сечение в виде полуовала. Последовательность расщепления можно определить как стадиальную, включающую три стадии, за которыми следовала стадия абразивной обработки.

Изделия русско-карельского типа подвергались очень качественной завершающей абразивной обработке. Шлифованная поверхность составляет обычно не менее 2/3 всей поверхности изделия. Очень часто фиксируется полировка (гладкая зеркальная поверхность) на широкой площади [13]. Ещё одной характерной особенностью является многогранная шлифовка, при которой основные грани изделия составлены из некоторого количества узких продольных граней, обычно протягивающихся по всей его длине и соединённых друг с другом под очень тупым углом (рис. 2: 6).

Описанные особенности позволяют считать, что для индустрии орудий русско-карельского типа характерна своя специфическая технико-морфологическая модель, которую также можно обозначить как «русско-карельскую».

Наряду с изделиями, сделанными по русско-карельской технологии, в комплексах с асбестовой керамикой в Карелии, в том числе на стоянках-мастерских, встречается некоторое количество орудий, изготовленных по более простым технологическим схемам. Среди последних особенно заметны бифасиальные изделия, для многих из которых характерна вертикальная асимметричность сечения – одна из их поверхностей более выпуклая, чем другая, и горизонтальная ось сечения смещена к менее выпуклой поверхности. Такие предметы предложено называть смещёнными бифасами [14].

Волосовские рубящие орудия и заготовки орудий из сахтышских стоянок

Принципы отбора предметов. Стоянки Сахтышского торфяника не являются чистыми комплексами и, помимо волосовских, также содержат материалы мезолита (бутовская культура), раннего и развитого неолита (верхневолжская и льяловская культуры), эпох бронзы и раннего железа (фатьяновская, дяковская и др. культуры), которые находятся в достаточно широком хронологическом диапазоне. Хотя разновременные слои выявляются литологически и большинство находок данных культур находится в соответствующих им слоях, они всё же не разделены стерильными прослойками и к тому же имеют нарушения, связанные с хозяйственно-строительной деятельностью и совершением захоронений в древности. В связи с этим довольно значительное количество материала смешано, и судить о культурной принадлежности только на основании контекста обнаружения бывает достаточно сложно [30, с. 10–11]. По данной причине волосовский комплекс рубящих орудий был первоначально выделен на основании технико-типологических критериев, и уже затем дополнительно проверялись сведения о контексте обнаружения отобранных предметов. Были просмотрены коллекции, хранящиеся в фондах Археологического музея Ивановского государственного университета, и для отобранных предметов было произведено полное описание технико-морфологических признаков. Кроме этого, были просмотрены материалы, хранящиеся в Ивановском государственном историко-краеведческом музее, однако у нас не было возможности произвести такое же подробное их описание, поэтому в той части работы, в которой обсуждаются особенности выделенных предметов, они не

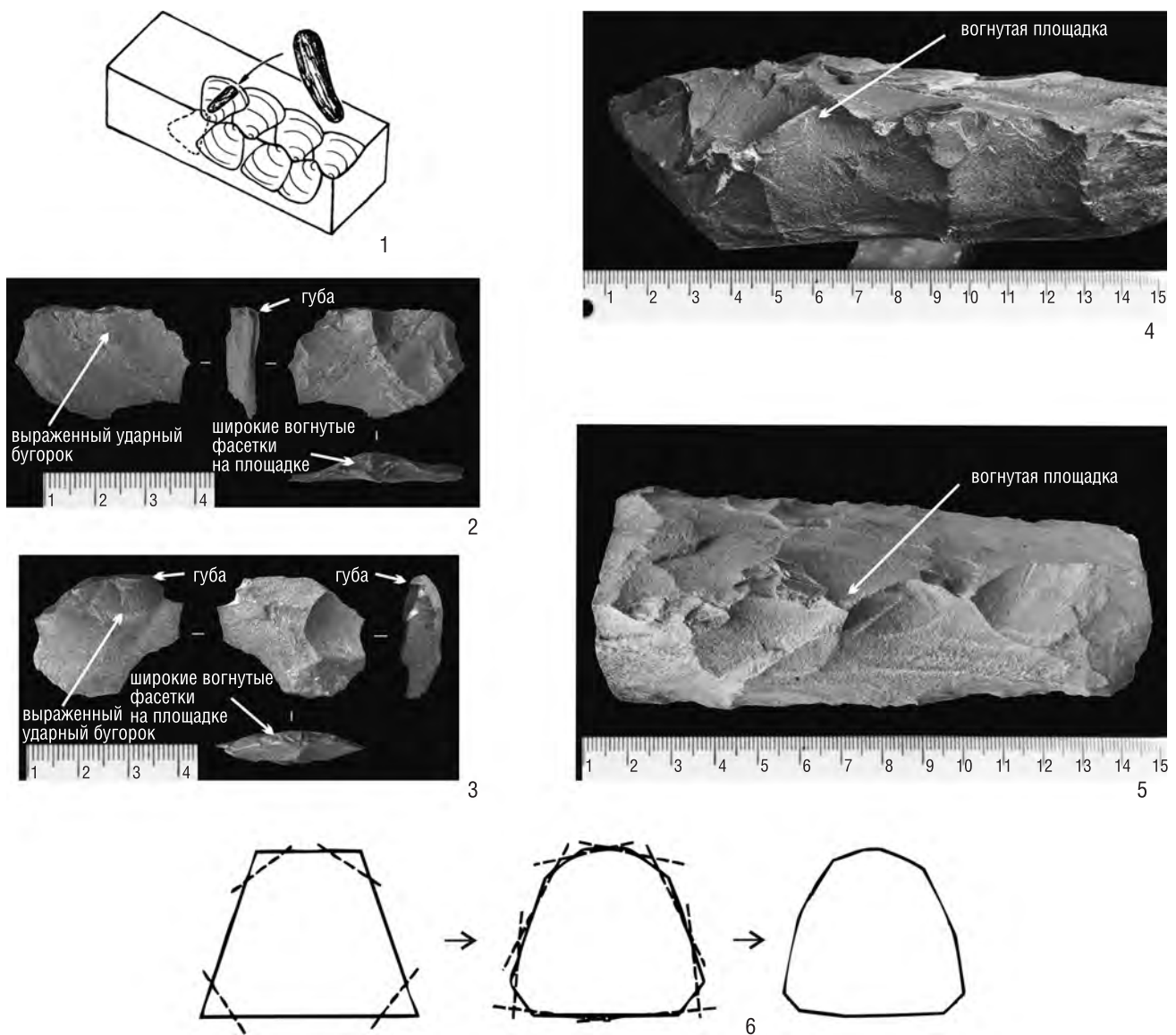

Рис. 2. Технология изготовления орудий русско-карельского типа:

1 – приём использования удара через посредник в технологиях производства четырёхгранных топоров и топоров русско-карельского типа; 2 – экспериментальный отщеп; 3 – отщеп из раскопок стоянки-мастерской Фофаново XIII; 4 – экспериментальная заготовка; 5 – заготовка из раскопок Фофаново XIII; 6 – «многогранная шлифовка». 2–5 – метатупф (рис. А.Ю. Тарасова)

учитываются. Также были просмотрены описи других, недоступных, коллекций и полевые дневники О.С. Гадзяцкой, которые позволили выявить отдельные экземпляры интересующих нас орудий.

После обнаружения чрезвычайно большой технико-типологической близости русско-карельских рубящих орудий и значительной части таких изделий из сахтышских стоянок вещи отбирались по принципу сходства с карельскими материалами. Основанием для такой процедуры является чрезвычайно высокая вероятность того, что единая в своих основных особенностях индустрия синхронна на разных территориях, а поселения с асбестовой керамикой в Карелии и волосовской керамикой в Центральной России на значительном отрезке времени своего существования синхронны. Наряду с изделиями с чертами русско-карельской технологии отмечались смещённые бифасы. В одном случае был выделен предмет, соответствующий четырёхгранной технологии.

Количественный состав отобранной коллекции. Всего, таким образом, нами были отобраны 154 предмета (таблица 1). Большинство из них происходит со стоянки Сахтыш II (75 экз.). Среди них преобладают

готовые орудия – 92 экз. (60 %), 34 экз. (26 %) могут считаться заготовками (рис. 3; 4: 1–2, 4–5). Заготовок существенно меньше, чем завершённых орудий, что вполне ожидаемо для комплекса жилых поселений, в то время как на стоянках-мастерских их должно быть намного больше, чем готовых инструментов. Ещё одна выделенная группа представляет собой заготовки, исходными кусками «сырья» для которых послужили сломанные орудия. Выделены 20 экз. (13 %). Данные вещи из сахтышских стоянок отличаются очень значительным изменением формы и пропорций исходного предмета, в связи с чем они являются, скорее, примерами изготовления новых изделий из кусков сырья, в которые превратились сломанные орудия, а не ремонта этих сломанных орудий (рис. 4: 3).

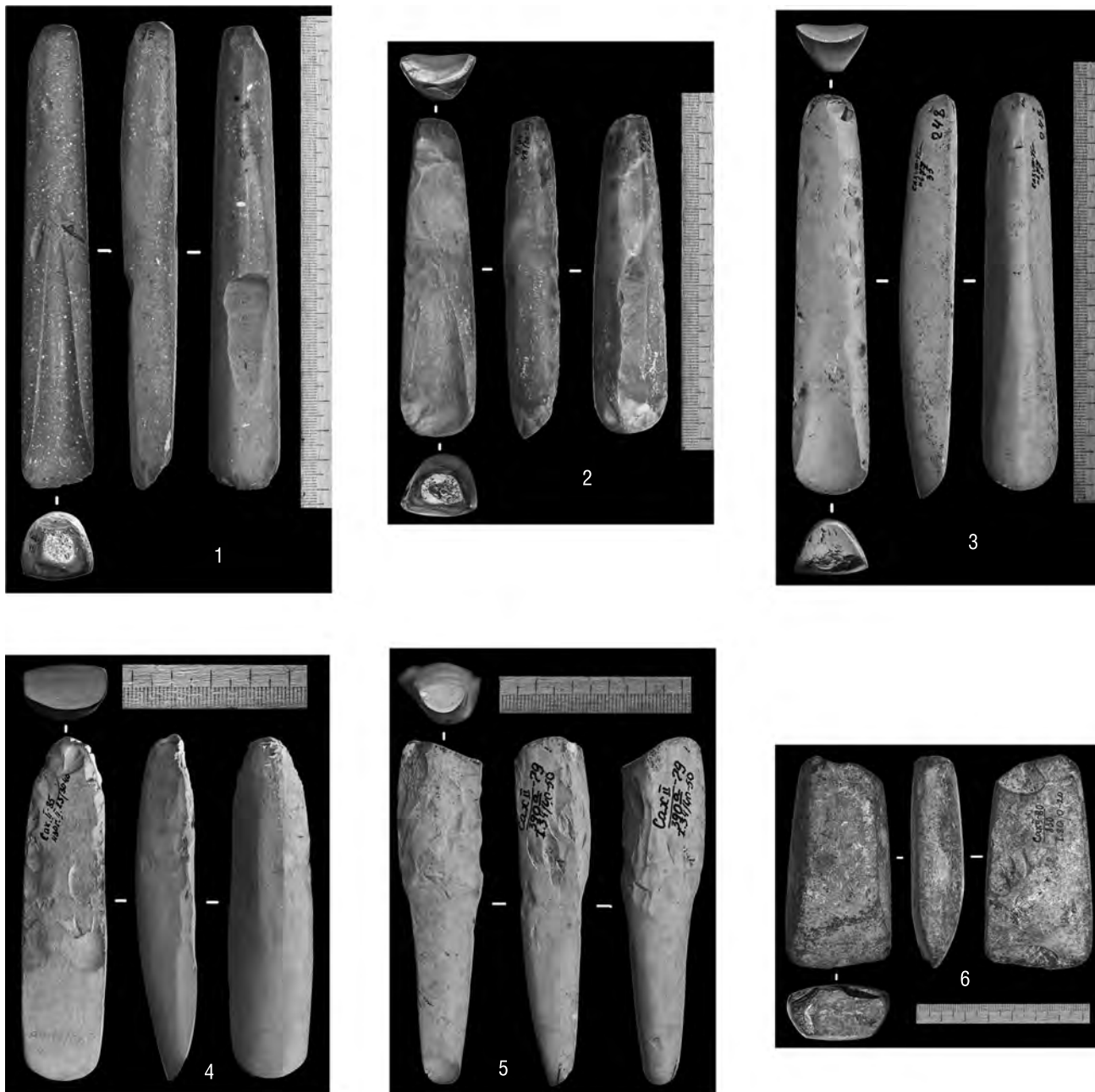

Рис. 3. Орудия из комплексов сахтышских стоянок, изготовленные из местного сырья в соответствии с русско-карельской технико-морфологической моделью: 1 – Сахтыш II, кремь; 2 – Сахтыш II, кремь; 3 – Сахтыш VIII, окремнённый известняк; 4 – Сахтыш II, окремнённый известняк; 5 – Сахтыш II, окремнённый известняк; 6 – Сахтыш II, окремнённый известняк (фото А.Ю. Тарасова)

Таблица 1. Рубящие орудия и заготовки в комплексах сахтышских стоянок, изготовленные в соответствии с русско-карельской технологической моделью из местных материалов

№ п/п	Техно-логическая модель	Орудие/Заготовка из орудия	Вид орудия	Сохранность	Материал	Памятник	Номер по описи и место обнаружения	Контекст
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 64/711, р. III. 3/20–30	Волосовский горизонт к.с. Территория волосовского могильника
2	Рус.-кар.	Заготовка	Крумнейсель-проколка?	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 64/2236, р. II. 1(8)/50–60	Культурный слой
3	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 64/2622, р. I. 44/20–30	Волосовское жилище
4	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремень	Сахтыш I	СахI 64/2709, р. I. 50/20–30	Волосовский горизонт к.с. Рядом с волосовским жилищем
5	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 64/2787, р. I. 40/30–40	Волосовское жилище
6	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 71/958, р. 3-а. 46/40–50	Жилище. Волосовский горизонт
7	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 71/2036, р. 3-а. 40/80–90	Жилище. Волосовский горизонт
8	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	?	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 71/2669, р. 3-а. 9/-140	Жилище. Нижний горизонт
9	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Желобчатое тесло?	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 71/2872, р. 3-б. 9/0–20	Волосовский горизонт к.с. Рядом с могильником и жилищем
10	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 71/2925, р. 3-б. 12/0–20	Волосовский горизонт к.с. Рядом с могильником и жилищем
11	Рус.-кар.	Заготовка	Выпуклое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 71/3063, р. 3-б. 8/30–40	Волосовский горизонт к.с. Рядом с могильником и жилищем
12	Рус.-кар.	Заготовка	?	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 71/3094, р. 3-б. 12/30–40	Волосовский горизонт к.с. Рядом с могильником и жилищем
13	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 72/1257, р. 3. 55, 59/0–20	Жилище. Волосовский горизонт
14	Рус.-кар.	Орудие	Долото	Без обуха	Кремень	Сахтыш I	СахI 72/1930, р. 3. жилище. 56/40–60	Жилище. Волосовский горизонт
15	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 72/2213, р. 3. 63/60–80	Жилище. Волосовский горизонт
16	Смещ. бифас	Орудие	Желобчатое тесло	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 72/3035, р. 3-а. 64/100–120	Жилище. Нижний горизонт
17	Смещ. бифас	Орудие	Желобчатое тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 72/3241, р. 3. 59/120–130	Жилище. Нижний горизонт
18	Смещ. бифас	Орудие	?	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 73/632, р. 4. 2/65–70	Культурный слой

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
19	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 73/827, р. 3-б. 3/30-40	Волосовский горизонт к.с.
20	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 73/903, р. 3-а, сектор Ж. 67/80-90	Жилище. Волосовский горизонт
21	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 73/1259, р. 4. 3/20-30	Волосовский горизонт к.с.
22	Смещ. бифас	Орудие	Желобчатое тесло	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 74/221, прирезка к траншее Ia. 2/20-40	Волосовский горизонт к.с.
23	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 74/255, прирезка к траншее Ia. 3/80-90	Культурный слой
24	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 74/406, р. 3-б. 8/40-50	К.с., рядом с волосовскими жилищем и могильником
25	Рус.-кар.	Орудие	Нуклеус	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш I	СахI 81/2602, р. V. 12/50-60	Культурный слой
26	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 62/158	Неизвестен
27	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 63/2252. 25/20-40	Волосовский горизонт к.с.
28	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло?	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 64. 38/30-40	Ритуальная площадка волосовского могильника.
29	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 64. 39/20-30	Ритуальная площадка волосовского могильника
30	4-гранная?	Заготовка	?	Обух	Кремень	Сахтыш II	СахII 64. 46/30-40	Ритуальная площадка волосовского могильника
31	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 64. 48/20-30	Ритуальная площадка волосовского могильника
32	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремень	Сахтыш II	СахII 64. 48/20-30-2	Ритуальная площадка волосовского могильника
33	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремень	Сахтыш II	СахII 64. 48/20-30-1	Ритуальная площадка волосовского могильника
34	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремень	Сахтыш II	СахII 64. 48/20-30	Ритуальная площадка волосовского могильника
35	Рус.-кар.	Орудие	?	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 64. 66/20-30	Ритуальная площадка волосовского могильника
36	Рус.-кар.	Орудие	?	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 66/2369	Неизвестен
37	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 78/67, р. I. 13/0-20	Волосовский горизонт к.с.
38	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 78/121, р. I. 5/20-30	Волосовский горизонт к.с.

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
39	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 78/410, р. I. 1/50–60	Культурный слой
40	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло-крум- мейсель	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 79/48, р. I. 36/0–20.	Волосовское жилище
41	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Желобчатое тесло	Средняя часть	Кремень	Сахтыш II	СахII 79/118, р. I. 26/20–30	Площадка у волосовского «святылища»
42	Смещ. бифас	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 79/244, р. I. 35/30–40	Культурный слой
43	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Желобчатое тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 79/302, р. I. 23/40–50	Культурный слой
44	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 79/326а, р. I. 26/40–50	Площадка у волосовского «святылища»
45	Смещ. бифас	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремень	Сахтыш II	СахII 79/351, р. I. 26/40–50	Площадка у волосовского «святылища»
46	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 79/390а, р. I. 34/40–50	Культурный слой
47	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремень	Сахтыш II	СахII 79/785, р. I. 28/60–70	Площадка у волосовского «святылища»
48	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 79/1324	Случайная находка
49	Рус.-кар.	Орудие	Тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 80/830, р. I. 80/0–20	Волосовский горизонт к.с.
50	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 80/979, р. I. 67/30–40	Волосовское жилище
51	Смещ. бифас	Орудие	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 80/1609, р. I. 57/40–50	Культурный слой
52	Рус.-кар.	Заготовка	Долого	Целая	Кремень	Сахтыш II	СахII 81/108, р. I. 103/30–40	Культурный слой
53	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 81/239, р. I. 110/20–30	Волосовское жилище
54	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 81/338, р. I. 111/0–20	Волосовский горизонт к.с.
55	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремень	Сахтыш II	СахII 81/932, р. I. 110/50–60	Волосовское жилище
56	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 81/939, р. I. 111/0–20	Волосовское жилище
57	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремень	Сахтыш II	СахII 81/941, р. I. 111/0–20	Волосовское жилище
58	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	СахII 81/958, р. I. 114/0–20	Волосовский горизонт к.с.

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
59	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 81/1130, р. I. 100/60–70	Культурный слой
60	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 81/1387, р. I. 109/70–80	Культурный слой
61	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 82/423. 125/70–80	Культурный слой
62	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 82/514. 120/0–20	Волосовский горизонт к.с.
63	Смещ. бифас	Орудие	?	Обух	Кремень	Сахтыш II	Сах II 84/60, р. II. 7/0–20	Ритуальная площадка волосовского могильника
64	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 84/606, р. I. 138/70–80	Культурный слой
65	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/13, р. II. 32/40–50	Культурный слой
66	Рус.-кар.	Орудие	Долого	Целое	Кремень	Сахтыш II	Сах II 85/115, р. II. 18/20–30	Волосовский горизонт к.с.
67	Рус.-кар.	Орудие	?	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/147, р. II. 31/20–30	Волосовский горизонт к.с.
68	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремень	Сахтыш II	Сах II 85/180, р. II. 15/30–40	Ритуальная площадка волосовского могильника
69	Рус.-кар.	Орудие	?	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/275–276, р. II. 32/30–40	Волосовский горизонт к.с.
70	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/288, р. II. 33/30–40	Культурный слой
71	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/391, р. II. 31/40–50	Культурный слой
72	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремень	Сахтыш II	Сах II 85/414, р. II. 29/40–50	Культурный слой
73	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/430, р. II. 20/60–70	Культурный слой
74	Рус.-кар.	Орудие	Выпуклое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/430 г, р. II. 23/30–40	Волосовский горизонт к.с.
75	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремень	Сахтыш II	Сах II 85/494, р. I. 146/20–30	Волосовский горизонт к.с.
76	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/499, р. I. 147/20–30	Волосовский горизонт к.с.
77	Смещ. бифас	Орудие	?	Обух	Кремень	Сахтыш II	Сах II 85/549, р. I. 144/20–30	Волосовский горизонт к.с.
78	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Желобчатое тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/592, р. I. 154/20–30	Волосовский горизонт к.с.
79	Смещ. бифас	Орудие	Тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 85/630, р. I. 153/30–40	Волосовский горизонт к.с.

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
80	Рус.-кар.	Орудие	Нож?	Средняя часть	Кремень	Сахтыш II	Сах II 86/29, р. II. 41/0–20	Волосовский горизонт к.с.
81	Рус.-кар.	Заготовка	?	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 86/152, р. II. 41/20–30	Волосовский горизонт к.с.
82	Рус.-кар.	Заготовка	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 86/330, р. I. 43/40–50	Культурный слой
83	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 86/336, р. II. 46/40–50	Культурный слой
84	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 86/629, р. I. 166/20–30	Волосовский горизонт к.с.
85	Рус.-кар.	Орудие	Долото	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 86/770, р. I. 162/30–40	Волосовский горизонт к.с.
86	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 86/6/н, р. I. 156/90–100	К.с. Прибрежная зона
87	Смещ. бифас	Заготовка	?	Обух	Кремень	Сахтыш II	Сах II 87/146, р. I. 187/20–30	Волосовский горизонт к.с.
88	Рус.-кар.	Орудие	Тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 87/206, р. I. 188/20–30	Волосовский горизонт к.с.
89	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Топор	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 87/277, р. I. 183/30–40	Волосовский горизонт к.с.
90	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	?	Без лезвия	Кремень	Сахтыш II	Сах II 87/322, р. I. 188/30–40	Волосовский горизонт к.с.
91	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 87/487, р. I. 187/40–50	Волосовский горизонт к.с.
92	Рус.-кар.	Заготовка	Долото	Целая	Кремень	Сахтыш II	Сах II 87/626, р. I. 187/50–60	Культурный слой
93	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 87/1051, р. I. 179/80–90	Культурный слой
94	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремень	Сахтыш II	Сах II 87/1270, р. I. 178/90–100	Культурный слой
95	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 87/1272, р. I. 178/90–100	К.с. Прибрежная зона
96	Смещ. бифас	Орудие	Тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 87/1293, р. I. 179/90–100	К.с. Прибрежная зона
97	Рус.-кар.	Заготовка	Тесло	Целая	Кремень	Сахтыш II	Сах II 87/1394, р. I. 187/90–100	К.с. Прибрежная зона
98	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Желобчатое тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 87/1475, р. I. 178/100–110	К.с. Прибрежная зона
99	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Тесло	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 87/1539, р. I. 182/100–110	К.с. Прибрежная зона
100	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	?	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш II	Сах II 87/1592, р. I. 186/100–110	К.с. Прибрежная зона

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
101	Рус.-кар.	Орудие	Выпуклое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 87/361. 8/10-20	Волосовский горизонт к.с.
102	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 88/67. 44/20-30	Волосовский горизонт к.с.
103	Рус.-кар.	Орудие	?	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 88/592. 43/20-30	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
104	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 88/693. 50/20-30	Волосовский горизонт к.с. на окраине могильника
105	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 88/1066. 44/40-50	Культурный слой
106	Рус.-кар.	Орудие	?	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89. 55/50-60	К.с. в межмогильном пространстве
107	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89. 82/40-50	К.с. на территории могильника
108	Рус.-кар.	Орудие	Выпуклое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89. 83/40-50	К.с. на территории могильника
109	Рус.-кар.	Орудие	?	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89. 84/50-60	К.с. в межмогильном пространстве
110	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89. 89/30-40	К.с. на территории волосовского могильника
111	Рус.-кар.	Орудие	Выпуклое тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89/410. 80/20-30	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
112	Рус.-кар.	Заготовка	?	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89/425. 83/20-30	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
113	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89/467. 96/0-20	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
114	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89/468. 96/0-20	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
115	Рус.-кар.	Заготовка	?	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89/490. 90/20-30	Волосовский горизонт к.с.
116	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремень	Сахтыш Па	СахПа 89/498. 96/0-20	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
117	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 89/543. 95/20-30	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
118	Смещ. бифас	Орудие	Выпуклое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 90/347. 102/20-30	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
119	Рус.-кар.	Заготовка	?	Целая	Кремень	Сахтыш Па	СахПа 90/710. 107/30-40	К.с. на территории могильника
120	Рус.-кар.	Заготовка	?	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 90/836. 117/30-40	К.с. близ «святылища»-1

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
121	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 90/967. 108/30-40	К.с. на территории могильника
122	Рус.-кар.	Заготовка	?	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 90/1247. 117/40-50	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
123	Рус.-кар.	Заготовка	?	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 90/1248. 117/40-50	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
124	Рус.-кар.	Орудие	?	Обломок	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 91/413. 128/20-30	Волосовский горизонт к.с. на территории волосовского могильника, в районе «святылища»-1
125	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 91/755. 154/20-30	Волосовский горизонт к.с.
126	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 91/818. 125/30-40	Волосовский горизонт к.с. на территории волосовского могильника, в районе «святылища»-1
127	Рус.-кар.	Заготовка	?	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 91/819. 125/30-40	Волосовский горизонт к.с. на территории волосовского могильника, в районе «святылища»-1
128	Рус.-кар.	Заготовка	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 91/830. 126/30-40	Волосовский горизонт к.с. в районе «святылища»-1
129	Рус.-кар.	Заготовка	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 91/913. 131/30-40	Волосовский горизонт к.с. на окраине волосовского могильника
130	Рус.-кар.	Заготовка	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 91/923. 132/30-40	Волосовский горизонт к.с. на территории волосовского могильника, в районе «святылища»-1
131	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 91/1023. 136/30-40	Волосовский горизонт к.с. на окраине волосовского могильника
132	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 92/45. 163/0-10	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
133	Рус.-кар.	Орудие	?	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 92/156. 159/15-20	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
134	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 92/217. 158/20-25	Волосовский горизонт к.с. на территории могильника
135	Рус.-кар.	Заготовка	Желобчатое тесло	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 92/262. 164/20-25	Волосовский горизонт к.с. близ «святылища»-2

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
136	Рус.-кар.	Орудие	?	Обломок	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 93/208. 177/15–20	Волосовский горизонт к.с. на территории волосовского могильника, в межмогильном пространстве
137	Рус.-кар.	Заготовка	?	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 93/562. 178/25–30	Волосовский горизонт к.с. на территории волосовского могильника
138	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш Па	СахПа 93/707. 168/15–20	Волосовский горизонт к.с. на территории волосовского могильника
139	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 73/131. 9/20–30	Волосовский горизонт к.с.
140	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Без лезвия	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 74/1610. 33/-30	Волосовское жилище
141	Рус.-кар.	Орудие	Выпуклое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 74/2960. 26/-40	Культурный слой
142	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 74/2385. 4/20–30	Волосовский горизонт к.с.
143	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 75/46. 61/30–40	Волосовское жилище (№ 3)
144	Смещ. бифас	Орудие	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 75/51. 61/30–40	Волосовское жилище (№ 3)
145	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Без обуха	Кремень	Сахтыш VIII	СахVIII 75/123. 73/-20	Волосовский горизонт к.с.
146	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 75/217. 85/-25	Волосовский горизонт к.с.
147	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 75/248. 77/-35	Культурный слой
148	Рус.-кар.	Заготовка из орудия	Желобчатое тесло?	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 75/257. 84/-40	Культурный слой
149	Рус.-кар.	Заготовка	?	Целая	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 75/317. 97/30–40	Культурный слой
150	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Целое	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 75/139. 76/0–20	Волосовский горизонт к.с.
151	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 77/166, р. II. 173/20–30	Волосовский горизонт к.с.
152	Рус.-кар.	Орудие	Желобчатое тесло	Лезвие	Кремень	Сахтыш VIII	СахVIII 77/549, р. II. 175/0–20	Волосовский горизонт к.с.
153	Рус.-кар.	Орудие	?	Обух	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 78/113, р. II. 194/0–20	Волосовский горизонт к.с.
154	Смещ. бифас	Заготовка из орудия	Желобчатое тесло	Средняя часть	Кремнистый известняк	Сахтыш VIII	СахVIII 78/203, р. II. 196/20–30	Волосовский горизонт к.с.

Рус.-кар. – русско-карельская; Смещ. – смещённый; К.с. (к.с.) – культурный слой; СахI 64/2787, р. I. 40/30–40 – Сахтыш I. 1964 г. Раскоп I. Квадрат 40. Глубина 30–40 см.

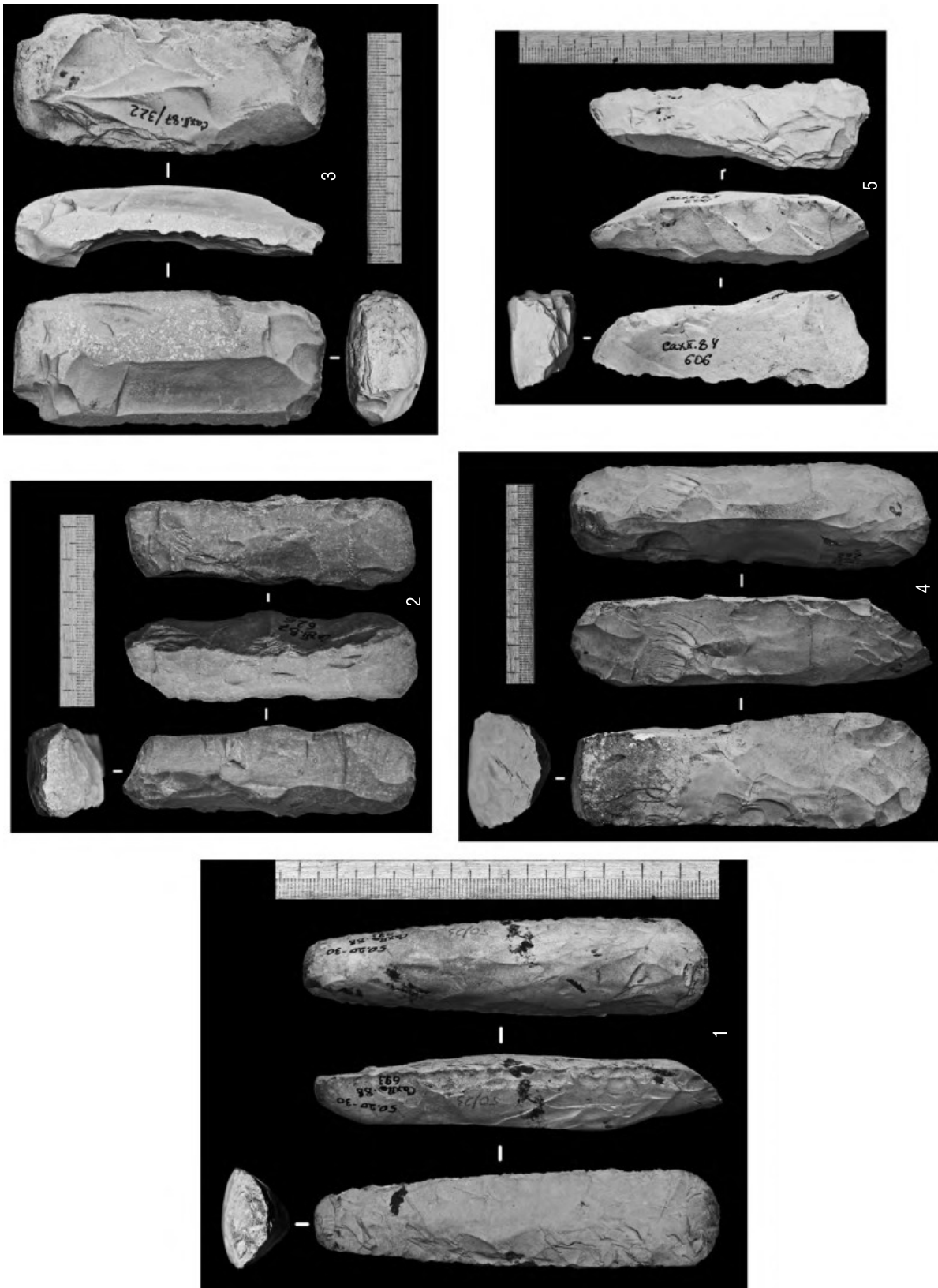

Рис. 4. Заготовки (1–2, 4–5) и заготовка из орудия (3) из комплексов сахтышских стоянок, подготовленные из местного сырья в соответствии с русско-карельской технико-морфологической моделью: 1 – Сахтыш Па, окремнённый известняк; 2 – Сахтыш П, кремнь; 3 – Сахтыш П, кремнь; 4 – Сахтыш Па, окремнённый известняк; 5 – Сахтыш П, окремнённый известняк (фото А.Ю. Тарасова)

Помимо таких вторичных заготовок, отмечены ещё два случая вторичного употребления сломанных рубящих орудий. В одном случае обломок был превращён в нуклеус для получения отщепов. У ещё одного узкого обломка тонкий длинный край был заточен шлифовкой, вероятно с целью использования в качестве ножа. В коллекции встречались сколы со шлифованных орудий, однако в связи с тем, что анализ сколов не проводился, статистика по находкам такого рода не подготовлена.

Орудия. Подробное описание технико-морфологических признаков сделано для 87 орудий. Из них только одна четверть (21 экз.) являются целыми, остальные в той или иной степени фрагментированы (табл. 1–2). Среди изделий, для которых возможно определение вида, абсолютное большинство является желобчатыми тёслами (43 экз.) (рис. 4: 1–3). Заметно количество «выпуклых тёсел» (7 экз.), у которых лезвие сформировано так же, как и у желобчатых, с помощью скоса с более широкого брюшка к более узкой спинке (а не наоборот, как у тёсел, долот и топоров), но при этом не вышлифован продольный жёлоб (рис. 4: 4). О том, что это всё-таки готовые инструменты, свидетельствуют макроследы износа на лезвии. Представлены также обычные прямые тёсла (рис. 4: 6) и долота (рис. 4: 5), однако можно констатировать, что базовой функциональной формой, востребованной обитателями сахтышских стоянок, являлись желобчатые изделия.

Варианты сочетания формы изделия в плане и в сечении показаны в таблице 3. Наиболее распространённым сечением является полуовальное, что объясняется преобладанием желобчатых тёсел, для которых и на синхронных поселениях в Карелии нередко характерна такая форма. Вторым по частоте встречаемости является трапецевидное сечение и третьим – трапецевидное со скруглённой спинкой. По сути дела, это одна и та же базовая форма сечения, просто в последнем случае спинка является не плоской, а заметно выпуклой. Такой вариант не обращал на себя внимание при анализе карельских макроорудий энеолита, однако среди сахтышских материалов он весьма заметен и может считаться одной из местных особенностей. Вместе оба этих варианта сечения представлены так же часто, как и полуовальное. Заметно количество изделий со смещённо-линзовидным сечением – «смещённых» бифасов, однако варианты, характерные для предметов, изготовленных по русско-карельской технологии (трапецевидный, полуовальный, треугольный), вместе абсолютно преобладают.

Среди вариантов формы в плане основной является трапецевидная. Эта форма одинаково часто сочетается с полуовальным и трапецевидным сечением, однако если учитывать трапецевидное и трапецевидное со скруглённой спинкой сечения вместе, то именно их сочетание с трапецевидной формой в плане становится наиболее частым. Асимметричные варианты формы единичны.

Таким образом, для выделенных орудий из сахтышских стоянок, имеющих типологическое сходство с энеолитическими макроорудиями Карелии, характерна высокая степень морфологической стандартизации. Подобная стандартизация была отмечена и для энеолитической карельской индустрии [13].

Практически все изделия, у которых можно оценить размеры зашлифованной поверхности (всего 63 экз.), покрыты шлифовкой практически по всей площади, около 4/5 поверхности – 49 экз. Ещё 17 предметов зашлифованы на 3/4 площади. У абсолютного большинства шлифовка очень тонкая, достигшая степени полировки (отмечена у 63 предметов, в том числе у 59 – по всей поверхности). Также у абсолютного большинства (66 экз.) отмечено наличие многогранной шлифовки – следов использования многогранного шлифования в виде множества узких продольных граней, соединённых под очень тупым углом. По качеству абразивной обработки и частому присутствию многогранной шлифовки выделенные рубящие орудия сахтышских стоянок полностью соответствуют энеолитическим рубящим с территории Карелии.

Заготовки. Среди 34 выделенных заготовок (рис. 4: 1–2, 4–5) всего 9 являются фрагментированными. Все они были обработаны с помощью расщепления, без использования абразивных техник для создания формы. Большинство из них (32 экз.) признаны принадлежащими к русско-карельской технологии. Вывод сделан, в первую очередь, на основании наличия у них трёх или четырёх граней, соединённых между собой под острыми (у предметов треугольного сечения) либо под острыми и тупыми (у вещей с сечением в виде трапеции или параллелограмма) углами. В одном случае предмет (обломок обуха) признан смещённым бифасом. Ещё один обломок обуха соответствует технологии четырёхгранных топоров. У него имеются четыре грани, соединённые под углом, близким к 90°, покрытые характерными негативами сколов, снятых с использованием удара через посредник. Это единственный предмет такого рода в материалах всех сахтышских стоянок. Поскольку представленная на этих стоянках русско-карельская технология также предполагала использование данной техники и соответствующего ей приёма обработки, вероятнее всего, это случайное отклонение от наиболее распространённого технико-морфологического стандарта.

Большинство заготовок (3/4) может быть отнесено к поздним стадиям обработки, то есть к третьей и четвёртой (стадии абразивной обработки). Абсолютное преобладание заготовок завершающих стадий среди заготовок из поселенческих комплексов характерно и для карельских поселений с асбестовой керамикой [14; 15].

Заготовки из орудий. Данные предметы, помимо свойственной заготовкам незавершённости формы, отличаются наличием участков со шлифовкой, сделанной до того, как обломок сломанного орудия подвергся переоформлению. Об этом можно судить на основании того, что негативы сколов имеют очень резкую границу со шлифованной зоной и шлифовка никак не сглаживает эти негативы, т.е. сколы были сделаны уже со шлифованной поверхности (рис. 4: 3).

Таблица 2. Количество рубящих орудий и заготовок, изготовленных в соответствии с русско-карельской технологической моделью из местных материалов, обнаруженных в разных контекстах, представленных на сахтышских стоянках

Наименование	Вид орудия	Сохранность	Сахтыш I													
			Волосовский культурный горизонт					Вне волосовского культурного горизонта								
			Вне объектов	Волосовское жилище, вблизи жилища, волосовский горизонт в жилище	В пределах могила гильника	Вблизи могильника и жилища	Площадка у «святылища»	Всего	Вне объектов	Жилище	Вблизи волосовского жилища и могильника	Случайная находка	Всего			
Рубящие орудия	Желобчатое тесло	Целое	1								1				0	1
	Долото	Фр-т	1			1					3	1	2		3	6
	Неопред.	Фр-т	1								1				0	1
	Всего		3	6	0	1	0	0	0	0	10	2	2	0	4	14
Заготовки рубящих орудий	Желобчатое тесло	Целое	1								1				1	2
	Неопред.	Целое				1				1					0	1
	Выпуклое тесло	Целое				1				1					0	1
	Проколка-желобчатое тесло	Целое								0	1				1	1
Заготовки из орудий	Всего		0	1	0	2	0	0	0	3	1	0	0	0	2	5
	Желобчатое тесло	Фр-т			1	1				2					0	2
	Неопред.	Фр-т		2						2		1			1	3
	Всего		0	2	1	1	0	0	0	4	0	1	0	0	1	5
Вторичное использование	Нуклеус											1			1	1
	Всего		0	0	0	0	0	0	0	0	0	1			1	1
Всего		3	9	1	4	0	0	0	0	17	4	3	0	0	8	25

Неопред. – неопределённый; Фр-т – фрагмент.

Таблица 2 (продолжение)

Наименование	Вид орудия	Сохранность	Сахтыгы II										Всего	Всего	Всего	
			Волосовский культурный горизонт					Вне волосовского культурного горизонта								
			Вне объектов	Волосовские жилище	В пределах могила	Ритуальная площадка могила	Площадка у «святылища»	Всего	Вне объектов	Жилище	На территории могила, в том числе в междоуличном пространстве	Случайная находка				Всего
Рубящие орудия	Тесло	Целое	1								1	0			0	1
		Фр-г	2								2	1			1	3
	Желобчатое тесло	Целое	1			2		2			5				0	5
		Фр-г	3	3							6	5			5	11
	Выпуклое тесло	Целое	1								1				0	1
	Долото	Целое	1								1				0	1
	Фр-г	1								1				0	1	
Неопред.	Фр-г	6	1			4		1		12	7				7	19
	Всего	16	4	0	0	6	3	3	29	13	0	0	0	0	13	42
	Тесло	Целое								0	1				1	1
	Желобчатое тесло	Целое	3			2				5	5		1		6	11
		Фр-г		1			1			2					0	2
	Долото	Целое								0	1				1	1
Неопред.	Фр-г	2				1				3	1				1	4
	Желобчатое тесло - кривое	Целое	1							1					0	1
	Всего	5	2	0	0	4	0	0	11	8	0	0	1	9	20	
	Тесло	Фр-г								0	3				3	3
	Желобчатое тесло	Фр-г	1				1			2	3				3	5
	Долото	Целое								0	1				1	1
Неопред.	Фр-г	1								1	2				2	3
	Всего	2	0	0	0	0	1	1	3	9	0	0	0	9	12	
	Нож?		1							1					0	1
	Всего	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
	Всего	24	6	0	0	10	4	44	30	0	0	0	1	31	75	

Наименование	Вид орудия	Сохранность	Сахтыш Па										Всего				
			Волосовский культурный горизонт					Вне волосовского культурного горизонта									
			Вне объектов	Волосовское жилище	В пределах могильника	Ритуальная площадка могильника	Площадка у «святылища»	Всего	Вне объектов	Жилище	На территории могильника, в том числе в междугородном прострстве	Случайная находка		Всего			
Рубящие орудия	Желобчатое тесло	Целое	2								2					1	3
		Фр-т			5						5	1				4	9
	Выпуклое тесло	Целое	1		1						2					1	3
		Фр-т	1								1					0	1
	Неопред.	Фр-т	1		2			2			5					2	7
Заготовки рубящих орудий	Всего		5	0	8	0		2	2	15	2	1	0	7	0	8	23
	Желобчатое тесло	Целое			1			1		2						0	2
		Целое	1		3			1		5						1	6
		Фр-т			3			3		6						0	6
	Всего		1	0	7	0		5	5	13	0	0	1	1	0	1	14
Заготовки из орудий	Тесло	Целое			1					1						0	1
	Всего		0	0	1	0		0	0	1	1	0	0	0	0	0	1
	Всего		6	0	16	0		7	29	1	0	1	0	8	0	9	38

Неопред. – неопределённый; Фр-т – фрагмент.

Таблица 2 (окончание)

Наименование	Вид орудия	Сохранность	Сахтыш VIII										Всего	Всего в таблице	
			Волосовский культурный горизонт					Вне волосовского культурного горизонта							
			Вне объектов	Волосовское жилище	В пределах могильника	Ритуальная площадка могильника	Площадка у «святылища»	Всего	Вне объектов	Жилище	На территории могильника, в том числе в междомогильном пространстве	Случайная находка			Всего
Рубящие орудия	Желобчатое тесло	Целое	3	1						4	1			1	5
		Фр-т	3	2						5				0	5
	Выпуклое тесло	Целое	1							1	1			1	2
Заготовки	Неопред.	Фр-т	1							1				0	1
	Всего		8	3	0	0	0	0	0	11	2	0	0	2	13
	Неопред.	Целое								0	1			1	1
Заготовки из орудий	Всего		0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	1
	Желобчатое тесло	Целое								0	1			1	1
		Фр-т	1							1				0	1
Всего	Всего		1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	1	2
			9	3	0	0	0	0	0	12	4	0	0	4	16

Неопред. – неопределённый; Фр-т – фрагмент.

Таблица 3. Орудия русско-карельского типа и контекст их обнаружения в комплексах сахтышских стоянок

Группа	Наименование	Сохранность	Памятник	Номер по описи и место обнаружения	Контекст
Орудия русско-карельского типа	Желобчатое тесло	Лезвийная часть	Сахтыш I	СахI 70/1403, р. I. 20/140	Выделено по описи, культурный слой
	?	Средняя часть	Сахтыш I	СахI 71/2750, р. 3-а. 14/150-160	Жилище
	Тесло	Целое	Сахтыш II	СахII б/н	Выделено по дневнику О.С. Гадзяцкой, контекст не установлен
	Тесло	Целое	Сахтыш II	СахII 64/б/н	Выделено по дневнику О.С. Гадзяцкой, случайная находка
	Желобчатое тесло - крουμεйсель	Лезвийная часть	Сахтыш II	СахII 64. 37/20-30	Ритуальная площадка волососовского могильника
	Тесло	Средняя часть	Сахтыш II	СахII 64. 38/20-30	Ритуальная площадка волососовского могильника
	Желобчатое тесло	Целое	Сахтыш II	СахII 78/103. 1/20-30	Волосовский горизонт к.с.
	Тесло	Целое	Сахтыш II	СахII 78/107. 1/20-30	Волосовский горизонт к.с.
	Желобчатое тесло	Целое	Сахтыш II	СахII 84/856, р. II. 12/50-60	Выделено по описи, ритуальная площадка волососовского могильника
	Желобчатое тесло	Целое	Сахтыш II	СахII 85, р. II. 17/«клад» 8	Ритуальная площадка волососовского могильника
	Тесло	Лезвийная часть	Сахтыш II	СахII 87/188. 187/20-30	Волосовский горизонт к.с.
	Тесло	Лезвийная часть	Сахтыш II	СахII 01/49. 4/слои I	Волосовский горизонт к.с.
	?	Без лезвия	Сахтыш IIa	СахIIa 89. 80/30-40	Культурный слой
	Тесло	Без обуха	Сахтыш IIa	СахIIa 90/91. 104/0-20	Выделено по описи, волососовский горизонт к.с.
	?	Обушная часть	Сахтыш VIII	СахVIII 65/2122. 30/40	Выделено по описи, волососовское жилище (№ 1)
	?	Обушная часть	Сахтыш VIII	СахVIII 73/149. 12/20-30	Волосовский горизонт к.с.
	Желобчатое тесло	Целое	Сахтыш VIII	СахVIII 74/2998. 52/0-20	Волосовский горизонт к.с.
	?	Обушная часть	Сахтыш VIII	СахVIII 75/20. 49/30-40	Культурный слой
	Желобчатое тесло	Целое	Сахтыш VIII	СахVIII 75/227. 62/30-40	Волосовское жилище (№ 3)
	Тесло	Целое	Сахтыш VIII	СахVIII 75/240. 72/30-40	Культурный слой
Тесло	Целое	Сахтыш VIII	СахVIII 76/94, р. 3. 150/50-60	Волосовское жилище (№ 4)	
Тесло	Без обуха	Сахтыш VIII	СахVIII 77/580. 144a/0-30	Волосовское жилище (№ 4)	
Желобчатое тесло	Целое	Сахтыш VIII	СахVIII 77/678	Случайная находка	
Топор?	Средняя часть	Сахтыш I	СахI 62/1226, р. I. 8/слой 2	Выделен по описи, волососовский горизонт к.с. Рядом с волососовским жилищем	
Заготовка	Целая	Сахтыш I	СахI 71/2926, р. 3-б. 12/0-20	Выделена по описи, волососовский горизонт к.с. Рядом с волососовским могильником	
Топор?	Целый	Сахтыш II	СахII 63/б/н. 25/-25	Выделен по дневнику О.С. Гадзяцкой. Рядом с поздневолосовскими захоронениями и ритуальной площадкой	
Тесло	Целое	Сахтыш II	СахII 63/б/н. 25/-25	Выделено по дневнику О.С. Гадзяцкой. Рядом с поздневолосовскими захоронениями и ритуальной площадкой	
Тесло	Целое	Сахтыш II	СахII 84/62, р. I. 140a/0-20	Выделено по описи. Волосовский горизонт к.с.	
Топор?	Целый	Сахтыш II	СахII 84/962, р. II. 8/40-50	Выделен по описи, ритуальная площадка волососовского могильника	
Заготовка	Целая	Сахтыш VIII	СахVIII 75/199. 88/0-20	Волосовский горизонт к.с.	

к.с. – культурного слоя; б/н – без номера; СахI 71/2750, р. 3-а. 14/150-160 – Сахтыш I, 1971 г., № 2750. Раскоп 3-а. Квадрат 14. Глубина 150–160 см.

Карельский импорт среди материалов сахтышских стоянок

Под карельским импортом в данном случае понимаются только рубящие орудия из карельского метатуфа. В ходе непосредственного осмотра сахтышских коллекций были определены 17 несомненных изделий русско-карельского типа, изготовленных из материала, который визуально соответствует метатуфу серо-зелёного цвета с территории Карелии (рис. 5). Ещё 5 предметов были определены при просмотре коллекционных описей и дневниковых записей для тех частей коллекций, которые не находятся на хранении в Археологическом музее Ивановского государственного университета. Описи содержат рисунки и описания изделий (табл. 3). По всем отмеченным признакам эти предметы также соответствуют русско-карельскому типу, однако сохраняется вероятность ошибочного определения.

Помимо несомненных вещей, отмечены 4 предмета, которые напоминают изделия данного типа, однако имеют некоторые существенные отклонения от их характеристик. Среди них две заготовки, а также 2 вещи, отмеченные по описи, окончательное решение относительно которых невозможно принять без непосредственного ознакомления с ними.

Орудия, которые можно без сомнения отнести к русско-карельскому типу, присутствуют в коллекциях из раскопок стоянок Сахтыш I 1962, 1970, 1971 гг. (5 экз.), Сахтыш II 1964, 1978, 1985, 1987 и 2001 гг. (8 экз.), Сахтыш ПА 1989 и 1991 гг. (2 экз.), и Сахтыш VIII 1965, 1973–1977 гг. (9 экз.).

В данной группе 9 целых предметов и 14 фрагментированных. Среди изделий, для которых возможно определение вида, сериями представлены только тёсла и желобчатые тёсла. Имеется один топор (но только обломок средней части, в связи с чем определение может быть ошибочным), а также один обломок лезвийной части желобчатого тесла, переоформленный в круммеисель. Желобчатых тёсел и прямых тёсел примерно одинаковое количество, что заметно отличает коллекцию карельского импорта от местных изделий, изготовленных по сходной технологии, среди которых абсолютно преобладают желобчатые тёсла.

Признаки ремонта (сколов по шлифовке) фиксируются у 7 предметов, в основном у фрагментированных, но также и у одного целого, т.е. ремонт был завершён и после ремонта использование орудия было продолжено. У одного тесла с отломанной обушной частью на плоскости разлома имеется сильное заложение, западающее в понижение поверхности, свидетельствующее о том, что после разлома это орудие снова использовалось. Один небольшой предмет представляет собой обломок лезвийной части желобчатого тесла, из которого был сделан круммеисель. Ещё одно тесло, представленное обломком средней части, вторично использовалось как скребок (?) – у него грубой крутой ударной ретушью сформировано лезвие, на котором, а также по всей поверхности, заметно сильное заложение, кромка сточена. Всего у 12 предметов, в том числе почти у всех целых, отмечены макропризнаки износа на лезвии и обухе орудий (мелкие сколы с лезвия, царапины, заложение и сточенность кромки). Таким образом, русско-карельские орудия из метатуфа использовались на сахтышских стоянках как рабочие инструменты.

Две заготовки, уже упомянутые выше, могут быть в принципе интерпретированы как заготовки русско-карельских изделий первой стадии, сделанные из валунов, материал которых визуально напоминает карельский. Изготовители начали действовать в рамках модели, характерной для этого типа, т.е. оформлять три широкие грани (брюшко и две боковые) преимущественно с помощью сколов с брюшка на боковые поверхности, оставляя при этом более узкую спинку нетронутой. Обработка велась жёстким отбойником. Поскольку наиболее характерные признаки использования технологии, характерной для русско-карельских орудий, отсутствуют (они проявляются на более поздних стадиях), у нас нет оснований утверждать, что описанные заготовки действительно имеют какое-либо отношение к данной традиции.

В целом все представленные здесь данные свидетельствуют о том, что рассмотренная серия орудий была импортирована с территории Карелии. На сахтышских стоянках отсутствует соответствующий технологический контекст, связанный с изготовлением орудий, представлен только контекст их использования.

Анализ стратиграфического и планиграфического положения выделенных вещей в комплексах сахтышских стоянок

Сахтыш II

Стоянка Сахтыш II исследовалась в течение 13 лет Д.А. Крайновым (1962–1964, 1966, 1978–1982, 1984–1987 гг.), в том числе совместно с О.С. Гадзяцкой (1962–1964, 1966 гг.) и Е.Л. Костылёвой (1984–1987 гг.), при участии Г.В. Лебединской, А.В. Уткина, Е.Н. Ерофеевой, Е.М. Молодцовой и др. Небольшие работы провёл на памятнике М.Г. Жилин (2001 г.). Вскрытая раскопками площадь составила более 1,5 тыс. кв. м. Здесь были исследованы также 23 захоронения, ритуальные площадки, «святилища» и «клады».

В просмотренных коллекциях со стоянки Сахтыш II были обнаружены 14 экз. как несомненных орудий (и фрагментов орудий) русско-карельского типа, так и орудий (и фрагментов орудий), которые могли относиться к этому типу с высокой долей вероятности (табл. 3). Лишь 2 из них (обломки лезвийной части орудий) были найдены в поздневолосовском горизонте культурного слоя (на глубине 20–30 см от современной поверхности) прибрежной части памятника (раскопы 1987, 2001 гг.). Остальные были обнаружены на ритуальных площадках, связанных с совершением погребальных обрядов, или в непосредственной близости от захоронений могильника волосовской культуры, относящегося к завершающему этапу её развития (рис. 6). Четыре радиоуглеродные даты, полученные по костям погребённой женщины (1) и углю из ритуальных

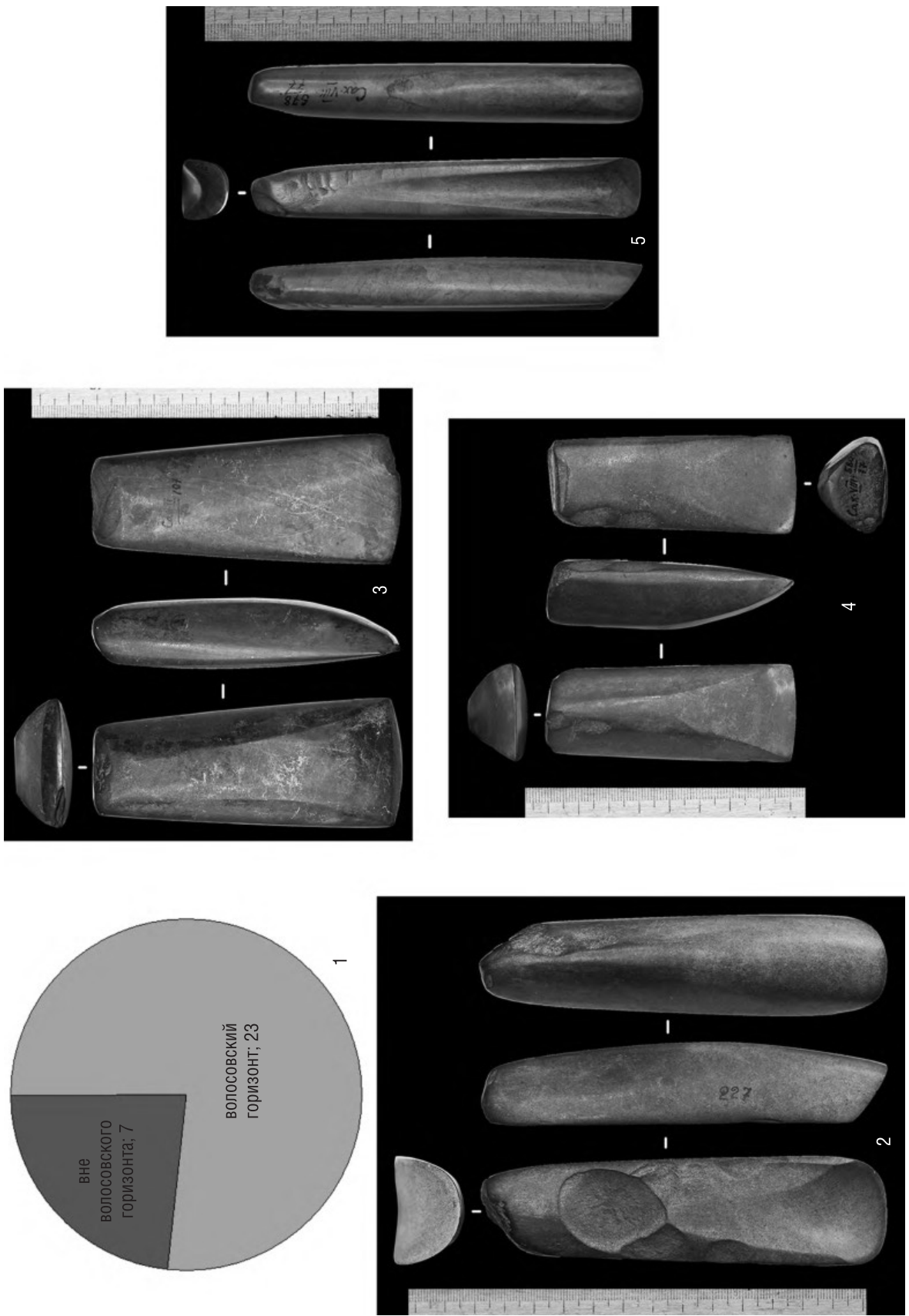

Рис. 5. Импортные орудия русско-карельского типа из комплексов сахтышских стоянок: 1 – количество орудий, найденных в волосовском горизонте культурного слоя и вне волосовского горизонта культурного слоя (данные со всех четырёх рассматриваемых памятников); 2, 4, 5 – Сахтыш VIII; 3 – Сахтыш III; 2-5 – мегатиф (фото и рис. А.Ю. Тарасова)

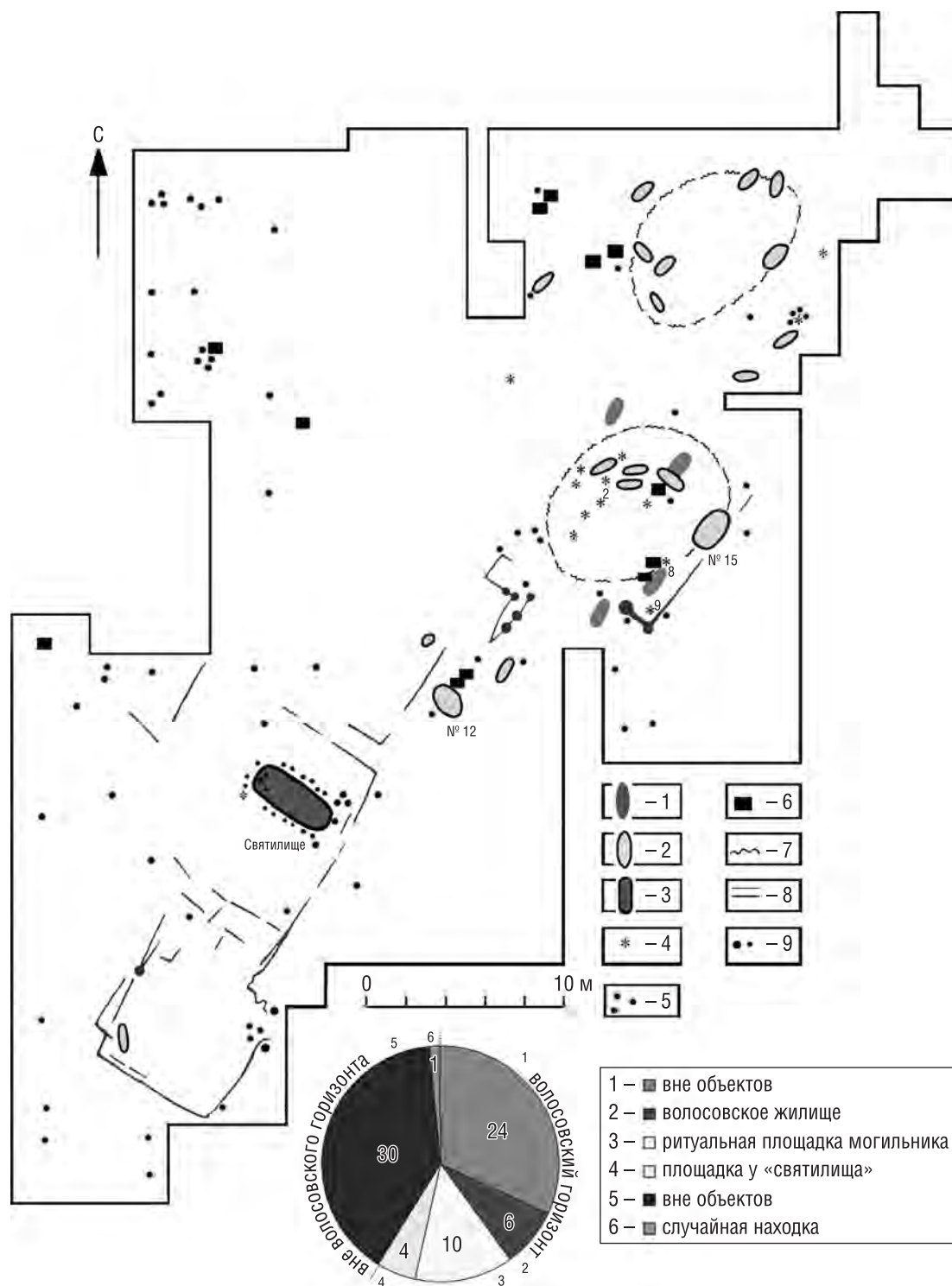

Рис. 6. Общий план раскопа на стоянке Сахтыш II, планиграфия распространения проанализированных находок и количество таких находок, обнаруженных в различных вариантах контекстов, встреченных на памятнике: 1 – захоронения льяловской культуры; 2 – захоронения волосовской культуры; 3 – «святилище» волосовской культуры; 4 – волосовские «клады»; 5 – орудия или заготовки, сделанные по русско-карельской технологии из местных материалов; 6 – орудия русско-карельского типа (импорт); 7 – условные границы ритуальных площадок; 8 – очертания волосовских жилищ на уровне материка; 9 – столбовые ямы в материке (рис. А.В. Уткина, Е.Л. Космылёвой, А.Ю. Тарасова)

костров (3), расположенных рядом с могилами, относят существование могильника к временному диапазону 4080–3820 л.н. (ок. 2800–2300 кал. лет до н.э.) [31, с. 35–37; 30, с. 249–250].²

Об отнесении захоронений и связанных с ними ритуальных комплексов к финальному этапу развития волосовской культуры свидетельствуют и некоторые типы украшений, сопровождавших погребённых. Так, в коллективном захоронении № 15 были обнаружены кулон из необработанного куска янтаря и две подвески в виде цилиндра с отверстиями на концах, обычно не встречающиеся среди волосовских древностей, но хорошо известные в культурах шнуровой керамики эпохи бронзы [32, с. 249]. В коллективном захоронении № 12 были найдены янтарные украшения и пронизки из птичьих костей [33], близкие к находимым в фатьяновских захоронениях эпохи бронзы [34].

Заметим, что практически идентичные орудия деревообработки обнаружены вкладах и на ритуальных площадках стоянки Володары в Нижегородской области [35, с. 102–111]. По времени они могут быть синхронны сахтышским [32, с. 198].

Орудия, обломки и заготовки орудий, сделанные по русско-карельской технологии из кремня или кремнистого известняка, обнаружены в разнообразных планиграфических и стратиграфических условиях (табл. 2; рис. 7). 26 из них также были найдены на ритуальных площадках волосовского кладбища или в непосредственной близости от захоронений и «святых мест», в том числе в составе «кладов» [32, с. 28, 87, 98, рис. 23, 34]. 12 – в пределах жилищ, которые очерчивались на фоне материка прямыми тёмными линиями и, видимо, представляли собой наземные постройки. К сожалению, проследить чёткие границы этих жилищ не удалось. 4 орудия были найдены в волосовском горизонте культурного слоя на глубине от 20 до 40 см от современной поверхности и 2 – в нижележащем смешанном слое на глубине от 60 до 80 см в относительной близости от жилищ.

Вне связи с могильником или жилищами в прибрежной части памятника (раскопы 1984, 1986 и 1987 гг.) были обнаружены 15 предметов, среди которых преобладают заготовки и обломки заготовок орудий. Они встречались не только в верхнем – волосовском горизонте культурного слоя, но и по всей его глубине – до 100 см от современной поверхности). Стратиграфические особенности распределения орудий в слое связаны, видимо, с процессами размывов берега во время весенних половодий и хозяйственной деятельностью населения в прибрежной зоне.

Весьма интересным нам представляется вопрос о хронологическом соотношении жилищ и могильника. Мы можем предположить, что жилища относятся к более раннему времени существования волосовского населения на памятнике и не синхронны с могильником. Поверх разрушенной стены одного из них было совершено коллективное захоронение (№ 15), а на заброшенном участке другого разместилось «святых мест» № 2.

С этими жилищами не связано ни одно импортное орудие рассматриваемого типа, хотя в их пределах и были обнаружены изделия, выполненные в соответствующей ему технологической традиции из местного сырья. Складывается впечатление, что кладбище формировалось не волосовским населением стоянки, проживавшим в исследованных жилищах, а людьми, жившими где-то по соседству и в несколько более позднее время. Это подтверждают и две радиоуглеродные даты по углю из юго-западного жилища стоянки: 4320 ± 80 (Ле-1893, ок. 3000 кал. лет до н.э.) и 4470 ± 80 (Ле-1892, ок. 3140 кал. лет до н.э.), а также дата по обугленной древесине из культурного слоя: 4570 ± 60 (Ле-1900, ок. 3305 кал. лет до н.э.), которая может фиксировать время возникновения на памятнике волосовского посёлка [31, с. 36].

Вышеизложенное позволяет уточнить положение орудий русско-карельского типа (импортных) на хронологической шкале волосовской культуры в пределах около 4080–3820 л.н. (ок. 2800–2300 кал. лет до н.э.).

Сахтыш VIII

Стоянка Сахтыш VIII исследовалась в течение 11 лет Д.А. Крайновым (1965, 1970–1978 гг.) и А.В. Уткиным (1995 г.) при участии Е.Н. Ерофеевой, Н.А. Кирьяновой, Е.М. Молодцовой, Е.Л. Костылёвой и др. За это время было вскрыто около 1200 кв. м площади. Так же как и на стоянке Сахтыш II, здесь были исследованы захоронения (37) и жилища (4) волосовской культуры, «святых мест» и «клады» [32, с. 57–67]. Часть погребений относится к ранневолосовскому времени, что определяется также наличием в них янтарных украшений и двух «кладов» янтаря рядом с ними. Основная же масса захоронений была совершена позднее. Их датировку помогает прояснить ситуация с жилищем № V, которое перекрывается двумя поздневолосовскими захоронениями. По образцу из очага жилища получена радиоуглеродная дата: 4400 ± 60 (Ле-1327, ок. 3000 кал. лет до н.э.). Погребение, соответственно, было совершено уже в более позднее время [32, с. 67].

В коллекции предметов из раскопок памятника были обнаружены 9 импортных орудий русско-карельского типа и 1 не очень понятная заготовка, уже описывавшаяся выше.

Эти предметы никак не связаны с захоронениями, в отличие от стоянки Сахтыш II, где многие из них были обнаружены на ритуальных площадках могильника. Все они найдены в пределах жилищ (№№ II, III и IV) или на прилегающих к ним жилых площадках, а также в волосовском горизонте культурного слоя (на глубине от 20 до 40 см от современной поверхности) на западном участке памятника (рис. 7). Складывается впечатление, что указанные жилища стоянки Сахтыш VIII никак не связаны с погребениями на памятнике и по времени близки к захоронениям могильника Сахтыш II. Возможно, придётся пересмотреть ранее

² Даты 4080 ± 60 (ГИН-5239), 3820 ± 40 (Ле-2617), 4190 ± 50 (Ле-2615), 3900 ± 40 (Ле-2613).

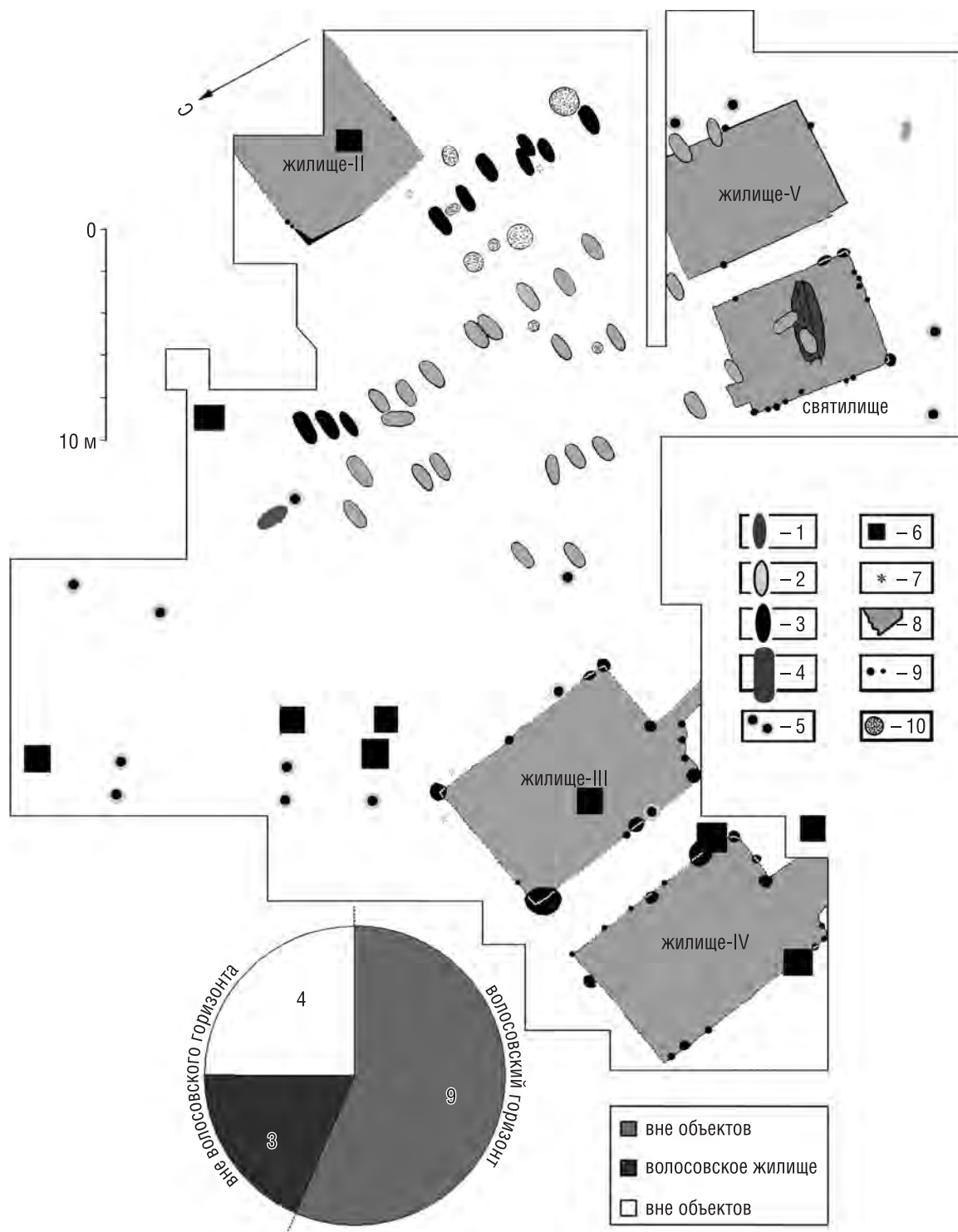

Рис. 7. Общий план раскопа на стоянке Сахтыш VIII, планиграфия распространения проанализированных находок и количество таких находок, обнаруженных в различных вариантах контекстов, встреченных на памятнике: 1 – захоронения льяловской культуры; 2 – захоронения волосовской культуры; 3 – захоронения волосовской культуры с янтарём; 4 – «святилище» волосовской культуры; 5 – орудия или заготовки, сделанные по русско-карельской технологии из местных материалов; 6 – орудия русско-карельского типа (импорт); 7 – ритуальные волосовские «клады»; 8 – волосовские постройки (границы условные); 9 – столбовые ямы и ямки; 10 – ритуальные волосовские кострища (рис. А.В. Уткина, Е.Л. Костылёвой, А.Ю. Тарасова)

высказанное суждение о синхронности волосовских жилищ и могильника Сахтыш VIII [32, с. 67]. Не исключено, что население, жившее на стоянке Сахтыш VIII в жилищах II, III и IV, хоронило своих умерших на Сахтыше II.

Орудия, обломки и заготовки орудий, сделанные по русско-карельской технологической модели из кремня или кремнистого известняка, были обнаружены в просмотренных коллекциях стоянки Сахтыш VIII в количестве 15 экз. (табл. 2; рис. 8). Стратиграфические условия нахождения 10 из них соответствовали волосовскому горизонту культурного слоя (глубина до 30 см от современной поверхности), 5 были найдены на глубине от 30 до 40 см, в том числе в пределах жилища № III (2 экз.).

Заметим, что часть орудий, сделанных по данной модели (5 экз.), была найдена на территории волосовского могильника. Однако проследить их связь с погребениями не представляется возможным. Можно лишь констатировать их расположение в волосовском горизонте культурного слоя.

Сахтыш Па

Стоянка и могильник Сахтыш Па исследовались в течение 8 лет Д.А. Крайновым (1987–1994 гг.) совместно с Е.Л. Костылёвой и А.В. Уткиным. Небольшие работы были произведены на заторфованном участке памятника М.Г. Жилиным (1999 г.) и Е.Л. Костылёвой (2004 г.). Всего было исследовано более 700 кв. м площади, вскрыто 72 захоронения льяловской и волосовской культур и 2 «святилища» [32, с. 37].

В коллекции предметов из раскопок памятника были обнаружены всего лишь 2 импортных орудия русско-карельского типа, в то время как орудий, изготовленных по характерной для него технологической модели, обломков и заготовок таких орудий достаточно много – 38 экз.

Большинство интересующих нас артефактов (34 экз., включая одно орудие РКТ) были найдены на территории волосовского могильника: в межмогильном пространстве на уровне поздневолосовского горизонта и несколько ниже его, у «святилища» и на окраине могильника (табл. 2; рис. 8). Однако какой-либо явной связи с захоронениями они не обнаруживали: здесь не было насыщенных остатками кострищ и скоплениями орудий ритуальных площадок или кладов, столь характерных для соседнего могильника Сахтыш II. При этом мы не исключаем, что часть орудий деревообработки могла быть связана именно с совершением захоронений, в частности с обработкой древесины при сооружении «святилищ» или установке каких-то опознавательных надмогильных знаков, от которых не сохранились в насыщенном органикой культурном слое какие-либо чёткие следы, однако на уровне материка прослеживаются многочисленные столбовые ямки. Возможно, над захоронениями сооружали какие-то деревянные конструкции, прикрывающие тело умершего сверху. На эту мысль наводит то, что глубина нахождения большинства останков очень незначительна – 15–25 см от современной поверхности, и они не могли быть надёжно укрыты только землёй.

Незначительное количество орудий (6 экз., включая 1 импортное) было обнаружено в волосовском горизонте культурного слоя за пределами могильника, который на памятнике фиксируется по максимальному количеству керамики и других артефактов волосовской культуры на уровне 10–30 см от современной поверхности. 1 экз. был обнаружен в нижележащем слое, перемешанном с материальными остатками льяловской культуры.

Что касается временных рамок существования рассматриваемых орудий, то их можно синхронизировать с погребениями волосовского могильника. На памятнике выделяются две группы захоронений: ранняя (с янтарными украшениями) и поздняя. Подробное рассмотрение их датировок представлялось в литературе неоднократно [30; 36; 32, с. 47–50; 37], поэтому у нас нет нужды повторять это ещё раз. Отметим лишь, что семь радиоуглеродных дат по костям погребённых, полученных в лаборатории Геологического института РАН, относят ранние погребения к интервалу 4800 ± 200 – 4540 ± 160 л.н. (ок. 3500–3250 кал. лет до н.э.), а поздние – к 4200 ± 240 – 4080 ± 180 л.н. (ок. 2750–2550 кал. лет до н.э.).³ С датировкой погребений соотносятся и даты двух «святилищ»: раннего и позднего.⁴ Мы сейчас не принимаем во внимание относительно ранние даты, полученные также по костям AMS-методом в радиоуглеродной лаборатории Орхуского университета (Дания), так как они, скорее всего, связаны с так называемым «резервуарным эффектом», ведущим к удревнению дат.⁵

Таким образом, волосовский могильник функционировал на Сахтыше Па, видимо, с перерывами, в рамках 4800–4080 л.н. (ок. 3500–2550 кал. лет до н.э.). Этим временем можно датировать и рассматриваемые нами орудия. Вместе с тем необходимо заметить, что часть орудий, возможно, связана не с могильником, а с поселением, которое могло предшествовать началу формирования раннего могильника волосовской культуры. Однако сказать что-либо более определённое на данном этапе изучения материалов памятника мы не можем.

³ 4800 ± 200 (ГИН-6237), 4740 ± 110 (ГИН-7190), 4540 ± 150 (ГИН-7276), 4550 ± 350 (ГИН-7490), 4540 ± 160 (ГИН-6234), 4200 ± 240 (ГИН-7189), 4080 ± 180 (ГИН-7273) л.н.

⁴ Даты 4790 ± 180 (ГИН-6556), 4430 ± 250 (ГИН-6555), 4240 ± 160 (ГИН-6787) л.н.

⁵ Даты 5033 ± 34 (AAR-15053); 4964 ± 23 (AAR-15051) (см. [37, p. 60]).

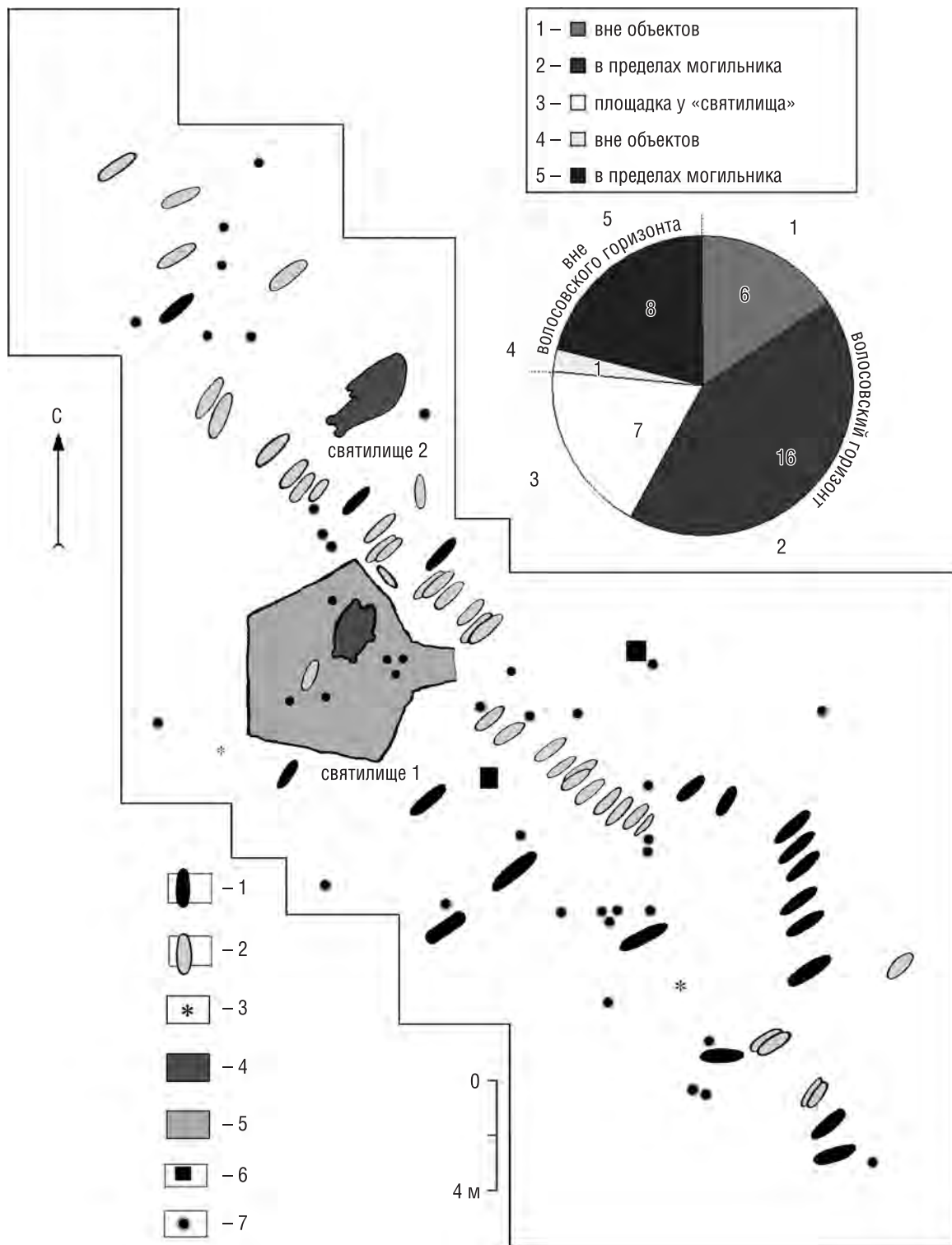

Рис. 8. Общий план раскопа на стоянке Сахтыш Па, планиграфия распространения проанализированных находок и количество таких находок, обнаруженных в различных вариантах контекстов, встреченных на памятнике: 1 – ранневолосовские погребения с янтарём; 2 – поздневолосовские погребения; 3 – «клад»; 4 – святилища 1 и 2; 5 – очертания постройки вокруг святилища 1; 6 – орудия русско-карельского типа (импорт); 7 – орудия или заготовки, сделанные по русско-карельской технологии из местных материалов (рис. А.В. Уткина, Е.Л. Космылёвой, А.Ю. Тарасова)

Сахтыш I

Стоянка Сахтыш I (Малый островок) исследовалась Д.А. Крайновым 12 лет (1962–1966, 1970–1975, 1981 гг.). Всего было вскрыто более 1100 кв. м культурного слоя, обнаружены 14 захоронений и 3 жилища воловской культуры [38; 39; 32]. Однако раскопы, которыми исследовалась территория памятника, располагались в разных его частях, и нам, к сожалению, на основе изучения отчётов и полевой документации не удалось их все локализовать на сводном плане. В частности, это касается раскопов 1975 г. (32 кв. м) и раскопа 1981 г. (24 кв. м). Глубина раскопов была различна: от 70–80 см до 160–170 см (в прибрежной зоне). Воловский горизонт культурного слоя фиксировался на разной глубине, перепады которой были весьма значительны и зависели от расположения раскопа по отношению к руслу реки и скорости торфонакопления.

Всего на памятнике были обнаружены 4 орудия русско-карельского типа и 25 изделий (в том числе орудий, обломков и заготовок орудий), сделанных по русско-карельской технологической модели (табл. 2; рис. 9).

Можно выделить три основных участка, где концентрировались интересующие нас орудия: раскоп 3-а, раскоп 3-б и раскоп 1 (табл. 2; рис. 10). На первом участке, расположенном в прибрежной части поселения, было исследовано промысловое жилище, в котором прослежены четыре строительных горизонта, относящихся к льяловскому, протоволововскому и волосовскому времени [38, с. 42–46]. Все орудия (10 экз.) были обнаружены в пределах жилища на разных глубинах (рис. 10). Так, средняя часть импортного орудия русско-карельского типа найдена в нижней части жилища, на глубине -150 см (льяловский горизонт). Два орудия, изготовленные по русско-карельской модели из местного сырья, также были связаны с нижними слоями (глубина -100–120, -140 см). Столь необычное нахождение этих орудий можно объяснить оползанием стенок жилищного котлована, в результате чего они попали из волосовского горизонта в нижнюю часть жилища, связанную с льяловской культурой. Семь орудий, изготовленных по русско-карельской модели из местного сырья, были найдены в волосовском/протоволововском горизонтах жилища (глубина от -20 до -90 см). С последними, видимо, связаны две радиоуглеродные даты, полученные по материалам из жилища: 4850 ± 70 (Ле-1019, 3600 кал. лет до н.э.) и 4060 ± 60 (Ле-1023, ок. 2600 кал. лет до н.э.) [38, с. 46].⁶

На втором участке (раскоп 3-б), расположенном в суходольной части памятника, обнаружены 8 орудий различной степени сохранности: 1 импортное и 7 сделанных из местного сырья. Локализация орудий на плане показывает, что все они связаны с волосовским могильником (11 захоронений) и жилищем: находились или рядом с ними, или в их пределах (рис. 10). Хотя раскопана лишь окраина могильника, однако особенности погребального обряда позволяют отнести его ко времени ок. 4000 лет назад в радиоуглеродных датах (ок. 2500 кал. лет до н.э.) [39, с. 78]. Примерно так же можно датировать и орудия.

На третьем участке (раскоп 1), расположенном на противоположной от первых двух участков – восточной – стороне поселения, были выявлены остатки волосовского жилища [40; 41]. В непосредственной близости от него в волосовском горизонте культурного слоя были обнаружены обломки орудия русско-карельского типа и орудия, изготовленного по данной модели из местного сырья. Два подобных орудия найдены непосредственно в жилище. Остальные орудия – 1 импортное и 5 из местного сырья – не имеют чётких привязок к каким-либо жилищным или погребальным комплексам, так как обнаружены в шурфах, траншеях или небольших прирезках к ним, часть которых из-за отсутствия документации не смогла быть локализована на общем плане поселения.

Таким образом, и на Сахтыше I обнаруживается та же закономерность, что и на других стоянках этого микрорегиона: непосредственная связь орудий с жилищами и захоронениями волосовской культуры.

В целом необходимо отметить, что орудия, изготовленные по русско-карельской технологической модели из местных материалов, присутствуют на сахтышских памятниках преимущественно в волосовских горизонтах культурного слоя, часто обнаруживают непосредственную связь с жилищами и могильниками разных этапов развития культуры. В то же время импортные орудия русско-карельского типа связаны в основном с поздневолосовскими горизонтами культурного слоя, жилищами и захоронениями позднего этапа и финала существования культуры, что особенно хорошо видно на материалах Сахтыша II и VIII.

Индустрии рубящих орудий поселений с асбестовой керамикой в Карелии и с волосовской керамикой в Центральной России – свидетельство единой традиции?

Проведённый в настоящей работе анализ убедительно демонстрирует, что часть рубящих орудий и заготовок из материалов сахтышских стоянок имеет чрезвычайно большое сходство с орудиями русско-карельского типа с территории Карелии. Сходство, достигающее почти до полной идентичности, существует как на уровне технологии, так и на уровне морфологии готовых предметов. Анализ планиграфического и стратиграфического положения изделий, соответствующих русско-карельской технико-морфологической модели (а также собственно русско-карельских орудий из твёрдой серо-зелёной породы – метатуфа), в слое сахтышских стоянок доказывает их связь с волосовским компонентом этих памятников.

Волововские и протоволововские комплексы четырёх сахтышских стоянок, исходя из приводившихся выше радиоуглеродных дат, могли существовать в диапазоне ок. 4800–3800 лет назад (в радиоуглеродных годах), или ок. 3550–2300 кал. лет до н.э. При этом следует отметить, что импортные орудия из метатуфа,

⁶ К сожалению, в публикации не указаны точные привязки этих дат.

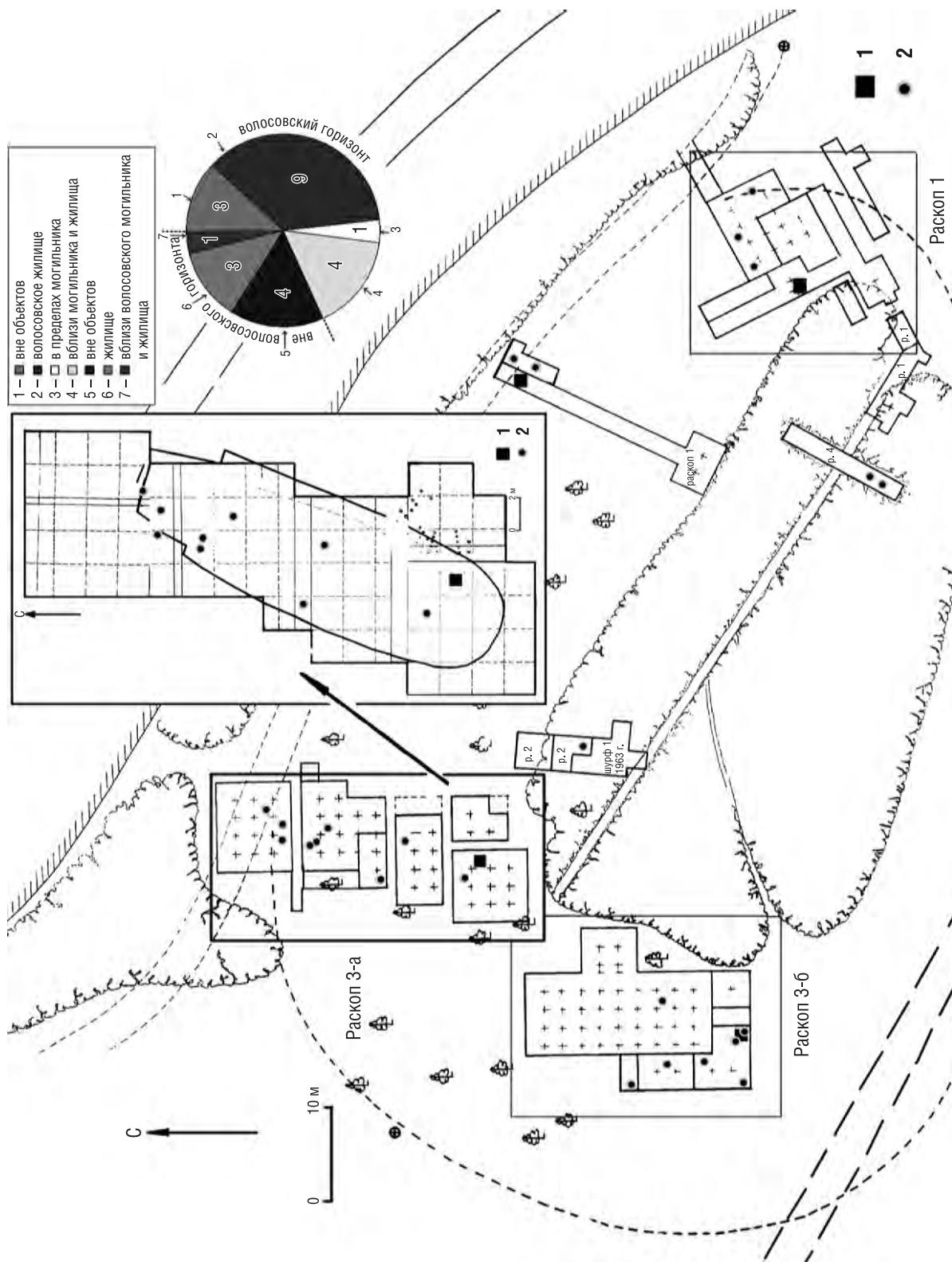

Рис. 9. Общий план раскопов на стоянке Сактыш I, планиграфия распространения проанализированных находок и количество таких находок, обнаруженных в различных вариантах контекстов, встреченных на памятнике: 1 – орудия русско-карельского типа (импорт); 2 – орудия или заготовки, сделанные по русско-карельской технологии из местных материалов (рис. А.В. Уткина, Е.Л. Костылёвой, А.Ю. Тарасова)

которые можно датировать с большей или меньшей определённой, связаны, скорее, с поздневолосовскими комплексами начиная от ок. 4100 лет назад (2800 кал. лет до н.э.). Наиболее ранняя дата для комплексов с территории Карелии, содержащих такие орудия, – 4693±35 (Hela-2428, ок. 3500 кал. лет до н.э.), однако она может быть несколько удреждённой из-за влияния резервуарного эффекта [42]. Имеющихся у нас данных пока недостаточно, чтобы утверждать, что на раннем этапе существования волосовской культуры в Верхнем Поволжье орудия из Карелии действительно сюда не импортировались. Однако можно уверенно констатировать, что индустрии орудий русско-карельского типа в Карелии и рубящих орудий в Верхнем Поволжье, изготавливавшихся в соответствии с русско-карельской технико-морфологической моделью, в течение очень длительного времени были синхронными.

Уровень сходства обеих индустрий вполне достаточен, чтобы считать их разновидностями единой технологической традиции. Данный вывод, с большой вероятностью, может быть распространён на всю волосовскую индустрию рубящих орудий, хотя для окончательного заключения необходимо проанализировать материалы других волосовских памятников.

В литературе орудия русско-карельского типа, найденные за пределами Карелии, преимущественно трактовались как свидетельство обмена [1; 9, с. 246; 8, с. 196; 11, с. 15; 13]. Вместе с тем ещё финскими исследователями, впервые описавшими этот тип и предложившими используемые в настоящее время варианты его названия, было отмечено, что на других территориях они изготавливались также и из других материалов. При этом допускались различные варианты интерпретации этих фактов – как свидетельство и имитации карельского импорта, и того, что возникновение типа могло быть связано с гораздо более широкой территорией, чем современная Карелия [43, s. 24; 44, s. 124; 1, s. 66–68; 2, s. 64–67]. В частности, ими было отмечено наличие таких форм, изготовленных не из метатуга, в коллекции случайных находок, собранных купцом В.И. Заусайловым на территории Среднего Поволжья и купленных А.М. Тальгреном для Национального музейного ведомства Финляндии [45; 2, s. 28–29].

Тем не менее А.Я. Брюсов, введший в советскую научную традицию термин «русско-карельский тип» и наряду с этим описавший «долота волосовского типа», верно отметив их наиболее важные морфологические особенности, удивительным образом не обратил внимания на значительное сходство между ними [7].

Археологами, анализировавшими волосовские материалы, не проводились детальные технико-типологические исследования, посвящённые рубящим орудиям этой культуры, хотя в работах общего характера или публикациях материалов отдельных памятников встречается их краткая характеристика. Так, упоминаются долота и тёсла с высокой, выпуклой или горбатой спинкой, полуовального сечения, иногда обозначаемые как долота «волосовского» типа, желобчатые долота «широкого» и «узкого» типа [46, с. 10; 47, с. 28; 48, с. 136; 7, с. 76; 49, с. 55, 56; и др.]. На материалах волосовских памятников Примокшанья исследователями выделяются несколько типов долот и тёсел: долота треугольного, подовального и трапециевидного сечения (с желобком и без желобка), тёсла трёх типов, отличающиеся своей формой, линзовидные или трапециевидные в сечении [50, с. 65–66, 69]. На волосовских памятниках Марийского Поволжья отмечаются преобладание долот с горбатой спинкой и асимметричных тёсел с широким округлым или узким прямым лезвием и присутствие классических желобчатых долот и тёсел, более характерных для западных районов распространения волосовской культуры [51, с. 32, 36, 38, 40; 52, с. 29–31; 53, с. 54, 57, 83, 84; 54, с. 31; 55, с. 136, 137, 142]. В некоторых работах, специально посвящённых волосовской культуре, каменным орудиям деревообработки отводится лишь несколько строк [27, с. 18; 56, с. 36, 50]. В целом исследователи, изучавшие волосовские древности, но не работавшие с карельскими материалами, также рассматривали волосовские орудия вне всякой связи с рубящими русско-карельского типа.

В отечественной литературе вопрос о том, что русско-карельский тип рубящих орудий может быть связан не только с изделиями из карельского «сланца», был поставлен В.Ф. Филатовой [10]. Ею было отмечено существование в Центральной России орудий с характерной для него морфологией, изготовленных из кремня [10, с. 37]. Связывая данный тип с памятниками с ямочно-гребенчатой керамикой и считая оставившее их население пришлым, исследовательница пришла к выводу о том, что этот тип орудий был принесён в Карелию в сложившемся виде мигрантами из Волго-Окского междуречья, использовавшими именно ямочно-гребенчатую керамику. Данный вывод выглядел довольно обоснованным в момент написания её работы, когда чистые комплексы с асбестовой керамикой ещё не были исследованы в Восточной Фенноскандии. В настоящее время культурно-хронологическая позиция этого типа древностей на территории Центральной России должна быть пересмотрена, точно так же, как она уже была пересмотрена для территории Карелии.

В данной работе мы не ставили своей целью проследить происхождение технологической традиции производства рубящих орудий русско-карельского/волосовского типа и очертить всю зону их распространения. Мы ограничиваемся констатацией того факта, что это действительно единая традиция, несмотря на различие в сырьевой базе и существование различных названий для этого единого явления в историографии. Безусловно, данное единство не может ограничиваться только рубящими орудиями, но должно распространяться и на всю каменную индустрию. Также несомненно, что оно свидетельствует о чрезвычайно сильной культурной близости населения, оставившего памятники волосовской культуры в Центральной России и памятники с асбестовой керамикой в Карелии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Äyräpää, A.* Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustan. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista. // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos. 1944. (Рукопись, не опубликована)
2. *Heikkurinen, T.* Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat. Helsingin yliopiston arkeologian laitus. Moniste n:o 21. Helsinki, 1980.
3. *Nordquist, K., Seitsonen, O.* Finnish Archaeological Activities in the Present-Day Karelian Republic until 1944 // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XXV. Helsinki, 2008.
4. *Тарасов А.Ю., Крийска А., Курс Ю.* Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: По результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 1. Петрозаводск, 2010.
5. *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. М., 1940. (Труды ГИМ. Вып. IX)
6. *Брюсов А.Я.* Археологические памятники III–I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947.
7. *Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
8. *Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1952. (МИА. № 29)
9. *Кларк Дж. Г.Д.* Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953.
10. *Филатова В.Ф.* Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // СА. 1971. № 2.
11. *Гурина Н.Н.* К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // КСИА. 1974. Вып. 138: Торговля и обмен в древности.
12. *Жульников А.М.* Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.
13. *Тарасов А.Ю.* Энеолитическая индустрия каменных макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Вып. 1. СПб., 2008.
14. *Тарасов А.Ю.* Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // Археологические Вести. Вып. 10. СПб., 2003.
15. *Tarasov, A & Stafeev, S.* Estimating the Scale of Stone Axe Production: A Case Study from Onega Lake, Russian Karelia // Journal of Lithic Studies. № 1 (1). Edinburgh, 2014.
16. *Kriiska, A., Tarasov, A.* Wood-Chopping Tools of Russian-Karelian Type from Latvia // Arheologija Un Etnografija. Laid 25. Riga, 2011.
17. *Tallgren, A.M.* Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), III: 6. Dorpat, 1922
18. *Hansen, P.V., Madsen, B.* An Experimental Investigation of a Flint Axe Manufacture Site at Hastrup Vaenget, East Zealand // Journal of Danish Archaeology. Vol. 2. 1983.
19. *Madsen, B.* Flint Axe Manufacture in the Neolithic: Experiments with Grinding and Polishing of Thin-butted Axes // Journal of Danish Archaeology. Vol. 3. 1984.
20. *Stafford, M.* From Forager to Farmer in Flint: A Lithic Analysis of the Prehistoric Transition to Agriculture in Southern Scandinavia. Aarhus, 1999.
21. *Olausson, D.* Lithic Technological Analysis of the Thin-butted Flint Axe // Acta Archaeologica. Vol. 53. Copenhagen, 1982.
22. *Olausson, D.* Talking Axes, Social Daggers // Form, Function & Context: Material Culture Studies in Scandinavian Archaeology. Lund, 2000.
23. *Apel, J.* Daggers Knowledge and Power: The Social Aspects of Flint Dagger Technology in Scandinavia (2350–1500 cal BC). Uppsala, 2001.
24. *Sundström, L., Apel, J.* An Early Neolithic Axe Production and Distribution System within a Semi-sedentary Farming Society in Eastern Central Sweden, c. 3500 BC // Third Flint Alternatives Conference at Uppsala. Occasional Papers in Archaeology. Vol. 16. Uppsala, 1998.
25. *Sundström, L.* Det hotade kollektivet: Neoliseringsprocessen ur ett ostmellansvenskt perspektiv. Uppsala, 2003.
26. *Malmer, M.P.* Jungneolitische studien // Acta archaeologica Lundensia. Vol. 8 (2). Lund, 1962.
27. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР)
28. *Edenro, R.* Prestigeekonomi under yngre stenåldern: Gåvoutbyten och regionala identiteter I den svenska båtuxekulturen // Occasional Papers in Archaeology 43. Uppsala, 2008.
29. *Pelgrin, J.P.* Blade-making Techniques from the Old World. Lights and Applications to Mesoamerican Obsidian Lithic Technology // Mesoamerican Lithic Technology. Experimentation and Interpretation. Salt Lake City, 2004.
30. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Хронология погребального обряда волосовской культуры на территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
31. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / *Д.А. Крайнов, Г.И. Зайцева, Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин* // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново, 1991.
32. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Планиграфические и хронологические структуры. М., 2010.
33. *Крайнов Д.А.* Исследование стоянки Сахтыш II в 1978 г. // Отчет о результатах работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1978 год // Научно-вспомогательный фонд археологического музея ИвГУ. Архив Д.А. Крайнова.
34. Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М., 1972.
35. *Цветкова И.К.* Ритуальныеклады стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
36. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш-IIА // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Иваново, 2009. Вып. 4.
37. *Piezonka, H., Kostyleva, E., Zhilin, M., Dobrovolskaya, M., Terberger, T.* Flesh or Fish? First Results of Archaeometric Research of Prehistoric Burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga Region, Russia // Documenta Praehistorica. Vol. XL. Ljubljana, 2013.
38. *Крайнов Д.А.* Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I // КСИА. Вып. 177. 1984.
39. *Крайнов Д.А., Уткин А.В.* Погребения на стоянке Сахтыш I // КСИА. Вып. 203. 1991.
40. *Крайнов Д.А.* Продолжение археологических исследований в районе озера Сахтыш // Отчет о результатах работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1963 год // Научно-вспомогательный фонд археологического музея ИвГУ. Архив Д.А. Крайнова.
41. *Крайнов Д.А.* Стоянка Сахтыш I // Результаты работ Верхневолжской экспедиции за 1964 год // Научно-вспомогательный фонд археологического музея ИвГУ. Архив Д.А. Крайнова.

42. Zhulnikov, A., Tarasov, A. & Kriiska, A. Discrepancies Between Conventional and AMS Dates of Complexes with Asbestos and Porous Ware – Probable Result of “Reservoir Effect”? // *Fennoscandia Archaeologica*. № 29. Helsinki, 2012.
43. Ailio, Ju. Fragen der Russischen Steinzeit // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Vol. XXIX:1. Helsinki, 1922.
44. Tallgren, A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Östrussland // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Vol. XXV:1. Helsinki, 1911.
45. Tallgren, A.M. Collection Zaoussailov au Musee historique de Finlande d Helsingfors. I Catalogue raisonne de Ia collection de l'age du bronze. Helsingfors, 1916.
46. Цветкова И.К. Стоянка Володары. По материалам раскопок 1946 г. // КСИИМК. Вып. XX. 1948.
47. Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена // Археологический сборник. М., 1953. (ТГИМ. Вып. XXII)
48. Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970.
49. Мезолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энговатова. М., 2002.
50. Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006.
51. Никитин В.В. Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978. (Археология и этнография Марийского края. Вып. 3)
52. Архипов Г.А., Никитин В.В. Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. (Археология и этнография Марийского края. Вып. 2)
53. Никитин В.В. Ахмыловское II поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. (Археология и этнография Марийского края. Вып. 2)
54. Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.) Йошкар-Ола, 1991.
55. Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV)
56. Третьяков В.П. Волосовские племена в европейской части СССР в III–II тыс. до н.э. Л., 1990.

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск*

*Ивановский государственный университет,
Иваново*

A.Yu. Tarasov, E.L. Kostylyeva

**CUTTING TOOLS FROM THE VOLOSOVO COMPLEXES OF SAKHTYSH SITES.
TECHNICAL, TYPOLOGICAL, AND PLANIGRAPHIC ANALYSIS**

Summary

On the basis of the technical, typological, and planigraphic analysis of the cutting tools from complexes of a Sakhtysh peat bog settlements there was selected a group of the tools and warps relating to the Volosovo component of these monuments. Their main features correspond to the features of the so-called Russian-Karelian type of tools found in Karelia, and the analysis of the available warps proves that they were made according to the technical-morphological model inherent in this type. Consequently, one may state that the industries of the cutting tools of the Volosovo culture in the Upper Volga area and in the territory of Karelia on monuments with asbestos ceramics represented a uniform technological tradition.

*The Institute of Language, Literature and History,
Karelian Scientific Centre, Russian Academy of Sciences,
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910,
The Republic of Karelia,
The Russian Federation
E-mail: taleksej@drevlanka.ru*

*Ivanovo State University,
47-26, Avdot'inskaya St., Ivanovo, 153023,
Russia
E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru*

И.В. Усачёва

ВЫПРЯМИТЕЛИ ДРЕВКОВ СТРЕЛ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ (НЕОЛИТ – ЭНЕОЛИТ)

Выпрямителям древков стрел уделяется незаслуженно мало внимания в орудийном наборе неолита – энеолита. Между тем качество стрелы во многом определяется качеством древка, и в первую очередь, его прямизной. Именно поэтому стрелоделатели всегда высоко ценились. «Для меткой стрельбы из лука было важно, насколько добротны изготовлены стрелы, а потому индейцы очень ценили людей, умевших делать их... Изготовление стрел требовало терпения, аккуратности и высокого мастерства... Кроу высоко ценили хорошо сделанные стрелы, и десять стрел могли оцениваться в одну лошадь. У мандалов стрелоделателями обычно были старики или калеки... Старики делали стрелы для живших с ними под одной крышей мужчин, которые использовали их на войне или охоте. Десять готовых стрел оценивались в одну бизонью шкуру... Сиу Белый ястреб говорил, что стрелы обычно заказывали у стрелоделателя штук по сто за раз. Команчи также очень ценили стариков, способных делать отличные стрелы...» и т.д. [1, с. 290–291].

В традиционных культурах известны разные способы подготовки древков, выбор которых напрямую зависит от исходного материала заготовки: прут, лучина, тростник. Часть способов не требует применения особых орудий, а потому не фиксируется археологически, часть – ориентирована на специализированный инструмент и может проявить себя через его присутствие. Может, но не всегда проявляет, поскольку, согласно этнографическим данным, в отдельных культурных традициях широко бытовали выпрямители из дерева, кости, рога, бивня, а органические материалы сохраняются далеко не всегда. Часть выпрямителей изготавливалась из камня.

Один из таких специализированных инструментов описан С.А. Семёновым [2, с. 109–110]. Он сообщает, что в неолите Европы, Азии и Америки появляется способ изготовления деревянных древков, основанный на применении абразивной техники. В нём задействованы специализированные инструменты из песчаника в виде одного-двух полуцилиндров или брусков с продольным желобком на плоской стороне (рис. 1). Такие камни использовались для изготовления деревянных древков путём многократного протягивания заготовки через желобок и в дополнение к выпрямлению и абразивной обработке поверхности (шлифование) позволяли осуществлять калибровку изделий. Судя по этнографическим данным и тому обстоятельству, что все известные находки таких брусков происходят из лесной, реже – лесостепной зон [3, taf. 134: 27–29; 201: B10, C1; 400: 1–4 и др.; 5, рис. 88: 43; 96: 37 и т.д.; 4, с. 167–168 и т.п.], этот способ, по умолчанию, был предназначен для изготовления древков из древесных прутьев.

Выпрямителями иногда считают, никак это, впрочем, не мотивируя, и так называемые утюжки [6]. Однако чаще «утюжкам» отказывают в наличии у них утилитарной функции, причисляя их к разряду культовых предметов [6]. Проведённое автором данной статьи¹ исследование [7] позволило сделать ряд интересных наблюдений, которые и предлагаются вниманию читателя.

«Утюжками» принято называть небольшие (3–23 см, чаще – 6–12 см в длину), разнообразные по форме, качеству обработки, декору предметы из камня или глины с поперечным желобком определённого (0,7–1,7 см) диаметра (рис. 2). В Евразии они зафиксированы в материалах не менее 60 культур и культурных типов от мезолита до эпохи бронзы (X – 1-я треть II тыс. до н.э.). Территория распространения поперечно-желобчатых изделий (ПЖИ) в Старом Свете обширна и включает Ближний Восток, северо-восточное и южное побережья Африки, степные, лесостепные и полупустынные пространства Северо-Восточной Европы и Азии от Молдавии до Монголии (рис. 3). Максимальные концентрации «утюжков» отмечены на Украине, Урале и Ближнем Востоке. При этом повсеместно прослеживается выраженное тяготение находок к памятникам, расположенным у мелководных участков рек и озёр, особенно вблизи мест, где плёсы переходят в протоки, переймы и пороги. Чаще всего ПЖИ встречаются на памятниках поселенческого типа, хотя известны также в могильниках и в ритуальных комплексах.

Комплексный источниковедческий анализ значительной коллекции «утюжков» (около 450 экз.), включивший помимо развёрнутого артефактного анализа ПЖИ характеристику экологического и экономического контекста находок и дополненный картографированием по хроносрезам [7], выявил несколько фактов.

¹ Выражаю признательность всем авторам находок за предоставленную возможность обработки и публикации их материалов.

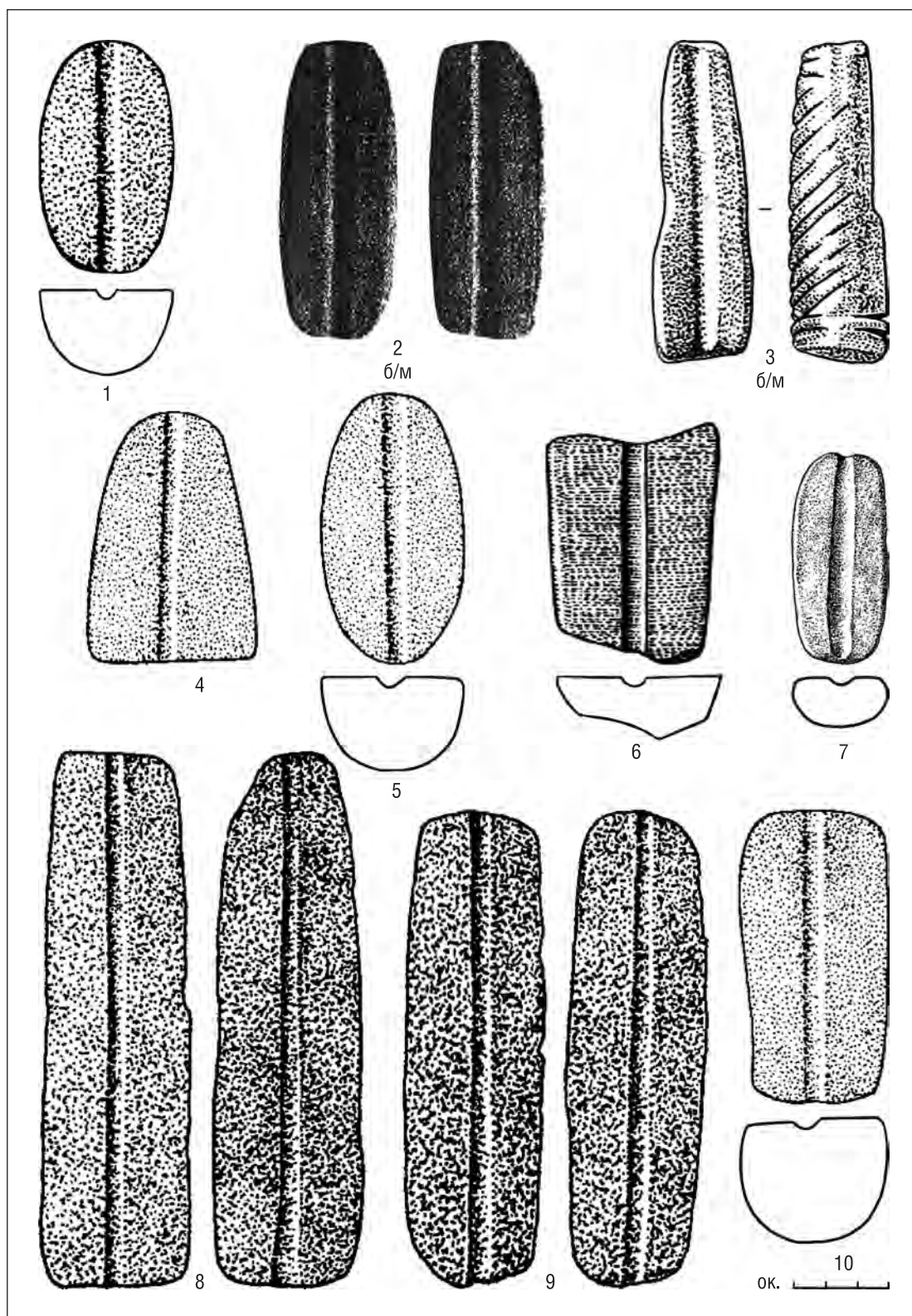

Рис. 1. Продольно-желобчатые абразивы-калибраторы древков стрел:
 1, 4, 5, 10 – Греция; 2 – Средняя Россия; 3 – Дальний Восток; 6 – Якутия; 7 – Восточная Сибирь; 8, 9 – Чехословакия
 (1, 4, 5, 8–10 – по Н. Müller-Karpe [3]; 2 – по В.А. Городцову [4]; 3, 6, 7 – по Л.П. Хлобыстину [5])

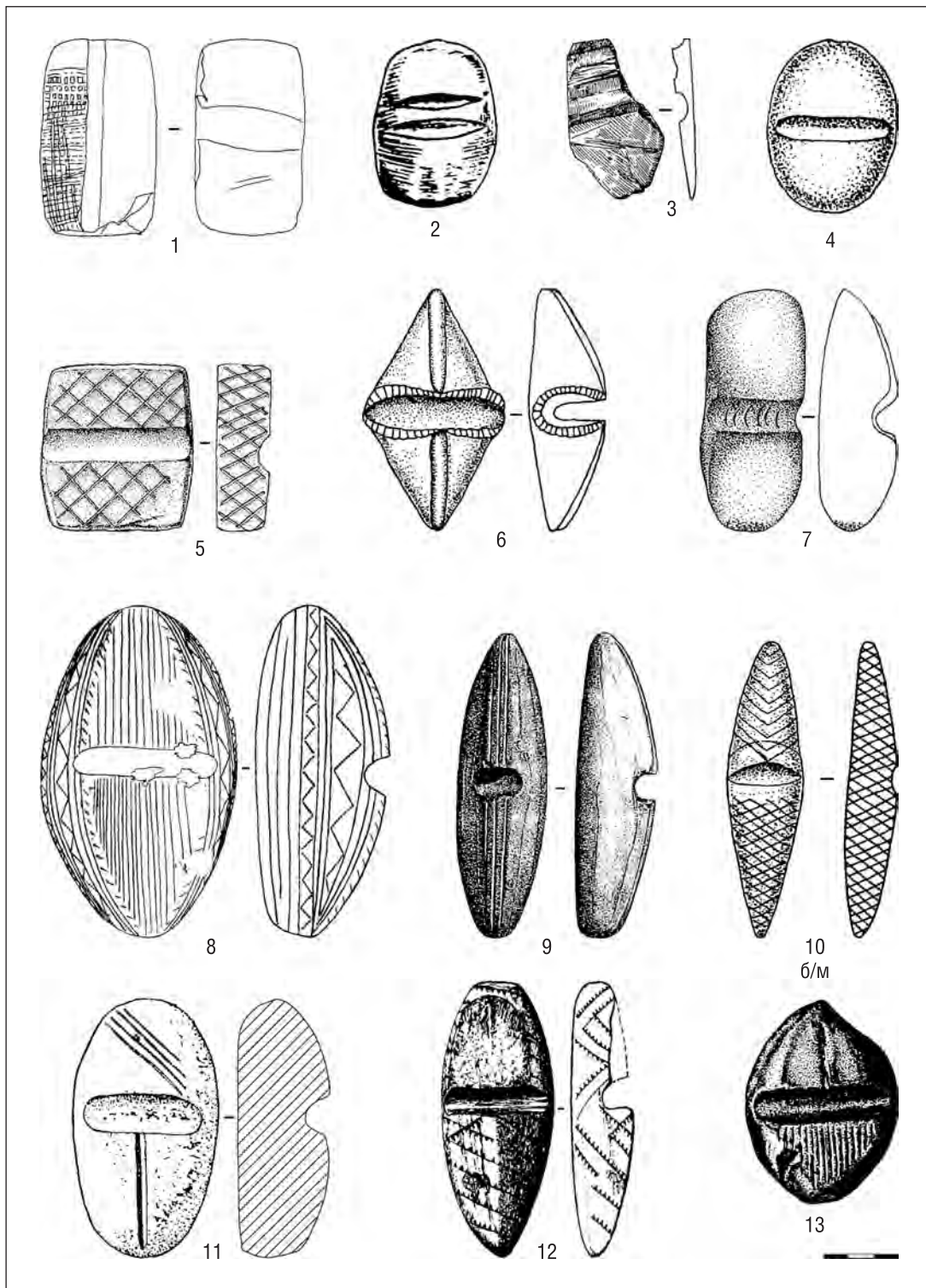

Рис. 2. «Утюжки»:

1, 2 – Ближний Восток; 3, 4 – Средняя Азия; 5, 6 – Южный Урал; 7 – Центральная Россия; 8 – Зауралье; 9 – Средний Урал; 10 – Украина; 11 – Казахстан; 12 – Алтай; 13 – Западная Сибирь

(1 – по Н.О. Бадеру [8]; 2 – по Дж. Мелларту [9]; 3 – по В.М. Массону [10]; 4 – по А.В. Виноградову и др. [11]; 5 – по В.Т. Петрину [коллекция]; 6 – по Л.Я. Крижевской [12]; 7 – по М.Г. Жилину и др. [13]; 8 – по И.В. Усачёвой [14]; 9 – по А.Ф. Шорину [15]; 10 – по В.Н. Даниленко [16]; 11 – по В.Ф. Зайберту [17]; 12 – по Ю.Ф. Кирюшину и др. [18]; 13 – по В.И. Молодину [19])

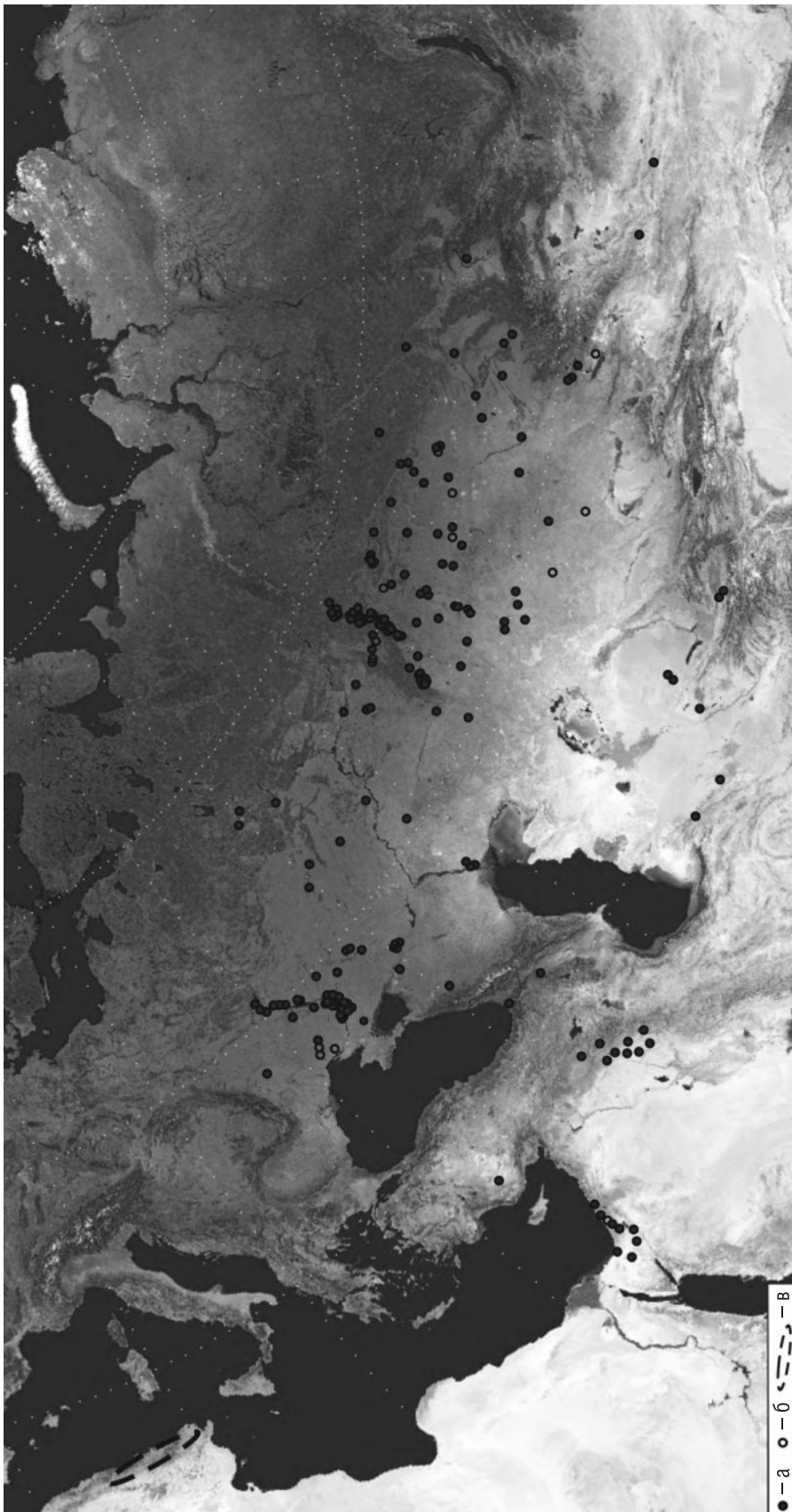

Рис. 3. Карта-схема распространения памятников с «утюжками»:
а – памятники с «утюжками»; б – точное место находки «утюжка» неизвестно;
в – ареал памятников с «утюжками», точное место расположения которых неизвестно

Во-первых, было установлено существование у «утюжков» определённого набора стандартов, которого на протяжении тысячелетий придерживались все изготовители ПЖИ. Стандартами регламентировались сырьё, диаметр желобка и отчасти размеры «утюжка». Морфология предметов, так же как и декор, судя по большой вариативности форм, стандартизации не подвергалась. Диаметр желобка, как уже было отмечено, не выходит за пределы 0,7–1,7 см, причём свыше 80 % желобков имеют в диаметре 0,7–1,4 см. В сырье фиксируется приоритет мягких неабразивных пород, таких как тальковый, тальк-карбонатный, тальк-хлоритовый сланцы, хлорит, стеатит и т.д. (свыше 76 % изделий, хотя, скорее всего, указанный процент сильно занижен). Помимо мягкости эти породы обладают рядом других общих свойств, а именно – огнеупорностью и теплоёмкостью [20, с. 171–172; 21]. Известно немало свидетельств, указывающих, что эта особенность данных пород была хорошо известна древним и целенаправленно ими использовалась [см., например: 2, с. 30]. Такими же качествами обладает обожжённая глина, из которой изготовлена часть «утюжков».

Во-вторых, было установлено, что следы сработанности в желобках сходны на всех территориях, тогда как на других поверхностях ПЖИ они спорадичны и, как правило, специфичны для разных регионов. Наиболее массово в желобках оказались представлены следы утилизации в виде тонких продольных линий и поперечных рисок. По мнению трасологов, такие следы свидетельствуют об обработке в желобках тонких округлых предметов (типа древков стрел и дротиков [22, с. 69; 23, с. 217]) из мягких эластичных материалов, но не кости [24, с. 248] или дерева². Помимо линейных следов достаточно часто отмечается заполировка и тёмный «углистый» оттенок, иногда трещиноватость [23, с. 217; 24, с. 248–249]. Кинематика движений, производимых обрабатываемым предметом в желобке, на основании следов утилизации реконструируется как возвратно-поступательная (продольные линейные следы) и вращательная (поперечные риски) [23, с. 217; 24, с. 248–249].

В-третьих, повсеместно отмечается массовая фрагментация изделий (около 55 %) без следов механического воздействия (удара)³. А это даёт веские основания полагать, что раскалывание «утюжков» носило термический характер. Исключение составляют только преднамеренно испорченные экземпляры из погребений финального периода существования «утюжков» (могильники Боровянка 17, Усть-Иша). О том, что ПЖИ могли подвергаться такому воздействию, свидетельствуют условия нахождения отдельных предметов (Зуух 7, Монголия – «утюжок» залегал *in situ* в костре [25, р. 41]; Роза Ветров 2, Зауралье – тот же контекст⁴ и т.д.). Такие показатели, как «углистый» оттенок у заполировки желобков, трещиноватость поверхности, корочка обжига и мельчайшие углистые включения, также, возможно, связаны с высокотемпературным воздействием [24, с. 248–251]. Наконец, об этом прямо свидетельствуют результаты рентгеновского дифрактометрического и петрографического анализов, полученные в лаборатории Саклера Колумбийского университета, где были обследованы два ближневосточных образца. Оба анализа показали наличие следов сильного разогрева [26, р. 839–840].

В-четвёртых, было доказано, что палеогеография распространения памятников с «утюжками» демонстрирует выраженное тяготение к ландшафтам открытого типа: степи, лесостепи, полупустыни, саванны и т.п. В лесной зоне «утюжков» практически нет. Некоторое исключение, на первый взгляд, представляет Средний Урал, где «утюжки» отмечены на озёрных массивах горно-лесной зоны восточного склона. Однако новейшие палинологические и стратиграфические данные склоняют к тому, что локальные палеоландшафты восточного склона, скорее, недостаточно изучены, нежели противоречат правилу [27–29]. Связь с лесостепными пространствами восточного склона становится ещё более очевидной при нанесении мест обнаружения «утюжков» на космоснимки, где максимально точно отражены границы ландшафтных зон (рис. 3).

В-пятых, как показало картографирование по хроносрезам, «утюжки» появились на разных территориях Евразии не конвергентно, а распространились из одного-двух центров, расположенных на Ближнем Востоке. Время их появления совпадает с периодом глобальных природно-климатических изменений рубежа плейстоцена и голоцена и предположительно стимулировано этим обстоятельством через кризис традиционного природопользования. Более того, сопоставление последующих изменений ареала ПЖИ и значимых экологических кризисов в зоне их бытования свидетельствует, что и позже распространение «утюжков» было в значительной мере обусловлено именно этим фактором.

В-шестых, было установлено, что традиция изготовления ПЖИ зародилась в недрах экономики присваивающего типа. И в дальнейшем на всех этапах своего существования они оставались принадлежностью коллективов, у которых были приоритетны рыболовство, охота и собирательство, первоначально в рамках присваивающей экономики, позднее – в составе ранних комплексных форм хозяйства. Из 60 культур и культурных типов, практиковавших «утюжки», только четыре имели относительно развитые формы производящего хозяйства. Причём ПЖИ этих последних либо единичны (джейтунская и шулавери-шомутепинская культуры), либо зафиксированы в сакральном контексте (майкопская культура, архаизмы кургана 31 в урочище Клады; ритуальный комплекс поселения Константиновское) [7, с. 65–74]. Наконец, было выявлено, что именно распространение производящей экономики в ландшафтной нише ПЖИ явилось причиной их исчезновения.

² По результатам эксперимента было установлено, что следы от работы с деревом на породах такой мягкости имеют другой характер.

³ Целенаправленный поиск таких следов не выявил. Более того, породы такой мягкости плохо поддаются ударному воздействию из-за высокой вязкости и обычно обрабатываются пилением и шлифовкой.

⁴ Устное сообщение А.А. Ткачёва.

Наиболее непротиворечиво объединить вышеизложенные наблюдения, как то: избирательность ландшафтного окружения (степи, лесостепи), петрографические характеристики материала (преобладание огнеупорных видов сырья), результаты трасологических наблюдений (однотипность следов сработанности в желобке и их специфические черты), характер разрушений (термический), а также экономическая направленность культур-носителей (зависимость от присваиваемого типа хозяйства) – способна гипотеза об использовании «утюжков» в качестве инструмента для изготовления (выпрямление) лёгких (тростник) древков стрел и дротиков. Именно лёгких, соответственно ландшафтным и географическим приоритетам, поскольку, перефразируя С.А. Семёнова, в природе не так часто встречаются вполне прямые стебли тростника, пригодные для изготовления древков [2, с. 108]. Суть новационной технологии сводится к выпрямлению на предварительно разогретом «утюжке» узловатых заготовок через деликатное воздействие в технике нажима с элементами вращения на сочленения и возвратно-поступательных движений для изогнутого отрезка стебля. Реконструкция технологии изготовления тростниковых древков с помощью желобчатого инструмента хорошо выверяется этнографическими параллелями: у индейцев Америки зоны лесостепей и саванн однотипные с «утюжками» предметы с глубокой древности, судя по дополняющему этнографический археологическому контексту, применялись именно в этом качестве и известны как выпрямители древков стрел [30, рис. 5]. Таким образом, «утюжки» действительно можно относить к ещё одной разновидности выпрямителей древков, специализированных для травянистых стеблей типа тростника. Сравнительный анализ распространения песчаниковых выпрямителей и «утюжков» это убедительно подтверждает: в степной зоне Евразии присутствуют «утюжки» и нет шлифовальников-калибраторов; в лесной зоне от Западной Европы до Восточной Сибири последние фиксируются повсеместно, но нет «утюжков»; в контактной лесостепной зоне отмечены и те и другие.

Разговор о выпрямителях будет неполным, если не упомянуть ещё об одной технике и соответствующем ей инструменте. Этот способ предназначен для выпрямления древков из древесных прутьев, но основан не на абразивной технике, а на технике изгиба. У С.А. Семёнова он досконально описан, правда, по непонятной причине его применение ограничено древками копий в палеолите [2, с. 108–109]. Скорее всего, такой вывод был продиктован исходной коллекцией палеолитических выпрямителей из кости, рога и бивня, которые действительно были специализированы для работы с древками копий. Между тем эта техника прекрасно подходит и для работы с древками стрел и в этом качестве доживает до этнографической современности и широко представлена у разных народов. Поскольку выпрямление деревянного прута для стрелы требует намного меньше усилий, нежели выпрямление древка копья, оно может осуществляться в облегчённой манере с упрощённым инструментом или вообще без него. Как показывают этнографические и экспериментальные данные, здесь вполне удобны и эффективны простые щемилки, а также несложные деревянные, костяные и каменные перфорированные инструменты, которые позволяют фиксировать и удерживать точку изгиба. В этнографических коллекциях Америки, где счёт таких изделий идёт на десятки и сотни, большая часть приспособлений выполнена из кости и дерева [30, рис. 3]. В Северной Евразии о перфорированных выпрямителях в неолите известно мало, хотя в мезолитических комплексах их фиксируют [см., например: 13, с. 22, рис. 25]. В чём здесь причина – неясно: возможно, они оказались не востребованными из-за широкого распространения песчаниковых калибраторов; возможно, проблема кроется в плохой сохранности и даже полном отсутствии органики на многих памятниках, а может быть, мы их просто не видим, поскольку в современной сибирской этнографии они, подобно «утюжкам», не представлены. Однако если они существовали, в археологических материалах должны были сохраниться по крайней мере каменные образцы. Автор имел возможность наблюдать таковые в коллекциях американских музеев. Они немногочисленны по отношению к основной массе выпрямителей и имеют характерный, функционально обусловленный внешний вид: изделия – небольшого размера, с биконическим отверстием в центре. Форма таких выпрямителей чаще близка к дисковидной, но есть и овальные, и даже треугольные экземпляры. Толщина не превышает 3–4 см. Биконический профиль отверстия диктуется спецификой технологии: создаётся точка изгиба. Диаметр наиболее узкой части хода обычно соответствует диаметру древков стрел и дротиков или незначительно превышает их, достигая 2,5–3,5 см, чаще – 1–2 см. В литературе не удалось найти описания следов утилизации перфорированных выпрямителей. Поэтому в ходе эксперимента по изучению амплитуды возможностей использования «утюжков» такие следы были целенаправленно отслежены⁵. Оказалось, что в отличие от тростниковых следов, имеющих преимущественно продольную линейную направленность в сопровождении заполировки с углистым оттенком, следы от древесных заготовок (ивовый прут) показывают преобладание поперечных линий в сочетании с плотной и яркой, напоминающей стеклянную (очевидно, из выделяющегося древесного сока), заполировкой чёрного цвета. Именно такие следы наиболее вероятно должны наблюдаться на рабочей кромке отверстия выпрямителя.

В литературе диски неизвестного назначения с такими характеристиками действительно периодически фиксируются (рис. 4, 5). На основании аналогов, как правило, хронологически и территориально удалённых, их интерпретируют как утяжелители для палок-копалок [34], для сверла, заступа; как булавы для глушения пойманной рыбы, оружие [31] либо как ритуальные предметы вплоть до мобильных петроглифов [34; 31; 35] и т.д. Наиболее крупная коллекция дисков зафиксирована в материалах ботайской и терсекской куль-

⁵ Трасологический анализ выполнен С.Н. Скочиной, научным сотрудником Лаборатории археологии и естественнонаучных методов Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН.

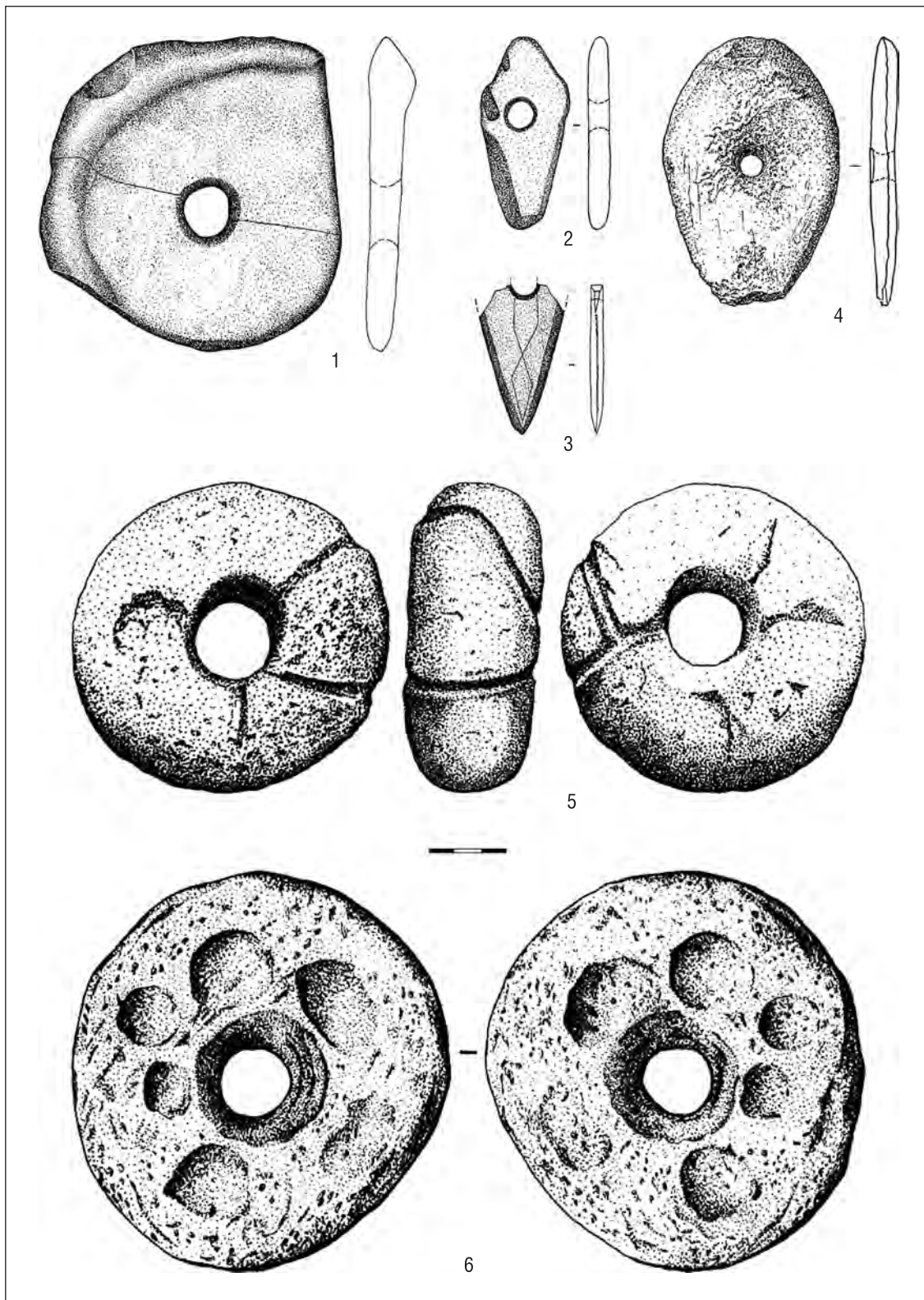

Рис. 4. Диски и другие перфорированные изделия:
 1–4 – стоянка Ивановское VII, Центр Русской равнины; 5 – Синий Гай, Приморье; 6 – Сакии-Алян, Приамурье
 (1–4 – по М.Г. Жилину и др. [13]; 5–6 – по Д.Л. Бродянскому [31])

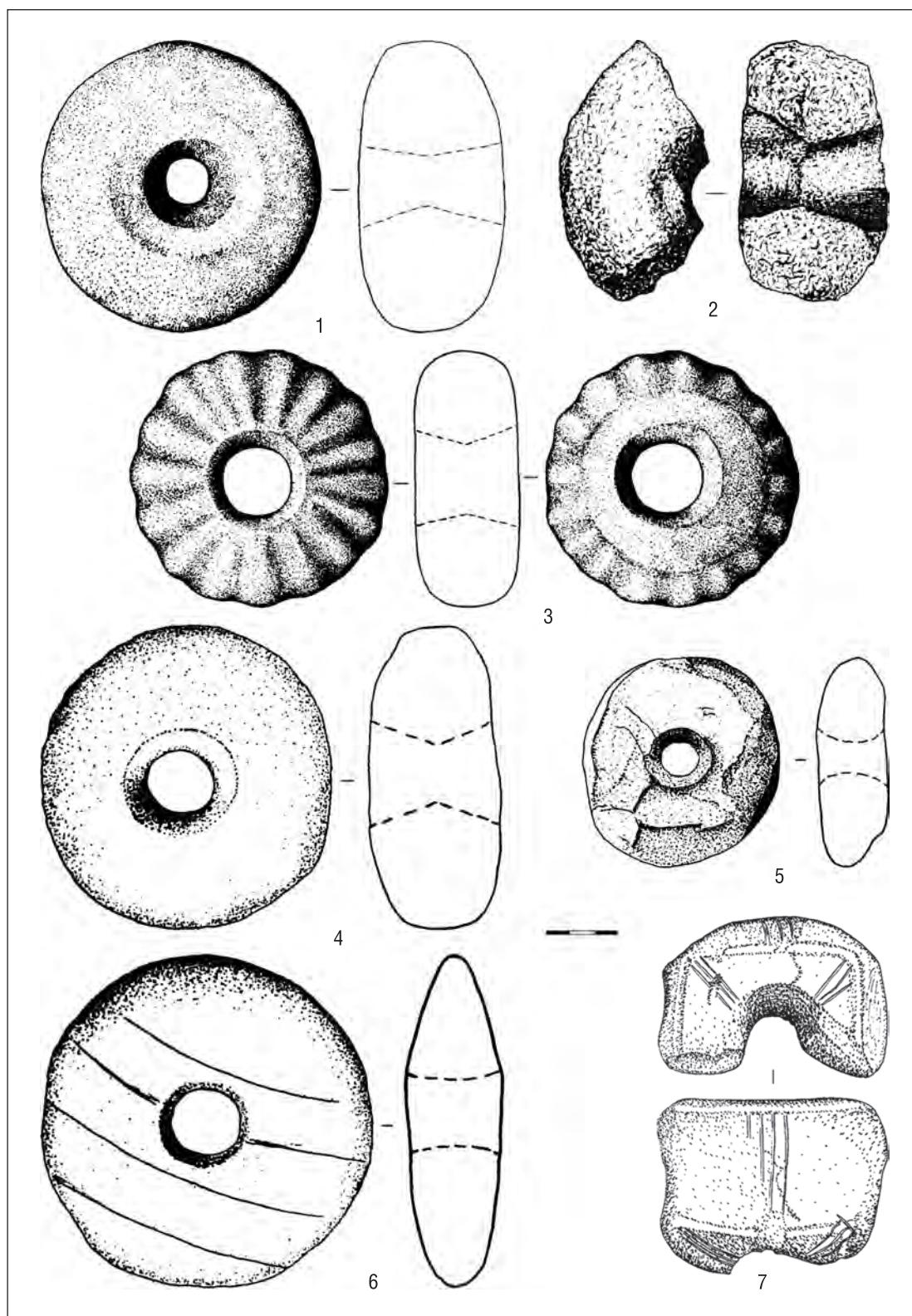

Рис. 5. Диски:

1, 3 – поселение Кожай, Казахстан; 2, 4–7 – поселение Ботай, Казахстан
 (1, 3 – по С.С. Калиевой [32]; 2, 4–7 – по В.Ф. Зайбергу [33])

тур Северного Казахстана, где они внезапно появляются в энеолите и столь же внезапно исчезают. Причём фиксируются не повсеместно, но лишь на определённых территориях и часто в ограниченном количестве [34, с. 144]. Иначе – на поселении Ботай, где, по данным на 1984 г., с двух наиболее крупных раскопов (всего на тот период их было заложено 18) и сборов с прибрежной полосы получено 1125 изделий целых и в обломках. Местные перфорированные образцы представляют собой небольшие (3–17 см в длину), разнообразные по качеству обработки и оформлению края изделия из камня уплощённо-округлой, в отдельных случаях овальной или подпрямоугольной формы с отверстием в центре. Согласно существующей градации, мелкие изделия выделены в самостоятельную группу – пряслиц. Название диски сохранено только за средними и крупными изделиями такого рода (общий диаметр 6,5–11 (до 17) см, диаметр отверстия – 1–1,5–2–2,6 см, вес – 150–800, до 2500 г) [34, с. 139]. Для дисков в узком значении термина характерна биконическая форма отверстия, реже отмечены цилиндрический и конический профили [34, с. 138]. При этом их исследователем отмечается, что биконическая форма отверстия на изделиях этого типа не является особенностью только ботайских дисков, напротив, она широко распространена как в Казахстане, так и далеко за его пределами. Это даже послужило основанием для высказываний о её неслучайном характере [34, с. 143; 36, р. 80]. Для производства ботайских дисков использовались плитки тонкозернистого аплита и конкреции песчаника. Обе породы относятся к абразивным, а потому просты в обработке, но в силу своей зернистости хрупки в использовании. На дисках повсеместно отмечены следы сработанности, которые сосредоточены только в самой узкой части канала и представляют собой очень плотную затёртость [34, с. 138, 145]. С.С. Калиева и В.Н. Логвин, описывая отверстия терсекских дисков, по всем показателям аналогичных ботайским, уточняют, что «очень часто на сильно заполированной поверхности срединной части биконического отверстия или по всей площади цилиндрического видны тонкие концентрические круги» [37, с. 67], что абсолютно совпадает с нашими наблюдениями следов от выпрямления ивовых прутьев.

За пределами ботайской и терсекской энеолитических культур Северного Казахстана, согласно данным В.И. Зайтова, некоторое количество дисков зафиксировано на территории Средней Азии и Кавказа. Имеются сведения о существовании морфологически близких изделий в Африке (почти повсеместно, но особенно много на восточном побережье и в ЮАР), Америке (Калифорния) и Европе (упомянут факт их частой встречаемости в коллекциях музеев Швеции, Норвегии, Германии и Финляндии) [34, с. 142–143]. По мнению автора исследования, высокая степень морфологической тождественности и метрической идентичности этих изделий вплоть до особенностей технологии изготовления как самих перфорированных дисков, так и их срединных отверстий, а также высокий процент фрагментированности изделий имеют в своей основе не столько культурно-историческую последовательность, сколько их функциональное тождество [34, с. 143]. На основании этнографических параллелей с Южной Африкой (бушмены) и Северной Америкой (индейцы Калифорнии) он в качестве такой функции видит, как уже отмечалось выше, использование всех перфорированных изделий в качестве утяжелителя к палке-копалке [34, с. 145].

К сожалению, отсутствие хроностратиграфических привязок находок с разных территорий и сравнительного контекстуального анализа условий их функционирования хотя бы на уровне общих палеогеографических реконструкций значительно обедняет работу и ставит под сомнение однозначность вывода. Не в пользу гипотезы работает и отсутствие результатов трасологических наблюдений, не говоря уже о том, что прямые этнографические параллели без их дополнительного обоснования хотя бы по одному из трёх основополагающих принципов: стадильности, генетического и экологического соответствия, – не популярны в современной археологии. Кроме того, здесь явно необходимы эксперимент и хорошее обоснование внезапно возникшей и столь же внезапно исчезнувшей потребности в палках-копалках на данной конкретной территории в энеолитическое время.

Если посмотреть на распространение дисков не только с позиций их типологической однородности, но и с позиций ландшафтного районирования, увидим, что по крайней мере часть находок соотносится с малопригодной для сельскохозяйственных занятий лесной зоной. Что касается лесостепных ландшафтов, где собственно и расположено поселение Ботай, здесь диски не только присутствуют, но часто встречаются на одних и тех же памятниках и даже залегают в одном культурном слое, что и «утюжки» (поселения Ботай, Кожай, Сергеевка, Красный Яр и др.). И это оказывается совершенно логичным в свете нижеследующих рассуждений.

Лесной и лесостепной ландшафтный фон в совокупности с вышеприведённой подборкой наблюдений об исходном материале, размерах и морфологии сквозного канала, фиксируемых следах утилизации и хронологии изделий делают перфорированные диски идеальным кандидатом на роль выпрямителей в технике изгиба и, возможно, инструментов для шкурения заготовок древков стрел и дротиков из древесных прутьев. В этом контексте легко находит объяснение даже высокий процент фрагментированности дисков без следов удара: к ней неизбежно приводит сильное точечное давление древка в процессе прямления. Уместными оказываются и сомнения В.Ф. Зайберта, который неоднократно пытался соотнести между собой «утюжки» и половинные обломки дисков, внешне очень похожие друг на друга. Исследователем даже неоднократно высказывалось мнение, что часть «утюжков» выполнена на обломках дисков [17, с. 226; 33, с. 318].

Однако напомним: различия между «утюжками» и дисками есть и очень существенные – это исходное сырьё и нюансы следов сработанности. И если сходство, выраженное главным образом в размерах рабочей части, может рассматриваться как показатель однотипности обрабатываемых заготовок – округлых, протяжённых и выполненных из достаточно эластичного материала (древки стрел и дротиков), то отличие в следах сработанности свидетельствует о сырьевой специфике обрабатываемого материала (тростник и дере-

во), а разница в подборе пород камня для изготовления инструментов – об особенностях соответствующих технологических операций (требования огнеупорности в первом случае и абразивных качеств – во втором).

Ответ на вопрос о кратковременности существования ботайских перфорированных дисков при таком подходе, скорее всего, следует искать в перипетиях исторической судьбы оставивших их культур и естественной динамике того природно-климатического окружения, в контексте которого они существовали. М.К. Хабдулина и Г.Б. Зданович, на основе работ по палеоэкологии [цит. по: 38, с. 62], пришли к выводу, что в атлантический период (8000–5000 лет назад) в Южной Сибири и на севере Казахстана произошло расширение площади лесов. К концу периода (энеолит) лесостепь располагалась в Казахстане, далеко южнее пределов Западной Сибири. Причиной столь кардинальной подвижки границы леса явилось климатическое потепление, сопровождавшееся повышением увлажнённости. Геоморфологические, палеозоологические и палеопочвенные исследования разрезов энеолитического поселения Ботай полностью подтверждают это. На пойменных участках в этот период неизбежно было появиться обилие всех видов подлеска и кустарниковой растительности, перспективных для изготовления удобных и более долговечных, чем тростниковые, древков из древесных прутьев. Однако пограничный характер степной/лесостепной зон неизбежно предполагает значительную подвижность климатических условий. Возможно, именно противофазовым колебанием ландшафтно-климатических условий во II тыс. до н.э. (сильная аридизация) следует объяснять утрату традиции изготовления древков с помощью дисков на территории современного Северного Казахстана в следующий за энеолитом период.

Скорее как выпрямители, а не как утяжелители к палке-копалке следует рассматривать и другие похожие диски, происходящие из нео-, энеолитических материалов лесной зоны от Приамурья до Швеции, особенно там, где отмечается их повышенная концентрация, как, например, в неолите Приморья и Приамурья, где уже зафиксировано несколько десятков таких изделий (рис. 4: 5, 6), или в материалах неолитической льяловской культуры Верхнего Поволжья (рис. 4: 1–4) [13; 31], тем самым добавляя к многочисленным версиям функционального назначения дисков, перечисленным в работах предшествующих исследователей, ещё одну – выпрямители древков. Эта гипотеза достаточно обоснована и, что важно, не противоречит, в отличие от большинства других, логике физико-морфологической специфики перфорированных дисков, как то: сырьё, вес, форма каналов, диаметр рабочей части и т.д., а также их природному окружению. Тем не менее считаю важным акцентировать, что у дисков, так же как это было прослежено у «утюжков», функция выпрямления древков могла быть ведущей, но вряд ли единственной: слишком велико их многообразие. Полевой эксперимент и трасологические исследования легко могли бы отсортировать существующие гипотезы и выделить те, которые продуктивны по результатам и трасологическому соответствию следов износа археологическим образцам. Эта стратегия была реализована в отношении «утюжков» и вполне уместна для проверки гипотезы использования перфорированных дисков в качестве выпрямителей древков стрел и дротиков из древесных прутьев.

Выводы

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что благодаря работе над интерпретацией «утюжков» и дисков впервые применительно к каменному веку Евразии было обращено внимание на многообразие способов и традиций изготовления древков стрел и дротиков в неолите. В данной статье описаны три технологии изготовления древков, ориентированные на применение специальных инструментов. Два способа, основанные на абразивной технике и технике сгибания, предназначены для древков из древесных прутьев, третий (техника лёгкого нажима с элементами вращения и возвратно-поступательных движений с применением нагревания) – для древков из тростника. Эффективные для дерева первые способы абсолютно исключены для тростника из-за изначальной хрупкости последнего, тогда как третий способ, в свою очередь, не продуктивен для древесного прута. И что важно, этими технологиями этнографически зафиксированное многообразие способов не исчерпывается. Вариативность приёмов в изготовлении древков стрел оказывается связана не только с существованием определённых культурных традиций и избирательным отношением к сырью, но также с теми адаптивными механизмами, которые, мгновенно отзываясь на колебания природной среды, делают устойчивой систему жизнеобеспечения древних обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стукалин Ю.В. Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. М., 2008.
2. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
3. Müller-Karpe, H. Handbuch der Vorgeschichte // Band II. Jungsteinzeit. München, 1968.
4. Городцов В.А. Культура бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского Императорского Исторического музея в Москве за 1914 г. М., 1915.
5. Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
6. Усачева И.В. Критический обзор гипотез функционального назначения «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2012. Вып. 1 (16).
7. Усачева И.В. «Утюжки» Евразии. Новосибирск, 2013.
8. Бадер Н.О. Некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюльтепе в Северном Ираке // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
9. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
10. Массон В.М. Поселение Джейтун. Л., 1971. (МИА. № 180)
11. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975. (Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 10)

12. Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968. (МИА. № 141)
13. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энговатова. М., 2002.
14. Усачева И.В. «Утюжки» из фондов Тюменского областного краеведческого музея // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2002. Вып. 16. Тюмень, 2003.
15. Шорин А.Ф. Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997–1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
16. Даниленко В.Н. Неолит Украины. Главы древней истории Юго-Восточной Европы. Киев, 1969.
17. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.
18. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000.
19. Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск, 1992.
20. Шеков В.А., Мясникова О.В., Иванов А.А. Тальковый камень – его свойства и пути использования // Технологическая минералогия, методы переработки минерального сырья и новые материалы. Петрозаводск, 2010.
21. Тальк // Горная энциклопедия. Режим доступа: <http://www.mining-enc.ru/t/talk/> – Заглавие с экрана.
22. Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968. (МИА. № 141)
23. Коробкова Г.Ф. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
24. Алексащенко Н.А. «Утюжки» под микроскопом // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
25. Walter, A. Fairervis, Jr. Archaeology of the Southern Gobi of Mongolia. Durham, 1993.
26. Drew, I.M. Laboratory Report // American Anthropologist. Menacha, 1970. № 4 (Vol. 72).
27. Панова Н.К., Антипина Т.Г. Динамика растительности и природных условий по данным палинологического и ботанического анализов // Варга 2. Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007.
28. Зарецкая Н.Е. Хронология, вещественный состав и история развития Горбуновского торфяника в голоцене // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2010.
29. Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н. Хронология, стратиграфия отложений и динамика природной обстановки // Варга 2. Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007.
30. Усачева И.В. «Утюжки»: реконструкция функции // Археология, Этнография и Антропология Евразии. Новосибирск, 2013. № 4 (56).
31. Бродянский Д.Л. Сверленные каменные диски, как еще один вид мобильных петроглифов в неолите Приамурья и Присорья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 4. Казань, 2014.
32. Калиева С.С. Поселение Кожай I. Алматы, 1998.
33. Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы, 2009.
34. Заитов В.И. Каменные перфорированные диски поселения Ботай // РА. 1992. № 2.
35. Сериков Ю.Б. Гравировки по камню – редкий вид изобразительного искусства // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова 27–30 мая 2009 г., Казань. Казань, 2011. (Археология евразийских степей. Вып. 11)
36. Broadbent, N. Perforated Stones, Antlers and Stone Picks. Evidence for the Use of Digging Stick in Scandinavia and Finland. Tor. XVII. 1975–77 (1978).
37. Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997.
38. Яблонский Л.Т. Восстановление лица по черепу человека из погребения на стоянке Шидерты 3 и проблема раннего расогенеза на территории Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002.

**ФГБУН «Институт проблем освоения Севера» Сибирского отделения РАН,
Тюмень**

I.V. Usachyeva

ARROW SHAFT STRAIGHTENERS OF NORTH EURASIA (NEOLITHIC AND AENEOLITHIC)

Summary

The quality of the arrow is largely determined by the quality of the shaft, - first and foremost, by how straight it is. There are several methods of straightening shafts. The choice depends on the raw material of the crude product. Some of the methods do not require the use of special tools, and, therefore, are not documented in archaeology. Other methods do require the use of such tools. There exist at least three types of shaft straighteners in archaeological finds of the Northern Eurasia contain. They include sandstone doubles and singles with an longitudinal groove, «utyuzhki» and disks. Today there is a rather impressive body of evidence confirming their use for this purpose. Judging by the type of the tool, it's easy to determine how a particular shaft was produced. On the one hand, such a seemingly trifling detail reveals the occurrence of various adaptational strategies, which correlate with landscape zones. On the other hand, it indicates peculiarities of life sustenance of its users and, in some cases, spread of certain cultural traditions.

*Federal State Budgetary Scientific Institution «Institute of Problems of Development of the North»,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
86, Malygina St., Tyumen', 625003, Russia
E-mail: i.usachova@gmail.ru*

Ю.Б. Сериков

К ВОПРОСУ ОБ УТИЛИТАРНОМ И САКРАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ УТЮЖКОВ

В литературе вытянутые объёмные изделия из камня или глины с поперечным желобком получили название «утюжки» [1, с. 24]. На Украине их называют «човники» или «челноки». Д.Я. Телегин вслед за А.В. Добровольским пишет, что они по форме очень похожи на ткацкие челноки, от чего и произошло их название [2, с. 20]. Но возможна и другая интерпретация: на украинском языке «човник» и «челнок» – это уменьшительное от слова «човень», «челн», т.е. «лодка». Следовательно, оба термина с украинского языка можно перевести как «лодочка». Кстати, в перевёрнутом виде «утюжок», действительно, похож на лодочку.

«Утюжки» – загадочные предметы, часто “богато” орнаментированные (рис. 1), – уже давно привлекают внимание многих исследователей. Но наиболее полный и разносторонний анализ «утюжков» проделан И.В. Усачёвой в 2007 г. в её кандидатской диссертации «Утюжки» Евразии как исторический источник» [3]. Интерес к данной теме обозначился у неё ещё в студенческие годы, когда в 1978 г. на Всероссийской археологической студенческой конференции в Москве она выступила с докладом «К вопросу об изучении «утюжков». Впоследствии она неоднократно возвращалась к данной теме, что отразилось в целой серии публикаций [4, с. 87–88; 5, с. 204–209; 6, с. 107–113; 7, с. 12–23; 8, с. 63–74; 9, с. 4–11; 10, с. 317–319; 11, с. 256–259; 12, с. 30–43; 13, с. 119–121; 14, с. 218–220; 15, с. 94–97; 16, с. 268–270; 17, с. 12–19; 18, с. 11–19; 19, с. 22–30].

«Утюжки» имеют широкое распространение как по территории, так и во времени. Находки «утюжков» известны от Молдавии до Монголии и от Северной Африки до таёжной зоны. Всего на этой территории И.В. Усачёвой отмечено около 450 «утюжков». Наибольшая их концентрация зафиксирована на Украине, Урале и Ближнем Востоке. Бытовали они с мезолита до развитого периода эпохи бронзы [3, с. 9–10, 13].

К настоящему времени мнения об использовании «утюжков» сконцентрировались в двух направлениях: «утюжки» служили в качестве определённых орудий и «утюжки» – предметы сакрального назначения. Некоторые гипотезы чисто умозрительны и не подкрепляются никакими фактами. К ним относятся: «утюжки» использовались в качестве маховичков для добывания огня лучковым способом [20, с. 108; 2, с. 21] или в качестве приспособлений для скручивания веревок [21, с. 38–40]. Оригинальная гипотеза предложена А.П. Окладниковым в 1966 г.: «утюжки» служили грузиками для копьеметалки (атлатля) [22, с. 123–124]. Наибольшее распространение получили два предположения: «утюжки» использовались для разглаживания шкур и швов или для шлифования или полирования древков стрел или костяных наконечников. Недавно появилась ещё одна гипотеза, выдвинутая И.В. Усачёвой: «утюжки» служили для выпрямления и уплотнения камышовых или тростниковых древков стрел [8, с. 70–72]. Сложность в изучении «утюжков» усиливается тем, что в этнографии и мифологии уральских и сибирских народов нет ничего похожего на «утюжки».

Прежде чем перейти к анализу использования «утюжков» как орудий, необходимо напомнить, что для всех каменных орудий за тысячи лет их развития были выработаны наиболее подходящие для определённого вида работы формы рабочих краёв и поверхностей. Если это концевой скребок, то у него всегда выпуклый дугообразный рабочий край. У скребка бокового рабочий край прямой. Ножи, исходя из своего назначения (мясной, кожевенный, строгальный), имеют прямой, выпуклый или вогнутый рабочий край. У песта рабочая поверхность всегда выпукла. У ложила рабочая поверхность вогнута или выпукла, смотря какую сторону сосуда им обрабатывали. Если «утюжки» действительно служили орудиями, то и для них за 9–8 тысяч лет бытования должны были быть выработаны стандартизированные, характерные для всех изделий, рабочие поверхности.

Исходя из формы «утюжков», у них можно выделить всего две потенциальные рабочие части: желобок и нижнюю поверхность. Именно они и “участвуют” в различных гипотезах использования «утюжков» в качестве орудий.

Рассмотрим данные гипотезы. Чтобы успешно выполнять функцию разглаживания шкур или швов, «утюжки» должны обладать приличным весом и ровной нижней поверхностью. Вес «утюжков» колеблется от 80 до 680 г, их средний вес, по данным И.В. Усачёвой, составляет 100–300 г, причём крупные и тяжёлые экземпляры единичны [3, с. 10]. Далеко не все «утюжки» обладают ровной нижней поверхностью. Встречаются изделия, у которых нижняя поверхность вообще оставлена без обработки (Шайтанское озеро I), мно-

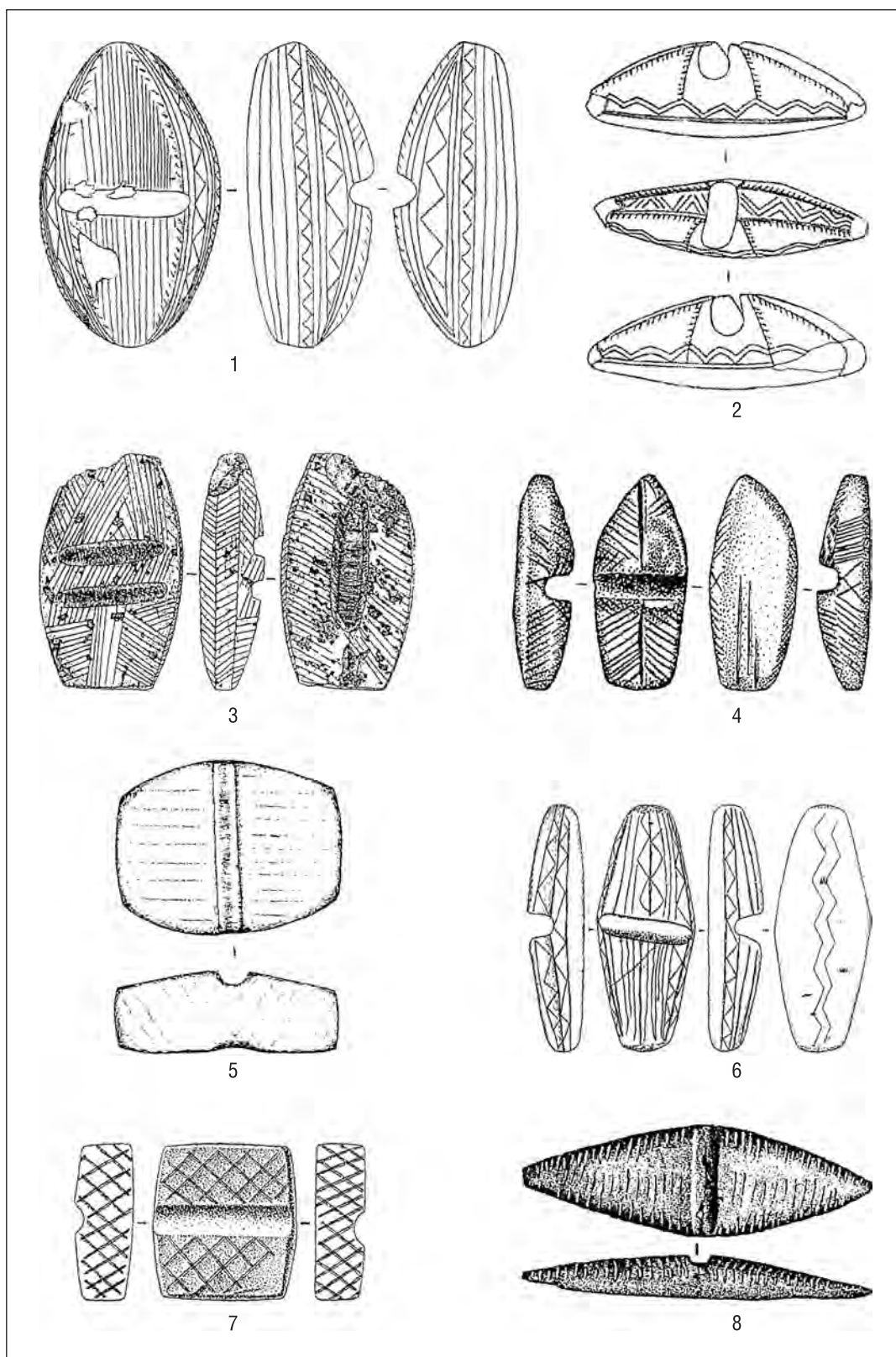

Рис. 1. «Утюжки» с гравировками: 1 – 1 Андреевская стоянка; 2 – Кизил-Чилик; 3, 5 – Шайтанское озеро I; 4 – Суртанды VI; 6 – Южный берег Андреевского озера V; 7 – Перевозный III; 8 – Разбойничий остров

гие «утюжки» имеют орнаментированную нижнюю поверхность (на Урале это Сауз, Суртанды VI, Берёзки V, Коптяки 6, Палатки I, Шайтанское озеро I и другие). Кроме этого, у некоторых «утюжков» верхний желобок дополняется продольным, поперечным или диагональным желобком на нижней поверхности, иногда на ней вырезаны углубления для литья, делающие «утюжки» своеобразными литейными формами (Мартышкина Балка, Новосвободная, Улы-Жиланшик, Шайтанское озеро I). Перечисленные особенности в оформлении нижних поверхностей «утюжков» достоверно свидетельствуют, что они не могли использоваться для разглаживания шкур или швов. Впрочем, от этой гипотезы большинство археологов давно отказались.

Гипотезы, связанные с использованием в качестве рабочей части желобка, также лишены аргументированных доказательств. Желобки неоднократно подвергались трасологическому анализу различными археологами (С.А. Семёновым, Г.Ф. Коробковой, Н.А. Алексащенко, С.Н. Скочиной и другими). И все находили в желобках тонкие продольные или поперечные риски. Но тогда как быть с желобками, внутри которых нанесён резной орнамент? Автором просмотрено под биноклем около 30 «утюжков», и никаких следов, кроме следов обработки, им не обнаружено. Большая часть «утюжков» изготовлена из мягких минералов, по данным И.В. Усачёвой, свыше 76 % выполнены из талько-хлоритовых пород. Причём она считает, что этот процент сильно занижен [3, с. 10]. Талько-хлоритовые породы легко режутся даже ногтем. На мягких породах следы обработки и следы сработанности выглядят настолько идентично, что различить их практически невозможно.

Отсюда же вытекает и второе возражение. Мягкие породы в силу отсутствия зернистости не могли служить абразивами для шлифования древков стрел или наконечников. Не могли они использоваться и для полирования. Костяные наконечники, будучи более твёрдыми, просто пропиливали бы в тальке глубокие канавки, чего фактически мы не наблюдаем. Следует также учесть большой разбой в диаметрах желобков (от 0,4 до 1,8 см) и в их сечениях (овальные, треугольные, прямоугольные, трапециевидные, пятиугольные). Орудия, предназначенные для калибрования такого массового и стандартизированного охотничьего снаряжения, как древки стрел, не должны иметь такие большие различия. Тем более, что калибровка древков стрел в желобках не округлого профиля вообще невозможна. Считать же эти желобки незаконченными в обработке – значит уклоняться от решения проблемы.

По поводу гипотезы И.В. Усачёвой хотелось бы сказать следующее. Наконечники стрел из камня и кости, в частности на уральских памятниках, являются самыми распространёнными орудиями от мезолита до раннего железного века. Известны и находки древков стрел каменного века на Висском, Горбуновском и Шигирском торфяниках, а также в пещерном святилище на камне Дыроватом (р. Чусовая). Обычно они изготовлены из прямослойной древесины (сосны) и имеют диаметр, мало совпадающий с диаметром желобков на «утюжках», – около 1,5 см. Находки древков стрел, выполненных из тростника или камыша, в более чем 20 торфяниковых памятниках Урала, неизвестны. А ведь Урал был одним из районов концентрации «утюжков» – 140 экз. К тому же тростниковое или камышовое древко легче деревянного, поэтому убойная сила стрелы меньше. Также остаётся неясным, как такое лёгкое древко будет соотноситься с весом довольно тяжёлого каменного или костяного наконечника, что важно для центрирования стрелы и, следовательно, для точности выстрела. И наконец, орудия, предназначенные для калибровки такого массового изделия, как древки стрел, должны иметь такое же массовое распространение. 450 «утюжков», рассеянных на громадной территории и в большом хронологическом диапазоне, с функцией калибрования (шлифования, полирования или выпрямления) древков стрел справиться не могли. Стоит также привести мнение А.П. Окладникова, который считал удивительным, что «столько труда и изощренного упорства» «тратилось на изготовление простого инструмента типа ложила или полировальника» [22, с. 123].

Гипотезу А.П. Окладникова об использовании «утюжков» в качестве грузиков для копьеметалок полностью поддерживает И.М. Гавриленко, хотя никаких новых фактов к ней не добавляет [21, с. 40–42]. Между тем Ю.В. Панченко справедливо отмечает, что находки копьеметалок послепалеолитического времени на территории Европы неизвестны. К этому он добавляет расположение желобков не в центре изделия, а также большие размеры некоторых «утюжков» [23, с. 80–81], что, безусловно, препятствовало применению данных изделий в качестве грузиков для атлатлей. После находки массивного утюжка в погребении могильника Крутиха-5 [24, с. 41; табл. XXXI, XXXII] А.П. Окладников отошёл от этой версии. И действительно, по этнографическим данным, вес грузиков для атлатлей не превышал 85 г, тогда как средний вес «утюжков» равен 100–300 г и доходит до 680 г.

Таким образом, все существующие гипотезы использования «утюжков» в качестве каких-либо орудий не подтверждаются имеющимися фактами. Практически к таким же выводам (за небольшим исключением) приходит И.В. Усачёва в одной из последних своих работ [19, с. 22–27].

Теперь рассмотрим сакральное направление в использовании «утюжков». Вариаций на эту тему довольно много. В.Ф. Зайберт видит в «утюжках» стилизованные женские символы, в которых желобок выступал в роли женского начала. Соединение желобка со стрелой (символом мужского начала) обозначало магический обряд совокупления [25, с. 75–79]. С культом плодородия соотносили «утюжки» и В.Т. Ковалёва и С.Н. Зырянова, которые, как и В.Ф. Зайберт, в соединении желобка и стрелы видели всё тот же ритуал совокупления [26, с. 177]. Позднее В.Т. Ковалёва трактует «утюжки» «как образ горы-земли, поднимающейся из воды в результате активности хтонических сил. ... Желобок – углубление в земле, ее лоно, принимающее влагу, небесные воды. Он маркировал земной центр, от которого в результате орошения земли водой распространялась жизнь» [27, с. 17]. В этом же сборнике в соавторстве с С.Н. Шиловым В.Т. Ковалёва публикует ещё

одну гипотезу сакрального наполнения «утюжков». Функция «утюжков» расшифровывается уже через реконструкцию прообраза Индры. В итоге «утюжки» становятся символами земли и «использовались в ритуале, состоящем в том, чтобы пробить отверстие в горе» (это действие авторы связывают с космогоническими представлениями) [28, с. 125–126]. Спустя 9 лет к образу горы В.Т. Ковалёва (вместе с С.Ю. Зыряновой) добавляет ещё одно назначение желобка, в котором она видит разлом в горе, связанный с символическим высвобождением богатств из земли-горы [29, с. 153–154]. В.Д. Викторова и В.Ф. Кернер сакральное назначение «утюжков» пытаются раскрыть через знаковую систему орнамента на них. В результате они приходят к выводу, что «утюжки» являлись знаками антропоморфной фигуры. А дальше – всё то же соединение мужского и женского начал, которое было связано с завершением охотничьего сезона [30, с. 71–79]. В другой своей работе В.Д. Викторова видит в «утюжке» символ зародыша Вселенной и считает, что «утюжки» в сочетании с сосудами с богатой орнаментацией являлись маркерами ритуальных мест [31, с. 59, 65]. Ю.В. Панченко, анализируя орнаментированные «утюжки» из собрания Национального музея истории Украины, рассматривает разные точки зрения на использование этих изделий и в итоге относит их к произведениям искусства, а именно – к ихтиоморфным скульптурам [23, с. 81]. В следующем году он выдвигает ещё одно предположение: «утюжки» использовались в качестве насадок на жезлы [32, с. 63–64]. В.Е. Пушкарёв предлагает в высказываемых гипотезах найти объяснение каждой характеристике «утюжков». К ним он относит форму, желобок, орнамент и материал. Результаты анализа приводят его к мысли, что «утюжки» являются ритуальными предметами, возможно, связанными с культом плодородия. Также он допускает, что «утюжки» «играли роль переносных алтарных камней и при переселении с их помощью освящали новые места» [33, с. 61, 64].

И.В. Усачёва, выделяя иррациональные черты в оформлении «утюжков» (прежде всего их орнаментацию), выстраивает очень интересную концепцию их семантического наполнения. Она подчёркивает, что в различные эпохи «утюжки» могли иметь разную конкретику. Но главным в семиотическом статусе «утюжков» она считает «архаическую концепцию круговорота жизни и смерти объектов охоты и самого человека, реализованную через соответствующий космогонический миф». В этой гипотезе она связывает функциональное и сакральное назначение «утюжков» в единое целое. То есть изготовление при помощи «утюжков» древков стрел представляется в качестве космологического ритуала воспроизводства всего живого [18, с. 11–19].

Можно не сомневаться, что со временем количество подобных гипотез будет увеличиваться. Однако, как справедливо отмечает И.В. Усачёва, использование мифологии для реконструкции семантики «утюжков» нуждается в серьёзном обосновании. Иначе все эти «изящные и интересные» построения лишены почвы [3, с. 8].

Таким образом, проведённый анализ показывает, что все имеющиеся гипотезы о функциональном и сакральном назначении «утюжков» не объясняют всех деталей и особенностей их использования.

Так для чего же были предназначены «утюжки»? Выдержанность формы и оформление «утюжков» свидетельствуют о единстве их утилитарного и сакрального использования. И эти функции имели большое значение для древних обществ. Снабжение «утюжков» орнаментом, скульптурными изображениями и углублениями для литья, как и помещение их в погребальные комплексы, клады и святилища, свидетельствует, что эти загадочные и непонятные предметы использовались в важных сакральных целях и принадлежали лицам высокого социального статуса. И если орудия всегда имеют выдержанную форму, то «утюжки», как сакральные предметы, всегда строго индивидуальны, что можно объяснить индивидуальными особенностями конкретного обладателя «утюжка» и спецификой общества (культуры), в котором он наделялся статусными функциями.

Если ознакомиться с имеющимися классификациями «утюжков» И.М. Гавриленко [34, с. 76–80], В.Е. Пушкарёва [33, с. 57–67] и И.В. Усачёвой [3, с. 10–13], то можно увидеть, что только один элемент присутствует на всех изделиях – желобок. Он может иметь различные диаметры и профили и даже орнамент, но он есть всегда. Следовательно, именно желобок является основной и существенной деталью «утюжка». Уже выяснено, что желобок не могли использоваться для шлифования, полирования или выпрямления древков стрел. Для чего же они служили?

Чтобы узнать это, нужно выяснить, какими знаниями обладал древний человек. Анализируя артефакты, археологи реконструируют различные аспекты первобытной техники и хозяйства. Раскрывая утилитарные функции вещей, специалисты могут выявить даже такие особенности техники, от которых не сохранилось материальных свидетельств. При помощи трасологического анализа, например, реконструированы технические приспособления для прорезания пазов, изготовления нефритовых дисков, токарной обработки костяных наконечников стрел, выявлено применение химического размягчения кости и т.п.

Но всё это касается знаний, связанных с утилитарной производственной деятельностью древнего человека. Но были знания и другого характера, в частности астрономические. В настоящее время уже никто не сомневается, что на разных территориях и в разное время древние люди использовали астрономические знания в своих ритуалах и культах [35]. В.Е. Ларичев в своих работах доказывает существование астрономических знаний уже в палеолите [36]. Имеется множество свидетельств об использовании результатов наблюдений за небесными телами и на территории Урала и Зауралья. Знание астрономии отражается в существовании на этой территории святилищ с круговой архитектурой и астрономическими ориентирами [37, с. 147–149; 38, с. 109–114; 39, с. 45–60], а также в календарно-обрядовой практике местного населения [40, с. 101–105; 41, с. 115–119; 42, с. 11–35].

В этом плане определённый интерес представляют некоторые находки с территории Среднего Урала. В пещерном святилище в камне Дыроватом (р. Чусовая) среди костяных мезолитических наконечников стрел имеется вкладышевый наконечник с так называемым календарным орнаментом. По обоим плоскостям наконечника проходят по две параллельные линии, поперёк которых сделаны насечки, расположенные группами. Наконечник фрагментирован, поэтому первоначальное количество групп неизвестно. На одной линии зафиксированы пять групп насечек, из них четыре – полные. Они содержат 7, 7, 7 и 9 насечек. На второй линии находятся четыре группы насечек. Полные из них – только две, в одной группе 13, а в другой 15 насечек. С противоположной стороны наконечника на одной линии – три группы насечек. Две полные содержат 8 и 10 насечек. На второй линии находятся четыре группы насечек. В трёх полных группах содержатся 9, 10 и 10 насечек [43, с. 75, рис. 3: 11]. Очень вероятно, что данный орнамент отражает определённые календарные (астрономические) знания.

Две другие находки датируются энеолитом. Первое изделие найдено на склоне горы вблизи пос. Антоновский южнее Нижнего Тагила [44, с. 31–33]. Оно выполнено из мягкой породы типа хлоритизированного сланца в виде крупного диска овальной формы, размеры которого по длинной оси составляют 14 см, по короткой – 11,8 см. Толщина диска – 1,5 см. Все поверхности диска – лицевая, обратная и ребро – тщательно отшлифованы. В центре изделия находится круглое отверстие диаметром 3,5–3,7 см. По боковым граням диска с двух сторон металлическим орудием сделаны крупные нарезки. На лицевой стороне в одном горизонтальном поясе с отверстием по обе его стороны нанесено по три нарезки, в верхнем полукружии расположены 29 нарезок, в нижнем – 20. На оборотной поверхности по обе стороны отверстия сделаны 4 и 3 нарезки, в верхнем полукружии – 28, в нижнем – 26. На ребре изделия присутствует орнамент в виде зигзагообразной линии. Такая же зигзагообразная линия (только сдвоенная) нанесена и на оборотной стороне. Она идёт по всему периметру диска вдоль орнаментированной нарезками грани. Ниже зигзага в центральной части плоскости располагается более сложный орнамент. Он состоит из тупых углов, соединённых между собой лучами. В одном месте, где лучи не соединяются, имеется разрыв. На вершине каждого угла (за исключением одного) присутствуют парные нарезки. Таких углов всего 12. Вокруг отверстия в вертикальной и горизонтальной плоскостях сделаны длинные сдвоенные нарезки (рис. 2: 1).

На лицевой стороне изделия изображены два антропоморфных фантастических существа. Одно из них стоит, второе (по отношению к первому) – лежит. У стоящего антропоморфа показаны голова, шея, руки, туловище, ноги и хвост. Голова состоит из ромба и двух углов под ним. Широкие плечи заканчиваются парными нарезками, руки от плеч свисают вниз, они – трёхпалые. От локтя левой руки горизонтально протянулся длинный шест(?), на котором через равные промежутки сделаны три пары нарезок, обращённые вниз. На туловище 8 коротких рисок изображают, видимо, рёбра. Одна нога, как и руки, трёхпалая. Голова лежащего антропоморфа показана парными рисками, обращёнными в разные стороны. Плечи и руки у него точно такие же, как и у первой фигуры. На туловище сделаны 7 нарезок (рёбер), ноги не трёхпалые, хвост обозначен зигзагом. Следует отметить, что все гравированные линии на лицевой и оборотной стороне предмета выполнены каменным орудием.

Изучение поверхности изделия позволило выявить несколько участков со следами сильной или заметной залощённости. Прежде всего, заметно залощён соединительный поясок, который всегда образуется при встречном оформлении отверстия. Характер сглаженности и особенности отверстия позволяют предполагать, что изделие служило навершием. Причём надевали его на шест лицевой стороной (с изображением фигур) вниз. Если бы навершие надевалось просто на деревянную основу, следы соприкосновения изделия с деревом дали бы зеркальную заполировку. Здесь же присутствует залощение поверхности, что свидетельствует о том, что между изделием и основой находился мягкий посредник. Отсюда следует, что, прежде чем насадить навершие на деревянную основу, её обматывали тканью или (скорее) шкуркой животного. Это усиливало сцепление с основой, вследствие чего оно прочно насаживалось на шест. Сильно залощёнными оказались также и боковые грани изделия с нарезками. Такое впечатление, что по ним водили пальцем при счёте. Особенно заметно залощены участки на оборотной стороне изделия напротив отверстия – там, где сделаны 4 и 3 нарезки [45, с. 144–147].

Утилитарное и сакральное назначение данного предмета требует специального исследования. Учитывая количество нарезок на гранях диска, можно допустить, что он являлся своеобразным календарём и служил для фиксации и определения значимых астрономических явлений (начало сезонов и месяцев, лунных и солнечных затмений). Детальная расшифровка астрономических значений диска как древнего календаря приведена в работе А.А. Герасименко [46, с. 83–87].

Следует подчеркнуть, что на территории Среднего Зауралья известны и другие диски с «календарным» орнаментом, но меньшего размера и не такие выразительные и информативные, как диск из Антоновска. Подобный диск диаметром 6–6,4 см из идентичного минерального сырья найден в энеолитическом комплексе поселения Шувакиш I недалеко от Екатеринбурга. На нём выгравированы три неясные фигуры, а в области отверстия и по периметру изделия сделаны нарезки, точное число которых не устанавливается из-за повреждённости поверхности диска (рис. 2: 3) [47, с. 93]. Ещё один диск найден на поселении эпохи бронзы Палатки II (окраина г. Екатеринбург). Он имеет овальную форму, размеры – 12×9,5×1,8 см. В центре диска просверлено отверстие. С обеих сторон диск покрыт сложным геометрическим орнаментом. От сверлины к краям диска попарно прорезаны 4 радиальные линии. Справа и слева от линий отходят короткие нарезки, образующие с линиями своеобразные «ёлочки». На участках поверхности, заключённых между парными линиями, вырезано по одному или два угла, направленных вершинами от сверлины. Боковые

стороны углов также украшены рисками. Увеличенные промежутки между парными линиями заполнены короткими штрихами, пересечения которых образуют вокруг сверлины многочисленные косые кресты. На одной из сторон орнамент усложняется добавлением к радиальным линиям резных треугольников. Внутри треугольников нарезки, образующие «ёлочки», отсутствуют, зато они переходят на стороны треугольников. По мнению С.Н. Паниной, диск мог служить древним промысловым календарём [48, с. 22]. Третий диск с гравировкой найден на Аятском озере (поселение Шайдуриха 33). Он крупнее вышеописанного, также имеет овальную форму, его размеры – 15,4×12,7×3,5 см. Гравировка на нём похожа на эскиз для первого диска: от сверлины идут парные радиальные линии, но сдвоенные и уже без нарезок. Также в промежутке между двумя линиями, но только на одном участке вписан очень острый угол. На обеих плоскостях присутствуют и другие гравированные линии и риски, которые не вписываются в орнаментальную схему [49, с. 216, рис. 5: 13].

Второе изделие происходит из неолитического культового центра на Шайтанском озере – Шайтанское озеро I. Оно залегало в размытом “богатом” неолитическом погребении на береговом валу озера, в котором находилось 13 подвесок, 16 наконечников стрел, 15 скребков, 11 рубящих орудий, молоты, ножи, пилы, сверло, ретушёр, рыболовные грузила, тальковые диски и 3 (!) «утюжка» [50, с. 35–38]. Следует подчеркнуть, что на данном памятнике найдены 8 «утюжков», из них 3 – в погребении и 1 в кладе. Нас интересует один из «утюжков» погребального комплекса. Изготовлен он из светло-серого (почти белого) глинистого сланца, имеет форму пирожка с отсечёнными углами. Его размеры: длина – 11 см, ширина – 7 см, высота – 5,3 см. Все его поверхности тщательно отшлифованы и слегка выпуклы. Посередине утюжка проходит желобок диаметром 1 см. Он также тщательно отшлифован, причём продольный разрез его имеет выпуклый дугообразный профиль. По всем граням утюжка сделаны короткие нарезки (рис. 2: 2). На верхних боковых гранях их 28 и 25, на нижних – 28 и 30. Верхние торцовые грани имеют 13 и 18 нарезок, нижние – 9 и 12 (рис. 2: 2Б). Причём количество нарезок на каждой грани не случайно, некоторые детали позволяют говорить об их специальном подборе. В двух случаях нарезки идут по грани через равные промежутки, но в конце ряда эти промежутки начинают уменьшаться или увеличиваться, что свидетельствует о том, что количество нарезок в ряду определялось заранее [51, с. 108]. Выяснение характера использования насечек на «утюжке» требует специального исследования. Но связь их с определёнными календарными значениями несомненна.

Заслуживает внимания и ландшафтная привязка памятника [39, с. 55]. Мыс, на котором находится неолитический культовый центр, расположен таким образом, что с него хорошо просматривается линия горизонта, а также видны все остальные мысы озера, которые могли служить маркирующими азимутами. Если добавить, что солнце и Венера восходят из-за леса напротив данного мыса, то обнаружение на памятнике 8 «утюжков» уже не покажется случайным совпадением [52, с. 164]. Абсолютно ясно, что исследование такого памятника следовало проводить с привлечением астрономов, но, к сожалению, в городе их просто нет.

Получение астрономических знаний предполагает наличие каких-то специальных приспособлений для наблюдения за небесными светилами. Частью довольно сложного астрономического «прибора» могли являться антоновский диск и аналогичные ему изделия. Такими же приспособлениями для наблюдения за небесными телами могли служить и «утюжки». Единственной деталью, присутствующей в оформлении всех «утюжков», является желобок. Он мог использоваться в качестве своеобразной направляющей, при помощи которой фиксировалось положение какого-то небесного тела. Если в желобок положить трубочку из тростника, камыша или кости, то через неё можно рассматривать отдельные светила. При этом трубочка играла роль диафрагмы, которая делает наблюдаемое тело более чётким.

При помощи данной гипотезы можно объяснить практически все особенности в оформлении и использовании «утюжков».

Наличие на «утюжке» двух, трёх или четырёх желобков. Они могли использоваться для подсчёта времени прохождения светила из одной значимой точки в другую. Второй вариант: каждый отдельный желобок использовался в определённое календарное время – весеннее или осеннее равноденствие, летнее или зимнее солнцестояние или какие-то другие даты.

Дополнительные элементы и детали на «утюжках»: орнамент, скульптуры, литейные формы. Снабжение «утюжка» дополнительными элементами и деталями прежде всего свидетельствует о статусе его владельца. Хотя орнамент, скульптуры и углубления для литья, несомненно, имели и особое сакральное наполнение.

Фрагментирование «утюжков». По данным И.В. Усачёвой, целых «утюжков» только 45 %. «Утюжки» и в наше время являются непонятными и загадочными изделиями. Точно так же они выглядели в глазах основной массы древнего населения. И после смерти статусного владельца «утюжка» этот непонятный предмет могли положить в могилу его обладателя, принести в жертву (в целом или разбитом виде) на святилище, или просто уничтожить (разбить) как вещь непонятную и поэтому таящую опасность.

Вторичное использование «утюжков» в качестве рыболовных грузил, отбойников, наковаленок. Сразу следует подчеркнуть, что таких случаев зафиксировано немного: около десяти. Определить время переформления «утюжков» в вышеуказанные орудия затруднительно. Поэтому можно предложить несколько версий их вторичного использования. После смерти владельца как предмет непонятный, но безусловно сакральный, «утюжок» мог принести удачу и при совершении каких-то других действий. «Утюжок» мог быть найден на памятнике через большой промежуток времени сменившимся населением, незнакомым с назна-

чением данных предметов [53, с. 70], и использован рационально в соответствии с его формой и определёнными хозяйственными нуждами.

Можно предположить вариант использования «утюжков» в качестве астрономического «прибора». «Утюжок» устанавливали на деревянный диск и фиксировали его в предварительно подготовленном углублении, возможно, под определённым углом к линии горизонта. Деревянный диск имел специальную разметку – такого же плана, как на антоновском диске (см. выше). Диск помещался на вертикально стоящий столб определённой высоты, который одновременно выполнял роль гномона. Таких столбов разной высоты на святилище могло быть несколько.

Анализ распространения «утюжков», проделанный И.В. Усачёвой, показал, что появление «утюжков» на Ближнем Востоке совпадает с образованием на данной территории обширных степных и пустынно-степных ландшафтов. Предполагаемый демографический взрыв направил миграции населения в единственно возможном направлении: на север и юго-запад. Движению на юг и восток препятствовали обширные пустыни, а на западе располагалось Средиземное море. По её мнению, палеоклиматические изменения не только оказывали постоянное влияние на процессы распространения «утюжков», но во многом определяли и направления этого движения. В результате И.В. Усачёва приходит к выводу, что основная часть находок «утюжков» связана со степными и лесостепными ландшафтами (т.е. с открытыми пространствами, на которых хорошо просматривается линия горизонта) [3, с. 14–15]. Обилие «утюжков» на Южном и Среднем Урале можно объяснить тем, что с гор и возвышенностей линия горизонта также хорошо просматривается.

Таким образом, можно предполагать, что с развитием открытых ландшафтов и передвижением населения распространялись и астрономические знания, носителями которых были отдельные лица высокого социального статуса. Они привносили эти знания в местную среду, в результате чего в некоторых районах появлялись и «приборы», с помощью которых эти знания материализовывались. Безусловно, данный процесс проходил долго и неоднозначно, и его изучение потребует усилий многих исследователей.

Хочу подчеркнуть, что уже много десятилетий, определяя функциональную принадлежность «утюжков», археологи вращаются в «заколдованном» круге из гипотез одного ряда: «утюжки» использовались для сверления, полирования, разглаживания, выпрямления, свивания ниток и т.п. (смотри выше). Своей гипотезой автору хотелось разорвать этот однообразный круг и предложить исследователям взглянуть на данную проблему совсем с другой (на первый взгляд – неожиданной и неправдоподобной) стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дмитриев П.А.* Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА. № 21. 1951.
2. *Телегин Д.Я.* О так называемых «челноках» или «утюжках» и их распространении в Европе и Азии // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: тезисы докладов конференции. Оренбург, 1980.
3. *Усачева И.В.* «Утюжки» Евразии как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007.
4. *Нохрина Т.И., Усачева И.В.* Использование талькосодеждающих пород древнейшим населением Урала // Актуальные проблемы сибирской археологии (тезисы научной конференции). Барнаул, 1996.
5. *Усачева И.В.* «Утюжки» из фондов Тюменского областного краеведческого музея // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2002. Вып. 16. Тюмень, 2003.
6. *Усачева И.В., Нохрина Т.И.* Об одной категории изделий // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Материалы итоговой научной сессии ученого совета Института проблем освоения Севера СО РАН 2003 г. Вып. 5. Тюмень, 2004.
7. *Усачева И.В.* «Утюжки» в культурах Евразии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 6. Тюмень, 2005.
8. *Усачева И.В.* Эти загадочные «утюжки»: к вопросу о функциональном назначении // Уральский исторический вестник. Вып. 14. Екатеринбург, 2006.
9. *Усачева И.В.* К вопросу о культурозависимых признаках «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 7. Тюмень, 2006.
10. *Усачева И.В.* «Утюжки» как маркеры культурного взаимодействия в Евразии в VII–II тыс. до н.э. // Современные проблемы археологии России. Т. 1. Новосибирск, 2006.
11. *Скочина С.Н., Усачева И.В., Быстров А.А.* Экспериментальное моделирование следов сработанности на «утюжках» // II Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.
12. *Усачева И.В., Нохрина Т.И.* Копьеметатели и их техническая эволюция // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2006.
13. *Усачева И.В.* Иррациональное в «утюжках» // XVII Уральское археологическое совещание: Материалы научной конференции. Екатеринбург, 2007.
14. *Усачева И.В.* Экологические кризисы и миграционная активность населения (по данным распространения «утюжков») // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень, 2007.
15. *Усачева И.В.* Скульптурные «утюжки» в сибирских коллекциях // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон, 2007.
16. *Усачева И.В.* Декоративные традиции оформления «утюжков» и особенности их распространения в Евразии в первой половине – середине голоцена // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
17. *Усачева И.В.* «Утюжки» – социологический аспект: от мастерства к специализации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 10. Тюмень, 2009.
18. *Усачева И.В.* Семиотический статус «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 14. Тюмень, 2011.
19. *Усачева И.В.* Критический обзор гипотез функционального назначения «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 16. Тюмень, 2012.
20. *Даниленко В.М.* Сурьско-Дніпровська культура // Археологія Української РСР. Київ, 1971.
21. *Гавриленко Г.М.* До питання про призначення кам'яних човників // Полтавський археологічний збірник. Вып. 2. Полтава, 1994.

22. *Окладников А.П.* К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III–II тыс. до н.э. («Утюжки» и «човники» – атлатль?) // СЭ. 1966. № 1.
23. *Панченко Ю.В.* Орнаментовані та фігурні «човники» у зібранні Національного музею історії України // Національний музей історії України: його фундатори та колекції. Київ, 1999.
24. *Молодин В.И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1987.
25. *Зайберт В.Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.
26. *Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
27. *Ковалева В.Т.* Архаические модели мироздания зауральского населения (по археологическим источникам) // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
28. *Ковалева В.Т., Шилов С.Н.* Прообраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
29. *Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолитические «утюжки» Евразии: проблема генезиса и функции // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; Великий Новгород, 2011.
30. *Викторова В.Д., Кернер В.Ф.* «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
31. *Викторова В.Д.* Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
32. *Панченко Ю.В.* К вопросу о хронологии распространения неолитических челноков // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
33. *Пушкарев В.Е.* Ареал распространения «утюжков» и проблема их интерпретации // Вестник Общества открытых исследований древности. Научный альманах. Вып. 2. Челябинск, 2002.
34. *Гавриленко І.М.* До питання класифікації кам'яних човників // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. № 4. Київ, 2000.
35. *Астрономия древних обществ. М., 2002.*
36. *Ларичев В.А.* Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». Новосибирск, 1999.
37. *Вохменцев М.П.* Энеолитические святилища Зауралья // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2000.
38. *Потемкина Т.М., Юревич В.А.* Древнейшая «астрономическая обсерватория» на территории России // Археoaстрономия: проблемы становления. Материалы международной конференции. М., 1996.
39. *Потемкина Т.М.* Археoaстрономический аспект при реконструкции мировоззрения древнего населения // РА. 2005. № 3.
40. *Никитин В.В.* Календарь в орнаменте посуды и украшениях финно-угров Поволжья и Урала // Археoaстрономия: проблемы становления. Материалы международной конференции. М., 1996.
41. *Потемкина Т.М.* Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тыс. до н.э. // Археoaстрономия: проблемы становления. Материалы международной конференции. М., 1996.
42. *Потемкина Т.М.* Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 15. Тюмень, 2011.
43. *Сериков Ю.Б.* Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
44. *Сериков Ю.Б.* Каменные навершие с гравировками с восточного склона Среднего Урала // Вестник Сибирской Ассоциации Исследователей Первобытного Искусства. Вып. 5. Кемерово, 2002.
45. *Сериков Ю.Б.* Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
46. *Герасименко А.А.* Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
47. *Чаиркина Н.М.* Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
48. *Панина С.Н.* Итоги полевых исследований Свердловского областного краеведческого музея (1977–1997) // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999.
49. *Сериков Ю.Б.* Гравировки по камню – редкий вид изобразительного искусства // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию А.Х. Халикова. Казань, 2011. (Археология евразийских степей. Вып. 11)
50. *Сериков Ю.Б.* Энеолитическое погребение с Шайтанского озера // Нижнетагильский государственный педагогический институт. Ученые записки. Общественные науки. Т. 2. Ч. 2. Нижний Тагил, 2002.
51. *Сериков Ю.Б.* Культный памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2004.
52. *Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013.
53. *Сорокин А.Н.* Пролог. М., 2013.

*Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия,
Нижний Тагил*

Yu.B. Serikov

TO THE QUESTION OF UTILITARIAN AND SACRAL PURPOSE OF SO-CALLED «UTYUZHKI»

Summary

In the article various hypotheses of the utilitarian purpose of «utyuzhki» are analyzed. This analysis showed that all existing hypotheses of use of «utyuzhki» as any tools aren't confirmed by the available facts. The consistency of the form and figuration of «utyuzhki» testify to unity of their utilitarian and sacral use. Studying of all available classifications of «utyuzhki» shows that only one element is presented on all products, which is a groove. Therefore, the groove was the main and essential detail of the «utyuzhki».

Considering that on different territories and at different times ancient people had astronomical knowledge and used them in the rituals and cults, the author assumes that «utyuzhki» could be special devices for observation of celestial bodies. In this case the groove was used as a sort of an axis; equipped with a tubule, the groove made it possible to observe celestial bodies and fix their position.

*The State Social-Pedagogical Academy of Nizhny Tagil,
57, Krasnogvardeyskaya St.,
Nizhny Tagil, 622031,
Russia*

*E-mail: u.b.Serikov@mail.ru
Serikov2@yandex.ru*

А.В. Трусов

О ВОЗМОЖНЫХ СЛЕДАХ ТОТЕМИЗМА НА ЗАРАЙСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ

Человек в археологической науке чаще воспринимается как некий неодушевлённый объект: кто, когда, откуда, на что способен и т.д. И когда кто-то из археологов пытается затронуть вопросы духовности людей, остатки материальной культуры которых изучает, то часто сталкивается с возражениями коллег. Основной тезис: археолог для изучения археологических материалов должен использовать археологические методы.

Этнография же позволяет нам на примерах современных народов, хозяйство которых основано главным образом на охоте и собирательстве, изучать пережитки ранних форм религий: тотемизм, фетишизм, анимизм, охотничья магия и др.

Благодаря этому мы можем как-то представить себе, во что и как верили древние охотники на мамонтов и северных оленей. Однако, когда дело доходит до археологических материалов, мы об этом забываем.

Тем не менее известный этнограф С.А. Токарев считал, что, например, вероятно «с тотемизмом связаны известные пещерные рисунки и скульптуры эпохи верхнего палеолита в Европе: «человек-олень» из пещеры «трех братьев», пляшущие фигуры людей в звериных масках из Альтамирской пещеры и др.» [1, с. 77].

Так, по моему мнению, следы одной из форм древних религий – тотемизма – удалось выявить при исследовании Зарайской палеолитической стоянки.

Памятник был открыт в 1980 г. и исследовался мной в 1982–1983, 1989, 1990, 1994 гг. [2, с. 50–52; 3, с. 7–9].

Стоянка дала богатейший материал, относящийся к кругу памятников костёнковско-авдеевской культуры [2, с. 104].

В данном случае нас интересует раскоп 1989 г., заложенный между раскопом 1 и траншеей 1983 г., основной целью которого было выяснить – нет ли какого разрыва в культурных напластованиях между раскопом 1 и траншеей (рис. 1, 2).

Сходство, почти тождество, хозяйственных объектов раскопа 1989 г. и раскопа 1, а также кремнёвого инвентаря и условий залегания культурных остатков не давали сомнений в принадлежности их к одному памятнику. Впрочем, и отсутствие явного разрыва культурных напластований не позволяло однозначно говорить о принадлежности культурного слоя траншеи 1983 г. к отдельному памятнику.

На этом раскопе был выявлен выразительный комплекс находок, залегающих, как и в раскопе 1, в основании прослойки гумусированного суглинка и лежащем ниже слое красноватого лёгкого суглинка (супеси) (рис. 3).

С красноватым суглинком (супесью) связаны большая часть находок кремнёвых изделий и фаунистических находок, а также крупная канавообразная яма и небольшой зольник в северной части раскопа (кв. В4) (рис. 4).

Завершают период формирования красноватой супеси крупные расплывчатых очертаний охристое пятно (сурик?) размерами около 0,9×1,7 м, вызвавшее подозрение о возможном наличии здесь могильной ямы. Это была не случайно просыпанная краска, а намеренно окрашенный краской участок поверхности. Но всё ограничилось лишь появлением в южной части пятна небольшой ямки-хранилища глубиной 23 см и диаметром 22 см (рис. 4).

В заполнении ямки лежали компактно: крупный лепёшкообразный кусок обожжённой красной краски размерами 12×10×3 см; две костяные пластинки очень плохой сохранности (возможно, обломки одной), не позволившей уверенно говорить о характере их обработки и назначении; кучка костных углей, уложенных компактно и, вероятно, намеренно. Сверху в заполнении находились пять обожжённых небольших фрагментов черепа, собирающихся в один.

По определению зоологов С.П. Маслова и Ек.Е. Антипиной, этот фрагмент оказался частью черепа не человека, как я ожидал, а животного из семейства Bovidae, возможно бизона.

Это охристое пятно и ямку-хранилище перекрывает крупная зольная линза мощностью до 7 см. Размеры зольной линзы до 3,8×2,34 м (рис. 5).

Вызывает большое сомнение простое бытовое назначение данного комплекса объектов. Такие сомнения у меня возникали давно.

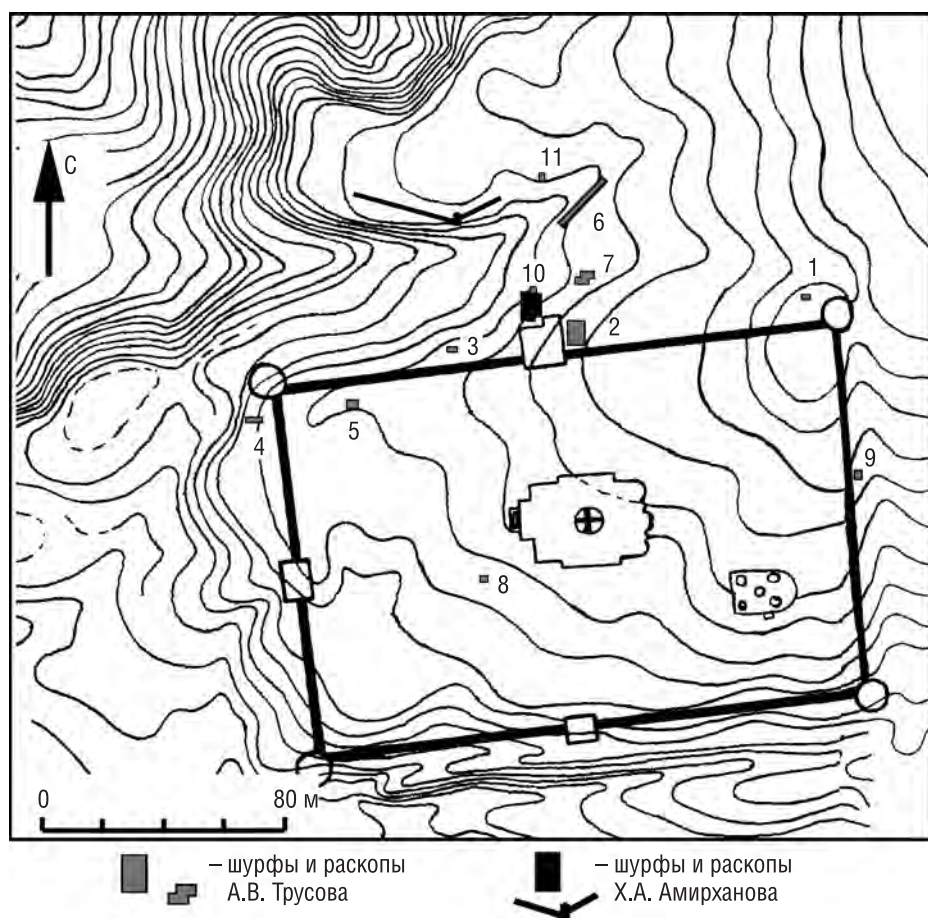

Рис. 1. План расположения Зарайской стоянки. Шурфы и раскопы: 1 – шурф 3, 1980 г.; 2 – раскоп 1 (1982–1983 гг.); 3 – шурф 1, 1980 г.; 4 – шурф 4, 1983 г.; 5 – шурф 6, 1983 г.; 7 – раскоп 1989 г.; 8 – шурф 1989 г.; 9 – шурф 1990 г.; 10 – раскоп 1994–2005 гг.; 11 – шурф 1994 г.

Рис. 2. Зарайская стоянка. Расчистка зольника на раскопе 2 (1989 г.)

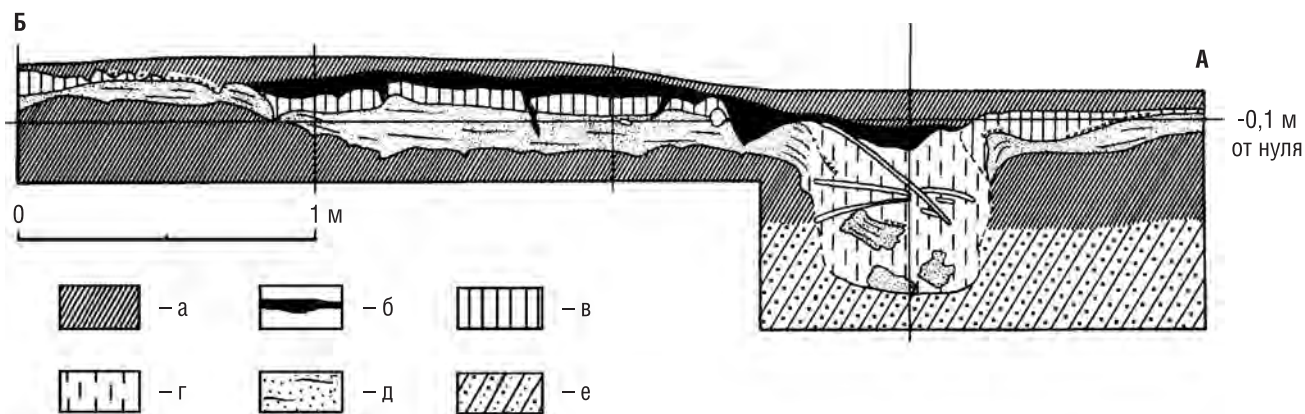

Рис. 3. Зарайская стоянка. Разрез А–Б раскопа 1989 г. (раскоп 3 по Х.А. Амирханову) через яму и “зольник”: а – гумусированный суглинок (погребённая почва); б – “зольник”; в – красноватый суглинок с находками; г – супесчаное мешаное заполнение ямы; д – тонкослоистая желтоватая песчаная прослойка; е – слоистые супесчаные отложения

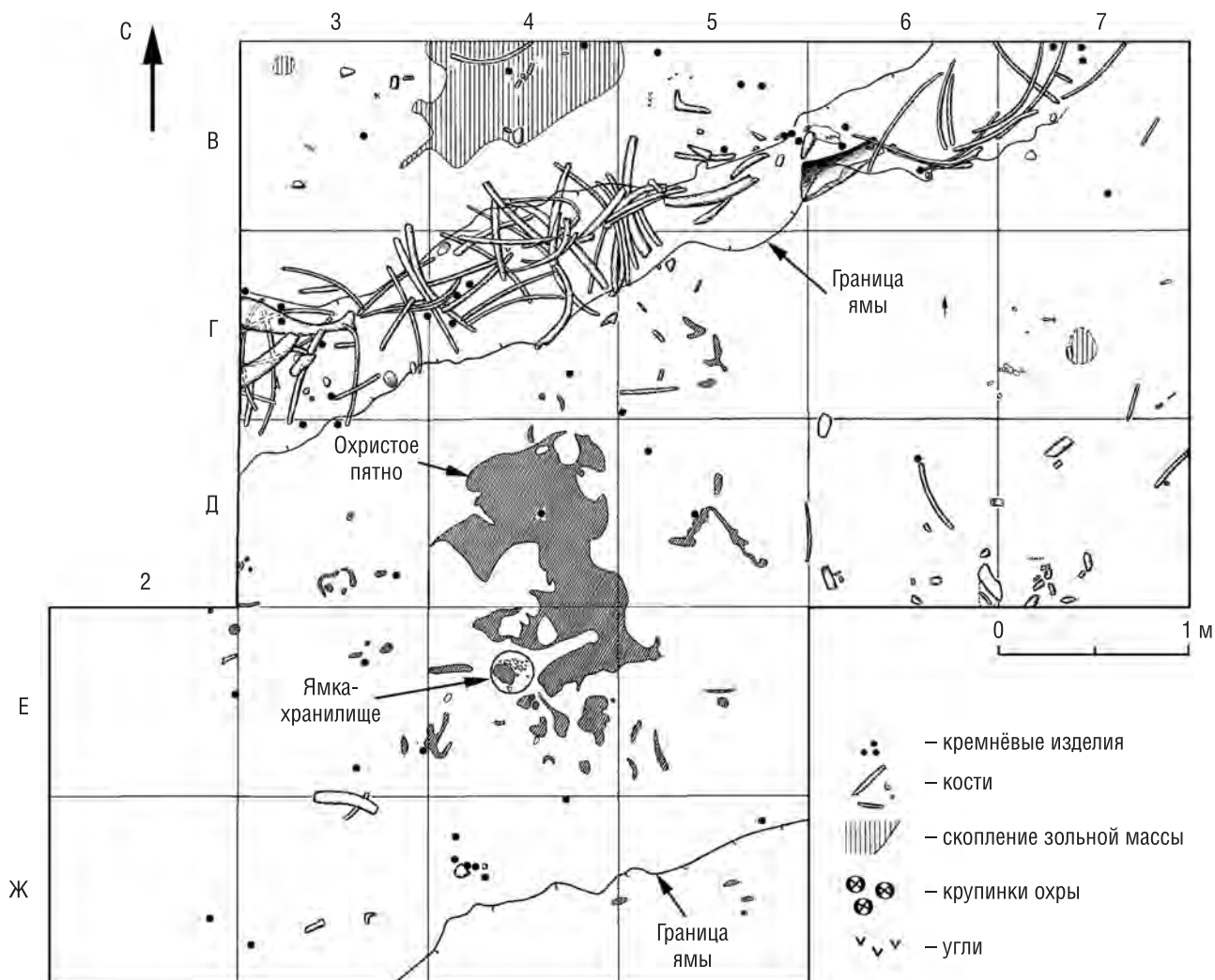

Рис. 4. Зарайская стоянка. План раскопа 2 (1989 г.) с объектами и находками, связанными со слоем красноватого суглинка

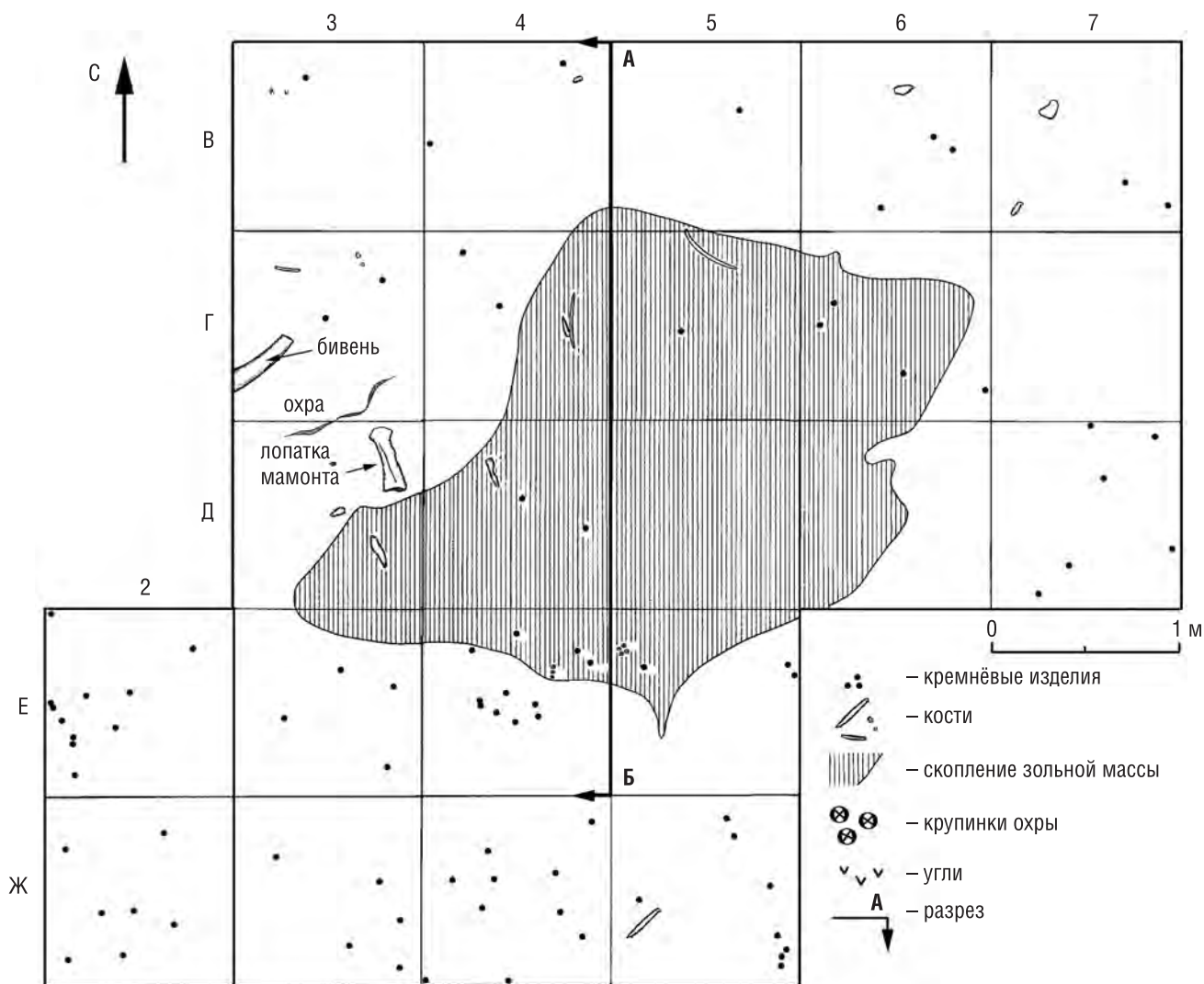

Рис. 5. Зарайская стоянка. Раскоп 2 (1989 г.). План находок на уровне зольника и зольник. Завершающий этап бытования

Здесь имеется огромное, явно функционировавшее к началу археологизации, кострище с фрагментами полуобожжённых костей. Причём действовало оно недолго: следы прокала грунта не отмечены. При определённом дефиците топлива, даже костного, в то время такой открытый костёр был бы роскошью. Не мамонта же они жарили. Добавим к этому находящиеся в основании этого кострища крупное охристое пятно и ямку-хранилище.

Возможно, здесь не столько готовили, сколько просто (или не просто) что-то жгли. А что жгли? Теперь на этот вопрос, к сожалению, ответить невозможно. Собрать эти горелые костные остатки на видовой анализ я тогда не догадался.

К этому надо добавить ещё один объект – ямку-хранилище. Кроме крупного куски красной краски (такие крупные куски краски до 1989 г. на стоянке не встречались) в ямке обнаружен фрагмент черепа Bovidae (возможно, бизона). А много ли костей бизона найдено на Зарайской стоянке? В основном это костные останки мамонта и песка. Есть единичные кости россомахи, зайца, волка, оленя. За более чем двадцатилетний период исследования памятника была найдена всего лишь одна кость бизона (не считая отмеченный фрагмент черепа) – фрагмент дистальной части ребра [4, с. 355]. И при этом на стоянке в 2001 г. в яме 71 раскопа 4 была обнаружена великолепно выполненная фигурка бизона (рис. 6) [5, с. 299–321]. О чём это позволяет говорить? А о том, что бизон, судя по фигурке, передающей все его мельчайшие анатомические подробности, был хорошо известен обитателям стоянки. Кроме того, на изготовлении этой фигурки было потрачено изрядное количество времени. С чего бы вдруг, если бизон не представлял для этих людей особого интереса? Получается, что представлял.

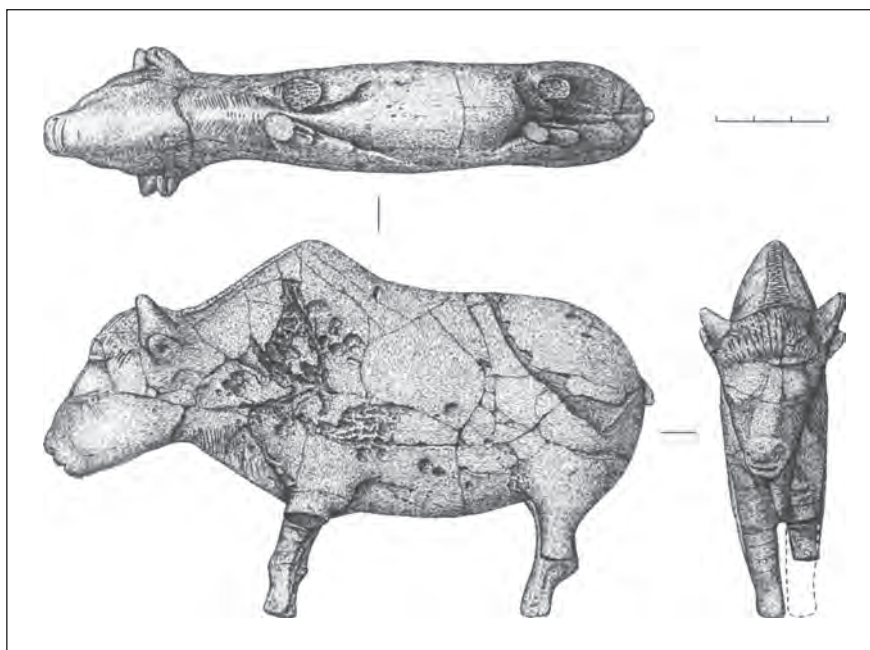

Рис. 6. Фигурка бизона из ямы 71 раскопа 4 (по [5, с. 313, рис. 9])

По мнению Х.А. Амирханова и С.Ю. Льва, «...основным назначением фигурки было ее использование в религиозно-магических целях ... В момент включения статуэтки в обрядовое действие, которое, по-видимому, наступило спустя не слишком много времени после ее изготовления, у статуэтки были обломаны две ноги и на левую сторону груди несколькими сильными ударами нанесены повреждения, символизирующие раны. С противоположной стороны на область груди была нанесена красная минеральная краска (охра), которая, как не трудно предположить, имитировала вытекающую кровь. После этого фигурку, изображающую убитого и истекающего кровью бизона, весьма заботливо уложили в боковую нишу, устроен-

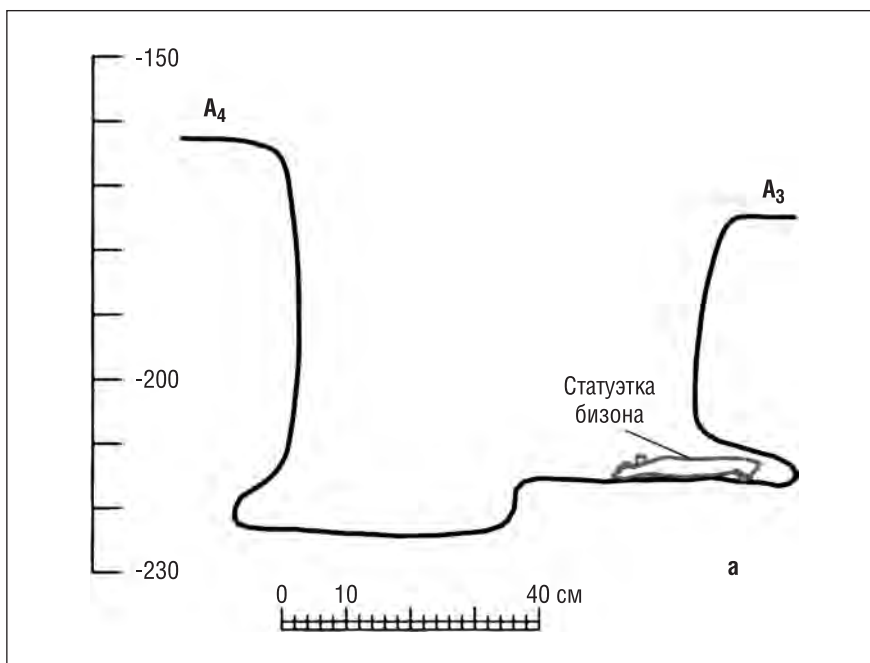

Рис. 7. Схема захоронения фигурки бизона в яме 71 (по [4, с. 292, рис. 3: а])

ную в придонной части подготовленной для этого заранее глубокой ямы. Причем уложили не на самое дно, а на сооруженное специально небольшое возвышение. Символическая церемония погребения статуэтки, а по существу, бизона, была завершена засыпкой ямы землей доверху.» [5, с. 319] (рис. 7).

Раны, отмечаемые на боку бизона, возможно, не являются случайной выкрошенностью, сложнее – с обломанными ногами, которые, имея в виду тонкость и соответственно слабую прочность, могли быть сломаны ещё до захоронения и не связаны с охотничьим обрядом, довольно подробно описываемым Х.А. Амирхановым и С.Ю. Львом, приводящими для сравнения пример охотничьего обряда, отмеченного у североамериканских индейцев начала XVII в. и описанного Э.Б. Тэйлором [5, с. 319; 6, с. 388]. Во всяком случае имитация на фигурке охотничьего обряда, связанного с бизоном, на которого обитатели Зарайской стоянки не охотились, представляется странной.

Странным кажется и то, что имитирующая кровь краска нанесена не на израненный бок животного, а на противоположный. Была ли эта окраска намеренна? На приводимом Х.А. Амирхановым фото захоронения этой статуэтки [4, с. 295, рис. 5] видно, что лежит статуэтка на углистой поверхности, включающей в себя также и охру. Находившийся на этой поверхности бок скульптурки и был окрашен.

Но можно ли связывать фигурку бизона с охотничьей магией, если костей бизона на стоянке практически нет? На него люди Зарайской стоянки не охотились, за исключением, возможно, обрядовых целей.

Не был ли бизон для них священным животным – тотемом, с которым они (отдельная группа) в известной степени себя олицетворяли, убивать и употреблять в пищу мясо которого запрещалось, за исключением, опять же, обрядовых действий?

Об особом отношении к бизону свидетельствует и обряд захоронения его образа, выполненного в виде фигурки из бивня мамонта, а также фрагмента черепа в ямке-хранилище вместе с куском охры и углями.

Подобные захоронения тотемических эмблем («чуринг») известны у австралийского племени аранда (хранились в тайных складах, и женщины не могли под страхом смерти даже видеть их) [1, с. 64].

Изложенная выше трактовка некоторых археологических материалов Зарайской стоянки представляется вероятностной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
2. Трусов А.В. Палеолит бассейна Оки. М., 2011.
3. Трусов А.В. Каменные изделия и хозяйственные объекты Зарайской стоянки 1980, 1982–83, 1990, 1994–95 гг. раскопок. М., 2014.
4. Исследования палеолита в Зарайске 1999–2005. / Х.А. Амирханов, Н.Б. Ахметгалеева, А.П. Бужилова, Н.Д. Бурова, С.Ю. Лев, Е.Н. Маценко. М., 2009.
5. Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
6. Тэйлор Э.Б. Первобытная культура, М., 1989.

*ГБУК г. Москвы «Музей Москвы»,
Москва*

A.V. Trusov

ABOUT THE POSSIBLE TRACES OF TOTEMISM ON ZARAYSK PALAEOLOGICAL SITE

Summary

This article presents the interpretation of some archaeological materials which made it possible to speak about the possibility of traces selecting of totemism, one of the early forms of religious beliefs, on the Zaraysk site. A bison was presented there as a possible totem. It was not the object of hunting for inhabitants of the site, but was, probably, a sacred animal. With the almost total absence of bison bones on the site, there is among the finds a magnificent figure of this animal, which is made of a mammoth tusk. Moreover the figure was not lost, but intentionally buried in prepared for it place.

Besides, there was found the fragment of a bison skull, which was also buried in a specially prepared pole-storage together with a large piece of burned ochre and bone coals. Such facts can be treated, probably, as the traces of totemic ceremonies on the site.

*State Budgetary Institution of Culture of Moscow
«Moscow Museum»,
2, Zubovsky boulevard, Moscow, 119021,
Russia*

*E-mail: Aleksvastrusov@gmail.ru
vfrcbvAchcjd@mail.ru*

И.Ф. Витенкова

ЦВЕТ ЖИЗНИ – КРАСНЫЙ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИНЕРАЛЬНЫХ КРАСОК ДРЕВНИМ НАСЕЛЕНИЕМ КАРЕЛИИ

Человек издавна стремился украсить своё окружение (жилище, утварь, одежду), окрашивая всё это в различные цвета. Но даже в современном мире окраска предметов производится не только из эстетических соображений. Особая расцветка свадебной и траурной одежды, цвета национальных флагов и спортивных клубов, дорожных знаков и предупреждающих надписей свидетельствуют об активном использовании символики цвета. Ещё более серьёзно воспринимал символическое значение различных цветов древний человек, практиковавший ритуальные действия с использованием естественных красителей. При раскопках археологических памятников нередко встречаются окрашенные предметы или признаки использования красящих минералов.

На территории Карелии выявлены 37 месторождений и проявлений минеральных пигментов, представляющих собой красящие пески, илы, глины и болотные образования, приуроченные к отложениям четвертичного периода. Здесь находятся месторождения известняка, вивианита (синего красителя), шунгита. Более всего в Карелии железоокисных красителей. Интенсивность их цвета зависит от процентного содержания окиси железа: жёлтая охра содержит 10–20 % окиси железа, умбра – 25–40 %, мумия – 50–60 %, железный сурик – ярко-красная краска – содержит не менее 75 % окиси железа. Следует отметить, что нагревание красящего пигмента приводит к увеличению его яркости вследствие повышения процентного содержания окиси железа. В археологической литературе все железистые краски принято называть охрами. На археологических памятниках Карелии не отмечено использования каких-либо иных пигментов, кроме охры (состоящей из смеси окиси железа с глинозёмом). Причина образования охры – разрушение при выветривании железосодержащих пород (гранитов). Выветривание горных пород началось после отступления последнего ледникового покрова (9 тысяч лет назад). Среди горных пород Карелии особой восприимчивостью к выветриванию обладают граниты рапакиви. Разрушение гранитов началось почти сразу после понижения уровня водоёмов и выступления скал над поверхностью воды. При этом окислы железа смывались дождём, стекали вниз и оседали на дне ручьёв и болот в виде рыхлых рыжеватых отложений. В глинистых почвах окислы железа образовали твёрдые прослойки тёмно-красного или тёмно-коричневого цветов [1, с. 46; 2, с. 8–16]. В других регионах встречаются красные пигменты иного химического состава и происхождения.

На археологических памятниках Карелии культурный слой обычно окрашен частицами охры в цвет, варьирующий от розоватого до тёмно-красного. Яркая окраска слоя встречается как на поселениях без жилищ, так и в заполнениях жилищных впадин. Неравномерность окраски слоя, значительно более яркой в жилищах, особенно у очагов и выходов, свидетельствует о намеренной подсыпке охры. Уже на мезолитических памятниках Карелии культурный слой выделяется красноватым цветом [3, с. 93–107]. Ещё более яркий слой обнаруживается на поселениях раннего неолита с керамикой сперрингс. В этот период население не сооружало полуземляночных жилищ, концентрация культурных остатков, древних сооружений (очагов, ям) и интенсивная насыщенность слоя охрой наблюдаются в центральной части жилой площадки, то есть там, где проходила наиболее активная хозяйственная деятельность. На поселениях позднего неолита и энеолита с гребенчато- и ромбоямочной керамикой наиболее яркая окраска культурного слоя отмечена в жилищах. В бухте Чёрная Губа на северном побережье Онежского озера раскопано несколько жилищ позднего неолита – энеолита, отличающихся по времени, по конструкции и по степени использования охры. На более раннем поселении Чёрная Губа III, датированном 4950±100 ВР (ТА-1890), вся поверхность пола жилища густо засыпана слоем тёмно-красной порошкообразной охры (рис. 1). На соседнем, несколько более позднем памятнике Чёрная Губа IX ярко-красной охрой посыпаны очаги и выходы. Заполнение жилища – красноватый песок, умеренно насыщенный охрой. У очага найден сосуд, украшенный изображениями лебедей, со следами красной охры на стенках. Причём на других сосудах этого поселения окраски нет.

В жилище поселения Чёрная Губа IV, датированном 4580±60 ВР (ТА-2024), пол состоял из плотного коричневого ожелезненного песка, выход был прослежен по полосе углей. У очага находился крупный раздавленный сосуд с ромбоямочным орнаментом, заполненный охрой [4, с. 27–35, 84–86].

Посыпка охрой жилищ продолжалась и на энеолитических поселениях с асбестовой керамикой. Причём на некоторых памятниках слой охры полностью покрывал пол жилища. Например, на поселении северного побережья Онежского озера Оровнаволок XVI котлованы и выходы двух полуземляночных жилищ были засыпаны красным песком толщиной 5–10 см. При этом за пределами жилищ слой песка не был окрашен [5, с. 69–73]. По мнению А.М. Жульникова, интенсивный красный цвет пола прослеживался в наиболее ранних постройках, а в жилищах, относящихся к концу энеолитического периода (кон. III – сер. II тыс. до н.э.), пол имел красно-коричневую, иногда чёрную окраску [6, с. 35]. Всегда ли имеет место такая закономерность, пока не вполне ясно, так как не все жилища точно датированы. Но, несомненно, обычай посыпки охрой жилых построек и мест обитания со временем постепенно исчезает. В эпоху бронзы и в раннем железном веке подвижность населения увеличилась, стационарные полуземляночные жилища сменились лёгкими наземными, которые уже не посыпались охрой. Так, в наземных жилищах на поселениях Келка III (западное побережье Водлозера) и Елменкоски (оз. Среднее Куйто) признаки использования охры не обнаружены [5, с. 41–43; 7, с. 98–120].

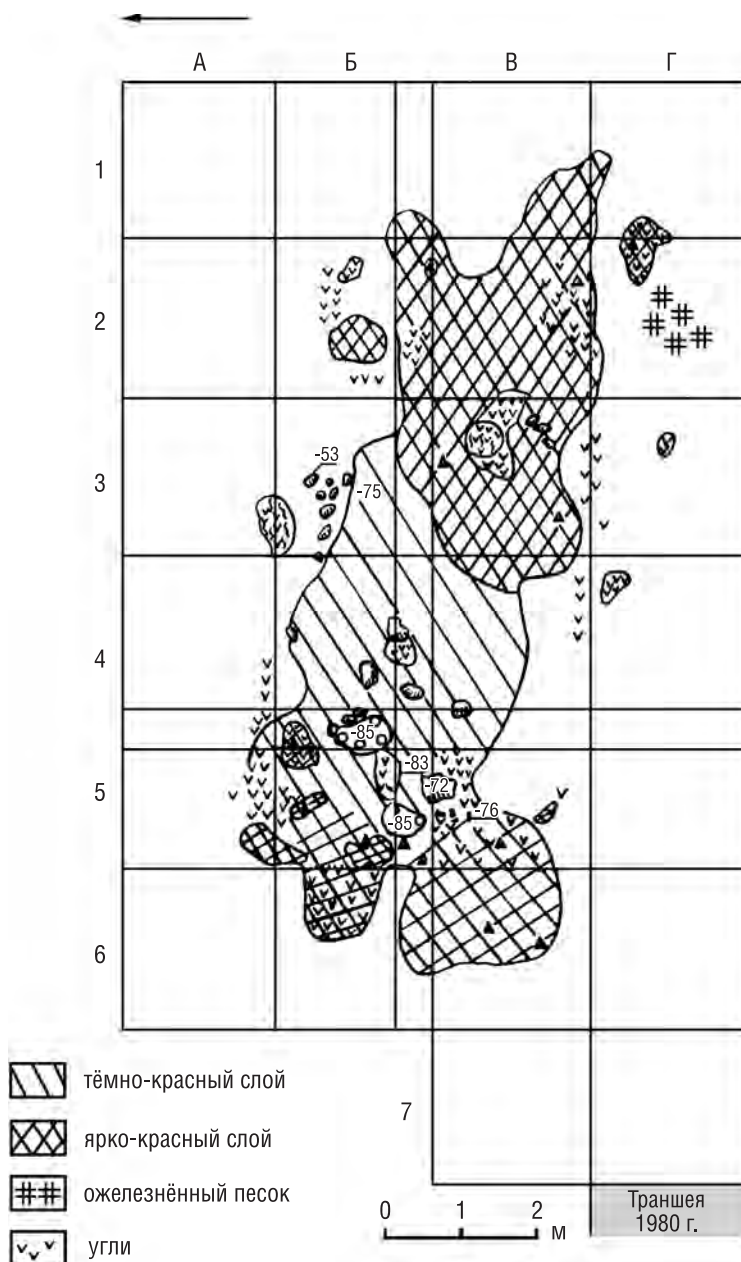

Рис. 1. Поселение Чёрная Губа III. Жилище 2

Обычай посыпания охрой могил известен в Карелии начиная с мезолита. Так, в Оленеостровском могильнике большинство погребений покрыты слоем охры, иногда достигающим 10 см, причём костяки посыпаны по всей длине от головы до ног. В некоторых случаях охра заполняет всю могильную яму [8, с. 16]. Посыпание могил охрой продолжается и в последующие эпохи. На территории Финляндии также зафиксированы могилы с красной охрой. Они относятся к мезолитической культуре Суомусъярви и раннеолитической культуре гребенчатой керамики. Обычно эти объекты, представляющие собой линзы красного песка, располагаются прямо на территории поселений, иногда за их пределами на подходящих удобных террасах. Как и в Карелии, почвенные условия не способствуют сохранности органики. Поэтому остеологические материалы, кроме зубов и отдельных костных фрагментов, отсутствуют [9, р. 3–12]. Могилы с красной охрой обнаружены также в Швеции и Дании. Причём в мужских погребениях порошкообразная охра покрывала область черепа и верхнюю часть грудной клетки, а в женских – область таза [10, с. 75–80]. Более позднее погребение, относящееся к энеолиту, обнаружено в низовьях р. Выг. Погребальное сооружение состояло из линзы красного песка, окружённой специально принесёнными валунами. В охристом заполнении находились многочисленные кремнёвые наконечники, подвески и пуговицы из янтаря [11, с. 177–196, рис. 89, 90]. При работах на предполагаемом могильнике Нижняя Колонжа, расположенном близ Водлозера (раскопки И.Ф. Витенковой), были вскрыты линзы красного песка, по размеру и очертаниям напоминающие могилы, но без костных останков. В заполнении одной из них обнаружен сосуд раннего железного века. Для уточнения характера памятника лаборатория Института геологии Карельского научного центра РАН провела химические анализы образцов грунта. Оказалось, что химический состав линзы красного песка значительно отличается от фонового светло-жёлтого грунта. В частности, в заполнении линзы обнаружено значительно больше фосфора, окиси и двуокиси железа, чем за её пределами. Это подтверждает предположение о существовании на этой территории могильника.

Состав грунта в линзе красного песка

SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	FeO	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅
64,20	0,42	14,06	5,47	0,71	0,366	0,84	2,52	3,60	2,77	1,52

Состав грунта за пределами линзы

SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	FeO	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅
79,74	0,12	10,43	1,06	0,57	0,022	0,50	1,26	2,61	1,83	0,164

Кроме рыхлых болотных отложений древние жители использовали и твёрдую охру, растирая её с помощью краскотёрок (рис. 2). Эти небольшие абразивы иногда обнаруживаются в материалах поселений: так, на Чёрной Губе III найдены 3 краскотёрки (трасологический анализ произведён Л.М. Шпаковским). На кусочках охры обычно прослеживаются следы растирания. В материалах поселений чаще всего встречается менее десяти кусочков охры, но её распределение на территории Карелии неравномерно, на некоторых па-

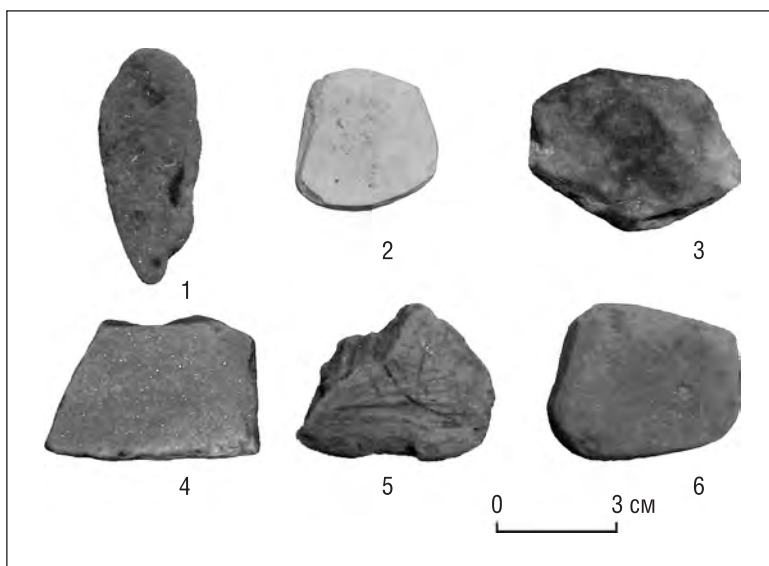

Рис. 2. Куски охры (1, 3–6) и краскотёрка (2): 1, 6 – Муромское VII (1497/б/н; 1497/б/н); 2 – Чёрная Губа III (2226/11); 3, 5 – Чёрная Речка I (1831/б/н; 2050/б/н); 4 – Бесов Нос VI (1728/б/н)

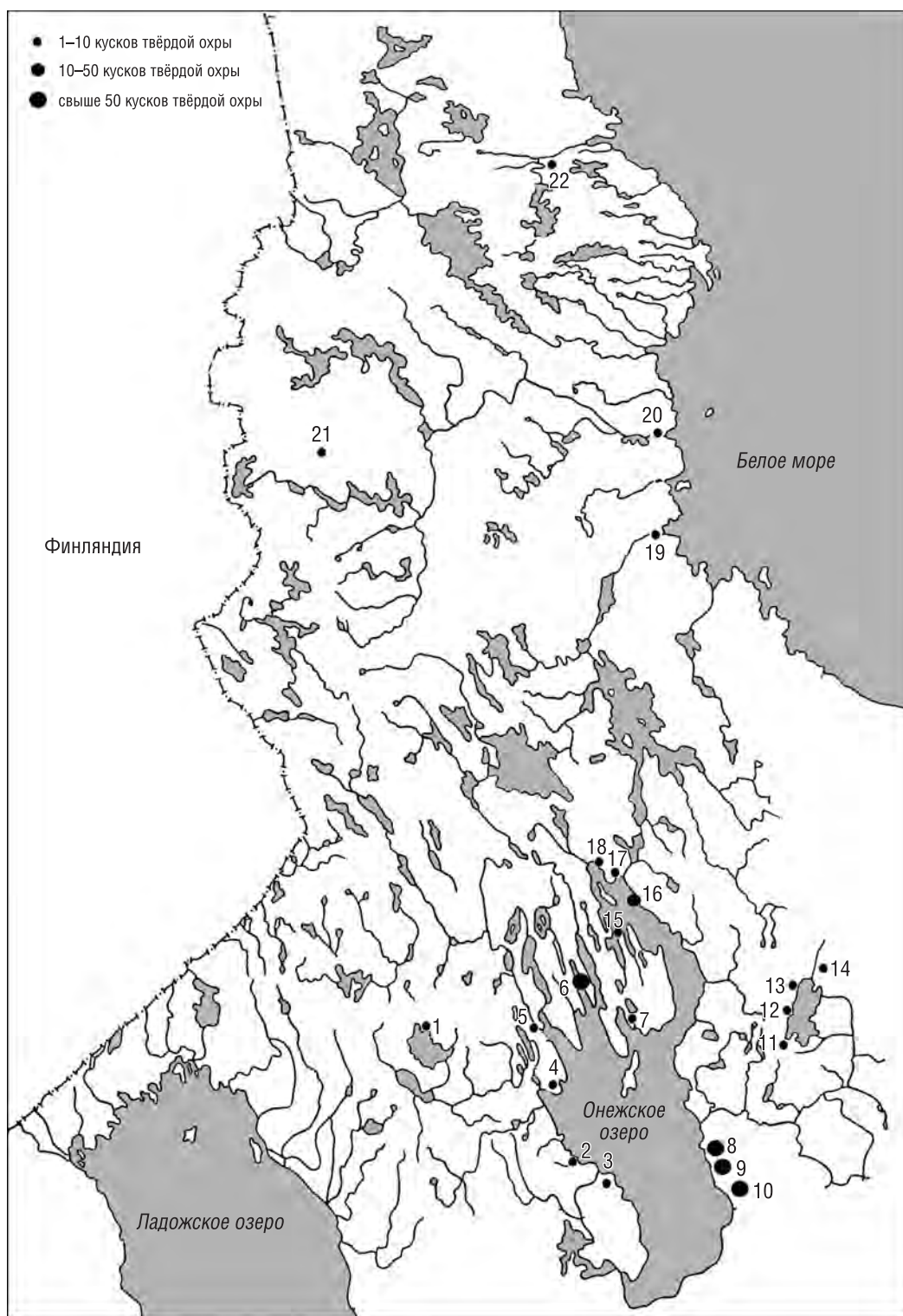

Рис. 3. Находки кусков охры на поселениях Карелии:

- 1 – Лахта III; 2 – Деревянное I; 3 – Шелтозеро XV; 4 – Соломенное VII; 5 – Чекулаево I, V; 6 – Пегрема VIII, Палайгуба X, Колгостров I; 7 – Возжариха 5, Радколье 6; 8 – Бесов Нос VI; 9 – Кладовец III, IV, Va, VIII, Чёрная Речка I, II, III, VIII; 10 – Муромское VII; 11 – Сомбома I; 12 – Охтома I; 13 – Келка I, II, III; 14 – Илекса IV, V; 15 – Лебнаволоок I, II; 16 – Оровнаволоок IX, XV, XVI, Чёрная Губа III; 17 – Кочнаволоок II; 18 – Пиндуши XIV; 19 – Ерпиин Пудас; 20 – Кемь I; 21 – Костомукша II; 22 – Кереть I

мятников охры значительно больше. Наибольшее её количество было найдено на поселениях у онежских петроглифов – Кладовец IV, Бесов Нос VI, Чёрная Речка I (рис. 3). Это наводит на мысль, что охра могла как-то использоваться создателями петроглифов, например для предварительной разметки наскальных изображений. Но в районе расположения беломорских петроглифов количество кусков охры незначительно.

При археологических раскопках карельские археологи всегда фиксируют цвет культурного слоя, наличие кусков и скоплений охры в материалах памятников, но попытки обобщить эти факты до сих пор не предпринимались. Это обстоятельство, а также и известная неполнота археологических данных не позволяют выявить все аспекты использования красного пигмента.

Обобщая известные данные об использовании охры древним населением Карелии, можно прийти к выводу, что красная краска чаще всего использовалась для посыпки пола, очагов и выходов из жилищ, а также и могильных ям. Реже отмечаются находки запасов охры в горшках или ямах и подкраска стенок некоторых сосудов порошком охры. В чём же символический смысл этих действий? Для древнего человека с его мифологическим сознанием было естественно отождествлять красный цвет с кровью, огнём, солнцем. В этнографических материалах сохранились сведения о традиционных верованиях, подтверждающие особое отношение к красному цвету. Так, и у русских и у финно-угров «красный петух» означает пожар, финно-угорские народы Сибири считали духов огня красными и приносили им в жертву красные платки (бросали в огонь). Отсюда очень недалеко до посыпания очага красной охрой [12, с. 88]. Кроме того, огонь у разных народов являлся лучшим средством очищения и защиты. Причём наиболее действенным считался огонь, добытый трением. Ещё в XIX в. вепсы изгоняли холеру, обходя деревню с «живым, деревянным» огнём [13, с. 151–152]. Красный цвет, так же как и огонь, имел двойственное значение – он был и благотворным и опасным, требовал почтения и нуждался в укрощении. Вероятно, поэтому очаги посыпали охрой – приносили жертву огню и не позволяли ему выйти за пределы очага. Выходы из жилищ обычно посыпались охрой, но в них нередко находят угольки или следы небольших кострищ, таким образом, охра выступает заместителем огня и, так же как и огонь, защищает жилище и его обитателей [4, с. 40, рис. 16].

Двойственная символика красного цвета проявляется и в посыпке могил красной охрой. С одной стороны, красный цвет означает кровь, жизнь, значит, посыпание могил красной краской символически должно способствовать возрождению умерших в ином мире. Но также красный цвет означает запрет, опасность, слой красной охры как бы «запирает» покойника, ограждая от него живых. Возможно, поэтому в Средневековье посыпание могил охрой сменилось широким распространением трупосожжения, т.е. красная краска была заменена огнём.

Традиция использования красной минеральной краски для того чтобы выделить какие-то особые объекты широко распространена (известна и в Фенноскандии, и на Дальнем Востоке) и чрезвычайно длительна. Её можно назвать одной из наиболее устойчивых традиций. Использование охры отмечено уже в палеолите, причём как в погребальных обрядах, так и для окраски различных предметов [14]. Поэтому, хотя переносить религиозно-мифологические представления населения XIX–XX вв. на носителей археологических культур считается в научных исследованиях недостаточно корректным, в данном случае, в многовековом использовании охры, несомненно, проявляются какие-то общие закономерности человеческого сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Valovirta, V.* Suomengeologinenkarta 1:1000000. Maaperakartenselitykset. Lehti 3023–3014, 3024, 3041–3043. Otaniemi, 1972.
2. *Пудовкин В.Г.* Современное выветривание и его влияние на свойства облицовочного камня в Карелии. Петрозаводск, 1986.
3. *Панкрузев Г.А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. Мезолит. Л., 1978.
4. *Витенкова И.Ф.* Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
5. *Косменко М.Г.* Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск. 1992.
6. *Жульников А.М.* Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.
7. *Косменко М.Г.* Поселения периода бронзы и железного века в Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
8. *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. (МИА. № 47)
9. *Kukkonen, I.T., Miettinen, M., Julkunen, A. & Mattsson, A.* Magnetic Prospecting of Stone Age Red Ochre Graves with a Case Study from Laukaa, Central Finland // FA. № XIV. Helsinki, 1997.
10. *Герман К.Э.* Могилы с красной охрой на территории Дании, Швеции и Финляндии (краткая характеристика) // Кижский вестник. № 7. Петрозаводск, 2002.
11. *Савватеев Ю.А.* Залавруга. Ч. 2. Стоянки. Л., 1977.
12. *Уляшев О.И.* Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. Екатеринбург, 2011.
13. *Винокурова И.Ю.* Огонь в мифологии вепсов // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999.
14. *Сериков Ю.Б.* Краски и цвет в ритуалах древнего населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2012.

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск*

I.F. Vitenkova

**THE COLOR OF LIFE IS RED: THE USE OF MINERAL PAINTS
BY THE ANCIENT POPULATION OF KARELIA**

Summary

The use of red mineral paint (ochre) to note some special objects was a widespread and extremely long tradition. In ancient settlements of a forest zone of Europe and Asia the use of ochre is known since a Palaeolithic. In the territory of Karelia this mineral paint was used even in the Mesolithic. Burials, floors and exits from dwellings were dredged with the ochre. And in the Neolithic some earthenware pots were also painted with it. In ancient settlements there were found vessels with ochre, pieces of solid ochre with rub traces and grinders. By assumption of archaeologists, red paint symbolized life and revival. That is why the topping of burials by ochre was widespread. Besides, red color had also a protective value, therefore exits from dwellings and berths were painted especially brightly. In the author's opinion, ochre could be used as well for the household purposes.

*The Institute of Language, Literature and History,
Karelian Scientific Centre, Russian Academy of Sciences,
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910,
The Republic of Karelia,
The Russian Federation*

E-mail: plavira@onego.ru

Ю.Б. Сериков

К ВОПРОСУ О САКРАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АКВАТОРИИ ОЗЁР И РЕК

Коллекция Шигирского торфяника широко известна не только на Урале, но и в Европе. Знаменитая Шигирская коллекция Свердловского областного краеведческого музея содержит около 3 тысяч находок. Жемчужиной коллекции являются деревянные (101 экз.) и костяные (свыше 1100 экз.) изделия. Получены они в XIX – начале XX в. во время золотоискательских работ на торфянике [1, с. 46–53]. Особый интерес у меня вызвал Шигирский прииск (Новый), который находился в основном на площади Шигирского озера. В пределах озера золотоискателями было сделано свыше 2800 разведочных шурфов. Озеро земляными дамбами было разделено на три части. Две части в своё время были осушены и разработаны старателями. Третья часть озера осталась неосушенной, так как начавшаяся Первая мировая война помешала старательским работам. Большая часть находок на дне озера представлена костяными наконечниками стрел, дротиков, гарпунов. Обычно их находили в наклонном или отвесном положении остриём книзу [2, с. 123–127].

Занимаясь изучением мезолита, с целью поиска костяных мезолитических наконечников стрел в октябре 1984 г. на Шигирском озере, остаточном водоёме Шигирского торфяника, автор организовал первую на Урале подводную археологическую экспедицию. Из-за погодных условий (озеро начало покрываться льдом) работы проходили медленно. Соответственно и находок добыли немного. Но зато была установлена стратиграфия донных отложений и отработана методика работы и страховки.

В 1986 г. на озере начались широкие подводные исследования [3, с. 194], которые продолжились в 1988–1990 гг.

Наши подводные исследования проводились практически по всей акватории неосушенной части Шигирского озера. Начались работы в центре озера, в 180 м от северного берега, на условной линии, проведённой от угла дамбы на массив Скворцовой горы с юго-востока на северо-запад. По этой линии на дне озера на расстоянии 6–8 м друг от друга забивались два шурфа. Глубина озера составляла 1,5–2 м, мощность ила – примерно столько же. После того как шурфы прокапывали до материка, их соединяли в траншею. Затем работы передвигались по условной линии на 20–30 м ближе к северному берегу озера. Далее всё повторялось: забивали два шурфа, прокапывали до материка, а затем соединяли в траншею. Всего по первой условной линии было забито 12 шурфов и прокопано, соответственно, 6 траншей.

Методика подводных работ состояла в следующем. Обычно два аквалангиста начинали бить два шурфа. После часа работ их сменяла следующая пара, которая находилась на страховке. Работы велись голыми руками. Все находимые предметы складывались в полиэтиленовый мешок на поясе аквалангиста. Время от времени аквалангист поднимался на поверхность и передавал находки сидящему в лодке археологу, который и классифицировал их.

Работа по одной условной линии позволила установить стратиграфию значительной части озера, которая в целом была довольно однообразна: сверху находился рыхлый ил серого цвета с большим содержанием остатков растительности. Мощность этого слоя – 0,2–0,3 м. Переплетённые остатки растительности удерживают стоящего на этом слое человека. Под слоем с остатками растительности идёт тот же серый очень рыхлый ил мощностью 0,5–0,7 м. В нижней части этого слоя встречались куски дерева и отдельные кости животных. Под слоем рыхлого ила залегает слой более плотного серого ила. Остатков растительности в нём встречается уже гораздо меньше. В нижней своей части этот ил по плотности напоминает сапропель. Все древние находки в основном происходят из этого слоя. Под слоем плотного ила, мощность которого составляет 0,6–0,8 м, идёт серо-синеватая плотная глина озёрного происхождения с большим содержанием гальки. Ближе к берегу мощность илистых отложений уменьшается и с 2 м доходит до 1,2 м. Но чередование слоёв остаётся тем же, просто уменьшается их мощность. Выявленная экспедицией стратиграфия дна озера практически полностью соответствует стратиграфии, описанной В.Я. Толмачёвым [4, с. 197].

За 5 лет работы шурфами была исследована значительная часть дна озера. Древние предметы были найдены во всех шурфах. Залегали они в нижнем слое плотного ила на разной глубине. Чаще всего со дна озера поднимали фрагменты керамики, кости животных и обломки обработанных деревянных изделий, в том числе деревянные кольца. Керамика и кости животных залегали в основном на глубине 0,4–0,5 м от дна. Изделия из камня (отщепы, нуклеидный кусок, заготовки орудий, обломок талькового предмета) встреча-

лись гораздо реже. В одном шурфе на расстоянии 0,25 м от дна найдено каменное рыболовное грузило в виде простого куска известняка, завернутого в бересту. Первый и единственный костяной наконечник стрелы был найден в 1986 г. Он тёмно-коричневого цвета, его длина – 14,1 см. Наконечник тщательно обработан каменным орудием и также тщательно заглажен. Самый кончик насада наконечника отломан. По одному краю наконечника вырезаны многочисленные зубцы (рис. 1: 3). По внешнему виду и технике обработки данное изделие может вполне датироваться мезолитом. Залегал наконечник остриём вниз в слегка наклонном положении на расстоянии 0,4 м от дна. Интересной находкой является крупное сверлённое изделие. Первоначально оно было принято за рыболовное грузило. Оно изготовлено из гранодиорита (биотитового гранита), овальной формы, размерами 10,2×7,7 см при толщине 2,3 см. Поверхность изделия пришлифована. В его центре находится отверстие диаметром 1,9 см (рис. 2: 1). Прodelано оно каменным сверлом большого диаметра путём встречного сверления. Входной диаметр отверстия доходит до 3,5 см. Изделие явно относится к каменному веку. Сверлённые изделия с отверстием большого диаметра на Среднем Урале чрезвычайно редки. В основном это каменные булавы и фигурные молоты. Практически все они происходят с культовых памятников. Разбитые сверлённые булавы известны на Махтыльском и Усть-Вагильском холмах. Фигурный молот в виде головы бобра найден на Кокшаровском холме. На культовых холмах выявлены и свёрла большого диаметра [5, с. 162–163]. Редкость подобных находок и трудоёмкость в их изготовлении позволяют отнести обнаруженное на дне озера сверлённое изделие к булавам.

Вся найденная керамика (около 80 фрагментов) датируется в широком хронологическом диапазоне – от энеолита до раннего железного века. Больше всего энеолитической керамики аятского и липчинского типов, затем по численности идёт керамика иткульской культуры раннего железа, единично встречена керамика черкасульской культуры, которая относится к позднему периоду эпохи бронзы. Важно отметить, что ни разу не встретились хотя бы два фрагмента одного сосуда – все сосуды представлены только одним фрагментом.

Среди деревянных изделий присутствуют куски дерева со следами рубки, обломки каких-то рукояток (возможно, вёсел) и древков стрел, выструганные пластины, куски обожжённого дерева и деревянные колья.

Кости животных и птиц, обнаруженные на дне озера, в основном расколоты. Часть костей относится к водоплавающей птице. Из остальных удалось определить кости лося (шейный позвонок, плечевая, нижняя челюсть, плюсна, метаподия), северного оленя (лопатка, таз, пясть, таранная и берцовые), бобра (лопатка), собаки (локтевая) и крупного рогатого скота (зуб). Определения фауны сделаны сотрудником Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН П.А. Косинцевым.

Кроме указанных находок, на дне озера обнаружены две скульптуры. Первая представляет собой изображение головы лося. Она изготовлена из естественной пяточной кости лося. Пяточная кость сама по себе имеет большое сходство с мордой животного. Незначительная подработка её поверхности (в частности, выделены губы животного) даёт основание трактовать данное изделие как скульптуру. Длина её – 15,4 см, высота – до 5,5 см (рис. 1: 1). Найдена она в слое ила мощностью около 1,5 м вблизи самого дна озера. Датировка скульптуры сильно затруднена. Можно отметить, что такая же скульптура из пяточной кости лося найдена на Кокшаровско-Юрьинской торфяниковой стоянке в Верхнесалдинском районе Свердловской области. Она залегала на контакте неолитического и мезолитического слоёв. Учитывая, что большая часть датированных находок со дна Шигирского озера (и прежде всего керамика) относится к энеолиту, данную скульптуру также можно соотнести с этим временем.

Вторая скульптура, найденная на дне озера, изготовлена из рога [6, с. 217]. Она изображает водоплавающую птицу, возможно большого крохалея. Длина скульптуры – 15,8 см, высота – до 2,2 см, толщина – 1,3 см. Скульптура имеет коленчатую форму, по-видимому, она являлась частью или рукояткой какого-то составного изделия (ковшика). Клюв птицы довольно вытянут. С одной стороны его серией насечек показана ноздря. Хорошо обозначен разрез клюва, конец подклювья загнут книзу. На подклювье с двух сторон нанесены отдельные насечки – 9 и 10 штук (рис. 1: 2). В местах изгиба скульптуры сохранились следы обработки. Однако на голове птицы они удалены тщательной полировкой поверхности. Условия нахождения аналогичны таковым у вышеописанной скульптуры лося. Видимо, так же следует решать и вопрос датировки скульптуры. Аналоги данной скульптуре мне не известны.

Результаты подводных археологических исследований поставили целый ряд вопросов. Остался неясен характер захоронения древних предметов на дне озера. Непонятно, почему древние находки обнаружены практически во всех точках дна озера. Первоначально автор подходил к решению этих вопросов чисто прагматически: деревянные изделия смыты во время подъёма воды с береговых памятников; наконечники стрел потеряны во время охоты и лова рыбы; фрагменты керамики и кости животных являются свидетельством подлёдного лова – это мусор, появившийся в процессе рыбалки, который после таяния льда опустился на дно.

Но скульптуры, булава, тальковое изделие в хозяйственную деятельность древнего человека никак не вписываются. Также непонятно, почему все сосуды со дна озера представлены только одним своим фрагментом. Данные факты позволяют рассматривать и другие варианты их попадания на дно озера. Пришлось ещё раз внимательно ознакомиться с находками с Нового Шигирского прииска. Оказывается, и здесь есть ряд изделий неутраченного назначения. Это каменные пряслица, целые глиняные сосуды, деревянная ложка с вырезанной на рукоятки головкой лося. Также на дне озера (в восточной части под слоем чёрного торфа на глубине 1,8 м) в 1907 г. нашли три человеческих черепа с нижними челюстями. Рядом с одним из черепов лежал костяной кинжал. Эти находки были настолько необычными, что уже в 2001 г. авторы моно-

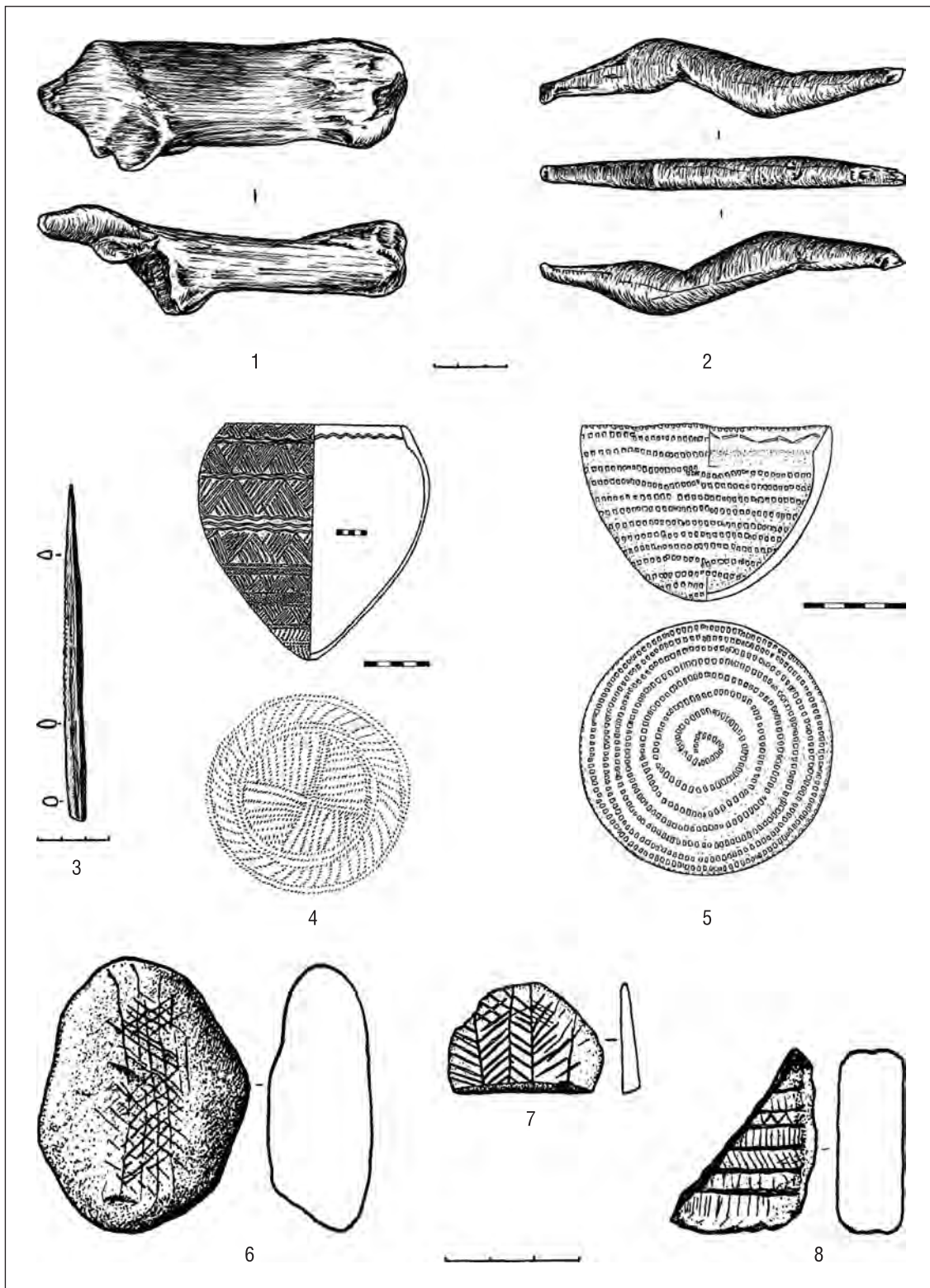

Рис. 1. Древние предметы со дна озёр и рек:
 1 – скульптурное изображение головы лося; 2 – рукоятка ковшика в виде головы птицы; 3 – наконечник стрелы;
 4–5 – неолитические сосуды; 6–8 – каменные чуринги. 1–3 – Шигирское озеро; 4–5 – озеро Увильды;
 6–8 – река Дубна. 1, 3 – кость; 2 – рог; 4–5 – глина; 6–8 – камень. 4–5 по [7]; 6–8 – по [15]

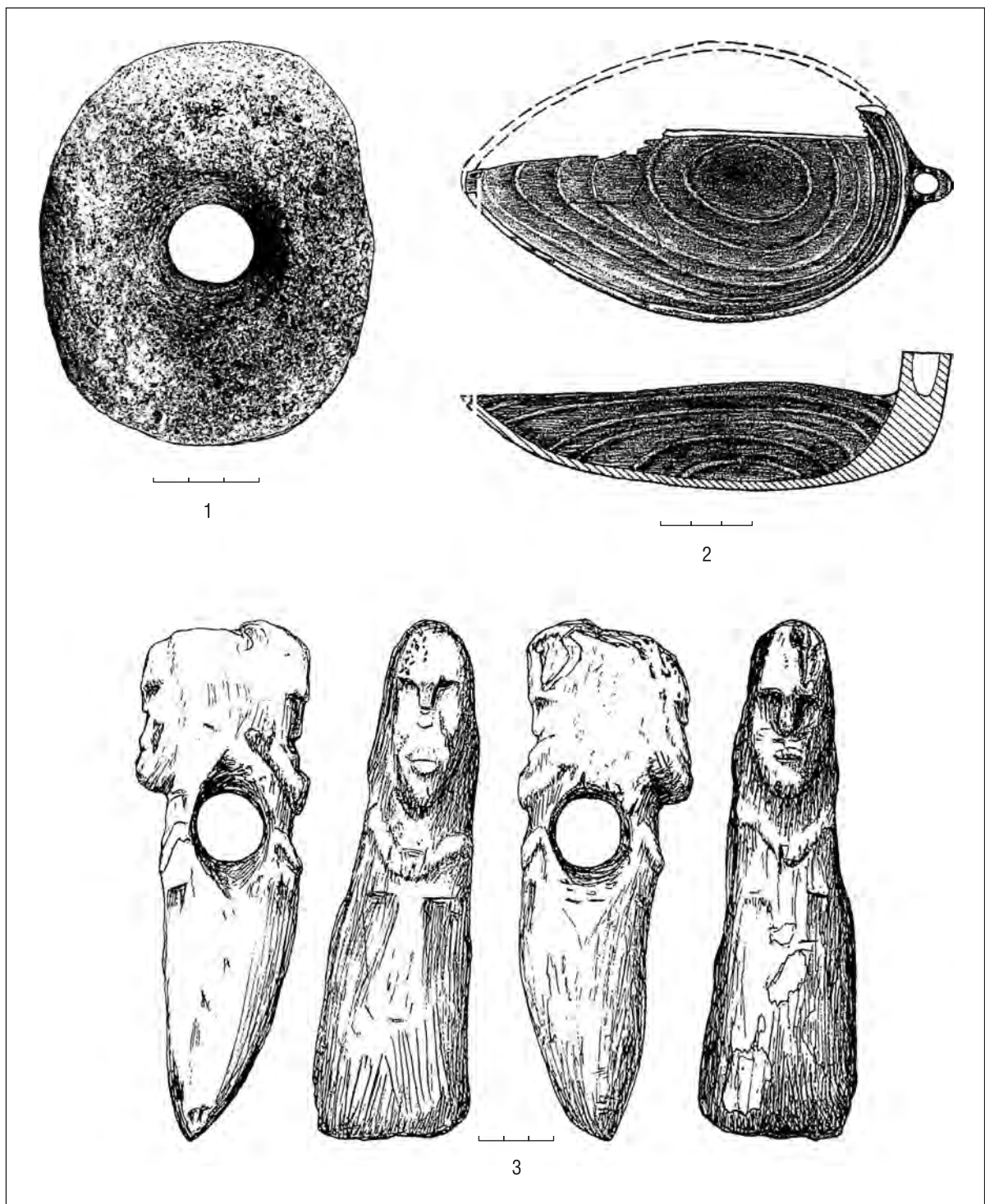

Рис. 2. Древние предметы со дна озёр и рек:
 1 – сверлённая булава; 2 – ковшик в виде тулова птицы; 3 – фигурный топор.
 1 – Шигирское озеро; 2 – озеро Увильды; 3 – река Осень (Тверская область).
 1 – камень; 2 – дерево; 3 – рог. 2 – по [7]; 3 – по [14]

графии «Археологические памятники Шигирского торфяника» высказали предположение, что часть изделий была оставлена в водной акватории озера преднамеренно [2, с. 126–127].

В 2001 г. аквалангистами из Челябинска на дне озера Увильды (окрестности г. Карабаш Челябинской области) была сделана удивительная находка. На расстоянии 25–30 м от берега, на глубине 22–23 м в донном иле был найден целый глиняный сосуд (рис. 1: 4). Его высота – 38,6 см, диаметр по венчику – 30 см, диаметр по тулову – 38,4 см. Сосуд орнаментирован взаимопроникающими заштрихованными треугольниками, выполненными в технике гладкого прочерчивания или «отступающей палочки». Такой орнамент и техника нанесения характерны для неолита. Внутри большого сосуда находился сосуд поменьше: высотой 8,5 см при диаметре 12,5 см (рис. 1: 5). От дна до венчика в технике накалывания на сосуд нанесена спираль. Также в большом сосуде находился деревянный ковш длиной 14,5 см, выполненный в виде водоплавающей птицы (рис. 2: 2). Рукоятка, которая вставлялась в отверстие на конце ковша, у него отсутствовала. Учитывая форму ковша, она могла быть изготовлена в виде головки водоплавающей птицы. Данный комплекс находок имеет чётко выраженный культовый характер [7, с. 62–64].

А теперь обратимся к Западной Европе. В последнее время на Западе активно разрабатывается идея волевого назначения кладов. Ещё в 1866 г. датский археолог Й. Ворсо обратил внимание на то, что многие клады бронзовых изделий были обнаружены на дне озёр, болот и рек. Условия нахождения кладов свидетельствовали о намеренном их помещении в воду «без всякой надежды их вернуть» [8, с. 48].

Аналогичные сведения мы находим и в книге Дж. Лёббока 1876 г. Он сообщает, что в Нидамском болоте (Дания) было найдено около 100 целых железных мечей, до 500 копий, 30 топоров, 80 ножей, шлемы, украшения и т.п. Там же была обнаружена большая лодка, нагруженная мечами, копьями, топорами, ножами, украшениями и посудой [9, с. 6–7]. Описывая коллекцию бронзовых изделий полковника Шваба с озёр Швейцарии, состоящую из 4346 предметов, он удивляется, как такое количество ценных вещей могло оказаться на дне озёр. И поддерживает предположение, что древнее население Швейцарии поклонялось озёрам и все эти ценные изделия являлись специальными жертвами. Здесь же он приводит сведения о священных озёрах Франции, Германии, Шотландии и Ирландии, в воды которых приносили в жертву золото, серебро, монеты, еду и др. [9, с. 166–167].

Возможно, таким же жертвоприношением являлся «клад» из 11 костяных мезолитических наконечников, найденный М.Г. Жилиным в болоте перед Второй Береговой стоянкой Горбуновского торфяника [10, с. 36].

Большую подборку фактов о жертвоприношениях в воду озёр и болот на территории Западной Европы приводит Н.М. Чаиркина. В жертвенных местах в воде находят целые сосуды, отдельные черепки, металлические изделия, кости животных и человека. Подобных достоверных жертвенников в воде только в Северной Европе насчитывается несколько десятков [11, с. 123].

В западноевропейских торфяниках, по данным М.Б. Медниковой, обнаружены останки около 1800 человек. Некоторые не имели головы, некоторым были нанесены смертельные раны, некоторые были удушены. Вполне вероятно, что данные находки представляют собой особые ритуальные жертвы. Думается, что и на уральских торфяниках не все человеческие кости следует интерпретировать как останки утопленников. По-видимому, в древности существовали и специальные ритуалы, связанные с жертвоприношением людей в воду [12, с. 162].

Одной из известных подобных находок являются останки человека, обнаруженные в торфянике Линдау-Мосс под Манчестером. Найденного человека назвали Пит Марш. Он был убит сильными ударами в свод черепа. Затем в ритуальных целях из него выпустили всю кровь. Труп Пита Марша пролежал в болоте около 2500 лет [13, с. 17].

Следует упомянуть и пока немногочисленные факты необычных находок в акватории рек. В 1999 г. в Тверской области на дне реки Осень был найден роговой топор с изображением двух мужских голов (рис. 2: 3). Длина изделия 21,5 см. Аналоги ему неизвестны. Предположительно его датируют бронзовым веком. По мнению В.В. Сидорова, топор связан со шлейфами культурного слоя стоянок или разрушенного могильника [14, с. 442–447]. Однако возможна и другая интерпретация находки. На приведённой схеме место находки топора находится в середине реки, далеко от берега. Поэтому данное уникальное изделие могло быть принесённым в жертву.

Неординарные предметы были найдены и в русле реки Дубны, у стоянки Замостье 2 в Московской области. В частности, среди них – шесть орнаментированных чуринг (рис. 1: 6–8) и три костяных орудия, также украшенные орнаментом [15, с. 34, 42].

По всей видимости, подобных находок должно быть гораздо больше, но дно озёр и рек редко становится объектом исследования, а находки – публикации.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что некоторые предметы могли попадать на дно озёр в результате хозяйственной деятельности человека. Но определённые категории находок (произведения искусства, металлические изделия, целые сосуды, кости животных, трупы людей и др.) достаточно убедительно свидетельствуют, что водное пространство озёр и болот в древности активно использовалось в сакральных целях. К тому же не следует забывать, что в любом предмете присутствует вещное и символическое значение [16, с. 215–219]. Поэтому и изделия хозяйственного плана могли использоваться в ритуалах. Остаётся несомненным, что данные находки фиксируют особое отношение древнего населения к воде. Озёра воспринимались как места локализации водной стихии, хаотических сил Нижнего мира. Хозяин или Дух озера символизировал одного из представителей хтонических существ, через которого поддержива-

лись взаимосвязи между миром людей и силами Нижнего мира. У хантов Приобья священными местами становились разнообразные водные элементы: реки, ручьи, заводи, водовороты, омуты, места слияния рек, перекааты, повороты. Но наиболее крупными и почитаемыми водными объектами, которые включались в сакральную практику местного населения, были озёра и болота [17, с. 144–145]. Подобные святы озёра существовали и у ненцев [18, с. 85–86]. Почитаемые священные озёра зафиксированы этнографами на территории Татарстана и Кировской области [19, с. 30–34].

Изучая мифологический эпос башкирского народа «Урал-батыр», В.Г. Котов приходит к выводу, что озеро Шульган и пещера Шульган-Таш для предков башкир являлись культовым центром, в котором начиная с каменного века совершались обряды посвящения и возрождения Природы [20, с. 351].

Другим проявлением особого отношения к озёрам является сакрализация их берегов. Пример такого священного озера – Шайтанское озеро на Среднем Урале близ г. Невьянск (Свердловская область). Озеро находится в глухой тайге среди болот. Даже в наше время туда можно добраться только пешком или на вездеходе. На озере выявлены и изучены 11 культовых памятников различной направленности. На памятнике Шайтанское озеро I не обнаружены следы жилых сооружений, зато собрана большая коллекция изделий неутилитарного назначения: антропо-, зоо-, ихтио- и орнитоморфные скульптурные изображения, многочисленные украшения, сосуды с изображениями птиц и животных, «утюжки» и др. Здесь же исследовано захоронение шамана, которое сопровождалось обилием предметов культового характера. На памятнике Шайтанское озеро II выявлены две ритуальные площадки с плавильным очагом, каменной вымосткой, «кладами» каменных и бронзовых (свыше 200 экз.) изделий (предметы вооружения, орудия труда и украшения). Шесть культовых памятников (Шайтанский, Средний, Южный, Дальний, На просеке шиханы, Островок в болоте) расположены на гранитных останцах. На них найдены своеобразные жертвенники с чашевидными углублениями, керамика, каменные и медные изделия, медные идолы, следы человеческих жертвоприношений (находки черепов, раздробленные и кальцинированные кости). На Шайтанском шихане в щели между камнями выявлен погребально-жертвенный комплекс энеолита с 76 костяными подвесками. Несколько культовых объектов («Каменный гриб», природные чаши на валунах, «Менгир») располагались на гранитном основании Каменушки I. Интенсивное функционирование культового центра относится к энеолиту, в меньшей степени он использовался в другие эпохи и периоды – в неолите, раннем бронзовом, раннем железном веках и в Средневековье. Скальные памятники также существовали в разное время, но основные культовые действия происходили в энеолите и в раннем железном веке. Выявленные культовые комплексы дают основания предполагать, что на Шайтанском озере производились обряды и ритуалы, связанные с календарными праздниками либо с кризисными для общества ситуациями. В последних случаях ритуальные действия сопровождалось человеческими жертвоприношениями [21, с. 159–173]. Нет сомнений, что подобные священные озёра существовали и на других территориях. Просто культовые озёрные памятники и озёра редко рассматриваются в данном ракурсе. Ярким примером священного озера древности, по мнению автора, является озеро Сахтыш в Ивановской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савченко С.Н. История формирования коллекции шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. I: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999.
2. Археологические памятники Шигирского торфяника / Н.М. Чаиркина, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков, А.С. Литвяк. Екатеринбург, 2001.
3. Сериков Ю.Б. Работы на Шигирском торфянике // АО – 1986. М., 1988.
4. Толмачев В.Я. Древности Восточного Урала // Записки УОЛЕ. Т. XXXIV. Вып. 9–10. Екатеринбург, 1914.
5. Сериков Ю.Б. Каменные сверла неолитических памятников лесного Зауралья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
6. Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
7. Юрин В.И. Неолитическое местонахождение Красный Камень. Челябинск // Пяты Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006.
8. Бочкарев В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002.
9. Лёббок Дж. Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей. М., 1876.
10. Жилин М.Г., Савченко С.Н. Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: опыт и перспективы комплексного исследования // Тагильский вестник: Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация: Историко-краеведческий альманах. Вып. 6. Нижний Тагил, 2010.
11. Чаиркина Н.М. Тайны торфяников // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
12. Медникова М.Б. Трепанация у древних народов Евразии. М., 2001.
13. Хакенс Т. Тайны, раскрытые наукой // Курьер ЮНЕСКО. 1985. № 8.
14. Сидоров В.В. Топор с янусовидным изображением из реки Осень // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.
15. Лозовский В.М. Искусство мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье 2) // Древности Залесского края. Материалы международной конференции “Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры”. 1–5 июля 1997, Сергиев-Посад. Сергиев Посад, 1997.
16. Байбурина А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ. Вып. XXXVII. Л., 1981.

17. *Балалаева О.Э.* Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
18. *Малолетко А.М.* Культурная лексика в гидронимике Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: тезисы докладов. Томск, 1985.
19. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона / *Н.И. Шутова, В.И. Капитонов, Л.Е. Кириллова, Т.И. Останина.* Ижевск, 2009.
20. *Котов В.Г.* Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. Уфа, 2006.
21. *Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро – «святое» озеро древности // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2009.

*Ниженетагильская государственная социально-педагогическая академия,
Нижний Тагил*

Yu.B. Serikov

TO THE QUESTION OF THE SACRAL USE OF THE WATER AREA OF LAKES AND RIVERS

Summary

The article analyzes the facts of finding ancient artefacts at the bottom of lakes and rivers. Underwater excavations in the Shigirskoye Lake (the Middle Urals) and occasional finds made it possible to determine the character of finds at the bottom. These finds are works of art, metal ware, unharmed vessels, separate fragments of ceramics, bones of animals, dead bodies and etc. These finds allow to assume that the water area of lakes and bogs was active used for sacral purposes in the ancient times. Lakes could be taken for sacred places where chaotic forces of the Lower world localized. The worshipped sacred lakes are known both in ethnographic materials and among archaeological objects. The most known and documented sacred lake of antiquity is the Shaytanskoye Lake (the Middle Urals).

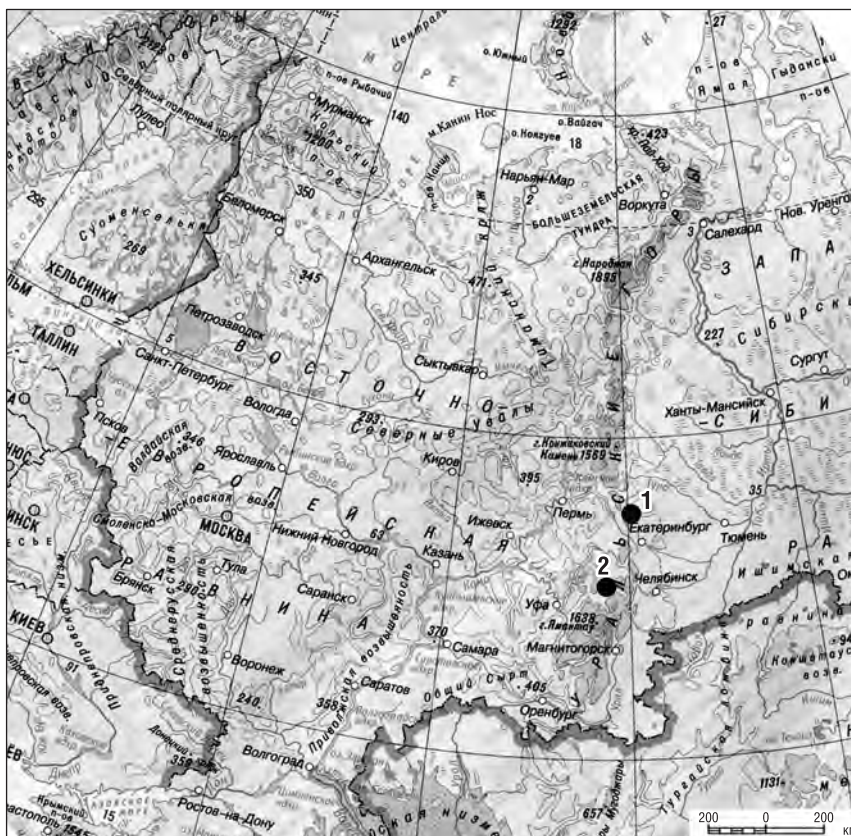
*The State Social-Pedagogical Academy of Nizhny Tagil,
57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, 622031,
Russia*

*E-mail: u.b.serikov@mail.ru
serikov2@yandex.ru*

С.Н. Савченко, В.И. Юрин, М.Г. Жилин

ЛЕТЯЩАЯ СТРЕЛА – ЛЕТЯЩАЯ ПТИЦА (КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ СО СКУЛЬПТУРНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ НА ОСТРИЕ)¹

Среди предметов из Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ) С.Н. Савченко в своё время были выделены два костяных игловидных наконечника стрел с миниатюрными скульптурными изображениями голов водоплавающих птиц на острие [1]. Шигирская коллекция состоит из артефактов, случайно найденных при золотодобыче в кон. XIX – нач. XX века на разных участках одноимённого торфяника, расположенного на восточном склоне Среднего Урала (рис. 1). Точный пункт находки

1. Шигирский торфяник
2. Пещера Сикияз-Тамак I

Рис. 1. Местонахождение Шигирского торфяника и пещеры Сикияз-Тамак I

¹ Работа выполнена при поддержке РФГФ, грант № 14-21-17003.

данных наконечников неизвестен, они поступили в музей Уральского общества любителей естествознания (ныне СОКМ) в 1911 г. из личной коллекции учёного секретаря общества О.Е. Клера. В древности на месте Шигирского торфяника существовала озёрная система, сформировавшаяся на рубеже плейстоцена и голоцена, свыше 10 тысяч радиоуглеродных лет тому назад [2, с. 138–139]. Артефакты находили в торфе, в лежащих ниже озёрных отложениях (сапропелях) и под ними в песке, что свидетельствует о непрерывности обитания людей на берегах этих озёр в течение тысячелетий.

Наконечники из Шигирской коллекции под инвентарными (инв.) номерами СМ 8973 АШ-270 (рис. 2; 6: 2) и АШ-146 (рис. 3; 6: 3) относятся к одному и тому же типу игловидных наконечников стрел. Они – округлого поперечного сечения, массивные в нижней примыкающей к насаду половине и имеют очень длинное тонкое коническое остриё. Насад одного наконечника – пирамидальный (рис. 2), другого – клиновидный (рис. 3). Целая серия подобных игловидных наконечников, но без скульптурных изображений на острие, представлена в Шигирской коллекции СОКМ. Время бытования игловидных наконечников этого типа пока не установлено, так как на сегодняшний день они известны только среди случайных находок, при археологических раскопках такие наконечники до сих пор не найдены, радиоуглеродные даты для них отсутствуют.

Шигирские наконечники изготовлены из костяных пластин-заготовок, полученных из стенок диафизов крупных трубчатых костей млекопитающих. Анализ поверхности наконечников с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 показал, что они выполнены кремнёвыми инструментами. Выявленная «технологическая стратиграфия» позволила установить последовательность приёмов обработки и реконструировать этапы изготовления артефактов. На поверхности одного наконечника (рис. 2) обнаружены следы черновой обработки заготовки продольным скоблением, которые впоследствии перекрыли следы продольного строгания. На поверхности второго наконечника (рис. 3) видны только следы продольного строгания, следы черновой обработки не фиксируются, они были полностью сняты последующей чистовой обработкой. После чистового продольного строгания стержни обоих наконечников, исключая скульптурные изображения, были тщательно обработаны тонкой шлифовкой на мелкозернистом абразиве и заполированы. На насадах следы шлифовки и полировки отсутствуют. Нужно отметить, что при изготовлении этих наконечников использована сложившаяся технологическая схема последовательности применения приёмов обработки кости при изготовлении из неё наконечников метательного вооружения, выявленная на уральских артефактах каменного века начиная с раннего мезолита [3, с. 171–173].

В 2000 г. В.И. Юриным на Южном Урале (рис. 1) в пещере Сикияз-Тамак I (рис. 4) было обнаружено ещё одно подобное изделие – обломок наконечника стрелы со скульптурным изображением головы крохала на острие (рис. 5; 6: 1). Пещера находится в Саткинском районе Челябинской области, на правом берегу реки Ай, в известняковой скале на высоте 47–50 м от уреза воды. Пещера слаболабиринтного типа, имеет два входа (рис. 4). В 1996 г. отрядом юных спелеологов из г. Сатка в низкой тёмной части пещеры был вскрыт погребённый, вероятно, в конце плейстоцена ход из зала № 5 в зал № 8. В открытом зале спелеологи нашли череп пещерного медведя со следами окраски красной охрой. Позднее в северо-западной части этого зала В.С. Житенёвым был исследован раскопками участок площадью около 10 кв. м. В частично переотложенном культурном слое найдены два отщепы, остриё на симметричной пластинке с высокой спинкой и крутой ретушью по краям из высококачественного чёрного кремня, фрагмент костяного наконечника (?), кости животных, птиц и рыб. Для культурного слоя получена дата 11690 ± 70 л.н. (GrA-18661) [4, с. 92]. Изъятый при вскрытии хода грунт спелеологи складировали в зале № 5 рядом с будущим раскопом В.И. Юрина.

В смежных залах № 5 и № 6 в 1996–1997, 2000–2002 гг. В.И. Юриным проводились археологические исследования. В раскопе были выявлены 5 литологических слоёв:

слой 1 – мелкозём сильно гумусированный тёмного цвета; с примесью золы и небольшим количеством известнякового щебня; с множеством угольков и костей животных; у стен пещеры найдены обломки дерева и бересты; археологический материал представлен одиночными изделиями из металла и многочисленными фрагментами керамики раннего железного века и Средневековья; мощность слоя – 4–18 см;

слой 2 – мелкозём частично гумусированный золистый серого цвета; с небольшим количеством известнякового щебня, многочисленными угольками и костями животных; археологический материал – единичные фрагменты керамики раннего железного века и Средневековья; мощность слоя – 3–16 см;

слой 3 – мелкозём пылеватый тёмно-серого цвета; с большим количеством золы и мелких угольков; в слое встречено небольшое количество керамики позднего периода эпохи бронзы и раннего железного века; мощность слоя – 3–6 см;

слой 4 – лёгкий суглинок буровато-серого цвета, пылеватый, слабогумусированный; с небольшим количеством известнякового щебня, костей животных и угольков; артефакты представлены единичными фрагментами керамики позднего периода эпохи бронзы; мощность слоя – от 5 до 13 см;

слой 5 – лёгкий суглинок бурого цвета; с известняковым щебнем, отдельными костями животных и угольками; археологический материал представлен единичными фрагментами керамики и каменными изделиями неолита – энеолита; мощность слоя – 8–14 см.

В стенках раскопа зафиксированы фрагменты углистых прослоек и очагов, линза древесного угля.

Подавляющее большинство находок происходит из слоёв 1 и 2. Эти слои почти на всей площади раскопа перемешаны, поэтому материал из них представляет единую выборку. Удалось определить фрагменты сосудов раннего железного века (иткульская и гамаюнская культуры) и Средневековья (кушнаренковская, кара-якуповская, бахмутинская и турбаслинская культуры). Единичны фрагменты сосудов позднего этапа

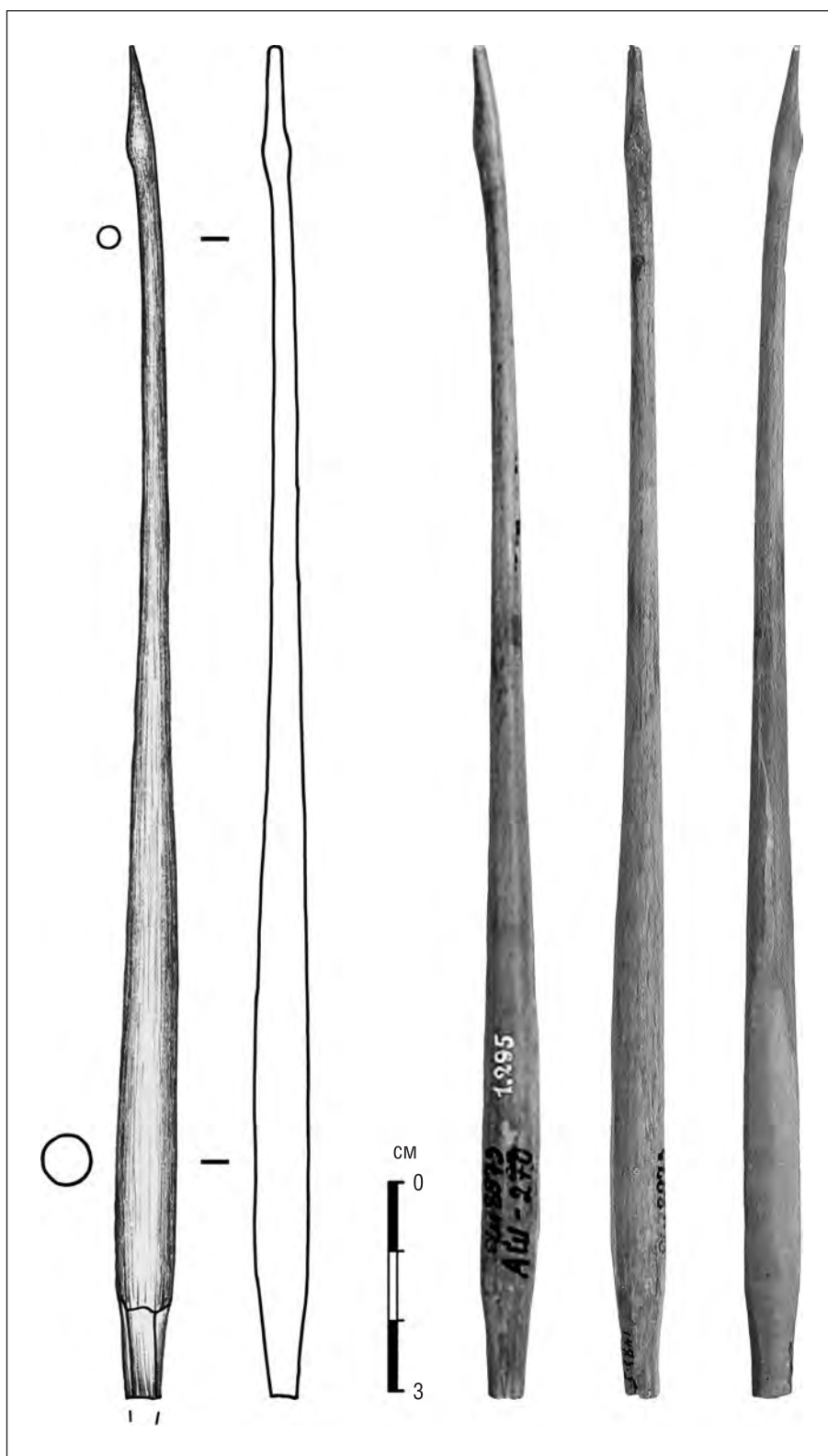

Рис. 2. Наконечник стрелы игловидный со скульптурным изображением на острие.
Кость. Шигирская коллекция СОКМ. Инв. № СМ 8973 АШ-270

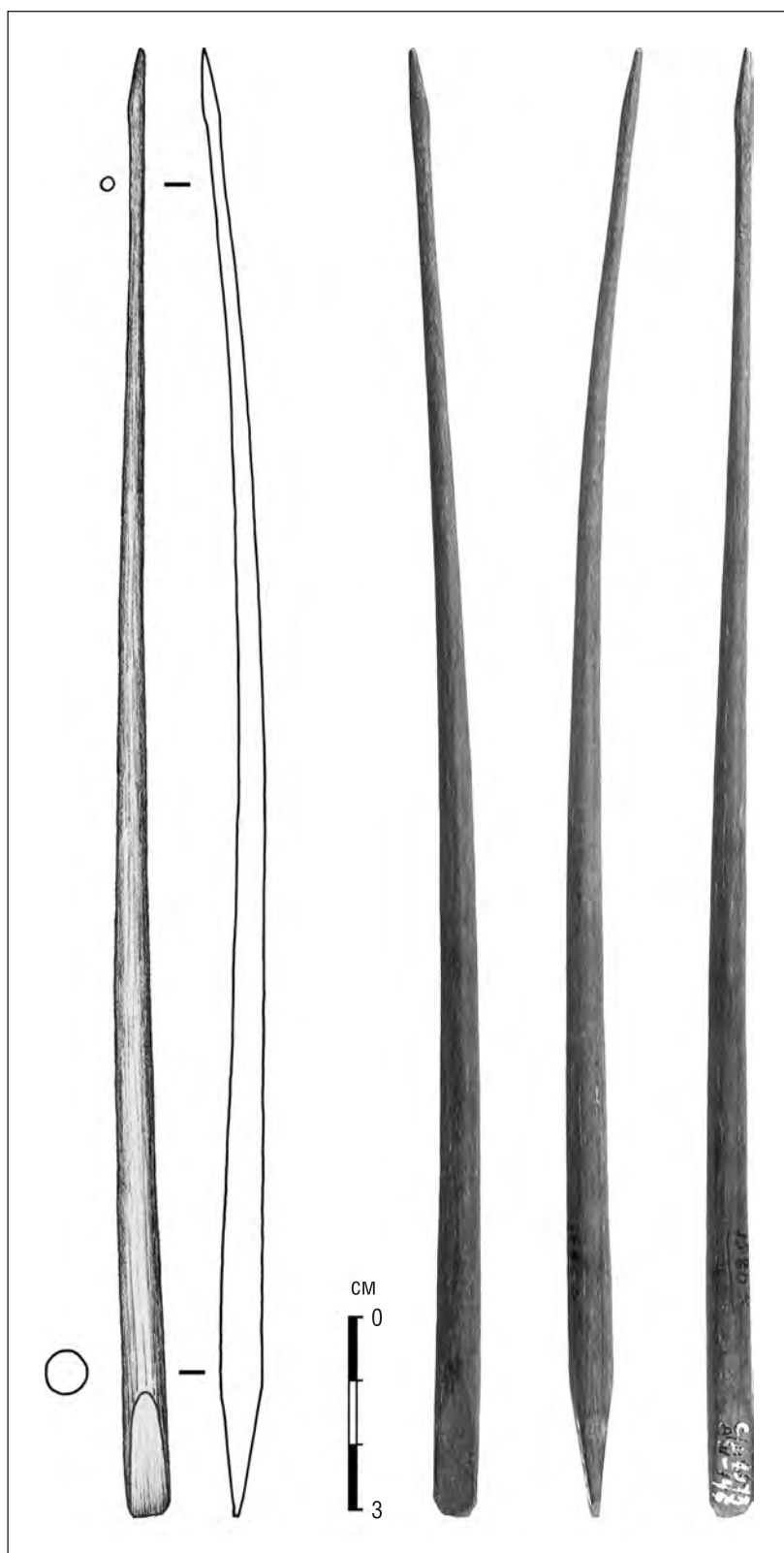

Рис. 3. Наконечник стрелы игловидный со скульптурным изображением на острие.
Кость. Шигирская коллекция СОКМ. Инв. № СМ 8973 АШ-146

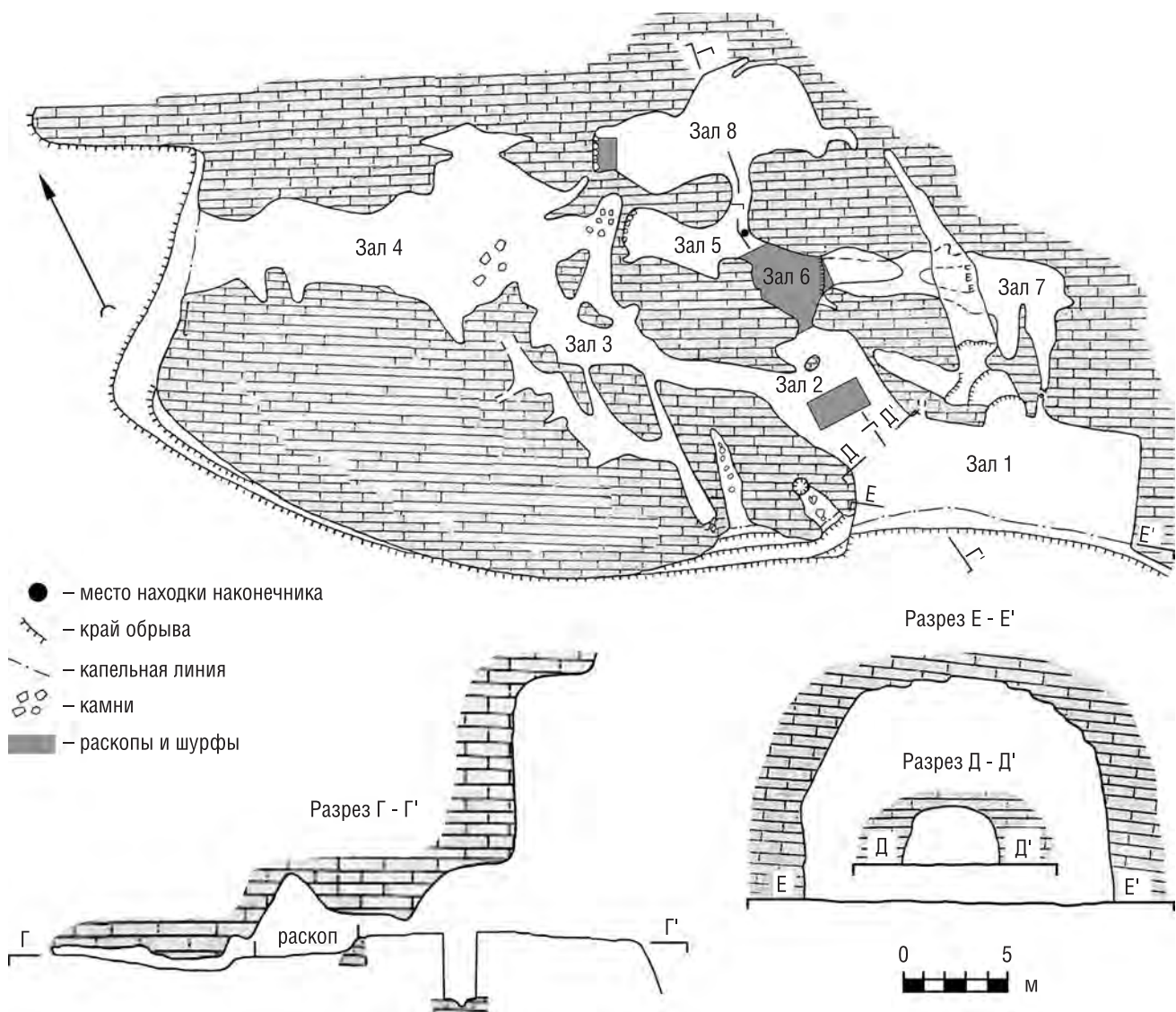

Рис. 4. План и разрезы пещеры Сикийз-Тамак I

бронзового века (срубно-алакульская, черкаскульская, межовская, курмантаусская культуры). Встречены фрагменты энеолитических сосудов [5, с. 69–70].

В ходе разборки и просеивания лежащего на поверхности в зале № 5 отвала спелеологов найдены фрагменты сосудов раннего железного века и Средневековья, а также фрагменты костей животных. Кроме того, в квадрате С/28 был обнаружен фрагмент костяного наконечника стрелы со скульптурным изображением головы крохали на острие (рис. 5; 6: 1)². От наконечника сохранились скульптурно оформленное острие и примыкающая часть стержня, нижняя часть орудия с насадом утрачена. Наконечник был сломан относительно недавно, не более нескольких столетий назад. Судя по характеру направленного слома и его цветности, была сломана уже минерализованная кость, пролежавшая в пещере тысячелетия. Наиболее вероятно, на наконечник наступили, и он сломался.

Наконечник стрелы из пещеры Сикийз-Тамак I отличается от шигирских. Он гораздо массивнее, по соотношению толщины и ширины наконечник относится к типологической группе узких плоских наконечников стрел. Артефакт выполнен из широкой пластины, вырезанной из стенки диафиза трубчатой кости крупного млекопитающего. Черновая обработка краёв пластины, судя по сохранившимся следам, была выполнена грубым продольным скоблением. На краях артефакта на переходе стержня наконечника в скульп-

² Предмет передан в Свердловский областной краеведческий музей.

птурное изображение, на переходе головы в клюв и на нижней части клюва сохранились следы обработки грубой шлифовкой на крупнозернистом абразиве. Следы скобления и грубой шлифовки перекрываются следами строгания (рис. 7). На краях наконечника строгание было продольным, плоскости изделия выстругивали наискось. Когда выстругивались края наконечника, строгальный нож был зафиксирован неподвижно, а наконечник протягивался движением на себя. Такой приём обработки костяных изделий выявлен как на предметах из Шигирской коллекции и Второй Береговой торфяной стоянки в Среднем Зауралье, так и на восточноевропейских изделиях.

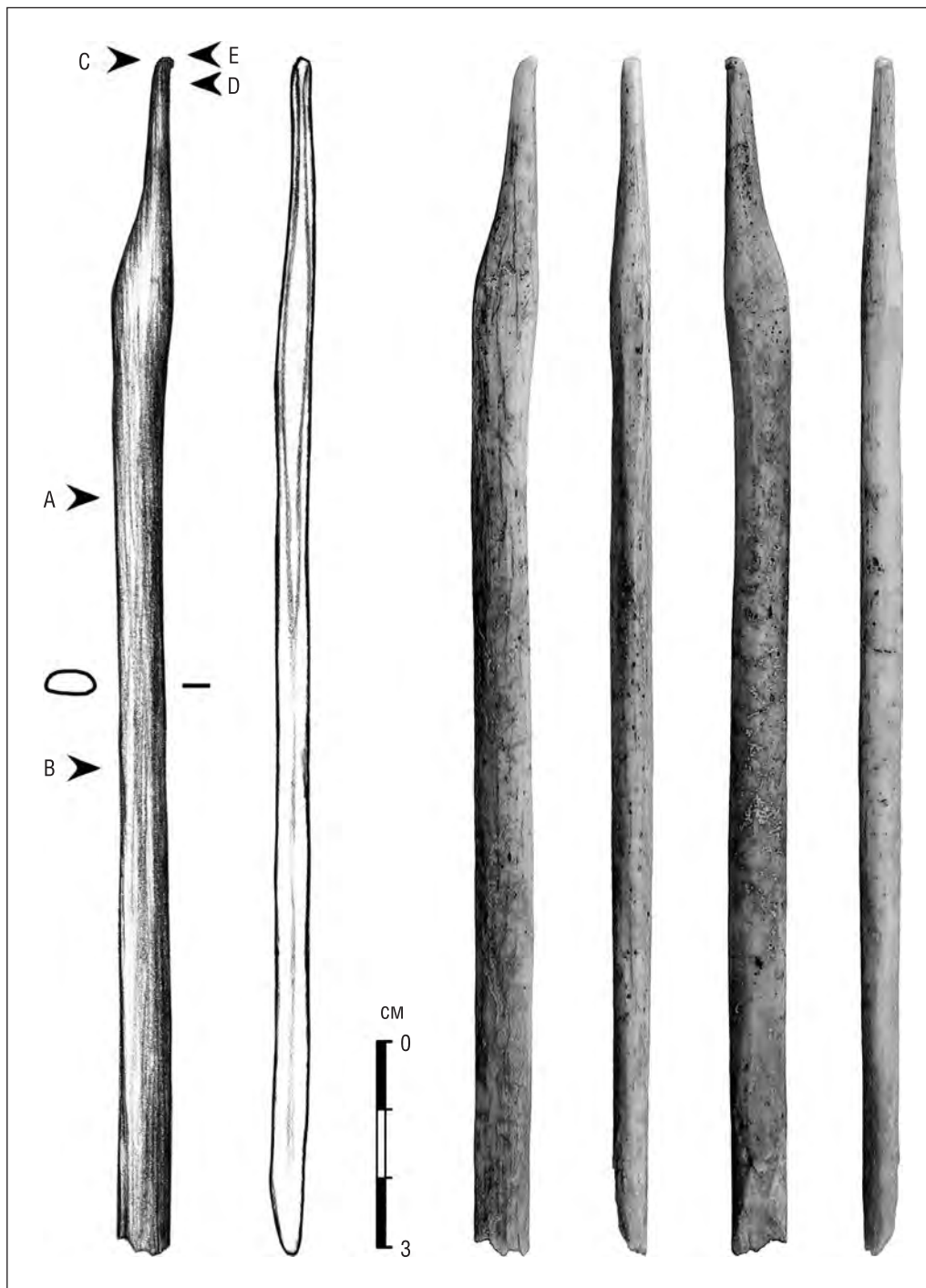

Рис. 5. Наконечник стрелы узкий плоский со скульптурным изображением на острие. Кость. Пещера Сикияз-Тамак I. А–Е – участки съёмки

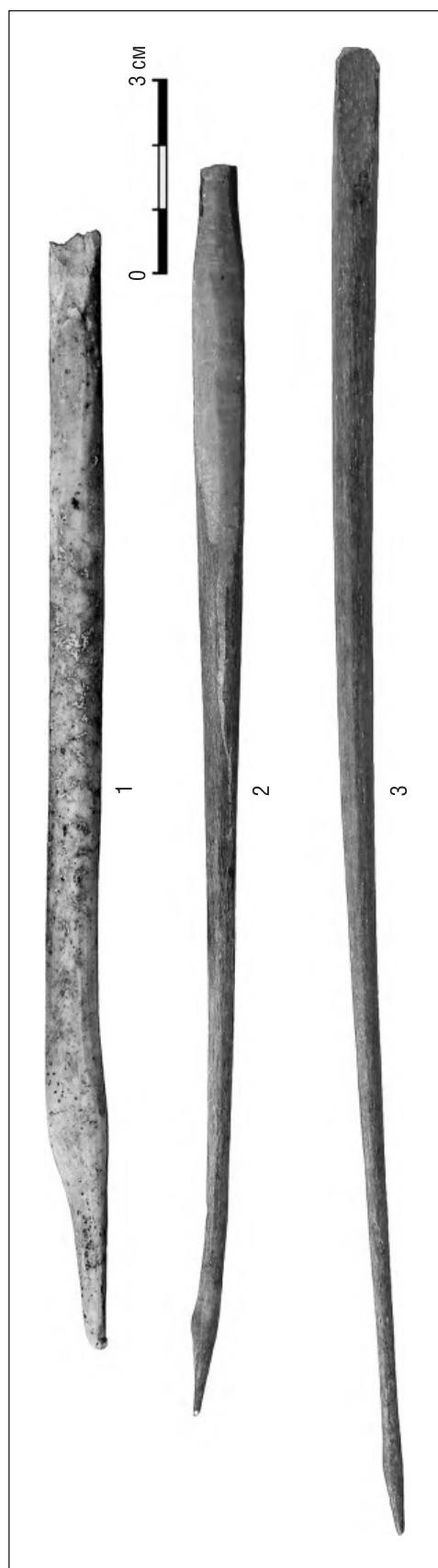

Рис. 6. Наконечники стрел с остриём в виде скульптуры головы водоплавающей птицы в положении «в полёте».
Кость. 1 – см. подпись к рис. 5; 2 – см. подпись к рис. 2; 3 – см. подпись к рис. 3

Клюв скульптуры оформлен продольным строганием. Для оформления выступа-загиба на конце клюва на краю на небольшом расстоянии от конца костяной пластины-заготовки острым краем кремнёвого тонкого отщепа или пластины был сделан поперечный пропил (рис. 9). Пропил останавливал скобель и строгальный нож и был выполнен специально заранее, до обработки краёв пластины-заготовки скоблением и строганием, чтобы сохранить на краю костяной пластины выступ, из которого впоследствии был оформлен загиб на конце клюва скульптурного изображения головы птицы. Завершающими приёмами обработки наконечника стали чистовое тонкое строгание, тонкая поперечная шлифовка на мелкозернистом абразиве и, вероятно, лёгкая полировка.

Остриё наконечника (кончик клюва птицы) полностью покрывает достаточно яркая заполировка, на фоне которой заметны многочисленные линейные следы. На фотографии видно, что заполировка и линейные следы перекрывают следы от изготовления наконечника (рис. 8, 9). Такая заполировка и линейные следы являются типичными показателями износа на острие металлического наконечника, образовавшимся в результате многочисленных попаданий в мягкий материал, включая втыкание в мягкий грунт (стрельба по специально сделанной мишени?). Кончик острия смят, края смятого участка сглажены. Заполировка – средней яркости с шероховатой поверхностью, постепенно затухает по мере удаления от колющего конца наконечника. В её пределах чётко видны многочисленные царапины и борозды, идущие от кончика острия под острыми углами к оси орудия, некоторые из них накладываются и пересекаются. Эти следы отчётливо выражены как на верхней (рис. 8), так и на нижней поверхности острия (кончика клюва) (рис. 9–10). Загиб на конце клюва птицы первоначально был значительно длиннее, но, по-видимому, в процессе стрельбы его конец был сколот. После этого слом был подправлен грубой шлифовкой, образовавшей на конце загиба две грани. Затем наконечник вновь продолжали использовать для стрельбы, о чём свидетельствуют заполировка и линейные следы, сформировавшиеся на гранях на месте слома на конце загиба клюва (рис. 10).

Рассматриваемые в этой статье наконечники стрел объединяет общая черта – оформление острия в виде скульптурного изображения головы водоплавающей птицы. Необходимо отметить, что всем скульптурным изображениям присуще явно выраженное стилистическое единство в передаче образов птиц. Они показаны при помощи одной лишь силуэтной основы, опущены детали – глаза, носовые отверстия, разрез клюва и т.д. Однако при всей условности изображений отчётливо видно, что на наконечниках представлены разные водоплавающие птицы³. На одном наконечнике стрелы из Шигирской коллекции показана птица с широким уплощённым скруглённым на конце клювом, переходы от шеи к голове и от головы к клюву выражены достаточно чётко (рис. 2; 6: 2). Такая форма головы и клюва главным образом характерна для разных видов уток или гусей, гнездящихся в большом количестве на уральских озёрах и в настоящее время.

У птицы, представленной на втором шигирском наконечнике (рис. 3; 6: 3), форма клюва ближе к конической, переходы от шеи к голове и от головы к клюву более плавные. По силуэту головы изображённая птица напоминает некоторые разновидности рода лебединых, прежде всего – лебедя-кликун и, возможно, малого (тундрового) лебедя или, может быть, гагару, у которой клюв – конической формы, но переход от головы к клюву чётко выражен. Лебедя-кликун и гагару можно встретить на озёрах Южного и Среднего Урала и в настоящее время. Малый (тундровый) лебедь в Среднем Зауралье бывает на пролёте, а гнездится на севере Урала. Но в прошлом, когда в отдельные периоды голоцена было холоднее, возможно, малый лебедь мог обитать и на этой территории.

На наконечнике стрелы из пещеры Сикияз-Тамак I изображена голова крохали (рис. 5; 6: 1). Эта птица из семейства утиных имеет характерный загибающийся вниз конец клюва. Учитывая, что первоначально выступ на конце клюва скульптурного изображения был ещё длиннее, о чём говорилось выше, определение вида птицы не вызывает особых затруднений.

Шигирские наконечники стрел найдены в слоях торфяника, образовавшегося на месте древней озёрной системы. При этом нужно отметить, что лебеди, гуси, гагары и большая часть видов уток – птицы, которые наиболее вероятно изображены на наконечниках стрел с Шигирского торфяника, гнездятся на озёрах, в то время как крохали предпочитают гнездиться на реках, и наконечник с изображением этой птицы обнаружен в пещере, расположенной на берегу реки.

Образу водоплавающей птицы отводилась весьма существенная роль в мировоззренческих представлениях древнего населения лесной полосы Севера Восточной Европы и Сибири. По-видимому, к неолиту восходит угорский космогонический миф о ныряющей водоплавающей птице, создавшей сушу из ила, поднятого со дна первичного океана. Согласно карело-финскому эпосу, Вселенная происходит из яйца утки [6, с. 6–7]. Скульптурные изображения водоплавающих птиц из кремня, кости, дерева, а также изображения водоплавающих птиц на глиняных сосудах и среди фигур наскальных изображений были широко распространены. В Восточной Европе подобные изображения соотносятся с кругом неолитических и энеолитических культур [7, с. 37–40]. В Зауралье они в основном датируются энеолитом – бронзовым веком [8, с. 82–86]. Известны изображения водоплавающих птиц на неолитических сосудах из Западной Сибири [9, с. 58–59]. Исследователи предполагают, что значительная часть этих изображений имела сакральное значение. Они могли использоваться в магических ритуалах – обеспечивали связь с духами-покровителями, являлись посредниками между реальным и сверхъестественным и т.д. Водоплавающая птица выступала посредником-

³ Авторы благодарят А.Е. Некрасова, научного сотрудника Института экологии растений и животных УрО РАН, и О.В. Юланова, таксидермиста Свердловского областного краеведческого музея, за помощь в определении видов изображённых птиц.

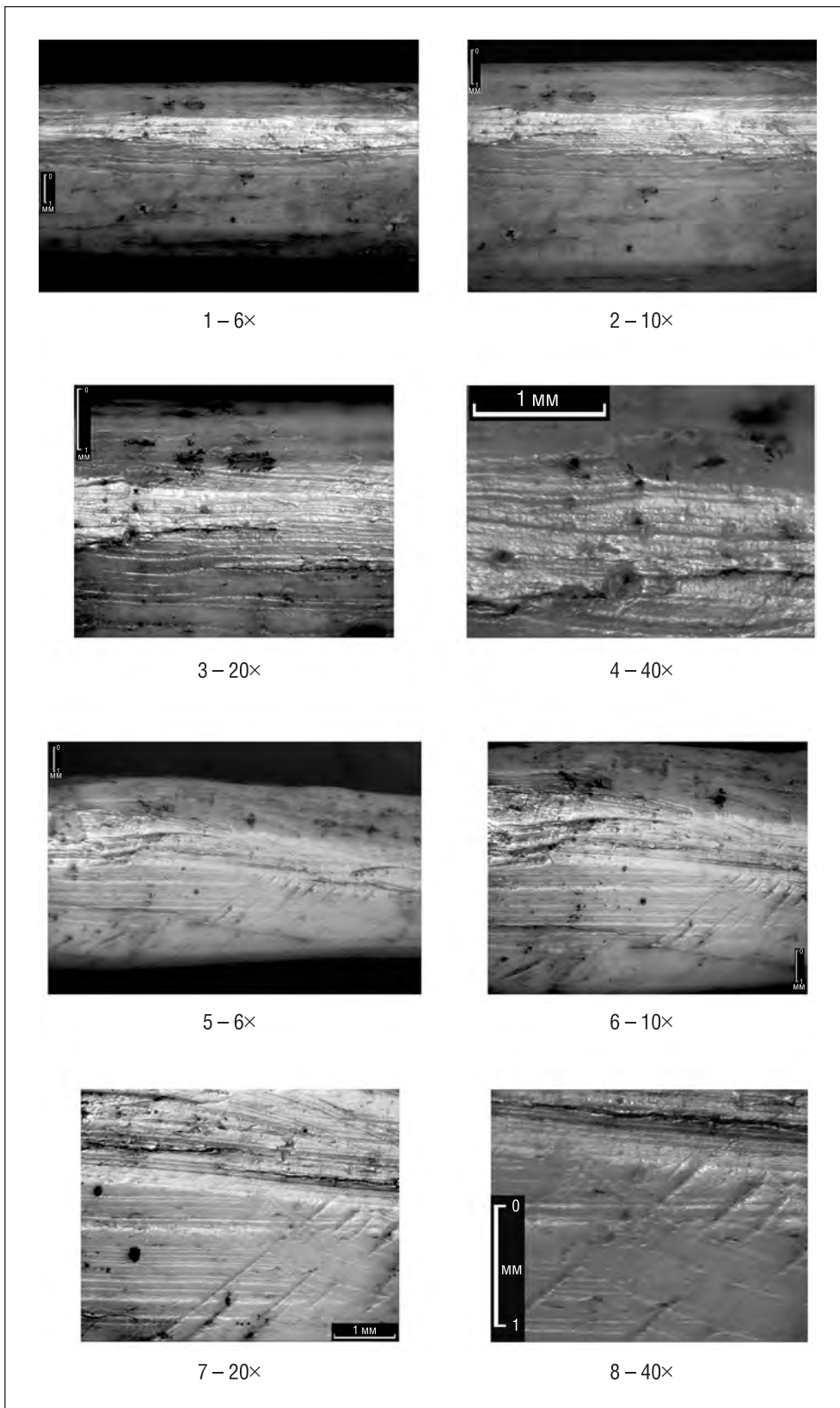
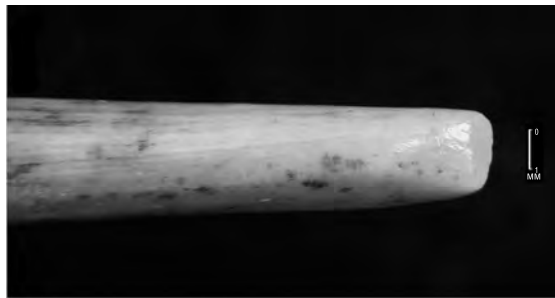
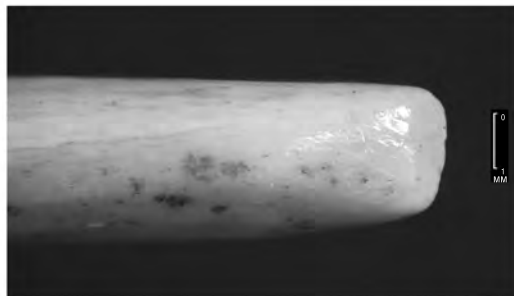

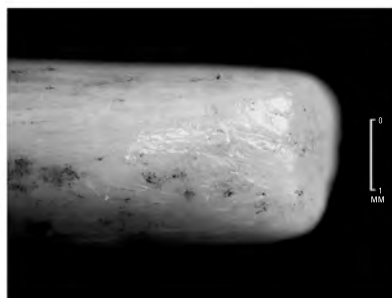
Рис. 7. Следы обработки на стержне наконечника из пещеры Сикияз-Тамак I: 1–4 – участок А; 5–8 – участок В

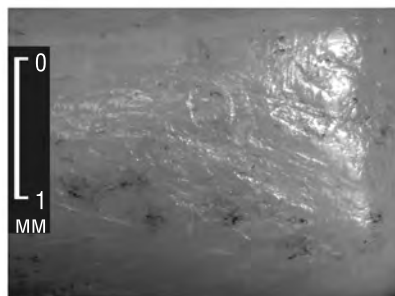
1 – 6×

2 – 10×

3 – 20×

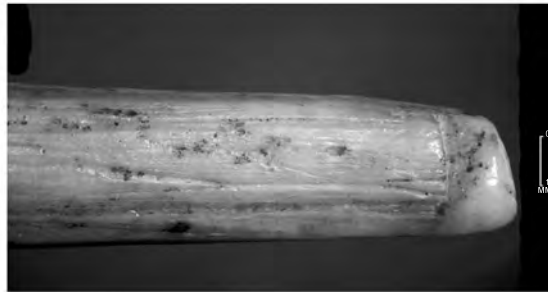

4 – 40×

Рис. 8. Следы использования на наконечнике из пещеры Сикияз-Тамак I. Участок С

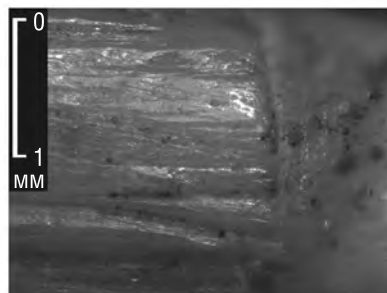
1 – 6×

2 – 10×

3 – 20×

4 – 40×

Рис. 9. Следы обработки и использования на наконечнике из пещеры Сикийз-Тамак I. Участок D

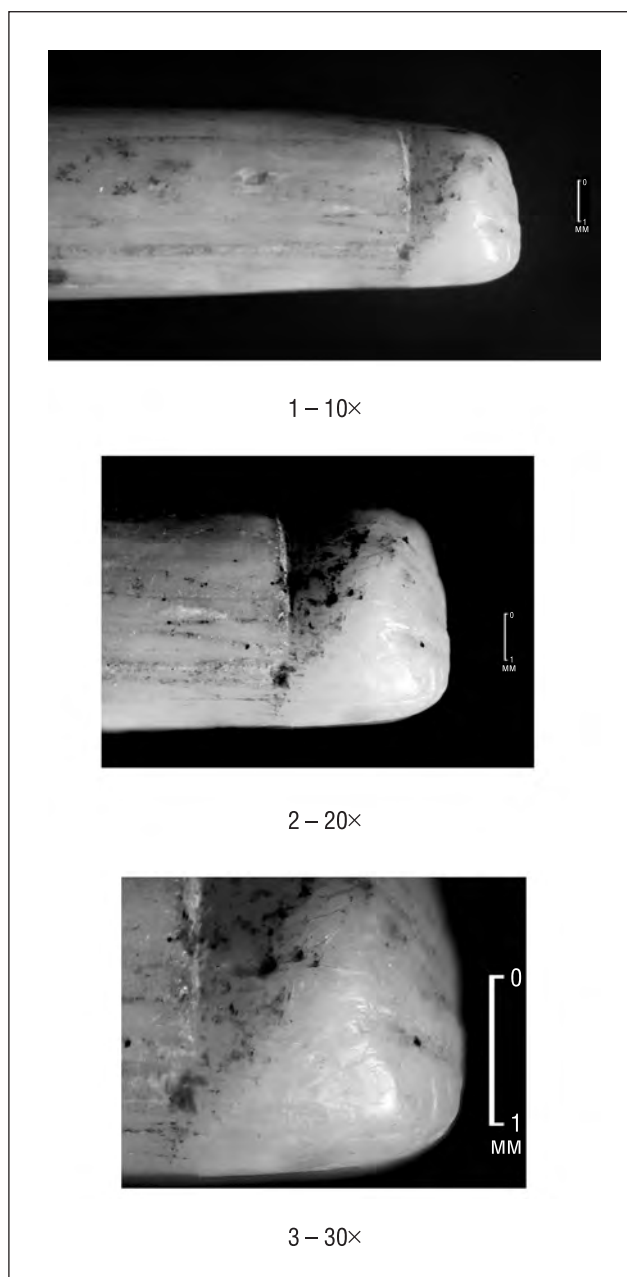

Рис. 10. Следы использования на наконечнике из пещеры Сикияз-Тамак I. Участок E

гонцом, звеном, связующим Верхний, Средний и Нижний миры в вертикальной модели Вселенной [8, с. 99; 10, с. 41–49].

Однако среди всех известных скульптурных изображений водоплавающих птиц нет ни одного прямого аналога рассматриваемым в этой статье артефактам. Не известны подобные предметы и за пределами Урала. В какой-то степени к ним близки по форме деревянные стилизованные скульптуры водоплавающих птиц, найденные в Среднем Зауралье на энеолитической торфяниковой стоянке Разбойничий Остров. Изделия представляют собой массивные стержни длиной около 40 см, на одном конце которых в виде прямоугольного в плане расширения показано короткое тулово птицы, а на другом – парными насечками с двух сторон обозначена голова [8, с. 83–84]. Они напоминают известные скульптуры птиц со стоянки Мальта. Все перечисленные выше изображения водоплавающих птиц являются либо графическими наскальными, либо самостоятельными скульптурами, либо связаны с предметами утилитарного назначения – образы на

сосудах, скульптурные рукояти деревянных ложек, ковшей, навершия рукоятей вёсел. Помимо публикуемых в этой работе наконечников, в настоящее время не известно ни одно скульптурное изображение водоплавающей птицы, которое было бы связано с метательным охотничьим вооружением.

На озёрах и реках древнее население Урала с весны до осени, помимо рыбной ловли, занималось охотой на перелётную водоплавающую птицу. Промысел водоплавающей птицы, согласно археологическим и остеологическим материалам, имел существенное значение, по крайней мере, начиная с мезолита [11, с. 110, 114]. Игловидные и узкие плоские наконечники стрел, являясь универсальными, могли использоваться, в том числе, и для охоты на птицу. Однако из сотен игловидных и десятков узких плоских наконечников стрел Шигирской коллекции только два имеют скульптурно оформленное остриё, что, вероятно, свидетельствует об их особом назначении. В то же время, то что подобные наконечники были найдены как на Среднем, так и на Южном Урале, на значительном расстоянии друг от друга, свидетельствует о том, что это явление не было локальным, а имело распространение на определённой части территории Урала.

Можно предположить, что наконечники стрел со скульптурными изображениями имели сакральное значение и, вероятно, могли быть связаны с определёнными обрядовыми действиями. Возможно, отправляясь в полёт в небо (из Среднего мира в Верхний) или в воду (в Нижний мир), они несли послание духам-покровителям и соединяли миры между собой. Их могли использовать в весенне-осенних календарных празднествах, направленных на размножение зверей и птиц и, как следствие, на увеличение человеческого коллектива. Жизнь-смерть тотема была неотделима от судьбы «человеческого рода». Согласно архаическим представлениям удачная охота возможна только тогда, когда зверь (птица) захочет быть убитым [12, с. 393]. Наконечники со скульптурным изображением на острие могли символизировать птицу, поражённую стрелой. Из этнографии известно, что проведению охоты у многих народов предшествовал ряд ритуальных действий, во время которых охотники поражали изображения животных, чем обеспечивали себе успех в предстоящем деле.

На остриях шигирских наконечников явно выраженные следы применения их в качестве наконечников метательного вооружения не обнаружены. Как показал эксперимент, такие следы образуются только при длительном употреблении орудия. Вероятно, эти наконечники использовались непродолжительное время, а возможно, были изготовлены специально для однократного действия. На острие наконечника стрелы из пещеры Сикияз-Тамак I уже под небольшим увеличением хорошо виден типичный износ метательного наконечника, образовавшийся в результате многочисленных попаданий в мягкий материал, включая втыкание в мягкий грунт (рис. 8–10). С наконечником обращались бережно, иначе при таком интенсивном использовании он, вероятно, уже сломался бы. Скорее всего, его использовали для стрельбы по специально сделанной мишени, исключающей попадание в твёрдый материал (камень, кость животного и пр.), которое могло привести к слому. В пещеру наконечник был принесён. Он был обнаружен в дальней тёмной низкой части пещеры, далеко от входа, отделённого от места находки рядом сужающихся и расширяющихся залов. Если бы наконечником выстрелили в пещеру извне – такой обряд известен на уральских пещерных святилищах – он бы не пролетел через изгибающиеся залы пещеры, а разбился бы о ближние стены, как это произошло с костяными наконечниками из святилищ в пещерах Камень Дыроватый, Лобвинской и Шайтанской, где подавляющая часть наконечников стрел сломана или имеет повреждения [12; 13, с. 260, 268–269; 14, с. 69–73]. Если бы стреляли внутри пещеры, наконечник также получил бы повреждения, ударившись о стену или твёрдый грунт пола. Рассматриваемый наконечник попал в пещеру целым, пролежал там тысячелетия, от чего произошла минерализация кости, и был случайно сломан относительно недавно, о чём говорилось выше.

Датировка публикуемых наконечников стрел неясна. Все они, к сожалению, являются случайными находками, и нет возможности соотнести их с определёнными культурными слоями. Сделаны наконечники кремнёвыми инструментами, при этом известно, что каменные орудия в лесной зоне Урала продолжали широко применять в энеолите и бронзовом веке. При изготовлении артефактов были использованы приёмы обработки кости, известные в каменном веке Урала начиная с позднего палеолита. Однако очевидно, что рассматриваемые наконечники относятся уже к голоценовому времени. На территории Шигирского торфяника во время золотодобычи были разрушены археологические памятники, давшие материалы, датируемые от раннего мезолита до раннего железного века. В пещере Сикияз-Тамак I, помимо позднепалеолитических находок в зале № 8 [4, с. 92], в залах № 5 и № 6 при проведении исследований были получены материалы неолита – энеолита, позднего этапа бронзового века, раннего железного века и Средневековья [5, с. 68–70]. Своёобразный уральский тип игловидных наконечников стрел, массивных в нижней половине, с очень длинным тонким коническим остриём, к которому относятся оба наконечника из Шигирской коллекции, пока не датирован. Среди собранных за последние годы материалов, позволивших наметить схему развития костяной индустрии мезолита лесного Зауралья [3; 15], наконечников подобного типа нет. Узкие плоские цельные, без пазов для вкладышей наконечники стрел, к которым принадлежит наконечник из пещеры Сикияз-Тамак I, в мезолите Урала к настоящему времени представлены одним обломком из Лобвинской пещеры [13, с. 261]. Недатированные наконечники стрел такого типа имеются среди случайных находок в составе Шигирской коллекции. На территории Восточной Европы подобные орудия бывали в мезолите, неолите и, возможно, позднее [16, рис. 10; 17]. На основании изложенного, для наконечников стрел со скульптурно оформленным остриём пока можно предложить довольно широкую датировку: неолит – эпоха раннего металла.

Когда-то С.Н. Савченко предположила, что наконечники стрел со скульптурным изображением на острие предшествовали появлению наконечников с простым утолщением «шишечкой» на острие и что скульптурные изображения могли со временем трансформироваться в простое утолщение [1, с. 273]. Такие наконечники с утолщениями на острие – игловидные [18, рис. 1: 3] или с утолщённой головкой [11, рис. 24: 18, 23] – единично присутствуют в Шигирской коллекции и среди находок из мезолитического слоя Кокшаровско-Юрьинской I стоянки. Однако полученные за последние годы материалы показали, что наконечники с утолщённой головкой и «шишечкой» на острие появляются на Урале ещё в среднем мезолите [11, с. 119]. Очевидно, что эти два явления не были связаны между собой и существовали самостоятельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савченко С.Н. Генезис костяных наконечников стрел с утолщением на острие // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2002.
2. Жилин М.Г., Савченко С.Н. Некоторые итоги, проблемы и перспективы поиска торфяниковых памятников каменного века в районе Шигирского озера и в Верхнем Поволжье // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
3. Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала // Предметы вооружения и искусства в древних культурах Северной Евразии (Функциональный и технологический аспекты). СПб., 2011. (Замятинский сборник. Вып. 2)
4. Житенёв В.С. Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследований // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут, 2007.
5. Косицев П.А., Юрин В.И. Жертвенный комплекс из пещеры Сикияз-Тамак I // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003.
6. Напольских В.В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
7. Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. Вып. 131. 1972.
8. Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
9. Косинская Л.Л. Образ водоплавающей птицы на керамике быстринского типа // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
10. Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. № 4. Екатеринбург, 1997.
11. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника / М.Г. Жилин, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков, Л.Л. Косинская, П.А. Косицев. М., 2012.
12. Калинина И.В. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
13. Чаиркин С.Е., Жилин М.Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
14. Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009.
15. Савченко С.Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2014. № 1.
16. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
17. Лозовский В.М. Костяное охотничье вооружение первобытного населения Волго-Окского междуречья // РА. 1993. № 2.
18. Савченко С.Н. Мезолитические наконечники стрел восточноевропейских типов в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.

*Свердловский областной краеведческий музей,
Екатеринбург*

*Центр историко-культурного наследия г. Челябинска,
Челябинск*

*Институт археологии РАН,
Москва*

S.N. Savchenko, V.I. Yurin, M.G. Zhilin

**THE FLYING ARROW – THE FLYING BIRD
(BONE ARROWHEADS WITH THE SCULPTURAL IMAGE ON THE EDGE)**

Summary

In the Middle Urals at the end of XIX – the beginning of XX century during the gold mining on Shigirsky peat bog there were found two needle-shaped arrowheads with edges in the form of sculptural images of the waterbirds' heads. In 2000 a fragment of a narrow flat arrowhead with a similar image on the edge was found in the Southern Urals in the cave Sikiyaz-Tamak I. The stylistic similarity in presenting of birds' images is inherent in all sculptural images. They are shown by means of an outline profile with no fine details. On all heads different waterbirds are depicted.

The trace evidence analysis of the objects' surface showed that they were made by flint tools. The traces of numerous hits against relatively soft material are clearly visible on the arrowhead found in the cave (shooting at a mark?).

The important part was assigned to an image of the waterbird in the world outlook of the ancient population of the North of East Europe and Siberia' forest zone. It may be assumed that arrowheads with the sculptural image on the edge had sacral meaning and probably were connected with certain rituals.

Up to the present moment the analogues to presented arrowheads aren't known. Perhaps, such objects were widespread only in the Urals. The dating of these arrowheads isn't clear. The casual finds' collection from Shigirsky peat bog contains the artifacts dated from Mesolithic till the Early Iron Age. From the cave Sikiyaz-Tamak I the materials of a Late Palaeolithic, Neolithic – Aeneolithic, a late stage of the Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages were received. Considering the fact that the arrowheads were manufactured by stone tools, they can be possibly related to the Neolithic – Early Metal periods.

*S.N. Savchenko
The Sverdlovsk Regional Lokal Museum,
46, Malysheva St., Ekatherinburg, 620014,
Russia
E-mail: sv-sav@yandex.ru*

*V.I. Yurin
The Center of the Historical and Cultural Heritage of Chelyabinsk,
69, Kommuny St., Chelyabinsk, 454091,
Russia
E-mail: v_yurin@mail.ru*

*M.G. Zhilin
Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: mizhilin@yandex.ru*

Е.А. Кашина

КРЕМНЁВАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА БЕЗ РУК В ЦЕНТРЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Эта группа кремнёвых скульптур впервые привлекла моё внимание, когда я готовила статью о кремнёвых антропоморфных изображениях [1]. Уже тогда при картографировании находок стало очевидно, что они представляют собой особую, «южную», группу. Это обстоятельство обращает на себя повышенное внимание, так как все остальные группы кремнёвой антропоморфной скульптуры распространены в лесной зоне Восточной Европы достаточно равномерно. Чем эта группа особена, чем отличается от остального массива материалов – это я попыталась выяснить в рамках предлагаемого исследования.

В начале я хочу кратко остановиться на основных выводах по всей кремнёвой скульптуре лесной зоны Восточной Европы, так как за последние годы накопилось некоторое количество нового материала по искусству малых форм, и многие мои выводы были за это время пересмотрены. Поскольку все кремнёвые скульптуры происходят с многослойных поселений, практически неизвестны в закрытых комплексах и возможности их датирования сильно ограничены, основным и единственно результативным методом их исследования является морфологический анализ и сопоставление его результатов с результатами такого анализа остального массива скульптуры малых форм. Общее количество кремнёвых антропоморфных скульптур, по моим данным, составляет в настоящее время 86 экземпляров.

Кремнёвая скульптура: итоги изучения

Морфологическое сходство обнаруживает целый ряд зооморфных резных подвесок-нашивок и кремнёвых скульптур. Это может свидетельствовать об одновременности бытования тех и других, хотя прямых доказательств нет – в закрытых комплексах они ни разу не встречены совместно. Из-за этого устойчивого сходства (а также наличия выемок у целого ряда зооморфных кремнёвых скульптур) утвердилось моё предположение об одинаковом функциональном использовании костяных и кремнёвых скульптур – в качестве подвесок-нашивок [2, с. 39].

Отчасти вслед за С.Н. Замятниным, А.В. Уткиным и Е.Л. Костылёвой [3; 4] в своей классификации я выделила четыре морфологические группы, предположительно трактуемые по смыслу как ряд определённых мифологических персонажей, исходя из разного количества выступов на скульптурах [1, с. 407, рис. 2). У кремнёвых антропоморфных скульптур крайне редко показаны зооморфные черты. А вот наличие дополнительных выступов (и одновременно выемок), вероятно, служило не только и не столько для удобства нашивания. Поскольку в лесном неолите – энеолите разнополюсы антропоморфные скульптуры известны в глине и кости, разумно предположить, что они существовали и в кремне.

Трактовка любого антропоморфного образа доисторической скульптуры обычно основана на этнографических данных. Скульптура финала каменного века лесной зоны Восточной Европы, как правило, сравнивается со скульптурой традиционных обществ охотников и рыболовов Сибири и связывается с понятием предка или так называемого духа-охранителя [5, с. 226, 229]. Эти понятия во многом тождественны. Опираясь на аналоги в резной скульптуре и данные о функции (ношение на теле), я полагаю, что можно называть кремнёвые антропоморфные скульптуры изображениями антропоморфного предка.

Если рассматривать хронологию этого образа в целом, то он, очевидно, впервые зафиксирован в финале мезолита – в материалах могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера [6]. Затем следует довольно значительный временной разрыв в скульптуре малых форм вообще. Далее, в культурах типичной и поздней гребенчатой керамики, этот образ встречается в глиняной скульптуре [7], а также в резной скульптуре, как парциальной, так и полнофигурной [8]. Есть основания полагать, что кремнёвые и резные изображения существовали параллельно в кругу культур с пористой керамикой. Таким образом, резные и кремнёвые скульптуры Волго-Окского междуречья вполне могли быть одновременны резным и части глиняных скульптур, известным к востоку от Балтийского моря.

Ранее я полагала, что попадание этих предметов в культурный слой происходило по случайности, при утере. Теперь, в основном из-за переоценки количества найденных предметов, я склоняюсь к предположению о том, что скульптуры выбрасывались намеренно, по определённым причинам и, не исключено, в определённых местах (например, изображения птиц – в жилищах). В частности, высокий уровень стандартиза-

ции скульптур глухарей, известных в Волго-Окском междуречье в количестве 36 экз. (причём на отдельных группах памятников число изделий доходит почти до десятка), может указывать на то, что их изготовление было, если можно так выразиться, пущено на поток (и избавлялись от них тоже сравнительно часто). Также и кремнёвые скульптуры могли выбрасываться намеренно, хотя в Волго-Окском междуречье (по общей оценке количества находок) костяные скульптурные подвески-нашивки явно использовались чаще, чем кремнёвые, – и тех и других известно около сотни, при том, что кость сохраняется гораздо хуже кремня.

Кремнёвая антропоморфная скульптура без рук

Всего на данный момент известно 12 экз., которые происходят со следующих памятников: Песочное-1 (Ярославская область), Сахтыш II (Ивановская область), Большой Лес II (2 экз., Московская область), Волосовские стоянки (2 экз., Нижегородская область), Дубровичи I (Рязанская область), Лёпченка (Мордовия), Озимёнки (Пензенская область), Мало-Кокузинская I, могильник Тенишево (Татарстан), Гундоровка (Самарская область) [9; 4; 3; 10; 11] (рис. 1). Таким образом, почти все скульптуры образуют чётко локализованную группу в бассейнах Средней и Нижней Оки и Средней Волги (рис. 2). Контекст типичен для всех кремнёвых скульптур – в культурных отложениях многослойного поселения, без каких-либо уточнений. Три предмета – это подъёмный материал (Тенишево, Волосовские стоянки). Безрукие соседствуют на занимаемой территории с остальными кремнёвыми антропоморфными скульптурами. Эту территорию также можно назвать пограничной для кремнёвых скульптур – здесь они исчезают и южнее не встречаются.

Особое внимание привлекает скульптура с поселения Сахтыш II (рис. 1: 2), которая по формальным морфологическим признакам идентична остальным, но территориально удалена. Прямоугольные очертания её туловища могут указывать на имитацию резных скульптур, найденных на Сахтыше I и II [12; 13]. Они, в свою очередь, близки к серии костяных скульптур из Тамулы I (Эстония) [8]. Угловатые плечи отличают и одну из скульптур из Волосово (рис. 1: 6), однако южнее Сахтышских стоянок пока не обнаружено ни одной резной антропоморфной скульптуры подобного типа. Скульптура из Песочного-1 (рис. 1: 1) также найдена в стороне от основной группы и имеет оригинальные волнистые контуры боков.

Моё внимание привлекли две скульптуры, которые хранятся в Шиловском краеведческом музее и не публиковались ранее. В Шиловском районе Рязанской области были найдены две резные (костяные) скульптуры совершенно особого типа – без рук, с высверленными глазами, с грубо шлифованной неполированной поверхностью и, вероятно, со следами залощённости на выступах. Одна (у деревни Тимошкино) – случайная находка, другая (поселение Шилово VII) – происходит из сборов на многослойном памятнике (рис. 3: 1, 2). Расстояние между пунктами составляет всего около 5 км. Предметы изучены мной пока лишь по фотографиям, однако явных свидетельств подделки я не увидела.

Оба изделия морфологически соответствуют целому ряду предметов, найденных на близлежащих территориях. Силуэт высокого треугольника шиловских скульптур имеет большое сходство с силуэтом предметов с Волосовских стоянок и Большого Леса II (рис. 1: 4–5). По размеру скульптура из Тимошкино (рис. 3: 1) сходна с кремнёвой скульптурой из Дубровичей I (рис. 1: 7). Величина последней (около 10 см) довольно нетипична для кремнёвых скульптур вообще. У скульптуры из Шилово VII (рис. 3: 2) размер и силуэт очень сходны с предметом с поселения Чёрная Гора (Рязанская область) из клыка кабана, найденным в разрушенном погребении № 1 (рис. 3: 3). Сверлёное сквозное отверстие в нём, в отличие от шиловских скульптур, всего одно. Для подвесок из клыка кабана такая вычурная форма неизвестна. И.К. Цветкова трактовала его именно как антропоморфную скульптуру [14]. Выделение двух пар выступов на боках костяных скульптур из Шилово VII и Чёрной Горы очень напоминает одну из групп кремнёвых антропоморфных скульптур, которая ещё С.Н. Замятинным трактовалась как изображение женского персонажа [3, с. 102]. Оригинальный гравированный орнамент на скульптуре из Шилово VII (рис. 3: 2) не имеет прямых аналогов, и следует отложить его анализ до непосредственного изучения в Шиловском музее. Однако похожий решётчатый орнамент встречен на сланцевой нашивке из сборов на Волосовских стоянках (рис. 3: 4). Этот предмет по своему силуэту близок к кремнёвым скульптурам без рук, и по функции, по всей видимости, тоже. Таким образом, намечается целый круг сходных кремнёвых и резных скульптур без рук, связанный с областью границы леса и лесостепи.

Дискуссия

Вопрос о причинах появления в кремнёвой скульптуре безрукого образа не решён. Возможно, он возник под влиянием носителей культур лесостепи, где костяные предметы вообще практически не сохраняются. Надеюсь, что на Оке будут найдены и другие костяные изделия, сделанные в более информативном контексте.

Открытым остаётся вопрос и о культурно-хронологической принадлежности таких находок. Судя по публикациям, на поселениях бассейна Оки и Средней Волги до сих пор ни одна кремнёвая скульптура (из более 70 экз.) не найдена в котловане волосовского жилища. Напротив, сравнительно много скульптур являются подъёмным материалом. Имеются документированные находки в слоях, перекрывающих волосовский котлован – перемешанных или распаханных (поселения Великодворье I, Шагара II, Владычинская-Береговая I), или на памятниках, где отсутствует волосовская керамика (Большой Лес II, Дмитриевская Слобода II) (данные взяты из описей и отчётов).

На поселениях Большой Лес II и Дубровичи I имеется большое количество керамики дубровичского типа, также известной как лапчатая, которая, согласно исследованиям Б.А. Фоломеева, следовала за воло-

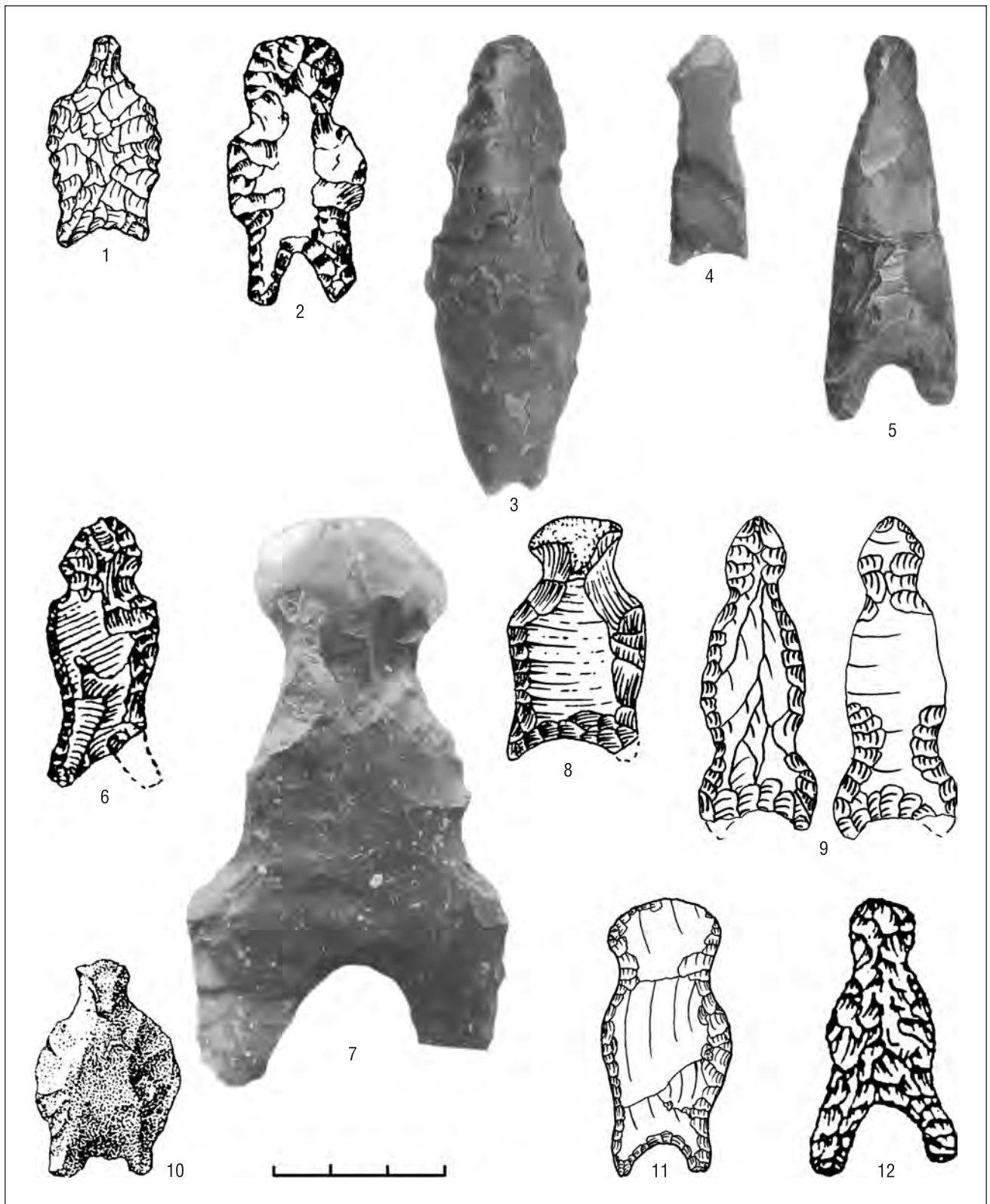

Рис. 1. Кремнёвая антропоморфная скульптура без рук: 1 – Песочное-1; 2 – Сахтыш II; 3, 4 – Большой Лес II; 5, 6 – Волосовские стоянки; 7 – Дубровичи I; 8 – Лёпченка; 9 – Озимёнки; 10 – Мало-Кокузинская I; 11 – Тенишево; 12 – Гундоровка

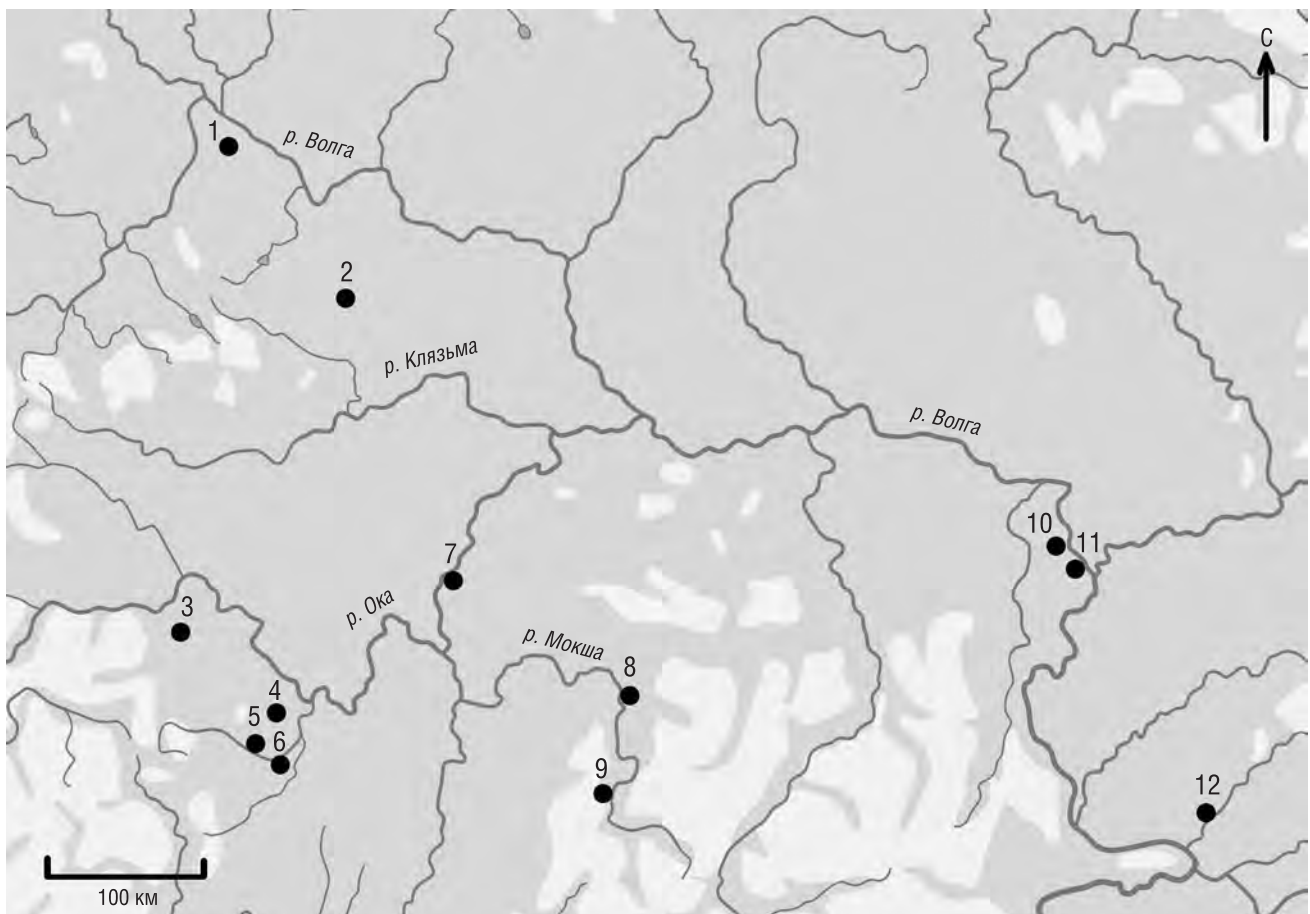

Рис. 2. Карта памятников, на которых были найдены кремнёвые скульптуры без рук и их аналоги:
 1 – Песочное-1; 2 – Сахтыш II; 3 – Большой Лес II; 4 – Чёрная Гора; 5 – Дубровичи I; 6 – Тимошкино;
 Шилово VII; 7 – Волосовские стоянки; 8 – Лёпченка; 9 – Озимёнки; 10 – Мало-Кокузинская I; 11 – Тенишево;
 12 – Гундоровка

совской или была частично синхронна с ней, и была распространена в Волго-Окском междуречье довольно широко [15]. К сожалению, я не знакома в должной мере с керамическими материалами Примокшанья и Средней Волги, но, скорее всего, на памятниках с кремнёвой скульптурой там тоже имеется “неволосовская” и “постволосовская” керамика.

Таким образом, соотнесение кремнёвой скульптуры исключительно с влиянием и границами волосовской культуры, по-видимому, является ошибочным. Кроме того, из-за неясной хронологии кремнёвых скульптур Волго-Окского региона пока невозможно утверждать, что именно отсюда произошло распространение традиции их изготовления на более северные территории.

В материалах поселений бассейна Оки, как мне кажется, существует прямая связь между «массовостью» костяных подвесок-нашивок в виде птиц и вероятной многочисленностью общин, обитавших в крупных полужемлянках, с одной стороны, а с другой – между сравнительной малочисленностью кремнёвых скульптур, неуловимостью жилищ и сравнительно небольшими объёмами керамических материалов дубровичского типа и иных «не- и постволосовских» в коллекциях с многослойных поселений.

В заключение следует добавить, что безрукий антропоморфный образ изредка встречается в скульптуре Севера и Северо-Запада лесной зоны Восточной Европы (р. Пярну, Кубенино, Верхнее Веретье, Ольский Мыс, Вис II). Поскольку в «промежуточной» зоне такие изделия не найдены, в основном, как мне кажется, по причине плохой сохранности кости, пока нельзя определённо говорить о наличии единой традиции изображения «безруких антропоморфов» в неолите–энеолите лесной зоны Восточной Европы.

Автор выражает свою бесконечную признательность А.П. Гаврилову и В.М. Буланкину за разрешение опубликовать предметы из Шилово VII, Тимошкино и Дубровичи I.

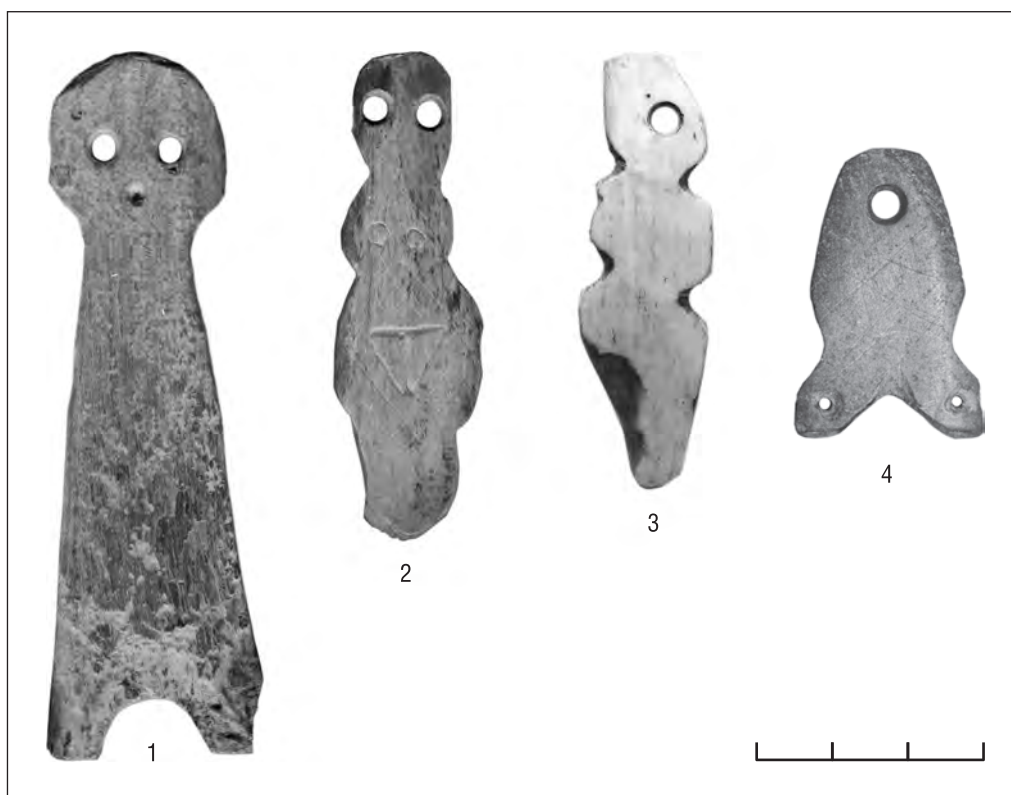

Рис. 3. Аналоги кремнёвых скульптур без рук:
1 – Тимошкино; 2 – Шилово VII; 3 – Чёрная Гора; 4 – Волосовские стоянки

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кашина Е.А.* К вопросу об антропоморфных изображениях из кремня в лесной зоне Европейской России // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
2. *Кашина Е.А.* К проблеме изучения обменных и брачно-родственных связей в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Образы времени: из истории древнего искусства. М., 2012. (Труды ГИМ. Вып. 189)
3. *Замятнин С.Н.* Миниатюрные кремнёвые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // СА. № X. 1948.
4. *Уткин А.В., Костылева Е.Л.* Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
5. *Косарев М.Ф.* Особенности языческого миропонимания. М., 2003.
6. *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. М., 1956. (МИА. № 47)
7. *Кашина Е.А.* Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007.
8. *Кашина Е.А.* Резные антропоморфные изображения неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4. Липецк, 2009.
9. *Воронин К.В.* Комплексы бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская Слобода II // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013.
10. *Жиганов М.Ф.* Память веков. Саранск, 1976.
11. *Овчинникова Н.В.* Волосовские древности юга лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
12. *Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш Па // РА. 1994. № 3.
13. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Новые находки антропоморфных изображений из старых коллекций археологического музея ИвГУ // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2013. Вып. 3 (6).
14. *Цветкова И.К.* Украшения и скульптура из неолитического поселения Чёрная Гора // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
15. *Фоломеев Б.А.* К вопросу о памятниках «дубровичского» типа бассейна Оки // КСИА. Вып. 141. 1975.

**ФГБУК «Государственный исторический музей»,
Москва**

E.A. Kashina

**ANTHROPOMORPHIC FLINT SCULPTURES WITHOUT ARMS
IN THE RUSSIAN PLAIN CENTRAL PART**

Summary

Flint sculptures of the Aeneolithic – Early Metal Age include zoomorphic (elk, bear, beaver, snake, fish) and anthropomorphic images. The latter can be divided into several groups (profile figurines, full-faced with arms, with arms and a pair of protuberances, without arms). There are known 12 sculptures without arms, which are mostly spread on the border of forest and steppe zones. Like all flint sculptures and the most part of carved ones, anthropomorphic flint sculptures without arms were, apparently, used as pendants or were sewn on clothes and represented the ancestors. There existed some carved flat sculptures (stray finds or finds made in the vague context) which probably had the same symbolic meaning and were found in the same territories, near the forest-steppe border. So it is proposed, that this type of items could appear due to the influence from the Southern territories. Also, as the most part of flint sculptures was found at the sites without the Volosovo ceramics or above the Volosovo dwellings, the flint figurines' exclusive connection with the Volosovo culture in the Volga – Oka basin should be revised.

*Federal State Budgetary Institution of Culture
«State Historical Museum»,
1, Krasnaya Sq., Moscow, 109012,
Russia*

E-mail: eakashina@mail.ru

А.В. Шипилов

МЕЛКАЯ КРЕМНЁВАЯ ПЛАСТИКА КАЕНТУБИНСКОЙ ОСТРОВНОЙ СТОЯНКИ

Каентубинская островная стоянка расположена в 4,5 км к северо-востоку от с. Гулюково Мензелинского района Республики Татарстан на острове Каентубе (рис. 1). Памятник был открыт в 1996 г. Н.М. Капленко, который на размываемой части поселения собрал коллекцию керамики неолита – энеолита и позднего этапа эпохи бронзы. В течение 1997–2000 гг. памятник исследовался стационарно Н.М. Капленко. Были заложены 11 раскопов общей площадью 396 кв. м. Три из них, раскопы VII–IX 2004 г., велись совместно с автором этой статьи. За эти годы на памятнике были вскрыты одно сооружение и три хозяйственные ямы, относящиеся к энеолиту и позднему этапу эпохи бронзы. В 2006 г. исследования на памятнике были продолжены А.А. Чижевским, им были раскопаны 700 кв. м.

Памятник является многослойным поселением, содержащим материалы от позднего неолита до раннего железного века.

Неолит представлен керамикой камской культуры. К раннему энеолиту относится керамика русско-азийского типа. Более поздний этап энеолита представлен керамикой гаринской культуры, а также единичными орудиями и остатками жилищных сооружений, принадлежащих к этой же культуре. К позднему периоду эпохи бронзы относится керамика срубного и маклашеевского типов.

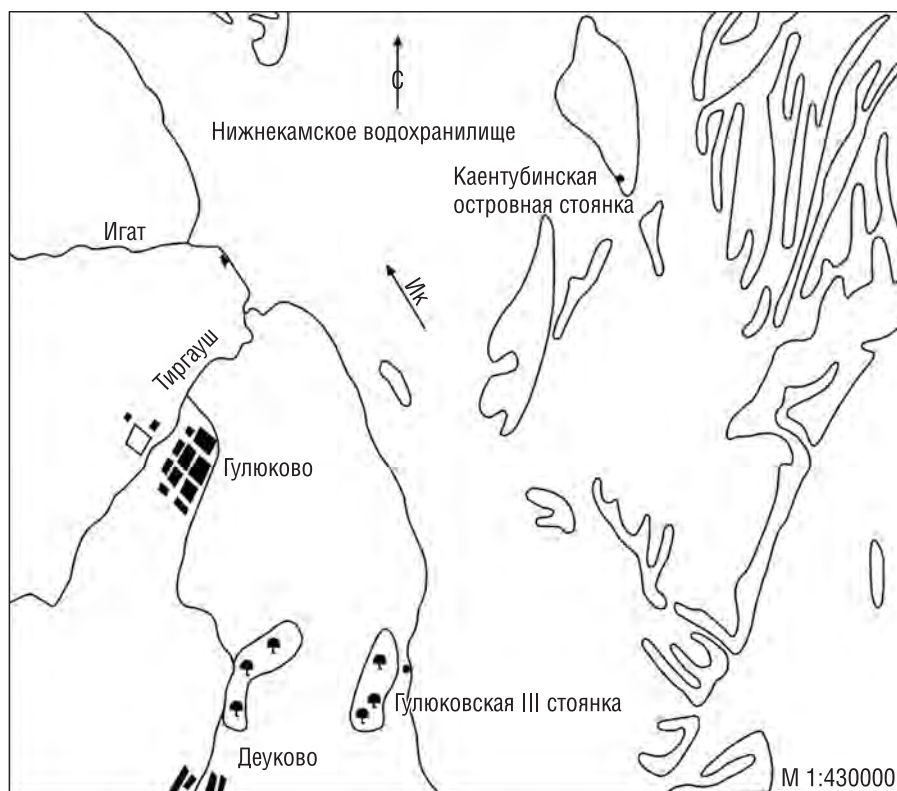

Рис. 1. Каентубинская островная стоянка. Место расположения

В результате проведённых исследований на данном памятнике была найдена значительная серия кремнёвых фигурок – 17 единиц, относящаяся к гаринской культуре. Интерпретация кремнёвых фигурок Каентубинской островной стоянки носит субъективный характер.

Следует отметить, что территория Икско-Бельского междуречья к настоящему времени не уступает по количеству таких находок сопредельным районам. Задача данной работы сводится к обзору зооморфных, орнитоморфных и антропоморфных изображений, обнаруженных в ходе исследований на данном памятнике.

Среди рассматриваемых кремнёвых фигурок можно выделить две группы по способу обработки их поверхности. В одном случае используется отщеп, который ретуширован по контуру изделия, в другом – выполнена тщательная двухсторонняя обработка всей поверхности. Фигурки, изготовленные различными способами, по всей вероятности, сосуществуют. Цвет используемого кремня – белый, тёмно-красный, жёлтый, серый и тёмно-серый. Морфологически они подразделяются на антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные. В коллекции преобладают фигурки, выполненные профильно, но единично присутствуют и фронтальные.

К **зооморфным** следует отнести восемь кремнёвых фигурок (рис. 2: 1, 3–6; 3: 3–5), пять из которых, как мне представляется, изображают голову лося (рис. 2: 1, 3–6).

Они изготовлены на отщепах кремня хорошего качества, имеют двухстороннюю отжимную ретушь. Все пять фигурок профильные. Ближайшие аналоги усматриваются в кремнёвых фигурках, происходящих с Ахмыловской, Старомазиковской III, Удельношумецкой VI стоянок в Среднем Поволжье [1, рис. 64: 1–3]. В.В. Никитин склонен был относить эти фигурки к волосовской культуре. Исследования в Икско-Бельском междуречье не противоречат этой точке зрения. Так, аналогичная скульптурка, обнаруженная на Игимской стоянке, была зафиксирована в слое совместно с керамикой волосовско-гаринского типа. Фигурки, происходящие с Каентубинской островной стоянки, были обнаружены при осмотре памятника и, таким образом, относятся к категории подъёмного материала. По этой причине связать кремнёвые фигурки с каким-либо хронологическим периодом крайне затруднительно, поскольку памятник имеет многослойный характер. Тем не менее это не исключает принадлежности каентубинских фигурок к гаринской культуре, так как в ходе раскопок Каентубинской стоянки на памятнике была выявлена керамика гаринского типа.

Анализируя костяные составные Г-образные «жезлы-посохи», С.В. Студзицкая усматривает их повторение в кремнёвой волосовской скульптуре. По её мнению, находки с р. Илети по своим очертаниям напоминают костяные прототипы [2, с. 250, рис. 2: 7]. Вероятно, и находки, сделанные в Икско-Бельском междуречье, не являются исключением.

Помимо изображений лосей, из рассматриваемого района происходит кремнёвая скульптура, которую можно связать с изображением медведя (рис. 3: 3). Она была найдена в ходе исследования Каентубинской островной стоянки [3, с. 78]. В данном случае изображение имеет силуэтный характер. Скульптурка изготовлена на кремнёвом сколе сероватого цвета. С обеих сторон фигурка оформлена краевой ретушью.

Данная находка убеждает нас в том, что на территории Икско-Бельского междуречья в энеолите, вероятно, получает распространение культ медведя. Фигурки, изображающие медведей, наглядно свидетельствуют о том, что истоки многих представлений, связанных с медвежьим культом, многократно зафиксированные этнографами, уходят в глубокую древность. Так, шкура медведя рассматривалась сибирскими аборигенами как верхняя одежда, под которой скрывается человек [4, с. 184]. Священное отношение к шкуре медведя с головой и лапами наиболее ярко проявлялось как у обских угров, так и у финно-язычных народов [5, с. 89–90].

Распространение медвежьего культа зафиксировано и на сопредельных с рассматриваемой территориях. Кремнёвая фигурка, изображающая медведя, была обнаружена при исследовании Тенишевского могильника.

Свидетельством проявления медвежьего культа могут быть глиняные скульптурки медведя со стоянки Мольбице III в Марийском Поволжье [6, рис. 6; 7, с. 30, рис. 23; с. 79, рис. 2], а также костяной жезл со стоянки Давлеканово в Башкирии [8, рис. 38].

В этой связи не меньшего внимания заслуживает находка на Удельно-Шумецкой III стоянке. При исследовании данного памятника в заполнении одной из ям обнаружены обгорелые кости лап медведя. Аналогичная картина наблюдалась и на Чирковской стоянке [9, с. 67; 10, с. 60, 116–118].

Имеющиеся данные позволяют предположить, что в энеолите рассматриваемая нами территория не была исключением в распространении культа медведя, который на гипотетическом уровне может быть тесно связан и сосуществовать с культом лося в среде местного энеолитического населения.

Фигурка, обнаруженная на Каентубинской стоянке (рис. 3: 3), не исключает и другой интерпретации. Её можно связать и с изображением кабана, так как в этой скульптурке прослеживаются черты сходства с фигуркой, происходящей с поселения Юртик [11, рис. 21: 1].

С вышеотмеченным изделием сближается фигурка, изображающая млекопитающее, имеющая, вероятно, силуэтный характер, но сохранившаяся во фрагментированном виде (рис. 3: 4). Обе находки в культурном слое увязываются с керамикой гаринского типа.

К кремнёвой скульптуре следует отнести и фигурку ящерицы (рис. 3: 5), происходящую также из культурного слоя Каентубинской стоянки, где она может быть связана с материальными остатками гаринской культуры. Данная скульптурка изготовлена на отщепах кремня хорошего качества тёмно-серого цвета. Ближайшим аналогом ей является фигурка, происходящая с Волосовской стоянки [12, рис. 3: 10].

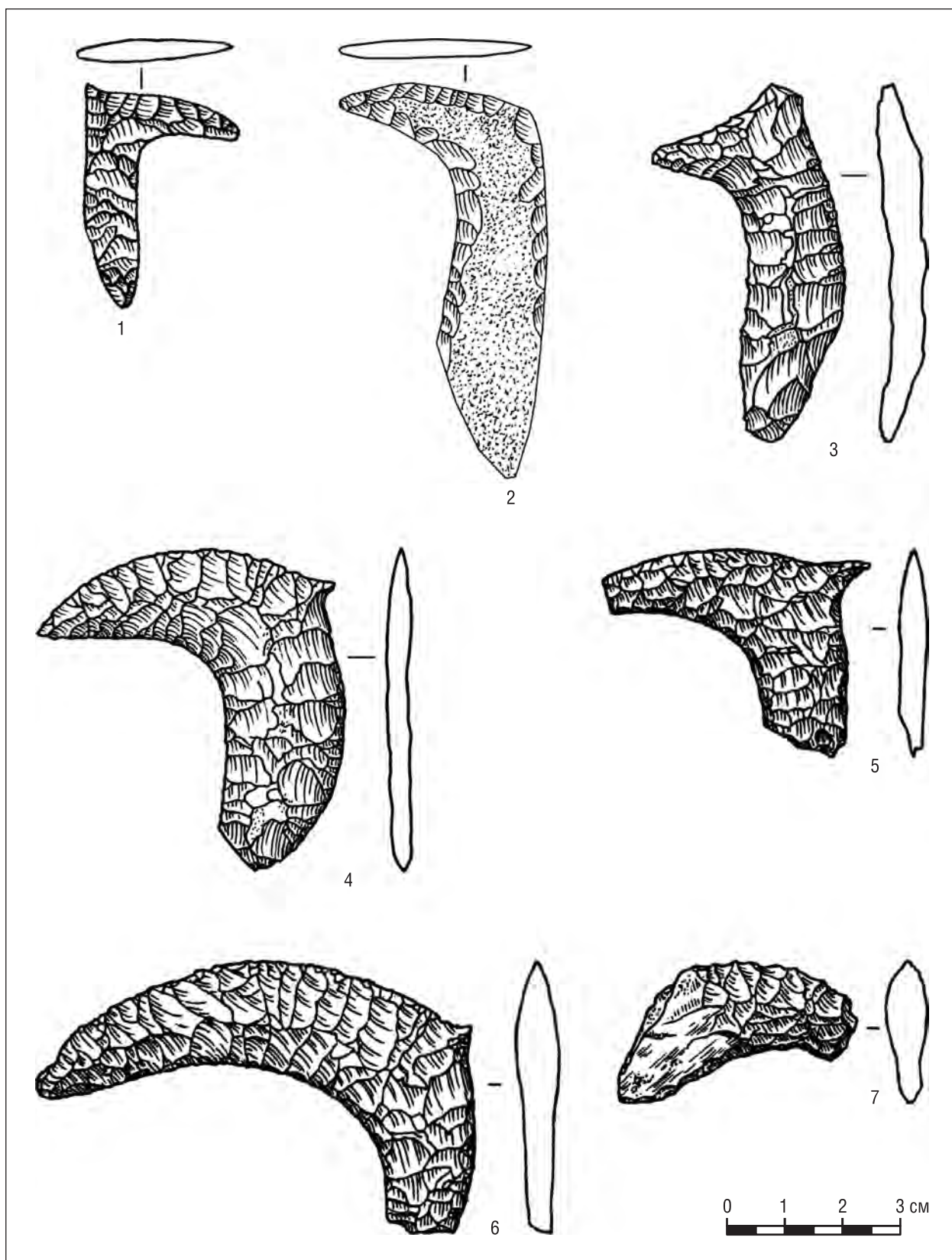

Рис. 2. Фигурный кремь Каентубинской островной стоянки

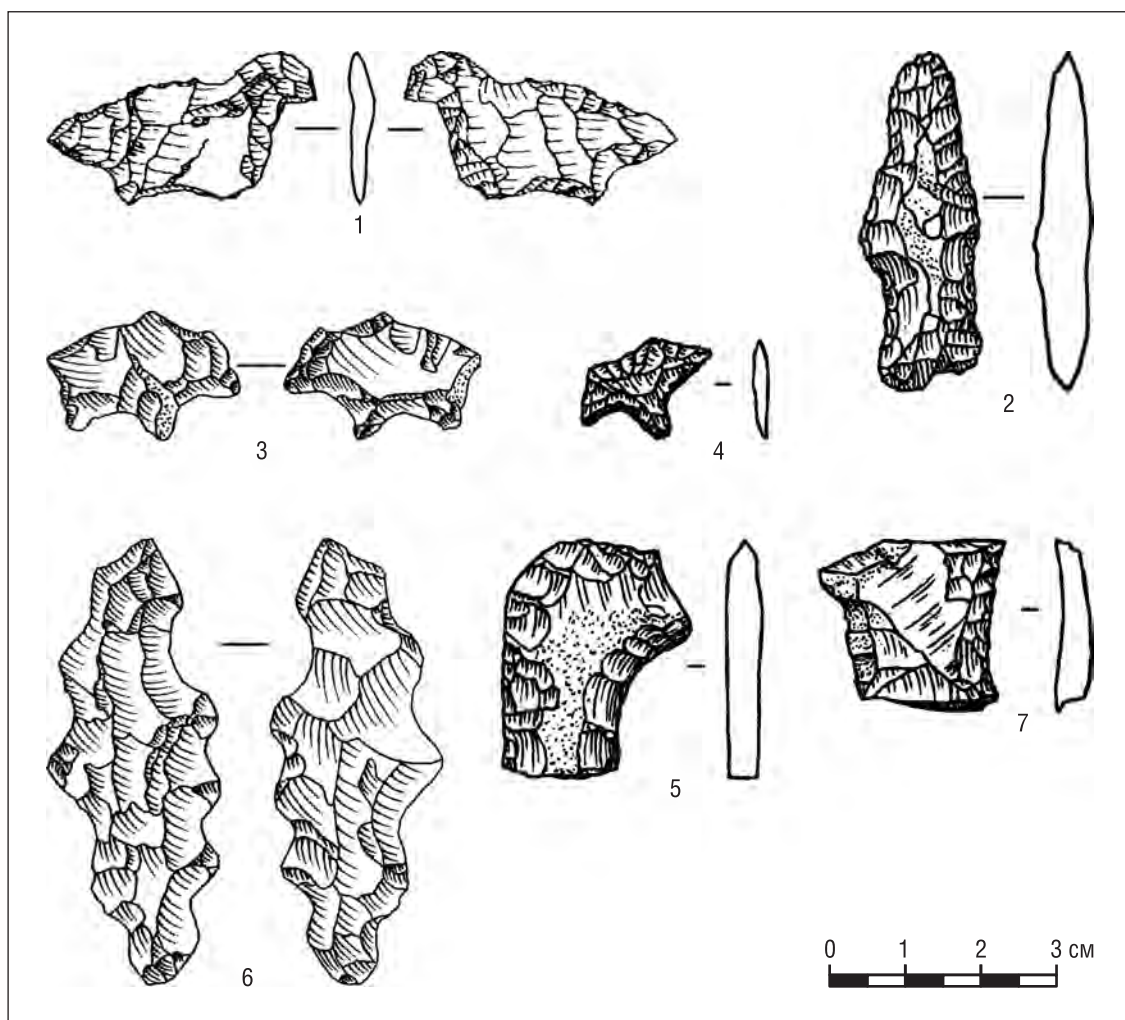

Рис. 3. Фигурный кремль Каентубинской островной стоянки

Едва ли стоит сомневаться в культовом статусе данной находки. К сожалению, даже косвенные этнографические свидетельства тотемной принадлежности пресмыкающихся (змеи, ящерицы) отсутствуют. Но селькупы считали змею покровительницей и охранительницей души-тени во время следования последней в мир мёртвых, а у кетов змея олицетворяла мудрость и была носителем тайн Нижнего мира. Змея и ящерица были наиболее полезными помощниками шамана в его путешествиях по «нижним дорогам» [13, с. 70].

Орнитоморфные изображения представлены двумя фигурками. Наиболее выразителен образ водоплавающей птицы (утки). Условно среди орнитоморфных изображений, встреченных в рассматриваемом регионе, можно выделить два основных типа.

Первый тип представлен профильной скульптуркой, изображающей голову птицы. Она выполнена на кремнёвой плитке желтоватого цвета хорошего качества. С двух сторон по всей поверхности фигурка обработана отжимной ретушью (рис. 2: 2). Подобное изделие происходит с Дубовогривской II стоянки. Ближайшие аналоги данным фигуркам прослеживаются в кремнёвой скульптурке со стоянки Вёкса [14, рис. 5: 2], а также в фигурке с Ахмыловского II поселения в Марийском Поволжье [15, рис. 64: 10]. Немаловажно, что рассматриваемые изображения стилистически сближаются с изображениями лосей, найденных в Икско-Бельском междуречье.

Второй тип представлен силуэтной кремнёвой фигуркой водоплавающей птицы (рис. 3: 1). Она происходит из подъёмного материала. По своим морфологическим признакам фигурка напоминает плывущую утку.

О культурно-ритуальном назначении рассматриваемой категории предметов может свидетельствовать наличие орнитоморфных фигурок в погребениях Тенишевского [16, рис. 7: а] и Мурзихинского II [17, рис. 1: 7, 14] могильников, расположенных на сопредельных территориях в рассматриваемом регионе. Существует мнение, что образ птицы в среде древнего населения лесной полосы был связан с представлениями

о загробном мире и переселении души [18, с. 25]. Об этом косвенно свидетельствует фигурка птицы с Тенишевского могильника (Спасский район Республики Татарстан), которая была найдена в области черепа погребённого [19, рис. 2: а].

По материалам этнографии народов Сибири, голова была местом обитания души-птицы, которая после смерти переселялась в новорождённого и тем самым являлась основой наследования жизни от поколения к поколению [4, с. 190]. Возможно, с такими представлениями о душе связан и известный по фольклорным и историческим данным обычай скальпирования врага у обских угров как способ уничтожения вражеской души [20, с. 137–138].

Култ водоплавающей птицы хорошо прослеживается в мифологии евразийских лесных народов – это основной персонаж в творении всего окружающего мира. Важным источником, подтверждающим большую роль утки в идеологических представлениях финно-угорских народов, является финский эпос – Калевала. Особый интерес в этом плане имеет первая руна, повествующая о творении неба, земли и небесных светил из яйца утки [21, с. 6–7].

К **антропоморфным** изображениям отнесена одна кремнёвая фигурка. (рис. 3: 2). Она изготовлена из отщепы кремня серого цвета, хорошего качества и отретуширована по всей поверхности с двух сторон. Ретушью выделены голова, туловище, руки, межножное пространство. Прямых аналогов нашей фигурке выявить не удалось. Тем не менее по своим типологическим особенностям она сближается с антропоморфной фигуркой с оз. Мстино и по классификации А.В. Уткина и Е.Л. Костылёвой может быть отнесена ко второму типу антропоморфной скульптуры [22, рис. 2: 26].

Следует отметить, что по своей иконографии данная фигурка типична для абсолютного большинства известных на данный момент антропоморфных кремнёвых скульптур. Принято считать, что антропоморфные изображения являются отличительной чертой волосовской культуры и преобладают над всеми остальными [12, с. 102].

В ходе исследований рассматриваемого поселенческого памятника были найдены три изделия (рис. 2: 7; 3: 6, 7), не имеющие ярко выраженного морфологического своеобразия и по этой причине с определённой натяжкой отнесённые к категории «кремнёвой пластики».

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что результаты исследований на Каентубинской островной стоянке дали сравнительно богатый материал по рассматриваемой теме. Дальнейшее их исследование пополнит источниковедческую базу по духовной культуре древнего населения в рамках не только рассматриваемого региона, но и лесной полосы Восточной Европы в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV)
2. *Студзицкая С.В.* Некоторые проблемы изучения первобытного искусства (эпохи неолита и раннего металла) // Проблемы первобытной археологии Евразии. М., 2004.
3. *Шишилов А.В.* Кремневая скульптура эпохи неолита – энеолита зоны водохранилищ Волго-Камского каскада // РА. 2009. № 1.
4. *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984.
5. *Косарев М.Ф.* Человек и живая природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // Некоторые проблемы сибирской археологии. М., 1988.
6. *Шадрин А.И.* Позднеэнеолитическое поселение Мольбище III // Археология и этнография Марийского края. Вып. 15. Йошкар-Ола, 1989.
7. *Никитин В.В., Никитина Т.Б.* К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола, 2004.
8. *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. М., 1982.
9. *Никитин В.В.* Древние культы финно-угров Средней Волги (по фольклорным и археологическим материалам) // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1980.
10. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Среднего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I)
11. *Ошибкина С.В.* Поселение Юртик. Результаты исследования // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980.
12. *Замятнин С.Н.* Миниатюрные кремневые скульптурки в неолите Северо-Восточной Европы // СА. № X. 1948.
13. *Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания. М., 2003.
14. *Недомолкина Н.Г.* Сухонские кремневые фигурки // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
15. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.
16. *Беговатов Е.А., Габяшев Р.С.* Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984.
17. *Чижевский А.А.* Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. I. М., 2008.
18. *Карabelleвников Д.В., Москвин А.Ю.* К вопросу о культе водоплавающей птицы на евразийском северо-западе (к двум новым находкам волосовской мелкой пластики из Нижегородской области). Нижний Новгород, 2004.
19. *Габяшев Р.С.* Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.

20. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды института этнографии. Т. 51. М., 1959.
21. Калевала: карело-финский эпос / под ред. В. Казина, М. Шагинян; пер. Л.П. Бельского. М., 1949.
22. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

*Институт археологии им. А.Х. Халикова
АН Республики Татарстан,
Казань*

A.V. Shipilov

THE SMALL FLINTY PLASTICS OF KAENTUBINSKAYA ISLAND SITE

Summary

The article represents an analysis of a collection of small flinty plastics (or figured flint) dated from the Neolithic – Aeneolithic. The presented collection was gathered during the long-term researches (1996–2007) of the Kaentubinskaya Island site, which is located in Menzelinsky district of the Tatarstan Republic.

*A.H. Halikov Institute of Archaeology,
Academy of Sciences of Republic of Tatarstan,
Entrance 5, Kremlin, Kazan', 420014,
The Republic of Tatarstan,
The Russian Federation*

E-mail: shipilov_anton@mail.ru

М.В. Иванищева, Е.А. Кашина

**НАБОРЫ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛИНЯНОЙ
СКУЛЬПТУРЫ НА ПАМЯТНИКАХ
ЮЖНОГО ПРИОНЕЖЬЯ**

Территория Южного Прионежья в границах современного Вытегорского района Вологодской области, площадь которого 13,5 тысячи км², занимает промежуточное положение между Восточным Прионежьем, Юго-Восточной Карелией, Каргопольем Архангельской области и непосредственно примыкает к южному и юго-восточному берегам Онежского озера. Изучение памятников началось здесь с открытия в 1871 г. И.С. Поляковым стоянки древних людей на берегу озера Тудозеро и было продолжено А.Я. Брюсовым, Г.А. Панкрушевым, Ю.А. Савватеевым [1, с. 11–14]. Новые находки глиняной скульптуры (11 экз.) происходят с двух памятников (Тудозеро V, Сойдозеро I), исследовавшихся раскопками под руководством А.М. Иванищева в последние два десятилетия.

Многослойное поселение Тудозеро V расположено на юго-восточном берегу Онежского озера. Оно занимает участок песчаной косы между озёрами Онежское и Тудозеро, вытянутой в северном направлении на 80 м, шириной 40 м, возвышающейся над уровнем Онежского озера на 5 м. Памятник открыт в 1986 г. А.М. Иванищевым и исследовался раскопками с 1987 по 2005 г. На поселении исследовано 1270 м² площади, выявлены культурные слои от мезолита до Средневековья, исследованы могильник позднего неолита – энеолита с янтарными украшениями Тудозеро VI [2], могильник каменного века [3], изучена древняя естественная западина. К ней приурочены слои раннего неолита с гребенчатой керамикой типа Тудозеро V, которая на позднем этапе своего развития обнаруживает значительное сходство с керамикой культуры сперрингс [4]. Из-за активной хозяйственной деятельности на поселении культурные отложения различных эпох значительно перемешаны и переотложены.

Морфологическое описание и культурно-хронологическая атрибуция глиняных скульптур являются основными задачами этой работы. Кроме того, очерчен круг аналогов этим скульптурам и предложена их функциональная и смысловая интерпретация.

Общая стратиграфия поселения Тудозеро V следующая:

1. Светло-серый песок мощностью 0,2 м (серый верхний). Содержал материалы позднего Средневековья с белоглиняной керамикой, на отдельных участках включал грубую лепную керамику.

2. Чёрный песок («верхний чёрный») мощностью 0,2–0,4 м. Культурный слой раннего железного века [5] и развитого Средневековья [6].

3. Розовый песок мощностью на разных участках поселения 0,1–0,4 м. Содержал разновременную керамику энеолита – эпохи бронзы, в том числе сетчатую. В северной части поселения исследован котлован полуземляночного жилища с пористой и асбестовой керамикой, заглублённый в нижележащий слой [7].

4. Рыже-жёлтый песок мощностью 0,4–0,6 м. Содержал материалы развитого и позднего неолита с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой, а также раннеэнеолитическую керамику, что связано, вероятно, с нарушением слоя ямами погребений могильника Тудозеро VI.

5. Нижние культурные напластования на поселении представлены светло-серым песком мощностью 0,1–0,3 м и интенсивно-тёмным песком мощностью 0,3–0,5 м («нижний серый 1» и «нижний серый 2» в полевом отчёте), содержащими керамику раннего неолита, и слоем чёрного песка мощностью 0,2–0,3 м, не содержащим керамики (мезолитический слой).

Материк – светло-жёлтый песок.

В центральной части поселения в пределах древней западины культурные слои раннего неолита отделены от вышележащих напластований слоем наносного песка без находок. По периметру западины, размеры которой 20×25 м, наибольшая глубина 2,5 м, выявлены многочисленные очаги и хозяйственные объекты (зольники, хозяйственные ямы), связанные с долговременным поселением раннего неолита. Ряд объектов датирован радиоуглеродным методом [8].

Зооморфные и антропоморфные фигурки найдены в центральной части поселения в различных слоях (рис. 1).

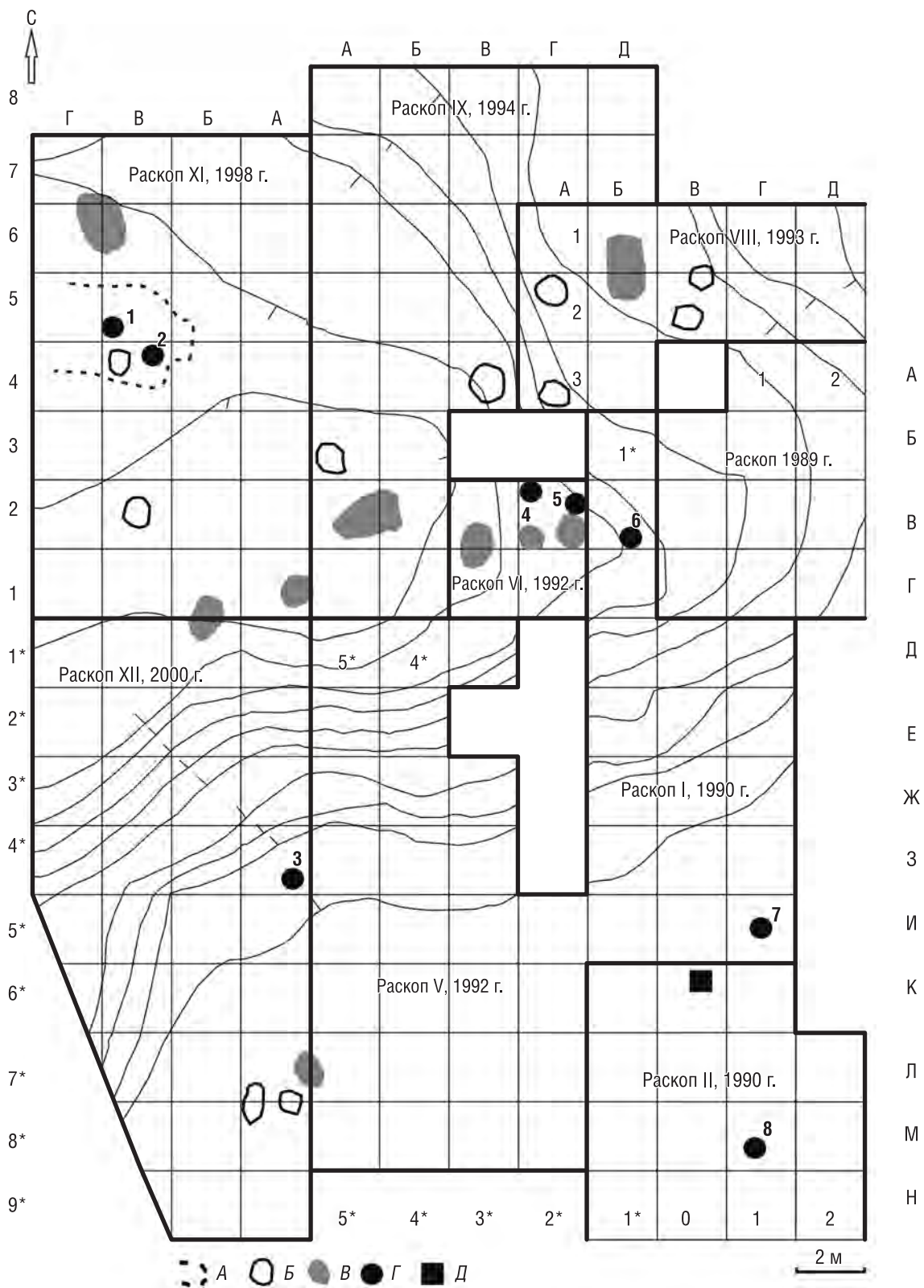

Рис. 1. Поселение Тудозеро V. Распределение глиняных скульптур на плане раскопов:
 А – границы постройки; Б – зольники; В – очаги; Г – глиняные скульптуры; Д – ранненеолитический сосуд.
 1–6 – скульптуры птиц; 7 – антропоморфная скульптура; 8 – скульптура змеи

Скульптуры птиц

Скульптуры птиц представлены семью экземплярами (рис. 2), четыре из них (рис. 2: 1–4) определённо связаны со слоями раннего неолита. Два фрагмента фигурок происходят из слоя «нижний серый 1». Они обнаружены в пятне коричневатого-серого цвета размерами 2,7×3 м с включением прокалённого песка, угля, органического тлена и кальцинированных костей, возможно, маркирующем остатки постройки. Изделия располагались около пятна прокалённого песка размерами 0,5×0,6 м на расстоянии 1,2 м друг от друга. Из слоя происходит керамика, орнаментированная «искусственными» (гребенчатыми) штампами и «естественными» штампами из рыбьих позвонков.

1. Фрагмент (задняя часть) скульптуры длиной 3,5 см, шириной (наибольшей) 1,5 см, толщиной 1 см, овальный в сечении имеет сквозное отверстие в месте слома (рис. 2: 1). Высота подъёма хвостовой части – 1,5 см. Скульптура была изготовлена из глины с примесью крупной дресвы (1998 г., раскоп 11, кв. В-5, гл. -295 см. № 80. Фонды Вытегорского объединённого музея, НВ 14907/4).

2. Фрагмент туловища скульптуры длиной 1,5 см, шириной 1 см, толщиной 0,6 см, поперечное сечение – подпрямоугольное (рис. 2: 2). На сломах имеются следы возможного сквозного отверстия. Скульптура была изготовлена из глины, возможно, с примесью песка и/или дресвы (1998 г., раскоп 11, кв. В-4, гл. -302 см. № 91. Фонды Вытегорского объединённого музея, ВКМ 27101/195).

В 12 м к югу от выявленной конструкции в пределах южного склона западины обнаружена ещё одна фрагментированная скульптура.

3. Фрагмент (голова и шея) (рис. 2: 3). Скульптура обнаружена в слое интенсивно-тёмного песка («нижний серый 2»). Смоделирован продолговатый клюв и выделен затылок. Высота фрагмента 2,8 см, ширина 1 см, толщина 1,3 см. Поперечное сечение в месте слома – трапециевидное. Поверхность шероховатая. Предмет изготовлен из глины с примесью дресвы средних размеров (2000 г., раскоп XII, кв. А-4', гл. -141 см. № 34. Фонды Вытегорского объединённого музея, НВ 14865/1). Из этого слоя происходит керамика, в орнаментации которой преобладают оттиски гребенчатого штампа наряду с использованием «естественных» штампов.

В 10–12 м к юго-востоку от выявленной конструкции, также в заглублённой части древней западины, обнаружены ещё три скульптуры.

4. Наиболее полно сохранившееся изделие (без головы) длиной 6,5 см, шириной (наибольшей) 2 см, толщиной 1,5 см имеет в высоту 2,5 см в хвостовой части, подокруглое сечение и приплюснённый приподнятый хвост (рис. 2: 4). Изготовлено из глины с примесью крупной дресвы. На поверхности видны следы заглаживания в виде штрихов, в хвостовой части – небольшие углубления – следы надавливания пальцами (?). На торце хвоста заметны небольшие царапины. Поверхность имеет следы тёмного пигмента, возможно от залегания в чёрном плотном песке. Предмет обнаружен в слое с раннеолитической керамикой в углисто-золистом пятне с включениями кальцинированных костей, которое, возможно, было кострищем или хозяйственной ямой (1990 г., раскоп I, В-1', гл. -152 см. № 148. Фонды Вытегорского объединённого музея, НВ 14902/12).

5. Фрагмент (задняя часть) скульптуры длиной 3,5 см, шириной 1,8 см, толщиной 1 см имеет овальное поперечное сечение и высоту подъёма хвостовой части 1,5 см (рис. 2: 5). Морфологически она близка к описанному выше предмету без головы, от которого удалена менее чем на 2 м. Скульптура изготовлена из глины с примесью дресвы. Поверхность изделия имеет следы заглаживания. С одного бока видны следы уплотнения, а также небольшой накол, на спинке – царапины. На хвосте – также следы надавливания пальцами (1992 г., раскоп VI, кв. В-2', гл. -111 см. № 17. Фонды Вытегорского объединённого музея, НВ 14902/11). Фигурка обнаружена в нижней части слоя рыже-жёлтого песка, из которого происходят развал пористого сосуда с гребенчато-ямочным орнаментом, один фрагмент керамики с «позвонковым» орнаментом и шесть фрагментов ямочно-гребенчатой керамики. Рыже-жёлтый песок в этой части отделён от нижнего серого слоя с раннеолитической керамикой метровым прослоем чистого жёлтого песка без находок, образовавшимся, вероятно, в результате замыва западины. Не исключено, что скульптура оказалась в переотложенном состоянии, так как в этом же квадрате в нижнем слое серого песка с раннеолитической керамикой было обнаружено ещё одно скульптурное изображение (см. ниже).

6. Фрагмент скульптуры длиной 2 см, шириной 1,5 см и высотой 2,2 см, вероятно, является туловищем и шейей птицы (?) (рис. 2: 6). На поверхности – следы формовки в виде небольших углублений от пальцев. Изделие располагалось в 1 м к югу от небольшого очажка, рядом с которым найден развал раннеолитического сосуда с «гребенчатым» орнаментом (1992 г., раскоп VI, кв. В-2', гл. -300 см. № К-88. Фонды Вытегорского объединённого музея, НВ 14902/53).

7. Фрагмент скульптуры (рис. 2: 7), вероятно хвостовая часть птицы, сохранившийся в длину на 3 см, имел ширину 1 см и толщину 0,5 см (Фонды Вытегорского объединённого музея. Запасной фонд, б/н). Предмет был найден в отвале раскопа 1993 г.

Другие скульптуры

За пределами западины в юго-восточной части поселения обнаружен ряд предметов, также связанных с ритуальной практикой обитателей поселения. Находки сделаны на участке, где культурные слои различных эпох значительно перемешаны из-за могильных ям в позднем неолите – энеолите, и связь их с определённым культурно-хронологическим комплексом затруднена. Культурные отложения содержат разновремен-

Рис. 2. Глиняные скульптуры с поселений Тудозеро V (1–9) и Сойдозеро I (10–11)

ную керамику. Группа описанных ниже предметов удалена на 12–14 м к юго-востоку от находок скульптур птиц.

8. Антропоморфная скульптура (фрагмент – голова) длиной 2,5 см, шириной 1,8 см и толщиной 1,5 см (рис. 2: 8). На лице чётко выделены нос и скулы, глаза и рот, обозначенные подпрямоугольными глубокими наколами. Выделены скошенный лоб и подбородок, чётко видимые в профиль. Скульптура изготовлена из глины с примесью крупной дресвы и происходит из слоя розового песка, в котором на этом участке

были обнаружены фрагменты сетчатой, ромбоямочной, гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой керамики и отдельные фрагменты керамики сперрингс (1990 г., раскоп 1, кв. И-1, пласт 4. № 172а. Фонды Вытегорского объединённого музея, НВ 15097/1).

Рядом был найден развал раннеолитического сосуда с орнаментом, выполненным отпечатками уникального зигзагообразного штампа, уже неоднократно опубликованный в научной литературе [1, рис. 10].

9. Скульптура змеи (фрагмент) (рис. 2: 9). Размеры предмета: длина 3 см, толщина 1 см, высота 2,2 см. Фрагмент в виде свёрнутого жгута глины происходит из слоя розового песка. С определённой долей вероятности изделие может являться фрагментом скульптуры змеи, свернувшейся в кольцо (1990 г., раскоп II, кв. М-1, гл. +58 см. № 86. Фонды Вытегорского объединённого музея, НВ 15097/88).

Культурно-хронологическая принадлежность скульптур из Тудозеро V

Как уже было сказано выше, культурные отложения поселения Тудозеро V имеют нарушения вследствие разновременной хозяйственной деятельности. Поэтому, исходя из контекста находок скульптур, их морфологии, состава формовочной массы, можно сделать осторожный вывод о том, что скульптуры относятся к комплексу с раннеолитической керамикой типа Тудозеро V и могут приблизительно датироваться в интервале 5500–5000 ВС в калиброванных значениях. Возможна также их принадлежность к различным более поздним комплексам.

Широкий круг аналогов этим скульптурам имеется среди материалов культур с гребенчато-ямочной керамикой Финляндии, Карелии, Архангельской, Ленинградской областей, Республики Коми, Эстонии, Латвии, а также отчасти культур с ямочно-гребенчатой керамикой Верхнего Поволжья [9]. Всего известно более ста скульптур, среди них около семидесяти – антропоморфные, около тридцати – птицы, около десятка (в сумме) – млекопитающие и змеи. Согласно исследованиям Е.А. Кашиной, из глиняных скульптур формировался набор, состоявший из разных образов: несколько антропоморфных персонажей, несколько птиц, возможно, две змеи и одно млекопитающее. Точный состав и пропорциональность персонажей в нём пока выяснить невозможно, так как: 1) состав набора мог варьировать от поселения к поселению, от региона к региону; 2) скульптуры обычно фрагментированы, а поселения – многослойны. Особое внимание привлекает контекст обнаружения набора (в тех случаях, когда его удаётся проследить): 1) площадь «разброса» скульптур не превышает 25 м²; 2) вблизи набора обнаруживаются следы очага [10, с. 127–131].

Несомненно, можно говорить о том, что на поселении Тудозеро V мы имеем дело с подобными наборами. Однако изделия расположены более рассеянно, на площади, сильно превышающей 25 м². Это может быть связано как с нарушениями культурных отложений (и тогда, возможно, перед нами остатки одного набора), так и с тем, что на вскрытой площади поселения могло быть оставлено два или даже три подобных набора: скульптуры 1 и 2, скульптуры 4–6 и, возможно, 7, скульптуры 8 и 9. Почти все скульптуры птиц с поселения Тудозеро V найдены в непосредственной близости к очажным объектам на площади древней западины – этот контекст очень характерен для остальных найденных наборов. В этом конкретном случае мы не можем уверенно говорить о наличии жилища.

Есть данные, что разные скульптуры одного набора могли изготавливать разные люди [10, с. 134], поэтому морфологические различия скульптур птиц из Тудозера V вполне объяснимы. Наличие отверстий в туловищах двух (?) скульптур птиц находит аналоги в целом ряде других скульптур (в том числе млекопитающих и антропоморфных) из самых разных регионов распространения этой традиции. Возможно, такие глиняные скульптуры устанавливались на плоскость с помощью воткнутых щепок/соломинок [10, с. 133, рис. 5]. Невозможно определить, являлся ли фрагмент антропоморфного изображения с Тудозера V самостоятельной скульптурой или был налепом на венчике сосуда. Ближайшие по территории находки изображений (Архангельская область и Карелия), где глаза и рот показаны наколами, известны на поселениях Кубенино (точно скульптуры), Пески IVA и Вигайнаволок I (точно налепы), а также Войнаволок XXV (скульптура с головой и туловищем на венчике) и Модлона (неизвестно, скульптура или голова-налеп) [9].

Находка набора (наборов) скульптур на поселении Тудозеро V является крайне интригующей ещё и потому, что позволяет ставить вопрос об удревнении начала культурной традиции изготовления подобных ритуальных предметов. До настоящего времени ни одна из найденных скульптур не могла быть достоверно отнесена к комплексу с керамикой сперрингс. Скульптурный набор мог сопровождаться ритуальным сосудом (сосудами) с графическими изображениями вереницы птиц, а также сосудами с антропоморфными налепами на венчике в виде головы или головы с туловищем и руками [10, с. 132]. Это предположение базируется на наблюдении за контекстами находок: набор в ряде случаев сопровождается фрагментами этих сосудов [10, с. 131]. Если традиция изготовления сосудов со скульптурными налепами довольно однозначно может быть отнесена к позднему неолиту – энеолиту (гребенчато-ямочные, ромбоямочные, асбестовые сосуды), то традиция, связанная с сосудами с изображением вереницы птиц, гораздо более растянута во времени и пространстве [11]. Её начало фиксируется по некоторым данным в культуре сперрингс. В Юго-Восточной Финляндии на поселении Киикарусниemi Соткамо был найден сосуд с изображением вереницы птиц, отнесённый к типу Сярайсниemi I; тип этот по своим технологическим характеристикам и времени бытования практически аналогичен сперрингс [12]. Таким образом, можно предполагать, что первые глиняные скульптуры появляются ещё в раннем неолите и набор(ы) с поселения Тудозеро V можно относить к уникальным, наиболее ранним их находкам.

Функционально-смысловая интерпретация наборов глиняной скульптуры, а также их связь с особыми сосудами на сегодняшний день достаточно умозрительны. С определённой долей уверенности можно гово-

речь о связи этих предметов с «домашними» ритуалами [13], с жилищем, очагом, женским производством, возможно, женской ритуальной сферой, представлениями о домашнем благополучии и деторождении. Набор мог отражать картину мира, где птицы, млекопитающие и змеи символизировали его уровни, а антропоморфные персонажи – семейных предков [10].

Скульптуры с поселения Сойдозеро I

Две сильно фрагментированные скульптуры (рис. 2: 10–11) найдены при раскопках А.М. Иванищевым [14] неолитического поселения Сойдозеро I в северо-восточной части Вытегорского района. Поселение расположено на восточном берегу озера Сойдозера в истоке р. Сойды. Оно относится к памятникам многократного заселения. В шурфе площадью 16 м² выявлены материалы культур сперрингс, раннеолитической с гребенчатой керамикой, с ямочно-гребенчатой керамикой и керамикой каргопольского типа. Скульптуры обнаружены среди камней очага, вокруг которого концентрировались фрагменты различной керамики.

Первое изделие может являться средней частью антропоморфной скульптуры или скульптуры птицы (?) (рис. 2: 10). Высота фрагмента – 2,5 см, ширина – 1,8 см, толщина – 1,5 см (Фонды Вытегорского объединённого музея, ВКМ 27134/50). В верхней части поперечное сечение прямоугольное, в нижней – подпрямоугольное. Предмет изготовлен из глины с примесью дресвы, на поверхности видны следы формовки пальцами.

Вторая скульптура (рис. 2: 11), представленная, возможно, туловищем птицы, тоже изготовлена из глины с примесью дресвы и представляет собой слегка изогнутое изделие с плоской нижней частью шириной 1,2 см, толщиной 0,3 см и округлой верхней частью диаметром 1 см. Высота фрагмента – 2,5 см. В месте перехода от округлой части к плоской вдавленными выделены небольшие закраины (Фонды Вытегорского объединённого музея, ВКМ 27134/39).

Оба фрагмента довольно невыразительны по сравнению с общей серией имеющихся скульптур, однако их совместное нахождение в контексте очага отчасти позволяет учитывать их в качестве возможной составляющей очередного набора глиняной скульптуры.

Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 14-06-98807 «Междисциплинарные исследования многослойных стратифицированных памятников в Онежско-Сухонском регионе» при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Иванищев А.М.* Древности Вытегории // Краеведческий альманах «Вытегра». Вып. 1. Вологда, 1997.
2. *Иванищев А.М.* Могильник на Тудозере // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. V. Вологда, 1996.
3. *Иванищев А.М., Иванищева М.В., Болонин Я.Е.* Реконструкция погребального обряда каменного века на Тудозере (по материалам раскопок 1995–2005 гг.) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
4. *Иванищев А.М., Иванищева М.В.* Тудозеро V – поселение позднего мезолита – раннего неолита в Южном Прионежье // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
5. *Иванищев А.М.* Комплексы раннего железного века поселения Тудозеро-V // Археология Севера: материалы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 1. Череповец, 2005.
6. *Иванищев А.М., Иванищева М.В.* Средневековые древности Тудозерья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003.
7. *Иванищев А.М., Иванищева М.В.* Жилище эпохи энеолита на поселении Тудозеро-V в Южном Прионежье // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2006.
8. *Иванищева М.В.* Раннеолитические памятники Юго-Восточного Прионежья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 16. № 3. Самара, 2014.
9. *Кашина Е.А.* Искусство неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
10. *Кашина Е.А.* Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007.
11. *Жульников А.М., Кашина Е.А.* Образ птицы в искусстве неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2.
12. *Niemiinen, E.-L., Ruonavaara, L.* Stilisierte vogeldarstellungen auf gefasscherben aus Kiikarusniemi, geminde Sotkamo und Bole, gemeinde Porvoo // Fennoscandia Archaeologica. 1. Helsinki, 1984.
13. *Жульников А.М.* Петроглифы Карелии: образ мира и мира образов. Петрозаводск, 2006.
14. *Иванищева М.В., Иванищев А.М.* Неолитическая керамика поселения Сойдозеро-I в Южном Прионежье // Археология Севера: материалы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 3. Череповец, 2010.

*МОУ ДОД «Детско-юношеский центр «Лидер»,
Вологда*

*ФГБУК «Государственный исторический музей»,
Москва*

M.V. Ivanischeva, E.A. Kashina

SETS OF NEOLITHIC CERAMIC FIGURINES OF THE ONEGA LAKE SOUTHERN SHORES SITES

Summary

This paper focuses on a small group of clay figurines (eleven pieces, depicting birds, a human and a snake) found at Tuzozero V and Soyozero I sites located to the South of the Onega Lake. Their morphology, the context of the find and symbolic meaning are discussed. These figurines have lots of analogues in zoomorphic and anthropomorphic clay sculpture of Northern Russia, Karelia, Finland and Eastern Baltic countries and are believed to be a part of a sculpture set, which contained images of birds, mammals, snakes and humans, probably representing a kind of a world-view scheme. The remains of the Tuzozero V sculpture set seem to be the earliest in comparison with analogues, and are dated as Early Neolithic. Ceramics found with figurines of Tuzozero V together are very similar to those of Sperrings culture.

*M.V. Ivanischeva
Municipal General Education Institution of Preschool Education for Children
«Children and Youth Center “Leader”»,
Apt. 10, 210a, Vologodskaya St.,
Vologda, 160100,
Russia
E-mail: marin-ivanishhev@yandex.ru*

*E.A. Kashina
Federal State Budgetary Institution of Culture
«State Historical Museum»,
1, Krasnaya Sq., Moscow, 109012,
Russia
E-mail: eakashina@mail.ru*

С.Н. Панина

КУЛЬТОВАЯ ПЛАСТИКА ИЗ РАСКОПОК УСТЬ-ВАГИЛЬСКОГО ХОЛМА

На территории Свердловской области в настоящее время известны три археологических памятника под названием «холмы» – Кокшаровский, Махтыльский, Усть-Вагильский. Это культовые сооружения, возникшие в неолите и сформировавшиеся на протяжении тысячелетий в процессе проведения обрядов, после которых место действия перекрывалось слоем земли (на Усть-Вагильском холме – ещё и прослойкой бересты). Ещё одной особенностью данного холма является внушительное количество изделий мелкой культовой пластики, преимущественно из глины. Этой категории находок посвящена данная статья.

Охранными раскопками 2005–2011 гг. экспедицией Свердловского областного краеведческого музея исследованы северо-восточная часть Усть-Вагильского холма и площадка, примыкающая к его подошве с юго-восточной стороны.

Памятник – насыпной холм в виде неправильного овала, по длинной оси ориентирован с запада на восток, размерами 53 м (ЗВ) и 48 м (СЮ). Высота холма в западной части – 6, в восточной – 5,5 м. Вершина – плоская. Он расположен на левом берегу р. Тавды в месте впадения в неё р. Вагиль в Гаринском районе Свердловской области.

Исследования наших предшественников [1, с. 137–147] и нынешние раскопки позволяют предположить, что первоначально в пойме реки находилась неолитическая стоянка, на территории которой возник холм как культовое место, где проходили обряды, связанные с огнём и жертвоприношениями. Холм образовался в процессе неоднократной подсыпки на протяжении нескольких тысячелетий. Основным этапом существования памятника связан с нео- и энеолитическим временем. К неолиту относится жертвенное место в основании северо-восточной части холма – костяк с остатками костей лося, северного оленя, собаки, соболя, щуки и фрагментами человеческих черепов, сопровождавшимися керамикой сатыгинского типа [2, с. 794–796]. Для жертвенного места получено несколько радиоуглеродных дат [3, с. 183–184]: Ле-8746 – 7920±200 ВР (обрубок рога лося из костяка); СОАН-6940 – 6335±95 ВР, СОАН-6941 – 6295±125 ВР (столбы вдоль канавки, ограждающей жертвенное место).

В 2010–2011 гг. у подошвы холма с юго-восточной стороны было вскрыто энеолитическое погребение. В погребении, засыпанном охрой, найдены фрагменты шлифованных с выемкой наконечников стрел, овальные каменные подвески с «бисером» из семян воробейника, каменные орудия. К погребению примыкает жертвенная (поминальная?) площадка, выложенная широкими сгоревшими плахами, на которых найдены шлифованный нож и шлифованный с выемкой наконечник стрелы, развал сосуда с гребенчатым орнаментом, каменная наковаленка.

Ещё один объект на холме – позднее захоронение коня, совершённое по определённому обряду (надмогильное деревянное сооружение, береста, покрывающая западную стенку ямы, поза коня с подогнутыми ногами).

В этой статье рассматриваются 43 глиняные поделки, одна фигурка из камня и изделие из кости (накладка?). При описании находок отмечаются место их залегания (в квадратах на холме, у подошвы холма), расположение относительно трёх вышеописанных объектов на памятнике, а также отдельных прокалов, скопленных бересты, канавок. Учитываются глубины залегания артефактов, наличие на поверхности и на сломе изделия белёсого известкового налёта, которым покрыты ранние находки (керамика, камень, глиняные изделия) в нижних слоях памятника, образовавшегося, по-видимому, во время весенних паводков при затоплении поймы реки. Этот признак позволяет определить ранние находки в верхних переотложенных слоях. Наличие следов белой глины на изделии и его сломе определяет принадлежность находки к жертвенному костяку. Обряд заполнения полых костей белой глиной, принесённой издалека на холм, встречен на памятнике впервые [3, с. 184].

Культовую пластику из раскопок Усть-Вагильского холма можно подразделить на несколько типов (деление – достаточно условное, так как некоторые поделки одновременно могут относиться к разным типам): 1. Абстрактные изделия законченной формы, иногда со следами сжатия пальцами; 2. Глиняные сфероиды и эллипсоиды; 3. Поделки с плоским основанием и слегка выпуклой поверхностью – «фишки»; 4. Глиняные фигурки цилиндрической и/или конусовидной формы с прямыми или загнутыми концами; 5. Орнитомор-

фные головки и скульптурки птиц; 6. Антрополоморфные фигурки; 7. Полиэконическая скульптура. По классификации Ю.Б. Серикова первые три типа предметов относятся к декоративной пластике, остальные типы – к фигуративной [4, с. 2].

На Усть-Вагильском холме на разных глубинах фиксируются **бесформенные глиняные поделки**. От кусков обожжённой глины они отличаются плавными краями, законченной формой и, иногда, вмятинами – следами сдавливания пальцами (рис. 1: 11). Они не залегают скоплениями и не фиксируются рядом с производственной площадкой, очагом, жертвенным местом или погребением. Связать их с каким-либо типом керамики или хронологическим пластом затруднительно.

Глиняные сфероиды и эллипсоиды

1. Глиняная поделка в форме эллипса (рис. 1: 10). Тесто – с примесью мелкого песка и дресвы, плохо промешано, поверхность небрежно заглажена. Сохранность полная. На поделке – две глубоких вмятины в виде прочерченных линий, сделанных широкой палочкой с округлым концом. Размеры: 3×2 см. Найдена на холме, глубина (гл.) – -330 см¹, бровка (УВ-10²).

2. Глиняный эллипсоид (рис. 1: 1). Тесто – с примесью мелкого песка и дресвы. Размеры: 2,5×2 см. Найдена на холме, глубина – -334 см, в слое коричневой супеси (УВ-06).

3. Глиняный эллипсоид, тесто – с примесью мелкого песка, хорошо промешано (рис. 1: 8). Цвет – светло-оранжевый. Размеры: 2,2×1,5 см. Найдена на холме на глубине -135 см вместе с фрагментом поделки цилиндрической формы (УВ-06).

4. Глиняная поделка, сфероид, слегка сдавленный пальцами, неправильной формы. Тесто – с примесью мелкого песка. Размеры: 2×1,5 см. Найдена на холме в квадрате (кв.) Б 1, гл – -259 см (УВ-07).

5. Глиняный сфероид, сдавленный пальцами с двух сторон. Тесто – с примесью мелкого песка. Размеры: 1,8×1,5 см. Найдена на холме, глубина – -345 см (УВ-06).

Поделки с плоским основанием и слегка выпуклой поверхностью («фишки»)

6. Глиняная «фишка» овальной формы (рис. 1: 2) с плоским основанием, слегка выпуклой поверхностью, с обеих сторон небрежно заглажена и покрыта известковым налётом. Тесто – с примесью мелкого песка. Размеры: 2,6×2,4 см. Найдена на холме, глубина – -350 см (УВ-09).

7. Глиняная поделка («фишка») овальной формы (рис. 1: 9), основание – плоское, поверхность – выпуклая, небрежно заглажена, цвет – светло-серый, покрыта известковым налётом. Тесто – с примесью мелкого песка. На поверхности основания – беспорядочно прочерченные линии. Размеры: 2×1,7 см. Возможно, имитация подвески. Найдена на холме, глубина – -380 см (УВ-10).

8. Глиняная поделка («фишка») овальной формы, основание – плоское, поверхность выпуклая, небрежно заглажена, цвет – светло-серый, фиксируются следы известкования. Тесто – с примесью мелкого песка. Основание (низ) – с отпечатками структуры деревянной щепы и угля. Размеры: 3,9×4 см, высота – 0,6 см. Найдена на холме, глубина – -380 см (УВ-10).

9. Глиняная поделка в виде «фишки» с плоским основанием и выпуклой поверхностью (рис. 1: 3). Тесто – с примесью мелкого песка. Основание и края по периметру выпуклой поверхности хорошо заглажены. В центре верхней части – зашип. По краю – несколько насечек. Размеры: диаметр – 1,9 см, высота – от 0,3 до 1,0 см. По размерам сопоставима с подвеской. Найдена на холме, глубина – -347 см, в слое коричневой супеси рядом с прокалом (УВ-06).

10. Глиняная поделка в виде «фишки» овальной формы с плоским, слегка вогнутым основанием, выпуклой поверхностью. Тесто – с примесью мелкого песка. Хорошо заглажена снаружи. Размеры: 3×1,7 см, высота – 0,6 см. Найдена на холме, глубина – -273 см (УВ-06).

11. Глиняная поделка в виде «фишки» овальной формы с плоским слегка вогнутым основанием, выпуклой поверхностью. Тесто – с примесью мелкого песка. С обеих сторон она испещрена беспорядочными прочерченными линиями, на выпуклой стороне среди линий – отпечаток травинки. По краю – вдавление, сделанное инструментом, подквадратным в сечении. Размеры: 2,2×1,9 см. Найдена на холме, глубина – -450 см (УВ-10).

12. Фрагмент глиняной поделки в виде «фишки» с плоским основанием и слегка выпуклой поверхностью. Тесто – с примесью мелкого песка. По краю – несколько насечек. Цвет – светлый (почти белый). Возможно, это фрагмент подвески. Размеры сохранившейся части: 1,9×1,4 см. Найдена на холме, глубина – -235 см, рядом с берестой в слое серо-коричневой супеси (УВ-06).

13. Глиняная поделка в виде «фишки», овальная, с плоским основанием и сквозным отверстием (рис. 1: 4). Тесто – с примесью мелкого песка. Изготовлена путём загибания краёв вверх. Размеры: длина – 2,2, ширина – 1,5, высота – 1,0, диаметр отверстия – 0,4–0,9 см. Найдена на холме, глубина – -282 см (УВ-06).

14. Глиняная поделка в виде «фишки» круглой формы с плоским основанием, выпуклой поверхностью (рис. 1: 6). Тесто – с примесью мелкого песка. На основании – три накола: два симметричных, выполненных орудием, подквадратным в сечении, ниже – накол в виде чёрточки, сделанный тем же орудием. Размеры: диаметр – 2 см, высота – 0,6 см. Найдена на холме, глубина – -459 см, в скоплении костей животных. Возможно, это личина (УВ-10).

¹ Глубина даётся от условного нуля (-57 см).

² УВ-10 – Усть-Вагильский (холм), 2010 г. (год раскопок).

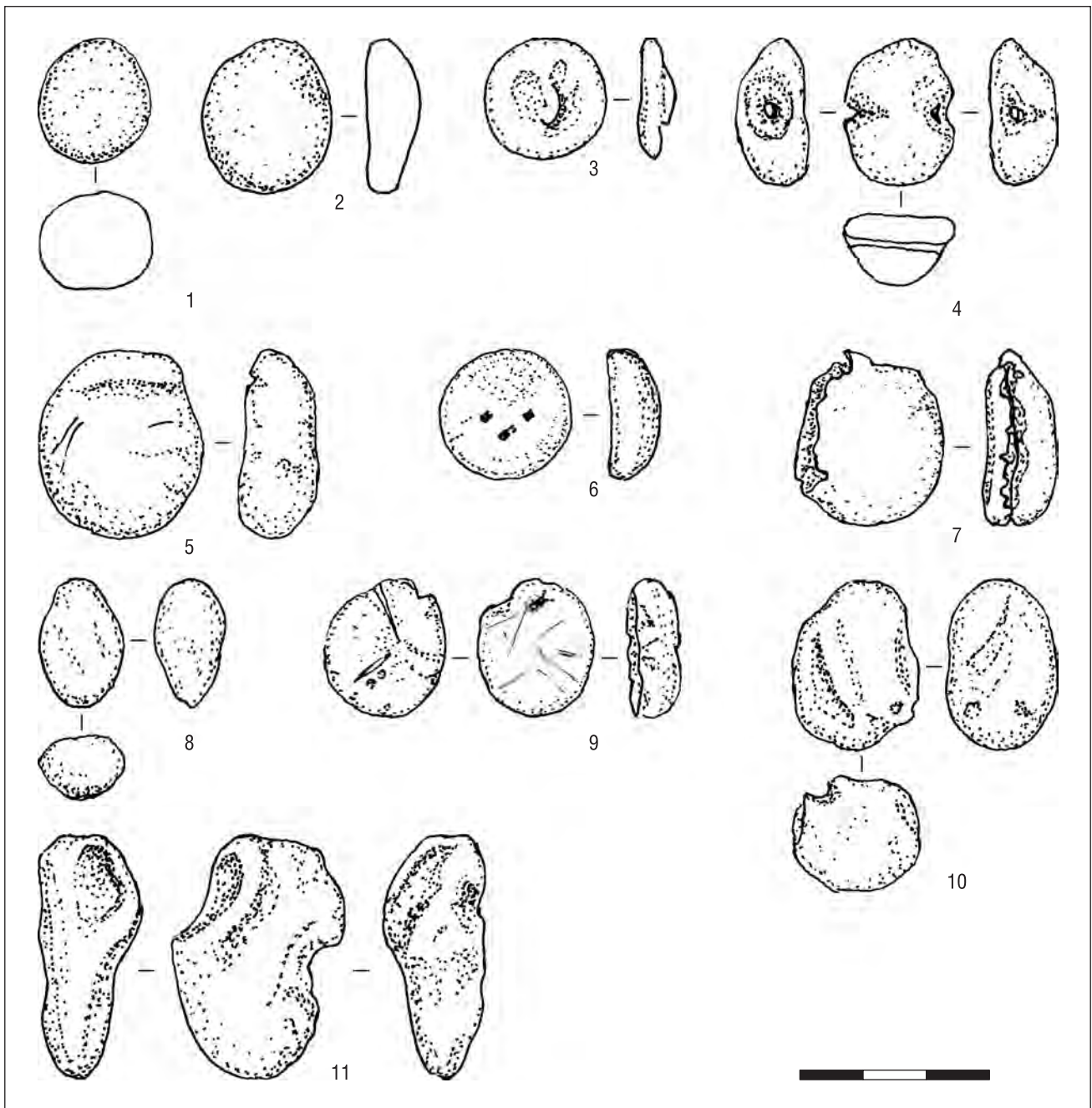

Рис. 1. Глиняная пластика: 1, 8, 10 – сфероиды и эллипсоиды; 2–7, 9 – поделки с плоским основанием («фишки»); 11 – абстрактная поделка со следами сжатия пальцами

15. Глиняная поделка в виде «фишки» овальной формы, двояковыпуклой в сечении (рис. 1: 5). Тесто – с примесью мелкого песка, дресвы, угля. Основание небрежно заглажено, цвет – тёмно-серый, верхняя часть окрашена охрой. До нанесения охры поверхность была орнаментирована глубокими прямыми перекрещивающимися прочерченными линиями. Самая глубокая линия – по краю изделия. Размеры: 2,8×2,2 см, высота – 0,9 см. Найдена на холме, глубина – -336 см (УВ-05).

16. Глиняная поделка в виде «фишки» овальной формы с плоским основанием и округлой поверхностью, серого цвета (рис. 1: 7). В тесте – примесь мелкого песка. На поверхности – частички белой глины, отпечатки травинок, беспорядочно нанесённые насечки. Размеры: 3×2 см, высота – 1,7 см. Найдена на холме, глубина – -447 см, в угольном пятне канавки, ограждающей жертвенное костыще (УВ-07).

Глиняные фигурки цилиндрической и/или конусовидной формы с прямыми или загнутыми концами

17. Фрагмент глиняной поделки в виде слегка согнутого цилиндрика светло-серого цвета с приострѐнным загнутым концом, нижняя часть обломана (рис. 2: 1). Тесто – с примесью песка. Поверхность выровнена и заглажена, орнамента нет, фиксируются следы известкового налѐта. Одна из сторон – чёрного цвета (закопчена?). Размеры: длина – 3,6 см, ширина (диаметр) – 1,5 см. Найден у подошвы холма под дѐрном в переотложенном слое (УВ-11).

18. Фрагмент глиняной поделки в виде уплощённого цилиндрика с овальным, слегка сплюснутым концом. В тесте – примесь мелкого песка. Поверхность хорошо заглажена. На одной из сторон – две косые рез-

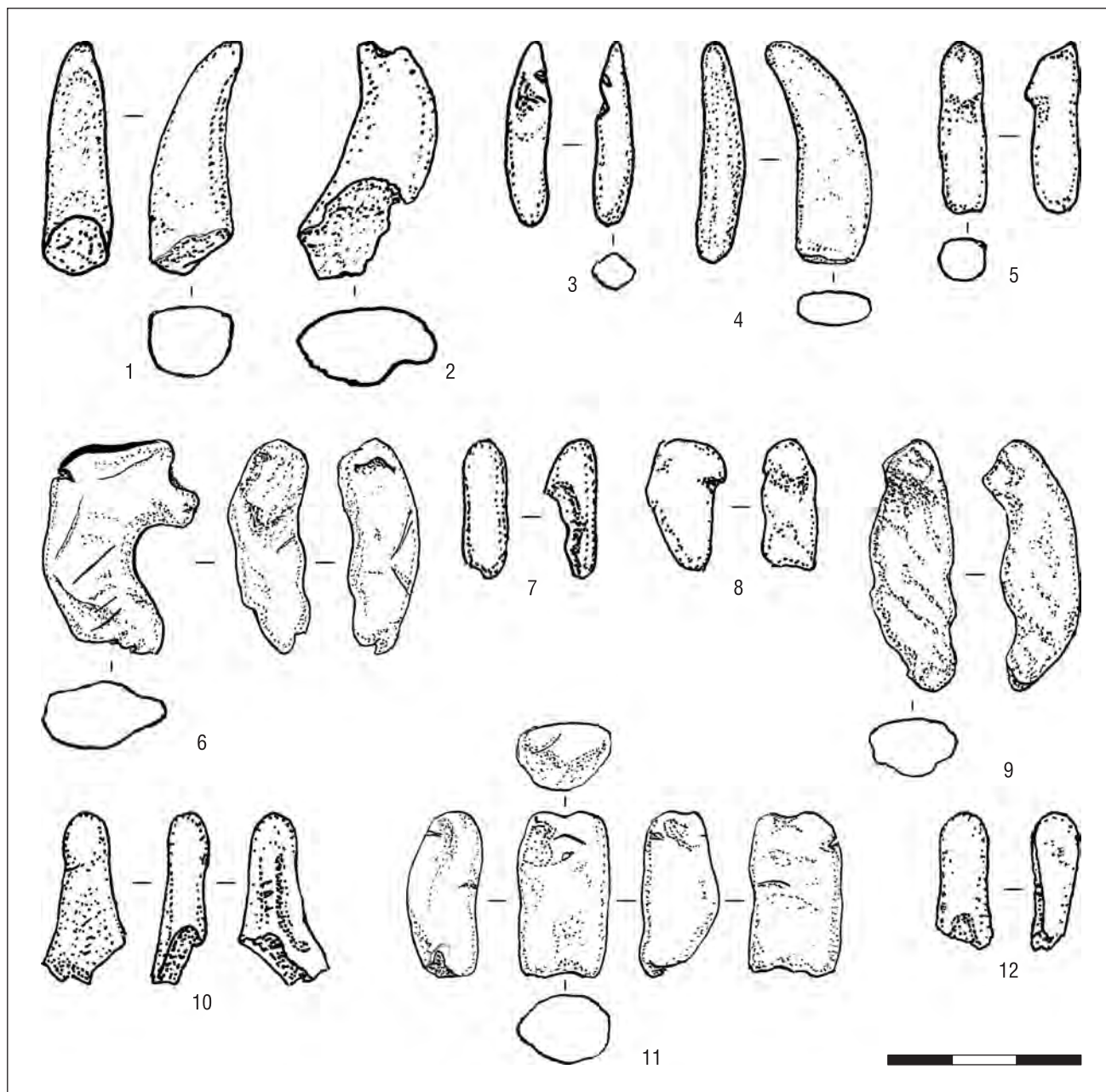

Рис. 2. Глиняная пластика: 1, 2 – фигурки конусовидной формы с загнутыми концами; 3 – поделка в виде зуба; 4 – изделие в виде клыка; 5, 8 – орнитоморфные изображения (фрагменты); 6 – изделие уплощённой формы с “носиком”; 7, 9, 10, 12 – фигурки цилиндрической формы; 11 – поделка цилиндрической формы с прямыми концами

ные линии, нанесённые под углом друг к другу, не пересекаясь. Найдена у подошвы холма, глубина – -441 см, рядом с энеолитическим погребением (УВ-11).

19. Фрагмент глиняной поделки в виде цилиндрика с круглым концом и расширяющейся и уплощающейся противоположной стороной (рис. 2: 10). В тесте – примесь мелкого песка. Поверхность заглажена небрежно. На торце – две параллельные косые насечки. На поверхности видны следы охры. Размеры: длина – 2,9 см, ширина по обломанному краю – 1,5 см. Найден на холме, глубина – -290 см, рядом с надмогильной конструкцией над захоронением коня (УВ-09).

20. Фрагмент глиняной поделки уплощённой цилиндрической формы (рис. 2: 11). В сечении – овал. Тесто – с примесью мелкого песка. Край поделки прямой, образован защипом, противоположный конец обломан. Поверхность заглажена небрежно. Одна из сторон, по-видимому, подвергалась нагреву, имеет серый золистый цвет со следами копоти, на ней зафиксирована одинарная насечка. Размеры: 2,5×1,5 см. Найден у подошвы холма, глубина – -469 см (УВ-11).

21. Фрагмент глиняной поделки в виде небольшого цилиндрика (рис. 2: 12). Тесто – с примесью мелкого песка, хорошо промешано, поверхность заглажена, покрыта известковым налётом. Размеры сохранившейся части: длина – 2,1 см, ширина – 1,1 см. Найден на холме, глубина – -297 см (УВ-06).

22. Фрагмент объёмной глиняной поделки в виде уплощённого, слегка скрученного цилиндрика эсвидной формы (рис. 2: 9). Оба загнутых внутрь конца обломаны, также отсутствует продольная часть поделки. Тесто – с примесью шамота, плохо промешано, на поверхности – известковый налёт. Сохранившаяся часть заглажена небрежно. Размеры: 3,5×1,5 см. Найден у подошвы холма, глубина – -482 см (УВ-11).

23. Фрагмент поделки цилиндрической формы с округлым концом (рис. 2: 7). Тесто – с примесью мелкого песка, хорошо промешано, на поверхности поделки и в изломе – известковый налёт. Размеры – 2,4×0,9 см. Найден на холме, глубина – -135 см, вместе с глиняным эллипсоидом (УВ-06).

24. Фрагмент объёмной поделки цилиндрической, слегка уплощённой формы с загнутым концом и, возможно, “носиком” (рис. 2: 2). Тесто – с примесью мелкого песка, хорошо промешано, поверхность тщательно заглажена, на сколе фиксируются следы белой глины. Видны отпечатки пальцев. Размеры сохранившейся части – 4×1,9 см. Найден на холме, глубина – -334 см, в слое коричневой супеси (УВ-06).

25. Фрагмент глиняного изделия уплощённо-цилиндрической формы с загнутым “носиком” (рис. 2: 6). Тесто – с примесью песка, промешано небрежно, поверхность плохо заглажена. На “шейке” – четыре косые насечки, сзади – прочерченный одинарный зигзаг, на “затылке” – трещина. Верхняя часть поделки покрыта охрой. Размеры: длина – 3,5, длина шейки – 2, ширина шейки – 1,5, ширина верхней части – 2 см. Найден на склоне холма, рядом с прокалами, глубина – -306 см (УВ-06).

26. Фрагмент глиняной скульптурки цилиндрической формы (нижняя часть). Тесто – с примесью мелкого песка. Окрашен охрой и орнаментирован двумя параллельными наклонными резными линиями (рис. 3: 5). Высота сохранившейся части – 2,0 см. Найден на холме в кв. Б 5, глубина – -478 см (УВ-05).

Орнитоморфные головки и скульптурки птиц

27. Фрагмент объёмной глиняной скульптурки (рис. 3: 3) – стилизованная голова птички (возможно, рукоять сосуда). Тесто – с примесью мелкого песка. Клюв передан лёгким защипом, глаза не обозначены, длинная шея расширяется и уплощается книзу. На груди – орнамент в виде трёх вертикальных параллельных слабо прочерченных линий. На спине – небольшое углубление – начало ладьевидного сосуда (?). Размеры: длина – 4,7, длина головки – 2,7, длина шеи – 3 см. На изломе – мелкие включения белого цвета. Найден на холме, глубина – -338 см (УВ-09).

28. Фрагмент объёмной глиняной скульптурки (рис. 2: 8) – голова орнитоморфа (?). Тесто – с примесью мелкого песка. Шея цилиндрической формы, слегка выгнутая. Головка небольшая, изготовлена методом вытяжки и слегка сплюснута сверху и сбоку, отчего профиль асимметричен (повернут вправо), клюв и глаза не выделены. Слом в нижней части шеи расположен спереди, справа под головкой, что позволяет предположить способ крепления скульптурки к ёмкости клювом внутрь. Размеры: длина – 2, длина шеи – 1,5, ширина головки – 1,2, диаметр шеи – 0,9 см. Найдена на холме, глубина – -389 см, над культовой канавкой, заполненной углём с прокалами, отделяющей жертвенное место – костнице с сатыгинской керамикой – от основной части холма (УВ-10).

29. Фрагмент объёмной глиняной фигурки (?) в виде профильного изображения водоплавающей птицы с длинной шеей (рис. 3: 1). Тесто – с примесью мелкого песка и дресвы. Поверхность заглажена небрежно. Фигурка обломана на макушке, в нижней части тулова и у хвоста. Шея вытянута в процессе сжатия пальцами верхней части (оттиски дух, возможно детских, пальцев). Размеры: длина фигурки – 5, длина шеи – 2,5, ширина сохранившейся части тулова – 3,4 см. Найдена на холме, глубина – -353 см (УВ-07).

30. Фрагмент глиняной поделки (рис. 3: 7) – скульптурка (голова птицы с характерным крючком в верхней части клюва, возможно, это изображение крохали или хищной птицы). Тесто – с примесью мелкого песка. Поверхность хорошо заглажена. Крючковатый клюв смоделирован защипом, профиль выглядит асимметричным (слегка повернут влево). Размеры: длина – 2,9, ширина на месте слома – 1,0 см. Фрагмент чёрного цвета (покрыт копотью?). Найден на холме при зачистке стенки (УВ-10).

31. Фрагмент глиняной поделки (голова птички) в виде уплощённого цилиндрика, расширяющегося книзу (рис. 3: 2). Тесто – с примесью мелкого песка, хорошо промешано, поверхность тщательно заглажена. Верхний конец слегка загнут. Голова смоделирована путём вытяжки вперёд и книзу и защипом с боковых сторон, клюв не обозначен. Голова асимметрична, слегка наклонена влево. На боковой стороне шеи слева – две

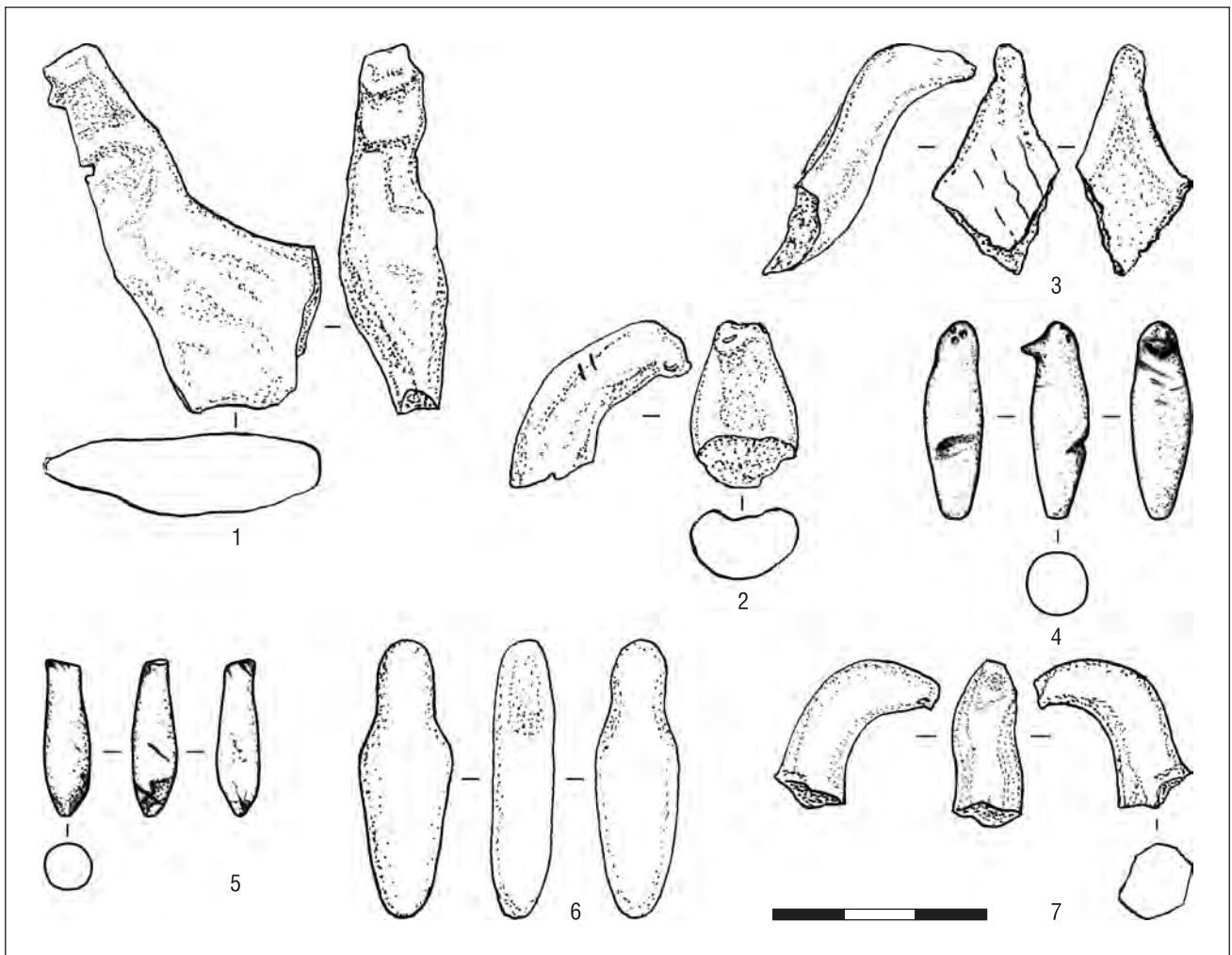

Рис. 3. Глиняная (1–5, 7) и каменная (6) пластика: 1, 2, 3, 7 – орнитоморфные головки и скульптурки птиц; 4 – полиэйконическая скульптурка; 5 – фигурка конусовидной формы (фрагмент); 6 – антропоморфная фигурка (галька)

параллельные короткие насечки. Размеры: длина – 3, ширина нижней части у слома – 1,7 см. Слом расположен спереди, под головкой, что позволяет предположить способ крепления скульптурки к ёмкости клювом внутрь (УВ-10).

32. Фрагмент средней части глиняной поделки – плоской спереди (сверху) и овальной (снизу) сзади (рис. 4: 2). Тесто – с примесью песка, хорошо отмучено. Поверхность тщательно заглажена и сильно заизвесткована. Орнамент в виде сплошных рядов мелких кольцевых вдавлений, нанесённых, вероятно, маленькой птичьей косточкой или обрезанным пером крупной птицы (гусь, лебедь), фиксируется на передней и двух боковых гранях. Размеры: длина сохранившейся части – от 1,5 до 2,5 см, ширина – 2,5 см. Найдена фигурка у подошвы холма, глубина – -441 см (УВ-11).

Антропоморфные фигурки

33. Удлиненная галька цилиндрической формы с округлыми концами (рис. 3: 6). В верхней части, вероятно шлифовкой, оформлены симметрично расположенные по краям выемки-плечики, так чтобы получилась фигурка «куколки». Размеры: длина – 4, ширина у плечиков – 1,1 см. Фигурка покрыта охрой. Найдена на холме, глубина – -310 см, у прокала (УВ-09).

34. Глиняная поделка в виде плоской овальной лепёшки с загнутыми к центру краями и удлинённым налёпом в центре (рис. 4: 3), отсутствует нижний край.³ Тесто – с примесью мелкого песка, с включениями

³ Отнесена к антропоморфным фигуркам условно.

мелких углей и белой глины, плохо промешано. Поверхность с обеих сторон небрежно заглажена. Размеры: длина – 4,9, ширина – 3 см. Найдена в нижних горизонтах холма на глубине -454 см в слое с белой глиной в жертвенном комплексе (костище) с сатыгинской керамикой (УВ-07).

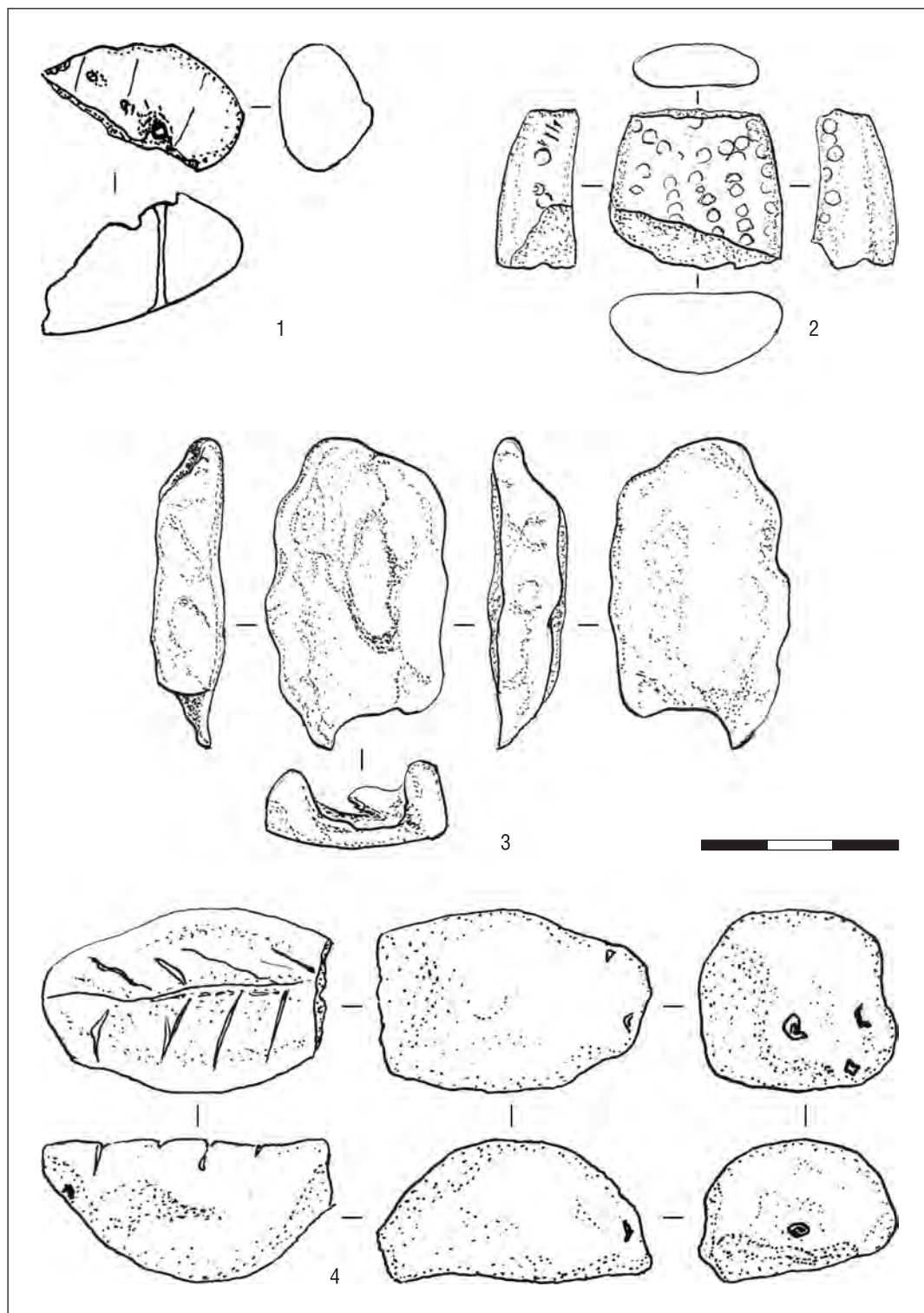

Рис. 4. Глиняная пластика: 1 – объёмная скульптурка: голова рыбы (фрагмент); 2 – фрагмент поделки; 3 – поделка в виде плоской лепёшки; 4 – полиэконическая фигурка (фрагмент)

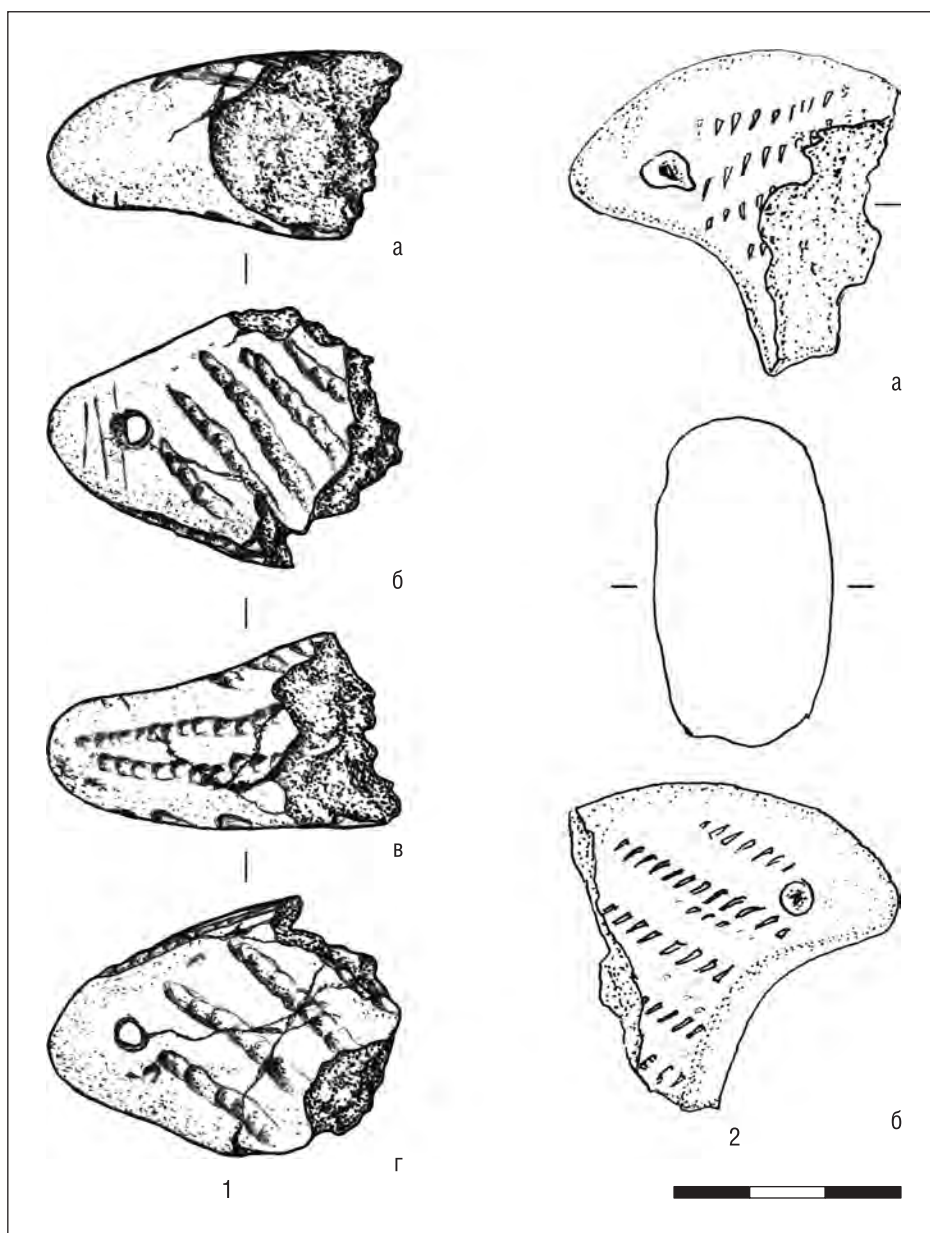

Рис. 5. Глиняная пластика: 1 – объёмная голова рыбы (фрагмент); 2 – объёмная голова орнитоморфа (фрагмент)

Рис. 6. Костяная накладка в виде передней части тела хищной рыбы (щуки?)

35. Фрагмент объёмной глиняной поделки конусовидной формы, со сквозным отверстием. Тесто хорошо промешано, поверхность тщательно заглажена. Орнамент на сохранившейся части – в виде неглубоких круглых ямочных вдавлений. Размеры сохранившейся части: 2,5×1,5 см. Найдена на холме, глубина – -103 см (УВ-10).

36. Фрагмент глиняной скульптурки – объёмного изображения головы рыбы (рис. 5: 1). Тесто – с примесью песка и мелкой дресвы. Глаза смоделированы сквозным отверстием. Край нижней части жаберных крышек изображён двумя прямыми линиями, нанесёнными в технике отступающей палочки. Голова (правая и левая стороны) орнаментирована косыми прочерченными линиями также в технике отступания. С левой стороны, у глаза, нанесена косая штриховка из тонких полос. Размеры: длина – 4,4, максимальная ширина – 3 см. Найдена на холме, глубина – -235 см, рядом с прокалом и фрагментом бересты (УВ-06).

37. Фрагмент глиняной эллипсоидной поделки со сквозным асимметричным отверстием (рис. 4: 1). Тесто – с примесью мелкого песка, хорошо отмучено, поверхность тщательно заглажена. Рядом с отверстием, на сохранившейся части изделия, нанесён орнамент в виде наколов. Перпендикулярно к наколам на значительном расстоянии друг от друга сделаны три неглубокие параллельные насечки. Размеры: длина – 3, максимальная ширина – 1,7 см. Найден на холме, под дёрном. Поделка аналогична объёмной голове рыбы (УВ-06).

38. Костяная изящная накладка, выполненная из мелкой трубчатой кости, с характерным изгибом в виде морды хищной рыбы (рис. 6). Гравировка – односторонняя, с изображением глаза (полулунное вдавление). Длинная продольная изогнутая линия разделяет поделку на две почти равные части. У края накладки фиксируются короткие наклонные отрезки, идущие вниз от продольной линии. Возможно, этим приёмом передана зубастая пасть хищной рыбы. Найдена у подошвы холма, глубина – -433 см. По степени сохранности кость может быть отнесена ко времени не позднее раннего железного века (УВ-06).

39. Фрагмент глиняной скульптурки – голова зооморфа/орнитоморфа (рис. 5: 2). Изделие изготовлено из хорошо отмученного теста с примесью шамота и дресвы. Цвет – желтовато-коричневый. Правый глаз – круглый, диаметром 0,5 см, высверлен до глубины 0,3 см. Левый глаз – овальный, размером 0,7 см, высверлен до глубины 0,35 см. Макушка и шея зооморфа/орнитоморфа – гладкие, без орнамента. Голова с двух сторон орнаментирована наклонными параллельными линиями, выполненными в технике отступления гребенчатым штампом с косыми прямоугольными зубцами. Левая сторона головы затёрта охрой. Размеры: длина – 4,5, высота – 4 см. Найден у подошвы холма, глубина – -433 см, выше на горизонт энеолитического погребения (УВ-11).

Полиэikonическая скульптура

40. Фрагмент объёмной полиэikonической глиняной фигурки, плоской сверху и овальной снизу. Конечная закруглена и слегка вытянута, второй отсутствует (рис. 4: 4). Тесто – с примесью песка, плохо промешано, поверхность – с известковым налётом. Фигурка орнаментирована по плоской стороне резными линиями в виде ёлочки. Орнаментированная поверхность закопчена. На противоположной выпуклой стороне у вытянутого конца сделаны два неглубоких симметричных относительно друг друга отверстия, передающих, возможно, глаза зооморфа. На противоположном конце у края сломы – подобное отверстие. Размеры: длина – 4, максимальная ширина – 2,2 см. Найден на холме на глубине -391 см (УВ-07).

41. Глиняная фигурка цилиндрической формы с округлыми концами (рис. 3: 4). Тесто – с примесью песка, хорошо отмучено. В верхней части – выступающий “нос”, оформленный защипом, под ним – три наклонно нанесённые неглубокие резные линии. На противоположной стороне (затылке) – три ямочных вдавления (личина?), ниже – продольная косая вмятина. Размеры: высота – 2,6 см. Найдена на холме, глубина – -88 см (УВ-2005).

Поделки в виде зубов/клыков животного

42. Плоская поделка прекрасной сохранности, напоминающая клык или коготь животного (рис. 2: 4). Тесто – с примесью мелкого песка, хорошо отмучено. Верхний конец “клыка” приострён и загнут, нижний – закруглён. Поверхность тщательно заглажена, по выпуклому внешнему краю – трудно различимая серия сдвоенных зарубок (всего 6, сгруппированы по 2). Размеры: длина – 3,7, максимальная ширина – 1,0 см. Найдена поделка на холме, глубина -300 см, в прокале (УВ-10).

43. Глиняная поделка в виде зуба животного (рис. 2: 3). Верхний конец приострён, нижний – более округлый. В верхней части поделки – выемка. Тесто – с примесью мелкого песка, хорошо отмучено, поверхность заглажена со всех сторон. Размеры: длина – 2,7, ширина – 0,8 см. Найдена на холме, глубина – -273 см, рядом с надмогильным сооружением над захоронением коня (УВ-06).

Итак, суммируем вышеизложенное.

Наличие на памятнике бесформенных изделий, иногда со следами сжатия пальцами, свидетельствует о том, что керамическое производство находилось на самом памятнике. Следы пальцев – это, вероятно, проба на пластичность глиняного теста. Логично предположить, что производство керамики относится к раннему этапу существования памятника – к неолитической стоянке. Но на холме найдены неолитические сосуды четырёх типов: сатыгинского, сумпаньинского, кокшаровско-юринского, фрагменты сосудов боборыкинского типа представлены в меньшем количестве. Структура теста неолитической керамики сумпаньинского типа и глиняных культовых изделий визуально отличается по плотности, пластичности, в некоторых случаях и по примесям. Вместе с тем на Усть-Вагильском холме известны несколько сосудов с налпами кокшаровско-юринского и сатыгинского типов [5, с. 141–149]. Кроме того, в коллекции присутствуют глиняные орнаменты вагильского типа керамики (финальный этап эпохи бронзы) и глиняная фигурка птицы, датируемая сер. I тыс. н.э. [1, с. 143, рис. 5: 4 а–г]. Возможно, фигурки, или часть из них, изготовлялась на памятнике в неолите. Часть фигурок относится к энеолиту стратиграфически и по орнаментации, вероятно, некоторая часть культовой пластики будет представлять финальный этап эпохи бронзы (вагильский тип), и уже опубликована орнитоморфная фигурка, предварительно датируемая сер. I тыс. н.э. [1, с. 143–144, рис. 5: 4 а–г].

Ко второму типу культовой пластики на памятнике относятся сфероиды и эллипсоиды в количестве 5 единиц – №№ 1–5 (рис. 1: 1, 8, 10). Все они найдены на холме. Глиняное тесто – с примесью мелкого песка, следы известкового налёта и охры не обнаружены. Локализируются эти находки на глубине от -120 до -340 см.

Размеры – 2–2,5 см, не превышают 3 сантиметра. Поделка № 3 найдена на глубине -135 см, рядом с остатками нижней части берестяного короба [6, с. 19].

На Урале подобные находки (шарики) встречены в пещерах Игнatieвская на Южном Урале [7, с. 138–139], Шайтанская (Костлявая) на Северном Урале [8, с. 349], Туристов на р. Чусовой, а также в культовом центре на Шайтанском озере на Среднем Урале [9, с. 110]. Исследователи датируют такие изделия от палеолита (В.Т. Петрин), энеолита (Ю.Б. Сериков) до позднего этапа эпохи бронзы (С.Е. Чаиркин). Необходимо отметить, что изделия этой категории найдены на культовых местах.

Анализ стратиграфии памятника, состава теста поделок, отсутствие известкового налёта и следов белой глины позволяют предположить время бытования сфероидов и эллипсоидов на Усть-Вагильском холме в границах позднебронзового периода – раннего железного века (кон. II тыс. до н.э. – VII в. до н.э. – III в. н.э.).

Одиннадцать круглых и овальных глиняных изделий с плоским основанием и выпуклой поверхностью («фишки») были найдены на холме на глубине от -235 до -459 см. Часть из них по форме и размерам близки к овальным подвескам из камня или кости, широко распространённым по Уралу в конце неолита – энеолите [10, с. 51, рис. 4]. Две керамические подвески были найдены на Усть-Вагильском холме в 2007 и 2009 гг. Отличие «фишек» (№№ 7, 11, 12) от истинных подвесок – в отсутствии отверстия для подвешивания, более объёмной форме, наличии отпечатков травы, древесной щепы, включении угля в глиняное тесто. Из общего ряда выделяется поделка № 9 (рис. 1: 3) с зацепом на поверхности, найденная рядом с прокалом, на глубине -347 см, а также «фишка» № 13 (рис. 1: 4) со сквозным отверстием по поперечной оси. «Фишка» № 15 окрашена сверху охрой. Две поделки – №№ 14, 16 (рис. 1: 6, 7) – относятся к раннему этапу функционирования холма – жертвенному костыщу с керамикой сатыгинского типа. Одна из них (№ 16) найдена в заполнении канавки в углистом слое с проколами, дугой отсекающей костыще от центра холма, а вторая (№ 14) – непосредственно в слое с белой глиной и скоплением костей. Три подквадратной формы накола на основании «фишки», сделанные острым орудием, схематически передают изображение личины (зверь? человека?). На основании стратиграфических данных Усть-Вагильского холма по крайней мере часть круглых и овальных глиняных изделий «фишек» можно соотносить с керамикой сатыгинского типа, датируемой по жертвенному месту в основании холма ранним неолитом.

Одиннадцать глиняных фигурок цилиндрической и/или конусовидной формы с прямыми или загнутыми концами по размерам можно разделить на малые (2–2,7 см) и большие (3–3,5, до 4,0 см). По форме они подразделяются на прямые (рис. 3: 5), с загнутыми (рис. 2: 1), плоскими (рис. 2: 11, 12) или приострѐнными (рис. 2: 1; 3: 5) концами. Часть из них имеет слабовыраженную головку (рис. 2: 5), вытянутый “нос/мордочку” (рис. 2: 6). На двух поделках фиксируются следы охры (рис. 2: 6, 10). Семь поделок этой категории найдены на холме – №№ 19, 21, 23, 24, 25, 26 (рис. 2: 6, 7, 10, 12; 3: 5), четыре – у подножия холма: №№ 17, 20, 22, 18 (рис. 2: 1, 9, 11). Две из последних имеют известковый налёт (№№ 17, 22), из них одна (№ 22) обнаружена в слое, на глубине -482 см, вторая (№ 17) – в переотложенном слое.

Три фигурки с холма (№№ 21, 23, 24) также имеют известковый налёт, но, судя по глубине залегания (от -135 до -334 см), находились в переотложенном слое.

Поделка № 18 была найдена у подошвы холма, рядом с энеолитическим погребением. Поделка № 19 обнаружена на холме, рядом с надмогильным захоронением коня (возможно, в переотложенном слое). Поделка № 25 – на холме, на глубине -306 см, рядом с прокалом. Из представленных на холме фигурок этого типа две (рис. 3: 4, 5) могут быть сопоставимы с глиняными скульптурными изображениями Восточной Европы, относящимися к энеолиту [11, с. 23; 5, с. 148–149]. Стратиграфические данные о большой глубине залегания у подошвы холма и наличие известкового налёта не исключают и более ранний возраст некоторых фигурок.

Орнитоморфные поделки представляют собой фрагменты головок птиц – 4 единицы: №№ 27, 28, 30, 31 (рис. 2: 8; 3: 2, 3, 7), часть туловища с шейей: № 29 (рис. 3: 1) и, условно, часть туловища: № 32 (рис. 4: 2). Фрагмент поделки № 32 найден в раскопе у подошвы холма, на глубине -441 см, недалеко от энеолитического погребения. Он покрыт известковым налётом. Остальные поделки обнаружены на холме на глубинах от -330 до -380 см. Фрагмент головки № 28 найден над культовой канавкой, в заполнении которой фиксируются углистые плашки и прокалы, отделяющей жертвенное место – костыще с сатыгинской керамикой. Эта категория изделий имеет аналоги на археологических памятниках Урала, торфяниковых стоянках Карелии и Центральной России [12, с. 36–45; 13, с. 216; 14, с. 38–43].

К антропоморфным фигуркам, возможно, относится поделка, выполненная из удлинѐнной гальки и окрашенная охрой, найденная у прокала на глубине -310 см (№ 33 – рис. 3: 6). Ещё одна глиняная полиэконическая фигурка – № 40 (рис. 3: 4) – имеет личину (три ямочных вдавления) с одной стороны и выступающий “нос/клюв” – с другой. Обе фигурки найдены на холме в верхних слоях, глиняная, вероятно, – в переотложенном.

К условно-антропоморфным я отношу глиняную поделку № 34 (рис. 4: 3). Это – изделие в виде плоской овальной лепѐшки с загнутыми к центру краями, с удлинѐнным налёпом/валиком в центре вогнутой поверхности. Поделка сохранилась полностью, отломан лишь самый кончик нижнего края. Предположительно это изображение женского знака (вульвы). Найдено в нижних горизонтах холма на глубине -454 см в слое с белой глиной в жертвенном комплексе (костыще) с сатыгинской керамикой.

К ихтиоморфным фигуркам относятся четыре поделки (№№ 35, 36, 37, 38), три из них – глиняные объёмные изображения головы рыбы (рис. 5: 1; 4: 1), четвёртая – костяная плоская накладка (?) в виде передней части тела хищной рыбы (щуки?) (рис. 6). Две глиняные поделки найдены на холме: № 36 – рядом с прокалом и фрагментами бересты, № 37, – вероятно, в переотложенном слое, под дёрном.

Ещё одна объёмная глиняная головка (фрагмент) – № 39 (рис. 5: 2). Определить её прототип сложно; по расположению глаз и положению шеи фигурка ближе к орнитоморфам, клюв не выражен. Найдена у подошвы холма на глубине -433 см, в квадрате с энеолитическим погребением, выше на горизонт от самого погребения. Головка покрыта оттисками гребенчатого штампа с косыми зубцами. Аналогичный орнамент встречается на энеолитических сосудах с Усть-Вагильского холма [15, с. 95, рис. 3: 2, 3].

К полиэконическим скульптуркам отнесены две поделки: № 41 (рис. 3: 4) и № 40 (рис. 4: 4). Обе найдены на холме. Фрагмент № 40, обнаруженный на глубине -391 см, покрыт известковым налётом. Возможно, фрагмент представляет собой часть тела водоплавающей птицы с плоской прямой спиной и массивной округлой нижней частью тулова. Шея и голова отсутствуют. Орнамент на поверхности – в виде ёлочка. Обратная сторона поделки – без орнамента, имеет на противоположном от слома конце два симметричных отверстия. Глубина залегания находки и известковый налёт позволяют предположить ранний возраст этой скульптурки (неолит – энеолит).

В верхних слоях памятника найдены две поделки – имитация клыка/когтя и зуба животного (рис. 2: 3, 4). Эти предметы, вероятно, могут быть датированы не ранее начала железного века, так же как и костяная накладка с гравировкой (рис. 6).

Объём статьи не позволяет опубликовать всю культовую пластику с Усть-Вагильского холма, часть материалов будет представлена в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Панина С.Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. № 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.
2. Панина С.Н. Фрагмент сакрального пространства эпохи неолита Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // III САК: тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010.
3. Панина С.Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма – культового места эпохи неолита – железного века в лесном Зауралье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
4. Сериков Ю.Б. Глиняная пластика Урала в эпоху неолита – бронзы // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2007.
5. Панина С.Н. Рельефные и графические изображения личин под венчиками сосудов эпохи неолита Усть-Вагильского холма // Вопросы археологии Урала. № 26. Екатеринбург; Сургут, 2011.
6. Панина С.Н. Отчет о полевых исследованиях 2006 года на Усть-Вагильском холме, левый берег р. Тавда, Гаринский район Свердловской области. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1.
7. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
8. Чаиркин С.Е. Пещеры Урала: общий обзор // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
9. Сериков Ю.Б. Культурный памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2004.
10. Сериков Ю.Б. Украшения населения Урала в каменном веке // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013.
11. Кашина Е.А. Антропоморфные изображения из глины в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы // РА. 2004. № 3.
12. Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. Вып. 131. 1972.
13. Журавлев А.П. Глиняная фигурка водоплавающей птицы на стоянке Илекса I // СА. 1982. № 2.
14. Уткин А.В., Костылёва Е.Л. Льяловская фигурка птицы из глины с Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
15. Панина С.Н. Гребенчатый комплекс керамики эпохи энеолита Усть-Вагильского холма // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2011.

*Свердловский областной краеведческий музей,
Екатеринбург*

S.N. Panina

CULT PLASTICS FROM EXCAVATION OF THE UST'-VAGIL'SKY HILL

Summary

The article describes clay plastics from excavations of the Ust'-Vagil'sky hill – a multilayered cult monument which appeared in the Neolithic (the VI–IV millenium BC) and functioned till the X–XIII centuries AD (the Late Iron Age). Forty one artifact from the presented amount of items are published for the first time. Protecting excavations at the monument allowed for comparing a part of the finds with chronological stages and separate sanctuary and funeral complexes of the hill.

*The Sverdlovsk Regional Local Museum,
46, Malysheva St., Ekatherinburg, 620014,
Russia*

E-mail: snpanina@yandex.ru

Ю.Б. Сериков

ОБ ОДНОМ ИЗ ПРИЗНАКОВ СТАТУСНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Изготовление отверстий на территории Урала применялось уже в начале верхнего палеолита. На стоянке Заозерье (Средний Урал, р. Чусовая, 33–31 тыс. лет назад) имеются две раковины и бусина из окаменевшего стебля морской лилии с просверлёнными отверстиями. Сверлённые подвески и бусы из камня, зубов животных, раковин и бивня мамонта найдены уже в целом ряде верхнепалеолитических комплексов Южного и Среднего Урала (на стоянках Гаринской и Талицкого; в пещерах Байсланташ, Бобылёк, Игнатьевской, Каповой, Смеловской II, Туристов) [1, с. 45–60].

В последующие эпохи проделывание отверстий широко применялось прежде всего для изготовления разного рода украшений: подвесок, бляшек, пронизок и бус. С появлением керамики отверстия служили для ремонта сосудов и изготовления пряслиц. Технология проделывания отверстий отличалась разнообразием. В основном отверстия изготавливались при помощи сверления: одноручного, лучкового или дискового. На костях и раковинах отверстия пробивались или продавливались. Отверстия на зубах животных изредка прорезались или процарапывались каменным ножом (резцом). Иногда при помощи сверления наносились глухие (несквозные) отверстия.

Обычно все сверлённые изделия имеют небольшой диаметр отверстий: у украшений от 0,2 до 0,5 см, у пряслиц – до 0,7–0,8 см. Изделия с отверстиями большого диаметра (от 1,5 см и больше) на территории Урала встречаются достаточно редко. Датируются они в широком хронологическом диапазоне от неолита до бронзового века.

Наиболее выразительными изделиями этой группы являются фигурные молоты в виде голов животных. Только один молот с Кокшаровского холма найден в процессе раскопок, все остальные являются случайными находками на памятниках и вне их. Самые ранние из них происходят с неолитических памятников.

На неолитической стоянке Евстюниха I (черта г. Нижний Тагил) обнаружен небольшой молот длиной 8 см, изготовленный из зеленоватого талька с примесью змеевика в виде головы лося. Изображение отличается реалистичностью: подчёркнут горбатый нос с ноздрями и толстая отвисшая губа. Глаз обведён тонкой кольцевой канавкой. На затылке присутствует небольшой отросток, вероятно остатки утраченных ушей. По центру изделия проходит отверстие длиной 4,2 см в форме усечённого конуса. В верхней части оно имеет диаметр 1,4 см, в нижней – 1,8 см (рис. 1: 1). Вся поверхность молота хорошо отшлифована и тщательно зашпательна [2, с. 189].

Молот с Кокшаровского холма – культового неолитического памятника (Верхнесалдинский район Свердловской области) – имеет форму неправильного овала диаметром 8,8–9,9 см. Изделие изображает животное с округлой плоской головой (по мнению В.И. Мошинской, – медведя) [3, с. 63]. Небольшой прорезью обозначен разрез пасти. На верхней части молота небольшими округлыми выступами показаны глаза и уши. Нос, глаза и уши животного соединены резной волнистой линией. Толщина молота в месте сверления – 3,7 см. Просверлённое отверстие также имеет форму усечённого конуса. Его диаметр 2,5 см в нижней части изделия и 1,9 см – в верхней. От сверлины к носу и глазам идут прорезанные прямые линии. Изготовлен молот из мягкой хлоритизированной породы. Плоская круглая голова и маленькие округлые ушки позволяют видеть в данной скульптуре голову бобра (рис. 1: 2) [4, с. 129].

Молот в виде головы белки найден в окрестностях г. Нижняя Тура (Свердловская область). Изготовлен он из талька коричнево-серого цвета. Высота фигуры 10,7 см, диаметр основания 5 см. Глаза на мордочке выполнены в виде неглубоких сверлин. Рот показан сквозным отверстием, которое проделано через кончик носа. Прижатые друг к другу уши оформлены в виде треугольного выступа. Через голову и шею проходит отверстие, выполненное в технике встречного сверления. В нижней части молота его диаметр составляет 2,5 см, в верхней – 2 см. В месте соединения сверлин диаметр равен 1,4 см. Изделие оформлено различными декоративными элементами. От сверлины к носу идёт прямая резная линия, заканчивающаяся коротким перпендикулярным к ней отрезком. Такая же прямая линия, но без отрезка прорезана по основанию молота и за ушами животного. Под подбородком просматриваются резные линии. По ребру, расположенному с обратной стороны скульптуры, нанесены короткие, но глубокие насечки – от 18 до 20 штук (рис. 1: 6). Большой интерес представляет факт окрашивания фигуры. Дугообразные линии красновато-коричневой краски прослеживаются на голове и по всей шее [5, с. 256–257].

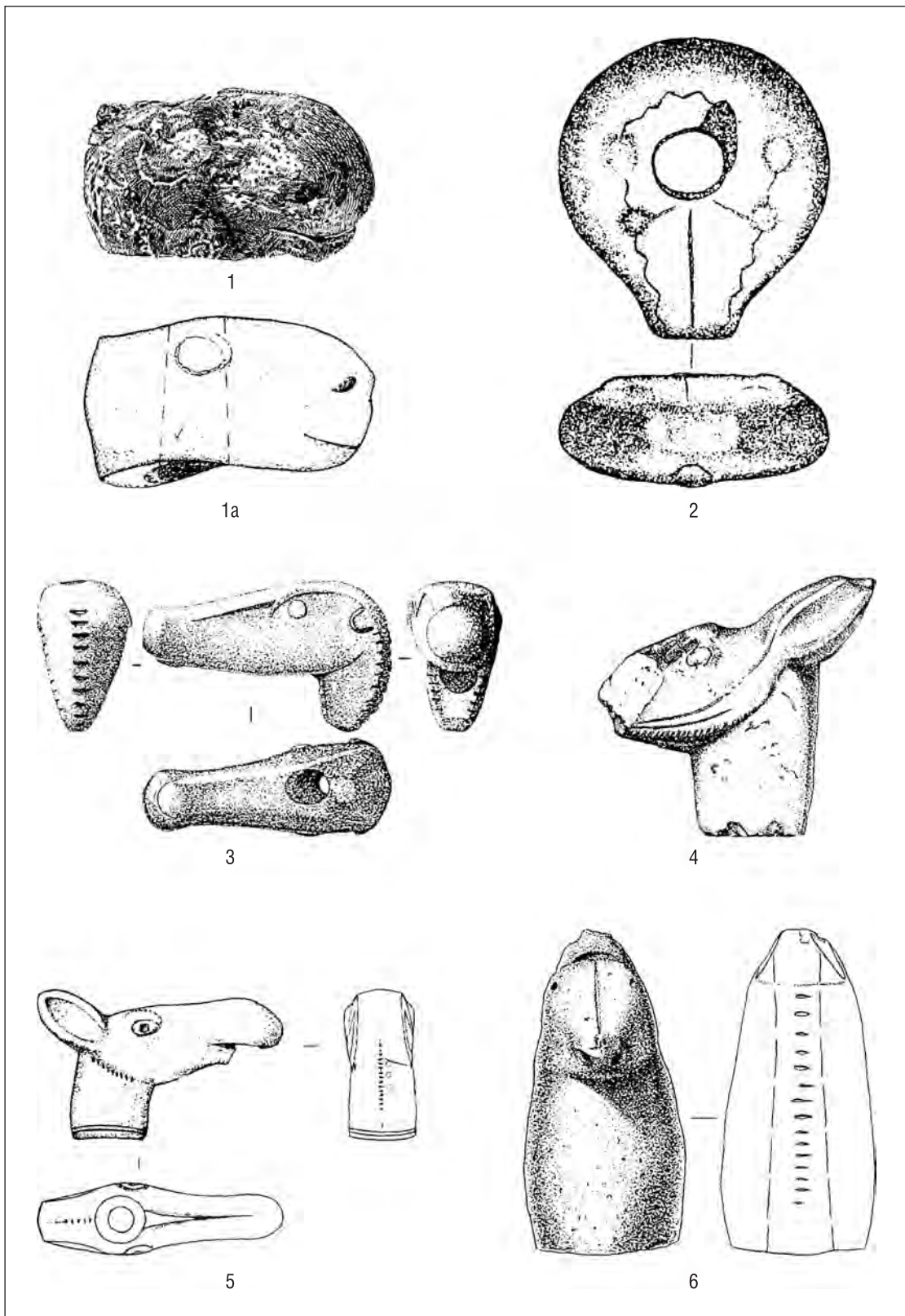

Рис. 1. Фигурные молоты: 1 – Евстюниха I; 2 – Кокшаровский холм; 3 – окрестности Новоорска; 4 – окрестности Байгильдино; 5 – окрестности Фершенпенуза; 6 – окрестности Нижней Туры

Молот в виде головы зайца (или лошади?) – случайная находка у с. Байгильдино (Иглинский район Башкортостана). Высота молота от основания до кончика ушей – около 13,5 см. Длина – неизвестна, так как лицевая часть морды животного отсутствует. По бокам нижней челюсти прорезаны две глубокие линии, которые доходят до кончиков ушей. Глаза показаны округлыми кольцевыми прорезами. Края нижних челюстей орнаментированы рядами коротких, расположенных слегка наклонно насечек. Отверстие сверлилось с двух сторон сквозь шею животного. Его диаметр вверху 2,2 см, внизу – 2,75 см. Снизу сверлом было пройдено 8 см, сверху – 1,55 см (рис. 1: 4). Место соединения сверлин в виде узкой перегородки было подработано узким металлическим орудием [5, с. 258–259].

С территории Башкортостана происходит ещё один фигурный молот, найденный на р. Белой в Кушнаренковском районе. Его длина 9,7 см, ширина 7 см и толщина 5 см. Изделие обработано пикетажем с последующим заглаживанием абразивом. Молот выполнен в виде головы животного с вытянутой мордой, выпуклыми круглыми глазами и слабо выраженными ушами. Возможно, он изображает голову бобра. В центре молота встречным сверлением проделано биконическое отверстие. Его диаметр 3 и 2,8 см по краям и 1,7 см в центре (рис. 4: 5) [6, с. 161–162].

Молот в виде головы лося обнаружен у д. Фершенпенуаз (Нагайбацкий район Челябинской области). Скульптура имеет длину 15 см, высоту 9 см, ширину 4,5 см. Как и в других скульптурах, глубокой резьбой показана линия пасти, глаза обведены резными овалами. По задней стороне шеи животного фиксируется вертикальный ряд из коротких насечек. Вдоль этого ряда, справа от него на шею нанесены три резные окружности диаметром 0,4–0,6 см. Такие же короткие насечки (9) вырезаны по линиям, которые очерчивают границы морды при переходе к шее. На основании молота вокруг шеи прорезаны две круговые линии. Отверстие проделано методом встречного сверления. Его диаметр вверху 3 см, внизу – 2,6 см (рис. 1: 5) [5, с. 260–261].

Молот в виде головы лошади из Оренбургского областного краеведческого музея найден около железнодорожной станции Новоорск (Оренбургская область). Он представляет собой изящную и сложно моделированную скульптуру длиной около 12 см и высотой 7,3 см. Клиновидная шея животного имеет пятиугольное сечение. По всем граням шеи располагаются вертикальные ряды из коротких горизонтальных насечек. Количество их разное. На грани в задней поверхности шеи – 9 насечек, по боковым граням с внешней стороны – по 11, по граням с внутренней стороны – по 5. Кроме этого две резные линии очерчивают морду лося по бокам по всему её периметру. Конической формы отверстие проделано не через шею животного, а через голову и проходит слегка наискосок от горла к макушке. Сверлили молот снизу, диаметр отверстия внизу 1,9 см, вверху – 1,3 см (рис. 1: 3) [5, с. 262–263].

Миниатюрное фигурное навершие из талька обнаружено в размыве стоянки Малый Липовый VI на небольшом острове Аргаяшского водохранилища (Аргаяшский район Челябинской области). Его длина 5,2 см, ширина 2,8 см, высота 1,7 см. Вырезано оно в виде головки лося или лошади. Пасть животного передана глубоко врезанной линией. Биконическое отверстие в центре скульптуры имеет внешний диаметр 1,2 см, внутренний – 0,6 см. От сверлины по верхней части головы идёт слегка изогнутая резная черта (рис. 2: 4) [7, с. 257].

Незаконченный фигурный молот из старых поступлений хранится в Свердловском областном краеведческом музее. Он имеет Г-образную форму, высота и длина – 11 см. На одной из боковых сторон сохранился нанесённый тёмно-коричневой краской круг диаметром 1 см. На одной половине изделия присутствует незаконченное отверстие. Сверлили его с двух сторон навстречу друг другу. На верхней стороне сохранилась глухая сверлина диаметром 1 см и глубиной всего 0,4 см. Сверлина на нижней стороне имеет диаметр 2,3 см и глубину 3 см. Отверстие не было завершено, так как древний мастер не смог точно совместить направление двух сверлин [5, с. 264].

Представляет интерес единственный фигурный молот, выполненный из рога лося, с Шигирского торфяника. Это самый крупный из всех известных фигурных молотов. Его длина достигает 23,2 см, ширина – 5,4 см. Отверстие в расширенной части молота имеет диаметр снизу 2,3 см, сверху – 2 см. В верхней части отверстие пытались увеличить путём подрезания. На удлинённой части молота два намеченных бугорка передают глаза, пасть почти во всю длину морды полураскрыта, зарубки по краю ротового отверстия обозначают зубы. Морда животного сверху украшена поперечными нарезками, а снизу – резными линиями (рис. 2: 1). По мнению Д.Н. Эдинга, молот изображает какое-то фантастическое животное [8, с. 60–61]. Но есть и другое предположение: на основании мифологических представлений сибирских народов фигурный молот может быть изображением мамонта-щуки [9, с. 170–171].

По всей видимости, близко к фигурным молотам по утилитарному назначению и сакральному использованию стояли и каменные булавы.

Уникальным является навершие булавы в виде хрустального шара, обнаруженное в одном из кизильских курганов бронзового века (Кизильский район Челябинская область). Оно отшлифовано, но не отполировано. При направленном освещении шар аккумулирует свет и сверкает. Навершие обнаружено в одном из погребений бронзового века. Оно лежал у основания грудной клетки погребённого. Шар имеет форму одноосного эллипсоида диаметром 5,7 см. Его высота составляет 3,5–3,8 см. В центре шара проделано сквозное коническое отверстие диаметром в широкой части 1,9 см, в узкой – 1,1 см (рис. 2: 2). По мнению автора раскопок В.С. Стоколоса, шар служил навершием булавы. Академик Н.П. Юшкин считает, что эффективное яркое сияние шара может свидетельствовать о его ритуальном назначении. Он подчёркивает, что изготовление подобного шара требовало наличия больших прозрачных кристаллов хрусталя, которые встречаются довольно редко, а также большого умения и затрат труда [10, с. 76].

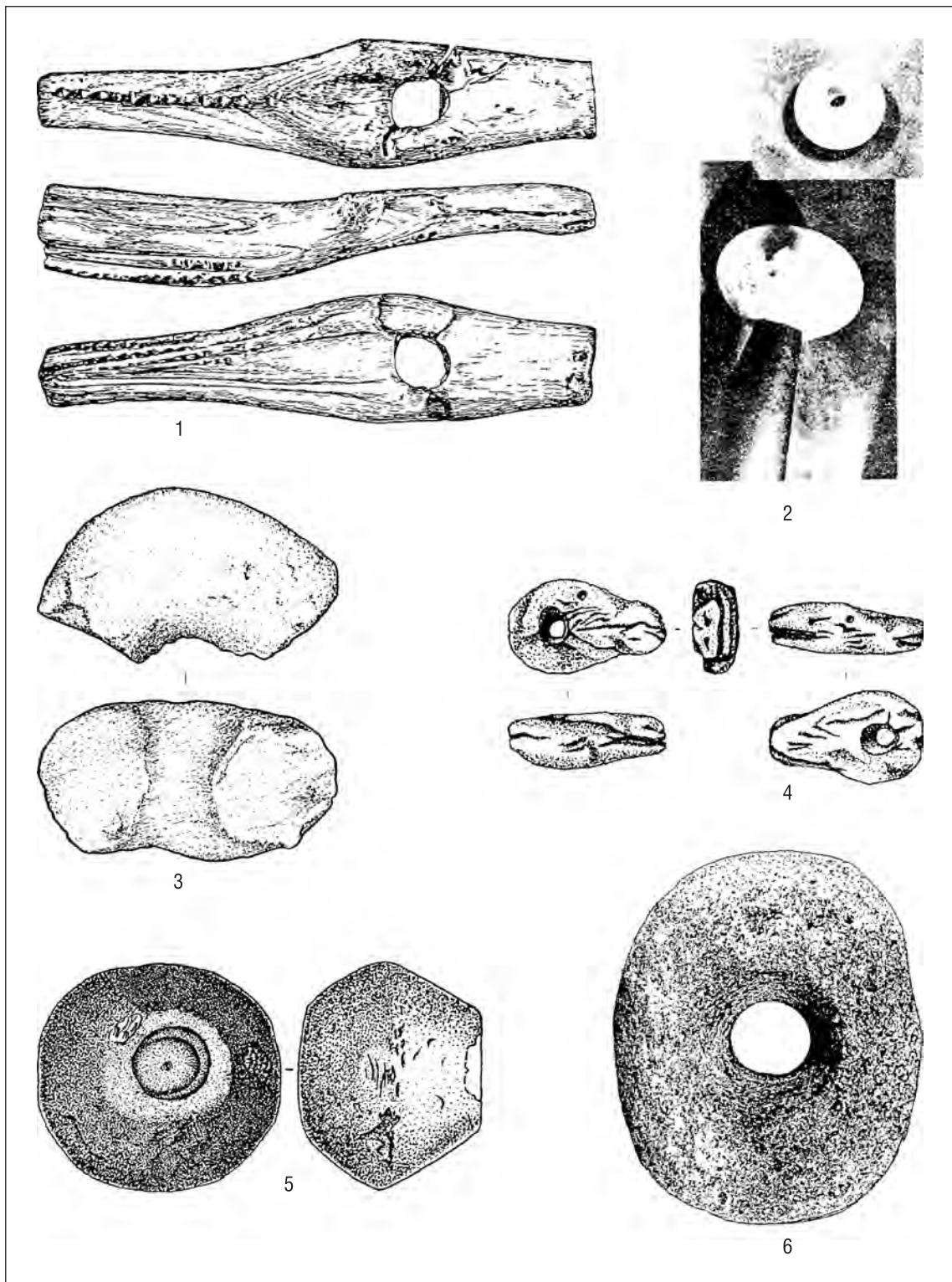

Рис. 2. Фигурные молоты (1, 4) и булавы (2-3, 5-6): 1 – Шигирский торфяник; 2 – Кизильское поселение; 3 – Усть-Вагильский холм; 4 – Малый Липовый VI; 5 – река Сундук; 6 – дно Шигирского озера

Также в погребении (могила 2, так называемое погребение литейщика) могильника бронзового века Сатыга XVI (озеро Сатыгинский Туман, Кондинский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) находилась сверлённая булава из крупной гальки кварцитопесчаника. Её размеры – 8,1×7,9×6,5 см. Отверстие диаметром 2,6 и 2,4 см проделано методом встречного сверления [11, с. 12, 49].

Необычное навершие найдено в составе большого клада, оставленного на краю могильной ямы, в которой было исследовано богатое погребение в лодке с носовой скульптурой, в могильнике Бузан 3 (Ялуторовский район Тюменской области) [12, с. 156]. Оно выглядело своеобразным «пирожком» с отверстием в центре. Длина навершия 5,8 см, ширина – 4,8 см, толщина – 3 см. На выпуклой стороне орудия были выгравированы ломаные линии и какие-то знаки. Изготовлено навершие, судя по цветной фотографии, из тёмно-красного мягкого пиррофиллитового сланца (шифера). В его центре каменным сверлом путём двустороннего сверления проделано отверстие. Диаметр отверстия сверху – 1,1 см, снизу – 1,3 см [13, с. 101–103].

Целая булава из гранодиорита (биотитового гранита) была найдена автором во время подводных археологических раскопок на дне Шигирского озера. Она представляет собой изделие овальной формы размерами 10,2×7,7 см при толщине 2,3 см. Поверхность булавы пришлифована. В её центре находится отверстие диаметром 1,9 см. Проделано оно каменным сверлом большого диаметра методом встречного сверления. Входной диаметр отверстия доходит до 3,5 см (рис. 2: 6).

Две расколотые каменные булавы найдены на культовом памятнике Усть-Вагильский холм (Гаринский район Свердловской области). Обе изготовлены из мелкозернистой породы (гранита?). От одной булавой сохранилась половина, от второй – треть. Их поверхности обработаны пикетажем с последующей грубой шлифовкой. Диаметры булав устанавливаются приблизительно: у одной – около 10,5 см, у второй – около 8,5 см. Толщина булав соответственно 3 и 3,6 см. Отверстия образованы встречным сверлением каменным сверлом. У первой булавой диаметр отверстия 2 см, у второй внешний диаметр 2,5 см, внутренний – 1,2 см (рис. 2: 3).

От булавой с Махтыльского холма (Гаринский район Свердловской области) сохранилось не более трети. Она выполнена из конкреции бурого железняка. Её диаметр – около 7,5 см, толщина – 5,5 см. Цилиндрическое отверстие диаметром 2,4 см получено сверлением полый костью.

Интересно отметить, что расколотая пополам булава, также из бурого железняка, залегала в энеолитическом погребении Глудунино-3 (Белозерский район Курганской области). Она находилась у правого бедра погребённого. Диаметр булавой – 8,6 см, толщина – 6,2 см. Отверстие также образовано встречным сверлением. Его диаметр с одной стороны 2,4 см, с другой – 1 см [14, с. 166–168].

Расколотые тальковые булавой найдены в культовом комплексе иткульской культуры на поселении Палатки II, на многослойном памятнике Шигирский Исток III и на южноуральской стоянке Карабалыкты VIII.

Любопытные сведения о расколотых булавах из дореволуционных раскопок приводит Е.М. Берс (она называет их полированными шарами). На горе Думной (г. Полевской Свердловской области) найдена «часть шара из слюдяного сланца с просверленным отверстием и шлифованной поверхностью». На другой горе – Адуи – в одной из расщелин вместе с медными антропоморфными и птицевидными идолами залегали «три обломка от шлифованного шара из зеленого камня диаметром около 8 см с высверленным отверстием». Ещё один обломок сверлённой булавой обнаружен на горе Толстик (окрестности Екатеринбурга) [15, с. 204, 209, 230]. Важно отметить, что все обломки булавой происходят с вершин гор и скал и связаны, безусловно, с древними святилищами.

В краеведческом областном музее в г. Екатеринбурге хранится случайная находка из разработок на р. Сундук в бывшем Орском уезде. Она названа «булавой из горного хрусталя в форме шара с незаконченным высверленным углублением». Шар имеет уплощённую форму. Большой диаметр шара – 5,5 см, малый – 3 см, высота – 4,2 см. Диаметр глухой сверлины – 2 см. Глубина сверления – 0,5 см (рис. 2: 5). Изделие обработано техникой пикетажа с последующей шлифовкой поверхности. На самом деле это не булава, а подпятник – орудие, служившее упором при добывании огня путём высверливания лучковым способом. В этом же музее хранятся ещё три подпятника со сверлинами диаметром 1,5–2 см, но выполненные из других минералов [16, с. 256]. Особенно интересен подпятник с могильника Тыня (Гаринский район Свердловской области) – он изготовлен в виде птицы. Это крупное изделие из талька длиной 17,4 см и шириной 11,7 см. На обеих плоскостях сделаны углубления диаметром до 2,5 см для вставления зажигательной палочки.

Возможно, по характеру сакрального назначения в один ряд с булавами следует поставить и крупные сверлённые диски.

Уникальный диск с гравировками обнаружен в окрестностях г. Нижнего Тагила, у пос. Антоновский (Свердловская область) [17, с. 31–33]. Он найден на склоне горы, где никаких следов археологического памятника не выявлено. Изделие имеет овальную форму, диаметр длинной оси 14 см, короткой – 11,8 см. Толщина диска – 1,5 см. Он изготовлен из мягкой породы типа хлоритизированного сланца. Все поверхности – лицевая, оборотная и ребро – тщательно отшлифованы. В центре изделия находится округлое отверстие диаметром 3,5–3,7 см. Оно образовано путём двустороннего пикетирования. По боковым граням диска с двух сторон металлическим орудием прорезаны крупные насечки. На лицевой стороне в одном горизонтальном поясе с отверстием по обе его стороны нанесены по три насечки, в верхнем полукружии расположены 29 насечек, в нижнем – 20. На оборотной поверхности по обе стороны отверстия нанесены 4 и 3 насечки, в верхнем полукружии – 28, в нижнем – 26. На ребре изделия присутствует орнамент в виде зигзагообразной линии. Такая же зигзагообразная линия (только сдвоенная) нанесена и на оборотной стороне. Она идёт по всему периметру диска вдоль орнаментированной насечками грани. Ниже зигзага, в централь-

ной части плоскости, располагается более сложный орнамент. Он состоит из тупых углов, соединённых между собой лучами. В одном месте, где лучи не соединяются, имеется разрыв. На вершине каждого угла (за исключением одного) присутствуют парные насечки. Таких углов всего 12. Вокруг отверстия в вертикальной и горизонтальной плоскостях нанесены длинные сдвоенные насечки.

На лицевой стороне изделия изображены два антропоморфных фантастических существа. Одно из них стоит, второе (по отношению к первому) лежит. У стоящего антропоморфа показаны голова, шея, руки, туловище, ноги и хвост. Голова состоит из ромба и двух углов под ним. Широкие плечи заканчиваются парными насечками, руки от плеч свисают вниз, они трёхпалые. От локтя левой руки горизонтально протянулся длинный шест (?), на котором через равные промежутки нанесены три пары насечек, обращённые вниз. На туловище восемь коротких рисок изображают, видимо, рёбра. Одна нога, как и руки, трёхпалая. Голова лежащего антропоморфа показана парными рисками, обращёнными в разные стороны. Плечи и руки у него точно такие же, как и у первой фигуры. На туловище нанесены семь насечек (рёбер), ноги не трёхпалые, хвост обозначен зигзагом (рис. 3: 1). Следует отметить, что все гравированные линии на лицевой и оборотной сторонах предмета выполнены каменным орудием.

Изучение поверхности изделия позволило выявить несколько участков со следами сильного или заметного залощения. Прежде всего, заметно залощён соединительный пояс, который всегда образуется при встречном оформлении отверстия. Характер сглаженности и особенности отверстия позволяют предполагать, что изделие служило навершием. Причём надевали его на шест лицевой стороной (с изображением фигур) вниз. Если бы навершие надевалось просто на деревянную основу, следы соприкосновения изделия с деревом дали бы зеркальную заполировку. Здесь же присутствует залощение поверхности, что свидетельствует о том, что между изделием и основой находился мягкий посредник. Отсюда вытекает, что прежде чем насадить навершие на деревянную основу, её обматывали тканью или (скорее) шкуркой животного. Это усиливало сцепление с основой, вследствие чего оно прочно насаживалось на шест. Сильно залощёнными оказались также и боковые грани изделия с нанесёнными на них насечками. Такое впечатление, что по ним водили пальцем при счёте. Особенно заметно залощены участки на оборотной стороне изделия напротив отверстия – там, где нанесены 4 и 3 насечки [4, с. 144–147].

Изображение обеих фигур настолько необычно, что их можно трактовать не только как ряженых людей (шаманов, колдунов), но и как пресмыкающихся (ящеров, ящериц). Отдалённое сходство данные изображения имеют с антропоморфными фигурами, вырезанными на обратной стороне Большого Шигирского идола. Отдельные элементы гравированных геометрических узоров хорошо представлены в орнаментах на костяных мезолитических наконечниках стрел. Это зигзагообразные линии, зигзаги, на вершинах углов которых присутствуют парные насечки, а также зигзаги из отрезков, перекрещивающихся друг с другом.

Учитывая количество насечек на гранях диска, можно предположить, что он являлся своеобразным календарём и служил для фиксации и определения некоторых астрономических явлений (начало сезонов и месяцев, лунных и солнечных затмений). Детальная расшифровка астрономических значений диска как древнего календаря приведена в работе А.А. Герасименко [18, с. 83–87].

Поскольку гравировки на диске выполнены каменным и металлическим орудиями, датировать изделие можно энеолитом. Косвенным свидетельством в пользу энеолитического возраста является и находка подобного диска с гравировкой в энеолитическом комплексе поселения Шувакиш I (озеро Шувакиш в окрестностях г. Екатеринбург) [19, с. 252].

Данный диск имеет неправильную округлую форму, диаметр 6–6,4 см и толщину до 1,4 см. В центре диска путём одностороннего сверления проделано отверстие диаметром 1,5 см. Одна из плоскостей и боковой край повреждены сколами. Противоположная плоскость ровная, на ней присутствуют следы пришлифовки. Именно на этой плоскости и выгравированы три неясные фигуры. Основу фигур составляет ромб. Н.М. Чаиркина считает, что на диске изображены рыбы, головы которых упираются в края сверлины, а хвосты касаются внешнего края диска. Короткими, отходящими под углом вниз линиями показаны брюшной и спинной плавники. По боковой поверхности сверлины к морде одной из рыб прорезаны две линии. По краю сверлины нанесены неглубокие поперечные насечки. Такие же насечки вырезаны и по краю лицевой поверхности диска (рис. 3: 3). Из-за поврежденной диска точное их количество устанавливается только на отдельных участках [20, с. 93].

По мнению автора, возможна и другая интерпретация выгравированных изображений. Если сверлину посчитать за голову, то упирающиеся в неё ромбы превращаются в туловище человека, линии, обозначающие плавники, – в руки, а незаконченные ромбы (хвосты) – в расставленные ноги. При такой интерпретации фигуры людей и насечки по краям сверлины и диска получают вполне объяснимую календарную символику, а оба перфорированных диска с гравировками можно рассматривать как полностью аналогичные изделия. К тому же во время выставки, приуроченной к семинару по проблемам изучения аятской культуры (Нижний Тагил, 2003 г.), выяснилось что оба диска – из Антоновска и Шувакиша – изготовлены из абсолютно идентичного материала.

Ещё два гравированных диска происходят из озёрных памятников Среднего Зауралья. Один из них найден на поселении эпохи бронзы Палатки II (окраина г. Екатеринбург), имеет овальную форму, размеры – 12×9,5×1,8 см. В центре диска просверлено отверстие. Внешний диаметр у него доходит до 3,2 см, внутренний – до 2,4 см. С обеих сторон диск покрыт сложным геометрическим орнаментом. От сверлины к краям диска попарно прорезаны четыре радиальные линии. Справа и слева от линий отходят короткие насечки, образующие с линиями своеобразные ёлочки. На участках поверхности, заключённых между парными ли-

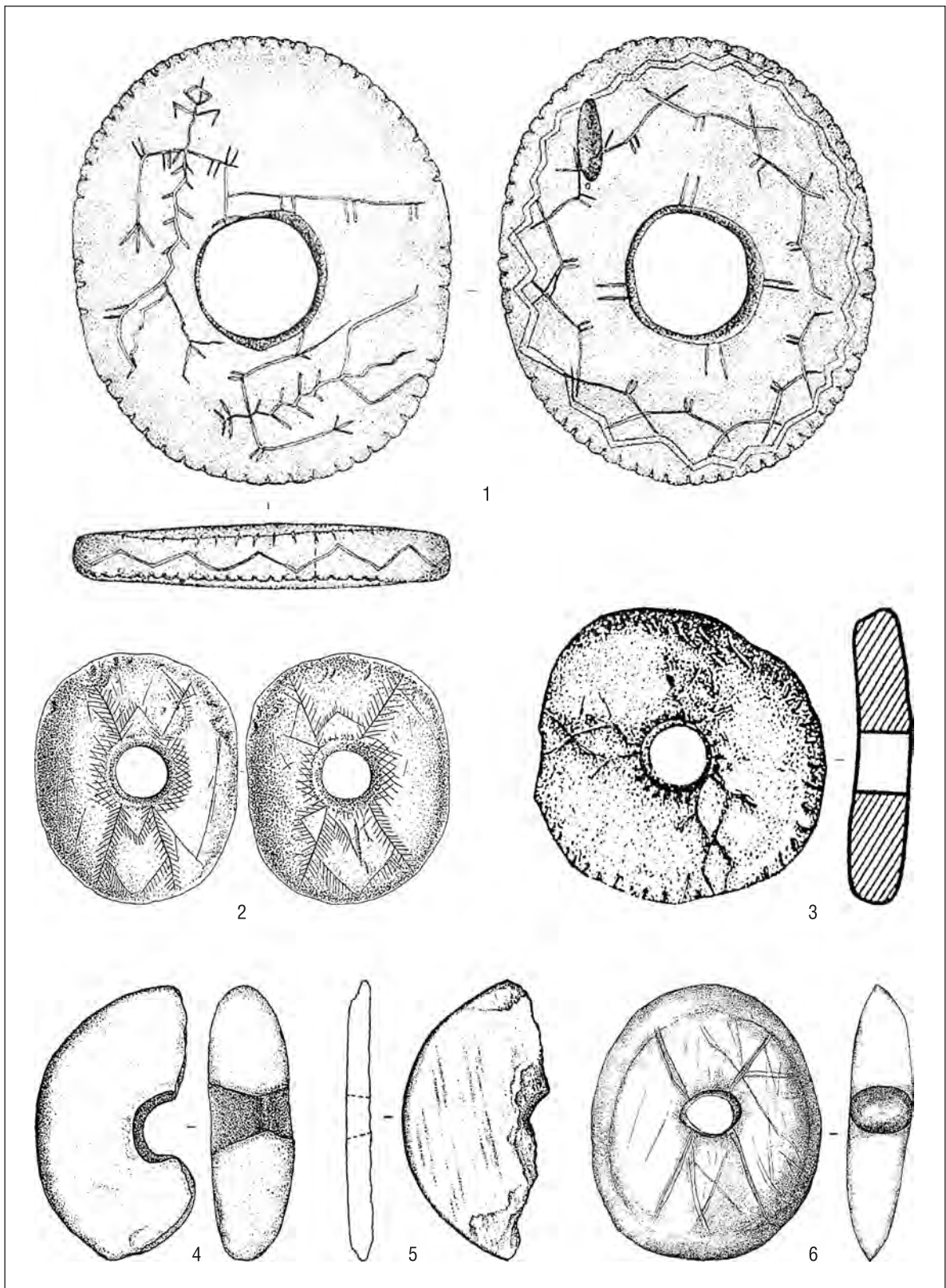

Рис. 3. Каменные диски: 1 – окрестности Антоновска; 2 – Палатки II; 3 – Шувакиш I; 4 – Шигирский торфяник; 5 – Шайтанский шихан; 6 – Аятское озеро

ниями, вырезано по одному или два угла, направленных вершинами от сверлины. Боковые стороны углов также украшены рисками. Увеличенные промежутки между парными линиями заполнены короткими штрихами, пересечения которых образуют вокруг сверлины многочисленные косые кресты. На одной из сторон орнамент усложняется добавлением к радиальным линиям резных треугольников. Внутри треугольников насечки, образующие ёлочки, отсутствуют, зато они переходят на стороны треугольников (рис. 3: 2). Диск явно использовался в культовых целях, гравировки на нём, по всей видимости, являются зашифрованной мифологемой. По мнению С.Н. Паниной, диск мог выполнять функции древнего промыслового календаря [21, с. 22]. В.Д. Викторова предлагает другую интерпретацию диска, связанную с удачей на рыбалке [22, с. 43].

Похожий диск с гравировкой найден во время разведки на Аятском озере (поселение Шайдуриха 33) [23, с. 24, рис. 147]. Он крупнее вышеописанного, имеет овальную форму, его размеры – 15,4×12,7×3,5 см. Отверстие – неправильной овальной формы, размерами 3,5×2,5 см. По-видимому, после сверления отверстие пытались расширить (или изменить его форму) путём прорезания. Гравировка на диске похожа на эскиз для диска с Палкино II: от сверлины идут парные радиальные линии, но сдвоенные и уже без насечек. Также в промежутке между двумя линиями, но только на одном участке вписан угол, очень острый. На обеих плоскостях присутствуют и другие гравированные линии и риски, которые не вписываются в орнаментальную схему (рис. 3: 6). Это ещё больше показывает незавершённость замысла гравировки.

Кроме крупных дисков, украшенных гравировками, известны диски меньшего размера без гравировок. Половина диска из зелёной породы (по всей видимости, из туфопорфирита) лежала в области шеи покойника в энеолитическом погребении на Аятском озере (Свердловская область). Диаметр диска – 8 см, толщина – 0,7 см. Поверхность диска была заполирована до блеска. В центре изделия находилось круглое отверстие диаметром около 1,5 см [24, с. 199].

Несколько дисков, также расколотых пополам, происходит с озёрных памятников Свердловской области. Изготовлены они из талька. Один диск найден на берегу Шигирского торфяника. Он расколот на две половинки. Диаметр диска – 9,2 см, толщина – 2,5 см. В центре диска проделано биконическое отверстие диаметром с одной стороны 2,5 см, с другой – 2 см. Внутренний диаметр в месте соединения сверлин составляет 1,2 см (рис. 3: 4) [25, с. 70]. Второй диск обнаружен на скальном святилище Шайтанский Шихан, расположенном на северном берегу Шайтанского озера. Он расколот не только поперёк на две части, но и вдоль. Диаметр диска – 8,5–9 см, реконструируемая толщина 1,3–1,5 см, диаметр отверстия – 1,6 см (рис. 3: 5) [26, с. 118–119]. Датировка обоих дисков не установлена. Они могут быть датированы в широком хронологическом диапазоне от энеолита (предпочтительно) до раннего железного века. Известны сверлённые тальковые диски диаметром 6–8 см, но диаметр отверстия у них меньше одного см (Балакино I, Палатки I). Поэтому в данной работе они не рассматриваются. Хотя, возможно, все эти диски являются изделиями одного круга.

Чрезвычайно интересными находками являются керамические изделия с отверстиями большого диаметра. Прежде всего, это два керамических диска-кольца с Кокшаровского холма. Одно из них сохранилось полностью, склеено из четырёх фрагментов. Диаметр кольца – 5,4–5,8 см. Диаметр внутреннего отверстия необычно большой и составляет 2,1–2,3 см. От второго кольца сохранилось несколько более трети. Диаметр изделия реконструируется в 5,5 см, а диаметр отверстия – около 1,5 см. Возможно, кольцо имело овальную форму, и отверстие располагалось ближе к одному из краёв. Оба кольца выточены из неорнаментированных стенок сосудов посредством продольной шлифовки. Внутреннее отверстие прорезано каменным орудием типа угла ножевидной пластины. Отверстие прорезали вручную с двух сторон, в результате наклона орудия на поверхности фрагмента керамики образовались две фаски шириной от 2 до 5 мм на лицевой поверхности и 6–10 мм на внутренней (рис. 4: 4). Соединение двух прорезей (фасок) образовало внутри кольца выступающий пояс, по которому идут следы какого-то использования. Они направлены перпендикулярно поверхности пояса и очень похожи на скребковые. Образовались они в результате ношения кольца или от какого-то вида работы – можно сказать только после детального трасологического исследования [27, с. 308].

Оригинальное изделие – каменный сверлённый молоток – найдено на садовом участке в д. Мурзинка (Невьянский район Свердловской области). В плане молоток имеет форму вытянутого ромба с закруглёнными углами. Его длина 16,4 см, ширина в средней части 5,8 см, толщина 3,9 см. В центре молотка методом встречного сверления проделано отверстие. Диаметр входного отверстия 3,7 см, диаметр в месте состыковки сверлин – 1,3 см (рис. 4: 1). Отверстие просверлено каменным сверлом, в месте сверления хорошо прослеживаются линейные следы в виде концентрических кругов. Изготовлено изделие из плотной породы типа диорита. Аналоги данного орудия неизвестны [28, с. 49].

Единичным изделием представлена просверлённая каменная кирка, найденная в землянке на энеолитическом поселении Калмацкий Брод (пос. Гать Свердловской области). Раскопки памятника проходили в 1931–1932, 1934 гг., коллекция находок хранится в ГИМе. К сожалению, подробной публикации памятника не было, поэтому привести параметры изделия (размеры, диаметр отверстия) пока невозможно. На приведённой в единственной публикации фотографии видно, что кирка представляет собой массивное и длинное (порядка 20 см) изделие с заострёнными концами, посередине которого просверлено круглое отверстие большого диаметра. Из краткого описания следует, что отверстие просверлено с двух сторон не полым, а массивным сверлом [29, с. 16–17].

На поселении бронзового века Коркино I (территория г. Коркино-Еманжелинск Челябинской области) найден каменный сверлённый топор-молот. Вместе с вислобушным топором и бронзовым наконечником стрелы он залегал в яме, расположенной рядом с жилищем. По предположению автора раскопок Ю.П. Че-

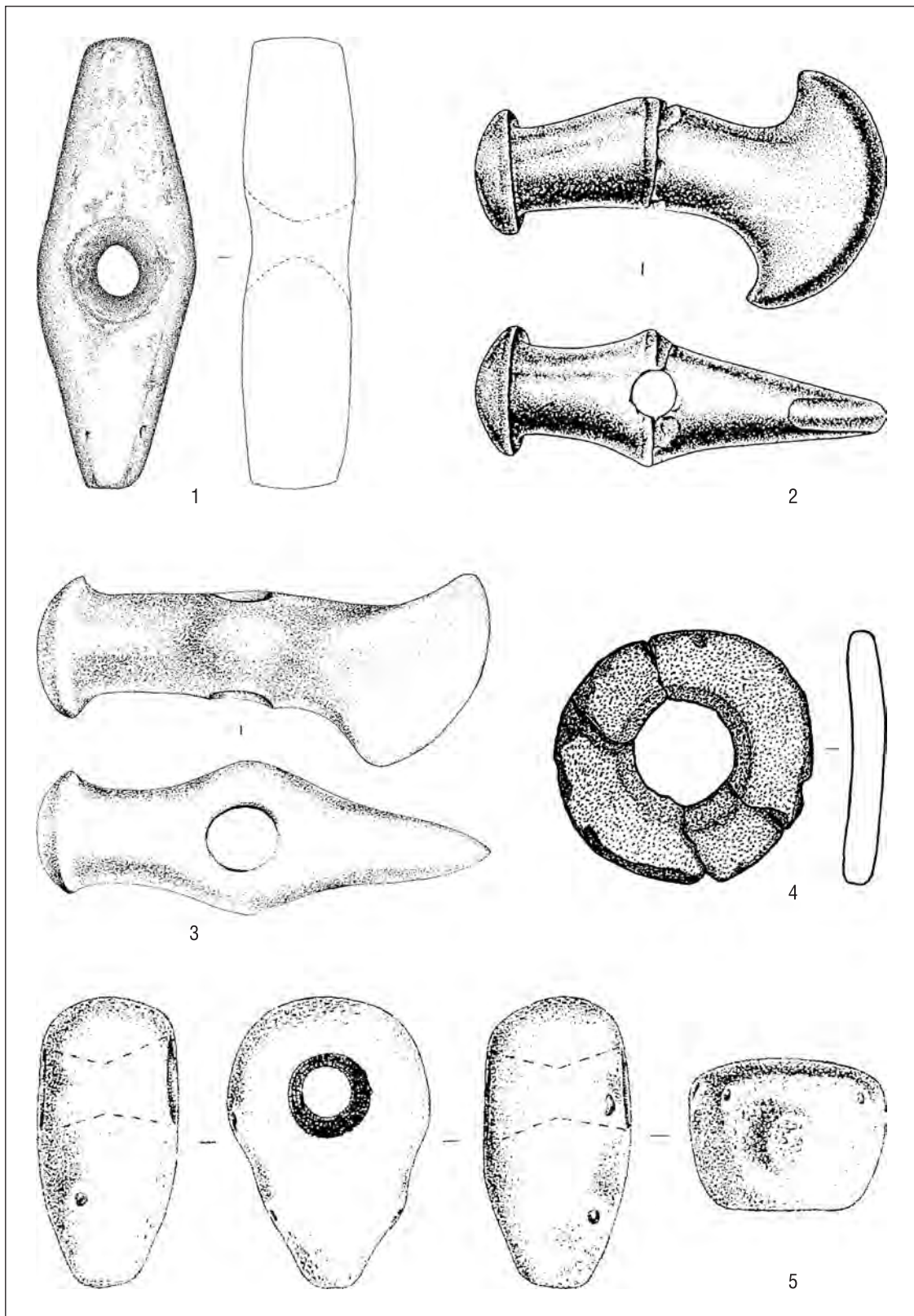

Рис. 4. Сверлёные изделия из камня (1–3, 5) и керамики (4): 1 – Мурзинка; 2 – Коркино I; 3 – Мирный; 4 – Кокшаровский холм; 5 – река Белая

мякина, яма могла быть погребением или кенотафом. Длина изделия 18 см, диаметр полусферического обуха 5,6–5,8 см, ширина секирообразного лезвия 11,6 см. Цилиндрическое отверстие диаметром 2 см проделано через расширенную часть топора (рис. 4: 2). Топор расколот по сверлине на две половинки [5, с. 246–247].

Подобный топор с секирообразным лезвием, также разбитый по сверлине, обнаружен в с. Пески (Катайский район Курганской области). Кроме фотографии изделия никакой информации о нём нет [5, с. 248–249].

Ещё один каменный топор-молот найден в погребении бронзового века у пос. Мирный (Брединский район Челябинской области). Он имеет длину 16,5 см, ширину в месте сверления 5,7 см, диаметр молотковидного обуха 4,5–5 см. Лезвие топора заметно скошено, его кромка закруглена. Диаметр отверстия сверху 2,3–2,5 см, внизу – 2,7 см (рис. 4: 3) [5, с. 250–251].

Оригинальным изделием является каменный сверлённый топор, найденный в Кушнаренковском районе Башкортостана. Изготовлен он из чёрного диабаз с прожилками красного и белого цветов и отличается изяществом формы и отделки. Его размеры – 16,4×5,1×5,2 см. На боковых поверхностях топора выполнены слегка выступающие круги диаметром около 1 см, которые, возможно, обозначают глаза животного. Особенностью оформления являются неотполированные сильно вытянутые треугольные грани, идущие от лезвия к сверлине на верхней и нижней поверхностях топора. Отверстие имеет коническую форму, его диаметр в нижней части изделия 3,5 см, в верхней – 2,5 см [6, с. 162–163].

На Шуралинском прииске Шигирского торфяника ещё в дореволюционное время найден каменный сверлённый топор ромбовидной формы, длина – 10,2 см, толщина – 5 см. В расширенной части его ширина достигает 7 см. Именно в этом месте проделано цилиндрическое отверстие диаметром 1,5 см [25, с. 112–113].

Около 50 каменных сверлённых топоров зафиксированы на территории Башкортостана. Большая их часть является случайными находками. Почти все топоры изготовлены из диабаз различных оттенков. Отдельные изделия выполнены из кварцитопесчаника, гранита и кварца. Все топоры датируются бронзовым веком. По мнению М.Ф. Обыденнова, основная часть топоров использовалась для хозяйственных нужд, а не в качестве парадного боевого оружия. Косвенно это подтверждается и простыми формами орудий. Среди них имеются клиновидные, молотковидные, короткообушковые, ромбические, длиннолопастные [30, с. 2–7].

Изготовление отверстий происходило разными способами. У фигурных молотов длина отверстий составляет от 4 до 10 см. Для их проделывания использовались полые свёрла. На территории Урала это были диафизы трубчатых костей копытных и других животных. Дистальный конец большой берцовой кости лося, как и плюсна лошади, имел круглое сечение диаметром до 3,5 см. Отверстия меньшего диаметра могли получать при помощи трубчатых костей более мелких животных (волка, лисицы и др.). Способы работы полым сверлом описаны С.А. Семёновым. Сверление производилось буром вручную. Иногда применялись утяжелители. Практически все фигурные молоты и топоры-молоты сверлились с двух сторон. Причём сверление начиналось с нижней стороны изделия. Сверлины имели слабо выраженный конический профиль. Отход от цилиндрического профиля объясняется истиранием боковых стенок сверла-бура. Поясок-утолщение в месте соединения сверлин убирался при помощи развёртки или абразива. Если изделие сверлилось с одной стороны, то диаметр входного отверстия всегда превышал диаметр выходного. Эксперименты с полым сверлением в Ангарской экспедиции С.А. Семёнова показали большую трудоёмкость этого способа. На изготовление отверстия диаметром 2,4 см и глубиной 3,4 см в гальке вулканической породы было затрачено 10 часов работы [31, с. 62–65]. Применение полого сверления с помощью костяного сверла всегда сопровождается специфическими отходами – каменными высверлинами, но на территории Урала они неизвестны. И это удивляет.

Отверстия в булавах проделывались двумя видами орудий: каменным сверлом и полым сверлом из кости. Во всех случаях применялось встречное сверление. Булавы с Махтыльского холма и гладунинского погребения из бурого железняка толщиной 5–6 см сверлились полым сверлом из кости. Также при помощи кости выполнено отверстие у хрустальной булав, хотя её толщина составляла всего 3,8 см. Возможно, применение кости объясняется требованиями к внешнему виду изделия: полое сверление придаёт отверстию более правильное сечение и выглядит более аккуратным. Булавы с Усть-Вагильского холма и дна Шигирского озера, а также фигурный молот с р. Белой и молоток из с. Мурзинка сверлились при помощи каменного сверла большого диаметра. Диаметр входного отверстия при этом достигал 3,5 см, а внутреннего – 1,2–1,3 – 1,7–1,9 см. Интересно отметить, что при этом попыток придать отверстию более цилиндрическую форму не наблюдается.

Практически все диски просверлены каменными свёрлами методом встречного сверления. Этому способствовали небольшая толщина дисков (от 1,5 до 3,5 см) и мягкое минеральное сырьё, из которого они изготовлены (сланец, тальк). В некоторых случаях их отверстия путём дополнительной обработки расширены для удобства насаживания на рукоять. Но чаще всего оставлены биконическими.

Каменные свёрла большого диаметра на Урале являются большой редкостью. Автору они известны только на трёх памятниках. На Полудёнке I найдено сверло диаметром 1,2 см. Диаметр сверла с Усть-Вагильского холма колеблется от 1,2 см на рабочем конце до 2,5 см в расширенной части. Сверло проникало в обрабатываемый материал на 4,1 см. Но самое необычное сверло, а точнее – развёртка, происходит с Кокшаровского холма. Оно представляет собой шлифованное изделие из туфопорфирита с заострённым концом. Этот конец диаметром до 3 см применялся для рассверливания уже готовых отверстий. Глубина проникновения в обрабатываемый материал доходит до 2,2 см. Противоположным слегка коническим концом диаметром от 2,1 до 3 см также рассверливали готовые отверстия. Сверло проникало в обрабатываемый мате-

риал на 3,8 см. Именно этим сверлом могли изготовить отверстие на фигурном молоте в виде головы бобра, найденном на этом же памятнике. Развёрток большого диаметра известно больше, чем свёрл. Они найдены на целом ряде памятников. На основании этого можно представить технологию получения отверстий крупного диаметра. При сверлении предметов толщиной 3–4 см отверстие получали сверлом небольшого диаметра, которое затем сверлом или развёрткой (чаще) рассверливалось до нужного размера [32, с. 160–162].

Из этого круга выбивается диск из Антоновского. Отверстие диаметром 3,5–3,7 см изготовлено путём двустороннего пикетирования с последующим заглаживанием его стенок. Выбор такого необычного способа изготовления отверстия можно объяснить отсутствием свёрл необходимого диаметра.

Отверстия на керамических дисках с Кокшаровского холма диаметром 1,5–2,3 см прорезаны каменным орудием.

Таким образом, для изготовления отверстий крупного диаметра применялись различные способы. В основном их получали при помощи двустороннего (преобладает) или одностороннего сверления с использованием полого (трубчатой кости) или каменного сверла (развёртки). Полученные отверстия могли подправляться шлифовкой или прорезанием. В единичных случаях отверстия получали при помощи пикетажа или прорезания (на керамических изделиях).

Функционально все изделия этой группы условно можно отнести к навершиям – все они насаживались на рукоятки и являлись статусными предметами. Практически все рассмотренные выше изделия строго индивидуальны в исполнении (за исключением дисков без орнамента). Определённая часть этих наверший изготовлена из твёрдых пород камня при помощи затратных технологий (пикетажа, шлифовки и сверления). По всей видимости, трудоёмкость в изготовлении подобных предметов являлась одним из условий повышения их статусного уровня. Некоторые изделия выполнены из редких и эффектных видов минерального сырья. Все это позволяет эту группу артефактов отнести к предметам престижных технологий, главной задачей которых является демонстрация престижа, статуса, богатства и власти [33, с. 110–114].

Интересная работа в этом направлении проделана А.М. Жульниковым на материалах Карелии. Поиск аналогов сакральных предметов из шестивей, изображённых на петроглифах Залавруги, привёл его к так называемым навершиям. К ним он относит шесть групп изделий с отверстиями крупного диаметра: кирки с цапфами, кирки без цапф, ромбические топоры-клевцы, разнообразие изделий геометрических форм, фигурные молоты в виде головы животного и фигурные топоры-молоты с обухом в виде скульптурного изображения. Редкость изделий такого рода и специфичность данных предметов приводит его к выводу, что все они обладают статусной функцией [34, с. 178–184]. К сожалению, значение техники изготовления и трудоёмкости для повышения статуса этих изделий им не рассматривается.

Обращает на себя внимание малочисленность находок изделий с отверстиями крупного диаметра. Интересно отметить, что ещё в 1887 г. М.В. Малахов удивлялся почти полному отсутствию в уральских коллекциях сверлённых каменных изделий [35, с. 6]. На всей территории Урала сейчас известно около 40 экземпляров. Причём свыше двух третей этих предметов сосредоточено на Среднем Урале. Именно здесь представлены все типы изделий этой группы: фигурные молоты, булавы, подпятники, диски, топор и молоток. С территории Южного Урала происходят фигурные молоты, диски и топоры. Практически все предметы с отверстиями крупного диаметра выполнены из камня. Известны только одно изделие из рога и два из фрагментов керамики.

Следует отметить несколько интересных фактов. Почти все фигурные молоты являются случайными находками, и не всегда их местонахождение связано с археологическим памятником. Интересно, что все фигурные молоты дошли до нас в целом виде. Также целыми сохранились гравированные диски. Отсюда следует, что утилитарное и сакральное назначение гравированных дисков и дисков без орнамента было различным. Почти все булавы, диски без гравировок и часть топоров-молотов оказались расколотыми на части. Анализ мест их находок позволяет предполагать, что булавы и диски участвовали в особом ритуале, при исполнении которого они разбивались на половинки, и одна часть помещалась на святилище, а вторую могли положить в могилу или оставить на памятнике, но в особом месте. Известны факты, что диски с отверстием в центре, вырезанные из мягкого камня, шаманы народов Севера носили на груди. Эти диски помогали шаманам производить магические действия, т.е. в дисках заключалась магическая сила [36, с. 207]. Поэтому неудивительно, что часть дисков расколота на две половинки. Можно также предположить, что изделия в культовых комплексах, а также вне археологических памятников (фигурные молоты, диск из Антоновского) являлись своеобразными культовыми маркерами, размещёнными на символической границе между мирами или между освоенным и неосвоенным пространством [37, с. 224–232]. Не случайно семь предметов из этой группы найдены в погребениях, а двенадцать – на святилищах. Подтверждением такого предположения может служить клад каменных изделий, найденный на склоне горы Трёхскалки (черта Нижнего Тагила) при полном отсутствии поблизости какого-нибудь археологического памятника [38, с. 278–292].

Сверлённые каменные топоры с Южного Урала, на мой взгляд, выпадают из круга изделий неутилитарного характера и требуют отдельного исследования.

Камень с отверстием широко использовался в культовой практике нивхов (малочисленная народность в Хабаровском крае). Л.Я. Штернберг в 1933 г. отмечал, что во время обряда шаман обращался к камню с определённым вопросом. Если камень даёт ответ сразу, его выбрасывают [39, с. 42]. Интересную точку зрения на изделия со сверлёнными отверстиями высказал В.В. Никитин. Проанализировав погребальные комплексы древности, он отмечает, что во все времена каменные сверлённые предметы являлись непременным погребальным атрибутом. В связи с этим он предлагает исследователям обратить внимание на данный аспект

погребального обряда. Сознавая проблематичность своих суждений, он всё же выдвигает несколько предположений. Камень с отверстием «ассоциируется с небесным отверстием, через которое на землю попадает всё живое, или же с «дырой» – входом в подземный мир». Сверлённый камень мог быть сакральным предметом, символом отличия и власти вождей, военачальников, жрецов [40, с. 213–215].

Не берусь говорить обо всех сверлённых изделиях, но предметы с отверстиями крупного диаметра вполне соответствуют данному предположению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сериков Ю.Б. Украшения населения Урала в каменном веке // Тверской археологический сборник. Вып. 9: Материалы 13-го–15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2013.
2. Россадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья // СА. 1976. № 4.
3. Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
4. Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
5. Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург, 2004.
6. Котов В.Г., Кадыров И.Ф. Каменные навершия из Кушнареновского историко-краеведческого музея // «Наследие веков». Вып. 2. Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова. Уфа, 2011.
7. Петрин В.Т., Усачева И.В. Каменные навершия с оз. Аргази // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
8. Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала // Труды ГИМ. Вып. X. 1940.
9. Сериков Ю.Б., Серикова А.Ю. Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии // РА. 2004. № 2.
10. Юшкин Н.П. Кварцевые шары в материальной культуре человека // Археоминералогия и ранняя история минералогии. Сыктывкар, 2005.
11. Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург, 2011.
12. Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование неолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.
13. Матвеев А.В. Затерянный мир Ингальской долины. Тюмень, 2004.
14. Шилов С.Н., Маслоуженко Д.Н. Энеолитическое захоронение Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
15. Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. № 21. 1951.
16. Панина С.Н. Культурные предметы в собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
17. Сериков Ю.Б. Каменные навершия с гравировками с восточного склона Среднего Урала // Вестник Сибирской Ассоциации Исследователей Первобытного Искусства. Вып. 5. Кемерово, 2002.
18. Герасименко А.А. Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
19. Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005.
20. Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
21. Панина С.Н. Итоги полевых исследований Свердловского областного краеведческого музея (1977–1997) // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999.
22. Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2008. № 1 (23).
23. Жилин М.Г. Отчет о работах в Свердловской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
24. Берс Е.М. Позднеэнеолитическое погребение на р. Аяць в Среднем Зауралье // СА. 1976. № 4.
25. Археологические памятники Шигирского торфяника / Н.М. Чаиркина, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков, А.С. Литвяк. Екатеринбург, 2001.
26. Сериков Ю.Б. Скальное святилище на северном острове Шайтанского озера // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Общественные науки. Нижний Тагил, 2011.
27. Сериков Ю.Б. Использование фрагментов керамики в хозяйстве и ритуале // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I: Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2011.
28. Сериков Ю.Б. Каменный молоток из д. Мурзинка // Nota Bene. Вып. I. Случайная находка. Новосибирск, 2007.
29. Дмитриев П.А. Раскопки стоянки «Калмацкий Брод» на р. Исети. Свердловск, 1934.
30. Обьденнов М.Ф. Новые материалы о проникновении древних индоевропейцев на территорию Башкортостана (середина II тыс. до н.э.). Каменные сверлённые топоры. Препринт. Уфа, 1996.
31. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
32. Сериков Ю.Б. Каменные сверла неолитических памятников лесного Зауралья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
33. Лбова Л.В., Табарев А.В. Культура, искусство, ритуал. Происхождение и ранние этапы. Новосибирск, 2009.
34. Жульников А.М. Петроглифы Карелии: Образ мира и образы миров. Петрозаводск, 2006.
35. Малахов М.В. О доисторических эпохах на Урале // Записки УОЛЕ. Т. XI. Вып. 1. Екатеринбург, 1887.
36. Кернер В.Ф. Магический кристалл // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
37. Сериков Ю.Б. Культурные объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007.
38. Сериков Ю.Б. Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья как ритуальные комплексы // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.
39. Бродянский Д.Л. Каменная черепаха из Синего Гая и новые ракурсы старых находок // Мир древних образов на Дальнем Востоке. Владивосток, 1998.

40. Никитин В.В. К вопросу о месте и назначении каменных орудий со сверленным отверстием в погребальном обряде древности // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I: Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2000.

*Ниженетагильская государственная социально-педагогическая академия,
Нижний Тагил*

Yu.B. Serikov

ON ONE OF THE FEATURES OF STATUS ARTICLES

Summary

Usually all drilled articles have small diameter openings – from 0.2 to 0.8 cm. But in the territory of the Urals there is a small group of artifacts with big diameter openings – 1.5 cm and more. The majority of those is dated within the Neolithic – Aeneolithic.

This group includes figured hammers (10 copies), maces (13 copies), thrust bearings (4 copies), large disks (9 copies), pole-axes (5 copies) and original artifacts (2 copies). The diameter of openings at these articles fluctuates from 1.5 to 3.7 cm. The length of the hole is up to 10.5 cm.

The openings were made generally by means of the bilateral (prevails) or unilateral drilling with the use of a stone drill or a long bone. The majority of large diameter openings are done by a stone drill.

Functionally all articles of this group can be conditionally classified as toppings – all of them were set on handles and were status objects. Obviously, labor intensiveness in production of such items and, particularly, in making the openings was one a factor of the increase in their status.

*The State Social-Pedagogical Academy of Nizhny Tagil,
57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, 622031,
Russia*

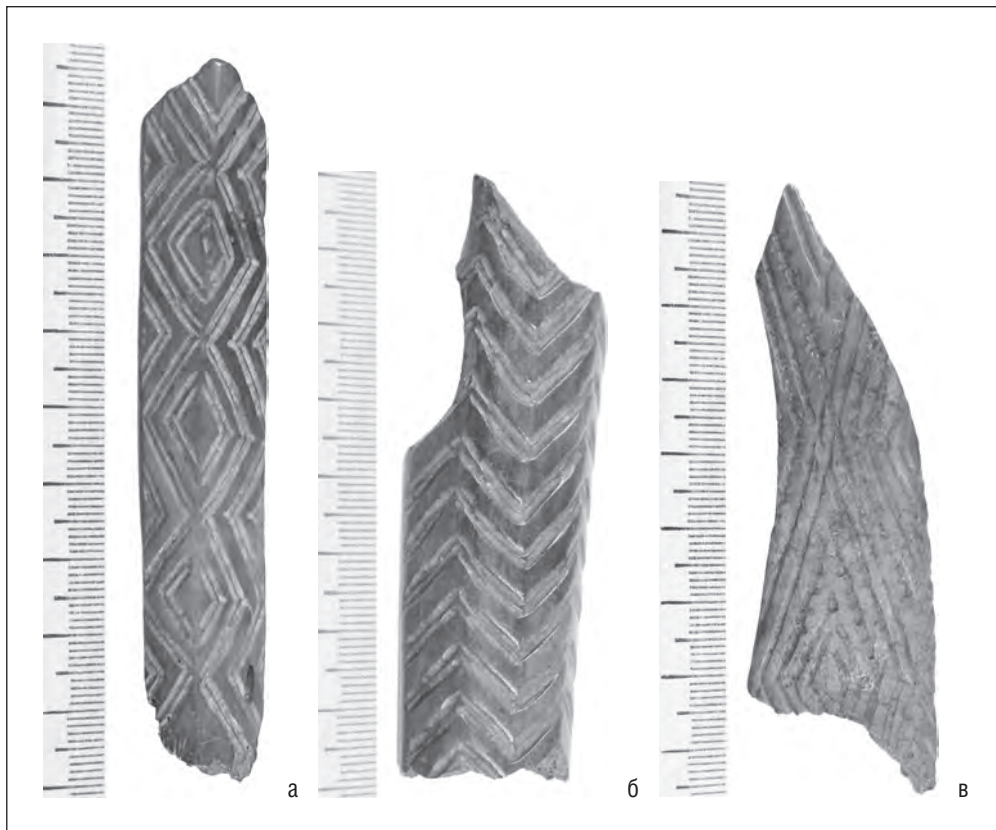
*E-mail: u.b.serikov@mail.ru
serikov2@yandex.ru*

О.А. Печурина

К ВОПРОСУ ОБ ОРНАМЕНТАЦИИ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Со времени открытия льяловской культуры прошло более 8 десятилетий. За эти годы исследованы десятки памятников этой культуры, опубликованы многочисленные работы, рассматривающие различные аспекты её развития. Несомненно, приоритет в её изучении принадлежит В.В. Сидорову, защитившему в своё время диссертацию, посвящённую льяловской культуре. Одними из наиболее ярких атрибутов этой культуры являются костяные поделки, богато орнаментированные. Они были найдены в льяловских слоях, в частности, на стоянках Сахтыш I и Сахтыш II (раскопки Д.А. Крайнова, Е.Л. Костылёвой и других исследователей). На некоторых из этих изделий повторяется один характерный орнамент, создаваемый параллельными и зигзагообразными линиями, часто складывающимися в треугольники. Этот орнамент в большинстве случаев нанесён на поверхность с гранями, на которых линии треугольников встречаются, создавая ромбы (ил. 1).

В начале 90-х годов XX в. в ряде публикаций появляется новый взгляд на происхождение некоторых орнаментов, представленный, в частности, в работах дальневосточного археолога И.С. Жущиховской: «...ког-

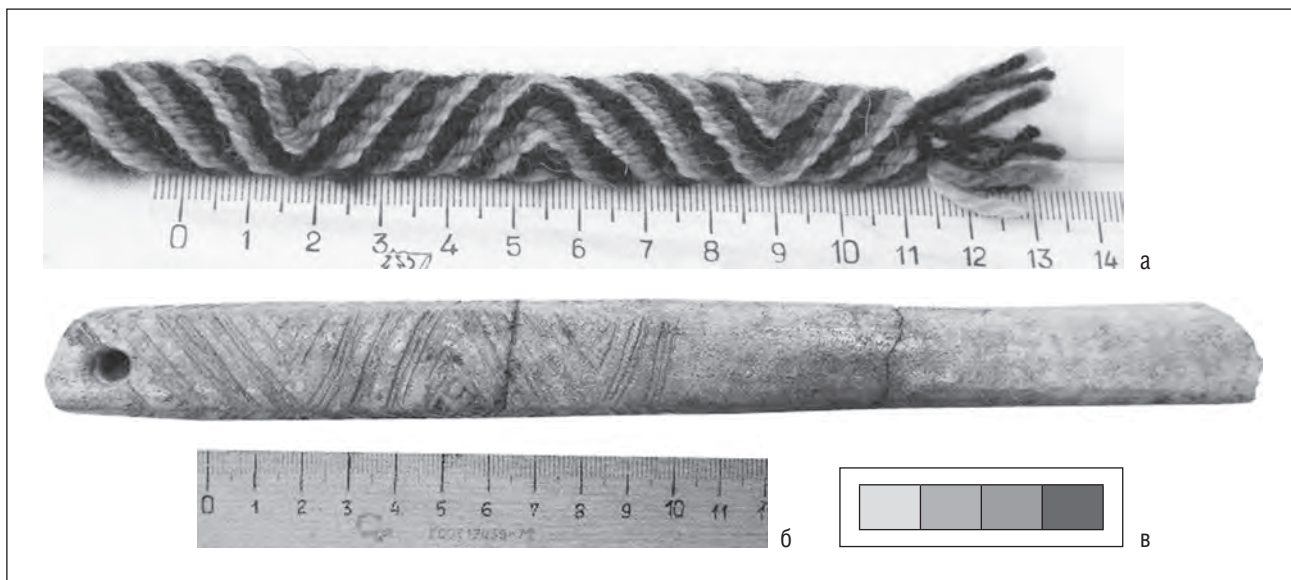

Ил. 1. Костяные предметы с орнаментом. Стоянка Сахтыш I (Государственный Эрмитаж)

да еще не были освоены специфические для керамики формы и декоративные принципы, вполне вероятным кажется возникновение потребностей заимствования, копирования внешних образов у изделий, функционально близких. Предметом подражания могла быть как общая форма плетеного изделия, так и текстура его поверхности с ритмичным рисунком плетений» [1, с. 175]. И.С. Жущиховская сопоставила орнаментальные сюжеты керамики Приморья и Сахалина с технологическими схемами плетёных изделий и отметила их близость. «Декор на стенках посуды можно рассматривать как имитацию рисунка на плетеной поверхности – зигзага, сетки, «шахматного» узора, простого строчечного чередования горизонтальных и вертикальных линий и т.д. Такое предположение согласуется с высказывавшейся некоторыми исследователями идеей о копировании орнаментацией древней керамики несложных рисунков плетения...» [1, с. 177].

Реставратор древних тканей А.К. Ёлкина в 1982 г. высказала мнение о том, что многие древние орнаменты воспроизводят на самом деле плетения из кожи или верёвок. Некоторые плетения чрезвычайно замысловаты. По её мнению, не зная изделия из шнура, невозможно придумать этот узор [2, с. 23]. Аналогичный подход к некоторым орнаментированным предметам льяловской культуры вполне обоснован. Примером применения подобного подхода к изучению орнамента является анализ костяного предмета, именуемого условно «жезлом». На нём видны нанесённые параллельно линии, создающие орнамент из разнонаправленных треугольников, которые, соединяясь на ребре археологического предмета, создают рисунок вложенных друг в друга ромбов (ил. 2: б). Аналогичный орнамент может быть создан при помощи технологии плетения из шерстяных разноцветных нитей, получившей название «плетение на игле» или другое, предположительно более позднее, название «плетение в горшок». Существует много технологий плетения при помощи иглы или иглой, в данном случае технология предполагает плетение при помощи узлов (завязывания узлов) вокруг иглы (спицы).

Плетение может идти как слева направо, так и справа налево (зеркально). При чередовании направления плетения через определённые промежутки раппорта получается орнамент из разнонаправленных равнобедренных треугольников (ил. 2: а). Данный орнамент может быть получен исключительно цветными нитями. Несомненно, в льяловской культуре не могла использоваться металлическая спица (или игла), эту роль могли исполнять костяные и деревянные наконечники стрел и копий, направленные ровными заострёнными концами вниз, стебли камыша (издавна используемые для плетения и способные достигать в диаметре 7–15 мм). Если внимательно рассмотреть рисунок, нанесённый на «жезл», то можно увидеть, что плетение начинается с того края, где потом было просверлено отверстие, и исполняется вначале справа налево. Мы видим на каждой плоскости этого костяного изделия как бы проекцию плетения на плоскости с одной стороны – со стороны наблюдателя. На самом деле реальное изделие, полученное по технологии «плетения на игле» (где плетение идёт вокруг иглы), можно образно назвать «длинным цилиндром», круглым в сечении. Прочерчивая чёткими параллельными линиями орнамент, мастер, создавший орнаментированное изделие, показывает, что в плетении участвуют нити трёх цветов, причём нити двух из них плетутся по одной, а третьего цвета – по две (получается полоска, шириной равная сумме двух первых). Отсюда можно заключить,

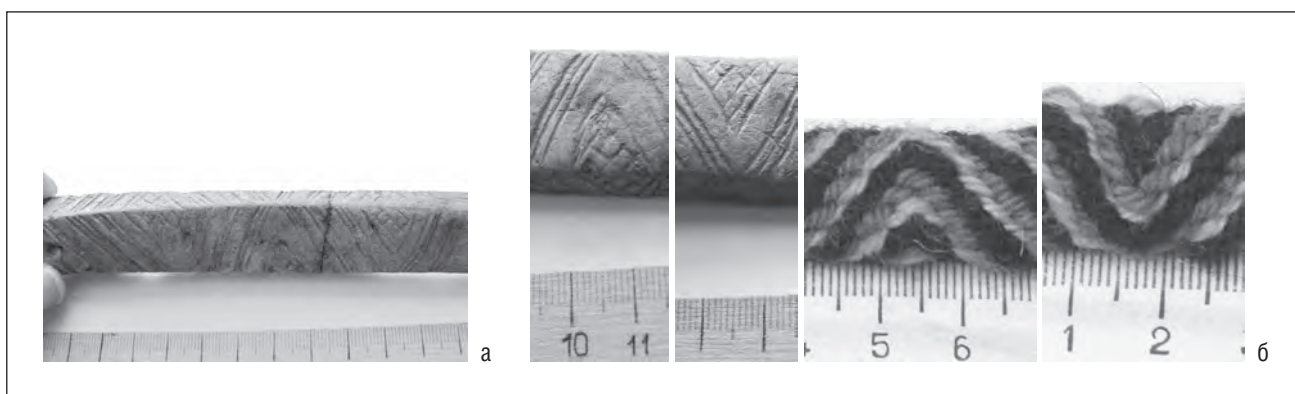
Ил. 2. Костяной «жезл» (стоянка Сахтыш II) и плетёное изделие, воспроизводящее его орнамент: а – образец, сделанный автором статьи (плетёное изделие, выполненное по технологии «плетения на игле», использована спица диаметром 7 мм); б – «жезл» костяной с орнаментом, стоянка Сахтыш II (фото Е.Л. Костылёвой); в – раппорт реконструкции плетения, повторяющийся 4 раза

что представители льяловской культуры знали и использовали органические красители для окрашивания животных и растительных волокон. Традиционно данная технология использует лишь шерстяные нити для узорной основы плетения, так как волокна утчной нити должны не скользить по основной узорной нити, а в процессе натяжения создать петлю, что лучше всего достигается именно шерстяными волокнами с естественной шероховатостью.

Для того чтобы окружить «иглу» или «шест», достаточно большого диаметра узелками, потребуется немалое количество нитей. Для создания образца (ил. 2: а), выполненного 1:1 к узорному орнаменту археологического изделия «жезл», было использовано 16 шерстяных пряденных основных нитей для узора и утчная (492 текс¹) шерстяная нить. 16 нитей были расположены, чередуясь, в соответствии с рисунком раппорта древнего изделия: одна оранжевая (406 текс), одна зелёная (480 текс), две чёрные (по 238 текс) нити и т.д. (цвет – условный) (ил. 2: в). Использовалась спица для вязания диаметром 7 мм. Расчёт количества нитей делался строго по гравировке на изделии «жезл». Угол направления параллельных узорных линий (при их разнонаправленности и угол вершины образуемого треугольника в узоре), толщина изделия зависят от толщины, плотности и количества нитей, толщины «иглы» и многих других нюансов.

Древний мастер изобразил плетёное изделие на его основании (жезле, игле, наконечнике и т.д.), ибо угол плетения здесь (35–40°) соответствует изделию, не снятому с орудия плетения (ил. 2: а, б). Этим объясняется то, что орнамент занимает только часть «жезла», так как прочерчены всего четыре разнонаправленных раппорта узора. Снятое с иглы, плетёное изделие расправилось бы и содержало тупоугольные треугольные орнамента. Следовательно, мастер изображает в археологическом изделии «жезл» не результат, а процесс плетения. А это, в свою очередь, побуждает сделать следующий вывод: символическое значение имела сама технология, а не только её результат.

Реконструкция орнаментированных археологических изделий воспроизводит разнонаправленные раппорты, образующие вставленные друг в друга равнобедренные треугольники. Внутри треугольников мастер наметил переплетения, которые получаются также и в реальном изделии (ил. 3: б).

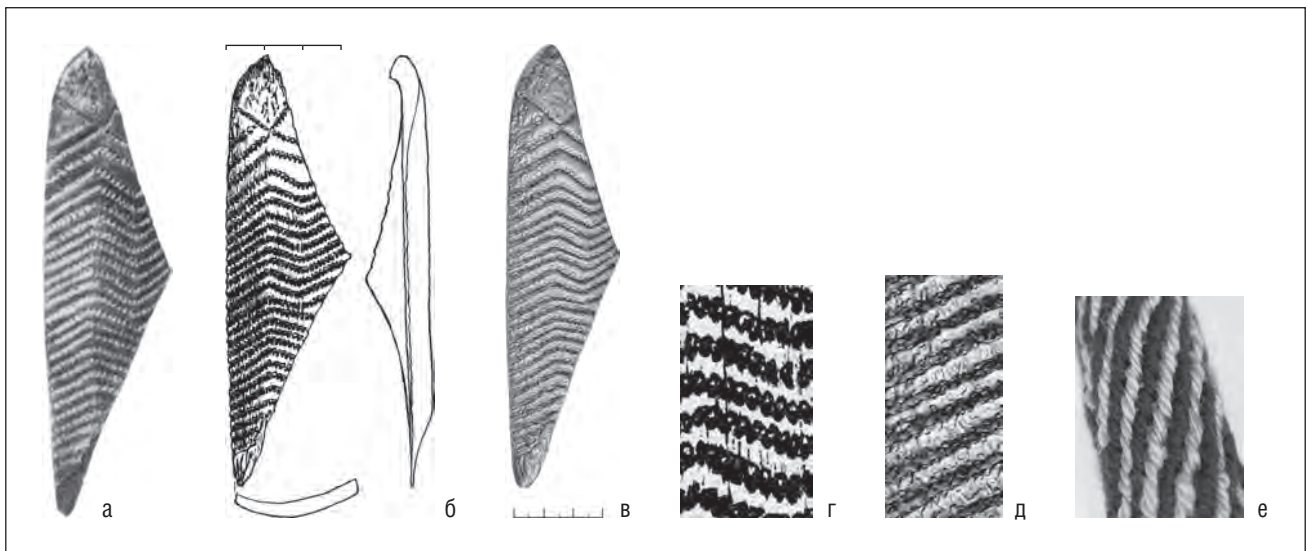

Ил. 3. Костяной «жезл» (стоянка Сахтыш II) и плетёное изделие, воспроизводящее его орнамент:
 а – «жезл» костяной с орнаментом в форме четырёхгранного параллелепипеда (фото Е. Костылёвой);
 б – сердцевинки треугольников, выгравированные на археологическом изделии «жезл», и сердцевинки треугольников, образуемых разнонаправленным плетением по технологии «плетения на игле»

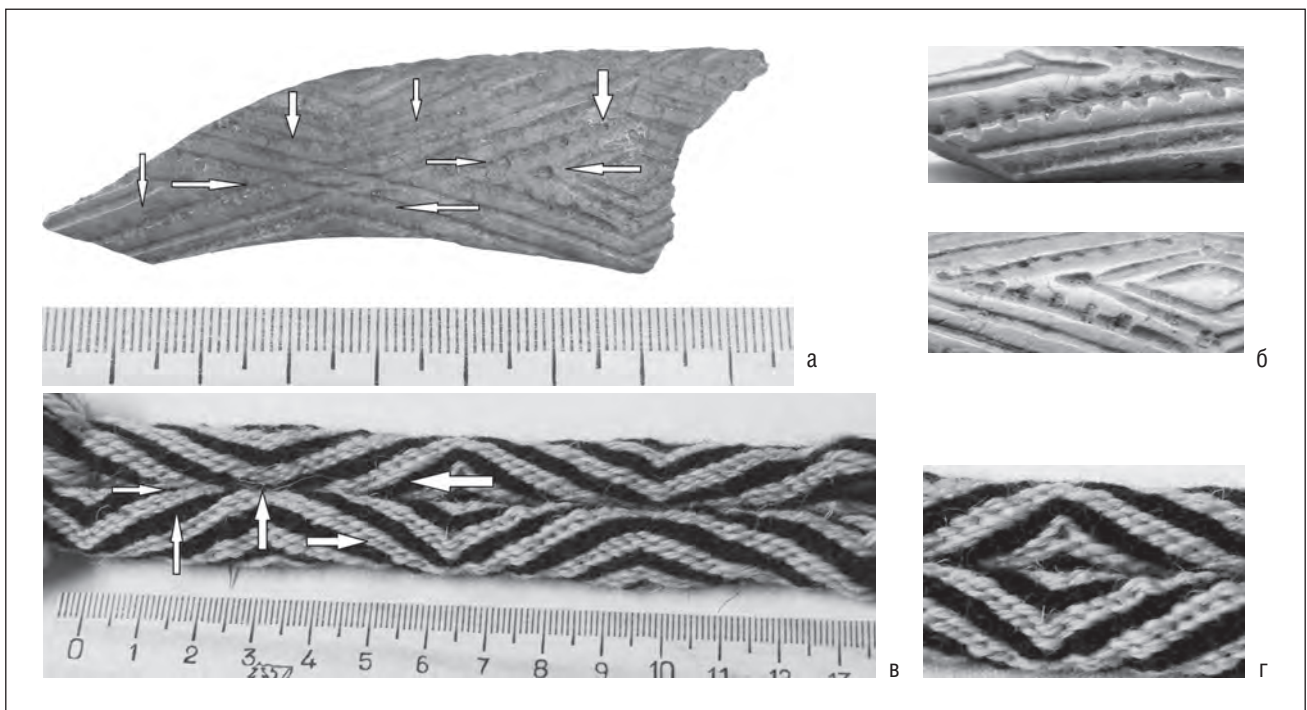
О том, что носителям льяловской культуры была знакома технология «плетения на игле», свидетельствует и ряд других изделий: например костяной предмет, найденный на стоянке Сахтыш II. Мастер досконально точно изобразил ряды вертикальных узелков-столбиков, идущих под определённым углом. К сожалению, данный предмет был утерян, поэтому мы располагаем лишь фотографией из книги «Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы)» [3] и прорисовкой этой находки, хранящейся в Археологическом музее Ивановского государственного университета (ил. 4). Регулярность рельефных бороздок позволяет говорить о нарочитости их выделения, а не просто об особенностях резьбы (шаге резца).

Несомненно, изображает плетение и костяной орнаментированный осколок (ил. 5: а, б), на котором мастер специально сделал акцент на промежутках между петлями, зрительно бросающихся в глаза при раппорте плетения, содержащем по две нити одного цвета (ил. 5: б, г). Пояса, сплетённые по технологии «плетения на игле», имеют форму длинного «цилиндра» с окружностью в сечении, они полые внутри. Если мы разрежем образец такого плетения вдоль его горизонтальной оси, то получим выпукло-вогнутую форму. Интересно, что археологические костяные предметы, найденные на стоянке Сахтыш I, на поверхность которых

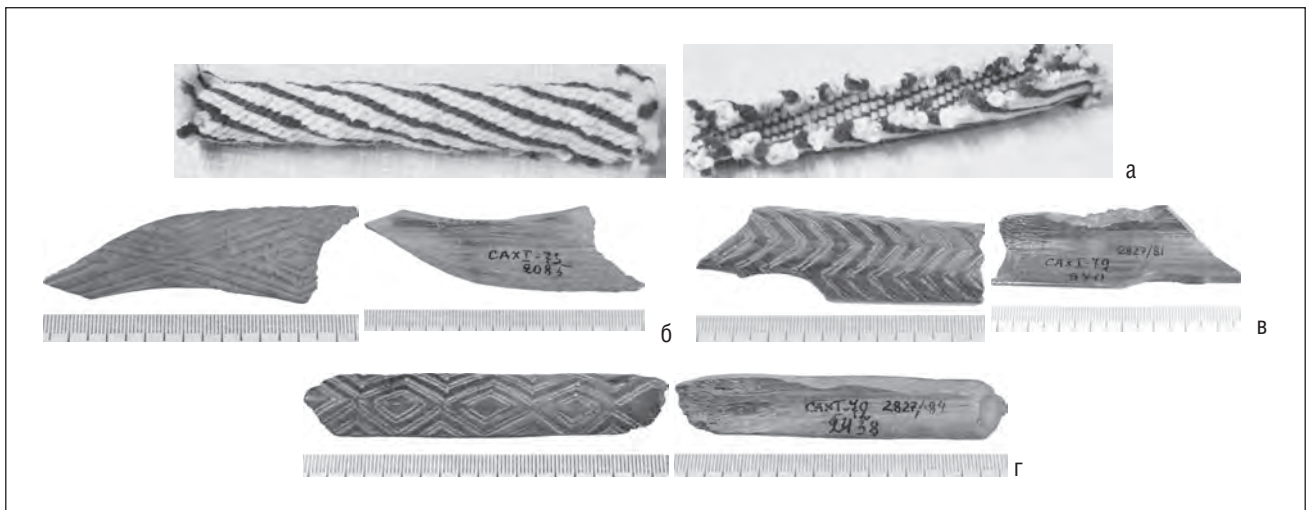
¹ Текс – единица измерения линейной плотности нитей (1 текс – масса 1000 м пряжи или нити в граммах).

Ил. 4. Костяное изделие (стоянка Сахтыш I): а – костяное изделие с поперечным орнаментом, предположительно обломок орудия (дл. 11,3 см, шир. 3 см) [3, с. 81]; б – прорисовка изделия; в – данное изделие, выполненное в компьютерной программе 3Ds Max студентом IV курса СПУТД А.З. Хецуриани; г, д – идущие рядами узелки-столбики на выделенном фрагменте (г – фрагмент прорисовки, д – фрагмент, выполненный в компьютерной программе 3Ds Max); е – выделенный фрагмент образца плетения, выполненного из нитей двух цветов при помощи технологии «плетения на игле», на котором чётко видны идущие рядами узелки-столбики

Ил. 5. Костяной предмет (стоянка Сахтыш I) и плетёное изделие, воспроизводящее его орнамент: а – осколок костяного предмета с резным орнаментом; б – увеличенные фрагменты костяного изделия; в – два образца плетения по технологии «плетения на игле», сложенные вместе; г – увеличенный фрагмент плетёного изделия

Ил. 6. Выпукло-вогнутая форма костяных археологических предметов, найденных на стоянке Сахтыш I, и образца плетёного изделия, выполненного по технологии «плетения на игле»: а – образец плетения, выполненного по технологии «плетения на игле», в виде цилиндрической поверхности с окружностью в сечении и он же в разрезанном виде; б, в, г – костяные археологические предметы (вид сверху и снизу)

нанесено изображение данного плетения, также имеют вышеупомянутую форму. Создаётся впечатление, что мастера специально подбирали костяные заготовки требуемой формы (ил. 6).

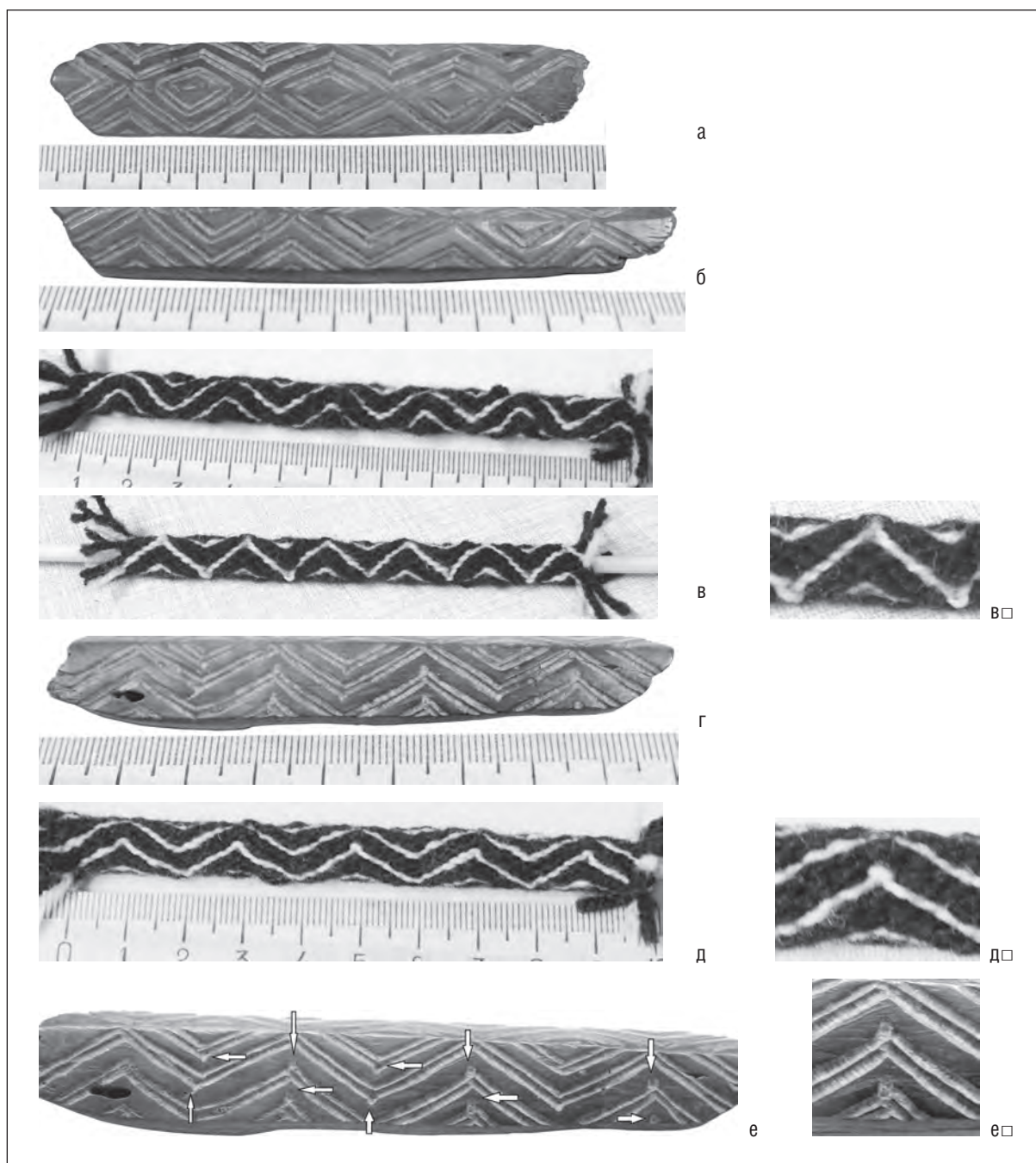
Раскрытию семантики «жезла» со стоянки Сахтыш II (ил. 2) поможет анализ изделий со стоянки Сахтыш I. Один из найденных костяных предметов (ил. 7: а) имеет нарезной орнамент, нанесённый на внешнюю двугранную поверхность. Длина его 13 см, ширина около 2,5 см. Вдоль центра нанесён узор в виде цепочки из ромбов, причём каждый ромб состоит из четырёх малых ромбов, вписанных один в другой. По правому краю идёт вторая линия таких же фигур. Д.А. Крайнов предполагал, что ромбы символизируют размножение и предмет относится к области каких-то магических действий, так как был окрашен в красный цвет и имеет особый ромбический орнамент [3, с. 59–60]. Изделие было обнаружено на дне жилища со сложенными в кучку костями ног журавля. Для реконструкции орнамента описываемого предмета были использованы тонкие голубые (164 текс) и чёрные (238 текс) шерстяные основные нити (цвет условный) и тонкая шерстяная уточная нить (159 текс).

Чтобы получить нужный орнамент, была использована спица диаметром 4 мм. Реконструкция была выполнена 1:1.

При опытах по реконструкции данного плетения оказалось, что на двух разных гранях его изображены орнаменты плетения с раппортами, выполненными с использованием различного количества нитей. Для реконструкции орнамента плетения первой плоскости изделия (ил. 7: б) потребовались 12 основных шерстяных нитей (8 чёрных и 4 голубых, цвет условный) и тонкая шерстяная уточная нить (количество нитей рассчитывалось строго по гравировке реконструируемого изделия). При плетении чередовались две чёрные и одна голубая нити. Для получения данного орнамента необходимо было провязать все 12 нитей по 50 узелков (можно было провязать 50-й узелок в одну сторону, а затем в другую или 49 узелков провязывать в одну сторону, 50-й раз вокруг иглы (спицы) сначала в одном направлении, а затем так же в другом направлении, то есть рисунок раппорта на изделии (ил. 7: в, д) шёл сначала справа налево, а затем повторялся в противоположную сторону).

Для реконструкции орнамента плетения другой плоскости потребовались также спица диаметром 4 мм и 18 тонких шерстяных нитей основы (6 голубых и 12 чёрных) и тонкая уточная шерстяная нить. При плетении также чередовались две чёрные и одна голубая нити. Так же как при реконструкции орнамента первой грани, необходимо было провязать все 18 нитей пять раз вокруг иглы (спицы) сначала в одном направлении, а затем так же – в другом направлении. Так как мы провязывали вокруг спицы 5 кругов, то орнаменты совпадали при складывании плетёных образцов реконструкций первой и второй граней, но получаемые рисунки отличались (ил. 7: г, д).

Большую роль для понимания семантики археологических объектов могут сыграть культурные универсалии. Именно поэтому представляется возможным использовать этнографические аналогии в качестве косвенной аргументации для расшифровки изучаемой семантики археологических артефактов. Все предметы, участвующие в анализируемом процессе плетения, имеют сходную символику у разных народов. Кувшин, сосуд, горшок отождествляются с женским лоном. Палка, жезл, шест традиционно символизировали мужское начало, причём слова со значением «шест» соотносятся со значением «родить»: сравни (ср.) немецкий (нем.): knebel – шест; но индоевропейский (и.-е.): genebh – родить; нем.: stock – шест, палка; но и.-е.:

Ил. 7. Костяной орнаментированный предмет (стоянка Сахтыш I, Государственный Эрмитаж) и образцы плетёных изделий, выполненные по технологии «плетения на игле», воспроизводящие орнамент на нём: а – вид сверху; б – одна из плоскостей изделия с орнаментом; в – образцы плетения, которые воспроизводят орнамент, выполненный по технологии «плетения на игле», в□ – крупно выделен поворот направления плетения (образцы выполнены автором статьи); г – другая плоскость орнаментированного изделия б; д – образец плетения, воспроизводящий гравировку на орнаментированной кости, выполненный по технологии «плетения на игле», д□ – показано место поворота направления плетения (образец выполнен автором статьи); е – белыми стрелочками на неолитическом артефакте (плоскость г) указано, где древний мастер гравировкой выделил места поворота плетения в противоположную сторону, е□ – увеличенный фрагмент гравировки на плоскости г, где выделены точки поворота плетения в противоположную сторону (причём это не просто шаг резца, а специально выделенные места гравировки. Подобные же места поворота орнамента (плетения) на другой грани этого изделия подчёркнуты в другой манере – см. б)

tus – потомство; латинский: *cirpus* – шест; но древнеанглийский: *sceapan* – творить. М.М. Маковский нем.: *knabe* – мальчик, юноша – связывает со словом *knebel* – палка, шест [4, с. 268–269]. Значение «шест, палка, труба, камыш» имеет и нем. слово *rohrg* [4, с. 405]. Вместе с тем болотный камыш (нем. *ried*) – символ мужской потенции, мужского полового органа (ср. древнескандинавский: *hredr* «*männliches Glied*») [4, с. 401]. Несёт в себе символику и понятие иглы: литовский: *adata* «*nähnadel*» – швейная игла, но прусский: *addle* – уль, ёлка. М.М. Маковский отмечает символику иглы как андрогина (единство мужского и женского начал, ибо ушко иглолки – женское начало, а остриё – мужское) [4, с. 353]. В анализируемом археологическом объекте «жезл» присутствуют «остриё» (вернее, то, что от него сохранилось) и «ушко» в виде высверленного отверстия (от него и начинается процесс плетения). Символика шеста, стрелы, иглы может быть связана и со смертью.

Самую сложную и разнообразную семантику имеет понятие узел. Вязать узлы – «наузить», по В.И. Далю, означало «колдовать, знахарить, ворожить». Узел символизирует брачную и родственную связи, узлы завязывают на память, узлы могут нести информацию, узлами отсчитывают время. Но главная семантика узла – связь каких-либо объектов и символов. При помощи узла можно связать (привязать) людей, здоровье, счастье, поэтому узлы часто (но не всегда) несли функцию оберегов.

Итак, в технологии «плетения на игле» мы имеем орудия труда, символизирующие одновременно рождение и смерть, а также женское и мужское начала, связанные с оплодотворением и деторождением.

Представляется важным для анализа семантики артефакта со стоянки Сахтыш I (ил. 7: а) то, что его нашли на дне жилища со сложенными в кучку костями ног журавля. Семантика журавля нам многое может подсказать. Журавль почитаем у многих народов. У самоедов, селькупов и некоторых других народов, принадлежащих вместе с финно-уграми к уральской языковой семье, журавль входит в число духов, которые являются помощниками шаманов. Птичий мотив в поверьях многих этносов имеет прямую связь с шаманской символикой, где птица ассоциируется с душой умершего. Рассматривая шаманизм как религиозный социальный институт более позднего происхождения, чем анализируемые археологические артефакты, мы можем, тем не менее, предполагать, что он наследует, продолжает, «разрабатывает» более ранние представления и поверья, т.е. сделать вывод о связи семантики костей журавля, найденных при раскопках поселения льяловской культуры, с представлениями о смерти, о мёртвых.

Ребёнок считается воплощением души умершего, «выходцем с того света», не вполне человеком, ему ещё предстоит пройти определённые обряды социализации – превращения в нормального члена семейно-родового коллектива. Во всех традиционных переходных обрядах жизненного цикла и в календарных хозяйственных обрядах велика роль предков – покойных старших родственников. Кроме того, сам культ предков у большинства народов мира занимает центральное место в системе традиционных верований... [5, с. 144]. В обско-угорской мифологии, например у манси, существует представление о реинкарнирующей душе, которая присуща человеку с момента его рождения и по смерти переселяется в тело ребёнка того же рода... [6, с. 567]. Близкие представления А.В. Анохин описывает у телеутов: душа человека имеет семь свойств, и эти свойства по-разному проявляются в различные периоды жизни человека (до рождения, вернее, до зачатия в утробе матери, при земном существовании и в период посмертного существования). Одно из проявлений души «Кут» понимается двояко: как зародыш, от которого начинается бытие человека, и как сила, поддерживающая бытие человека.

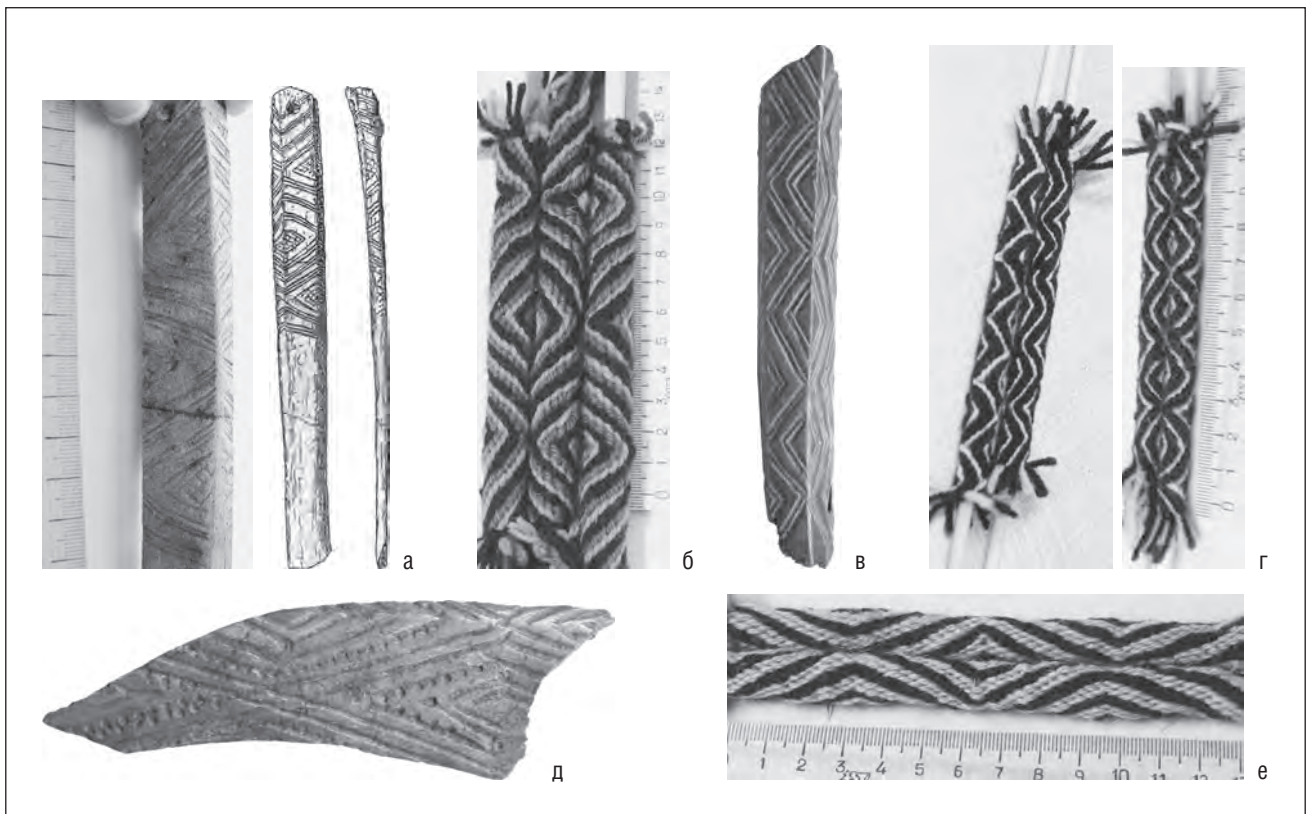
По представлениям хантов и манси (обско-угорских народов), «небесный» и «подземный» народы живут так же, как и люди на земле, причём смерть в верхнем мире означает рождение в нашем, а смерть в нашем – рождение в нижнем; то, что здесь мёртвое, – там живое, что здесь повреждённое, там невредимое... [6, с. 567]. Все анализируемые костяные артефакты льяловской культуры со стоянки Сахтыш I – сломаны, мы имеем дело лишь с осколками, фрагментами изделий. Напрашивается вопрос: а может быть предметы, чьими фрагментами они стали, были разбиты специально в ходе какого-то ритуала?

Семантика журавля также тесно связана не только со смертью, но и с рождением. А.К. Ёлкина считает, что простейший узел или полуузел, который мы завязываем, идя в плетении слева направо, изначально символизировал жизнь [2, с. 24], следовательно, его зеркальное отражение справа налево должно символизировать противоположное – смерть. Вполне возможно, что здесь участвует и символика мужского (правого) и женского (левого). Так, в юртах кочевников внутреннее пространство имело строгое деление на мужскую (правую) и женскую (левую) половины.

Итак, семантика анализируемых археологических объектов льяловской культуры со стоянки Сахтыш I, вероятно, связана с представлениями о смерти и рождении (новом воплощении) и реализовывалась в ритуальном действии.

Очевидно, не случайно орнаменты нанесены на кости с гранями (искусственно сделанные и отполированные, выделенные чётко или плавно). В местах соединения плоских граней треугольники, зеркально соприкасаясь широкими сторонами, образуют вложенные ромбы. (Сделанные автором образцы на спицах, выполненные по технологии «плетения на игле», сложенные вместе треугольниками, создают из совокупности изделий орнамент вложенных друг в друга ромбов (ил. 8), соответствующий орнаментам льяловской культуры.) Несомненно, это имело глубокий символический смысл, так как орнамент складывается из отдельных фрагментов (целое выступает как единство его частей). На первое место, следовательно, выходит идея единства, общности, сплочённости.

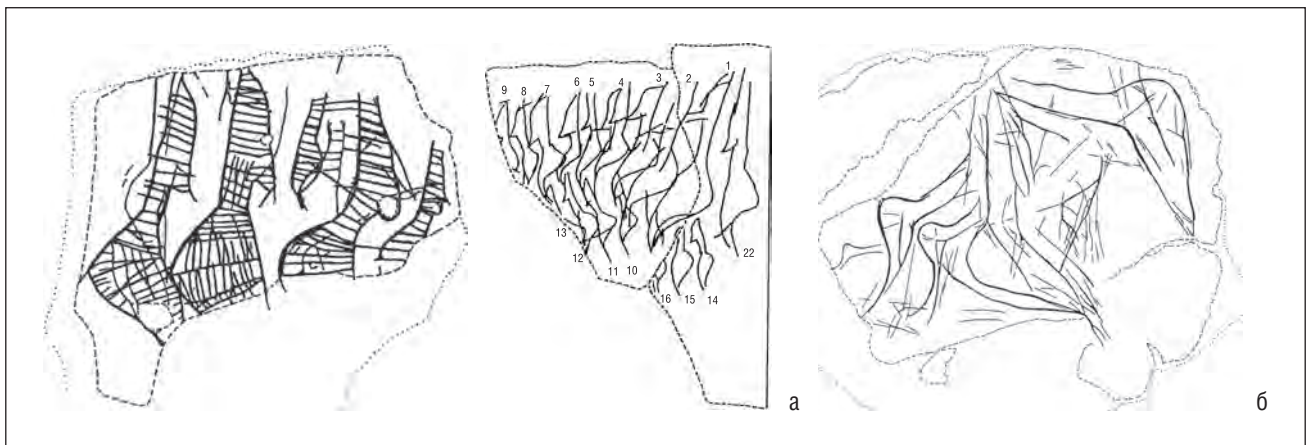
М.М. Маковский из анализа этимологии слова общий (нем. *gemein*) сделал следующие выводы: «Понятие «общий» в индоевропейском первоначально соотносилось с понятием языческого рода, клана, то есть

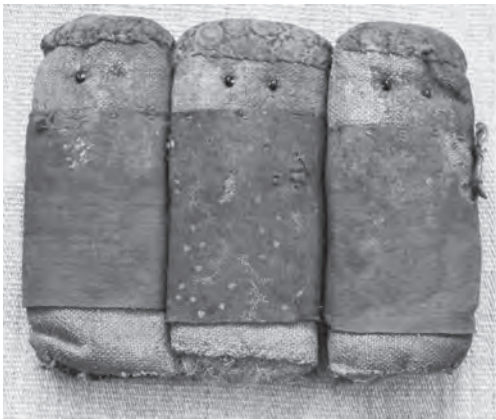
Ил. 8. Костяные орнаментированные предметы (стоянки Сахтыш I и Сахтыш II) и образцы плетёных изделий, сделанные по технологии «плетения на игле»: а – костяное изделие «желл» с орнаментом (стоянка Сахтыш II, фото Е.Л. Костылёвой) и прорисовка [1, с. 80]; б – три образца реконструкции плетения по технологии «плетения на игле», сложенные вместе в соответствии с орнаментом на изделии «желл»; в – фрагмент костяного изделия с орнаментом (стоянка Сахтыш I) [1, с. 79]; г – два образца плетения по технологии «плетения на игле», сложенные в соответствии с орнаментом на костяном изделии; д, е – фрагмент костяного изделия с орнаментом (стоянка Сахтыш I) и образцы его плетёной реконструкции, сложенные вместе

совокупности людей, объединенной общностью крови» [4, с. 173–175]. По мнению К.М. Герасимовой, «основной смысл культа предков – идея социального единства, основанного на реальных кровно-родственных отношениях внутри коллектива, объединенного общностью происхождения» [5, с. 155]. У многих народов встречается традиция изображения череды предков, чаще – по женской линии. Эту традицию мы фиксируем уже в палеолите на территориях Франции и Германии, где на плитках песчаника схематично изображены женские фигуры [7, с. 60, 166–175, 178–182, 187–188, 190–196] (ил. 9).

Этнограф С.В. Иванов описывал культовые изображения предков по женской линии, или родоначальниц, покровительниц домашнего очага, домашних пенатов у алтайцев, которые изготавливались женщинами и были предназначены для них. Наиболее древние фетиши были сделаны из шерсти, обмотанной лоскутом пёстрой ткани, простейшие – из отрезков деревянных палочек, обмотанных или зашитых в кусочки ткани, глаза фигурок или глаза и рот отмечены бусинками или узелками, стежками ниток. Эти фигурки делаются также из свёрнутого в трубочку войлока, кудели, обёрнутой мешковиной (ил. 10). С.В. Иванов предполагает, что кудель заменила волосы умерших, которые считались местопребыванием души человека как при жизни, так и после смерти [5 с. 149]. Подобные же фетиши им были описаны у хакасов и сибирских татар. Телеутские емегендеры сшивались между собой нитками, наборы этих фигурок олицетворяли предков нескольких поколений, они наследовались по материнской линии: дочь, выходя замуж, брала с собой в дом мужа изображения своих предков [5, с. 149]. А.В. Анохин упоминал «амăгăндăр» и «ăнăкăлăр» как души особ-старих и их матерей, служащие у телеутов в качестве домашних «пенатов». Они являются отдалёнными, давно умершими, но кровными родственницами телеута-шаманиста [8, с. 268]. Основная функция емегендеров – способствовать благополучному исходу родов и охранять как роженицу, так и её дитя. Из приведённого материала получается, что емегендеры связаны лишь с женскими духами. Но тут возникает проблема: узелковые пояса (а пояса, сплетённые по технологии «плетения на игле», – узелковые) традиционно, по этнографическим материалам, носят лишь мужчины, дети мужского пола, юноши (ил. 11: б).

Ил. 9. Гравюры женских фигур на известняковых плитках. Западная Европа:
а – Геннерсдорф, Германия; б – Дордонь, Франция [7, с. 175, 166, 60]

Ил. 10. Телеутские эмегендеры, женские предки-покровительницы родов, сшитые между собой нитками (фото Т. Кимеевой). Музей археологии и этнографии Южной Сибири Кемеровского государственного университета

Ил. 11. Мужские пояса, плетёные по технологии «плетения на игле»: а – пинежские мужские пояса. Коллекция народного мастера России, члена Союза художников России Г.М. Баландиной. Архангельская область [9, с. 68];
б – пояс, как составная часть русского мужского костюма. Пинежский район Архангельской области [10]

Женщины узелковые пояса не носят, в их обиходе – кручёные, плетёные при помощи технологий диагонального переплетения и плетения различных кос, а также тканые пояса. С какими же духами могли символизировать родство анализируемые археологические объекты, изображающие плетёные изделия, сделанные по технологии «плетения на игле»: с женскими или мужскими?

Н.П. Дыренкова подмечает одну, для нас очень интересную, особенность эмегендеров: связь представлений об эмегендерах с институтом авункулата (от лат. *avunculus* – дядя по матери). Телеуты называют этих духов «от дяди по материнской линии происшедшие». Именно поэтому материал для изготовления этих духов-кукол (кудель или холст) обязательно должен был давать вступающей в брак девушке дядя по материнской линии [11, с. 71–72]. В мифологии коми-зырян и коми-пермяков (финно-угорская языковая группа) существует представление о двух братьях – демиургах и прародителях: Остьяса и Ошъяса, – правивших многочисленным народом в мифические времена изобилия, когда не нужно было ни пахать, ни сеять [6, с. 566]. В обско-угорской и венгерской мифологии много места отведено семи братьям – героям, демиургам, посредникам между людьми и богами. В венгерских хрониках даже упоминается о семи легендарных вождах древневенгерских племён [6, с. 568].

Красный цвет традиционно символизирует жизнь, животворный фактор, во многих обрядах он заменял реальную жертвенную кровь. Н.Н. Калашникова также отмечает связь красного цвета с кровью. Однако подчёркивает, что кровь обозначает как жизнь, так и смерть. Имея в виду этнографический женский костюм XIX в., Н.Н. Калашникова отмечает, что очень часто в одежде женщин репродуктивного возраста преобладает красный цвет [12, с. 97]. Родство традиционно символизируется красным цветом. Следы красной краски сохранились на одном из предметов с сахтышской стоянки (ил. 7). То, что на этот представленный фрагментом двугранный костяной предмет были нанесены при помощи гравировки два разных орнамента (эти орнамента были реконструированы при помощи разного количества нитей), может быть подтверждением предположений, что мы имеем дело с предметами, значение которых сходно со значением эмегендеров. Предположим, они обозначают пояса как предметы одежды двух мужчин или результаты плетений двух человек. Все археологические предметы воспроизводились в нитях 1:1, причём требовалось разное количество нитей разной толщины, а также разной толщины спицы для каждого предмета. Все гравировки на костяных фрагментах своеобразны. Единой закономерности в количестве и толщине нитей, толщине спиц при реконструкции замечено пока не было, хотя эта закономерность может и присутствовать. Это свидетельствует о том, что гравировки на костях воспроизводили плетёные вещи, имеющие своеобразие.

Выше говорилось, что основная функция эмегендеров – способствовать благополучному исходу родов и охранять как роженицу, так и её дитя. Предположительно и костяные предметы, осколки которых мы имеем и анализируем, могли выполнять эту же функцию. В подтверждение этой гипотезы можно привести фотографию саамской матери (1917 г.), держащей в руках ребёнка в люльке, которые перевязаны тесьмой с орнаментом, аналогичным орнаменту на археологическом предмете «жезл» с сахтышской стоянки, но выполненной уже в технике ткачества (ил. 12). Связь материнства и ребёнка с этим орнаментом и его значение как берега очевидны. Данный орнамент встречается у этносов, принадлежащих к финно-угорской языковой семье (ил. 13).

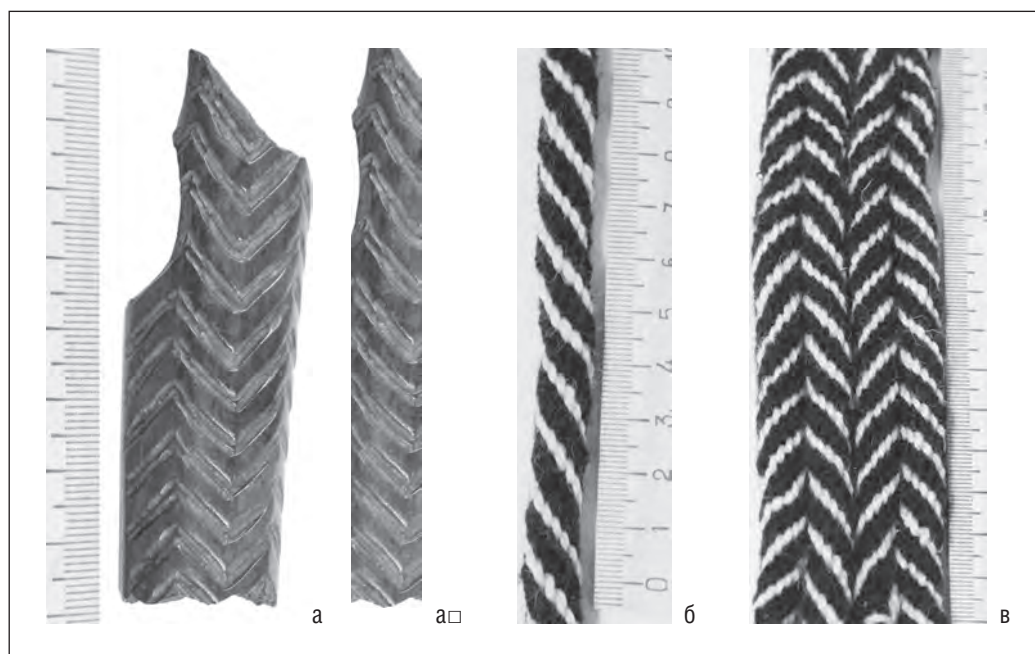

Ил. 12. Саамская мать с ребёнком (фото 1917 г.) [13, р. 556]

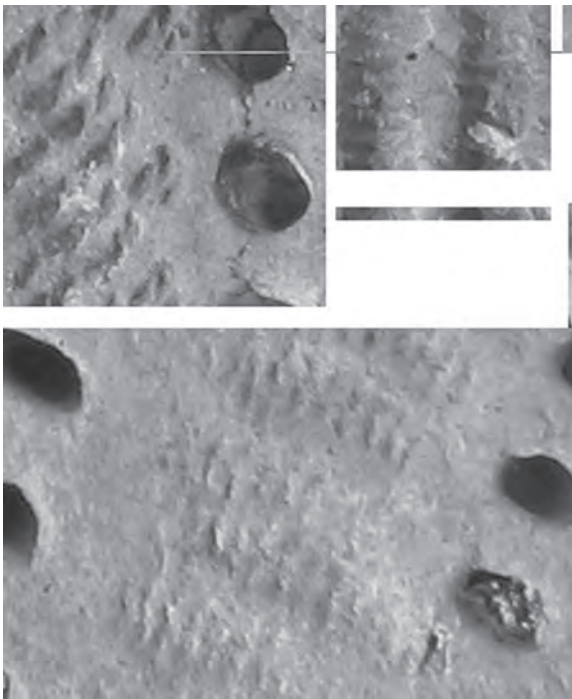
Особняком среди археологических предметов с орнаментом плетения с сахтышских стоянок стоит обломок орнаментированной и отполированной кости с однонаправленной гравировкой (ил. 14: а). Для плетёной реконструкции этой гравировки потребовалось 9 шерстяных основных нитей и одна шерстяная утолщённая (492 текс) нить: 6 чёрных (по 238 текс) и три жёлтых (по 381 текс). Раппорт состоял из трёх нитей: двух чёр-

Ил. 13. Ткачество на сволочке. Эстония. Тарту. Фото 1912 г. [14, лк. 18]

Ил. 14. Костяной орнаментированный предмет (стоянка Сахтыш I) и образцы плетёных изделий, сделанные по технологии «плетения на игле»: а, а□ – обломок костяного изделия; б – образец плетения по технологии «плетения на игле», повторяющий раппорт и направление спирали выделенного фрагмента а□; в – образцы, сплетённые по технологии «плетения на игле», сложенные вместе в соответствии с орнаментом, выгравированным на костяном изделии а

Ил. 15. Отпечатки нитей на керамике льяловской культуры. Стоянка Замостье V (фото В.В. Сидорова)

ных и одной жёлтой. Если при расшифровке культурных кодов предыдущих орнаментов при разнонаправленном плетении орнамент был связан со смертью и рождением, то в данном случае остаётся лишь одно значение. Так как в мифологии смерть предшествует рождению, предки предшествуют потомкам, то, скорее всего, здесь мы имеем дело с предметом, связанным с поминанием предков-прародителей.

Анализ и реконструкция археологических изделий со стоянок Сахтыш I и Сахтыш II открыли перед нами ещё одну особенность этой льяловской неолитической культуры: способность к счёту большими числами. Чтобы получить все раппорты на образцах реконструкции, надо было считать узелки, которые провязывались вокруг спицы, или считать круги, которые были провязаны от какой-либо выделенной и отмеченной отправной основной нити. Несомненно, символика в этих числах есть, но она пока не поддаётся дешифровке.

Для оценки правомерности высказанной выше аргументации по поводу знания и использования представителями льяловской культуры технологии «плетения на игле» важен вопрос о наличии соответствующих нитей, из которых можно было произвести изделия по данной технологии. Судя по некоторым археологическим находкам, материалы для плетения существовали. Есть отпечатки нитей на керамике льяловской культуры со стоянки Замостье V (раскопки В.В. Сидорова) (ил. 15): достаточно тонких, слабой крутки, что соответствует качеству нитей, подходящих для использования в технологии «плетения на игле». Но мы не знаем, из чего были изготовлены данные нити. Были они растительного или животного происхождения? Использование материалов растительного происхождения для производства лески, верёвки и нитей вполне возможно. В то же время Т.А. Хорошун упоминает об использовании волоса-шерсти в качестве отошителя при производстве ромбоямочной керамики в районе Ладожского озера (период с кон. V до 1-й пол. III тыс. до н.э.) [15, с. 255, 258], это позволяет предположить, что с шерстью в этот период уже работали. Растительные волокна (крапива, дикая конопля, дикий лён, лыко) и шерсть животных, дающих шерстяные волокна, годные для производства нитей при помощи верчи или протOVERетена (собака-лайка, олень, лось, заяц), были доступны и носителям льяловской культуры. Но более полный и точный ответ на поставленный вопрос может дать лишь дальнейшее исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жущиковская И.С. Гончарство первобытных культур юга Дальнего Востока как палеоэкономическое явление // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока (Проблемы исторической интерпретации археологических источников). М., 1994.
2. Ёлкина А. Плетеный орнамент и древнее ремесло // Знание – сила. 1982. № 1.
3. Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы) / С.В. Ошибкина, Д.А. Крайнов, М.П. Зимина. М., 1992.
4. Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М., 2004.
5. Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск, 1989.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 2. М., 1982.
7. Абрамова З.А. Древнейший образ человека: каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб., 2010.
8. Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлениям телеутов // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л., 1929.

9. *Баландина Г.М.* Традиционные женские ремесла Пинежья: Ткачество на станке. Плетение и ткачество поясов // Рукоделие. М., 1994.
10. *Пашкова З.Г.* Пинежский народный костюм XVIII – начала XX века. Карпогоры, 2008.
11. *Дыренкова Н.П.* Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // Советская этнография. № 6. 1936. М.; Л., 1937.
12. *Калашикова Н.Н.* Народный костюм (семиотические функции). Учебное пособие. М., 2002.
13. *Borg, Mesch.* Madonnas of Many Lands // National Geographic Magazine. Vol. 31. Washington, June. 1917.
14. *Rand, Piia.* Eesti kirivõõd. Tallinn, 2013.
15. *Хорошун Т.А., Кулькова М.А.* Технология изготовления и состав глиняной посуды неолита Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география: коллективная монография. Т. XII. СПб., 2014.

*Санкт-Петербургский университет технологии и дизайна,
Санкт-Петербург*

O.A. Pechurina

TO THE QUESTION OF THE ORNAMENTATION OF BONE ARTIFACTS OF L'YALOVO CULTURE

Summary

The article asserts that some bone ornamented products from the archeological sites Sahtysh I and Sahtysh II reproduce weaved patterns achieved through technology «weaving on the needle». The thoroughness of ornamentation execution and traces of ochre are pointing at the ritual meaning of these products.

*Saint-Petersburg University of Technology and Design,
18, Bolshaya Morskaya St., Saint-Petersburg,
Russia*

E-mail: pechurina2002@mail.ru

С.В. Горячёв

АТРИБУТЫ ВЕДИЧЕСКИХ БОГОВ В ПЕТРОГЛИФАХ ФЕННОСКАНДИИ И КАРЕЛИИ

Гипотеза, что источником некоторых сюжетов Вед являются реальные события, произошедшие не на территории полуострова Индостан, а в Восточной Европе, не нова. На эту тему уже опубликованы работы Б.Г. Тилака, Н.Р. Гусевой, С.В. Жарниковой и других исследователей [1; 2; 3]. Эта же гипотеза предполагает, что атрибутика бронзового и железного веков этих сюжетов: колесницы, золочёные доспехи, стальное оружие, дворцы – была добавлена к основе сюжета в более поздние времена.

Направлением моих собственных исследований в рамках этой гипотезы является поиск совпадений топонимики и географических описаний Вед (в первую очередь, Махабхараты [4]) с территорией Восточной Европы, а также совпадений хронологии ведических событий с хронологией, определённой по результатам археологических исследований. Есть некоторый положительный результат этих исследований, в частности по территориям Латвии, Эстонии, Финляндии и северным регионам европейской части Российской Федерации. Но наиболее важными доказательствами в пользу указанной гипотезы являются материальные свидетельства, в частности петроглифы.¹

Известно, что во всех религиях при изображении богов, святых и героев придерживаются определённых канонических признаков и их комбинаций. Эти каноны являются устойчивыми и сохраняются неизменными даже если изменяется технология создания изображения. С течением времени могут добавляться новые атрибуты, но при этом, как правило, древние атрибуты сохраняются. Все ведические боги от момента своего проявления в материальном мире антропоморфны, то есть первоначально имели одну голову, по одной паре рук и ног. Многорукость в изображениях богов – это больше художественный приём, позволяющий показать все функции и полномочия бога. В многоруких изображениях, в том числе скульптурах, каждая рука либо держит предмет, либо зафиксирована в символическом жесте. В Ведах есть объяснения, почему, например, Шива имеет синий цвет кожи, а Брахма стал четырёхликим. В объёме короткой статьи эту тему полностью раскрыть невозможно, поэтому перейду к конкретным изображениям богов.

Рассматривая изображения из презентации доклада А.М. Жульникова, на Тверской (с международным участием) археологической конференции (Тверь, 2013 г.), я, прежде всего, обратил внимание на петроглиф на территории Швеции, который обладает практически всеми каноническими элементами изображения бога Шивы. Для наглядности сравним этот петроглиф² с современной иконой Шивы: по [6] (ил. 1).

Из канонических атрибутов Шивы на шведском петроглифе отсутствует трезубец, и этот факт может являться подтверждением того, что во время создания этого петроглифа на территории Швеции ещё не существовали технологии обработки металлов, при помощи которых мог быть создан трезубец. Важно: в регионе, где находится петроглиф “Шивы”, протекает река Шуа, что является ещё одним из 180 имён бога Шивы. Обратим внимание и на причёску “Шивы”, изображённого на петроглифе, – извилистая линия на затылке это – не прядь волос, а поток «небесной Ганги», которая хлынула на Землю во время «потопа», но Шива своими волосами замедлил поток воды, чем уменьшил её разрушительную силу.

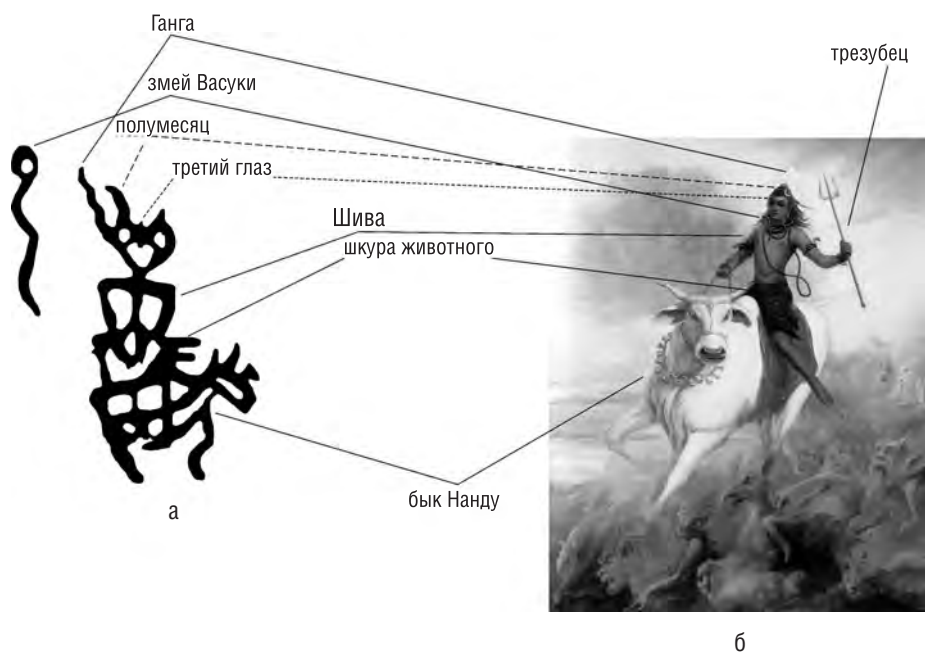
Поток небесной Ганги разделил волосы Шивы, и на некоторых изображениях они могут выглядеть как рога. Возможно, другими, более примитивными изображениями бога Шивы на петроглифах являются человеческие фигуры с тремя «рогами», из которых два боковых «рога» – это волосы Шивы, а средний – небесная Ганга.

Все ведические боги имеют «вахану» – животное для передвижения, но его изображение не является обязательным атрибутом. В частности, «вахана» Шивы – бык Нанду. Бык является ваханой и бога смерти и справедливости – Ямы, но, в отличие от Шивы, Яма держит в одной руке дубину, а в другой аркан.

От Шивы его жена Парвати на горе Швета родила сына Сканду, который на **шестой день** убил царя чёрных демонов (асуров) Тараку. В индуизме Сканда является богом войны, а один из его символов – **шести-**

¹ В данной статье ограничусь только темой атрибутов ведических богов в петроглифах Фенноскандии и Карелии.

² Благодарю А.М. Жульникова за предоставленный рисунок (см.: [5]).

Ил. 1. Совпадение атрибутов на петроглифе (а) с современной иконой бога Шивы (б)

конечная звезда. На санскрите слова «Сканды море» звучат как «скандинава», то есть имя Сканды, сына Шивы, увековечено в названии региона.

К каноническим атрибутам бога-Творца **Брахмы** относятся «четырёхликость», красный цвет кожи, а его ваханой – животным для передвижения – является лебедь. Такие атрибуты есть у изображений на петроглифах на восточном побережье Онежского озера.

Самым известным из онежских является изображение «Брахмы» на мысе Бесов Нос (ил. 2: а). Квадратная голова этого антропоморфного изображения символизирует четырёхликость «Брахмы», согнутые ноги показывают, что «Брахма» сидит. Изображение «Брахмы» выбито на камне, красный цвет которого является атрибутом Брахмы. Вахана Брахмы – лебедь – у этого изображения отсутствует.

На мысе Пери Нос, на поверхности красного цвета, который сам является атрибутом Брахмы, нанесены два изображения, имеющие атрибуты бога Брахмы: Брахма на вахане-лебедь, являющемся атрибутом Брахмы (ил. 2: б), и Брахма с атрибутом «четырёхликость», выраженным в виде квадратной головы с бородами правого и левого лица (ил. 2: в). Для сравнения на ил. 3 показаны скульптура Брахмы (а) и современная икона Брахмы (б).

Вероятно, наличие изображений Брахмы в Прионежье свидетельствует о существовании его культа в данной местности, а это подразумевает возможность наличия домашних алтарей, посвящённых Брахме. Домашние изображения Брахмы могли быть изготовлены из сравнительно недолговечных материалов, таких как дерево или необожжённая глина, которые для соблюдения атрибутики могли окрашиваться охрой. Окраска охрой при отсутствии устойчивого связующего состава (например, растительного масла) требова-

Ил. 2. Изображения бога Брахмы: а – на мысе Бесов Нос (по [7, рис. 26]); б, в – на мысе Пери Нос (по [7, рис. 5])

Ил. 3. Изображения Брахмы: а – скульптура (по [8]); б – современная икона (по [9])

ла периодического обновления, для чего при домашнем алтаре держали запас охры, который мог храниться в сосудах с атрибутикой Брахмы – например с изображением лебедя-ваханы Брахмы. В свою очередь, осыпавшаяся с домашнего алтаря охра со временем могла образовать на полу значительный слой. Возможно, эту версию подтверждают находки в Прионежье И.Ф. Витенковой, представленные в её докладе на V Тверской археологической конференции (см.: [10]) «Цвет жизни – красный».

Брахма и Шива – составляющие ведической Троицы – Тримурти, центральной фигурой которой является Вишну – Хранитель Мира.

Канонически Вишну изображают лежащим на свернувшейся змее Шеше или летящим на орле Гаруде. В составе композиций без принадлежащих только ему атрибутов Вишну можно спутать с изображениями других богов. Следует отметить, что основная функция Вишну как «Хранителя Мира (вселенной)» в значительной степени тождественна функции «Земли покровитель», что на санскрите звучит как «Ку Пала».

В пантеон главных ведических богов также входит Индра, но при внимательном изучении темы становится ясным, что культ Индры мог возникнуть, как самостоятельный, у народа, живущего севернее полярного круга, и затем войти в состав ведических верований.

По доступной мне информации о петроглифах и писаницах на территории Финноскандии и Карелии изображений Вишну и Индры я определить не смог.

В тех сюжетах Вед, которые по гипотезе могут относиться к восточноевропейскому периоду, население составляют не только племена культа ведических богов, но и иноплеменники – млеччхи, среди которых особо близкими выделены племена нишадцев – охотников и рыболовов, которым тем не менее запрещено было рассказывать Веды и которых нельзя было подпускать близко к алтарю при исполнении религиозных обрядов. Но какое-то смешение культур всё-таки происходило, так как некоторые языческие обряды коми, ненцев, манси, а возможно и других финно-угорских народов, совпадают с ведическими.

Нельзя не обратить внимания и на цепочку терминов: культовые места народов европейского севера называют «сейд», ненцы называют деревянные изображения своих богов «сядява», а на санскрите слова «подобие бога» звучит как «се дева» – то есть взаимосвязь просматривается достаточно хорошо: **сейд – сядява – се дева** (подобие бога) [11].

Изображение “бога” в комплексе Бесовы Следки, то есть изображение мужчины с гипертрофированными половыми органами, не относится к ведическим богам, но находится на территории Финноскандии. В ведическом мировоззрении интимная связь между женщиной и мужчиной не считается грехом, хотя и строго регламентируется обычаями. Существует поклонение изображениям лингама и йони, соответственно мужскому и женскому половым органам, но при этом не было божества, изображённого подобно “богу” из Бесовых Следков (ил. 4).

Подсказкой при поиске аналога изображённого божества оказались изображения кораблей рядом с фигурой “бога”, а также аналогичные корабли на скале Залавруги. Изображение корабля на одном из наиболее чётких петроглифов Залавруги по значимым деталям совпало с рисунком-реконструкцией военного корабля Древнего Крита (ил. 5).

Знакомясь с темой мифологии и религии Крита и его ближайших соседей, я обнаружил совпадение атрибутов изображений древнеегипетского бога Мина и “бога” на скале у бывшего водопада Шойрукшин, то есть на скале Бесовых Следков (ил. 6), а именно:

- гипертрофированные половые органы;
- отсутствие руки и ноги.

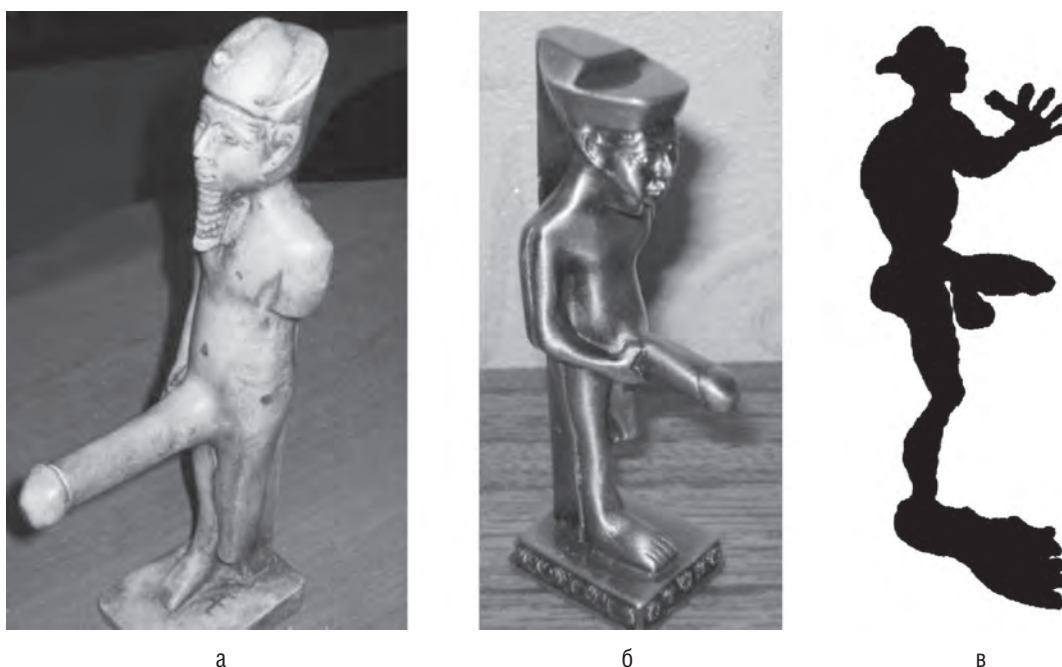
Также надо обратить внимание на место размещения петроглифа – предполагаемый Мин был выбит у подножия водопада, а водопад это ступень в русле реки. Но и бога Мина в Древнем Египте чествовали в праздник первого урожая, который назывался «праздник ступеней» – ещё одна взаимосвязь.

Ил. 4. Комплекс петроглифов Бесовы Следки (по [7, рис. 165])

Ил. 5. Изображение кораблей: а – на скале Залавруга (прорисовка по фото С.В. Горячёва); б – древнекритского корабля на вазе из Тебена (по [12]); в – рисунок-реконструкция на основе изображения б (по [13])

Ил. 6. Изображения богов: а, б – египетские статуэтки бога Мина (по [14 и 15]); в – на скале водопада Шойрукшин (по [7, рис. 165])

Бог Мин был покровителем караванов и торговцев, но прежде всего он был богом плодородия и скотоводства. В мифологии северных соседей Крита на полуострове Пелопонес богом плодородия и скотоводства был Пан, который похож на бога Мина, но был рогат и козлоног. Возможно, на скале у бывшего водопада Шойрукшин изображение бога Мина имеет отдельные атрибуты бога Пана, то есть выступ на затылке может изображать рога, а в руке у него свирель, как у Пана.

Направление следов “Мина” на петроглифах ни на Египет, ни на Крит точно не указывает. Если линию, проходящую между первым следом и ступней Мина продолжить, то, по направлению движения, она пройдет через побережье Алжира, а затем через Выборг на берегу Финского залива, то есть приблизительно через устье реки Вуоксы, с которой до образования реки Нева начиналась водная система, соединяющая Балтийское и Белое моря.

В целом культ бога Мина мог придти с юго-запада, в том числе и из Средиземноморья, вместе с караваном кораблей, изображенных рядом с ним. Если учесть изгибы траектории «следков», то они приблизительно совпадают с руслом реки Выг на участке от Выгозера до водопада Шойрукшин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. М., 2001.
2. Гусева Н.Р. Русский Север – прародина индославов. М., 2010.
3. Жарникова С.В. Золотая нить. Вологда, 2003.
4. Махабхарата. Адипарва / Перевод с санскрита и комментарии В.И. Кальянова. Под ред. А.П. Баранникова. М., 1992.
5. Fandén, A. Schamanensberghällar nyatolkningsperspektiv på den norrländska hällristnings-ochhällmålningstraditionen. Östersund, 2002.
6. Ил. 1: б – <http://cigane.clan.su/forum/8-366-9>
7. Жульников А.М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006.
8. Ил. 3: а – <http://refdb.ru/look/1195511.html>
9. Ил. 3: б – <http://vozroждение.rolevaya.ru/viewtopic.php?id=5&p=6>
10. Витенкова И.Ф. Цвет жизни – красный: использование минеральных красок древним населением Карелии // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015.
11. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: около 30 000 слов / Под ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка. 3-е изд. М., 2005.
12. Ил. 5: б – <http://parus-a.chat.ru/parus8.htm>
13. Ил. 5: в – <http://korap.ru/index/0-28>
14. Ил. 6: а – <http://forum.lenizdat.org/index.php/topic.810.45.html?PHPSESSID=1c3247...>
15. Ил. 6: б – <http://www.tury.ru/photo/id/344561>

Тверь

S.V. Goryachyev

ATTRIBUTES OF VEDIC GODS IN PETROGLYPHS OF FENNOSCANDIA AND KARELIA

Summary

The article deals with the possibility of coincidence of traditional attributes belonging to Vedic Gods Shiva and Brahma with a complex of elements of some anthropomorphous images found in the territory of Fennoscandia and Karelia. On the basis of the found coincidence, the author makes a conclusion that the anthropomorphous image on the cape Besov Nos called «Bes» is the image of God Brahma. The ochre drawing on the rock in the territory of Sweden (Jämtland) – the rider on a bull – is the image of God Shiva.

The author highlights the fact that the anthropomorphous image called «Bes» from the complex of petroglyphs «Besovy Sledki» has attributes of Ancient Egyptian God Min.

*84, 1b, Artyukhinoy St.,
Tver, 170036,
Russia*

E-mail: let-s-gor@mail.ru

И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых
ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦОВ
И ЕГО ДНЕВНИКИ

В настоящее время в Государственном историческом музее и Институте археологии РАН завершена подготовка к изданию дневников Василия Алексеевича Городцова (1860–1945) – выдающегося русского учёного, создателя московской школы советских археологов, профессора Московского университета, одного из крупнейших представителей отечественной археологической науки 10-х–40-х годов XX века. Научная, педагогическая, музейная и общественная деятельность В.А. Городцова проходила в Императорском Российском (затем Государственном) Историческом музее (1903–1929), Московском археологическом институте (1907–1915) и Народном университете им. А.Л. Шанявского (1915–1918). После революции профессор В.А. Городцов (получил звание в 1918 г.) продолжил педагогическую деятельность в 1 Московском государственном университете (1919–1930, 1935–1938, 1941–1945) и Институте философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (1938–1941), а научную – в Институте археологии и искусствознания РАНИОН, Московском отделении ГАИМК и ИИМК, Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР. В 1919–1926 гг. Василий Алексеевич фактически возглавлял археологическую службу России, будучи руководителем Археологического подотдела Музейного отдела Народного комиссариата просвещения РСФСР. За свою жизнь он открыл и исследовал сотни археологических памятников, многие из которых стали известными для целого ряда археологических культур. О высоком авторитете учёного свидетельствует членство во многих российских и зарубежных научных обществах. Список его опубликованных работ невелик (не более 200) по сравнению с таковым большинства современных историков и археологов. Но в начале прошлого века труды Городцова явились базовыми, во многом определившими развитие отечественной археологии в XX веке и в наши дни.

Личность В.А. Городцова давно привлекает к себе внимание исследователей: воспоминания и статьи о нём оставлены коллегами, учениками и биографами [1, с. 11]. В последние десятилетия интерес к жизненному пути и научному наследию патриарха отечественной археологии только возрастает. Свидетельством тому – диссертации [2; 3], книги [4], сборники статей, указатели трудов, юбилейные выставки и конференции. В то же время источниковедческая база многих работ о Городцове невелика и основана, главным образом, на пересказе воспоминаний его учеников. Сама канва жизненного пути Василия Алексеевича наметена в этих трудах лишь в самых общих чертах. Из статьи в статью, из книги в книгу перекочёвывают явно ошибочные детали его биографии. Исключение в этом ряду – рязанский период жизни учёного, которому посвящена монография А.В. Жука [4], основанная на архивных источниках.

Подробности жизни В.А. Городцова и ценнейшие биографические сведения содержатся в большом научном архиве учёного, который хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (фонд № 431). Этот архив передал в музей в 1957 г. сын учёного – Мстислав Васильевич Городцов (1899–1968) (см. о нём: [5]). Впервые краткий обзор фонда составил Р.Л. Розенфельдт [6]. Дальнейшую систематизацию документов рукописного архива провела сотрудник отдела археологии ГИМ Л.В. Грехова, а подробное научное описание сделано сотрудниками ОПИ ГИМ И.В. Белозёровой, Н.Б. Стрижовой и О.И. Самсоновой в 1982–1985 гг. [7].

Особый интерес в этом фонде представляют личные дневники учёного, которые Василий Алексеевич вёл на протяжении более полувека (1892–1944 гг.). Сохранилось 80 тетрадных блоков в чёрных дерматиновых обложках размером в ¼ листа (ил. 1–5). К сожалению, дневники мало привлекались в исследованиях о Городцове [8–11], а опубликованными оказались только небольшие отрывки из них [12, с. 117–128; 13, с. 208–215]. Между тем они являются уникальным источником по истории русской и советской археологии, а также научных, музейных, педагогических и управленческих учреждений, с которыми была связана деятельность В.А. Городцова.

Спектр проблем, волновавших Василия Алексеевича, был чрезвычайно широк. Но наиболее полную информацию дневниковые записи дают о его научной работе. Свои записи он вёл при любом удобном случае – дома, в поездках и командировках, на заседаниях и конференциях. Непосредственное воспроизведение действительности по горячим следам, записи о событиях, встречах, характеристика окружающих его людей дают возможность восстановить множество фактов, которые не отражены в других видах источни-

Записки 1893 года.

1. Естественная древность.

19 Июня произведен осмотр старого берега р. Волги на протяжении ^{от} Монашского монастыря, у д. Мереховой. На среднем расстоянии, между поименованными пунктами, найден на поверхности почвы кремневый осколок типичнейшей формы. Скрыт следом на песок, но естественный вид камня всецело волжская расклевка; около него следов простого ваурика и гальки, которые здесь расклеваны по всему берегу и пролезают по ваурикам лишь, слагаясь в правый берег Волги. Не осмотрев все типичнейшей обломки берега, дружка камней во приречных образованиях речки доисторическую основу здесь не было найдено. Не открыто также остатков культурной почвы или каких-либо следов дружка приречных образований на берегу первоначальной волжской. Эти приречные следы удачно найдены в д. Мереховой, не далее 1/4 версты от места расклевки Скрябина.

Ил. 1. Страница из дневника В.А. Городцова за 1893 год (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 320. Л. 2). Б/м

Соросы мха.

Внутренн. мха.

10 июня на берегу Волги,
против Замановой каменит
очень хорошей софранности
Belonites Panderi.

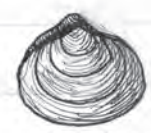
По берегу Волги собраны
современные раковины: *unio*,
paludina и ~~одна вид~~ *Cyclus*
~~такой раковины~~ *unio* ~~неизвестна~~

Paludina vesper

Limnea Paludina.

Cyclus cornaca

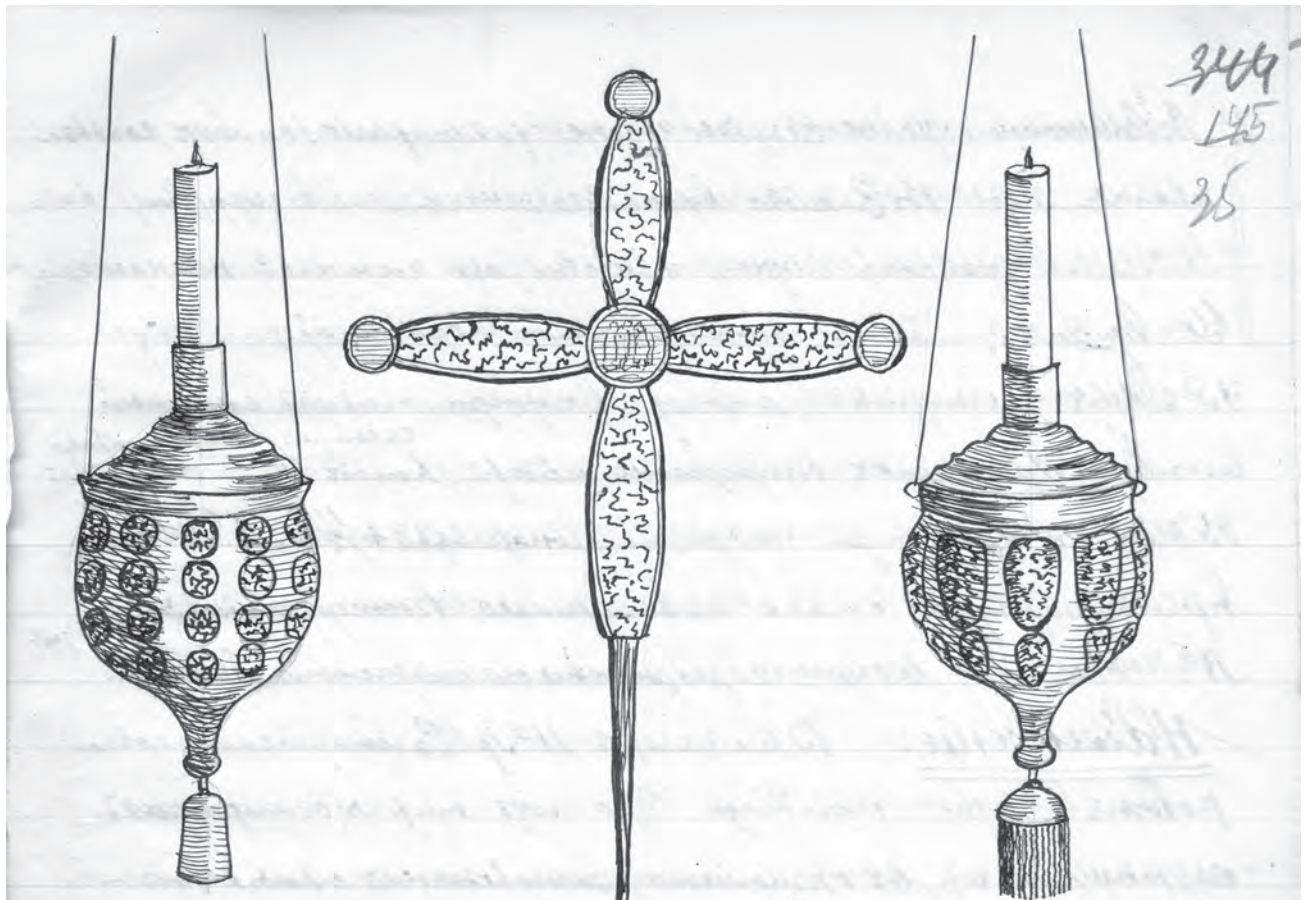
unio.

unio. sverff.

Раковина *Paludina* N. 1. закрывается сзади круглой,
(apic), которой прикрепленъ въ слизистку и когда
этотъ покрывающъ сзади въ раковинѣ, то крышка
герметически закупориваетъ устье раковины

Ил. 2. Страница из дневника В.А. Городцова за 1893 год (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 320. Л. 68). Б/м

Лампады и крестъ церкви Иоанна Златоуст., в Корави.

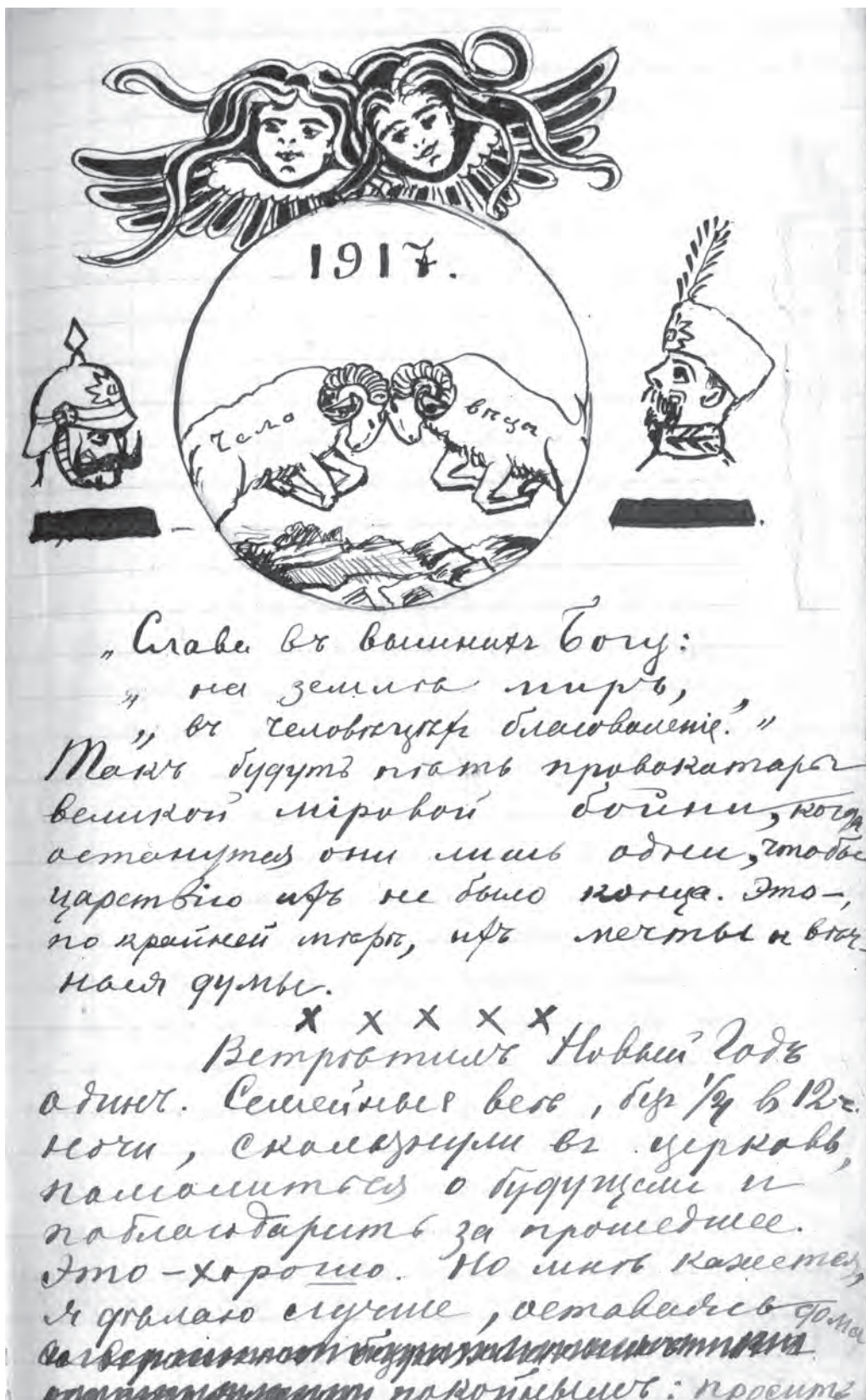

Изразки церкви Иоанна Златоустаго.

Иур. церкви Ник. Мокрого.

Ил. 3. Страница из дневника В.А. Городцова за 1893 год (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 321. Л. 35). Б/м

Ил. 4. Страница из дневника В.А. Городцова за 1917 год (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 344. Л. 2). Б/м

102

Сегодня мороз до -10° . Зимы, как и в прошлые,
чуждым выносом.

22 ноября.

Сильно болело в спине ночью. Погода неясная.
Купил фото на ^{после} старухе Баниманов 400 р.

23 ноября.

Сквозь растения и кожу, особенно замоченой,
чувствую, что ваташки ей еще вены. Носятся
действуют на меня, отожде, ахско. Жидкая кровь
идет в ребра, отлучает кожу болят и
чешут. Раствором духа чистотелом

26 ноября.

Просрастна придем боллеопат. акаржоба, так как
болел не шална аботуралиа.

ков и в официальных документах. Кроме того, они в большинстве сделаны по свежим следам, факты точно датированы, что крайне важно для интерпретации и понимания целого ряда событий отечественной истории и, конечно, истории развития археологии в СССР.

В.А. Городцова по праву считают одним из основоположников отечественной археологической науки. Он был крупнейшим практиком, теоретиком и организатором науки, стоял у истоков многих начинаний. Поэтому так важно посмотреть на многие события и процессы в науке его глазами, сопоставляя и сравнивая его сведения с официальными источниками и мнениями коллег. Вообще всем своим записям учёный всегда придавал большое значение, поэтому все папки, тетрадные блоки, дневники были им пронумерованы. Текущие и наиболее важные события заносились в личные дневники, сведения о раскопках – в полевые дневники (черновые и беловые), конспекты научных трудов разных авторов и прослушанных докладов – в блокноты или на отдельные листы (в дневниках они отмечены), которые, в свою очередь, для удобства помещались в специальные папки по темам (а внутри ещё делились по рубрикам) с обозначением: неолит, палеолит, этнография, металл, скифы, славяне, геология и т.д. Это было важно ему самому для быстрого поиска нужной информации. К сожалению, при передаче архива в ГИМ был нарушен порядок хранения материалов, который строго и неукоснительно соблюдался учёным.

Дневники В.А. Городцова – важнейший источник по истории России. В них нашли отражение самые разные события: Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная войны, революции 1905 и 1917 гг., послереволюционная смута и голод в центральных губерниях Европейской России, на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе и в Сибири, коллективизация, гонения на церковь и интеллигенцию и др.

После революции Василий Алексеевич был непосредственным свидетелем деятельности новой власти в отношении исторических и церковных ценностей, научных учреждений и музеев. Немало строк в дневниках посвящено закрытию и уничтожению храмов и монастырей, разгрому кладбищ, сносу памятников.

Особенностью дневников Городцова является, помимо регулярных текущих записей, множество воспоминаний о детстве, юности, прошлых годах, биографические данные, философские размышления, т.е. бесценная и порою уникальная информация о жизни и судьбе учёного, которую мы никогда не найдём в официальных источниках. Записи дают более полное представление о личности учёного и его индивидуальности. Они позволяют проследить процесс развития творческой мысли исследователя, проанализировать эволюцию его научных и гражданских взглядов, выявить жизненные принципы и мироощущение.

Коллеги и ученики знали Василия Алексеевича как активного, энергичного, целеустремленного человека и учёного, но лишь в дневниках он поверял свои мысли о трудностях, неудачах, бедственном материальном положении, ухудшении здоровья, проблемах в семье, критическом отношении к церкви, духовенству и вообще к религии, часто непростых взаимоотношениях с коллегами, учениками и др.

В дневниках зафиксирована панорама событий и судеб не только автора дневников и его семьи, но содержится информация о многих отечественных и зарубежных деятелях науки и культуры. Круг связей и знакомств В.А. Городцова был огромен (более тысячи человек по материалам его архива) и охватывал не только Москву и Петербург–Петроград–Ленинград, но и российскую глубинку. Среди тех, с кем он состоял в переписке, встречался в Историческом музее или в поездках, о ком вспоминал, – историки, археологи, антропологи, этнографы, генетики, нумизматы, музейные сотрудники, искусствоведы, краеведы, коллекционеры, художники, писатели, военные, общественные деятели и др. Занимая высокий административный пост в Наркомпросе РСФСР, Василий Алексеевич встречался с некоторыми партийными деятелями (А.С. Бубнов, А.В. Луначарский, Ф.Н. Петров, В.М. Фриче и др.). На протяжении всей научной деятельности он поддерживал связи с иностранными учёными (барон Ж. де Бай, Ю. Айлио, А.М. Тальгрэн, Г. Мергарт, Э.Х. Миннз, Т. Арне, В. Антоневиц, Е.А. Гольмшток, К. Абсолон и др.).

Планировал ли Городцов когда-либо обнародовать или опубликовать свои многолетние дневниковые записи? Вот что пишет об этом сам автор (16.09.1937): *«С глубокой грустью я смотрю на массу тетрадок, посвященных мною интимным дневникам. Кому они нужны? Для кого я их писал? Полагаю, что никому они не нужны и знаю, что писал их только для самого себя. Вспоминал ли я прошедшее, записывал ли настоящее или устанавливал своё отношение к беспредельному миру, всегда мною руководило желание разъяснить самому себе явления, понять их и представить так, как я их когда-то видел, и как хотелось бы мне их видеть теперь, спустя много лет... Мне кажется, что для самоудовлетворения и тихой внутренней радости я пишу и люблю писать. В самом деле, своих дневников я почти никому не читаю... другим людям они совсем не нужны, и поэтому никому из посторонних я никогда не дерзал читать»*. Скорее всего, дневники поначалу не предназначались для чужих глаз, поэтому в них не случайны резкие отзывы о людях, не всегда объективные характеристики ряда современников из академических или партийных кругов, не отредактированные, «неприглаженные» выражения, антисемитские высказывания, применяемые как в бытовом плане, так и в отношении людей из учёной среды, – явление, впрочем, довольно распространённое в среде интеллигенции того времени... Между тем в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Городцов не исключал вероятности того, что его записи могут быть кем-то прочитаны. Не потому ли некоторые из страниц дневника оказались вырезанными?

В один из октябрьских вечеров 1930 г. Василий Алексеевич в минуту отчаяния сжёг около 60 тетрадок за 1917–1930 гг. Позднее (14.10.1930) учёный сожалел о содеянном, об утраченных дневниках: *«Мне жалко вас, как жалко хороших умерших друзей. Мне жалко вас, как спутников и свидетелей самых тяжких моментов моей жизни, как спутников и свидетелей самых драматических и трагических переживаний всего русского народа, насколько эти переживания осознавались и понимались мною»*. Что было в этих уничтоженных

дневниках? Какие мысли автор посчитал опасными и поэтому решил сжечь свои записи? Ведь в те времена и за куда менее резкие высказывания, а то и просто без всякого повода люди попадали под нож репрессий. Коллега В.А. Городцова по Историческому музею нумизмат А.В. Орешников, ведший дневник на протяжении двух десятилетий, не мог откровенно поверять дневнику свои мысли в 1920-е гг. [14; 15]. Другие авторы дневников по мере обострения общественно-политической ситуации в стране, опасаясь за жизнь свою и близких, не решались их продолжать и прерывали или уничтожали записи. Например, другой коллега В.А. Городцова, историк Ю.В. Готье, летом 1922 г., опасаясь ареста, прервал свой дневник и переправил его за границу [16]. Годом позже, в 1923 г., прекратил вести дневник историк С.Б. Веселовский [17]. И так поступали многие.

В дневнике за 1931 г. В.А. Городцов попытался по памяти восстановить некоторые события 1925–1929 гг. (поездки, командировки, научные труды). Однако затем он оставил эту идею, записав: *«Мне приходит мысль не пытаться восстановить погибшее в огне, так как всё равно я не в силах восстановить это погибшее, но в то же время возникает желание хотя бы что-нибудь сохранить для собственного воспоминания в будущем, когда память ещё более ослабеет. Между тем я помню, какое глубокое впечатление на меня производят те мемуары и какое великое счастье я испытывал, когда находил время их прочитывать»*.

Вновь продолжив регулярные дневниковые записи с октября 1930 г. и ведя их до конца жизни, Городцов тем не менее не ограничивал себя особой самоцензурой в политическом и идеологическом отношении. В его ранних дневниках немало критики в адрес представителей старой, императорской, власти, дома Романовых и лично Николая II. В записях за 1930-е–1940-е гг. постоянно присутствуют безрадостные оценки результатов политики новой власти: финансовый кризис, голод (после революции и в конце 1920-х и начале 1930-х гг.), дороговизна, спекуляция, воровство, разбой, сокращения и увольнения коллег, аресты многих знакомых ему людей. В разгар социалистического переустройства всего уклада жизни Городцов записал в дневнике (25.09.1931): *«Сегодня мне кажется, что погода является символом переживаемого общественно-экономического настроения, переживаемого тяжёлого безвременья, когда безотчетный страх и ужас овладели русским народом»*.

Для первой публикации дневников В.А. Городцова подготовлены записи за 1928–1944 гг. Они охватывают наиболее плодотворный и активный период общественной, педагогической и научной деятельности учёного. На эти годы приходится его работа в ГИМе, 1 МГУ, Московском отделении ГАИМК–ИИМК, Музейном отделе НКП РСФСР, Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР, МИФЛИ и др. К сожалению, дневники за 1920-е и 1939-е–1940-е гг. отсутствуют в архиве; кроме того, тексты некоторых дневников сохранились не полностью: за 1928 год они начинаются с мая, за 1930-й и 1940-й годы – с осени.

Так как во многие свои дневники за 1930-е–1940-е гг. сам автор вводил немало воспоминаний (о детстве, юности, семье и пр.), мы посчитали необходимым включить в издание тексты двух сохранившихся в архиве тетрадей, озаглавленных: «В ночном (воспоминание о давно-давно минувшем детстве)» (17.02.1944) и «Воспоминание детства» (17–30.04.1944). В книгу вошли также документы: «Сведения о научной деятельности профессора Василия Алексеевича Городцова» (с 1888 по 1930 г.) (ОПИ ГИМ. Ед. хр. 114. Л. 1–16, 47–50) и «Памятка о совершённых подвигах и выдающихся событиях В.А. Городцова (1922–1944)» в 2-х тетрадях (Ед. хр. 357). В них содержится простой перечень основных событий в жизни учёного в хронологическом порядке – публикации научных трудов, выступления, командировки, служебные назначения, чтение лекций, награды и пр. Эти документы частично восполняют утраченные дневники учёного за 1920-е годы.

Введение в научный оборот дневников В.А. Городцова даст возможность поместить их в мемуарный ряд отечественной исторической литературы наряду с другими подобными изданиями, например дневниками историков Ю.В. Готье [16], С.Б. Веселовского [17], М.М. Богословского [18], А.В. Орешникова [14; 15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарецкая И.М., Серова Г.Т., Чайникова Е.И. (сост.). Хронологический указатель трудов В.А. Городцова. Литература о жизни и трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
2. Мелешко Б.В. Научное наследие В.А. Городцова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
3. Сафоноз И.Е. В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002.
4. Жук А.В. Василий Алексеевич Городцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск, 2005.
5. Смирнов А.П. М.В. Городцов: [Некролог] // СА. 1969. № 4.
6. Розенфельд Р.Л. Рукописный архив В.А. Городцова // СА. 1964. № 1.
7. Самсонова О.И. Сокращенный вариант описи архива В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (ТГИМ. Вып. 68)
8. Белозерова И.В. Музейная деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (ТГИМ. Вып. 68)
9. Стрижова Н.Б. Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (ТГИМ. Вып. 68)
10. Стрижова Н.Б. Московский археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.
11. Студзицкая С.В. Государственный Исторический музей и В.А. Городцов // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (ТГИМ. Вып. 68)
12. Городцов В.А. Музей, события, люди... / Публ. И.В. Белозеровой // И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники письма. К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997.

13. Белозерова И.В. Воспоминания В.А. Городцов о В.И. Сизове // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. (ТГИМ. Вып. 124)
14. Орешников А.В. Дневник. Кн. 1: 1915–1924 / Сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. М., 2010.
15. Орешников А.В. Дневник. Кн. 2: 1925–1933 / Сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. М., 2011.
16. Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.
17. Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923 годов // Вопросы истории. 2000. № 2–12, 14.
18. Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея / Публ. и коммент. Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. М., 2011.

**ФГБУК «Государственный исторический музей»,
Москва**

**Институт археологии РАН,
Москва**

I.V. Belozyerova, S.V. Kuzminykh

VASILIIY ALEKSEEVICH GORODTSOV AND HIS DIARIES

Summary

The paper discusses the preparation for publication of diaries of V.A. Gorodtsov – one of the founders of the Russian archaeology. The panorama of Russian life for more than 50 years is reflected in the diaries of the scientist. Diaries for 1928–1944 are prepared for the edition. There are also three appendices which partly fill the lost diaries for 1919–1927 (more than 60 notebooks) destroyed by Vasily Alekseevich during the most difficult period of his life.

**Federal State Budgetary Institution of Culture
«State Historical Museum»,
1/2, Krasnaya Sq., Moscow, 109012,
Russia
E-mail: irina.belozero@yandex.ru**

**Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru**

С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова

В.А. ГОРОДЦОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НАУЧНАЯ, МУЗЕЙНАЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Первая мировая война – ключевое событие начала XX века, в корне изменившее последующие судьбы Европы и России. Война и вызванные ею революции 1917 года прервали поступательное развитие Российской империи. Беды и страдания вошли в дворцы и хижины. Молох войны коснулся всех слоёв русского общества, что не могло не найти отклика у его наиболее просвещённой части.

За сто лет, прошедших после окончания войны, ей было посвящено большое количество опубликованных документов (мемуаров, воспоминаний, дневников, писем), а также специальных научных исследований, в том числе и в русской эмигрантской литературе. Во многих из них отмечалось, что изначально Первая мировая война рассматривалась русским обществом как отечественная, справедливая. В Советской России отношение к ней коренным образом изменилось – эта война стала восприниматься правящими кругами как война империалистическая, несправедливая. В итоге тысячи её участников, представителей «старой армии», – георгиевских кавалеров, офицеров и простых солдат, многие из которых пришли с войны инвалидами, не дождалась помощи и уважения от государства, но, что ещё страшнее, – оказались в забвении, став чуть ли не врагами своей страны.

Если в Европе до сих пор жива историческая память о миллионах безвинных жертв, высятся мемориалы в честь героев и неизвестных солдат той войны, ухожены погребальные поля их последнего упокоения, то в России, понёсшей огромные людские потери, не сохранилось ни обелисков, ни солдатских кладбищ. Память о войне стала делом сугубо семейным: мы продолжали чтить здравствовавших дедов, отцов и братьев, вспоминали погибших, умерших от ран и в плену, пропавших без вести. Фотографии храбрых рядовых, унтер-офицеров и офицеров долгие годы и десятилетия сохранялись и до сих пор хранятся во многих семьях по всей бывшей империи, а наряду с ними – письма из окопов Восточной Пруссии, Галиции, Волыни и Анатолии, дневники и воспоминания участников и очевидцев событий того героического времени.

В год столетия начала Первой мировой войны интерес к этому кругу письменных источников неизмеримо вырос. И дело здесь не только во всё возрастающем осознании того, что мировая война круто изменила судьбу России и миллионов её граждан. В наши дни важно увидеть и оценить, как война преломилась в судьбах рядовых очевидцев тех событий, как проявились в экстремальных условиях патриотизм и героизм, предательство и трусость, достойные уважения и не самые лучшие черты русского солдата и граждан России в целом.

Герой нашего очерка – Василий Алексеевич Городцов (1860–1945), выдающийся русский археолог, в дни начала войны хранитель Российского Исторического музея (РИМ) и преподаватель Московского археологического института (МАИ) – по возрасту не был призван на воинскую службу, но в силу черт своего характера, обострённого патриотического отношения к войне и семейных обстоятельств стал её летописцем (ил. 1). Его дневники (19 тетрадей) в Отделе письменных источников (ОПИ) ГИМ (Фонд 431) – свидетельства рядового очевидца событий, наблюдавшего за ними в тылу, и в этом их особая ценность и колорит в отличие от мемуаров и воспоминаний военачальников, политиков, предста-

Ил. 1. В.А. Городцов в первом штатском костюме. 1905 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 470. Л. 27). Б/м

вителей высшей знати. Городцов пророчески рассматривал свои записи, как «отражение захватившей нас великой народной жизни. Бог знает, может быть, самые мизерные мелочи, слухи, сплетни окажутся впоследствии интересными и важными, так как в них может выразиться какая-нибудь особенная черта жизни». В его дневниках отражены не только личное восприятие войны, свидетельства знакомых и родных, вести с фронта, но и циркулирующие в обществе многочисленные слухи, разговоры незнакомых людей, случайно услышанные в транспорте, на улице. Городцов пытался оценить отношение к войне в русском обществе в целом – от придворных кругов до настроений в деревне, приводя различные точки зрения и в то же время высказывая собственный взгляд на те или иные события. Всё это позволяет отнести его бытописательские дневники к разряду документов, которых крайне не хватает нашей мемуарной литературе о Первой мировой войне. Государственным историческим музеем подготовлены к публикации дневники В.А. Городцова за 1914–1918 гг.

В настоящей статье мы остановимся на профессиональной деятельности учёного, связанной с его научными исследованиями, музейной и преподавательской работой.

Научная деятельность В.А. Городцова

В канун Первой мировой войны Городцов уже был известным в России и в Европе исследователем. В его лекционных курсах и трудах [1, с. 577–672; 2, с. 515–672; 3, с. 174–225; 4, с. 210–285; 5, с. 288–365; 6–8] нашли отражение теоретические взгляды, связанные с разработкой типологического метода, археологической классификации, процессов культурогенеза на просторах Северной Евразии, а также практические результаты изучения археологических микрорайонов на р. Оке и курганных древностей на юге России.

Война внесла заметные коррективы в планы полевых археологических исследований. В мае 1914 г. Городцов со слушателями МАИ успел провести рекогносцировочные раскопки средневековых курганов в ряде уездов Московской губернии [9, с. 51, 52] (ил. 2). В июне, в канун войны, были обследованы дюнные

Ил. 2. В.А. Городцов среди участников археологических раскопок в д. Немчиновка под Москвой летом 1914 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 470. Л. 43). Б/м

стоянки неолита и эпохи раннего металла в окрестностях сёл Шумашь, Дубровичи и Алеканово близ Рязани, а собранные коллекции доставлены в РИМ [9, с. 52]. Через год, в мае 1915 г., вместе с В.М. Щербаковским были осуществлены раскопки Гонцовской палеолитической стоянки в Полтавской губернии [10, с. 5–35] (ил. 3). Обстоятельства военного времени, прежде всего семейные и финансовые, не позволили продолжить полевые работы летом 1915 и в 1916–1918 гг., но Городцов добился того, чтобы в июле 1915 г. музей командировал сотрудницу его отдела В.В. Гольмстен в Пермскую и Уфимскую губернии для проведения археологических разведок и раскопок [11, с. 54, 55].

Летом 1917 г. в письме финскому археологу А.М. Тальгрёну Василий Алексеевич посетовал на невозможность раскопок и других научных проектов, указав, что «осталось только одно: заняться обработкой накопленных ранее материалов» (Рукописный архив Национальной библиотеки Финляндии (РАНБФ). Coll. 230.3). До и в годы войны ему удалось объехать большинство музеев в центре, на востоке и юге Европейской России. Летом 1914 г. Городцов совершил командировку в Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Уфу, Самару, Саратов, Тамбов. В мае 1915 г. после раскопок в Гонцах он изучал музейные коллекции в Киеве, Херсоне, Одессе и Николаеве. В мае 1916 г. Совет РИМ выделил ему – в продолжение поездок двух предыдущих лет – средства для изучения материалов эпохи бронзы в музеях Воронежа, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Екатеринодара, Владикавказа, Астрахани и Хвалынска, однако запланированная командировка не состоялась. Вмешались реалии войны: «третий сын Мстислав (отрок 17 лет) отравлен немецкими удушливыми газами», «смерть Бориса Вайды (жениха дочери Елены – авт.) и препятствия, встреченные со стороны полка к перевозке его тела в Москву, решительно помешали осуществлению этого большого для меня дела».

Знакомство с опубликованными трудами, рукописным, в том числе эпистолярным наследием Городцова позволяет с уверенностью утверждать – проблематика бронзового века была стержневым направлением его исследований 1910-х – первой половины 1920-х гг. Начало им положили удивительные по своим результатам и научной интуиции раскопки 1901 и 1903 гг. в Изюмском и Бахмутском уездах Харьковской губернии [3, с. 174–225; 12, с. 226–340; 4, с. 210–285; 5, с. 288–365]. Итогом этих работ стало выделение пяти групп погребений в степных курганах (в ямах, катакомбах, срубках, на горизонте и в насыпи). Эта схема, первоначально классификационная, после раскопок 1903 г. была преобразована в хронологическую систему [13, с. 10; 14, с. 17, 18]. В год начала мировой войны Городцов, анализируя эту систему и памятники типа Фатьяновского и Сейминского могильников и Аккерманского (Бородинского) клада, выделил и описал ряд самостоятельных археологических культур – фатьяновскую, донецкую катакомбную, сейминскую [15, с. 126–226], скользь отметил северокавказскую, трипольскую, приднепровскую, волжско-камскую, или пермскую, культуры [15, с. 165, 169]. Годом позже была разработана классификация погребений Одесского кургана [16, с. 142]. Следующий этап исследований – по результатам планировавшейся, но не состоявшейся поездки по музеям юга Европейской России – Василий Алексеевич, как явствует запись в его дневнике (4.05.1916), связывал с выделением культур бронзовой эпохи Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа.

Культурно-хронологическая система Городцова с последовательностью археологических культур – ямной, катакомбной и срубной – именно в годы мировой войны приобрела завершённый вид. Обнародованная спустя десятилетие [17, с. 610–626], она заложила краеугольный камень во все последующие разработки хронологии и периодизации бронзового века Восточной Европы.

Эпистолярное наследие Городцова этих лет, пожалуй, ярче, чем опубликованные и официальные источники, раскрывает нам научную «кухню» учёного, направление его поисков, задумки и планы. Особенно важную роль в осмыслении проблематики эпохи раннего металла имел для него в эти годы диалог с Тальгрёном. Красной нитью в их переписке проходит тема происхождения, хронологии, распространения и исторических судеб восточноевропейских культур той эпохи, причём зачастую точки зрения российского и финского учёных диаметрально расходились по целому ряду вопросов.

Основная схема культурогенеза эпохи раннего металла Восточной Европы сложилась у Городцова к 1910 г., когда был издан курс «Бытовой археологии». К 1913 г. общие концептуальные представления были существенно конкретизированы и наполнены реальным содержанием, в научный лексикон учёного прочно вошел термин «археологическая культура». Именно в этом году состоялся его доклад «Культуры бронзовой эпохи в области Средней России» на съезде членов МАИ [18, с. 46]. Дальнейшую работу над темой отразил другой доклад – «Культуры бронзовой эпохи в Средней России и отношение их к соответствующим культурам других областей Европы и Сибири», состоявшийся в Московском археологическом обществе (МАО) (17.02.1915). В понимании самого термина «археологическая культура» Городцов в итоге прошёл путь от эмпирического восприятия археологической культуры («цивилизация» в его учебных курсах 1910-х гг.) к чисто теоретическому её определению. Эти перемены явственно отразил труд «Культуры бронзовой эпохи в Средней России» [15, с. 121–226]. Тальгрён изложил свои взгляды на процессы культурогенеза годом позже, при публикации коллекции В.И. Заусайлова [19].

Подытоживая дискуссии 1915–1916 гг., Городцов, откликаясь на книгу Тальгрёна «Collection Zaouissailov», прямо обозначил суть расхождений с финским археологом: «Мы разошлись с Вами в основном взгляде на ход общечеловеческого культурного развития в бронзовую эпоху. Вы имеете ориентацию на запад, собственно на крито-эгейскую культуру, которую так безгранично превозносят западноевропейские археологи, а вслед за ними и молодые историки; я же держусь ориентации восточной, базируясь на Месопотамской культуре, развивавшейся в связи с культурой Египта...» [РАНБФ. Coll. 230.3]. Для российского учёного эта разница была принципиальной. Не случайно в его обобщающих работах по археологии Евразии [6; 7; 20]

М. Н. П.
ИМПЕРАТОРСНИЙ
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
 ИМЕНИ
 Императора Александра III
 МОСКВА
 М а Я дня 1915 г.

Дано сіе Управленієм ИМПЕРАТОРСКАГО РОССІЙСКАГО Историческаго музея Имени ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III Старшему Хранителю Музея Басилію Алексѣевичу Городцову въ томъ, что снѣ, г. Городновъ, командированъ Управленіемъ въ губерніи - Полтавскую, Кіевскую, Херсонскую и Таврическую съ ученой цѣлью, отъ вышедшаго числа впредь по 20 мая сего 1915 года.

Товарищъ Предсѣдателя
 Егермейстеръ *А. М. Горюховъ*
 Ученый Секретарь *Владимиръ Савицкий*

Ил. 3. Свидетельство о командировании В. А. Городцова в Полтавскую, Киевскую, Херсонскую и Таврическую губернии от 8 мая 1915 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 306. Л. 57). Б/м

Это свидѣнїе выдается въ залахъ
 (5 мая 1915 г.)

1. Въ залѣ перекомпоновать вапнушки, Краши съ пурпуромъ залъ, губъ сопо описано.
2. На каждую плашкету, выставляемую въ залъ, перекомпоновать плашкету и самообозначеніе перекомпоновать и на каждую перекомпоновать.
3. Разомкнуть сопроводительные картонки съ украшеніемъ на нихъ съ плашкетой, и сама и обмотка плашкетъ сарафана.
4. Перевѣдъ на каждой плашкетѣ и на сарафанѣ.
5. Надпись при отрывкѣхъ предметахъ закуривающахъ особенно вышесказанн.
6. Наименованіе отрывковъ предметовъ т. е. въ разѣ - "глава", "свѣтъ" и т. д.
7. Надписи на елочкахъ.
8. Точнѣе выписки картонки разнородныя крѣпленія.

Ил. 4. Черновая запись В. А. Городцова «Что следует сделать в залах» от 5 мая 1917 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 306. Л. 39). Б/м

изложение материалов начиналось с самых древнейших цивилизаций Востока и их влияния на историю более северных или западных народов. *Ex Oriente lux* была той стержневой идеей, которая пронизывала все эти труды. Западный импульс, как считал Городцов, играл в процессах культурогенеза в Восточной Европе второстепенную роль.

Но помимо общих, магистральных проблем эпохи раннего металла в его переписке с Тальгреном был затронут ряд вопросов, напрямую связанных с их археологическими разысканиями тех лет. Все они нашли отражение в публикациях военной поры и в трудах 1920-х–1930-х годов. В их числе – северокавказские или центральноевропейские корни фатьяновской культуры; культурная и хронологическая принадлежность Галичского клада и Туровского поселения; открытие Сеймы, роль и место этого памятника в системе евразийских древностей; хронология и происхождение каменных фигурных топоров-молотов; Младший Волосовский могильник на Оке (след сибирского культурного течения или шведских литейщиков и торговцев бронзового века?); ананьинские древности и Дьяково городище: спор о хронологии и др.

В годы Первой мировой войны Городцов продолжил работы, связанные с моделированием древних технологий. Позднее они были признаны новаторскими не только в отечественной, но и в мировой исследовательской практике [21, с. 9; 22, с. 17]. Ещё в 1913 г. на даче под Истрой Василий Алексеевич со студентами МАИ провёл серию экспериментов по раскалыванию кремня [23, с. 18–21], «стараясь вычленив критерии отделения артефактов от продуктов естественного дробления камня» [22, с. 17]. В 1914–1916 гг. эти опыты были продолжены с упором, как отмечено в дневнике, на изучение «характера влияния огня на кремль и выработку посредством огня кремневых орудий эолитического типа». В те же годы Городцов возобновил опыты по изучению техники и технологии древнего гончарства. Начало этим исследованиям было положено известной работой «Русская доисторическая керамика» [1, с. 577–672]. Опираясь на метод физического моделирования, учёный попытался проверить свои предположения о существовании в гончарстве древних культур Восточной Европы особого способа изготовления посуды с помощью твёрдых основ-шаблонов [24, с. 178–187].

Музейная деятельность В.А. Городцова

Научная деятельность Городцова была неразрывна с музейной работой. В годы мировой войны главным в ней стала радикальная перестановка коллекций в залах РИМ по археологическим культурам. В основу его первой экспозиции (1905 г.) были положены хронологический и географический принципы показа экспонатов [25, с. 16, 18]. Но уже в 1906 г. Василий Алексеевич ходатайствовал перед Советом музея об осуществлении новой расстановки коллекций. И только спустя десять лет он получил на это разрешение. Запись в дневнике от 12.02.1917 г.: «...сегодня я в первый раз представил себе все детали новой, давно ожидаемой постановки коллекций по культурам. Для этого я составил схематический план тех 13 зал, которые предстоит заполнить коллекциями, ещё ни разу там не бывавшими. На плане обозначил необходимые витрины и предназначил для каждой из них соответствующие месту коллекции. Вышло ясно и хорошо». Запись от 11 марта: «Сегодня закончил расстановку всех открытых зал музея. Ура!» (ил. 4–6). Совершенствование экспозиции продолжилось и в начале 1920-х гг. Каркас периодизации культур бронзового века Восточной Европы к тому времени выдержал испытание временем, и в зале № 5 была развёрнута систематическая экспозиция по этому периоду, основанная на показе базовых археологических культур [26, с. 53–66].

После Февральской революции по России прокатилась волна погромов и грабежей усадеб и поместий, в которых были сосредоточены огромные культурные ценности. Это вынудило графиню П.С. Уварову озаботиться о судьбе собрания древностей и библиотеки А.С. Уварова в родовом имении в Поречье. В итоге она и её наследники принесли их в дар РИМ. В июне 1917 г. Городцов осуществил приём, упаковку и отправку в Москву Уваровского музея, который произвёл на него неизгладимое впечатление. Примечательна запись в дневнике (21.06.1917 г.): «С утра, обойдя несколько раз музей и библиотеку, я с Василием Родионовым, вечным моим спутником по археологическим предприятиям, приступили к упаковке доисторических коллекций. Должен сознаться, что эта разрушительная работа меня огорчала. Прискорбно укладывать и увозить то, что с таким исключительным знанием, любовью и щедростью приобреталось и размещалось в этом роскошном храме науки. Я показался себе могильщиком, и эта мысль сдавила мне горло... “Все к лучшему!” – через минуту думалось мне. Вещи приедут в Москву и будут служить миллионам, нет, – миллиардам посетителей и дадут тот плод, который вправе были ожидать владельцы и собиратели сокровищ. Мне хотелось бы крикнуть нашим отдаленным лучшим потомкам: “Помните Уваровых, они много сделали добра российскому народу...”».

Музейная жизнь требовала от Городцова и его сотрудников каждодневной рутинной работы с коллекциями – старыми и вновь поступившими. Василию Алексеевичу удалось в годы войны наряду с новой расстановкой коллекций завершить работу по созданию системы хранения археологических коллекций РИМ. Практичная и удобная, она сохранилась в музее долгие годы [27, с. 18].

В «Отчётах» РИМ за 1914–1916 гг. опубликованы очерки Городцова о важнейших археологических памятниках, хранящихся в музее, и информация о покупке и дарениях новых коллекций и предметов [28, с. 7]. В первый год войны вышел «Краткий путеводитель» с обзором доисторических памятников РИМ [29, с. 22–29]. Из дневниковых записей известно, что при участии Городцова в 1915 г. был подготовлен штат экскурсоводов, в частности из числа эвакуированных преподавателей Варшавского учебного округа. Василий Алексеевич прочитал им сокращённый курс археологии. Совет РИМ заслушал ряд его докладов по результатам экспедиционных работ и изучения древностей в музеях Европейской России. В ноябре 1914 г. Городцов вошёл в руководящий состав музея, вступив в исполнение обязанностей члена Строительной комиссии.

Мысли,
 касающиеся взаимоотношений
 Музея по музееведению
 Дек. 1916 г.

1. Музей "Музей" - поименно
 почти в смысле термина "музей"

2. "Археологический музей"
 должен выражать общественное
 знание, искусство, искусство, нравствен-
 ность, религию и историю, насколько
 всё это выражается в материале
 в формах вещей, предметов и вещей
 (картин, предметов, предметов)

3. Взаимодействие "Археологического"
 музея с другими музеями
 на первый план всё выдвигает,
 характеризующие музейное
 искусство, нравы, искусство, музейное
 искусство и т.д.

Ил. 5. Черновая запись В. А. Городцова «Мысли, касающиеся взаимоотношений музея по музееведению» от 3 декабря 1916 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 306. Л. 31). Б/м

Исторический музей
 Взаимодействие
 Музейного музея
 Гражданской войны.

1. Взаимодействие музея
 вытекают из музейного
 IV - Музейное до Р. С.,
 Взаимодействие музеев
 Взаимодействие:

1) Музейное музейное IV
 2) Музейное музейное
 3) Музейное музейное
 Конспект III часть II часть
 4) Музейное музейное
 5) Музейное музейное
 6) Музейное музейное
 7) Музейное музейное

Ил. 6. Черновая запись В. А. Городцова «Некоторые соображения к расстановке культур бронзовой эпохи» 1917 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 306. Л. 32). Б/м

Педагогическая деятельность В.А. Городцова

Преподавательская деятельность учёного в годы мировой войны поначалу была связана с Московским археологическим институтом и его филиалами, где им читались курсы по первобытной и бытовой археологии, а также велись практические занятия со студентами в Историческом музее – на экспозиции, в фондах и по музееведению [30, с. 27–32; 31, с. 102–120] (ил. 7). Полевая практика 1914 г. состоялась ещё до начала войны. В последующие годы археологические раскопки были свёрнуты, равно как и студенческая практика. В феврале 1915 г. из-за разногласий с директором МАИ А.И. Успенским Городцов покинул институт. Причиной конфликта являлось осознание необходимости «поставить дело изучения человека на более серьёзном и глубоком основании и именно в том отделе, который в Археологическом институте почти не затрагивается, в отделе древнейшей стадии развития человека» [30, с. 31]. В 1913 г. Василий Алексеевич поделился мыслью о создании Института антропологии и доисторической археологии с Д.Н. Анучиным (которому впоследствии удалось реализовать этот план) и начал разрабатывать проект института. Именно это и привело к его конфликту с Успенским и стало причиной ухода из МАИ [30, с. 31].

Те же курсы, что и в МАИ, Городцов продолжил читать в 1915–1918 гг. в Московском Народном университете им. А.Л. Шанявского для студентов историко-филологического факультета академического отделения и слушателей эпизодических курсов, а в 1916–1919 гг. – в Нижегородском Народном университете. В первом из них сложилась свободная, демократическая атмосфера; здесь «всерьез решали проблему соотношения теоретического и практического курсов, разрабатывали новые методы преподавания» [30, с. 31]. В университете им. Шанявского работали многие ведущие учёные того времени (Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров и др.). Василий Алексеевич высоко ценил царившую в университете серьёзную научную атмосферу [30, с. 31].

В октябре 1917 г. в Казани был открыт Северо-Восточный археологический и этнографический институт [32, с. 81–87]. Городцов числился в нём профессором по кафедре археологии. Он выразил готовность вести общие курсы по археологии России, в то время как курсы по археологии Волжско-Камского края и Волжской Булгарии закреплялись за П.А. Пономарёвым (в дальнейшем их читали М.Г. Худяков и В.Ф. Смолин).

Ил. 7. В.А. Городцов и выпускники Московского археологического института (1911 г.).
(ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 470. Л. 42). Б/м

Однако в силу перипетий гражданской войны Василий Алексеевич не смог воспользоваться приглашением директоров института С.П. Покровского и М.В. Бречкевича.

Среди учеников Городцова тех лет следует вспомнить учёных, внёсших заметный вклад в отечественную археологию, – В.В. Гольмстен, Д.Н. Эдингга, М.Э. Воронца (работавших с Василием Алексеевичем в РИМЕ), Ф.В. Баллода (Баллодиса), Н.К. Ауэрбаха, П.С. Рыкова, С.А. Локтюшева и др. Многие его ученики были призваны в действующую армию или записались добровольцами. Городцов с тревогой следил за их судьбой и с грустью отмечал в дневнике сообщения о ранениях слушателей А.Е. Маслова и С.А. Дитинова (22.09.1914), Б.М. Троицкого (13.11.1914). Его потрясло известие (26.11.1914) о гибели Маслова, одного «из выдающихся моих учеников, разрабатывавшего для диссертации тему “Искусство финнов в среднюю пору железной эпохи”».

В годы войны в Москве не прерывалась деятельность научных обществ. Городцов активно участвовал, прежде всего, в заседаниях МАО и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете. Конспекты многих докладов сохранились в его архиве, а среди страниц дневников – немало программ и повесток некоторых заседаний. Сам он выступил с докладами «Культуры бронзовой эпохи в Средней России и отношение их к соответствующим культурам других областей Европы и Сибири», «Земельные знаки собственности у крестьян Московской и Владимирской губерний», «Исследования Гонцовской палеолитической стоянки». Признанием научных заслуг учёного стало его избрание в 1915 г. действительным членом Саратовской и Таврической учёных архивных комиссий, членом Комиссии по изучению орнамента народов России при Русском географическом обществе.

Полноценная научная жизнь невозможна без личных встреч и диалога учёных. Судя по записям в дневнике, в годы войны круг общения Городцова стал заметно шире. Среди его собеседников – геологи А.П. Павлов и Н.И. Криштафович, этнограф и археолог Б.Э. Петри, историк Н.П. Лихачёв, египтолог Б.А. Тураев, французский археолог барон Ж. де Бай, финские – Ю. Айлио и А.М. Тальгрэн. Василий Алексеевич отдаёт дань памяти почившим в те годы председателю Московского общества испытателей природы (МОИП) Н.А. Умову, историку Ф.Е. Коршу, археологам И.Т. Савенкову, В.В. Хвойко, Й.Р. Аспелину, Э.Б. Тайлору. Вспоминая Хвойко, Городцов отметил, что «из его современников никто не дал столь знаменитых открытий, как его открытия полей погребальных урн, трипольских площадок, Кирилловской палеолитической стоянки». Кончину Аспелина он воспринял, как «большую потерю для археологической науки вообще, для финляндской же – в особенности, так как Аспелин явился основателем целой школы финских археологов».

Завершая, отметим, что тяготы мировой войны не могли не отразиться на научной деятельности В.А. Городцова. Ему пришлось сократить, а затем и прервать полевые археологические исследования. В то же время появилась возможность сосредоточиться на разработке теоретических проблем археологии и концепции культурогенеза в эпоху раннего металла [15, с. 121–126]. Теоретические взгляды учёного, как было отмечено позднее [33, с. 6; 34, с. 205], формировались под влиянием классического позитивизма. Его лекционные курсы тех лет способствовали тому, что «археология России приобрела полноценные “права гражданства” в мировой археологической науке» [35, с. 368]. В годы Первой мировой войны В.А. Городцову удалось осуществить в Российском Историческом музее новую расстановку коллекций и завершить работу по созданию системы хранения археологических материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда. Т. I. М., 1901.
2. *Городцов В.А.* Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Труды XII Археологического съезда. Т. I. М., 1905.
3. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, 1901 г. // Труды XII Археологического съезда. Т. I. М., 1905
4. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. М., 1907.
5. *Городцов В.А.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. Т. I. М., 1907.
6. *Городцов В.А.* Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1908.
7. *Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1910.
8. *Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала: По лекциям, читанным В.А. Городцовым в Московском Археологическом Институте / Сост. С.И. Флях. М., 1911.
9. Каталог коллекций В.А. Городцова / *Н.И. Асташова, И.В. Белоцерковская, И.И. Гущина, Е.Д. Каверзнева, А.П. Мошинский (сост.)* // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (ТГИМ. Вып. 68)
10. *Городцов В.А.* Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // ТСА РАНИОН. Вып. 1. М., 1926.
11. *Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* «...Я всеми силами поддерживаю и представляю... Городцовскую школу...»: (письма В.В. Гольмстен В.А. Городцову) // Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. Самара, 2007.
12. *Городцов В.А.* Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII Археологического съезда. Т. I. М., 1905.
13. *Бочкарев В.С.* Периодизация В.А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции. Самара, 2001.
14. *Сафонов И.Е.* Раскопки В.А. Городцовым курганов эпохи бронзы в Изюмском уезде летом 1901 г. (по архивным материалам) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции. Самара, 2001.

15. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1914 год. М., 1915.
16. *Городцов В.А.* Классификация погребений Одесского кургана // Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1915 год. М., 1916.
17. *Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. Т. 7. 1927.
18. Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1913 год / Сост. В.А. Городцов и др. М., 1914.
19. *Tallgren, A.M.* Collection Zauouissailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916.
20. *Городцов В.А.* Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг., 1923.
21. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
22. *Васильев С.А.* Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб., 2008.
23. *Городцов В.А.* Техника каменных орудий // Ежегодник по геологии и минералогии России. Т. XVI. Вып. 1. Новая Александрия, 1914.
24. *Городцов В.А.* К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела // Казанский музейный вестник. № 2. Казань, 1922.
25. *Белозерова И.В.* Музейная деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (ТГИМ. Вып. 68)
26. *Городцов В.А.* (сост.). Памятники доисторические // Краткий путеводитель по [Государственному Российскому Историческому] музею. Залы 1–6 и В / 2-е изд., испр. и доп. М., 1921.
27. *Левашева В.П., Трубникова Н.В.* В.А. Городцов и Государственный Исторический музей // ТГИМ. Вып. 37. 1960.
28. *Зарецкая И.М., Серова Г.Т., Чайникова Е.И.* (сост.). Хронологический указатель трудов В.А. Городцова. Литература о жизни и трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
29. *Городцов В.А.* (сост.). Памятники доисторические // Краткий путеводитель по [Российскому Историческому] музею. Залы В и 1–6. М., 1914.
30. *Стрижова Н.Б.* Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (ТГИМ. Вып. 68)
31. *Стрижова Н.Б.* Московский археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.
32. *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXX. Вып. 1. Казань, 1919.
33. *Фриче В.М.* В.А. Городцов: (К сорокалетию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности) // В.А. Городцову – XL. М., 1928. (ТСА РАНИОН. Т. IV)
34. *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
35. *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.

*Институт археологии РАН,
Москва*

*ФГБУК «Государственный исторический музей»,
Москва*

S.V. Kuzminykh, I.V. Belozyerova

V.A. GORODTSOV DURING WORLD WAR I. SCIENTIFIC, MUSEUM AND TEACHING ACTIVITY

Summary

The events of World War I changed the mode of scientific activity of V.A. Gorodtsov. He had to leave off his field archaeological researches. At the same time the scientist concentrated on developing the theoretical problems of archaeology and the concept of a culture genesis during an Early Metal period. His lecture courses at the Moscow archaeological institute and Shanyavsky's university promoted training of specialists who made later an important contribution to the Russian archaeology. G.S. Lebedev believes that these courses helped Russian archaeology to become a respectable part of the world archaeological science. In the Russian Historical museum Gorodtsov put in practice the rearrangement of collections, and finished work on creation of archaeological collections' storage system.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru*

*Federal State Budgetary Institution of Culture
«State Historical Museum»,
1/2, Krasnaya Sq., Moscow, 109012,
Russia
E-mail: irina.belozero@yandex.ru*

V ТВЕРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

V Тверская с международным участием археологическая конференция проходила в г. Твери 26–30 марта 2013 года. Её главным организатором являлось Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ), соорганизатором – Общество с ограниченной ответственностью «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (ООО «ТНИИР-Центр»).

Основная тема конференции – «Тверская земля и «сопредельные территории» от каменного века до Новейшего времени. «Сопредельность территорий» в археологическом аспекте».

Хронологические рамки сделанных на конференции докладов и сообщений охватывали периоды истории от палеолита до Новейшего времени, территориальные – тундровую, лесную и лесостепную зоны Восточной Европы, Зауралье и Западную Сибирь.

Проблематика выступлений на конференции, сгруппированных по отдельным тематическим блокам, охватывала современные комплексные методы изучения и датирования археологических памятников и материалов, анализ и классификацию предметов материальной культуры различных эпох, духовную сторону жизни людей (искусство и верования, погребальный обряд в его развитии в различных человеческих обществах), архитектурно-археологические исследования, экспериментальные работы. Были представлены результаты новейших исследований археологических объектов.

V Тверская археологическая конференция имела международный характер благодаря участию в ней учёных из Эстонии и Финляндии.

На конференции, исходя из принятых заявок, предполагалось заслушать 105 докладов и сообщений (первоначально было подано 118 заявок) 126 археологов и специалистов смежных дисциплин из 25 городов России и 2 – зарубежных стран, в т.ч. 28 – тверских авторов.

Работа конференции проходила на пленарном (8 докладов) и заключительном (5 докладов) заседаниях, а также по 2 секциям: «Каменный век – Раннее Средневековье» (50 докладов и сообщений, в т.ч. 13 стендовых) и «Ранний железный век – Новейшее время» (35 докладов и сообщений, в т.ч. 1 стендовый).

Всего на конференции были представлены и обсуждены 98 докладов (в т.ч. 14 стендовых) 122 археологов и специалистов смежных дисциплин из 25 городов и других населённых пунктов России: Москвы, Сергиева Посада, Коломны, с. Большие Вязёмы Одинцовского района Московской области, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Архангельска, пос. Соловки Архангельской области, Петрозаводска (Республика Карелия), Вологды, Череповца Вологодской области, Перми, Костромы, Иваново, Плёса Ивановской области, Ростова Ярославской области, Калуги, Казани (Республика Татарстан), Самары, Липецка, Воронежа, Екатеринбурга, Нижнего Тагила Свердловской области, Тюмени, Твери, – а также из Эстонии (г. Тарту) и Финляндии (г. Эспоо).

Лично присутствовали на конференции 105 заявленных докладчиков, в т.ч. 76 приезжих и 29 из г. Твери.

Среди авторов докладов – 5 докторов исторических наук, 2 доктора географических наук, 1 доктор биологических наук, 1 доктор культурологии, 47 кандидатов исторических наук, 1 кандидат геолого-минералогических наук, 1 кандидат географических наук, 2 кандидата искусствоведения, 1 кандидат философских наук (Россия), 1 доктор наук (Эстония) и 1 магистр гуманитарных наук (Финляндия), аспиранты Института археологии РАН, студенты Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра археологии) и Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

Традиционно на заседаниях конференции присутствовали и участвовали в её работе в качестве слушателей сотрудники Института археологии РАН (Москва), тверских археологических организаций, студенты СПбГУ и Московского областного государственного социально-гуманитарного института (г. Коломна) (всего более 20 человек).

На конференции были представлены (учитывая соавторов докладов) 57 российских организаций, в т.ч. 8 институтов и филиалов Российской и республиканских академий наук (Институт археологии, Институт истории материальной культуры, Институты геологии и географии РАН, Карельский научный центр РАН (Институт языка, литературы и истории), Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова), Уральское (Институт экологии растений и животных) и Сибирское (Институт проблем освоения Севера) отделения РАН); 17 вузов (Московский государственный им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный, Новгородский государственный им. Ярослава Мудрого, Северный (Арктический) федеральный им. М.В. Ломоносова,

Петрозаводский государственный, Череповецкий государственный, Ивановский государственный, Уральский федеральный им. Б.Н. Ельцина, Тверской государственный университеты; Пермский государственный гуманитарно-педагогический, Липецкий и Воронежский государственные педагогические университеты; Московский областной социально-гуманитарный институт, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Филиал Государственной академии славянской культуры в г. Твери); 14 государственных федеральных и региональных музеев (Государственный Исторический музей (Москва), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина в с. Вязёмы, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск), Вологодский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, Музей археологии Череповецкого музейного объединения, Плёсский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», Калужский областной краеведческий музей, Свердловский областной краеведческий музей, Тверской государственный объединённый музей) и музеи археологии Ивановского и Тверского университетов; 5 государственных органов охраны историко-культурного наследия (Областное ГБУ «Наследие» (Кострома); Департамент культуры и культурного наследия Ивановской области, Департамент культуры и архивного дела Воронежской области, ГБУК Свердловской области «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области», Главное управление по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области); 10 исследовательских организаций разных организационно-правовых форм (НПП «Симаргл» (Москва), МБУ «Коломенский археологический центр», Северо-Западный научно-исследовательский институт «Наследие» (Санкт-Петербург), НП «Научно-исследовательский центр «Древности» (Вологда), ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», ООО НПФ «АрхГео» (Самара), Липецкая городская научная общественная организация «Археолог», ООО «Терра» (Воронеж), ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр», ООО «Терра», г. Тверь); 2 детско-юношеских туристическо-краеведческих учреждения (Вологодские «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий» и Детско-юношеский центр «Лидер») и 1 Национальный парк («Угра», Калужская область).

Иностранные коллеги – участники конференции – представляли Эстонию (Тартуский университет, Институт истории и археологии, г. Тарту) и Финляндию (г. Эспоо).

Программа конференции, претерпевшая некоторые изменения в ходе её работы, традиционно предусматривала в рамках секций определённые тематические блоки, позволявшие рассматривать отдельную проблематику исследований на широком территориально-хронологическом фоне.

К таким блокам на секции «Каменный век – Раннее Средневековье» относились «Периодизация и хронология», «Духовная культура: искусство и верования», «Керамика», «Памятники и артефакты», «Эксперименты в археологии». На секции «Ранний железный век – Новейшее время» – «Средневековый город: строительство, ремесло, материальная и духовная культура», «Сельские поселения и некрополи», «Архитектурно-археологические исследования» и др.

Четыре пленарных и 4 доклада на секции 1 были непосредственно посвящены основной теме конференции. На пленарном заседании выступили также заместитель директора ИА РАН А.В. Энговатова, отметившая высокую позицию Тверского региона в археологических исследованиях, проводимых в Российской Федерации, и заведующий отделом сводов и карт ИА РАН А.В. Кашкин, сообщивший о завершении Институту работ над информационно-справочным изданием «Археологическая карта России. Тверская область».

В целом все доклады, представленные на конференции, включая стендовые, имели конструктивное обсуждение, наиболее важные и интересные вызвали корректную дискуссию. Оргкомитетом особо отмечены основные доклады пленарного заседания (В.М. Воробьёва, Тверь; М.Г. Жилина, Москва; А. Крийки, Тарту, Эстония и Д.В. Герасимова, Санкт-Петербург; И.В. Ислановой, Москва, Тверь; А.Н. Хохлова, Тверь; А.М. Салимова, Тверь), доклады Г.В. Синицыной, Г.Н. Поплевко, М.А. Холкиной (Санкт-Петербург), Ю.Б. Серикова, в т.ч. совместный с И.Н. Тушиковым (Нижний Тагил), Ю.Б. Цетлина, В.В. Сидорова, Е.А. Кашиной (Москва), А.С. Сыроватко (Коломна), Л.Л. Косинской, С.Н. Паниной, С.Е. Чаиркина, Е.А. Юдиной, Е.Н. Дубовцевой (Екатеринбург), И.В. Усачёвой (Тюмень), А.А. Выборнова (Самара), Н.В. Косоруковой и Н.Н. Венедиктовой (Череповец), И.Ф. Витенковой, А.М. Жульникова, М.М. Шахновича, Т.А. Хорошун (Петрозаводск), Г.В. Панченко (Плёс), К. Нордквиста (Эспоо, Финляндия) – секция «Каменный век – Раннее Средневековье»; С.Н. Чаукина (Москва); А.А. Гольевой (Москва) и А.С. Сыроватко и А.А. Трошиной (Коломна); Е.Л. Хворостовой (Москва); П.Е. Русакова, В.Ю. Коваля и И.М. Андрианова (Москва); А.В. Курбатова, А.А. Липатова, Д.С. Тугановой; О.А. Щегловой и П.Р. Холошина (Санкт-Петербург); И.В. Болдина и Г.А. Массалитиной (Калуга); И.В. Папина (Вологда), А.Н. Хохлова (Тверь, Москва), Е.В. Лагуткиной и К.М. Свирина; С.Е. Андреева; Е.В. Кобозевой и Ю.А. Кобозева; Е.А. Романовой и В.В. Данилова; И.А. Сафаровой; Е.А. Дементьева, Д.И. Суворова и В.И. Маштарова (Тверь) – секция «Ранний железный век – Новейшее время»; П.Д. Малыгина, А.М. Салимова (Тверь), С.В. Кузьминых (Москва) – заключительное заседание.

Группа участников V Тверской археологической конференции в Старицком краеведческом музее.
30 марта 2013 г.

По окончании заключительного заседания группа участников конференции посетила г. Старицу, где ознакомилась, в частности, с Успенским монастырём (XVI–XIX вв.) и экспозицией Старицкого краеведческого музея-филиала ГБУК ТГОМ, включая выставку, созданную на материалах архитектурно-археологических исследований в гг. Старице и Твери.

Несмотря на большую насыщенность программы, желающие участники конференции в ходе её работы посетили экспозиции, включая археологическую, созданную в 1996 г., посвящённую историческому прошлому всего региона, Тверского краеведческого музея – головного учреждения ГБУК ТГОМ, в настоящее время находящегося на ремонте и реставрации.

При подведении итогов конференции были отмечены традиционно высокий уровень организации конференции, представленных докладов, полноценное доброжелательное и конструктивное обсуждение на конференции результатов исследований, участие в конференции как уже состоявшихся, так и только начинающих научный путь исследователей.

По мнению участников, V Тверская археологическая конференция внесла заметный вклад в археологическое изучение прошлого народов и территорий не только России, но и других стран.

Материалы конференции, поступившие и принятые к публикации, издаются в двух томах 10-го выпуска Тверского археологического сборника (Тверь, 2015).

В настоящее время продолжают свои проводимые между конференциями заседания научно-методический семинар с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (ГБУК ТГОМ) и научный семинар «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья» (ООО «ТНИИР-Центр»).

И.Н. Черных
Председатель Оргкомитета
V Тверской археологической конференции,
заместитель генерального директора ГБУК ТГОМ
по археологии, заслуженный работник культуры РФ

V ТВЕРСКАЯ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

26–30 марта 2013 г.

Участники конференции – археологи и специалисты смежных дисциплин*

Россия

г. Москва и Московская область

1. Энгватова Ася Викторовна – Институт археологии РАН (ИА РАН), зам. директора, зав. отделом охран-ных раскопок, к.и.н.
2. Кашкин Александр Владимирович – ИА РАН, зав. отделом археологических сводов и карт, к.и.н.
3. Цетлин Юрий Борисович – ИА РАН, в.н.с., д.и.н.
4. Жилин Михаил Геннадьевич – ИА РАН, в.н.с., д.и.н.
5. Сидоров Владимир Владимирович – ИА РАН, с.н.с., к.и.н.
6. Исланова Инна Васильевна – ИА РАН, с.н.с., к.и.н.
7. Кузьминых Сергей Владимирович – ИА РАН, с.н.с., к.и.н.
8. Коваль Владимир Юрьевич – ИА РАН, н.с., к.и.н. (содокладчик)**
9. Олейников Олег Михайлович – ИА РАН, отдел охранных раскопок, н.с., к.и.н.
10. Майорова Елена Владимировна – ИА РАН, отдел охранных раскопок, м.н.с.
11. Русаков Павел Евгеньевич – ИА РАН, отдел охранных раскопок, м.н.с.
12. Мамонтова Дина Александровна – ИА РАН, отдел охранных раскопок, ст. лаборант
13. Андрианов Иван Михайлович – ИА РАН, отдел охранных раскопок, лаборант (содокладчик)**
14. Ворожейкина Мария Евгеньевна – ИА РАН, отдел охранных раскопок, н.с. (слушатель)
15. Шабунин Валерий Павлович – ИА РАН, отдел охранных раскопок, ст. лаборант (слушатель)
16. Чаукин Сергей Николаевич – ИА РАН, аспирант
17. Азаров Евгений Сергеевич – ИА РАН, аспирант
18. Зарецкая Наталия Евгеньевна – Геологический институт РАН, Лаборатория геохимии изотопов и гео-хронологии, с.н.с., к.г.-м.н.
19. Чернов Алексей Владимирович – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, в.н.с., д.г.н., профессор (содокладчик)**
20. Гольева Александра Амуриевна – Институт географии РАН, в.н.с., д.г.н.
21. Хворостова Елена Леонидовна – НПРП «Симаргл», гл. археолог, засл. работник культуры РФ
22. Кашина Екатерина Александровна – Государственный исторический музей, н.с., к.и.н.
23. Щербakov Виталий Владимирович – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник (г. **Сергиев Посад**), с.н.с.
24. Смирнов Алексей Николаевич – Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пуш-кина (**Одинцовский район, с. Большие Вязёмы**), с.н.с.
25. Сыроватко Александр Сергеевич – МБУ «Коломенский археологический центр» (КАЦ) (г. **Коломна**), директор; Московский областной государственный социально-гуманитарный институт (МОГСГИ), до-цент, к.и.н.
26. Трошина Алла Андреевна – КАЦ, м.н.с.
27. Семяняк Надежда Сергеевна – МОГСГИ, исторический факультет, студентка 3 курса (слушатель)
28. Свирина Наталья Геннадьевна – МОГСГИ, исторический факультет, студентка 3 курса (слушатель)
29. Козел Алёна Александровна – МОГСГИ, исторический факультет, студентка 3 курса (слушатель)

г. Санкт-Петербург

1. Синицына Галина Васильевна – Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), с.н.с., к.и.н.
2. Лисицын Сергей Николаевич – ИИМК РАН, н.с., к.и.н.
3. Желтова Мария Николаевна – ИИМК РАН, н.с.
4. Поплевко Галина Николаевна – ИИМК РАН, с.н.с., к.и.н.
5. Бессуднов Александр Александрович – ИИМК РАН, м.н.с., к.и.н. (содокладчик)**
6. Курбатов Александр Валентинович – ИИМК РАН, с.н.с., д.и.н.
7. Юшкова Мария Андреевна – ИИМК РАН, н.с., к.и.н.

* Список даётся по принятым заявкам, учёные степени и звания приводятся на 2013 г.

** Личного участия в конференции не принимали.

8. Липатов Алексей Анатольевич – ИИМК РАН, н.с., к.и.н.
9. Бурова Наталья Дмитриевна – ИИМК РАН, н.с. (содокладчик)**
10. Скакун Наталья Николаевна – ИИМК РАН, с.н.с., к.и.н. (стендовый доклад)**
11. Терёхина Вера Васильевна – ИИМК РАН, стажёр (стендовый доклад)**
12. Герасимов Дмитрий Владимирович – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН), отдел археологии, н.с., к.и.н. (содокладчик)**
13. Казарницкий Алексей Александрович – МАЭ РАН, отдел антропологии, м.н.с.; СПбГУ, кафедра этнографии и антропологии, ассистент, к.и.н.
14. Ширококов Иван Григорьевич – МАЭ РАН, отдел антропологии, н.с., к.и.н. (содокладчик)**
15. Бельский Станислав Викторович – МАЭ РАН, м.н.с. (содокладчик)**
16. Цветкова Наталия Александровна – Российский этнографический музей, специалист
17. Туганова Дания Салаватовна – Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, факультет архитектуры, студентка
18. Гусенцова Татьяна Матвеевна – Северо-Западный научно-исследовательский институт «Наследие», археолог, к.и.н.
19. Щеглова Ольга Алексеевна – Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), кафедра археологии, доцент, к.и.н.
20. Холошин Павел Романович – СПбГУ, кафедра археологии, студент 3 курса бакалавриата
21. Холкина Маргарита Алексеевна – СПбГУ, кафедра археологии, студентка 5 курса; МАЭ РАН, отдел археологии, стажёр-исследователь
22. Храмова Анастасия Андреевна – СПбГУ, кафедра археологии, студентка 2 курса (слушатель)

г. Великий Новгород

1. Самойлов Кирилл Глебович – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (НГУ), ассистент; Учебно-научная лаборатория (УНЛ) «Старорусская археологическая экспедиция», зав. секцией (содокладчик)**
2. Колосницын Павел Павлович – НГУ, УНЛ, н.с. (содокладчик)**

г. Архангельск и Архангельская область

1. Беличенко Алексей Евгеньевич – Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. Институт социально-гуманитарных и политических наук, зав. лабораторией культурно-исторической антропологии
2. Мартынов Александр Яковлевич – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (Соловки), зам. директора по научной работе, к.и.н.

г. Петрозаводск, Республика Карелия

1. Жульников Александр Михайлович – Петрозаводский государственный университет, доцент, к.и.н.
2. Тарасов Алексей Юрьевич – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН), сектор археологии, н.с., к.и.н. (содокладчик)**
3. Хорошун Татьяна Анатольевна – ИЯЛИ КарНЦ РАН, сектор археологии, м.н.с.
4. Витенкова Ирина Филипповна – ИЯЛИ КарНЦ РАН, сектор археологии, н.с., к.и.н.
5. Шахнович Марк Михайлович – Национальный музей Республики Карелия, зав. сектором археологии, к.и.н.

г. Вологда и Вологодская область

1. Андрианова Лариса Сергеевна – БОУ ДОД ВО «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий», зам. директора
2. Васильева Наталия Борисовна – БОУ ДОД ВО «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий», педагог-организатор
3. Фёдоров Алексей Сергеевич – БОУ ДОД ВО «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий», педагог дополнительного образования
4. Иванищева Марина Викторовна – МУ ДОД Детско-юношеский центр «Лидер», педагог дополнительного образования
5. Недомолкина Надежда Геннадьевна – Вологодский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, в.н.с., к.и.н.
6. Папин Илья Валерьевич – НП «Научно-исследовательский центр «Древности», директор
7. Косорукова Наталья Валентиновна – Череповецкий государственный университет (Череповец), доцент, к.и.н.
8. Венедиктова Наталья Николаевна – Музей археологии Череповецкого музейного объединения (Череповец), хранитель фондов

г. Пермь

1. Лычагина Евгения Леонидовна – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ), доцент, к.и.н.
2. Брюхова Наталья Геннадьевна – ПГГПУ, доцент

г. Кострома

1. Новиков Александр Викторович – Областное ГБУ «Наследие», зам. директора

г. Иваново и Ивановская область

1. Костылёва Елена Леонидовна – Ивановский государственный университет (ИвГУ), доцент, к.и.н.
2. Уткин Александр Витальевич – ИвГУ, Археологический музей, сотрудник (содокладчик)**
3. Аверин Вадим Александрович – ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», директор, к.и.н.
4. Аверина Анна Викторовна – Департамент культуры и культурного наследия Ивановской области, нач. отдела государственной охраны объектов культурного наследия регионального значения, к.и.н.
5. Панченко Галина Викторовна – ГБУ Ивановской области «Плёсский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (г. Плёт), исторический отдел, с.н.с.

г. Ростов, Ярославская область

1. Каретников Александр Леонидович – Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», зав. археологическим отделом

г. Калуга

1. Болдин Игорь Вячеславович – Калужский областной краеведческий музей, зав. отделом, к.и.н.
2. Массалитина Галина Александровна – Национальный парк «Угра», в.н.с., к.и.н.

г. Казань, Республика Татарстан

1. Истомин Константин Эдуардович – Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова, с.н.с., к.и.н.

г. Самара

1. Выборнов Александр Алексеевич – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (ПГСГА), профессор, д.и.н.
2. Андреев Константин Михайлович – ПГСГА, аспирант (стендовый доклад)**
3. Лебедева Надежда Викторовна – ООО НПФ «АрхГео», в.н.с.

г. Липецк

1. Бессуднов Александр Николаевич – Липецкий государственный педагогический университет, декан исторического факультета, доцент, к.и.н.
2. Смольянинов Роман Викторович – Липецкая городская научная общественная организация «Археолог», н.с., к.и.н.

г. Воронеж

1. Сурков Алексей Владимирович – Департамент культуры и архивного дела Воронежской области, отдел культурного наследия, вед. консультант, к.и.н.
2. Скоробогатов Андрей Михайлович – ООО «Терра», н.с., к.и.н.
3. Савенкова Марина Михайловна – Воронежский государственный педагогический университет, доцент, канд. искусствоведения (стендовый доклад)**

г. Екатеринбург и Свердловская область

1. Косинская Любовь Львовна – Уральский федеральный университет (УрФУ), Центр археологических исследований Института гуманитарных наук и искусства (ЦАИ ИГНИ), в.н.с., к.и.н.
2. Дубовцева Екатерина Николаевна – УрФУ, ЦАИ ИГНИ, н.с.
3. Юдина Екатерина Александровна – УрФУ, ЦАИ ИГНИ, м.н.с.
4. Лаптева Елена Георгиевна – Институт экологии растений и животных УрО РАН, н.с., к.г.н. (содокладчик)**
5. Чаиркин Сергей Евгеньевич – ГБУК Свердловской области «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области», зам. начальника отдела археологических исследований
6. Панина Светлана Николаевна – ГБУК Свердловской области «Свердловский областной краеведческий музей», зав. отделом Древней истории народов Урала

7. Сериков Юрий Борисович – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (НТГСПА) (г. **Нижний Тагил**), профессор, д.и.н.
8. Тупиков Илья Николаевич – НТГСПА, магистрант

г. Тюмень

1. Усачёва Ирина Витальевна – Институт проблем освоения Севера СО РАН, с.н.с., к.и.н.

г. Тверь

1. Черных Игорь Николаевич – ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ), зам. генерального директора по археологии, засл. работник культуры РФ
2. Кобозева Елена Викторовна – ГБУК ТГОМ, отдел археологических исследований (ОАИ), н.с.
3. Кобозев Юрий Александрович – ГБУК ТГОМ, ОАИ, н.с.
4. Романова Елена Александровна – ГБУК ТГОМ, ОАИ, н.с.
5. Рудников Сергей Александрович – ГБУК ТГОМ, ОАИ, н.с.
6. Андреев Сергей Евгеньевич – ГБУК ТГОМ, ОАИ, м.н.с.
7. Суворов Дмитрий Игоревич – ГБУК ТГОМ, ОАИ, ст. лаборант, реставратор
8. Спицына Наталия Юрьевна – ГБУК ТГОМ, ОАИ, м.н.с. (слушатель)
9. Лаврова Галина Андреевна – ГБУК ТГОМ, ОАИ, н.с. (слушатель)
10. Алексеева Дарья Евгеньевна – ГБУК ТГОМ, ОАИ, м.н.с. (слушатель)
11. Оруджев Руслан Али оглы – ГБУК ТГОМ, ОАИ, м.н.с. (слушатель)
12. Богомоллов Александр Викторович – ГБУК ТГОМ, ОАИ, ст. лаборант (слушатель)
13. Пичугина Анна Николаевна – ГБУК ТГОМ, зав. сектором хранения археологических материалов отдела фондов
14. Хохлов Александр Николаевич – ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (ТНИИР-Центр), директор; ИА РАН, отдел охранных раскопок, н.с.
15. Иванова Анастасия Борисовна – ТНИИР-Центр, н.с.
16. Момбекова Асия Абдуманоповна – ТНИИР-Центр, н.с.
17. Хухарев Владимир Владимирович – ТНИИР-Центр, н.с.
18. Сафарова Ирина Александровна – ТНИИР-Центр, н.с.
19. Сиволапова Анна Борисовна – ТНИИР-Центр, н.с. (слушатель)
20. Бубликов Виталий Витальевич – ТНИИР-Центр, н.с. (слушатель)
21. Голубев Иван Вячеславович – ТНИИР-Центр, н.с. (слушатель)
22. Воробьев Вячеслав Михайлович – Филиал Государственной академии славянской культуры в г. Твери (ТФ ГАСК), зам. директора по науке, профессор, к.и.н., доктор культурологии
23. Салимов Алексей Маратович – ТФ ГАСК, зав. кафедрой теории и истории искусств, профессор, зав. научно-исследовательским сектором (НИС), канд. искусствоведения
24. Данилов Василий Владимирович – ТФ ГАСК, НИС, н.с.
25. Шестаков Виталий Анатольевич – ТФ ГАСК, НИС, с.н.с.
26. Дементьев Евгений Александрович – ТФ ГАСК, доцент; НИС – лаборант-исследователь, к.философ. н.
27. Маштаров Виталий Иванович – ТФ ГАСК, НИС, лаборант-исследователь
28. Исаев Александр Андреевич – ТФ ГАСК, НИС, лаборант-исследователь
29. Ситников Александр Александрович – ТФ ГАСК, НИС, лаборант-исследователь
30. Малыгин Пётр Дмитриевич – Тверской государственный университет (ТвГУ), доцент, к.и.н.
31. Жукова Елена Николаевна – ТвГУ, доцент, к.и.н.
32. Степанова Юлия Владимировна – ТвГУ, доцент, к.и.н.
33. Лагуткина Елена Викторовна – ТвГУ, зав. лабораторией по археологии, доцент, к.и.н.
34. Лагуткин Андрей Викторович – ТвГУ, ст. преподаватель
35. Воробьев Дмитрий Николаевич – ТвГУ, ассистент, к.и.н.
36. Свиринов Кирилл Михайлович – ТвГУ, доцент, к.и.н.
37. Зиновьев Андрей Валерьевич – ТвГУ, профессор, д.б.н.
38. Мирецкий Александр Витольдович – ООО «Терра», директор (слушатель)
39. Левина Наталья Викторовна – Главное управление по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области (ГУ ГООКН ТО), зам. начальника
40. Дворников Александр Сергеевич – ГУ ГООКН ТО, вед. специалист (слушатель)
41. Ершов Александр Викторович – ГУ, гл. специалист (слушатель)
42. Попова Светлана Владимировна – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
43. Волкова Марина Викторовна – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
44. Забогин Никита Александрович – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
45. Жданов Николай Сергеевич – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
46. Полшкова Светлана Аркадьевна – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
47. Максимов Андрей Дмитриевич – археолог (стендовый доклад)**

Эстония

г. Тарту

1. Крийска Айвар – Тартуский университет, Институт истории и археологии, директор, профессор, доктор наук

Финляндия

г. Эспоо

1. Нордквист Керкко – археолог, независимый исследователь, магистр гуманитарных наук

ПРОГРАММА
V ТВЕРСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(26–30 марта 2013 г.)

Пленарное заседание
26 марта, 14.00
Областной Дом народного творчества (г. Тверь, ул. Советская, д. 42)

Открытие V Тверской (с международным участием) археологической конференции

Председатель Оргкомитета конференции, зам. генерального директора ГБУК ТГОМ по археологии, заслуженный работник культуры РФ **И.Н. Черных**

1. **Энговатова Ася Викторовна** (*Москва*) Археологическое наследие России. Особенности современного этапа изучения и сохранения
2. **Воробьев Вячеслав Михайлович** (*Тверь*) Миграционный потенциал гидрографической сети центра Восточноевропейской равнины в эпоху первобытности (к вопросу об археологической «сопредельности территорий»)
3. **Жилин Михаил Геннадьевич** (*Москва*) «Сопредельность территорий» в финальном палеолите – мезолите лесной зоны Восточной Европы
4. **Крийска Айвар** (*Тарту, Эстония*), **Герасимов Дмитрий Владимирович** (*С.-Петербург*) Последние пионеры Европы: освоение восточной части Балтийского моря в каменном веке
5. **Исланова Инна Васильевна** (*Москва, Тверь*) Археология раннего железного века и раннего средневековья Тверского региона (20 лет спустя)
6. **Хохлов Александр Николаевич** (*Тверь, Москва*) Тверское Верхневолжье и археологическое «отражение» феномена «сопредельности» в эпоху средневековья
7. **Салимов Алексей Маратович** (*Тверь*) Средневековая архитектура Верхневолжья в удельный период
8. **Кашкин Александр Владимирович** (*Москва*) Проект «Археологическая карта России. Тверская область». Завершение работ Институтом археологии РАН

26–30 марта
Стеновые доклады
Секция 1

1. **Максимов Андрей Дмитриевич** (*Тверь*) Исследования О.Н. Бадера в Тверской области (к 110-летию со дня рождения)
2. **Костылёва Елена Леонидовна, Уткин Александр Витальевич** (*Иваново*) История изучения археологических памятников Сахтышского микрорегиона (Ивановская область)
3. **Истомин Константин Эдуардович** (*Казань*) Никольская стоянка: предметы раннепалеолитического облика в Среднем Поволжье
4. **Мартынов Александр Яковлевич** (*Соловки*) О мезолите на Соловецком архипелаге
5. **Лисицын Сергей Николаевич, Цветкова Наталия Александровна, Бельский Станислав Викторович, Бессуднов Александр Александрович** (*С.-Петербург*), **Тарасов Алексей Юрьевич** (*Петрозаводск*) Мезолитические памятники оз. Боровское на Карельском перешейке (Ленинградская область): итоги разведочного обследования трассы строительства ж/дороги Лосево – Каменногорск
6. **Шестаков Виталий Анатольевич** (*Тверь*) Стоянка Шоша 1 в Конаковском районе Тверской области
7. **Скакун Наталья Николаевна** (*С.-Петербург*), **Жилин Михаил Геннадьевич** (*Москва*), **Терёхина Вера Васильевна** (*С.-Петербург*) Комплексное исследование грузил из мезолитического поселения Ивановское VII
8. **Аверин Вадим Александрович, Аверина Анна Викторовна** (*Иваново*) Памятники неолита восточной части Федерального Клязьминского заказника (Южский район Ивановской области)
9. **Смолянинов Роман Викторович** (*Липецк*) Новые памятники каменного и меднокаменного веков в Верхнем Подонье
10. **Андреев Константин Михайлович** (*Самара*) Ранненеолитический керамический комплекс стоянки Утюж I (Среднее Посурье)
11. **Новиков Александр Викторович** (*Кострома*) Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В.И. Смирнова 1925–1927 гг.)
12. **Воробьев Дмитрий Николаевич** (*Тверь*) Об открытии новых памятников археологии на территории Старицкого Поволжья
13. **Савенкова Марина Михайловна** (*Воронеж*) Реконструкция процесса изготовления текстиля на горизонтальном станке с грузами

Секция 2

14. **Рудников Сергей Александрович** (*Тверь*) О средневековом ландшафте участка современной улицы Симеоновской в г. Твери (по результатам раскопок 2011–2012 гг.)

Секция 1. Эпоха первобытности – Раннее Средневековье Областной Дом народного творчества (г. Тверь, ул. Советская, д. 42) 27 марта, 9.00

1. **Синицына Галина Васильевна** (*С.-Петербург*) О финальном палеолите в Тверской области в контексте «сопринадлежности территорий» (дискуссионные вопросы)
2. **Косинская Любовь Львовна** (*Екатеринбург*) Мезолит Зауралья в контексте понятия «сопринадлежности» (к постановке вопроса)
3. **Цветкова Наталья Александровна** (*С.-Петербург*) Переход от мезолита к неолиту на Верхней Волге в историографии и современное состояние вопроса
4. **Лычагина Евгения Леонидовна** (*Пермь*), **Зарецкая Наталия Евгеньевна**, **Чернов Алексей Владимирович** (*Москва*), **Лаптева Елена Георгиевна** (*Екатеринбург*) Междисциплинарные исследования неолита Верхнего Прикамья (Чашкинское озеро): палеоэкологический аспект
5. **Дубовцева Екатерина Николаевна** (*Екатеринбург*) Многослойное поселение Барсова Гора II/42 – проблема культурной сопринадлежности

27 марта, 14.00

1. **Сидоров Владимир Владимирович** (*Москва*) Культуры эпохи бронзы лесостепи – контакты и связи
2. **Бессуднов Александр Николаевич** (*Липецк*), **Бессуднов Александр Александрович**, **Бурова Наталья Дмитриевна** (*С.-Петербург*), **Зарецкая Наталия Евгеньевна** (*Москва*) Радиоуглеродное датирование Дивногорских стоянок: итоги, проблемы, перспективы*
3. **Выборнов Александр Алексеевич** (*Самара*) Новые данные по хронологии неолита Волго-Камья
4. **Хорошун Татьяна Анатольевна** (*Петрозаводск*) К вопросу о периодизации и хронологии памятников среднего неолита – раннего энеолита западного побережья Онежского озера
5. **Гусенцова Татьяна Матвеевна** (*С.-Петербург*) Новое в освоении территории Южного Приладожья в эпохи камня и раннего металла
6. **Косорукова Наталья Валентиновна**, **Венедиктова Наталья Николаевна** (*Череповец*) Итоги исследования торфяниковой стоянки Караваиха 4 в бассейне озера Воже в 2002–2012 гг.
7. **Андрианова Лариса Сергеевна**, **Васильева Наталия Борисовна** (*Вологда*) Многокомплексный памятник Шолопасть на Белом озере
8. **Сурков Алексей Владимирович** (*Воронеж*) Стоянка Ивница на р. Воронеж: итоги исследований 2010–2011 гг.

28 марта, 9.00

1. **Витенкова Ирина Филипповна** (*Петрозаводск*) «Цвет жизни – красный». Ритуальное и бытовое применение охры в древности
2. **Жульников Александр Михайлович** (*Петрозаводск*) Древние наскальные изображения Северной Европы и Урала: общее и особенное
3. **Кашина Екатерина Александровна** (*Москва*) Кремнёвая антропоморфная скульптура без рук на Оке и Средней Волге
4. **Иванищева Марина Викторовна** (*Вологда*) Находки лепных глиняных скульптурок в Южном Прионежье
5. **Панина Светлана Николаевна** (*Екатеринбург*) Культурная пластика Усть-Вагильского холма
6. **Сериков Юрий Борисович** (*Н. Тагил*) О функциональном и сакральном назначении т.н. утюжков

28 марта, 14.00

1. **Панченко Галина Викторовна** (*Плёс*) Фаллические культовые камни-идолы лесной зоны европейской части России: проблемы интерпретации и сохранения
2. **Шахнович Марк Михайлович** (*Петрозаводск*) «Ковдорские платформы»: методика работы с «сакральными» объектами
3. **Чаиркин Сергей Евгеньевич** (*Екатеринбург*) Новый культовый памятник в Среднем Зауралье (XI–XIII вв. н.э.)
4. **Казарницкий Алексей Александрович** (*С.-Петербург*) Краниология населения бабинской культуры (финал периода средней бронзы)
5. **Азаров Евгений Сергеевич** (*Москва*) Погребальные сооружения грунтовых могильников периода поздней бронзы на территории Волго-Окского междуречья

* – сообщение

6. **Юшкова Мария Андреевна** (*С.-Петербург*) Новая группа памятников первых веков н.э. на Ижорской возвышенности (по материалам раскопок 2008–2011 гг.)
7. **Сыроватко Александр Сергеевич** (*Коломна*) Могильники с кремациями на Средней Оке: решение проблемы «тёмных веков»?
8. **Сериков Юрий Борисович, Тупиков Илья Николаевич** (*Н. Тагил*) К вопросу о химическом размягчении кости в древности

Обсуждение стендовых докладов
29 марта, 9.00

1. **Недомолкина Надежда Геннадьевна** (*Вологда*) Характеристика геометрических микролитов из слоя 9 поселения Вёкса III
2. **Усачёва Ирина Витальевна** (*Тюмень*) Выпрямители древков стрел Северной Евразии (неолит – энеолит)
3. **Венедиктова Наталья Николаевна, Косорукова Наталья Валентиновна** (*Череповец*) Костяные предметы охотничьего вооружения на стоянке Караваиха 4 в бассейне озера Воже
4. **Скоробогатов Андрей Михайлович** (*Воронеж*) Изделия из кости с памятников неолита – энеолита Среднего Подонья
5. **Цетлин Юрий Борисович** (*Москва*) Понятие «качества» и его количественные характеристики (для описания объёма сосуда)
6. **Желтова Мария Николаевна** (*С.-Петербург*), **Самойлов Кирилл Глебович, Колосницын Павел Павлович** (*В. Новгород*) Артефакты позднего неолита – раннего металла и огнедобывающие кремни из раскопок в Старой Руссе

29 марта, 14.00

1. **Поплевко Галина Николаевна** (*С.-Петербург*) Признаки ручной лепки керамики на экспериментальных и археологических материалах
2. **Нордквист Керкко** (*Эспоо, Финляндия*) Неолитическая керамика Финляндии: вопросы хронологии, распространения и терминологии
3. **Холкина Маргарита Алексеевна** (*С.-Петербург*) Проблемы культурно-хронологической атрибуции керамики эпохи раннего металла на Карельском перешейке
4. **Мамонтова Дина Александровна** (*Москва*) Керамика поздняяковской культуры поселения Дмитриевская Слобода II и могильника Дмитриевская Слобода I
5. **Юдина Екатерина Александровна** (*Екатеринбург*) Объекты охотничье-промыслового назначения памятника Ет-то II: конструктивные особенности и возможности интерпретации

Обсуждение стендовых докладов

Секция 2. Ранний железный век – Новейшее время
Музейно-выставочный центр им. Лизы Чайкиной (ул. Салтыкова-Щедрина, д. 16)
27 марта, 9.00

1. **Чаукин Сергей Николаевич** (*Москва*) Изучение системы расселения в железном веке в бассейне Москвы-реки с помощью методов пространственного анализа
2. **Гольева Александра Амуриевна** (*Москва*), **Сыроватко Александр Сергеевич, Трошина Алла Андреевна** (*Коломна*) Состав насыпей и назначение валов дяковских городищ: естественно-научный подход
3. **Лагуткина Елена Викторовна, Свирин Кирилл Михайлович** (*Тверь*) Археологические исследования городища Крестцы в Старицком районе Тверской области: к проблеме интерпретации дяковских городищ
4. **Щеглова Ольга Алексеевна, Холошин Павел Романович** (*С.-Петербург*) Хронологические индикаторы верхнего слоя городища дяковской культуры Кимры 1 («Графская гора»)
5. **Мартынов Александр Яковлевич** (*Соловки*), **Беличенко Алексей Евгеньевич** (*Архангельск*) Городище Подгорное (Поташевское) на р. Устье (Архангельская область): стационарные исследования 2011–2012 гг.
6. **Брюхова Наталья Геннадьевна** (*Пермь*) Антропологический анализ костных останков из погребений Важгортского могильника ломоватовской культуры

27 марта, 14.30

1. **Каретников Алексей Леонидович** (*Ростов*) Ростово-Переславское пограничье в XII–XIII вв.: проблема сопоставления археологических и письменных источников
2. **Курбатов Александр Валентинович** (*С.-Петербург*) Обувная мода в средневековой Руси IX–XVII вв.
3. **Степанова Юлия Владимировна** (*Тверь*) Украшения рук из древнерусских сельских памятников Верхневолжья

4. **Хохлов Александр Николаевич, Момбекова Асия Абдуманаловна (Тверь)** Каменный резной крест из Затверечья*
5. **Хохлов Александр Николаевич (Тверь)** Каменные резные иконки из Твери
6. **Хухарев Владимир Владимирович (Тверь)** Иконки с сюжетом «Побивание беса»

28 марта, 9.00

1. **Болдин Игорь Вячеславович, Массалитина Галина Александровна (Калуга)** Проблемы изучения культурного слоя в древнейшей части Калуги
2. **Андреев Сергей Евгеньевич (Тверь)** Исследования в кремле г. Кашина в 2012 г.: предварительные итоги
3. **Сафарова Ирина Александровна (Тверь)** Новые исследования вала Тверского кремля (по материалам работ 2011 г. на ул. Советской, 10)
4. **Данилов Василий Владимирович, Романова Елена Александровна, Исаев Александр Андреевич, Ситников Александр Александрович, Дементьев Евгений Александрович, Салимов Алексей Маратович (Тверь)** Некоторые итоги археологических изысканий в Тверском кремле в 2011–2012 гг.
5. **Кобозева Елена Викторовна, Кобозев Юрий Александрович (Тверь)** Итоги исследований 2010–2011 гг. на территории б. Загородского посада г. Твери (раскопы №№ 146 и 154)

28 марта, 14.30

1. **Романова Елена Александровна, Данилов Василий Владимирович (Тверь)** Планировка Заволжского посада г. Твери по материалам раскопок Филипповские-1–2 2007–2008 гг. и Воскресенский-1 2011 г.
2. **Свирин Кирилл Михайлович, Лагуткин Андрей Викторович, Лагуткина Елена Викторовна (Тверь)** Исаевская слобода г. Твери по данным археологии и письменных источников
3. **Иванова Анастасия Борисовна (Тверь)** К вопросу о датировке селища Черкасы 2 в г. Твери
4. **Зиновьев Андрей Валерьевич (Тверь)** Обзор конституционных особенностей крупного рогатого скота и лошадей из средневековых слоёв Твери
5. **Шахнович Марк Михайлович (Петрозаводск), Ширококов Иван Григорьевич (С.-Петербург)** Позднесредневековый некрополь с. Варзуга (Терский берег Белого моря): погребальная обрядность и вопросы этногенеза поморов (итоги работ 2009–2012 гг.)

**Областная универсальная научная библиотека им. А.М. Горького
(Свободный пер., д. 28)**

29 марта, 9.00

1. **Дементьев Евгений Александрович, Суворов Дмитрий Игоревич, Маштаров Виталий Иванович (Тверь)** Средневековые перстни-печати с антропоморфным сюжетом по материалам Тверской области
2. **Сафарова Ирина Александровна (Тверь)** Стеклопосуда XV–XVII вв. из раскопок Твери
3. **Фёдоров Алексей Сергеевич (Вологда)** Клейма на позднесредневековой гончарной керамике с территории кремля Ивана Грозного в г. Вологде
4. **Хворостова Елена Леонидовна (Москва)** Гончарные горны XVI в. из раскопок Старицкого городища
5. **Майорова Елена Владимировна (Москва)** Горн из Истры: особенности конструкции и изразцы из заполнения
6. **Щербаков Виталий Владимирович (Сергиев Посад)** Печные наборы XVIII в. Троице-Сергиевой Лавры (по материалам архитектурных фондов Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника)

29 марта, 14.30

1. **Туганова Дания Салаватовна (С.-Петербург)** Архитектурная история Грановитой палаты Московского Кремля по материалам исследований 2010–2011 гг.
2. **Липатов Алексей Анатольевич (С.-Петербург)** Грановитая палата Московского Кремля по данным археологических исследований 2010–2011 гг.
3. **Смирнов Алексей Николаевич (с. Большие Вязёмы, Московская область)** Дворец Б.Ф. Годунова в селе Вязёмы по результатам архитектурно-археологических исследований
4. **Русakov Павел Евгеньевич, Коваль Владимир Юрьевич, Андрианов Иван Михайлович (Москва)** Некрополь Ростиславля Рязанского
5. **Папин Илья Валерьевич (Вологда)** Новые исследования в усыпальнице князей Воротынских в Кирилло-Белозерском монастыре
6. **Лебедева Надежда Викторовна (Самара)** Археологические исследования на территории усадьбы Аксаковых в Оренбуржье

**Заключительное заседание
30 марта, 9.00**

Областной Дом народного творчества (г. Тверь, ул. Советская, д. 42)

1. **Жукова Елена Николаевна** (*Тверь*) Участники археологических полевых исследований на территории Тверской губернии в XIX – первой половине XX в.
2. **Олейников Олег Михайлович** (*Москва*) Курганная группа Тухачёво 1 в Селижаровском районе Тверской области (исследования 2001 г.)
3. **Малыгин Пётр Дмитриевич** (*Тверь*) События 1238 года в Верхневолжье (историко-археологический взгляд)
4. **Салимов Алексей Маратович** (*Тверь*) Церковь Рождества Богородицы в Городне: к вопросу о датировке
5. **Кузьминых Сергей Владимирович** (*Москва*) Василий Алексеевич Городцов и его дневники

Закрытие V Тверской (с международным участием) археологической конференции

Несостоявшиеся доклады

1. **Васильева Наталья Борисовна** (Вологда) «Раз-два в год не грех обменяться письмами ...» (Письма А.Я. Брюсова В.В. Гарновскому и Ф.П. Куропаткину: 1930-е – 1940-е годы)
2. **Сыроватко Александр Сергеевич, Трошина Алла Андреевна** (*Коломна*) Ещё раз о разобщённости типов сетчатой керамики: материалы Щуровских селищ
3. **Максимов Андрей Дмитриевич** (*Тверь*) Уздечный набор (бронзовые украшения) с городища Анниково в Молоковском районе Тверской области
4. **Максимов Андрей Дмитриевич** (*Тверь*) Городище Анниково как военный форпост на восточной границе Мстинско-Моложского междуречья в III–VII вв. н.э.
5. **Чирков Максим Владимирович** (*Москва*) Технология изготовления железных предметов Важгортского могильника (сравнительный археометаллографический анализ материалов раскопок 1996 г.)
6. **Остапенко Александр Алексеевич** (*Москва*) Нательные кресты XII–XIV вв. из Старой Рязани: хронология, происхождение, значение
7. **Григорьева Наталья Владимировна** (*С.-Петербург*) Застройка южной части Земляного городища в Старой Ладогe в XI–XV вв. (по материалам раскопок последних лет)
8. **Сергина Татьяна Васильевна** (*Москва*) Археологические исследования на посаде г. Вязьмы в 2008 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ V ТВЕРСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

26–30 марта 2013 г. в г. Твери прошла V Тверская (с международным участием) археологическая конференция.

Организатором конференции выступило ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ), соорганизатором – ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (ООО «ТНИИР-Центр»).

На конференции работали две секции: «Каменный век – Раннее Средневековье» и «Ранний железный век – Новейшее время». На пленарном и заключительном заседаниях и на заседаниях секций было заслушано и обсуждено 98 докладов 117 авторов.

Основная тема конференции – «Тверская земля и «сопредельные территории» от каменного века до Новейшего времени. «Сопредельность территорий» в археологическом аспекте». Эта тема нашла отражение в докладах на пленарном и секционных заседаниях. Участники конференции отмечают определённую новизну и перспективность такой постановки вопроса о связях населения отдалённых друг от друга территорий, их освоении и развитии в различные эпохи.

Проблематика выступлений на конференции, сгруппированных по отдельным тематическим блокам, охватывала современные комплексные методы изучения и датирования археологических памятников и материалов, анализ и классификацию предметов материальной культуры различных эпох, духовную сторону жизни людей (искусство и верования, погребальный обряд в его развитии в различных человеческих сообществах), архитектурно-археологические исследования, экспериментальные работы. Были представлены результаты новейших исследований археологических памятников.

Значительное количество докладов было посвящено исследованиям в г. Твери и в Тверской области.

На конференции было отмечено, что в настоящее время Тверская область входит в тройку лидеров в Российской Федерации как по количеству обнаруженных археологических объектов, так и по объёмам проводимых, прежде всего охранно-научных, археологических работ.

Хронологические рамки сделанных на конференции докладов – палеолит – Новейшее время, территориальные – тундровая, лесная и лесостепная зоны Восточной Европы, Зауралье и Западная Сибирь.

В конференции в качестве докладчиков приняли непосредственное участие 76 иногородних археологов и специалистов смежных дисциплин из 24 городов России, представлявших 47 организаций и учреждений (институты Российской и республиканских академий наук, вузы, музеи, государственные органы охраны культурного наследия, научно-исследовательские институты и центры), а также из Эстонии и Финляндии и большой отряд тверских археологов (29 докладчиков из 4 организаций).

Исходя из катастрофической ситуации с охраной и сохранением археологического наследия народов России, сложившейся в последнее десятилетие, участники конференции присоединились к Обращению археологического сообщества в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации в поддержку принятия поправок в действующее законодательство в части пресечения разграбления и уничтожения археологических объектов, являющихся порой единственным источником информации о прошлом.

Участники конференции отмечают высокий уровень организации конференции, представленных докладов, полноценное доброжелательное и конструктивное обсуждение на конференции результатов исследований, участие в конференции как уже состоявшихся, так и только начинающих научный путь исследователей.

Материалы, представленные на конференции, предполагается издать в 10-м выпуске Тверского археологического сборника в 2014–2015 гг.

Участники конференции считают необходимым продолжить работу ежегодных тверских научных семинаров «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (ГБУК ТГОМ) и «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья» (ООО «ТНИИР-Центр»).

Рассматривая тверские научные форумы как существенный вклад в археологическое изучение территории не только России, но и зарубежных стран, участники конференции уверены, что их проведение и публикация материалов заслуживают грантовой поддержки российских научных фондов, в том числе РГНФ и РФФИ, а также руководства Тверской области и г. Твери.

Принята за основу на заключительном заседании
V Тверской (с международным участием)
археологической конференции.
г. Тверь, 30 марта 2013 г.

Обсуждена, доработана и одобрена участниками конференции
в апреле 2013 г. по электронной почте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

абс.	– абсолютная
авт.	– автор
автореф.	– автореферат
АИС	– Автоматизированная информационная система
акад.	– академик
АКР	– Археологическая карта России. Москва
АМС	– ускорительная масс-спектрометрия
АН	– Академия наук
англ.	– английский
АО	– Археологические открытия. Москва
б.	– бывшего
биол.	– биологических
Б/м, б/м	– без масштаба
Б/н, б/н	– без номера
БОУ ДОД ВО	– Бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей Вологодской области
БСЭ	– Большая Советская энциклопедия
В	– восток
в.	– век
вед.	– ведущий
ВКМ	– Вытегорский краеведческий музей (г. Вытегра, Вологодская область)
в.н.с.	– ведущий научный сотрудник
Вып.	– выпуск
г, гр.	– грамм
г.	– год; город
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры (Ленинград; Москва)
ГБУ	– Государственное бюджетное учреждение
ГБУК	– Государственное бюджетное учреждение культуры
геогр.	– географическая; географических
ГИМ	– Государственный Исторический музей (Москва)
ГИН	– Геологический институт РАН (АН СССР) (Москва). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
ГИС	– Географическая информационная система
гл.	– глубина; главный
гос.	– государственный
ГОСТ	– Государственный стандарт
губ.	– губерния
ГЭС	– гидроэлектростанция
Д	– диаметр
Д.	– дело
д.	– деревня; дом
д.г.н.	– доктор географических наук
д.и.н.	– доктор исторических наук
дис.	– диссертация
дл.	– длина
докт.	– доктор
доп.	– дополненное
др.	– другое; другие
ед.	– единица
Ед. хр.	– единица хранения
ж/дороги	– железной дороги
З	– запад
зав.	– заведующий

зам.	– заместитель
ЗАО	– Закрытое акционерное общество
засл.	– заслуженный
ИА	– Институт археологии РАН (АН СССР) (Москва)
ИвГУ	– Ивановский государственный университет (Иваново)
изд.	– издание
ИИМК	– Институт истории материальной культуры АН СССР и РАН (Санкт-Петербург)
Ил., ил.	– иллюстрация
им.	– имени
инв.	– инвентарный
испр.	– исправленное
ист.	– исторических
ИЯЛИ	– Институт языка, литературы и истории
к.	– кандидат
кал.	– калиброванная (дата)
канд.	– кандидат
КарНЦ	– Карельский научный центр
кв.	– квадрат, квадратный, квадратных
к.г.-м.н.	– кандидат геолого-минералогических наук
к.г.н.	– кандидат географических наук
к.и.н.	– кандидат исторических наук
Кл.	– коллекция
км	– километр
км ²	– квадратный километр
Кн.	– книга
коммент.	– комментарий
кон.	– конец
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
куб.	– кубический
к.философ.н.	– кандидат философских наук
л.	– лет
Л.	– Ленинград; лист
ЛЕ, Ле	– Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
л.н.	– лет назад
м	– метр
м ²	– квадратный метр
М.	– Москва
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Ленинград; Санкт-Петербург)
МБОУ	– Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
МБС	– микроскоп бинокулярный стереоскопический
МБУ	– Муниципальное бюджетное учреждение
МГУ	– Московский государственный университет: Первый; им. М.В. Ломоносова (Москва)
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИМ	– микроскоп инвертированный металлографический
МИФЛИ	– Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (Москва)
мл	– миллилитр
мм	– миллиметр
м.н.с.	– младший научный сотрудник
МОУ	– Муниципальное образовательное учреждение

МУ	– Муниципальное учреждение
н.	– наук
Наб., наб.	– набережная
нач.	– начало; начальник
НВ	– научно-вспомогательный
Н.В.	– натуральная величина
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НКП (Наркомпрос)	– Народный Комиссариат Просвещения
НП	– Некоммерческое партнёрство; Научно-производственный
НПО	– Научно-производственное объединение
НППП	– Научно-производственное (проектное) реставрационное предприятие
НПФ	– Научно-производственная фирма
н.с.	– научный сотрудник
н.э.	– наша (новая) эра
обл.	– область
оз.	– озеро
ок.	– около
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
ОПИ	– Отдел письменных источников (ГИМ, Москва)
Отв.	– ответственный
п.	– посёлок
Пг.	– Петроград
п.г.т.	– посёлок городского типа
пер.	– перевод
пол.	– половина
пос.	– посёлок; поселение
посл.	– последний
пр., проч.	– прочее
прил.	– приложение
пр-т, пр.	– проспект
Публ.	– публикация
Р.; Р	– Раздел; разряд; раскоп
р.	– река
РА	– Российская археология. Москва
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (Москва)
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
РГПУ им. Герцена	– Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Ред., ред.	– редактор, редакция, редакцией
РИА	– Российское информационное агентство
Рис., рис.	– рисунок
р-н, р-не, р-нах	– район, районе, районах
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб.	– рубеж
РФ	– Российская Федерация
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований (Москва)
С	– север
с.	– село; страница
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников. Москва; Ленинград
САК	– Северный археологический конгресс
сер.	– середина
см	– сантиметр

см.	– смотри
СНГ	– Союз Независимых Государств
с.н.с.	– старший научный сотрудник
СО	– Сибирское отделение (РАН)
СОАН	– Институт геологии, геофизики и минералогии Сибирского отделения РАН (АН СССР) (Новосибирск). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Сост., сост.	– составитель, составители
СОШ	– средняя общеобразовательная школа
СПб.	– Санкт-Петербург
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)
СПУТД	– Санкт-Петербургский университет технологии и дизайна (Санкт-Петербург)
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ССР	– Советская Социалистическая Республика
ст.	– старший
с.ш.	– северной широты
США	– Соединённые Штаты Америки
СЭ	– Советская этнография. Москва
Т.	– том
Табл., табл.	– таблица
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь
ТАССР	– Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. Москва
ТГОМ	– Тверской государственный объединённый музей (Тверь)
т.д.	– так далее
т.е.	– то есть
тел.	– телефон
т.н.	– так называемый; тому назад
т.п.	– тому подобное
ТСА	– Труды секции археологии (РАНИОН). Москва
Тр.	– Труды
т.ч.	– том числе
тыс.	– тысячелетие
УАЭ	– Уральская археологическая экспедиция
ул.	– улица
УОЛЕ	– Уральское общество любителей естествознания
УрО	– Уральское отделение (РАН)
усл. п. л.	– условный печатный лист
Ф.	– фонд
ФГБУК	– Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
ФГБУН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
фин.	– финский
фр.	– фрагмент; французский
цит.	– цитируется
Ч.	– часть
четв.	– четверть
шир.	– ширина
шт.	– штука
экз.	– экземпляр
Ю	– юг
ЮАР	– Южно-Африканская Республика
ЮНЕСКО	– Организация Объединённых Наций по вопросам просвещения, науки и культуры
Вип.	– выпуск (выпуск)
РСР	– Радянська Соціалістична Республіка (Советская Социалистическая Республика)
АА	– NSF Arizona AMS Laboratory. The University of Arizona (Tuscon, USA). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов

AAL	– Acta Archaeologica Lundensia. Stocholm, Sweden
AAR	– Aarhus Universitet – Университет г. Орхус (Дания). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
AD	– Anno Domini – от Рождества Христова (новая эра)
AMS	– Accelerator Mass Spectrometry
Ap., Apt.	– Apartment (комната, квартира)
Ave.	– Avenue (проспект)
B, v.	– Band (том)
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
BC, B.C.	– Before Christmas – до Рождества Христова (до новой эры)
Beta	– Beta Analytic (Майами, США). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
BP	– Before Present (до наших дней)
c, c.	– cirka (латинский) – около, приблизительно
°C	– градус по Цельсию
C14, ¹⁴ C	– углерод 14 (радиоуглеродный анализ)
Cal, cal, cal.	– calibrated (date) (калиброванная дата)
cm	– centimetre (сантиметр)
CNA	– Национальный центр атомных исследований (Севилья, Испания). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Coll.	– collection (коллекция)
DC	– District of Columbia (Колумбия, США)
Dr.	– doctor (доктор)
E	– East (восток)
ekr.	– ennen Kristusta (до Рождества Христова)
Ed., ed., eds	– editor (редактор), editors (редакторы)
Emb.	– ember (набережная)
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
ESR	– Electron-spin resonans (электронный парамагнитный резонанс)
etc	– et cetera (и так далее)
FA	– Fennoscandia Archaeologica. Helsinki
fig.	– figurine (рисунок)
GIS	– Geografic Information System (Географическая информационная система)
GrA	– Rijkuniversiteit Groningen–Centrum voor Isotopen Onderzoek. Гронингенский университет (Нидерланды). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
habil. (Dr.)	– habilitatus (к учёной степени доктор наук)
Hela	– Radiocarbon Laboratory of Helsinki University (Helsinki, Finland). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
ill.	– illustration (иллюстрация)
INQUA	– International Quaternary Association (Международная ассоциация по изучению четвертичного периода)
ISKOS (SMFF ISKOS)	– Suomen Muinaismuistoyhdistys Finska Fornminnesföreningen. Helsingfors, Helsinki
Ki	– Institute of Radiogeochimistry of the Environment, Ukrainian National Academy of Sciences (Kiev, Ukraine). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
KIA	– Leibniz Labor für Altersbestimmung und Isotopenforschung, Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, CAU (Университет им. Кристиана Альбрехта. Киль, Германия). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
lk.	– lehekülj (страница)
km	– kilometre (километр)
KVHAA	– Kungliga Vitterhets Histori och Antikvitets Akademien
Ltd	– Limited – (Компания) с ограниченной ответственностью
m	– metre (метр)
MA	– Master of Arts (магистр искусств)
mill.	– millennium (тысячелетие)
N	– North (север)
n.	– number (номер)
n. Chr.	– nach Christi Geburt (до Рождества Христова)

NSV	– Nõnkogude Sotsialistlik Vabariik (Советская Социалистическая Республика)
p.	– page, puslapis (страница)
PACT	– Revue du Groupe europeen d'etudes pour les techn., phys., chim. et math. appliquees a l'archeologie
pl.	– plate (иллюстрация)
P. O.	– Post Office (почтовое отделение)
Poz.	– Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Poznań Radiocarbon Laboratory. Poznań, Poland. Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Prof.	– professor (профессор)
red.	– redactör (редактор)
S	– South (юг)
S., s.	– Seite, sivu, sida (страница)
s.	– sentury (столетие)
Ser.	– Series, serie (серия)
Spb.	– Лаборатория геохимии окружающей среды РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Sq.	– square (площадь)
sq.	– square (квадратный)
St.	– street (улица)
T.	– tome (том)
TA, Ta	– Institute of Zoology and Botany. Estonian Academy of Sciences (Тарту, Эстония). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
Tab., tabl.	– Tabelle, tabel, table (таблица)
toim.	– toimittaja (редактор)
Ua	– Svedberg Laboratori: Uppsala Tandem Accelerator Laboratory. Университет г. Уппсала (Швеция). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
USA	– Unated States of America (Соединённые Штаты Америки)
USSR	– The Union of Soviet Socialist Republics – Союз Советских Социалистических Республик
Vol., V.	– volume (выпуск)
W	– West (запад)

**Государственное бюджетное учреждение культуры
Тверской области «Тверской государственный
объединённый музей» (ГБУК ТГОМ)**

**приглашает посетить филиалы объединения,
в составе стационарных экспозиций которых
имеются археологические разделы, отражающие
древнейшее прошлое конкретных регионов области:**

- 1. Весьегонский краеведческий музей**
171720, Тверская обл., г. Весьегонск, ул. К. Маркса, д. 97.
Тел. (8-48-264) 2-11-11.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1992 г.
- 2. Ворошиловский краеведческий музей**
172796, Тверская обл., Пеновский р-н, д. Ворошилово.
Тел. (8-48-230) 3-17-21, 3-17-34.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1989, 1995 гг.
- 3. Вышневолоцкий краеведческий музей**
171163, Тверская обл., г. Вышний Волочёк, Казанский пр-т, д. 63–65.
Тел. (8-48-233) 6-13-23.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, к.и.н. И.В. Исланова. 2011 г.
- 4. Зубцовский краеведческий музей**
172332, Тверская обл., г. Зубцов, наб. Вазузы, д. 18.
Тел. (8-48-262) 2-12-43.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1988 г.
Реэкспозиция – И.Н. Черных. 2010 г.
- 5. Калязинский краеведческий музей**
171571, Тверская обл., г. Калязин, ул. Ногина, д. 1.
Тел. (8-48-249) 2-94-37.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, А.Н. Хохлов. 1987, 1991 гг.
- 6. Кимрский краеведческий музей**
171506, Тверская обл., г. Кимры, ул. Урицкого, д. 8.
Тел. (8-48-236) 3-27-43, 3-12-67.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1990 г.
- 7. Конаковский краеведческий музей**
171255, Тверская обл., г. Конаково, пр. Ленина, д. 23.
Тел. (8-48-242) 4-14-49.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1990 г.
- 8. Краснохолмский краеведческий музей**
171660, Тверская обл., г. Красный Холм, ул. Коммунистическая, д. 21.
Тел. (8-48-237) 2-27-11, 2-52-46.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1994 г.
Реэкспозиция – И.Н. Черных, к.и.н. И.В. Исланова. 2011 г.
- 9. Карельский национальный краеведческий музей**
171210, Тверская обл., г. Лихославль, ул. Советская, д. 34.
Тел. (8-48-261) 3-50-56.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1995 г.
- 10. Осташковский краеведческий музей**
172735, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, д. 19.
Тел. (8-48-235) 5-16-46, 5-10-24.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1986, 2009 гг.
- 11. Тверской областной краеведческий музей – головное учреждение объединения**
(основан в 1866 г. как историко-археологический музей)
170100, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.
Тел. (8-4822) 34-51-27 (приёмная генерального директора объединённого музея), факс 34-37-90;
тел./факс 35-79-97 (отдел археологии объединённого музея); тел. 34-77-76 (сектор хранения
археологических материалов отдела фондов объединённого музея). E-mail: archaeology_tver@mail.ru

Автор археологических разделов экспозиции (территория современной Тверской области с финального палеолита до средневековья: X тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.) И.Н. Черных. 1996 г.
С 2014 г. экспозиция закрыта в связи с ремонтом здания музея.

12. Удомельский краеведческий музей

171850, Тверская обл., г. Удомля, ул. Энергетиков, д. 2.

Тел. (8-48-255) 5-04-60.

Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 2002 г.

Экспозиции музеев открыты для посещения ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Археологические коллекции, в том числе значительные, кроме головного музея объединения, содержащего в своих фондах основные материалы из археологических исследований на территории Тверской области, имеют Вышневолоцкий, Кимрский, Старицкий, Торопецкий, Кашинский, Весьегонский, Краснохолмский, Бежецкий, Калязинский, Конаковский, Осташковский, Ворошиловский музеи – филиалы ТГОМ.

ГБУК Тверской области

«Тверской государственный объединённый музей»

на основе договоров с юридическими и физическими лицами осуществляет различные археологические исследования:

полевые – разведывательные работы, обследование земельных участков, в т.ч. в рамках историко-культурной (археологической) экспертизы, инвентаризация и мониторинг памятников археологии, наблюдения при проведении земляных работ на объектах культурного наследия и в их охранных зонах, раскопки археологических памятников всех эпох как в Тверской области, так и на сопредельных территориях;

камеральные – реставрация археологических керамики и металла;

разработка историко-археологических опорных планов;

разработка разделов по сохранению культурного (археологического) наследия в составе проектной документации;

подготовка и оформление археологических экспозиций.

Адрес отдела археологии ГБУК ТГОМ: 170006, г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15.

Телефоны для справок: (8-4822) 35-79-97 (тел., факс), 34-77-76.

E-mail: archaeology_tver@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию Игоря Николаевича Черных	5
Калинина И.В. Интерпретация археологических артефактов и мировоззренческая концепция жизни-смерти	7
Синицына Г.В. О финальном палеолите на Валдайской возвышенности (дискуссионные вопросы)	11
Косинская Л.Л. О характере культуруогенеза в неолите лесного Зауралья и Западной Сибири: источники и интерпретации (к постановке проблемы)	24
Хорошун Т.А. К вопросу о хронологии и периодизации памятников с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой западного побережья Онежского озера	34
Скоробогатов А.М. О финальной дате неолита Донской лесостепи	42
Разгильдеева И.И. Археологические материалы категории «микро»: анализ и интерпретация хозяйственных структур древних поселений	46
Хрусталёва И.Ю. Организация неолитических поселений Сертея 3-3 и Сертея XIV с учётом особенностей природного ландшафта	56
Жилин М.Г. Результаты разведки на торфянике Оршинский Мох в 2014 году	59
Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е., Лаптева Е.Г., Чернов А.В. Междисциплинарные исследования в районе Чашкинского озера (Верхнее Прикамье): палеоэкологический аспект	66
Недомолкина Н.Г., Пицонка Х., Лоренц С., Шмёлке У. Новые археологические, остеологические и геоморфологические исследования на комплексе многослойных поселений Вёкса в бассейне Верхней Сухоны	74
Лозовский В.М., Лозовская О.В., Зайцева Г.И. Хронология деревянных рыболовных сооружений мезолита – неолита на стоянке Замостье 2	85
Лисицын С.Н., Тарасов А.Ю., Цветкова Н.А., Бельский С.В., Бессуднов А.А. Стоянки раннего мезолита вблизи озера Боровское на Карельском перешейке	91
Андреанова Л.С., Васильева Н.Б., Митрофанов В.К. Многокомплексный памятник Устье Шолы-1 на Белом озере	109
Аверин В.А., Аверина А.В. Неолитическая стоянка Мыт 1 в Верхнеландеховском районе Ивановской области	124
Аверин В.А., Аверина А.В. Памятники неолита в восточной части Федерального Клязьминского заказника	134
Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Батуева Н.С. Чашкинское Озеро Ша – новый неолитический памятник на восточном берегу Чашкинского озера	154
Сурков А.В. Стоянка Ступино – новый раннеолитический памятник на Верхнем Дону	168
Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н. Поселение Васильевский Кордон 21 в Добровском районе Липецкой области	174
Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Каентубинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований 2005 г.)	184
Крийска А., Нордквист К., Герасимов Д.В., Санделл С. Новые исследования памятников со шнуровой керамикой в Нарвско-Лужском междуречье, в пограничье России и Эстонии	195
Азаров Е.С. Карта археологических памятников с «текстильной» керамикой позднего периода эпохи бронзы Окского бассейна	204
Сидоров В.В. «Эфемерная керамика» и особенности её учета	213
Калинина И.В. Антропология движения и технологическая традиция	219
Хлодницки М. Неолитическая керамика из памятника в Кадеро (Судан)	235
Нордквист К. Неолитическая керамика в Финляндии: терминология, хронология, распространение	249
Андреев К.М., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королёв А.И., Сидоров В.В. Раннеолитический керамический комплекс стоянки Утюж I (по материалам раскопок 2011–2012 годов)	266
Хорошун Т.А. Об изучении орнамента на ромбоямочной керамике (по материалам памятников западного побережья Онежского озера)	275

Скочина С.Н. Экспериментально-трассологический анализ орудий керамического производства	282
Скоробогатов А.М. Изделия из кости с памятников неолита – энеолита Среднего Подонья	291
Сериков Ю.Б., Тупиков И.Н. К вопросу о химическом размягчении кости в древности	304
Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на Средней Вычегде	313
Викторова В.Д., Сериков Ю.Б. Микролитические комплексы на острове Каменные палатки (Среднее Зауралье)	325
Цветкова Н.А. Скрёпки в раннем неолите Верхневолжского региона (сравнительная характеристика)	343
Желтова М.Н., Гусенцова Т.М., Кулькова М.А. Каменный инвентарь неолита и эпохи раннего металла памятника Охта 1 в Санкт-Петербурге (2008–2009 гг.)	362
Тарасов А.Ю., Костылёва Е.Л. Рубящие орудия из волосовских комплексов сахтышских стоянок. Техничко-типологический и планиграфический анализ	375
Усачёва И.В. Выпрямители древков стрел Северной Евразии (неолит – энеолит)	407
Сериков Ю.Б. К вопросу об утилитарном и сакральном назначении так называемых утюжков	418
Трусов А.В. О возможных следах тотемизма на Зарайской палеолитической стоянке	428
Витенкова И.Ф. Цвет жизни – красный: использование минеральных красок древним населением Карелии	434
Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном использовании акватории озёр и рек	440
Савченко С.Н., Юрин В.И., Жилин М.Г. Летящая стрела – летящая птица (костяные наконечники стрел со скульптурным изображением на острие)	447
Кашина Е.А. Кремнёвая антропоморфная скульптура без рук в центре Русской равнины	462
Шипилов А.В. Мелкая кремнёвая пластика Каентубинской островной стоянки	468
Иванищева М.В., Кашина Е.А. Наборы неолитической глиняной скульптуры на памятниках Южного Прионежья	474
Панина С.Н. Культовая пластика из раскопок Усть-Вагильского холма	481
Сериков Ю.Б. Об одном из признаков статусных изделий	492
Печурина О.А. К вопросу об орнаментации костяных изделий льяловской культуры	505
Горячёв С.В. Атрибуты ведических богов в петроглифах Фенноскандии и Карелии	518
Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Василий Алексеевич Городцов и его дневники	524
Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. В.А. Городцов в годы Первой мировой войны: научная, музейная и преподавательская деятельность	533
Черных И.Н. V Тверская археологическая конференция	542
Участники V Тверской (с международным участием) археологической конференции	545
Программа V Тверской (с международным участием) археологической конференции	550
Резолюция V Тверской (с международным участием) археологической конференции	555
Список сокращений	556
Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ): археологические экспозиции, исследования	562

CONTENTS

On the 60th Anniversary of Igor Nikolaevich Tchernykh	5
Kalinina I.V. Interpretation of Archaeological Artifacts and Cognitive Concept of Life-Death	7
Sinitsyna G.V. About a Final Palaeolithic on Valday Hills (Debatable Questions)	11
Kosinskaya L.L. On the Character of Culturogenesis in the Neolithic of Forest Trans-Urals and Western Siberia: Sources and Interpretations (to the Posing of a Problem)	24
Khoroshun T.A. To the Question about Chronology and Periodization of Monuments with Pit-comb, Comb-pit and Rhombpit Ceramics on the West Coast of Lake Onega	34
Skorobogatov A.M. On the Final Date of the Neolithic of the Don Forest-Steppe Zone	42
Razgil'deeva I.I. Archaeological Materials of the «Micro» Category: Analysis and Interpretation of Economic Structures of Ancient Settlements	46
Khrustalyeva I.Yu. The Organization of the Neolithic Settlements Serteya 3-3 and Serteya XIV with the Consideration of Features of Natural Landscape	56
Zhilin M.G. The Results of the Exploration of the Orshinsky Mokh Peat-bog in 2014	59
Lychagina E.L., Zaretskaya N.E., Lapteva E.G., Chernov A.V. Interdisciplinary Researches Near the Chashkinskoye Lake (the Top Prikam'ye): Palaeoecological Aspect	66
Nedomolkina N.G., Piezonka H., Lorenz S., Schmölcke U. New Archaeological, Osteological and Geomorphological Investigations at the Complex of Stratified Settlements of Vyeksa in the Upper Sukhona Basin	74
Lozovski V.M., Lozovskaya O.V., Zaytseva G.I. The Chronology of Wooden Fishing Constructions of Mesolithic – Neolithic in Zamostje 2 Site	85
Lisitsyn S.N., Tarasov A.Yu., Tsvetkova N.A., Belsky S.V., Bessudnov A.A. The Early Mesolithic Sites Near Borovskoye Lake in the Karelian Isthmus	91
Andrianova L.S., Vasil'eva N.B., Mitrofanov V.K. The Multicomplex Monument Shola Mouth-1 on Lake Beloye	109
Averin V.A., Averina A.V. The Neolithic Site Myt 1 in the Verkhnelandekhovskiy District of the Ivanovo Region	124
Averin V.A., Averina A.V. Monuments of the Neolithic of Eastern Part of the Federal Klyaz'minsky Wildlife Reserve	134
Lychagina E.L., Mitroshin E.N., Batueva N.S. The Chashkinskoye Lake IIIa – a New Neolithic Monument on East Coast of the Chashkinskoye Lake	154
Surkov A.V. Stupino Site – the New Early Neolithic Monument on the Upper Don	168
Smol'yaninov R.V., Bessudnov A.N. Settlement Vasil'yevskiy Cordon 21 in the Dobrovskiy District of the Lipetsk Region	174
Chizhevskiy A.A., Shipilov A.V., Kaplenko N.M. Kaentubinskaya Island Site of the Neolithic – the Late Period of the Bronze Age (Based on the Research of 2005)	184
Kriiska A., Nordqvist K., Gerasimov D.V., Sandell S. New Research of Corded Ware Settlements in Narva – Luga Interfluve, Russian – Estonian Border Area	195
Azarov E.S. The Map of Archaeological Monuments with «Textile» Ceramics of the Late Period of Bronze Age in the Oka Basin	204
Sidorov V.V. «Ephemeral Ceramics» and the Peculiarities of Its Accounting	213
Kalinina I.V. Anthropology of Movement and the Technological Tradition	219
Chlodnitski M. Neolithic Pottery from Kadero (Sudan)	235
Nordqvist K. Neolithic Pottery in Finland: Terminology, Chronology and Distribution	249
Andreev K.M., Berezina N.S., Berezin A.Yu., Vybornov A.A., Korolyev A.I., Sidorov V.V. The Early Neolithic Ceramics Complex Site Utyzh I (Based on Excavations of the 2011–2012)	266
Khoroshun T.A. About Studying the Ornament on Rhombpit Ceramics (On Materials of Monuments of Lake Onega Western Coast)	275

Skochina S.N. Experimental Trace Evidence Analysis of Ceramic Tools	282
Skorobogatov A.M. Bone Ware from the Neolithic – Aeneolithic Monuments of the Middle Don	291
Serikov Yu.B., Tupikov I.N. About the Chemical Softening of Bones in the Ancient Times	304
Karmanov V.N. Thermal Treatment of Flint on Materials of Early Metal Age Settlement Ugdym I on the Middle Vychedga	313
Viktorova V.D., Serikov Yu.B. Microlithic Complexes on the Stone Tents (Kamennye Palatki) Island (The Middle Trans-Urals)	325
Tsvetkova N.A. Early Neolithic Scrapers of the Upper Volga Region (Comparative Analysis)	343
Zheltova M.N., Gusentsova T.M., Kul’kova M.A. Stone Inventory of the Neolithic and the Early Metal Age of the Monument Okhta 1 in Saint-Petersburg (2008–2009)	362
Tarasov A.Yu., Kostlyeva E.L. Cutting Tools from the Volosovo Complexes of Sakhtysh Sites. Technical, Typological, and Planigraphic Analysis	375
Usachyeva I.V. Arrow Shaft Straighteners of North Eurasia (Neolithic and Aeneolithic)	407
Serikov Yu.B. To the Question of Utilitarian and Sacral Purpose of So-called «utyuzhki»	418
Trusov A.V. About the Possible Traces of Totemizm on Zaraysk Palaeolithic Site	428
Vitenkova I.F. The Color of Life is Red: the Use of Mineral Paints by the Ancient Population of Karelia	434
Serikov Yu.B. To the Question of the Sacral Use of the Water Area of Lakes and Rivers	440
Savchenko S.N., Yurin V.I., Zhilin M.G. The Flying Arrow – The Flying Bird (Bone Arrowheads with the Sculptural Image on the Edge)	447
Kashina E.A. Anthropomorphic Flint Sculptures without Arms in the Russian Plain Central Part	462
Shipilov A.V. The Small Flinty Plastics of Kaentubinskaya Island Site	468
Ivanischeva M.V., Kashina E.A. Sets of Neolithic Ceramic Figurines of the Onega Lake Southern Shores Sites	474
Panina S.N. Cult Plastics from Excavation of the Ust’-Vagil’sky Hill	481
Serikov Yu.B. On One of the Features of Status Articles	492
Pechyurina O.A. To the Question of the Ornamentation of Bone Artifacts of L’yalovo Culture	505
Goryachyev S.V. Attributes of Vedic Gods in Petroglyphs of Fennoscandia and Karelia	518
Belozyerova I.V., Kuzminykh S.V. Vasiliy Alekseevich Gorodtsov and His Diaries	524
Kuzminykh S.V., Belozyerova I.V. V.A. Gorodtsov during World War I. Scientific, Museum and Teaching Activity	533
Tchernykh I.N. The Vth Tver Archaeological Conference	542
Participants of the Vth Tver Archaeological Conference	545
Programme of the Vth Tver Archaeological Conference	550
Resolution of the Vth Tver Archaeological Conference	555
List of Abbreviations	556
The State Budget Institution of Culture of the Tver Region «Tver State United Museum»: Archaeological Expositions and Investigations	562

Тверской археологический сборник
Выпуск 10
Том I

Отв. редактор выпуска И.Н. Черных.

Технический редактор И.Н. Черных.

Корректоры: В.А. Румянцева, И.Н. Черных.

Компьютерный набор, вёрстка: Е.А. Иванова.

Оригинал-макет: Е.А. Иванова, И.Н. Черных.

Перевод на англ. язык, корректура:

П.О. Степанченко, Т.С. Санникова, В.А. Миловидов, И.Н. Черных.

ООО «Издательство «Триада».

170034, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 9, офис 508.

ИД № 06059 от 16.10.2001 г.

Подписано к печати 11.03.2015 г.

Формат бумаги 84×108^{1/16}.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Объём 35,5 усл. п. л.

Тираж 500 экз. Заказ № 7137. Цена свободная.

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru

